

Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки

ROLE OF MUSEUMS IN INFORMATION SUPPORT OF HISTORICAL SCIENCE

Автор-составитель Е.А. Воронцова

Ответственные редакторы
Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский

Москва
Moscow
2015

УДК 930.2; 069; 008; 004
ББК 79
Р68

*Издание осуществлено при поддержке
Общества друзей Исторического музея*

Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки:

Р68 сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. — М.: Этерна, 2015. — 752 с.

Role of Museums in Information Support of Historical Science: a collection of articles / Author-compiler E.A. Vorontsova; responsible editors L.I. Borodkin, A.D. Janovskiy. — Moscow: ETERNA, 2015. — 752 p.

ISBN 978-5-480-00300-0

Цель проекта — серии из трех сборников «Музеи — библиотеки — архивы в информационном обеспечении исторической науки» — заключается в описании поставленной проблемы в преломлении основных хранилищ исторических источников, выступающих в ипостаси музейных предметов, изданий, архивных документов. В сборниках рассматриваются: место музеев — библиотек — архивов в информационной инфраструктуре науки; репрезентация их информационного потенциала; их собрания, фонды как информационный ресурс; технологии извлечения информации из источников и то, что ИКТ дают науке и музеям — библиотекам — архивам; коммуникация научного сообщества и сообществ хранителей информации.

Первый сборник серии — «Музеи в информационном обеспечении исторической науки» — имеет международную составляющую (Казахстан, Польша). Его авторы — исследователи из 15 городов России: историки и музееведы, культурологи, искусствоведы, филологи, философы, экономисты, политологи; представители точных, естественных, технических, медицинских наук; известные и молодые ученые, методологи и музейщики-практики, сотрудники научных институтов и вузовской науки.

Адресован историкам, музееведам, а также тем, кого интересуют междисциплинарные исследования на стыке исторической науки с гуманитарными и иными науками, науковедением, информатикой.

**УДК 930.2; 069; 008; 004
ББК 79**

© Е.А. Воронцова, авт.-сост., 2015
© Авторы, 2015
© Издательство «Этерна», оформление,
2015

ISBN 978-5-480-00300-0

ПРОЕКТ

Роль музеев – библиотек – архивов в информационном обеспечении исторической науки

Автор проекта: канд. ист. наук, старший науч. сотр. (ученое звание), научный редактор (высшая категория сложности), зав. сектором издательских проектов Государственного литературного музея *Евгения Александровна Воронцова*

Партнеры

Ассоциация «История и компьютер»
Российское общество интеллектуальной истории
Институт истории СО РАН
Научный совет по музеям СО РАН
Институт археологии РАН
Институт российской истории РАН
Государственный исторический музей
Государственный литературный музей
Библиотека по естественным наукам РАН
Государственная публичная историческая библиотека России
Архив РАН
Научно-образовательное культурологическое общество России
Кафедра музеологии Факультета истории искусства РГГУ
Исследовательская группа «Российская музейная энциклопедия»
Общество друзей Исторического музея

Информационные партнеры

Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории
Историческая информатика
Научно-педагогическая школа источниковедения – сайт Источниковедение.ru

При подготовке издания по инициативе автора проекта проведены:

Секция «Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки» на II Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» – при поддержке **Института истории СО РАН** и **Научного совета по музеям СО РАН** (1 октября 2014 г., Новосибирск)

Научно-практический семинар «Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки» – при поддержке **Государственного исторического музея** и **Государственного литературного музея** (24–25 марта 2015 г., Москва, ГИМ; посвящен Году литературы в России)

Редакционная коллегия серии

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ. Президент Российского общества интеллектуальной истории, главный редактор журнала «Диалог со временем». Председатель редколлегии, главный редактор серии

Афанасьев Михаил Дмитриевич, кандидат педагогических наук, директор Государственной публичной исторической библиотеки России

Афиани Виталий Юрьевич, почетный член Российской академии художеств; кандидат исторических наук, директор Архива РАН, заведующий кафедрой археологии Историко-архивного института РГГУ. Член Бюро Отделения историко-филологических наук и Музейного совета РАН

Бак Дмитрий Петрович, директор Государственного литературного музея

Бородкин Леонид Иосифович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики, заместитель декана исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Гайдуков Петр Григорьевич, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии РАН

Каленов Николай Евгеньевич, доктор технических наук, профессор, директор Библиотеки по естественным наукам РАН, ведущий научный сотрудник Межведомственного суперкомпьютерного центра РАН

Кондаков Игорь Вадимович, доктор философских наук, академик РАН, профессор кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания. Вице-президент Научно-образовательного культурологического общества (НОКО) России, председатель Научной коллегии НОКО, заместитель председателя Научного совета РАН «История мировой культуры».

Определёнов Владимир Викторович, заместитель директора по информационным технологиям Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, член Президиума АДТИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»)

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН

Шелегина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, заместитель председателя Научного совета по музеям СО РАН, секретарь Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ ЮНЕСКО

Яновский Андрей Дмитриевич, кандидат исторических наук, заместитель директора Государственного исторического музея по научной работе

Автор проекта и авторы сборника благодарят за поддержку издания президента Общества друзей Исторического музея
Алексея Алексеевича Бондарева

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора проекта</i>	13
Введение в проблему	17
<i>Каленов Н.Е.</i> Информационное обеспечение науки: современные подходы	17
<i>Рашковский Е.Б.</i> Библиотека, архив, музей: наукотворческое призвание в эпоху электронных коммуникаций	25
<i>Воронцова Е.А.</i> Информационное обеспечение исторической науки и музеи — библиотеки — архивы как хранилища информации: теория, методология, практика	33
Музей в информационной инфраструктуре исторической науки	40
<i>Воронцова Е.А.</i> Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки	40
<i>Сапанжа О.С.</i> Историческая типология музеев и проблемы информационного обеспечения исторической науки	61
<i>Румянцева М.Ф.</i> Музейный предмет и музейная экспозиция в структуре актуального исторического знания	70
<i>Именнова Л.С.</i> Историческое пространство и музей	78
<i>Чувилова И.В.</i> История в музейном пространстве: <i>materia prima</i>	93
<i>Мастеница Е.Н.</i> История в музее: методология познания и репрезентации	102
<i>Минаков А.С.</i> Информационные и организационные ресурсы краеведческого музея как фактор развития исторической науки	117
<i>Попова С.М., Яник А.А.</i> О перспективах участия музеев в развитии цифровой инфраструктуры исторической науки	123
Музейное собрание как информационный ресурс исторической науки	136
<i>Ершова Г.Г., Шалыгина Н.В.</i> Музей-облако как особый информационный ресурс исторической науки: междисциплинарный подход	136
<i>Ершов И.Н. Н.Ф. Федоров</i> о месте и роли археологического наследия в музее	151
<i>Гайдуков П.Г.</i> Документальное наследие А.В. Орешникова в Государственном историческом музее	179
<i>Сиротина О.А.</i> Историографический взгляд на материалы семейных и личных архивов. Из опыта научно-исследовательского использования фонда Уваровых в собрании ГИМ	184
<i>Рубинина З.М.</i> Малоизвестные коллекции фотодокументов как информационный ресурс исторической науки (на примере коллекции фотографий фондово-экспозиционного отдела ГИМ «Музей В.И. Ленина»)	196
<i>Ненашева С.Н.</i> Собрание Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана Российской академии наук как информационный ресурс по истории российской науки и культуры	216

<i>Ермацанс И.А.</i> Исследования Естественно-научного музея РАН с целью сохранения природного наследия — информационный ресурс для исторической науки	226
<i>Кузыбаева М.П.</i> Фонды медицинского музея как информационный ресурс для изучения и преподавания истории медицины	236
<i>Назаров Л.С.</i> Систематизация фондов политехнического музея для удовлетворения запросов исследователей истории техники	244
<i>Тихонова А.В.</i> Собрание университетского музея как информационный ресурс по истории вузовской науки (на примере Смоленского государственного университета)	252
<i>Технологии извлечения информации из музейных предметов и их коллекций</i>	
<i>Никонова А.А.</i> Метаморфозы актуализации музейного предмета как исторического источника	263
<i>Решетников Н.И.</i> Письменный источник — музейный предмет — информация в контексте исторической науки	274
<i>Юмашева Ю.Ю.</i> Вещественные источники как «потенциальная источниковая база исторической науки»	290
<i>Петров Ф.А., Смирнова Л.И.</i> От атрибуции до публикации. Из опыта работы с документальными памятниками отдела письменных источников Государственного исторического музея (1978—2015)	308
<i>Уханова Е.В., Бережная М.А.</i> База данных водяных знаков средневековой бумаги Отдела рукописей Государственного исторического музея в рамках международного проекта «Бернштейн — память бумаги»: результаты сотрудничества и перспективы развития	328
<i>Сукина Л.Б.</i> О принципах археографического описания в историческом исследовании памятников художественной культуры русского средневековья из музейных собраний	339
<i>Ижевский П.В., Панова Т.Д., Федотов Ю.А., Шейно И.Н.</i> Рентгенофлуоресцентный анализ содержания металлов в останках людей средневековья (к вопросу о совершенствовании методов извлечения информации из музейных предметов)	349
<i>Дудкин С.М.</i> Реконструкция истории разработки в атомной отрасли отечественного персонального компьютера «Квант» на базе коллекций Технического музея НИИ измерительных систем им. Ю.Е. Седакова	365
<i>Рыбак К.Е.</i> Глобальная прозрачность: музейный предмет в цифровую эпоху	369
<i>Информационно-коммуникационные технологии для исторической науки и музея</i>	
<i>Гук Д.Ю., Определёнов В.В.</i> Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в межмузейных научных проектах: онтология и прогноз	374
<i>Бородкин Л.И.</i> Виртуальные реконструкции исторической городской застройки: новые технологии презентации музейных экспозиций	386

<i>Кулакова И.П.</i> Музейные ресурсы и невербальная информация как поле для историко-культурного исследования	395
<i>Бородин Л.И., Жеребятьев Д.И., Моор В.В., Мироненко М.С., Остапенко М.Ю.</i> Виртуальная реконструкция Страстной площади Москвы XVII—XIX веков как электронный цифровой архив	404
<i>Жеребятьев Д.И., Королева С.В., Демидов М.Ю., Дрыга Д.О., Морозова В.И., Пашковский Д.В.</i> Опыт реализации проекта по оцифровке музейных фондов с помощью технологий лазерного сканирования и фотограмметрии для проекта «Портал “Культура РФ”»	412
<i>Яловицына С.Э., Каюмова М.Р.</i> Ретрогеоинформация: метод исследования и перспективы использования в музейной экспозиции	419
<i>Ноль Л.Я.</i> Электронные страницы летописи Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина	427
<i>Тарумова Н.Т.</i> Интернет как инструмент репрезентации результатов исторических исследований, осуществленных на базе музейных собраний	434
<i>Каленов Н.Е., Соболевская И.Н., Сотников А.Н.</i> Интеграция музейной информации в электронную библиотеку «Научное наследие России»	445
Репрезентация информационного потенциала музеев	451
<i>Якимович А.К.</i> Искусствоведение между музеем и вербальным текстом	451
<i>Бак Д.П.</i> История литературы и литературный музей: закономерности взаимодействия	487
<i>Кондаков И.В.</i> Аккумуляция и репрезентация культурно-исторического наследия в музее	492
<i>Кряжевских М.Ю., Кардапольцева В.Н.</i> Способы экспонирования и интерпретации исторического материала в контексте литературного музея	520
<i>Куприянов П.С.</i> Историческая экспозиция глазами посетителя: к проблеме музейной реконструкции	530
<i>Черкаева О.Е.</i> Исторический музей как информационный центр и центр документирования	554
<i>Немчинов В.М.</i> Проблемы и перспективы музейной репрезентации исторического сознания: опыт творческой коммуникации	565
<i>Лермонтова Е.Н.</i> Музейная экспозиция в пространстве культуры и истории: границы инвариантности	587
<i>Адилбекова Т.Т.</i> Репрезентация истории Казахстана в экспозиции Национального музея	594
<i>Сальникова И.В.</i> Экспозиция Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН как форма репрезентации исторического знания	603
<i>Маркова С.В.</i> Образ врага в экспозиции провинциального музея (на примере Воронежского областного краеведческого музея). 1943—2013 гг.	615

Коммуникация научного и музейного сообществ: взаимосвязи и взаимоотторжения	625
<i>Сундиева А.А.</i> Историческая наука и исторические музеи: трехсотлетие сотрудничества	625
<i>Вернер В.</i> Музеи в контексте динамики социальной идентичности в Европе	635
<i>Быстрицкий Н.И.</i> Историческая визуализация в музейно-выставочной практике	645
<i>Комлев Ю.Э.</i> Информационные ресурсы музея в историко-культурном пространстве региона: коммуникационные аспекты	653
<i>Скрипкина Л.И.</i> Эволюция коммуникации научного и музейного сообществ на примере деятельности Научного совета исторических и краеведческих музеев Российской Федерации: взаимосвязи и взаимоотторжения	666
<i>Томилов Н.А.</i> Социальные функции и роль историко-краеведческих работ музеев (по материалам Омского региона)	679
<i>Шелегина О.Н.</i> Традиции и перспективы сибирских музеев по формированию и презентации информационного ресурса исторической науки	695
<i>Сизова И.А.</i> Энциклопедия «Музеи и музейное дело Томской области»: пример взаимодействия музеев и науки	713
<i>Юркин И.Н.</i> История каналостроения в России — проблемы неразрешимые или неразрешенные? Из опыта сотрудничества академического института и музея-заповедника	723
<i>Синельникова Е.Ф.</i> Формы взаимодействия музея и науки: Музей «Нарвская застава» и Российская академия наук	732
<i>Моклецова И.В.</i> Использование информационного потенциала музеев в подготовке специалистов по культуре	740
Сведения об авторах	745

CONTENT

<i>From Author of Project</i>	13
<i>Introduction to the Problem</i>	17
<i>Kalenov N.E.</i> Information Support of Science: Current Approaches	17
<i>Rashkovskiy E.B.</i> Library, Archive, Museum: Scientific and Scholarly Vocation in the Age of Electronic Communication	25
<i>Vorontsova E.A.</i> Information Support of Historical Science and the Museums – Libraries – Archives as Repositories of Information: Theory, Methodology, Practice	33
<i>A Museum in Information Infrastructure of Historical Science</i>	40
<i>Vorontsova E.A.</i> A Museum as a Basic Element of Information Infrastructure of Historical Science	40
<i>Sapanzha O.S.</i> Historical Typology of Museums and Problems of Information Support of Historical Science	61
<i>Roumiantseva M.F.</i> Museum Object and the Museum Exhibition in the Structure of Actual Historical Knowledge	70
<i>Imennova I.S.</i> Historic Space and Museum	78
<i>Chuvilova I.V.</i> History in the Museum Space: Materia Prima	93
<i>Mastenitsa E.N.</i> History in the Museum: Methodology of Knowledge and Representation	102
<i>Minakov A.S.</i> Informational and Organizational Resources of the Local Museum as a Factor of Development of Historical Science	117
<i>Popova S.M., Yanik A.A.</i> About the Prospects of Participation of Museums in Development of the Digital Infrastructure of the Historical Science	123
<i>A Museum Collection as an Information Resource of Historical Science</i>	136
<i>Ershova G.G., Shalygina N.V.</i> «Cloud Museum» as a Special Information Resource in Historical Science: Interdisciplinary Approache	136
<i>Ershov I.N.</i> N.F. Fedorov on a Place and Role of Archaeological Heritage in a Museum	151
<i>Gaidukov P.G.</i> The Documentary Heritage of A.V. Oreshnikov in the State Historical Museum	179
<i>Sirotnina O.A.</i> Historiographical Perspective on Documentation in Personal and Family Archives. Scientific Use of the Uvarov Family Archive in SHM	184
<i>Rubinina Z.M.</i> The Relatively Unknown Photographic Collections as an Informational Source of the Historical Science (for Example the Photographic Collection of State Historical Museum' Division «The Museum of Lenin»)	196
<i>Nenasheva S.N.</i> The Representation of Historical Events by the Archival Documents, the Objects of the Fersman Mineralogical Museum Collections	216

<i>Ermatsans I.A.</i> Researches of the Natural Science Museum of Russian Academy of Sciences for the Purpose of Preservation of Natural Heritage – Information Resource for Historical Science	226
<i>Kuzybaeva M.P.</i> Funds of the Medical Museum as the Information Resource for Studying and Teaching History of Medicine	236
<i>Nazarov S.L.</i> Systematization of the Polytechnic Museum Collections to Meet the Needs of Researchers of History of Technology	244
<i>Tikhonova A.V.</i> Collection of University Museum as the Informational Resources on History of University Science (as Exemplified by Smolensk State University)	252
<i>Technologies of Extracting Information from Museum Objects and Collections</i>	263
<i>Nikonova A.A.</i> Metamorphosis of Actualization of a Museum Exhibit as a Historical Source	263
<i>Reshetnikov N.I.</i> Written Source – a Museum Object – Information in Context of Historical Science	274
<i>Yumasheva J.J.</i> Material Historical Objects as «Potential Sources of Historical Science»	290
<i>Petrov F.A., Smirnova L.I.</i> From Attribution to Edition. Experience of Work with Documentary Memorials from the Written Manuscripts Department of the State Historical Museum	308
<i>Ukhanova E.V., Berezhnaja M.A.</i> Medieval Watermarks Database in the Manuscript Department of the State Historical Museum in the Context of the International Project “Bernstein – Memory of Paper”: the Results of Cooperation and the Development Prospect	328
<i>Sukina L.B.</i> On Principles of the Archeographic Description in Historical Study of Monuments of art Culture of Russian Middle Ages from Museum Collections	339
<i>Izhevskij P.V., Panova T.D., Fedotov J.A., Sheino I.N.</i> The XRF-analysis of metals in bone remains of medieval people (on the issue of perfection technique data mining from museum objects)	349
<i>Dudkin S.M.</i> Reconstruction of Elaboration History in Nuclear Industry of a Homeland Personal Computer “Quantum” on the Base of Collections of Technical Museum FNPTS NIIS Named after Yu.E. Sedakov	365
<i>Rybak K.E.</i> Global Transparency: a Museum Object in the Digital Age	369
<i>Information and Communication Technologies for Historical Science and Museum</i>	374
<i>Hookk D.Yu., Opredelenov V.V.</i> Information and Communication Technologies (ICT) in Inter-research Projects: Ontology and Forecast	374
<i>Borodkin L.I.</i> Virtual Reconstruction of Historical Urban Construction Development: New Technology of Museum Exhibitions Presentation	386
<i>Kulakova I.P.</i> Museum Resources and Non-verbal Information as a Field for Historical and Cultural Studies	395

<i>Borodkin L.I., Zherebyatiev D.I., Moor V.V., Mironenko M.S., Ostapenko M.Yu.</i>	
The Virtual Reconstruction of the Strastnaya Square in Moscow (17th – 19th cc.) as an Example of the Electronic Digital Archive	404
<i>Zherebyatiev D.I., Koroleva S.V., Demidov M.Yu., Drida D.O., Morozova V.I., Pashkovski D.V.</i>	
Experience of the Digitization of Museum Collections on the Basis of Laser Scanning and Photogrammetry for the Project «Portal of Culture of the Russian Federation»	412
<i>Ialovitsyna S.E., Kayumova M.P.</i>	
Retro Geo-information: Research Method and Perspectives of Usage in a Museum Exposition	419
<i>Nol L.Y.</i>	
Electronic Pages of the Annals of the State Museum of Fine Arts A.S. Pushkin	427
<i>Tarumova N.T.</i>	
Internet as a Tool of Representation of Results of Historical Research Carried out on the Basis of Museum's Collections	434
<i>Kalenov N.E., Sobolevskaya I.N., Sotnikov A.N.</i>	
Museum Data Integration in to the Digital Library “Scientific Heritage of Russia”	445
<i>Representation of Information Potential of Museums</i>	451
<i>Yakimovitch A.K.</i>	
Art History between the Museum and the Verbal Text	451
<i>Bak D.P.</i>	
History of Literature and Literary Museum: Patterns of Interaction	487
<i>Kondakov I.V.</i>	
Accumulation and Representation of Cultural Heritage in the Museum	492
<i>Kriazhevskikh M.Ju., Kardapoltseva V.N.</i>	
Methods of Exposure and Interpretation of Historical Material in the Context of a Literary Museum	520
<i>Kuprianov P.S.</i>	
Museum Visitor in Front of Historical Exposition: the Problem of Reconstruction	530
<i>Cherkaeva O.E.</i>	
Historical Museum as an Information and Documentation Center (Dokumentationszentrum)	554
<i>Nemchinov V.M.</i>	
Challenges and Opportunities in Museum Representation of Historical Consciousness	565
<i>Lermontova E.N.</i>	
Museum Exposition in Culture and History Space: Limits of Invariance	587
<i>Adilbekova T.T.</i>	
Representation of History of Kazakhstan in the Exposition of the National Museum	594
<i>Salnikova I.V.</i>	
The Exposition of a Museum of History and Culture of Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Department of RAS as a Form of Representation of Historical Knowledge	603
<i>Markova S.V.</i>	
The «Image of Enemy» in Provincial Museum's Exhibition (as Exemplified by Voronezh Region Local History Museum). 1943–2013	615
<i>Communication of Scientific and Museum Communities</i>	625
<i>Sundieva A.A.</i>	
Historical Science and Historical Museums: 300th Anniversary of Their Interaction	625
<i>Werner V.</i>	
Museums from the Perspective of Social Identity Transformations in Europe	635
<i>Bystritskiy N.I.</i>	
Historical Visualization in Museum and Exhibition Practice	645

<i>Komlev Y.E.</i> Museum Informational Resources in Historical and Cultural Fields of a Region: Communication Aspects	653
<i>Skripkina L.I.</i> Evolution of Communication of Scientific and Museum Communities as Exemplified by Activities of the Scientific Council for Historical and Local Lore Museums of the Russian Federation: Contacts and Mutual Rejection	666
<i>Tomilov N.A.</i> Social Functions and Role of Local History Works of Museums (Based on Materials of Omsk Region)	679
<i>Shelegina O.N.</i> Traditions and Perspectives of Siberian Museums on Formation and Presentation of Information Resource of Historical Science	695
<i>Sizova I.A.</i> Encyclopedia “Museums and Museum Affairs in Tomsk Region”: an Example of Interaction of Museums and Science	713
<i>Yurkin I.N.</i> A History of Construction of Channels in Russia – Unresolvable or Unresolved Problems? From Experience of Collaboration between an Academic Institute and Museum-reserve	723
<i>Sinelnikova E.F.</i> Forms of Interaction between Museum and Science: Museum «Narva Barrier» and Russian Academy of Sciences	732
<i>Mokletsova I.V.</i> Application of Information Potential of Museums in Training of Specialists in Culture	740
<i>About the Authors</i>	745

ОТ АВТОРА ПРОЕКТА

Серия из трех сборников «Музеи — библиотеки — архивы в информационном обеспечении исторической науки» задумана с целью описать проблему информационного обеспечения исторической науки в таком ее преломлении, как основные информационные ресурсы — хранилища исторических источников, выступающих в ипостаси музейных предметов, изданий, архивных документов.

Структура сборников будет единообразной, что сделает возможным сравнительный анализ этих хранилищ и, очевидно, откроет новые горизонты их использования в интересах науки.

Первым в каждом из сборников должен идти раздел «Введение в проблему», а далее музеи — библиотеки — архивы станут рассматриваться с таких точек зрения:

- в информационной инфраструктуре исторической науки;
- их собрания, фонды как информационный ресурс этой науки;
- технологии извлечения информации из музейных предметов — изданий — документов и их коллекций;
- информационно-коммуникационные технологии для исторической науки и музеев — библиотек — архивов;
- репрезентация их информационного потенциала;
- коммуникация научного сообщества и сообществ хранителей информации.

Сборник «Музеи в информационном обеспечении исторической науки» выстроен в соответствии с общим принципом.

Он в полном смысле этого слова является междисциплинарным. Наряду с историками и музейоведами, которые количественно преобладают, в числе его авторов — культурологи, искусствоведы, филологи, философы, экономисты, политологи, а также представители точных, естественных, технических, медицинских наук, что особенно ценно в контексте изучения истории науки и применения методов этих наук для извлечения информации из исторических источников.

Закономерно представительство Библиотеки по естественным наукам РАН, где не только была поставлена проблема информационного обеспечения науки, но и создана уникальная система, объединившая в единый информационный ресурс фонды нескольких десятков научных библиотек, где 30 лет действует специальный семинар.

Среди историков наиболее восприимчивыми к проблеме информационного обеспечения исторической науки оказались специалисты в области источниковедения и исторической информатики, археологи, этнологи, а также сотрудники музеев (поскольку их основная функция в качестве хранилищ источников информации — документирование исто-

рического процесса во всех его проявлениях). Статьи сотрудников Государственного исторического музея убедительно демонстрируют, что потенциал заложенной его основателями традиции скрупулезно исследовать источники и вводить их в научный оборот огромен и заслуживает всемерной поддержки и поощрения. Следствие серьезной работы по внедрению современных информационных технологий в музейную деятельность — статьи сотрудников ГМИИ им. А.С. Пушкина и Эрмитажа.

Проблема оказалась интересной для сотрудников музеев разных профильных групп и разной принадлежности (общегосударственных — Национальный музей Республики Казахстан, Государственный литературный музей, Политехнический музей, музей-заповедник «Московский Кремль»; региональных — Орловский краеведческий, Оренбургский изобразительных искусств, Объединенный писателей Урала; городских — «Нарвская застава»; и даже частных — «XX лет после Войны. Музей повседневной культуры Ленинграда 1945—1965 гг.»). Поняты интерес к ней в музеях, существующих в структуре РАН (музеи истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭ Сибирского отделения, исторического сознания Института востоковедения, Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана, Палеонтологического музея Амурского научного центра Дальневосточного отделения), научных институтов (Технический музей НИИ измерительных систем им. Ю.Е. Седакова и др.), вузов (музеи истории Петрозаводского и Смоленского университетов, Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко).

Особо следует отметить, что в сборнике представлены наиболее активно работающие музееведческие центры: профильные кафедры (Факультета истории искусства РГГУ, Института философии СПбГУ, Санкт-Петербургского и Московского гос. институтов культуры, Института искусств и культуры Томского госуниверситета); Научный совет по музеям Сибирского отделения РАН; Научный совет исторических и краеведческих музеев России и его Сибирский филиал; отделы в Институте археологии и этнографии СО РАН и Минералогическом музее им. А.Е. Ферсмана РАН; лаборатория в НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко.

Среди авторов (всего их около 80):

- известные и молодые ученые (член-корреспондент РАН, академик РАН, 18 докторов и 31 кандидат наук, аспиранты и магистранты);
- теоретики, методологи и музейщики-практики (27 сотрудников музеев, в том числе 8 сотрудников ГИМ);
- представители институтов системы РАН (институты: археологии, востоковедения, этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, социально-политических исследований, мировой экономики и международных отношений, истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова и его Санкт-Петербургский филиал; Межведомственный суперкомпьютерный центр; от Сибирского отделения — Институт истории, Институт археологии и этнографии и его Омский филиал), а также Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела и НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ; — представители вузовской науки (около 30 человек из 14 вузов: Университета им. А. Мицкевича, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, НИУ «Высшая школа экономики», Российской международной академии туризма, СПбГУ, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургского и Московского гос. институтов культуры, Петрозаводского, Смоленского и Томского госуниверситетов, Московского государственного университета геодезии и картографии и Уральского государственного горного университета).

Это — исследователи из 15 городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Благовещенска, Воронежа, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Орла, Оренбурга, Петрозаводска, Смоленска, Томска, Переславля-Залесского Ярославской обл., г. Химки Московской обл.

Сборник имеет и международную составляющую — авторы из Астаны (Казахстан) и Познани (Польша).

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

УДК 021:002.5

Н.Е. Каленов, N.E. Kalenov

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАУКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Information Support of Science: Current Approaches

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления работ, связанных с обеспечением ученых научной информацией, которое в области фундаментальной науки реализуют прежде всего научные библиотеки. Вводятся понятия «пассивные» и «активные» технологии. Первые включают традиционные библиотечные формы обслуживания, отвечающие конкретным запросам пользователей, вторые — активное распространение информации. Приводятся и рассматриваются на примере Библиотеки по естественным наукам РАН современные требования к процессам информационного обеспечения науки.

Abstract: The main areas of work related to the scientific information provision for scientists that is provided by libraries in the field of basic research. The concepts of “passive” and “active” technology are introduced. The first one includes traditional library services as such as literature retrieval using library catalogs, readers servicing etc., the second — the active dissemination of information. Library for Natural Sciences of RAS requirements to the information provision processes are presented and discussed as modern approaches example.

Ключевые слова: науковедение, научные библиотеки, информационные процессы, сетевые технологии, обслуживание, научно-техническая информация, «институты памяти».

Keywords: science of science, scientific libraries, information technologies, scientific information, library servicing.

Любое научное исследование как в естественных, так и в гуманитарных науках базируется на знаниях о текущем состоянии изучаемого объекта (будь то дифференциальные уравнения, физика плазмы, наноструктуры или история архитектуры). Эти знания отражаются в публикациях, причем сам факт опубликования результатов научных исследований в престижных рецензируемых изданиях свидетельствует о том, что данный результат заслуживает внимания. Таким образом, работа с публикациями является неотъемлемой частью научного исследования.

До начала XX в., когда наука была уделом избранных, каждому ученому не составляло большого труда ознакомиться с изданиями, связан-

ными с его научными интересами, число таких изданий по отдельным научным направлениям можно было пересчитать по пальцам. Информацию о том, что и где опубликовано, ученые зачастую получали в процессе переписки со своими коллегами. Нужные издания выписывались либо самими учеными, либо по их рекомендациям библиотеками. Библиотеки обеспечивали хранение и предоставление материалов.

С ростом объемов фондов в библиотеках возникла необходимость в создании справочного аппарата, позволяющего достаточно быстро найти и выдать читателю нужное ему издание. Этим аппаратом стали алфавитные каталоги. С ростом количества изданий, появляющихся в мире по различным научным направлениям, у ученых возникла потребность узнать не только, есть ли данное издание в библиотеке, но и какие они имеют издания по интересующей его тематике в своих фондах. Для решения этой задачи в библиотеках стали создавать тематические, а затем и систематические каталоги, одновременно разрабатывая системы классификации, позволяющие достаточно подробно идентифицировать в формализованном виде содержание издания.

Каталоги и работу с ними можно назвать «пассивной» формой информационного сопровождения научных исследований. Инициатива по предоставлению нужной информации исходила от ученого, который приходил в библиотеку, формулировал свой запрос, и ему подбирали соответствующую литературу, с которой он и работал.

С середины XX в., когда количество ежегодно издаваемых научных журналов, книг, материалов конференций по отдельным направлениям наук стало измеряться тысячами, ориентироваться ученым в этом информационном море стало достаточно затруднительно, и в помощь им возникли «активные» технологии информационного обслуживания. Их отличие от «пассивных» заключается в том, что информация предоставляется пользователям в «опережающем» режиме — по мере поступления в библиотеки новой литературы информация о ней распространяется среди потенциальных читателей без их конкретных запросов.

Первоначально «активные» технологии включали выпуск различного рода печатных указателей литературы, имеющейся в данной библиотеке: указателей новых поступлений; текущих тематических указателей, где отражались поступившие материалы на аналитическом уровне (так, библиографы анализировали поступающие в библиотеку журналы и сборники, выделяли из них статьи по заданным научным направлениям и формировали подборки библиографических описаний, которые периодически публиковались и распространялись среди заинтересованных научных коллективов). Аналогично формировались ретроспективные тематические указатели, в которых публиковались материалы, накопленные библиотекой за достаточно длительный период.

Наряду с выпуском тематических указателей в последней трети XX в. в научной среде получили широкое распространение такие формы активной информационной работы, как «избирательное распространение информации» (ИРИ) и «дифференцированное обслуживание руководителей» (ДОР). Эти формы в значительной мере повторяли технологию формирования текущих тематических указателей, с той разницей, что выявленная по заранее сформулированным тематическим запросам информация не публиковалась в указателях, а предоставлялась непосредственно конкретным абонентам, при участии которых формулировались их запросы.

Существенной составляющей информационного обслуживания являлись реферативные журналы, выпускаемые в СССР (а затем в России) ВИНТИ (по науке и технике) и ИНИОН (по общественным и гуманитарным наукам).

С ростом востребованности информационных услуг в отечественной отраслевой науке стали создаваться центры и отделы научно-технической информации (в состав которых входили библиотеки как хранители печатных материалов), но эта тенденция не нашла широкого применения в академических организациях: информационное сопровождение фундаментальной науки продолжали осуществлять научные библиотеки.

В последней четверти XX в. в нашей стране стали развиваться автоматизированные системы научно-технической информации (АС НТИ). Их наполнение структурированной информацией осуществлялось либо на кооперативных началах значительным числом организаций, обрабатывающих в общих интересах поступающую к ним литературу (примером такой АС НТИ являлся «КООПИИФОРМ АСИОР [Кажидеева, Москалева, 1975]), либо централизованно — мощными информационными центрами (ВИНИТИ, ИНИОН, ИНФОРМЭЛЕКТРО и др.), осуществляющими реферирование большого числа поступающих к ним изданий [Каленов, Кажидеева, Верховский, 1979].

С помощью АС НТИ реализовывались те же задачи ИРИ и ДОР, но на более высоком технологическом уровне и на более широких массивах информации. Кроме того, в АС НТИ обеспечивалось накопление поступающей информации, что позволяло достаточно легко обрабатывать сложные разовые запросы и предоставлять абонентам необходимую им ретроспективную информацию.

В качестве примера использования автоматизации для информационного сопровождения фундаментальных научных исследований можно привести Библиотеку по естественным наукам АН СССР (ныне БЕН РАН), где в конце 1970-х гг. была внедрена двухконтурная автоматизированная технология обслуживания институтов Академии наук СССР в режиме ИРИ на основе информации, поступавшей из ВИНТИ на магнитных лентах. Для каждого обслуживаемого института формулировался

ряд запросов, отражающих тематические интересы «коллективных» абонентов — сотрудников подразделений, занимающихся исследованиями по определенной тематике. Эти запросы, представляющие из себя набор тематических рубрик и ключевых слов, соответствующих тематике исследований каждого абонента, однократно вводились в автоматизированную систему и использовались для отбора соответствующих документов при поступлении новой порции данных из ВИНТИ. В результате работы автоматизированной системы периодически (обычно 1–2 раза в месяц) по каждому запросу формировался массив новых документов (библиографические описания и рефераты), который распечатывался и передавался абонентам. Таким образом ученые регулярно получали информацию об опубликованных в мире материалах, соответствующих тематике их исследований (первый контур). В системе был реализован и второй контур: абоненты обязаны были возвращать в БЕН данные «обратной связи» (оценку каждого полученного документа, в том числе оценку, означающую потребность в полном тексте статьи). Эти данные обрабатывались в автоматизированном режиме, и одним из результатов обработки являлась распечатка требований на копирование материалов. В результате абоненты получали через библиотеки своих институтов ксерокопии заказанных ими материалов [Глушановский, Каленов, 2011]. Эта технология была признана типовой в масштабах всего СССР и была внедрена в ряде отраслевых информационных центров страны. Просуществовала она около 10 лет (до появления пришедших ей на смену сетевых технологий).

По мере развития вычислительной техники и появления новых носителей информации развивалась и система информационного сопровождения науки. В середине 1980-х гг. для этих целей стали использоваться диски CD-ROM и сетевой доступ к удаленным базам данных по телефонным каналам. В 1986 г. в БЕН начала действовать автоматизированная информационная система на основе БД Science Citation Index на CD-ROM (диски с обновленной БД поступали в БЕН ежеквартально и обрабатывались на новейшей по тем временам рабочей станции, включавшей персональный компьютер типа IBM-PC и устройство для чтения CD-ROM). С этой БД работали ученые при консультативной помощи сотрудников библиотеки [Глушановский, Каленов, Лексикова, 1993]. Система пользовалась большой популярностью у ученых в течение многих лет, пока они не получили возможность работы с этой БД в сетевом режиме со своих рабочих мест (в настоящее время эта БД входит в состав сетевых ресурсов WEB of Science и WEB of Knowledge).

Развитие сетевых технологий и доступность вычислительной техники позволили с середины 1990-х гг. перейти к качественно новым формам информационного обеспечения научных исследований. Возможность работы с полными текстами изданий в режиме on-line непосредственно с рабочих мест ученых в корне изменила технологию информационной

работы, которая строится уже не только и не столько на фондах библиотек, сколько на мировых информационных ресурсах.

Необходимо отметить, что суть работы по информационному обеспечению научных исследований не меняется со временем и включает: а) максимально полное и оперативное информирование ученых о наличии и появлении в мире новой информации, соответствующей тематике их исследований, и б) максимально оперативное предоставление возможности для работы ученых с необходимыми им информационными ресурсами. Однако широкое распространение техники сканирования материалов в сочетании с достаточно мощными компьютерами и носителями информации, обладающими гигантскими объемами памяти, позволило библиотекам как информационным центрам реализовать новые формы информационной работы. Эти формы, в частности, основаны на объединении вторичной (каталоги, реферативные базы данных) и первичной (полные тексты публикаций) информации. Основной «платформой» для предоставления информационных ресурсов и сервисов для ученых стали сайты научных библиотек, на которых поддерживаются каталоги, связанные с электронными библиотеками; активные списки сетевых ресурсов, доступных пользователям данной библиотеки; сервисы, позволяющие авторизованным пользователям осуществить заказ необходимых им материалов, недоступных для них в сетевом режиме, и т. д.

БЕН РАН, выполняющая функции информационного центра по сопровождению исследований в области естественных и точных наук, проводимых академическими институтами Московского и ряда других регионов центральной части РФ, возглавляет централизованную библиотечную систему (ЦБС), в которую входит Центральная библиотека, 60 ее отделов в обслуживаемых институтах и нескольких десятков библиотек, не входящих в структуру БЕН, а являющихся подразделениями институтов. Для последних БЕН РАН формирует информационную основу, осуществляя централизованное комплектование и обработку литературы для их фондов.

На сайте БЕН РАН (<http://www.benran.ru>) представлены сводные электронные каталоги с достаточно развитым поисковым аппаратом [Власова, Каленов, 2011], отличительной особенностью которых является наличие дополнительной информации, раскрывающей содержание изданий: в каталоге книг и продолжающихся изданий — сканы информативных страниц (обложка, титульный лист, оглавление, аннотация) всех поступивших в фонды ЦБС БЕН РАН с 2011 г. изданий; в каталоге журналов — ссылки на сайты журналов (если они их имеют) и на полные тексты тех выпусков, доступ к которым имеют пользователи БЕН РАН, независимо от источников финансирования доступа (РФФИ, НЭИКОМ, РАН).

Одним из принципиально новых «нетрадиционных» направлений работы ЦБС БЕН РАН является поиск свободно доступных интернет-

ресурсов по тематике исследований обслуживаемых библиотеками коллективов и предоставление ученым их адресов. Центральная библиотека как политематический информационный центр поддерживает на своем сайте систему «метауказателей» «Естественные науки в Интернет». Под метауказателем понимается совокупность ссылок на указатели ресурсов по данному научному направлению, созданных ведущими специалистами различных стран в этой области. Сотрудниками БЕН РАН систематически проводится актуализация метауказателей. Для этого просматриваются сайты ведущих научных обществ, университетов, научно-исследовательских институтов и библиотек. Критериями отбора ссылок являются авторитетность организации, ведущей указатель, его объем, актуальность представленной информации (дата обновления, малый процент «мертвых» ссылок).

На сайте БЕН РАН поддерживаются указатели: по астрономии, биологии, математике, механике, наукам о Земле, общенаучной информации, физике, химии, экологии. Кроме перечисленных, в систему указателей «Естественные науки в Интернет» входит указатель «Сериальные издания» («Научная периодика в Интернет»), а также обновляемый ежемесячно раздел «Новые книги», включающий тематические (по основным разделам естественных наук) указатели вышедших в России и за рубежом книг. Указатель отечественных книг формируется на основании массивов данных, приобретаемых в Российской книжной палате. Указатель зарубежных книг формируется специалистами БЕН РАН на основе анализа приобретаемой английской базы данных «Nielsen Book Data», содержащей данные о выходящей в мире литературе и позволяющей отбирать издания по тематическим и видовым разделам.

На сайтах библиотек — отделов БЕН РАН в академических организациях (в зависимости от технических и кадровых возможностей отдела) представлена информация о внешних ресурсах, соответствующих тематике исследований данной организации. Наиболее «продвинутыми» в этом направлении являются отделы БЕН в Пушинском научном центре РАН (<http://cbp.iteb.psn.ru/library/default.html>) и в Математическом институте им. В.А.Стеклова РАН (<http://libserv.mi.ras.ru/>). Обе эти библиотеки предоставляют посетителям своих сайтов информацию о разнообразных ресурсах соответственно по физико-химической биологии и математике, поддерживают собственные электронные каталоги, проблемно-ориентированные базы данных и базы данных публикаций сотрудников обслуживаемых институтов [Госина, Погорелко, 2010; Мохначева, Харьбина, 2011].

Одна из наиболее популярных форм доведения информации до ученых — тематические выставки материалов, которые организуются ЦБС БЕН РАН в качестве информационного сопровождения конференций, симпозиумов и других научных мероприятий. Диапазон охвата материалов, представленных на выставках, как правило, составляет последние

3—5 лет. В основном это — отечественные и зарубежные монографии, статьи из наиболее значимых научных журналов. Для подготовки тематических выставок сотрудники БЕН РАН используют зарубежные базы данных (Web of Science, Chemical Abstracts и др.).

Наряду с тематическими выставками печатных материалов в последние годы БЕН РАН практикует организацию на своем сайте виртуальных тематических выставок по заказам обслуживаемых институтов (раздел сайта «Виртуальные выставки»). На каждой выставке (совокупности интернет-страниц) представлен перечень монографий (библиографические описания, отсканированные обложки, титульные листы и оглавления) и библиографический список статей по тематике выставки.

Любой пользователь может ознакомиться с текущей или архивными выставками. Среди последних виртуальных выставок: «Радиационная защита и радиационная безопасность в ядерных технологиях», включающая 47 новых книг и 24 статьи из зарубежных (20) и отечественных (4) журналов; «Научно-технические проблемы освоения Арктики» (87 книг и 48 журнальных статей); «Дистанционные методы и космические исследования в науках о Земле» (33 книги и 28 журнальных статей).

Одним из современных направлений развития информационных услуг является электронная доставка документов, в значительной мере заменившая традиционную библиотечную книговыдачу. Ознакомившись с содержанием издания на сайте библиотеки, авторизованный пользователь может заказать интересующую его статью из журнала или сборника, которая будет отсканирована и направлена заказчику. Отличительной особенностью этой службы БЕН РАН для пользователей является возможность заказа материалов непосредственно из сводных каталогов ЦБС БЕН РАН, а также возможность интерактивного получения информации о состоянии выполнения заказов. В настоящее время в БЕН РАН эта услуга выполняется только для юридических лиц, предварительно подписавших соответствующий договор о правилах предоставления и использования скопированных материалов.

При поддержке РФФИ (грант 13-07-00051) в БЕН РАН ведется исследовательская работа в направлении создания типовой системы, обеспечивающей информационное сопровождение научных исследований по отдельным тематическим направлениям. В рамках этой работы сформулированы требования к наполнению типового сайта библиотеки, обеспечивающей сопровождение научных исследований, ее функциям и сетевым сервисам. Эти требования не зависят от поддерживаемого научного направления и, в частности, включают: постоянный мониторинг мирового информационного рынка по поддерживаемому научному направлению и информирование пользователей о появляющихся в мире ресурсах по этому направлению; проведение анализа информационных потребностей пользователей и формирование предложений по приобре-

тению тех или иных ресурсов; формирование и поддержку базы данных авторизованных пользователей библиотеки; формирование и поддержку в актуальном состоянии на своем сайте справочного аппарата по печатным фондам библиотеки, обеспечивающего поиск необходимой информации по всем элементам библиографического описания, а также по тематическим разделам, представленным на естественном языке; информирование пользователей о сетевых ресурсах, доступ к которым приобретен в их интересах; обеспечение доступа авторизованных пользователей к сетевым ресурсам и возможности заказа ими изданий или их копий непосредственно с сайта библиотеки; поиск ресурсов Интернета по тематике поддерживаемого научного направления и информирование о них пользователей либо через сайт, либо путем адресной рассылки; ведение статистики востребованности информационных ресурсов, предоставляемых пользователям.

Очевидно, что перечисленные требования являются необходимыми для реализации информационного обеспечения исследований на современном уровне не только в области фундаментальных (естественных и гуманитарных) наук, но и в области медицины, сельского хозяйства, прикладных наук.

Значительную часть вышесказанного, касающегося роли библиотек в информационном обеспечении науки, можно с успехом распространить и на другие «институты памяти» — музеи и архивы. В этом контексте музейные экспозиции и тематические выставки-презентации архивных документов, являясь формами предоставления материалов широкому кругу пользователей, могут рассматриваться как активные формы информационной работы. Музеи и архивы являются незаменимыми источниками информации для многих гуманитарных наук, в первую очередь исторических. Используя опыт библиотек, музеи и архивы могли бы создавать интернет-каталоги имеющихся в их фондах документов, обеспечивая многоаспектный, в том числе тематический, поиск материалов. По аналогии с библиотеками, музеи и архивы могли бы осуществлять информационную поддержку в режиме ИРИ исследований, проводимых в областях, относящихся к их «компетенции». Очевидно, что новые требования к информационной работе диктуют необходимость освоения сотрудниками библиотек, музеев, архивов новых технологий, что для многих из них является достаточно сложным процессом. Поэтому одним из серьезных направлений деятельности всех «институтов памяти» на современном этапе является обучение сотрудников новым информационным технологиям, без чего невозможно выполнение стоящих перед ними задач.

Библиография

Власова С.А., Каленов Н.Е. Особенности сводного электронного каталога БЕН РАН // Библиотековедение. 2011. № 3. С. 42–47.

Глушановский А.В., Каленов Н.Е., Лексикова Е.Е. База данных Science Citation Index на CD-ROM. М., 1993. 37 с. // Информационный бюллетень / М-во науки и техн. политики Рос. Федерации, РАН. Вып. 6.

Глушановский А.В., Каленов Н.Е. Развитие системы информационного обслуживания специалистов РАН на базе автоматизированных технологий — от сигнальной информации к полным текстам // Вклад информационно-библиотечной системы РАН в развитие отечественного библиотековедения, информатики и книговедения: юбил. науч. сборник, посвящ. 100-летию ИБС Рос. акад. наук. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2011. С. 103—111.

Госина Л.И., Погорелко К.П. Принципы организации системы информационно-библиотечного обеспечения ученых РАН: математика // Новые технологии в информационно-библиотечном обеспечении научных исследований: сборник науч. трудов / Трескова П.П. (ред.). Екатеринбург, 2010. С. 33—44. Полный текст: http://www.bepnan.ru/SEMINAR/SEM/Sb_10/sbornik_doc/Ogl_10.html

Кажидеева Л.Ф., Москалева В.Ф. Результаты эксперимента по информационному обслуживанию Акустического института АН СССР на базе информационно-поисковой системы АСИОР // Информационно-библиографическое обслуживание читателей библиотек АН СССР и академий наук союзных республик: сборник науч. трудов / Б-ка по естеств. наукам АН СССР [и др.; гл. ред. М. В. Варфоломеева]. М.: Библ. совет по естеств. наукам, 1975. С. 102—109.

Каленов Н.Е., Кажидеева Л.Ф., Верховский С.Я. Опыт информационного обслуживания ученых АН СССР на базе магнитных лент ВИНТИ // Вопросы информационной теории и практики. 1979. № 38. С. 70—76.

Мохначева Ю.В., Харьбина Т.Н. Основные этапы становления и развития информационно-библиографического обслуживания ученых в Пушчинском научном центре РАН // Вклад информационно-библиотечной системы РАН в развитие отечественного библиотековедения, информатики и книговедения: юбил. науч. сборник, посвящ. 100-летию ИБС Рос. акад. наук / Сиб. отд-ние Рос. акад. наук, Гос. публ. науч.-техн. б-ка; Б.С. Елепов (отв. ред.). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2011. С. 346—360.

УДК 008, 930.2

Е.Б. Рашковский, Е.В. Rashkovsky

БИБЛИОТЕКА, АРХИВ, МУЗЕЙ: НАУКОТВОРЧЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ В ЭПОХУ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Library, Archive, Museum: Scientific and Scholarly Vocation

Аннотация: статья представляет собой опыт анализа специфического мира библиотек, архивов и музеев с позиций современного теоретического науковедения. Этот специфический мир рассматривается в двух ракурсах: как непреложный депозитарий памяти постоянно развивающихся собственно научных и

социогуманитарных знаний и как жизненно необходимая для науки и для генерации новых идей несводимая область интеллектуального общения.

Abstract: The foregoing discourse includes an analysis of the specific universe of libraries, archives and museums from the point of view of the present day Studies of Science. This universe is analysed according to two basic approaches: It is described as an integral and as constantly developing part of the very memory of scientific as well as humanities' knowledge in their interconnection; It is also described as vital and irreducible part of all the present day framework of intellectual communications.

Ключевые слова: библиотека, архив, музей, наука, гуманитария, науковедение, мышление, история, источники познания, электронные коммуникации, память.

Keywords: library, archive, museum, science, Humanities, science of science, thinking, history, sources of cognition, electronic communications, memory.

Эту сквозную и животрепещущую проблему нынешней интеллектуальной, общекультурной и — не побоюсь сказать — общественной жизни мне бы хотелось рассмотреть в самом близком и понятном для меня теоретическом ракурсе — в ракурсе науковедения. Но прежде чем приступить к разговору, хотел бы заметить следующее. И в нормативном, и в юридическом плане функции библиотек, архивов и музеев — как хранителей национальной и общечеловеческой памяти и как резерва дальнейшего интеллектуально-духовного и социального развития — несводимы и специфичны. У них не вполне схожие нормативные и творческие установки, не вполне схожие стратегии и методы повседневной практики. Однако как раз в этой самой повседневной практике их функции и труды не могут не пересекаться друг с другом.

Действительно, и архивы, и музеи должны комплектовать, хранить и использовать свои внутренние профильные библиотеки; многие библиотеки и музеи располагают законодательно предусмотренными рукописными отделами или же рабочими рукописными материалами, сопутствующими отдельным коллекциям; коллекционные собрания библиотек трактуются как уникальные ценности, приравненные к достояниям музейным; наряду с музеями и библиотеки, и архивы ведут экспозиционную, а подчас и экскурсионную работу. Наконец, и библиотеки, и архивы, и музеи осуществляют серьезную и высокопрофессиональную публикаторскую работу, не говоря уже о популяризаторских трудах для широкой публики (лекции, радио- и телепередачи, статьи и заметки в популярной прессе) (о ценности популяризаторских трудов в системах научного знания речь пойдет ниже). Об этих практических пересечениях можно говорить и писать до бесконечности [см., напр.: Экспозиция..., 2014]. Но мне хотелось бы поговорить — именно с науковедческой точки зрения — об общих и сквозных темах в проблематике и трудах библиотек, архивов, музеев.

Начну прежде всего с существенных современных сдвигов в самом понятии «наука». На мой взгляд, прежнее категорическое различие «строгой» науки (Science) и «нестрогих» Humanities ныне утратило смысл. Самый облик науки предстает современному взору как некое рациональное единство дисперсных, но тем не менее взаимосвязанных знаний о природе, мышлении, человеке и, в конце концов, знаний науки, этой особой формы взаимодействия человека и Вселенной, о самой себе.

Так или иначе, нормально развивающаяся наука-Science не может обойтись без некоторой гуманитарной подоплеки (которая бы включала в себя и теоретически упорядоченные представления о мышлении, о языке и символе, об истории, о конкретно-исторических, социальных и психологических предпосылках научной деятельности) [Рашковский, 2010]. Что же касается наук-Humanities, то последние издавна включали в себя массу строгих и теоретически выверенных познаний, методов и процедур. Кроме того, благодаря «компьютерной революции» наука-Science (с ее развитыми поисковыми, ассоциативными и логическими навыками, с ее особой культурой выстраивания виртуальных моделей) необратимо вросла в общий процедурный и содержательный склад по-прежнему специфических, человечески ориентированных, гуманитарных знаний. А уж о чисто технологическом оснащении нынешних научно-гуманитарных исследований я и не говорю...

Далее, традиционная для научной мысли привычка относить мир библиотек, архивов и музеев к служебной «инфраструктуре» науки также ни в коей мере не оправдывает себя. Если со вниманием обращаться к историко-научным сюжетам от времен Античности и Средневековья (не говоря уже о временах великих буржуазных революций, т. е. о временах почти что современного наукотворчества), то, скорее, следовало бы определить этот мир как одну из содержательных и источниковедческих *сердцевин науки*. Или — как одну из непреложных *творческих лабораторий науки*. Ибо никакие серьезные теоретические обобщения и прорывы, никакие теоретические ревизии, на коих, собственно, и строится история научной мысли, невозможны без прямого или косвенного обращения к первоисточникам нашего познания — инструменту, рукописному или вещественному памятнику, книге, документу (на традиционных или современных носителях), справочному или экспериментальному материалу, прямому человеческому свидетельству (интервью, устному сообщению, личному наблюдению самого исследователя). На вопросе о *сердцевине* позволю себе остановиться подробнее.

Наряду с университетами, научными обществами и академиями, институтами, клиниками, лабораториями, заповедниками и ботаническими садами комплекс библиотек, архивов и музеев издавна был очагом не только хранения, накопления, развития, но и порождения знаний. Ибо — повторяю — никакое научное знание невозможно без работы над его ис-

точниками и без трудов тех людей, которые берут на себя задачи хранения и преумножения источниковедческой базы наших знаний. Более того, именно комплекс библиотечных, архивных и музейных учреждений в значительной степени берет на себя (ныне это во многом происходит благодаря Интернету) задачи информирования научного сообщества о своих сокровищах. И в самих процессах собирания, хранения, научного описания, каталогизации и информирования (вплоть до популяризации!) содержится, на мой взгляд, огромный науковедческий смысл.

Кстати, два слова о науковедческом смысле популяризации, каковые труды во многом ложатся именно на библиотечно-архивно-музейный комплекс. При всех упрощительных его издержках процесс популяризации играет незаменимую интегративную роль в жизни как научных сообществ, так и науки в целом: «полнота» специалиста, как замечал еще Козьма Прутков, «односторонняя»; средний ученый, как правило, недостаточно ориентируется за пределами относительно узкой сферы своих интересов и трудов. Учет этого обстоятельства тем более важен, что — если вспомнить многих методологов науки — прямое источниковое знание составляет хотя и необходимую, но лишь сравнительно малую часть в интеллектуальных запасах каждого из нас. Так что некоторая доля дилетантских знаний за пределами своей узкой сферы жизненно необходима не только для конкретного научного спеца, но и для науки в целом. Тем паче что через область популяризации вершится и воспитание научной молодежи (одаренные старшие школьники, студенты), и процессы непрерывного и конструктивного собеседования Науки и Общества.

Вся эта работа по взаимному соотношению разнообразных источников нашего познания (соотношению, включающему в себя моменты не только логической упорядоченности, но и, казалось бы, случайного, внезапного соотношения предметов, документов, текстов и идей) оказывается непреложной частью научной эвристики, наукотворческого процесса. Ибо научная деятельность включает в себя и элементы искусства — именно как прорыва к реальности через интуитивное, внезапное соотношение вещей, образов, ритмов и понятий.

Более того, это творческое и вместе с тем требовательное, строгое отношение к источникам наших познаний приобретает особую актуальность именно в нынешнюю, «электронную», эпоху с ее верхоглядством и навязчивой *publicity*, с ее постоянной тягой к безответственным играм и «симулякрам». А некоторая осведомленность в проблематике как сопредельных, так и общенаучных познаний, не говоря уже об осведомленности общекультурной, лишь подкрепляет и поддерживает эту строгость. Подлинный лик ученого складывается из глубокой внутренней специализации и, одновременно, широты кругозора.

В связи же с проблемой *первоисточников* научного познания мне представляется особо насущным подчеркнуть значение публикаторской

и археографической деятельности с этими первоисточниками — работы, которая может вестись не иначе, как в стенах учреждений библиотечно-архивно-музейного комплекса. Кто ведет эту работу — сотрудники этих учреждений, приходящие исследователи или те и другие вместе — вопрос второго порядка. Но важно понимать, что такого рода работа — не только источник выявления полузабытых или вовсе «уснувших» познаний, не только источник оживления и расширения пространств нашей памяти (еще Августин дивился рациональным процедурам и интуитивной быстроте ее организации! — *Confess.*, lib. 10, cap. IX, 16) [о мире библиотеки как о некоторой модели информационных и смысловых связей внутри микро- и макрокосма см.: Рашковский, 2014], но и источник стимулирования инновационных сил на «передовом крае» науки [Прусс, 1985. С. 26].

Библиотечно-архивно-музейный комплекс (по выражению одного из создателей современного науковедения Д. де Солла Прайса, «since Babylon» [Price, 1961]) издревле был областью общекультурных и научных коммуникаций и контактов — формальных и неформальных, включая и воспитание научной молодежи.

Ныне же, когда обнаруживает свою вопиющую недостаточность индивидуальное и даже коллективное «зависание» в поисковиках и особенно в социальных сетях, и когда сама отечественная наука, повинувшись официальным сырьевым приоритетам, переживает период временного (хотелось бы надеяться!) организационного и содержательного упадка, и когда, одновременно, развиваются новые формы общения, популяризации и взаимного информирования, научные контакты в стенах и на сайтах библиотек, архивов и музеев приобретают некий новый, актуальный и, не побоюсь сказать, спасительный смысл. В нынешний нелегкий период истории отечественной науки интегративное научное призвание библиотечно-архивно-музейного комплекса приобретает особое значение.

Нынешним затяжным похмельем после революционной эйфории на гранях 1980–1990-х гг. оказывается высокая степень атомизации внутри научно-гуманитарного сообщества и его отрыв от широкого контекста общественной и культурной жизни [Живов, 2005]. Можно много рассуждать о причинах этой атомизации: о том, что значительную часть своего рабочего времени ученый проводит наедине с обезличивающим Интернетом; о том, что освобождение от мелочной идеологической опеки властей обернулось и сокращением финансирования; о том, что сам грантовый характер новых форм финансирования научных исследований (при некомпетентности чиновников, управляющих наукою *извне*) способен сделать ее бессловесной жертвой произвола и вкусовщины «сверху» [Там же. С. 32–33]. О многом можно рассуждать...

Однако опыт историко-научных и науковедческих исследований показывает, что наука — это не только работа над теоретическими содержа-

ниями и над их фактологической базой и не только безличное «управление». Наука есть еще и определенная *культура человеческого общения*, где дар учительства и ученичества, демократизм и доброжелательство, готовность помочь коллеге органически сочетаются с открытостью и критицизмом [Кузнецова, 2012; Розов, 2012]. А принцип подневольных «шарашек» может быть эффективен лишь на короткий срок, но отнюдь не в плане долговременного развития науки и общества. И посему именно в нынешние, трудные для отечественных социогуманитарных знаний, времена сто́ит лишний раз вспомнить мысль Н.В. Тимофеева-Ресовского о важности *личных* контактов и связей именно на крутых переломах истории и, соответственно, в условиях крутых казенных преобразований. Ибо во многом именно культурой личных контактов и связей спасаются и индивидуальные исследования, и теоретические направления, и целые научные коллективы [Тимофеев-Ресовский, 2000. С. 142–143].

Как и любая развитая живая система, наука обладает некоторыми свойствами самоисцеления и самовосстановления [Налимов, Мульченко, 1970]. И, думается, в этом процессе исцеления «схлопывающейся» в нынешних условиях общественной жизни (а наука есть неотъемлемый и несводимый элемент всего комплекса жизни человеческой) библиотечно-архивно-музейному комплексу — *комплексу памяти и общения* — принадлежит существенная роль [Рашковский, 2013].

Что еще важно для нашего науковедческого рассуждения: относительно малые формы библиотечно-архивно-музейного дела изначально вживлены в структуры «большой», «академической», «номенклатурной» науки (академии, университеты, исследовательские центры и институты). Без подобного рода структурных вкраплений институты Большой Науки вообще не могли бы, да и поныне не могут развиваться и существовать. А уж в эпоху электронных коммуникаций, в эпоху информационной пронизанности дисперсных научных коллективов, в эпоху интенсивных междисциплинарных связей это обстоятельство представляется особо наглядным. И, по всей видимости, эти малые формы также призваны стать одним из необходимых каналов пока еще не вполне налаженных взаимосвязей (взаимосвязей не обязательно формальных) Большой Науки и библиотечно-архивно-музейного комплекса в целом.

Итак, в нынешний непростой период истории отечественной науки интегративное научное призвание библиотечно-архивно-музейного дела приобретает особое значение.

Действительно, общим местом сотен и сотен нынешних устных и письменных выступлений стало указание на коллапс институциональной структуры науки в сегодняшней России. И при этом выдвигается наш извечный российский вопрос «кто виноват?». Одна лишь история? Одна лишь цивилизационная специфика России? Одно лишь государство?

Одна лишь система бюрократического капитализма? Одни лишь технологические новации электронной эпохи? [Яковенко, 2014].

Однако при всех наших справедливых репримандах в адрес истории, государства и технологии (этого побочного детища фундаментальной научной мысли) иной раз небесполезно задаться и таким вопросом: а есть ли и некоторая доля вины научного сообщества и его лидеров в нынешних зловключениях научного знания, институтов и людей науки? Можно переформулировать этот же вопрос и таким образом: не является ли превращение науки в дискретные и бюрократизированные сгустки спецов свидетельством процессов отчуждения, бюрократизации и обессиления всей содержательной и организационной системы научного знания, в том числе и знания социогуманитарного?

На мой взгляд, именно этот вопрос о нынешнем отчуждении и атомизации науки с особой силой наводит на мысль об особом, несводимом и толком еще не осмысленном наукотворческом призвании всего библиотечно-архивно-музейного комплекса во всем многообразии и богатстве его учтенных и неучтенных функций (не говоря уже о человеческом его составе). Среди этих функций я позволил бы себе особо подчеркнуть важность и наукотворческую ценность человеческих интеллектуально-духовных контактов — между московскими учеными различных социогуманитарных специализаций, учеными Москвы и российских регионов, учеными России и зарубежья, разными поколениями самих ученых, между учеными, с одной стороны, и артистическими и конфессиональными средами — с другой, между исследователями-социогуманитариями и исследователями иных специализаций, между учеными и широкой публикой (включая и молодежь).

Нынешний (постсоветский) человек, чье эконом-центрическое мышление воспитано не на Марксе, не на Вебере, не на Шумпетере, но скорее на куплетах Мефистофеля, к тому же привыкший сидеть на «сырьевой игле», прочтя этот текст, вправе задаться вопросами: а как же экономика? а где же отдача всей этой науки со всей этой громоздкой массой библиотек, архивов, музеев? какая польза нашему благосостоянию ото всех этих затрат? возможен даже недоуменный вердикт с последней страницы гоголевского «Носа»: «...пользы отечеству решительно никакой...»

Однако на эту гроздь вопросов я бы ответил так.

Наука как таковая *прямой* экономической отдачи не сулит. Ее экономическая отдача вершится через область теоретически зависимых от нее прикладных исследований и технологических разработок — через область R&D. И вероятно, не меньшая, если не большая, отдача — через возделывание человеческого капитала нации. В частности, и через область «человеческих вложений» (human input). Причем отдача в самых разных областях жизни: в экологии, в медицине, в педагогике, в университетском деле, в высокой культуре общения... А сама по себе научная мысль — вещь

всегда рискованная и разветвленная. Ибо имеет дело не столько с вещественными продуктами производства, сколько (и притом — в первую очередь!) именно с самой мыслью и с людьми, посвятившими себя мысли. Но там, где наука порабощена внешними по отношению к ней силами — идеологией, властью, чистоганом, она, в конце концов, перестает питать и технологию, и экономику, и общество.

Наука действительно затратна. Но когда у нее не отбиты память и интеллектуально-духовный потенциал, она сторицею окупает себя, раскрывая перед людьми новые горизонты — и новые проблемы. Страх новизны психологически понятен. Всякая новизна означает сложное переплетение обретений и потерь. Возможно, однако, что многотрудное расширение проблемного поля жизни и есть непреложная часть нашего все еще продолжающегося человеческого филогенеза. Филогенеза, переместившегося из области чисто физических и вещественных отношений (весьма сложные и тонкие отношения вещественного порядка, основанные на инстинкте, мы можем различить и в муравейнике, и в птичьем гнездовании, и в бобровой запруде) прежде всего в проблематичную область мысли и культуры.

Библиография

Живов В.М. Наука выживания и выживание науки // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 25–33.

Кузнецова Н.И., Розов М.А., Шрейдер Ю.А. Объект исследования — наука. М.: Новый Хронограф, 2012. 560 с., илл.

Налимов В.В., Мульченко З.М. Наука и биосфера: опыт сравнения двух систем // Природа. М., 1970. С. 55–63.

Прусс И.Е. Куда, откуда, почему // Знание — сила. М., 1985. № 7. С. 25–27.

Рашковский Е.Б. Библиотека и «электронная революция»: о призвании современной библиотеки // Материалы Международного конгресса «Библиотека как феномен культуры» (Минск, 23–24 октября 1913 г.). Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2013. С. 16–24.

Рашковский Е.Б. Мир социогуманитарных знаний и мир Науки // Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии / Под ред. И. Т. Кавина и др. М.: Альфа-М, 2010. С. 113–130.

Рашковский Е.Б. Новый лик библиотеки в эпоху электронных коммуникаций // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов междунар. науч. конференции, посвященной 150-летию открытия для публики Чертковской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ России, 2014. С. 395–408.

Розов М.А. Философия науки в новом видении. М.: Новый Хронограф, 2012. 440 с.

Тимофеев-Ресовский Н.В. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотграфиями и документами. М.: Согласие, 2000. 880 с., илл.

Экспозиция литературного музея в современном мире. Традиции и новации. История литературного музея: коллекции, экспозиции, сотрудники... / Сост. Г. В. Великовская. М.: Летний сад, 2014. 180 с.

Яковенко И.Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. М.: Новые Знания, 2014. 320 с.

Price D. de S. Science since Babylon. N. Haven: Yale Univ. Press, 1961. X, 149 p.

УДК 930.2; 069; 004

Е.А. Воронцова, Е.А. Vorontsova

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И МУЗЕИ – БИБЛИОТЕКИ – АРХИВЫ КАК ХРАНИЛИЩА ИНФОРМАЦИИ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

Information Support of Historical Science and the Museums – Libraries – Archives as Repositories of Information: Theory, Methodology, Practice

Аннотация: в статье дается сжатый очерк проблемы информационного обеспечения исторической науки, ее теоретико-методологических аспектов, взаимодействий на этом поприще с музеями – библиотеками – архивами как особого рода информационными ресурсами, хранителями социальной памяти. Констатируется интерес к этой проблеме, ее недостаточная отрефлексированность научным и музейным сообществами и необходимость дальнейшего исследования.

Abstract: The article provides a succinct essay on the problem of information support of historical science, its theoretical and methodological aspects, interactions in this field with museums – libraries – archives as a special kind of information resources, custodians of social memory. The authors state interest in this issue, as well its poor state of knowledge in scientific and museum communities and the need for further research.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, информация, информационное обеспечение, информационная инфраструктура, музеи – библиотеки – архивы, взаимодополняемость, саморефлексия, коммуникация, апробация проблемы.

Keywords: historical science, museology, information, information support, information infrastructure, museums – libraries – archives, complementarity, self-reflection, communication, testing problems.

И наука (историческая наука в том числе), и музеи – библиотеки – архивы являются порождением человеческого разума и служат удовлетворению, пожалуй, главной потребности человека – познавать мир во всех его проявлениях, идентифицировать себя в этом мире, искать и находить смысл в своем существовании. Этим определяется их родство. Но

есть и отличия, связанные с тем, что они удовлетворяют главную потребность разными способами, методами, средствами, благодаря чему позволяют человеку смотреть на мир с разных сторон, стереоскопически. Из такого сочетания родства и отличия вытекает необходимость науки и музеев — библиотек — архивов друг для друга, их взаимодополняемость, возможность взаимодействовать, многократно усиливая свой познавательный, репрезентационный и адаптационный потенциал в интересах *Homo cognitionis* (человека познающего).

Для удовлетворения потребности в знании человек должен совершать некие действия по добыванию, усвоению и производству информации (деятельностный аспект), получать результаты — новую информацию, фиксировать ее в социальной памяти с помощью исторических источников (музейных предметов, изданий, документов), хранить (в музеях — библиотеках — архивах) и репрезентировать для передачи следующим поколениям. Получается, что информация выступает в двух ипостасях — пищи для ума и его порождения, произведенного им «продукта», а информационное обеспечение включает в себя, с одной стороны, деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения поставленных задач (в нашем случае — в области изучения истории), а с другой — саму такую информацию, определенным образом структурированную и представленную в удобном для ее «потребителя» (исследователя) виде.

Нами уже отмечалось (библиографию см. в идущей далее статье «Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки»), что постановка данной проблемы применительно к исторической науке (и шире — к гуманитарным наукам) стала возможной благодаря наработкам в области информационных технологий, управления персоналом, экономики, социологии, политехнологий, где информационное обеспечение трактуют как фундаментальную проблему, и особенно благодаря работам Н.Е. Каленова, который сформулировал эту проблему применительно к науке в целом, разработал ее теоретико-методологические аспекты и вместе с коллегами применил на практике в деятельности руководимой им Библиотеки по естественным наукам РАН [Каленов, 2007; 2008].

Принципиальное значение имеет введение положения, перенесшего центр тяжести с технологий (форм, способов, инструментария) на содержание деятельности по приращению научного знания: информационное обеспечение есть фактор самоорганизации и саморегуляции науки на основе саморефлексии. Оно позволило по-иному понять роль в информационном обеспечении исторической науки исследований в области источниковедения и исторической информатики, включая применение количественных методов (И.Д. Ковальченко, Л.И. Бородкин), когнитив-

ной истории (идея О.М. Медушевой об информационном ресурсе и др.), историографии, задача которой — анализ текстов, отражающих саморефлексию исторической науки и являющихся результатом рефлексии историков в поле их профессиональной деятельности (Л.П. Репина, А.В. Полетаев, И.М. Савельева и др.).

Что касается самой информации, то для исторической науки важно, чтобы она была структурирована так, чтобы наилучшим образом обеспечить сохранение в актуальном состоянии и приращение научного знания и минимизировать информационные шум и энтропию, удовлетворять потребности конкретных исследователей, научных школ, направлений. Информация должна отвечать критериям, достаточно хорошо описанным в источниковедении: быть достоверной, точной, репрезентативной (это делает возможным корректный перенос на генеральную совокупность результатов, полученных при анализе выборки), необходимой и достаточной для исследования. Целью описания, изучения, ранжирования, группировки исторических источников является создание условий для максимально полного извлечения из них информации. При нашем подходе важное место отводится ее фиксации, аккумуляции, сжатию — и, в числе прочего, изучению в этом отношении справочных библиографических изданий и энциклопедий (сводов устоявшихся, апробированных и легитимированных научным сообществом знаний, играющих особую роль в продвижении научных взглядов к читателям, их закреплении в общественном сознании).

Такое понимание проблемы информационного обеспечения исторической науки определило и наш взгляд на роль музеев — библиотек — архивов в оном. Как базовые элементы ее информационной инфраструктуры (подробно об этой роли музея — в идущей далее нашей статье) они выполняют функции информационного ресурса, места аккумуляции и (в большей или меньшей степени) репрезентации исторического знания, места коммуникации носителя знания (историка, автора экспозиции, публикатора и т. д.) с познающими субъектами, но выполняют их по-своему, что связано с их спецификой. В музеях и архивах сосредоточиваются первоисточники, подлинные свидетельства прошлого: в архивах — это документы, главным образом письменные источники; в музеях преобладают «вещи», т. е. источники невербальные. В отличие от них библиотеки хранят информацию, запечатленную в виде разного рода изданий, т. е. вторичную, полученную на основе анализа первоисточников; и собирают они эту информацию прежде всего с целью предоставлять ее «потребителям» — читателям.

Музейные собрания, фонды библиотек и архивов с точки зрения историка являются репрезентативной, систематизированной выборкой исторических источников (первичных, вторичных и т. д.); для исследователя это — и их преимущество (готовая выборка сберегает время поиска источников информации), и недостаток (т. к. выборка осуществлена не под

цели и задачи данного исследования). Основная задача упорядочения собраний, фондов заключается в том, чтобы обеспечить наилучшую сохранность составляющих их музейных предметов, документов, изданий и их актуализацию — при обязательном условии корректного использования (в музеях — главным образом в виде экспозиций и выставок, т. е. «текстов», где доминирует невербальная информация). Полноценное их функционирование в качестве информационных ресурсов требует совершенствования стратегий комплектования, описания, типологического и сравнительно-исторического изучения музейных предметов — документов — изданий, а также методов, разрабатываемых источниковедением (историческим, музейным).

Экспозиции и выставки музеев как место репрезентации исторического знания представляют собой информационные системы, предназначенные для актуализации информации: при посредстве экспонатов исторический процесс отображается так, как он осмыслен авторами экспозиции, и воспринимается посетителями благодаря их способности к рефлексии. В архивах и особенно в библиотеках основное место репрезентации — читальные залы.

Выполнение этих двух функций невозможно без коммуникации участников информационного процесса, происходящего в рамках и на базе музеев — библиотек — архивов. Для информационного обеспечения исторической науки первостепенное значение имеет коммуникация хранителя информации и историка-профессионала, осуществляемая с целью получения нового знания (в результате извлечения информации из музейных предметов — документов — изданий) и его репрезентации в формах, присущих каждому из рассматриваемых хранилищ информации. Ее эффективность во многом зависит от технологий, которые должны быть адекватны решаемым задачам. В исторической науке и в музееведении им уделяется настолько большое внимание, что сформировались специальные дисциплины — историческая и музейная информатики. Адресатом в первом случае является исследователь, во втором — музейный посетитель и музейный сотрудник; первая «обслуживает» познавательную (научную) деятельность, для второй важнее прикладные аспекты.

Возможность симбиоза исторической науки и хранилищ информации (музеев — библиотек — архивов), о которой сказано выше, помимо прочего вытекает из предназначения этих институтов социальной памяти и их потребности друг в друге для его реализации: музеи — библиотеки — архивы аккумулируют и хранят отобранные на основе четкой системы принципов, разработанных музееведением — библиотечковедением — архивоведением, репрезентативные совокупности источников информации, историческая наука извлекает из них информацию, накапливая знания о прошлом, а затем музеи — библиотеки — архивы (наряду с другими «потребителями») используют ее далее в своей деятельности. Отбор источ-

ников и структурирование информации для нужд хранилищ информации и для нужд науки совпадают лишь отчасти, что понятно (у каждого из них свои цели, задачи, функции), но именно это позволяет им взаимодействовать, использовать методы друг друга, обмениваться результатами своей работы, осуществлять коммуникацию научного и музейного, библиотечного, архивного сообществ (работающие в них историки применяют там профессиональные знания и навыки; сотрудники музеев — библиотек — архивов преподают в вузах, системе повышения квалификации и непрерывного образования, передавая свой опыт, и т. д.).

Теоретическое осмысление проблемы информационного обеспечения исторической науки и роли музеев — библиотек — архивов в нем требует методологического подкрепления, что позволит рационализировать деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию информации. Очевидное следствие такой рационализации — повышение коэффициента полезного действия исследовательского процесса за счет снижения затрат сил, времени, средств на формирование качественных информационных ресурсов, на актуализацию хранимого музеями — библиотеками — архивами историко-культурного наследия, на вовлечение его в научный оборот. Как настоящая сегодня ощущается потребность в комплексном изучении имеющихся ресурсов для того, чтобы сопоставить и соотнести друг с другом ресурсы традиционные и электронные, виртуальные, чтобы устранить дублирование, выявить образовавшиеся лакуны и приступить к их системному заполнению.

Изучение практической деятельности по информационному обеспечению исторической науки, ее достижений и ошибок, моделей, технологий позволит глубже понять поставленную проблему и проверить соответствие сформулированных теоретико-методологических посылок реальности, показать «уходы» (из актуального состояния) и «возвраты» информации, представить эту деятельность во всем ее многообразии и конкретике, выявить этапы ее развития в контексте истории науки и культуры, создать целостную картину. Полученные при этом результаты могут дать бесценный материал для совершенствования этой деятельности в условиях информационной эпохи (со всеми ее преимуществами и рисками, связанными с нарастанием скорости течения информационных процессов и гипертекучестью информации в виртуальном цифровом пространстве), в том числе и в плане взаимодействия с музеями как хранителями овековеченной памяти человечества, а также с библиотеками и архивами.

Апробация поставленной нами проблемы принесла уже некоторые плоды, зафиксированные не только в наших статьях, но и в сборниках материалов конференций, в рамках которых проходило ее обсуждение. Предтечей ее постановки можно считать сборник 2002 г., вошедший в списки литературы ряда вузовских курсов по музеологии [Современная

историография и проблемы содержания..., 2002]; идею тогда, как и теперь, поддержали в ГИМе (В.Л. Егоров, Л.И. Скрипкина). Впервые же проблема рассматривалась применительно к библиотекам в 2013 г. на юбилейной конференции ГИМа и ГПИБ России [150 лет на службе науки и просвещения, 2014; Бородкин, Воронцова, Мироненко, 2013]. На II Всероссийской конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» 2014 г. (Институт истории СО РАН, Новосибирск) она стала одной из основных — прозвучала и на пленарном заседании, и на специальной секции [Современные тенденции в развитии музеев и музееведения, 2014], а на научно-практическом семинаре в марте 2015 г., посвященном Году литературы в России (основные организаторы — ГИМ и Государственный литературный музей), была центральной.

Многочисленность участников этих мероприятий, институциональный и географический охват, отклики на публикации, объемность и представительность издаваемого сборника являются показателем интереса к проблеме информационного обеспечения исторической науки. Судя по статьям публикуемого сборника, более восприимчивы к ней оказались историки — сотрудники музеев, чья основная функция — работа с источниками, музеееды (в силу особого интереса к музею), культурологи и представители негуманитарных наук с философским складом ума, проявляющие интерес к истории науки в целом и «своих» наук, информационщики, от сугубо технологических аспектов перешедшие к анализу информационных процессов в контексте тех объектов, к которым эти технологии применяются.

В то же время характер обсуждений, статьи в уже опубликованных сборниках и в сборнике публикуемом показывают, что проблема еще не отрефлексирована в должной мере. Требуют дальнейшего исследования теоретико-методологические подходы к ней, а также собственно история информационного обеспечения исторической науки. Мы надеемся, что волна интереса не угаснет и такие исследования появятся в ближайшем будущем.

Библиография

150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов Юбилейной международной научной конференции, Москва, 5–6 декабря 2013 г. / Гос. публ. Ист. б-ка России. М., 2014. С. 363–508.

Бородкин Л.И., Воронцова Е.А., Мироненко С.В. Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 572–577. DOI: 10.7256/2222–1972.2013.6.11513.

Воронцова Е.А. Историческая наука и музей: «нам не жить друг без друга» // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. М.: ГИМ, 2002. С. 8–16.

Воронцова Е.А. Роль музея в информационном обеспечении исторической науки // Историческая информатика. 2014. № 2–3. С. 124–129.

Каленов Н.Е. Библиотеки и информационное обеспечение науки в современных условиях // Информационные ресурсы России. 2008. № 1. С. 12–15.

Каленов Н.Е. Библиотеки ЦБС БЕН РАН и информационное обеспечение науки // Новые технологии в информационном обеспечении: Сб. науч. трудов. М.: Научный мир, 2007. С. 9–20;

Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост. Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. 295 с.

Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 29 сентября – 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. 223 с.

МУЗЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 069, 930.2

Е.А. Воронцова, Е.А. Vorontsova

МУЗЕЙ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ¹

A Museum as a Basic Element of Informational Infrastructure of Historical Discipline

Аннотация: статья посвящена важному аспекту проблемы информационного обеспечения исторической науки — музею как базовому элементу ее информационной инфраструктуры. Содействуя увеличению объема и разнообразия информации, совершенствованию ее качественных параметров, и музей, и историческая наука играют существенную роль в увеличении хронологической глубины социальной памяти, противостоят информационной энтропии, но добиваются этого разными способами. Механизмы их взаимодействия во многом определяются тем, что оба эти социальных института являются сложно организованными развивающимися системами, каждая со своей структурой и инфраструктурой. В статье анализируются черты сходства и отличия их инфраструктур, то, как регулируются взаимодействия этих систем друг с другом, а также элементов внутри каждой из них. Постановка вопроса об информационной инфраструктуре потребовала рассмотреть историческую науку и музей как информационные системы; при этом оказалось возможным взглянуть на них и как на базовые элементы информационной инфраструктуры друг друга. Было установлено, что в качестве базового элемента инфраструктуры исторической науки музей выполняет функции информационного ресурса, места репрезентации исторического знания и коммуникации носителя знания (историка, автора музейной экспозиции) с познающим субъектом (учащимся, неспециалистом в области истории).

Abstract: The article is dedicated to an important aspect of informational support of historical discipline — to a museum as a basic element of its informational infrastructure. By helping increase volume and variety of information and perfect its quality, both a museum and historical discipline play an important role in the deepening of historical memory, fights informational entropy, but do in different ways. Mechanisms of their co-operation are defined by the fact that both social institutions are complex and developing systems, each with its own structure and infrastructure. The article analyses similarities and differences of their infrastructures, the way the co-operation of the systems is regulated, and elements within each of these. The question about informational infrastructure required to interpret historical discipline and a mu-

¹ Впервые опубликовано: Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 49. М.: ИВИ, 2014. С. 163–189.

seum as informational systems; thus it becomes possible to view these as basic elements of each other's informational infrastructure. It has been concluded that, being a basic element of the infrastructure of historical discipline, a museum functions as an informational resource, a place of the representation of historical knowledge and of the communication of a bearer of knowledge (a historian, a curator) with a perceiving subject (a student, a visitor who is not an expert on history).

Ключевые слова: историческая наука, музей, информационная инфраструктура, социальная (историческая) память, музееведение/музеология, исторический источник/музейный предмет, информационные стратегии, репрезентация исторического знания, коммуникация, технологические аспекты.

Keywords: historical discipline, museum, informational infrastructure, social (historical) memory, museum studies / museology, historical source / museum object, informational strategies, representation of historical knowledge, communication, technological aspects.

В развитии исторической науки вторая половина XX — начало XXI в. были ознаменованы существенными трансформациями, порожденными прежде всего натиском новых информационных технологий, возрастанием скорости протекания информационных процессов, обретением информационным пространством новой конфигурации, и с формированием, в итоге, информационного общества. В этих условиях особое значение получило ее информационное обеспечение, осознанное наконец и как научная проблема, в том числе в связи музеем [Бородкин, Воронцова, Мироненко, 2013; Воронцова 2014(а); Воронцова, Гарскова, 2013; Воронцова 2014(б)]. В статье речь пойдет об одном из важных аспектов проблемы информационного обеспечения исторической науки — о музее как базовом элементе ее информационной инфраструктуры. Для доказательства того, что такая посылка верна, мы прежде всего рассмотрим музей и историческую науку как социальные институты, их функции и структуру, сосредоточив внимание на точках пересечения — на тех потребностях, для удовлетворения которых они нужны друг другу.

Массив исследований, посвященных музею и исторической науке, насчитывает множество работ (монографий, отдельных статей, сборников) и содержит достаточный объем информации для постановки и исследования вопроса. По ходу рассмотрения конкретных сюжетов на них будут даны ссылки (в силу ограниченности объема статьи — таким образом, чтобы библиографии этих работ дополнили ее библиографию). Отметим, что проблема взаимосвязей исторической науки и музея привлекала внимание исследователей в меньшей степени. Констатируя ограничения такого подхода, большинство музееведов все же сходятся на том, что музей — социокультурный институт, предназначение которого — сохранение культурного наследия (в форме музейных предметов и их совокупностей — музейных коллекций и музейных собраний) [Воронцова,

Сундиева, Каулен, Кузина, Дьячков, Чистотинова, 1997; Каулен, 2009; Музееведение и историко-культурное наследие..., 2006—2012, и др.], а также трансляция культурного опыта от поколения к поколению и тем самым сохранение единого культурного пространства [Газалова, 1995. С. 10—12; Музейное дело России..., 2003, 2006, 2010; Пономарев, 2002; Сапанжа, 2011]. В Уставе Международного совета музеев (ИКОМ) музей характеризуется как постоянное некоммерческое учреждение, находящееся на службе общества, открытое для людей, приобретающее, сохраняющее, изучающее, популяризирующее и экспонирующее в образовательных, просветительных и развлекательных целях «материальные свидетельства человека и окружающей среды». Емкое и точное определение музея дано в «Российской музейной энциклопедии»: «Музей — исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы культурных и природных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение, — музейных предметов» [Российская музейная энциклопедия, 2001. Т. 1. С. 395]. Изучение музея через призму категории памяти — одно из самых перспективных направлений в современном музееведении [Божченко, 2012; Грусман, 2007; Шнирельман, 2010; и др.].

В контексте нашей проблематики особенно значимо осмысление исследователями миссии музея. Нам созвучны мысли Н.Ф. Федорова — о том, что в музее мы имеем единство «исследования, учительства и деятельности», что «истинный музей есть музей всех трех способностей души, объединенных в памяти», и «только память делает благо всеобщим»; Л.С. Именной — о том, что в музее должны производиться мировоззренческие смыслы, что музей должен быть посредником в процессе восприятия человеком опыта истории, учить человека смотреть на мир в культурно-исторической перспективе, помогать ему в его культурной идентификации; А.А. Сундиевой — об обретении музеем статуса культурной нормы [Федоров, 1995; Именная, 2011; Сундиева, 2001. С. 210—215].

Из сказанного вытекает вполне определенный набор традиционно выделяемых социальных функций музея [Артемов, 2001; Социальные функции музея..., 1989. С. 186—204; Равикович, 1987; Юренева, 2003; и др.]: документирование и образовательно-воспитательная. В конце XX в. были добавлены функции рекреационная и коммуникативная, репрезентативная, информационная, эстетическая и некоторые другие. Хранение и изучение музейных предметов одни исследователи включают в документирование (нам ближе эта позиция), другие считают самостоятельными функциями. Наиболее значимы для рассматриваемой проблемы функции документирования, а также репрезентативная и информационная. В понимании документирования мы придерживаемся посылок, четко сформу-

лированных в музееведении: это — «извлечение из окружающей среды (в том числе из внемузейных хранилищ) предметов, свидетельствующих, т. е. заключающих в себе информацию, об истории и современном состоянии природы и общества» [Закс, 1991. С. 52]; выявление и отбор объектов природы и созданных человеком предметов, которые могут выступать подлинными (аутентичными) свидетельствами объективной реальности и после включения их в музейное собрание становятся знаком и символом конкретного события и явления, это свойство музейного предмета отражать действительность раскрывается в процессе его изучения и научного описания. Таким образом, процесс документирования предполагает: выявление, отбор и извлечение из среды бытования объектов, являющихся аутентичными свидетельствами об объективной реальности и становящихся в результате этой процедуры музейными предметами (комплектование музейных фондов); хранение таких свидетельств; их изучение, и на этой основе — систематизацию и формирование музейных коллекций [Сборники НИИ культуры..., 1979, 1980, 1981; Изучение музейных коллекций..., 1974; Музей и современность..., 1982; Финягина, 1974; и др.].

Одним из следствий реализации музеем своих функций стало формирование специальной отрасли знаний — науки о музее (музееведении, музеологии), имеющей собственную систему вспомогательных дисциплин (музейные источниковедение, информатика, педагогика и др.) [Музееведение в России первой трети XX века..., 1997; Музееведение: Вопросы теории и методики..., 1987; Музееведческая мысль в России..., 2010; Основы советского музееведения..., 1955; Очерки истории музейного дела в СССР..., 1960—1971; Сапанжа, 2008; Терминологические проблемы музееведения..., 1986; Томилов, 1998; Шляхтина, 2013; и др.]. Развитие этой науки, в свою очередь, стало существенным фактором полноценного развития музея как социального института и как сложноорганизованной системы, необходимой человеку для удовлетворения его базовых потребностей; фактором, часто задающим вектор коммуникации музея с другими институтами (и наукой в том числе).

Некоторые аспекты проблемы взаимосвязи и взаимодействия исторической науки и музея уже привлекали внимание исследователей [Современная отечественная история..., 2000; Дукельский, 1997; Лаптева, 2006; Мастеница, 2010; Научные основы работы музеев..., 1980; Тишков, 1979]. Остановимся на тех, которые наиболее значимы с нашей точки зрения.

Историческая наука, как и музей, в большей степени обращена к прошлому, чем к настоящему: музей хранит его подлинные свидетельства, историческая наука с помощью таких свидетельств — исторических источников — собирает и накапливает знания о нем. Однако оба социальных института при этом работают на будущее — на сохранение и развитие

в человеке человеческого. Объект исторического познания не существует в современной исследователю реальности, отсюда — необходимость обращаться к хранимым музеем (а также архивом и библиотекой) свидетельствам прошлого (выступающим тут в роли исторических источников). В этом контексте безусловно остаются актуальными высказывания Н.Ф. Федорова о связи музея и науки: «Музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего... Знание отвлеченное не может быть всеобщей обязанностью, знание же причин, делающих нас врагами, не может не быть долгом для всех, так как оно не может остаться только знанием, а станет делом, религиею, примиренною с наукою... Исследование же, т. е. наука, не может уже оставаться только отвлеченным знанием; она должна сделаться исследованием причин, препятствующим всем нам быть членами музея, исследователями, и соединиться воедино для отеческого дела» [Федоров, 1995. С. 370].

Деятельностный аспект присущ исторической науке, как и музею, только это — познавательная деятельность, имеющая целью выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний об окружающем человека мире, о социальных общностях людей и результатах их деятельности — знаний, обладающих качеством научных (истинных, рациональных) ценностей, являющихся «институциональными регулятивами познавательной деятельности».

Как и музей, историческая наука может быть определена как институт социальной (исторической) памяти, посредством которого реализуется потребность человека в познании самого себя и своего социального бытия во времени и пространстве [Булдаков, 2013(а); 2013(б); Нестеренко, 2012. С. 284—288; Никифоров, 2013; Репина, 2010; 2004; Ростовцев, Сосницкий, 2014; и др.]. Происходит это путем выявления, отбора, накопления, систематизации, сохранения, актуализации (воспроизводства) и передачи субъекту исторического процесса (индивиду и обществу в целом) осмысленной и определенным образом интерпретированной информации о прошлом. Содействуя нарастанию объема и разнообразия информации, совершенствованию ее качественных параметров, и музей, и историческая наука играют чрезвычайно важную роль в увеличении хронологической глубины социальной памяти, противостоят информационной энтропии [Воронцова, 2014(в). С. 9—15] и тем самым работают на благо общества. Однако нужного результата они достигают разными способами. Главное предназначение музея — аккумуляция подлинных свидетельств прошлого и их репрезентация членам социума, а предназначение исторической науки — извлечение информации из этих свидетельств (обретающих в данной ситуации статус исторического источника) и приращение знания. При этом происходит переход информации потенциальной, скрытой в источнике, в актуальную научную ин-

формацию, обладающую качествами достоверности, репрезентативности, системности и выраженную почти исключительно в вербальной форме. А поскольку все это осуществляется ради человека и общества в целом, оказывается необходимой трансляция знания, его передача специалистами-историками членам общества (в идеале — всем) и его освоение (усвоение) этими последними. И тут вновь вступает в дело музей.

Для исторической науки музей более всего важен в двух отношениях — как социальный институт, аккумулирующий отобранные на основе достаточно четкой системы принципов (и потому репрезентативные) совокупности исторических источников, а также репрезентирующий (транслирующий) научное историческое знание в такой специфической форме публикации, как музейная экспозиция и музейная выставка. В свою очередь, историческая наука для музея является источником знания (информации), необходимого для изучения музейных предметов и их коллекций, с одной стороны, и для разработки концепций музейных экспозиций и музейных выставок — с другой.

Механизмы взаимодействия исторической науки и музея во многом предопределяются тем, что оба названных социальных института являются сложно организованными развивающимися системами, каждая со своей структурой и инфраструктурой, которые претерпели существенные трансформации в информационном обществе. Точную характеристику процессов, происходящих ныне в науке, дала Н.П. Лукина, в свою очередь апеллирующая к В.С. Степину: «Исследовательский интерес смещается от собственно логико-методологического анализа науки к ее социальным и культурным основаниям. По-новому формулируется сама проблема оснований науки, которые, по мнению В.С. Степина, “выступают, с одной стороны, компонентом внутренней структуры науки, а с другой — ее инфраструктуры, которая опосредует влияние на научное познание социокультурных факторов и включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи” (*Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 11*). Следовательно, анализу подлежат не только внутренние для философии науки проблемы, но и мировоззренческие вопросы, связанные с переосмыслением динамики и трансформаций современной науки. Это предполагает рефлекссию по поводу того, как меняется роль науки в жизни общества, как выстраиваются ее отношения с экономикой, культурой, идеологией, властью и другими социальными сферами» [Лукина, 2007].

В самом сжатом, систематизированном виде представления о структуре, т. е. совокупности устойчивых связей, упорядоченности и способах взаимодействия элементов системы (институтов, ролей, статусов) и исторической науки, и музея выражены в их классификациях. При всем их разнообразии применительно к исторической науке речь идет о ряде частных наук, специальных и вспомогательных исторических дисциплин, ис-

тории определенных периодов и регионов, а применительно к музею — о профильных и иных группах, типах и видах музеев [Воронцова, 2003 — эта классификация охватила весь спектр музеев, стала общепринятой; при ссылках автора указывают редко; Чувилова, 2009; и др.], выполняющих различный набор по-разному сочетающихся функций. В контексте рассматриваемой проблемы наиболее значима профильная группа исторических музеев, многочисленная и имеющая достаточно сложную структуру [см.: Балакирев, 2008; Каспаринская, 1973; Музееведение. Музеи исторического профиля..., 1988; Разгон, 1993; Станюкович, 1978; Сундиева, 2003; Шмит, 1919; и др.], а также музеи, существующие в системе науки [Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга..., 2003; Музеи Российской академии наук..., 1998—2012; Чумакова, 2005; и др.]. «Ядро данной группы составляют музеи Российской академии наук (многие из них являются старейшими и крупнейшими музеями, пользуются мировой известностью), отраслевых академий (Академии медицинских наук, Академии педагогических наук), отраслевых научно-исследовательских учреждений, ряда университетов. Особое их качество определяют, на наш взгляд, доминирующая социальная функция, по которой они могут быть определены как научно-исследовательские, а также ведомственная принадлежность научно-исследовательскому учреждению» [Воронцова, 2001. С. 221]. Эта последняя группа помимо музеев, по профилю непосредственно относящихся к историческим музеям, интересна тем, что одна из основных ее функций — документирование истории развития различных отраслей науки.

Инфраструктура и исторической науки, и музея как институтов социальной (исторической) памяти представляет собой комплекс ресурсов и материально-технических средств, необходимых для обеспечения их нормальной жизнедеятельности и реализации социального предназначения — воспроизводства, хранения (и в итоге — сохранения) этой памяти в форме знания о прошлом (ретроспективной информации), памятника истории, музейного предмета. Она выполняет функцию регулятора взаимодействий как элементов внутри каждой из двух систем, так и самих этих систем друг с другом (и с другими системами тоже), отсюда — важное значение процесса коммуникации и организации управления объектами инфраструктуры. От того, насколько она адекватна потребностям конкретного социума в конкретный момент, и от того, насколько индивиды и их группы готовы следовать выработанным для достижения целей правилам, зависят возможность и эффективность взаимодействий и достигаемый результат.

Важную роль в структуре и инфраструктуре (и в процессе социализации) играют сосуществующие и сменяющиеся друг друга сообщества (научные, музейные), которые подразделяются на сообщества формальные (институт, научный или образовательный центр и т. п.) и неформальные (научные школы, объединения по интересам и т. п.) [Корзун, 2003; Мягков, 2000; и др.].

Инфраструктуры музея и исторической науки наряду с чертами сходства имеют и отличия, вытекающие из специфики функций этих социальных институтов. Инфраструктура музея ориентирована на обслуживание музейного посетителя, который «потребляет» информацию, репрезентируемую по преимуществу в форме музейных экспозиций и выставок. Главная задача — обеспечить ему доступность этих последних и максимально комфортные условия для его возможно более длительного нахождения в музее. Из этого логично вытекают доминанты — меры доступности музея и музейных услуг для различных категорий посетителей, площадки и помещения для проведения мероприятий, инфраструктура информационная (сайты, каталоги, путеводители, аудиогиды), транспортная (подъезды к музею, стоянки для транспорта и проч.), сервисная (гостиницы, кафе, сувенирные лавки и т. п.). Инфраструктура же исторической науки должна обеспечивать полноценное удовлетворение потребностей исследователя, главная задача которого — производство нового знания, а главный результат его деятельности — переход потенциальной информации, до времени сокрытой в историческом источнике, в актуальную. По этой причине музей интересует его в первую очередь как хранилище исторических источников (в форме музейных предметов), и в музее для него наиболее привлекательны фонды.

Постановка вопроса об информационной инфраструктуре напрямую связана с подходом к объекту исследования (в нашем случае — к исторической науке и музею) как к информационным системам, т. е. системам, предназначенным для сбора, обработки, хранения и репрезентации информации, применяющим адекватные этим задачам организационные формы и информационные технологии и, в итоге, работающим на сохранение исторической памяти и преодоление информационной энтропии. В этом своем качестве и историческая наука, и музей имеют собственные информационные инфраструктуры, т. е. комплексы материально-технических средств и средств информационного взаимодействия (информационных центров, баз и банков данных, систем коммуникации и т. д.), необходимых для выполнения ими своих функций, в том числе для обеспечения контакта «поставщиков» и «потребителей» информации и доступа «потребителей» к информационным ресурсам.

В настоящее время в повестке дня стоит уже вопрос о распределенной инфраструктуре информационных технологий и ресурсов: «Задача e-Science... — создание организационных и технологических структур, разработка соответствующего программного обеспечения для функционирования новой информационной среды с распределенными ресурсами (информационными и вычислительными), обеспечивающими доступ к ним индивидуальных пользователей, исследовательских групп, лабораторий и институтов (эти сообщества называют виртуальными организациями, col-laboratories). Основное русло реализации задач e-Science прокладывают

гид-технологии. Эта концепция (нередко ее называют Grid Computing – распределенные сети, или “решетки” вычислительных ресурсов) соответствует одному из ведущих и перспективных направлений развития ИКТ. Одна из наиболее сильных сторон Grid-технологий – новые возможности эффективного распространения информации и обучение с доступом к обширным ресурсам... специфика термина “e-Social Sciences” заключается не только в предметной области используемых распределенных информационных ресурсов, но и в акценте на взаимодействие ученых-обществоведов со специалистами по ИКТ... Что касается гуманитарных наук, то перспективы использования гид-технологий связываются здесь во многом с расширяющимися возможностями онлайн-доступа к огромным массивам оцифрованных книг, журналов, изобразительных материалов и т. д. Эффективность использования этих ресурсов резко возрастает, когда исследователь может связывать не только различные тексты, но и тексты с изобразительными источниками, историческими картами, записями интервью, видеоматериалами и т. д., размещенными на различных сайтах» [Бородкин, 2009. С. 25–26].

При том, что историческая наука и музей являются самостоятельными информационными системами, их можно рассмотреть и как базовые элементы информационной инфраструктуры друг друга. В истории «инфраструктурных» взаимодействий исторической науки и музея много позитивного опыта, успешно реализованных проектов, значимых конференций. Тем не менее с сожалением приходится констатировать, что для большинства музеев исследователь – персонаж не слишком желанный. Здесь есть и объективная, и субъективная составляющие. Вольно или невольно он несет угрозу сохранности музейного предмета (или воспринимается так музейными сотрудниками); создание комфортных для него условий требует существенных материальных и организационных затрат (выделение места для работы, его техническое оснащение, трансформация музейных описей и каталогов под исследовательские нужды, стандартизация процедур доступа в фонды и многое другое), а отдача от него в контексте социокультурных задач музея не так очевидна. Однако в информационном обществе огромные массивы информации, таящиеся под спудом, – непозволительная роскошь, поэтому ускорение движения музея и исторической науки навстречу друг другу неизбежно. Сделать его осмысленным, системным, работающим на общественное благо – в интересах всего общества.

Рассматривать музей как базовый элемент инфраструктуры исторической науки необходимо в контексте проблемы информационного обеспечения исторической науки. «Под информационным обеспечением исторической науки мы понимаем деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения

исследовательских задач в области изучения истории, а также саму такую информацию, определенным образом структурированную (организованную) и представленную в удобном для исследователя виде» [Воронцова, Гарскова, 2013. С. 488, сноска 6]. Результат этой деятельности — пополнение существующих и формирование новых информационных ресурсов, а необходимое условие — технологии, оптимальные для решения поставленных научным сообществом задач. В этой связи отмечу, что наш подход отличается от подхода большинства исследователей: мы исходим из того, что технологии — форма, а на первом плане в деятельности по приращению научного знания все же стоит содержание (мысль, гипотеза, концепция исследователя, его анализ информации), и что информационное обеспечение — фактор, определяющий развитие науки, управление ею и «ее самоорганизацию и саморегуляцию на основе саморефлексии».

Реалии информационного общества (глобальный характер информационных сетей и информационного поля, принципиально иные возможности коммуникации) ставят в повестку дня выработку информационных стратегий, отвечающих на вызовы времени, адекватных современной ситуации, обладающих прогностическим потенциалом, нацеленных на эффективное удовлетворение потребностей науки в целом и исторической науки в частности. «Формирование новой информационной среды (масштабных информационных ресурсов и информационной инфраструктуры) привело к появлению принципиально новых возможностей работы с информацией в архивном, музейном и библиотечном деле и к существенным трансформациям функций архивов, музеев и библиотек. Функция хранения информации остается одной из основных функций этих институций, однако в информационном обществе чрезвычайно возрастает роль коммуникации и репрезентации информации» [Воронцова, Гарскова, 2013. С. 492]. Из этого вытекает и значение музея для исторической науки: он — приемник, накопитель информации и канал репрезентации исторического знания, его передачи широкому кругу потребителей-неспециалистов.

Как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки музей выполняет следующие основные функции: информационного ресурса, места репрезентации исторического знания, места коммуникации носителя знания (историка, автора музейной экспозиции) с познающим субъектом (учащимся, неспециалистом в области истории). Информационным ресурсом является музейное собрание, состоящее из музейных предметов, объединенных в коллекции, и с точки зрения историка представляющее собой упорядоченную целенаправленно, на основе определенных принципов, совокупность исторических источников, их выборку. Однако эти источники сверх всего обладают еще и качеством музейного предмета [Голоса истории..., 1990; Иванова, 2006; Кнабе, 1991; Разгон, 1984; Черкаева, 2009], поэтому здесь возникает уже упомянутое нами противоречие между сохранной миссией музея и потребностью ис-

следователя в использовании источника (предмета) для извлечения из него информации, что чревато нанесением ему ущерба и даже его разрушением. Другая сторона этой коллизии (позитивная) заключается в том, что в музейных собраниях помимо прочего происходит специфическое взаимодействие источников в их качестве музейных предметов, дающее исследователю материал для умозаключений, которые без этого вообще не были бы возможны: музейные предметы группируются в коллекции, выставляются в экспозициях и на выставках.

Полноценное функционирование музея в качестве информационной системы и его собрания — как информационного ресурса требует эффективных стратегий пополнения музейных собраний, формального описания, а также типологического и сравнительно-исторического изучения исторических источников/музейных предметов, что происходит в процессе комплектования и научно-фондовой работы [Герасимов, 2013; Музей и современность..., 1982; Финягина, 1975; и др.], осуществляемых с применением методов, которые для исторических источников разрабатывает источниковедение, а для музейных предметов — музейное источниковедение [Проблемы теории..., 2004; Самарина, 2006; и др.]. Реалии информационной эпохи настоятельно подталкивают музейное сообщество к поиску решений, инновационных не только в технологическом, но и в содержательном отношении. Для повышения информационной отдачи необходимы оптимизация структуры музейных собраний, совершенствование принципов их комплектования, систематизации и каталогизации — с учетом таких факторов, как нарастание скорости поступления и объема информации, разнообразие интер- и полидисциплинарных связей и взаимодействий, качественное изменение субъекта информационного процесса — «потребителя» информации. Очевидно, что здесь, как и во многих других отношениях, музею и исторической науке не обойтись друг без друга, о чем свидетельствуют успешно реализуемые совместные проекты.

Основная форма репрезентации исторического знания в музее — это постоянные экспозиции и сменные выставки. Комплексу вопросов, связанных с музейной экспозицией (разработка принципов экспонирования, проектирование и функционирование экспозиций, их содержательное наполнение, художественные аспекты и т. д.), в музееведении уделялось и уделяется достаточное внимание [Закс, 1970; Искусство музейной экспозиции..., 1977, 1982, 1985; Каулен, 2005; Михайловская, 1964; Музейная экспозиция..., 1996, 1997; Поляков, 1996; Пчелянская, 2005; и др.]; сказанное в полной мере относится и к историческим экспозициям [Крылова, 2005; Левыкин, Разгон, 1984; Проблемы совершенствования экспозиций..., 1975; Сыченкова, 2010; и др.]. В этой последней группе особого упоминания заслуживают издания, в которых получили отражение дискуссии историков и музееведов по проблемам, возникшим в пост-перестроечный период в связи с утратой монополии одной концепцией

истории (формационной), появлением альтернативных концепций и, соответственно, — возможности выбора и экспериментальной проверки различных подходов (в том числе и на базе музейных экспозиций) [по хронологии: История XX века в музейных экспозициях..., 1995; Современная историография и проблемы содержания..., 2002; Исторические экспозиции региональных музеев..., 2009; Роль музеев в формировании исторического сознания..., 2011].

Значительным эвристическим потенциалом обладает идея М.Ф. Румянцевой о разграничении репрезентации и позиционирования исторического знания («...репрезентация — это в данном случае представление исследователем-историком — и, шире, субъектом исторического познания — своего видения истории, в более строгом смысле — видения исторического процесса как результата научного исследования; позиционирование — внедрение в сознание адресата определенных исторических конструкций/“мест памяти”») [Румянцева, 2012. С. 17]. Она предлагает взглянуть на экспозицию как на особую форму создания исторического текста — историописание, что выводит нас на задачу гораздо более существенного, системного использования при создании экспозиций достижений истории исторической мысли (историографии).

С идеями М.Ф. Румянцевой сопрягается интенсивно разрабатываемая в музееведении и культурологии в рамках семиотического подхода идея экспозиции как текста культуры, целенаправленно структурированного, определенным образом организованного, обладающего глубиной и системой смыслов, не сводимого к составляющим его музейным предметам, имеющего автора(ов) и адресата(ов) (каждого со своими ожиданиями и интеллектуальными предпочтениями), предполагающего умение «читать» его, интерпретируя историко-культурные коды. В итоге экспозиция предстает завершенным «синтетическим научно-художественным произведением» [Словарь актуальных музейных терминов..., 2009] и представляет собой особый тип публикации (данный аспект авторского права практически не разработан).

В таком контексте логична характеристика музейной экспозиции как «разговора предметами», в котором сначала ее создатели, а затем и музейная аудитория осмысливают вещь как посредника (знака) в коммуникативных процессах [Дукельский, 1987; Никишин, 1988], причем одновременно в рамках прошлой и современной культур. Экспозиция организована так, что в процессе трансляции знаний к силе слова (вербальная составляющая) добавляются сила изображения (визуальная составляющая), сила звука (аудиосоставляющая), сила соприкосновения с трехмерным предметным рядом (тактильная и пространственная составляющие). Здесь музейное время и пространство накладываются на время и пространство историческое, создавая совершенно особое пространственно-временное единство, базирующееся на подлинных свидетель-

ствах ушедшей в небытие реальности (экспонатах / исторических источниках / музейных предметах / памятниках истории и культуры) и позволяющее потомкам соприкоснуться со своими предками, с их ментальностью и идентифицировать самих себя. В итоге, по верному замечанию Л.С. Именновой, достигается аутентичность как научная, образная, символическая точность. В рамках рассмотрения музея как базового элемента информационной системы важен взгляд на экспозицию как на «информационную систему, отражающую явления исторического процесса через музейные предметы-экспонаты как знаковые компоненты и строящуюся через их осмысление автором экспозиции в расчете на определенное понимание ее воспринимающим субъектом» [Арзамасцев, 1989. С. 48], т. е. представляющую собой особый способ актуализации информации.

Выполнение музеем описанных выше функций (информационного ресурса, места репрезентации исторического знания) невозможно без взаимосвязи и взаимодействия участников информационного процесса, т. е. их коммуникации. Взгляд на экспозицию как на центральное звено музейной коммуникации [см.: Гнедовский, 2006; Именнова, 2010; Музейная коммуникация..., 2010] делает главными взаимодействующими фигурами носителя знания (историка, автора музейной экспозиции) и его «потребителя» — познающего субъекта (учащегося, неспециалиста в области истории). Они в равной мере необходимы друг другу: настоятельная потребность подталкивает носителя знания поделиться им, высказаться и быть услышанным, а адресат (сторона, принимающая информацию) в идеале жаждет получить знание, нужное ему для самореализации. Диалог дает им шанс к развитию, самосовершенствованию, интеллектуальному взаимообогащению. Здесь могут быть выделены два уровня: коммуникация музейных сотрудников с историками в процессе создания экспозиции и опосредованная экспозицией коммуникация музейных посетителей с теми и другими как авторами этого специфического текста.

Однако, когда речь идет об отношениях музея и исторической науки, не менее значимой становится и другая пара контактеров — хранитель информации и ее потребитель-профессионал. Коммуникация имеет в данном случае иную цель, иные формы и иной результат, а именно — приращение научного исторического знания в результате актуализации информации, ее извлечения историком из исторических источников/музейных предметов. Ключевой момент для достижения этой основной для исторической науки цели — обеспечение доступа исследователей к носителю информации. И тут мы сталкиваемся с оппозицией науки и музея и противодействием со стороны хранителей (музейных работников) устремляющимся в фонды исследователям. Напомним, что данная оппозиция имеет объективную составляющую, ведь одна из главных функций

музея — обеспечение сохранности подлинных, аутентичных, свидетельств.

Но при ее абсолютизации из поля зрения выпадает факт, многократно подтвержденный на практике: актуальная информация сохраняется лучше потенциальной, остающейся пока невостребованной; риски ее утраты, нарастания в этом месте информационного поля информационной энтропии существенно выше. По этой причине более перспективным во всех отношениях нам представляется другой путь: так организовать процесс коммуникации, использование историками носителей информации (аккумулируемых и хранимых музеем источников), чтобы свести к минимуму риски их повреждения и утраты. Специфика коммуникации в случае исторической науки и музея определяется тем, что первая выступает в роли поставщика информации, добываемой из исторических источников, и, одновременно, «потребителя» информации, хранимой музеем, а второй — в роли распорядителя необходимого исторической науке информационного ресурса и институции, не только аккумулирующей информацию, но и актуализирующей культурное наследие (в форме музейного предмета, коллекции, музейного собрания). Основное условие на сегодня (помимо достаточного количества оборудованных под нужды исследователей рабочих мест) — правильно выстроенная деятельность по оцифровке коллекций, результатом которой является система баз и банков данных, тематических интернет-ресурсов, отвечающих требованиям репрезентативности и научности. Интересные результаты может дать создание в стенах музея библиотек, являющихся, с одной стороны, коллекцией раритетных изданий, а с другой — специализированным книжным собранием (соответственно, для исследователя это источник одновременно и исторический, и историографический).

К сожалению, пока приходится констатировать: такие примеры скорее исключение, чем правило. А ведь от эффективности коммуникации, от полноценной кооперации усилий производителей, хранителей и потребителей научной информации напрямую зависит и вектор развития исторической науки (по восходящей или по нисходящей линии), и востребованность музея обществом, что на современном этапе является вопросом его выживания.

В разговоре о музее как о базовом элементе информационной инфраструктуры исторической науки невозможно обойти стороной технологические аспекты, потому что они затрагивают все функции музея в данном его качестве — функции информационного ресурса, места репрезентации исторического знания, места коммуникации носителя и потребителя (приемника) знания. И в исторической науке, и в музееведении, и в музейной деятельности этим аспектам уделяется настолько большое внимание, что сформировались специальные научные дисциплины — историческая информатика [библиографию см.: Воронцова, Гарскова, 2013.

С. 504–505] и музейная информатика [Ноль, 2007. С. 36–39]. При том, что толчок развитию той и другой дали процессы компьютеризации соответствующих институций (исторической науки, музея), что технологическая (техническая, программная) сторона в них имеет много общего, что обе дисциплины решают задачи извлечения информации часто из одних и тех же носителей (исторических источников/музейных предметов), с применением одних и тех же технологий, векторы их развития во многом не совпадают, а получаемые на выходе информационные продукты служат удовлетворению разных потребностей разных же категорий потребителей информации. Адресатом в первом случае является исследователь-историк, во втором — с одной стороны, музейный посетитель (и, шире, музейная аудитория), с другой — музейный сотрудник; первая «обслуживает» познавательную (научную) деятельность, для второй важнее прикладные аспекты, о чем свидетельствуют проблематика в целом и интенсивность исследования конкретных проблем: музеи как информационные центры [Музей будущего..., 2001]; компьютеризация музеев [Компьютер в музее, музей в компьютере..., 1991; Ноль, 1999; и др.]; информационные технологии в музейной деятельности в целом [Борисова, 2006; Заславец, 2007; и др.]; музейные сайты, представительство музеев в сетях [Валетов, 2003; Лебедев, 2002; и др.]; электронные (виртуальные) музеи и проекты [Лещенко, 2011; Селиванов, 1997; и др.]; источниковедческие аспекты применения современных информационных технологий, цифровые источники, проблема доступа к источникам [Борисова, Каулен, Черкаева, Чувилова и др., 2009; Ноль, 1991; и др.]; применение современных информационных технологий в экспозиционной деятельности [Черненко, 2011]. Исследователи отмечают противоречивость взаимодействия технологий сетевой коммуникации с традиционными формами музейной коммуникации, их неоднозначное влияние друг на друга и даже угрозу утраты музеем своей идентичности.

Вместе с тем нельзя не отметить и того факта, что точки соприкосновения здесь есть. Выше уже говорилось о том, в чем историческая наука и музей (и как социальные институты, и как информационные системы) необходимы друг другу в плане содержательного наполнения. Не меньше пользы может принести соединение усилий и в области информационных и коммуникационных технологий (особенно — их разработка для музеев с учетом потребностей исторической науки), реализация совместных проектов по созданию баз и банков данных, тематических сетевых и иных информационных ресурсов, более активное привлечение историков к информатизации тех сторон деятельности музеев, которые нацелены на обеспечение доступа к хранимым в них носителям информации, учет интересов исследователей при разработке стратегий оцифровки музейных сокровищ. Очевидным результатом

такой кооперации станет повышение информационной отдачи и конкретных источников, и их совокупностей, переход значительных массивов потенциальной информации в информацию актуальную, лучшее информационное обеспечение исторической науки. Передовым отрядом в решении этой задачи могут и должны стать специалисты в области исторической и музейной информатики.

Рассмотрение спектра вопросов, дающих представление о роли музея как базового фактора информационной инфраструктуры исторической науки, подводит к выводу, что этот аспект взаимодействия музея и исторической науки заслуживает внимательного, взвешенного, программного подхода. Его изучение нужно вести и в теоретико-методологическом, и в конкретно-историческом, и в прикладном (научно-методическом) отношениях, координируя деятельность исследователей, принадлежащих к широкому кругу научных дисциплин. Немаловажное значение здесь имеет преодоление издержек узковедомственного подхода (к музеям — только как к учреждениям культуры, к научным институтам — только как к учреждениям науки; добавим еще: к школам и вузам — только как к учреждениям образования). В итоге на выходе и профессиональные сообщества историков и музейных сотрудников, и общество в целом, и конкретные индивиды могут получить разнообразные информационные ресурсы, жизненно необходимые им для развития по восходящей.

Библиография

- Актуальные проблемы фондовой работы музеев. М., 1979, 1980, 1981.
- Артемов Е.Г.* Социальные функции современного музея исторического профиля // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX—XXI вв. М., 2001. С. 99—105. (Труды ГИМ; вып. 127).
- Балакирев А.С.* Музеи исторического профиля. Культурная миссия / ГЦМСР. М., 2008. 174 с.
- Божченко О.А.* Историческая память как форма музейной рефлексии // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусства. 2012. № 3 (12). С. 112—116.
- Борисова Н.А.* Инфокоммуникационные технологии в музейной деятельности // Почтовые музеи: взгляд из прошлого в будущее. [2006]. С. 23—36.
- Борисова М.В., Каулен М.Е., Черкаева О.Е., Чувилова И.В. и др.* Культурное наследие в контексте инновационных гуманитарных технологий // Музееведение и историко-культурное наследие. Кемерово, 2009. Вып. III. С. 5—90.
- Бородкин Л.И.* Сетевые структуры гуманитарной информатики: технологии ehumanities // Гуманитарная информатика. 2009. Вып. 5. С. 25—26.
- Бородкин Л.И., Воронцова Е.А., Мироненко С.В.* Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 572—577. DOI: 10.7256/2222—1972.2013.6.11513

- Булдаков В.П.* Историк и иллюзии исторической памяти // Россия и современный мир. 2013(а). № 2. С. 34–47.
- Булдаков В.П.* Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения // Вопросы философии. 2013(б). № 8. С. 54–65
- Валетов Т.Я.* Музеи в Интернете: обзор глобальной сети // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. Труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул, 2003. С. 328–358.
- Воронцова Е.А.* Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов междунар. науч. конференции, посвященной 150-летию открытия для публики Чертковской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ России, 2014(а).
- Воронцова Е.А.* Музей как элемент системы информационного обеспечения исторической науки: теоретико-методологические аспекты проблемы // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: История. 2014(б). № 3. С. 82–85.
- Воронцова Е.А.* Очерки по теории и истории культуры. М.: Летний сад, 2014(в). 171 с.
- Воронцова Е.А.* Музеи в системе науки // Культурные миры: материалы науч. конференции «Типология и типы культур: разнообразие подходов (20–22 марта 2000 г., Москва)». М.: Рос. ин-т культурологии, 2001.
- Воронцова Е.А.* Классификация музеев // Музейное дело России/ Под ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М.: ВК, 2003. С. 235–251.
- Воронцова Е.А., Гарскова И.М.* Информационное обеспечение российской исторической науки в информационном обществе: современное состояние и перспективы // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 5. С. 487–505. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9811.
- Воронцова Е.А., Сундиева А.А., Каулен М.Е., Кузина Г.А., Дьячков А.Н., Чистотина С.Л.* Музеи — особо ценные объекты культурного наследия. Аналитические материалы. Методы ранжирования. Деп. в ИНИОН РАН (№ 52996 от 20.10.1997).
- Газалова К.М.* Музей как социальный институт в России XX столетия // Проблемы теории, истории и методики музейной работы / ГЦМСИР. М., 1995. С. 10–12.
- Герасимов Ю.В.* Информационно-методическое обеспечение научно-фондовой работы в музее: коллекции археологии // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: История. 2013. № 2 (22). С. 158–161.
- Гнедовский М.Б.* Музейная коммуникация и музейный сценарий. М.: Литера, 2006. 380 с.
- Голоса истории: музейные материалы как источник познания прошлого / Центр. музей Революции. М., 1990. Кн. 1. 240 с.
- Грусман В.М.* Музей как институт формирования исторической памяти // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8, № 35. С. 92–98.
- Дукельский В.* В поисках музейной концепции истории // Музейная экспозиция: Теория и практика, искусство экспозиции, новые сценарии и концепции / Под ред. М.Т. Майстровской; Рос. ин-т культурологии / М., 1997. С. 33–41 (На пути к музею XXI века.)

- Дукельский В.Ю.* Музейные коллекции и предметный мир культуры // Некоторые проблемы исследований современной культуры. М., 1987. С. 26–34.
- Закс А.Б.* Из истории экспозиционной мысли советских музеев (1917–1936) // Труды НИИ музееведения. Вып. 22. М., 1970. С. 128–165.
- Заславец Н.Н.* Информационные технологии в музейной практике // Диалог со временем. Вып. 20. М., 2007. С. 299–303.
- Изучение музейных коллекций / Сост. и науч. ред. У.М. Полякова; НИИ культуры. М., 1974.
- Именнова Л.С.* Музей в глобальном мире // Вестник Московского гос. ун-та культуры. 2011. № 1. С. 138–143.
- Именнова Л.С.* Музейная коммуникация как пространство символического // Культура глобального информационного общества: противоречия развития: сборник науч. статей. М.: Изд-во Московского гуманитар. ун-та, 2010. С. 522–534.
- Искусство музейной экспозиции / НИИ культуры. М., 1977, 1982, 1985
- Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период / Отв. ред. И.В. Чувилова. СПб.: Алетейя, 2009. 304 с.
- История XX века в музейных экспозициях / Центр. музей Революции. М., 1995. 205 с.
- Каспаринская С.А.* Мемориальные музеи исторического профиля // Историко-революционные и литературные мемориальные музеи / НИИ культуры. М., 1973. С. 3–87.
- Каулен М.* Музей и наследие // Музей. 2009. № 5. С. 10–19.
- Каулен М.Е.* Экспозиция и экспозиционер // Хранители наследия. Альманах ассоциации муниципальных музеев. Вып. 2. Барнаул, 2005. С. 140–168.
- Компьютер в музее, музей в компьютере. Труды Всесоюзного семинара по проблемам компьютеризации музеев за 1990 г. М.: ГТГ, 1991. 128 с.
- Корзун В.П.* Научные сообщества в исторической науке как исследовательская проблема // Исторический ежегодник за 2002–2003. Омск, 2003. С. 36–46.
- Лаптева М.А.* Соотношение истории как науки и музейного дела в культуре XX века (к постановке проблемы) // Вестник Красноярского гос. технического ун-та. Вып. 41. Красноярск, 2006. С. 66–70.
- Лебедев А.В.* Пространство музея в Интернете // Справочник руководителя учреждения культуры. Вып. 4. 2002. С. 85–92.
- Левыкин К.Г., Разгон А.М.* Экспозиция музея и историческая наука // История СССР. 1984. № 3. С. 66–76.
- Лещенко А.* Эволюция и революция в мире виртуальных музеев // Музей. 2011. № 7. С. 12–15.
- Лукина Н.П.* Образ науки информационного общества: опыт философской рефлексии // Гуманитарная информатика. Вып. 4. Томск, 2007. Электронный ресурс: URL: huminf.tsu.ru/journal.
- Мастеница Е.Н.* Музейная интерпретация истории: подходы и методы // Музей. 2010. № 10. С. 8–12.
- Михайловская А.И.* Музейная экспозиция: организация и техника. М.: Советская Россия, 1964. 517 с.
- Музееведение в России первой трети XX века / Сост. Е.Н. Вакулина; Центр. музей Революции. М., 1997. 283 с.

Музееведение и историко-культурное наследие: сборник статей. Вып. I–IV. Кемерово: КемГУКИ, 2006–2012.

Музееведение. Музеи исторического профиля / Под ред. К.Г. Левыкина, В. Хербста. М.: Высш. шк., 1988. 431 с.

Музееведение. Музеи мира / Отв. ред. Е.Е. Кузьмина; НИИ культуры. М., 1991. 378 с.

Музееведение. Вопросы теории и методики / Под ред. В.Ю. Дукельского; НИИ культуры. М., 1987. 167 с.

Музееведение. На пути к музею XXI века / НИИ культуры. М., 1989. 224 с.

Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: сборник документов и материалов / Под ред. Э.А. Шулеповой. М.: Этерна, 2010.

Музей будущего: информационный менеджмент / Сост. А.В. Лебедев. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 315 с.

Музей и современность. Комплектование музейных коллекций / НИИ культуры. М., 1982. 140 с.

Музеи Российской академии наук: альманах. М.: Научный мир, 1998–2012.

Музейная коммуникация: модели, технологии, практики / Отв. ред. В.Ю. Дукельский / Рос. ин-т культурологии. М., 2010. 199 с.

Музейная экспозиция / Рос. ин-т культурологии. М., 1996, 1997 (На пути к музею XXI века).

Музейное дело России / Под ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М.: ВК, 2003, 2006, 2010.

Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2000. 298 с.

Научные основы работы музеев исторического профиля / Центр. музей Революции. М., 1980. 184 с.

Нестеренко А.Н. Историческая память и современность // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 3. С. 284–288.

Никифоров А.Л. Историческая память и общество // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15, № 2. С. 90–102.

Никишин Н.А. Язык музея как универсальная моделирующая система музейной деятельности // Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности / Ред. В.Ю. Дукельский; НИИ культуры М., 1988. С. 7–15.

Ноль Л.Я. 30 лет информатики в российских музеях // Музей. 2007. № 1. С. 36–39.

Ноль Л.Я. Автоматизированные базы данных по памятникам истории и культуры: проблемы и решения // Музееведение. Музеи мира / Отв. ред. Е.Е. Кузьмина; НИИ культуры. М., 1991. С. 232–248.

Ноль Л.Я. Компьютерные технологии в музее. М.: Рос. ин-т переподготовки работников культуры, искусства и туризма, 1999. 114 с.

Основы советского музееведения. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1955. 373 с.

Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 2–7. М., 1960–1971.

Поляков Т.П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции) / Рос. ин-т культурологии. М., 1996. 253 с.

Пономарев Б.Б. Несовершенный музей в несовершенном мире. М.: ИПК Робин, 2002. 168 с.

Проблемы совершенствования экспозиций по истории советского общества / НИИ культуры. М., 1975. 234 с.

Проблемы теории, истории и методики музейной работы (источниковая база музеев) / ГЦМСИР. М., 2004. 216 с.

Равикович Д.А. Социальные функции и типология музеев // Музееведение. Вопросы теории и методики / Под ред. В.Ю. Дукельского; НИИ культуры. М., 1987. С. 10–24.

Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала 18-го века до 1861 г.). М.: Гнозис, 1993. 231 с.

Разгон А.М. Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М.: Наука, 1984. С. 174–183.

Репина Л.П. Историческая память и история историков // Исторические записки. 2010. № 13 (131). С. 154–164.

Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45.

Роль музеев в формировании исторического сознания: Междунар. науч.-практическая конференция. Рязань, 25–28 апр. 2011 г.: материалы и доклады / Отв. ред. И.В. Чувилова. М.: ООО «НБ-Медиа», 2011. 188 с.

Российская музейная энциклопедия / А.А. Сундиева, Е.А. Воронцова, Т.Н. Кадаурова и др.: В 2 т. М.: Прогресс, «РИПОЛ классик», 2001.

Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Серия 2. Вып. 2. 2014. С. 106–126.

Румянцева М.Ф. Музейная экспозиция как форма репрезентации / позиционирования актуального исторического знания: от постмодерна к постпостмодерну // Роль музеев в формировании исторического сознания / Отв. ред. И.В. Чувилова. М., 2012.

Самарина Н.Г. Проблемы музейного источниковедения в историографии второй половины XX – начала XXI века // Собор лиц: сборник статей / Под ред. М.Б. Пиотровского и А.А. Никоновой. СПб., 2006. С. 349–360.

Сапанжа О.С. Методология теоретического музееведения. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 115 с.

Сапанжа О.С. Теория музея и музейности: исторический обзор и историческая типология. СПб.: Экспресс, 2011. 98 с.

Селиванов Н.Л. Субъективный взгляд на музей из виртуальной реальности // Музеи Москвы и музеология XX века: Тезисы науч. конференции 25–26 ноября 1997 г. М.: РГГУ, 1997. С. 35–38.

Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5.

Собор лиц: сборник статей / Под ред. М.Б. Пиотровского и А.А. Никоновой. СПб., 2006.

Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост. Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. 295 с.

Современная отечественная история в музеях: материалы конференций музейных работников, состоявшихся в гг. Москве и Иванове в 1999 г. М., 2000.

- Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга: альбом / Сост. Ю.А. Петросян, Е.А. Иванова. СПб.: Наука, 2003. 520 с.
- Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи. Л.: Наука, 1978. 288 с.
- Сундиева А.А.* Исторические музеи в современной России // Ориентиры культурной политики. Вып. 8. М., 2003. С. 55–62.
- Сундиева А.А.* Музей как культурная форма // Культурные миры: Материалы научной конференции. М.: РИК, 2001. С. 210–215.
- Сыченкова Л.А.* О способах представления истории в музейных экспозициях // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 124–135.
- Терминологические проблемы музееведения / Центр. музей Революции. М., 1986. 230 с.
- Тишков В.А.* О сотрудничестве с музеями исторического профиля // Вестник АН СССР, 1979, № 8, С. 100–104.
- Томилов Н.А.* Музееведение. Его периодизация и основные понятия // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. Омск, 1998. Т. 6. С. 52–64.
- Триумф музея?: сборник статей / Отв. ред. А.А. Никонов. СПб.: Осипов, 2005. 458 с.
- Федоров Н.Ф.* Из философского наследия: Музей и культура. М., 1995. 318 с.
- Финягина Н.П.* Состав и структура музейных фондов, содержание фондовой работы // Музейное дело в СССР / Центр. музей Революции. М.: Советская Россия, 1975. С. 19–38.
- Финягина Н.П.* Фондовые коллекции в музее // Вопросы музейной работы / НИИ культуры. М., 1974. С. 104–118.
- Черкаева О.* От предмета к музейному собранию // Музей. 2009. № 5. С. 26–30.
- Черненко В.В.* Информационные технологии в экспозиционной и выставочной деятельности // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Новосибирск, 2011. С. 330–335.
- Чувилова И.* Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. 2009. № 5. С. 20–25.
- Шляхтина Л.М.* Современная музеология: горизонты теоретизирования // Вопросы музеологии. 2013. № 1 (7).
- Шмит Ф.И.* Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. Харьков: Союз, 1919. 104 с.
- Шнирельман В.А.* Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8–26.
- Юренева Т.Ю.* Музееведение: учебник для высшей школы. М.: Академический проект, 2003. 560 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ МУЗЕЕВ И ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Historical Typology of Museums and Problems of Information Support of Historical Science

Аннотация: в статье рассматривается круг проблем, связанных с современной ситуацией усиления просветительских и рекреационных функций музея и его роли как института, хранящего и представляющего исторические артефакты и документы. На основе концепции исторической типологии музея и его протоформ представлена панорама исторической эволюции музея и его роли в информационном обеспечении науки.

Abstract: In this article is analyzed a wide range of issues regarding current situation of increasing educational and recreational functions of museums and their institutional role of keeping and presenting historical artifacts and documents. Based on the concept of a historical typology of the museum and its «protoforms» are presented a historical panorama of the evolution of the museum and its role in information support of science.

Ключевые слова: музеология, музей, музейность, культурная форма, артефакт, документ, история музейного дела, историческая типология, историческая наука.

Keywords: museology, museum, museum quality, cultural form, artifact, document, history museum, historical typology, historical science.

На рубеже XX—XXI вв. произошло определенное смещение фокуса в понимании цели и смысла деятельности музея. На первый план окончательно вышла проблема диалога и сотрудничества с посетителем-непрофессионалом, общим стало утверждение приоритета образовательной, просветительской и рекреационной функций музея. Можно говорить о том, что в споре человека и человечества победил человек, которому и служит музей как социокультурный институт.

Этот процесс вполне закономерен и отражает общую динамику культуры и изменившийся угол зрения на проблему сохранения и трансляции культурных кодов. Если еще 20 лет назад музей искал пути диалога со зрителем, но не предполагал возможности активного участия непрофессионала в выборе тем и сюжетов выставок, их интерпретации и даже в процессе разработки, то сегодня такой подход стал вполне привычным, особенно в тех сегментах музейного пространства, которые стараются наметить новаторские пути развития музея как пространства не только диалога, но и сотрудничества [Культура участия, 2015].

Эти (несомненно, положительные) тенденции имеют, тем не менее, и обратную сторону: все чаще профессиональные исследователи подозрительно относятся к музейному пространству как пространству эксперимента, творчества, диалога, но не как к площадке научной дискуссии и решения музейными средствами задач источниковедческого (информационного) обеспечения науки. Не секрет, что доступ в музейные фонды часто затруднен даже для специалистов, работающих над теми или иными проблемами, но не являющихся научными сотрудниками музеев. Для этой группы исследователей (не столь малочисленной) именно экспозиция и особенно выставки становятся возможностью познакомиться с важными материалами, артефактами и документами. Пространство эксперимента и диалога заставляет относиться к выставке с подозрением. Между тем наряду с форумом музей выполняет и функции обеспечения исторической науки.

Определяя существенные компоненты информационного обеспечения исторической науки, Е.А. Воронцова дает следующее рабочее определение: «...информационное обеспечение исторической науки — это деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения исследовательских задач в области изучения истории, а также сама такая информация, определенным образом структурированная (организованная) и представленная в удобном для исследователя виде». Музеям, по мысли автора, принадлежит особое место в этом обеспечении: «...в информационном обществе чрезвычайно возросла роль коммуникации (общения) и, как следствие, репрезентации информации. В стремлении остаться востребованными, хранители (архивы, музеи, библиотеки) начали конкурировать на этом поприще с репрезентирующими институциями (издателями, сетями и пр.). При этом музеи и архивы хранят подлинники, ценность которых как исторических источников пока серьезному сомнению не подвергается (даже при наличии оцифрованных копий)» [Воронцова, 2014. С. 365].

Таким образом, можно отметить следующее противоречие: с одной стороны, в условиях возрастающей роли репрезентации информации возрастают роль и значение музеев как хранителей подлинных артефактов и документов прошлого, а с другой — концепция «музея для посетителя», ставшая основным вектором развития музейного мира последних десятилетий, требует усиления рекреационных технологий при моделировании музейного пространства как креативного пространства и музейного мира как творческого кластера в целом.

В этой связи интересно проследить, как менялось представление о формах хранения и представления артефактов в музейных и протомузейных формах. Отметим, что протомузейным формам стоит уделить не меньшее внимание, чем собственно формам организации музейности в

виде привычного социокультурного института — музея [Сапанжа, 2009; Сапанжа, 2011]. Понимая под *музейностью* способ наделения субъектом особыми свойствами объектов реального мира с целью сохранения исторического потенциала и творческого резерва опыта человека и человечества, реализуемый в собраниях предметов, репрезентирующих этот опыт, стоит подчеркнуть, что именно музейность является «культурной формой», которую осваивает человек, создавая музейное пространство как динамичную структуру культурных артефактов. Появление тех или иных видов музея — ответ культуры на запрос по актуализации музейности на каждом этапе развития.

Первым этапом является возникновение и осознание новой потребности (интереса). В истории музейного дела (как, впрочем, и в истории иных культурных форм) этот этап является самым продолжительным, а его корни можно при желании обнаружить в самых отдаленных периодах развития человечества, известных науке [Художественная культура..., 1985. С. 85]. Систематизируя различные формы домусейного собирательства, В.П. Грицкевич предлагает анализировать их в контексте мотиваций — причин возникновения коллекций. Он выделяет сакральную мотивацию, экономическую, социального престижа, групповой принадлежности, доказательства родства с легендарными предками, патриотического характера, как средство возбуждения любознательности, как средство исследовательской деятельности, как средство эстетического переживания [Грицкевич, 2004. С. 70—92]. Очевидно, что большинство мотиваций уже имело место в древнейшем обществе. Среди основных видов бытования предмузейных собраний в архаичном, древнем и средневековом обществах Грицкевич выделяет гробницы, жертвоприношения, трофеи, реликвии, культовые предметы, сокровища [Там же. С. 94]. Как видим, задач информационного обеспечения не ставилось, да и не могло ставиться в условиях синкретичной культуры.

Показательно, что, предлагая периодизацию истории музейного дела, В.П. Грицкевич выделяет первый «этап, на котором реализация музейного принципа (то есть стремления собирать, хранить и представлять изъятые из утилитарного обихода материальные предметы, представляющие в глазах собирателей особую ценность) происходила без создания самостоятельного социокультурного института, в виде предмузейных собраний» [Там же. С. 250]. Под «музейным принципом» можно понимать «музейную потребность», реализация которой впоследствии привела к рождению культурной формы — музея.

Музей как новая форма собраний предметов, утративших утилитарное значение, хранящихся в особом помещении и выставляемых напоказ, появляется в XV в., так как именно «в Италии в эпоху Возрождения существовали все три предпосылки создания музея как самостоятельного социокультурного явления» [Там же. С. 104]. Несмотря на то что эти со-

брания часто носили другие названия («студьоло», «антиквари», «кунсткамера», «галереи» и пр.), по функциям это были уже музейные учреждения. Связано это с самим принципом организации коллекций и определенными тенденциями их демонстрации (в формах, не связываемых прямо с экспозиционными принципами и предполагающими возможность знакомства с коллекцией весьма ограниченного круга лиц). Не только художественные коллекции (среди которых наиболее известны коллекции папского двора и флорентийской династии Медичи), но и другие собрания (минералогические коллекции, ботанические сады, зверинцы, анатомические театры и научно-технические коллекции) появляются в XV—XVI вв. Некоторые были доступны для публики (как, например, коллекция минералов врача К. Геснера из Цюриха, которая стала доступной для публики в 1550 г. [Там же. С. 154]), но «широкой популярности среди населения эти учреждения не имели» [Там же. С. 160]. Тем не менее интеграция культурной формы «музей» в социальную практику состоялась, начался процесс ее символического освоения в качестве «своей», идентифицирующей культурной особенности.

Период функционирования культурной формы в социальной практике (для музея период с XVI по XXI в.) осуществляется в виде прямого и вариативного воспроизводства в культурных артефактах, формировании стандартов ее смысловой интерпретации и их постепенной изменчивости.

Таким образом, можно говорить о трех формах проявления в культуре специфической потребности: домузейной, музейной и немuseumной. Первая форма охватывает период до возникновения музея как социокультурного института и включает различные варианты проявления внеутилитарного интереса к пространству материальных объектов (среди которых преобладают сокровищницы), вторая представляет собой наиболее типичную яркую форму общественного выражения этой потребности (типичная не означает постоянная; напротив, музей как социокультурный институт подвержен постоянному изменению в зависимости от логики развития культуры или вопреки ей), третья — различные варианты немuseumного удовлетворения потребности.

Представленный вектор исторического анализа (достаточно разработанный в отечественной науке) раскрывает *институциональную динамику* культурной формы. Стоит также отметить, что именно в институциональной плоскости следует искать самые надежные показатели динамики и развития изучаемой сферы культуры [Художественная культура..., 1985. С. 85].

Но данный подход не позволяет проследить динамику культурной формы *как способ актуализации памяти*. В зависимости от типа культуры трансформируются конкретные формы хранения/ воспроизведения текста. Традиционная культура помнит все, но только в актуализированной форме — не посредством хранения памятника, а посредством

постоянного воспроизведения текста, постоянно же потребляемого (произведение, специально сохраняемое как оригинал в силу сакрального, меморативного или прикладного статуса). Идея хранения неактуализированного сейчас наследия может возникнуть только в условиях динамичной культуры, когда изменчивость искусства становится нормой и минувшее осознается как невозвратимое. Данное положение имеет принципиальное значение для анализа причин появления музея как социокультурного института, изначально осуществляющего хранение объектов, окончательно изъятых из контекста утилитарного использования. Формы проявления музейности в античной и средневековой культуре предполагали именно постоянное «потребление» текста, его активное использование. В дальнейшем идея такого «использования» памятника продолжала существовать в «скрытых» формах коллекционирования. Сегодня же установка традиционной культуры на постоянную актуализацию того, что можно обозначить как наследие, в контексте культуры постмодерна приобретает обновленное звучание. Наряду с отношением к памятнику как безусловному артефакту, который надлежит тщательно охранять, защищать и не включать в различные активные практики, отчетливо прослеживается тенденция, связанная с использованием (вплоть до утилитарного) объектов, одновременно воспринимаемых как памятники. Расцвет различных форм демонстрации музейного отношения к действительности, связанный с собиранием и использованием бытовых предметов, ярко иллюстрирует это положение.

В контексте исторической типологии представляется целесообразным выделить два ключевых типа представления музейности: тип традиционной музейности и тип динамической (креативной) музейности. Хронологические границы *традиционного типа музейности* соответствуют истории традиционной культуры, т. е. охватывают время до эпохи Возрождения. Этот этап характеризуется, в первую очередь, хранением и использованием (презентацией) материальных предметов в актуализированной форме. Подобная установка традиционной культуры определила возникновение соответствующих форм представления музейности, не ориентированных на создание специального института, в задачи которого входили бы сохранение и презентация, но не активное «потребление» артефактов. Напротив, каждая из исторических форм представления музейности в рамках традиционной культуры неизменно включала предметы в плоскость их функционального использования.

Самые первые формы представления традиционной музейности можно обозначить как *архаические праформы*, непосредственным образом связанные с важнейшими вопросами происхождения человека и рождения культуры. Музейность можно рассматривать как элемент «социокультурной генетики», связанной с небиологической передачей от индивида к индивиду и из поколения в поколение вырабатываемого людьми

опыта [Каган, 2000. С. 44]. В связи с тем что первобытная культура не знает отчетливой дифференциации по видам человеческой деятельности, формы представления музейности максимально интегрированы в общую картину синкретической деятельности человека. В праформах выражения музейности, включенных в общую картину мира, которые не удастся вычленивать в самостоятельные проявления, безусловно, сказывается синкретизм традиционной культуры с ее целостностью, взаимосвязанностью элементов. Первые признаки проявления музейности можно обнаружить в древнейшем ритуале — погребении, связанном с возникновением представлений о человеке и окружающем мире.

Лишь последовавшая дифференциация человеческой деятельности способствовала выделению первых самостоятельных форм проявления музейности. Возникновение производящего хозяйства, которое определило переход от социального и культурного синкретизма, формирование трех различных типов культур (скотоводов-кочевников, земледельцев, ремесленников — жителей городов Античности) [Там же. С. 149—161], позволяет четко провести границы между конкретными коммуникационными каналами, в связи с чем большее распространение имеют различного вида переходные формы (сочетающие прообразы различных институтов или действий). Формы представления музейности в данных типах культур можно определить как *контекстуальные*: собрания существовали не как самоценное образование, важен был контекст их использования. В частности, сложно говорить о внеутилитарности собраний Древнего Египта.

В Античности коллекционирование приобретает, казалось бы, самостоятельный характер. Тем не менее само слово «музейон», давнее название современному институту, обозначало «место, посвященное музам», и представляло собой святилище муз, которое могло стать и местом проведения творческих состязаний поэтов. Музеи, таким образом, представляли собой центры интеллектуальной жизни.

Если же говорить о коллекциях предметов, накапливаемых в древнегреческих храмах, то речь должна идти не о сознательном коллекционировании предметов, не обладающих утилитарными функциями, а о существовании подобных коллекций как части общего культа приношения богам, характерной для древнегреческой культуры. В Древнем Риме изменяется характер источников пополнения храмовых сокровищниц (вместо индивидуальных подношений основным становится способ пополнения собраний «трофеями»), однако их сакральный характер не изменяется, приобретает лишь усилившиеся черты репрезентативности.

Общая для средневековой культуры доминирующая роль двух сил — религии и Церкви — определила представление музейности в рамках традиционной культуры в форме храмовых сокровищниц, что позволяет также анализировать их как контекстные формы представления музей-

ности, имеющие значение как сакральные предметы, включенные в религиозную практику. Если же мы говорим о «сокровищницах» (к которым относятся королевские сокровищницы, такие как сокровищница Карла Великого, располагавшаяся в Ахенской капелле, или Карла V Мудрого, сокровищницы русских царей), то речь идет не о формах сознательной аккумуляции предметов и наделении их особыми смыслами, а о презентации власти.

С XIV в. начинают появляться формы не контекстного, а *специального представления* музейности, связанные с систематическим собирательством, определившим развитие новых форм музейности в рамках типа динамической музейности (соответствующей динамической культуре). Они получают яркое воплощение в культуре Возрождения, определив основные векторы развития форм представления музейности вплоть до новейшего времени. Контекстные формы музейности нельзя признать исчезнувшими, но их стоит рассматривать как утратившие основные функции — являться частью иных значимых социальных и культурных практик. Именно включенность форм представления музейности в иные формы в качестве одного из элементов является важнейшей чертой, позволяющей трактовать их как служебные, не обладающие самостоятельными функциями и собственным морфологическим строением. Попытки преодоления подобной «служебности», как уже отмечалось выше, были предприняты в Античности, но не получили достаточного развития.

Новые формы, обозначившиеся до возникновения креативной культуры, но утвердившиеся в ее рамках, можно обозначить как самостоятельные или специальные формы представления музейности. Именно новые, самостоятельные (специальные) формы представления музейности стали одним из способов сохранения значимой информации и культурного кода креативной культуры. Не осознававшаяся традиционной культурой потребность в извлечении ряда объектов из активного использования (при наделении их особыми смыслами) в креативной культуре приобретает ключевой характер. Основываясь на достижениях культуры традиционной, культура креативная, тем не менее, стала развиваться в темпах, невероятно превосходящих предшествующее развитие. Ввиду существенно ускорившихся темпов развития и способов выработки внегенетической информации потребовались новые формы сохранения многообразных достижений. Новые формы сохранения музейности предложили варианты по сохранению достижений культуры.

Потребность в таких формах возникла в эпоху Возрождения. М.С. Каган отмечал, что при изучении перехода от одного исторического типа к другому (произошедшего в рассматриваемую эпоху) речь должна идти о трех основных путях: политической Революции, религиозной Реформации и научно-художественном Возрождении [Там же. С. 16]. Эпоху Возрождения неслучайно называют переходной: это был своеобразный

синтез Античности, Средневековья и Нового времени. При анализе различных форм проявлений музейности это утверждение оказывается верным: коллекции эпохи Возрождения, в значительной мере основанные на античном материале, демонстрировали ценностные ориентации новой культуры и ее стремление сохранить историческую информацию, открывали перспективы развития новых форм, осуществившиеся в Новое время.

Среди основных вариантов самостоятельных (специальных) форм представления музейности стоит назвать собрания памятников Античности и произведений искусства (сочетающих черты коллекций и экспозиций), собрания диковинных, оригинальных вещей (кунсткамеры) и первых собраний естественных предметов (естественно-научные кабинеты). Помимо собраний произведений античного искусства, представившего особый интерес для эпохи Возрождения, формируется традиция собирания произведений современного искусства. Основоположником этой традиции стоит признать Дж. Вазари. Для подкрепления ряда положений своей знаменитой книги «Описания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей зодчих» Вазари собрал коллекцию рисунков, сделанных им с картин разных художников (предвосхитив, таким образом, на практике положения концепции А. Мальро). Первые легли в дальнейшем в основу художественных музеев и иных художественных коллекций, во вторых (учитывая возможность собирать то, что интересно, оригинально) можно усмотреть истоки многочисленных проявлений музейности, связанные с интересом к многообразному миру вещей, получившим развитие со второй половины XIX в., когда вещь стала рассматриваться как носитель личностных смыслов, третьи стали прообразом естественно-научных музеев и коллекций.

Таким образом, начиная с эпохи Возрождения становится возможным выделить самостоятельные формы представления музейности, которые сохраняют определенную стабильность на протяжении длительного времени. Основными проявлениями специальных форм становятся общественные музеи и частные коллекции, неизменно расширяется круг объектов для собирательства и демонстрации. Об актуализации и ориентации на зрителя речи не идет.

К началу XX в. были сформированы основные варианты самостоятельных форм представления музейности, что определило рождение научного направления, призванного их осмыслить.

Однако к середине XX в. структура самостоятельных форм стала обнаруживать отчетливые черты кризиса. Истоки этого кризиса стоит усматривать в общих тенденциях развития культуры XX в. Переходным считал этот век П. Сорокин, нестабильным называл его Х. Ортега-и-Гассет. XX век — век кризиса культуры, научно-технических революций и формирования общества массового потребления, массовых коммуникаций.

Анализ новых форм представления музейности позволяет выделить ряд тенденций, свидетельствующих если не о кризисе, то о существенных трансформациях. Первая связана с расширившейся сферой объектов, подвергающихся сохранению и презентации. Названная тенденция проявляется как в стремлении сохранить максимально большее количество предметов окружающего мира, так и в «разрастании» объектов сохранения: территорий, памятников архитектуры. К концу XX в. предметом особого музейного отношения может стать практически любой объект реального мира. Вторая связана с усложнением форм представления музейности: количество вариантов представления объектов реального мира растет. Третья проявляется в стремлении современной культуры активно включить памятник в систему жизни человека (о чем шла речь в начале статьи), что позволяет пока очень осторожно говорить об интересе к тому типу актуализации памятника, который был характерен для первых этапов развертывания идеи музейности в культуре, и сделать вывод о формировании во второй половине XX в. новых синтетических форм представления музейности как проявление кризиса креативной культуры. Эти формы характеризуются, прежде всего, включением максимального количества объектов в круг специфической музейной деятельности и стремлением актуализировать эти объекты в качестве элементов современной культуры.

Задачей развития музейного пространства является, как представляется, создание системы, обеспечивающей необходимый баланс между развитием музея как пространства диалога, творчества, эксперимента (а музейного мира как креативного кластера) и функциями музея по сохранению, систематизации, представлению достоверной исторической информации и обеспечению ею современной науки.

Библиография

Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов междунар. науч. конференции, посвященной 150-летию открытия для публики Чертковской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ России, 2014. С. 363–372.

Грицкевич В.П. История музейного дела до конца XVIII века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусства, 2004. 304 с.

Каган М.С. Введение в историю мировой культуры: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Петрополис, 2000. 290 с.

Культура участия: музей как пространство диалога и сотрудничества / Ред.-сост. Д. Агапова. СПб.: б.и., 2015. 160 с.

Сапанжа О.С. Категория музейности в музееведении и культурологии // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. № 4. Т. 2. Серия: Философия. СПб., 2009. С. 189–198.

Сапанжа О.С. Предчувствие музея: культурология музейности // Вопросы культурологии. № 4. 2010. С. 68–71.

Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурно-типологическое исследование / Науч. ред. М.С. Каган. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1984. 304 с.

УДК 930.1

М.Ф. Румянцева, M.F. Roumiantseva

МУЗЕЙНЫЙ ПРЕДМЕТ И МУЗЕЙНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ В СТРУКТУРЕ АКТУАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Museum Object and the Museum Exhibition in the Structure of Actual Historical Knowledge

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы музейного предмета как исторического источника в системе информационных ресурсов исторической науки и места «музейной истории» в структуре актуального исторического знания. Выявляется воздействие трансформации социокультурной ситуации на изменение социального запроса к историческому знанию и соответственно на модификацию взаимоотношений между «музейной историей» и историческим знанием в целом. Исследуется влияние трансформации теоретико-познавательной ситуации на вовлечение в научный оборот изобразительных и вещественных исторических источников — музейных предметов. Анализируется музейная экспозиция как форма репрезентации истории в контексте соотношения исторической науки и социально ориентированного историописания.

Abstract: Discusses the problems of a museum object as a historical source in the system of information resources of historical science and space of “museum history” in the structure of actual historical knowledge. It also reveals the impact of the transformation of social and cultural situations, social change request to the historical knowledge and, accordingly, modification of the relationship between the “museum history” and historical knowledge in general. Examines the impact of the transformation of the epistemological situation to engage in scientific circulation of visual material as historical sources — museum objects. Analyzed the museum exhibition as a form of representation of history in the historical context of the relation of science and socially oriented research.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, музейный предмет, музейная экспозиция, репрезентация, исторический нарратив, постмодерн, пост-постмодерн, визуальный поворот, изобразительные исторические источники, вещественные исторические источники.

Keywords: historical science, museum study, museum object, museum exposition, representation, historical narrative, postmodern, post-postmodern, visual turn, visual historical sources, material historical sources.

Базовый тезис настоящей работы в своей основе не оригинален. Я воспроизвожу его лет двадцать — с 1990-х гг., когда в отечественной исторической науке стал явственно ощущаться кризис исторического метанарратива / мастернарратива, который многие историки, и особенно неисторики, приняли за крах советской идеологизированной картины прошлого. Кризис идеологии, несомненно, имел место быть — глупо было бы это отрицать, — но важно осознать другое: этот кризис идеологии наложился на глобальные процессы в историческом познании, обусловленные ситуацией последней трети XX в. — ситуацией постмодерна.

Разрабатываемый мною в те времена тезис применительно к музейной экспозиции выглядел так: в ситуации постмодерна музейная экспозиция, по необходимости, перестала быть иллюстрацией мастернарратива и приобрела самостоятельное значение в позиционировании исторического знания (эта позиция зафиксирована в моем докладе на заседании Научного совета исторических и краеведческих музеев при Минкультуры России 19–22 ноября 2002 г. [опубл.: Румянцева, 2005]). В основе этого утверждения — понимание музея как научного учреждения, одной из основных функций которого является именно *позиционирование* исторического знания. Я, естественно, не претендую на нормативный характер этого определения, это рабочий вариант, используемый исключительно в контексте настоящих размышлений. Но на рубеже XX–XXI вв. произошла существенная трансформация как социокультурной, так и теоретико-познавательной ситуации; это заставило уточнить сформулированный выше тезис, что было сделано в докладе на международной научно-практической конференции «Роль музеев в формировании исторического сознания» (Москва — Рязань, 25–28 апреля 2011 г.) [Румянцева, 2011].

В том докладе я отмечала сложность анализа незавершенной исторической ситуации. Ситуация остается незавершенной, но осмысление ее продолжается, что дает возможность несколько уточнить изложенные в вышеупомянутом докладе воззрения. Но дело не только, а может быть, и не столько в уточнении проведенного несколько лет тому назад анализа ситуации, а в том, что ситуация хотя и сохраняет свою качественную определенность ситуации постпостмодерна, но продолжает модифицироваться, заставляя выявлять все новые нюансы актуальной познавательной ситуации в сфере исторического знания.

Суть этой модификации, на мой взгляд, в следующем: в актуальном историческом познании музейная экспозиция приобретает функции не только *позиционирования* (о чем подробно говорилось в докладе 2011 г.), но и *репрезентации* (если использовать этот термин в понимании Ф. Анкерсмита) истории.

И еще раз подчеркну, что дело здесь не только в уточнении моей позиции, но и в происходящих на наших глазах трансформациях. Наиболее

зримое подтверждение таких трансформаций — ряд крупных выставочных проектов, например проект «Моя история», в рамках которого была организована выставка-инсталляция «Династия Романовых» [Проект «Моя история», 2013–2015].

Выделим две проблемы: 1) музейного предмета как исторического источника в системе информационных ресурсов исторической науки, 2) соотношения и взаимодействия «музейной истории» и «истории историков». Во втором случае, ввиду явственно ощущаемой ограниченности дискурсивных возможностей, я вынуждена использовать кавычки. Поясню, что под «музейной историей» я подразумеваю все виды работ музея по изучению и позиционированию аккумулированных в музее исторических источников — музейных предметов, особенно неписьменных — вещественных и изобразительных. А под «историей историков» я, очевидным образом, подразумеваю традиционное историческое знание, получаемое историками преимущественно из письменных исторических источников и позиционируемое в письменной (печатной) форме. Здесь важно подчеркнуть, что место работы такого «традиционного» историка не имеет значения: это может быть сотрудник института системы Академии наук или преподаватель университета, а может быть и сотрудник музея.

Рассмотрим каждую из проблем в двух системах координат — по вертикали и по горизонтали. *По вертикали* — надо попытаться уловить трансформации *социокультурной ситуации*, определяющие изменение социального запроса к историческому знанию и соответственно модификацию взаимоотношений между «музейной историей» и «историей историков», и *ситуации теоретико-познавательной*, влияющей на место изобразительных и вещественных исторических источников — музейных предметов в системе информационных ресурсов исторической науки. *По горизонтали* — необходимо выявить структуру современного исторического знания, как минимум в той мере, которая позволит рассмотреть вторую из заявленных проблем — соотношение «музейной истории» и «истории историков».

Социокультурная ситуация: от модерна — через постмодерн — к постпостмодерну, или закон отрицания отрицания. В рамках настоящей статьи я не буду подробно останавливаться на характеристике социокультурной ситуации (тем более что не раз это делала в предыдущих работах), ограничусь только одним аспектом, непосредственно выводящим нас на изменение теоретико-познавательной ситуации и структуры исторического знания.

Переход от модерна к постмодерну на рубеже второй-третьей трети XX в. (в качестве перепной точки здесь выступает 1968 г.) может рассцениваться как «конец истории» (по определению Ф. Фукуямы), т. е. конец мегацикла существования человечества, характеризующегося историче-

ским типом социальной памяти, которой присущ письменный механизм фиксации. Ситуация постмодерна оказалась не очень длительной, но на ее протяжении отчетливо проявились две интересующие нас в контексте «музейной истории» тенденции: 1) кризис исторического метанарратива, своеобразно подытоживающий кризис линейной модели истории, столь соответствующей письменной форме ее репрезентации, 2) потребность расширения источниковой базы исторической науки за счет источников иных типов, нежели письменные, соответствующие письменному механизму фиксации социальной памяти исторического типа [подробнее см.: Источниковедение, 2015. С. 105–109].

Переход от постмодерна к постпостмодерну в начале XXI в. усилил вторую тенденцию. Что касается нарратива, то все более явственно обнаруживается стремление к ренарративизации, происходит своего рода отрицание отрицания. Природу ренарративизации мы здесь обсуждать не будем, но отметим, что одним из факторов этого процесса является имманентно присущий социуму постпостмодерна манипуляционный характер.

Теоретико-познавательная ситуация: расширение источниковой базы исторической науки. Трансформации исторической науки с конца XIX до начала XXI в. принято описывать через понятие *поворот* — социологический, психологический, антропологический, лингвистический и т. д. Каждый такой *поворот* вел к нарастанию междисциплинарных взаимодействий исторической науки и, как следствие, — к необходимости расширения ее источниковой основы. На рубеже XX—XXI вв. происходят визуальный и вещный / вещественный (он в меньшей степени акцентирован исследователями) повороты в историческом знании [подробнее см.: Гайдук, 2014; Мазур, 2010—2015], что, по-видимому, обусловлено новой визуализацией культуры при развитии компьютерных коммуникаций и особенно формированием виртуальной реальности / реальностей. Естественно, что внимание к визуальным и вещественным историческим источникам влечет за собой внимание исторической науки к музейному предмету в качестве исторического источника.

Но здесь историки сталкиваются с весьма серьезной проблемой — неразработанностью археографии музейного предмета, т. е. методов его публикации (и вообще введения в научный оборот). Археография музейного предмета — это фактически место встречи хранящихся в музеях вещественных и изобразительных источников с исторической наукой, это способ включения музейных предметов в комплекс информационных ресурсов исторического познания. На это я обращала внимание в докладе 2011 г. Для поиска путей решения этой проблемы в 2012 г. была проведена конференция по археографии музейного предмета, однако она в большей мере выявила неудовлетворительный уровень разработки этой области археографии [Археография музейного предмета, 2012], чем способствовала решению проблем. И каких-то подвижек в этой области пока не видно.

Теоретико-познавательная ситуация: от кризиса метанарратива к ренарративизации. Проблема репрезентации. В ситуации постмодерна наложились друг на друга две тенденции: с социокультурной точки зрения — кризис доверия к историческому метанарративу [Лиотар, 1998. С. 10], с теоретико-познавательной точки зрения — проблематизация нарратива, его познавательной ценности. Ф. Анкерсмит, отмечая успехи теории исторического познания, достигнутые в середине XX в. на методологической основе аналитической философии, сформулировал проблему нарратива наиболее отчетливо: «...проблема, касающаяся того, как историк с помощью *повествования* [выделено автором. — М.Р.] интерпретирует результаты исторического исследования, была почти полностью оставлена без внимания. Это упущение кажется тем более серьезным, что именно в этом, скорее всего, и заключается сущность исторического знания: в историографии ценность исторического сочинения определяется не столько фактами, открытыми в нем, сколько нарративной интерпретацией этих фактов» [Анкерсмит, 2003. С. 13].

Труды Ф. Анкерсмита и других историков по проблеме нарратива утвердили в научном сообществе мысль о невозможности его верификации и, как следствие, породили весьма скептическое отношение к его познавательным возможностям.

Однако на излете постмодерна ситуация начала меняться. Ал. Мегилл отмечает: «...в последние тридцать лет, или около того [работа опубликована в 2007 г. — М.Р.], так много голосов было поднято в пользу ренарративизации многих областей исследования для придания им нравственной цели, здравого смысла, маргинальных голосов, независимой рациональности, демократических идеалов и пр.» [Мегилл, 2007. С. 175].

В то же время Ф. Анкерсмит, поставивший в работе 1983 г. проблему нарратива и исследовавший нарративную логику, продолжив разработку этой проблематики, пришел к отказу от понятия «нарратив», предложив заменить его более приемлемым для научного исторического познания понятием *репрезентации*: «Наконец, о нарративизме. Его использование в философии истории достойно сожаления. Например, нарративизм имеет тенденцию редуцировать историческую репрезентацию к рассказыванию историй, где, как и в случае с вымыслом, не существует требование репрезентационной адекватности. Рассказывая свою историю, романист обладает некоторой свободой, которая отсутствует, когда историки пытаются отдать должное прошлому, “каким оно было на самом деле” <...>. Именно поэтому мы должны отказаться от понятия “нарративизм” в пользу “репрезентации”. Последняя предполагает, что взаимодействие между репрезентированным и репрезентацией есть наш путеводитель и компас в поисках исторической Истины» [Анкерсмит, 2009. С. 15].

Не ставя перед собой цели сколько-либо подробно проанализировать понятия «нарратив» и «репрезентация», а также их соотношение, при-

веду лишь одно наблюдение Ф. Анкерсмита: «В отличие от словаря описания и объяснения, словарь репрезентации способен принять во внимание не только детали прошлого, но также и способ, которым эти детали были объединены в границах всей тотальности исторического нарратива» [Там же. С. 177]. На мой взгляд, именно эта особенность репрезентации делает ее релевантной для описания музейной экспозиции как результата исследовательской работы историка-музейщика.

Затронем еще одну проблему, непосредственно выводящую нас на возможности репрезентации истории, — проблему *фрагментации* исторического знания, смысл которой Ал. Мегилл видит в следующем: «Предположение, что единственная История существует, не может быть поддержано ни субъективно, как научное предприятие, ни объективно, как действительно большой нарратив, который можно рассказать сейчас или в будущем» [Мегилл, 2007. С. 294]. Ал. Мегилл справедливо замечает: «Вера в то, что синтез — это достоинство, а фрагментация — недостаток, глубоко укоренилась в культуре академических историков. Каждые несколько лет выдвигаются предложения того или другого синтеза. Давайте, однако, быть начеку, все призывы к синтезу — это попытки навязать интерпретацию...» [Там же. С. 256–257]. И далее: «...“синтез” и “интеграция” *никогда* [выделено автором. — М.Р.] не вбирают в себя все возможно существенные исторические феномены...» [Там же. С. 257].

Таким образом, «музейная история» (впрочем, как и «история историков») выскальзывает из-под влияния метанарратива, которого больше нет не только в качестве «нормативной» реальности исторического прошлого, но и в качестве конечной цели исторической науки — идеального результата, в который необходимо вписать репрезентируемый «фрагмент реальности». «Музейная история» обретает самостоятельность в репрезентации истории.

Историческая наука и социально ориентированное историописание в структуре современного исторического знания. Наиболее важная и одновременно наиболее спорная особенность актуальной ситуации, ситуации постпостмодерна, — разрыв исторической науки и социально ориентированного историописания, которое, подчеркнем, требует не меньшего, а, можно сказать, даже большего профессионализма, чем собственно наука, поскольку эта сфера, в отличие от научных исследований, имеет тенденцию ускользать от внимания экспертного сообщества. При этом важно отличать социально ориентированное историописание, с одной стороны, от научно-популярной истории, которая имманентно соответствует классической модели науки, изжившей себя уже к концу XIX в., а с другой — от так называемой публичной истории (public history), под которой понимается публичное выступление профессионального (университетского) историка. Причем во втором случае, если только не предполагать, по умолчанию, что профессиональный ис-

торик владеет истиной и не имеет иных задач, кроме как ее позиционировать, мы вынуждены будем вывести public history за пределы рассмотрения, поскольку она выделена по совершенно иному критерию, нежели научная и социально ориентированная история.

Убеждение в том, что задача профессионального историка — преодолеть «заблуждения массового сознания», является по-прежнему весьма устойчивым. Представляется, что эта позиция более характерна для англоязычной и, отчасти, французской историографии. Например, стоит оценить (пусть и в переводе) яркий дискурс американского историка (канадского происхождения) Ал. Мегилла, который, рассматривая вопрос в контексте проблематики памяти, пишет: «...мой тезис состоит в том, что история, скорее, должна *элиминировать память и заменить ее чем-то другим* [sic! — выделено мной. — М.Р.], что не так привязано к потребностям настоящего» [Там же. С. 101]. Но тот же автор вынужден признать: «Ориентированная на память историография есть особый случай более общей категории историографии, которую можно назвать аффирмативной, т.е. утверждающей, потому что ее главная цель состоит в том, чтобы утвердить и превознести определенную традицию или группу, чью историю и опыт она изучает» [Там же. С. 99].

Таким образом, в начале XXI в. складывается парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: в условиях визуального и вещного поворотов в историческом знании, когда особо остро ощущается потребность исторической науки в актуализации информационных ресурсов музея, хранящего как раз вещественные и изобразительные исторические источники, происходит жесткое разделение / разрыв исторической науки и различных форм позиционирования исторического знания — в первую очередь социально ориентированного, — что не может не сказаться на взаимоотношениях «музейной истории» и «истории историков», поскольку существенная, если не ведущая, роль в позиционировании исторического знания принадлежит музею и эта роль усиливается в связи со все более заметным преобладанием в культуре визуального над письменным.

Итак, согласившись с идеей одного из ведущих теоретиков исторического нарратива Ф. Анкерсмита о том, что применительно к научному историческому познанию более корректно говорить о *репрезентации* истории, а не о ее *нарративизации* [Анкерсмит, 2009. С. 213–258], подчеркнем, что музейная экспозиция выступает, с этой точки зрения, как самостоятельная, равноправная с историческим нарративом (в строгом смысле) форма репрезентации истории. И именно осознание этого статуса, на мой взгляд, позволит снять сформулированное выше противоречие.

В этом контексте по-новому может быть рассмотрена проблема «музейного источника», который в структуре музейной экспозиции выступает как исторический факт, совокупность которых и выстраивается в музейную экспозицию по законам исторической репрезентации.

С этой точки зрения необходимо поразмышлять над еще одной проблемой, лежащей в плоскости источниковедения историографии, — включением каталога выставки в систему видов историографических источников [подробнее см.: Источниковедение, 2015. С. 525–560]. Исследование каталога выставки как историографического источника должно изменить ракурс его рассмотрения: каталог выставки должен восприниматься не только и не столько как форма публикации отдельных музейных предметов — исторических источников, но как целостная репрезентация истории.

Библиография

Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.

Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.

Археография музейного предмета: материалы международной научной конференции, г. Москва, 16–17 марта 2012 г. М.: РГГУ, 2012. 201 с.

Гайдук В.Л. Визуальный поворот в исторической науке в конце XX — начале XXI века // «Стены и мосты» — II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 13–14 июня 2013 г. М.: Академический проект, 2014. С. 148–156.

Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685, [3] с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб.: Ин-т экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. 160 с.

Мазур Л.Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Источниковедение.ru [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор 2010-2015. URL: http://http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/mazur_ld/16-1-0-144 (дата обращения: 04.09.2015).

Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 479 с.

Проект «Моя история» // Фонд гуманитарных проектов. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор 2013-2015. URL: <http://www.gomanovi-expro.ru/my-history/> (дата обращения: 16.05.2015).

Румянцева М.Ф. Историческая память и музейная экспозиция в ситуации постмодерна: размышления профессионального зрителя // XVIII век в истории России: Современные концепции истории России XVIII века и их музейная интерпретация. М.: ГИМ, 2005. С. 6–21. (Труды ГИМ. Вып. 148).

Румянцева М.Ф. Роль музеев в формировании исторического сознания: Международная научно-практическая конференция. Рязань, 25–28 апр. 2011 г.: материалы и доклады / Отв. ред. И.В. Чувилова. М.: ООО «НБ-Медиа», 2011. С. 16–26.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И МУЗЕЙ

Historic Space and Museum

Аннотация: в статье исследуются концепты «историческое пространство» и «культурное пространство», различные аспекты их проявления в современном мире. Основное внимание уделяется конструированию музейного пространства. Музей, показывая события в пространственно-временном единстве, призван восстанавливать и сохранять историческое пространство. К какой бы профильной группе он ни относился, музей является историческим феноменом и как хранитель исторической памяти и культурного наследия представляет интерес для исторической науки.

Abstract: The author analyse “historic space” and “cultural space” concepts in cultural paradigms, various aspects of time perception. The researcher focused on the creation of museum space. Showing events in spatiotemporal unity the museum is intended to restore and to preserve the historic space. The museum is a historical phenomenon, and as the keeper of the historical memory and cultural heritage is of interest for historical science.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, историческое пространство, пространство культуры, музейное пространство, гетеротопия, пост-музей, экспозиция, музейная дестинация, идентичность, аутентичность.

Keywords: historical science, museology, historic space, cultural space, museum space, heterotopy, post-museum, exposition, museum destination, identity, authentic.

Как бы современный музей ни старался быть актуальным, обращенным к проблемам сегодняшнего дня, в своей социокультурной специфике он остается хранилищем исторической памяти. По адресному послыу музейные выставки и экспозиции обращены к нашему современнику, ориентируются на насущные проблемы; по представляемым музейным предметам, освещаемым событиям, лицам они основываются на историческом фундаменте, «делах давно минувших дней». Музей как хранитель культурного наследия, к какой бы профильной группе он ни относился, всегда исторический феномен, потому представляет интерес для исторической науки. По мнению исследователей, содействуя увеличению объема разнообразия информации, совершенствованию ее качественных параметров, историческая наука и музей увеличивают хронологическую глубину социальной памяти [Воронцова, 2014. С. 9–15].

Связь музея и исторической науки на отдельных этапах их развития была более тесной. В XVIII–XIX вв. музей существовал как преимущественно научное учреждение; в XIX в. «музейная деятельность не только

следовала за существовавшими тогда научными представлениями, но и оказывала на них проективное воздействие. Многие дисциплины естественно-научного и исторического цикла, так же как и ряд разделов искусствоведения, обязаны своим возникновением той работе, которая велась в стенах музеев»; в конце XIX в. «происходит переориентация от концепции научного, по существу закрытого, музея к концепции музея научно-просветительного, открытого для широкой публики» [Гнедовский, 1988. С. 70, 72]. В XX в. музей оказался ориентирован не на научное познание мира, а на его музейно-образную интерпретацию; инициатива музейных работников в создании новых способов передачи информации о предметном мире была направлена на его художественное, образное осмысление. В XXI в., определяемом как информационная эпоха, информационная функция в функциональной системе музея провозглашена одной из ведущих.

Информационная эпоха обуславливает особую роль знаний и образования в современном мире. Образовательный и интеллектуальный уровень общества в целом и посетителей музея в частности значительно вырос. Изменения коснулись и требований к кадровому составу музеев. Работа в крупных, ведущих музеях России для профессиональных ученых-историков была и остается престижной, что наглядно демонстрирует пример Государственного исторического музея (А.С. Уваров, И.Е. Забелин, Н.С. Щербатов и многие другие). В наши дни даже в небольших историко-краеведческих музеях для сотрудников желательно (а по сути — обязательно) историческое образование, полученное в образовательной организации или в процессе самообразования. Музейный работник (сотрудник фондов или экспозиционер) — это научный работник, что и отражается в названии должности. Таким образом, жесткой оппозиции «историческая наука — музей» не существовало и не существует. Тем не менее на практике в институциональном взаимодействии ученого-теоретика и научного сотрудника — музейного практика имеются объективные, а чаще всего субъективные трудности.

Утверждение о родстве и взаимообусловленности деятельности историка-ученого и научного работника музея представляется справедливым для научно-фондовой составляющей деятельности музея, которая заключается в извлечении информации из первоисточников и приращении исторического знания (с поправкой на теоретический или прикладной характер научной деятельности и специфику работы с музейными фондами). Что же касается экспозиций, то тут очевидна особенность музейной экспозиционно-выставочной практики, в основе которой должно лежать историческое исследование, однако презентация полученного в его результате знания специфична, на чем и представляется необходимым акцентировать внимание в настоящей статье.

В презентационной составляющей музей выступает хранилищем исторического пространства, понимаемого как совокупность общественно-

культурных, экономических, политических, природно-географических процессов, протекавших на определенной территории.

Концепт «пространство» является одним из способов «рационализации мира, лежащим в основе миропонимания» (еще Аристотель говорил о величии и труднодостижимости топоса, т. е. местопространства); как важнейшая категория он занимает «центральное место в культурологическом осмыслении феномена музея» [Именнова, 2011. С. 81]. Историческое пространство формирует неповторимый облик музейной экспозиции, уникальность дестинации. Культурологи оперируют понятием «пространство культуры», «культурное пространство». Понятие «культурное пространство» реализуется в двух значениях: географическое или физическое пространство распространенности той или иной культуры; функциональное членение пространства на культурные зоны (жилую, хозяйственную, сакральную, погребальную и др.) [Флиер, 2010. С. 210–211].

Отмечается важность разграничения сакрального и профанного: «Область сакрального обычно отождествляется с центром пространства, представление о котором формируется еще до перехода к оседлости. Этот центр чаще всего отмечается алтарем, а затем храмом, на основе чего формируется абстрактное представление о мировой оси. Сила сакрального считается ослабевающей к периферии, и ее освоение рассматривается как приобщение новых областей к освоенному совместному пространству путем ее сакрализации. Отсюда столь важное значение символа пути, обозначающего движение от сакрального центра пространства к периферии или в противоположном направлении» [Пигалев, 1998. С. 141].

ЮНЕСКО определяет культурное пространство как место, в котором сосредоточена распространенная и традиционная культурная деятельность, характеризующаяся определенной периодичностью (циклической, сезонной, календарной) или событийностью. Специалисты отмечают, что культурное пространство не обязательно должно быть местом культурного наследия. Культурным пространством может быть названо любое место проведения массовых представлений, местонахождение ассоциированного объекта, коллекции или ландшафта, городская улица, культовое сооружение или комплекс [Мошняга, 2011. С. 82, 83]. В эпоху индустриализации продолжается диверсификация культурного пространства; наряду с другими специализированными типами выделяется культурное пространство музея как характеристика протяженности, структурности, взаимодействия, смысловой наполненности культурной сферы.

Понятие «культурное (социокультурное) пространство музея» имеет несколько значений: 1) продукт деятельности в музейной сфере, музейная ойкумена как совокупность территорий, на которых созданы и действуют музеи; историко-культурные области музейной деятельности, отдельные музеи и музейные учреждения; 2) совокупность межкультурных взаимодействий, информационных и ценностных обменов между социальными,

этническими, демографическими, территориальными общностями и субкультурами; 3) совокупность ценностей, норм, правил, которыми руководствуются участники музейного взаимодействия.

Динамику осмысления музея как сакральной зоны прослеживает Ю.В. Иванова: «Изначально музей был тем местом, куда попадали особые предметы, наделенные выдающейся художественной, исторической, познавательной или иной ценностью. С течением времени исключительность, сакральность музейных собраний как бы “отделяется”, “эмансипируется” от конкретных вещей и переходит на пространство музея как такового. Так инверсия смысла приводит к тому, что к концу XX в. любые предметы, попадающие в музейную экспозицию, автоматически начинают наделяться культурными смыслами и культурной ценностью высшего порядка. Нахождение предметов в пространстве музея придает им статус исторических памятников. Онтологическое и даже сакральное значение получает теперь пространство экспозиции. Музейные экспонаты по факту их нахождения в “священном” пространстве музея маркируются как некие особые вещи, наделенные высшей подлинностью и целым комплексом смыслов». Музейное пространство выделено из обычного пространства особой организацией и способами функционирования, обладает ярко выраженной спецификой: «Пространственно-временной континуум музея заставляет посетителя переключать свое обыденное восприятие пространства и времени в иной регистр. Музеи провоцируют этот акт переключения, поскольку они ориентированы на “эффект погружения” в иные культуры или “эффект присутствия” в ином культурном пространстве» [Иванова, 2005. С. 309–311].

Для культурологического осмысления феномена музея (в частности, музея-заповедника) важно понимание пространства как не только чего-то протяженного, осуществленного, но и пространства как становления, как динамического момента неравнозначности трех его измерений — длины, ширины и глубины: «Длина и ширина, несомненно, присутствуют в чувственном восприятии неподвижного человека как нечто единое, но глубина предполагает особое действие со стороны желающего ее воспринять человека, и благодаря этому движению плоскость только и становится пространством. Принципиально важна конститутивная функция движения по пути, его периодическое повторение образует пространство, характер существования которого скрывает его динамическую сущность» [Пигалев, 1998. С. 142].

Как отмечают исследователи, базовой мотивацией туриста (и музейного посетителя в частности) является поиск нового культурного опыта, личное осознание уникальности и многообразия других культур, познание «другого», принятие или отторжение «чужого». Для этого он входит в пространство «другого», посещает объекты «иной» истории и культуры, участвует в событиях, отражающих традиции «других», вплоть до про-

живания фрагмента жизни «другого». Позитивный результат заключается в том, что «свой» и «чужой» сохраняют собственную идентичность, свои культурные ценности, свое культурно-сообразное восприятие мира, что становится условием выживания и сохранения уникальности этнокультур.

У исследователя-историка, пришедшего в музей, имеются определенные преимущества перед другими посетителями, поскольку он обладает большей исторической компетентностью, а также отличие — профессиональная мотивация к исследовательской деятельности, основанная на базовых принципах анализа исторического материала: историзме, объективности, аналитичности, психологизме, компаративистике. Однако принцип объективности не означает смысловую однозначность. Историк в научном труде интерпретирует факты, вносит собственные смыслы, оценки. Не исключено влияние на него исторической конъюнктуры. Исследовательская мотивация может выйти за пределы научного измерения, а исследователь может оказаться под социально-политическим влиянием.

Если говорить о таком музейном учреждении, как экомузей, то, пребывая в одном реальном физическом пространстве, музейный посетитель и местный житель находятся в разных отношениях к социокультурному пространству. Для посетителей музейный нарратив создает иллюзию, что движение жизни остановилось, что пространство застыло во временной неизменности [Именнова, 2014. С. 114]. Для них важна идеализация чужеродного пространства, статика ушедшего времени, отсутствие перемен, что не свойственно принимающей стороне, для которой это пространство «свое», пространство дома, с привычным, обыденным образом жизни. Для «хозяев» презентуемое пространство обыденно, повседневно — музейная аудитория ожидает эксклюзивности, уникальности, постоянного подтверждения того, что данное место не похоже на его дом, что в нем наличествует культурная отличность и странность. Объекты наследия должны «оставаться в прошлом», оставаться не тронутыми современностью, сохранять признаки и черты уникальной аутентичной культуры [Мошняга, 2011. С. 130].

Статус культурологической категории придает музейному пространству антропологическое измерение. Пространство музея приобретает индивидуальный, личностный характер, основой которого является интериоризация культурного пространства музея через эмоциональное восприятие и интеллектуальное постижение (в том числе исследователем-историком). Музейное пространство зачастую ассоциируется с музейной экспозицией, в которой ее авторы стремятся создать максимальную приближенность к определенной исторической эпохе, отдаленной от настоящего времени, делая доминирующим «эффект приобщения» [Мастеница, 2010. С. 217].

Специфика пространства и времени, в том числе и музейного, заключается в том, что, в отличие от материальных предметов, они не могут быть восприняты в полном объеме с помощью органов чувств. Сверхчувственное заменяется чем-то наглядным, что позволяет сделать метафора. Образы пространства и времени соединены с определенными метафорами и обусловлены ими [Пигалев, 1998. С. 132].

Культурное пространство экспозиции характеризуется такими параметрами, как протяженность, структурность, смысловая наполненность ее элементов, их взаимообусловленность и композиционное единство. При этом необходимо сохранение целостности исторического пространства (в той мере сохранности, какую мы имеем на сегодняшний день). Тут решающую роль должен сыграть музейный работник, имеющий историческое образование и опирающийся на актуальные научные исследования в области истории.

В музейной практике генерируется совокупность взаимосвязанных современных и исторически обусловленных культурных пространств, сконструированных пространственно-временных знаков, образов, символов. Сложным представляется процесс взаимодействия прошлого, настоящего и будущего в культурном пространстве музея. «Наше» и «чужое» пространство, «мое» и «иное» время — на многогранной игре взаимосвязи и противостояния этих представлений строятся музейные впечатления.

Музей обусловлен реальным пространством. Но в силах (и в задачах) музейного работника конструирование нового музейного пространства, в том числе в рамках экспозиционной, выставочной деятельности. Более того, успешность работы коллектива музея зависит от точности, яркости, глубины решения всего пространства музея как цельного, точного образа. В экспозиции специфически профессионально решаются проблемы моделирования локальных культурных пространств. В рамках каждой научной дисциплины имеется историческая составляющая (история литературы, история искусства, история техники и т. д.). Музейное пространство — пространство истории различных сфер человеческой деятельности, а музейный работник реализует себя как историк, опирающийся на фундаментальные исторические труды и находящийся в курсе новейших тенденций профильной науки.

Пример экспозиционного показа последовательной смены исторических пространств дает Музей археологии и истории Монреала (Канада) в Пуэн-а-Кальер — месте, где 17 мая 1642 г. высадились первые монреальские поселенцы, 53 человека, прибывшие из Франции. Под зданием Королевского страхового общества (где располагается музей) и прилегающей площадью были произведены археологические исследования. Музей дает доступ к находящимся под ним раскопкам: фрагментам канализационной системы XIX в., фундаменту трактира XVIII в. и кладбища, относящегося к 1643 г.

С понятием «пространство» связано понятие «место», которое мыслится наполненным собственным содержанием. В Древней Греции было положено начало традиции наделять «место» (географическую точку или архитектурное сооружение) особой мнемонической силой: архитектура места уподобляется сакральному пространству и способствует запечатлению в памяти индивида всего, что с этим местом связано [Жердева, 2010. С. 273].

Чувство «места» в музейной и туристской практиках связано с такой категорией, как «память». Память выступает механизмом формирования индивидуального и социального опыта, мифологизации времени и места, реконструкции прошлого. Память как историческое (и символическое) представление о прошлом является важным фактором культурной идентификации человека. По мнению Ю.А. Жердевой, образы памяти фрагментарны, условны, не обладают целостным значением до момента, пока социум или индивид не проецируют их в конкретные обстоятельства, которые даются им вместе с «местами памяти» (мнемоническими местами). Туристские и музейные практики основаны на поддержании, ритуализации «мест памяти», на стремлении сделать их образность более очевидной, укрепить те стирающиеся со временем стереотипы, которые составляют культурное наследие. Интересна мысль о том, что «места памяти» *существуют* вследствие *существования* угрозы разрушения памяти; их предназначение — поддерживать чувство продолжения истории. Выявление таких мест памяти — совместная задача историков, краеведов, музейных работников, соответствующих государственных и муниципальных структур, общественности.

Отношение к месту как фундаментальная черта человеческого существования является отношением человека ко всей окружающей среде. «“Место” может быть описано как точка, в которой физические и культурные характеристики пространства сливаются с эмоциональным восприятием индивида. Под “чувством места” мы понимаем отношение человека к своему жизненному пространству, выражающееся в непосредственных переживаниях относительно этого пространства и в осознании мотивов для локальной идентичности на его основе. Чувство места определяется не столько физическими параметрами, воспринимаемыми человеком, сколько уверенностью в том, что у каждого места есть своя особая, только ему присущая, локальная ценность» [Жердева, 2010. С. 273].

Локальный образ «места» уникален, чем он и привлекателен для посетителя музея, который «присваивает» памятное место, интегрирует его в субъективный опыт через локализацию личных пространственных ощущений. Особой популярностью пользуются мемориальные места — связанные с пребыванием великого человека или со знаменательным событием. Не составляет исключения ученый, историк: переживаемые в таком месте чувства способны придать мысли большую напряженность,

остроту. Дополненная эмоциональностью логика может стимулировать исторические мышление.

Пространство жилища человека представляет собой уменьшенную модель пространства мира. В музейной символической системе это представление реализуется в мемориально-бытовых экспозициях, раскрывающих через бытовой интерьер внутренний мир личности (писателя, поэта и т. д.), ее творческую лабораторию, художественную образность его произведений. Перед экспозиционерами стоит трудная, но творчески интересная задача, поскольку считается, что «пространство жизни и пространство культуры — два мира, живущих по своим законам, но в странной зависимости: мечтая о гармоническом союзе, но ни в чем не находя согласия» [Арзамасцев, 2000. С. 14]. Оставаясь материальным, т. е. наполненным реальными предметами, пространство музея в большей степени символично, чем окружающий мир.

Г. Белтинг отмечал особый статус музея как места, куда доступен вход любому, места, которое пока еще не контролируется банками и компаниями: «Конечно, музеем манипулируют сильные мира сего, преследуя свои интересы, рассматривают его в качестве рекламы и места развлечений. Однако это противоречит смыслу, который заложен в нем изначально. Музеи должны быть защищены в качестве анклавов, куда не проник дух торгашества, они не должны служить сценой для маркетинга» [Белтинг, 2002. С. 14]. По отношению к ним Г. Белтинг предлагает использовать термины «гетеротоп», «гетеротопия» (Heterotopie), предложенные М. Фуко (1926—1984) и обозначающие место, альтернативное привычному миру, отделенное от привычной среды, не похожее на другие места в мире и противопоставленное им. «Место», как понимал его М. Фуко, — парадоксальное и, одновременно, образное и реальное пространство, в которое ведут реальные двери и лестницы, но в нем человек встречается с прошлым, с образами времени и пространства.

Таким образом, Г. Белтинг предлагает не приспособлять музей к условиям современной действительности, а решительно выделить его из обычной среды. Это способствовало бы определению места музея в противоречиях сегодняшнего мира: «На раннем этапе современной эпохи музей являл собой — представьте себе положение Лувра в Париже — нечто воображаемое или чужеродное в центре городской среды. Он действовал как иная сущность, противопоставляя себя реально существующему Парижу. Эта ситуация, кажется, меняется после того, как мы в глобальном мире коммуникаций и потоков информации теряем старый смысл “мест”, высматриваем места, которые еще сохраняют старое значение» [Белтинг, 2002. С. 10—11].

Циклическая и линейная модели времени как глубинные архетипические структуры находят выражение в музейном пространстве в качестве циклически-линейной модели передачи и восприятия музейной информа-

ции. Пространственно-временной континуум экспозиции организуется в соответствии с законами восприятия: по возможности в архитектурно-экспозиционном решении, в экскурсионном маршруте реализуется идея кольца, большинство посетителей осматривают экспозицию, двигаясь по часовой стрелке.

Музейное пространство и время условны, специально спроектированы и организованы с опорой на правду места и происходивших там событий, на документальную обоснованность и научную системность многих исторических источников; в музейной коммуникации они замкнуты структурой экспозиции. Если в реальном мире объекты ограничены во времени и пространстве, то в пространство и время экспозиции можно вернуться, допустимо второе ее «прочтение», неоднократная встреча с памятным местом. Протяженность экспозиционного времени не соответствует временным измерениям физического мира: оно более «спрессовано», в экспозиции, которую зрители осматривают за 2–3 часа, подчас уложена информация о событиях десятилетий и столетий; за малый отрезок времени «переживается» жизнь героя, города, страны, событие, имеющее большую временную протяженность.

Экспозиционный пространственно-временной континуум выделен из обыденности, повседневности, актуализирует иные пространственно-временные модели; он обладает качеством, которое музееведы назвали «ритуальность». Синкретичный по природе музей воздействует одновременно на интеллект, воображение, эмоции, посещение музея становится сложным коммуникативным актом, для которого М.Б. Гнедовский предложил термины «ритуал» (т. е. способ «гармонизировать, собрать воедино знание, эмоцию и символические действия человека») и «ритуальность посещения» (преобладание эмоциональности восприятия над информативностью). Эта особенность наиболее ярко проявляется в мемориальных музеях [Гнедовский, 1987. С. 40].

Патриарх музейного экспозиционного творчества художник Е.А. Розенблюм выразил сущностные закономерности экспозиционного пространства и времени как осуществление синтеза:

- по меньшей мере двух времен, «наличие в структуре экспозиции образа Времени, о котором ведется музейное повествование, и времени, когда оно ведется. Временная многозначность образа создает у посетителя чувство его одновременного существования в двух временах, т. е. чувство своей сопричастности к событиям истории культуры, и одновременно придает большую остроту сегодняшней оценке этих событий. Наличие в произведении времени его создания и есть авторская позиция, авторское присутствие, без которого искусство состояться не может»;
- пространств: «архитектурное пространство музея и пространство его экспозиции находятся в сложных отношениях, которые выра-

жаются в соответствии плана и объемно-пространственной структуры музейного здания структуре музейной экспозиции... Эмоционально воспринимаемая форма пространства кардинально отличается от его реальной формы и величины и зависит от последовательности движения по системе пространств. Меняя схему движения посетителя, автор экспозиции может по своему замыслу регулировать восприятие отдельных помещений, уменьшая или увеличивая их значимость в соответствии со значимостью расположенной в них экспозиционной темы» [Розенблюм, 1996. С. 183–184].

К формированию методологии научной определенности, созданию воспроизводимых результатов исторического исследования качественно новой реальности призывают ученые: «Важно изучение не только исторического процесса — человека во времени, но прежде всего — деятельности человека в реальном неогеографическом (и социальном) пространстве. А в конкретной реальности настоящего... присутствуют не отдельные фрагменты, но вполне ощутима целостность и взаимосвязь. Источниковедческая парадигма дает потому свой ответ на вопрос об историческом синтезе: вполне возможно по фрагментам изучать глобальную историю, существуют и общезначимые, воспроизводимые методы ее исследования. Задача ученого — выявить ту внутреннюю связь, то объективно существующее единство мира, которое реально существует и поэтому не может не найти отражения в пространственных параметрах» [Медушевская, 2013. С. 58].

Такая же задача воссоздания исторической эпохи по музейным предметам стоит и перед создателем экспозиции. При этом, как считает Л.И. Скрипкина, «наиболее сложный уровень научного проектирования экспозиций связан с выработкой метода соотнесения исторической реальности, воплощенной в музейном пространстве, с научно реконструированным знанием о ней, т. е. решением проблемы взаимосвязи истории как реальности и истории как рассказа» [Современная историография, 2002. С. 132].

В последние годы в связи с теоретическими постулатами «новой музеелогии» пересматриваются взгляды на Пространство, Время и Действие в музейной сфере. Пространство конституируется как наиболее актуальная категория. Особенно нагляден этот процесс в музеях-усадебках, музеях-заповедниках. Например, в Лермонтовском государственном музее-заповеднике «Тарханы» реализуется программа «Живой музей». Усадебка Тарханы вписывается в мемориально-территориальный контекст, в возрождаемую среду бытования. Отбираются, интерпретируются, приводятся в музейное состояние и используются фрагменты, материальные и нематериальные объекты наследия. Музей интегрируется в окружающую среду, активно осваивает, музеефицирует новые территории (окрестные пейзажи, села, леса, луга, сельскохозяйственные угодья, территорию

бывшей усадьбы Апалиха и т. д.), вводит в активный арсенал средств Действие, которое преобразует статичный хронотоп. Музейные практики обогащаются возрождением, воспроизведением и трансляцией материального (формы и объекты хозяйствования — пасека, ветряная мельница, сады, система прудов, конюшня) и нематериального наследия — традиционных русских праздников, обычаев, обрядов. Музей становится динамичным интерпретатором времени и пространства культуры в ее повседневных проявлениях.

Экспозиционное пространство условно: музейная специфика неизбежно требует «сконструированности» экспозиции. Ансамблевая экспозиция стоит в одном ряду с литературным произведением, изобразительным искусством. В ней «жизненные формы быта и бытия в доме, в котором жил великий человек, в процессе музейного освоения замещаются формами музейными. Таков неизбежный историко-культурный феномен, который противостоит формам фетишистского сознания» [Арзамасцев, 2000. С. 30].

Условность музея сродни условности театра. От экспозиции в настоящее время ждут особой музейной «драматургии», «режиссуры». Как в театральной пьесе, в музее существует условность, которую учитывают зрители. В ее рамках создаются музейные образы, идентичность которых особого рода — художественная. Художественный образ более емко, выразительно, «сущностно» отражает жизненные ситуации, чем сама действительность.

В восстановленных и реставрированных памятниках архитектуры музейные работники решают проблему соотношения аутентичности, документальности, художественности и функциональности, создают специфическую музейную условность. Музейной условностью отмечена даже экспозиция в здании, которое до нас дошло без переделок. Оно не тождественно, не аутентично тому, что стояло при жизни великого человека, оно более образ, чем реальное жилье. В.П. Арзамасцев отмечал, что и теории, и практики стыдливо отворачиваются от музейной условности и субъективности в пользу «документальной точности», которая фактически недостижима: «Даже в тех случаях, когда музеем становится жилище писателя сразу после его смерти (например, дом Шолохова в станице Вешенской), при его освоении вносится новая упорядоченность в силу требований музейной коммуникации» [Арзамасцев, 2000. С. 18]. В случае возрождения утраченных объектов высокая степень условности неизбежна. По мнению исследователя, особой чертой музейной условности является то, что она основывается на научных исследованиях, воплощается в предметной форме и является знаковой, символичной: «Быт, вещи предстают не как выражение конкретных обстоятельств жизни поэта, а как быт исторический, обобщенный, т. е. тоже условный, как конструктивная часть модели исторического бытия» [Арзамасцев, 2000. С. 33].

Если восстановленный и музеефицированный объект воспринимается туристами, музейной аудиторией как само ушедшее прошлое — это, конечно, иллюзия. Однако в профессиональной сфере утверждение такой иллюзии в качестве «настоящей ушедшей реальности» порождает тягу к грубому «музейному натурализму», приверженность к которому демонстрируют многие музейные работники, который пытаются обосновать некоторые музееведы.

Обращаясь к прошлому, музей творит свою историческую реальность на основе сохранившихся материальных остатков. В музее достигается аутентичность не как верность материальная, а аутентичность как точность научная, образная, символическая. Поэтому сотрудники Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А.А. Блока «Шахматово» стремились не к сомнительному восстановлению заново дома Блока, а сотворению современного МУЗЕЯ ПОЭТА. Создание музейного комплекса на таких основаниях означает «авторское сотворение новейшей культурной ценности взамен утраченной» [Именова, 2011. С. 153].

Исследователи отмечают сложность разграничения музейного и немuseumного, экспозиционного и неэкспозиционного пространства. Под музейным пространством чаще всего подразумевается экспозиционное пространство как основная форма презентации культурного наследия, однако музейное пространство не может быть сведено к экспозиционному. Музейное пространство меняет конфигурацию, имеет собственную динамику развития. В современном музее видоизменение музейного пространства происходит в том числе и за счет модернизации экспозиционного и интенсификации внеэкспозиционного пространств. Исследователи считают расширение самой распространенной тенденцией развития музейного пространства, раздвигающей границы и горизонты музея в пространстве культуры, подтверждающей количественную и качественную экспансию музеев в культуре.

Практику расширения музейного пространства демонстрируют государственные учреждения Канады: здание действующего канадского парламента в Оттаве открыто для посетителей как объект экскурсионного показа. Этот впечатляющий комплекс в неоготическом стиле восстановлен после пожара 1916 г. В программу экскурсионного тура входит посещение сената и палаты общин, можно получить разрешение присутствовать на дебатах. Исторический интерес представляет Парламентская библиотека, помещение в блестящем стиле Викторианской эпохи, со стенами, обшитыми сосновыми панелями (не пострадало во время пожара). Названия буклетов для экскурсантов подчеркивают связь с реальными рабочими буднями главных государственных учреждений: «Сенат в действии», «Палата общин в действии».

Подобные экскурсионные программы есть и в нашей стране. В ходе экскурсии в Государственную Думу «В коридорах власти» предполагается

посещение Малого зала, где проходят пресс-конференции и парламентские слушания, Красного и Гербового залов. На экскурсии по зданию российского парламента экскурсанты знакомятся с историей парламентаризма в России и с повседневной работой фракций и комитетов. Организацию экскурсий в Совете Федерации осуществляет его пресс-служба. Экскурсанты получают общую информацию о составе и структуре палаты. Тематические экскурсии предусматривают подробное информирование экскурсантов по интересующим их направлениям деятельности палаты, встречи с членами Совета Федерации, работниками структурных подразделений аппарата этого органа власти.

Постмодернистские идеи отрефлексируются в музееведческой теории в концепте *пост-музей*, который используется в качестве конструкта для моделирования музея будущего. Как отмечают исследователи, термин «пост-музей» (the post-museum) предложил в 1988 г. индийский ученый Бедкар. Термин получил распространение в англоязычной среде, особенно в трудах представителей английской музееведческой школы Лейчестерского университета. Его профессор А. Хупер-Гринхилл писала, что пост-музей — «место, где знание скорее конструируется, нежели передается, через совместную работу между куратором и аудиторией» [цит. по: Лещенко, 2009. С. 43].

В идее пост-музея отражается постмодернистское разочарование в классических формах бытования социокультурных институтов, критическое отношение к традиционному музейному пространству и реализуемым в нем практикам: «Пост-музей, предлагая новую концепцию музейного развития, выходит за рамки того, что считается привычным, противопоставляет себя традиционной “музейной” культуре с ее идеалами национального единения, часто являющейся частью государственной политики» [цит. по: Лещенко, 2009. С. 45]. В модели *the post-museum* из двух основных направлений музейной деятельности (комплектование собрания и его презентация) явное предпочтение отдается последнему, внимание акцентируется на эффективности и полноте реализации потенциала музейной коллекции. Эта специфика сближает пост-музей с идеями и практиками «соседских музеев» (neighborhood museums) в США, «музеев-коммун», «общинных музеев» (*ucn. museos comunitarios*) в Латинской Америке.

В музеях этого типа активизированы связи с местными сообществами, актуализируются артефакты и проблемы социокультурной повседневности. По мнению А. Хупер-Гринхилл, «пост-музейные мероприятия и проекты будут олицетворять новое критическое отношение, что будет выражаться в выставках и объясняться публичке. Эти проекты будут парадоксальны по своей природе, ниспровергая доминантный (институциональный) дискурс. Пост-музейный музей, с характерной для него исторической и социальной сложностью, станет объектом исследования

самого себя, «вещью в себе, которую будут анализировать и интерпретировать внутри его экспозиции» [цит. по: Лещенко, 2009. С. 44].

Музеи, может быть, в большей степени, чем другие учреждения культуры, соответствуют миропониманию эпохи постмодернизма, в котором на первый план выходят такие понятия, как плюрализм, обращение к культурному наследию, к классике, диалог с ней. Музейный подход основывается на отказе от единого эстетического стандарта в пользу свободного сочетания выразительных средств, утверждения равноправия эстетических ценностей, художественных методов и стилей. Все больше музеев реализуют постмодернистские принципы открытости, безоценочности, ориентации одновременно и на массу, и на элиту. Мемориальные музеи формируют «персоноцентризм», утверждают равноправность и равноценность индивида и социума.

В современном мире возрастает изменчивость пространственно-временных координат. Обрести устойчивость в эпоху перемен помогает осмысление исторических трансформаций, пространственного многообразия человеческого мира. Постоянное сближение и разведение пространственно-временных сходств-различий становится потребностью современного человека, поэтому так востребованы музеи и туризм. «Иной» мир и «другое» время, презентуемые в рамках туристских дестинаций, превращаются в жизненно важный аспект современности, становятся частью повседневных практик.

В восприятии рядового посетителя музея, туриста преобладает художественно-образная составляющая. Ученый-историк — особая категория музейных посетителей. Что же может дать ему экспозиция в профессиональном плане? Во-первых, музейный предмет в экспозиции остается первоисточником знания, отдельные экспонаты уникальны и могут служить источником исторической информации. В результате предварительной исследовательской работы экспозиционеры извлекают из фондов такие предметы, которые раньше не привлекали внимания. Во-вторых, эти предметы представлены в определенной (экспозиционной) системе, продуцирующей синергетический эффект: их подчас неожиданное сопоставление и противопоставление в экспозиционном ряду и комплексе может содержать эвристический потенциал. В этом случае «призвание» экспозиции — не столько дать ответы, сколько побудить осознать вопросы, заставить размышлять нетрадиционно, по-новому. В-третьих, для историков (возможно, в большей степени, чем для ученых других сфер научной деятельности) важна образность, образцы которой демонстрируют экспозиционные системы. В-четвертых, как и на любого посетителя, на историка оказывает эмоциональное воздействие аура экспозиции, ее художественное решение, что также активизирует рефлекссию, в том числе профессиональную. Конечно, все это может дать только качественная, «умная» экспозиция.

Приходящие в музей ученые профессионально улавливают научную основу экспозиции. Французский географ и геополитик П. Видаль де ла Блаш отмечает особенность структуры экспозиции этнографического музея: «В тех случаях, когда размещением экспонатов руководила последовательная мысль, мы сразу заметим, что предметы одного происхождения объединяет глубокая внутренняя связь. По отдельности они поражают только своей причудливостью; собранные вместе, они обнаруживают печать общности» [Медушевская, 2013. С. 75–76].

Как человек, имеющий опыт музейной работы с посетителями, могу сказать, что наибольшую заинтересованность демонстрируют посетители-ученые (историки, литераторы, искусствоведы и т. д.), их вопросы к музейному работнику наиболее глубокие, неожиданные, побуждающие музейщиков к размышлениям. Это может свидетельствовать, что интеракция на профессиональном уровне историка-теоретика и музейного научного работника состоялась, она эффективна.

Музей не только существует в определенных пространственных рамках, но и «творит» образ культуры — как в научном, так и в музейном плане: представления о ее развитии, ключевых точках, направлении, о системе ценностей и сакральных смыслах. В музейном пространстве реализуется контакт разных культурных идентичностей, обеспечиваются научность и аутентичность культурного опыта.

Библиография

Арзамасцев В.П. «Задумываясь над тайнами своего ремесла» // Мир музея. 2000. №. 6. С. 30–36.

Белтинг Г. Музей как средство информации // Музей как сообщество в условиях глобализации. М.: ИКОМ России, 2002. С. 4–17.

Воронцова Е.А. Очерки по теории и истории культуры. М.: Летний сад, 2014. 171 с.

Гнедовский М.Б. Музейная коммуникация и ритуал // Некоторые проблемы исследования современной культуры. М., 1987. С. 35–43.

Гнедовский М.Б. Проектирование прошлого и музей будущего: метаморфозы проектного подхода в музейном деле // Социальное проектирование в сфере культуры: от замысла к реализации / НИИ культуры. М., 1988. С. 66–82.

Жердева Ю.А. Чувство места как категория социальной памяти // Третий Российский культурологический конгресс «Креативность в пространстве традиции и инновации». СПб.: Эйдос, 2010. С. 273.

Иванова Ю.В. Статус музея в современной культуре. Дисс. ... канд. культурологии. 24.00.03. СПб., 2005.

Именнова Л.С. Музейная дестинация в системе культурного туризма: социокультурный анализ: монография. М.: Логос, 2011. 228 с.

Именнова Л.С. Пространство и время как культурологические концепты: музейный и туристский аспекты // Вестник Московского гос. ун-та культуры и искусств. 2011(а). № 4(42). С. 81–86.

Именнова Л.С. Пространство и время как культурологические концепты: музейный и туристский аспекты. Saarbrücken (Германия): Lap Lambert, 2012. 359 с.

Именнова Л.С., Акишина А.Н. Музейная практика на пути к экомuzeю // Интеллигенция: естественно-научные, социальные и гуманитарные знания на пути интеграции. М.: РГГУ, 2014. С. 265–274.

Лещенко А. Проблемы становления музееведческой терминологии на международном уровне // Музей. 2009. № 5. С. 42–45.

Мастеница Е.Н. Музейное пространство как культурологическая категория // Третий Российский культурологический конгресс «Креативность в пространстве традиции и инновации». СПб.: Эйдос, 2010. С. 217.

Медушевская О.М. Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 463 с.

Мошняга Е.В. Межкультурная коммуникация и диалог культур в сфере международного туризма: монография. М.: Логос, 2011.

Пигалев А.И. Пространство культуры // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1–2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 141–143.

Розенблюм Е.А. Время и пространство в музейной экспозиции // Музейная экспозиция / Рос. ин-т культурологии. М., 1996. С. 177–194 (На пути к музею XXI века).

Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост. Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. 295 с.

Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М.: Согласие, 2010.

УДК 930.2; 069

И.В. Чувилова, I.V. Chuvilova

ИСТОРИЯ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: MATERIA PRIMA¹

History in the Museum Space: Materia Prima

Аннотация: от описания событий музеи переходят к системному представлению социально-экономических и культурных процессов. При этом антропологический акцент определяет саму постановку исследовательской проблематики, а разнообразные артефакты материальной и нематериальной культуры приобретают новые смысл и звучание. Презентация музейных предметов как культурного феномена в контексте гуманитарного знания дает уникальную возможность для исторических интерпретаций и реконструкций, становится основой для всесто-

¹ Ряд положений данной статьи изложен автором в работе «Being held captive by time: History mythologization in the museum space». Опубликовано: *Museologica Brunensia*. 2013. № 2. P. 26–31 (издание Университета им. Масарика, Брно, Чехия).

ронного изучения и представления социальной и природной среды, прежде всего, человека в выставочных залах музеев.

Abstract: From the description of events museums move to systemic presentation of socio-economic and cultural processes. In so doing anthropological emphasis determines the very formulation of the range of research problems, and diverse artifacts of material and immaterial culture acquire new meaning and sound. Presentation of museum objects as cultural phenomenon in the context of humanitarian knowledge provides a unique opportunity for historical interpretations and reconstructions, becomes the basis for a comprehensive study and presentation of social and natural environment, and above all human in the exhibition halls of museums.

Ключевые слова: музееведение, историческая наука, научная интерпретация, мифологизация истории в музеях, работа с источниками, гуманитарное знание, историческая память, отношения с посетителем, музейный предмет, ответственность исследователя.

Keywords: museology, historical science, scientific interpretation; the mythologization of history in the museums; responsible work with sources; humanitarian knowledge, historical memory, the relationship with the visitor, the Museum object, the responsibility of the researcher.

Открыл ты не форточку,
открыл мышеловку...

Б.Л. Пастернак. «Materia prima»

Современный кризис, обозначаемый как кризис исторического метарассказа, не нов. Комплекс сложнейших методологических проблем исторического познания решается уже более двух столетий. Иррационализм, субъективизм, провозглашенные В. Дильтеем «воображение», проникновение в «дух эпохи» уже с конца XIX в. были предложены как единственно возможные способы познания прошлого, а историю предлагалось воспринимать не как науку, а как художественное творчество. Сегодня проблемы познания не менее остры, создавая «поле напряжения “между фикцией и объективностью”», между историческим нарративом и историческим знанием» [Медушевская, 1997. С. 39]. Постмодерн, разочарованный в глобальных историко-теоретических построениях (М.Ф. Румянцева), провозглашает относительными историческое знание о прошлом, сущностные качества наследия; в исторических представлениях постмодерна «господствует незнание и нежелание знать, куда движется человеческое общество» [Померанц, 2000. С. 113]. Ценностные ориентиры утрачивают свою уникальность и значимость, чем дезориентируется человек в музейном и любом ином пространстве, отвечающем за налаживание и поддержание коммуникационных функций в социуме.

Однако ограничиваться поиском и презентацией «гения места», «символа, образа, предания», «культурно-символических смыслов памятни-

ков наследия» вместо общения с реальными историческими артефактами все же преждевременно. Традиции русской исторической школы, в т. ч. гуманитарное познание, основы которого ею заложены и развиты, ориентируют на изучение реального объекта (исторических источников, их совокупности и синтеза), открывающее «возможность логического построения феноменологии общечеловеческой культуры» [Медушевская, 1997. С. 51]. В отстаивании этих традиций, позволяющих адекватно представлять наследие, сегодня огромная роль принадлежит именно музеям.

Необходимо отметить, что создание и функционирование музеев в современном обществе теснейшим образом, возможно — как никогда ранее, связано с вопросом о «функции исторического сознания в динамической цивилизации» (Г. Люббе). Проблема видится в том, что в результате темпов изменения мира «наше собственное прошлое все быстрее превращается в чужое прошлое» и для его понимания, сохранения и усвоения «требуется специальная работа научно-дисциплинированного исторического сознания», чем «компенсируется утрата чувства знакомого в культуре», и что «позволяет нам отчетливо выразить, кто мы такие... Усилия исторического сознания компенсируют опасности темпорального растворения идентичности». Потребность эта все острее осознается обществом, которое стремится «установить связь между сокращающимся настоящим и расширяющимся прошлым» [Люббе, 1994. С. 113], актуализировать наследие как социокультурный опыт, передающийся во времени, от поколения к поколению. Решение подобных мировоззренческих вопросов может занять десятилетия, но движение по этому пути намечается сегодня, и в музейном пространстве также: представлением самобытного наследия с позиций гуманитарного знания, творческой презентацией научных интерпретаций, ответственной и точной работой с источниками.

Как известно, музей имеет дело с особым историческим источником — музейным предметом, являющим собой, по определению Т. Шолы, «чистую и совершенную память». Представляется очевидным, что в современной ситуации, когда процветает конъюнктурная идеологизация исторического знания и с трудом вырабатываются позитивные идеи, именно исторический источник (музейный предмет), проецируя культуру во времени и пространстве, должен стать точкой стабильности, помочь избежать субъективизма и очередных штампов исторического знания и сознания. Безусловно, музейщикам «трудно оставаться независимыми и объективными перед лицом проблем», которые встают перед обществом [Жауль, 1993. С. 4]. Это одна из причин появления образов исторического мифотворчества, которые постепенно начинают пронизывать все культурное пространство, включая музейное проектирование, создание культурных брендов, формирование имиджа территорий. И музей играет в этом процессе далеко не последнюю роль, зачастую способствуя созданию и продвижению новой мифологии.

Взаимоотношения музея с предметом развиваются поэтапно. Как известно, точка отсчета для выстраивания разнообразных исторических конструкций в музейных залах — постановка исследовательской проблемы, и это — особая тема для другого разговора. Необходимо только напомнить, что выбор методики исследования и последующая интерпретация напрямую зависят от характера поставленных задач и уровня подготовленности исследователя к их решению. При этом основой исследования и познания остаются источники, памятники, — и с ними возможны несколько вариантов взаимодействия, которые могут привести к формированию псевдоисторических сюжетов в музейном пространстве.

Первое. Специфика взаимодействия музея как учреждения и музея как хранилища социальной памяти зачастую создает впечатление, что это два автономных и независимых друг от друга объекта. Имеется в виду, прежде всего, следующее: при работе с музейной коллекцией повсеместно наблюдается игнорирование некоторых памятников (комплексов памятников), но при этом постоянное использование одних и тех же предметов. Памятники могут оказаться в изгнании по многим причинам. Чаще всего это — сознательно избегаемая демонстрация проблемных исторических артефактов, которые нуждаются: а) в дополнительном серьезном научном исследовании; б) в интерпретации; в) в поднятии и раскрытии темы неудобной, спорной, неполиткорректной и т. п. Недостаточное внимание к составу коллекций приводит к тому, что уникальный культурный потенциал, поликультурная насыщенность музеев зачастую не востребованы или используются однообразно, неинтересно. Тогда как именно введение в оборот новых источников помогает решать исследовательские и просветительские задачи, расширяя музейное пространство и интегрируя его в пространство социокультурное.

Проведение акций, подобных «Раскопкам в музее» (Мэрилендское историческое общество Балтимора, США), свидетельствует: обычная практика экспозиционной деятельности музеев такова, что сознательно или невольно поддерживаются расистские взгляды или игнорируются национальные проблемы. «Шахтная разведка» фондов многих музеев привела к выявлению никогда ранее не выставлявшихся и не замечаемых сотрудниками музеев объектов, относящихся к жизнедеятельности и культуре национальных и конфессиональных меньшинств. В результате — «наследие отчасти утрачивает свой смысл, если его никто не видит, если оно не является символической собственностью каждого человека» [Меро, 1997. С. 47], а «видимая», подвергнутая жесткому отбору часть наследия конструирует неполное (искаженное, одномерное, тенденциозное — *нужное подчеркнуть*) пространство социальной памяти и, зачастую, ложную картину мира.

Между тем отношения с «проблемным» экспонатом могут способствовать выстраиванию новой системы взаимоотношений с посетителем.

Например, все более актуальным становится поиск путей взаимодействия с местным населением, баланса между интересами сохранения культурного наследия в музеях и правом коренных жителей на владение и распоряжение собственными реликвиями; стремление сохранить контекст, ритуальное и символическое значение экспонатов. При соответствующей работе посетитель может стать соавтором музея, а что может быть жизнеспособнее, чем этот вариант диалога?

Опасность другого рода некоторое время назад была обозначена музееологом Т. Шолой: «В условиях распространения новых взглядов на природу музейного экспоната (поскольку на практике им может считаться любой предмет) возникнет искушение... не считать более предмет необходимостью... Сегодня часто приходится сталкиваться с таким взглядом, что музееологическая программа должна основываться не на памятниках, принадлежащих музею, а на идеях, которые он хочет донести до посетителя. Последствия такого подхода могут быть самыми непредвиденными. Собираение коллекций относится к сфере материальной, тогда как цели музейной деятельности носят метафизический характер, и только творческий подход позволит преодолеть этот разрыв, о чем следует прежде всего помнить» [Шола, 1987. С. 51]. Коррелируя с современной ситуацией, необходимо добавить — и научный подход. Действительно, наличие подлинного, реального предмета не считается ныне некоторыми исследователями обязательным для презентации «образов», «символов» и «хронотопов», составляющих постмодернистский палимпсест. Музейное качество придается неким «образам», возникающим перед мысленным взором адептов «виртуальной реальности»: реальный предмет рассыпается мозаикой, состоящей из импульсов, безусловных и условных рефлексов «чувствующего» субъекта в процессе самолюбования и самоцитирования.

Из «символов наследия» создается новое мифотворчество, псевдо-история, «fiction, завернутый в исторический фантик» (Шимов, 2006). Например, работа по формированию в последние годы «рынка ностальгии» часто подразумевает такую презентацию наследия, при которой «публика должна “определиться” с прошлым, “почувствовать” его и поддаться адаптированным иллюзиям» [Вестхейм, 2002. С. 252]. Правда, норвежский исследователь Г. Вестхейм при этом добавляет, что «есть существенная разница между показом прошлого, основанным на уважении к историческим источникам и критериях эмоционального эффекта, и рынком ностальгии», т. е. между актуализацией наследия и продажей сиюминутно выгодных его фрагментов. Этот зазор, видимо, будет углубляться далее, и в данной ситуации музею необходимо обозначить четкую демаркационную линию между предоставлением в распоряжение современного человека подлинного наследия, духовного и эмоционального опыта, элементов «живой культуры» и выполнением заказа по удовлетворению кор-

поративных интересов определенных групп общества. Создание подобной параллельной (виртуально-символической) реальности тесно связано с использованием некорректных методов манипуляции общественным сознанием, с подменой подлинных ценностей на наиболее продаваемые, конъюнктурной интерпретацией истории.

Второе. Ряд ученых говорят сегодня об «атомизации» исторического знания, распаде исторической целостности, что является следствием кризиса метаистории. «В этих условиях музей волей-неволей должен заняться самостоятельным конструированием исторического целого. В противном случае он рискует из хранилища социальной памяти постепенно превратиться сначала в собрание монументов, затем в антикварную лавку, а затем... и в склад забытых вещей — причем забытых в прямом смысле этого слова, исчезнувших из памяти» [Румянцева, 2005. С. 11]. Что может — и может ли — предложить в данной ситуации музейная презентация историй? Возможна ли адекватная интерпретация памятника, т. е. полноценное выявление его информационного потенциала, дающее целостное историческое видение, а не постмодернистскую субъективистскую историю «в осколках»?

От описания событий музеи переходят к системному показу социально-экономических и культурных процессов (в современной России чрезвычайно медленно и трудно). А антропологический акцент скорректировал саму постановку исследовательской проблемы, благодаря чему разнородные артефакты материальной и нематериальной культуры приобрели новое значение и звучание. Именно памятникам материальной культуры отводится сегодня роль «ненамеренных свидетельств» (М. Блок), которые позволяют исследователю без посредников (в отличие, например, от письменных источников) соприкоснуться с прошлым, наиболее объективизируя историческую действительность; провести междисциплинарное исследование и интеграцию предметов в музейном пространстве. А представление музейного предмета в контексте гуманитарного познания как *явления культуры* предоставляет уникальные возможности для исторических интерпретаций и реконструкций; становится основой для комплексного исследования и показа в музейных залах социальной, природной среды и, прежде всего, человека.

В роли интерпретатора материальных памятников выступает сам исследователь; это значительно увеличивает меру ответственности, но и решение задачи становится творческим, подлинно научным. Очевидно, что исследователь, «проецируя на материал своих источников актуальную проблематику, оказывается вовлеченным и в соответствующие интерпретационные рефлексии». Соответственно, встает вопрос о конструировании достоверного знания; а это становится возможным тогда, когда историк максимально активно общается с памятниками, составляет вопросник для источников, выделяя из них существенное и включая их в со-

ответствующий историко-культурный контекст [Блок, 1986]. Такое «объемное» видение источников — ответно: источники вступают в диалог, они раскрываются, становясь многослойными и многоречивыми структурами. Выявляется коммуникативный потенциал артефакта, и от характера поставленного исследователем вопроса изменяется его интерпретативная роль. В этой точке завязывается диалог культур, о котором сегодня так много говорится, и становится возможным «получение объективно значимого знания» [Медушевская, 1998], воссоздание целостной картины из сохранившихся фрагментов культуры и невозможными — произвольными конструирования и вычитывания смыслов. В связи с этим вызывают недоумение высказывания некоторых исследователей, что часть музейных предметов утратила свою информационную сущность, изученная до конца и бесповоротно, являясь ныне тяжким и ненужным балластом в переполненных музейных фондохранилищах.

Однако «в хаосе реликтного множества только лишь специалист способен установить генетический порядок. Современник-непрофессионал, простой любитель искусства воспринимают уже не генетическую последовательность, а скорее хаос, и соразмерной реакцией на восприятие этого хаоса является эклектизм» [Люббе, 1994]. Возможно, и поэтому тоже, не совладав с многосложностью источника, некоторые исследователи становятся приверженцами постмодернистских конструкций, эклектичных музейных пространств, в которых история предстает произвольным смешением снов и символов. Еще в начале XX в. географ В. де ла Бланш, хорошо изучивший этнографические коллекции мира, отмечал: «В тех случаях, когда размещением экспонатов руководила последовательная мысль, мы сразу заметим, что предметы одного происхождения объединяет глубокая внутренняя связь. По отдельности они поражают только своей причудливостью; собранные вместе, они обнаруживают печать общности» [цит. по: Февр, 1991. С. 161]. За нежеланием создавать научно выверенные тексты экспозиций, прикрываемым рассуждениями о субъективности познания, непознаваемости прошлого и т. п., часто стоят как непрофессионализм, так и боязнь ответственности, идеологическая конъюнктура. Специалист «может, конечно, двигаясь в русле приоритетов массового сознания, лишь фиксировать противоречивость интерпретаций и их ускользающий, танцующий смысл, находя в этом состоянии завораживающую самодостаточность. Однако гораздо важнее активно способствовать формированию методологии научной определенности, создавая воспроизводимые результаты исследования как естественно новой реальности» [Медушевская, 1997. С. 38]. Уникальная способность науки конфигурировать пространство, расставляя в нем ориентиры для человека и социума, позволяет адекватно представлять наследие в интересах своего общества и сохранить для него культурный код общения.

Еще один способ получить красиво упакованный «попсово-пещерный» вариант истории/мифа в музейном пространстве — это преподносимый ныне некоторыми музеями метод показа источников «без комментариев» (точнее, вне диалога с ними) как опыт «чистой», не замутненной субъективным вторжением экспозиционера презентации. Такой опыт может представлять интерес, но только не заявленной «объективностью». В этом случае декларация «объективности», доведенной до стерильного состояния (в котором не остается места ни творчеству, ни науке), содержит все же элемент лукавства. Уже сам выбор темы, проблемы для презентации, определение познавательной цели, подбор соответствующих артефактов для включения их в экспозицию подразумевают вполне определенную позицию исследователя, которая, осознает он это или нет, направляет суждение зрителя об избранном историческом сюжете. Предмет, извлеченный из множества других, помещенный в соответствующий контекст (или лишенный его), уже представляет собой особо выстроенное информационное поле и неминуемо маркирует в этом поле позицию «наблюдателя».

Результат же в конечном итоге зависит от постановки задач: актуализация наследия или создание очередного мифа, выстраивание идеи на основании источников или выискивание нужного памятника для подтверждения собственных гипотез. Но вопрос: «В какой мере этот “конфликт интерпретаций”, неоднозначность результатов исследования есть объективное свойство гуманитарных наук, а в какой они — следствие неверно поставленных проблем, неподготовленности историков, особенность гуманитарной модели образования?» [Медушевская, 1997. С. 42] — предстоит решать каждому исследователю индивидуально.

Музей, понимаемый некоторыми исследователями слишком буквально как «текущий во времени Гераклитов архив» (Б. Гройс), становится сегодня местом различного рода манипуляций с исторической памятью. Одна из генетически определенных функций исторических источников — быть точками опоры в нестабильном мире, в котором процветают «относительность в естественных науках и релятивизм исторических суждений» (H.S. Hughes), — утрачивается. Если большинство выставок и экспозиций появляется теперь «с целью создать новый порядок исторических воспоминаний, предложить новый принцип собирания коллекций, который по-новому воссоздаст историческое прошлое» [Медушевская, 1997. С. 42], то сколь велика доля субъективности в подборе «воспоминаний», сколь сильно искушение создать их «новый набор и порядок», а тем более создать *свое* «историческое прошлое». Непрофессиональное либо конъюнктурное прочитывание сохранившегося наследия, заполнение лакун, недостающих слов и фрагментов в угоду невзыскательной части аудитории (или той ее части, которая «заказывает музыку») рождает в историческом — музейном — пространстве монстров, поглощающих в результате задавшую их реальность.

Современный музей — живая и развивающаяся система, будь то просветительская или гедонистическая его модели, музей-храм или музей-форум. Несмотря на трудности, в музеях создаются проблемные синтетические экспозиции, в которых за внешней абстракцией социологических и политических реалий все отчетливее проступает реальный человек и живая история, разноречивая, запутанная, гипотезы, стимулирующие движение мысли и интерес к проблеме, желание найти ответы. При создании же мифов «за кадром остается реальная ткань истории — с ее перипетиями и развилками, с неоднозначностью и несводимостью логики разных исторических эпох к общему знаменателю... Создаваемые образованным слоем общества исторические мифы, порой не лишённые сложности и своеобразной красоты, спускаясь по социальной лестнице этажом ниже, часто примитивизируются и превращаются в банальные, убогие и вредные стереотипы» [Шимов, 2006]. Миф в современном музейном пространстве — очевидная реальность, хотя и плохо согласующаяся с отечественной традицией глубокого и ответственного освоения истории и культуры. И если историческая наука может способствовать сокращению пути к прошлому, то создание мифов делает этот путь не только трудным, но и опасным.

Библиография

- Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 174 с.
- Вестхейм Г.* Инструментальная культурная политика в скандинавских странах: критический исторический взгляд // Экология культуры: Информационный бюллетень / Ком-т по культуре адм. Арх. обл. [Гл. ред. Л. Востряков; Ин-т экол. проблем Севера УрО РАН]. Архангельск, 2002. № 1 (26). С. 252–269.
- Жауль М.* Этнографические музеи сегодня // Museum. 1993. № 175. С. 4–8.
- Люббе Г.* В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113.
- Медушевская О.М.* Исторический источник: человек и пространство // Исторический источник: человек и пространство: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 3–5 февраля 1997 г. / Отв. ред. О.М. Медушевская. М.: РГГУ, 1997. С. 35–61.
- Медушевская О.М.* Теория, история и метод источниковедения // Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 1998. С. 19–170.
- Меро Ф.* Новый тип музейной сети во Франции: Музеи местной культуры и техники Франш-Конте // Museum, 1997. № 194. С. 43–47.
- Померанц Г.* Авангардизм, модернизм, постмодернизм // Опыт: Литературно-художественный, научно-образовательный журнал. 2000. № 3. С. 110–121.
- Румянцева М.Ф.* Историческая память и музейная экспозиция в ситуации постмодерна // XVIII век в истории России: Современные концепции истории России XVIII века и их музейная интерпретация / Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 148. С. 6–20.

Февр Л. Проблема «человеческой географии» // Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 159–175.

Шимов Я. Как не стать рабами истории // Полит.ру. 2006. 21 февраля. Электронный ресурс: <http://polit.ru/article/2006/02/21/history/> (дата обращения: 10.02.2013).

Шола Т. Предмет и особенности музеологии // Museum. 1987. № 153. С. 49–53.

УДК 069, 930.2

Е.Н. Масменица, E.N. Mastenitsa

ИСТОРИЯ В МУЗЕЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

History in the Museum: Methodology of Knowledge and Representation

Аннотация: в статье выявляются методологические подходы к изучению и интерпретации исторического процесса в музее, анализируются возможности формационного и цивилизационного подходов, оцениваются достижения социальной истории, исторической психологии и исторической антропологии. Предложено рассматривать познание истории как многовекторный и многоуровневый процесс, а ее репрезентацию в музее строить с учетом общенаучных и специальных методов, современных теорий и концепций на основе исторического синтеза, а также с учетом свойств и функций музейного предмета и специфики музейного пространства.

Abstract: In article methodological approaches to studying and interpretation of historical process in the museum are considered, possibilities of formational and civilization approaches are analyzed, achievements of social history, historical psychology and historical anthropology are estimated. It is offered to consider knowledge of history as multivector and multilevel process, and create its representation in the museum taking into account general scientific and special methods, modern theories and concepts on the basis of historical synthesis, and also the accounting of properties and functions of a museum subject and specifics of museum spatium.

Ключевые слова: историческая наука, история, методология исторического познания, музееведение, музей, экспозиция, музейная интерпретация, информационный потенциал, междисциплинарность, репрезентация.

Keywords: historical science, history, methodology of historical knowledge, museology, museum, exposition, museum interpretation, information potential, interdisciplinarity, representation.

С конца XX в. в российском обществе интерес к истории необычайно возрос, а его значение как важнейшего аспекта самосознания личности возрастает неуклонно. Расширение тематики исторических исследований,

ретроспективное изучение социальной стратификации, антропологический поворот и формирование исторической психологии, повышение внимания к бытовой истории, усиление культурологической компоненты, развитие исторической эпистемологии раздвинули границы музейной герменевтики и раскрыли новые содержательные горизонты музейной коммуникации. Исторические музеи с конца 1980-х гг. в большей степени, чем другие, оказались в сложном поиске самоопределения и обретения новых методологических ориентиров. Созданные еще в советское время, многие исторические экспозиции устарели и требовали модернизации. Начался интенсивный поиск идей и принципов их реновации, который нельзя признать завершенным, поскольку он еще продолжается. Смещение акцентов к истории повседневности, этнографии, отказ от политической истории приводили к тому, что музеи, проявляя устойчивый интерес к региональному, локальному, частному, бытовому аспектам, становились маловосприимчивы к «большой традиции», к осмыслению и показу истории России. В силу этого особую актуальность для всех музеев, а исторических в особенности, имеет определение ориентиров их функционирования в условиях современной парадигмы социогуманитарного знания. Чрезвычайно важным представляется овладение методологическим инструментарием практиками музейного дела, осуществляющими интерпретацию истории в процессе проектирования экспозиций и реализации образовательной деятельности.

В условиях многовекторного развития исторической мысли и методологического плюрализма вопросы определения содержания и методов исторических исследований в музее отличаются неоднозначностью и наибольшей сложностью. Общность цели исторической науки и музея по сохранению социальной памяти и социального опыта делает необходимым тесное взаимодействие обоих социальных институтов, что было своевременно отмечено специалистами [Современная историография и проблемы содержания..., 2002. С. 15]. При сходстве целей у музея как социокультурной институции и истории как науки существуют различия в способах познания прошлого, разграничивающие области «влияния». В исторической науке доминирует документально-вербальное хранение информации, а музей определяет методы «показа и рассказа» истории преимущественно посредством музейных предметов в экспозиционном пространстве. В музее предмет или памятник предстает во всей совокупности своих информативных, репрезентативных и экспрессивных свойств, выполняя функции моделирования ушедшей действительности. Оставаясь источником, предмет выступает подлинным свидетельством и достоверным показателем фактов, явлений и событий прошлого. Значительные изменения, произошедшие в источниковедении и в возможностях работы музейных историков с источниками, привели к тому, что историки осваивают не только новые массивы источников, но и со-

временные технологии, формы и методы работы с ними. Появился новый тип источника — электронный, но не все музеи и не всегда готовы не только работать с этими источниками, но даже хранить их.

Продолжая рассмотрение областей взаимосвязи и сотрудничества исторической науки и музея, мы можем констатировать, что, с одной стороны, имплицитные возможности исторической науки шире, так как возможности концентрации и представления информации в сознании, когда материальное и духовное не расчлняются, поистине безграничны, а с другой — история в музее в силу своей «предметности» чрезвычайно наглядна и «осязаема», синтезирована и перекодирована на особый язык коммуникации, более доступна для поливозрастной аудитории. Эти различия, а также научно-популярный характер презентации истории в музее, на наш взгляд, не только не исключают, но и актуализируют необходимость обращения к методологическому инструментарию исторического познания с учетом специфики музейного пространства, насыщенного предметами-подлинниками.

Обращение к прошлому характерно для каждого переходного или переломного исторического периода. Интерес к культурному наследию с наибольшей силой и остротой проявляется в переломные исторические эпохи, когда общество пытается осмыслить прошлое и заглянуть в будущее. В России этот интерес возникал и на рубеже XVIII—XIX вв., и в конце XIX — начале XX в. Не явился исключением и рубеж XX—XXI вв., отмеченный всплеском интереса к отечественной истории и культуре, активизацией научных исследований в этой сфере. В изменившихся политических и социально-экономических российских реалиях конца XX — начала XXI в. стали по-новому востребованы информационный потенциал музея и когнитивные возможности музейных экспозиций и выставок. В музейном проектировании постсоветского периода наблюдалась и наблюдается тревожная тенденция, которая выражается в отказе от идеи исторической закономерности в исторической науке и от принципа научности экспозиции [Там же. С. 13]. Не претендуя на исчерпывающее освещение полифонии исторического дискурса, мы предлагаем рассмотреть наиболее актуальные подходы и принципы исторической науки, а также оценить характер и возможности их практического применения для решения музейных задач.

Современная историческая мысль отличается необычайным многообразием и многовекторным развитием. Деидеологизацию и плюрализм исторической науки необходимо воспринимать как свершившийся факт. Произошли существенные и сущностные изменения в самом содержании философии истории, в понимании сути общественно-исторического развития и ведущих принципов и методов его познания. В многочисленных публикациях по вопросам исторического познания констатируется методологическая неопределенность, отставание теоретического осмысления

от вызовов времени, обозначается отсутствие ведущих исторических школ, а также диалога между сторонниками различных направлений [История России: теоретические проблемы. Российская цивилизация..., 2002. С. 30, 398]. На наш взгляд, и сегодня не утратила актуальности мысль А.Я. Гуревича о том, что историческое знание должно «приобрести новый интеллектуальный статус и разработать собственную гносеологию» [Гуревич, 1999. С. 18]. Понимая необходимость поиска новых базисных оснований для объяснения прошлого, историки вместе с тем признают и невозможность его осуществления за короткий период. Однако сегодня уже можно утверждать, что кризис в исторической науке преодолевается и в конечном итоге будет преодолен.

В постсоветский период остро обозначилась проблема дальнейшего применения формационного подхода к изучению исторического процесса. Справедливая критика этого подхода касается ряда проблем, в частности недостаточной разработанности используемых понятий, а также вопроса о соотношении общего хода эволюции человечества и конкретных историй стран и регионов, о выделении и педалировании экономического фактора как определяющего и т. д. [История России: теоретические проблемы. Российская цивилизация..., 2002. С. 9, 69, 401]. Серьезным недостатком является и то, что теория формаций базируется на исторических взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса, «которые сейчас выглядят устаревшими» [Там же. С. 71]. Вместе с критикой формационного подхода, тем не менее, признавалось, что он позволял «организовывать исторические факты в определенные более или менее логичные модели» [Там же. С. 73].

Поиски нового, эффективного и отвечающего современным потребностям методологического инструментария вывели исследователей на цивилизационную парадигму [Теоретическая культурология. С. 176–185]. Осознание обществом важности задач самоопределения и самоидентификации стало катализатором возрастания потребности в цивилизационном изучении России [История России: теоретические проблемы. Российская цивилизация..., 2002. С. 113]. Сторонники цивилизационного подхода выражают уверенность в том, что его методология позволила по-другому взглянуть на известные социальные и культурные явления и процессы, выявить их значимость как факторов и механизмов интеграции, обеспечивающих целостность общества [Теоретическая культурология. С. 179], поддерживают отказ от линейности в трактовке историко-культурного процесса, придерживаются идеи культурной морфологии, согласно которой становление и угасание культурных форм, их совокупность реализует все богатство человеческой жизни [Там же. С. 217, 344]. Одной из актуальных задач историографии М.А. Барг считал превращение понятия «цивилизация» в ведущую парадигму исторического познания [Барг, 1991. С. 71].

Суть современного цивилизационного подхода заключается в его двух-уровневом эвристическом основании: классическом (гносеологическом) и жизненном (культуралистском) [Следзевский, 1997. С. 7]. В рамках первого основания цивилизация понимается как вполне познаваемая структура, «как процесс универсализации и генерализации культуры и истории, как большая социокультурная общность, обладающая собственной иерархией ценностей и идеалов, как большая традиция» [Там же. С. 10]. Второе основание связано с представлениями о цивилизациях как о «целостных феноменах и эпифеноменах мировой истории, представляющих собой принцип упорядочения, сорасчленения и взаимосоизмерения различных продуктов культуры» [Там же. С. 10]. Для цивилизационного подхода актуален поиск констант и устойчивых структур, которые остаются неизменными на протяжении длительного исторического времени [История России: теоретические проблемы. Российская цивилизация..., 2002. С. 135]. В ситуации многополярности исследовательских позиций представляется важной мысль И.Н. Ионова об интегративных способностях цивилизации, возможностях «адекватного перевода инокультурных ценностных понятий таким образом, чтобы они не потеряли своего ценностного потенциала», что может послужить предпосылкой для создания единого ценностного пространства цивилизации, для понимания положения местной культуры в данной цивилизации [Там же. С. 146]. Критика цивилизационного подхода аргументируется отсутствием в нем четких критериев, употреблением неверифицируемых понятий, совпадением трактовки внутренней структуры цивилизаций с пониманием структуры формаций [Там же. С. 77, 412, 141–154].

И историки, и музеологи отмечают необходимость более углубленной разработки цивилизационного подхода. Следует выделить попытки применения теоретических положений цивилизационного подхода, понимаемых как использование достижений культурной антропологии, социологии культуры, в музейном проектировании [Современная историография и проблемы содержания..., 2002. С. 161]. Цивилизационный подход, предусматривающий «представление национального культурного наследия и истории страны в контексте мировой истории», был принят в качестве методологического каркаса концепции Государственного исторического музея [Сундиева, 2003. С. 56].

Важным методологическим поворотом в исторической науке стал поиск новых подходов к проблемам раскрытия деятельности человека в истории в соотношении с его личностно-индивидуальными чертами, с его нравственно-психологическим обликом. Так, уже с 1960-х гг. формировалось научное направление исторического знания, в котором интерес исследователей концентрировался не на социально-политических, а на индивидуально-психологических задачах исторической науки [Румянцева, 2002. С. 29–30], центральные темы смещались с «окружающих человека

обстоятельств на человека в исторически конкретных обстоятельствах» [Гуревич, 1991. С. 21]. Аналогичная тенденция отмечается и в исторических музеях. Она выражается в переносе акцента с музейного предмета на человека, связанного с этим предметом [Воронцов, 1997. С. 17].

Отличительной чертой современной методологии социальных и гуманитарных наук являются многофакторность изучаемых явлений и процессов, значительное воздействие обратных связей на них, изменчивость объекта изучения, исключительная роль субъективного фактора [Кудрявцев, 1999. С. 6–11]. Особенность исторического познания с точки зрения методологии и гносеологии науки заключается в особом способе сочетания процедур понимания и объяснения [Хвостова, 1993. С. 22], в замене объяснительных теорий на концепцию когерентности — понимания [Селунская, 2000. С. 46].

Отмеченное во второй половине XX в. «снижение уровня объяснительной модели» привело к утверждению в мировом историческом сообществе методологической ориентации «делать историю снизу вверх». Это подтверждает появление «новых» областей истории (городской, гендерной, истории семьи, труда и т. д.), активное формирование новых подходов к историческому исследованию: микроистории, истории повседневности, истории ментальностей, устной истории, гендерной истории и др. Нельзя не согласиться с замечанием Н.И. Смоленского о том, что «уход в предметную область микромира не является чем-то качественно новым по сравнению с предшествующими историческими исследованиями», а «уход в частности означает отказ от теории» [Смоленский, 2007. С. 13].

Учеными признается необходимость поиска новых способов изучения истории, позволяющих приблизиться к «постижению сознания и поступков “среднего человека”», обнаружить разные уровни сознания людей, а также сочетания истории, изучаемой “сверху”, и истории, изучаемой “снизу”» [Гуревич, 1999. С. 20]. Так, по мнению Н.Е. Копосова, «...задача историка сегодня состоит в том, чтобы понять, как история создается и функционирует в настоящем» [Копосов, 2001. С. 308], а Р.Дж. Коллингвуд, рассматривая историю как особую форму мысли, видел задачу истории в человеческом самопознании [Коллингвуд, 1980. С. 13]. Как искусство памяти предлагал воспринимать историю П. Хаттон. Он полагал, что изучение и описание прошлого с помощью его репрезентаций совершенно недостаточно, потому что «прошлое, как оно когда-то переживалось, а не как впоследствии использовалось, является той стороной памяти, которую мы должны стремиться восстановить» [Хаттон, 2003. С. 31]. Следует отметить, что существует точка зрения, рассматривающая музей как учреждение, где «раскрывается и воссоздается “память человечества”» [Барблан, 1984. С. 5], а роль музея в сохранении исторической памяти [Божченко, 2012] и институализации социальной памяти [Герасименко, 2012] активно исследуется современными музеологами.

Ориентация современного исторического знания на проблемы культуры, исторической антропологии и исторической психологии проходит в русле развития мировой науки, позиционирующей «человеческое измерение» в истории. Интерес к новым темам и проблемам исследований, проявляющийся в различных концептуальных подходах в исторической науке, безусловно, позволяет расширить проблематику изучения и обновить имеющиеся представления о жизни человечества в разные исторические периоды. Так, «антропологически ориентированная история», или историческая антропология, создает особый контекст изучения прошлого, делая основной акцент на конкретно-историческом индивиде [Гуревич, 1999. С. 22–23; Савельева, 1997. С. 96], что «выражает сущность новой парадигмы, новой ориентации всего гуманитарного исследования» [Гуревич, 2000. С. 137]. Все большее распространение и признание в мире получает теория «персонального наследия», «призывающая приблизить музей к интересам конкретного человека, поддерживать наряду с общемировым или национальным наследием локальные объекты материального и духовного наследия» [Каулен, 2003. С. 128]. Вместе с тем нельзя не заострить проблему связи в исторической антропологии разнообразных микроисследований воедино, особенно в контексте целостного описания исторической эволюции культуры [Дингес, 2000. С. 100]. Некоторые историки конца XX в. пришли к выводу о неспособности исторической антропологии обеспечить целостное рассмотрение исторического процесса [Репина, 1990. С. 167–181].

Социальная история на современном этапе развития исторического знания приобретает особую популярность и понимается, прежде всего, как история общества (организация производства, жизнедеятельности, власти, управления и т. д.). Воссоздание реалий конкретной эпохи, усиление внимания к частной жизни простого человека, его интересам, мыслям и заботам и к выявлению связей между формами общественного бытия и институтами власти, видоизменения их места и роли в системе общественных связей, т. е. обращение к истории «снизу», находится в русле наметившихся в исторической науке тенденций [Соколов, 2000. С. 75–89]. В рамках обновленной социальной истории создается более широкий контекст изучения законодательных, государственных и общественных институтов, «где есть место и для реальных жизненных ситуаций, способов самовыражения людей, тонов и полутонов, видимых и скрытых мотивов и результатов человеческой деятельности» [Там же. С. 80]. По мнению А.А. Куреньшева, для музея подход к историческим фактам, событиям и явлениям с позиций социальной истории более плодотворен, чем получивший широкое распространение «образно-художественный» метод построения экспозиций и выставок [Современная историография и проблемы содержания..., 2002. С. 52].

Историческая психология определяется исследователями, развивающими это направление, как «изучение исторических отношений обыден-

ного сознания со смыслопорождающими механизмами культуры», т. е. «социокультурными фиксациями и регуляторами сознания» [Шкуратов, 1991. С. 111–112]. Так, Ю.М. Шилков обращает внимание, что «“встреча” культуры и истории, культурологического и исторического знания обеспечивается возможностями психологического дискурса» [Шилков, 2005. С. 79]. Данный подход, безусловно, представляет интерес для музейной интерпретации истории. Однако следует признать, что проблема исторического синтеза, являющаяся важнейшим моментом исторического познания, не может быть решена в рамках проблематики психоистории, исторической антропологии, социальной истории. Это происходит именно в силу того, что вся историческая реальность не исчерпывается антропологическим (деятельностным), психологическим (личностным) и структурным аспектами изучения исторического прошлого [Репина, 1990. С. 179].

Таким образом, в исторической науке складывается новая эпистемологическая парадигма, связанная с изменением представлений о содержании исторического развития, о логике и методике исторического познания. Для объяснения содержания исторического развития начинают использовать идеи философской синергетики, согласно которым «историческое развитие понимается как хаос, т. е. целостность, объединяющая многофакторность проявлений и многоаспектность проблем» [Хвостова, 2000. С. 10]. Синергетические подходы становятся актуальными для различных областей научного знания. «Подходы синергетики основаны на таких понятиях, как нелинейность, неустойчивость, непредсказуемость, альтернативность развития. Основной вопрос, который интересует историков в этой связи, — характер развития неустойчивых ситуаций в историческом процессе, влияние случайностей, малых воздействий, которые принципиально невозможно предугадать и прогнозировать, на ход дальнейших событий, развитие ситуации в точке бифуркации» [Бородкин, 2001. С. 401].

Распространение новых идей и концепций социогуманитарного знания, ориентированного на изучение человека во всем многообразии его взаимосвязей с цивилизацией, обществом, семьей и другими факторами, методологический плюрализм истории как науки не могли не затронуть смысловые и содержательные аспекты объяснения и демонстрации истории в музее, играющем активную роль в информационном обеспечении исторической науки. Однако способы извлечения достоверной информации и ее верификации обусловлены интердисциплинарной методологией и методикой атрибуции, классификации и систематизации музейных предметов. В русле расширения тематики исторических исследований музейный значительно обогащаются проблематика и тематика музейных экспозиций, изменяются подходы и смещаются акценты в освещении традиционных тем, апробируются инновационные идеи. Не ставя целью провести де-

тальный анализ развития музейной сферы в рассматриваемом аспекте, мы лишь назовем некоторые проекты, получившие широкий резонанс. Так, Государственный центральный музей современной истории России в Москве с 2002 по 2006 г. предоставлял свои площади 12 выставкам «История России XX века в музеях», в Петербурге на выставке «Блокада и дети» в Государственном музее политической истории России был сделан экскурс в мир детства осажденного Ленинграда, выставка «Слабый пол и война» в Военно-историческом музее артиллерии и инженерных войск была посвящена участию в войне женщин. Региональные музеи также предпринимали попытки реализовать методологические подходы исторической науки в выставочных проектах: «Сталин — человек и символ», «Портреты депутатов Государственной Думы Российской империи. 1906—1917», «Императрица Мария Федоровна. Возвращение», «Легенды национального спорта», «Закрытое пространство в открытом обществе», «Демократические традиции Донского казачества».

Следует акцентировать тот факт, что наряду с фундаментальными концептуальными изменениями в исторической науке также прослеживается тенденция переноса акцента исследований с макро- на микроуровень или ординарное бытописание («история повседневности»), наблюдается усиление культурологической компоненты [Селунская, 2000. С. 44—62]. Однако существует и понимание того, что «культурологическая» версия не может использоваться как объяснительная модель истории России [Селунская, 2000. С. 51]. «История в малом», а не «истории малого» — так сформулировал историк Ю.Л. Бессмертный суть микроисторического подхода [Румянцева, 2002. С. 26], ориентированного на изучение краеведения, истории малых групп людей. «Контекст индивидуального бытия человека», в котором история получает «обобщенный образ», чрезвычайно важен и для исторической экспозиции [Межуев, 1994. С. 79].

Фрагментация исторического знания, а также неослабевающий интерес к частностям, свойственный отношению к историческому наследию в ситуации постмодерна, обусловили ярко выраженную тенденцию в отечественном музейном деле, проявляющуюся в неуклонном увеличении музеев и выставок «одного героя» или «одной темы» (музей: игрушки, граммофонов, хлеба, русской печи, истории общественного питания, кирпича, vareжки и т. д.).

Наиболее конструктивной в реализации нового исторического синтеза, «способного связать крупные структурные сдвиги в развивающемся обществе и их переживание людьми», представляется методология комплексных локальных исследований, ориентированных на всестороннее изучение локальной общности [Репина, 1990. С. 175]. Более глубокому познанию событий и явлений всемирного исторического процесса в небольшой степени способствует усиление междисциплинарных подходов. Междисциплинарный подход к проблемам человека, провозглашенный

представителями школы «Анналов» еще в первой половине XX в., принес ощутимые плоды в развитии исторического познания. М. Блок, рассматривая историю как «обширный и разнообразный опыт человечества», как встречу «людей в веках», в качестве предмета истории выделял сознание людей [Блок, 1986. С. 86]. Л. Февр пришел к выводу о важности обнаружения историком интеллектуальных процедур, навыков сознания, способов мировосприятия, присущих людям данной эпохи [Гуревич, 1991. С. 509]. Комплексное междисциплинарное познание исторического прошлого, не являясь новацией последних десятилетий, тем не менее наиболее соответствует современным холистским концепциям [Хвостова, 1997. С. 15]. Поэтому чрезвычайно значимым для исследований профессиональных историков и представления истории в музее является стремление «к реконструкции картин мира», т. е. к стандартам «интеллектуальной жизни, ментальных структур повседневности, социальных, экономических, политических отношений и процессов» [Там же. С. 50].

Комплексный подход, по нашему мнению, не только декларируется, но и находит воплощение в музеях широкого исторического профиля, многопрофильных музеях-заповедниках, задача которых состоит в разумном сочетании макро- и микроуровней истории. Однако практическая реализация данного подхода в музее осложнена фрагментарностью представляемого исторического материала, лакунами в коллекциях или их недостаточной изученностью. Поэтому многими специалистами признается невозможность в музее представлять исторический процесс как таковой. Задача исторического музея, по мнению сотрудников Государственного исторического музея, состоит в том, чтобы «показывать памятники прошедших эпох — своеобразные знаки событий, на основе которых экскурсовод будет строить свой рассказ о событиях и явлениях», «обозначать события и явления прошлого, помогать посетителю ощутить аромат и вкус прошедших эпох» [Горохова, 2005. С. 3]. Несмотря на существование крайних позиций, мы считаем, что проблемы репрезентации истории в музее особенно тесно соприкасаются с задачами исторической науки по созданию целостной и адекватной картины российской истории. Эти задачи, сформулированные Б.А. Грушиным, заключаются «в воспроизведении процесса развития системы, выражающегося в воспроизведении исследователем объекта не в отдельных его частях, а во всей совокупности структурных зависимостей между ними, исторических связей между составляющими объекта, процесса развития объекта (качественные изменения в структуре системы), законов перехода от одного исторического состояния к другому» [Грушин, 1961. С. 18]. Стремление понять целостную взаимосвязь истории человечества, свойственное историкам, диктует и отношение к историческому источнику, являющемуся промежуточным материалом для познания исторической взаимосвязи [Гадамер, 1988. С. 245]. Историка, по мысли Х.Г. Гадамера, отличает стремление понять

целостную взаимосвязь истории [Гадамер, 1988. С. 245]. В. Дильтей рассматривал в качестве исторических источников не только тексты, но и историческую действительность [Там же. С. 246].

Вопросы целесообразности всеобъемлющего отображения истории, соотношения в исторической экспозиции локального, регионального и российского материала особенно актуальны в деятельности провинциальных историко-краеведческих музеев. Включение местного исторического материала в контекст региональной и общенациональной истории позволяет показать историю конкретной местности как часть «большой» истории, выявить их взаимосвязь на уровне событий, явлений и процессов, персоналий и т. д. Наиболее плодотворный путь для местных музеев современные исследователи видят в использовании метода ситуативной историографии, в документировании музеями «истории регионов (а не отдельных краев и областей) и их взаимосвязей» [Современная историография и проблемы содержания..., 2002. С. 56].

Решение проблемы связи в музее интереса к особенному и локальному с потребностью в обобщении может находиться в синтезе идей и методов, на который указывал И.Д. Ковальченко, в интегральном понимании «соотношения индивидуального, социального и общечеловеческого и в самом общественно-историческом развитии, и в его изучении» [Ковальченко, 1995. С. 113]. Данная методологическая установка предполагает многоуровневость содержания экспозиции, раскрывающую различные аспекты той или иной тематики, которую можно обозначить как гипертекстуальность. Например, история какого-либо города (региона, края) может рассматриваться в контексте исторического субъекта, городского социума, истории страны, а в ряде случаев и в контексте мировой истории. Эти уровни создаются не только музейными предметами и документами, их взаимосвязь обеспечивается методологией репрезентации, структурой экспозиционного текста, содержанием и методикой форм культурно-образовательной деятельности (экскурсий, музейных уроков, квестов, музейно-педагогических программ и т. д.).

Особое значение для интерпретации истории в музее приобретает понимание внутреннего взаимодействия социального в широком смысле слова и идеального, о приоритете которого для науки настойчиво говорят историки [Гуревич, 2000. С. 126]. Проблема научного осмысления двух начал исторического процесса (материального и духовного) особенно актуальна для постижения истории в музее. Недооценка каждого из них неизбежно привела и приводит к ее примитивизации или искажению. Как отмечает А.А. Искендеров, историкам необходимо учитывать как физическую, так и духовно-психическую природу событий и явлений всемирной истории, обнаруживать их взаимосвязь и взаимообусловленность, искать принципиально новые подходы, позволяющие выявлять более

глубокие причины исторических событий и процессов, не имеющих пока убедительных объяснений [Искендеров, 1996. С. 19].

Учеными фиксируется сложность вопроса установления связи между различными уровнями истории. Рассуждая о познании историком истины и способности восстановления им фрагментов прошлого, А.Я. Гуревич акцентировал внимание на общей системе отношений, на объединяющем все аспекты действительности структурном принципе, на той атмосфере, «которая превращает конгломерат разрозненных артефактов и текстов в связную целостность» [Гуревич, 1991. С. 32]. Поэтому проблема исторического исследования заключается в обнаружении внутреннего единства и взаимодействия между социальными и экономическими структурами и структурами ментальными, духовными [Гуревич, 1990. С. 29]. Эта мысль указывает на сходство проблем исторического исследования и музейной интерпретации истории. Нам представляется, что качественный уровень содержания музейной экспозиции, претендующей на достоверность и постижение «духа» эпохи, определяется в музее показом того общего, о чем писал А.Я. Гуревич. Музейная история соединяет множество элементов и сюжетов в связный «текст», оценивает значение различных факторов. «Вещь открыта как целостность, но молчалива до тех пор, пока не обнаружит в ходе интерпретации хотя бы один свой замысел» [Ориентиры культурной политики, 2003. С. 58]. Иными словами, становится необходимым восстановление контекста породившей культуры музейного предмета, истории его бытования, его «среды». Это позволяет создавать образ или атмосферу, способные объединить разрозненные фрагменты. Музейная экспозиция с подлинными свидетельствами прошлого создает «чисто музейный психологический феномен — ощущение причастности» [Пищулин, 1987. С. 109].

Методология исторического познания нацеливает музей на использование двух уровней в изучении прошлого, условно выделяемых современной исторической наукой как имманентный и оценочный [Хвостова, 1997. С. 12]. На первом уровне происходит реконструкция исторических явлений путем восстановления исследователем понятийно-категориального аппарата изучаемой эпохи, а на втором уровне выявляется историческая роль исследуемых феноменов, их место в системе других явлений с учетом исторической перспективы. И.Д. Ковальченко эти подходы обозначил как историко-ситуативный и историко-ретроспективный [Ковальченко, 1995. С. 3—33]. Историко-ситуативный подход предполагает рассмотрение явлений и процессов прошлого в контексте соответствующей исторической ситуации, а историко-ретроспективный подход — с определенной исторической дистанции [Там же. С. 32—33].

Если прошлое в экспозиции показывается с позиции современников того времени (историко-ситуативный подход), то при этом становится затруднительным и порой невозможным рассмотреть, как прошлое присут-

ствуется (разворачивается) в настоящем, т. е. увидеть историческую перспективу. К тому же в этом случае данные латентной истории (состоит из процессов, о которых современники имеют лишь смутное представление, — таких, как демографические изменения, эволюция экономических структур и глубинных ценностей и т. д.) остаются за пределами содержания экспозиции или его вербального объяснения (лекции, экскурсии и т. д.).

Использование одновременно историко-ситуативного и историко-ретроспективного подходов в экспозиционной и образовательной деятельности музея позволяет выявить влияние прошлого на настоящее, яснее увидеть это прошлое в исторической перспективе.

В музее аутентичные предметы и музейное пространство, свидетельствующие о событии (явлении, факте), потенциально являются составляющими целого, т. е., по сути, репрезентацией исторического прошлого. Актуальна задача совершенствования методов исследования, направленных на выявление взаимосвязи конкретных проявлений мира материального и духовного. Для того чтобы разрозненные элементы исторической реальности образовали целостность, необходим внутренний интегрирующий стержень, а также понимание того, что и каким образом может ее создать. Решение этой проблемы позволит воспринимать вещественные памятники (особенно это актуально для археологических экспонатов) в контексте времени их бытования и влияния рассматриваемой эпохи на будущее. Выявление культурно-исторической ценности музейных предметов связано с показом связи прошлого с современностью, его «присутствия» в настоящем.

Реализация концептуальных подходов в практической деятельности музея происходит с помощью как общенаучных, так и специальных методов. К последним относятся: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный [Ковальченко, 1987]. Большим потенциалом для поиска ракурсов представления истории в музее обладает историко-сравнительный метод. Для музея также важен подход, рассматривающий явление или предмет в культурно-историческом развитии, выявляющий вертикальные связи между одинаковыми явлениями в различные эпохи. Он способствует наглядному показу трансформирующихся и устойчивых элементов общественной жизни, а также нематериальных форм культурного наследия.

В заключение отметим, что существующий в современной исторической науке широкий спектр позиций и палитра мнений исследователей обостряют проблему выбора методологических оснований изучения и репрезентации истории в музее. На смену ушедшей в прошлое безальтернативной методологии, основанной на постулатах марксистско-ленинской идеологии, пришли новые подходы и методы, которые предоставляют музейным сотрудникам широкие возможности осмысления и переосмыс-

ления уже имеющихся собраний, способов их презентации, а также открывают перспективы разработки новых подходов к проблеме комплектования фондов, особенно по современному периоду. В историческом музее не только демонстрируются вещественные, изобразительные и письменные источники прошлого с целью их объяснения и передачи социального и культурного опыта новым поколениям. На основе изучения и раскрытия их информационного потенциала музеем может повествовать о прошлом и, анализируя его, истолковывать. Методология исторического познания является фундаментом музейной герменевтики, научной трактовки и оценки фактов, событий и явлений, актуализированного показа связи времен и поколений. С одной стороны, на восприятие и понимание концептуальных идей, заложенных в музейной экспозиции, безусловно, влияет степень сформированности исторического сознания посетителя, с другой — сама экспозиция отражает уровень овладения научной методологией и в идеале способствует формированию или развитию такого сознания.

Библиография

Барблан М., Рива М. Центр промышленного наследия в Женеве // *Museum*. 1984. № 2. С. 4–10.

Барг М.А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования // *История СССР*. 1991. № 5. С. 70–86.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е.М. Лысенко, прим. и статья А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1986. 256 с.

Божченко О.А. Музей в формировании исторической памяти: автореферат дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2012. 23 с.

Бородкин Л.И. Постнеклассическая рациональность и историческая синергетика (к дискуссии о применении теории хаоса в исторических исследованиях) // *Исторические записки*. Вып. 4 (122). М.: Наука, 2001. С. 398–412.

Воронцов Б. Музеи Великобритании: структура и методы работы. Основные трудности // *Музеи в период перемен: материалы российско-британского семинара «Музеи Санкт-Петербурга в условиях рыночной экономики»*. Изд. 2-е / Ред. А.Д. Марголис. СПб.: Контрфорс, 1997. С. 6–23.

Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Общая ред. Б.Н. Бессонова, пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Герасименко Е.Е. Музей в институционализации социальной памяти: автореферат дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2012. 23 с.

Горохова Е. В поисках современного лица. Русский XVIII век в экспозиции Государственного исторического музея // *Мир музея*. 2005. № 8. С. 2–7.

Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения. М.: Высш. шк., 1961. 214 с.

Гуревич А.Я. Двоякая ответственность историка // *Проблемы исторического познания: материалы международной конференции 19–21 мая 1996*. М.: Наука, 1999. С. 11–24.

- Гуревич А.Я.* О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–36.
- Гуревич А.Я.* Подводя итоги... // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С. 125–138.
- Гуревич А.Я.* Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 23–35.
- Гуревич А.Я.* Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю / Пер. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича, Ю.Н. Стефанова. М.: Наука, 1991. 629 с.
- Дингес М.* Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С. 96–124.
- Искендеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 3–31.
- История России: теоретические проблемы. Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения / Ред. А.С. Сенявский. М.: Наука, 2002. Вып. 1. 240 с.
- Каулен М.Е.* Роль музея в сохранении актуализации нематериальных форм наследия // Культура памяти: сборник науч. статей / МК РФ, РИК; Ред. Э.А. Шулепова. М.: Древлехранилище, 2003. С. 123–128.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования / АН СССР. Отд. истории. М.: Наука, 1987. 439 с.
- Ковальченко И.Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–33.
- Ковальченко И.Д.* Историческое познание: индивидуальное, социальное и общечеловеческое // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 111–123.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд; пер. и комм. Ю.А. Асеева, статья М.А. Кисселя. М.: Наука, 1980. 485 с.
- Копосов Н.Е.* Как думают историки. Научное приложение. Вып. XXXI. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 236 с.
- Кудрявцев В.Н.* Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук // Проблемы исторического познания: материалы междунар. конференции 19–21 мая 1996 г. М.: Наука, 1999. С. 6–11.
- Межуев В.М.* Философия истории и историческая наука // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 74–86.
- Ориентиры культурной политики: инф. выпуск № 9. М.: Главный информ.-вычислит. центр МК РФ, 2003. 90 с.
- Пищулин Ю.П., Соустин А.С.* Экспозиция как важнейшее направление работы музея // Музейное дело в СССР. Важнейшие направления совершенствования работы советских музеев в свете решений XXVII съезда КПСС / Центр музей революции. М., 1987. С. 107–139.
- Репина Л.П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. М.: Наука, 1990. С. 167–181.
- Румянцева М.Ф.* Теория истории: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. 319 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 796 с.

Селунская Н.Б. К проблеме объяснения в истории // Проблемы источниковедения и историографии: материалы науч. чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко. М.: РОССПЭН, 2000. С. 44–62.

Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып. 4. М.: МАЛП, 1997. 200 с.

Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учеб. пособие для студ. ВУЗов. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 272 с.

Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост. Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. 295 с.

Соколов А.К. Социальная история: проблемы методологии и источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии: материалы II науч. чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко. М.: РОССПЭН, 2000. С. 75–89.

Сундиева А.А. Исторические музеи в современной России // Ориентиры культурной политики: информ. вып. № 8. М.: Главный информ.-вычислит. центр МК РФ, 2003. С. 55–62.

Теоретическая культурология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. 624 с.

Хаттон П. История как искусство памяти / Пер. с англ. В.Ю. Быстрова, ст. И.М. Савельевой. СПб.: Владимир Даль, 2003. 423 с.

Хвостова К.В. К вопросу об историческом познании // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 20–28.

Хвостова К.В. Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке (Роль многозначной логики) // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С. 10–13.

Хвостова К.В., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М.: РГГУ, 1997. 256 с.

Шилков Ю.М. Психология культуры и историческое познание // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М.: Академический Проект; РИК, 2005. С. 62–83.

Шкуратов В.А. Историческая психология на перекрестках человекознания // Одиссей. Человек в истории. 1991. М.: Наука, 1991. С. 103–114.

УДК 374.8 (5)

А.С. Минаков, A.S. Minakov

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Informational and Organizational Resources of the Local Museum as a Factor of Development of Historical Science

Аннотация: в статье анализируется информационный потенциал краеведческих музеев, который имеет значение для развития исторической науки. Об-

ращено внимание на ключевые проблемы взаимодействия ученых-историков и краеведческих музеев. Обозначены перспективные направления историографии, разработка которых возможна с привлечением материалов фондов и коллекций краеведческих музеев.

Abstract: The article analyzes the information potential of the Museum, which has implications for the development of historical science. Highlighted key problems of interaction between historians and local history museums. Given the promising directions of historiography, the development of which is possible by using documents and collections of local museums.

Ключевые слова: историческая наука, археология, краеведение, музееведение, краеведческий музей, историзм, информационный ресурс, коммуникация, фонды музея, экспозиция.

Keywords: historical science, archaeology, local history, museum study, local museum, historicism, information resource, communication, museum fund, exposition.

Известно, что краеведческие музеи являются самым массовым сегментом российского музейного сообщества. В той или иной форме они действуют во всех региональных центрах, а также во многих населенных пунктах районного и даже поселкового уровня. Такая территориальная распространенность и фондовая всеохватность делают краеведческие музеи уникальным явлением российской культуры, которое практически не имеет аналогов за рубежом.

Будучи универсальными, краеведческие музеи уже со времени своего возникновения в XIX в. стали значительными центрами собирания, хранения и экспонирования материалов практически по всем отраслям наук [Моисеев, 1967. С. 188]. Традиционно фонды краеведческих музеев исключительно важны для исследователей гуманитарной сферы и, особенно, для представителей исторической науки.

Специалисты, обращавшиеся когда-либо к документальным и предметным собраниям музеев, хорошо знают, что работа с подобными коллекциями имеет свою специфику. Она связана с вопросами открытости материалов, заботой музейщиков об их сохранности, а также своеобразием научно-справочного аппарата, с общей организацией работы музея как учреждения, выполняющего в числе прочего и научно-просветительские функции.

Практика деятельности не только крупных столичных исторических, но и региональных краеведческих музеев показывает, что перспективы их взаимодействия с исследовательской аудиторией лежат именно в плоскости формирования наиболее оптимальной модели коммуникации музея как «поставщика» информации с историком — ее «потребителем». В этой связи потенциал краеведческих музеев в полной мере далеко еще не раскрыт. Поэтому стоит обратить внимание на то, какие же направления исследований видятся нам перспективными в контексте использо-

вания музейных материалов и каким вырисовывается будущее взаимодействия историков с краеведческими музеями.

Фонды этих музеев являются благодатной почвой для изучения, в первую очередь, локально ограниченных сюжетов. С одной стороны — это историческая проблематика конкретного региона, его административного центра, а также районных населенных пунктов. С другой стороны — это история отдельных структур регионального уровня (учреждений, организаций, предприятий, учебных заведений и т. п.), а также широкий пласт генеалогических вопросов, включающий как историю отдельных семей, родов, так и биографии конкретных персоналий. По всем этим направлениям возможна как разработка новых тем, так и уточнение и дополнение уже исследованных ранее событий и фактов.

Благодаря краеведческим музеям в советское время на местах были сохранены уникальные материалы о тех страницах истории нашей страны, которые по идеологическим соображениям не изучались открыто или вовсе не были объектом исследовательского внимания. Назовем лишь некоторые из них — это отдельные аспекты Великой Отечественной войны (особенно начального периода и оккупационный режим в целом), политические репрессии XX в., провинциальные страницы истории династии Романовых, «Белое дело», жизнь и деятельность отдельных персоналий и многое другое. В годы всплеска антирелигиозной политики в XX в., когда закрывались храмы и монастыри, именно в краеведческих музеях нашли спасение многие уникальные предметы по истории Русской православной церкви: иконы, церковная утварь, богослужебные книги, консисторские документы и др.

На протяжении XX в. краеведческие музеи были практически единственными учреждениями в регионах, которые документировали жизнь своего края во всех ее проявлениях [Сундиева, 2000. С. 187]. Поэтому сегодня они являются главными хранителями редких материалов по отдельным пластам отечественной культуры в провинции. Извлекая информацию из музейных предметов, хранящихся в этих музеях и для историков являющихся историческими источниками, исследователи могут реконструировать уникальные картины прошлого, что зачастую невозможно только на основе материалов архивохранилищ и библиотечных собраний.

Для историков музеи важны как постоянно пополняемые источниковые комплексы. В качестве подтверждения тому можно привести пример из практики Орловского краеведческого музея. Известно, что Орловская область (а ранее губерния) была и по большей части пока еще остается одним из наиболее моноэтнических регионов европейской части России. Очень долго орловская деревня служила образцом сохранения многовекового, передававшегося из поколения в поколение, традиционного уклада жизни русских крестьян. Это находило выражение в разных формах — costume, интерьере жилища, фольклоре, промысловых занятиях

и т. д. Сегодня орловская деревня, к сожалению, постепенно утрачивает прежний облик. Этот процесс, обусловленный объективными и субъективными обстоятельствами, замечен и идет по нарастающей. В этой связи Орловский краеведческий музей еще в советское время стал собирать материалы по истории крестьянской повседневности. Десятилетия активной собирательской работы воплотились в стационарную экспозицию, воссоздающую практически все аспекты жизни русского крестьянина в разные времена года. Теперь посетители, в том числе исследователи, могут познакомиться как с еще существующими, так и многими утраченными элементами традиционной русской культуры. Кроме того, в фондах хранится много образцов орудий труда, костюма, изделий кустарного производства и т. п.

Часто музейщики, обращаясь к музейным предметам, оперируют ими как вещественными и письменными историческими источниками (т. е. так же, как и историки). Соприкасаясь и взаимодействуя с музейной средой, исследователи-историки должны обязательно учитывать специфику археологического и источниковедческого аспектов музейной работы.

Археологический раздел является сегодня неотъемлемой составляющей классической исторической экспозиции. Он традиционно опирается на достижения специалистов-археологов, ведущих работу на территории региона. Такая практика, сложившаяся еще в досоветское время, позволяет отслеживать новейшие результаты последних работ археологов, что особенно значимо для территорий интенсивных полевых исследований. Вместе с тем при поступлении в краеведческие музеи находок, обнаруженных в результате деятельности археологических экспедиций в соответствующем регионе, и при их включении в экспозиции музейные сотрудники должны учитывать результаты их предварительного анализа археологами. Сохранение и развитие такого подхода является залогом высокой научной культуры экспозиций.

Источниковедческое изучение музейного собрания, также имеющее свою специфику, позволяет атрибутировать, классифицировать, систематизировать и интерпретировать музейный предмет. Применение методов, разработанных музейным источниковедением, позволяет выявить содержащуюся в предмете семантическую (смысловую) информацию, его способность вызывать эмоции, привлекать внимание, определить репрезентативные свойства предметов, а также подчеркнуть музейную ценность источников и установить взаимосвязи между ними. Наряду с этим в фондах музеев хранится немало письменных исторических источников, еще не введенных в научный оборот. В их числе в первую очередь необходимо указать значительный пласт делопроизводственной документации, источников личного происхождения и периодическую печать. Отдельного внимания заслуживают музейные коллекции изобразительных материалов (особенно фотографий), многие из которых носят уникальный характер.

Значительный интерес для историков представляют не только фондовые коллекции, но, как уже отмечалось, музейные экспозиции, которые являются основной формой репрезентации исторического знания в музее [Воронцова, 2014. С. 174]. Находясь в фарватере позитивной социокультурной динамики, стационарные экспозиции и временные выставки во многом являются реальным воплощением историзма как формы восприятия прошлого, транслируя историческую действительность как изменяющуюся и развивающуюся во времени величину. При этом исторический образ в музее «одновременно и целостен и фрагментарен. Он складывается из совокупности персонифицированных судеб, ряда обособленных и замкнутых в себе явлений и событий. Лишенный возможности напрямую воспроизводить сложные научные понятия, музей обращается к их разным аналогам. Экспозиционный образ того или иного явления отличается от существующих понятийных представлений по своей структуре и наполнению, однако он более гибок, устойчив и долговечен, чем само понятие. В силу этого различные сочетания образного и понятийного начал создают неповторимый облик экспозиций, основанных на единых научных представлениях» [Нагорский, 2004. С. 71–72].

В современных условиях научное проектирование экспозиций невозможно без освоения историографического опыта. Результаты работы историков нужны для теоретического обоснования экспозиций, в котором раскрывается тематико-экспозиционный замысел, определяются задачи, структура и стержневые проблемы экспозиции, методы подачи материала и его характеристика, а также место создаваемых экспозиций среди и в контексте уже существующих.

Одна из первоочередных задач, по-прежнему стоящих перед экспозиционерами, — «научиться представлять историческую реальность, воплощенную в музейных источниках, в научно реконструированное знание о ней и через интерпретацию способствовать восстановлению связей между историко-культурным наследием и его контекстом» [Скрипкина, 2009. С. 155]. Современный технологический инструментарий оформления экспозиций позволяет усилить визуальное восприятие предметов. Так, содержательное наполнение экспозиции крайне нуждается в усилении эмоциональной насыщенности. Тем самым краеведческие экспозиции выполняют значительные идеологические и воспитательные функции, которые дают акцентированную оценку значимости региональных комплексов прошлого в общегосударственном контексте [Лихачев, 2015. С. 58].

Однако в отличие от историков авторы музейных экспозиций менее защищены от критики. Музейный показ априорно рассчитан на самую широкую потребительскую аудиторию, независимо от сложности экспозиции, потому что, в отличие от научной и учебной литературы, может «непосредственно воздействовать на сознание человека своими памят-

никами с помощью визуальных образов» [Ольшевская, 2001. С. 37]. Впрочем, последнее обстоятельство повышает как социальную, так и научную ответственность музея.

Тем не менее за последние десятилетия краеведческие музеи постепенно превратились в подлинные центры исторической науки в провинции. Материалы их фондов и экспозиций используются не только для академических исследований, но и для подготовки учебно-методических пособий. На базе краеведческих музеев отдельных регионов проводятся историко-краеведческие конференции не только регионального, но также всероссийского и даже международного уровня. Здесь организовываются презентации книг по истории, мероприятия, посвященные памятным датам, и т. п. В целом краеведческие музеи в полной мере соответствуют особому типу научно-просветительских учреждений, которые «отражают естественную потребность людей отбирать, атрибутировать, сохранять и доносить до будущих поколений наиболее типичные образцы своего прошлого и настоящего» [Нагорский, 2004. С. 77].

Таким образом, краеведческая музейная среда и историческая наука обречены на тесное взаимодействие. С одной стороны, историки, с их профессиональным методологическим арсеналом, помогают раскрыть источниковый потенциал музейных коллекций. С другой стороны, трудно представить работу исторических музеев без учета историографического опыта: он необходим как для создания новых экспозиций, их теоретического осмысления, так и для фондовой работы. Микроисторические исследования, изучение повседневности чрезвычайно важны для сопоставления с наработками в масштабах всей страны и уточнения наших представлений об истории Отечества, в том числе средствами, доступными только музейным экспозициям.

Совместная работа, координация действий, сотрудничество академического и музейного сообществ, объединенных долгом памяти перед нашим прошлым и нашей богатейшей историей, открывают новые перспективы. Задача исторической науки — помочь музеям раскрыть познавательный потенциал своих сокровищ, сделать их живой ретроспективой, доступной каждому. Потребность именно в таком сотрудничестве особенно ощущается на местах, где краеведческие музеи в масштабах своего региона решают значимые для всего общества научные и просветительские задачи.

Библиография

Воронцова Е.А. Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Диалог со временем. Вып. 49. М., 2014. С. 163–189.

Лихачев Д.С. Краеведение как наука и как деятельность // Музей. 2015. № 4. С. 58–59.

Моисеев А.М. Краеведческие музеи за 50 лет // История СССР. 1967. № 6. С. 188–209.

Нагорский Н.В. Музей в духовной жизни общества. СПб.: Иван Федоров, 2004. 432 с.

Ольшевская Г.К. Музеи и историческое знание: подходы, решения, средства // Историческое знание и музеи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 35–49.

Скрипкина Л.И. Современные методологические подходы к интерпретации истории в музейных экспозициях // Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период / Отв. ред. И.В. Чувилова. СПб.: Алетейя, 2009. С. 151–163.

Сундиева А.А. «Краеведческая константа» в деятельности российских музеев // Культура российской провинции: век XX – XXI века. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Калуга, 2000. С. 183–189.

УДК 009+06, 069

С.М.Попова, А.А. Яник
S.M. Popova, A.A. Yanik

О ПЕРСПЕКТИВАХ УЧАСТИЯ МУЗЕЕВ В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

About the Prospects of Participation of Museums in Development of the Digital Infrastructure of the Historical Science

Аннотация: в статье представлены размышления историков – пользователей цифровых музейных ресурсов о возможной роли музеев в становлении цифровой исследовательской инфраструктуры исторической науки. Отмечены различия во «взаимотношениях» музеев и исторической науки с историей и артефактами, в подходах к использованию исторической информации. Сделан вывод о том, что создание востребованных, устойчиво развивающихся цифровых инфраструктур возможно в рамках реализации «экосистемного» подхода.

Abstract: The article represents reflections of historians as users of digital museum resources about a prospective role of museums in development of a digital research infrastructure of a historical science. The authors noted the distinctions in «relationships» of museums and a historical science with history and artefacts, in approaches to use of the historical information. The conclusion is drawn that sustainable developing digital infrastructures should be created as an eco-system.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, музей, общество, цифровая инфраструктура, электронный каталог, информационные технологии, информационные ресурсы, база данных, гиперсвязанный мир.

Keywords: historical science, museology, museum, society, digital infrastructure, electronic catalogue, information technologies, information resources a database, hyperconnected world.

Строго очерченные границы предмета для обсуждения — роль музеев в информационном обеспечении исторической науки — приглашают не столько к философским размышлениям, сколько к операциональным ответам на практические вопросы. Может ли музей быть частью или даже базовым элементом информационной инфраструктуры исторической науки? Если да — то какие нужны изменения в технологиях обработки и презентации музейных фондов, чтобы они могли выполнять миссию информационного ресурса для историков? Кто и как должен извлекать полезную историческую информацию из музейных фондов и делать ее доступной для исследователей?

Однако конкретное содержание ответов на эти вопросы зависит именно от философских представлений о феномене музея и о его месте в меняющемся мире. С одной стороны, рассуждать в терминах прикладной полезности музеев для чего-либо (включая информационное обеспечение исторической науки) представляется несколько кощунственным, поскольку, как справедливо отмечает доктор философских наук Б.Г. Соколов, музеи есть табуированная зона современной культуры. В таких координатах ценность этих сокровищниц прошлого для историков аксиоматична, а сомневающимся ждут жесткие санкции вплоть до исключения из «нормального общества» [Соколов, 2005. С. 28]. С другой стороны, специфика музейных фондов и особенности бытия музея как явления социокультурного порядка создают определенные трудности на пути реализации идеи о возможности для этих институтов выполнять функции «базового элемента информационной инфраструктуры исторической науки» [Воронцова, 2014].

Несмотря на то что музейные фонды состоят из объектов, обладающих научной ценностью, т. е. безусловно имеющих значение в качестве источника исторической или иной информации, само по себе это собрание является результатом отбора из группы сходных предметов, выполненного по неким относительно объективным правилам либо субъективно (например, коллекции того или иного собирателя). Изъятые из среды бытования памятники истории и культуры в определенной степени приобретают символическое значение, поскольку получают статус музейного предмета благодаря своей способности характеризовать историю и культуру определенного общества и признанной на основании согласованных процедур общественной ценности.

Согласно действующему федеральному законодательству, музейный предмет определяется именно как культурная ценность, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохра-

нение, изучение и публичное представление. Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» определяет культурные ценности как предметы религиозного или светского характера, имеющие значение для истории и культуры и относящиеся к категориям, перечисленным в статье 7 Закона Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей». В частности, речь идет о таких категориях «движимых предметов материального мира», как:

«исторические ценности, в том числе связанные с историческими событиями в жизни народов, развитием общества и государства, историей науки и техники, а также относящиеся к жизни и деятельности выдающихся личностей (государственных, политических, общественных деятелей, мыслителей, деятелей науки, литературы, искусства);

археологические предметы в соответствии со статьей 3 Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»;

художественные ценности [...],

художественно оформленные предметы культового назначения, в частности иконы;

гравюры, эстампы, литографии и их оригинальные печатные формы; произведения декоративно-прикладного искусства [...],

изделия традиционных народных художественных промыслов;

составные части и фрагменты архитектурных, исторических, художественных памятников и памятников монументального искусства;

старинные книги, издания, представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный и литературный), отдельно или в коллекциях;

редкие рукописи и документальные памятники;

архивы, включая фото-, фоно-, кино-, видеоархивы;

уникальные и редкие музыкальные инструменты;

почтовые марки, иные филателистические материалы, отдельно или в коллекциях;

старинные монеты, ордена, медали, печати и другие предметы коллекционирования;

редкие коллекции и образцы флоры и фауны, предметы, представляющие интерес для таких отраслей науки, как минералогия, анатомия и палеонтология;

другие движимые предметы, в том числе копии, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение, а также взятые государством под охрану как памятники истории и культуры».

Культурная ценность объекта является базовой для музейного дела, но для исторического исследования подобное обстоятельство далеко не

всегда может быть существенным, особенно если речь идет об использовании компьютерных методов обработки информации. Напротив, нередко именно массовые «неценные» источники предоставляют больше возможностей для анализа и получения новых научных данных. Фактически музейные фонды являются производными от сформировавшей их культуры и несут на себе отпечаток личности своих создателей и хранителей, а потому в координатах семантики являются скорее художественным текстом, чем «очищенным от эмоций» банком информации.

Ключевое назначение музеев — культурное (собственно, не зря они в России проходят «по ведомству» культуры). Из этого следует, что использование музейных собраний как источников исторической информации (неважно, в цифровом или в офлайн-виде) требует особого методологического подхода и рефлексии по поводу природы этих ресурсов.

Особенности музейного взгляда на историческую информацию может проиллюстрировать, например, тот факт, что, столкнувшись в конце XX — начале XXI в. со схожими вызовами, музеи и историческая наука дали на них прямо противоположные ответы. Как известно, начало перемен в музейной жизни России совпало с кризисом отечественной исторической науки. Однако те обстоятельства, которые стали методологической проблемой для историков, оказались для музеев стимулом к возрождению и основой для их подлинного триумфа в современных условиях. В первую очередь речь идет о таких проблемах, как кризис «большой исторической теории» и нарративизация гуманитарного знания.

Как известно, уже с середины 1980-х гг., практически одновременно с началом масштабных общественных перемен в стране, отечественные историки вступили в период турбулентности, связанный с пересмотром философских и теоретических основ своей науки, включая теорию исторического знания и теорию исторического процесса. Как отмечают историографы, в конце XX в. начался процесс формирования нового исторического мышления и становления новой исторической культуры [Чубарьян, 2004; Селиванов, 2005; Репина, 2007; Хут, 2010; Рябова, 2011].

Кризис «большой теории» проявил себя в плюрализме концепций, этическом релятивизме подходов, критической ревизии, казалось бы, давно устоявшихся представлений о тех или иных ключевых событиях истории страны и мира. Это обстоятельство создало определенные проблемы для отечественной исторической науки, но открыло музеям новые перспективы развития, «легитимировало» их право предьявлять обществу собственное видение событий прошлого, авторскую картину истории. Такая картина может оказаться далекой от академических канонов, но широко востребованной социумами, в экосистеме которых обитает тот или иной музей.

В современном мире музей больше не ограничивается фиксацией достигнутого уровня общественного сознания; он сам становится явлением

культуры, создающим и транслирующим новые смыслы. Как отмечают специалисты, «еще недавно качество музейных экспозиций определялось их соответствием традиционным научным схемам, сфокусированным на музейных предметах и коллекциях, а теперь музей видит ценностные ориентиры в новизне, оригинальности интерпретации музейного собрания, создаваемые экспозиции и выставки, культурно-образовательные проекты становятся результатом как научного изучения, так и индивидуального творческого поиска» [Мастеница, 2005. С. 139].

Таким образом, современные музеи обретают собственный голос, а их собрания становятся неисчерпаемым источником многообразных нарративов, репрезентуемых в экспозициях и различных культурных событиях.

Но именно перенос акцента на оригинальность авторской интерпретации, возрастающая «нарративизация» гуманитарного знания, которая практически поставила знак равенства между работой историка и романиста, стали одной из причин кризиса исторической науки, поскольку, как писал французский философ-постмодернист и теоретик литературы Ж.-Ф. Лиотар, нарративное знание «не придает большого значения вопросу своей легитимации» [Лиотар, 1998. С. 69]. Научный анализ, исследование истории заменяется рассказом об истории (History vs Story). В результате проблема соотношения объективности и нарративности исторического знания стала одной из ключевых методологических проблем исторической науки в конце XX – начале XXI в. [Ruesen, 1996; Noiriel, 1999; Яник, 2015].

Однако, как уже отмечалось, в отличие от историков, «право на нарратив» дало музеям мощный толчок к обретению нового смысла существования. Музеи в диалогах с аудиторией не анализируют историю, они ее рассказывают. С одной стороны, такой подход дает невиданную свободу для творчества, поскольку всякий качественно выстроенный нарратив интересен и убедителен сам по себе и приобретает в людском восприятии силу научной аксиомы, не требующей специальных доказательств. С другой стороны, возрастает социальная ответственность музеев, поскольку, презентуя обществу оригинальные нарративы об истории, они тем самым творят современные мифы, которые обладают несравнимо большей «проникающей способностью» и устойчивостью, чем сухое научное знание.

В культурологическом смысле констатация того факта, что современные музеи занимаются мифотворчеством, не несет с собой отрицательных коннотаций (тем более если «производство» мифов осуществляется профессионально и на хорошей научной основе). Миф не есть фикция или противопоставление некой научной «правде». Миф – это особая форма отражения действительности. Как известно, мифологическое знание представляет собой нерасчлененное единство рационального и эмоционального отражения действительности. Мифологическое сознание осваи-

вает действительность не на основе выяснения причинно-следственных связей, а путем художественно-образного описания природных и социальных процессов, путем создания нарративов. Использование мифологических объясняющих конструкций и лично окрашенных нарративов характерно для всех периодов истории, но особенно масштабно этот феномен развивается сегодня — в эпоху интернет-революции, когда не только «уполномоченные на то» институты, но и каждый пользователь становится творцом историй, чья авторская интерпретация фактов имеет законное право на существование. Этот подход оказывается особенно востребован в эпоху масштабных трансформаций, когда поток событий значительно превосходит аналитические способности не только отдельного человека, но и общественных и гуманитарных наук в целом, а значит, эмоциональный рассказ очевидца становится одним из способов осознания действительности.

Таким образом, нарративизация истории, ставшая вызовом для академической науки, позитивно сказалась на развитии музеев, стимулировала процессы их более тесной интеграции с социумом. В частности, музеи оказались востребованы в качестве институтов, помогающих обществу интерпретировать и осваивать культурное наследие, решать сложные вопросы социальной адаптации и культурной идентификации [Мастеница, 2005. С. 140].

Очевидно, что процессы социальной экспансии музеев тесно связаны с их выходом в цифровое пространство. Оцифровка музейных ресурсов — давний процесс, который имеет собственную историю не только за рубежом, но и в России. Активное развитие цифровых музейных проектов происходит в последние годы в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» и государственной программы «Информационное общество (2011—2020 годы)». Результаты этой работы на сегодняшний день оцениваются противоречиво. Но если одни специалисты бьют тревогу, полагая, что в нашей стране до сих пор «не только не создана инфраструктура, необходимая для сбора и сохранения цифровой информации и цифрового культурного наследия, но зачастую даже нет понимания, что ее необходимо создавать, не сформирована сама философия долговременного сохранения цифровой информации; нет ни нормативной правовой базы, ни выстроенной политики, реализация которой вела бы к созданию такой базы» [Проблемы сохранения цифровой информации..., 2014], то другие достаточно спокойно оценивают ход событий, считая существующие проблемы нормальными для периода роста и поиска новых решений [Толстая, 2014; Миловзорова, 2014].

Впрочем, в условиях чрезвычайно быстрой смены технологических решений некоторая «задержка на старте» порой оказывается полезной,

поскольку позволяет избежать расходов на проекты, которые очень быстро оказываются морально устаревшими. Кроме того, относительное отставание России в работе по цифровизации музеев, архивов и библиотек позволяет нашим специалистам своевременно учесть опыт чужих ошибок. Например, за рубежом многие музеи не первый год размышляют над тем, что им делать с уже оцифрованными фондами. Прежний энтузиазм по поводу перспектив использования высокоинтеллектуальных технологических решений в области сохранения историко-культурного наследия сменился более критичным подходом в связи с необходимостью соотносить ресурсоемкость проектов с общественной полезностью полученных результатов. В частности, все чаще становятся предметом критического переосмысления цели и задачи проектов, связанных с реализацией трехмерных цифровых моделей исторических памятников и артефактов, разного рода 3D-реконструкций, поскольку созданные огромным трудом результаты не привлекают массового внимания общественности, да и самих коллег по научному цеху. Безупречно выполненные цифровые модели исторических артефактов нередко разделяют судьбу своих материальных прототипов из музейных запасников, куда никогда не заглядывает публика. В современном мире, где одним из ключевых приоритетов является эффективность расходования ресурсов и подотчетность всех институтов, использующих средства налогоплательщиков, обществу, вопрос об общественной полезности созданных учеными цифровых ресурсов, об их вкладе в решение тех или иных общественно значимых проблем становится одним из наиболее актуальных. Решение этой задачи — дорога с двусторонним движением. С одной стороны, необходимо продолжать вкладывать силы и средства в поддержание и развитие информационно-коммуникационных сетей и интернет-ресурсов (чтобы ресурсами пользовались, они должны, как минимум, существовать). С другой стороны, разработчики должны учитывать, что в современных условиях «полезность» любого научного результата уже не представляется для общественного мнения аксиомой. Какие бы убедительные аргументы ни приводили ученые в пользу важности того или иного цифрового проекта, он не привлечет внимания аудитории, если принцип «ориентации на пользователя» и «полезного влияния» (англ. *impact*) не будет изначально заложен в перечень приоритетных задач. С этой точки зрения институционально оформленный интерес историков к музейным ресурсам мог бы стать одним из источников творческих идей в части полезного использования виртуальных музейных хранилищ.

Очевидно, что успешное решение подобной задачи также возможно лишь на основе координации усилий многих специалистов, причем не только ученых, но и, к примеру, профессионалов в области продвижения интернет-ресурсов, сценаристов, дизайнеров, преподавателей-методологов и пр. Помимо междисциплинарного сотрудничества, огромное

значение для создания эффективного цифрового ресурса имеет обратная связь с «конечным потребителем», вовлечение аудитории в процесс сотворчества. Такой подход поможет ускорить процессы становления национальной исследовательской инфраструктур общественных и гуманитарных наук, в том числе истории. Тем более, что в настоящее время уровень развития этой сферы оценивается как крайне невысокий. Так, например, в 2013 г. Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация содействия науке» (РАСН) подготовила аналитический доклад о состоянии научной инфраструктуры в Российской Федерации [Состояние научной инфраструктуры..., 2013]. Согласно документу, доля научных музеев, коллекций, библиотек и других ресурсов инфраструктуры, которые фактически определяют общий уровень научной культуры в стране, не превышает 10% общего числа объектов научной инфраструктуры, а их балансовая стоимость составляет 1,12% стоимости всех объектов.

Вопрос в том, что конкретно можно и нужно сделать, чтобы постоянно растущий объем цифрового музейного контента оказался «встроенным» в систему информационного обеспечения исторической науки?

Нужны ли историкам какие-то особые формы виртуального представления музейных ресурсов, требующие учета при разработке концепции и реализации тех или иных цифровых проектов? Хотя каждый музей и каждый музейный предмет может в итоге найти «своего» заинтересованного исследователя-историка, вряд ли масштабная и многообразная деятельность по цифровизации музейных собраний априори может быть ориентирована на потребности исторической науки. И дело не в том, что аудитория историков сравнительно невелика по отношению к числу всех потенциальных пользователей виртуальных хранилищ музейной информации. Ключевая причина связана с тем обстоятельством, что за последние несколько лет радикально изменились представления о стратегии действий организаций в виртуальном пространстве в целом, а также о принципах развития интернет-проектов и разного рода цифровых инфраструктур в частности.

Одной из характерных черт современности стала скорость, с которой происходят революционные изменения в экономике и социальной жизни.

Проникновение информационных технологий во все сферы жизни, развитие «облачных» вычислений, общий рост информации и информированности людей привели к формированию новой социальной и экономической реальности, которую специалисты именуют «гиперсвязанным миром» (*Hyperconnected World*). Сам термин был предложен канадскими социологами А. Кван-Хаас и Б. Велманом, специализирующимися на изучении межличностных коммуникаций в сетевых организациях и сетевых сообществах [Quan-Haase, Wellman, 2005; 2006]. Гиперсвязанный мир является более динамичным и открытым, чем прежде, но одновременно

более непредсказуемым и взаимозависимым, чувствительным порой даже к слабым воздействиям.

Залогом успеха организаций, проектов, структур становится их способность быстро меняться и управлять переменами. Выигрывает тот, кто умеет действовать в соответствии с заповедью Черной Королевы из кэрролловской «Алисы в Зазеркалье»: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!» Возникла тенденция к уменьшению среднего срока жизни компаний, проектов, разного рода структур. Малые коллективы способны успешно выдерживать конкуренцию с крупными, неповоротливыми организациями, а в бизнес-стратегиях акцент смещается с производства новых продуктов на создание и поддержание информационно-коммуникационных платформ, которые помогают удержать потребителей и сделать их «соучастниками» в определении приоритетов развития корпорации. В таких условиях многие детально проработанные проекты и сложные программные решения морально устаревают еще до того, как будут реализованы в полном объеме. Выстраивание каких-то «глубоко продуманных» жестких схем в современных условиях становится источником неуспеха.

Как представляется, в подобной ситуации наиболее адекватной стратегией развития инфраструктуры информационного обеспечения исторической науки могла бы стать концепция «экосистемы». Такие обстоятельства, как активизация межличностных коммуникаций в профессиональном сообществе, использование международных (национальных) стандартов оцифровки объектов историко-культурного наследия и открытого программного обеспечения, способны создать благоприятные институциональные и технологические условия для постепенного объединения различных локальных проектов в устойчивую саморазвивающуюся систему [Попова, 2015]. Если инфраструктура информационного обеспечения исторической науки действительно необходима исследователям, то в современных условиях, когда не только государственные организации и бизнес-структуры, но и едва ли не каждый человек способен присутствовать и вести деятельность в цифровом пространстве, такого рода профессионально ориентированные сети будут возникать и развиваться естественным образом, исходя из реальных потребностей их участников. Размеры финансирования и наличие административной поддержки могут повлиять лишь на темпы этого процесса, но не на факт существования цифровых инфраструктур.

Такой «экосистемный» подход в каком-то смысле повторяет стратегию развития современных музеев в условиях, когда интернет-революция привела к смещению акцентов в отношениях общества и различных институтов. По большому счету сегодня правила диктует «пользователь», который далеко не всегда обладает должной компетенцией для принятия

решения о полезности тех или иных явлений. С одной стороны, это серьезно осложняет жизнь институтам, ценность существования которых совсем недавно в принципе не подвергалась сомнению. Теперь организациям культуры и науки необходимо прилагать усилия, чтобы доказывать необходимость своего существования общественности и распределителям бюджетных средств. С другой стороны, сложившаяся ситуация дает широкие возможности для интеллектуального краудсорсинга, вовлечения «конечного пользователя» в определение судьбы, желаемых функций и даже внешнего образа музеев. В результате музей становится частью социальной экосистемы, что повышает его шансы на устойчивое самостоятельное развитие.

Для того чтобы музеи могли естественным образом «вращаться» в систему информационного обеспечения исторической науки, они, прежде всего, должны стать доступными в сети Интернет 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Историку в первую очередь необходима информация о музейных фондах. Формально эту проблему призван решить Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Как отмечается в информации о проекте, целью работы является «создание единого информационного ресурса основных сведений о музейных предметах и музейных коллекциях, хранящихся во всех музеях Российской Федерации, обеспечение механизмов свободного и эффективного доступа к информации о культурном наследии и предоставление широкого спектра информационных услуг на базе современных телекоммуникационных технологий» [Государственный каталог Музейного фонда..., 2015]. К 2020 г. в этот каталог планируется включить около 40 млн предметов, что составит более половины отечественного музейного фонда [Российские музеи оцифруют, 2011].

Каталог сформирован по категориям музейных предметов: живопись, графика, скульптура, документы, редкие книги, предметы археологии и пр. Сценарии формирования выборки по местонахождению предметов либо поиска коллекций на данный момент вызывают затруднения, но, возможно, в будущем они станут работать более логично. Очевидно, что совершенствование и успешное развитие ресурса будет зависеть от эффективной обратной связи с пользователями, в том числе представителями научной исторической общественности.

Открывая ученым удаленный доступ к своим хранилищам, музеи не только стимулируют повышение научного интереса к хранимому ими историческому наследию, но также способствуют возникновению новых, устойчивых волонтерских сообществ, способных внести значимый интеллектуальный вклад в развитие музейной жизни. Эффективно являясь частью культурной экосистемы, музей, безусловно, может не только стать одним из элементов научной инфраструктуры, но даже стимулировать ее развитие. Например, в США одним из направлений деятельности консалтинговых организаций стала помощь музеям в создании вокруг себя

«исторической системы», которая понимается как комплекс институтов, организаций и отдельных лиц, связанных миссией сохранять, делать доступными и интерпретировать коллекции, имеющие отношение к истории США. Согласно концепции, такая система должна быть основана, помимо прочего, на вовлечении широкой аудитории в процесс коммуникации с тем, чтобы распространять идеи, которые лежат в основе представлений об истории США, и рассказывать увлекательные истории, иллюстрирующие важные события прошлого [Building a Sustainable Future..., 2008].

Становление инфраструктуры информационного обеспечения исторической науки — сложный процесс со многими участниками. Есть уверенность в том, что возникающие в современной цифровой среде разнообразные ресурсы постепенно сформируют единую национальную научно-информационную сеть, а в перспективе — национальную цифровую инфраструктуру в области социально-гуманитарных наук. Современные технологии и новые механизмы коммуникации позволяют ученым все более эффективно выстраивать сети профессиональных контактов, формировать распределенные исследовательские коллективы, получать доступ к данным, распространять научные знания. Никакая цифровая инфраструктура не существует и не может существовать в «вакууме». Ее становление и функционирование происходит в определенном «вмещающем ландшафте», где ключевые участники (исследовательские центры, музеи, архивы, библиотеки) активно взаимодействуют друг с другом и с окружающим миром. Поэтому успех такого рода проектов зависит от возможности создаваемой инфраструктуры превратиться в жизнеспособную *экосистему*, способную к устойчивому саморазвитию.

Библиография

Воронцова Е.А. Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Диалог со временем. Вып. 49. М., 2014. С. 163–189.

Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Электронный ресурс: <http://www.goskatalog.ru/museums/index.php> (дата обращения: 15.03.2015).

Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-I (с изм. от 02.11.2004) «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 20. Ст. 718; СЗ РФ. 2004. № 45. Ст. 4377.

Заместитель министра культуры РФ Елена Миловзорова: оцифровка музейных фондов идет полным ходом // Официальный сайт Минкультуры России. 23 октября 2014 г. Электронный ресурс: http://mkrf.ru/press-tsentr/novosti/ministerstvo/detail.php?ID=561316&phrase_id=3660666 (дата обращения: 15.03.2015).

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Мастеница М.А. Новые тенденции в развитии музея и музейной деятельности // Триумф музея?: сборник статей / Отв. ред. А.А. Никонов. СПб.: Осипов, 2005. С. 138–145.

Научно-практический семинар «Проблемы сохранения цифровой информации в библиотеках, музеях, архивах», 27 ноября 2014 г. Электронный ресурс: http://www.gmir.ru/anons_podr/86/1731.html (дата обращения: 15.03.2015).

Попова С.М. Анализ отечественного и зарубежного опыта развития цифровой инфраструктуры социально-гуманитарных исследований // Genesis: исторические исследования. 2015. № 1. С. 208–251. DOI: 0.7256/2409-868X.2015.1.13820. Электронный ресурс: http://e-notabene.ru/hr/article_13820.html (дата обращения: 15.03.2015).

Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”» // СЗ РФ. 2014. № 18 (Ч. II). Ст. 2159.

Репина Л.П. Историческая теория после «культурного поворота» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 20. М., 2007. С. 5–13.

Российские музеи оцифруют. 2011. 4 марта // OpenSpace.ru. Электронный ресурс: <http://os.colta.ru/news/details/20867/> (дата обращения: 15.03.2015).

Рябова Л.К. О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 8–18.

Селиванов Н.Л. «Знать, чтобы действовать», или Как превратить информацию в знание // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М.: ИВИ РАН, Центр интеллектуальной истории, 2005. С. 241–251.

Соколов Б.Г. Компенсационный проект музея // Триумф музея?: сборник статей / Отв. ред. А.А. Никонов. СПб.: Осипов, 2005. С. 28–35.

Состояние научной инфраструктуры в Российской Федерации: основные проблемы и пути их преодоления: Аналитический доклад (15 апреля 2013 г.). Электронный ресурс: <http://russian-science.com/files/file/infrastrukturanaukirekomendacii.pdf> (дата обращения: 15.03.2015).

Толстая Н.В. Наследие можно испортить только равнодушием // Справочник руководителя учреждения культуры. 2014. № 5. Электронный ресурс: <http://www.cultmanager.ru/magazine/archive/139/3284/> (дата обращения: 15.03.2015).

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2334.

Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ (ред. от 23.02.2011, с изм. от 01.12.2014) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2591; 2011. № 9. Ст. 1206.

Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М.: Прометей, 2010. 704 с.

Чубарьян А.О. О некоторых тенденциях развития исторической науки на рубеже веков // Историческая наука и образование на рубеже веков. М.: Собрание, 2004. С. 31–38.

Яник А.А. Проблемы исследования отечественной истории конца XX – начала XXI в. и возможности современных цифровых технологий // Genesis:

исторические исследования. 2015. № 1. С. 1–17. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.1.13803. Электронный ресурс: http://e-notabene.ru/hr/article_13803.html (дата обращения: 15.03.2015).

Building a Sustainable Future for History Institutions: A Systemic Approach: An Introduction to the History System Project. Boston: TDC, 2008. 10 p. URL: http://www.chandleraz.gov/content/TDC_HistoryWhitePaper.pdf (дата обращения: 15.03.2015).

Noiriel G. L'historien et l'objectivite // L'histoire aujourd'hui. Auxerre, 1999. P. 421–442.

Quan-Haase A., Wellman B. How Computer-Mediated Hyperconnectivity and Local Virtuality Foster Social Networks of Information and Coordination in a Community of Practice // International Sunbelt Social Network Conference, Redondo Beach, California, February 2005.

Quan-Haase A., Wellman B. Hyperconnected Net Work: Computer-Mediated Community in a High-Tech Organization // The Firm as a Collaborative Community: Reconstructing Trust in the Knowledge Economy, edited by Charles Heckscher and Paul Adler. New York: Oxford University Press, 2006. P. 281–333.

Ruesen J. Narrativity and Objectivity in Historical Studies // Symposium: History and the Limits of Interpretation. Rice University (USA). March 15–17. 1996. URL: http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369 (дата обращения: 15.03.2015).

МУЗЕЙНОЕ СОБРАНИЕ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 930.2; 069

Г.Г. Ершова, Н.В. Шалыгина
G.G. Ershova, N.V. Shalygina

«МУЗЕЙ-ОБЛАКО» КАК ОСОБЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

«Cloud Museum» as a Special Information Resource in Historical Science: Interdisciplinary Approache

Аннотация: статья посвящена проблемам компьютерной визуализации археологических предметов и их интеграции в интерактивное пространство виртуального обучающего тура. Основное внимание уделено созданию 3D-моделей артефактов, хранящихся в частных коллекциях Гватемалы и включенных в проект организации Музея-облака «История человеческой цивилизации» им. Ю.В. Кнорозова.

Abstract: The article is devoted to the problem of computer visualization of archaeological objects and their integration into a virtual study tour interactive space. The focus is on the creation of 3D models of artifacts stored in private collections in Guatemala and included in the Cloud Museum project «The history of human civilization» named Knorozov.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, информационно-коммуникационные технологии, цивилизация майя, частные коллекции, археологические артефакты, историческая реконструкция, моделирование 3D-объектов, «клиповое сознание», интеллектуальная собственность.

Keywords: historical science, museology, virtual tour, computer technology, the Mayan civilization, private collections, archaeological artifacts, historical reconstruction, modeling of 3D-objects, the concept of fascination, sacred geography, interactive visualization, computer navigation, “video clip consciousness”, intellectual property.

Традиция создания музеев формально восходит, как принято считать, к 290 г. до н. э., когда Птолемеем I было основано учебное заведение под названием «Первый Мусейон» (Юренева, 2011), включавшее жилые и учебные помещения, библиотеку. В «Первом Мусейоне» использовались и хранились различные инструменты, в том числе наглядные пособия для студентов: чучела, статуи, бюсты. В античной Греции сложилась традиция хранения произведений искусства в храмах. Римляне также искали новые

формы публичного выставления скульптур и картин, размещая все это в банях, театрах и садах. Прообразом современного музея в классической версии стало частное владение — вилла императора Адриана, где были выставлены реплики предметов искусства, специально заказанные хозяином с греческих и египетских оригиналов.

Долгое время предметы искусства продолжали выставляться в храмах, особняках и специальных помещениях дворцов. И только в XVIII в. музеи в европейских странах превратились в публичные учреждения, коллекции которых начали переходить из частной в государственную собственность. В качестве основной продолжала соблюдаться образовательная направленность музейной деятельности (при общей доминировавшей тенденции демонстрации предметов искусства как символа богатства и могущества владельца). Проблема расширения доступности музейного пространства решалась путем обмена экспозициями, но в основном путем издания альбомов-каталогов собраний музеев. Полиграфическое качество этих изданий определяло их цену, которая (наряду с ограниченностью тиражей) зачастую делала их мало доступными для большинства населения.

Вторая половина XX в., благодаря появлению компьютерных технологий, принесла в музейные традиции новые веяния: стали организовываться интерактивные экспозиции, позволяющие манипулировать виртуальными образами объектов, находясь в физическом пространстве музея. Следующим этапом расширения пространства доступа к коллекции стало появление веб-страниц реальных музеев и, наконец, полностью виртуальных музеев, представляющих объединенные или тематические собрания коллекций и каталоги предметов (появился даже домен высшего уровня: .museum).

Каковы были и есть цели, приводящие к появлению феномена музея? Примечательно, что основной задачей изначально стало формирование информационного пространства в рамках действующей модели мира. Если попытаться охарактеризовать объекты, обретающие статус «предметов искусства», то следует отметить, что в древности их ценность относилась к сфере сакрального, а сам предмет в первую очередь считался информоартефактом без дополнительной функциональной нагрузки, т. е. сам объект исходно вообще не имел материальной ценности и содержал лишь духовную составляющую. Его ценностная составляющая возникала только при увеличении срока хранения, исчезновении культурного контекста, обретении нового контекста хранения и принадлежности. В настоящее время подобные объекты без изначального закладывания материальной ценности относятся чаще всего к «этнографии». По мере развития технологий искусства возникают предметы, создаваемые именно в качестве «предметов искусства», обладающие материальной ценностью и предназначенные для экспонирования (даже если это

церковные предметы наподобие скульптуры, что, казалось бы, было нацелено на воспроизводство информационного пространства).

Вторая «задача», которая исторически возникает достаточно быстро, — демонстрация социально-экономического статуса обладателя выставяемой (или находящейся во владении) коллекции предметов искусства. Несмотря на столь специфическую характеристику, этот фактор нельзя игнорировать при понимании сущности феномена музея.

В современном мире существует большое количество частных коллекций, недоступных общественности, в том числе и научной. В ряде стран содержимое подобных коллекций нередко превышает количество древних предметов, находящихся в открытом доступе или музейных запасах. К таким странам следует отнести прежде всего регионы развитых цивилизаций древности, занимающих большую часть Центральной и Южной Америки: Мексика, Гватемала, Перу, Боливия, Колумбия, Эквадор.

Собирание в домах богатого креольского населения предметов древнего искусства стало одним из специфических явлений культурной жизни стран Латинской Америки, возникших на территориях великих доколумбовых цивилизаций. Эта тенденция появилась еще в XIX в., вместе со становлением такого культурно-литературного течения, как костюмбризм — обращение к индейским истокам нового, складывавшегося после обретения независимости, общества. Параллельно уже в XIX в. к этим предметам начали проявлять все больший интерес европейские и американские коллекционеры и музеи, что стимулировало и интерес со стороны местной элиты.

Наличие в доме коллекций древних предметов становилось в первую очередь признаком хорошего тона, а затем уже и формой вложения денег. Тем более что большинство памятников археологии располагалось (зачастую это происходит до настоящего времени) на территориях частных владений. Огромное количество предметов естественным путем оседало в частных коллекциях, как правило, без какой бы то ни было документации. Законодательное регулирование хранения подобного рода коллекций в некоторых странах Латинской Америки появилось лишь совсем недавно в некоторых странах, и то только в виде вынужденной «амнистии» для этих коллекций, что предполагало лишь необходимость официальной регистрации уже имеющихся предметов в соответствующих органах и запрет вывоза этих предметов за рубеж.

В качестве примера приведем частную коллекцию археологических предметов, собиравшихся одной из семей Гватемалы на протяжении многих лет. Сейчас мы можем лишь условно обозначить ее («коллекция-CSG»), поскольку процесс регистрации еще не завершен. Владельцам «коллекции-CSG» много лет назад была передана еще одна коллекция, собиравшаяся семьей Кастильо (супругами Хорхе и Эллой Кастильо).

Часть этой коллекции была зарегистрирована и в 1977 г. стала экспозицией доколумбова и колониального искусства Музея Пополь-Вух (Museo Popol-Vuh; сайт музея: <http://www.popolvuh.uflm.edu>), расположенного в кампусе Университета Ф. Маррокин в столице Гватемалы. Сегодняшняя «коллекция-CSG» состоит из нескольких тысяч предметов, как правило изъятых в разное время из погребений, и содержит целые или фрагментированные глиняные фигурки, рельефные и расписные керамические сосуды и блюда, каменные изделия мелкой пластики (в том числе из обсидиана и нефрита), украшения, культовые фигурки, музыкальные инструменты, печати, хозяйственные орудия и наконечники, погребальные урны, отдельные предметы монументальной скульптуры (стелы, рельефные панели). Отличительной чертой данной коллекции является большое количество однотипных предметов (головки, фигурки, окарины и т. д.), что, по всей видимости, являлось индивидуальным выбором самих владельцев. Точное определение происхождения и принадлежности предметов «коллекции-CSG» к той или иной древней культуре на территории Гватемалы возможно лишь по типологическим признакам.

Владельцы частных коллекций, как правило, не занимаются не только типологизацией имеющихся в их распоряжении предметов, но и экспозиционной деятельностью, хотя нередко все-таки проявляют интерес к публичной презентации входящих в их коллекции предметов (при условии надежных гарантий безопасности последних). Как сказано выше, законодательство стран Латинской Америки, заинтересованных в учете, сохранности и обнародовании этой части культурного наследия, предусматривает «археологическую амнистию» владельцам частных коллекций. В 1997 г. в Гватемале Конгресс Республики специальным декретом принял «Закон для защиты культурного наследия Нации», в котором раскрывается понятие «культурное наследие Нации» и определяются нормы его охраны [Decreto, 1997]. Глава IV касается именно «регистрации культурных ценностей», куда включены и обязанности «добросовестных владельцев». Как правило, правовая амнистия касается коллекций, сформировавшихся задолго до введения охранного законодательства и появления специальных законов. Сами владельцы частных коллекций, собиравшихся иногда на протяжении целых столетий, сегодня обязаны зарегистрировать свои коллекции, содержать их в должном состоянии, но при этом прав на продажу предметов иностранным гражданам или вывоз их за рубеж они не получают [Там же: capítulo 2 artículo 14].

Практически единственной возможностью сделать эти коллекции доступными для изучения и ознакомления становится использование виртуального пространства мировой Сети. Как известно, логика размещения предметов в традиционных музейных экспозициях использует схему сводного каталога, построенного, как правило, по хронологическому, культурно-стилистическому, региональному, тематическому или авторскому

принципам. Виртуальные технологии позволяют сделать качественно новый шаг вперед, представив ту или иную музейную коллекцию в виде альтернативной реальности исторического пространства. Функциональные возможности музейных экспозиций при этом возрастают едва ли некратно.

Во-первых, музейные предметы приобретают свойства активного взаимодействия со зрителем, значительно увеличивая уровень его информативности. Лично управляя просмотром коллекционных артефактов, размещенных в виртуальном пространстве, зритель имеет возможность их приблизить, увеличить, изменить освещение, выделить наиболее интересные для него элементы предмета, оценивая, например, его текстуру, использовать систему последовательных ссылок, дающих дополнительную информацию, и т. п.

Во-вторых, конкретные предметы, входящие в ту или иную музейную коллекцию, получают возможность «участвовать» в региональных и международных выставках, не выходя за пределы физического пространства самого музея, но и не теряя при этом своих информативных характеристик. Скажем, выставка древнего ювелирного искусства может собрать в виртуальных залах предметы коллекций из различных музеев и стран, объединив разрозненные артефакты в рамках той или иной темы. Зритель таким образом может посетить уникальную выставку, не только пройдя по ее «залам», но и регулируя по собственному усмотрению формат просмотра.

В-третьих, зритель получает возможность самостоятельно использовать различные предметы из разноудаленных музейных коллекций, комбинируя их в зависимости от поставленной задачи.

Возможности виртуальных музеев, по сути, не только «уравнивают» в правах частные коллекции исторических древностей с официальными музейными коллекциями, но и обеспечивают тем и другим практически неограниченные возможности участия в тематических выставках любого масштаба.

Для иллюстрации возможностей использования виртуального пространства в целях создания эксклюзивных музейных экспозиций, включающих в себя не только те предметы, которые выставлены в залах музеев (или хранятся в их запасниках), но и те, что являются собственностью коллекционеров и по закону не могут вывозиться из страны для публичной демонстрации, авторы данной статьи предлагают инновационную модель Музея-облака «История человеческой цивилизации» им. Ю.В. Кнорозова.

Идея создания Музея-облака родилась относительно недавно и была связана, прежде всего, с необходимостью популяризации частных коллекций археологических артефактов древних цивилизаций Латинской Америки. Взяв за основу предметы, составляющие уже упомянутую «кол-

лекцию-CSG» в Гватемале, мы решили максимально интегрировать их в виртуальное пространство соответствующей исторической эпохи. Технологически подобного рода задача может быть решена с помощью создания 3D-объектов и дальнейшей инсталляции их в 3D-панораму исторического ландшафта.

Принципиальная новизна проекта связана не только с использованием современной технологической составляющей, но и с самим контентом виртуальной экспозиции, основанной на концепции изобразительной реконструкции историко-культурной реальности классического периода цивилизации древних майя (карты, планы, рисунки, схемы, таблицы).

В основе концепции лежит принцип комплексного изучения и реконструкции древних культурных феноменов, разрабатывавшийся Ю.В. Кнорозовым. Этот принцип, с одной стороны, предполагал включение всех аспектов рассматриваемого явления в широкое историческом контексте. С другой стороны, для апробации проводимой реконструкции (или же ее достоверности) Ю.В. Кнорозов призывал к воспроизведению того, что он называл «этноисторическим экспериментом». В реальной жизни и исследовании эта задача чаще всего становилась невыполнимой. Тем не менее, разрабатывая концепцию фасцинации [Ершова, 2012. С. 49–70] и реконструируя шаманские практики, Ю.В. Кнорозов принимал активное участие в изучаемых обрядах, о чем свидетельствует, в частности, его знаменитая первая публикация [Кнорозов, 1949. С. 86–97], написанная в рамках дипломного исследования «Мазар Шамун Наби. Срезнеазиатская версия легенды о Самсоне». Для сбора материала он отправился в Казахстан, где во время полевых исследований в качестве наблюдателя принимал участие в суфийском зикре в подземелье Малумхан-сулу, во время которого порхан (шаман), войдя в экстатическое состояние, путем специальных движений и выдохов осуществлял прорицания. Текст Кнорозова представляет образец точнейшего описания видеоряда, по которому, по словам специалистов, можно сразу же снимать фильм; практически проведена полная реконструкция с включением всех деталей и возможных комментариев.

При публикации текста Д. де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане» Ю.В. Кнорозов подготовил Предисловие [Кнорозов, 1955. С. 3–96], в котором блестяще реконструировал несколько уровней контекста: исторический-испанский, исторический-индейский, природный, этнографический, археологический, эпиграфический, литературный. В дополнение прилагался психологический портрет автора, позволявший понять ситуационные проблемы Д. де Ланды.

Осуществлять всеобъемлющую историческую реконструкцию — задача достаточно сложная и затратная. Кроме того, она может быть рассчитана на ограниченное количество зрителей — и по пространственным, и по временным характеристикам. Виртуальная же реконструкция исто-

рико-культурного и этноисторического пространства открывает совершенно иные перспективы, о чем косвенно свидетельствует появление такого жанра, как виртуальные игры — квесты.

Концепция видения реконструкции историко-культурной реальности жизни древних майя в 3D-панораме виртуального проекта Музей-облако «История человеческой цивилизации» им. Ю.В. Кнорозова принадлежит авторам статьи и зарегистрирована в качестве их интеллектуальной собственности (на произведение науки «Историко-культурный продукт Музей-облако “История человеческой цивилизации”», свидетельство № 15-54, 12.01.2015).

Реализация проекта в целом предполагает принципиально новые возможности изучения любого из известных нам сегодня цивилизационных очагов мира на основе современных компьютерных технологий. Имеются в виду крупные историко-культурные анклавы, которые начали формироваться тысячи лет назад на территориях Азии (Индия, Китай), Ближнего Востока (Шумер, Египет), Американского континента (Мезоамерика, Андский регион, Северная Америка). Каждый конкретный историко-культурный анклав в проекте имеет два уровня информативности: когнитивный и интерактивный

На первом, когнитивном, уровне предполагается общий экскурс в истоки зарождения цивилизации, учитывающий процесс заселения человеком территории будущего обитания, освоение природных и пищевых ресурсов, формирование оседлого образа жизни, развитие образных представлений и абстрактного мышления в целом, создание городов, форм духовной жизни и т. д. с учетом культурно-географического районирования.

Например, территория Мезоамерики, которую в разные исторические периоды населяли такие народы, как ольмеки, сапотеки-мишкеки Оахаки, тотонаки, майя, тольтеки, астеки, имеет несколько историко-культурных пластов, визуализированных в виде объектов космической съемки, т. е. максимально приближенных к реальности. Каждая такая реалисти-карта оснащена навигационными «маяками», указывающими на расположение в этом периоде наиболее крупных и значимых историко-культурных объектов (городищ, дорог, храмов и т. д.). Можно упомянуть для каждой культуры хотя бы несколько наиболее значимых городских археологических центров. Для Центральной Мексики это — Теотиуакан, Тула, Теночтитлан, Какаштла; для побережья Мексиканского залива — центры ольмеков Ла-Вента, Сан-Лоренсо; в Веракрусе — Тахин; в Оахаке — Монте-Альбан и Митла; среди огромного количества городских центров майя — Тикаль, Паленке, Наранхо, Йяшчилан, Бонампак, Каллакмуль, Киригуа, Копан; на Юкатане — Чичен-Ица, Коба, Ушмаль, Тулум, острова Косумель и Хайна; на Тихоокеанском побережье центры особой культуры — Эль Баул, Исапа, Такалик-Абах; центры Горной Гва-

темалы — Каминаль-Хуйу, Мишко, центры вокруг озер Атитлан и Ама-титлан. Кроме того, все это пространство включает ритуальные пещеры, древние дороги, вулканы, озера и прочие объекты сакральной географии.

Целевое наведение курсора на любой из исторических объектов инициирует получение объемного изображения объекта в режиме исторического времени его активного функционирования, а система многоуровневой информации обеспечивает достаточно высокую степень когнитивности. Пользователь, ориентируясь по ссылкам, сможет не только получить подробную информацию об объекте, но и узнать характеристики материала, из которого строились объекты, ознакомиться с картиной созвездий на воспроизведенном небосклоне, увидеть представителей фауны конкретной эпохи, узнать о том, как древние майя интерпретировали значения созвездий в своих мифах и легендах, на каких животных охотились, какие растения использовали в пищу и т. д. Так создается целостная картина жизни цивилизаций, максимально удаленных от нас по времени. Компьютерная навигация по ссылкам на реалии-карте способна постоянно пополняться новыми информативными блоками и потому всегда оставаться актуальной.

На втором, интерактивном, уровне создается так называемый виртуальный тур, позволяющий не только познакомиться с объектами древней цивилизации в режиме конкретного исторического времени, но и «погрузиться» в повседневную жизнь людей того времени. Виртуальные туры сегодня становятся одним из самых эффективных и убедительных способов представления информации, поскольку они создают у зрителя полную иллюзию присутствия. В ходе путешествия по улицам древнего города майя, например, можно приблизить или отдалить какой-либо объект, оглядеться по сторонам, подробно рассмотреть детали интерьера жилища, посмотреть на город с высоты горы, приблизиться к выбранной точке или удалиться от нее, через активные зоны реалии-карты переместиться с одной панорамы на другую и т. д. Все это можно делать в нужном темпе и в порядке, удобном конкретному пользователю.

Интерактивная визуализация повседневной жизни далеких цивилизаций является важнейшей составляющей современного обучающего процесса. Возможности виртуального тура позволяют не только составить более эмоциональное и запоминающееся представление о реальности событий, происходивших в цивилизациях прошлого, но и формируют более устойчивые (по сравнению с вербальной информацией) логические конструкции.

Обучающие виртуальные туры могут записываться и на компакт-диски, что позволяет просматривать их с помощью специальных обозревателей туров. В этом случае просмотр не ограничен жесткими требованиями размеров изображения, поэтому учебный материал может содержать высококачественные фотопанорамы и выглядеть очень эффектно. Такие туры

способны стать составным компонентом электронных презентаций либо трансформироваться в автономный программный продукт.

Виртуальный тур по Мезоамерике — не просто каталог объектов, но комбинация панорамных фотографий историко-географических областей с включенными археологическими объектами и объектами сакральной географии и звездного неба. Переход от одной панорамы к другой осуществляется через активные зоны (их называют точками привязки или точками перехода), размещаемые непосредственно на реалисти-карте. Все это может дополняться фоновой музыкой, видеороликами, flash-роликами, планами туров и любой другой дополнительной информацией. Пользователь любого виртуального тура может перемещаться между панорамами через активные зоны или руководствуясь картой тура. Так, можно представить «дорогу жизни майя», воплощающую идею мироздания, реализованную в физическом артефактном пространстве. Речь идет о маршруте от места рождения жизни на острове Косумель (восточная точка), через главные центры полуострова Тулум, Коба, Чичен-Ица, Ушмаль до острова мертвых — некрополя искусственного острова Хайна (западная точка). Этот маршрут пролегал по проекции «небесной веревки» — Позиции Млечного Пути в окружении Зодиакальных Созвездий, воплощая единство мира живых и мира умерших [подробнее см.: Ершова, 2007. С. 185–214].

Возможности виртуального тура предусматривают и еще один существенный момент, а именно встраивание в интерактивный режим виртуального тура 3D-объектов частной коллекции археологических и этнографических артефактов. Такое ознакомление с артефактами позволяет сформировать дополнительный интерес зрителя к виртуальному туру и способствовать более глубокому его освоению. В дальнейшем виртуальный тур данного формата может наполняться и другими 3D-объектами, постепенно увеличивая насыщенность учебного материала или формируя его новые версии. Учебный курс, таким образом, будет всегда актуальным и интегрированным в научную среду, отражая все новейшие находки и открытия в истории изучения древних цивилизаций.

Дополнительную информацию о 3D-объектах, встроенных в виртуальный тур, пользователь получает за счет выделенных активных зон, которые не только отвечают за перемещение от одной панорамы к другой, но и используются для детализации визуальных объектов. Технология активных зон позволяет сделать акцент на отдельных частях панорамы (например, на детали интерьера), требующих особого внимания виртуального посетителя.

Возможно включение в виртуальный тур интерактивных планов помещений и навигаторов, позволяющих пользователям определять свое «местоположение». Просмотр тура может осуществляться по плану, по точкам перехода либо автоматически в соответствии с планом, опреде-

ленным при создании проекта. Виртуальные туры, как и фотопанорамы, можно просматривать как в интернет-браузере, так и в специализированных обозревателях виртуальных туров.

Пакеты программного обеспечения, предназначенные для создания панорамного снимка и настройки точек перехода, в профессиональной среде представлены в достаточном количестве и, судя по всему, достаточно часто обновляются. Но дружелюбный интерфейс большинства этих программ, подробная справочная система, включение в поставку учебных туров позволяют работать с ней достаточно просто и эффективно.

Например, созданные в среде специального приложения Rapoweaver виртуальные туры обладают уникальными навигационными возможностями: помимо классического управления кнопками и мышью при просмотре панорам и перемещении от одной панорамы к другой, здесь встроена поддержка диалоговой карты с эффектом компаса, предоставляющим дополнительные возможности для управления туром. А создаваемые в среде Tourweaver виртуальные туры могут включать сферические и цилиндрические панорамы, обычные изображения, музыку, ссылки, точки перехода, интерактивные карты и планы, обычные слайд-шоу и текст. Тур можно дополнить разнообразной обучающей информацией. Точки перехода могут устанавливаться не только для перемещения от одной панорамы к другой, но и для открытия статичного изображения (например, карты или плана), для перехода по ссылке, для проигрывания музыкального файла или анимации, для обращения к виртуальному компасу, облегчающему ориентацию по туру.

Каждый из внедряемых в тур объектов имеет серию свойств, которыми можно управлять (например, через окно Properties). Так, можно менять положение объектов, их размеры, движение, фон или оформление, менять видимость и т. д., что позволяет быстро и без особого труда корректировать настройки и получать нужный эффект. Именно таким образом планируется разместить в виртуальном пространстве коллекцию археологических артефактов частной «коллекции-CSG». Например, реконструкция археологического пространства центральной Гватемалы с озерами в окружении вулканов позволяет разместить в виртуальном *in situ* городище (с пирамидами и дворцами) места работы ремесленников с оставленными заготовками, изделиями и инструментами. В захоронениях размещаются предметы: орудия, украшения, фигурки, многие из них с отсеченными головами или береманные (наличие последних связано с символической возрождения у древних майя). К каждой фигурке добавляется каталог типологически сходных предметов.

Обеспечение сетевого доступа к данной коллекции будет осуществляться на основе так называемых облачных вычислений (*cloudcomputing*), которые могут быть оперативно предоставлены провайдером из

любого места Сети и иметь минимальные эксплуатационные затраты. Главное преимущество облачных услуг — своевременная реакция на любые вычислительные изменения, происходящие в Сети. Облачные технологии в целом имеют такие очевидные преимущества, как универсальный доступ к сетевой информации без аппаратной или программной привязки; возможность самообслуживания пользователя; объединение ресурсов Сети в единый общий сервис; автоматический режим изменения (расширения, ограничения) услуг для пользователя, так называемая эластичность услуг.

Облачный ресурс обеспечивает высокий уровень доступности к информационным услугам как на персональном компьютере, так и на мобильном телефоне или планшете. При этом пользователь (посетитель Музея-облака) полностью избавлен от необходимости приобретать специальные знания, т. к. контроль и управление всей виртуальной инфраструктурой облака осуществляется облачным провайдером.

Тем не менее для создателей Музея-облака техническая подготовка представляется необходимой. Прежде всего это касается формирования так называемой платформы виртуального музея как облачного продукта. Платформа — это комплекс программного обеспечения, в который входят инструменты создания, тестирования и реализации конкретного облачного продукта (система управления базами данных, связующее программное обеспечение, языки программирования). Платформа как конкретная «среда обитания» для облачного продукта должна иметь собственные параметры конфигурации, или инфраструктуру услуги. Пользователь (посетитель Музея-облака) получает возможность самостоятельного управления ресурсами облачного продукта, использования прикладного программного обеспечения, контроля над системами хранения данных.

К особым достоинствам облачных технологий можно присовокупить относительно низкую себестоимость продукта для пользователя (стоимость ноутбука или планшета); высокую производительность (большая часть программ и служб запускаются удаленно, в Интернете); упрощенную процедуру приобретения программного обеспечения (все нужные программы есть в Облаке); возможность автоматического обновления программ (все удаленные программы существуют исключительно в последних версиях, нет необходимости их переустанавливать или обновлять); отсутствие лимита на объем хранимой информации; совместимость с большинством операционных систем (для Облака нет разницы, на какой операционной системе работает пользователь); возможность совместного присутствия в Музее-облаке групп пользователей (нет необходимости пересылать информацию и редактировать ее; любое изменение, внесенное одним пользователем, тут же отражается у другого); возможность доступа к артефактам Музея-облака из любого места и в любое время; отсутствие привязки к оборудованию для хранения данных (это

особенно важно для музейных коллекций, предметы которых имеют копии и автоматически распределяются по различным серверам).

Пожалуй, единственным недостатком облачных технологий (но очень существенным!) является привязка к глобальной Сети. В условиях навязываемого постмодерна, разрушающего границы любой аутентичности, информационная «привязка» к глобальной Сети создает вызовы и риски, которые могут реально угрожать независимости развития облачного продукта. В связи с этим Музей-облако должен иметь несколько степеней защиты, включая правовую (защиту интеллектуальной собственности в первую очередь). Авторы концепции Музея-облака «История человеческой цивилизации» им. Ю.В. Кнорозова, например, имеют юридически оформленное право на саму идею создания этого музея, право на изображение уникальных археологических и этнографических предметов частных коллекций в 3D, право на исходный код программы на сервере, право на все составленные в рамках проекта Музея-облака изображения историко-культурной реальности (карты, планы, рисунки, схемы, таблицы и т. д.), а также право на использование данного историко-культурного продукта при его тиражировании или в рекламных целях, в процессе размещения изображений Музея-облака в различных кросс-платформенных виртуальных средах.

На данном этапе реализации проекта Музея-облака «История человеческой цивилизации» им. Ю.В. Кнорозова авторы планируют инициировать его применение одновременно как в образовательном, так и в научном направлении.

Образовательное направление. Изучение истории становления и развития древних цивилизаций на сегодняшний день остро нуждается в новых технологиях, включая компьютерную визуализацию как самих исторических процессов, так и артефактов той или иной культуры. Главная причина актуализации технологических инноваций образовательного процесса заключается в том, что виртуальная форма усвоения учебного материала в целом является сегодня приоритетной моделью формирования молодежного мышления. Особенность данной модели основана на специфике усвоения информации: большая часть информации, поступающей из формализованных источников (учебник, лекция и т. п.), воспринимается молодежью в минимальной степени, учитывая «информационное цунами» развлекательных шоу, блогосферы и т. п. Учебная информация в подавляющем большинстве случаев остается не отрефлексированной и, следовательно, не поддается глубокому усвоению. Формируется « мозаичное (или клиповое) сознание », когда вся поступающая информация остается лишь на поверхностном уровне и в минимальном количестве, т. е. фактически не может быть полноценно использована в практической деятельности. Облачные технологии способствуют значительно более глубокой и естественной интеграции учебного материала в

сознание учащейся молодежи. (Например, погружение с помощью виртуального тура в жизнь древних майя, интерактивное управление просмотром 3D-артефактов, самостоятельное решение задач систематизации предметов частных коллекций, представленных в виртуальной экспозиции, создание новых композиций, отражающих сюжеты религиозных верований, ритуалов, магических обрядов и т. п.)

Научное направление. Не менее эффективным представляется использование предметов Музея-облака в процессе исследования древних культур специалистами (культурологами, историками, археологами, этнографами и т. д.). В защиту этой эффективности можно привести ряд аргументов.

Первый аргумент: появляется возможность решения трудоемких задач организации непосредственного доступа к удаленным музейным коллекциям (пространственные, финансовые, административные и т. д.). Особенно привлекательно в этом смысле выглядит реальное получение доступа к предметам частных коллекций, которые, как уже говорилось, по закону не могут быть вывезены из страны их первоначального размещения (археологические предметы Свято-Троицкого православного монастыря в Гватемале относятся именно к такой категории коллекций).

Второй аргумент в пользу использования облачных технологий исследователями древних цивилизаций состоит в том, что многие коллекции находятся в таком состоянии, которое требует долгой и кропотливой работы как по восстановлению артефактов, так и по их типологизации. По этой причине традиционная экспозиция археологических древностей вряд ли может быть представлена широкой и научной общественности. А вот последовательная интеграция 3D-моделей археологических предметов в пространство виртуального тура сегодня представляется вполне решаемой задачей. Например, переход «путешественника» по ссылке к рассмотрению интерьера жилища древних майя может постепенно становиться все более и более содержательным за счет виртуальных реконструкций.

Третий аргумент — это использование 3D-моделирования археологических предметов в междисциплинарных исследованиях. Сегодня междисциплинарные исследования — такая исследовательская практика, при которой возможно преодоление противоречий между реальным миром (закономерности чего не всегда понятны) и организованным знанием научных дисциплин (базовые допущения, гипотезы, расширительные интерпретации сведений о реальности и ее организации). Например, виртуальная панорама позволяет систематически и организованно отображать эмпирические данные об объекте, применяя исследовательские средства нескольких дисциплин (например, метод эксперимента, математические и физические модели, системный анализ и т. д.). Точно так же создание виртуального тура допускает использование теорий разной сте-

пени обобщения и разработанных в различных дисциплинах, выбор направления научного поиска на пересечении альтернативных гипотез, построение нестереотипных интерпретаций на основе междисциплинарного знания.

По сути, полноценная реконструкция объектов (как материальных, так и духовных) Древнего мира в виртуальном пространстве сегодня возможна только в рамках междисциплинарности. Отказ от «охраняемой» аутентичности той или иной конкретной дисциплины, «открытие» ее границ для диалога с другими дисциплинами в разы увеличивают объяснительные возможности нового (синтетического) подхода.

Несмотря на трудности междисциплинарного подхода (неопределенность понятий и терминов, размытость восприятия специфики смежных дисциплин, способ и степень взаимодействия между ними, разность логических приоритетов), он однозначно провоцирует появление альтернативных исследовательских проектов, ориентированных на «расколдование» реальности любого исторического времени. Именно «недисциплинированный» исследователь, игнорирующий границы дисциплинарной аутентичности, не боится адаптировать под исследование Древнего мира и социальные, и естественные, и точные науки. В результате такой научный проект, как Музей-облако, не только сам обретает черты инновационного, но и расширяет границы будущих исследований древних цивилизаций. Большой проблемой для Мезоамерики (и прочих доколумбовых культур) является сложившееся у исследователей «отторжение» этого пространства от традиционного Древнего мира, что является продолжением средневекового евроцентризма. Важной задачей становится вписание этого материала в общий цивилизационный процесс.

Появляется возможность воссоздания ментальной картины Мезоамериканской цивилизации, обозначение структуры духовной жизни древних майя, их верований и космологических представлений, воссоздание психотипа представителей одной из древнейших культур. Подобного рода историко-культурные реконструкции могут быть востребованы для разработки новой исторической и идеологической концепций, а также для выявления и преодоления базовых ограничений, имеющих место в сфере современного научного и технологического знания.

Четвертый аргумент — это увеличение возможностей для популяризации научных знаний. Как известно, достижения научных исследований зачастую остаются в «башне из слоновой кости» для широкого круга обычных людей. Облачные технологии, в частности кросс-платформенные инструменты, позволяют размещать музейные коллекции там, где аккумулируются интересы самих пользователей. Например, размещение экспозиции Музея-облака в «Теплице социальных технологий» (<http://te-st.ru>) позволит использовать контент общественного образовательного проекта для привлечения внимания в том числе и к виртуаль-

ным выставкам археологических артефактов. Основная миссия «Теплицы» — развивать культуру создания гражданских онлайн-приложений, т. е., по сути, связывать гражданских активистов, нацеленных на формирование социального государства, с IT-специалистами, способствующими решению множества социально значимых проблем при помощи информационных технологий. Мы полагаем, что размещение музейных коллекций в подобного рода среде будет не просто уместным, но и взаимовыгодным начинанием.

Пятый аргумент — упрощение процедуры координации научных работ, проводимых исследовательскими структурами и отдельными исследователями в различных уголках земного шара, а также активизация деятельности экспертного сообщества. В идеале предполагается создание на базе Музея-облака многофункционального интернет-портала, в задачи которого войдет не только объединение исследователей, работающих над проблемами древних цивилизаций, но и привлечение к работе лиц, интересующихся научно-исследовательской тематикой изучения древних культур.

Шестой аргумент — создание в рамках Музея-облака общедоступной базы данных и библиотеки по тематике древних цивилизаций. Среди наиболее актуальных тем — заселение континента и этногенез, социальное устройство, религиозные представления, обрядовые практики, источники проблемы, систематизация эпиграфического наследия, научные знания и технологии, проблемы адаптации, диета, хозяйственная деятельность и многое другое.

Возможности Музея-облака позволяют оптимизировать сбор, систематизацию и аналитическую обработку информации, полученную в ходе различного рода специализированных исследований, и проводить регулярные мониторинги открытых источников информации по данной тематике.

Седьмой аргумент — организация международных экспедиционных проектов с привлечением спонсорских средств со стороны как государственных, так и частных структур. Облачные технологии позволяют оптимизировать сам поиск спонсорской помощи за счет виртуального формата демонстрации музейных объектов. Любые переговоры с потенциальным спонсором пройдут значительно эффективнее, если проект экспонирования археологических артефактов будет представлен в интерактивном формате и 3D-изображении.

Подводя общий итог, можно сказать, что использование облачных технологий в музейной практике обеспечивает новый уровень экспонирования коллекций, соответствующий вызовам информационного общества. Более того, формат Музея-облака позволяет постепенно развивать созданный ресурс, адаптируя его к новейшим исследовательским и образовательным инновациям.

Вместе с тем приходится констатировать, что в XXI в. именно такой тип музея, как Музей-облако, соответствует базовым задачам, поставленным еще перед Первым Мусейоном: образование, информация, а также уже глобальная доступность.

Библиография

Ершова Г.Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М.: Новый акрополь, 2007. 392 с.

Ершова Г.Г. Нелегкий опыт междисциплинарности // Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: Материалы международной научной конференции. М.: Совпадение, 2012. С. 49–69.

Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-наби // Советская этнография. 1949. № 2. С. 86–97.

Кнорозов Ю.В. «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда как историко-этнографический источник // Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л.: Наука, 1955. С. 3–96.

Юренева Т.Ю. Музеи мира. История и коллекции, шедевры и раритеты. М.: ЭКСМО, 2011. 496 с.

Decreto 26-97 del Congreso de la República de Guatemala sobre la «Ley para la protecciyón del Patrimonio cultural de la Naciyn», publicado a páginas 1361 a 1356 del número 46, tomo 256, de fecha 12 de mayo de 1997, del Diario de Centro América.

УДК 902; 069

И.Н. Ершов, I.N. Ershov

Н.Ф. ФЕДОРОВ О МЕСТЕ И РОЛИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЕ

N.F. Fedorov on a Place and Role of Archaeological Heritage in a Museum

Аннотация: статья имеет историографический характер; на основе анализа произведений Н.Ф. Федорова в ней обосновывается ведущее место археологии и музейного дела в конструктивной системе практической части его философии общего дела; показаны ясное понимание философом ограниченности научного аппарата археологии его времени и указанные им пути совершенствования возможностей науки за счет привлечения методик естественных наук. По убеждению философа, тесный союз археологической науки и музея — неперемнное условие «братства всех живущих», без которого невозможно исполнение сыновнего долга по сохранению и изучению всего комплекса духовно-материальной культуры прошлого; этическое сопровождение научной деятельности является гарантией экологичности новой парадигмы науки, которую он выдвигает.

Abstract: the article is historiographical in nature; based on the analysis of works by N. F. Fedorov it substantiates the leading role of archaeology and museology in the structural system of practical part of his philosophy of the common cause; shows a clear understanding by the philosopher of the limited research options of archaeology at his time, and the ways to improve the capacity of science by bringing the methods of natural sciences. According to philosopher's convictions, the close union of archaeological science and a museum is a prerequisite for a «brotherhood of all living», which is essential to the fulfillment of the filial duty to preserve and study of the whole complex of spiritual and material culture of the past; ethical support of scientific activity is the guarantee of environmental friendliness of the new paradigm of science, which he puts forward.

Ключевые слова: историческая наука, археология, музееведение, музей, музейное дело, Н.Ф. Федоров, русский космизм, философия общего дела, научная этика.

Keywords: historical science, archaeology, museology, Museum, museology, N. F. Fedorov, Russian cosmism, the philosophy of common cause, a scientific ethics.

...для ученых история есть суд, судебный приговор, ими, учеными, произносимый; для неученых же... история есть поминовение.

Н. Федоров. Собр. соч. Т. 3.

Осмысление проблемы информационного обеспечения исторической науки в целом и конкретных исторических дисциплин (археологии, этнологии и т. д.) как необходимого условия их нормального развития актуально в настоящее время, но не менее важно оно было и столетием ранее. О том, как подходил к решению этой проблемы один из крупнейших мыслителей конца XIX в. Н.Ф. Федоров, пойдет речь в данной статье.

Основатель «русского космизма» Николай Федорович Федоров (1829—1903) всю свою сознательную жизнь посвятил преподаванию истории и географии и библиотечному делу¹. Но это лишь внешняя сторона его биографии. Внутренняя же жизнь была посвящена без остатка разработке «философии общего дела», в рамках которой истории и архео-

¹ Основные вехи его жизни просты и мало о чем говорят читателю его произведений. Будучи рожденным вне официального брака в семье князя П.И. Гагарина в усадьбе с. Ключи Тамбовской губернии, Н.Ф. Федоров получил, однако, хорошее образование в губернской гимназии и Ришельевском лицее Одессы; преподавал в уездных училищах Липецка, Одоева, Богородска (Ногинска), Углича, Боровска, Подольска; с 1869 г. и до конца жизни работал библиотекарем в главных московских библиотеках: Чертковской («Чертковке», из которой впоследствии образовалась Государственная публичная историческая библиотека России) и Румянцевской («всеобщая библиотека России», впоследствии Библиотека им. В.И. Ленина, ныне Российская государственная библиотека).

логии отводилось особое (можно сказать, одно из главных) место. Мы постараемся раскрыть логику размышлений философа, приведших его к таким выводам, его практические шаги в стремлении обосновать и реализовать в жизни свои воззрения на историю вместе с археологией, найти оригинальным идеям Федорова место в истории развития парадигмы науки, показать еще не до конца исчерпанную эвристичность этой парадигмы.

Воззрения Н.Ф. Федорова на нашу науку довольно сложно вычленишь из бесконечной череды небольших статей и мелких заметок (как правило, анонимных), его писем к ближайшим друзьям и помощникам; однако теперь, к счастью, работа по полной публикации и комментированию его наследия уже проделана [Федоров, 1995—2000]. Эти немногие тексты философа в первом приближении расслаиваются на три значимых для нас уровня: верхний, «парадигматический», посвящен рассмотрению места и перспектив археологии в системе его учения (статьи «Что такое отечествоведение?», «Золото и прах» и др.), средний — практическому применению отдельных идей учения в жизни (в частности, в сфере музейного дела и организации региональной науки — см. заметки 1899 г. «О месте будущего Археологического съезда», «Где быть научным съездам в Туркестане», «Музей, его смысл и назначение», статья-утопия «Воронежский музей в 1998 году» и др.), нижний — конкретным вопросам археологической жизни, очерченным самими названиями его статей («Так называемые каменные бабы как первый надгробный памятник», «Каменные бабы как указание смысла, значения музеев» и др.). Большинство статей написано философом во второй половине — конце 1890-х и в самом начале 1900-х гг. Рассмотрим их последовательно по обозначенным уровням.

Исследовательница творчества философа С.Г. Семенова верно отмечает, что «общественные инициативы Федорова 1890-х годов, печатные выступления самого мыслителя и его сподвижников никак не могут быть рассматриваемы вне современного им исторического и культурного контекста. Царствование императора Александра III характеризовалось устойчивой тенденцией к расширению движения за изучение родной старины, прошлого России, памятников ее истории, материальной и духовной культуры. Вторая половина 1880-х — начало 1890-х годов были своеобразным пиком этого движения, не утратившего своей мощи и в первые годы правления Николая II» [Семенова, 1997. С. 573]. Тот же подъем в науке, в первых шагах русских ученых к осмыслению археологии в системе человеческого знания отмечен и в археологической науке этого времени [Платонова, 2010. С. 44—46].

Однако следует подчеркнуть и «вневременность», несиюминутность основных постулатов учения Н.Ф. Федорова, их тесную взаимосвязь с корневыми основами христианского вероучения вообще; по этой причине

можно говорить о влиянии на формирование личности мыслителя всего комплекса русской культуры в ее самом широком пространственно-временном контексте [Семенова, 2004. С. 445–462].

Кратко суть философского ядра его учения («супраморализма, или великого синтеза» [Федоров, 1995–2000. Т. 3. С. 320–321; работа написана в основном в Подольске], «философии общего дела» [Федоров, 1982]) можно выразить как предельное развитие христианской этики, основывающейся на постулатах всеобщей любви и братства и на этой почве требующей безусловного восстановления живой братской связи всех ныне живущих со всеми умершими предками (вплоть до «воскрешения отцов», понимаемого им как сложный двуединый метафизический, но осязаемый процесс). Здесь необходимо иметь в виду, что эта эсхатология, по мнению мыслителя, сохраняет свое место в рамках христианской догматики, о чем не устают напоминать нам и современные исследователи: «Еще С.Н. Булгаков обратил внимание, что ни одна идея Николая Федорова не подвергается такой опасности лжетолкования, искажения, вульгаризации, как этот головокружительно смелый его “проект”. Особенно велика опасность истолковать религиозную идею Николая Федорова в духе современных научных позитивистов а la Мечников и религиозный идеал превратить в невыносимую пошлость» [Булгаков, 1998. С. 326]. Впрочем, и сам Федоров предвидел возможность искажения своих мыслей и, по свидетельству Кожевникова, «многократно высказывал, что “ничего так не боится, как того, что “передовые” и “неверующие” “пожалуют” его в атеисты, от каковой чести он наотрез отказывается”» (из письма В.А. Кожевникова П.А. Флоренскому, 7 сентября 1913 г. // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 114) [Морозова, 2003. С. 323].

Это также и понимание Истории и археологии как пути от «небратства» ко всеобщему «братству» и Истории как «проекта», т. е. История — то, что *должно* осуществить, что можно запланировать, если человечество пойдет по этому пути (некоторые исследователи пытаются включать учение Н.Ф. Федорова в общую схему развития «проективной философии», имеющей не только чисто российские территориально-хронологические истоки и пределы, но и общемировые [Шишкин, 2003. С. 153–158]. Нам кажется, что это является упрощением и схематизацией, удобной лишь для самих историков науки). Никто и ничто, кроме самого человека как существа разумного и разумно сотворенного, не может привести этот план в исполнение [Семенова, 2004. С. 220]. Логично предположить, что отсюда начинается дорога от догматических представлений религии о роли человека в мире к гностическому восприятию мира [Ковтун, 2009. С. 84]. Однако следует отметить и то, что сам мыслитель прямо полагал, что его взгляды являются как раз активным *преодолением* мистицизма древних учений с их пассивным восприятием

мира. От ядра его учения расходятся нити рассуждений, объемлющие буквально все стороны жизни, науки и религии в их тесной взаимосвязи.

Таким образом, основной чертой учения Н.Ф. Федорова является его глобальность — *всемирность*, выражаясь языком его сочинений. Всемирность объемно не ограничивается нашей планетой, а охватывает всю мыслимую Вселенную. Это важно подчеркнуть, указав тем самым и на *сверхантропологизм*, универсализм учения, выделяющий его из ряда прочих философских систем. Также необходимо иметь в виду, что «супраморализм» Федоров определяет не только как христианскую нравственность, но как само христианство, «в коем вся догматика стала этикою (догматы заповедями), и этикою, неотделимою от знания и искусства, от науки и эстетики, которые должны сделаться, стать орудиями этики...» [Федоров, 1995. Т. I. С. 388; Титаренко, 2003. С. 58].

Отсюда истекает и возможность каждому, в том числе специалисту-ученому, найти что-то существенное для обозрения путей развития своей науки в учении Н.Ф. Федорова. Отсюда же проистекает пристальное внимание самого мыслителя к роли и месту археологии как основного познавательного инструмента в деле *практического* «воскрешения отцов»: «Мир прошедший, покорный мощному голосу науки, поднимается из могилы <...>. Тогда все некогда живое воскреснет в человеческом разумении, все исторгнется от печальной участи бесследного забвения, и то, чего кость истлела, чего феноменальное бытие совершенно изгладилось, восстановится в светлой обители науки — в этой обители успокоения и увековечивания всего временного» (так сам Н.Ф. Федоров цитировал слова А.И. Герцена, в отличие от автора понимая их не как метафору, а буквально) [Семенова, 2004. С. 223–224].

Следуя той же логике, история в учении Федорова превращается во вспомогательный раздел археологии, а остальные науки являются лишь подспорьем этих главных наук человечества. Отсюда и пристальное внимание мыслителя к проблемам происхождения человеческого рода, этногенеза отдельных народов, к развитию музейного дела и к сохранению памятников материальной культуры страны. Тем не менее его вниманием охвачены и такие, казалось бы, мелкие и незначительные моменты жизни, как развитие краеведения («*местной истории*») в провинциальной России, включая самые низовые уровни: история сел, история отдельных родов рядовых людей (крестьян, мещан и т. д.), местная и микротопонимика, местный фольклор и диалектология; отдельные археологические объекты (в особенности погребальные памятники, вплоть до современных ему кладбищ). Все разнообразие мелких подразделений науки о человеке вплеталось мыслителем в нечто единое, направленное к конечной цели «всеобщего братства», воссоединения отцов и детей.

В важной работе историософского плана «Золото и прах» (1900) мыслитель указывал: «Золото объясняет, почему История, как факт, есть

взаимное истребление. Прах же отцов дает смысл и цель Истории как проекту воскрешения... Археология или История на Земле, как кладбище, распространяется, производя раскопки по всему миру, хотя и не сделалась еще повсеместною, не познала себя наукою сынов, изучающею останки отцов... Археология еще не соединилась с естествознанием, с познанием силы рождающей и разрушающей» [Федоров, 1995—2000. Т. 3. С. 373]. В работе того же периода «Об истинной религиозности», посвященной разбору поэмы «Цена жизни» его ученика и последователя В.А. Кожевникова, мыслитель пояснял: «...И сам человек представляет “весы”, когда в одной руке держит горстку праха, а в другой — золото, и если бросит прах на могилу умершего и, взявши золото, удалится от могилы, то будет блудным сыном, “человеком” или гражданином нашего времени; или же, оставив золото, сделает прах предметом исследования или познания того, чем он был, доказывая восстановлением того, чем он был, истину восстановления» [Федоров, 1995—2000. Т. 3. С. 550].

Итак, цель археологии, истории и человека в ней, по мысли Н.Ф. Федорова, — отклониться от *злата*, от стремления к бесконечному потребительству, наращиванию материального благополучия (т. е. от исчерпавшей себя современной позитивистской парадигмы развития человечества) и сохранить *прах* предков (т. е. весь массив духовно-материальной культуры прошлого) для его надлежащего исследования (причем исследования не мертвого, «*ученого*», а живого, «*жизнеспособного*», комплексного по своей сути, учитывающего все достижения современной научной мысли). Это моральный императив его определения науки. «Мы потому и называем Археологию величайшею и святейшею наукой, что без познания памятников и останков умерших, — познания не мысленного только, — невозможно объединение, братство живущих», — писал он в статье «О значении обыденных церквей вообще и в наше время (время созыва конференции мира) в особенности» [Федоров, 1995—2000. Т. 3. С. 5—46] (статья-обращение была по просьбе Н.Ф. Федорова опубликована от имени его хорошего знакомого, археолога С.А. Белокурова, как запрос к предстоявшему Археологическому съезду в Риге [Белокуров, 1896. С. 34—35]).

Из этого понимания археологии проистекает и определение Н.Ф. Федоровым важнейшей роли такой формы организации современной ему науки, как Всероссийские археологические съезды (каковая организация должна быть, по его мнению, многоуровневой: от низовых областных и губернских съездов идти к общегосударственным). Роль съездов видится им прежде всего в пробуждении и подъеме интереса провинциальной и местной, уездной, обществственности к прошлому своего края. Поэтому он ратует за всяческое расширение географии Археологических съездов, которые в тот период стали охватывать и национальные окраины Российской империи. Правда, логика организаторов съездов и Н.Ф. Федорова в этом были принципиально несхожими. Уваровы во главе Московского

археологического общества преследовали, кроме сугубо научных, еще и государственно-политические цели — цементации, консолидации научной общественности империи, преодоления зарождавшегося национального сепаратизма, распространения имперского научно-культурного стандарта и на нерусские губернии.

За внешней риторикой статей философа, в которых содержатся и его идеи относительно географии съездов, зачастую прячутся чисто научные цели. Так, в работах 1899—1900 гг. («О месте будущего Археологического съезда», «Где быть научным съездам в Туркестане?» и др.) он задает Предварительному комитету будущего съезда вопрос: «где искать прародину ариев и как организовать комплексную экспедицию на Памир?» (Н.А. Янчук по его просьбе представил X Археологическому съезду в Риге два запроса: о прародине ариев и об учреждении комплексной международной научной экспедиции по изучению Памира [Федоров, 1995—2000. Т. 5. С. 365]; мыслитель просил В.А. Кожевникова познакомить Янчука со своей статьей «О месте будущего археологического съезда» (подробнее см. об этом: [Ершов, 2012. С. 114—116]). Н.Ф. Федоров предложил для ускорения решения этих вопросов собрать съезд в Самарканде: «Значение Памира велико и в настоящем, а потому и желательно, чтобы Самарканд, стоящий у подножия Памира, стал местом не археологического лишь съезда, но и съезда естествоиспытателей и врачей. Если исторически возможно еще сомнение относительно Памира как могилы (по народным сказаниям) или колыбели (как выражаются желающие забыть о смерти) предка, праотца, то географически и особенно этнографически Памир есть несомненно центр, кровля мира <...>. Это исследование тем особенно важно, что оно требует международных научных экспедиций, а вместе и соединения усилий историко-археологических и антропологических; такая же совместная работа будет способствовать замене местного, народного патриотизма — всеплеменным и заставит как натуралистов, так и археологов признать необходимость всестороннего изучения вопроса — лингвистического, археологического и антропологического...» [Федоров, 1995—2000. Т. 4. С. 207—210].

Вопрос о прародине ариев — вопрос большей частью археологический вплоть до сего времени, и концентрируется он именно на археологическом изучении территории бывшего Туркестана и прилегающих к нему областей России; не надо при этом смешивать позицию философа с построениями тех достаточно образованных членов Туркестанского кружка любителей археологии (к примеру, В.М. Флоринского), которые искали там пращуров славян (см.: [Смирнов, 2011. С. 328]). Н.Ф. Федоров призывал всех работать вместе для достижения одной цели, а у членов кружка или у тех же германских, английских археологов, наводнивших Туркестан в конце XIX в., были цели и совсем иного рода — обосновать притязания своих империй на эти земли как на свои исконные территории.

Археология и история в системе учения Н.Ф. Федорова, таким образом, охватывают историю не только русского народа, но и всего индоевропейского племени, а через него и историю человечества вообще; он видит, что наука еще слишком слаба и неразвита и действует в отрыве от естественных наук, которые помогали бы археологии привлечь к делу воскрешения предков знания естественных законов природы («силы рождающей и созидющей»), законов, которые бы облегчали для археологии задачу искать и применять новые, до сих пор неизвестные, но непременно существующие практические методики (те, которые непременно имманентно присутствуют в ней как в «*проекте*»).

В этом смысле комплекс проективных идей Н.Ф. Федорова, несмотря на весь «реализм» и практичность его, близок к утопии как «метажанру» русской философии и литературы (по определению Н.В. Ковтун: [Ковтун, 2009. С. 25]), но не полностью покрывается этим определением — границы между самими этими различными видами жанра бывают порой достаточно условны. Как определить, к примеру, жанровость произведений философа и писателя В.Ф. Одоевского, хотя книги его и издаются под грифом «художественная литература», — философско-утопическая литература или философия, облеченная в оболочку литературного сюжета? И у Н.Ф. Федорова есть попытки творить в художественно-утопическом ключе (к примеру, его статья «Воронежский музей в 1998 году»), и у И.Е. Забелина были мысли написать роман в духе, как бы мы сказали теперь, «альтернативной истории» [см.: Забелин, 2001. С. 79. Запись от 6 апреля 1865 г.].

А идея великого русского натуралиста В.И. Вернадского о грядущей автотрофности человека [Вернадский, 1988], о появлении в будущем замкнутого социально-производственного цикла человечества, не оставляющего после себя никаких материальных следов (т. е. предмета археологии), — разве не утопия? Сочетается ли эта идея с воззрениями Н.Ф. Федорова о регуляции стихийных сил природы? Очевидно, да: она является предельным выражением логики философа, ее завершением [Семенова, 2000. С. 86, 448]. Нет труда физического, следовательно — нет и отходов жизнедеятельности человека. Человек, следуя этой логике, превращается в плотское, но «прозрачное» существо духовного плана. Индустрия, составляющая костяк современной цивилизации, отпадает и исчезает как бесполезная обуза. Все произведения культуры тоже создаются только в *эфире* (не угадали: не в электронном формате с его материальными носителями). Это — не конец истории, но конечный предел науки археологии, у которой исчезнет предмет ее исследования. Что за этой чертой — археология будущего или ее смерть? На эти, чисто философские, вопросы уже обратила внимание современная литературная утопия (см., к примеру, роман М. Попова «Плерома» [Попов, 2006], где одной из главных движущих сил сюжета является осуществление авто-

трофности в практике ближайшего будущего человечества. И сама наука должна задумываться над подобными вопросами.

Вопрос о неразвитости, отставании археологии от общего прогресса остальных наук (особенно естественных) и в настоящее время является не только проблемой внешней, свидетельствующей о сильнейшей зависимости ее от развития окружающего общества. Есть еще проблемы внутреннего порядка, определяемые спецификой любого научного процесса (неравномерность разработки отдельных тем, региональных исследований, методологических направлений, цикличность развития, возвратно-поступательный характер в эволюции идей), когда та или иная проблематика, решаемая на одном этапе, на следующем этапе развития видится совсем по-иному, отодвигаясь и расширяясь подобно горизонту перед восходящим на вершину первопроходцем. Все эти трудности усугубляются и отсутствием централизации, единых программ исследований на отдельно взятой территории той или иной археологической культуры, рассеченной современными границами государств и регионов.

Что же представляла собой наука археология того времени и как сами современники Н.Ф. Федорова осмыслили ее место и значение в обществе? Определение границ и метода археологической науки во второй половине — конце XIX в. в России базировалось, как отмечает Н.И. Платонова, на двух идейно-теоретических платформах, или парадигмах: «гуманитарной или исторической» и «естествоведческой или антропологической», что свидетельствовало, по ее мнению, о наличии в тот период двух принципиально разных «систем научных и философских взглядов на науку о первобытности» [Платонова, 2010. С. 42]. В рамках первой парадигмы развивались направления историко-культурное и художественно-историческое; оба эти направления основывались на понимании древностей как продуктов творчества человека, отражающих реальную историю народов. Согласно второй парадигме, через изучение древностей исследователь может познавать и формулировать даже некие основные законы бытия, таким образом уподобляя народы и общества «биологическому организму» и утягивая археологию в лоно наук о природе [Там же. С. 70—71].

Однако современники Н.Ф. Федорова были еще не настолько изощренны в методологии и истории науки, чтобы видеть возможности ее инструментария и ее движущие силы в таком ключе, как нам кажется это почти полтора века спустя. Н.И. Платонова отмечает, что одну из первых попыток анализа массива археологических достижений второй половины XIX в. предпринял А.С. Лаппо-Данилевский в начале XX в. [Там же, 2010. С. 43 и далее]. Историк выделил тогда в науке три направления: классическое (идущее от европейского понимания истории искусства как эволюции стилей и олицетворявшееся, как правило, с учеными-антикниками столичного Петербурга); национальное (направленное на поиск древно-

стей русского народа, помогающий процессу самоидентификации этноса; это направление базировалось преимущественно на исследованиях московских ученых во главе с графом А.С. Уваровым); направление, пытавшееся придать изучению древностей комплексный характер с учетом влияния на культуру народов географической среды и иных факторов (развивавшееся в основном учеными-естественниками во главе с академиком К.М. Бэром). Наиболее объективным и перспективным в научном смысле было последнее направление. К сожалению, осознание этого факта пришло в науку в полной мере лишь спустя столетие после появления трудов К.М. Бэра, уже в первой четверти XX в., когда начали оформляться палеоэтнологические школы Москвы и Петербурга и развиваться естественно-научные методы в археологии [Там же. С. 60–65].

Н.Ф. Федоров в своих работах редко имел обыкновение цитировать ученых авторов, в том числе и археологов (в силу прохладного отношения мыслителя к научному сообществу и к стилистике научных трудов, к их «ученому языку»). Он как энциклопедист был знаком со всеми тенденциями и достижениями современной ему археологии: читал и анализировал основные археологические труды (как русские, так и иностранные), ибо они все проходили через его руки при поступлении в библиотеку. Здесь его роль сходна с той, что выпала на долю одного из корифеев отечественной науки, А.А. Спицына, в Петербурге: будучи 25 лет хранителем коллекций, поступавших в ИАК, он, как никто другой, был в курсе открытий и достижений русской археологии. Тем не менее, сравнивая взгляды мыслителя и воззрения археологов и ученого сообщества того времени, мы видим близкое структурно-содержательное схождение воззрений Н.Ф. Федорова со взглядами представителей той модели развития археологии, отцом-основателем которой является К.М. Бэр. Следует сказать, что сторонников у нее в то время было мало.

Констатируя это схождение, мы должны задаться вопросом: не случайное ли это явление и не являются ли взгляды Н.Ф. Федорова лишь своеобразным пересказом воззрений К.М. Бэра и его последователей, переложением их на язык, понятный не только ученым, но и широкой общественности? Ответ должен быть отрицательным: Федоров обосновал эту позицию, следуя логике своих рассуждений, а не логике развития новейших для середины — второй половины XIX в. европейских достижений сравнительной лингвистики и доисторической археологии (подобно Бэру), хотя и был знаком с ними. Мыслитель шел в русле последовательного развития *собственного* понимания христианской этики, т. е. с точки зрения глубоко религиозной. В этом принципиальная разница.

Философу не чужды и некоторые положения того направления, которое олицетворялось графом Уваровым и МАО, однако глобалистский «патриотизм» учения Н.Ф. Федорова неизмеримо шире рамок «национального» направления. Особое внимание к этической стороне осмыс-

ления места археологии в системе наук о человеке проявлял другой его современник — И.Е. Забелин. Близость их взглядов мы можем отметить прежде всего в выдвигании в археологии на передний план исследования индивидуального начала, впечатанного и отраженного в тех или иных артефактах прошлого; история же, по мнению Забелина, должна уделять внимание отражению этого индивидуального, личного, в народе [Платонова, 2010. С. 80]. Немаловажно и то, что оба они придавали большое и даже определяющее значение в научном исследовании этической стороне процесса.

Записи И.Е. Забелина в дневнике раннего периода, 1850-х г., свидетельствуют о сложившихся уже тогда твердых взглядах ученого на предмет и задачи археологии: «Задача археологии — воссоздать минувшую действительность во всех подробностях народного быта. Но ведь такая же задача и истории; где границы между тою и другою наукою. Границами, кажется, можно поставить следующее: история занимается народом, как отдельною собирательною личностью, моральною. Для истории народ — лицо — человек. Предмет археологии — индивидуум — лицо отдельное — человек. Она стремится уяснить себе, как это лицо жило, думало, желало. Задача ее — как жил отдельный человек из народа, известная личность. А задача истории — как жил и развивался *народ*. История рассматривает отдельную жизнь человека в данную эпоху только для пояснения общего народного характера. История — общее, археология — частное. Там законы общей жизни. Здесь законы, условия частной жизни» [Забелин, 2001. С. 226]. Итогом этих рассуждений историка стали два тома его неоднозначно воспринятой либеральным российским обществом книги «История русской жизни», вышедшей в свет во второй половине 1870-х гг. Примерно то же самое с упором на этические моменты археологического исследования он произнес, выступая на Археологическом съезде в Киеве [Забелин, 1878. С. 1—18]. Изучение археологией индивидуального (бесчисленных артефактов прошлого в их типологическом разнообразии), по И.Е. Забелину, есть безусловное требование к продолжению изучения историей родового начала в народе (т. е. открытие и толкование путей воссоздания единичного, индивидуального в родовом творчестве, в остатках родовой деятельности — в совокупности артефактов или, говоря современным языком, в комплексе материальных остатков археологической культуры). Одно невозможно без другого, родовое выводится из личного и определяется им, и наоборот, поэтому нужно исследовать оба начала в комплексе, в тесной взаимосвязи.

О неординарности И.Е. Забелина как писателя-историка свидетельствуют и такие факты, приводимые издателем его дневников Н.А. Каргополовой: в 1860-е гг., «задумывая учебник по русской истории, Забелин ставил себе цель изобразить Русь как живую личность: ее рождение, воспитание и т. д. История, география, верования, политика, настроения,

конкретные жизненные ситуации, рассматриваемые в записях, приобретают в совокупности образность. Нет России IX, XVII, XIX столетий, есть живое образное пространство со своей исторической судьбой: *“Нельзя главы делать по поколениям”... “Народ как один человек имеет ум, склад мысли... народ не есть мужик или барин, а это есть дух, особый нрав, обычай, особая сила, которая все переделывает по-своему”*. Особенности развития, условия формирования в прошлом являются законами современной государственной, бытовой, нравственной, религиозной жизни, влияют на будущее: *“Начало во мраке, а свойства, суть сохраняются по сей день”* [Каргополова, 2001. С. 21] (речь идет об упомянутой выше «Истории русской жизни» И.Е. Забелина).

Н.Ф. Федоров также упирал на особое отношение исследователя к *родственному вниманию* (определение из дневников М.М. Пришвина, прекрасно знавшего работы философа) по отношению к останкам прошлого, без которых невозможно «братское» воссоединение живых с предками. Коренное различие во взглядах Забелина и Федорова кроется в их понимании ведущей движущей силы Истории. Забелин полагал, что «общество и государство суть такие же организмы, как и каждая живущая особь, а потому они и не могут жить иначе, как тем же законом каждого организма, т. е. поедая все частное во имя своего общего. В борьбе общего с частным и заключается вся история человечества» [Забелин, 2001. С. 170]. У Федорова личное в Истории довлеет над родовым, у Забелина — родовое над личным. Тем не менее очевидно, что оба они мыслили в рамках христианской этики, в отличие от К.М. Бэра.

Основной вывод из приведенных сопоставлений видится в том, что в России середины — второй половины XIX в. идеи, в чем-то схожие с мыслями Н.Ф. Федорова относительно роли и места археологии в обществе и в системе наук, уже бродили в умах великих русских ученых, но отчетливо и комплексно они были сформулированы им самим без заимствования у кого бы то ни было. Парадигма и пути развития археологической науки были определены мыслителем верно; этой парадигмой направляется развитие науки и в наше время (с постоянным включением в ее вспомогательный аппарат новейших достижений других наук), ею оно будет определяться, вероятно, и в *«грядущие времена»*. Сам философ особо упирал на то, что его волнует не современное ему состояние научной мысли, а пути ее совершенствования. В работе «Будущее, или Что должно быть» мыслитель писал, что крайне важен «...вопрос о соединении естественных наук с историческими, хотя <о> соединении еще неполном — в полном “естественное”, т. е. рождающееся, превращается в “историческое”, т. е. воссоздаемое, — ибо все человеческое знание может быть признано естественною наукою, наукою о природе абстрактно, а конкретно — наукою о небе, астрономиию, которая и на землю смотрит, как на небесное тело, и на человека, как на небожителя <...>

Но как небожительность человека, так и скотское его происхождение есть только предположение, мысль... например, дарвинизм, который из всей истории человечества делает страничку зоологии, сам есть лишь мимолетная мысль в Истории знания человечества, мысль не всего притом человечества, а лишь немногих ученых. Таким образом, вся наука с субъективной стороны делается Историєю, но историєю только мысли человеческой, знания, еще не подтвержденного общим делом, воссозданием, а с объективной, но не действительно, мнимо объективной, Астрономиею... Истинное же единство для настоящего времени есть не субъективное и не объективное, а проективное» [Федоров, 1995—2000. Т. 3. С. 123].

Итак, История с археологией парадоксальным образом оказываются у Н.Ф. Федорова наукой не только о прошлом, но и о будущем, «*наукой как проектом*», наукой, смотрящей в Космос, в вечность; философ не останавливается на констатации современного состояния науки, он обозревает и пути ее развития, и конечную цель. Для чего существует археология, как она должна развиваться и чего должна достигнуть в конечном счете — эти векторы размышления им самим задаются и частично даже разрешаются, но большей частью тактично обозначены лишь пунктирно в силу огромного уважения мыслителя к еще неведомым, но непременно в будущем явленным достижениям науки, поэтому мы вправе и даже обязаны рассмотреть и как бы («*проективно*») продолжить логику его рассуждений в рамках существующей научной парадигмы археологии.

В чем же видится Федорову метафизический и парадигматический предел развития археологии и истории в перспективе грядущих времен? Глобальное решение проблемы он видит в том, что будущее нельзя познать, не обернувшись лицом к прошлому, к предкам. Такой он полагает будущую роль науки лингвистики: «Общий универсальный будущий язык объединенного человечества <...> явится именно результатом сознания родства, потребности взаимного понимания при общем деле». Под этим универсальным языком Федоров подразумевает не какой-то искусственный язык, вроде эсперанто, а такой, который был бы результатом всеобщего сравнительного языкознания, свершением и обретением филологической Пятидесятницы: «...Всемирный язык будет не новым, а усовершенствованием, возвращением каждого частного языка к первоначальной чистоте и понятности, что увеличит его силу и выразительность» [Федоров, 1995—2000. Т. I. С. 234; цит. по: Никитин, 2003. С. 129]. Вульгарное, упрощенное истолкование этой идеи (возврат к примитивизму некоего праязыка) здесь неприемлемо, ибо суждение о примитивизме праязыков само является примитивизмом с современной научной точки зрения; к тому же мыслитель прямо говорит об *усовершенствовании* языка, а не о его *упрощении*: можно только гадать пока, какими могут быть пути усовершенствования; несомненно лишь то, что

современные языки (по крайней мере, до тех пор, пока существует общество) сами по себе физически не в состоянии деградировать до мычания и блеяния.

С.Г. Семенова справедливо отмечает, что «...новую проективную русскую науку, совпадающую в данном случае с общечеловеческой, Федоров видит на путях существенного, субстанциального обеспечения жизни от голода, разрушительных стихий и смерти» [Семенова, 2003. С. 99]. На первый взгляд в этих словах нет места науке археологии будущего. Однако мы знаем, что Федоров полагал смерть человека, разрушение среды его обитания искажением истинного пути развития человечества, преодоление же смерти и сохранение природно-культурной среды человека — целью человека и его науки. Смерть преодолевается комплексно, двумя разнонаправленными во временной шкале путями: достижением практического бессмертия личности и человечества в целом (широкое поле для естественно-научной деятельности) и одновременно восстановлением прошлого, собиранием остатков прошлых поколений (поле деятельности гуманитариев, в основном археологической науки). Сохранение природно-культурной среды означает, по Н.Ф. Федорову, максимальное сохранение памятников прошлого, в том числе археологических, и максимально бережное отношение к ним в будущем (воздержание от раскопок, проводимых лишь ради научного тщеславия, экстренное вынужденное изучение их под угрозой разрушения). Здесь археология входит в контакт с этикой: стремление к «братству» от «небратства» делает непреложной необходимостью охранную археологию, допуская раскопки в чисто научных целях лишь в крайнем случае, ибо всякое отвлеченное, но несовершенное исследование, проводимое «сынами», может в будущем сильно навредить делу восстановления полноты прошлой жизни, жизни «отцов». Истоки этого прохладного, отвлеченного научного стиля работы мыслитель видел в «упадке родства и превращении его в гражданство», когда он обозревал картину разрушения московских городских кладбищ: «Восстановить смысл памятников... — для этого нужен, конечно, Музей со школою... Но и археологи видели это разрушение и проходили мимо, и, по-видимому, и вопроса о кладбищах со стороны сохранения памятников не поднималось, ибо археология, как и всякая наука, бездушна и нуждается в оживлении, но Музею на кладбище без души нельзя быть» [письмо Н.П. Петерсону от 1891 г.: Федоров, 1995–2000. Т. 4. С. 236–237].

Очевидно, что такое понимание путей развития науки является программой, осуществляемой в археологии по мере возможности (по крайней мере, это уже молчаливо общепринятая норма научной этики). Насколько высоко будет поднята этическая планка в процессе перехода от первоначальной бессистемной кладоискательской археологии к охранной, *экологической* археологии будущего, зависит от коллективных («соборных», по определению Н.Ф. Федорова) действий научного со-

общества (при налаженном взаимодействии с властями предрержащими). Определяющее значение в этом процессе будет иметь развитие *неразрушающих*, бесконтактных методов исследования памятников археологии, в числе прочего нельзя исключать и развитие неразрушающих методик раскопок (!), что особенно важно при изучении погребальных памятников [см.: Беляев, 2012].

Н.Ф. Федоров не был бы самим собой (так и он считал), если бы не предпринимал практические шаги в распространении своих идей и применении их в повседневной жизни (в этом также видится его стремление не быть похожим на кабинетных ученых с их отвлеченными, «мертвыми» теориями). В статье «Баженовский Кремль», критикуя примитивные, на его взгляд, мысли Д.И. Иловайского относительно смысловой значимости Кремля и останков почивших здесь основателей государства, он пишет: «Оставляя, однако, мертвым историкам... хоронить мертвецов, мы никак не можем признать собирателей [государства. — И.Е.] почившими от дел» [Федоров, 1995–2000. Т. 3. С. 105]. Самым главным в «практических следствиях» из своего учения Федоров полагал всяческое содействие развитию и реорганизации музейного дела и изучения местной истории (краеведения) в стране. Определяющее место археологии в музее он полагал одним из существенных моментов его деятельности — как исследовательской (раскопчной), так и экспозиционной, просветительской. На каких постулатах основывалось это убеждение? Философ писал: «Жить нужно не для обездоленных, что уже заключается в жизни со всеми живущими, а для тех, которые всего лишены и для которых все нужно сделать, т. е. для умерших, лишенных даже жизни; большего же дела, как возвращение самой жизни, быть уже не может, и потому это и есть самое высшее нравственное дело» [Там же. С. 6].

Отсюда следует его парадоксальный вывод о том, что городское общество Европы (т. е. современную цивилизацию) с его девизом «Memento vivere» незаметно для него самого постигла катастрофа: «Толстой представляет завершение западного направления, унию живущих с полным забвением умерших. “Memento vivere” значит для него только “забудь умерших”, ибо он так же ненавидит выставки, как полное выражение “Memento vivere”, как и Музеи и кладбища, и сугубо ненавидит Кремль» [прибавление к статье «Стены Кремля», письмо к В.А. Кожевникову; Там же. С. 93] (парадоксальным образом потомки Л.Н. Толстого, ныне живущие и известные в России лица, в основном заняты музейным строительством). Помещение музея и кладбища как концентрированного символа памяти о предках («братства») в центр крепости (как зримого воплощения идеи о «небратстве») меняет символизм крепости (Кремля) на прямо противоположный, тем самым «исправляя» наше понимание смысла и назначения Кремля: «Пред Кремлем как крепостью, которая служит выражением небратства, находится “город” (торговые ряды),

в коем собрано все, что производит небратство, т. е. это вопрос о причинах небратства, представленный наглядно. Город не только в смысле торговых рядов, но и в смысле города вообще есть также выражение небратства» [Федоров, 1995—2000. Т. 3. С. 98]. Отсюда следует логический вывод о необходимости помещения Музея как концентрированной памяти о предках в *центр* любого поселения, вне зависимости от его размера или статуса. Остановимся на этом выводе подробнее.

Как видно, Н.Ф. Федоров в этих построениях пользуется противопоставлениями, в основе которых лежит коренная антитеза двоичного кода «мы—они» или «свой—чужой» («братство»—«небратство»), истоки которого теряются в глубине предыстории человечества, уходя в эпоху появления самосознания человека и зарождения понятий о разделении миров (посю- и потустороннего), появления обряда погребения. Логика развития погребального обряда (зримого воплощения желания живущих сохранить память о предках) от палеолитической первобытности к современности направлена, если это выразить кратко-схематично, от центра жилища (а затем и поселения) к его границе — от очага к порогу дома, затем к устройству захоронений в стене дома или рядом за стеной, далее к окраине поселения и к отдельной, специально обозначенной территории (кладбищу) у дороги из поселения или на перекрестке дорог. Суть этой логики продвижения места погребения предков от центра к периферии — раздвигание, расширение «своего» мира, на пограничье которого стражами его от «чужих» выступают почившие предки рода.

В предельной перспективе развития погребального обряда (в его общечеловеческо-родовом масштабе) видится и современный экзотический обряд развеивания праха умершего либо в воздушном пространстве, либо в Океане (т. е. в «*безграницном*» пространстве, где все видимое — «*свое*» для только что почившего «гражданина мира»). (Здесь смыкается «космополитизм» глобалистов, граждан мира, с крайним «национализмом» уфологов, видящих в существах за пределами «нашего» мира лишь враждебных монстров, «зеленых человечков», но никак не подобий самих себя. Если быть принципиальным «гражданином мира», то следует указывать в завещании посылать свой прах за пределы Солнечной системы. Даже из этого простого «кладбищенского юмора» видно, на сколько порядков Н.Ф. Федоров космичнее любого глобалиста и космополита.) Христианство точно так же претерпевает эволюцию погребального обряда по описанному вектору: от центра храма (алтарь и подалтарное пространство, где пребывают мощи, т. е. вещные останки отцов-основателей Церкви, мучеников и святых), к его приделам, боковым стенам с аркосолиями, затем к внешнему заалтарному пространству, а затем к территории вокруг храма. Монастырь в православии как символ небесного града являет собой в реальности земное кладбище (здесь погребения совершаются уже фактически по всей площади града—города—кремля).

Н.Ф. Федоров предлагает нам вернуться к центру поселения, где должны находиться и храм, и музей, и кладбище. Храм — это *литургическая* память о предках, кладбище — *вещное* хранилище праха предков, музей — концентрированное собрание *вещно-вербальной* памяти о предках, комплексное научное учреждение, через которое осуществляется *делательная* живая связь храма с кладбищем. Поэтому философ и ставил музей неизмеримо выше по статусу, чем университет (учреждение светское, схоластическое в его понимании). Именно музей видел Федоров на вершине пирамиды наук, музей, в котором история и в особенности археология должны быть ведущими, профилирующими дисциплинами: «Если естествознание немного найдет в городах должностей и профессий, способных превратиться в исследование природы, то другая ветвь знания — история, или археология в обширном смысле, найдет, напротив, множество должностей и профессий, способных превратиться во всестороннее исследование общества, так как нет, можно сказать, ни одного учреждения, ни одного присутственного места, должностного лица, которое бы не имело своего архива <...>. Центральный музей и должен быть таким образцом, и для этого он должен быть не хранилищем только останков прошедшего, но и учреждением, в котором наблюдается текущее. Соединение учреждений для наблюдений текущего с хранилищами останков прошедшего — музеями, архивами, — необходимое для первых, также необходимо и для последних, потому что первым дается при таком соединении смысл, а во вторые будет вносима жизнь — наблюдения текущего послужат к восстановлению протекшего» [Федоров, 1995–2000. Т. 3. С. 129, 141]. (Сравним это с содержанием современных дискуссий академических ученых с чиновниками Минобрнауки о путях совершенствования организации науки в России и с недавно закончившейся процедурой ограничения музейных сотрудников в отношении их занятия наукой в структуре музея.)

Исходя из посыла цитаты об истории и музее, категорически не согласен с мнением Н.В. Ковтун о том, что в представлении мыслителя идея мира-музея мертва изначально, ибо в музее «вещь уже состоялась, обрела законченный смысл, место, значение; смысл понят, закрыт, исчерпан... Проверка утопического проекта текущей действительностью грозит разгромом музею...» [Ковтун, 2009. С. 84]. Музей в представлении Н.Ф. Федорова — не консервативное мертвящее учреждение, а активно действующее «предприятие» наподобие государственной метеослужбы, постоянно корректирующее свое знание о прошлом с учетом новых «наблюдений».

В годы творчества философа процесс открытия музеев разного уровня (как в столицах, так и в провинции) набирал скорость: создавались музеи краеведческие, церковно-археологические, музеи при исторических и археологических обществах, в уездах и даже отдельных селениях. Яркой

страницей в этом процессе является и создание археологических обществ и музеев не только на присоединенных территориях Средней Азии. Филовоф провел в Ашхабаде и Туркестане год с небольшим, но успел принять самое живое участие в организации филиала Туркестанского кружка любителей археологии в Ашхабаде (само сообщество возникло в 1895 г. и базировалось в Ташкенте весной—летом 1899 г.): «Именно в период пребывания Н.Ф. Федорова в Ашхабаде был возбужден вопрос об образовании в городе филиала Туркестанского кружка любителей археологии для изучения древних памятников Закаспийской области. Эта мысль обсуждалась на годовом заседании кружка 11 декабря 1899 г., была горячо поддержана начальником области и передана на обсуждение местной печати (см.: Археология в Закаспийском крае // Ашхабад. 1900. № 47). Инициаторы наметили план действий кружка, начались поездки “в некоторые интересные в археологическом и историческом отношении пункты”, “последовали доклады по поводу этих поездок” (Нечто археологическое // Туркестанские ведомости. 1917. № 173). 22 марта 1903 г. был утвержден устав кружка, получившего название “Закаспийский кружок любителей археологии и истории Востока”» [Семенова, 2004. С. 586—588]. На это время приходится знакомство и общение Федорова с вице-президентом Туркестанского кружка Н.П. Остроумовым, одним из тех редких специалистов-археологов, которые постоянно проживали в Туркестане, а не наезжали туда с кратковременными экспедициями [ИИАК. 2009. С. 796; Смирнов, 2011. С. 333]. Эти деятели провинциальной науки сделали для нее чрезвычайно много и отнюдь не напоминали «*господ-ташкентцев*», чрезвычайно саркастически обрисованных в 1870-е гг. М.Е. Салтыковым-Щедриным.

Существенна роль Н.Ф. Федорова и в становлении музейного дела в Воронеже, где он неоднократно бывал в 1890-х гг. События тех дней сведены в целое и систематически изложены как воронежскими историками и музейщиками, так и исследователями философского наследия философа [Акиншин, Ласунский, 1998; Котлярова, 2006; Поташкина, 2006; Гачева, 2003], поэтому нет необходимости излагать здесь все факты его практической деятельности в городе и его округе. Приведу лишь цитату, свидетельствующую о комплексном, универсальном характере работы воронежского музея в его первые десятилетия, в немалой степени обеспеченную деятельностью Федорова: «В отсутствие в городе университета губернский музей являлся полноценным научным учреждением. Он не только занимался обширнейшей собирательской деятельностью, он занимался исследованием своих собраний, стал одним из условий развития краеведения, археологии, этнографии, истории в регионе. Благодаря музею инициировались исследования, раскопки, сборы. Музей участвовал в общероссийских археологических съездах, и его работы становились частью общероссийских исследований. Характерной чертой научных

исследований этого периода являлась их непосредственная связь с музейной коллекцией: будь то рукописное собрание или же специфические музейные вещественные свидетельства <...>. Для этого периода можно говорить и о развитии собственно музееведческой мысли. Сюда можно отнести проекты губернского музея И.Н. Второва и Острогжского музея Г.Н. Яковлева, а также статьи Н.Ф. Федорова, посвященные Воронежскому губернному музею. <...> Большое значение в этот период музейные деятели уделяли просветительной функции музея, которая выражалась в регулярно проводимых музеем выставках... Наметилась очень тесная связь музея с образованием, неразрывность их существования, появились зачатки музейной педагогики и культурного туризма... Музей становится местом сосредоточения культурных сил города и губернии, месторасположением «воронежского культурного гнезда» [Котлярова, 2006. С. 13–14].

Место археологии в музее наглядно определяется, по Н.Ф. Федорову, тем вещным проявлением памяти о «всероссийском кладбище», которое запечатлено на «каменных бабах» — одном из первых зримых памятников археологии, зафиксированных средневековыми путешественниками еще при жизни их создателей (каменные статуи на курганах видели: в XII в. в Половецкой степи поэт Низами, в XIII в. императорский посол в Каракорум де Рубрук и Плато Карпини и др.) [этапные в отечественной археологии работы по степным каменным изваяниям: Уваров, 1908 (работа написана задолго до публикации); Веселовский, 1915; Федоров-Давыдов, 1966; Плетнева, 1974; Ольховский, Евдокимов, 1994]. «Каменные бабы», некогда во множестве стоявшие на вершинах курганов на просторах евразийских степей, в том числе и в пределах Воронежской и Тамбовской губерний и в том же Туркестане, привлекли внимание мыслителя отнюдь не случайно. Этим вопросом Федоров впервые занялся после приезда в Воронеж в середине 1890-х гг.

В статье «Каменные бабы как указание смысла, значения музеев» (1898), посланной Н.П. Петерсоном в том числе и Л.Н. Толстому [Федоров, 1995–2000. Т. 4. С. 665], содержится федоровское определение термина: «Каменная баба — это изображение самого умершего, похороненного на всероссийском кладбище, занимающем всю равнину, всю степную полосу, простирающуюся от крайнего востока до крайнего запада; это изображение умершего, хранящего и стерегущего свой пепел, требует от своих потомков воссоединения к пеплу того, что с ним было соединено, для полного оживления» [Федоров, 1995–2000. Т. 3. С. 165–170]. Философ ссылается на статью антрополога и археолога А.А. Ивановского, описавшего в 1888–1889 гг. каменные изваяния Восточного Туркестана и утверждавшего, что «в правой руке каждой бабы необходим сосуд, чтобы положить в него часть пепла: часть эта нужна будет ангелу для воскрешения умершего (у погребенных для этого служат волосы)»

[Ивановский, 1897. С. 184–185.]. Отсюда следует вывод: «Таким образом, каменные бабы суть языческое свидетельство о воскресении, идущее из глубокой древности, и если не от предков наших, то от наших земляков, живших здесь в незапамятные еще времена. Свидетельство это тем важнее, что идет от тех, которые тела своих умерших сжигали, и тем не менее, как оказывается, и у них погребение имело смысл воскрешения. Потому-то и было бы весьма своевременным ко дню св. Пасхи, когда всем сущим во гробах даруется жизнь, поставить у входа в местный музей каменную бабу <...>. Не удивительно ли, что считаемое нами за суеверие у народа получает смысл у людей, достигших крайних пределов отрицания; и хранение оказывается не тщетным, хотя и не безусловно необходимым не для веры только, но и для знания...» [Федоров, 1995–2000. Т. 3. С. 165].

В статье «Каменная баба Воронежского музея» Н.Ф. Федоров продолжает рассуждение уже в рамках своего учения, требуя у каждого каменного изваяния, в том или ином музее стоящего, нахождения обширной пояснительной записки о смысле и назначении изваяния, чтобы оно не превращалось для посетителей в «истукан», непонятный и пугающий: «...чтобы быть верным факту, нужно было поставить бабу на кургане... такая постановка могла бы отчасти заменить самый ответ, потому что тогда легко было бы признать каменное изваяние за надгробный памятник. Однако и надгробный памятник нуждается в объяснении для утративших смысл и жизни, и смерти <...> Воронежскому музею, несомненно, следует избежать ошибки <...> и при постановке каменной бабы нужно сохранить всю ту обстановку, в которой она находилась там, где была найдена... Были ли какие-либо надписи на каменных бабах — неизвестно, но если надписи были, то в них могло выражаться то же, что и в надписях на наших надгробных памятниках, выражающих желание воскресения, надежду, что расстались с погребенным не навсегда, а до радостного лишь утра. Принимая каменную бабу, этот памятник умершего, музей становится, так сказать, наследником изображенного в этой каменной статуе, делается как бы его душеприказчиком» [Там же. С. 170–171].

Музей как наследник культуры предков бесчисленных народов евразийской степи побуждается тем самым, по мнению Н.Ф. Федорова, «...к постоянным и всесторонним розысканиям и исследованиям; в этом и заключается начало поминовения. В музее всякий, конечно, памятник запрашивается на исследование, но не все, имеющие уши, слышат эти просьбы памятников. Нельзя ограничиться лишь историею и топографиею открытия памятника; и говоря, например, о каменной бабе, необходимо задать вопросы, была ли эта баба на кургане, сохранился ли этот курган, произведены ли были раскопки этого кургана или же — вообще — на месте нахождения статуи. Хотя каменная баба нема, однако

нельзя сказать, чтобы она ничего уже не говорила; так, она скажет, из местного камня вырублена или же нет; самая величина, форма, соотношение частей по сравнению с другими, ей подобными, говорят о происхождении, о племени. «Я, — могла бы сказать надпись на бабе, — тюркского или монгольского происхождения, выходец из глуби Средней Азии, Дальнего Востока, кочевал по Дону, на Воронеже или Хопре, грабил мирных земледельцев, умер (а может быть — был убит), сыны насыпали курган на моем прахе; зарыв в землю и не видя меня, стосковались, и стали сыны и дочери молить и вопить, чтобы расступилась земля и я взглянул бы на них, моих детушек”... Каменная статуя и есть исполнение этой молитвы» [Федоров, 1995—2000. Т. 3. С. 171].

Крайне бережное и уважительное отношение к этим памятникам прошлого отнюдь не было достоянием эпохи мыслителя: «Но прежде чем какая-либо надпись была сделана музеем с должным уважением к глубокой старине, к изображению умершего, XIX век успел уже на этом памятнике незапамятной старины положить свою печать, свою надпись, свидетельствующую о просвещении XIX века, об освобождении его от предрассудков и суеверий даже в низших слоях общества. Железнодорожное ведомство, в лице своих низших служителей, сделав на самом лице каменной статуи свою железнодорожную отметку, свидетельствует, что просвещение делает колоссальные успехи. Полагаем, что не следует и смывать этой отметки: пусть сам образ умершего скажет в надписи на нем о бессознательном поругании, которому он подвергся в наш гордый своим просвещением век» [Там же. С. 173]. К сожалению, то же самое мы можем повторить вслед за философом и век спустя.

Итак, Н.Ф. Федоров полагал, что каменные бабы евразийских степей — надмогильные памятники, «языческое свидетельство о воскресении» и что отображенных в этих изваяниях умерших предков, возможно, «сожигали». Философ призывает комплексно изучать изваяния, начиная с тщательной фиксации мельчайших обстоятельств находки и кончая просветительской деятельностью, призванной оберегать и сохранять эти памятники прошлого, и по возможности вернуть их на место, т. е. на курган. Их место если не на кургане, то в музее, при его главном входе, чтобы напоминать посетителям о сущности своего существования как символа воскресения ушедших поколений.

Были ли эти представления философа о древней каменной скульптуре Евразии заурядными, наивными или дилетантскими — или все же они достойны серьезного анализа и ретроспекции с высоты сегодняшних достижений науки? Рассмотрим в этой связи взгляды ученых — современников мыслителя на эту категорию археологических памятников. Напомню, что уже средневековые путешественники, видевшие в Половецкой степи изваяния в XII—XIII вв., были убеждены в том, что это именно надмо-

гильные памятники умершим, а никакие не сторожевые знаки или что-нибудь в ином роде. Однако эту истину пришлось фактически заново открывать исследователям на грани XIX—XX вв., так как свидетельства очевидцев научный гиперкритицизм XIX в. подверг сомнению. Появились даже документальные аргументы против этих очевидностей: в некоторых курганах под изваяниями не находили погребений, а если они были, то оказывались гораздо древнее половецкого времени; немногочисленные изваяния по наличию изображенных на них предметов бронзового и раннежелезного веков, очевидно, были еще гораздо древнее.

Свести разногласия мнений ученых во что-то удобопонятное пытались Д.Н. Анучин и Н.И. Веселовский, крупнейшие в научном мире авторитеты рубежа XIX—XX вв. Анучин полагал, что большинство изображенных на изваяниях — женщины (на самом деле их лишь около половины в корпусе половецких изваяний); этническую и хронологическую принадлежность изваяний он характеризовал неопределенно, затрудняясь дать более четкий ответ, и датировал их временем, начиная от скифов и заканчивая калмыками (сейчас весь мультикультурный корпус изваяний датируется в интервале от эпохи энеолита до позднеполовецкого времени — с IV тыс. до н. э. и до середины — конца XIII в. н. э.) [А.Д. (Анучин Д.Н.), 1895].

Более аргументированную характеристику изваяниям дал уже в 1915 г. Веселовский. Он привел еще более обширный список суждений исследователей и даже дилетантов о смысле изваяний и их принадлежности; суждения эти в большинстве случаев, по его мнению, относятся к околонуучным курьезам, в том числе и некоторые выводы Анучина [Веселовский, 1915. С. 16—18]. Комплексный анализ письменных сведений путешественников, состава и типа предметов на изваяниях привел его к выводу о тюркской принадлежности подавляющего большинства изваяний и их датировке от времен Танской династии и вплоть до монгольского нашествия. Он приходит к парадоксальному выводу: изваяния есть изображения главных врагов погребенного воина (в этом исследователь пошел на поводу сделанного им справедливого вывода о том, что в Сибири рядом с изваяниями имелись еще и балбалы — ряды простых камней, символизирующих убитых покойником врагов). На этом основании и само изваяние он называет балбалом, что неверно (подобное толкование данного слова было неизвестно тюркам); правильное было бы тогда, вероятно, называть их «болванами» (видимо, от искаженного тюрками персидского «пехлеван, пахлаван» — богатырь), как это слово употреблено в «Слове о полку Игореве». Московские люди XVI—XVII вв. уже называли каменные изваяния в степи просто «человек каменный» или «девка каменная» (Веселовский, 1915. С. 22—23) Тогда же, вероятно, слово «бабб» вошло в состав русского и польского языков (как искажение татарского «бабай» — дед, бабушка), ставшее впоследствии научным термином (уже с ударением на первом слоге).

Итак, разработка проблематики смысла и назначения каменных изваяний евразийской степи в науке начала XX в. еще страдала существенными изъянами, преодоленными в течение второй его половины [см.: Федоров-Давыдов, 1966; Плетнева, 1974; 1981; Ольховский и Евдокимов, 1994; и др.]. Поэтому несущественная ошибка философа (положившегося на мнение авторитетного археолога-этнографа) относительно назначения чаши в руках изваяния выглядит на этом фоне не так уж вопиюще.

Век спустя ту же ошибку совершали даже авторитеты науки нынешней. Так, В.Н. Топоров, анализируя реконструкцию системы мифологии древних балтов, уделяет пристальное внимание культу камней [Топоров, 2000. С. 311—371; см. также подробно в: Vaitkevi ius, 2003]. Культ камней у древних балтов, по мнению исследователей, является составной частью этой системы: с одной стороны, камень — атрибут Земли, с другой — эманация творческой силы Бога-громовержца. В данной системе представлений наиболее архаичными каменными изваяниями должны были бы выступать простые фаллообразные изваяния (фалломорфы, по терминологии В.С. Ольховского) как символы творческой, плодотворящей мощи небес. Такие изваяния будут являться и являются объектом коллективного поклонения всех членов общины, рода. По аналогии со степными изваяниями Топоров полагает возможным провести связь чаши и ритона-рога в руках тех или иных изваяний с культом, где чаша-ритон выступает как вместилище пепла от сожженного умершего, «тем самым сопрягая друг с другом идею рождения и смерти. Вместе с тем каменные бабы связаны с культом Матери-земли». В качестве источника информации им указана статья П.А. Флоренского [Флоренский, 1996. С. 108 и сл.]. Другой вариант влияния (идуший от воззрений теософов, Н.К. Рериха и др.) — о том, что чаша в руках изваяния «пламенеет», подобно чаше Грааля, — малосостоятелен с научной точки зрения [Рерих, 1974].

В.Н. Топоров видит в этом глубинную связь мифологических представлений древних обществ с их культурами Праматери-земли (где земля и камень суть синонимы) с софиологическими представлениями о связи Софии — премудрости Божией с образом Праматери-земли и приводит не совсем корректную в данном случае ссылку на работу П.А. Флоренского, в которой автор, рассматривая южнорусские (половецкие) каменные изваяния, утверждал, что у изваяния в руках (или перед самим изваянием — не совсем ясно из контекста цитаты) находится сосуд с пеплом от сожжения усопшего. На самом деле эта ссылка у Флоренского основана на информации, извлеченной из работ Н.Ф. Федорова, два тома которых были получены им от В.А. Кожевникова в начале 1910-х гг. [см.: Федоров, 1995—2000. Т. 3. Комментарии. С. 565—567; Т. 5. Приложение. С. 421—423; Семенова, 2004. С. 509]; сам же Федоров при этом ссылался на слабо аргументированную работу А.А. Ивановского, датируемую 1880-ми гг. (!).

В руках изображенных на половецких изваяниях персонажей, как полагают большинство современных исследователей, по всей видимости, находятся ритуальные сосуды-чаши для питья: покойник во время поминальных обрядов, совершаемых у изваяния, как бы соучаствует в этом процессе посредством сосуда-изображения, на который, как и на саму статую покойного, участники церемонии производят возлияния напитков (несомненно, возлияния производились и на землю вокруг статуи). Ту же функцию, очевидно, выполняли и рога-ритоны в руках скифских [Ольховский, Евдокимов, 1994. С. 67] и иных изваяний, являющиеся «символами приобщения владельца ритона к божеству», т. е. связующим элементом между миром видимым и невидимым. Видеть в этом языческий прообраз христианского причастия как мистического процесса единения живых с миром небесным, с миром предков справедливо может и Н.Ф. Федоров как по преимуществу христианский мыслитель, чему не мешают и его ошибки с пониманием чаши как емкости праха предков, и его не совсем очевидное сейчас убеждение в том, что изваяния ставились лишь в качестве надмогильных объектов, а не находились внутри специально огороженных камнями площадок [Плетнева, 1981. С. 220–221] – своего рода прообразов степных храмов. Суть явления была уловлена мыслителем верно.

Проблематику отношения Н.Ф. Федорова к местной истории, краеведению уездного и даже поселенческого уровня подробно осветила А.Г. Гачева [Гачева, 2003. С. 132–150]. Отметим, что напряженная работа мыслителя в этой области науки была хронологически одной из наиболее ранних в его биографии (1870–1880-е гг., когда он собирал материалы по Керенску и его округе). Краеведение, или отечествоведение, должно, по убеждению Федорова, «...ввести в историю каждый городок и село, как бы незначительны они ни были; каждый поселок должен открыть свою непосредственную мать, метрополию, и проследить свою генеалогию до известного нынешней истории места <...>. Всякий приход, или община, в коем каждый член – историк и летописец, а вместе и длинная летопись своих предков, есть историческое общество, т. е. общество истории и древностей, а также и новостей, если можно так выразиться, так как общество это, изучая древности, должно следить и за текущими явлениями, ибо и то, и другое равно необходимы, да в новом-то и живет старина» [Федоров, 1995–2000. Т. I. С. 271].

Стремление философа к развитию местной истории, истории отдельных родов (вне зависимости от их сословной принадлежности) прямо проистекало из его учения, в системе которого процесс «собираения, стремящегося к полноте памяти о прошлом», служил «прообразованием грядущей эпохи “всеобщего дела”, когда в круг познания и исследования будут включены все когда-либо жившие, а изучение предков, одушевленное памятью и любовью, станет делом всех живущих» [Гачева, 2003.

С. 134–137]. В осмыслении сути музейного дела и краеведения философ продвигался постепенно от занятий повседневными вопросами «местной истории» уезда, села и отдельного рода к воздействию на ход музейного дела в пределах губернского города, а затем и всей страны, ставя неотложные, на его взгляд, вопросы уже к Всероссийским археологическим съездам. На этой основе мыслитель, обобщив свой обширный практический опыт, обратился к сложным вопросам организации научного процесса, к осмыслению науки в современном ему обществе и ее перспективам в будущем.

На чем же основывалось такое его практически безошибочное понимание сути науки, ее проблематики, ее роли в обществе и ее «проекта» в будущих временах? Было ли это основано на некоем сверхъестественном озарении никем не понятого одиночки-мыслителя, какими предстают перед нами, к примеру, освященные советской идеологией К. Циолковский, И. Мичурин и другие представители науки того времени? Или его представления о науке и путях ее развития были настолько гениально просты и очевидны, что их не могли по достоинству оценить его современники-ученые, зажатые тисками корпоративно-сословной идеологии и схоластического тумана? Оба суждения по-своему справедливы. С одной стороны, философ действительно был одинок, сознательно избегал известности, печатался анонимно, вел аскетический образ жизни, биографические истоки его учения таинственны и неведомы; «обскурантистский» взгляд на науку и научную деятельность через призму христианской этики и догматики откровенно претил воззрениям секуляризованного научного сообщества «века сего». С другой стороны, многие богословы и иерархи Церкви до сих пор с опаской смотрят на «философию общего дела» как на учение с «еретическим» оттенком. Сам мыслитель опасался, что новоявленные адепты его учения подобно медведям в посудной лавке немедленно примутся за «практическое» воплощение в жизнь его идей [Семенова, 2004. С. 510–511]. Но это лишь часть правды.

Другая ее часть в том, что весь комплекс идей мыслителя является *философской* системой, но никак не инструкцией по практическому внедрению этих идей в современную жизнь руками тех, кто забыл, что они — лишь разумно организованные орудия в руках высшей силы и что усвоение «общего дела» невозможно без «соборности» и «братства», о которых мыслитель писал как о неперемennых условиях начала соработничества человека и высших сил в эсхатологической перспективе. Если нет этих предварительных условий, нет смысла и в усилиях человека, они останутся тщетными; мы будем выглядеть, как разгневанные афиняне перед апостолом Павлом, сказавшие ему: «Об этом послушаем тебя в другое время» [Там же, 2004. С. 500]. Современный нам исследователь творчества философа пишет: «...сам Федоров не видел своих предшественников даже в той горсти, которая составила блистательную плеяду русского “культурного национализма”

в XIX веке — от А.С. Шишкова и Н.М. Карамзина до славянофилов и почвенников. Правда, рядом был верный В.А. Кожевников, на какое-то время мог обнадеежить интерес к “общему делу” со стороны Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева. Искорки миросозерцательного тяготения вспыхивали, мерцали и... гасли» [Панфилов, 2003. С. 84].

Да, система идей Н.Ф. Федорова как нечто целое остается чистой утопией с точки зрения современной науки, однако отдельные составляющие этого комплекса «умозрения» оказываются сплошь и рядом верными и потенциально жизнеспособными. Этот парадокс заставляет задуматься и спросить, нет ли в таком случае какого-либо изъяна в основании и целеполагании самой науки как достаточно верном слепке с современного общества? Почему «обскурантист» Н.Ф. Федоров смог достаточно верно понять суть археологии и осветить в некоторой степени ее будущность, а ведущие авторитеты современной ему науки уделяли этому вопросу удивительно мизерное количество сил и времени, то отвлекаясь на сиюминутные проблемы общества или на усвоение воззрений европейских авторитетов, то вообще сторонясь любой «теории» как помехи в таком «практическом» деле, как выкапывание предметов из земли?

Чего-то науке не хватает — и почему исследователь то и дело ощущает неудовлетворенность от процесса научного поиска и творчества? Ответ так же прост, как и сами идеи философа: этот изъян кроется изначально в онтологическом трагическом дуализме самой культуры и ее противоположности — природы, в нехватке подлинного этического начала в фундаменте научной деятельности как подраздела культурной деятельности по линии различения «истины» и «неистины», и в отсутствии того «братства», о котором не уставал говорить и писать Н.Ф. Федоров.

Федоровская этика — не та этика, которая присутствует в науке как формальная необходимость, как «кодекс строителя коммунизма», а внутренне усвоенное личностное отношение лично-свободного исследователя к предмету исследования — отношение, пропущенное через призму глубокого понимания места древностей в цивилизационном процессе. Это не пассивная этика шеллингианского типа, когда «все существующее разумно» и все рано или поздно утрясется само собой, ибо все входит в вышесотворенный предвечный план развития мира и человека, и не рериховское представление о пассивно-созерцательной мистической «живой этике», доставшейся человечеству в готовом виде из глубин космоса, и не современное западное понимание свободы исследователя как свободы от социальных препятствий (по Федорову, это все равно что российское «освобожденные» крестьян без земли).

Мыслитель призывал не останавливаться на «отрицательной» этике (неделания зла; для археологии это означает на практике воздержание от разрушения памятников лишь в угоду научному тщеславию). Творческому исследователю необходимо идти к «положительной» этике (этике совершен-

ствования неразрушающих методик исследования). Основной заряд федоровской этики состоит в ее активно-преобразовательной сущности, не затрагивающей, однако, коренные основы существования человечества в отличие от, скажем, этики К.Э. Циолковского и этики коммунистического толка, призывающей к *борьбе* с природно-социальным окружением человека и к его *покорению*. Нет, этика мыслителя направлена на *понимание* природы и Космоса, на соработничество с ними, на сохранение всего комплекса древностей природно-социального прошлого человечества, на шлифовку лучших граней человека и его окружения — и в силу этого она *экологична*.

Этика Н.Ф. Федорова является, по сути, пределом развития этических представлений человечества, в ней достигнута мыслимая полнота; мы не можем сказать того же про предел развития науки археологии. Полнота нашей науки зависит и от предельного развития остального научного комплекса (как правило, естественных наук). Таким образом, налицо явное несоответствие ступеней развития этической и технической составляющих взыскуемого единства («братства»). Остается надеяться лишь на то, что в будущем пути науки и этики сблизятся, ибо прогресс наук очевиден, а экологическая катастрофа, будем уповать, не успеет настичь человечество именно тогда, когда эти пути сойдутся.

Парадоксальная «религиозно-научная» («эколого-этическая») парадигма археологии, выдвинутая Н.Ф. Федоровым, осталась незамеченной в научной среде своей эпохи (и не только в археологии), поэтому не было попыток более или менее авторитетных ученых хотя бы частично апробировать ее в теории и практике археологии; нет ей поэтому места и в новейшей научной классификации школ и направлений в археологии того времени [Платонова, 2010]. Идеи мыслителя промелькнули ярким, но мимолетным метеором на небосводе археологической мысли, не оставившим после себя заметного следа и лишь отчасти воспринятым учеными-естественниками и русской литературой первой трети XX в. [Семенова, 2004. С. 553].

Библиография

Акиншин А.Н., Ласунский О.Г. Н.Ф. Федоров и его воронежское окружение (1894—1901). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. 240 с.

А.Д. (Анучин Д.Н.) 1895. Каменные бабы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 14 (27). СПб.: Типолитография И.А. Ефрона. С. 160—161.

Белокуров С.А. Обыденные церкви на Руси. Запрос к Археологическому съезду в Риге // X Археологический съезд в г. Риге, с 1-го по 20-е августа 1896 года. Вып. 1: Состав предварительного комитета, правила Съезда и вопросы и запросы, заявленные к Съезду. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. С. 24—34.

Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М.: ИА РАН, 2012. 56 с.

- Булгаков С.Н.* Загадочный мыслитель // Булгаков С.Н. Два града: исследование о природе общественных идеалов. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 286–301.
- Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 522 с.
- Веселовский Н.И.* Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «бал-бабах» // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. XXXII. Отд. оттиск. Одесса: «Славянская» типография Е. Хрисогелос, 1915. 40 с.
- Гачева А.Г. Н.Ф. Федоров* — философ и деятель отечествоведения // На пороге грядущего. М.: Пашков дом, 2003. С. 349–402.
- Ершов И.Н.* Михаил Пришвин и российская археология. М.: ИА РАН, 2012. 240 с.
- Забелин И.Е.* В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки // Труды III Археологического съезда в Киеве. Т. 1. Киев: В типографии Императорского Университета Св. Владимира, 1878. С. 1–17.
- Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 384 с.
- Ивановский А.А.* К вопросам: а) о существовании совместного обряда погребения и сожжения; б) о каменных бабах и в) о надмогильных камнях — по данным современной этнографии // Труды VIII Археологического съезда в Москве. Т. IV. М., 1897. С. 9–14.
- Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания: У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1191 с.
- Каргополова Н.А.* Предисловие // Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. С. 7–23.
- Ковтун Н.В.* Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
- Котлярова И.В.* Формирование и развитие музеев Воронежского края в региональном культурном контексте: вторая половина XIX — первая треть XX в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. 24 с.
- Морозова Я.В.* «Мечта далекая, но дорогая...» (два спора о путях спасения) // На пороге грядущего. М.: Пашков дом, 2003. С. 320–336.
- Никитин В.А.* Генеалогия и учение Н.Ф. Федорова // На пороге грядущего. М.: Пашков дом, 2003. С. 169–181.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.* Скифские изваяния VII–III вв. М.: ИА РАН, 1994. 188 с.
- Панфилов М.М.* Пред алтарем книжной культуры // На пороге грядущего. М.: Пашков дом, 2003. С. 212–233.
- Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX в. СПб.: Нестор-история, 2010. 316 с.
- Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. Вып. У4-2. М.: Наука, 1974. 200 с.
- Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 213–222.
- Попов М.* Плерома. Роман. М.: Корпорация «Сомбра», 2006. 378 с.
- Поташкина Н.А.* Деятельность воронежских краеведов по исследованию исторических древностей: конец XIX — начало XX в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006.

- Рерих Н.К.* Алтай-Гималаи. М.: Мысль, 1974. 350 с.
- Семенова С.Г.* Комментарии // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 565–736.
- Семенова С.Г.* Комментарии // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 5, дополнительный. М., 2000.
- Семенова С. Г. Ф.* Федоров и славянофилы: диалог идей // На пороге грядущего. Т. 5, дополнительный. М., 2003. С. 37–220.
- Семенова С.Г.* Философ будущего века: Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. 576 с.
- Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи. М.: Гриф и К°, 2011. 590 с.
- Титаренко Е.М.* Религиозная эстетика Н.Ф. Федорова // На пороге грядущего. М.: Пашков дом, 2003. С. 121–155.
- Топоров В.Н.* К реконструкции балтославянского мифологического образа Матери-Земли // Балтославянские исследования. Вып. XIV. М.: Индрик, 2000. С. 239–371.
- Уваров А.С.* К вопросу о каменных бабах // Труды XIII археологического съезда. Т. II. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1908. С. 92–96.
- Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. М.: Традиция, 1995–2000.
- Федоров Н.Ф.* Сочинения. М.: Мысль, 1982. Т. 85. 711 с. (Серия: Философское наследие).
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1966. 276 с.
- Флоренский П.А.* Первые шаги философии // Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 61–130.
- Шишкин И.М.* Н.Ф. Федоров и проективная философия // На пороге грядущего. М.: Пашков дом, 2003. С. 411–427.
- Vaitkevicius V.* Alkai: baltu šventvieciu studija. Vilnius: Diemedis, 2003. 319 p.

УДК 902; 069

П.Г. Гайдуков, P.G. Gaidukov

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ А.В. ОРЕШНИКОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ¹

The Documentary Heritage of A.V. Oreshnikov in the State Historical Museum

Аннотация: вся подвижническая жизнь А.В. Орешникова, отданная Историческому музею, была посвящена поискам и изучению материальных и письменных источников по истории России. И именно на музеи он возлагал надежды по сохранению этих источников. Благодаря самоотверженному труду таких му-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-01-00132а).

зейных работников, как Орешников, на протяжении XX в. в Государственном историческом музее и других музеях страны собраны замечательные коллекции, изучение которых давало, дает и будет давать возможность многим поколениям исследователей воссоздавать прошлое нашей страны. Именно в этом следует видеть роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. Документальное наследие А.В. Орешникова, сохраненное в стенах Государственного исторического музея, подтверждает это заключение со всей очевидностью.

Abstract: All the selfless life of Alexey Oreshnikov was closely related with the State Historical Museum. He entirely devoted it to investigation and study of material and written sources on the history of Russia and believed in particular that museums must be in charge of preservation of the historical heritage. Due to the devoted activity of such museum workers as A.V. Oreshnikov during XX century in national museums and especially in the State Historical Museum outstanding collections have been accumulated. Study of these collections has been providing numerous generations of researchers with the possibility to reconstruct Russia's past, which undoubtedly will continue in the future. This stresses the role museums play in the informational support of the historical science. The documentary heritage of A.V. Oreshnikov preserved in the State Historical Museum evidently confirms this conclusion.

Ключевые слова: историческая наука, нумизматика, музееведение, А.В. Орешников, Государственный исторический музей, Институт археологии РАН, личный архив, дневники, эпистолярное наследие, проект «А.В. Орешников и его корреспонденты».

Keywords: historical science, numismatics, museum science, A.V. Oreshnikov, State Historical Museum, Institute of Archaeology of RAS, personal archive, diaries, epistolary heritage, the «A.V. Oreshnikov and his correspondents» project.

Алексей Васильевич Орешников (1855–1933) – выдающийся русский ученый, член-корреспондент Академии наук СССР, крупнейший отечественный специалист в области античной и средневековой русской нумизматики, тонкий знаток древнерусского прикладного искусства. Единомышленник и сподвижник И.Е. Забелина, Орешников в 1887 г. становится хранителем Исторического музея и его творцом, а в годы советской власти – защитником его сокровищ. В музее он проработал 45 лет до самой своей смерти. Причастностью своей к Историческому музею Орешников очень дорожил, был верен музею. В ноябре 1920 г., получив от директора Эрмитажа С.Н. Тройницкого предложение выставить свою кандидатуру на должность хранителя русских монет, он писал своему петроградскому коллеге и другу А.А. Ильину: «...как я могу оставить Исторический Музей, в котором служу с 1887 г. – это официально, – а неофициально с 1885 г.; это было бы с моей стороны нечестно» [Рукописный фонд Отдела нумизматики ГЭ, б/№].

Всякий, кто занимается историей, знает, что рядом с общей историей мира, страны или отдельного города разворачиваются истории отдельных людей, отдельных семей. Иногда именно из них слагаются отдельные раз-

дела большой истории. Но «личные» истории бывают известны или малоизвестны, но зачастую они остаются потомкам неизвестными совсем. Все в конечном итоге зависит от сохранения документальных свидетельств о существовании этих людей и семей.

А.В. Орешников как историк прекрасно это осознал. В Отделе письменных источников ГИМ хранится его огромный личный фонд, важнейшей частью которого являются его дневники и обширная переписка (ОПИ ГИМ. Ф. 136).

В 1955 г. в Государственном историческом музее отмечалось 100-летие со дня рождения А.В. Орешникова. Несколько месяцев функционировала выставка, посвященная юбилею. В его память были изданы два «Нумизматических сборника». Один из них содержал исследование по русской нумизматике [Нумизматический сборник, 1955], второй — по античной нумизматике [Нумизматический сборник, 1957]. Благодаря тому что в музее имя Орешникова всегда было окружено большим уважением, у музейных сотрудников с родственниками Алексея Васильевича сложились вполне доверительные отношения. Именно поэтому накануне празднования юбилея старшая дочь Алексея Васильевича, Татьяна Полиевктова, передала на постоянное хранение в Исторический музей самое ценное из наследия отца — его дневник, представляющий собой 14 тетрадных блоков и блокнотов.

Уже тогда музейным сотрудникам стала очевидна огромная научная значимость записей Орешникова и необходимость издания дневника. Однако прошло более полувека, прежде чем их удалось опубликовать в полном объеме в виде двухтомного академического издания. Это многолетнее исследование подготовлено коллективом сотрудников Отдела письменных источников ГИМ и Института археологии РАН [Орешников, 2010; 2011]. В 2013 г. издание удостоено премии им. И.Е. Забелина.

Алексей Васильевич ежедневно вел свой дневник на протяжении более 18 лет. Первая запись сделана 1 января 1915 г., а оборвались записи 28 февраля 1933 г., за месяц до его смерти. За это время ему довелось стать очевидцем событий периода Первой мировой войны, двух революций 1917 г. и Гражданской войны, политики военного коммунизма и НЭПа, коллективизации, внутрипартийной борьбы большевиков, гонений советского государства на Церковь и преследования старой интеллигенции. Записи Орешникова оказались редчайшим источником по истории Государственного исторического музея, по истории российской науки в послереволюционный период, по истории России в целом. Хроника событий, охваченных Орешниковым за период ведения дневника, не имеет себе равных, и читается этот дневник как захватывающее художественное произведение.

После издания дневника наиболее обширной и наиболее важной частью архива Орешникова остаются письма его многочисленных корреспондентов — нумизматов, археологов, историков, музейных работни-

ков, коллекционеров. Именно письма (а не рукописи научных трудов, хотя в научном багаже Орешникова имеется более 100 печатных работ) составляют основу его архива. Из 135 единиц хранения его фонда 72 единицы, то есть более половины, — письма. Очевидно, это не случайность. Алексей Васильевич, в начале 1920-х гг. задумавший и начавший составлять словарь русских нумизматов (словарь не издан, материалы к нему хранятся в личном фонде А.В. Орешникова в ОПИ ГИМ), прекрасно понимал ценность писем для истории отечественной науки. Он бережно хранил их, а когда тяжелые бытовые условия советского времени, уплотнения, кражи книг и имущества новыми жильцами (что ярко описано им на страницах дневника) стали угрожать целостности архива, сам передал его в музей. Как свидетельствуют записи в книге поступлений ГИМ, Орешников официально передал в отдел архива (так назывался тогда ОПИ) первую часть писем в 1925 г. Другая часть была записана в главную инвентарную книгу 20 апреля 1933 г., спустя две недели после его смерти. По-видимому, к тому времени они уже хранились в рабочем кабинете Орешникова, либо он распорядился перед смертью, не мешкая, передать остатки своего архива в музей. Именно так после смерти Алексея Васильевича все письма его корреспондентов оказались в ОПИ ГИМ.

Корреспонденция охватывает полувековой период: с начала 1880-х по начало 1930-х гг. В ней затронуты многие стороны формирования частных и государственных коллекций монет и других древностей, становления и развития отечественной нумизматики Северного Причерноморья и русской нумизматики в конце XIX — начале XX в. Письма корреспондентов А.В. Орешникова являются ценнейшими свидетельствами многообразной деятельности сотрудников государственных музеев (главным образом, ГИМ и Эрмитажа) в переломные для русской истории послереволюционные годы, содержат уникальные сведения о судьбе многих отчужденных частных коллекций античных и средневековых монет, печатей, предметов прикладного искусства и быта, а также о судьбах их первоначальных владельцев.

Осознавая особую значимость этого эпистолярного наследия, коллектив сотрудников ГИМ и Института археологии РАН уже несколько лет работает над подготовкой важнейшей его части к изданию. Этот научный проект называется «А.В. Орешников и его корреспонденты» и выполняется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

Круг научных знакомств А.В. Орешникова был очень широк. Его личный фонд хранит письма более 500 отечественных и зарубежных корреспондентов. В количественном отношении их письма насчитывают более 9000 листов (для сравнения отмечу, что уже упоминавшийся дневник Орешникова, изданный в двух томах, составляет чуть более 1000 листов).

Список корреспондентов Орешникова, чьих писем сохранилось от нескольких десятков до сотни и более, насчитывает более 50 человек. В их числе москвичи (И.Е. Забелин, П.В. Зубов, А.А. Карзинкин, А.М. Подшивалов,

В.К. Трутовский, графиня П.С. Уварова, И.В. Цветаев, С.И. Чижов, А.Н. Шварц), петербуржцы (Н.П. Бауер, Х.Х. Гиль, С.А. Жебелев, А.Н. Зограф, А.А. Ильин, В.В. Латышев, Н.П. Лихачев, А.К. Марков, М.И. Ростовцев, А.А. Сиверс, Я.И. Смирнов, В.Г. Тизенгаузен, граф И.И. Толстой), киевляне (К.В. Болсуновский, В.Е. Данилевич, Н.Е. Макаренко, Н.П. Чернев, В.А. Шугаевский). Переписывался Орешников с коллегами из Северо-Западной и Центральной России (А.И. Анисимовым, А.К. Жизневским, Н.Г. Порфиридовым, А.И. Черепниным), Юга России и Крыма (А.Л. Бертье-Делагардом, П.О. Бурачковым, К.К. Косцюшко-Валюжиничем, А.А. Левенстимом, Е.Е. Люценко, А.И. Маркевичем, О.Ф. Ретовским, В.В. Шкорпиллом) а также с иностранными нумизматами (М. Барфельдтом, В. Вротом, Х. Дреселем, Ф. Имхоф-Блюмером, Э.Х. Миннзом, Е. Фиалой, Г. Хиллом).

Публикация предполагает взаимную переписку, но письма самого А.В. Орешникова рассредоточены по многим городам. В нескольких архивах России, Украины и дальнего зарубежья они уже выявлены и в большинстве скопированы. Однако архивные поиски показали, что фонд эпистолярного наследия Алексея Васильевича в значительной степени не сохранился. О какой-то полноте переписки можно говорить лишь в отношении А.Л. Бертье-Делагарда, Х.Х. Гиля, И.Е. Забелина, А.Н. Зографа, А.А. Ильина, Н.П. Лихачева, А.К. Маркова, графа И.И. Толстого, графини П.С. Уваровой, английского археолога Э.Х. Миннза. К сожалению, очень мало писем Орешникова имеется в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. К примеру, в фонде академика В.В. Латышева имеется лишь 4 его письма, а в фонде академика С.А. Жебелева — только одно письмо. И это притом, что переписка с ними была многолетней и активной.

Для издания переписки А.В. Орешникова отбирается наиболее важная часть этого богатейшего источника по истории русской науки последней четверти XIX — первой трети XX в. Предпочтение будет заведомо отдаваться эпистолярным комплексам перед случайными корреспондентами (в особенности если сохранились письма самого Орешникова). Это и понятно: долгая переписка завязывалась у него с крупными исследователями в области нумизматики и археологии. С ними, как с добрыми знакомыми, часто более чем коллегами — приятелями и друзьями, Орешников в письмах вел беседу не только на сугубо научные, но и на общественные и «домашние» темы.

В итоге работы будет подготовлена к изданию переписка А.В. Орешникова с 50—60 русскими и иностранными корреспондентами. Общий объем текста писем и комментариев к ним составит не менее 150 печ. л. Издание этого материала займет 5—6 книг, состав которых будет сформирован по хронологии и основным научным темам: античная нумизматика и археология Северного Причерноморья, русская нумизматика, сфрагистика, отечественная история.

Переписка А.В. Орешникова затрагивает большой срез научной, общественной и культурной жизни предреволюционной и послереволюционной

России. Введение ее в научный оборот послужит важным источником для изучения коллекционерской, музейной и научной жизни его времени.

Вся подвижническая жизнь А.В. Орешникова, отданная Историческому музею, была посвящена поискам и изучению материальных и письменных источников по истории России. И именно на музеи он возлагал надежды по сохранению этих источников. Благодаря самоотверженному труду таких музейных работников, как Орешников, на протяжении XX в. в Государственном историческом музее и других музеях страны собраны замечательные коллекции, изучение которых давало, дает и будет давать возможность многим поколениям исследователей воссоздавать прошлое нашей страны. Именно в этом следует видеть роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. Документальное наследие А.В. Орешникова, сохраненное в стенах Государственного исторического музея, подтверждает это заключение со всей очевидностью.

Библиография

Нумизматический сборник / Под ред. А.А. Сиверса. Ч. I, вып. 25. М., 1955. 183 с. (Труды ГИМ).

Нумизматический сборник / Под ред. Д.Б. Шелова. Ч. II, вып. 26. М., 1957. 143 с. (Труды ГИМ).

Орешников А.В. Дневник. 1915–1933: в 2 кн. Кн. 5–1924. Кн. 2: 1925–1933 / Отв. ред. П.Г. Гайдуков; сост. и авторы коммент. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. М.: Наука, 2010. (Серия: Научное наследство. Т. 34).

УДК 930.25

О.А. Сиротина, О.А. Siroтина

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА МАТЕРИАЛЫ СЕМЕЙНЫХ И ЛИЧНЫХ АРХИВОВ. ИЗ ОПЫТА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОНДА УВАРОВЫХ В СОБРАНИИ ГИМ

Historiographical Perspective on Documentation in Personal and Family Archives. Scientific Use of the Uvarov Family Archive in SHM

Аннотация: в статье дается общий историографический обзор семейного фонда Уваровых, хранящегося в отделе письменных источников Государственного исторического музея. Почти столетняя история исследовательской востребован-

ности фонда делится на несколько хронологических этапов, на основании чего прослеживается динамика интереса к архиву. Анализируется тематика исследовательских запросов и выделяется круг учреждений, представители которых работали с материалами фонда.

Abstract: The article offers a general historiographical review of the Uvarov family archive in the Archive and Manuscript Collection of The State Historical Museum. Almost a century-long history of the use of the Uvarov archive in scientific research is divided into several periods to trace the changes in researchers' interest in the archive throughout the studied period. The article also provides a qualitative analysis of the archive enquiries and identifies the institutions that have used the archive.

Ключевые слова: историческая наука, историография, музееведение, Государственный исторический музей, отдел письменных источников, семейный фонд, Уваровы, учетная документация, проблематика.

Keywords: historical science, historiography, museology, The State Historical Museum, Archive and Manuscript Collection, Family archive, The Uvarov family, records, problems.

Судьба любого архива включает историю его научного использования. Конечно, каждый специалист, ориентированный в проблемной историографии, понимает значение архивных комплексов, входящих в источниковую базу соответствующих исследований. И если даже исследователь не представляет общую документальную систему, служащую источником информации, он смело может назвать проблематику, которая привела его к конкретному архивному комплексу. До сих пор остается нереализованной возможность историографического изучения архивных фондов. Вместе с тем именно система учета музеев и архивов позволяет установить масштабы и характер научного использования архивного фонда.

Любое научное исследование начинается с установления историографии проблемы. А проблемный историографический взгляд на опыт предшественников в первую очередь предполагает вычленение источниковых комплексов, уже введенных в научный оборот с выявлением круга архивных фондов, синхронных научной проблеме. Это традиционный и хорошо известный в науке подход.

Научно-исследовательское использование материалов архива Уваровых, хранящегося в отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), дает основания для разработки методов историографического подхода к материалам семейных и личных архивов. При этом архивный фонд как объект анализа должен удовлетворять определенным требованиям. Это должен быть сложившийся естественным образом достаточный по объему фонд, с разнообразным по тематике составом материалов, имеющий широкие хронологические рамки. При наличии этих условий можно собрать массовые, представительные материалы историографического характера.

ОПИ ГИМ является крупнейшим музейным архивохранилищем в России. По данным на 1 января 2015 г., в отделе хранится 561 фонд общим объемом 83 032 архивные единицы хранения. Подавляющее большинство (403 фонда, почти три четверти от общего объема хранящегося) составляют фонды личного и семейного происхождения.

Фондовые материалы отдела находились и находятся в поле пристального исследовательского интереса. Ежегодно читальный зал ОПИ принимает более 1000 исследователей. И среди всего многообразия запросов одними из наиболее востребованных являются материалы фонда Уваровых. Значительный по объему фонд (1706 обработанных архивных единиц хранения) включает в себя не только семейный архив, но и коллекцию документальных памятников, собранных Уваровыми.

Исходя из исследовательского интереса к фонду, можно поставить ряд вопросов. Какова проблематика, в связи с изучением которой исследователи обращались к фонду, представители каких учреждений работали с его материалами, выделяются ли периоды увеличения и снижения внимания к фонду? Получение информации по этим вопросам в дальнейшем позволит встроить архивный фонд в историографическую научную практику.

Воссоздать историографическую картину использования фонда можно с помощью данных служебной учетной документации, фиксирующей обращения исследователей к фондовым материалам: картотеки использования фонда; журналов выдачи единиц хранения посетителям читального зала; картотеки исследователей и анкет исследователей.

Формы учета обращений исследователей к материалам архива Уваровых менялись. Картотека использования фондов велась сотрудниками отдела с 1920-х гг. В карточки заносились следующие данные: ФИО исследователя, учреждение, которое его командировало, тема исследования, выданные единицы хранения, дата. Но это идеальная ситуация. При изучении всей картотеки наблюдаем самые разные отклонения от «формуляра». Так, в первой карточке, содержащей четыре записи за 1927–1929 гг., сведения о выданных материалах отсутствуют. Кроме того, вплоть до завершения составления описи фонда Уваровых в графе «единицы хранения» фиксировались учетные номера документов, т. е. номер по Главной инвентарной книге (№ ГИМ), по Книге поступлений в отдел (№ арх.), по номерам картонов (материалы коллекции) и по частично сохранившимся коллекционным описям. Материалы фонда хранились в пронумерованных связках, поэтому часто указывались и порядковые номера связок.

Следует иметь в виду, что научно-техническое описание фонда Уваровых проводилось поэтапно. К 1959 г. научные сотрудники систематизировали архив Сергея Семеновича Уварова, составив рукописную опись на 143 единицы хранения. Впоследствии она стала частью первой описи уваровского фонда с сохранением первоначальной нумерации единиц хра-

нения с 1 по 143. Систематизация всего объема материалов и окончательное составление описей на семейный архив и документальную коллекцию завершились лишь в 1977 г., а в 1982 г. фонд дорабатывался и была сформирована дополнительная третья опись.

Журналы выдачи единиц хранения посетителям читального зала ОПИ ГИМ сохранились с 1983 г. и ведутся до настоящего времени. В журнале под подпись посетителя фиксируются дата выдачи документов, номера фонда, описи выданных единиц, фамилия исследователя, дата сброса дел с подписью сотрудника читального зала. В журналах отсутствует информация о теме исследования. Встает задача восполнения отсутствующих сведений. Для этого были использованы анкеты исследователей и служебная картотека исследователей.

Заполнение анкет посетителями при первом посещении читального зала стало обязательным с конца 1970-х гг. В анкете указываются сведения личного и служебного характера: ФИО, паспортные данные, место работы, домашние и служебные адреса и телефоны, образование, ученая степень, тема и хронологические рамки исследования. Как видим, заполняемая посетителем анкета имеет координирующий набор личных и научных сведений.

Кроме анкет интерес представляет «Служебная картотека исследователей», которая ведется в отделе с конца 1920-х гг. В нее заносятся следующие сведения: ФИО исследователя, название учреждения, тема, год обращения к материалам архивного фонда. Первоначально в служебную картотеку заносились лишь ФИО исследователя и год посещения. В дальнейшем карточки стали дополняться информацией о темах и о представляемых учреждениях.

Все перечисленные формы учетной документации не только дублируют, но и дополняют друг друга. При систематизации информации учетной документации необходимо учитывать ряд обстоятельств. Уже из первичных документов учета видно, что в определенные периоды фонд Уваровых совсем не запрашивался или выдавался единично. Это период с 1941 по 1945 гг., когда коллекции музея были упакованы и частично эвакуированы из Москвы. Затем следует обратить внимание на период 1975—1977 г., когда в ОПИ проходила сверка и отдел был закрыт для приема посетителей. Нет сведений об использовании фонда в 1984—1988 гг. Это объясняется тем, что с 1984 г. в связи с подготовкой к капитальному ремонту музея в отделе началась упаковка коллекции, а в 1987 г. состоялся переезд в Измайлово, где через два года был возобновлен прием посетителей. Со второй половины 2010 г. отдел вновь закрылся для исследователей в связи с упаковкой и переездом в здание бывшей городской думы, где 10 апреля 2012 г. был открыт новый читальный зал. Не совсем ясно, почему отсутствует информация за 1929—1935 гг. Возможно, карточки за этот период были утеряны.

В итоге в нашем распоряжении имеются массовые сведения об опыте обращения к материалам архивного фонда Уваровых. Встает задача общения информации материалов первичного учета исследовательской практики использования материалов архива Уваровых. Конечно, в первичных материалах есть отдельные лакуны, имеются и утраты учетной документации. Но в целом в нашем распоряжении оказывается достоверная массовая информация о масштабах научного использования этого архива.

По полученным данным автором составлена сводная итоговая таблица обращений исследователей к материалам уваровского фонда. Единицей учета в этой статистической совокупности является единичное исследовательское обращение к архивному комплексу. Формуляр таблицы заполнялся по следующим параметрам: ФИО исследователя, обратившегося к архивному фонду Уваровых, название учреждения, направившего исследователя, тема исследования и год посещения читального зала. Если исследователь несколько лет работал с материалами фонда без изменения темы, указывался первый год обращения к фонду. При изменении темы делалась отдельная запись. Если менялось учреждение, но тема оставалась прежней, названия всех учреждений давались в одной ячейке через точку с запятой. При совместной работе разных исследователей над одной темой создавались отдельные строки с повтором темы. При работе с фондами сотрудников ГИМ цель исследования не всегда указана, в этих случаях соответствующая колонка оставалась незаполненной.

С учетом всех нюансов в итоговой таблице представлено 667 обращений исследователей. Последние данные относятся к июню 2014 г., перед закрытием читального зала на летние каникулы.

№ п/п	ФИО	Учреждение	Тема	Год
1	Андреев А.И.	Историко-археологическая комиссия АН СССР (г. Ленинград)	Из собрания Уварова – акты	1927
2	Лебедева В.И.	ГИМ. Хранитель отд. Византийских	Мраморные фрагменты древностей из Херсонеса	1927
3	Черепнин Л.В.	Ин-т истории	Грамоты и указы из собр. Уваровых	1927
664	Правилова Е.А.	Принстонский ун-т, США	Национализм, политика, археология в России XIX – нач. XX в.	2014
665	Сорока М.Е.	Ун-т Западного Онтарио (Канада)	Великие реформы Александра II	2014
666	Филиппова Е.И.	Археологическая комиссия РАН	История церквей Суздалья XVII–XIX вв.	2014
667	Чегемов К.	ГИМ, П э/о		2014

Для отслеживания динамики обращений к фонду полученную совокупность логично разделить по хронологическому принципу, отдельно выделив довоенный период, а с 1945 г. рассматривать обращения по десятилетиям.

Довоенный и военный периоды обозначены в 4 % общего числа обращений. Как уже отмечалось, первое учтенное обращение относится к 1927 г. В этом году к фонду обращались 3 раза, в 1928 г. — 4 раза, в 1929 г. — 1 раз. В 1935 г., после значительного перерыва, фонд заинтересовал исследователей 7 раз. Затем, в 1936 и 1937 гг., к его материалам обращались по 2 раза в год, в 1939 г. фонд использовался 3 раза, в 1940—1941 гг. — 6 раз. Таким образом, довоенные обращения к фонду Уваровых суммарно составили 28 раз. Количество обращений явно невелико.

Оценивая проблематику исторических исследований, по которым поступали заявки в предвоенное десятилетие, понимаем, что многие темы возникали на пересечении общенаучных интересов и возможностей конкретного архива. Анализируя результаты, видим, что первый и самый важный интерес инициировался актовыми материалами, хранившимися в составе фонда Уваровых. Так, Л.В. Черепнин одним из первых обратился к документам фонда в 1927 г. в связи с изучением «Грамот и указов из собрания Уваровых», 10 лет спустя музей посетил В.Е. Сыроечковский, работая над темой «Акты X—XV вв.».

Ряд тем связан со ставшей впоследствии традиционной археологической проблематикой. Известный археолог, а в 1939 г. молодой исследователь, А.Л. Монгайт работал с фондом в связи с изучением истории военного дела в Московском государстве.

Настойчиво представители разных научных направлений искали автографы, источники личного происхождения: письма Л.Н. Толстого, А.И. Герцена. Исследователь из Академии наук Украинской ССР проявил интерес к хозяйственным документам гетмана К.Г. Разумовского, а сотрудник редакции «ИЗОГИЗ» в 1937 г. выявлял в фонде материалы по теме «Евреи СССР Биробиджан».

Послевоенное десятилетие обозначено постепенным нарастанием интереса к фонду Уваровых. На этот период приходится 7,5 % обращений от общего их числа: в 1945 г. — 3 обращения; в 1946 и 1947 гг. — по 5 обращений; в 1948 и 1949 гг. — по 6; в 1950 г. — 1; в 1951 г. — 7; в 1952 г. — 6; в 1953 г. — 2; в 1954 г. — 4, в 1955 г. — 6. Резкого возрастания интереса к фонду не наблюдалось. Движение носило равномерный и постепенный характер.

Наибольшее число запросов продолжало поступать из различных подразделений Академии наук: Института истории, Института литературы, Института истории грузинской литературы, Института истории искусств, Института истории естествознания и техники, Института археологии, Астрономического совета. Вузовская наука не отставала от Академии

наук: исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, ЛГУ им. А.А. Жданова, Академия им. М.В. Фрунзе, Историко-архивный институт, Московский городской педагогический институт им. В.П. Потемкина, Московский областной педагогический институт, Московский нефтяной институт (Комиссия по истории техники), Воронежский педагогический институт, Казанский государственный ветеринарный институт. Как видим, в изучение исторической проблематики продолжают включаться технические и военные вузы.

Мы наблюдаем известную активизацию деятельности музейных, библиотечных и архивных работников. Заявки на исследования поступают от ЦГАДА, Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, из Останкинского музея, из Суздальского исторического музея, из Артиллерийского музея. С фондами работают и сотрудники ГИМ.

По-прежнему к материалам фонда обращаются издательства: «Литературное наследие», Издательство художественной литературы. Темы, которые они объявляют к изучению, в ряде случаев выпадают из общего исследовательского контекста. Это, к примеру, такие темы: «Балет пушкинской эпохи», «Современники о Белинском».

Обращаясь к исследовательской проблематике, видим явное усиление интереса к военной истории, что вполне соответствует контексту эпохи. В фондах работает известный специалист по военной истории Л.Г. Бескровный, занятый в то время историей русской армии XVIII в. Историки проявили интерес к Русско-шведской войне 1788–1790 гг., истории отечественной артиллерии.

Многое, как и всегда, определялось личным интересом историка. Проступает устойчивый интерес и к революционной проблематике. В 1954 г. с фондом работал знаток революционного движения в России И.А. Федосов.

Традиционное внимание демонстрируют исследователи к актовым источникам, хранящимся в фонде Уваровых. Устойчивость сохраняет и проблематика, связанная с промышленной археологией. Она смещается в историю научной и производственной традиции, материальной культуры: история физиологии в Московском университете, отечественная астрономия, история переработки жиров в России, история оружия, артиллерийское и оружейное производство, история нефтяного дела в России, пушечный двор и т. д. Так, И.Э. Грабарь интересовался материалами фонда по теме «История цейхгауза».

Нельзя не отметить и развития проблематики, определяемой теорией социально-экономической формации. Это заявки на исследование мануфактуры, промышленности городов, крепостного хозяйства, феодального землевладения, помещичьего и крестьянского хозяйства, история феодального иммунитета, служилая кабала и кабальное хозяйство.

Среди тем, заявленных историками, есть темы историографические, методические и источниковедческие: палеография русской книжности,

история отечественного востоковедения, источниковедение Сибирских летописей, жалованные грамоты и др.

На следующее десятилетие, 1956—1965 гг., приходится 62 обращения, что составляет 9% общего числа исследовательских заявок. Констатируем факт нарастания интереса к фонду Уваровых. Внутри десятилетия известный пик обращений приходится на 1960 г. Потом наступил некоторый спад, продолжившийся и на следующем временном отрезке. Отметим, что конец 1950-х — начало 1960-х гг. вообще характеризуется ростом научной исследовательской активности историков, проявившейся и в росте числа дискуссий по ключевым вопросам истории России.

Пожалуй, новым явлением можно считать обращение к материалам фонда Уваровых иностранных ученых. Это расширяет и круг учреждений, обозначивших свой интерес к фонду. Так, ученый из Румынии Х. Кирка представлял Институт истории Румынской академии наук. Заявленная им тема носит самый общий характер: «Русско-румынские отношения». Интересна тема Р. Бейкера, командированного от Ленинградского государственного университета, звучащая в традициях старой дореволюционной историко-филологической науки: «Глагольная система древнерусского языка».

Следует отметить и дальнейшее развитие междисциплинарных подходов к анализу исторического опыта. Уже не только академические ученые, работники высшей школы, издатели, музейщики, искусствоведы, военные, но и архитекторы, реставраторы, инженеры начинают заниматься историческими исследованиями. Так, инженер «Гипроэнергопрома» исследует историю военной техники, пенсионер интересуется «Литовским статутом».

Проблематика в целом продолжает уже знакомые направления — это разработка проблем, определяемых теорией социально-экономических формаций: генезис капитализма в России, славяне накануне образования древнерусского государства, монастырское землевладение, монастырское крестьянство, социально-экономические отношения на Дону, служилое холопство. Кроме общих, возникают и более конкретные темы. Это в том числе темы, связанные с историей Спасо-Евфимьевского монастыря, развитием чугуноплавильных и чугунолитейных заводов в XVII—XVIII вв., историей Нижнего Новгорода. Очевидно нарастание интереса к теме социальных конфликтов: восстание Пугачева, классовая борьба и раскол, крестьянские войны, крестьянские движения в связи с реформой 1861 г.

Появилось много заявок, адресованных конкретным документам фонда: материалы о А.С. Грибоедове, А.Н. Радищеве и масонстве, «Колоколе» А.И. Герцена, об истории усадьбы Порече, принадлежавшей Уваровым. Сохраняется традиционный интерес к актовым материалам, хранящимся в фонде. Запросы на материалы по промышленной археологии постепенно вытесняются темами, связанными с историей живописи,

ее отдельных жанров, с реставрацией архитектурных памятников, историей иконописи, что приближает пользователей к уникальным материалам, хранящимся в фонде, выявляет его уникальность.

За 1966—1975 гг. к фонду Уваровых обращались 70 раз (10% всех обращений). Пик интереса приходится на 1973 г. Рубеж 1960—1970-х гг. оказался плодотворным для введения материалов архивного фонда Уваровых в научный оборот, что не должно нас удивлять: ведь это было время бурного развития исторической науки. Социально-экономическая проблематика, связанная с общими проблемами теории формаций, постепенно отступает на второй план. Явно сократились и заявки, формулировавшиеся в парадигме классовой борьбы. Впервые был проявлен конкретный интерес к биографии С.С. Уварова; запрос поступил от Нью-Йоркского университета. К теме теории «Официальной народности» в связи с фигурой Уварова обратились отечественные специалисты. Бросается в глаза значительное увеличение числа запросов, связанных с археологией, раскопками, отдельными памятниками архитектуры. Темы различны: история раскопок Херсонеса, владимирские курганы, греко-римская археология, финно-угорские элементы в древнерусских курганах, археологическая карта Енисея, сведения по раскопкам Енисейской губернии и т. п. Впервые прозвучала конкретная и важная для фонда Уваровых тема Московского археологического общества. Также впервые обратились историки и к теме, естественной для фонда Уваровых, — к истории народного образования.

Следующее десятилетие — 103 обращения (примерно 15% общего числа заявок). Пик обращений приходится на 1979—1983 гг. Причем в 1979 г. к фонду обращались 22 раза. Примерно столько же обращений было в 1983 г.

Расширение географии исследовательского интереса к истории России налицо. Это интерес зарубежных исследователей из Гарвардского университета, Института литературоведения Болгарской АН, Института истории города Белграда, Французской академии наук, Берлинского института истории и литературы ГДР.

Одновременно разнообразится география отечественного интереса к материалам фонда и истории России. Продолжается и даже нарастает активность сотрудников Херсонесского историко-археологического музея, Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Поступают запросы из Новосибирского государственного университета, Новосибирской государственной консерватории, из АН Грузинской ССР, Запорожского педагогического института, Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского, Чечено-Ингушского государственного университета, Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР, Барнаульского педагогического института, Иркутского университета. Значительный интерес к материалам фонда Уваровых проявился у музейных работников, предста-

вителей мира архитекторов и реставраторов. Заметен интерес к усадебной культуре. Темы социально-экономические, «формационные» уходят на второй план. Из нового следует отметить поиск материалов по персоналиям. Но если на предшествующих этапах это был интерес к А.Н. Радищеву, В.Г. Белинскому, А.С. Грибоедову, А.И. Герцену, самому С.С. Уварову, то теперь историки ведут поиск документов менее знакомых, но более важных для отдельных отраслей исторического научного и национального культурного опыта личностей. Таких, например, как С.И. Гуляев, привлекающий внимание кругом своих контактов, фотограф и путешественник Д.И. Ермаков, М.Н. Муравьев, В.М. Васнецов, композитор М.С. Березовский, Д.Н. Анучин, Н.К. Рерих, П.М. Третьяков, Ф.И. Тютчев и др. Проступает интерес к корреспондентским связям фондообразователей, что свидетельствует о возрастании значения личного фактора в истории и содействует реабилитации незаслуженно забытых имен. Интерес к промышленной археологии еле заметен, например, в таких темах, как «История зарождения крепких напитков и участие их в отечественных и зарубежных выставках» или «История арфы в России конца XVIII – XIX в.». Зато последовательно расширяется интерес к археологии, истории реставрации памятников: раскопки Херсонеса, курганы Волго-Клязьминского междуречья, Космодемьянская церковь в Муроме, скульптура средневековых кочевников, градостроительство Нижнего Новгорода, каменные бабы Юга России, резной декор XVII–XVIII вв., история археологического изучения Сибири.

Расширяется и общая историческая проблематика, заявленная читателями архива: крупный капитал Сибири, крестьянство России, дворянство России, интеллигенция в России, музыкальная культура России, промысловые села, становление отечественной археологии и т. д. От изучения закономерностей развития формаций историки переходят к общим темам, характерным для теории культурно-исторических типов.

В 1986–1995 г. 265 раз подавались заявки на работу с документами фонда Уваровых (порядка 40% обращений за все годы). На сегодняшний день это – доминирующий период в использовании материалов фонда. Число обращений к фонду в отдельные годы увеличивалось многократно: в 1989 г. их было 17, в 1990 г. – 26, в 1991 г. – 25.

Широк круг учреждений, проявивших интерес к исторической проблематике. Это уже знакомые по прошлым периодам институты АН СССР, республиканские академические центры Молдавии, Белоруссии. Среди пользователей фонда представлена университетская наука, в первую очередь МГУ им. М.В. Ломоносова. Следует упомянуть также Уральский, Чечено-Ингушский, Ленинградский, Ярославский, Стенфордский, Нотр-Дамский (США) университеты, Университет Западной Бретани (г. Брест, Франция), Кишиневский и Брянский государственные университеты, РГГУ. Видим, что появляются новые университетские центры,

обновляются международные связи. Высшая школа лидирует по числу исследовательских заявок. Кроме университетов активность проявляют высшие учебные заведения педагогического профиля, реже — технические и естественно-научные учебные заведения.

Бросается в глаза повышенный интерес к краеведению, региональной истории, реставрации памятников архитектуры. Проявляется исследовательская активность музейных работников. Тематика, как правило, определялась профилем музея, его практическими планами и задачами. Это — интерес к персоналиям («Остафьево в жизни и деятельности Е.П. Шереметевой»), к усадебной культуре («История усадеб и монастырей Подмосковья», «Русские усадьбы», «Лесное хозяйство К.Ф. Тюрмер», «Усадебные портретные галереи»), к истории города («История города Муром и уезда») и т. д.

За анализируемый временной интервал было много обращений к фонду Уваровых в связи с историей самой семьи, отдельных ее членов, а также в связи с кругом интересов фондообразователей в целом: темы «Сбор материалов по усадьбе Поречье Уваровых», «Деятельность Министерства народного просвещения в 30-е — 40-е годы XIX в.», «Теория официальной народности в прессе в XIX в.», «Реставрация пейзажного парка в Поречье», «Уваров и Погодин», «Полевые дневники раскопок А.С. Уварова», «П.С. Уварова и ее деятельность по охране памятников древности 1864—1917 гг.», «Фотодокументы архива Уваровых», «Усадьба Уваровых Карачарово», «Деревянные вещи из собрания Уваровых», «Частный музей графов Уваровых в имении в Поречье», «Коллекция мелкого литья графа А.С. Уварова», «А.С. Уваров и Владимирский край» и др.

Значительный объем заявок приходится на историографические темы, в том числе историографию археологии, на темы, связанные с историей археологии, отдельных памятников археологии и экспедиций, с историей Московского археологического общества. Появились совершенно новые темы, связанные с религиозным возрождением: «Марфо-Мариинская обитель милосердия», «Православные храмы Москвы и Владимирской губернии» и др.; запросы поступают в первую очередь от архивных отделов епархий.

Последний, почти 20-летний, период сознательно объединен, чтобы оценить его как целое. В современных условиях интерес к фонду затормозился. 1996—2005 гг. обозначены 119 обращениями, что составляет 18% общего числа обращений. Пик приходится на 1998 и 2004 гг. Последнее десятилетие, с 2006 г. по наши дни, — 88 обращений (немногим более 13%).

Бросается в глаза тот факт, что традиционные научные центры — университеты (в первую очередь МГУ имени М.В. Ломоносова), академические центры — отступили на второй план. Среди тех учреждений, которые

направляли запросы на материалы фонда Уваровых, доминируют музеи, архивы, ВООПИК, издательства, богословские центры, епархии, средние школы. Налицо демократизация круга «потребителей». Одновременно меняется проблематика запросов. Значительное число требований связано с изучением памятников истории, монастырей, религиозных центров. Популярной стала культурологическая проблематика. Проявился гендерный взгляд. Во многих темах доминирует принцип конкретности — так свой пафос обнаруживает микроистория.

Продолжается научный поиск и в таких направлениях, как история образования, история храмов и монастырей, русская литература, становление и развитие науки, историография, источниковедение, усадебная культура, музейная культура и архитектурная традиция, село и его контекст, границы поселений и взаимодействие хозяйствующих субъектов, мasons и религиозные искания.

Нельзя не отметить ряд тем, адресованных личному и интеллектуальному миру выдающихся деятелей России: это сами Уваровы, А.К. Толстой, Ф. Шеллинг, археологи И.П. Машков, А.В. Прахов и В.А. Городцов, Рерихи, В. Гумбольдт, архитекторы С.У. Соловьев и Н.В. Султанов, семья Маковских и т. д. Не будем искать сложного объяснения довольно простого историографического явления: историков интересуют новые имена в археологии, историографии, истории, архитектуре. Это лица как первого, так и второго эшелона. Наука возвращается к личности в истории, но многолетняя дезорганизация биографических и генеалогических подходов рождает и пробный характер заявок и тем. Они то очень широкие («Шереметевы», «Рерихи», «Перовские и их окружение»), то очень узкие («Село Иваново»).

Подводя итог краткому историографический обзору фонда Уваровых, можно сделать вывод, что исследовательский интерес к фонду с момента первого обращения нарастал постепенно, достигнув пика к рубежу 1980—1990-х гг., после которого наблюдается спад. Это, а также изменение тематики обращений, расширение и некоторое изменение круга исследовательских учреждений отражают основные особенности развития отечественной исторической науки. Несмотря на возрастание количества обращений к фонду, они во многом приобретают все более и более поверхностный характер. Фонд известен, фонд активен в пользовательском смысле и зачастую пассивен в смысле отдачи своих материалов.

В заключение подчеркнем, что историографического рассмотрения ожидают многие личные и семейные архивы и даже группы архивов. Взгляд на архивный фонд с историографической точки зрения поможет исследователям лучше ориентироваться в многообразии источников, содержащихся в фонде, больше опираться на опыт исследователей, обращавшихся к фонду ранее.

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ФОТОДОКУМЕНТОВ
КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ
ФОТОГРАФИЙ ФОНДОВО-ЭКСПОЗИЦИОННОГО
ОТДЕЛА ГИМ «МУЗЕЙ В.И. ЛЕНИНА»)**

**The Relatively Unknown Photographic Collections
as an Informational Source of the Historical Science
(for Example the Photographic Collection of State Historical
Museum' Division «The Museum of Lenin»)**

Аннотация: для полноценного исследования отечественного фотодокументального наследия необходимо представление обо всех фотографических коллекциях, аккумулированных в собраниях архивов, музеев и библиотек РФ. Также исследователю необходимо понимание особенностей данных коллекций, знание их основных характеристик. Вышесказанное особенно актуально для коллекций сравнительно малоизвестных, поэтому данная статья посвящена особенностям одной из подобных коллекций — коллекции фотографий фондово-экспозиционного отдела ГИМ «Музей В.И. Ленина».

Abstract: For a full study of the domestic photo documentary heritage must submit all photographic collections accumulated in the collections of archives, museums and libraries of the RF. The researcher also needs to understand the characteristics of all these collections, knowledge of their basic characteristics. This is especially true for relatively unknown collections, so this article is about the characteristics of one of such collections — the photographic collection of State Historical Museum' division «The museum of Lenin».

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, исторический источник, коллекция фотодокументов, исследование фотографии, музей В.И. Ленина, советский фоторепортаж, семейный фотоархив, фотоальбом, представительский подарок.

Keywords: historical source, photographic collection, photographic research, museum of Lenin, soviet photo report, family photographic archive, photographic album, executive gift, the publishing of photo documents.

У фотографии как объекта хранения есть свои немаловажные особенности. Во-первых, практически в равной степени она является объектом хранения и исследования для архивов, музеев и библиотек РФ. С одной стороны, это обеспечивает разнообразие подходов к исследованию этого вида памятников, а с другой — требует высокой степени научной коммуникации по данному вопросу, чтобы, к примеру, труды архивистов не оста-

лись неизвестными для музейщиков, и наоборот. Во-вторых, существуют три вида памятников, с которыми фотография может образовывать единое смысловое поле: печатная графика и гравюра; письменные источники, в том числе личного происхождения; кинодокументы. Чаще всего фотография хранится вместе с каким-либо из перечисленных памятников. Наконец, фотография — реплицируемый документ, поэтому, если речь идет не о негативах, а об отпечатках, она является одним из самых распространенных объектов хранения. Однако количество аналоговых фотографий (а именно они являются наиболее распространенными объектами хранения) все же не бесконечно: этот период в истории фотографии завершен, потому ценность аналоговых фотографий со временем будет только возрастать. Что касается пришедшей на смену ей цифровой фотографии, то она требует к себе иного отношения, и методики ее хранения и учета в настоящее время только разрабатываются.

Таким образом, речь идет о виде памятника, количественно представителем, рассеянном по государственным и ведомственным музеям, библиотекам и архивам, чаще всего хранящемся совместно с другими видами памятников. В этой связи представляется актуальной идея профессора В.М. Магидова о необходимости создания единой базы данных фотографического наследия России [Магидов, 2005]. Но, поскольку никаких проектов реализации данной идеи в настоящее время не существует, интерес для исследователя могут представлять работы, посвященные составу и особенностям конкретных фотографических коллекций. Прежде чем перейти к характеристике одной из подобных коллекций, следует выяснить, насколько актуально исследование фотографии для современной отечественной исторической науки.

История фотографии в различных аспектах стала в последние десятилетия предметом устойчивого исследовательского интереса в рамках гуманитарных дисциплин. Данный исследовательский интерес стал, на мой взгляд, частным выражением общественного интереса к «старой» фотографии, который лишь усиливается с развитием цифровых технологий, позволивших фотографии стать поистине вездесущей и, одновременно, выявивших уникальность аналоговой фотографии как таковой. К примеру, стали многочисленными и популярными фотовыставки. Одна за другой открываются новые выставочные площадки (музеи, галереи, выставочные центры), специализирующиеся на экспонировании фотографий. Оцифрованные имиджи аналоговых фотографий активно выкладываются и обсуждаются в социальных сетях, блогах и на интернет-форумах. Стали популярными хранение, атрибуция и систематизация частных семейных архивов.

При этом исследование фотографии в отечественной гуманитаристике — молодое направление, поскольку для советской историографии даже базовая для подобных исследований история фотографии была перифе-

рийной темой. В советское время фундаментальных исследований по ней было немного [Болтянский, 1939; Морозов, 1955; 1958; 1985; Волков-Ланнит, 1966; 1971; Чибисов, 1987]. К указанным монографиям следует прибавить два сборника очерков — отечественный [Никитин, 1991] и переводной [Поллак, 1983], а также монографию по теории фотографии, ставшую без преувеличения классической [Михалкович, Стигнеев, 1989.]. Как нетрудно убедиться, наиболее популярной история фотографии стала в 1980-е гг., т. е. в конце советского периода. К тому же времени относится единственная фундаментальная публикация отечественного фотографического наследия за весь советский период [Антология советской фотографии, Т. 1—2, 1986—1987]. Таким образом, бурный интерес к истории и теории фотографии, характерный для постсоветского времени, зародился еще в конце советского времени. Что касается источниковедения фотодокументов, то эта тема разрабатывалась в рамках архивоведения для гиперсистемы кинофотофонодокументов (КФФД), прежде всего А.А. Кузиным [см.: Кузин, 1960; Кузин, Рошаль, 1982.] и В.М. Магидовым [Магидов, 1986; 1991; и др.].

В 1990-е гг. интерес к исследованиям фотографии возрастает. Во-первых, публикуются две переводные работы, до сих пор остающиеся для отечественного исследователя-гуманитария базовыми, когда речь заходит о фотографии [Барт, 1997; Беньямин, 1996]. Благодаря В. Беньямину и особенно Р. Барту, рассуждения о феномене фотографии оказываются в рамках модной «интеллектуальной» тематики. Во-вторых, возрастает интерес к самим фотографиям, особенно к фотоснимкам XIX — начала XX в., поскольку, с одной стороны, для части общества еще со времен «перестройки» дореволюционная (в частности, предреволюционная) Россия стала «золотым веком» отечественной истории, а дореволюционная фотография этот «золотой век» должна засвидетельствовать и подтвердить. С другой стороны, сами фотографии XIX в. за сто лет обрели флер времени и стали аттрактивным видом памятника. Поэтому именно с 1990-х гг. можно говорить о начале все более обширных и качественных публикаций самих архивных фотографий. На мой взгляд, знаковым изданием для «поворота к фотографии» стал сборник «Русская фотография» [Русская фотография, 1996] где под одной обложкой «сошлись» все крупнейшие фотографические собрания страны. Этого, к сожалению, более не произошло.

Именно в 1990-е гг. появилась актуальная по сей день практика публикаций фотодокументов из крупнейших собраний России по произведениям великих фотографов, произведениям из состава определенных коллекций, альбомам фотодокументов, объединенных одной темой. Несмотря на то что таких изданий в настоящее время уже довольно много, следует осознать, что речь идет об очень небольшом проценте многотысячных собраний, ставших таким образом доступными исследователю.

В следующем десятилетии, в 2000-е гг., к публикациям фотодокументов из государственных собраний прибавились альбомы фотографий из частных коллекций. В частности, следует отметить серию тематических альбомов из коллекции Елены Лаврентьевой, прежде всего первый альбом серии «Семейный альбом: фотографии и письма сто лет назад» [Семейный альбом, 2005].

2000-е гг. — время прорыва в исследовании фотографии, когда эта тема становится актуальной для ряда гуманитарных дисциплин и появляется, сравнительно с предыдущим периодом, большое количество работ, так или иначе посвященных ей. Данная ситуация актуальна до сих пор. Начиная с 2000-х гг. выходит ряд фундаментальных монографий по истории фотографии — как отечественных [Бархатова, 2009; Левашов, 2012; Попов, 2010; Саран, 2006; Стигнеев, 2007; 2013], так и переводных [Бажак, 2006; Собрание Дома Джорджа Истмена, 2010; Фотография. Всемирная история, 2014; Фризо, 2008–2009] Вышел даже бесценный справочник, посвященный истории московских фотоателье 1840–1930 гг. [Шипова, 2001]. Публикуются воспоминания великих фотографов и интервью с ними; правда, пока речь идет только о зарубежных классиках [Адамс, 2009; Картье-Брессон, 2013; Капа, 2011; Хилл, Купер, 2010]. Фотография стала сферой научных интересов культурологов [Бойцова, 2013; Гавришина, 2011; Петровская, 2003; Сосна, 2011], философов [Савчук, 2005], психологов [Нуркова, 2006]. Вышли две прекрасные отечественные книги по теории фотографии [Стигнеев, 2011; Фотография: Проблемы поэтики, 2008]. В последние годы активно публикуются переводные теоретические работы, некоторые из которых уже давно стали классикой мирового уровня [Бёрджер, 2014; Краусс, 2014; Руйе, 2014; Сонтаг, 2013].

Казалось бы, речь идет о серьезно разработанной, пусть и за небольшой срок, теме. Но нет идеальных ситуаций. Во-первых, и традиционная типографская, и электронная публикация самих фотодокументов еще в начале пути: контраст между объемами самих коллекций (имеются в виду только коллекции государственных архивов, музеев и библиотек) и опубликованных предметов очевиден. Другой вопрос, насколько справится и справляется исследователь с уже опубликованным объемом источников? Но об этом чуть позже.

Во-вторых, даже история фотографии никогда не была традиционной темой для исторической науки — это сфера искусствоведов. В настоящее время ситуация в этом смысле стала разнообразнее, но сказать, что историки со своими специфическими приемами исследования занимаются на этом исследовательском поле заметное место, все же нельзя. Безусловно, начавшиеся еще в советское время источниковедческие исследования КФФД успешно продолжаются. Невозможно не упомянуть фундаментальную монографию профессора РГГУ В.М. Магидова «Кинофотофо-

нодокументы в контексте исторического знания» [Магидов, 2005]. На базе Историко-архивного института РГГУ вышли два сборника, посвященных архивоведческим и источниковедческим особенностям КФФД [Аудиовизуальные архивы..., 2003; Технотронные документы..., 2011]. Но в данном случае приходится говорить об особенностях фотографии как составной части гиперсистемы, тогда как у фотографии как исторического источника есть свои особенности — и в связи с другими, близкими ей видами памятников (печатная графика, письменные источники), и вне какой-либо системы. Что касается работ, посвященных конкретным видам и темам фотодокументов, выполненных в рамках исторической науки, то речь идет только о статьях [Главацкая, 2012; Диментман, 1991; Добренькая, 2008; Туровцева, 2003; Чертилина, 2011; и др.], в том числе написанных учениками В.М. Магидова, т. е. созданных в рамках одной научной школы. Сказать, что подобных статей много, будет явным преувеличением.

Более того, та неразработанность фотографии как исторического источника, о которой В.М. Магидов писал еще в 1991 г. [Магидов, 1991], сохраняется по сей день. Дело в том, что историк все же ориентирован на работу с традиционными письменными источниками. А фотография, несмотря на ее иллюзорную простоту, требует к себе иного подхода, выработки специфических методов работы с отдельными видами фотодокументов, дополнительного привлечения письменных источников для анализа содержания снимков, что требует от исследователя дополнительной работы. Большинство исторических исследований — традиционные «конкретные исторические исследования», где задачей исследователя является раскрыть тему исследования, что в большинстве случаев возможно на основании одних лишь письменных источников. Поэтому идеальной «симфонии» между письменными и изобразительными (в частности, фотографией) источниками не возникает. Фотография в большинстве случаев продолжает выполнять уже традиционную иллюстративную функцию.

Но сама популярность исследований фотографии в современной отечественной гуманитаристике теоретически может изменить ситуацию и в чуткой к достижениям «смежников» исторической науке. Здесь, конечно, есть свои подводные камни, потому что подчас современные отечественные исследования фотографии базируются только на зарубежной литературе; это иногда приводит к тому, что целые периоды из истории отечественной фотографии как будто ускользают от исследователя. Вдобавок зарубежная литература, что вполне естественно, ориентирует исследователя на произведения зарубежных фотографов. История мировой фотографии — тема, безусловно, значимая и для отечественной науки необходимая, но источниковедческие исследования представляются более продуктивными на базе отечественных собраний как в плане введения в научный оборот новых источников, так и в смысле доступности оригинала

для исследователя. Более того, как показывает анализ современной историографии, необходимый баланс между исследованиями отечественного и зарубежного фотографического наследия, который один лишь может привести к формированию целостной картины истории фотографии в мире, куда органично вписана история отечественной фотографии, достигается за счет исследований, проведенных учеными — сотрудниками государственных архивов и музеев России на базе конкретных фотографических коллекций [см., например: Бархатова, 2009; Сабурова, 2006; Сабурова, 2010]. Следовательно, исследование отечественного фотографического наследия представляется актуальным по следующим причинам. Необходимо более серьезное исследование фотографии как социокультурного феномена и исторического источника в рамках исторической науки, что приведет к более полному исследованию феномена фотографии в отечественной гуманитаристике в целом. Одновременно необходимо создание целостного представления об истории мировой фотографии, неотъемлемой частью которой является история отечественной фотографии. Обе указанные задачи невозможно выполнить, не имея представления об отечественном фотодокументальном наследии.

Для полноценного исследования отечественного фотодокументального наследия нужно, прежде всего, получить представление обо всех фотографических коллекциях, аккумулированных в собраниях архивов, музеев и библиотек России. Безусловно, это непростая задача, поскольку речь идет не только о коллекциях национального масштаба (к примеру, собрание РГАКФД или коллекция отдела Изобразительных материалов ГИМ), но и о коллекциях сравнительно небольших, которые зачастую в принципе неизвестны исследователю. Во-вторых, необходимо также понимание особенностей данных коллекций, знание их основных характеристик. В этой статье речь пойдет об особенностях одной из таких небольших коллекций фотографических отпечатков (всего 20 348 музейных предметов основного фонда хранения и 4483 предмета научно-вспомогательного фонда) — коллекции бывшего Центрального музея В.И. Ленина (ЦМЛ), а ныне — фондово-экспозиционного отдела ГИМ «Музей В.И. Ленина» (ФМЛ).

ЦМЛ был идеологическим учреждением в форме музея, которое подчинялось ЦК КПСС и никогда не входило в систему музеев МК СССР. Центром жизни ЦМЛ была экспозиция, фонды занимали подчиненное положение. Большинство коллекций (в том числе коллекция фотографий) не имели хранителей. Это отразилось не только на учете, но и на комплектовании коллекций, поскольку в данных обстоятельствах говорить о целенаправленном комплектовании не приходится. С другой стороны, благодаря своему привилегированному положению, ЦМЛ мог заказать у других музеев, архивов и фотоагентств любые отпечатки, в том числе с оригинальных негативов. В течение десятилетий в музей посту-

пали отпечатки Фотохроники ТАСС и собрания РГАКФД, что в настоящее время существенно облегчает экспозиционную и исследовательскую деятельность сотрудников ГИМ, но ценность подобных отпечатков для стороннего исследователя довольно сомнительна. Гораздо важнее, что из Общего отдела ЦК в музей поступали подарки съездам и генеральным секретарям ЦК КПСС, в том числе альбомы фотографий. Правда, подарки В.И. Ленину и И.В. Сталину были выделены в ЦМЛ в отдельные коллекции, вне зависимости от видовой принадлежности памятников, и в состав коллекции фотографий фотоальбомы, подаренные этим главам государства, не входят. Таким образом, одна из основных особенностей коллекции заключается в том, что музей, в составе которого она отложилась, был ведомственным, целенаправленное комплектование коллекции не велось, но благодаря привилегированному положению ЦМЛ в музей поступали эксклюзивные предметы, в том числе альбомы фотографий.

Главная особенность рассматриваемой коллекции связана с несоответствием ее названия содержанию. В представлении стороннего исследователя коллекция бывшего ЦМЛ — это комплекс фотодокументов, связанных с политической историей страны (например, запечатлевших известных политических деятелей — в частности, В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого). В действительности с политической историей Российской империи/СССР содержание коллекции связано весьма опосредованно. Ярким примером тому является отсутствие или вторичность портретов указанных выше персоналий. Что касается фотопортретов В.И. Ленина (фондообразователя всего музейного собрания ЦМЛ), то существовало постановление ЦК, согласно которому все оригиналы ленинских документов и фотографий хранились в ЦПА (ныне РГАСПИ). В коллекции ФМЛ, благодаря поступлениям от частных лиц, отложилось несколько фотоотпечатков В.И. Ленина, напечатанных авторами с оригинальных негативов, но, учитывая коллекцию РГАСПИ, содержащую оригинальные негативы данных снимков, эти фотоотпечатки имеют значение лишь для экспозиционной и исследовательской деятельности сотрудников ГИМ. Фотопортреты Л.Д. Троцкого никогда не входили в состав коллекции, поскольку она сложилась к 1936 г., когда был открыт ЦМЛ, т.е. в период, когда в составе коллекции идеологического учреждения при ЦК ВКП(б) фотопортретов Л.Д. Троцкого быть не могло. Групповые портреты, где вместе с В.И. Лениным были запечатлены Л.Д. Троцкий и другие репрессированные большевистские лидеры, даже недолгое время входили в спецхран, существовавший в составе коллекции до 1957 г. Что касается И.В. Сталина, запечатлевших его фотоотпечатков никто из ныне работающих сотрудников никогда не видел и ничего о них не слышал, хотя в учетной документации ЦМЛ содержатся описания таких фотографий: скорее всего, они таинственно исчезли после 1956 г., поскольку сотрудники идеологического учреждения внимательно

следили, чтобы в их собрании не оказалось портретов «спорных» персоналий. Никаких данных о дальнейшей судьбе этих фотографий в учетной документации ЦМЛ нет. Другой вопрос, что иногда отсутствующие сюжеты можно компенсировать за счет фотодокументов, отложившихся в запасах музея, но не поставленных на учет в ЦМЛ. Так, в свое время у супруги В.М. Молотова Полины Жемчужиной сотрудники ЦМЛ взяли на пересъемку 20 фотоснимков. Пересъемка была осуществлена, копии в 1953 г. передали в ЦПА, а фотоснимки владелице почему-то не вернули. Несколько десятилетий они пролежали в фондах музея и были обнаружены и поставлены на музейный учет уже в 2000-е гг. [ГИМ-112888/28-47]. Среди этих снимков есть три отпечатка с И.В. Сталиным [ГИМ-112888/29, ГИМ-112888/35-36]. К слову, это не единственный случай в истории коллекции, когда фотографии из частных семейных архивов копировались, копии ставились на учет, а оригиналы не были возвращены владельцам. Подобная история, к примеру, произошла с фотопортретами родственников Н.К. Крупской [ГИМ-111887/676-682]. Таким образом, необходимо знание состава коллекции, ее содержание не выводится из ее названия.

По большей части коллекция состоит из фотоотпечатков официального происхождения, поскольку в первую очередь комплектовали фотохронику достижений советского времени, своего рода «парадный портрет» эпохи. Подобные снимки помещались в соответствующие разделы экспозиции музея, значительная часть которой была посвящена торжеству ленинских идей в СССР. Репутация объективного отражения действительности, закрепившаяся за фотографией еще в XIX в., способствовала популярности подобных фотоиллюстраций. Именно такие снимки заказывали в ТАСС и РГАКФД. При комплектовании документов официального происхождения в ЦМЛ учитывалась, прежде всего, их тематика. Все другие характеристики (может ли отпечаток храниться на правах оригинала, атрибуты снимка и т. д.), как правило, не учитывались. Но тем не менее в коллекции отложился ряд интереснейших комплексов официального происхождения. Также примечательно, что, благодаря поступлению от частных лиц, в составе коллекции отложились достаточно интересные фотодокументы личного происхождения. Включение их в музейный фонд страны практически никогда не было результатом целенаправленного комплектования.

Для работы на экспозиции ЦМЛ из фотодокументов личного происхождения были важны портреты соратников В.И. Ленина. Политика ЦМЛ по созданию собрания фотопортретов соратников Ленина и политических деятелей советского периода была характерной для данного учреждения. Принятой практикой было заказывать в соответствующих учреждениях (ЦПА, Центральный музей революции, Музей Советской Армии) увеличенные копии фотопортретов персоналий, которые необхо-

димо было поместить в экспозицию музея. Целенаправленное комплектование отпечатков на правах оригинала не велось, они попадали в состав коллекции, как правило, по инициативе владельцев семейных архивов, в частности потомков соратников Ленина. Например, небольшой (всего 12 предметов) комплекс фотопортретов соратников Ленина по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» поступил в 1956 г. от сына А.М. Розенберг и В.В. Старкова — Г.В. Старкова [ГИМ-11951/640-651]. В том же 1956 г. Антонина Петровская передала в музей 31 фотопортрет своего отца — Г.И. Петровского [ГИМ-11951/514-544], три из которых — авторства М.С. Наппельбаума [ГИМ-11951/526-528].

Наиболее репрезентативный комплекс среди фотодокументов личного происхождения в составе коллекции попал в состав музейного фонда страны нестандартным путем. Речь идет о семейном архиве Левицких, аккумулирующем фотографии различных жанров с середины XIX в. по 1970-е гг. Данный комплекс был в буквальном смысле слова эвакуирован в ЦМЛ после смерти последней владелицы в декабре 1978 г. и включен в состав музейного фонда РФ лишь в 2009 г. [ГИМ-112933/1-50, ГИМ-112934/633, ГИМ-112940/1-23]. С одной стороны, атрибуция многих фотографий в составе данного семейного архива затруднена, подчас невозможна. С другой стороны, документы семейного архива не отбирались на постоянное хранение. Это вечная и неразрешимая проблема отбора для вечного хранения в составе музейного фонда страны предметов людьми, которые являются профессиональными музейными сотрудниками, но, одновременно, неизбежно — людьми своего времени, подчиненными актуальной для них научной парадигме и представлениям об attractiveness музейного предмета, вольно или невольно учитывающими приоритетную для своего времени тематику научных исследований и музейных экспозиций, а также тематический профиль своего музея/фонда и неизбежную проблему «архивной полки». Таким образом, мы имеем дело не просто с отбором предметов на постоянное хранение, но с отбором определенного образа той или иной эпохи, существующего в рамках актуальной научной парадигмы. Ценность семейного архива Левицких в том, что он не прошел подобный отбор. Ведь парадигмы и приоритеты меняются со временем, а документы остаются. В частности, особенная ценность данного комплекса в настоящее время в том, что это архив интеллигентной семьи второй половины XIX — начала XX в., представители которой зачастую были яркими личностями, но ни один из них не стал героем учебника по истории. При всем несовершенстве этого времени речь идет об «обычной» российской интеллигентной семье своего времени — представителях своей социальной группы. В настоящее время комплексы источников, позволяющих исследовать данную проблематику, интересны и обществу, и исторической науке, но в конце 1970-х гг. ситуация была иной. При исследовании подобного комплекса нет неважных

характеристик. В частности, сам жанровый состав (большое количество студийных портретов конца XIX — начала XX в.) и количество предметов в составе семейного архива позволяют говорить о визуализации круга общения семьи и проанализировать его. В составе коллекции фотографий ФМЛ данный семейный архив достаточно органично сочетается с небольшими комплексами или отдельными фотопортретами, поступившими из семейных архивов. По преимуществу речь идет об одной эпохе (рубеж XIX—XX вв.) и об одной социальной группе (российская разночинная интеллигенция), что позволяет говорить о штрихах к портрету (в прямом смысле слова) указанной социальной группы в рамках одной коллекции фотодокументов.

Безусловно, из семейных архивов в ЦМЛ поступали не только портреты, но, к примеру, видовые снимки. Поскольку видовые фотографии поступали и от многочисленных в советское время музеев В.И. Ленина, а также становились результатом инициативного документирования, в составе коллекции отложился репрезентативный комплекс видовых снимков мест, связанных с жизнью и деятельностью В.И. Ленина, начиная с начала XX в. и вплоть до конца 1980-х гг. Наиболее ярким примером в этом случае является, конечно, усадьба Горки Московской губ. — знаменитые Горки Ленинские.

В 1978—1979 гг. Татьяна Григорьевна Герасимова — дочь купца Герасимова, одного из совладельцев усадьбы Горки в начале XX в. — передала в музей стереоскопические снимки [ГИМ-111718/1859-1878] и альбом фотографий [ГИМ-111815/1-81] с видами усадьбы Горки и окрестностей, а также сценами из повседневной жизни усадьбы начала 1900-х гг. В 1936 г. ряд снимков «ленинских мест», в числе которых были, разумеется, Горки Ленинские, передала ЦМЛ Н.К. Крупская [ГИМ-111718/104, ГИМ-111718/119, ГИМ-111718/130]. Правда, в этом случае речь идет в основном о деталях интерьера Большого дома усадьбы, но предположительно в те же 1930-е гг. в музей поступил большой комплекс видов парка и усадьбы (данные о поступлении в учетной документации ЦМЛ большинства предметов данного комплекса отсутствуют). Интерьер музея, открытого в Горках Ленинских после Великой Отечественной войны, виды самой усадьбы и парка неоднократно становились объектом фотосъемки. Серии подобных снимков отложились в коллекции фотографий ЦМЛ [например, ГИМ-111718/1632-1673]. Таким образом, речь идет о репрезентативной «визуальной биографии» одного топоса, позволяющей проследить эволюцию его образа от обычной подмосковной усадьбы до «места памяти», последующей его музеефикации и вплоть до восприятия Горок Ленинских в 1970-е гг. как красивого подмосковного парка со снятыми крупным планом осенними опавшими листьями и прочими красотами, что не отменяет, впрочем, восприятия Горок как «ленинского места» и усадьбы со своей историей, характерных и для настоящего времени.

Безусловно, коллекция фотографий ФМЛ позволяет проследить подобную эволюцию далеко не каждого «ленинского места». Подчас речь идет о сериях фотографий, сделанных одним автором в одно и то же время, которые убедительно доминируют над прочими снимками коллекции, запечатлевшими то же самое место. Так, в конце 1930-х гг. гражданин СССР В.В. Якубович, работавший за границей, создал серию фотографий «ленинских мест» Франции и Швейцарии, поступившую в ЦМЛ от автора. В рамках этой серии следует выделить репрезентативное количество снимков, посвященных Парижу [ГИМ-111718/943-947, ГИМ-111718/951-967, ГИМ-111718/972-985, ГИМ-111718/987-989, ГИМ-111718/992-993, ГИМ-111718/997-1003, ГИМ-111718/1006-1047, ГИМ-111718/1059-1063], запечатлевших все места в городе, связанные с «парижским периодом» жизни В.И. Ленина, включая знаменитую Стену Коммунаров на кладбище Пер-Лашез и парк Монсури, где Владимир Ильич любил гулять. Но наиболее примечательны в данном случае снимки парижских улиц конца 1930-х гг., где помимо интересовавших фотографа зданий запечатлены транспорт, прохожие, сцены повседневной уличной жизни города. Отметим, что некоторые из парижских «ленинских мест» (например, знаменитое кафе «Клозери де Лиля») в истории XX в. связаны не только и не столько с биографией основателя Советского государства.

Поступлениям от частных лиц коллекция фотографий ФМЛ также обязана многими снимками и альбомами фотографий, посвященными событиями советской истории. Например, в 1973 г. Е.И. Смирнова передала в ЦМЛ 7 фотоотпечатков, посвященных поездке на агитпароходе «Красная звезда» в 1919 г. [ГИМ-111287/1373-1379]. Но особенно интересны в данном случае несколько альбомов, посвященных знаковым для советского периода стройкам — Магнитке и Днепрострою, составленных участниками строительства. Так, в 1980 г. участник Днепростроя С.М. Дмитриевский подарил ЦМЛ два альбома «Рождение Днепростроя» [ГИМ-111254/1-91, ГИМ-111256/1-99], содержащие высокого качества серебряножелатиновые отпечатки и цветные открытки, посвященные созданию этой знаменитой ГЭС, включая сцены из повседневной жизни участников строительства.

Приблизительно половину коллекции фотографий ФМЛ составляют фотоальбомы. Во многом благодаря им можно говорить о достоинствах и сильных сторонах рассматриваемой коллекции. Некоторые из подобных альбомов, как и упомянутое «Рождение Днепростроя», поступили от частных лиц, но в большинстве случаев источником поступления стал Общий отдел ЦК КПСС. Выше уже говорилось о фотографических альбомах, подаренных съездам компартии и главам государства. Речь идет о репрезентативном и эксклюзивном комплексе, хронологически охватывающем период с 1950-х по 1980-е гг. Данные альбомы создавались как в СССР, так и за рубежом (прежде всего в соцстранах). По большей части

они служили своеобразной формой отчета, что возвращает нас к проблеме доверия фотографическому изображению. Тематика большей части альбомов связана с теми достижениями, которые предприятие могло предъявить ко времени отчета. Дарителями могли выступать знаковая для эпохи организация или профессиональное сообщество (например, космонавты Звездного городка [ГИМ-111695/1-81, ГИМ-111789/1-214]). Возможными, хотя и редкими, были подарки от известных деятелей. Так, в 1978 г. Л.И. Брежневу подарил альбом своих снимков 1945–1975 гг. великий советский фотограф Яков Халип [ГИМ-112176/1-41].

Очень интересны альбомы, подаренные промышленными предприятиями. По тематике снимков можно проследить, какие достижения предприятия считали для себя приоритетными в послевоенный период, чем считали достойным отчитаться перед государством. Такие альбомы, как правило, содержат интереснейшие фотографии по социальной деятельности предприятий (строительство жилья для сотрудников, быт и досуг рабочих, шефская помощь и т. д.), не говоря уже о запечатленной технике и промышленных зданиях того времени. Альбомы, подаренные съездам партии и главам государства (в том числе к юбилею), — это всегда представительский подарок, несмотря на то что чаще всего они выполняли одновременно функцию отчета. Замечу на полях, что альбом фотографий — типичный вид представительского подарка. Поэтому на основании рассматриваемого комплекса можно, в частности, провести сравнительный анализ фотоальбома как представительского подарка в хрущевские и брежневские времена. Само внешнее оформление альбомов (в том числе материал обложки) в контексте эпохи создания также может быть материалом для научного исследования.

Что касается зарубежных альбомов, то на их основании также вполне возможно плодотворное научное исследование: из каких стран они поступали, в какой период, какой тематике были посвящены. Примечательно, что большинство альбомов посвящено достижениям той или иной страны в определенной отрасли или того или иного предприятия. Но есть и исключения. Например, из Вьетнама, как правило, поступали альбомы, посвященные жизни и деятельности Хо Ши Мина [ГИМ-112130/1-60, 112182/1-27, ГИМ-112237/1-19]. Стоит также заметить, что фотоальбомы, поступившие из-за рубежа, далеко не всегда — подарки съездам и главам государства. Их дарили также самому музею, присылали в общества дружбы с различными странами, посольства СССР в разных странах мира. Например, в 1973 г. из посольства СССР в Швейцарии в дар ЦМЛ были отправлены девять альбомов, посвященных «ленинским местам» в Швейцарии, составленных зампредом секции общества «Швейцария — СССР», членом Швейцарской партии труда А. Тётгли [ГИМ-112154/1-24, ГИМ-112155/1-37, ГИМ-112156/1-34, ГИМ-112157/1-51, ГИМ-112158/1-31, ГИМ-112177/1-45, ГИМ-112178/1-24,

ГИМ-112179/1-27, ГИМ-112180/1-26]. Это любопытный тип фотоальбома: такие альбомы составлялись любителями в свободное время на интересующую их тему и дарились профильным организациям. Во многих случаях (и альбомы А. Тётгли яркий тому пример) термин «фотоальбом» применительно к такого рода альбомам достаточно условен, ибо автор вклеивал/вставлял в альбом самые разные материалы: вырезки из газет, фоторепродукции, открытки, ксерокопированные документы/печатные материалы. Иногда речь идет о фотоальбомах в прямом смысле слова. Так, в 1970 г. из Ульяновска через музей-квартиру В.И. Ленина в Кремле в ЦМЛ в честь 100-летия со дня рождения Ленина поступил подарок от учителя-пенсионера и фотографа-любителя А.В. Виноградова — альбом фотографий «Ленинские места в г. Ульяновске»: альбом любительских снимков 1968—1970 гг., запечатлевших «ленинские места» в Ульяновске, в частности строительство Ленинского мемориала (1968—1969) [ГИМ-111816/1-89]. На основании одной только рассматриваемой коллекции можно говорить об альбомах подобного типа как о практике повседневности, характерной в XX в. для разных стран мира (советский пенсионер А.В. Виноградов и швейцарец А. Тётгли). Представляются перспективными исследования подобных альбомов и в контексте целостной культуры фотоальбома как социокультурного явления (равно как — культуры популярных в свое время альбомов вырезок), и в контексте истории любительской фотографии, не говоря уже об исследовании социальной роли тех учреждений, которые стали объектом дарения (в нашем случае — ЦМЛ).

Фотоальбом в XX в. мог также быть формой учебной/научной работы. Так, в 1960 г. в г. Баку аспирант кафедры истории КПСС Азербайджанского государственного университета им. С.М. Кирова А.А. Абасов в качестве научной работы составил альбом фотографий «Ленинский призыв в партию в Азербайджане (1924—1925 гг.)» [ГИМ-112174/1-32].

Таким образом, в составе коллекции ФМЛ, благодаря прежде всего поступлениям из Общего отдела ЦК КПСС, отложился репрезентативный комплекс фотоальбомов различной тематики, позволяющий говорить о них как о виде фотоотчета в послевоенном СССР на самом высоком уровне и как о представительском подарке того времени (на примере альбома фотографий как характерного вида представительского подарка). Также на примере предметов данной коллекции можно говорить о составлении любительских фотоальбомов как типичной практике повседневности, о фотоальбоме как форме учебной/научной работы и как о форме внеклассной школьной работы, о чем ниже.

Вышеприведенные возможности — лишь демонстрация, а никак не исчерпывающее перечисление подходов к исследованию предметов коллекции в рамках исторической науки. В действительности перспективы работы с предметами коллекции вообще и с альбомами фотографий в

частности гораздо шире и богаче. Приведенные по организации/лицу-создателю, а также по цели создания группы альбомов — всего лишь примеры возможных подходов к систематизации фотоальбомов, входящих в состав рассматриваемой коллекции. Вышесказанное полностью относится к содержанию альбомов. Не стоит также упускать из вида очевидную характеристику фотоальбома: большинство альбомов фотографий — законченная история, фрагментами которой являются снимки, входящие в альбом, не говоря уже об аннотациях к ним и о различного рода материалах, включенных в состав альбома наряду с фотографиями: рисунки, графики и диаграммы, газетные вырезки, открытки и пр. Сравнение подобных «историй» сходной тематики (например, альбомы-отчеты от предприятий) также представляется одним из перспективных направлений исследования предметов рассматриваемой коллекции.

Коллекция содержит обширный фотографический материал по истории и экспозиции музеев В.И. Ленина в стране и за рубежом (отдельные снимки, альбомы фотографий). Речь идет о подробном фотодокументировании экспозиции данных музеев, особенно когда для фотосъемки был столь важный в жизни любого музея повод, как проведение масштабных ремонтных работ или открытие новой экспозиции. Многие подобные альбомы, посвященные советским музеям, опять же являлись своего рода отчетом перед головной организацией, каковой был ЦМЛ для всех музеев В.И. Ленина в СССР. За этим комплексом стоит обширная география. Среди отложившихся в составе коллекции предметов — и альбом, посвященный музею В.И. Ленина и И.В. Сталина в Тиране, и представительно изданный типографским способом альбом, запечатлевший результат усилий советских художников — музей В.И. Ленина в Улан-Баторе, и снимки экспозиции «детища» Компартии Франции — музея на улице Мари-Роз в Париже. Примечательно, что самым активным дарителем подобных альбомов из зарубежных музеев был небольшой музей В.И. Ленина в финском городе Тампере (составители даже аннотации к фотографиям старались писать на русском языке). Некоторые наборы фотографий указанной тематики (например, набор «Музей В.И. Ленина в Кракове» [ГИМ-112210/1-20]) по оформлению очень похожи на тематические наборы открыток, продававшиеся в музейных магазинчиках, и, скорее всего, являются их аналогом.

Надо сказать, что визуальный ряд подобных альбомов неаттрактивен. Как правило, это снимки музейной экспозиции, временных выставок, официальных мероприятий. Иногда, когда речь идет о мемориальных музеях, на снимках запечатлены внешний вид здания с разных ракурсов, сад/парк (если такой имеется) и интерьеры. Ярким примером музея такого рода в рамках данной коллекции является Дом-музей Ульяновых в Подольске, ставший объектом фотосъемки как для серии отдельных снимков, так и для фотоальбомов.

В рамках данного тематического комплекса выделяются фотоальбомы, поступившие от школьных музеев В.И. Ленина и/или запечатлевших историю походов школьников по «ленинским местам». Подобные альбомы можно назвать формой внешкольной работы. Они разнородны, включают различные виды памятников (открытки, рисунки, газетные вырезки и т. п.) и в этом смысле схожи с альбомами, составленными любителями-энтузиастами, хотя, в отличие от последних, здесь речь о проведении досуга не идет. Творческий подход к составлению подобных альбомов привел к разнообразию их содержания: как правило, они содержат материалы, не относящиеся непосредственно к истории школьного музея/похода. Например, составители альбома 1987 г. «Ленинский музей. Город Горно-Алтайск» [ГИМ-113049/1-21] включили в его состав открытки с видами края и детские рисунки, навеянные легендами региона. Подобный подход характерен не только для советских школьников: он встречается в альбомах, присланных школьниками Восточной Европы, хотя в целом немногочисленные зарубежные альбомы, созданные соответствующими организациями, более тематически выдержаны, формальны и официальны.

История советских школьников не ограничивается альбомами, посвященными школьным музеям, хотя характерной темой для коллекции фотографии бывшего ЦМЛ ее не назовешь. Например, в 1983 г. в музей поступил альбом «Экибастуз» [ГИМ-112703/1-48], посвященный учебе и досугу школьников города. Альбом соответствующим образом оформлен: в деревянной обложке, передняя обложка оформлена в технике выжигания, все надписи сделаны от руки. Иногда подобные альбомы поступали в музей неожиданным путем. Так, в 1956 г. воспитанники детского дома № 3 из г. Стрый Львовской области подарили XX съезду КПСС альбом фотографий «Спасибо Коммунистической партии за наше счастливое детство» [ГИМ-111259/1-21] — образ повседневности детдомовцев для презентации верховной власти страны. Альбом изготовлен самими воспитанниками: листы из плотного картона, на которые наклеены фотографии, проколоты по левому краю и скреплены алой лентой; аннотации написаны от руки на бумаге и приклеены к нижней части фотографий; титульный лист оформлен от руки красками. Альбом помещен в деревянную коробку, также сделанную и оформленную воспитанниками. Коробка украшена народными орнаментами (выжигание, раскраска). Есть некий, хотя и кажущийся, парадокс в том, что альбом, выполненный в эстетике сталинского периода, стал подарком именно XX съезду. Еще более нетипичной оказалась история другого фотоальбома — «Дом-музей В.И. Ленина в Куйбышеве» [ГИМ-111715/1-19], попавшего в ЦМЛ как альбом, посвященный одному из музеев В.И. Ленина. Но создан он был в конце 1930-х гг., когда в доме размещалась библиотека-читальня, и посвящен работе библиотеки (библиотекарей, книгонош, абонементов и читальных залов).

Но вернемся к фотографической лениниане, чтобы упомянуть еще один тематический комплекс: снимки, посвященные празднованию столетия со дня рождения В.И. Ленина в стране и за рубежом. Это снимки-отчеты о проведенных по данному поводу мероприятиях, которые были аккумулированы в ЦМЛ как в профильной организации. Тематически речь идет, с одной стороны, об экспозиции и посещении выставок ленинской тематики. С другой стороны, это фотофиксация различных мероприятий, чаще всего проведенных за рубежом. В ряде случаев ответственность за проведение подобных мероприятий возлагалась на советские посольства, потому география данного события разнообразна.

В составе коллекции хранятся примечательные серии фотографий и отдельные снимки, не включенные в альбомы, в том числе относящиеся к событийной фотографии. О поступлении большинства из них в музей нет никаких данных. Напомню, что ЦМЛ был открыт в 1936 г. и за годы его существования (с 1924 г.) на разных площадках и в составе различных организаций пополнился рядом коллекций. Именно в тот период в составе коллекции оказалась интереснейшая серия снимков о траурных мероприятиях, прошедших в разных городах и местечках бывшей Российской империи и за рубежом в день похорон В.И. Ленина [ГИМ-111750/1-650, ГИМ-111751/1-10, ГИМ-111756/1-10]. Помимо собственно траурных мероприятий (демонстраций, митингов и пр.) на снимках запечатлена городская среда, а также столь неизбитые для данной коллекции объекты, как крепость Кушка в Мервском уезде Туркменистана. География данного комплекса («от Москвы до самых до окраин») впечатляет и может быть самоценным объектом научного исследования.

В данной статье в качестве примера приведены предметы коллекции фотографий ФМЛ ГИМ, систематизированные по тематическим блокам. Разумеется, в ее составе отложились памятники, которые невозможно включить в состав подобных блоков. Так, для коллекции в целом не характерна этнографическая тематика, а снимки, которые можно соотнести с историей повседневности, отложились в ее составе совершенно по иным причинам, как можно представить из вышеприведенных примеров. В состав коллекции входят два авторских (и частично отличающихся по составу снимков) альбомы «Большевики переделали Сибирь» [ГИМ-111677/1-130, ГИМ-111678/1-145]. Со снимками, входящими в состав одного из альбомов (ГИМ-111678), можно познакомиться на сайте ГИМ (разделы: Электронная коллекция, Музей В.И. Ленина) (середина 1930-х гг.), поступивших в ЦМЛ из Минусинского крайкома. Альбомы составлены фотографом-любителем Ф.Г. Долидзе, бывшим также автором большинства снимков (кое-что он скопировал в знаменитом музее Минусинска). Они посвящены истории Минусинского края: его природе, облику и укладу жизни коренных жителей — хакасов, повседневной жизни Минусинска и окрестностей в первой половине 1930-х гг.

Таким образом, несмотря на отсутствие целенаправленного комплектования коллекции, на приоритетное значение тематики снимков, различными путями, зачастую случайно, в ЦМЛ отложилась любопытная коллекция фотографий, содержащая и эксклюзивные памятники. В частности, это относится к фотодокументам официальной тематики, из которых в основном состоит коллекция. Благодаря такому количественному соотношению возможно целостное исследование коллекции как «парадного фотопортрета» советской эпохи. На основании данного собрания возможен анализ того образа, который эпоха хотела оставить после себя: ее достижений, интересующих ее сюжетов и т. д. Одновременно анализ, чего и почему нет в составе коллекции, представляется невозможным из-за отсутствия целенаправленного комплектования. Возможен ее анализ с точки зрения истории организации-фондообразователя как ведомственного музея и идеологического учреждения: какие снимки оказались в недолго существовавшем в составе коллекции спецхране, каких персоналий и почему нет? Ведь коллекция ФМЛ — это коллекция бывшего «главного музея страны»; анализ ее состава, учитывая восприятие фотографии как значимого доказательства, позволяет исследовать и пропагандистское значение фотографии, и особенности советской идеологии, и специфику идеального образа советского государства.

Возможна плодотворная работа с фотодокументами личного происхождения и соответствующей тематики, что нами неоднократно подчеркнуто в этом кратком обзоре.

Также хотелось бы подчеркнуть, что комплектование коллекции продолжается. Коллекция бывшего ЦМЛ при явном количественном преобладании фотодокументов официального происхождения была разнородна тематически, что дает основание комплектовать фотографии как официальной, так и личной тематики. Как правило, комплектуются снимки из семейных архивов. Владельцы склонны сдавать в музей снимки, связанные с известными деятелями советской эпохи, событиями из жизни страны. Например, в настоящее время в музей поступил обширный архив фотокора «Правды» А. Устинова, начато его описание для включения в Музейный фонд РФ. Несколько лет назад удалось скомплектовать небольшую, но очень любопытную коллекцию детских портретов советского периода [ГИМ-112891/1-64]. Таким образом, мы надеемся пополнять и разнообразить тот портрет эпохи в фотографиях, который сложился в ЦМЛ.

Для небольших коллекций фотодокументов, подобных коллекции ФМЛ ГИМ с ее особенностями (прежде всего речь идет о несоответствии названия содержанию), остро стоит проблема презентации для научного сообщества и проблема доступности входящих в нее музейных предметов для сторонних исследователей. Существуют традиционные формы презентации музейных собраний и памятников: статьи, одной из которых является данная статья, каталоги, выступления на научных конференциях и семина-

рах. Безусловным преимуществом данных форм презентации является то, что часто они не подразумевают участия в масштабном проекте, само существование которого связано с возможностями администрации музея, и зависят лишь от активности хранителя. Их недостаток в том, что подобных статей/выступлений много и при современном уровне актуальной информации, даже если мы исключим неизбежный информационный шум, они легко могут остаться незамеченными.

Возможно также включение презентации коллекции в проект музейного или общенационального масштаба. В этом случае дело в наличии такого проекта. В ГИМ подобным приоритетным проектом является раздел «Электронная коллекция» на сайте музея, где скорее всего и будут опубликованы предметы коллекции фотографий ФМЛ. Недостатком данной публикации может показаться отсутствие развернутых аннотаций, которые не подразумеваются в рамках данного проекта, ориентированного на широкий круг пользователей. Предметы данной коллекции в большинстве своем требуют серьезной атрибуции, а их публикация предоставляет возможность их изучения сторонними исследователями, хотя большинство исследователей интересуется не источниковедческий анализ фотодокументов (тема не приоритетная), а они сами лишь как источник, зачастую — иллюстрация, для «конкретных исторических исследований».

Эта статья, не претендующая на полноценный обзор коллекции, продиктована стремлением сориентировать исследователей на крупные тематические блоки в составе коллекции при полном осознании того, что их работа с источником/комплексом источников — процесс индивидуальный. Другой автор, а тем паче представитель другой научной парадигмы, расставил бы акценты иначе, и содержание обзора также было бы иным. Здесь же речь идет более всего о привлечении внимания к данной коллекции как к одной из не самых известных, но являющихся, тем не менее, неотъемлемой частью фотографического наследия страны.

Библиография

- Адамс А.* Автобиография. М.: Известия, 2009. 132 с.
- Антология советской фотографии. Т. 1—2. М.: Планета, 1986—1987.
- Аудиовизуальные архивы на рубеже XX—XXI веков (отечественный и зарубежный опыт) / [Сост.: В. М. Магидов, Е. Л. Иванова]. М.: Ипполитов, 2003. 415 с.
- Бажак К.* История фотографии. Возникновение изображения. М.: АСТ: Астрель, 2006. 159 с.
- Барт Р.* Camera lucida. М.: Ad Marginem, 1997. 223 с.
- Бархатова Е.В.* Русская светопись. Первый век фотоискусства. 1839—1914. СПб: Альянс — Лики России, 2009. 400 с.
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.

- Бёрджер Д.* Фотография и ее предназначения: эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 240 с.
- Бойцова О.Ю.* Любительские фото: визуальная культура повседневности. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 266 с.
- Волков-Ланнит Л.Ф.* Искусство фотопортрета. М.: Искусство, 1966. 303 с.
- Волков-Ланнит Л.Ф.* История пишется объективом. М.: Планета, 1971. 256 с.
- Гавришина О.В.* Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности». М.: НЛО, 2011. 192 с.
- Главацкая Е.М.* Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // Известия Уральского гос. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. № 1(99). Екатеринбург, 2012. С. 217–225.
- Диментман Д.А.* Коллекция фото документов А.А. Губарева как объект историко-художественного исследования // Страницы художественного наследия России XVI–XX вв. М.: ГИМ, 1991. С. 165–176. (Труды ГИМ. Вып. 89).
- Добренькая М.В.* Образцовое жилище москвича 1950-х гг. в фотографиях Центрального архива электронных и аудиовизуальных документов Москвы // Отечественные архивы. 2008. № 2. С. 103–108.
- Картье-Брессон А.* Воображаемая реальность. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2013. 128 с.
- Капа Р.* Скрытая перспектива: воспоминания. СПб.: Клаудберри, 2011. 280 с.
- Краусс Р.* Фотографическое: опыт теории расхождений. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 304 с.
- Кузин А.А.* История технических архивов: учебное пособие. М.: МГИАИ, 1973. 70 с.
- Кузин А.А.* Кинофотофоноархивы: учебное пособие. М.: МГИАИ, 1960. 263 с.
- Кузин А.А., Рошаль Л.М.* Кинофотофоноархивы: учебное пособие. М.: МГИАИ, 1982. 63 с.
- Левашов В.В.* Лекции по истории фотографии. М.: Treemedia, 2012. 484 с.
- Магидов В.М.* К вопросу об особенностях кинофотофонодокументов как массовых источников // Массовые документы и проблемы архивоведения. М.: ВНИИДАД, 1986. С. 79–92.
- Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы Архивного фонда Российской Федерации — источниковая база исторических исследований // Источниковедение XX столетия: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М.: РГГУ, 1993. С. 54–55.
- Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 394 с.
- Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы как исторический источник // Отечественная история. 1992. № 5. С. 104–116.
- Магидов В.М.* Кинофотодокументы как объект источниковедения (историография вопроса) // Советские архивы. 1991. № 4. С. 32–33.
- Михалкович В.И., Стигнеев В.Т.* Поэтика фотографии. М.: Искусство, 1989. 277 с.
- Морозов С.А.* Русская художественная фотография. М.: Искусство, 1955. 184 с.
- Морозов С.А.* Советская художественная фотография. М.: Искусство, 1958. 296 с.

- Морозов С.А.* Творческая фотография. М.: Планета, 1985. 413 с.
- Никитин В.А.* Рассказы о фотографах и фотографиях. Л.: Лениздат, 1991. 220 с.
- Нуркова В.В.* Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М.: РГГУ, 2006. 287 с.
- Петровская Е.* Антифотография. М.: Три квадрата, 2003. 111 с.
- Поллак П.* Из истории фотографии. М.: Планета, 1983. 176 с.
- Попов А.П.* Из истории российской фотографии. М.: Издательство Московского университета, 2010. 238 с.
- Руйе А.* Фотография. Между документом и современным искусством. СПб.: Клаудберри, 2014. 712 с.
- Русская фотография: [фотоальбом]. М.: Планета, 1996. 286 с.
- Сабурова Т.Г.* Андрей Карелин: Портрет в интерьере: каталог выставки ГИМ. М.: ГИМ, 2006. 96 с.
- Сабурова Т.Г.* Портрет в русской фотографии: избранные произведения 1850–1910-х гг. из собрания ГИМ. М.: ГИМ, 2006. 224 с.
- Сабурова Т.Г.* Русское фотографическое общество в Москве. 1894–1930. М.: Планета, 2013. 320 с.
- Сабурова Т.Г.* Семейный альбом. Из истории фотоателье: каталог выставки ГИМ. М.: ГИМ, 2010. 72 с.
- Савчук В.В.* Философия фотографии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. 253 с.
- Саран А.Ю.* История профессиональной фотографии в Орловской губернии (1855–1928). Орел: Издательство ОрелГАУ, 2006. 175 с.
- Семейный альбом: фотографии и письма сто лет назад: из коллекции Елены Лаврентьевой. М.: Белый город, 2005. 224 с.
- Собрание Дома Джорджа Истмена. История фотографии. С 1839 года до наших дней. М.: Taschen/Арт Родник, 2010. 766 с.
- Сонтаг С.* О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.
- Сосна Н.* Фотография и образ: Визуальное, непрозрачное, прозрачное. М.: НЛО, 2011. 200 с.
- Стигнеев В.Т.* Век фотографии. 1894–1994: Очерки истории отечественной фотографии. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 392 с.
- Стигнеев В.Т.* От пикториализма к фоторепортажу: очерки истории отечественной фотографии 1900–1950. М.: Гос. ин-т искусствознания, Арт Бридж, 2013. 256 с.
- Стигнеев В.Т.* Популярная эстетика фотографии. М.: Три квадрата, 2011. 344 с.
- Технотронные документы — информационная база источниковедения и архивоведения: сборник науч. статей к 70-летию В.М. Магидова. М.: РГГУ, 2011. 307 с.
- Тимофеева Т.П.* Владимирские фотографы (19 — начало 20 в.) // Памятники культуры. Новые открытия. 1999. М.: Наука, 2000. С. 506–514.
- Туровцева С.В.* Фотоальбомы как объект источниковедения // Источниковедение XX столетия: тезисы докладов и сообщений научной конференции. М.: РГГУ, 1993. С. 160–161.
- Тюнина О.П.* Фотоколлекция Юсуповых в Архангельском // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1993. М.: Наука, 1994. С. 361–372.

Тютюнник Л.И. Альбом фотографий из архива канцлера А.М. Горчакова // Российский архив: альманах. М.: Студия Тритэ, Рос. архив, 1991. Вып. 1. С. 319–324.

Фоменко А. Монтаж, фактография, эпос: Производственное движение и фотография. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 374 с.

Фотография. Всемирная история / Под ред. Дж. Хэкинг. М.: МАГМА, 2014. 576 с.

Фотография: Проблемы поэтики: сборник статей по теории фотографии. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 296 с.

Фризо М. Новая история фотографии. Т. 1–2. СПб., Machina; Андрей Наследников, 2008–2009.

Хилл П., Купер Т. Диалог с фотографией: интервью с фотографами. СПб., Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2010. 416 с.

Чертилина М.А. Похороны жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 г. в фотодокументах РГАКФД // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 45–51.

Чибисов К.В. Очерки по истории фотографии. М.: Искусство, 1987. 255 с.

Шестерикова В.В. Фотография в Самаре // Самарский земский сборник. Самара: Издательство СамГУ, 2004. № 1. С. 68–70.

Шипова Т.Н. Фотографы Москвы – на память будущему. 1839–1930: альбом-справочник. М.: Издательство объединения «Мосгорархив»; АО «Московские учебники», 2001. 368 с.

УДК 549; 069.5; 930

С.Н. Ненашева, S.N. Nenasheva

**СОБРАНИЕ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ИМ. А.Е. ФЕРСМАНА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС
ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ**

**The Representation of Historical Events
by the Archival Documents, the Objects
of the Fersman Mineralogical Museum Collections**

Аннотация: трехсотлетняя история Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН отображает не только историю формирования коллекций музея, но и историю развития минералогии в России. В ней прослеживается даже история Государства Российского с XVIII в. до наших дней. В документах, хранящихся в Архиве музея, в предметах коллекций запечатлена история возникновения и развития важнейших научных идей в минералогии, роль крупнейших российских ученых в развитии новых направлений в науках о Земле.

Abstract: Three hundred year history of Fersman Mineralogical Museum RAS represents not only the history of Museum collections formation but also the history

of mineralogy development in Russia, and even (though) traces of the history of Russian State since XVIII century till ours days. The Archive documents, the objects of collections show the history origination and the development of the most important ideas in mineralogy. The role of major Russian scientists in evolution of the new directions in Earth sciences is also presented.

Ключевые слова: история науки, история минералогии, музееведение, Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН, документы архива, информационный ресурс, изучение музейного собрания, формирование коллекций, систематизация коллекций, репрезентация научного знания музеем.

Keywords: history of science, history of development of mineralogy, museology, Fersman mineralogical museum, archives documents, informing resource, investigation of museums collections, history of collections, systematization of collections, representation of scientific knowledge by museum.

Минералогическому музею им. А.Е. Ферсмана в 2016 г. исполнится 300 лет. Трехсотлетняя история музея тесно связана с историческими событиями: с историей развития минералогии в России, с историей Москвы и, конечно, с историей Российского государства от начала XVIII в. и до настоящего времени. Каждый предмет, каждое наименование и даже здания, в которых располагался музей ранее и располагается в настоящее время, несут историческую информацию.

Петр I, сознавая необходимость прогресса России в экономике, военном деле, заботился о развитии промышленности и науки, в том числе исследований, направленных на освоение природных богатств, т. е. минерально-сырьевой базы страны; о просвещении населения России. «Петр Великий — это первое имя, которое мы встречаем в истории сознательной научной работы русского народа. Как во многом другом, так и здесь мы до сих пор чувствуем мощное движение, которое было наложено на жизнь нашей страны гением этого человека...» И далее: «Из сознания государственной пользы этот человек огромного ума и дела не только изменил условия русской государственной и общественной жизни, не только сделал выгодным перенимание того, что было известно на Западе, — он ввел русское общество и русскую государственность в творческую научную работу» [Вернадский, 2013. С. 162].

С этой целью в 1714 г. по указу Петра I началась организация Кунсткамеры. В указе было написано: «Тогда приказал Его Величество находящимся под начальством лейб-медика Арескина, главного оной Кунсткамеры надзирателя, библиотекаря Шумахеру: поелику все в надлежащем порядке учреждено и расставлено, то бы впредь всякого желающего оную смотреть пускать и водить, показывая и изъясняя вещи. ...Я хочу, — заявил Петр I, — чтобы люди смотрели и учились» [Станюкович, 1953. С. 24]. Кунсткамера, а затем и Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана (в разное время он имел разные названия) с момента открытия в

1719 и до 1996 г. были бесплатными для посетителей. Кунсткамера до 1727 г. располагалась в здании Кикиных палат, затем все ее коллекции были переведены в здание на Васильевском острове, построенное специально для Кунсткамеры архитектором И. Маттарнови.

28 января 1724 г. был объявлен Указ «Правительствующего Сената» об «Учинении» Академии наук, в котором говорилось: «Его Императорское Величество указаль учинить Академию, в которой бы учились языкамъ, также прочим наукамъ и знатнымъ художествамъ, и переводили бѣ книги...» [Полное собрание законов Российской Империи...]. Однако торжественное открытие Академии наук произошло только 27 декабря 1725 г. при Екатерине I. Кунсткамера была передана в ведение Академии наук. С 1742 по 1745 г. проводилась опись всех ее коллекций.

Коллекция минералов в Кунсткамере образовалась почти сразу же после основания музея, когда Петр I купил коллекцию Музея доктора Кристофа Готтвальда (Christoph Gottwald, Christophorus Gottvaldt) из Данцига. Значительную часть ее составляли минералы в количестве 1195 образцов. Опись этой коллекции (за исключением первых двух листов) хранится в Архиве Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН. История Минералогического музея РАН традиционно исчисляется с этого момента, то есть с 1716 г. [Сольский, 1961; Барсанов, Корнетова, 1989, Годовиков, 1989]. Однако исследования Д.Д. Новгородовой показали, что указанная покупка была сделана в 1714 г. [Новгородова, 2011], а в 1716 г. был выделен Минеральный кабинет Кунсткамеры, эта дата и является точкой отсчета истории Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана.

Изучение Минеральной коллекции Кунсткамеры было начато Иоганном-Георгом Гмелиным в 1727 г. [Станюкович, 1953], приглашенным в Академию наук для руководства Кунсткамерой и приведения в порядок Минерального кабинета. «Коллекция Данцигского врача Готтвальда составляла главную, хотя и не самую замечательную часть» [Гмелин, 1954]. Были и другие: привезенная сюда И.-Г. Гмелиным коллекция из герцогства Вюртембергского; коллекция президента Аптекарской канцелярии Р. Арескина; наполненные минералами ящики, привезенные из Швеции и из России; образцы многочисленных минералов, собранные во время экспедиций в Сибирь, в том числе образцы, доставленные ученым-натуралистом Даниэлем Готлибом Мессершмидтом. Когда Гмелин начал работу над описанием минеральной части Кунсткамеры, ему показалось целесообразным слить воедино имеющиеся различные коллекции. Так и родилась Минералогическая коллекция Кунсткамеры. Работа над «Минеральным каталогом» (первым описанием данной коллекции) началась в 1731 г. В 1741 г. в Кунсткамере начал работать М.В. Ломоносов, принимая участие в описании коллекций и составлении «Минерального каталога», который был подготовлен Гмелиным, И. Амманом, Ломоносовым и вошел в третью часть первого тома двухтомного сводного ката-

лога Императорского музея — Кунсткамеры, опубликованного в академическом издании в 1745 г. на латинском языке. Согласно «Минеральному каталогу», собрание насчитывало около 3000 инвентарных единиц минералов и руд. Это был не только первый научный труд Минерального кабинета, первое отечественное научное сочинение по минералогии, но и одно из первых изданий Академии наук. Русский перевод «Минерального каталога» (переводчики Ломоносов, Лебедев, Голубцов) стал значительным вкладом в развитие русского языка. Ниже приведен фрагмент из рукописи этого перевода (с правкой М.В. Ломоносова):

«КАМНИ ДОРОГИЕ

Камни дорогие, прозрачные, никакого цвету не имеющие.

1. Алмаз наподобие четверугольной бляшечки, длиною и шириною в две линии, маленько желтоватый.
2. Хрусталь чистый круглый, с одной стороны плоский, а с другой выпуклистый, величиной с грецкий орех.
3. Хрусталь почти такой же, как и прежний, у которого только выпуклистая сторона имеет угол, в середине которого видны расселины.
4. Хрусталь круглый, продолговатый, с одной стороны плоский, длиною в два дюйма, у которого края в разных местах обились.
5. Плитка хрустальная, весьма прозрачная, продолговатая, восьмиугольная».

Следующие рукописные каталоги Минерального кабинета, составленные Иоганном Готлобом Леманом в 1766 г. и Иоганном Готтлибом Георги в 1789 г., также хранятся в Архиве Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН. Система описаний минералов в каталогах свидетельствует о развитии знаний по минералогии. По мнению Д.Д. Новгородовой, каталог Гмелина-Аммана-Ломоносова подобен каталогу К. Готвальда, хотя и отличается от каталога К. Готвальда тем, что в нем намечается зарождение минералогической системы; в каталогах же И.Г. Лемана и И.Г. Георги прослеживается четкая, хорошо продуманная систематика минералов [Новгородова, 2011].

В расширении знаний о минералах, о месторождениях России большое значение имели крупные экспедиции в отдаленные части Российской империи. Экспедиции Петра Симона Палласа (1773–1778; 1779–1801), Ивана Ивановича Лепехина (1772; 1802), Эрика Густавовича Лаксмана (1778–1779) и другие пополняли коллекции очень интересными и генетически важными минералами. Этому же способствовали приобретения частных коллекций как за рубежом, так и в России. Например, в 1784 г. была куплена коллекция отечественных минералов Андрея Андреевича Нартова — бывшего президента Берг-коллегии и Вольного экономического общества, сыгравшего важную роль в развитии горного дела в России. В дар от шведского короля в 1783 г. была получена большая (313 образцов) и ценная коллекция минералов Скандинавии.

Научная деятельность и работа по систематизации коллекций в музее интенсивно развивались в период, когда в Минеральный кабинет пришел крупный ученый, академик Василий Михайлович Севергин (1765–1826), ставший его руководителем (1789–1826). В.М. Севергиным написаны основополагающие работы по минералогии: «Начальные основания естественной истории. Царство ископаемых» (1791), «Первые основания минералогии или естественной истории ископаемых тел» (1798), «Опыт минералогического землеописания государства Российского» (1809), «Новая система минералов, основанная на наружных отличительных признаках» (1816). Их написание было бы невозможно без материалов собранных коллекций, дневников путешествий в XVII в. по России. При нем стал регулярно выходить «Технологический журнал» при Императорской Академии наук — научный журнал, в котором печатались статьи по геологии, минералогии, горному делу. Коллекции интенсивно пополнялись. Были куплены: богатейшая коллекция В.И. Хвостова, коллекция торговца минералами Фостера (около 5000 образцов), полковника В.Н. Шеншина, коллекция французского минералога графа Ж.-Л. Де-Бурнона, главного инженера Златоустовских заводов, члена-корреспондента Академии наук А.В. Раздеришина. В музей поступили минералы, собранные академиками Н.Я. Озерецковским и В.М. Севергиным.

К концу XVIII — началу XIX в. собрание Минерального кабинета Кунсткамеры насчитывало 6125 зарубежных и 3460 отечественных образцов (всего около 10 000 образцов минералов) и являлось крупнейшим и богатейшим в Европе. Во время Отечественной войны 1812 г. коллекции Минерального кабинета эвакуировали в Петрозаводск, где они находились до 1813 г. В следующем году В.М. Севергиным был составлен обзор-путеводитель всех коллекций, согласно которому общее количество образцов минералов, горных пород, окаменелостей достигало 20 000. Минеральный кабинет стал основной базой минералогических исследований в России. В 1836 г. Минеральный кабинет был преобразован в самостоятельный Минералогический музей Академии наук.

В XIX в. собрание музея пополнилось тремя крупными коллекциями: любителя минералов И.П. Балашева (1868) и мецената графа С.Г. Строганова (1877), члена-корреспондента Академии наук А.Ф. Фольборта (1877). В конце XIX в. в России развивались в основном геологическое и палеонтологическое направления в науке. Наблюдался спад минералогической деятельности, но даже в то время к руководству музеем привлекались крупные минералоги России. Минералогия как наука продолжала развиваться. Директор музея академик Н.И. Кокшаров создал капитальный труд «Материалы для минералогии России», издававшийся им на русском и немецком языках (11 томов; к сожалению, издание на русском языке прекратилось на 5-м томе; 1856–1878). За первый том Кокшаров получил Демидовскую премию. Эта работа составила эпоху в русской

минералогической науке и поставила имя автора в ряды известнейших и популярнейших естествоиспытателей — как русских, так и иностранных.

1897 г. стал для Минералогической коллекции трагическим. По распоряжению хранителя музея С.И. Вермана из витрин были изъяты минералогические образцы, на их месте была размещена экспозиция к VII Сессии Международного геологического конгресса, представлявшая геологические и палеонтологические материалы. «Минералогические коллекции были спутаны, этикетки и образцы разрознены, многие образцы потеряли инвентаризационные номера, из-за чего общее количество минералогических образцов сократилось примерно до 6000» [Годовиков, 1989]. В 1899 г. музей был переименован в Геологический музей, а в 1903 г. он получил имя Петра Великого. Его коллекции в это время начал энергично приводить в порядок ученый хранитель В.И. Воробьев, приглашенный академиком Ф.Н. Чернышевым в 1900 г. Он же настоял на передаче в музей образцов Минералогического общества, часть из них представляла большую научную ценность. В тот же период музей получил в дар крупную коллекцию В.В. Редикорцева. На проценты от капитала В.И. Воробьева, погибшего в экспедиции в 1906 г. и завещавшего свой капитал (20 000 руб.) на приобретение минералогических коллекций, была куплена коллекция уральского горнопромышленника и любителя минералов К.А. Шишковского (100 образцов за 4000 руб.). В 1912 г. Геологический музей им. Петра Великого был переименован в Геологический и минералогический музей им. Петра Великого. В том же году у горного инженера И.Н. Крыжановского была куплена большая коллекция минералов из месторождений России (около 4000 образцов). Огромный вклад в восстановление минералогических коллекций внес В.И. Крыжановский — ученый хранитель с 1912 г., директор музея с 1945 по 1947 г.

Научная и просветительская активность Геологического и минералогического музея имени Петра Великого Императорской Академии наук особо возросла с приходом в музей в 1912 г. академика Владимира Ивановича Вернадского — выдающегося мыслителя и философа, естествоиспытателя. В.И. Вернадский, представитель прогрессивных направлений в минералогии (генетического и геохимического), предпринял энергичные шаги по оснащению музея. Создавались научно-аналитические лаборатории, оборудованные самыми лучшими на то время приборами. Научные исследования велись на самом высоком уровне, что позволило Вернадскому создать фундаментальные работы по минералогии: «Опыт описательной минералогии» (1912—1914), «История минералов земной коры» (1923—1927). В труде «История минералов земной коры» В.И. Вернадский сформулировал основные требования к систематике минералов.

Научные труды академика Александра Евгеньевича Ферсмана — всемирно известного минералога, геохимика, открывателя первого крупного промышленного месторождения апатитов (1926) — до сих пор являются

отправной точкой многих исследований по минералогии и геохимии. Это: «Пегматиты» (1931), 4-томная «Геохимия» (1933—1939), «Геохимические и минералогические методы поисков полезных ископаемых» (1940). На научно-популярных книгах А.Е. Ферсмана «Воспоминания о камне» (1940), «Занимательная минералогия», «Занимательная геохимия» (1950) и др. выросло не одно поколение минералогов России.

Именно в 1920—1940-х гг., в Минералогическом музее была заложена современная система музейного дела, сочетающая полевые работы для сбора образцов, их исследование, систематизацию и хранение. За счет экспедиционных сборов из Ильменских гор и других районов России (1911—1917) фонды музея пополнялись уникальными образцами минералов. Кроме того, покупались образцы из частных коллекций. В.И. Вернадским и А.Е. Ферсманом по специальному указу правительства для Академии наук была организована покупка богатейшей коллекции князя Петра Аркадьевича Кочубея, в которой насчитывалось около 3000 образцов, представляющих 350 известных в то время минеральных видов. Сейчас в музее находится на хранении 2608 образцов из коллекции П.А. Кочубея. Весь минералогический материал в музее был систематизирован, разделен на 4 коллекции: систематическая коллекция минералов, коллекция месторождений, коллекция кристаллов, коллекция псевдоморфоз и форм минеральных агрегатов.

С 1915 г. музей стал базой для работы Комиссии по изучению производительных сил России (КЕПС), созданной по инициативе В.И. Вернадского в связи с началом Первой мировой войны, показавшей острую необходимость в собственном минеральном сырье и полную неподготовленность в этом отношении промышленности России. Организованные музеем экспедиции приводят к открытию ряда месторождений полезных ископаемых. Фонды музея пополняются за счет полевых сборов и к 1917 г. разрастаются до 29 000 образцов. В 1918—1925 гг. из Госфонда в музей были переданы коллекции минералов, драгоценных, поделочных камней и изделий из них, поступившие из царских дворцов и реквизированных у частных лиц.

В 1920-е гг. в Геологический и минералогический музей им. Петра Великого (так назывался в то время Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана) поступили многие уникальные изделия фирмы Фаберже, которые являются украшением музея по настоящее время: фигурки животных и птиц; композиция — маленькая золотая сосна, растущая из цилиндрического сосуда, выполненного из оникса, обвитая цветущей лианой (ствол лианы золотой, листья нефритовые, а цветки из эмали); фигурки людей — солдат; агатовые чашечки и др.

Всё это вновь сделало минералогическое собрание Академии наук России одним из лучших в Европе.

В 1934 г. музей вместе с Академией наук переехал в Москву. К тому времени в музее хранилось 60 280 образцов в основном фонде и около

20 000 образцов в дублетном фонде. Музею было предоставлено старинное здание, бывший манеж Нескучного дворца — дворца Демидовых, затем Орловых и императорской семьи. Манеж располагался рядом с Нескучным дворцом, в котором в настоящее время размещается Президиум Российской академии наук.

В послевоенные годы музей развивался интенсивно, сначала под руководством Дмитрия Сергеевича Белянкина, а затем Георгия Павловича Барсанова, при котором особенно активизировалась экспозиционная деятельность. Были заново организованы или переделаны выставки: «Минералообразующие процессы», «История минералогии и Минералогического музея в России», «Систематика», «Минералы, открытые в России», «Геохимия элементов в процессе минералообразования», «Причины окраски минералов», «Минералы Подмосковья», «Новые поступления» и др. В 1955 г. Минералогическому музею было присвоено имя А.Е. Ферсмана.

Новый этап в развитии музея начался с приходом в музей в качестве директора Александра Александровича Годовикова (1983). А.А. Годовиков был выдающимся минералогом своего времени. Он разрабатывал теоретические вопросы минералогии, стремясь создать основу для единой классификации минералов, которая приблизила бы минералогию к тому рубежу, когда она стала бы не описательной, а точной наукой. Используя основные требования к систематике, сформулированные В.И. Вернадским, Годовиков создал структурно-химическую систематику минералов, учитывающую современные знания о строении вещества (опубликована в 1997 г.). Кроме этого, Годовиков был великолепным организатором. В годы его работы в музее были завершены ремонт и реставрация здания, восстановлены старые и разработаны новые постоянные экспозиции; музей открылся во всей красе. Сочетание исторического здания, его внутреннего убранства и коллекций минералов со значительным историческим прошлым уникальным образом сформировало особую энергетику музея, его неповторимость и красоту. Активизировалась издательская и выставочная (в том числе международная) деятельность, начали применяться компьютерные технологии.

Одним из крупных достижений в эти годы является передача музею крупных коллекций образцов А.А. Годовиковым (около 4000 образцов) и Виктором Ивановичем Степановым — выдающимся диагностом минералов. Только в основной, наиболее ценной, части коллекции В.И. Степанова насчитывается 8000 образцов. Эти коллекции по значимости и ценности не уступают коллекциям П.А. Кочубея и других выдающихся коллекционеров и знатоков камня.

В настоящее время активно изучается историческое наследие, хранящееся в музее. Собрание и экспонирование предметов коллекции драгоценных и поделочных камней — еще одна важная часть деятельности

музея по сохранению культурного наследия. О применении человеком минералов можно говорить бесконечно, но нельзя не остановиться на использовании камня в ювелирном деле, в скульптуре. Скульптурой порой можно выразить больше, чем изображением на плоскости, ведь человек способен воспринимать предметы, окружающие его, не только зрением и слухом, но и осязанием, обонянием, вкусом, интуицией. Скульптура способна погрузить нас в разные состояния души: восторг, радость, печаль, тоску, ностальгию, умиротворенность и т. д. Одним из самых распространенных и характерных видов скульптуры является мелкая пластика — скульптура малых форм размером до 80 см. В этом виде искусства используются различные материалы: стекло, медь, фарфор, дерево, металл, драгоценные, полудрагоценные и поделочные камни. В Минералогическом музее им. А.Е. Ферсмана хранятся произведения мелкой пластики, выполненные русскими, тувинскими, китайскими, японскими и другими мастерами.

Сотрудники музея исследуют не только вещественный состав минералов и камнерезных изделий из коллекций, но и историю появления коллекций, технологии изготовления изделий, устанавливают их авторство. Например, совместно с сотрудниками Музеев Московского Кремля установлено, что в фондах музея хранились разрозненные части неоконченного пасхального яйца фирмы Фаберже. Главный художник фирмы Ф.П. Бирбаум в 1922 г. так его описывал: «...яйцо синего стекла, на котором было инкрустировано созвездие того дня, в котором родился наследник. Яйцо поддерживалось амурами из серебра и облаками матового горного хрусталя. Если не ошибаюсь, внутри были часы с вращающимся циферблатом. Изготовление этого яйца было прервано войною. Готовы были амуры, облака, само яйцо с инкрустациями и пьедестал не был окончен...» [Генералов, 2006. С. 123; цит. из книги: Faberge T.F., Proler L.G., Skurlov V.V. The Faberge Imperial Eggs. London, 1997. P. 62]. Вероятно, идеей дизайн-проекта было «ювелирное воплощение «натальной карты» цесаревича — звездного глобуса с расположением на нем небесных тел на момент рождения Алексея» [Там же].

В фондах музея обнаружены флорентийские мозаики, описанные М.В. Ломоносовым в каталоге камней и окаменелостей Минерального кабинета Кунсткамеры Академии наук [Новгородова, 2011], блюдо, подаренное цесаревичу Николаю Александровичу, будущему императору Николаю II, во время возвращения его из кругосветного путешествия через Сибирь и Урал в 1891 г. Исторический интерес представляет образец самородного серебра из Норвегии, полученный Петром Великим в подарок при посещении Копенгагенского музея, во время его первой поездки в Европу в 1697—1698 гг., а также образцы из подаренных в разное время коллекций.

История формирования коллекций музея, предметов из них — свидетельство исторических событий в развитии общества. Со временем уточняются, расширяются знания, появляются новые характеристики предметов, явлений, новые названия минеральных видов, новые термины, которыми человек оперирует. Анализ исторических документов позволяет приводить их в соответствие с современными понятиями, знаниями. Это облегчает обществу понимание трудов великих предшественников. В качестве примера такого издания приведем «Словарь языка М.В. Ломоносова. Минералогия» [Словарь языка М.В. Ломоносова, 2010. С. 131 — 164], в котором разъяснение названий минералов, использованных Ломоносовым, и привязка к их соответствующим современным названиям выполнены Д.Д. Новгородовой — сотрудницей Музея им. А.Е. Ферсмана РАН.

Подводя итог, констатируем: собрание Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана представляет собой мощный информационный ресурс для изучения замечательных творений природы и деятельности выдающихся личностей. В этом своем качестве он представляет интерес и для историков, и для ученых, изучающих формирование и развитие минералогии как науки, а также занимающихся более узкими ее направлениями (генезисом минералов, их систематизацией, строением). Образцы минералов из месторождений (как разрабатывающихся в настоящее время, так и давно отработанных) служат эталонами и помогают при открытии и изучении новых минеральных видов. Повторное исследование образцов минералов из отработанных месторождений дает информацию для открытия новых месторождений. Камнерезные изделия, хранящиеся в музее, позволяют проследить развитие этого искусства как в России, так и в ряде других стран.

Библиография

Барсанов Г.П., Корнетова В.А. История развития Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана АН СССР за 270 лет (1716–1986) // Старейшие минералогические музеи СССР. Очерки по истории геологических знаний. Вып. 25. М.: Наука, 1989. С. 9–52.

Вернадский В.И. Труды по истории науки. Собрание сочинений. М.: Наука, 2013. Т. 11. 381 с.

Генералов М.Е. Последнее Императорское пасхальное яйцо Фаберже: астрономический подход // Новые данные о минералах. Вып. 41. 2006. С. 123–128.

Гмелин И.Г. Замечание, необходимое для понимания минеральных каталогов / Пер. А.И. Доватура // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 5: Труды по минералогии, металлургии и горному делу. 1741–1763 гг. М.; СПб.: Изд-во АН СССР. 1954. Примечания, с. 658–660.

Годовиков А.А. Основные хронологические даты в истории Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана АН СССР // Старейшие минералогические музеи

СССР. Очерки по истории геологических знаний. Вып. 25. М.: Наука, 1989. С. 53–71.

Ломоносов М.В. Минеральный каталог // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 5: Труды по минералогии, металлургии и горному делу. 1741–1763 гг. М.; СПб.: Изд-во АН СССР. 1954. С. 7–241.

Новгородова Д.Д. Три каталога из Архива Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН // Новые данные о минералах. Вып. 46. 2011. С. 114–122.

Новгородова Д.Д. Образцы мраморной флорентийской мозаики и руинного мрамора из коллекций Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана в Минеральном каталоге Кунсткамеры // Новые данные о минералах. Вып. 46. 2011. С. 123–134.

Полное собрание законов Российской Империи. Царствование Государя Императора Петра Первого. Т. 7. С. 220. Указ № 4443.

Словарь языка М.В. Ломоносова. Минералогия / Под ред. Н.Н. Казанского; отв. ред С.С. Волков. СПб.: Нестор-История, 2010. 472 с.

Сольский Д.И. Очерк истории Минералогического музея Академии наук СССР (дореволюционный период) // Труды Минералогического музея АН СССР. Вып. 11. М., 1961. С. 220–230.

Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.

Чистякова М.Б. Изделия Петергофской гранильной фабрики в Минералогическом музее им. А.Е. Ферсмана // Новые данные о минералах. Вып. 46. 2011. С. 94–113.

Чистякова М.Б. Произведения тувинских камнерезов в Минералогическом музее им. А.Е. Ферсмана // Новые данные о минералах. Вып. 47. 2012. С. 93–101.

УДК 069; 069.8

И.А. Ермацанс, I.A. Ermatsans

ИССЛЕДОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО МУЗЕЯ РАН С ЦЕЛЬЮ СОХРАНЕНИЯ ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ – ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Researches of the Natural Science Museum of Russian Academy of Sciences for the Purpose of Preservation of Natural Heritage – Information Resource for Historical Science

Аннотация: в статье предпринята попытка определить содержание понятия «информационное обеспечение исторической науки» применительно к академическому естественно-научному музею. Ориентация музея на изучение природного объекта как один из способов его сохранения способствует выявлению, извлечению и накоплению информации, которая становится ресурсом для исторической науки. На примере палеонтологического музея (АмурНЦ ДВО РАН) прослежи-

вается механизм исследования природного наследия и репрезентации полученных результатов музейными средствами.

Abstract: In the article is made an attempt to define the content of the concept «information support of historical science» in relation to the academic natural-science museum. Orientation of the museum to studies of natural object as one of the ways of its preservation promotes identification, extraction and accumulation of information that becomes a resource for historical science. As exemplified by the paleontological museum (Amur Scientific Center, FEB RAS) may be traced a mechanism of research of natural heritage and representation of the received results by museum means.

Ключевые слова: историческая наука, история палеонтологии, музееведение, естественно-научные музеи РАН, природное наследие, природный источник, исторический источник, информационный ресурс, экспозиция, музейная коммуникация.

Keywords: historical science, museology, natural-science museums Russian Academies of Sciences, natural heritage, history of paleontologic, information resource, exposition, museum communication, natural object, historical source.

Выявление роли естественно-научных музеев Российской академии наук в информационном обеспечении исторической науки возможно при условии раскрытия их информационного потенциала. Необходимо обозначить, что мы будем понимать под «информационным обеспечением исторической науки». Находясь на позиции «музей, архив, библиотека — для исторической науки», за рабочее мы принимаем следующее определение — «это деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения исследовательских задач в области изучения истории, а также сама такая информация, определенным образом структурированная (организованная) и представленная в удобном для исследователя виде» [Воронцова, 2014]. Делая поправку на академический музей, т. е. музей, относящийся к ведомству РАН, уточним определение. По нашему мнению, данная деятельность должна отличаться целенаправленностью, системностью и осуществляться рефлекслирующим субъектом. Под «информационным ресурсом» мы будем понимать весь комплекс «явной» и «скрытой», «актуальной» и «отложенной» информации вещественного и письменного источника [Ковальченко, 2003. С. 123, 128, 132; Медушевская, 2008. С. 284] в трансляции на естественно-научный (естественно-исторический) музей.

Как правило, естественно-научные музеи РАН являются структурными подразделениями научно-исследовательских институтов или центров (за исключением Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана и Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского). Область их научных интересов определяется проблематикой и основными направлениями

деятельности «своего» института или центра, а также более узко — интересами его конкретного подразделения или смежных структур. Научный интерес при этом прежде всего направлен на природные образования, которые, попадая в поле научного интереса ученого, становятся объектами исследования. На них ученый направляет свою деятельность (извлекает из природной среды, изучает, консервирует с целью сохранения, создает реконструкции целостного вида и т. д.). Воздействие (по М. Блоку, «прикосновение») человека, коэкзистенциальное историческому времени и пространству, придает природному объекту качество исторического источника и делает его в этой части принадлежащим культуре. М. Блок утверждал: «Разнообразие исторических источников почти бесконечно. Все, что он изготовляет, к чему прикасается, может и должно давать о нем сведения» [Блок, 1986. С. 39].

Информацию о природном объекте, полученную при его изучении, по характеру можно отнести к двум областям научного знания — естественной и гуманитарной.

Во-первых, это — информация, являющаяся результатом изучения специалистами профильных направлений (геологами, стратиграфами, палеонтологами, палеоэкологами, палеоботаниками, палеогеографами и др.) с целью получения данных для определения места отдельных элементов (фрагментов, частей, организмов и т. д.) в целостных структурах, выявления взаимосвязей (например, отдельных костных остатков — в скелете, биологического организма — в группах подобных себе видов, родов, семейств, отрядов, в геологической истории Земли, в развитии жизни на Земле и т. д.).

Во-вторых, это — информация, являющаяся результатом изучения истории естественно-научных исследований: выявления и систематизации фактов; поиска биографических сведений о первооткрывателях и исследователях; восстановления хронологии подобных находок в конкретном регионе и соотнесении с другими регионами Земли; выявления событий, предшествовавших и последующих, сопутствовавших, содействовавших или препятствовавших открытию.

Первая область связана с решением задач естественно-научного плана, вторая — гуманитарного. В каждой области — свои уровни исследования, которые зависят от степени развития естественных и гуманитарных наук. Для естественных наук гуманитарные исследования вторичны и носят вспомогательный характер. Занимаются гуманитарными исследованиями преимущественно сами специалисты профильных направлений [Боровиков, 1982; Иностранные..., 2012]. Такая (возможно, чрезмерная) специализированность истории естествознания, находящаяся в «автономном плавании» [Репина, 2001], отчасти объяснима. Специальные знания, необходимые ученому, работающему в области естественных наук, позволяют ему находиться в контексте научного дискурса. Обработывая пер-

вичную информацию, он создает возможность для использования ее другими науками, в том числе исторической, которая сможет включить новую информацию в общеисторический контекст.

С вещественными источниками природного происхождения тесно связаны письменные источники. Причиной появления последних в естественно-научном контексте служит природный объект; приобретение природным образованием нового качества — качества объекта исследования — имеет следствием создание отчетов, корреспонденции, дневников и других текстов, с помощью которых осуществляется реконструкция исторического и социокультурного контекстов, соотнесенных с открытием и исследованием природного объекта. Изучение письменных источников, в которых «природные феномены» действительно «целенаправленно зафиксированы», дает то самое «объективно значимое знание о человеке, обществе, цивилизации и даже природе» [Медушевская, С. 164].

Результаты исследования (новое знание, подтвердившее или опровергнутое существование концепции или парадигмы) доводятся до научного сообщества как «по традиционным институциональным каналам», так и «через всех участников исследовательского процесса» [Ефременко, 2005. С. 214] в виде публикаций в научных печатных и электронных изданиях, информации на сайтах. Категории населения, находящиеся за пределами научного сообщества, могут ознакомиться с результатами уже в адаптированном виде в научно-популярной и популярной литературе, в средствах массовой информации (СМИ), интернет-ресурсах. Важную роль в популяризации научного знания играют естественно-научные музеи, которые обязаны музейными средствами на высоком профессиональном уровне, но при этом доступно, представлять достоверные результаты исследований в форме выставок и обновленных экспозиций, с использованием новых технологий, искать эффективные формы работы с посетителями, помимо традиционных лекций и экскурсий.

Палеонтологический музей, образованный как структурное подразделение Амурского научного центра Дальневосточного отделения Российской академии наук (далее АмурНЦ ДВО РАН), тесно связан с палеонтологической лабораторией, действующей в составе Института геологии и природопользования ДВО РАН (далее ИГиП ДВО РАН). Лаборатория располагает коллекциями, музей — экспозицией. Экспозиция предлагает краткий экскурс в историю развития жизни на Земле с акцентами на фанерозое, мезозое (времени существования динозавров), маастрихте мелового периода (веке обитания динозавров в пределах современной территории Приамурья). Еще одна линия, заложенная в экспозиции, — история палеонтологических исследований динозавровых местонахождений (XVII—XXI вв.). Основной целью музей считает репрезентацию и популяризацию предоставляемых лабораторией палеонтологических коллекций.

Естественно-научный музей, в нашем случае палеонтологический, даже не имея собственных фондов, может изучать коллекции и представлять их в экспозиции при условии коммуникации со смежными структурами и подразделениями. Предметы коллекции (например, ископаемые костные остатки или фоссилии) являются вещественными источниками информации природного происхождения, своего рода «документами», для ученых, специализирующихся в различных областях естественно-научного знания. Работа с вещественными источниками подобной формы (впрочем, как и с любыми другими вещественными и письменными источниками) требует определенной подготовки, специальных знаний, владения особыми методиками. В музейной экспозиции эти предметы являются собой достоверное (на определенный момент времени и на определенную локализацию в пространстве) знание о реальности существования неких природных объектов (например, ископаемых организмов: исчезнувших морских рептилий — плезиозавров, наземных рептилий — динозавров и др.), о признаках, отличающих их от других объектов (внешние параметры или морфология, поведение, особенности коммуникации и т. д.), видовом разнообразии, географии обитания на Земле.

Помимо информации, которая с различной глубиной раскрывает и представляет природные объекты Амурского региона (например, гадрозавров — утконосых динозавров, обитавших на Земле около 65,5 млн лет назад), с этим регионом связана история изучения динозавровых местонахождений. Сотрудники палеонтологического музея АмурНЦ ДВО РАН сосредоточились на восстановлении целостной картины палеонтологических исследований, а именно на выявлении: хронологии находок; роли конкретных ученых, научных обществ, учреждений и организаций; документов, фотографий, других источников, обладающих качествами музейного предмета — с его информативностью, аттрактивностью, экспрессивностью.

Для того чтобы добиться нужного результата, вначале мы определили круг субъектов потенциальной коммуникации. В их число вошли учреждения:

- транслирующие научную форму культуры и находящиеся в ведении РАН (структурные подразделения ИГиП ДВО РАН в Благовещенске, Санкт-Петербургский филиал архива РАН, Геологический музей им. В.И. Вернадского РАН в Москве, Ботанический сад Ботанического института им. В.Л. Комарова в Санкт-Петербурге, Центральный научно-исследовательский геологоразведочный музей им. Ф.Н. Чернышева там же, Центральная научная библиотека ДВО РАН во Владивостоке);
- относящиеся к сфере культуры и транслирующие различные ее формы (Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, Государственный архив Амурской области, област-

ная научная библиотека им. Н.Н. Муравьева-Амурского в Благовещенске, Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, Государственный архив Хабаровского края, Дальневосточная государственная научная библиотека в Хабаровске, Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге).

Значительный потенциал для исследования содержат интернет-ресурсы.

Максимально полное выявление корпуса литературы и источников, тщательное их изучение, сопоставление фактов истории палеонтологии Приамурья позволило внести коррективы в хронологию и персонификацию палеонтологических исследований середины 1850-х гг. — 1917 г. Нами изучены и проанализированы источники, хранящиеся в музеях и архивах, периодическая печать, научные публикации; уточнены известные факты палеонтологических находок; выявлены персоналии и экспедиции, деятельность которых оставила след в истории палеонтологических исследований в Приамурье; проведен системный сравнительно-исторический анализ деятельности экспедиций и отдельных исследователей, работавших под эгидой различных организаций.

Новые данные позволили более полно представить историю изучения динозавровых местонахождений Приамурья: Белые Кручи (Цзяинь, Китай), Благовещенское и Асташихинское (Амурская область, Россия). Так, до недавнего времени исследователи, начиная с А.Н. Рябинина, датой сборов первых в Азии костных остатков позвоночных на местонахождении Белые Кручи считали 1902 г., первооткрывателем — М.М. Манакина [Рябинин, 1930а и 1930б]. Однако нами установлено, что первые сборы костей позвоночных сделал в 1859 г. Ф.Б. Шмидт, спускаясь от Благовещенска к устью Усури [Шмидт, Глен, 1868]. А.Н. Криштофович указал, что динозавровое местонахождение Белые Кручи и место находки ископаемых костей позвоночных Ф.Б. Шмидтом — одно и то же. Это позволило нам отнести дату их открытия к 1859 г. и установить подлинного первооткрывателя динозаврового местонахождения Белые Кручи (Ф.Б. Шмидта). Найденные Шмидтом фоссилии (окаменевшие костные остатки) — первые ставшие известными нам остатки костей динозавров в Азии.

Сотрудничество с Санкт-Петербургским филиалом архива РАН (СПФ АРАН) позволило нам ознакомиться с неопубликованным до сих пор путевым дневником А.Н. Рябинина (1874—1942). Выдающийся российский и советский геолог, палеонтолог, крупнейший в России и СССР специалист в области ископаемых позвоночных (рыб, амфибий, рептилий и птиц) [Боровиков, 1982] умер в блокадном Ленинграде. В 1924 г. ученый побывал в Германии, Бельгии, Великобритании с целью получения сравнительного материала для реконструкции динозавра, костные остатки которого были обнаружены во время палеонтологических раскопок 1916—1917 гг. на местонахождении Белые Кручи, на правом бе-

регу Амура. Результатом поездки стала выполненная им первая в России реконструкция динозавра, названного им маньчжурозавром амурским (*Mandschurosaurus amurensis*) [Рябинин, 1930а]. Во время поездки он вел путевой дневник [СПФ АРАН. Ф. 732. Оп. 1. Д. 82.], в котором живо и эмоционально изложил свои наблюдения и впечатления. От его взгляда не ускользнули изменения, происходившие на индивидуальном, личностном, уровне и в масштабах сообществ, наций, государств; в его записях зафиксированы признаки неизбежности событий 1939 г.

Полученные нами данные постепенно вводились в научный оборот, в числе прочего в форме публикаций в материалах Международного симпозиума по геологии и палеонтологии в г. Ичунь (Китай), а также Амурской межвузовской конференции в Благовещенске [Bolotsky, Ermatsans, Godefroit, Bolotsky, 2011; Болотский, Ермацанс, Болотский, Сашнина, 2011].

Выявление новых для истории палеонтологии Приамурья дат и имен позволило проследить хронологию исследований меловых отложений Амурской области за 1859–1917 гг. [Ермацанс, Болотский, 2012]. В истории палеонтологических исследований в Приамурье в эти годы мы условно выделили два этапа, взяв за основу результативность экспедиционных работ с точки зрения палеонтологии: 1859–1890-е гг. — первые находки; 1900–1917 гг. — продолжение геологических исследований, включая специально организованную в 1916–1917 гг. Геологическим комитетом первую в Приамурье палеонтологическую экспедицию [Ермацанс, Болотский, 2013].

Проанализировав события в области палеонтологии Приамурья 1920–1980-х гг., мы акцентировали внимание на 1949–1951 гг. К ним относится открытие [Амурская правда. 1949, № 122] и дальнейшие исследования Благовещенского местонахождения. Для него была установлена новая дата открытия (1949 г., ранее датой открытия считался 1948 г.). В 1949 г. исследования производились А.Г. Удодом и Г.С. Новиковым-Даурским, сотрудниками Амурского областного краеведческого музея, совместно с геологом А.З. Лазаревым, в 1951 г. — амурским отрядом Сибирской экспедиции Палеонтологического института АН СССР под руководством А.К. Рождественского, одного из немногих специалистов, занимавшихся на тот момент исследованием динозавровой фауны. Выявленные в личном фонде Г.С. Новикова-Даурского, хранящемся в Государственном архиве Амурской области, фотографии [ГААО. Ф. 958. Оп. 1. Д. 205. 93 л.] и полевой дневник [Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 481-481 об.], а также отчет А.К. Рождественского [Рождественский, 1952], предоставленный из своего рабочего фонда заведующим палеонтологической лабораторией Ю.Л. Болотским, позволили проанализировать работу отряда [Ермацанс, Болотская, Болотский, 2012].

Кроме того, мы попытались проследить путь палеонтологических находок с места их открытия на территории Приамурья до включения в кол-

лекции музеев России. Было установлено, что к 1920-м гг. палеонтологические коллекции, включавшие палеоботанические и палеозоологические материалы, собранные на территории Амурской области, сосредоточились в фондах музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Благовещенска и Хабаровска. Фондообразователями являлись исследователи, работавшие по заданию научных обществ, общественных и государственных организаций, и краеведы. В частности, коллекции поступили в фонды: Геологического музея Императорской Академии наук (ныне Геологический музей им. В.И. Вернадского РАН) — от В.С. Доктуровского; Императорского Ботанического сада (ныне Ботанический сад Ботанического института им. В.Л. Комарова в Санкт-Петербурге) — от Ф.Б. Шмидта; Музея прикладной геологии при Геологическом комитете (ныне Центральный научно-исследовательский геологоразведочный музей им. Ф.Н. Чернышева в Санкт-Петербурге) — от М.Д. Залесского, С. Константова, И.В. Новопокровского, А.Н. Криштофовича, А.Н. Рябинина, В.П. Рентгартена [Каталог..., 1966]; Амурского окружного краеведческого музея (ныне Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского в Благовещенске) — от А.Я. Гурова; Хабаровского краевого музея (ныне Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова) — от М.М. Манакина, Г.Ф. Белоусова (предположительно), А.Я. Гурова.

Результаты исследовательской работы в 2012 г. воплотились в мини-выставке «Из истории динозавровых местонахождений Приамурья: местонахождение Белые Кручи (Цзянь, КНР), местонахождение Благовещенское» и в 2013 г. были введены в действующую экспозицию музея. В 2014 г. в рамках передвижной выставки «Динозавры в городе» на шести баннерах были представлены результаты палеонтологических исследований динозавровых местонахождений Амурского региона на примере Благовещенского местонахождения и история самих этих исследований.

Как и многие музеи Дальневосточного отделения РАН, наш музей, пытаясь сделать научное знание более доступным широкому кругу людей, включился в работу ежегодных Всероссийских фестивалей науки, участвует в выставках и конференциях, в проведении экскурсий и лекций, в грантовых проектах. Так, музей принял участие в грантовом проекте Сахалинского краеведческого музея «Динозавры существовали», который стал победителем VII конкурса «Научный музей в XXI веке» в номинации «Повышение мобильности в сфере научной популяризации и усиление творческих связей между музеями и научными центрами» фонда «Династия» (23—30 сентября 2013 г.). В соответствии с условиями гранта для реализации проекта научные сотрудники и специалисты палеонтологического музея АмурНЦ и ИГиП ДВО РАН, кафедры изобразительного искусства и методики его преподавания БГПУ им. М.И. Калинина были приглашены в краеведческий музей Южно-Сахалинска для чтения лекций и проведения мастер-классов.

В свете вышеизложенного информационное обеспечение исторической науки в контексте академического естественно-научного музея — это процесс взаимодействия активно рефлексирующего субъекта (исследователя) с объектом (информацией) с целью выявления информационных ресурсов для исторической науки. Деятельность субъекта при этом отличается целенаправленностью, системностью и ориентирована на выявление, сбор, накопление, обработку, сохранение и представление достоверной информации, структурированной в соответствии с требованиями гуманитарных и естественных наук.

Информационный ресурс как результат взаимодействия исследователя с массивом первичной информации, заложенной в вещественных и письменных источниках, в определенной степени и есть тот конечный продукт, который представляет интерес для исторической науки.

Библиография

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е.М. Лысенко, прим. и статья А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1986. 256 с.

Болотский Ю.Л., Ермацанс И.А., Болотский И.Ю., Сашина О.В. Новые персоналии в истории открытия последних динозавров Азии // Материалы Амурской межвузовской конференции. Благовещенск, 22–23 ноября 2011 г. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 42–44.

Боровиков Л.И. Анатолий Николаевич Рябинин (1874–1942) // Выдающиеся ученые Геологического комитета — ВСЕГЕИ. Л.: Наука, 1982. С. 79–108.

Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов междунар. науч. конференции, посвященной 150-летию открытия для публики Чертовской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ России, 2014. С. 363–372.

ГА АО. Ф. 958. Оп. 1. Д. 205. 93 л.

Ермацанс И.А., Болотский И.Ю. История исследования меловых отложений Амурской области // Меловая система России и ближнего зарубежья: проблемы стратиграфии и палеогеографии / Под ред. Е.Ю. Барабошкина, Н.А. Бондаренко, К.Е. Барабошкина. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2012. С. 124–127.

Ермацанс И.А., Болотская Н.В., Болотский Ю.Л. История исследования Благовещенского местонахождения позднемеловых динозавров // Вопросы геологии комплексного освоения природных ресурсов Восточной Азии: Вторая Всерос. науч. конференции: сборник докладов. Благовещенск: ИГиП ДВО РАН, 2012. С. 158–161.

Ермацанс И.А., Болотский И.Ю. Палеонтологические исследования Амурской области (1859–1917) // Вестник ДВО РАН. Владивосток. 2013. № 5. С. 159–167.

Ефременко Д.В. Производство научного знания и российское научное общество: социально-политические аспекты // Наукovedение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. А.Г. Аллахвердяна, Н.Н. Семеновой, А.В. Юревича. М.: Логос, 2005. 308 с. (Серия: Научные доклады; вып. 3).

Иностранцы члены Российской академии наук XVIII—XXI вв.: Геология и горные науки / И.Г. Малахова, З.А. Бессуднова, Г.П. Хомизури, Е.Л. Минина; [отв. ред. И.Г. Малахова]; Гос. геолог. музей им. В.И. Вернадского ОНЗ РАН. М.: ГЦ РАН, 2012. 504 с. Электронный ресурс: <http://elpub.wdcb.ru/ebooks/formemb.pdf>

Интересная находка // Амурская правда. 1949. № 122.

Каталог монографических палеонтологических коллекций, хранящихся в Центральном научно-исследовательском геологоразведочном музее им. Ф.Н. Чернышева. Л.: Недра, 1996. 176 с.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.

Рождественский А.К. Отчет о работе Амурского отряда Сибирской экспедиции ПИНа АН СССР 1951 (не опубликован) // ПИН АН СССР. М., 1952. № 60. 13 л.

Медушевская О.М. Методы источниковедения и междисциплинарные аспекты // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 122—168.

Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.

Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Вестник РОИИ. Информационно-аналитическое электронное издание «Общества интеллектуальной истории». 2001. № 1. Электронный ресурс: URL: <http://roii.ru/bulletin/roii-bulletin-1.pdf>

Рябинин А.Н. Mandschurosaurus amurensis nov. gen. nov. sp., верхнемеловой динозавр с р. Амура // Монография Русского палеонтологического общества. Л., 1930а. Вып. 2. 36 с.

Рябинин А.Н. К вопросу о фауне и возрасте динозавровых слоев на р. Амур // Записки Русского минералогического общества. Л., 1930б. Вып. 50, № 1.

Шмидт Ф.Б., Глен П.П. Исторические отчеты о физико-географических исследованиях // Труды Сибирской экспедиции ИРГО. СПб., 1868. Т. 1. С. 1—72.

Bolotsky Y.L., Ermatsans I., Godefroit P., Bolotsky I.Y. New facts on a history of discoveries of the first Asian dinosaur // Abstracts of the Int'l Symposium on Geology & Paleontology in Yichun, China; Yichun of China. 2011. 8.20-25. P. 47—48.

ФОНДЫ МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ

Funds of the Medical Museum as the Information Resource for Studying and Teaching of History of Medicine

Аннотация: в статье рассматриваются собрания музеев медицинского профиля как информационный ресурс для научного постижения человеком окружающего мира, в том числе для изучения истории медицины. Показывается значение научных фондов медицинских музеев для образовательного процесса, в частности для преподавания вышеназванной дисциплины. Выявляется информационный (смысловой и просветительский) потенциал отдельных артефактов и коллекций, используемых в работе со студентами и иными категориями музейных посетителей. Приведены примеры взаимодействия музейного и педагогического сообществ в современной практике.

Abstract: In the article are considered collections of medical profile museums as an important resource for scientific comprehension by a person of the outside world, including for history of medicine studies. There is shown the meaning of medical museums scientific holdings for the process of education, in particular for teaching of the discipline mentioned above. There is revealed informational (conceptual and educational) potential of specific artifacts and collections that are used in working process with students and other types of museum visitors. There are given examples of interaction of museum and pedagogical communities in contemporary practice.

Ключевые слова: музееведение, история медицины, междисциплинарные исследования, медицинский музей, научная систематика коллекций, трансляция научного знания, образовательный стандарт, профессиональные компетенции.

Keywords: museology, the history of medicine, interdisciplinary research, medical museum, rarities, scientific systematisation of collections, translation of scientific knowledge, the educational standard, the professional competence of the expert.

Начало начал любого музея — его фонды. Их формирование и использование в медицинских музеях стали предметом исследования относительно недавно. Среди публикаций — доклады директора и сотрудников Военно-медицинского музея [Будко, 2009, 2014], директоров Музея истории сердечно-сосудистой хирургии Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева [Глянцев, 2013, 2014] и Музея истории медицины Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова [Черниченко, 2014; Черниченко, Рубина, 2014], а также другие работы [Арифупова, 2001; Бахтина, 1996; Бирю-

кова, 2009; Киселев, Крюков, 2009; Кузыбаева, 2010; 2008; 2013; Пашков, 2014; Чиж, 2014]. В большинстве из них дается общая характеристика фондовых коллекций и лишь иногда — сведения о фондообразователях и краткая характеристика структуры научных фондов. На первом этапе осмысления истории развития музеев этой профильной группы допустим подобный подход к изучению и репрезентации фондов. В статье собрания медицинских музеев (с применением сравнительно-исторического и аналитического, т. е. причинно-следственного и историко-системного методов) рассматриваются как ресурс для научного постижения человеком окружающего мира, выявляется информационный (смысловой и просветительский) потенциал артефактов и их коллекций, показывается значение научных фондов для образовательного процесса, в частности для изучения и преподавания истории медицины.

Изначально медицинское знание было доступно лишь узкому кругу лиц, необходимые предметы и препараты сосредоточивались в строго определенных местах — избах лежцов и знахарей. Таинственность, окружавшая процесс лечения человека в древности и средневековье, привносила в эту сферу элемент сакральности; целители приобретали особый статус и ассоциировались с высшими силами природы [Богоявленский, 1960. С. 34]. Среди окружавших их предметов находились и вещи, не использовавшиеся при лечении: подношения исцеленных либо выделенные из повседневного обихода особо ценные предметы с характерными вотивными свойствами (скульптурные изображения животных, символы покровителей врачевания, керамика, тщательно украшенные инструменты и т. п.). Эти комплексы, собиравшиеся в дохристианские эпохи (эпохи поклонения силам природы), стали прообразами будущих собраний.

Наряду с ними среди археологических находок встречаются предметы, использовавшиеся в медицине: наборы для кровопускания, инструменты, керамическая и металлическая посуда для приготовления и хранения зелий и др. В качестве примера назовем коллекцию костяных хирургических инструментов сарматов (III в. до н.э. — I в. н. э.) в Астраханском музее истории медицины. Данные археологов свидетельствуют о наличии у славян уже в VIII—IX вв. медицинских воззрений (о строении человека и функциях его органов, о жидкостях, наполняющих его тело, о строении животных, живших рядом с людьми). Их хранителями длительное время были ведуны, знахари, волхвы. Они следовали традиции, представления о врачевании приобретали эмпирическим путем. Многие свойственные древности убеждения о причинах, характере течения и продолжительности болезней сохранились до наших дней в пословицах и поговорках. Устная традиция трансляции медицинского знания может быть определена как специфическая форма нематериального культурного наследия, воспринимаемого сегодня как новация в понимании музейного объекта. Большой массив материалов, отображающих развитие медицины, со-

ставляют источники письменные («Слово о полку Игореве», былина об Илье Муромце, травники, лечебники и др.) и вещественные источники, являющиеся базой для историко-медицинских исследований. Информация о целительстве на Руси дошла до нас благодаря сохранению сакральных предметов и приспособлений для лечения в монастырских больницах и больничных храмах; это — еще одна форма протомузейного собирательства.

Монастырская медицина оказала влияние на медицину светскую. Историки медицины [Лахтин, 1906. С 131; Яровинский, 1997. С. 18] относят документально подтвержденное появление иностранных врачей в Москве к правлению Ивана III, т. е. к XV в. Тогда же было положено начало великокняжеским естественно-научным собраниям. Приспособления, зелья сосредоточивались при государевом дворе, размещались в Государевой аптеке, помимо утилитарной выполнявшей функцию «поддержания культурной памяти» [Сундиева, 2005. С. 75]. Создание Аптекарского приказа заложило основы официальной государственной медицины и оказало влияние на развитие собирательства медицинских артефактов. Его деятельность способствовала дальнейшему развитию протомузейных форм предшествующего периода (книжные и документальные собрания, монастырские огороды и сады) и появлению новых (собрания учебного назначения при лекарской школе и раритетов при аптеках, аптекарские сады и огороды). Предшественники медицинских музеев в России, исполнявшие одну из важнейших социальных функций музея — хранительскую, формировались в русле европейских традиций естественно-научного коллекционирования, но им были присущи и черты, которые продуцировались жизнью и потребностями русского общества.

Реформы Петра I открыли широкие возможности для изучения европейской медицинской науки, благоприятствовали освоению иностранного опыта музейной деятельности. Усилилась роль представителей европейской медицины как в распространении научных знаний, так и в формировании музейных собраний по типу кабинетов натуралий; постепенно главными критериями их ценности стали не уникальность и количество образцов, а полнота и систематизированность [Юренева, 2003. С. 157–158]. Появились анатомические театры, кабинеты, музеи (в России — в XVIII в.). Изучение строения животных и человека, анатомические исследования, технические новшества, находки в области консервации органических материалов привнесли новации и в практику коллекционирования. Их перенимали русские исследователи. Так, в отчете о поездке 1721–1722 гг. по научным центрам Западной Европы секретарь Медицинской канцелярии, библиотечарь Академии наук И.Д. Шумахер, сравнив состав собраний осмотренных им кунсткамер и кабинетов натуралий в ряде городов с тем, что имелось в Санкт-Петербургской кунсткамере, констатировал: «...в анатомических вашего императорского величества

кабинет себе подобного не имеет» [Музееведческая мысль..., 2010. С. 39]. Одновременно с формированием коллекций Кунсткамеры собирание медицинских предметов постепенно становилось сферой деятельности госпиталей и госпитальных школ.

Значительную часть современной сети медицинских музеев составляют музеи научных, образовательных и просветительских центров (академий, университетов, научно-медицинских обществ), в том числе музеи истории вузов и научно-исследовательских институтов. Их фонды — богатейший информационный ресурс для разнообразных исследований. Они активно используются для изучения эволюции медицинских знаний, путей развития народной медицины, современных достижений. Основная их задача — сохранение и актуализация историко-медицинского наследия России.

Развитие дисциплины «история медицины» (ранее именовавшейся «энциклопедией медицины») продолжается по настоящее время. К сожалению, история медицины как целостная система научных знаний и практической деятельности, основанной на идеях гуманизма, менее привлекательна для учащейся молодежи, чем трансплантология, хирургия, гинекология, вирусология, терапия; наблюдается дефицит кадров историков медицины. Знание истории своей специальности — важный фактор становления профессиональной компетенции современного врача; ему уделяется внимание в системе подготовки, опирающейся на образовательные стандарты третьего поколения. До- и последипломное обучение, дополнительное профессиональное образование в медицинских вузах, стажировки и повышение квалификации специалистов в высокотехнологичных научных медицинских центрах не обходятся без музеев.

В составе музейного комплекса Казанского государственного медицинского университета больше десятка музеев при кафедрах и мемориальных кабинетов, а также старейший в Поволжье Анатомический театр, созданный при участии Н.И. Лобачевского. Работа с музейными предметами, подготовка обзорной и тематических экскурсий по музеям и архитектурному комплексу университета стали составной частью курса по истории медицины, который ведут для будущих медиков сотрудники кафедры биомедицины, медицинского права и истории медицины; доцентом кафедры, руководителем студенческого научного кружка А.Ю. Ивановым разработаны новые подходы к использованию фондовых материалов музея в исследованиях и обучении студентов.

Музей истории медицины Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Первый МГМУ им. И.М. Сеченова) стал коммуникационной площадкой для представителей разных поколений, местом научных дискуссий, лекций зарубежных и отечественных ученых. Хирургические и урологические инструменты, аптечная посуда и книги XVIII в. и другие предметы из его собрания, исто-

рическая и научная ценность которых несомненна, репрезентируются лучше, чем собрания многих других вузовских музеев, в том числе в рамках значимых международных и российских проектов: выставки «Храм природы» (2011 г., Государственный Дарвиновский музей), «Хранители Славы. Эпоха 1812 года в музейных реликвиях и частных коллекциях» (2012 г., музей-панорама «Бородинская битва»), «Наука спасения», приуроченная к 100-летию начала Первой мировой войны (2014 г., Политехнический музей) и др. Более половины музейного собрания в Первом МГМУ им. И.М. Сеченова составляют личные фонды ученых, что обусловлено особенностями комплектования в постсоветский период. Они востребованы всеми категориями посетителей, включая исследователей достижений корифеев медицины и истории отдельных направлений медицинской науки. Недостаточная доступность материалов связана с тем, что фондохранилища расположены в нескольких зданиях и не имеют помещений для работы в них специалистов, а транспортировка музейных предметов в основное здание музея затруднена. Сложно оформить разрешение на работу в фондах. Такая ситуация характерна для многих ведомственных музеев.

Работа коллектива кафедры истории медицины Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова по реконструкции экспозиции вузовского музея стимулировала комплектование коллекций по истории вуза и истории стоматологии предметами, собранными по всему миру. Востребованные в связи с оптимизацией сети медицинских музеев курсы повышения квалификации для их сотрудников на базе этого университета, программа которых включает и практические занятия с музейными предметами, способствовали консолидации данного музейного сообщества и его продвижению к оформлению Ассоциации медицинских музеев России. Названной выше кафедрой была инициирована олимпиада по истории медицины. Подготовка домашнего задания (презентации по определенной заранее теме), атрибуция опубликованных на сайте кафедры музейных предметов, использовавшихся в различные периоды в медицинской практике, конкурсы заключительного этапа позволили выявить лучших.

Коллекции, отображающие развитие медицины во второй половине XX в., появление в то время новых медицинских технологий и специальностей, имеются не во всех вузовских музеях. Этот важный этап истории медицины лучше представлен в собраниях отраслевых музеев, функционирующих в составе крупных научно-исследовательских медицинских центров и в Военно-медицинском музее Санкт-Петербурга. О роли последнего в популяризации историко-медицинского наследия написано немало [Будко, Бергман, 2007], что позволяет нам обратиться к отраслевым музеям, менее известным и практически закрытым для публики.

Высокий статус музея истории медицинской науки и практики имеет Музей истории сердечно-сосудистой хирургии Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева РАН. Теоретические разработки ведущих ученых в медицинских НИИ, новшества в лечении пациентов, совершенствование медицинской техники и инструментария отображены в его коллекциях. Одним из важных направлений комплектования его фондов является фиксация этапов создания искусственного сердца и приспособлений вспомогательного кровообращения. Сформирована уникальная коллекция искусственных клапанов сердца (начиная с первых лепестковых механических и заканчивая современными биопротезами), дающая представление о внедрении новых моделей клапанов в клиническую практику и о развитии хирургии врожденных и приобретенных пороков сердца. В музее хранится и использовавшийся при иссечении аневризмы аорты игольчатый зажим (придуман академиком АМН СССР Б.В. Петровским в 1960-х гг., конструктивно отличается от зажима Румеля), сыгравший значительную роль в развитии кардиохирургии. Музей предназначен в первую очередь для специалистов и функционирует как учебный музей в системе последипломного образования и непрерывного повышения квалификации медицинских кадров различного уровня. С его фондами работают интерны, ординаторы, аспиранты. С музеем знакомят пациентов накануне плановых хирургических вмешательств, получая позитивный психотерапевтический эффект, о чем свидетельствуют отзывы в книге посетителей. В XIX в. через кафедру госпитальной хирургии (профессора П.И. Дьяконова в Императорском Московском университете) и созданный при ней музей прошли почти все практикующие хирурги страны, в настоящее время та же традиция реализуется музеем Центра им. А.Н. Бакулева на качественно новом уровне. Являясь визитной карточкой центра, музей осуществляет трансляцию научного знания не только целевой (медицинской) аудитории, но и пациентам, гостям учреждения, всему российскому обществу.

К сожалению, в России не было и пока нет музея, в котором была бы представлена мировая история медицины, а в программах вузов имеется соответствующий учебный курс, построенный по хронологическому принципу (от глубокой древности до современности). В этом контексте отметим поддержанную министром здравоохранения В.И. Скворцовой инициативу медицинской общественности по созданию общероссийского музея истории медицины под эгидой Минздрава России. Создан общественный совет в составе представителей министерства, вузов, научных институтов, музеев. Им разработаны концепция и проект экспозиции будущего музея, а также идея реестра медицинских музеев страны. В компетенцию Совета включено и рассмотрение проблем истории медицины.

До некоторой степени восполнить вышеуказанный пробел помогают зарубежные медицинские музеи, включая музеи государств постсовет-

ского пространства. Значение опыта представителей профессорско-педагогического корпуса зарубежных медицинских вузов в организации музейного дела, в использовании музейных коллекций для нужд образования невозможно переоценить. В качестве примера назовем Музей истории медицины в Риге, основанный выпускником Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, профессором хирургии, собирателем свидетельств о врачевании и выдающихся медиках П.Я. Страдынем, получивший его имя и вошедший в тройку крупнейших медицинских музеев мира. Его коллекции, отражающие основные вехи в развитии медицины советского времени, изученные и описанные, используются в процессе изучения молодежью медицинских специальностей. Под руководством академика Латвийской академии наук А.А. Вискны разработан курс для будущих хирургов, где студентам демонстрируют экспонаты, наглядно отражающие развитие хирургии. Работа с подлинными памятниками науки и техники мотивирует их к дальнейшим занятиям. По инициативе заместителя директора по научной работе профессора Ю.М. Салакса музей вернулся к задаче совершенствования профессиональных навыков у сотрудников медицинских музеев на постсоветском пространстве и после 20-летнего перерыва в обмене опытом приступил к реализации программы научно-практических семинаров. В 2012 г. на его базе проведен международный семинар «От экспоната до выставки» с целью показать, как предмет, кажущийся обычным, становится музейным предметом; его участники отобрали экспонаты и провели их через все стадии формирования выставки «Раритеты советской медицины» (от приема в фонды до написания аннотаций); были установлены контакты с коллегами из аналогичных музеев Западной Европы, входящих в Европейскую ассоциацию музеев истории медицинских наук (ЕАМНМС; рижский музей представлен в бюро Ассоциации). Оцифровка музейных фондов, реализация принципов их «открытости» и «доступности» наследия для публики, включая исследователей, актуальны для музеев медицины. Опыт зарубежных коллег постепенно внедряется в нашей стране сотрудниками медицинских музеев с учетом требований Минкультуры России по использованию системы КАМИС.

Медицинские музеи в России с момента возникновения и на протяжении всей своей истории остаются музеями науки, хранят память о развитии научного познания окружающего мира, о роли человека в его изучении, о месте медицины в системе наук. Кабинеты натуралий, перенесенные на российскую почву в XVIII в., трансформировались в музеи (Академии наук, университетов). Коллекционирование памятников медицины и формирование фондов музеев происходили при участии известных ученых. Музеи документировали историю медицины, сохраняя и изучая подлинные свидетельства о ее открытиях и достижениях, транслируя достоверную информацию и обеспечивая тем самым высокий уровень подготовки специа-

листов, популяризируя научные знания. Многоплановая деятельность музеев вузов и ведущих клинических центров России позволяет рассматривать их как центры с мощным информационным и научным потенциалом, интегрирующие науку, культуру и образование, что во многом предопределено всем ходом эволюции музейного дела в России.

Библиография

Арифулова Л.Н. История медицинских музеев Европы и России. Краткий очерк. Батуми: Аджара, 2001. 79 с.

Бахтина З.И. О музее клиники нервных болезней им. А.Я. Кожевникова // Неврологический журнал. 1996. № 1. С. 44–45.

Бирюкова Н.М. Мемориальный фонд выдающегося российского хирурга С.И. Спасокукоцкого (1870–1943) в собрании Музея истории медицины ММА им. И.М. Сеченова // III Съезд Конфедерации историков медицины (международный): краткое содержание докладов: В 2 т. М.: Издательство РАМН, 2009. Т. 2. С. 372–374.

Богоявленский Н.А. Древнерусское врачевание. М.: Медицина, 1960.

Будко А.А. Из истории «медицинского Эрмитажа» // Музей. 2014. № 10. С. 28–31.

Будко А.А. Основные направления развития и миссии медицинских музеев в XXI веке // III Съезд Конфедерации историков медицины (международный): краткое содержание докладов. В 2 т. М.: Издательство РАМН, 2009. Т. 2. С. 296–298.

Будко А.А., Бергман М.Д. Основы научной концепции Военно-медицинского музея // Военно-медицинский журнал. 2007. Т. СССXXVIII. № 6. С. 80–84.

Глянец С.П. Краткая история и описание набора хирургических инструментов начала XIX века // История медицины. 2014. № 1. С. 186–192.

Глянец С.П. «Заставить говорить немые вещи» // Музей. 2014. № 10. С. 38–41.

Глянец С.П. Музей ССХ НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН: 10 лет в культурном пространстве России // Бюллетень научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева РАМН. Серия: Сердечно-сосудистые заболевания. 2013. Т. 14. № 5. С. 163.

Киселев И.И., Крюков Г.Б. Мемориальный музей И.М. Сеченова в профессиональном учебном и культурно-историческом пространстве // III Съезд Конфедерации историков медицины (международный): краткое содержание докладов: В 2 т. М.: Издательство РАМН, 2009. Т. 2. С. 335–337.

Кузыбаева М.П. К истории формирования сети современных медицинских музеев России // Вестник РГГУ. Серия: Культурология, искусствоведение, музология. 2013. № 7. С. 236–245.

Кузыбаева М.П. Инструментальные коллекции медицинского назначения в музейных собраниях России: проблемы сохранения и изучения // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 1. С. 138–154.

Кузыбаева М.П. О структуре фондов медицинского музея РАМН // Научно-исследовательская работа в музее. Доклады на X международной научно-прак-

тической конференции студентов, аспирантов и преподавателей кафедры музееведения (Москва, 29 ноября – 1 декабря 2007 года). М.: МГУКИ, 2008. С. 101–105.

Лактин М.Ю. Медицина и врачи в Московском государстве (в допетровской Руси) М.: Унив. тип., 1906.

Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: Сборник документов и материалов / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 960 с.

Пашков К.А. Российский музей истории медицины: прошлое и настоящее // Музей. 2014. № 10. С. 14–20.

Сундиева А.А. Протомузейные формы в русской культуре // Обсерватория культуры. 2005. № 3. С. 74–77.

Черненко М.Ю. Н.А. Семашко – первый нарком здравоохранения: новый век – новые исследовательские горизонты // История медицины. 2014. № 3. С. 73–81.

Черненко М.Ю., Рубина Е.А. Для будущих врачей // Музей. 2014. № 10. С. 32–36.

Чиж Н.В. Путь через эпохи // Музей. 2014. № 10. С. 42–45.

Юренева Т.Ю. Музей в мировой культуре. М.: Русское слово, 2003. 535 с.

Яровинский М.Я. Века Москвы медицинской. М.: Медицина, 1997.

УДК 069, 930

Назаров Л.С., S.L. Nazarov

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФОНДОВ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЗАПРОСОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ ТЕХНИКИ

Systematization of the Funds of the Polytechnic Museum to Meet the Needs of Researchers of the History of Technology

Аннотация: в статье предлагаются два инструмента для исторических исследований в области науки и техники, основанные на систематизации фондов политехнического музея. Первый – применение технических признаков (материала, покрытия, технологии и т. д.) для составления «хронологической шкалы» и определения возраста. Второй – применение объемной проекционной модели распределения областей науки и техники для исторического анализа, выявления тенденций и прогнозирования.

Abstract: In the article there are offered two tools for historical research in the field of science and technology, based on the systematization of the funds of the Museum. The first one is use of technical characteristics (material, coating, technology...) to compose a «chronological scale» and age determination. The second one is application of three – dimensional projection model of distribution of fields of science and technology for historical analysis, identifying trends and forecasting.

Ключевые слова: история техники, музееведение, политехнический музей, систематизация фондов музея, систематизация науки и техники, хронология, координатизация пространства, вектор, масштаб, энергосбережение.

Keywords: history of technology, museology, Polytechnical museum, systematization of funds of the Museum, systematization of science and technology, chronology, coordinatization of space, vector, scale, energy saving.

Цели и задачи истории техники — это *знать* и *предвидеть*. Знать прошлое, предвидеть будущее на основе изучения закономерностей развития общества. Одна из основных задач — воссоздать, реконструировать события и процессы прошлого на основе конечных результатов (например, по куску металла восстановить весь процесс его производства). Несмотря на сложность, задача решается (технолог-металлург может по составу металлов и содержанию примесей сделать заключение о процессе и условиях его получения).

Инструмент первый: хронологическая шкала. Несмотря на погрешности, привлечение технических специалистов-аналитиков к работе историков для ретроспективного анализа несомненно повышает ее качество. Попробуем построить «хронологическую шкалу» по техническим признакам.

Таблица 1

**Технические признаки,
используемые при датировке технических объектов**

		1	2	3
		XVIII в.	XIX в.	XX в.
M	Материал	котельное железо, чугун, бронза, дерево, пенька	сталь, латунь, дерево, шпоны, фарфор, стекло	алюминий, бакелит, композиты, полимеры, синтетика, ДСП
P	Покрытие	восковое, лаковое	масляная краска, эмаль, серебрение, золочение	никелирование, затем хромирование
T	Технология	ручные: ковка, литье, дутье; мануфактурные	заводские, фабричные	гальваника
N	Надписи	литье, гравировка	гравированные, выбитые, штамп	типовые шильды, штампы
E	Энергоносители	вода, ветер, солнце, уголь	уголь, нефть, керосин	бензин, ДТ, ЛЭП
D	Двигатель	паровой	дизельный (внутреннего сгорания)	электрический
U	Управление	рычагами	винтами	кнопками, наличие электронной платы

В обычном случае технические признаки не должны противоречить друг другу (например: **M2.P2.T2.N2.E2.D2.U2**).

А вот выделение какого-то параметра или параметров (**M2.P3.T2.N3.E3.D3.U3**) неоднозначно, сразу вызывает интерес и означает необходимость проведения дополнительных исследований, чтобы выяснить: старый материал указывает на ошибку в датировке или был сознательно использован в силу ситуации? Так, Политехническому музею для пополнения коллекции «Изделия из камня» предлагались плитки с глубоким орнаментом из кварцсодержащего известняка, использовавшегося при строительстве храмов Владимира, месторождения которого давно выработаны. Но глыбы уникального материала сохранялись мастерами-камнерезами, которые для обработки использовали старые технологии.

Другой пример: **M2.P2.T3.N2.E2.D2.U2**. Мастер «опередил время», используя еще официально не открытые технологии.

Отсюда можно сделать вывод, что систематизация технических объектов по приведенным критериям (материалу изделия и материалу покрытия, технологиям изготовления, нанесения надписей, по ориентации на используемые энергоносители и проч.) позволяет не только датировать время создания объекта, но и реконструировать условия его получения.

Совокупность дифференцирующих критериев, используемых в систематизации фондов политехнических музеев, отображает техническое развитие общества. Критерий деления по материалу отразился в археологической периодизации: каменный, медный, железный век, XX в. называют «веком композитных материалов». Применение энергетического критерия дает хронологическую последовательность: освоение естественных источников энергии (воды, ветра, солнца), освоение огня, пара, электричества, энергии атома.

Анализ изменений структуры фондов Политехнического музея показывает, что до сих пор фонды всегда систематизировались «под задачу», которая ставилась перед музеем в конкретный исторический период (популяризация прикладных наук, технологический «ликбез», профтехобучение и т. д.).

Структура Политехнической выставки 1872 г. была такова: продукция крупных и мелких предприятий, частных фирм, организаций объединялась в крупные разделы (промышленных, сельскохозяйственных, военных, научно-технических и культурных достижений). После ее закрытия произошло деление на два музейных собрания — исторического и технического направлений, и на основе последнего был образован Музей прикладных знаний (совр. Политехнический музей). В Музее прикладных знаний доминировало научное направление, в частности экспозиция состояла из 9 отделов, тесно связанных с прикладными науками (физика, химия, архитектура и др.).

В 1929 — 1930-х гг. музейные предметы были распределены по трем секторам: общему, фабрично-заводскому и сельскохозяйственному. От научно-исследовательского направления отказались, лаборатории музея превратились в центры по повышению квалификации рабочих. На основе выставки «Наши достижения» сложились постоянные отделы, отражавшие развитие важнейших отраслей хозяйства страны: энергетики, топливной промышленности, металлургии, машиностроения, химии, сельского хозяйства, легкой промышленности и др.

В послевоенные годы музей перешел под управление Общества «Знание», и миссия просвещения и распространения научных и политехнических знаний вышла на первый план. Отделы сельского хозяйства, топливный, архитектуры были расформированы, структура все более соответствовала делению по приоритетным отраслям промышленности.

В 1980-е гг. музей стал главным техническим музеем Советского Союза, сохраняющим и репрезентирующим историю отечественных науки и техники. Активно формировались «персональные» фонды видных ученых. Однако в целом сохранялась систематизация фондов по отраслевому признаку.

2000-е гг. для Политехнического музея — старт модернизации. В апреле 2010 г. президент РФ Д.А. Медведев поручил правительству РФ разработать концепцию создания *Музея науки* на базе Политехнического музея. Решение этой задачи предполагает выход научной части на первый план, соответствие структуры фондов современной классификации наук. Перенос центра тяжести с технической направленности музея на научную может привести к выведению множества технических и технологических коллекций в раздел «непрофильных».

В настоящее время структура фондов, в основном сохраняющая систематизацию по отраслям промышленности (горное дело, металлургия, химическое производство, энергетика, радиоэлектроника и т. д.), преобразуется под задачу экспозиционно-фондового «кластерного деления» с выделением глобальных разделов: «Материя — Энергия — Информация». В данной статье предложено отойти от систематизации фондов политехнических музеев «под задачу» и выбрать более универсальные критерии классифицирования технических устройств.

Систематизация на основе общих законов противоречит конкретности задач исторических исследований. Так, Г.М. Салахутдинов пишет, что «исследователи, преследующие цель выявить новую закономерность, должны стремиться не к универсальной, а, наоборот, к индивидуальной периодизации» и что периодизация не должна проводиться по «внешним» относительно изучаемой системы критериям. Для сравнения он приводит ситуацию, когда водителю, которому требуется знать качество дороги (грунт, асфальт...), предлагают такое ее описание — «дорога делится на три части — сначала она проходит около прекрасного луга, затем идет по

берегу чудесного озера и, наконец, через изумительный сосновый бор» [Салахутдинов, 2001. Гл. 6]. Это напоминает спор: что главнее — генетика ребенка или его воспитание. Нам ближе позиция Н.И. Дятчина: «всеобщие законы действуют через частные, которые представляют собой форму их проявления» [Дятчин, 2011. С 23]. Не менее важна и следующая мысль: «Машины, изменяясь, все более и более приближаются по сложности к живым существам». Она подтверждает, что в развитии природы и техники имеются аналогии, и убеждает в правомерности распространения законов естествознания на техносферу [Там же. С. 24].

В географической системе координат (широта — долгота) общее направление «север — юг» помогает решать все задачи ориентирования на местности: узнав только одно направление («на север»), мы определяем «азимут» нашего маршрута. В продолжение приведенной аналогии можно поставить вопрос о необходимости создания «дорожной карты» в исторической науке. Только дело осложняется тем, что «карты прошлого», составленные по «историческим привязкам-источникам», вернувшись в нужное время, мы проверить не можем, а «карты будущего» еще нет, оно представляет область непознанного.

Тем не менее человечество давно научилось составлять карты новых областей. Первое, то, с чего начинается такая карта, — координатизация пространства. Ответ на вопрос, что же выбрать в качестве «полюса», к которому будут сходиться все «векторно-силовые линии», лежит на поверхности и заложен в концептуальной основе модели «Я — мироздание». «Я», Человек... С человека начинается все им сделанное («техномир»), к нему оно привязано, вокруг него «вращается».

На числовой оси нулевая точка («0») стабилизирует (координатизирует) одномерное линейное пространство, разделяя его на области положительных и отрицательных чисел. Карта (плоскость, двухмерное пространство) стабилизируется вектором — направлением на север, все иные направления (азимуты) отсчитываются от него. Объем (трехмерное пространство) может координироваться двумя векторами; так мы получаем «параллели и меридианы».

Инструмент второй: «глобусная» модель как отражение систематизации технических объектов («техносферы»). «Глобусная» модель хорошо отражает идею «научно-технических сфер» (или областей) применения: естественная среда — техническая среда (техносфера) — социальная (гуманитарная) среда. Масштабная ось (пространственный критерий) содержит два вектора, направленных диаметрально противоположно от метрового масштаба («антропомасштаба»): в сторону мегамира и макромира. Она стабилизирует техносферу.

Нулевой точкой («экватор») на масштабной оси является «антропомасштаб», т. е. масштаб, соразмерный человеческому телу. Сажени, футы, ярды, пяди и аршины были у каждого свои, но измеряли все равно

Таблица 2
 Деление научной части фондового собрания ПМ по масштабности и области (среде) применения

		Естественная среда	Техногенная среда	Социальная среда	Информационная среда
Мега-	10^{15}	Астрофизика			
	10^{12}	Астрономия	Космонавтика	Философия	
Макро-	10^6	Геология, биология	Геотехнологии, биотехнологии	Общественные науки	Гносеология
	10^3	Физика	Архитектура, машиностроение	Медицина Социология	Информатика
<u>Масштаб</u>	<u>Размерность</u>	<u>Естественные науки</u>	<u>Технические науки</u>	<u>Гуманитарные науки</u>	<u>Информационные науки (наднаучный аппарат)</u>
Метровый (антропо-)	1 м	Механика физ. тел	Материаловедение, механика	Психология	Математика
	10^{-3}	Акустика	Миллитехнологии		
Микро-	10^{-6}	Оптика	Микротехнологии		
	10^{-9} 1 нм	Нанотехнологии			
Нано-	10^{-12}	Химия	Хим. технологии		
	10^{-15}	Радиофизика	Электротехника, ядерная энергетика		

ими. Потом более универсальный метр (как часть окружности Земли) позволил заменить «антропомасштаб» «метровым диапазоном». Гуманитарные науки «растровым образом» расширяют «антропомасштаб», поэтому в таблице показаны условно. Математика также вне масштаба (она общая для всех).

Изучением «километрового диапазона» и «мегаметрового диапазона» («северное полушарие», макромир) занялись геодезия, геология, астрономия, а выход из «метрового диапазона» в сторону «микромира» («южное полушарие») соответствует переходу из механики твердых тел (раздела физики) в области акустики, оптики, в область микробиологии, микроскопических исследований, а затем в область нанотехнологий (10^{-9} метра, граница физики и химии), с переходом в «химический диапазон» (от молекулы до атома) и с возвращением в физику, но в области радиофизики, размерности элементарных частиц.

Теперь следует найти «нулевой меридиан» в техносфере: деление на технику «производительную» («западное полушарие») и «непроизводительную» (техника потребления, военная, научная). «Бытовая производственная техника» (швейная машина, шуруповерт и т. д.), «производство на дому» и есть «нулевой меридиан». Профессиональный инструмент — шаг в сторону «производственного» («западного») полушария, а «бытовые очки — военный бинокль — научный микроскоп» — шаги в «непроизводительные» («восточное полушарие») сектора: «бытовое потребление» — военное — чисто научное, информационное. Затем информация перейдет в область производственных технологий, замкнув круг и соединив оба полушария. Военная техника рассматривается как средство управления социумом и тяготеет к гуманитарному ядру в секторе «управление» в объемной «глобусной» модели. *Таблица 3* — попытка перевода «глобусной» модели в табличную форму.

Таблица 3

Производственная		Непроизводственная (потребления, военная, научная)
роботизация	информация	управление
автоматизация		информатика, коммуникации
контроль		измерение, изучение
энергетика	энергия	энергопотребление
производственный транспорт	динамика	личный и общественный транспорт
машиностроение		машины, бытовая техника
	механика	инструмент
металлургия, химическое производство	материя	материалы
горная добыча		

В этом «меридианном» делении проступает влияние энергетического вектора (ось «материальное — идеальное»). Полная внутренняя энергия (энтальпия) складывается из механической, тепловой и химической составляющих. Информация тоже обладает энергией. Следовательно, мы можем выстроить энергетические ряды: механика (материя) — динамика — термодинамика — энергия — информация (разделяемая на изменение и информатику-управление).

Модель раскрывает, иллюстрирует принцип «научно-технического расширения» цивилизации во Времени. Масштабная ось наглядно демонстрирует бесконечность (и ограниченность) как Внешнего, так и Внутреннего познания (и практического освоения). Основной вектор (Время) в исторической модели достаточно очевиден — это ось от Человека Прошлого к Человеку Настоящему и Будущему, выступающему в качестве оси, вокруг которой формируется «техномир». Временная Ось выстраивается от Человека Прошлого, который когда-то взял в руки камень (древний «полюс», из которого исходят все «технические меридианы»), когда-то сделал из него мотыгу, создал множество технических устройств, до Человека Современного — Пользователя, Потребителя и Создателя, Разработчика, Творца новой техники.

Следовательно, можно графически отображать рост и расширение (увеличение «масс-габаритных» характеристик, количества и разнообразия) техносферы в целом и освоение отдельных научно-технических областей.

Что же дает применение «глобусной» модели научно-технической систематизации исследователю истории науки и техники? Современное деление технических объектов. Любую технику можно локализовать на модели, определив: 1) ее масштаб, 2) производственное — производственное назначение, 3) энерговыражение (материал-механика-динамика-энергия-информация).

Выстраивая (проецируя) развитие конкретной области (вида технических устройств) на временных «срезах» и «палеокартах», можно проследивать влияние (или игнорирование) научно-технических достижений в смежных или отдаленных областях (например, доказать, что в данном случае автор на столетия опередил свое время, применив технологии, официально открытые гораздо позднее).

Анализируя тенденции научно-технического развития, можно строить «дорожные карты» и прогнозировать дальнейшие пути развития науки и техники.

Библиография

Дятчин Н.И. Классификация и систематизация законов техники // Ползуновский альманах / Алтайский гос. технический ун-т им. И.И. Ползунова. 2011. № 2. С. 22–27.

Салахутдинов Г.М. Основы теории развития техники. М.: ИИЕТ РАН, 2001.
Электронный ресурс: <http://socionavtika.narod.ru/Staty/diegesis/salahut/glava6.htm>

УДК 069:378 (470.332)

А.В. Тихонова, А.V. Tikhonova

СОБРАНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО МУЗЕЯ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ПО ИСТОРИИ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Collection of University Museum as the Informational Resources on the History of University Science (for Example Smolensk State University)

Аннотация: в статье рассматривается деятельность Музея истории Смоленского государственного университета по целенаправленному комплектованию фондов, по отображению в экспозиции достижений научных направлений, представленных в вузе, и отдельных преподавателей, по развитию международных научных связей. Показывается функционирование музея как информационного ресурса по истории вузовской науки (предоставление коллекций студентам и педагогам для их научно-исследовательской работы, подготовки научных публикаций и изданий по истории университета и др.).

Abstract: The article considers activities of Museum of the History of Smolensk State University on the directed acquisition of collections, presentation in the exhibition achievements of university scientific fields represented in a higher education establishment, individual teachers and development of international scientific relations. The article shows use of museum as an informational resource in history of university science (provision of collections to students and teachers for their research work, preparation of scientific publications and books on history of the University, etc.).

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, вузовская наука, музеи вузов, миссия музея, Музей истории Смоленского государственного университета, стратегии развития, фонды музея, научно-исследовательская работа, информационный ресурс.

Keywords: historical science, museology, university science, museums of high school, the mission of the Museum, Museum of the History of Smolensk State University, development strategy, funds of museum, research work, informational resource.

Каждый музей имеет свою особую миссию. Музей истории Смоленского государственного университета, являясь структурным подразделением вуза, «призван сохранять память о важнейших вехах истории

университета, его выдающихся преподавателей, сотрудников, студентах, выпускниках, их разносторонней научной и общественной деятельности. Музей является важным средством передачи традиций университета из поколения в поколение» (Положение о Музее истории СмолГУ от 17 декабря 2009 г.). Одно из основных направлений его работы — научно-исследовательское. Наш музей — очень «юный»: комплектование фондов началось в конце 2009 г., а экспозиция открылась в ноябре 2013 г. — к 95-летию университета [Тихонова, 2014. С. 126].

Само определение музея предполагает его ориентацию на сохранение социальной памяти, сбережение для последующих поколений предметов, значимых как ценность [Российская музейная энциклопедия, 2005. С. 395]. Можно согласиться с В.Ю. Дукельским в том, что важная задача музея — «компенсировать разрушившийся механизм традиции и отчасти восполнить разрыв между потребностями общества и реально производимой предметной средой» [Дукельский, 1987. С. 26]. Хранящиеся в фондах музейные предметы, лишь часть которых представлена в музейной экспозиции, выступают знаковыми компонентами информационной системы с определенным смыслом, предполагающим понимание со стороны посетителя [Арзамасцев, 1989. С. 48]. Посетителями нашего музея являются студенты, абитуриенты, преподаватели университета, гости вуза и Смоленска.

Музеи истории вузов уже заняли свою нишу в музейном пространстве регионов. Многие музеи университетов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного, Казанского федерального университетов и др.) хорошо известны, обладают значительными фондами, многолетними наработками в сфере комплектования и экспонирования. Темы, связанные с вузовскими музеями, стали предметом диссертационных исследований [Мишина, 2002; Ордуханян, 2004; Белоусова, 2009; Боголепова, 2011; Именнова, 2011; Божченко, 2012], обсуждения музейным сообществом на страницах специализированных изданий [Таран, 2005; Мастеница, Шляхтина, 2005; Павлова, 2006; Селунская, 2007; Тулепов, 2007; Орлов, 2008; Базанчу, Полежай, 2008; Белоусова, Мартынов, 2011; Горбушина, 2011; Будюкина, 2011; Мусияченко, 2012] и в ходе научных конференций [Тихонов, 2006; Роль университетов и музеев, 2011, 2012]. Посвященная этим музеям статья появилась в «Российской музейной энциклопедии». В ней им дано следующее определение: «Университетские музеи представляют собой группу специализированных учебных музеев различного профиля, которые создаются для повышения эффективности учебного процесса. Одновременно являются научно-исследовательскими подразделениями, базой для научных исследований учащихся» [Университетские музеи].

Университетские музеи сталкиваются с проблемами, известными всем музейщикам вне зависимости от собственника и музейного профиля: не-

хватка экспозиционных площадей, недостаточное финансирование. Тем не менее они имеют перспективы развития, четко ориентированы на свою целевую аудиторию. Задача состоит в том, чтобы музейная экспозиция и сама специфика музейной деятельности были интересны их посетителям. В Смоленском государственном университете (СмолГУ) к этому есть предпосылки:

- включенность музея в воспитательный процесс (многие студенты, посетив музей, отмечают, что до этого не представляли себе, насколько богата история родного вуза);
- подготовка профессиональных историков (в учебный план специальности «история» как особые дисциплины включены «Музееведение» и «Экскурсионная и музейно-выставочная деятельность», что предполагает изучение студентами как теоретических, так и прикладных основ музейного дела);
- привлечение лучших преподавателей университета и членов их семей, студентов к комплектованию музейных фондов (мемориальными вещами; фотографиями; документами; книгами; вузовской периодической печатью; предметами, использовавшимися в учебном процессе; аудио- и видеоисточниками, сувенирами);
- применение технических средств, имеющихся в вузе. Благодаря этому удалось оцифровать магнитофонные записи, сделанные в 1970-е гг.: интервью студентов с преподавателями-ветеранами о событиях Великой Отечественной войны, в том числе интервью с Героем Советского Союза И.В. Корольковым (1919–1984), в течение 20 лет работавшим в нашем вузе деканом исторического факультета и заведующим кафедрой всеобщей истории;
- использование научного потенциала вуза на всех этапах создания музея как структурного подразделения университета (в процессе комплектования, при отборе исторического материала, создании архитектурно-художественного решения экспозиции). В нашем музее в экспозиции музейное пространство органично сочетается с учебной аудиторией. СмолГУ имеет художественно-графический факультет, готовящий дизайнеров. Варианты оформления экспозиции предлагались студентами 5-го курса в качестве результатов практики, а реализованный проект готовился как дипломная работа студентки 6-го курса Е. Терешковой под руководством председателя правления Смоленского регионального отделения Союза дизайнеров России, профессора кафедры дизайна Ю.В. Трусова. При разработке дизайна помещения учитывались и финансовые возможности вуза.

Обоснованно рассматривать музей и науку как социальные институты, обращенные к прошлому, ведь они сохраняют, фиксируют продукты человеческого труда и творчества. Одновременно оба этих «социальных института... работают на будущее — на сохранение и развитие в человеке

человеческого» [Воронцова, 2015. С. 166]. Вузовские музеи могут служить ярким примером соединения прошлого и будущего в настоящем: они сберегают свидетельства не только образовательной, воспитательной, культурно-просветительной, но и научной деятельности вуза как учреждения; показывают достижения отдельных ученых и научных школ; характеризуют международные научные связи вуза; отображают вклад университета в развитие конкретного региона. Эти положения можно подтвердить на примере нашего университетского музея.

Идея открытия 10-го университета в Российской империи активно обсуждалась еще в начале XX в., но в 1909 г. вопрос решился в пользу Саратова, а не Смоленска [ГАСО. Л. 9]. С началом Первой мировой войны в Смоленск хотели перевести Дерптский (ныне Тартуский) либо Варшавский университет, но этим планам не суждено было сбыться [Левыкин, 1919. С. 1]. СмолГУ был создан 7 ноября 1918 г. (благодаря поддержке специальной смоленской комиссии и Совета профессоров в Москве) — к первому юбилею Октябрьской революции 1917 г. — и даже носил ее имя. 21 января 1919 г. В.И. Ленин подписал Декрет СНК об учреждении государственных университетов в Смоленске, Костроме, Астрахани, Тамбове и о преобразовании в государственные университеты Демидовского юридического лицея в Ярославле и Педагогического института в Самаре [Декрет, 1919. С. 20].

Как удалось выяснить по архивным документам, первым на пост ректора СмолГУ решением Западного облисполкома был назначен один из основателей Социалистической (Коммунистической) академии, юрист, профессор М.А. Рейснер (1868—1928), активно участвовавший в организации этого вуза [Каиль, 2013. С. 262]. 6 июня 1919 г. ректором был избран историк, профессор Московского городского народного университета им. А.П. Шанявского и председатель Совета профессоров, создававших наш вуз, А.М. Васютинский (1877—1947), но его кандидатуру не поддержал Народный комиссариат просвещения РСФСР. Третьим по счету, но первым избранным и утвержденным Наркомпросом ректором стал выпускник юридического факультета Петербургского университета В.К. Сережников (1873—1944), который занимал этот пост с 11 августа 1919 г. по 1 октября 1923 г. (с перерывом). При нем были созданы факультеты (общественных наук, рабочий, медицинский); он заботился об обеспечении их кадрами, об организации научной работы, создании фундаментальной научной библиотеки. Впоследствии Сережников работал в МГУ им. М.В. Ломоносова и МИФЛИ, был директором Ленинградского госуниверситета (1932—1933), а затем — Государственного исторического музея (1934—1935). В 1937 г. он стал доктором философских наук, а уже в 1938 г. репрессирован по сфабрикованному обвинению (реабилитирован посмертно) [Подвойский, 2010. С. 78].

СмолГУ в первые же годы своей деятельности получил сильный профессорско-преподавательский состав. Основная часть преподавателей

приезжала из Москвы в специальном железнодорожном вагоне и работала в Смоленске «вахтовым методом». Первыми профессорами были выпускники столичных вузов (некоторые из них обучались и за рубежом): историки А.М. Васютинский, В.Н. Дьяков, Д.Н. Жаринов, Н.М. Никольский, В.И. Пичета, И.М. Херасков; астроном Б.В. Базилевский; филологи Н.Л. Бродский, П.С. Коган, социолог П.И. Биркерт и др. Среди выдающихся профессоров первых лет — выпускник Гейдельбергского университета, зоолог с мировым именем В.В. Станчинский (1882—1942), работавший в СмолГУ в 1920—1929 гг. В первые годы работы университета выходили «Известия Смоленского университета» — научный вузовский журнал, номера которого представлены в экспозиции нашего музея. Современный журнал по традиции назвали «Известия Смоленского государственного университета»; с 2008 г. он входит в Перечень ВАК, что подтверждает высокий научный статус университета. Поддержку РГНФ получил исследовательский проект «История советского университета: идеология и практика создания региональных университетов. 1917—1941 гг.» (2015—2017 гг.; руководитель — ректор СмолГУ, доктор исторических наук, профессор Е.В. Козин).

В нашем музее хранятся подлинные фотографии и документы преподавателей и выдающихся выпускников-ученых, книги из научной библиотеки вуза, приборы разных лет, мемориальные вещи. Задача — показать научные традиции. Интерес к этой теме особенно возрос в последние годы, когда появились исследования, основанные на новых архивных материалах, издания по истории отдельных факультетов, содержащие биографические статьи о наших ученых [Валуев, 2008; Калыгина, 2008; Физмат, 2009; Нагорная, 2009; Записки, 2012; Смоленский государственный университет, 2013]. В экспозиции можно увидеть и работы, отражающие научные достижения профессоров: многотомный «Словарь смоленских говоров», «Красную книгу Смоленской области», «Книги памяти», «Смоленскую энциклопедию» и др. О научных успехах свидетельствуют реализованные проекты преподавателей и выпускников: обсерватория и планетарий, национальный парк «Смоленское Поозерье», международные конференции, развитие сотрудничества с иностранными вузами. Последнее — также уже традиция, основы которой заложены в 1960-е гг. На новом качественном уровне сегодня осуществляется научное взаимодействие с вузами Германии, Польши, Китайской Народной Республики, Республики Беларусь, что также отображено в музейной экспозиции посредством фотографий, наград, сувениров, программ и сборников конференций.

Вузовский музей тем самым решает задачу работы на перспективу: является транслятором достижений науки и культуры и показывает возможности, имеющиеся для развития отдельных направлений; будучи обращенным к абитуриентам и студентам, репрезентирует потенциал вуза и убеждает их в правильности выбора в пользу университетской науки;

выполняет свою миссию — вызывать гордость за свой вуз, содействуя осознанию успехов университета и формируя стремление студентов и выпускников соответствовать высокой планке. В современных исследованиях по музейной педагогике и психологии нередки сетования на «реальное ослабление интереса к музеям, учреждениям культуры при высоком вербально подтверждаемом статусе музея в глазах студента» — в связи с тем, что «жизненные проблемы переключают его внимание на задачи выживания в усложнившейся общественной жизни, создают ощущение неустойчивости, ненадежности окружающего мира, неуверенности в будущем» [Мишина, 2002. С. 72]. Молодые люди ориентированы на самореализацию, и образование, и наука выступают как возможные пути к этому. Однако адресованная молодым грантовая поддержка, по мнению многих из них, не обеспечивает «достойной жизни». Наш музей, представляя достижения вузовской науки, стремится вызвать уважение к труду ученого, пусть и вознагражденному непропорционально реальному вкладу в науку.

Как науке, так и исследовательскому направлению деятельности музея, его фондовой и экспозиционной работе присуща системность, находящая отражение в концепции музея, тематико-экспозиционном плане, увязанном с архитектурно-художественным решением. Экспозиция музея по истории СмолГУ, включающая подлинные экспонаты и вспомогательные материалы, построена по хронологическому принципу: верхний пояс представляет собой своеобразную «ленту времени» из фотографий города и вуза в определенные периоды: 1918—1922 гг. (от создания до начала деятельности университета, объединявшего все вузы города); 1922—1930 гг. (до преобразования университета в два института — педагогический и медицинский); 1930—1941 гг. (до начала Великой Отечественной войны); 1941—1945 гг. (отображение военных событий в судьбах преподавателей и студентов); 1945 г. — начало 1960-х гг. (восстановление вуза и открытие новых факультетов); 1960—1980-е гг. (развитие педагогического института, его достижения), 1990-е гг. — настоящее время (период преобразований: в 1998 г. вуз стал педагогическим университетом, в 2005 г. — вновь СмолГУ).

Для музеев как информационных ресурсов характерна комплексность, так как они хранят объединенные в коллекции музейные предметы, различающиеся по типу, материалу изготовления, области применения. В отличие от них архивы специализируются на хранении документов (на бумаге), фотографий, аудио-, видео-, кинодокументов, а библиотеки — главным образом книг, а также документов и фотографий (в отделах рукописей). Музей СмолГУ формирует свое собрание как комплексное собрание ценных предметов по истории данного вуза.

Наши студенты знакомятся с музеем не только на экскурсиях, занятиях по музееведению, экскурсионной и музейно-выставочной деятель-

ности, но и в процессе осуществления собственных исследований: при подготовке курсовых и дипломных работ по истории родного университета. Они изучают документы Государственного архива Смоленской области и Государственного архива новейшей истории Смоленской области, помогают в обработке материалов, предоставленных Смоленским государственным музеем-заповедником, знакомятся с фондами университетского музея. Последнее особенно важно, так как в силу разных причин фонды музеев не очень доступны. Как и другие вузовские музеи, наш музей дает студентам возможность освоить азы исследовательской работы с учетом музейной специфики (системы учета и хранения, систематизации коллекций, взаимодействия фондов и экспозиции).

Наиболее интересными для изучения являются годы становления университета, возникновение и развитие научных школ, участие преподавателей и студентов в Великой Отечественной войне. Исследовательской работой в Центральном архиве Министерства обороны занимаются студенты — члены поискового отряда «Медведь», действующего с 2003 г. и не пропустившего не одной Вахты Памяти на территории нашей области. Ими переданы в музей СмолГУ бытовые вещи солдат, каски, детали вооружения.

Знакомство с музейными предметами — мемориальными вещественными источниками (так, среди реликвий музея есть рубашка студента 1932—1934 гг. А.Т. Твардовского, вышитая его женой М.И. Твардовской, подаренная вузу в середине 1970-х гг.) становится для многих студентов особенно запоминающимся событием. Эмоциональное восприятие способствует запоминанию на продолжительное время [Рейковский, 1979. С. 179—212]. В отличие от науки, где стремление исследователя к беспристрастности является необходимым критерием качества работы, музейная экспозиция призвана не только выполнять информационную функцию, но и вызывать эмоции. Занимаясь исследовательской работой, студенты начинают осознавать и эти важные особенности научной и музейно-экспозиционной деятельности.

В последние годы, когда история повседневности стала полноценным научным направлением в России [Ильясова, 2011], значение музейных собраний как источниковой базы исследований еще более возросло, потому что через мемориальные вещи можно глубже понять историческое событие, реконструировать настроения и представления эпохи, биографию отдельного человека. В Музее истории СмолГУ сохранились выпускные альбомы 1930-х гг. и коллективные фотографии выпускников тех лет, где лица репрессированных вырваны, вымараны либо помечены; эта деталь, характеризующая время, производит сильное впечатление на посетителей. Директора Смоленского педагогического института Э.Я. Газганов (1900—1937) и П.П. Грищенко-Меленевский (1893—1938) были расстреляны. Среди репрессированных профессоров — историки Г.В. Ла-

доха (1893–1937; арестован в 1935 г., расстрелян 21 июля 1937 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР; захоронен на Донском кладбище в Москве) и А.М. Плетикос (1898–1938; расстрелян 25 октября 1938 г. по приговору тройки при УНКВД Смоленской области) [Данные о репрессиях]. В сотрудничестве с мемориальным комплексом «Катынь» удалось выяснить, что именно на его территории приговор в отношении Плетикоса был приведен в исполнение, а наш музей предоставил мемориалу копию фотографии профессора.

В СмолГУ располагается «Информационный центр по атомной энергии», один из 22 действующих в настоящее время в России. Центром в сотрудничестве с физико-математическим факультетом реализуются научно-популярные проекты, в частности в серии «Энциклопедия атома. Смоленские страницы» изготовлены фильмы: «Смоляне — исследователи радиоактивности» и «Смоляне — участники “атомного проекта”». Большую научно-исследовательскую работу по их подготовке осуществила В.М. Калыгина, изучившая вклад смолян в историю науки и техники [Калыгина, 2013]. В фонды музея поступили DVD-диски с записями данных фильмов,

Наш музей комплектует вузовскую периодику, главная ценность которой — быстрое реагирование на события университетской жизни, оценка происходящего студентами и преподавателями: подшивки многотиражной газеты Смоленского государственного педагогического вуза, выходившей под разными названиями («За коммунистическое воспитание», «Народный учитель»), газеты «Аудитория» (учредители — Смоленский государственный педагогический университет, а затем СмолГУ), журнала профкома студентов «В курсе», газет ряда факультетов. Эти коллекции включены в исследовательскую работу по изучению отдельных тем по истории вуза, создана электронная базы данных для быстрого поиска и т. д.

Помимо юбилейного издания к 90-летию вуза [СмолГУ-90, 2008], в последние годы издано несколько сборников по его истории [СмолГУ в мемуарах, 2011; Страницы истории СмолГУ, 2012], в том числе с использованием публикаций вузовской прессы (мемуаров, записок) из музейной коллекции. Когда музей начал комплектовать свои фонды, у одного из старейших преподавателей и деканов М.З. Хенкин (1920 г. рожд.) было взято интервью об истории историко-филологического факультета, существовавшего в рамках педагогического института в 1953–1974 гг. Интервью, дополненное воспоминаниями выпускников факультета разных лет, опубликовано в преддверии 95-летия вуза [Записки, 2012]. В настоящее время факультет истории и права университета совместно с музеем приступил к подготовке юбилейного издания по истории вуза (к его 100-летию в 2018 г.).

Аккумулируя музейные предметы — исторические источники — носители информации, предоставляя свои материалы отдельным исследова-

телям и их коллективам (для изучения истории высшего образования в Западном регионе России, самого СмолГУ, его факультетов и кафедр, основных направлений их деятельности, а также вклада его сотрудников в отечественную и мировую науку), музей активно участвует в научно-исследовательской работе вуза как комплексный информационный ресурс по истории университета.

Библиография

- Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 7. Оп. 3. Д. 56.
Данные о репрессиях профессоров. Электронный ресурс: URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/repress/professors.htm>
- Декрет Совета народных комиссаров от 21 января 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства. 1919. № 2. Ст. 21. С. 20.
- Арзамасцев В.П.* О семантической структуре музейной экспозиции // Музееведение. На пути к музею XXI века / НИИ культуры. М., 1989. С. 35–49.
- Базанчук Г., Полежай В.* Как сделать экспозицию в вузовском музее // Мир музея. 2008. № 11. С. 82–88.
- Белоусова Н.А.* Музеи в системе высшего образования Западной Сибири: автореферат дис. ... канд. культурологии / Кемеровский гос. ун-т культуры и искусств. Кемерово, 2009. 20 с.
- Белоусова Н.А., Мартынов А.И.* Место вузовских музеев в культурном пространстве города // Библиотека в эпоху перемен. 2011. № 1. С. 112–117.
- Боголепова Л.З.* Фондово-исследовательская деятельность музеев истории высших учебных заведений юга Западной Сибири: автореферат дис. ... канд. культурологии / Кемеровский гос. ун-т культуры и искусств. Кемерово, 2011. 20 с.
- Божченко О.А.* Музей в формировании исторической памяти: автореферат дис. ... канд. культурологии / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2012. 24 с.
- Будюкина Н.Н.* Университетский музей — феномен культуры или науки // Молодежь и социум. 2011. № 4. С. 23–28.
- Валуев Д.В.* К предьстории чистки Смоленского университета в 1929–30 гг. // Социальные трансформации. Вып. 17: Материалы международного коллоквиума «Высшая школа в развивающейся России: история, традиции и современные проблемы». Смоленск: СмолГУ, 2008. С. 20–27.
- Воронцова Е.А.* Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Диалог со временем. Вып. 49. М., 2014. С. 163–189.
- Горбушина Е.И.* Музей в пространстве университета (на примере истории ВятГГУ // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2011. № 1. С. 37–46.
- Дукельский В.Ю.* Музейные коллекции и предметный мир культуры // Некоторые проблемы исследований современной культуры / НИИ культуры. М., 1987. С. 26–34.
- Записки об историко-филологическом факультете / Отв. ред. В.С. Ковалева. Смоленск: СмолГУ, 2012. 160 с.

Ильсова А.В. «История повседневности» в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого: Материалы науч. конференции. Москва, 15–16 июня 2011 г. / Отв. ред. А.П. Логунов; РГГУ. Фак-т истории, политологии и права. Каф. истории и теории ист. науки. М., 2011. С. 159–169.

Именнова Л.С. Музей в социокультурной системе общества: миссия, тенденции, перспективы: автореферат дис. ... д-ра культурологии / Московский гос. ун-т культуры и искусств. М., 2011. 40 с.

Каиль М.В. Из истории становления университетского образования в советской провинции // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 256–272.

Калыгина В.М. Из истории Смоленского государственного университета. Первые годы // Социальные трансформации. Вып. 17: Материалы международного colloquium «Высшая школа в развивающейся России: история, традиции и современные проблемы». Смоленск: СмолГУ, 2008. С. 41–47.

Калыгина В.М. Смоляне в истории науки и техники. Смоленск: Край Смоленский, 2013. 344 с.

Левыкин И. К истории университета // Известия Смолгубисполкома и Совета рабочих и красноармейских депутатов г. Смоленска. 1919. 9 февраля (№ 29). С. 1.

Мастеница Е.Н., Шляхтина Л.М. Музей и музееведение в университетском образовании // Философский век: Альманах. Вып. 30: История университетского образования и международные традиции просвещения. Т. 3 / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. С. 307–314.

Мишина И.В. Музей в системе ценностных ориентаций российского студенчества. Автореферат дис. ... канд. культурологии / Санкт-Петербургский. гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2002. 21 с.

Мишина И.В. Преодоление молодости: студент в музее // Философия старости: геронтология. Сборник материалов конференции. Серия: Symposium. Вып. 24. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 72–75.

Мусяченко Е. Каким может быть университетский музей? // Мир музея. 2012. № 3. С. 42–44.

Нагорная С.В. История становления терапевтических кафедр Смоленской государственной медицинской академии (1920–1930 гг.). Смоленск: Смоленская городская типография, 2009. 204 с.

Ордуханян Л.И. Формирование патриотизма у студентов средствами музейной педагогики: автореферат дис. ... канд. пед. наук / Северо-Осетинский гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2004. 21 с.

Орлов А.С. Вместе с университетом // Мир музея. 2008. № 3. С. 26.

Павлова Н.В. Музей медицинского университета в окружающем пространстве // Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. С. 181–185.

Подвойский Л.Я. Забытые имена отечественной философии: Виктор Константинович Сережников // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 2. С. 78–86.

Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. 392 с.

Роль университетов и музеев в проведении гуманитарных научных исследований: материалы VI Международной научно-практической конференции / Отв. ред. О.Г. Вронский. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2011. 485 с.

Роль университетов и музеев в проведении гуманитарных научных исследований: материалы VII Международной научно-практической конференции: В 2 т. / Отв. ред. О.Г. Вронский. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2012.

Российская музейная энциклопедия / А.А. Сундиева, Е.А. Воронцова, Т.Н. Кадаурова и др.: В 2 т. М.: Прогресс, РИПОЛ классик, 2001.

Санкт-Петербургский государственный университет. Электронный ресурс: URL: <http://spbu.ru/about/arc/chronicle/157-chronicle/476-1930-1939>

Селунская Е.А. Музей истории Тверского государственного университета: история создания и деятельность // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: История. 2007. № 4. С. 142–145.

СмолГУ в мемуарах и заметках / Отв. ред. В.А. Петров. Смоленск: СмолГУ, 2011. 304 с.

СмолГУ-90: материалы к истории Смоленского государственного университета. Смоленск: СмолГУ, 2008. 304 с.

Смоленский государственный университет: персоналии, 1999–2013 / Сост. В.А. Петров. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. 210 с.

Страницы истории СмолГУ / Отв. ред. В.А. Петров. Смоленск: СмолГУ, 2012. 152 с.

Таран А.В. Университетские музеи России: прошлое, настоящее и будущее // Обсерватория культуры. 2005. № 2. С. 64–71.

Тихонов И.Л. Международная научно-практическая конференция «Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее», посвященная 300-летию со дня рождения первого ректора университета Г.Ф. Миллера и 60-летию Музея истории СПбГУ // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Серия 2: История. 2006. № 2. С. 171–175.

Тихонова А.В. Музей истории Смоленского государственного университета: история создания и первый год работы университета // Социальные трансформации. Вып. 24: Социокультурная динамика постсоветского города. Смоленск: СмолГУ, 2014. С. 126–133.

Тулепов Н.Ж. Роль университетского музея в развитии исторического образования студенчества // Историко-педагогические чтения. 2007. № 11. С. 510–516.

Университетские музеи – национальное достояние. Материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во Политехнического музея, 2013. 301 с.

Университетские музеи // Российская музейная энциклопедия. Электронный ресурс: URL: http://www.museum.ru/rme/sci_univer.asp

Физмат СмолГУ-90: сборник к 90-летию физико-математического факультета. Смоленск: [б.и.], 2009. 156 с.

ТЕХНОЛОГИИ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ИЗ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ И ИХ КОЛЛЕКЦИЙ

УДК 069; 930.2

А.А. Никонова, А.А. Никонова

МЕТАМОРФОЗЫ АКТУАЛИЗАЦИИ МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА¹

Metamorphosis of Actualization of a Museum Exhibit as a Historical Source

Аннотация: в статье рассматриваются современные проблемы изучения и восприятия музейного предмета как исторического источника. Музейное пространство через предметный ряд создает определенную модель исторического времени. От того, какой предмет избирает исследователь, какую информацию о музейном предмете он актуализирует в экспозиции, зависит глубина восприятия прошлого посетителем и формирование у него исторического самосознания. Процессы либерализации общества привели к доминированию множественности точек зрения, мнений и толкований, изменились и приоритеты в музейведческих исследованиях. Музейный предмет изучается как символ, образ, документ, но не как исторический источник. Произошла подмена фундаментальных научных понятий и, как следствие, возникло недоверие к любому знанию. Для анализа выявленных тенденций необходимо опираться на теоретические исследования музейных специалистов XX в., которые заложили основы музейного источниковедения.

Abstract: This article considers modern problems of study and perception of a museum object as a historical source. Museum space creates a specific model of historical time through a number of objects. An exhibit which the researcher chooses and information about museum object he actualizes in the exposition determine depth of perception of past by a visitor and formation of his historical consciousness. Liberalization of society processes have led to dominance of a plurality of viewpoints, opinions and interpretations. Priorities in museological research have also changed. Museum object is being studied as a symbol, an image, a document, but not as a historical source. Substitution of basic scientific concepts took place and, as a consequence, distrust to any knowledge has appeared. The analysis of the identified trends should be based on theoretical studies of museum professionals of twentieth century, who laid the foundations of museum source studies.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-03-00449).

Ключевые слова: музей, музеология, экспозиция, исторический источник, историческое самосознание, музейный предмет, экспонат, информационный потенциал, музейное источниковедение.

Keywords: museum, muzeologiya, exposition, historical source, historical consciousness, museum subject, exhibit, information potential, museum source study.

Капитализация музейных функций изменяет вектор формирования профессиональной самоидентификации и ответственности музейных сотрудников. Если раньше основным показателем эффективности музея была его научно-фондовая и научно-исследовательская деятельность (музей как проект эпохи Просвещения), то сегодня этим показателем стало качество услуг, количество посетителей и удовлетворение его потребностей (музей как проект эпохи Технологий). Внедрение электронных визуальных технологий, использование дополненной реальности изменяют восприятие подлинного музейного предмета посетителем, заменяя его различными воспроизведениями и виртуальными образами. Новая музейная визуальная культура создает и новый тип образа предмета — «технообраз». Одновременно меняется само понятие музейного пространства, форм и методов его использования, особенно при вторжении в него новых креативных практик. Я сознательно использую термин «креативный», а не «творческий», поскольку считаю, что в музейной деятельности произошли содержательные изменения, которые не позволяют воспринимать их как синонимы. Эти изменения отразились и в транскрипции понятий «музей» и «музейный предмет». Подлинность исторической информации, сохраненная в музейном предмете, заменяется знаковой, эстетической или игровой формой представления культурного объекта. Посетитель, с молчаливого одобрения профессионального сообщества (профессиональный конформизм), перестает различать правду от подмены и лжи, возвышенное от низменного, реальное от мнимого. Безупречным показателем данного процесса является использование нового эвфемизма — «фейк» (подделка, но с особой негативной окраской — ложь, обман) не только в разговорном, но и в профессиональном языке. Быстрая адаптация или целенаправленный конформизм профессионального музейного сообщества к новым, объективно существующим, реалиям проявляется в форме прагматизма или ценностно-рационального просоциального выбора (согласия). Следует подчеркнуть, что в данном случае мы можем наблюдать уникальный пример влияния конформизма на одну из культурных форм — музей и музейную культуру.

В 2012 г. на русском языке вышел подготовленный ЮНЕСКО (Франсуа М. и А. Девалье) словарь «Ключевые понятия музеологии», который и стал одним из источников размышления над проблемой восприятия посетителем музейного предмета как первоисточника познания реальности и как основы формирования гуманистического мировоззрения человека

[Ключевые понятия музеологии, 2013]. В словаре проблема интерпретации и восприятия музейного предмета кратко освещена только в статьях, посвященных анализу терминов: музеефикация, музеальность, музей и предмет (музейный, музеалия). Ни одна из перечисленных словарных статей не ставит и не раскрывает проблему изучения музейного предмета как исторического источника. Показательно, что в музеологии постоянно с периодичностью в пять лет появляется необходимость определить основные понятия дисциплины, ввести новые или уточнить старые термины. Причиной являются не столько социокультурные изменения в обществе, которые ставят перед музеем новые, часто не свойственные ему задачи, сколько то, что теория музеологии не успевает в достаточной степени проработать и освоить многие новые явления и практики музейной деятельности, поэтому возникает необходимость «компенсировать» возникшую научно-исследовательскую лакуну краткой словарно-энциклопедической формой.

Одним из возможных выходов из создавшегося положения может стать более тщательное, вдумчивое освоение теоретического наследия российских и зарубежных ученых XX в. Сегодня мы имеем уникальную возможность познакомиться с работами выдающихся музееведов прошлого, которые оставались долгое время лишь архивными документами. Публикация новых материалов по музееведению позволяет значительно расширить музейное источниковедение и в значительной степени способствует формированию трезвой оценки современных процессов трансформации всего исторического знания. К таким фундаментальным работам по теории и практике музейного дела, опубликованным в последнее десятилетие, необходимо отнести издание собраний сочинений Александра Федоровича Котса [Котс, 2014]. Научное видение музейного пространства А.Ф. Котса исключительно, а многие его аналитические размышления о сущности музея, особенностях формирования музейных функций, проблемах познания музейного предмета учеными, музейными сотрудниками и массовым посетителем актуальны и сегодня. Котс обладал удивительной проникновенностью и оптикой распознавания ценности информационного потенциала музейного предмета, что и является основой формирования музейного источниковедения.

Музееведы всегда пользовались методами гуманитарных наук, их достижениями в изучении исторического источника. Поскольку любой музей (и естественно-научный тоже) представляет в предметном виде историю деятельности человечества или историю окружающего мира, то умение увидеть генезис явления, историческую ретроспективу или эволюцию развития конкретного явления, вида, технологии и т. д. позволяет музейному специалисту определить критерии отбора, оценку и критику предметов для музейных коллекций. Отбор фактов и установление связи между ними и создает определенную модель исторического времени в му-

зейном пространстве. Выбор предмета, избираемого исследователем, зависит от интересующей его темы: он изолирует из бесконечного потока возможных артефактов один, для чего как бы останавливает поток, и генетически исследует обуславливающие появление и бытование этого предмета процессы. Как правило, исследователь-наблюдатель выбирает предметы, имеющие большое, действительное значение для познания прошлого, но создаваемая при этом реконструкция исторического явления всегда условна, гипотетична. Он может выхватывать по очереди большие и малые предметы и пытаться вновь соединить их в общем видении, но чем дальше распространяется это видение, тем в большей степени возникает система абстракций, заступающая бесконечность реальных процессов.

Механизм интерпретации прошлого позволяет преодолеть, по выражению В. Дильтея, «простую рядоположенность» исторических событий и увидеть современность в перспективе предшествующих событий и воспринять историческое событие как «ценность, которая делает возможным появление нового культурного опыта» [Дильтей, 1988. С. 139]. Придавая значение историческому событию, настоящее тем самым конструирует не столько связь с прошлым, сколько актуальную систему ценностей. Но самым главным для музейной деятельности является то, что изучение музейного предмета при применении методов исторического источниковедения и других наук способствует генерированию нового знания не только о прошлом, но и об истории мира. Так формировалась музееведческая эвристика.

«Давно и справедливо было сказано: “Мельчайший факт в природе есть окно, через которое возможно увидеть Вселенную”. Но самое окно необходимо прежде увидеть. А окна разные: есть более, есть менее доступные. Есть плотно замкнутые, есть глухие. И не в том ли миссия музеев, чтобы из мириадом окон окружающей природы распахнуть лишь наиболее доступные для малоподготовленного зрителя?» [Котс, 2014. С. 33]. Ученый и популяризатор науки, творчески одаренный и проницательный человек — так счастливо соединились в А.Ф. Котсе перечисленные черты и таланты. Открытость целей и задач создания музея становится основной мечтой и реальной практикой ученого. Одновременно он осознает, что для решения всех вопросов необходимо создание теоретических основ новой научной дисциплины — музеологии, которая, едва зародившись, еще сильно отстает от потребностей музейного посетителя. Понимание того, что музей как научно-исследовательское учреждение в конечной цели своих исследований должен «открыть окна познания» для массового посетителя, определяет стратегию становления будущего директора Дарвиновского музея. А.Ф. Котс пишет, что огромным недостатком в популяризации научного знания является то, что «для популяризации своих конечных выводов под сводами музеев современная

наука не вполне еще готова для ответов», потому что привычкой упрощать результаты исследований музейные специалисты (музейцы) «отучили связывать науку с повседневной жизненной правдой» [Котс, 2014. С. 34].

Эти размышления о функциях и методах музейной деятельности стали результатом знакомства с экспозициями крупнейших естественно-научных музеев Европы. Сегодня музейные специалисты жалуются на отсутствие конструктивной критики музейных экспозиций и выставочных проектов, на недостаток опубликованных материалов по разработке концепций развития музеев и концепций реэкспозиций. Действительно, наличие профессионального обсуждения, конструктивного диалога является показателем зрелости научного знания. Читая анализ экспозиции Кенсингтонского Естественно-научного музея, сделанный А.Ф. Котсом, поражаешься его актуальности. И сейчас во многих залах современных исторических, художественных и научно-технических музеев возникают те же вопросы. Почему так произволен план, порядок и подбор представленных экспонатов, почему они бывают так мало связаны друг с другом? В чем смысл экспозиционного комплекса, представленного в данной витрине? Ответа нет. Вероятно, он известен научному сотруднику музея. Но при обращении к специалисту очень часто оказывается, что ответ ограничен общими фразами и ссылкой на хронологические периоды или типологические особенности. Что остается посетителю в таком случае? Ему остается только развивать свое естественное любопытство. «*Very curiosus!* Очень любопытно и не более» [Там же. С. 39].

Что же имеет в виду Александр Федорович под этим суровым приговором: «и не более»? Он пишет: «при виде этой сказочной волшебной красоты (собрания колибри. — *А.Н.*) невольно хочется спросить: кто ювелир? Кто мастер этих украшений? Почему и как сложились все эти орнаменты? Но тщетно будем мы искать ответы на вопросы эти. Ни в объемистом путеводителе, ни в объяснениях к витринам о значении и смысле, о причинах этой красоты вы не узнаете ни слова» [Там же. С. 45]. Ученый делает важный теоретический вывод о том, что «познавательная ценность видимого обусловлена эмоционально, поскольку большинство людей в стенах музея (как и в жизни) неспособно проникнуться глубоко идеей, несозвучной их эмоциональным волевым импульсам» [Там же. С. 52]. Следовательно, задачей музейных специалистов должно стать не упрощение информационного поля музейного предмета, а показ познавательной бесконечности информационного потенциала музейного предмета. В стремлении посетителем познать сложность мира через предметный ряд прошлого, в его желании пройти трудным путем восхождения от познавательного акта к эмоциональному катарсису видится миссия музея.

Современные исследователи, изучающие специфику музейного предмета в различных познавательных дискурсах и методах, несомненно, раскрыли основные особенности музейного предмета как артефакта, кода,

документа, семиоформы, образа и знака. Но в то же время они ушли от приоритетного исследовательского поля — интерпретации исторической информации, генетически первичной и опосредующей все остальные аспекты его изучения. Любое истолкование предполагает выработку новых основ и критериев, формулировок и языка, т. е. поиск некоего эквивалента. Именно акцент на содержание порождает бесконечный процесс толкования музейного предмета с одновременным внесением новых смыслов в контекст восприятия, благодаря раскрытию новой информации о предмете и его новому пониманию. Этот процесс за долгие десятилетия отработан в практике интерпретации письменных исторических источников.

Отказ от акцента на познание атрибутивных свойств предмета, его уникальности как исторического источника и привело к тому, что образная, художественная, символическая суть стала доминировать в экспозиции. Но она может быть воспринята только после первичного опыта распознавания исторической информации, которому каждый из нас учится в детстве. Разнообразие и сложность этого опыта контакта с прошлым ребенок познает в семье, образовательных учреждениях, обществе, учреждениях культуры и институтах памяти. Уже начиная с понимания смысла и значения своей фамилии, мы соотносим себя с поколениями своих предков, но оказывается, что процесс этот имеет свои законы и не всегда полноценно осознается индивидом. Так, не имея достаточных знаний о событиях мировой истории, о ее периодизации и основных закономерностях, посетитель музея не сможет понять весьма условный, часто фрагментарный и образный текст экспозиций историко-художественных музеев. Для него большинство экспонатов останутся лишь свидетельствами далекого прошлого, старыми (антикварными) вещами, реликтами, а чаще просто знаком музейного пространства — и не более!

Опыт исторического самосознания формируется в человеке в результате погружения и освоения мельчайших деталей и обыденных практик, начиная с языковой семантики и бережного отношения к предметам и документам семейной истории. Если же мы проанализируем ценностные приоритеты современного человека, то, к удивлению своему, увидим, что ценность подлинной исторической информации перестает быть важной и первостепенной. Процессы либерализации общества привели к доминированию множественности точек зрения, мнений и толкований для любого субъекта. Та методология научного знания, которую всегда использовали исследователи в науке, «пошла по рукам» и стала профанироваться. Произошла подмена фундаментальных научных понятий и, как следствие, возникло недоверие к любому знанию. Это привело к появлению удивительного феномена «сокрытия» или «подмены» подлинного знания, который мы наблюдаем сегодня и в музейной экспозиции как видимой форме представления музейных предметов как источников научного познания.

Так, например, в Центральном музее А.В. Суворова в экспозиции выставлен, вероятно, подлинный рукописный учебник арифметики на французском языке 1740 г., по которому учился будущий генералиссимус. Кроме названия учебника и имени дарителя (Казанский университет, 1901 г.), больше никаких сведений получить невозможно. А ведь этот редкий музейный предмет с уникальной историей бытования: кто-то переписал учебник, кто-то им владел и сохранил, его сберегли потомки владельца или сотрудники университетской библиотеки. Изучение истории преподавания арифметики, создания учебников, истории обучения в учебных заведениях в XVIII в. — только небольшая часть «исторического айсберга», которую скрывает экспонат в витрине. Для любого школьника и студента это исключительный пример отношения к книге, знанию, русской культуре, семейной реликвии. Но все это только наши предположения и не более! Музейный предмет доступен, а историческая информация о нем — нет. В той же витрине рядом с учебником находится «Прощение Александра Суворова о зачислении в лейб-гвардии Семеновский полк. Октябрь 1742 г.». О том, что это — копия или подлинник, нет данных на этикетке. Кому было прощение, почему именно в этом полку А.В. Суворов желал служить, удовлетворили ли его просьбу — на эти вопросы ответов нет. Можно уповать на детальный рассказ экскурсовода, но это — очередная иллюзия. Экскурсовод не сможет подойти к каждому предмету и даже кратко рассказать посетителям о нем. Чаще всего он ограничится общей фразой: «В этой витрине представлены предметы, рассказывающие о...» — и дальше посетители должны сами посмотреть эти предметы... И не более!

Недостаток исторической информации посетитель компенсирует весьма странным требованием — показать как можно больше предметов из музейных коллекций. И посетители правы. Так, в том же музее А.В. Суворова хранится уникальный музейный предмет — посмертная маска полководца. Но она почему-то в экспозицию не попала, увидеть ее можно только на выставках, приуроченных к редким юбилейным датам. И музейные сотрудники под давлением чиновников строят фондохранилища с открытыми фондами, где неудовлетворенные посетители могут увидеть еще больше предметов. Но эти предметы не собраны в экспозиционные комплексы, не имеют даже минимальной исторической информации, их можно смотреть только в сопровождении музейного сотрудника. Вероятно, посетитель получает удовлетворение именно от количества хранящихся предметов? Однако количество выставленных в открытых фондах предметов никак не влияет на качество представленной историко-культурной информации — ее по-прежнему мало.

Недостаток или, вернее, осознанное сокрытие этой информации в музее отражается и на качестве визуальной и текстовой информации,

представленной на электронных носителях. Она также фрагментарна, упрощенна и формальна. Музейные сотрудники резонно отмечают, что посетители не хотят читать большие тексты. Но ведь потому и не хотят, что не имеют длительного опыта, т. е. не приучены к этому, у них не сформирована мотивация использования такого способа познания. Кроме того, стиль музейных текстов должен быть особым, интригующим именно подлинностью и новизной исторической информации, а не написанный энциклопедическим языком.

Страстным стремлением массового посетителя получить удовлетворение от доступности к фондам музея и увиденного количества музейных предметов можно объяснить и появление распоряжения Минкультуры России об обязательном создании в музеях виртуальных музеев, на которых необходимо разместить как можно больше высококачественных изображений музейных предметов из коллекций, а не новой достоверной историко-культурной информации о них. И вновь мы наблюдаем тот же процесс непредоставления подлинной исторической информации о музейном предмете. Восприятие изображения музейного предмета кардинально отличается от восприятия предмета в реальности, поскольку человеческий глаз видит иначе, чем техническое устройство. Кроме того, восприятие реальности у каждого субъекта имеет свои особенности, что делает наше индивидуальное знание уникальным и бесценным. Наши эмоции, ум, чувства, индивидуальные черты психики — все это при соприкосновении с реальным предметом прошлого и информацией о нем создает основу для формирования исторического самосознания. Прозорливыми оказываются размышления А.Ф. Котса о массовом музее. Он пишет о пагубности формализма, о том, что исконная трудность музея — в столкновении «двух враждующих начал экспонатуры»: «Сциллы Профессионализма» и «Харибды Тривиальности». И далее о том, что многие музейные специалисты опираются на «формальные соображения: План экспозиции детально разработан с привлечением признанных специалистов, ими апробирован и точно выполнен. Дело музейных зрителей усвоить или не усвоить экспозицию!» [Котс, 2014. С. 147]. Так и сегодня: фонды открыты и оцифрованы, выложены в Интернете, а что усвоит потребитель из представленной информации и какого качества будет эта информация — дело потребителя!

Априори использование музейного пространства невозможно без определенных концептуальных сеток, способствующих закреплению информации как о предмете, так и о его представлении (образе). Рассмотрение когнитивного образа музейного предмета позволяет утверждать, что музей использует его в своей практике как концептуальную сетку. Для этого необходима вербализация знания о предмете, предоставляющая новые возможности не только для хранения информации об объекте в памяти индивида и для обеспечения доступа к этой информации в нужный

момент, но и для передачи знаний об объекте в процессе речевой коммуникации и совместной деятельности многих индивидов. Поскольку когнитивная сетка стала основой формирования музея, музей легко воспринял и освоил новые информационные технологии, основанные на понятии «фрейм». Законы восприятия и распространения когнитивного образа дают сегодня использовать электронную панель компьютера, позволяющего создать быстрое и разнообразное воспроизведение большого количества предметов. Следует отметить, что именно художественный музей так динамично и в чем-то беспринципно рекламирует эту форму своей деятельности (например, виртуальные музейные проекты Русского музея).

Таким образом, при изначальной устремленности к целостности и единству музейное пространство имманентно остается фрагментарным, разорванным, неполным; и мы можем предположить, что в музейном пространстве происходит трансформация качественных характеристик музейного предмета как исторического источника. Его историко-культурный потенциал, который выявляется в результате атрибуции и становится доступным для исследователя, не является доминирующим при экспонировании и, следовательно, не может быть воспринят массовым посетителем.

Как показывают социологические исследования, недостаток объема информации, необходимой для человека, приводит к ослаблению всего информационного взаимодействия и к возникновению новых явлений в социуме и культуре, например к культурному лагу (или культурному запаздыванию) — отставанию реакции культурной системы на новые социальные явления и технические нововведения. Культурное запаздывание происходит в тех случаях, когда нематериальная (духовная) культура не успевает приспособиться к опережающему развитию материальной культуры. Это и происходит сегодня в музее. Посетитель не успевает освоить разнообразное, неоднозначное, трудное для идентификации информационное поле экспоната на экспозиции, ему необходимы дополнительные способы и практики получения знания.

Следует помнить, что каждый из институтов памяти обладает своими неповторимыми методами трансляции знания, которые не могут быть восполнены или заменены иными способами. Данный процесс накладывает определенную ответственность на коллектив сотрудников музея. В исследовательской литературе по теории музеологии со второй половины XX в. рассматривается эта проблема и предлагается анализ историколингвистической базы. В 2014 г. вышел перевод на русский язык докторской диссертации П. ван Менша, осуществленный В.Г. Ананьевым [Менш, 2014]. Эта работа представляет несомненный интерес для российских исследователей, поскольку посвящена историографии зарубежной музеологии, с одной стороны, и анализу глубинных смысловых

изменений в понимании целей и задач музея и музеологии второй половины XX в. в Европе и Америке — с другой. В параграфе «Музейная дилемма» автор показывает широкую палитру мнений зарубежных ученых по процессам музеализации, транскрипции и трансляции музейного смысла аутентичного предмета. Так, он приводит слова Т. Шоля, который справедливо замечает, что в музее предмет отчуждается от своего первоначального смысла, деконтекстуализируется, что является своеобразной формой уничтожения его смысла и появления непреодолимой дистанции между современным человеком и прошлым [Менш, 2014. С. 180]. Однако автор не связывает этот процесс с анализом существующих видов научных исследований в музее, который представлен в параграфе «исследовательская деятельность», где он справедливо отмечает, что в 1980-е гг. начался процесс утраты доминирования исторических интерпретаций и замены его на простой пересказ различных историй, опубликованных в книгах и статьях [Там же. С. 245]. Завершился этот «содержательный сдвиг» в музейной деятельности переименованием научных сотрудников в кураторов.

Современный уровень производства материальных объектов, быстрый рост технических достижений, конвейерный стиль и доминирование всех типов тиражирования материальных предметов ставят под сомнение ценность аутентичности как таковой и как следствие — аутентичности прошлого. Пatina времени, выщерблены и трещины, утраты и искажения тщательно скрываются (реставрируются) музейными специалистами, уверенными в своем праве распоряжаться подлинностью. Именно поэтому необходима интеграция методологии и анализа артефактов, ведь экспонат на экспозиции включен в современный социальный процесс и его эвристические свойства становятся значимыми для восприятия посетителя. В то же время большинство результатов научных статей, посвященных изучению музейного предмета, его атрибуции и интерпретации доступны только профильным специалистам и не включены в экспозицию. Следовательно, подлинная историческая информация во всем своем объеме не является основой историко-культурного, социокультурного и, в итоге, мировоззренческого контекста музейной экспозиции. Об этом писал в своих работах А.Ф. Котс, который определил особенность научно-исследовательской деятельности музея, в отличие от академических институтов, как конкретизацию источниковедческой базы (музейных коллекций). Фундаментальную статью «О научно-исследовательской работе музеев» он написал еще в 1940-е гг., но не смог ее опубликовать [Котс, 2001]. Его идею частично развил В. Глузинский в конце XX в. Он верно отметил, что музеи представляют иной порядок познания, основанный на проблемах классификации и типологии. Музейные исследования базируются на научных достижениях академической науки и движутся к изучению частных

случаев [Менш, 2014. С. 246]. Однако исследование исторической информации конкретного музейного предмета не отменяет показ его на экспозиции не только как документа, образа и знака конкретного исторического периода, но и как результата духовного развития человека, «помещение» его в культурный контекст эпохи. Вероятно, необходимо музейным сотрудникам еще не раз перечитать труд А.С. Лаппо-Данилевского по методологии истории, в котором ученый определяет задачи исторического исследования: «Методология исторического построения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, объясняя, каким образом произошло то, что действительно существовало (или существует), построит историческую действительность» [Лаппо-Данилевский, 2010. С. 98].

Подводя итог нашим размышлениям, необходимо заметить, что в современном музееведении в России наблюдается противопоставление музееведческой науки и общественной реальности, в которой функционирует музееведение. Следствием ставится размывание целей и задач музея как института памяти и базового учреждения формирования исторической самоидентификации. В этой связи переосмысливаются и функции научного познания. Сегодня важно органичное соединение ценностей научно-технологического мышления с теми социальными ценностями, которые представлены нравственностью, искусством, религиозным и философским постижением мира и материализованы в музейном предмете.

Библиография

Дильтей Н. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 139.

Ключевые понятия музееологии / Сост. А. Девалье, Ф. Мересс // ИКОМ. 2013. Электронный ресурс: http://icom.museum/fileadmin/user_upload/pdf/Key_Concepts_of_Museology/key_concepts_ru.pdf (дата обращения: 21.09.2014).

Котс А.Ф. О научно-исследовательской работе музеев // Труды Государственного Дарвиновского музея. Вып. IV: Научно-исследовательская работа в естественно-научном музее. М.: ГДМ, 2001. С. 4–40.

Котс А.Ф. Собрание сочинений. Т. 2: История создания Государственного Дарвиновского музея / Под общ. ред. А.И. Ключиной. М.: ГДМ, 2014. С. 147.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. / Сост. Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2010. С. 98

Менш П. ван. К методологии музееологии // Вопросы музееологии. № 1(9). 2014. С. 15–291.

**ПИСЬМЕННЫЙ ИСТОЧНИК – МУЗЕЙНЫЙ ПРЕДМЕТ –
ИНФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ¹****Written Source – Museum Object – Information
in the Context of Historical Science**

Аннотация: в статье рассматриваются свойства письменных источников как музейных предметов, их знаковая система как в тексте, так и на материальном носителе. Изучение музейных свойств письменных источников – неотъемлемая часть научного исследования фактов, событий, явлений историко-культурного процесса. Учет их свойств, а также специфики фиксации информации способствует повышению эффективности и исторических исследований, и музейной деятельности, а также формированию исторического сознания на основе изучения и сохранения социальной памяти. Любой письменный источник как музейный предмет рассматривается в контексте исторической науки, иначе он теряет свое музейное предназначение. В свою очередь, историческая наука достигает большей полноты отображения действительности, опираясь на изучение свойств музейного предмета.

Abstract: The article considers properties of the written sources of museum objects and their sign system both in a text and in tangible form. A study of properties of museum written sources is an integral part of scientific research of facts, events and phenomena of historical and cultural process. Taking into consideration their properties, as well as specific character of their information recording promotes improvement of efficiency and historical research, as well as museum activities, and also formation of historical perception on the basis of studies and social commemoration work. Any written source in a quality of a museum object is considered in the context of history science, otherwise it loses its museum purpose. In turn historical science reaches more complete reflection of reality basing upon study of the properties of a museum object.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, письменный источник, музейный предмет, материальный носитель, свойства, контекст, информатизм, полифункциональность, презентатизм.

Keywords: historical science, museology, written source, museum object, physical, properties, context, informative, multifunctionality, presenteeism.

Письменный источник в музейном деле и в исторической науке следует рассматривать как документ, содержащий информацию, зафиксированную в знаковых системах на материальных носителях. Каждый источник включает в себе сложные информационные взаимосвязи, обеспечивающие сохранение социальной памяти.

Общеизвестно, что любой документ, любое свидетельство о социальной жизни представляет собой многослойную информационную струк-

¹ Выражаю благодарность В.М. Суринову за помощь в подготовке статьи.

туру. Рассматривая документ как результат закрепления на определенной основе (графически, фонозаписью или другими способами) информации о явлениях или событиях, можно констатировать, что информационное поле, наиболее адекватное этой основе, формируется тем материалом, который был использован при написании документа. Под материалом понимается и сам его материальный носитель, и то, с помощью чего наносится информация (тушь, чернила, карандаш, типографский шрифт и т. д.).

Материальная основа источника может как бы редуцировать содержательное значение записи. Так, после разгрома народнического движения (после 1 марта 1881 г.) для оставшихся на воле революционеров представлялось важным наличие вещественного свидетельства существования организации. Поэтому по городам России распространялись сырые листы «Народной воли». Как отмечал народоволец А.Н. Бах, после предъявления даже не до конца напечатанных листов поднимался энтузиазм молодежи; факт появления очередного номера журнала играл несравненно большую роль, чем содержание его, ибо свидетельствовал о существовании организации. Важно было «не содержание, а само появление на свет; причем по степени типографского совершенства судилось о силе организации» [Бах, 1929. С. 33]. По его мнению, прокламации с красной печатью «Исполнительный комитет» являлись отблеском приближающейся грозы [Там же. С. 175]. Суждения народовольца согласуются с наблюдениями заграничной агентуры Департамента полиции. В донесении за 1886 г. (спустя пять лет после разгрома народовольцев) сообщалось, что появление в Париже «Летучего листка “Народной воли”» было воспринято П.Л. Лавровым как доказательство существования в России революционного кружка. Исключительно на «появлении» «документа» зиждилось в среде парижских эмигрантов мнение о существовании в России «крепко сплоченной группы» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 22. Л. 133–135].

О значении такого рода символов в советское время пишет Ю. Домбровский: «У них же ордер. А ордер сильнее всего на свете. И когда он увидел эту гнусную зубчатую бумажку с синим факсимиле внизу, онемел, отупел и просидел два часа не шелохнувшись» [Домбровский, 1988. С. 53–54].

Возобладание в информационном воздействии материальной основы документа над содержанием, заключенным в тексте, было характерной чертой для революционных сообщений. В листовках, посылаемых «жертвам мщения», употреблялось название Центрального комитета с изображением в печати топора и револьвера. В реальности организация «не есть нечто недвижно сформированное, но существует к мщению» [Любатович, 1930. С. 29].

Из рассмотренных примеров следует, что материальная основа и внешний вид документа может быть по отношению к тексту средством выражения в самой общей форме его содержания, а в некоторых случаях редуцировать содержание до уровня целеполагания. Это является еще

одним доводом в пользу принципа комплексности при комплектовании музейных коллекций.

Когда документ оказывается в музее, т. е. становится музейным предметом, возникают сложные проблемы передачи посетителю и исследователю не только информации, но и чувств и эмоций. Встают вопросы: как показать, объяснить посетителю, что переживали люди, впервые увидевшие предназначенный для них документ — письмо, телеграмму, извещение; как и какие чувства может вызывать документ у посетителя музея? Важно и то, какое место занимает документ в жизни человека, как влияет на формирование личности, воздействует на его окружение, что происходит в душе посетителя после «встречи» с документом — музейным предметом.

Материальная основа документа может отражать не только грандиозность событий, но и бытовую сторону жизни общества. Известную стесненность жизненных обстоятельств передают, например, листки из конторских книг, на которых были написаны письма на фронт [«Мы будем жить», 1984]. Клочок бумаги с рваными краями, на котором написана предсмертная записка солдата, зримо дополняет трагизм ситуации, отраженной в тексте [Шиманский, 1984].

Специфическое значение имеет материальный носитель документа в формировании информационного поля времени. Книги, изданные в начале XX в. для народного чтения на серой бумаге в мягкой обложке, служили одному-двум поколениям. И лишь став библиографической редкостью, они привлекают внимание коллекционеров, музееведов, историков. Не будь этого внимания, многие из них навсегда исчезли бы из среды бытования и, как следствие, из человеческой памяти. Глиняные таблички Древнего Шумера и Аккада, берестяные грамоты средневекового Новгорода интересны не только текстами, но и материальной основой, отображающей уровень развития общества.

Играя немаловажную роль в формировании социальной памяти, материальный носитель, его фактура, средства и способ нанесения текста также выступают в роли своеобразного накопителя разнообразной, а порой и противоречивой информации.

Говоря об информационной многослойности источника, можно предположить, что слои информации не располагаются в виде кристаллической решетки, а находятся во взаимной связи и взаимном проникновении. При всей сложности и разнообразии накопленного источником потенциала информации важно обозначить качественную определенность того или иного слоя документа, в частности его материальной основы. Это особенно важно в том случае, когда возникающее около нее информационное поле находится в реальной конфронтации с содержанием текста документа. Герой драмы У. Шекспира «Генрих VI» Кед восклицает: «А пергамент, когда на нем нацарапают невесть что, может погубить че-

ловека. Говорят, что пчела жалит, а я говорю, жалит пчелиный воск, поэтому я один только раз в жизни приложил печать к какой-то бумаге и с той поры я сам не свой» [Шекспир, 1957. С. 276].

Смешение сообщений, порождаемых материальной основой документа и содержанием его текста, может носить характер неразрешимого противоречия и вести к созданию «гибридного» информационного поля документа. Об информационных полях книги (материальных и содержательных) можно проводить бесконечные по разнообразию тематики исследования. Раскроем каталог-путеводитель «Памятники письменности в музеях Вологодской области» [Памятники письменности..., 1982—2001]. Книги в нем описываются с разных позиций: внешний вид, форма, размер, материальный носитель текста и обложки, содержание и др. Особое место занимают пометы и записи. В них усматривается особый мир человека, имеющего какое-либо отношение к конкретной книге (автор, владелец, покупатель, продавец, читатель). Это авторские, владельческие, дарственные записи; размышления и замечания по поводу содержания книги; сведения о купле-продаже, стоимости, передаче с указанием фамилий, адресов, званий, названий населенных пунктов, монастырей, церквей; характеристики героев книг; наставления и заповеди потомкам; хозяйственные и бытовые записи; пометы о повседневных делах; пробы пера и т. д. Все это свидетельствует о среде бытования книги, характере ее использования. Можно сказать, что книга не только своим содержанием и внешним видом, но и записями, вклейками, зарисовками свидетельствует о сохранении социальной памяти и формировании исторического сознания.

Любопытна, например, запись в дневнике тотемского крестьянина Вологодской губернии А.А. Замараева, сделанная рукой его товарища на полях книжки за 1908 г.: «Друже Саша! К сожалению нашему, казнили следующих декабристов: I — Пестель, II — Рылеев, III — Муравьев, IV — Каховский, V — Бестужев. Вечная память казненным героям. Писал В.М.» [Дневник тотемского крестьянина..., 1995. С. 30]. В другом месте тоже на полях расшифровывается аббревиатура фамилии РАСПУТИН — Романова Александра Своим Поведением Уничтожила Трон Императора Николая. Эти записи объясняют многое, как и сетования автора дневника на то, что власти запрещают собираться на беседы, «обязывая» при этом подпиской свидетельствовать, на какие беседы собирались крестьяне, какие вопросы обсуждали. Текст дневника характеризует и самого А.А. Замараева, который не только землю пашет, сено косит, дрова заготавливает, на базар ездит, в церковь ходит, но и участвует в общественно-политической жизни. Отсюда становятся понятными и многие его высказывания мировоззренческого порядка (приветствие революции в Китае, осуждение завоевательной политики Германии, поддержка Временного правительства).

Любопытен крестьянский дневник и как материальный носитель информации. Он представляет собой несколько тетрадей серой бумаги небольшого формата, сшитых нитками. Внешний вид, да и расположение текста по всему полю бумаги, свидетельствует о степени достатка крестьянина, а текст записей — о совершенстве слога. Из года в год записи становятся более подробными и упорядоченными. Так, если в первой тетради фиксируются отрывочные сведения за 1906—1908 гг., то в тетрадях-книжках с 1912 по 1921 г. записи ведутся за каждый год в отдельной тетради, иногда пространные, с включением как собственных рассуждений по поводу происходящих событий, так и выписок из прочитанных книг и газет. За каждый год в конце декабря помещается запись об итогах прошедшего года. Можно с уверенностью утверждать, что крестьянский дневник как музейный предмет являет собой кладезь информации для изучения исторических событий, восстановления тех лакун в социальном процессе, которые не были зафиксированы в исторической науке.

Документ в своей материальной форме может отличаться высоким уровнем презентатизма, сохраняться в неизменном виде на протяжении столетий и даже тысячелетий (как, например, клинопись на глиняных табличках), т. е. представлять самого себя как продукт эпохи. Однако стремление сохранить книгу, придать ей свойства презентатизма не всегда находится в тесной связи с ее содержанием. Существенным является сам факт ее создания, отраженный в материальном, «вещном» проявлении. Это заставляет сохранять книгу, несмотря на переиздания (которые будут презентативны для своей эпохи).

Внешнее соответствие материальных носителей зафиксированной на них информации, среде, их породившей, создает предпосылки для моделирования исторических и технологических процессов, устойчиво существовавших в прошлом. В этом раскрывается широкое поле для исследователей: историков, источниковедов, музееведов. Как это сделать в музее — особый разговор, касающийся сферы музейного искусства.

В формировании информационных свойств предмета, определяющих его музейную ценность, имеют значение так называемые оттиски, своеобразные «оговорки», заключающие «нечто постороннее» по первоначальному целеполаганию его создания и назначения. Один из способов материальной регистрации «оговорок» — использование разноцветных карандашей, изменение почерка, применение разных шрифтов и т. п. Как эта процедура создает новый информационный слой в документе, отображено в автобиографической повести В.В. Карпова: «Я прочитал заголовок “Наградной лист”. Ниже шла моя фамилия, биографические данные и описание тех дел, за которые меня представляли к званию Героя Советского Союза. Но как бы зачеркивая все это, наискосок наградного листа крупные красные буквы кем-то написанной резолюции. В этих буквах еще до того, как я понял их смысл, даже внешне вписалось раздра-

жение того, кто их писал: “Вы думаете, кого представляете?!” Подпись была неразборчива, будто вся состояла из восклицательных знаков» [Карпов, 1989. С. 428]. Этими знаками убедительно обозначался «вождь народов» И.В. Сталин, в руках которого было сосредоточено управление кадрами.

Пометы, записи, закладки, наклейки, загнутые углы страниц, капли от восковой свечи, масляные пятна, закоптелые листы, следы примитивной реставрации и тому подобные материальные «оттиски» характеризуют обращаемость книг, в частности в старообрядческих общинах. Они свидетельствуют о степени развития книжной культуры, культуры чтения. Исследователь русского раскола при изучении наследия одного из начетников поморского толка пишет: «Среди индивидуальных специфических помет А.Н. Нифантова следует выделить, например, следующую: маленькая диаметром один сантиметр круглая печать, оттиск с которой делался красными чернилами на полях текста, иногда эти печати ставились по две, четыре штуки рядом, образуя своеобразный цветок. Тем же целям, очевидно, служат и вырезанные из металлической бумаги типа фольги “бляшки”, наклеенные на полях текста. Такую же функцию, видимо, выполняют и капельки воска, аккуратно сделанные на полях текста в нескольких местах» [Бахтина, 1992. С. 103].

Информационные поля, порождаемые материальной основой документа, имеющимися «оттисками» (внешний вид, форма, размер, материальный носитель текста и обложки) воссоздают особый духовный мир человека, связанный с его общением с письменным источником, с культурой чтения, созданием документа.

Таким образом, материальная основа документа передает полифункциональность его использования в жизни и в последующем ретроспективном осмыслении. В этом смысле музейный предмет является объектом массового исторического познания, что позволяет улавливать малозаметную (на первый взгляд) информацию, заключенную в источнике, в частности — в той материальной основе, на которой он фиксируется знаковой системой. Поэтому в научных описаниях документов всякого рода пометы и сведения по истории бытования предмета фиксируются полностью, ибо они отражают запросы и потребности читательской среды [об этом см.: Амосов, 1984. С. 41—42].

Одной из потенциальных возможностей предмета (как источника музейного значения) является способность сохранять заключенную в нем информацию (социальную память) относительно длительное время. Это уже упомянутое свойство презентатизма позволяет использовать предмет в качестве источника, ядра накопления информации за время его бытования в различных ситуациях и в различные времена. Книга, делопроизводственный документ, листовка и др. обладают этим свойством — свойством не меняться в своей основе и формировать информационное

поле по оси времени, накапливать «культурную ауру» с учетом изменений социальных идеалов общественной жизни.

В этой ситуации материальная основа документа, его фактура, является как бы несущей конструкцией запечатленных на ней текстов. От качества бумаги, металла, глины, от выделки кожи, от чернил, типографской краски и т. п. зависит обеспечение их сохранности, а также воздействие во времени «записей», «оттисков» в их становлении в качестве ядра, сублимирующего информацию о различных фрагментах социальной действительности в ретроспективе.

Одной из сторон музейной деятельности является моделирование устойчиво существовавших процессов общественного производства, социальной и культурной жизни. С этой целью широко используются функциональные качества предметов (например, когда в экспозиции звучит музыкальный инструмент). Несколько сложнее обстоит дело с письменным источником, но все же его функциональное использование возможно. Для решения задачи музейного использования функциональных свойств письменного источника существенна конгруэнтность, внешнее соответствие материальных носителей зафиксированной информации и среде, их породившей, что создает предпосылки для моделирования процессов, оживления их движения в «поле времени».

Рассуждая о совокупности, неразделенности информации, заключенной в тексте документа и его материальном носителе, следует обозначить проблему изучения связи документа с окружением. Нередко информация, содержащаяся в письменном источнике, становится ясной лишь при наличии описываемого предмета. Текст на памятнике А.С. Пушкину в Москве в какой-то мере говорит о единстве информации текста и материального носителя. Эта информация в тексте памятника частично раскрывает творчество поэта, его духовное завещание. Целостный образ памятника усиливается оформлением места его нахождения в окружающей среде: постамент, ограждение, сама площадь, живые цветы, здания вокруг, люди, пришедшие на свидание с поэтом. Одно дело — надпись на траурной ленте, другое — наличие при этом венка и место его возложения (городское кладбище, братская могила, траурный поезд, ставший музеем). Одно дело — дарственная запись в книге, другое — наличие ручки или карандаша, с помощью которых появилась эта запись. Одно впечатление о технике машинописи возникает при виде текста, напечатанного на листе бумаги, другое — при экспонировании рядом самой пишущей машинки. Одно восприятие телетайпной ленты, когда мы ее рассматриваем в экспозиции музея, другое — когда нажимаем на клавиши передающего аппарата, а на принимающем аппарате появляется текст с идентичным содержанием. Образ мысли солдата мы можем понять из его писем, но представить его внешний облик поможет фотография. Отсюда проистекает одна из важнейших проблем музееведения — комплексность

источников. Все это дает основание полагать, что при известной самостоятельности слоя информации, порождаемого материальной основой письменного источника, она по отношению к содержанию текста может играть разные роли: усиливать его значение, находиться в конфронтации или в состоянии неразрешимого противоречия. Но при всем этом материальная основа как часть действительности, не связанная с предварительным отбором для фиксации, является тем, что придает письменным источникам музейное значение.

Идея историзма, свойственная любой знаковой системе, фиксирующей действительность, в делопроизводственном процессе частично реализуется в итоговых документах. Можно сказать, что уже сам факт выделения для фиксации из сумм явлений и событий наиболее значимых служит отправной точкой проявления этой тенденции. И здесь переход от простого к сложному сопряжен с повышением уровня ретроспективного абстрагирования действительности.

Сами по себе синтез информации, ее интеграция, усиление уровня абстракции не ведут, как полагают некоторые, к утрате ценности источника. В ряде случаев, наоборот, «осмысление во времени» позволяет понять истинное значение описываемых событий или явлений. Частично справедливым можно признать мнение, в соответствии с которым установление истины не означает того, что историк должен непосредственно наблюдать событие — достаточно, если это сделано кем-либо другим. Сопоставляя информацию, исходящую от различных источников, можно максимально выразить достоверность действительности.

Эту мысль можно развить и дальше. Логично предположить, что историзм как форма осмысления жизни проявляется через систему разного рода документальных «сообщений». Да и само историческое исследование, по сути своей, является одним из них (правда, с более высоким уровнем синтеза и обобщения).

Наряду с некоторыми общими закономерностями, в соответствии с которыми невозможно осмысление ряда сюжетов во времени, существенное влияние на искажение информации могут оказать и частные, групповые интересы. По мнению Н.М. Дружинина, реформа 1861 г. вызвала «массу раздробленных и трудносогласуемых мнений»; их публикация зависела «не только от внешней правительственной цензуры», но и от «внутреннего непреодолимого влияния господствующих взглядов» [Дружинин, 1926. С. 468—469, 504]. По этому поводу Н.Ф. Федоров писал: «Та история, которая исходит из-под перьев партийных и политических деятелей, проникнута сильным чувством, но она не заслуживает названия истории, ибо хотя она не бесчувственна, но зато она пристрастна, она грешит против правды» [Федоров, 1913. С. 211].

В музее происходит ретроспективное осмысление жизни общества в рамках определенной исторической обстановки, в пределах устойчиво

сложившихся форм процесса создания документов. Это не может не приводить к тому, что в ряде случаев явления, имеющие «перспективу» развития, или вовсе не регистрируются, или фиксируются в документе таким образом, что они выявляют в нем такой «избыток смысла», при котором прилипший к бумаге «кусочек жизни» не склеивается с другими в рамках документирования происходящих событий. Интерпретация таких «кусочков жизни» может быть различной в зависимости от влияния общественного мнения, под которым находится сам интерпретатор.

В общей массе письменных источников имеется ряд категорий документов, содержание которых не может быть синтезировано традиционной и текущей системой документирования. В них раскрывается сложная система человеческих взаимоотношений в тематическом, идеологическом разнообразии, не вмещающемся в те реквизиты, по которым идет обобщение информации. К ним можно отнести такие документы, как заявления, жалобы, объяснительные записки, почетные грамоты, свидетельства. Именно для них характерно присутствие неискаженной «прямой речи», имеющей, по определению М.М. Бахтина, «непосредственное предметное значение, не лежащее в одной плоскости с ее интерпретацией» [Бахтин, 1963. С. 250]. Зачастую содержание такого рода документов, не попадающих в общую интеграционную систему, обозначает ход истории. Зафиксированные в них мелкие особенности какого-нибудь даже незначительного события порождают тот «избыток смысла», который, по определению Г.В.Ф. Гегеля, «с бьющей очевидностью выражает собой время, народ, культуру» [Гегель, 1937. С. 339]. В этих документах, своей содержательной стороной не входящих в накатанную колею процесса документирования, подчиненного социальной демагогии, «“тайный смысл” исторического процесса обнаруживается яснее и отчетливее» [Хохлов, Соколов, 1992. С. 4]. Поэтому их содержание интегрируется в рамках новой схемы исторического осмысления общественного развития.

«Бьющая очевидность» «мелких особенностей» важна не только для раскрытия «тайн», но и для сопоставления прошлого с настоящим по более широкому диапазону событийной феноменологии, нежели обобщающие документы, фиксирующие информацию в узком коридоре идеологической парадигмы той или иной эпохи, той или иной социальной группы, того или иного «летописца». Это обстоятельство позволяет более широко освещать прошлое с настоящим, достигая той самой «сборности лиц», о которой писал Н.Ф. Федоров. А «возможность одновременного сосуществования, возможность быть рядом или друг против друга», по определению М.М. Бахтина, является как бы критерием для отделения существенного от несущественного. Только то может быть осмысленно дано одновременно, что «может быть... связано между собой в одном времени... может быть перенесено в вечность, ибо в вечности все

одновременно, все сосуществует» [Бахтин, 1963. С. 38–39]. Сосуществование в вечности и обеспечивается музеем как хранителем социальной памяти. Всей памяти, а не отобранной по идеологическим или иным соображениям.

Одновременное осмысливание прошлого и настоящего при дифференцированном отражении комплексом источников возможно в самых различных ситуациях, оно исходит из разных подходов исторического исследования. Поэтому дело не столько во времени создания источников, сколько в их форме, многоаспектности, мелких подробностях, отраженных в документах, которые потенциально могут быть востребованы как объекты ретроспективного исторического исследования.

Особо следует отметить встречающиеся в текстах описания материальных предметов. При определенном уровне они могут приблизиться к поисковому образу вещевого предмета. До революции 1917 г. существовали «Статейные списки», в которых с почти осязаемой достоверностью воспроизводился облик арестанта. Именно из такого документа стало известно, что у заключенного И. Джугашвили (Сталина) большой и второй пальцы на левой ноге были сросшимися. Но не только представители сыска дореволюционной России тяготели к описанию подробностей. Еще приказные XVIII в. составляли в своих списках портреты, описывали предметы на уровне бытовой археологии.

Следовательно, возможна ситуация, когда материальные «остатки» конгруэнтны действительности, а письменные описания конгруэнтны «остаткам». Описания очень важны в решении важных задач исторической науки и музейной работы в реконструкции прошлых состояний, прошлых действий, процессов. И это особенно ценно в том случае, когда «остатки» не сохраняются.

Таким образом, эта категория документов позволяет максимально дифференцировать процесс общественного развития, ту его «однородность», которая «создается в представлении некоторым отдалением от предмета наблюдения — все равно — в пространстве или во времени» [Козьмин, 1910. С. 257]. Следовательно, эта категория документной информации может быть идентифицирована с вещевыми предметами, являющимися основными источниками пополнения музейного фонда. Отражая и сублимируя качественные различия в восприятии различных явлений в разные эпохи, разными социальными группами, они выступают в каждом отдельном и конкретном случае «первоисточниками», являются документами с достаточно широким диапазоном «сообщений» для осмысления действительности в рамках той или иной идеологической установки, людьми с разным уровнем исторического сознания.

Прямая задействованность «текущих документов» в общественной жизни предполагает и специфику формирования соответствующего им информационного поля. Уже при самом их создании закладывается идея

обеспечения широкой их связи с общественностью, максимальной публичности. В силу своего производственного назначения подобного рода документы издаются в идентичном виде в большом количестве. При издании первой Советской Конституции местным властям вменялось в обязанность вывешивать ее текст на видных местах во всех советских учреждениях, на станциях и в других общественных местах. Для убедительности и привлечения внимания после издания законодательного акта в его честь воздвигли «Памятник свободы». Текст Конституции изучали в школе в 7-м, выпускном классе (при обязательном 7-летнем образовании).

Когда речь идет о документе как историческом источнике и музейном предмете, нужно понимать, что он рано или поздно станет достоянием общности, т. е. будет опубликован в научной или популярной литературе, представлен в экспозиции. Это — новая точка отсчета в его жизни. Документ, изъятый из среды бытования, сферы действия одного социума, попадает в иную, искусственную среду (в экспозицию, книгу, каталог, журнал), иную сферу взаимоотношений. Здесь и возникает проблема приближения документа к новому поколению людей, адекватного его осознания обществом. Но если, как отмечалось выше, функционирующий в реальной среде документ по-разному воспринимается разными социальными группами, восприятие зрителей, читателей различается с авторским замыслом, в музейной экспозиции масштабы этих различий увеличиваются многократно. Важнейшей и трудноразрешимой проблемой здесь становится сохранение соответствия документа-экспоната документу-подлиннику или памятнику культуры.

Представление в музее документа как экспоната уже содержит в себе интерпретацию экспозиционера. А экспозиционер (научный сотрудник, экскурсовод, музейный педагог) вольно или невольно навязывает посетителю свое мнение о документе-памятнике и его месте в социуме. Желая того или нет, музей формирует понятие документа-экспоната исходя из своих собственных представлений, которые могут быть отличными от представлений и восприятия посетителей. Следовательно, информационные поля документа-памятника и документа-экспоната могут значительно различаться, по-разному влиять на восприятие посетителей и на формирование их исторического сознания или размывание оно.

Теоретики музейного дела говорят о музейной коммуникации как о самостоятельной категории. Утверждается право на авторскую интерпретацию событий музейными средствами, на замену исторического сознания мифологическим [см.: Гнедовский, 1986; Пухачев, 1994; Поляков, 1989, и др.]. Уже сама постановка этих проблем свидетельствует о тенденции к самопроизвольному толкованию документа, обоснованному якобы необходимостью нового осмысления исторического процесса. Осмысливать исторический процесс необходимо постоянно. Но во всяком «новом» осмыслении маскируется новый идеологический подход, веду-

щий к субъективизму и тенденциозности, к интерпретации документа (и стоящего за ним события) в соответствии с общественным мнением господствующей части социума. Такое новое осмысление выполняет социальный заказ по принципу «чего изволите-с». Подобное происходит и в исторической науке.

Чтобы осмыслить исторический процесс, нужны не «новации», а историческое сознание, по мнению Э.А. Шулеповой состоящее из трех составных частей (или блоков): фольклор — искусство — наука. Она отмечает, что «памятники всех трех блоков исторического сознания выполняют функции социальной памяти. Эти функции могут претерпевать серьезные изменения в зависимости от того, какие социальные силы оказываются двигателями социального прогресса» [Шулепова, 1993. С. 7]. Посему необходима не вольная (авторская), а научная интерпретация событий, в основе которых лежит их исследование, а не визуальное наблюдение. К сожалению, во многих современных экспозициях превалирует мнение художника, дизайнера, оформителя, а экспозиционер из научного руководителя превращается в простого консультанта, не имеющего возможности отстоять свое мнение. Не происходит ли это от отсутствия исторического сознания у тех и других, от непонимания ими сущности музейного предмета-памятника?!

Чтобы не быть, по выражению Ф.И. Шмита, в «плену у своих вещей» и не замыкаться только в архитектурно-художественном решении экспозиции, необходимо, как уже отмечалось, комплексное изучение документа-памятника — в комплексе с другими источниками при непрерывном выявлении контекста эпохи, среды бытования, условий функционирования предмета в повседневной жизни. Это и позволит моделировать процесс, не прибегая к различного рода инсталляциям, перформансам, конструктивным сооружениям и иного рода декорационным приемам.

Следует отметить, что письменный источник является частью понятия «вещь», ибо любой текст (кроме устного) всегда нанесен на какой-либо материальный носитель. Для каждой эпохи вещи и их взаимодействие составляют свою систему, потому понять «поведение человека в определенную эпоху прошлого можно, лишь если не прилагать к нему мерки нашей эпохи, а стремиться понять его в его собственной системе». Историк же, музееведу, посетителю музея «важно, прежде всего, понять вещь как отражение внутреннего мира и эмоционально-психологического склада, откуда идут непосредственные импульсы его общественного поведения». Исходя из свойств вещи, Г.С. Кнабе выводит две их функции — прагматическую и знаковую [Кнабе, 1991. С. 115—119]. Однако надо признать, что документ как письменный источник не только обладает тем и другим, но еще и усилен содержанием в знаковой системе. Знаковость заключается и в материальном носителе, и в системе знаков, избранных автором для нанесения текста на материальный носитель

(клинопись, иероглифы, рукопись, машинопись, компьютерный набор и т. п.). Следовательно, информационная емкость документа более глубока и многогранна. А в контексте эпохи (в случае ее изучения, конечно) его информационные поля расширяются, и музейное значение документа приобретает более глубокий смысл не только для музея, но и для науки в целом.

Кроме того, само всестороннее и глубокое изучение документа еще не дает основания полагать, что он полностью изучен. Выше отмечалась необходимость дифференцированного изучения документа. Следует отметить еще раз как существенное — необходимость изучения письменного источника в комплексе с другими видами памятников, широко используя при этом междисциплинарные связи. Да и в целом документ может быть изучен только в контексте явления, события, факта, времени, пространства, межличностных и производственных отношений, т. е. в контексте истории [см.: Вещь в контексте культуры, 1994].

Некоторые сторонники современной теории коммуникации утверждают, что коммуникации можно достигнуть всевозможными методами и средствами, в том числе без использования подлинника, а лишь при помощи его копии. Согласимся, что в экспозиции без копии не обойтись. Мало того, хорошего качества ксерокопия или сканированный документ более «выразительны». Но ведь материальная основа будет уже другая. И сам документ, таким образом, будет представлять другую эпоху, другую технологию, другие производительные силы, другие производственные отношения. Кроме того, как можно ксерокопией воспроизвести капли воска на странице книги или наклеенные «бляшки»? Будут пятна без всякой материальной основы. На ксерокопии исчезают оттиски штемпелей, сургучные печати. Физические «остатки» исчезают и заменяются графическими изображениями. Но это, согласитесь, разные вещи: перед нами будет уже другой документ, другой эпохи, на другом материальном носителе, выполненный с помощью других технологий.

Физическое состояние материального носителя документа не передается копированием, ибо появляется новый материальный носитель. Но коль скоро существует единство содержания материального носителя и содержания нанесенного на него текста, то отсюда следует, что искажение (подмена) одной из составных частей музейного предмета ведет к искажению его в целом, т. е. к его фальсификации и, как следствие, к фальсификации явления, события, факта. Подмена материального носителя ведет к утрате информации о его происхождении, способе производства, среде бытования, социальных отношениях, в которых пребывает источник и пользующиеся им люди, о личном взаимодействии автора или читателя с документом. При воспроизведении музейного предмета мы утрачиваем не только понимание его физической основы, но и сам дух эпохи. Поэтому любую копию нужно рассматривать не как копию с под-

линника, а как вновь созданный документ, заключающий в себе не вновь создаваемый текст, а передачу (перенесение, трансляцию) текста с другого документа. Использование же копии напрямую в качестве экспоната возможно, но как вспомогательный материал. Если же мы пойдем по пути завышения роли вспомогательных средств, можем потерять самое важное — подлинность источника, что определяет главную особенность музейной деятельности. А как быть историку, изучающему прошлую эпоху, если у него в руках позднейшего происхождения документ? По воспроизведению можно прочитать только нанесенный на материальный носитель текст, а саму эпоху воспроизвести можно только частично либо с искажением действительности. Иными словами, всякая копия лишает исследователя достоверности.

Знание эпохи, уровня развития культуры в момент появления письменного источника есть необходимое условие и для научной интерпретации самого текста. При прочтении русских летописей исследователь сталкивается с лексическими трудностями, возникающими, в частности, в результате утраты значения слов. Это приводит к неверному толкованию текста. Так, в «Псковской правде» слово «пословица» употребляется в значении «согласно», а не в современном его толковании. В Волынской летописи говорится, что в 1281 г. полки князя Кондрата осадили город его родного брата Болеслава, «сташа около города, аки борове велицеи». Этот текст истолковывался так: «Стали около города, как свиньи». Но термин «боров» означал сосновый лес — бор.

Под научным изучением понимается, кроме всего прочего, всесторонний подход к исследованию документа. Та же книга «может быть пергаментной или бумажной по материалу, рукописной или печатной по технологии, кириллической или гражданской по алфавиту, духовной или светской по содержанию, древней или новой по времени создания, хорошо сохранившейся или ветхой, полным кодексом или незначительным фрагментом, но во всех случаях она остается памятником культуры минувших поколений и уже потому заслуживает уважения и бережного отношения. Однако всякий памятник является в то же время и потенциальным историческим источником, способным поведать не только о себе, но об обстоятельствах, сопутствовавших его появлению, дальнейшему бытованию» [Вещь в контексте культуры, 1994. С. 37].

Отсюда вытекает естественная необходимость привлечения к изучению документа специалистов различных областей науки, литературы, искусства, делопроизводства и т. д.

Книга (документ как музейный предмет) фактом своего существования документирует исторический процесс, культурно-историческую среду, взаимоотношения людей в обществе. Но чтобы предмет «заговорил», обрел свой «язык» и поведал нам о прошлом, необходимо разностороннее исследование его составляющих: текста, материального носителя,

условий производства и бытования, авторства «следов» использования. Тогда письменный источник как музейный предмет становится полифункциональным: будучи объектом изучения, он выступает и как средство, форма, метод познания действительности. Имеющиеся в документе «оговорки» иногда придают ему более широкое значение, часто совершенно не совместимое с первоначальной целью его создания. Так, на обратной стороне листа Вольного экономического общества с просьбой о представлении Д.И. Менделееву отпуска для обследования тверских маслоделен, рукой ученого сделаны первые наброски, относящиеся к открытию периодического закона химических элементов [см.: Кедров, 1950. С. 48—50]. Тем самым сила воздействия документа вышла далеко за рамки его функционального назначения.

Исследователи в области архивного дела выдвигают два принципа отбора документов на постоянное хранение: по происхождению и по степени использования. Вопрос происхождения в обозначении параметров не представляется столь сложным. Но когда речь заходит об использовании документов (в научной и практической деятельности архивистов и музеев), мы наталкиваемся на тот факт, что количественные (да и качественные) показатели запросов ученых и населения постоянно меняются, ибо меняются историческая обстановка, общественное сознание, что ведет к иной интерпретации социальной значимости как самих документов, так и интереса к ним. Для массового ретроспективного осмысления оптимальный выход из этого положения заключается в обозначении рассмотренных потенциальных возможностей документов, музейных свойств письменных источников. При этом важно понять, что исследование текста документа (а также его практическое экспозиционное и научное использование) становится более полноценным, если сопровождается изучением текста вместе с его материальной основой, несущей информацию об изучаемых процессах, событиях, фактах социальной жизни.

Письменный источник как музейный предмет обладает определенными музейными свойствами: полифункциональность; дифференцированное отражение действительности; презентатизм и репрезентатизм; взаимосвязь текста и материального носителя; информатизм. Их учет, учет специфики фиксации информации будет способствовать повышению эффективности и исторических исследований, и музейной деятельности, а также формированию исторического сознания на основе изучения и сохранения социальной памяти. Письменный источник как музейный предмет — важная составляющая в контексте исторической науки. Он заключает в себе знаковую систему как в тексте, так и на материальном носителе, усиливает эффективность музейных презентаций и повышает глубину научного исследования.

Библиография

- ГАРФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 22. Л. 133–135.
- Амосов А.А.* «Вологодская программа»: итоги и перспективы // Охрана и использование памятников истории и культуры / Отв. ред. С.О. Шмидт; Центр. совет ВООПИК; Вологод. отд-ние ВООПИК; АН СССР. Археогр. комиссия; Вологод. гос. пед. ин-т. Вологда, 1984. С. 39–49.
- Бах А.Н.* Записки народовольца. М.; Л.: Молодая гвардия, 1929. 255 с.
- Бахтина О.Н.* Особенности творческой работы старообрядца-книжника XIX – начала XX века А.Н. Нифантова (по его читательским пометам в книгах) // Мир старообрядчества. Вып. 1: Личность. Книга. Традиция. М.; СПб.: Хронограф, 1992. С. 100–107.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 167 с.
- Вещь в контексте культуры: Материалы научно-практической конференции. СПб., 1994.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия истории // *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения. Т. 8. М.; Л., 1937.
- Гнедовский М.Б.* Музейная коммуникация и музейный сценарий // Музей и современность / НИИ культуры. М., 1986.
- Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 гг. / Публ.: В.В. Морозов, Н.И. Решетников. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. 256 с. (Серия: Российский этнограф).
- Домбровский Ю.* Факультет ненужных вещей // Новый мир. 1988. № 8.
- Дружинин Н.М.* Журнал землевладельцев. 1858–1860 // Труды РАНИОН. М., 1926. Т. 1, ч. 1.
- Карпов В.* Полководец. М.: Воениздат, 1989. 574 с.
- Кедров Б.М.* О теории научного открытия // Научное творчество. М.: Наука, 1950. С. 48–50.
- Кнабе Г.С.* Вещь как феномен культуры // Музееведение. Музеи мира / Отв. ред. Е.Е. Кузьмина; НИИ культуры. М., 1991. С. 111–141.
- Козьмин Н.Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб.: Типография «Печатный труд», 1910. VI, 266, [3] с.
- «Мы будем жить». О чем писали в 1942 году на фронт дети блокадного Ленинграда // Правда. 1984. 10 мая.
- Любатович О.* Далекое и близкое // Ред. В. Невского и П. Анатольева / М.: Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. 144 с.
- Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель / Под общей ред. П.А. Колесникова; Б-ка Акад. наук СССР [и др.]. Ч. 1–5. Вологда, 1982–2001. (Ч. 1, вып. 1: Рукописные книги [районных и народных музеев] / Отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1982; Ч. 1, вып. 2: Рукописные книги XIV–XVII вв. Вологодского областного музея / Отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1987; Ч. 1, вып. 3: Рукописные книги XIX–XX вв. Вологодского областного музея / Отв. сост. В.В. Морозов. Вологда, 1989; Ч. 1, вып. 4: Книжная традиция Кубеноозерья / Отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 2001; Ч. 2, вып. 1: Книги кириллической печати [районных и народных музеев] (1564–1825) / Отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1983; Ч. 2, вып. 2: Книги кириллической печати Вологод-

ского областного музея (1575–1825) / Отв. сост. В.В. Морозов. Вологда, 1985; Ч. 3, вып. 1: Книги гражданской печати [районных и народных музеев] (1718–1825) / Отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1984; Ч. 3, вып. 2: Книги гражданской печати Вологодского областного музея (1709–1825) / Сост. Н.Н. Малинина. Вологда, 1985; Ч. 4, вып. 1: Документы дореволюционного периода [районных и народных музеев] / Отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1985; Ч. 4, вып. 2: Документы XVI–XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее / Сост. Б.Н. Морозов. Вологда, 1984; Ч. 4, вып. 3: Документы XVI – нач. XX в. Вологодского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника / Отв. сост. А.А. Амосов, С.Е. Князьков. Вологда, 1998; Ч. 5, вып. 1: Документы советского периода [районных и народных музеев] / Отв. сост. Н. И. Решетников. Вологда, 1984; Ч. 5, вып. 2: Документы советского периода Вологодского областного краеведческого музея / Отв. сост. Н. И. Решетников. Вологда, 1988).

Поляков Т.П. Мифологическое сознание и музей XXI века (на примере концепции музея-заповедника «Исток Волги» // Музееведение. На пути к музею XXI века / НИИ культуры. М., 1989. С. 45–60.

Пухачев С.Б. Современный музей как система коммуникаций // Музей как центр научной и краеведческой работы на современном этапе: материалы науч.-практ. конференции, посвящ. 100-летию Перм. обл. краевед. музея, 20–24 нояб. 1990 г. / М-во культуры РФ, Упр. культуры администрации Перм. обл.; Перм. обл. краевед. Музей. Пермь, 1994. С. 12.

Федоров Ф.Н. Философия общего дела. Т. 2. М., 1913.

Хохлов В., Соколов А. Месть Коминтерна // Время. 1992. № 2. С. 4.

Шекспир У. Собрание сочинений. Т. 1. М.; Л.: Искусство 1957.

Шиманский М. Письмо из 42-го // Известия. 1984. 1 апреля.

Шулепова Э.А. Памятники культуры в контексте истории // Памятники в изменяющемся мире. Материалы международной научно-практической конференции. М.: Академический проект, 1993. С. 7.

УДК 930.2; 930.85

Ю.Ю. Юмашева, J.J. Yumasheva

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ КАК «ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ»

Material Historical Objects as «Potential Sources of Historical Science»

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы и методы источниковедческого анализа вещественных источников — предметов музейного хранения на основе изучения основных источников информации о них — комплексов служебной музейной документации. Автор описывает систему музейной документации, методы и приемы создания записей о музейных предметах, содержащихся в ней,

а также предлагает подходы к извлечению информации из сложноструктурированных документальных комплексов.

Abstract: The article deals with the problems and methods of analysis of material historical objects — museum' objects — based on the study of the main sources of information about them — a complex of the official museum documentation. The author describes a system of museum documentation, methods and techniques of creating records about museum objects, as well as the proposed approaches to extract information from the official museum's documentation.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, источниковедение, классификация исторических источников, вещественные источники, музейные предметы, источниковедческий анализ, комплекс музейной документации, системный подход, репрезентативность.

Keywords: historical science, museology, source study, classification of the historical sources, of material historical objects, museum's objects, analysis of historical sources, official museum documentation, systematic approach, representativeness.

Потенциальная источниковая база исторической науки, в конечном счете, предопределяется уровнем развития всех наших знаний.

С.О. Шмидт

Классификация исторических источников — одна из ключевых проблем теории и практики исторического источниковедения, непосредственно влияющая на способы и методы извлечения информации из исторических источников. На протяжении последних полутора веков историками было предложено множество вариантов такой классификации, основанной на различных доминирующих принципах. В настоящее время наиболее авторитетными в отечественной исторической науке признаны классификации Л.М. Пушкарева и А.П. Пронштейна (по способу фиксирования, т. е. кодировки, информации; предложена в 1975—1976 гг. [Пушкарев, 1975; Пронштейн, 1976. С. 32—33; Пронштейн, Данилевский, 1986]), И.Д. Ковальченко (по форме фиксации информации; предложена в 1981 г. [Источниковедение истории СССР, 1981. С. 12]), С.О. Шмидта (по внешней, «материальной», форме источника; предложена в 1985 г. [Шмидт, 1985. С. 3—24]).

Во всех классификационных схемах одно из центральных мест занимают вещественные источники, в том числе и предметы музейного хранения, традиционно относимые к «историческим остаткам». При всем различии подходов к формированию классификационных схем крупнейшие источниковеды сходились в одном: источниковедческий анализ вещественных источников чрезвычайно сложен, требует привлечения

дополнительных сведений, а содержание информации, извлеченной в процессе анализа из «исторических остатков», должно получить естественно-языковое выражение, т. е. фактически предмет должен быть описан.

И.Д. Ковальченко в фундаментальном труде «Методы исторического исследования» писал: «Особую, с точки зрения фиксирования информации, категорию исторических источников составляют и вещественные памятники... Будучи остатками, реликтами действительности, они, несомненно, содержат обширную и разнообразную информацию о ней (действительности. — Ю.Ю.). Однако эта информация выражена как результат практической деятельности людей и в этом отношении выступает в объективно-синтактическом смысле, т. е. как следы практической деятельности, которые должны быть переведены в синтактически-субъективную форму, или, говоря иначе, выражены в той или иной знаковой системе. Она может быть естественно-описательной, графически-изобразительной или иной. ...Процесс выявления объективно-синтактической информации, заключенной в вещественных источниках (информации, возникшей независимо от обращающегося к ней субъекта), и перевода ее в синтактически-субъективную форму, т. е. форму, пригодную для использования в познавательных целях, весьма сложен» [Ковальченко, 2003. С. 134].

Эту точку зрения разделял и С.О. Шмидт, отмечавший, что допустимое деление всех исторических источников на два класса — источники непосредственно словесные (письменные) и все другие, которые передают информацию иными средствами, предложенное историками конца XIX — начала XX в. [Дьяков, 1974], — предполагает, что «все другие источники» «обычно становятся познаваемыми собственно как источники исторической информации только через слово» [Шмидт, 1985. С. 10]. Безусловно, этот «филологический» подход не исключает привлечения иных, междисциплинарных подходов, предполагающих использование естественно-научных (химических, физических, биологических и т. п.) методов изучения вещественных памятников. Однако результаты и этих исследований выражаются, как правило, в символической, т. е. языковой, форме.

Таким образом, не углубляясь далее в вопросы теоретического источниковедения [Варшавчик, 1968. С. 84—96; 1980. 23—38] и способы регистрации и передачи информации, отметим, что основой для изучения вещественных источников, а также формой фиксации результатов такого анализа является описание вещественного источника. При этом необычайно повышается ценность *любой* письменной информации, так или иначе относящейся к объекту исследования [Разгон, 1984. С. 174—183]. Этот вывод приводит к необходимости внимательного поиска, выявления и изучения письменных свидетельств, сопровождающих существование вещественного источника / музейного памятника на любом из этапов его бытования.

Как правило, история бытования музейных предметов делится на две неравные части: первая — «жизнь» предмета до поступления в музей, вторая — «жизнь» в составе музейного собрания. Не секрет, что большинство предметов музейного хранения изначально не создавалось с целью музеефикации, поэтому история их бытования до момента включения в музейные собрания документирована крайне редко, что может создавать определенные трудности в идентификации, атрибутировании и последующем изучении вещественных памятников. Музейная часть «жизни» предмета обеспечена документами и документальными свидетельствами несравнимо лучше. Однако документационное обеспечение [Лушникова, 2013. С. 25—29] истории музейного бытования вещественных источников имеет свою специфику, продиктованную тем основным функционалом, для реализации которого собственно и создается музейная документация. Этот функционал преимущественно связан с учетом музейных коллекций.

Созданные с целью юридической фиксации государственной собственности на предметы музейного хранения и однозначной идентификации предмета учетные документы часто не осознаются исследователями как наиважнейшие источники информации о музейном предмете, музейной коллекции, музейном собрании, без изучения которых, включая изучение механизмов и приемов создания самого описания, невозможно проведение полноценного анализа вещественного источника. При этом зачастую упускается из вида то, что никакое знакомство с предметом *de visu* не может заменить ознакомления с уже накопленной и зафиксированной в музейной документации информации о нем. Метод визуального изучения является необходимым, но недостаточным для исследования вещественных памятников, хранящихся в музейных собраниях.

Музейная документация — сложный, неоднозначный, полифункциональный источник, работа с которым требует отменного знания истории формирования принципов учета и описания предметов музейного хранения как в масштабах Государственного музейного фонда (ГМФ) в целом, так и на примере конкретного музея [Клюшкина, 1987. С. 57—67; Плешкевич, 2003. С. 43—46]. Кратко обозначим основные особенности музейной документации. Во-первых, учетная документация является юридическим документом: наделенным юридической силой и значимостью; созданным во исполнение определенных инструктивных положений правовой и нормативно-методической документации Российской Федерации; закрепляющим право собственности на данный предмет за государством в лице конкретного музея, которому предмет передается в оперативное управление; подтверждающим факт включения предмета в состав ГМФ. Во-вторых, эта документация является основным рабочим документом научных сотрудников — музейных хранителей, без которого они не могут исполнять свои функциональные обязанности. В-третьих,

она — отображение истории создания и функционирования конкретного музея, его собирательской, хранительской, эспозиционной и выставочной деятельности. И наконец, в-четвертых, учетная документация выполняет функции своего рода научной «биографии» музейных предметов, т. к. в ней фиксируются все события, касающиеся бытования предметов в музее, начиная с момента их включения в состав собрания, а иногда и до этого момента.

К сожалению, в историографии отсутствуют фундаментальные исследования, основанные на системном подходе к изучению музейной документации. Причины кроются в специфике отечественной музейной отрасли, истории создания Государственного музейного фонда; возникновения и функционирования каждого музея в отдельности; в многообразии, сложности и запутанности документации; в определенном отставании разработки основных теоретических проблем классификации и систематизации собраний (в особенности смешанных); в запаздывающем (по отношению к истории музейного дела) становлении ключевой отрасли исторического знания — источниковедения вещественных источников.

Несмотря на то что первые музеи в России возникли в начале XVIII в., единая учетная политика в отношении предметов музейного хранения стала вырабатываться лишь в 1920-е гг. До 1917 г. в стране существовало не так уж много музеев, большая часть которых являлась частными собраниями, не обладавшими ни многообразием коллекций, ни значительным количеством собранных раритетов. В этих собраниях и коллекциях разрабатывались собственные, зачастую весьма субъективные, взгляды и приемы ведения учета и описания предметов. Наиболее распространенным видом учетного документа в этих собраниях были описи (в форме реестров, перечней, списков или книг) предметов, входивших в коллекцию. Как правило, в этой документации еще не предпринималось попыток систематизации, классификации и научного описания памятников. Поступавшие в собрания предметы записывались в хронологическом порядке их приобретения. В результате формировался единый «сквозной» перечень коллекции, поиск конкретного предмета и его идентификация в котором были чрезвычайно затруднены.

Одновременно с этим порядком ведения документации в более крупных собраниях, принадлежавших коллекционерам, имевшим профессиональную подготовку, применялись и другие подходы. К примеру, в случае формирования тематических коллекций, отбор раритетов в которые изначально велся по определенному принципу (например, археологические собрания), в качестве основной учетно-музейной документации применялись виды и формы документов, типичные для данной конкретной области (в нашем примере — археологические описи).

Проблема унифицированного учета и описания музейных ценностей в условиях существования частных собраний остро не стояла и компен-

сировалась научными дискуссиями о методах описания типологически однородных предметов. В начале 1910-х гг. тема единых подходов к учету музейных ценностей приобрела определенную актуальность, прежде всего благодаря деятельности сотрудников Государственного исторического музея (ГИМ; в то время — Императорский Российский Исторический музей) Н.С. Щербатова и (чуть позже) Г.Л. Малицкого, к тому времени уже разработавших в основных чертах главные принципы организации системы учета музейных предметов. Эти принципы явились творческим переосмыслением всего предыдущего отечественного и зарубежного опыта музейного дела, истории создания, развития и функционирования крупнейших музейных собраний. Впервые их применили на практике в стенах Исторического музея, где была реализована 2-ступенная система учета музейных фондов. Ее возникновение и функционирование тесно связаны с внутренней организацией музея и его огромным собранием, в котором представлены все виды музейных материалов, за исключением естественно-научных. Такая структура собрания музея была превосходным аналогом ГМФ [Клюшкина, 1998. С. 34—50], планомерное создание которого началось в 1918 г. — после потрясений Первой мировой войны и революций 1917 г., а опыт по организации, учету, регистрации и описанию коллекций — поистине бесценным [Малицкий, 1928. С. 23—28; ОПИ ГИМ, ф. 416; Белозерова, 1990. С. 55—58]. Однако понадобилось еще 26 лет для того, чтобы эта система стала общепринятой для музеев историко-краеведческого профиля: в 1938 г. была утверждена первая общегосударственная «Инструкция по учету, инвентаризации и хранению музейных материалов (для республиканских, краевых, областных и районных музеев системы НКП РСФСР)», в основу которой была положена учетная система Исторического музея. Принципы, заложенные в этот нормативно-методический документ, практически без изменений воспроизводились во всех последующих инструкциях до 1984 г. включительно. Сохранены они и в проекте «Единых правил организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации» (утверждены Приказом МК 8 декабря 2009 г. № 842, приказ отозван в марте 2010 г.).

Суть 2-ступенной системы состоит в том, что при поступлении на постоянное хранение в музей каждый предмет проходит первую стадию регистрации — запись в книге поступлений, где ему присваивается порядковый номер (первая ступень учета) поступления в музей. Запись является юридическим подтверждением включения предмета в состав ГМФ страны и, одновременно, фиксацией собственности государства (в лице конкретного музея) на данный предмет. На этой стадии описание предмета дается на основе визуального осмотра, а запись должна быть краткой, «выявляющей лишь основные внешние характеристики предмета, без специальных изысканий и справок» [Инструкция, 1984. С. 5].

Затем предмет передается в фондовый отдел, где включается в состав тематической коллекции и вновь проходит регистрацию (так называемую инвентаризацию) уже в инвентарной книге отдела (вторая ступень учета). В соответствии с Инструкциями 1938—1984 гг. [Декреты и инструкция об учете и охране памятников искусства, старины и природы, 1924; Инструкция по учету..., 1938; Инструкция по учету..., 1947; Инструкция по учету..., 1968; Инструкция по учету..., 1984], «инвентаризация — *научная регистрация* музейных предметов (классификация по типам источников, видам материалов, видам искусства, коллекциям и пр.), *составление более развернутого и точного описания*, уточнение атрибуции, запись в научный инвентарь». «Инвентаризация — основная форма изучения, описания и научного определения музейных предметов основного фонда... а сотрудник музея, получивший предмет для инвентарного описания, в возможно более короткий срок изучает предмет и описывает его...» [Инструкция, 1984. С. 23]. Содержанием этой ступени музейного учета является составление научного (в определенной степени — археографического) описания предмета музейного хранения, включая описание его внешнего вида, степени физической сохранности, истории создания и бытования (создатели/авторы, владельцы, функционал, использование, мемориальные аспекты и т. п.) до поступления в музейное собрание (если таковое описание возможно; в терминах археографии — «легенда»). Созданное описание приобретает статус основной информации о музейном предмете. Научная ценность, полнота, достоверность и репрезентативность этого описания во многом определяется профессионализмом и научной состоятельностью его автора, особенно в условиях, когда составление полноценного научного описания должно укладываться в «возможно короткие сроки», которые не могут превышать (в соответствии с Инструкцией 1984 г.) двух недель. На практике этот процесс зачастую затягивается.

В инструкциях оговаривались и оговариваются и другие возможные формы ведения музейного учета второй ступени, основанные на сложившейся практике работы с разнородными источниками. Так, наравне с инвентарными книгами для изучения, описания и научного определения объектов музейного хранения применяют коллекционные описи, например, для предметов археологии или иных «экспедиционных сборов», т. е. комплексов предметов, собранных в ходе специальных поисковых экспедиций (они активно проводились в 1950-х — начале 1980-х гг.). Специфика имеется в учете коллекций, отнесенных одновременно к ведению Архивного и Библиотечного фондов. Согласно Инструкциям, учет подобных собраний осуществляется по правилам, разработанным и действующим в архивной и библиотечной сфере, и, одновременно, по правилам музейного учета (см., например: Правила работы музеев по учету и организации хранения письменных документов ГАФ..., 1990).

Однако вернемся к рассмотрению особенностей составления музейной документации. Как известно, внесение изменений в учетную документацию второй ступени учета возможно, но всегда было и остается процедурно чрезвычайно затруднено, а происходящие с предметом после его инвентаризации изменения (уточнения в атрибуции в результате изучения, изменения сохранности в процессе бытования, отражение реставрационных процессов и т. п.) должны отражаться в документах вспомогательных форм учета (актах, протоколах, разнообразных картотеках, представляющих собой основной вид документирования процесса бытования и изучения предмета), а также во внутренней документации, которая накапливается в архиве музея [Пастухов, 1981. С. 56–78].

Эти комплексы документации являются наиболее многочисленными, но, к сожалению, не одинаковыми по составу документов для каждого конкретного предмета музейного хранения. Потенциал данных источников огромен: с их помощью можно восполнить информационные лакуны между записями первой и второй ступеней учета, созданными в момент поступления предмета в музей, и его текущим состоянием, а также выявить латентно присутствующую информацию, не нашедшую прямого отражения в основной документации. Традиционно в музейной работе к документам вспомогательных форм учета обращаются в двух случаях: первый — необходимость обоснования причин тех или иных изменений в состоянии предмета, второй — исследовательская работа хранителей по составлению научных каталогов собраний.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что учетная документация музея состоит (как минимум) из *книг поступлений* предметов в музей и *инвентарных книг отделов*, а также из документов, отображающих все аспекты бытования предметов внутри музейного фонда (актов, служебных картотек и пр.), в которых фиксируется любая информация, относящаяся к музейному предмету, включая его перемещения и изменения состояния.

Книги первой и второй ступеней учета обладают рядом отличительных черт, важнейшая из которых — *неизменяемость информации* и *самих книг* независимо от времени их создания. Последнее обстоятельство приводит к необходимости выработки специальных методов работы с данными материалами, которые являются, с одной стороны, юридическими документами, с другой — научными трудами, с третьей — документальными памятниками, содержащими автографы известнейших ученых, сотрудничавших с музеями (если музей имеет давнюю историю и достойное собрание), а с четвертой — могут рассматриваться как массовые письменные источники.

В качестве подтверждения сделанных выводов и наглядного примера рассмотрим один из самых репрезентативных комплексов учетной музейной документации — комплекс учетной документации ГИМ, позволяю-

щий проследить историю складывания и функционирования системы учета музейных памятников и выработать адекватные методы ее изучения и использования.

Начало истории создания учетной документации ГИМ относится к 1880-м г., когда в музее усилиями И.Е. Забелина и В.И. Сизова (археолога, члена Строительной комиссии с 1882 г., первого ученого секретаря Исторического музея, хранителя коллекций его открытых зал) стали вести «Инventарь коллекциям Императорского Российского Исторического музея № 1», продолжающийся до настоящего времени под названием «Главная инвентарная книга Государственного исторического музея» (далее — ГИК), называемая также «Книгой поступлений». Впоследствии к этому источнику по статусу (первая ступень учета) были добавлены также 4 книги «Инвентаря коллекциям Императорского Российского Исторического Музея. Отделение “Музей П.И. Щукина”» и более 5000 коллекционных и экспедиционных описей, количество которых постоянно растет.

За время существования ГИК ее юридический статус и функциональная нагрузка претерпели ряд изменений. Первоначально это был обычный перечень («общая опись», «книга поступлений» предметов в музей в постоянное пользование), в котором фиксировался факт включения предмета в состав собрания. С конца XIX в. до 1917 г. ГИК рассматривался как юридический документ, подтверждающий право собственности самого музея (как хозяйствующего субъекта) на предметы, включенные в состав его собраний, и, одновременно с ростом коллекций, как первая и главная ступень учета музейного собрания. С 1918 г. ГИК — юридический документ, фиксирующий факт включения конкретных предметов (коллекций) в состав ГМФ страны (утверждение права собственности государства на данный предмет), закрепляющий их за конкретным музеем и регистрирующий эти предметы. Последний статус главная инвентарная книга музея приобрела по Декрету Совета Народных Комиссаров от 5 октября 1918 № 724 «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» [Собрание узаконений и распоряжений..., 1942. С. 1008—1009].

За более чем 130 лет ведения ГИК четырежды изменялись структура и содержание граф книги. Не углубляясь в детальный анализ, отметим, что изменения шли в сторону большей детализации описания предметов, которая фиксировалась даже на уровне названия граф. Одновременно с 1917 г. по настоящее время в соответствии с действующими на тот или иной момент инструкциями по учету и хранению фондов 5 раз менялись и требования к оформлению записей о предметах, их содержательной стороне: точности, подробности описания, подсчету количества предметов и т. п. Изменения зримо отражены в содержании ГИК — книги поступ-

лений, поэтому прочтение, понимание и правильная трактовка записей о памятниках и коллекциях невозможна без учета этих особенностей.

Вторая ступень учета — инвентарные книги отделов (более 1000 книг) или приравненная к ним документация (описи: архивные — более 550, археологические — более 2000) — отличается еще большей спецификой. В ходе ее изучения выяснилось, что весь корпус учетных документов 14 фондовых отделов ГИМ может быть разделен на 7 типов, объединенных внутренней логикой информации и схожими принципами описания предметов, — документация: 1) отделов, хранящих живопись и предметы декоративно-прикладного искусства; 2) отдела рукописей и старопечатных книг; документация библиотечного фонда; 3) отдела археологии; 4) отдела письменных источников — документы Архивного фонда; 5) филиалов музея (собора Покрова, что на Рву, т. е. храма Василия Блаженного; Новодевичьего монастыря); 6) филиала ГИМ — Музея В.И. Ленина [Юмашева, 2008. С. 4—29].

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и сказать о качестве записей, созданных в документации второй ступени учета в разные периоды XX в. Записи, составленные в 1920—1930-х гг., могут быть чрезвычайно лапидарными, неинформативными, а иногда и просто безграмотными. Дело в том, что в условиях массового включения в состав Государственного музейного фонда национализированных и реквизируемых вещественных памятников источник их поступления в состав ГМФ зачастую намеренно скрывался, а к регистрации и описанию культурных ценностей привлекались случайные люди: слушатели рабфаков, присланные с производства люди и т. п. Нехватка специалистов (историков, искусствоведов), опытных и грамотных музейных сотрудников приводила к возникновению записей типа: «зеленый Николай» (икона «Св. Николай Мирликийский»; фигура святого изображена на зеленом фоне), «Христос в тапочках» (икона «Распятие»; Христос изображен в набедренной повязке и белых сандалиях, действительно напоминающих тапочки); а также заместителей записей типа: «то же».

Наиболее научно состоятельными являются записи конца 1930-х — середины 1980-х гг., когда качество описаний контролировалось научными советами музеев, на государственном уровне — научно-исследовательскими институтами и крупнейшими музеями: разрабатывались методики атрибутирования и создания описаний, к содержанию самих описаний предъявлялось требование быть достаточными для «однозначной идентификации» описываемых предметов [Разгон, 1954; Изучение и описание памятников..., 1972; Изучение музейных коллекций, 1974; и др.]. Со второй половины 1980-х гг. в силу различных обстоятельств наметился спад; с начала 1990-х гг. в связи со сменой поколений музейных сотрудников и возникшим разрывом в традиции научного изучения музейных собраний ситуация еще больше ухудшилась. Не способствовало

ее улучшению и широкое внедрение информационных технологий, основным методологическим подходом в которых было использование заимствованных зарубежных стандартов описания [Юмашева, 2012. С. 27]

Текстологический анализ содержания наиболее качественных записей книг обеих ступеней учета (конец 1930-х — начало 1990-х гг.) позволил установить, что в документации при создании учетных записей о предмете отразилось следующее.

Требования нормативно-правовой документации (инструкции, методические рекомендации, регламенты, указатели и т. п.). Необходимо отметить, что для правильного понимания учетной документации второй ступени учета кроме уже упомянутых инструкций по учету музейных фондов, взятых в ретроспективе, необходимо привлечь утратившие силу и ныне действующие нормативные акты, регулировавшие и регулирующие учетную политику в сопредельных областях: архивном, библиотечном деле и т. п. Причина подобного внимания к исторической нормативной базе кроется в необходимости синхронизации содержания записи о конкретном предмете (объекте музейного хранения) с действующими на момент ее создания нормативными требованиями. Так, в течение XX в. в музейной сфере в разные периоды действовало более 40 правовых и нормативно-методических документов, регламентировавших процедуру учета и описания объектов музейного хранения, в архивной сфере — более 50, в библиотечной — около 30.

Уровень достигнутых к моменту создания записи музееведческих знаний или знаний в сопредельных областях (архивном деле, библиографии и т. п.). Эти специализированные знания стали особенно актуальны в конце 1930-х — начале 1940-х гг. В тот период вновь (впервые после 1920-х гг.) был поставлен вопрос о едином государственном учете музейных фондов и коллекций. Существенным отличием в его постановке было то, что теперь предполагалось не просто «посчитать» количество предметов, а составить полноценный научный каталог, позволяющий однозначно идентифицировать предметы. Одной из печальных мотиваций такой постановки задачи явились утраты музейных ценностей в годы Великой Отечественной войны и осознание того, что их возврат будет возможен исключительно на основе юридических доказательств прав собственности на объекты искусства и культуры [Утраченные культурные...]. В этой связи Наркомпрос РСФСР разработал и утвердил 4 декабря 1942 г. «Положение о музейных фондах РСФСР, подлежащих принятию на единый государственный учет». Через два года была разработана «Инструкция о порядке приема музейных фондов РСФСР на единый государственный учет» (утверждена 25 апреля 1944 г.) В 1948 г. вышло Постановление Совета Министров СССР о паспортизации предметов Музейного фонда РФ, а в 1950-е гг. появились первые методические рекомендации, каталоги и определители, многие из которых

актуальны и сейчас. В 1968 г. вышел приказ Минкульта СССР № 327 от 3 июля 1968 г. о создании Сводного каталога Музейного фонда СССР. В рамках реализации этого проекта в 1970–1980-е гг. были изданы типовые схемы и методические рекомендации [Типовые схемы научного описания..., 1973; Типовые схемы описания этнографических предметов..., 1976; Методические рекомендации по выявлению, отбору и научному описанию памятников науки и техники в собраниях музеев..., 1981 — всего 4 выпуска] описания предметов из различных музейных коллекций, а в начале 1980-х гг. — два сборника научных статей [Актуальные проблемы фондовой работы музеев, 1980; Актуальные проблемы фондовой работы музеев..., 1981], подведшие итог разработке научно-методической базы Государственного каталога. Можно смело утверждать, что эти материалы не утратили ценности и на современном этапе, т. к. в них содержатся выверенные схемы описания предметов и изложены фундаментальные приемы создания Государственного каталога Музейного фонда. Работа по паспортизации и созданию Государственного каталога наложила существенный отпечаток на содержание записей инвентарных книг, которые велись в музеях.

Уровень достигнутых к моменту создания записи общеисторических знаний (т. е. запись историкографична). Этот пункт не нуждается в особых комментариях и ссылках на литературу, поскольку наиболее значительные результаты изучения и описания музейных собраний всегда были интегрированы в исторический контекст и отражали степень развития исторической науки на момент создания записей о предметах.

Уровень развития специальных исторических дисциплин. Влияние специальных исторических дисциплин на создание записей о музейных предметах переоценить сложно. С одной стороны, без хронологии [Каменцева, 2003], филигранологии [Клепиков, 1959; Клепиков, 1978], исторической географии [Яцунский, 1955; Дробижев, Ковальченко, Муравьев, 1973; Дробижев, 1973], палеографии [Черепнин, 1956; Рейсер, 1970; Тихомиров, Муравьев, 1982], геральдики [Лакиер, 1990; Соболева, 1985] и других дисциплин невозможно произвести атрибутирование любого объекта музейного хранения.

С другой стороны — сами объекты изучения вспомогательных исторических дисциплин (нумизматики и бонистики [Спасский, Янин, 1960–1962; Спасский, 1970; Северова, 1971], фалеристики [Ордена, медали, нагрудные знаки, 1943; Дуров, 1993; Медали, нагрудные знаки, жетоны России, 1997; Государственные символы и награды Российской Федерации, 1999; Бурков, 2000; Дуров, 2003; Гончаров, 2010], филокартии [Белицкий, Глезер, 1978; Забочень, 1973; Корвин, 1925; Танин, 1926], сфрагистики [Каменцева, Устюгов, 1974; Соболева, 1991; Янин, 1970; Янин, Гайдуков, 1998], униформологии [Арциховский, 1946; Висковатов,

1842–1862; Введенский, 2005; Военная одежда русской армии, 1994; Харитонов, 1960; Шепелев, 1991; Звегинцов, 1959], берестологии [Арциховский, Янин, 1978; Берестяные грамоты..., 2003; Черепнин, 1969; Янин, 1965; Янин, Зализняк, 1986] и др.) являются объектами музейного хранения. Особенности их описания, в том числе составление оснований путем ссылок на «авторитетные каталоги» [например, для русских нумизматических собраний: Орешников, 1896; Узденников, 1986; для рукописей и старопечатных книг: Бельчиков, Бегунов, Рождественский, 1963; Кириллические издания. XVI век – 1641 год, 2000; и др.], являются исключением из общих правил описания предметов музейного хранения и создают непреодолимые препятствия для внедрения компьютерных стандартов описания. При этом время издания каталога не играет существенной роли, и автор описания – хранитель сам выбирает каталог, наиболее авторитетный на его взгляд. К примеру, в среде профессиональных нумизматов, занимающихся изучением русских монет XVII – начала XX в., наиболее авторитетным считается второе издание каталога В.В. Узденникова «Монеты России» (1986), а не третье (2004).

Уровень изучения аналогичных коллекций и собраний, наличие каталогов аналогичных собраний и/или необходимых справочников и определителей. Этот чрезвычайно важный аспект недооценен. При атрибутировании и описании отдельных предметов научные сотрудники – хранители часто обращались к изучению аналогов, хранящихся в других музейных собраниях, что позволяет выявить типологически одинаковые предметы, составить подробную атрибуцию или убедиться в разнице, существующей между схожими на вид объектами музейного хранения [Аствацатурян, 1971; Суслов, 1971; Государственный исторический музей. Каталог русских эмалей, 1962; Кызласова, 1988; Постникова-Лосева, 1995; и др.].

Уровень развития машиночитаемых форматов описания коллекций (формат библиографического описания MARC, формат музейного описания Dublin Core и т. п.). Влияние компьютерных технологий на составление музейных описаний стало особенно ощущаться с конца 1980-х гг., когда крупнейшие музеи мира (Британский, Метрополитен и др.) начали создавать электронные каталоги своих собраний. Очевидно, что (по аналогии с библиотечными каталогами) музейные каталоги должны решать задачи не только каталогизации собраний для внутреннего пользования, но и обмена информацией в рамках сообщества профессионалов. Решение последней из них требует единообразия как на уровне технологий представления, так и на уровне используемой терминологии, что чрезвычайно затруднительно сделать в силу разнообразия музейных собраний и традиций их описания в учетной документации [Юмашева, 2012]. К примеру, стандарты описания группы MARC или Dublin Core не дают возможности воспроизвести все необходимые иссле-

дователям нюансы описаний музейных предметов из уже имеющейся документации, а созданные в исследовательском институте П. Гетти словари [The Getty Research Institute], широко используемые в проектах Linked Open Data, адаптированы только к коллекциям западноевропейского искусства и лишь отчасти могут быть применены для описаний российских собраний. Для зарубежных музеев обозначенные проблемы не играют существенной роли в силу специфики отношения к учетной и прочей музейной документации. Для отечественного музейного дела отказ от отражения в записях электронного каталога всех нюансов описания, существующего в «бумажной» документации, чреват, как минимум, невозможностью однозначной идентификации предметов, как максимум — «информационной утратой» собрания. Вместе с тем для таких объектов музейного хранения, как фонды редкой книги, использование библиографических стандартов (с некоторой модификацией и доработкой) приемлемо [Юмашева, Лазаренко, 2008].

«Субъективный человеческий фактор» — осмысление конкретной автором записи всех вышеупомянутых требований и уровня развития знаний. Влияние данного аспекта на составление музейных описаний очевидно и является наиболее зримым отражением профессионализма научного сотрудника — хранителя, являющегося автором записей в музейной документации.

Резюмируя вышесказанное, необходимо сказать, что использование музейных предметов в качестве источниковой базы исторической науки является чрезвычайно трудоемким и сложным процессом, обусловленным необходимостью формирования понимания и разработкой специфических методов извлечения и фиксации информации о вещественных памятниках.

Одним из наиболее очевидных методов такого изучения является всестороннее исследование корпуса музейной документации: определение состава источников, входящих в него, изучение истории его формирования, определение изменений формуляров, многослойности структуры и содержания записей, соотнесение их с историческими реалиями и уровнем развития исторических знаний. Реализация перечисленных работ представляет собой первый необходимый набор шагов на пути к решению задач выработки адекватных методов изучения таких сложных комплексов исторических источников, какими являются вещественные памятники. Без этого результативное (с точки зрения приращения собственно исторического знания) изучение музейных предметов практически невозможно, а их рассмотрение в качестве источниковой базы исторической науки — бессмысленно.

Библиография

Актуальные проблемы фондовой работы музеев / НИИ культуры. М., 1980. 136 с.

- Актуальные проблемы фондовой работы музеев. Научная обработка музейных предметов / НИИ культуры. М., 1981. 204 с.
- Арциховский А.В.* Русская одежда X–XIII вв. // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1946. 9 с.
- Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М.: Наука, 1978. 192 с.
- Аствацатурян Э.Г.* Русские оружейные памятники // Обзоры научных каталогов памятников материальной и духовной культуры / НИИ культуры. М., 1971. С. 8–24.
- Белицкий Я.М., Глезер Г.Н.* О чем поведала открытка. М.: Связь, 1978. 104 с.
- Белозерова И.В.* Из истории учета культурных ценностей в первые годы Советской власти. 1918–1921 // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры / НИИ культуры. М., 1990. С. 55–58.
- Бельчиков И.Ф., Бегунов Ю.К., Рождественский Н.П.* Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей / АН СССР. М.; Л., 1963. 360 с.
- Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Под ред. В. Л. Янина. М.: Индрик, 2003. 336 с.
- Бурков В.Г.* Фалеристика. М.: РГГУ, 2000. 153 с.
- Варшавчик М.А.* Вопросы логики исторического исследования и исторический источник // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 84–96.
- Варшавчик М.А.* О структуре источниковедческой критики // Источниковедение отечественной истории: сборник статей. М.: Наука, 1980. С. 23–38.
- Введенский А.В.* Пять веков русского военного мундира. СПб.: Атлант, 2005. 336 с.
- Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Т. 1–34. СПб.: печатано в Военной типографии, 1841–1862.
- Военная одежда русской армии. М.: Военное изд-во, 1994. 382 с. (Серия: Редкая книга).
- Гончаров А.И.* Наградная система Российской Федерации. М.: Посев, 2010. 280 с.
- Государственные символы и награды Российской Федерации / Авт.-сост. Ю. Л. Кушер. М.: Кн. палата, 1999. 272 с.
- Государственный исторический музей. Каталог русских эмалей. М.: Советская Россия, 1962. 236 с.
- Декрет Совета Народных Комиссаров «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 05.10.1918. № 794 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1008–1009.
- Декреты и инструкция об учете и охране памятников искусства, старины и природы. М.: б. и., 1924, 154 с.
- Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В.* Историческая география СССР. М.: Высш. шк., 1973. 320 с.
- Дуров В.А.* Ордена России. М.: Воскресенье, 1993. 160 с.
- Дуров В.А.* Русские награды XVIII–XX вв. М.: Фирма Блок, 2003. 208 с.
- Дьяков В.А.* Методология истории в прошлом и настоящем, М.: Мысль, 1974. 190 с.
- Забочень М. С.* Филокартия. М.: Связь, 1973. 104 с.

- Звегинцов В.* Формы русской армии 1914 г. Париж: изд. автора, 1959. 32 с.
- Изучение и научное описание памятников материальной культуры / НИИ культуры. М., 1972. 168 с.
- Изучение музейных коллекций / Сост. и науч. ред. У.М. Полякова; НИИ культуры. М., 1974.
- Инструкция по учету и хранению музейных ценностей музеев системы Министерства культуры СССР (кроме художественных). М.: Министерство культуры СССР, 1968. 136 с.
- Инструкция по учету и хранению музейных ценностей музеев системы Министерства культуры СССР (кроме художественных). М.: Министерство культуры СССР, 1984. 187 с.
- Инструкция по учету музейных фондов. М.: Министерство культуры СССР, 1947. 68 с.
- Инструкция по учету, инвентаризации и хранению музейных материалов (для республиканских, краевых, областных и районных музеев системы НКП РСФСР). М.: Наркомпрос, 1938. 42 с.
- Источниковедение истории СССР / Под ред И. Д. Ковальченко. М.: Высш. шк., 1981. 496 с.
- Каменцева Е.И.* Хронология. М.: Аспект Пресс, 2003. 160 с.
- Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высш. шк., 1974. 264 с.
- Кириллические издания. XVI век — 1641 год. Находки археографических экспедиций 1971—1993 годов, поступившие в Научную библиотеку Московского университета / Науч. ред. И.В. Поздеева. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2000. 410 с.
- Клепиков С.А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XVIII вв. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1959. 158 с.
- Клепиков С.А.* Филигранные на бумаге русского производства XVIII — начала XIX века. М.: Наука, 1978. 214 с.
- Клюшкина И.В.* Документирование как общенаучное понятие и его содержание в музееведении // Актуальные проблемы советского музееведения: сборник науч. трудов / НИИ культуры. М., 1987. С. 57—67.
- Клюшкина И.В.* Источники по атрибуции коллекций, поступивших в ГИМ из Государственного Музейного фонда в 1918—1920-е годы // Труды ГИМ. Вып. 100. М., 1998. С. 34—50.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
- Корвин Д.* Коллекционирование открыток // Советский филателист. 1925. № 5. С. 10—14.
- Кызласова И.Л.* Русская икона XIV—XVI веков в собрании ГИМ. М.: Аврора, 1988. 236 с.
- Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М.: Книга, 1990. 635 с.
- Лушикова А.В.* Музеология и документирование: о правомерности использования документоведческих терминов в музейном деле // Вопросы музеологии. 2013. № 1. С. 25—29.
- Малицкий Г.Л.* Обзор деятельности комиссии по музееведению // Сборник Государственной академии истории материальной культуры. Московская секция. М., 1928. № 1. С. 23—28.

Медали, нагрудные знаки, жетоны России конца XIX – начала XX века: Документы / Сост. Д.И. Петрес, А.М. Валькович. М.: Труды РГВИА, выпуск 1, 1997. 200 с.

Методические рекомендации по выявлению, отбору и научному описанию памятников науки и техники в собраниях музеев (бирки и резные календари, орудия обработки почвы, инструменты по обработке дерева). М.: МК, ГИМ, ВООП, Центральный Совет. Секция памятников науки и техники, 1981. 53 с.

Методические рекомендации по выявлению, отбору и научному описанию памятников науки и техники в собраниях музеев (зрительные трубы, образцы оружия и оружейной техники). М.: МК, ГИМ, ВООП, Центральный Совет. Секция памятников науки и техники, 1981. 61 с.

Методические рекомендации по выявлению, отбору и научному описанию памятников науки и техники в собраниях музеев (картографические материалы, изобразительные памятники, нумизматические материалы). М.: МК, ГИМ, ВООП, Центральный Совет. Секция памятников науки и техники, 1981. 37 с.

Методические рекомендации по составлению научных паспортов на грамоты, благодарности, поздравления и приглашения. Музей героической обороны и освобождения Севастополя. Севастополь: б. и., 1980. 18 с.

Ордена, медали и знаки отличия Российской Федерации. М.: Наука, 1996. 56 с.
Орешников А.В. Русские монеты до 1547 года / Российский Исторический музей. Вып. I. М., 1896. 272 с.

Пастухов И.П. Научно-справочный аппарат как вспомогательная форма учета музейных фондов // Актуальные проблемы фондовой работы музеев. Научная обработка музейных предметов / НИИ культуры. М., 1981. С. 24–36.

Плешкевич Е.А. Общая теория документа и теория музееведения: точки пересечения // Мир музея. 2009. № 3. С. 43–46.

Постникова-Лосева М.М. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. М.: Юнвес: Трио, 1995. 268 с.

Правила работы музеев по учету и организации хранения письменных документов Государственного архивного фонда СССР / ГАУ при Кабинете Министров СССР. М., 1990. 26 с.

Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1976. 477 с.

Пронштейн А.П., Данилевский И.М. Вопросы теории и методики исторического исследования. М.: Высш. шк., 1986. 207 с.

Пушкарев Л.Н. Классификация исторических источников. М.: Наука, 1975. 281 с.

Разгон А.М. Научное описание музейных предметов. М.: Госкультпросветиздат, 1954. 346 с.

Разгон А.М. Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М.: Наука, 1984. С. 174–183.

Рейсер С.А. Палеография и текстология нового времени. М.: Просвещение, 1970. 352 с.

Северова М.Б. Советская нумизматика: Библиографический указатель. 1961–1965 гг. // Нумизматика и эпиграфика. [Вып.] 9. М.: Наука, 1971. С. 191–217.

Соболева Н.А. Русские печати. М.: Наука, 1991. 238 с.

- Соболева Н.А.* Старинные гербы российских городов. М.: Наука, 1985. 176 с.
- Спасский И.Г.* Русская монетная система / Гос. Эрмитаж. Л., 1970. 500 с.
- Спасский И.Г., Янин В.Л.* Советская нумизматика: Библиографический указатель. 1917–1960 // Нумизматика и эпиграфика. [Вып.] 2–3. М.: Наука, 1960–1962. № 2. С. 155–209; № 3. С. 288–304.
- Суслов И.М.* Библиографический обзор музейных каталогов по декоративно-прикладному искусству (керамика, стекло, художественный металл и дерево) / НИИ культуры. М., 1971. 128 с.
- Танин Л.* Филокартия // Советский филателист. 1926. № 4. С. 16–24.
- Типовые схемы научного описания памятников материальной культуры, письменных источников, изобразительных материалов для подготовки к изданию, сводных научных каталогов музейного фонда Союза ССР. М.: Министерство культуры СССР, 1973. 20 с.
- Типовые схемы описания этнографических предметов для подготовки к изданию сводных научных каталогов Музейного фонда Союза ССР. М.: Министерство культуры СССР, 1976. 25 с.
- Тихомиров М.Н., Муравьев А.В.* Русская палеография. М.: Высш. шк., 1982. 200 с.
- Узденников В.В.* Монеты России. 1700–1917. М.: Финансы и статистика, 1986. 504 с.
- Утраченные культурные ценности (живопись, скульптура, предметы быта и пр.) в период Второй мировой войны // Открытые данные Министерства культуры РФ. Электронный ресурс: URL: http://www.mkrf.ru/opendata/7705851331-lost_cultural_values_painting (дата обращения: 15.01.2015).
- Харитонов О.В.* Иллюстрированное описание обмундирования и знаков различия Советской Армии (1918–1958 гг.). Л.: Изд. Артиллерийского исторического музея, 1960. 150 с.
- Черепнин Л.В.* Русская палеография М.: Политиздат, 1956, 616 с.
- Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969. 438 с.
- Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. СПб.: Наука, 1991. 152 с.
- Шмидт С.О.* О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 16. Л.: Наука, 1985. С. 3–24.
- Юмашева Ю.Ю.* Стандарты описания объектов историко-культурного наследия в информационно-поисковых системах: проблемы источниковедения // История и археология Полоцка и Полоцкой земли. Сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции. 1–3 ноября 2012 г. Электронный ресурс: URL: <http://polotsk.museum.by/files/freski/Page27.html> (дата обращения: 15.01.2015).
- Юмашева Ю.Ю.* Информатизация учетно-фондовой работы Государственного исторического музея // Труды ГИМ. Вып. 174. М., 2008. С. 4–29.
- Юмашева Ю.Ю., Лазаренко Е.В.* Музейный учет и описание фондов редкой книги // Справочник руководителя организаций культуры. 2008. № 6. С. 34–36.
- Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1–2. М.: Наука, 1970. Т. 3, Наука, 1998.
- Янин В.Л.* Изучение древнерусских вислых печатей // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 1. Л.: Наука, 1968. С. 32–56.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту.... М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1965. 192 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. 312 с.

Яцунский В.К. Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М.: АН СССР, 1955. 328 с.

The Getty Research Institute. Search Tools & Databases. URL <http://www.getty.edu/research/tools/vocabularies/> Дата обращения: 10.01.2015.

УДК 069, 930.2

Ф.А. Петров, Л.И. Смирнова
F.A. Petrov, L.I. Smirnova

ОТ АТРИБУЦИИ К ПУБЛИКАЦИИ. ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С ДОКУМЕНТАЛЬНЫМИ ПАМЯТНИКАМИ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1978–2015)

From Attribution to Edition. Experience of Work with Documentary Memorials from the Written Manuscripts Department of the State Historical Museum

Аннотация: статья знакомит представителей университетской, академической, музейной науки и практики с опытом работы с документальными памятниками Государственного исторического музея — головного музея российской истории. В ней названы основные принципы публикации документов XIX — начала XX в., выработанные в результате многолетней практической работы, и на конкретном материале продемонстрировано их системное применение в практике ОПИ ГИМ. Показаны значение изучения фондов музея для репрезентации истории в экспозиции и значимость корректной публикации источников для информационного обеспечения исторической науки. Этот опыт представляется полезным для работы как научных архивов, так и рукописных отделов музеев и библиотек России.

Abstract: The aim of our article is to acquaint the participants of the scientific seminar, which unites the representatives of university, academic and museum's science and practice with the experience of work with the documentary memorials of the leading museum of Russian history and to designate the perspectives of the future development. These experience may be useful for scientific archives and departments of manuscripts museums and libraries.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, исторический источник, Государственный исторический музей, отдел письменных источников, методика, методические рекомендации, описание документов, принципы научной публикации документов.

Keywords: historical science, museology State Historical Museum, Written manuscript department, documents, methods, methodical recommendations, description of documents, principles of scientific publication of documents.

В конце 2014 г. на очередных Забелинских научных чтениях торжественно отмечалось столетие отдела письменных источников (ОПИ) Государственного исторического музея (ГИМ), в котором мы работаем почти полвека. В сделанных на этих чтениях докладах (всего от отдела выступило 15 человек, т. е. $\frac{3}{5}$ наличного состава) нашли отражение основные этапы развития нашего музейно-архивного подразделения, было рассказано о его важной роли в научно-исследовательской, научно-экспозиционной и научно-фондовой работе музея, о новых открытиях и новых исследованиях опытных и, что особо приятно, молодых сотрудников. Цель этой статьи — ознакомить представителей университетской, академической, музейной науки и практики с опытом работы с документальными памятниками главного музея российской истории и обозначить перспективы его развития.

Для начала — немного статистики. В ОПИ хранится свыше 500 фондов личного происхождения и коллекций документальных материалов — поступивших как из существовавших в первые годы советской власти и вскоре расформированных музеев, так и от частных лиц (главным образом в дар, а в последнее время — путем закупки). Нам довелось принять участие в научном описании свыше 30 фондов (сейчас идет описание 31-го). Общий объем проаннотированных документальных материалов превышает 700 тыс. листов. Всего в ОПИ хранится свыше 15 млн листов, что сопоставимо со многими государственными архивами, хотя нельзя забывать, что документальное собрание нашего отдела — неотъемлемая часть общемузейного фонда.

Это позволяет обобщить полученный опыт. В 2000 г. редакционно-издательский отдел ГИМ опубликовал составленные Ф.А. Петровым методические рекомендации по научному описанию архивных фондов нашего музея [Петров, 2000]. Под словом «фонд» принято подразумевать и коллекции, поскольку начиная с 1920-х гг. ведется специальный учет и паспортизация всех наших материалов.

Мы участвовали в описании крупнейших коллекций ОПИ ГИМ. Одна из них — «Комитета по созданию Музея Отечественной войны 1812 года и коллекции материала музея», учрежденного в 1909 г. (музей открылся лишь в 2012 г.) [Петров, 1988; 1997(б); Петров, Саваренская, 1991]. Приятно, что ее документы составили значительную часть экспозиции. Значительны также коллекции Военно-исторического музея, основанного в 1919 г. на базе полковых музеев царской армии [Афанасьев, Петров, 1997], Музея «Старая Москва» [Петров, 1991(в)]; коллекции материалов по истории русской армии и флота, истории стран Западной

Европы и Азии, рукописных книг и сборников, науки и культуры, народного образования [Афанасьев, Петров, Сафронова, 1992]; коллекция документальных материалов о Москве и Санкт-Петербурге из собрания П.И. Щукина. Были введены в научный оборот личные фонды: Л.М. Савелова — основателя Историко-Родословного общества, собравшего ценнейшую и уникальную коллекцию по истории русского дворянства, фонды дворянских родов — князей Волконских, Куракиных (составлена опись бумаг князя Александра Борисовича Куракина, выдающегося русского дипломата, которого война 1812 г. застала на посту посла России в Париже), Мещерских; графов Чернышевых (в год Великой Победы уместно вспомнить, что впервые Берлин был взят русскими войсками под командованием З.Г. Чернышева в 1760 г. а во второй раз — в 1813 г. отрядом его внучатого племянника А.И. Чернышева), Орловых и Безобразовых. В ценнейшей коллекции западноевропейских автографов, описание которой началось еще в 1930-е гг., хранится одна из ее подлинных жемчужин — собственноручная рукопись романа В. Скотта «Талисман» [Цикл выставок... Выставка третья, 2002].

Были описаны также фонды известных дворянских фамилий: Паниных, Олсуфьевых, Оболяниновых, Тургеневых (материалы директора Московского университета И.П. Тургенева и его сыновей — А.И. Тургенева, друга А.С. Пушкина, и декабриста Н.И. Тургенева), генерала П.Я. Корнилова (участника Отечественной войны и Заграничных походов 1813—1814 гг.), ученых — слависта П.А. Бессонова [Письма П.И. Бартенева, 2007], историка А.А. Захарова, философа Л.М. Лопатина, известного врача и сокурсника А.П. Чехова Г.И. Россолимо, академика А.М. Безобразова, железнодорожного деятеля А.А. Ковалькова [Петров, 1988], архитекторов А.А. и В.А. Гамбурцевых. Их хронологический диапазон огромен: с XII до середины XX в. [ОПИ ГИМ. Коллекции документов; ОПИ ГИМ. Личные фонды].

Светлая память нашим Учителям, много лет проработавшим в отделе, Софье Самойловне Дрейзен, Ирине Сергеевне Калантырской и Елене Ивановне Самгиной. Скромные музейные сотрудники, имевшие гораздо меньше возможностей для публикации своих трудов, они научили нас главному — любви к работе, сложность которой можно понять только тем, кто в ней участвовал. Известен афоризм Козьмы Прутков: «Архивист не должен бояться собственного незнания, ибо каждое новое дело он прочтет». Однако для того чтобы грамотно прочесть документ, нужно обладать знанием палеографии, отечественной и зарубежной истории, а также иностранных языков (прежде всего французского, ибо многие документы дореволюционных периодов, особенно дипломатическая переписка, письма и дневники, писались на этом языке, а также польского, немецкого, латинского, итальянского, английского и т. д.). Традицией Исторического музея, заложенной еще его отцами-основателями И.Е. За-

белиным и графом А.С. Уваровым, было приглашение в качестве начинающих сотрудников выпускников историко-филологического факультета Московского университета. С восстановлением в 1934 г. истфака традиция была возобновлена, и ныне свыше $\frac{2}{3}$ научных сотрудников ГИМ являются выпускниками МГУ им. М.В. Ломоносова [Петров, 2010]. Часть сотрудников окончили Историко-архивный институт (ныне РГГУ) и иные столичные вузы.

Процесс подготовки сотрудника фондового отдела музея требует примерно столько же времени, как подготовка дипломированного историка, т. е. примерно 5–6 лет. Вновь прибывший сотрудник должен представить себе, как описывать фонд личного происхождения и как — тематическую коллекцию документов; совершенствовать палеографические навыки разных временных отрезков, выявлять документы, имеющие экспозиционное значение, материалы, которые достойны публикации, документы для репрезентативного ряда архивных раритетов и, наконец, для проведения архивной практики студентов. Время и труд, затраченные на подготовку высокопрофессиональных специалистов (в данном конкретном случае — музейного архивиста), должны быть ими компенсированы «отработкой по распределению». Кстати, это далеко не изобретение советского времени, как часто думают. Еще граф С.С. Уваров, глава Министерства народного просвещения при Николае I, требовал, чтобы профессора служили бы по этому ведомству как минимум положенное для руководства кафедрами время, т. е. 25 лет.

В последнее 30-летие, которое можно определить как эпоху тотального непрофессионализма, «воинствующего невежества», резкого снижения культурно-образовательного уровня и этических норм, уместно вспомнить заветы наших наставников по МГУ и ОПИ [Петров, 2007(а). Гл. 6, 8].

Посетители нашего читального зала (а это — часть культурной элиты нашей страны) в своих исследованиях и публикациях часто пишут, ссылаясь на документы ОПИ, — «нами обнаружено», не потрудившись даже посмотреть, кем и когда была составлена выданная им опись фонда. Вспоминается, как незабвенная Е.И. Самгина, которая читала нам на 3-м курсе истфака МГУ курс архивоведения, с усмешкой говорила, просматривая работы того или иного исследователя: «А кто описи-то составлял, на блюдечке выкладывая?» За подобную небрежность (точнее, некорректность) Судьба может жестоко отомстить. В качестве примера приведу историю с автографом И.С. Тургенева — его письмом, адресованным П.А. Бессонову. В 1958 г. некий доцент решил, что он первым нашел этот документ, и опубликовал его на страницах какого-то журнала. А через несколько лет в XI томе академического издания писем Тургенева незадачливый «колумб» удостоился следующей характеристики: «Впервые опубликовано в 1911 г. в т. 3 сборника “М.М. Стасюлевич и его со-

временники в их переписке”. Вторично опубликовано в качестве первой публикации в 1958 г. В.Д. Уховым с ошибкой в датировке — 1878 вместо 1875 год» [Петров, 2007(а). С. 562].

Начиная с 1970-х гг. в ОПИ вошло в практику составление развернутых аннотаций (вместо бытовавших ранее кратких описей, с анекдотическими порой записями: «*Varia*», «от разных лиц к разным лицам по разным вопросам», «от разных на “А”», «от разных на “Б”»; а среди этих «разных» встречаются все три императора по имени «Александр», П.И. Багратион, М.Б. Барклай-де-Толли и многие другие знаменитые имена).

Помимо чисто научного, подокументное описание имеет и важное охранное значение. Как говорила другая наставница, С.С. Дрейзен, «чем подробнее опись, тем меньше треплются подлинники» (выдача нашего читального зала огромна — документы используются не только для научных работ посторонних лиц, но и для экспозиций и выставок ГИМ: только за 2014 г. выдано около 800 тыс. листов документального материала!). Подробное описание, особенно реликвий (автографы знаменитых лиц, императорские грамоты и т. п.), является одной из гарантий от подмены оригиналов копиями, что нельзя, к сожалению, полностью исключить, особенно учитывая уровень современных технологий.

Представляется нецелесообразным подробное описание *каждого типового* документа, как, например, «верящих писем» (т. е. доверенностей) или огромных кип «купчих» и других документов по одному и тому же имени за разные годы, характеристик от того или иного учреждения и т. п. Необходимо обстоятельное и пространное описание (с непременно переводом иноязычных текстов) автографов великих русских писателей и поэтов, жалованных грамот российских монархов (назовем хотя бы грамоту Петра I к «малороссийской старшине» и всему запорожскому войску об измене гетмана И.С. Мазепы и отлучении его от Православной церкви в ноябре 1708 г. или роскошные грамоты Екатерины II своим фаворитам — в большинстве своем выдающимся государственным и военным деятелям) с массивными серебряными «кустодиями», каждая из которых не только несет огромную смысловую и идеологическую нагрузку, но и является подлинным произведением искусства. В свое время сотрудникам ОПИ довелось делать небольшую выставку «Автографы российских императоров и императриц». Несмотря на камерность, она вызвала большой интерес посетителей. Да и мы сами иначе взглянули на почерк каждого венценосца: стремительный и колючий почерк Петра Великого, округлость графических форм манеры письма императриц Елизаветы и Екатерины, безумные строки несчастного Павла I, удивительную по красоте подпись неразгаданного «русского Сфинкса» — Александра I, непреклонные собственноручные предписания Николая I, аккуратный, хотя и не всегда разборчивый почерк Александра II, бисерные строки синим карандашом на полях Александра III, резко контрасти-

рующие с мощным обликом «царя-богатыря», автографы Николая II — каллиграфически исполненные, но лишенные личностной характеристики [см.: Цикл выставок... Выставка первая, 2002].

Посетители недавно открывшегося Музея Отечественной войны 1812 г. не могут не обратить внимания на верительную грамоту «императора французов и короля Италии, протектора Рейнской конфедерации», как «скромно» провозгласил себя Наполеон I Бонапарт, знаменитому Ш.М. Талейрану на ведение переговоров с русскими дипломатами о заключении Тильзитского мира [факсимильное воспроизведение см.: Великие императоры Европы, 2000. С. 99]. Поэтому нам представляется поверхностным мнение о том, что архивные документы могут «утонуть» на экспозициях и выставках рядом с таким аттрактивным материалом, как блестящие парадные мундиры, фарфор, оружие и т. п. Многое зависит от опыта «экспозиционера», настойчивости и знаний «фондовика». Сотрудники ОПИ стараются дать максимальную информацию сотрудникам экспозиционных отделов, порой даже «навязывая» им интересный, по нашему мнению, экспонат, который «не вписывается» в тематико-экспозиционный план. Подчеркнем еще раз: документы являются исторической, научной и идеологической базой любой экспозиции и большинства тематических выставок. Не будем забывать, что документ всегда первичен.

Составляя опись, полезно посмотреть на нее глазами тех, кто будет работать с документами, — ученых, краеведов, сотрудников экспозиционных отделов ГИМ и наших коллег из других музеев России. Следует учитывать художественную, историческую, антикварную ценность каждого документа. На некоторых следует делать пометку на титульном листе обложки «ОЦД» («Особо ценное дело»).

Впрочем, здесь таится и опасность. Расширенные исторические справки к описи отдельные недобросовестные посетители порой копируют и публикуют под своими именами. Программа «Антиплагиат» в этом случае бессильна, ибо исторические справки и обзоры (интеллектуальная собственность музея и его сотрудников), как правило, не публиковались. Нельзя забывать о том, что публикации сотрудников музея (прежде всего книги) снабжены копирайтом музея и авторов. При желании обратиться к подлиннику уже опубликованного документа или группы документов следует получить разрешение Дирекции ГИМ.

Но вернемся непосредственно к методике описания фондов. Порой приезжающие к нам сотрудники других музеев, особенно областных и районных историко-краеведческих, имеют смутное представление о том, что такое научная обработка фондов. Зачастую каждый предмет ими записывается в КП (книгу поступлений) по мере поступления, в хронологическом порядке, чем все и ограничивается. Для музеев с небольшим документальным собранием это допустимо. Но при описании крупных рукописных собраний без опыта нашего музея не обойтись. Прежде всего,

желательно, чтобы в музее (скажем, на уровне областном) был бы создан специальный рукописный фонд, отдел письменных источников или архив (для хранения не текущей служебной документации, а материалов, имеющих историческую ценность). Все документы, поступающие в музей, должны пройти предварительную экспертизу с целью определения исторической значимости, ценности содержащейся в них информации, времени и места происхождения и, главное, их подлинности.

В ГИМ все принимаемые в фонды новые материалы проходят две стадии учета.

Первая стадия предполагает прием всех материалов, поступающих от физических лиц или учреждений, на государственное хранение через отдел учета. В специальном акте указывается характер приобретения — дар или закупка. В случае дарения от владельца требуется специальное заявление — «дарственная». Заполняется «Акт приема-сдачи документов» (с непрерывным описанием степени их сохранности) в двух экземплярах: один — для отдела учета, другой (с визой директора) передается владельцу. Следует учитывать, что закупки на сумму свыше 100 тыс. руб. требуют рассмотрения фондово-закупочной комиссии Министерства культуры РФ. Владелец вправе выдвинуть требование непереносимости документа, но окончательное решение остается за музеем. Желательно сканирование приобретенных письменных источников с внесением их с соответствующей аннотацией (кратким описанием) в базу данных. Вновь поступивший документ получает общий инвентарный номер (наряду с изобразительными и вещественными памятниками) в специальной главной инвентарной книге. Это, так сказать, «числитель». А в «знаменателе» указывается порядковый номер рукописного отдела.

Второй стадией является собственно научное описание документов, которому предшествует группирование их по различным архивным фондам или коллекциям (фондирование).

В случае приобретения архивного комплекса, объединенного общностью происхождения (из одной семьи, учреждения, общественной организации), фонду сразу присваивается название: например, личный комплекс участника Великой Отечественной войны (ФИО), материалы конкретной деревни, колхоза, предприятия. Но часто поступления носят единичный характер. В этом случае музейно-архивный работник должен самостоятельно объединить их в архивный фонд, и архивные номера этого фонда могут быть разными (в зависимости от времени поступления). Приведу пример из практики ОПИ. В течение многих лет мы собираем материалы по истории революции 1905—1907 и 1917 гг., первых лет социалистического строительства, отечественной науки, культуры и т. д. Материалы описываются не сразу, а по мере наполнения темы конкретным документальным содержанием. Эти собрания «открыты» для новых поступлений, могут пополняться постоянно.

Поступившие в научную обработку материалы проходят все необходимые стадии научного описания.

1-я стадия — первичный полистный просмотр всех материалов, чтобы составить хотя бы приблизительное представление о характере фонда или коллекции. Предположим, что в архив поступил комплекс человека, прошедшего путь от крестьянина, затем рабочего, участника Великой Отечественной войны до главного инженера предприятия, ученого, руководящего работника. На раскладочном столе группируются материалы по следующим группам:

- а) личные документы — метрики и формулярные списки (до 1917 г.), свидетельства о рождении, паспорта, трудовые книжки, наградные документы, автобиографии, удостоверения, пропуска, характеристики и т. п.;
- б) документы о производственной, преподавательской, государственной и общественной деятельности (служебная переписка, планы и программы, рацпредложения, пригласительные билеты на съезды, конференции, заседания различных организаций, культурные мероприятия и т. п.);
- в) в особую группу выделяются документы, относящиеся к участию в судьбоносных событиях — Гражданской, Великой Отечественной, афганской, чеченских войнах, в воссоединении Крыма и др.;
- г) творческие материалы и материалы о научной деятельности, рукописи. «Ключом» к разделу являются списки художественных произведений — как опубликованных, так и оставшихся в рукописи. При этом (разумеется, речь идет о более или менее известных людях, а не о графоманах или шарлатанах от истории) необходимо собирать и все варианты корректуры с авторской правкой творческой личности;
- д) переписка «фондообразователя» (частная, деловая, семейная), зачастую составляющая основную часть личного фонда. Выделяются черновики писем «фондообразователя» (их, как правило, меньшинство), затем — письма к нему (их необходимо располагать в алфавитном порядке). Если в письма вложены фотографии, газетные вырезки и т. п., то их ни в коем случае нельзя отделять, в противном случае эти материалы будут лишены какого-либо смысла;
- е) записные книжки, дневники и воспоминания;
- ж) бытовые и имущественные материалы. В данном случае следует соблюдать принцип историзма, особенно тщательно отбирая материалы недавнего прошлого, которые еще не прошли «проверку временем» и зачастую являются компьютерными распечатками. Любой документ по 1945 г. включительно, независимо от качества сохранности (как правило, написанные или напечатанные на пишущей машинке и бумаге плохого качества), может стать бесценным объектом экспонирования.

2-я стадия — аннотирование документов фонда. Оно включает указание на автора письма и его адресата, дату, в случае необходимости — краткое содержание письма, место написания. Важно не только расшифровать подписи под документами, выявить адресатов, но и дать краткую аннотацию текстов, особенно иноязычных. Иногда, в случае невозможности определить автора и адресата, именно по упоминанию каких-либо фактов в тексте письма можно в конечном итоге выйти на желаемый результат. В ряде случаев можно обобщить типовую информацию (например: письма академика Д.Н. Анучина издателю газеты «Русские ведомости» В.М. Соболевскому за 1909—1912 гг. Москва. 10 писем). Необходимо полностью расшифровывать распространенные в 1920-е гг. аббревиатуры.

3-я стадия — формирование единиц хранения (архивных дел) из «россыпи». С.С. Дрейзен и Е.И. Самгина учили скоростному и в то же время подокументному описанию фондов. Обращаясь к классике детективного жанра (Шерлок Холмс), назовем их подход «дедуктивным методом» — «от общего к частному». Прежде всего, необходимо получить общее предварительное представление о биографии «фондообразователя», характере, цели и принципах комплектования коллекции, для чего поработать в библиотеке ГИМ, в крупнейших государственных библиотеках, архивохранилищах и музеях (областных, Москвы, Санкт-Петербурга). К сожалению, в истории нашего отдела бытовала практика 1930-х гг., когда нормы научно-технической обработки исчислялись буквально в килограммах. Сотрудники ОПИ, как правило, работали временно, по договору, порой лишь несколько месяцев, что исключало возможность элементарного осмысления описываемого материала, не говоря уже о повышении квалификации, наработке опыта и передаче его молодому поколению. А ведь в калейдоскопе их фамилий легко установить «бывших»: графов Шереметевых, дворян Галаганов, Квиток и др. В перспективе намечена переработка этих архивных комплексов, составляющих 15—20% общего количества фондов ОПИ. При описании особо крупных по объему фондов целесообразно создание рабочих групп во главе с опытными специалистами, задача которых — на личном примере показать, как надо проводить научную обработку фондов.

Необходимо, чтобы каждая единица хранения (дело) сопровождалась заверительной карточкой с указанием в ней точного количества листов, за подписью проводившего описание фонда научного сотрудника.

4-я стадия — составление описи, где все единицы хранения расположены в соответствии с четко разработанной структурой (в основном исходя из тех разделов, о которых говорилось выше).

Прошедшие научно-техническую обработку документы в дальнейшем используются: для стационарной экспозиции и выставок, как отечественных, так и зарубежных; для оказания информационных услуг историкам

и представителям других гуманитарных наук, краеведам, коллегам-музейщикам, аспирантам, студентам-дипломникам и др.; для введения в научный оборот новых источников посредством их публикации. В ГА РФ существует «публикаторский отдел». Штатное расписание ОПИ не предоставляет такой возможности, хотя значение этой работы нельзя переоценить. В ОПИ сотрудники публикуют документы, которые они в свое время расшифровали и описали. В отделе бытовала традиция: публикация документов была своеобразным моральным вознаграждением за сложнейшую и трудоемкую работу по научному описанию фондов.

И вновь — немного статистики. За 1978—2015 гг. Ф.А. Петровым (индивидуально и в соавторстве) опубликовано 340 научных работ (около 1150 печ. л.): 14 монографий, 5 сборников публикаций документов (один сборник сдан в редакционно-издательский отдел, прошел редактуру, но в свет не вышел по независящим от авторов причинам), 4 каталога документов ОПИ на русском и французском языках, 74 статьи и публикации в научных трудах и альманахах, в т. ч. 20 в изданиях международных конференций. Им опубликована 5-томная монография по теме докторской диссертации «Формирование системы университетского образования в России» [Петров, 2002—2003] и другие работы, во многом основанные на документах ОПИ ГИМ. Л.И. Смирнова участвовала в подготовке трех сборников документов по истории Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг., выступила с докладами на ряде конференций [Петров, Смирнова, 2013; Смирнова, 2014(а); Смирнова, 2014(б)]. В числе приоритетных задач, поставленных Минкультуры России перед ГИМ, — методическая помощь региональным историко-краеведческим музеям; наши доклады на конференциях 2013—2015 гг. в Музее А.С. Пушкина (с. Берново Тверской области) привлекли внимание историков, литературоведов и краеведов из Старицы, Твери и Москвы.

Далее речь пойдет о публикациях документов ОПИ ГИМ, подготовленных нами и сотрудниками, с которыми мы вместе описывали фонды в течение десятилетий. Назову в алфавитном порядке: ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук А.К. Афанасьев; заведующая читальным залом ОПИ, старший научный сотрудник Н.Б. Быстрова; старший научный сотрудник, кандидат исторических наук Н.Л. Зубова; ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук Е.В. Неберекутина; старший научный сотрудник М.В. Фалалеева; заместитель директора ГИМ, кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии РФ А.Д. Яновский. Их можно расположить по определенным темам.

До прихода в ГИМ Ф.А. Петрову посчастливилось заниматься общественным движением и внутренней политикой России XIX в. под руководством крупнейшего ученого в этой области — П.А. Зайончковского. Начиная с 1978 г. удалось издать ряд статей и публикаций документов по истории земского либерального движения, выявленные в фондах ОПИ

материалы о деятельности Н.Г. Чернышевского. В 1985 г. пришлось расширить хронологические рамки и обратиться к материалам по истории Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве [см.: Неизвестная рукопись А.Н. Тверитинова, 1989; Петров, 1993; 1981; 1989; 1992(в)]. Методика, выработанная при подготовке публикаций, пригодилась Н.Б. Быстровой и мне в работе над проектом ГАРФ [Переписка цесаревича Александра Николаевича, 2008].

Описание крупнейших фондов по военной истории России (№ 155 и 160) привело нас к идее издания сборников документов по истории Отечественной войны 1812 г. и освободительных походов русской армии 1813–1814 гг. [Петров, 1997(б); Петров, Катагощина, 1997]. Работа потребовала кропотливого поиска по всем фондам ОПИ, содержащим материалы по аналогичной тематике. В итоге удалось выявить и опубликовать 488 документов (часть из них была переведена с французского языка). В 1991 и 1992 гг. изданы два сборника документов по той же тематике, подготовленные группой под руководством Ф.А. Петрова [1812 год. Воспоминания воинов русской армии..., 1991; 1812–1814. Секретная переписка..., 1992]. Они получили положительные отклики в печати и многократно использовались в современной историографии. В 1996 г. опубликована переписка братьев Авраама и Василия Норовых [Норовы..., 1996]. По-разному сложилась их судьба. Авраам был тяжело ранен под Бородином, потерял ступню, позже стал министром народного просвещения. Василий проделал путь до Парижа, а потом был арестован за участие в движении декабристов.

Совместное с А.Д. Яновским описание фонда материалов по истории западноевропейских стран из собрания П.И. Щукина позволило сделать сенсационное открытие. В ОПИ было обнаружено 33 автографа Наполеона I Бонапарта (от юношеских романов до записей, сделанных на о. Св. Елены), около 100 автографов членов его семьи и свыше 2 тыс. автографов его сподвижников: маршалов, генералов, государственных деятелей, писателей и художников, воспевавших Первую империю. Их каталог выпущен в свет нью-йоркским издательством «Norman Ross» [Napoleon..., 1998]. Многие из них нашли место на выставке ГИМ к 225-летию со дня рождения Наполеона (1994) и на выставке ГИМ, Музеев Московского Кремля и парижских музеев «Великие императоры Европы: Александр I и Наполеон I» [Петров, 2006; Петров, Яновский, 1994, 1995]. Архивные находки в ОПИ послужили темой для выступлений в парижском Доме инвалидов (Музей Армии) о русско-французских дипломатических отношениях рубежа XVIII–XIX вв. [La diplomatie..., 2007; Petrov, 2001] и в Вене о сложных взаимодействиях русских армий и Австрийского корпуса К.Ф. Шварценберга [Петров, Смирнова, 2013].

В начале XXI в. наша группа вернулась к работе по подготовке сборников материалов по теме «Москва в 1812 году. Воспоминания, письма

и официальные документы из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея». Проект занял первое место среди научно-исследовательских проектов 2010–2011 гг. [Петров, Смирнова, 2012], но издательство «Языки славянских культур», получив финансирование от РГНФ, авторскому коллективу не предоставило редактора, профессиональных корректора и верстальщика. Результат — издание на низком полиграфическом уровне; в год юбилея Отечественной войны (2012) с трудом удалось выпустить в свет 600 экземпляров, половину из которых оплатил ГИМ (для сравнения: тираж сборника 1991 г. — 50 тыс. экземпляров, 1992 г. — 8 тыс.). Это побудило приступить к подготовке 4-го сборника («1812–1814. Москва — Лейпциг — Париж. Мемуары, письма, реляции»). Он на треть дополнен материалами о первых шагах по восстановлению древней русской столицы и о крупнейших сражениях 1813–1814 гг. (при Лейпциге и у стен Парижа), переработан материал о деятельности Православной церкви в 1812 г. [Записная книжка И.С. Шидокирского..., 2014; Петров, Смирнова, 2012]. Выпуск планировался в 2015 г.

Военно-патриотическая тематика была продолжена подготовкой публикаций воспоминаний, писем, дневников и докладов для международных научно-практических конференций, посвященных истории Первой мировой войны. Участие в этом приняли А.К. Афанасьев, Ф.А. Петров, Л.И. Смирнова, М.В. Фалалеева. И здесь мы остались верны выработанной методике: показать войну глазами старших и младших офицеров, унтер-офицеров и рядовых [Афанасьев, Петров, Сафронова, 1992; Петров, 2014(а); Петров, Фалалеева, 2014; Смирнова, 2014; «Стон мешался с криком “Ура”», 2002].

Немало опубликовано материалов по истории русской культуры. В Год литературы считаем необходимым упомянуть о публикациях произведений классиков русской литературы, обнаруженных (порой неожиданно) в процессе научного описания фондов ОПИ ГИМ. Этой темой в ОПИ уже многие десятилетия занимается А.К. Афанасьев, изучающий материалы об А.С. Пушкине, опубликовавший письма П.А. Вяземского, В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина и др., принимавший участие в юбилейных литературных выставках в ГИМ и Государственном литературном музее.

В фондах ОПИ нами обнаружены автографы Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева, адресованные секретарю Общества любителей российской словесности при Московском университете П.А. Бессонову, относящиеся к 1870-х гг. и ранее неизвестные [Неопубликованное письмо И.С. Тургенева, 1992; Переписка Л.Н. Толстого и П.А. Бессонова, 1995; Переписка П.А. Бессонова с И.С. Тургеневым, 1998]. В процессе научного описания фонда № 281 выявлен автограф письма Толстого в редакцию газеты «North American Newspaper» о его отношении к русско-японской войне 1904–1905 гг. Ранее документ был известен по копии, выполненной секретарем писателя Г.М. Бикергеймом. Сравнение ее с подлинником показало, что

мысль великого русского писателя была искажена [Письмо Л.Н. Толстого в редакцию «North American Newspaper», 1992]. Были обнаружены и опубликованы воспоминания того же Бессонова о Н.В. Гоголе и его письма П.И. Бартеневу, рисующие литературную жизнь Москвы и Петербурга середины XIX в. [Бессонов, 1995; Письма П.И. Бартенева П.А. Бессонову, 2007].

Обнаруженные при «фронтальном» просмотре фондов ОПИ ГИМ по истории науки и высшего образования новые источники позволили обогатить документальную базу для юбилейных выставок к 225- и 250-летию Московского университета и опубликовать отдельные документы. Во многом на фондах ОПИ ГИМ основаны наши работы о К.Д. Кавелине, М.П. Погодине и С.П. Шевыреве, о немецкой профессуре в Московском университете, статьи, в том числе об Обществе истории и древностей российских при этом университете [Петров, 1997(а); 1984; 1995; 2007(б); 2014(б); 2005]. В проекте «Университет для России» (1996–2012) В.В. Пономаревой, Л.Б. Хорошиловой (лаборатория культуры истфака МГУ им. М.В. Ломоносова) и Ф.А. Петрова также широко представлены материалы ОПИ ГИМ [Университет для России, 1998–2012]. Особо следует упомянуть обнаруженные в фонде № 17 материалы о графе С.С. Уварове [Петров, Исторические взгляды С.С. Уварова, 1998], имеющие отношение и к истории ГИМ. Этот его основатель унаследовал от отца системность мышления, сформулировал постулат: музей – не «лавка древностей», а четко структурированная модель, позволяющая посетителям воспринимать историю нашего Отечества в ее поступательном развитии и дискретной динамике.

В статьях и публикациях уделено внимание и другому основателю Исторического музея – И.Е. Забелину. Известно, что выдающийся самодеятельный русский историк не получил (в отличие от Уварова-младшего) систематического университетского образования. Однако нам удалось доказать, что на формирование его исторических взглядов оказали влияние выдающиеся преподаватели Московского университета 1840-х гг. Т.Н. Грановский и К.Д. Кавелин. В фондах ОПИ хранится конспект лекций Кавелина по русской истории за 1845/46 учебный год, в котором впервые намечены основные тезисы «государственной школы в русской историографии», вскоре столь блестяще развитые С.М. Соловьевым [Лекции К.Д. Кавелина..., 1995; Петров, 1992(б)].

За последние 25 лет сотрудниками ОПИ проделана огромная работа по подготовке к публикации научных трудов, дневников и воспоминаний корифеев ГИМ – видных историков, которые в сложнейший для жизни нашей страны период революционных потрясений и войн не только сохранили сокровища музея, но и совершили прорыв, поставив его деятельность на прочную научную основу (публикации наследия Забелина, М.М. Богословского, В.А. Городцова, А.В. Орешникова, осуществленные

И.В. Белозеровой, Н.Б. Быстровой, Н.Л. Зубовой, М.В. Катагощиной, Е.В. Неберекутиной, Н.Б. Стрижовой, А.Г. Юшко).

В настоящее время в музейной практике намечается опасная тенденция вероятности снижения заданного нашими предками еще сто лет тому назад высочайшего уровня научно-исследовательской и музейно-хранительской деятельности, сведения функций научного анклава до механического исполнения постоянно меняющихся инструкций, использования музея в качестве площадки исключительно для развлекательных целей. Это лишает Музей его важнейшего предназначения — воспитания подрастающего поколения и повышения общего культурного уровня в стране. Сложная геополитическая обстановка делает особо значимым военно-патриотическое воспитание. В этом отношении ГИМ традиционно идет в авангарде, как и положено главному музею истории России. В последние годы создан Музей 1812 г., открыты выставки, посвященные 100-летию Первой мировой войны и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Одно из перспективных направлений — подготовка сотрудниками ГИМ исследований и публикаций совместно с другими музеями, библиотеками, научными и учебными институтами. Еще в конце 1980-х гг. был заключен договор с Московским архитектурным институтом о сотрудничестве отделов ИЗО и ОПИ ГИМ с кафедрой истории архитектуры и градостроительства. Результатом стали совместные статьи и фундаментальная монография, увидевшая свет к 850-летию столицы [Архитектурные ансамбли Москвы XV — начала XX в., 1997; Петров, 1992(а)]. Удачным примером последних лет может служить сотрудничество ГИМ с Институтом российской истории РАН, Федеральным архивным агентством, Российским историческим обществом и Государственной публичной исторической библиотекой России. В 2012—2014 гг. проведены три совместные научные конференции с широким международным представительством, оперативно изданы сборники их материалов [Освободительные походы..., 2014; Россия в годы Первой мировой войны..., 2014; Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы, 2013].

В составе коллекций ОПИ хранится немало материалов о научных и культурных связях России с южными и западными славянами. Е.В. Неберекутиной и Ф.А. Петровым опубликованы обзоры материалов по истории Сербии [Неберекутина, Петров, 1987; 1995; Письма Вука Караджича..., 1992]. Планировалась публикация сборника документов о русско-сербских связях, но события 1990-х гг. на Балканах помешали осуществить замысел.

За последние годы произошел «вброс» огромного информационного ресурса, разобраться в подлинности которого трудно даже историкам-профессионалам, не говоря уже о любителях истории. Параноидальные «открытия» а-ля Резун-Фоменко отталкивают от чтения подлинных ис-

торических источников. И даже чисто научные изыскания способны поставить в тупик людей «воцерковленных», число коих резко возросло. Так, пересмотрен год рождения М.И. Кутузова — 1747 г., но на могиле фельдмаршала в Казанском соборе С.-Петербурга осталось по-прежнему: «1745—1813». Мы решили в комментариях писать так: «1745 (по новейшим данным — 1747) — 1813».

Завершая статью, сформулируем основные принципы публикации документов XIX — начала XX в., выработанные в результате многолетней практической работы:

- все документы печатаются исключительно по подлинникам и лишь в крайнем случае по копиям того же времени;
- в отличие от материалов более ранней эпохи, все тексты публикуются по нормам современной орфографии и синтаксиса;
- публикации источников носят научно-популярный характер. Это требует обширных вступительных статей и расширенных комментариев, что должно заинтересовать широкого читателя, ввести его в курс дела, позволить ему, опираясь на элементарные знания, получить истинное представление о событиях или персоналиях, как правило мало или вовсе ему не известных;
- исторические комментарии соотносятся непосредственно с текстом исторического источника. Так, говоря о конкретном упоминаемом лице, необходимо указать занимаемую им в соответствующий период должность, чин, звание, а также указать высшую должность или чин, которых он достиг. Говоря о каком-либо событии или комментируя тот или иной памятник истории, живописи и архитектуры, следует учитывать современные информационные ресурсы и давать тщательно выверенные на основании сопоставления с другими источниками данные.
- научно-справочный аппарат делается доступным для широкого читателя, но при этом осуществляется тщательная сверка текстов источников, что позволит использовать в дальнейшем публикацию в научно-просветительских, научно-исследовательских целях и обеспечить при этом полную сохранность подлинника.

Библиография

ОПИ ГИМ. Коллекции документов: Московского Воспитательного дома (№ 114); о Москве и Санкт-Петербурге из собрания П.И. Щукина (№ 132); Военно-исторического музея (№ 137); по истории быта представителей различных социальных групп России XVIII — начала XX в. (№ 141), по истории флота и внешней политики России из собрания П.И. Щукина (№ 155), «Особый Комитет по устройству в Москве Музея 1812 г. и коллекция документов музея» (№ 160); по истории науки, культуры и общественного движения в России XVIII—X вв. (№ 281); по истории народного образования в России (№ 310), дипломов и ре-

скриптов на пожалование орденов (№ 358); Музея «Старая Москва» (№ 402); по истории стран Западной Европы и Азии из собрания П.И. Щукина (№ 418); рукописных книг и сборников из собрания П.И. Щукина (№ 420).

ОПИ ГИМ. Личные фонды: князей Куракиных (№ 3), графов Паниных (№ 4), Безобразовых (№ 15), Чернышевых (№ 16), князей Волконских (№ 18), Лопатиных (ф. 51), П.А. Бессонова (№ 56), П.Я. Корнилова (№ 90), Олсуфьевых (№ 164), графов Орловых (№ 166), Л.М. Савелова (№ 216), Оболяниновых (№ 264), А.А. Ковалькова (№ 286), архитекторов А.А. и В.А. Гамбургцевых (№ 327); А.А. Захарова и С.П. Григоровой-Захаровой (№ 453, оп. 2, совместно с А.К. Афанасьевым), Г.И. и А.И. Россолимо (№ 535), акад. АН СССР А.М. Безобразова (№ 582); чл.-корр. АН СССР А.Д.Петрова, проф. Ал.А. Петрова, акад. АН СССР Ф.П. Саваренского и акад. архитектуры Т.Ф. Саваренской (№ 583).

Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX в. Принципы художественного единства / Под ред. акад. архитектуры Т.Ф. Саваренской. М.: Стройиздат, 1997.

Афанасьев А.К., Петров Ф.А. Военно-Исторический музей в Москве и его документальная коллекция (ОПИ ГИМ) // Письменные источники в собрании ГИМ. Ч. 3: Материалы по военной истории России. М.: ГИМ, 1997. С. 7–84. (Труды ГИМ. Вып. 92).

Афанасьев А.К., Петров Ф.А., Сафронова Т.В. Музейная коллекция документов по истории отечественной культуры // Письменные источники в собрании ГИМ. Ч. 2: Материалы по истории культуры и науки в России. М.: ГИМ, 1992. С. 19–55. (Труды ГИМ. Вып. 84).

Бессонов П.А. «Несколько слов отрывочного воспоминания о Н.В. Гоголе» / Публикация Е.В. Неберекутиной, Ф.А. Петрова, Е.М. Юхименко // Дом Остроухова в Трубниках: Альманах, 1995. М.: ЭГО, 1995. С. 222–230.

Великие императоры Европы: Александр I и Наполеон I: Каталог выставки / Вступительная статья В.М. Безотосного, Ф.А. Петрова, А.Д. Яновского. М.: Константа, 2000. 224 с.

Записная книжка И.С. Шидокирского, офицера С.-Петербургского гренадерского полка. 16 июня 1812–18 марта 1814. Публикация Ф.А. Петрова, М.В. Фалалеевой // Российский архив. Вып. ММХI. М., 2014. С. 92–114.

Лекции К.Д. Кавелина по истории российского законодательства. Публикация Ф.А. Петрова, Н.Л. Зубовой // Река времен. Кн. 3: Труды. Творения. Художества. М.: Эллис-Лак. 1995. С. 50–137.

Неберекутина Е.В., Петров Ф.А. Материалы о Вуке Караджиче в собрании отдела письменных источников Государственного исторического музея (на сербском языке) // Сборник Историјског музеја Србије. № 24. Београд, 1987.

Неберекутина Е.В. Петров Ф.А. К истории Этнографической выставки и Славянского съезда 1867 г. в Москве (из материалов Отдела письменного источника Государственного исторического музея) // Труды ГИМ. Вып. 90. М., 1995. С. 50–62.

Неизвестная рукопись А.Н. Тверитинова. Публикация Ф.А. Петрова // Чернышевский Н.Г. Статьи, исследования и материалы: Межвузовский научный сборник. Вып. 77. Саратов: Изд-во Саратовского гос. университета, 1989.

Неопубликованное письмо И.С. Тургенева (из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея). Публикация Ф.А. Петрова // Российский архив. Вып. I. М., 1992. С. 101–102.

Норовы Василий и Авраам. Оригинальные письма из армии 1812–1813 годов. Публикация Ф.А. Петрова // Российский архив. Вып. VII. М., 1996. С. 150–169.

Освободительные походы русской армии. 1813–1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М.: Издательский центр ИРИ РАН, 2014. 285 с.

Переписка Л.Н. Толстого и П.А. Бессонова / Публикация Ф.А. Петрова // Дом Остроухова в Трубниках: Альманах. М.: ЭГО, 1995. С. 230–239.

Переписка П.А. Бессонова с И.С. Тургеневым / Публикация Ф.А. Петрова // Дом Остроухова в Трубниках: Альманах. М.: Златоуст, 1998. С. 204–212.

Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839 / Под ред. проф. Л.Г. Захаровой и С.В. Мироненко. Публикация Ф.А. Петрова (совм. с Н.Б. Быстровой). М.: РОССПЭН, 2008. 744 с.

Петров Ф.А. Династии московской интеллигенции XX в. Петровы и Саваренские. Дневники и воспоминания // Труды ГИМ. Вып. 167. М., 2007(а).

Петров Ф.А. Документальные материалы по истории планировки и застройки Москвы в собрании ОПИ ГИМ // Архитектура мира. Материалы Международной конференции «Проблемы истории архитектуры». М: Научно-исследовательский центр теории архитектуры и градостроительства, 1992(а). С. 99–103.

Петров Ф.А. Земско-либеральные проекты переустройства государственных учреждений в России в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в. // Отечественная история. 1993. № 4. С. 246–248.

Петров Ф.А. Из истории общественного движения в период второй революционной ситуации в России. Революционеры и либералы в конце 1870-х годов // История СССР. 1981. № 1. С. 144–155.

Петров Ф.А. Из опыта поиска, расшифровки текстов, комментирования и публикации источников по истории Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. в собрании письменных источников Государственного исторического музея // Международная научная конференция «От Таураге до Парижа» (к 200-летию Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.). Калининград, 24–27 сентября 2014 г.: Сборник трудов. Калининград: Аксиос, 2015. С. 20–32.

Петров Ф.А. Исторические взгляды С.С. Уварова // Труды ГИМ. Вып. 106. М., 1998(а). С. 13–26.

Петров Ф.А. К истории железнодорожного строительства в России (по материалам фонда А.А. Ковалькова) // Труды ГИМ. Вып. 67. М., 1988(а). С. 5–16.

Петров Ф.А. К.Д. Кавелин в Московском университете. М.: Христианское изд-во, 1997(а). 144 с.

Петров Ф.А. Лекции профессора Московского университета К.Д. Кавелина и их влияние на формирование исторических взглядов И.Е. Забелина // Труды ГИМ. Вып. 81. Ч. 2. М., 1992(б). С. 115–124.

Петров Ф.А. Личные архивы и тематические документальные коллекции. Методические рекомендации по научному описанию. М.: ГИМ, 2000.

Петров Ф.А. Л.Н. Толстой и Олсуфьевы // Новобасманная, 19: Альманах. М.: Художественная литература, 1991(а). С. 633–642.

Петров Ф.А. Материалы о жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского // Труды ГИМ. Вып. 77. М., 1991(б). С. 109–125.

Петров Ф.А. Материалы ОПИ ГИМ по истории Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. Вып. 92. М., 1997(б). С. 107–146.

Петров Ф.А. Московский университет и Исторический музей // Труды ГИМ. Вып. 182. М., 2010. С. 589–626.

Петров Ф.А. Музей 1812 года // Вопросы истории. 1988(б). № 2. С. 183–186.

Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете. М.: Христианское изд-во, 1997(в). 180 с.

Петров Ф.А. Новые материалы по истории Декабрьского вооруженного восстания в Москве в собрании ОПИ ГИМ // Из истории освободительного движения в России. М., 1989. С. 105–127. (Труды ГИМ. Вып. 72).

Петров Ф.А. Новые материалы по истории русско-французских отношений XVIII – XIX веков из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея // Музей-панорама Бородинская битва. «Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи»: Материалы XVIII Всероссийской научной конференции. М.: Научно-исследовательский центр Музея-панорамы Бородинская битва, 2006. С. 129–164.

Петров Ф.А. Обзор фонда «Музей Старая Москва»: Пособие для аспирантов / НИИ культуры. М., 1991(в). 199 с.

Петров Ф.А. Органы самоуправления в системе самодержавной России: земство в 1864–1879 гг. // Великие реформы в России 1856–1874: сборник статей ученых России и США. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1992(в). С. 203–231. (Пер. на англ. яз: During the edifice. The zemstvo, local selfgovernment, and the constitutional movement // Russian's great reforms/ Indiana university press. 1994. P. 197–199.)

Петров Ф.А. Первый год Первой мировой. Дневники и письма юных офицеров из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. Ч. III. СПб.: Изд. Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. 2014(а). С. 439–452.

Петров Ф.А. Письма и документы по истории естественных наук в Московском университете (из фондов Государственного исторического музея) // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. М.: Наука, 1984. С. 130–142.

Петров Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М.: Московские учебники и картолитография, 1995.

Петров Ф.А. Реформы Александра II в области просвещения и культуры // XIX век в истории России. М., 2007(б). С. 320–326. (Труды ГИМ. Вып. 63).

Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Т. 1–3, т. 4. Ч. 1–2. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2002–2003.

Петров Ф.А. Российские университеты 40-х годов XIX века и деятели Великих реформ // Зайончковский П.А. 1904–1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М.: РОССПЭН, 1998(б). С. 205–219.

Петров Ф.А. А.Д. Чертков — председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов междунар. науч. конференции, посвященной 150-летию открытия для публики Чертковской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИИБ России, 2014(6). С. 150–173.

Петров Ф.А. С.П. Шевырев — первый профессор российской словесности и первый историограф Московского университета. М.: Русское слово, 2005.

Петров Ф.А., Катагощина М.В. Коллекция ОПИ ГИМ по истории армии, флота и внешней политики России конца XVII — начала XX в. (Фонды № 155 и 264) // Труды ГИМ. Вып. 92. М., 1997. С. 7–84.

Петров Ф.А., Саваренская Т.Ф. Неосуществленный проект мемориального ансамбля 1812 года // Московский журнал. 1991. № 5. С. 59–64.

Петров Ф.А., Смирнова Л.И. Москва в 1812 году (о принципах издания) // Вестник РГНФ. 2012. № 1. С. 3–15.

Петров Ф.А., Смирнова Л.И. Новые материалы по истории усадеб Малинки, Берново, Соколово и Курово-Покровское и дворянских фамилий Понафидиных и Вульфов из собрания отдела письменных источников Исторического музея (1634–1920) // Пушкинские чтения. Берново: Сборник статей по материалам Пушкинских чтений. Вып. 2. Старица: Музей А.С. Пушкина в Бернове, 2013(6). С. 5–19.

Петров Ф.А., Смирнова Л.И. Русские войска и Австрийский вспомогательный корпус К.Ф. фон Шварценберга: от противостояния к совместной борьбе с Наполеоном // 1812 год. Наполеоновские войны в судьбах Европы. М.: ИВИ РАН, 2013(а). С. 97–107.

Петров Ф.А., Смирнова Л.И. Село Берново и просветительская утопия М.Н. Муравьева // Пушкинские чтения. Берново: Сборник статей по материалам Пушкинских чтений. Вып. 3. Старица: Музей А.С. Пушкина в Бернове, 2014.

Петров Ф.А., Фалалеева М.В. Остров милосердия в пожаре московском. Воспитательный дом в 1812 году. Новые документы из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея // Труды ГИМ. Вып. 199. М., 2015. С. 38–56.

Петров Ф.А., Фалалеева М.В. Солдатские письма с фронта и из плена Первой мировой войны. Новые материалы из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. III. СПб.: Изд. Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. 2014. С. 453–466.

Петров Ф.А., Яновский А.Д. Наполеон. Его семья. Его сподвижники (Автографы из собрания Государственного исторического музея) // Археографический ежегодник за 1992 г. М.: Наука, 1994. С. 224–236.

Петров Ф.А., Яновский А.Д. Наполеон. Его семья. Его сподвижники (Автографы из собрания Государственного исторического музея) // Археографический ежегодник за 1993 г. М.: Наука, 1995. С. 246–269.

Письма П.И. Бартенева П.А. Бессонову из собрания ОПИ ГИМ / Публикация А.К. Афанасьева и Ф.А. Петрова // Российский архив. Новая серия. Вып. ММV. М., 2007. С. 254–305.

Письма Вука Караджича Ф.П. Аделунгу / Публикация Е.В. Неберекутиной и Ф.А. Петрова // Сборник Исторического музея Србије. Кн. 26. Београд, 1992. С. 23–40.

Письмо-дневник И.С. Энгеля / Публикация Ф.А. Петрова и М.В. Фалалевой // Российский архив. Вып. ММХI. М., 2004. С. 115–132.

Письмо Л.Н. Толстого в редакцию «North American Newspaper». Публикация Ф.А. Перова // Российский архив. Вып. II–III. М., 1992. С. 246–248.

Россия в годы Первой мировой войны 1914–1918. Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). М.: Издательский центр ИРИ РАН, 2014.

Смирнова Л.И. Дневник П.С. Протопопова, командира Черниговского пехотного полка (декабрь 1813 г. – апрель 1814 г.) // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы. Материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М.: Издательский центр ИРИ РАН. М., 2014(а). С. 246–251.

Смирнова Л.И. Из полевых книжек штабс-капитана Финляндского полка Юрия Аргамачева // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. Ч. IV. СПб.: Изд. Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. 2014(б). С. 225–235.

«Стон мешался с криком “Ура”». На Германской войне. Год первый. Публикация документов из собрания ОПИ ГИМ. Подготовлено А.К. Афанасьевым, Ф.А. Петровым // Источник. Документы русской истории. 2002. № 1. С. 67–88.

1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея. М.: Мысль, 1991. 480 с.

1812–1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записные книжки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии. М.: Terra, 1992. 583 с.

Университет для России. [Т. 1, 2]. М.: Слово. 1997, 2001; [Т. 4]. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2012.

Цикл выставок «Исторический архив ГИМ. 1912–2002 гг.». Выставка первая. Автографы российских императоров и императриц: Буклет. М.: ГИМ, 2002.

Цикл выставок «Исторический архив ГИМ. 1912–2002 гг.». Выставка третья. Автографы знаменитых российских императоров и императриц: Буклет. М.: ГИМ, 2002.

Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы. Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М.: Издательский центр ИРИ РАН. 2013.

La diplomatie russe en 1805. Nouveaux documents des collections du Département des Manuscrits du Musée Historique d'Etat de Moscou // Musée de l'Armée. Austerlitz. Napoleon au couer de l'Europe. Paris, 2007. P. 141–148.

Napoleon. Sa famille. Son entourage. Documents du Musée Historique d'Etat, Moscou Compile par F.A. Petrov et A.D. Ianovski. New York, 1998.

Petrov F.A. Paul Ire et Napoleon Bonaparte: l'alliance impossible? // Colloque “Terminer la Revolution”? 4 et 5 decembre 2001. Musée d'Armée. Paris, 2001.

**БАЗА ДАННЫХ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ БУМАГИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА «БЕРНШТЕЙН –
ПАМЯТЬ БУМАГИ»: РЕЗУЛЬТАТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Medieval Watermarks Database in the Manuscript Department
of the State Historical Museum in the Context
of the International Project “Bernstein – Memory of Paper”:
the Results of Cooperation and the Development Prospect**

Аннотация: статья посвящена проблемам изучения водяных знаков средневековой бумаги на современном этапе развития филологии. Особое внимание уделено методам получения объективного изображения водяного знака при помощи современных технологий и проблеме создания на портале Государственного музея базы данных филигранных онлайн. Появление в 2009 г. международного поискового интернет-портала «Bernstein – Memory of paper» (www.memoryofpaper.eu) позволило объединить большинство европейских баз данных филигранных в один поисковый ресурс, доступный всем пользователям онлайн. Планируемое присоединение аналогичной базы данных Отдела рукописей ГИМ к этому поисковому portalу открывает новый этап в отечественном филологическом и международном сотрудничестве.

Abstract: The article is devoted to problems of medieval watermark study on the modern level of filigranology development. A great attention is paid to methods for getting of objective watermark images and to the problem of a watermark database on line creation at the State Historical museum’s web-portal. An appearance of international search web-portal «Bernstein – Memory of paper» in 2009 (www.memoryofpaper.eu) allows to unite the most of European watermark databases into one search internet resource. We plan to connect a State Historical museum’s database to this international portal. That will open a new stage in Russian watermark investigation.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, водяные знаки, средневековая бумага, база данных, кодология, средневековые рукописи, проект «Бернштейн – память бумаги», информационные технологии, исследовательское пространство.

Keywords: historical science, museology, watermarks, medieval paper, databases, codicology, medieval manuscripts, project «Bernstein – the memory of paper», information technology, space research.

Первые водяные знаки (филигранные) появились на средневековой бумаге уже вскоре после начала ее производства в Европе, в XIII в. Эти видимые

на просвет рисунки являлись маркерами той или иной бумажной мельницы, ее владельца или, в дальнейшем, сорта самой бумаги. Они получались за счет того, что при изготовлении бумаги мокрую бумажную массу размещали на специальных, сделанных из проволоки формах, на которые крепилась и проволочная филигрань. В местах нахождения проволоки бумажная масса была тоньше, чем в остальных местах, поэтому при высыхании бумажного листа на просвет были видны рисунки водяных знаков. Европейская бумага, изготовленная ручным способом, широко использовалась до начала XIX в. В России свое бумажное производство возникло лишь во второй четверти XVIII в., а пригодное для письма качество отечественной бумаги было достигнуто лишь в 1730-х гг. Поэтому до того времени европейская бумага была единственным материалом письма в России. Впервые бумага, сделанная в Италии, появилась здесь во второй половине XIV в. Затем в разные годы сюда поступала продукция французских, немецких, польских, английских и голландских мельниц. Даже после появления первой русской бумаги европейская продолжала использоваться.

Филиграни средневековой бумаги являются уникальным и универсальным инструментом для датировки всех музейных предметов на бумажных носителях, созданных в XIII—XVIII вв.: рукописей, первопечатных книг, гравюр и рисунков, грамот, делопроизводственных столбцов, писем и документов, карт, нот. Это также один из немногих объективных инструментов, позволяющих определить реальную подлинность предмета при его экспертной оценке. Как известно, одна из основных проблем, встающих перед хранителями и исследователями средневековых бумажных памятников, — объективное определение подлинности памятника и его атрибуция. Филиграни бумаги являются наиболее объективными показателями и в определении подлинности средневекового памятника, и в его датировке. Сравнение водяных знаков датированных рукописей с недатированными является основным методом в подобной экспертизе. Для этих целей были созданы и опубликованы каталоги средневековых водяных знаков, содержащие тысячи их контурных копий, полученных путем ручного калькирования их изображений из точно датированных исторических документов. Кроме того, при дополнительном изучении отдельных рукописей набор одинаковых филиграней позволяет выявлять некогда единые комплексы памятников, созданные вместе в определенном контексте и условиях, но не сохранивших никаких данных о своем происхождении. Это направление, возникшее в рамках сравнительно новой исторической дисциплины — кодикологии, получает в последнее время особенно углубленное развитие. В отсутствие достаточных сведений о важных древнерусских центрах книгописания и обстоятельствах происхождения большинства кодексов совпадение комплексов филиграней бумаги неизученных рукописей с теми, что имеют свою историю происхождения и связаны с заказами известных исторических лиц или книжных центров, делают до тех пор анонимные памятники значимыми историческими артефактами.

Изучение водяных знаков средневековой бумаги в России насчитывает почти 200 лет. Первый «Опыт в старинной русской дипломатике или способ узнавать на бумаге время, в которые писаны старинные рукописи, с приложением рисунков» И.П. Лаптева был опубликован в Санкт-Петербурге в 1824 г. Это был первый в истории каталог водяных знаков. На протяжении последующих двух столетий их изучение в России стало специальным научным направлением с развитой терминологией и обширной библиографией. За это время были выпущены важнейшие каталоги с прорисовками изображений тысяч филигранных из точно датированных рукописей, старопечатных книг и документов [Лихачев, 1899; Briquet, 1907; Мольн, Tralji, 1957; Гераклитов, 1963; Клепиков, 1969; 1978; Uchastkina, 1962; Piccard, 1966–1987; Дианова, Костюхина, 1988; Дианова, 1989; 1993; 1997; 1998; и др.]. Исследователи копировали вручную на просвет рисунки водяных знаков при помощи кальки и карандаша. Используя их публикации в каталогах, многие поколения исследователей-медиевистов датировали и определяли подлинность недатированных бумажных памятников.

Однако со временем стало понятно, что ручное копирование на кальку неизбежно деформирует реальный рисунок филигранны, поэтому не является точной копией ее контура. Стали предприниматься попытки заменить этот способ получения изображения филигранны более объективными методами. Западными учеными в качестве альтернативы были предложены метод притирания (gubbing), рентгенография, бета-радиография, фотосъемка со специальными эффектами и фильтрами. Разработка метода бета-радиографии, получившего впоследствии у западных исследователей самое широкое распространение, принадлежит ленинградскому исследователю Д.П. Эрастову [Эрастов, 1960; 1990]. Параллельно с этим шло изучение технико-технологических параметров: изучение эволюции бумагоделательного производства, структуры бумаги, филигранны отдельных фабрик и их эволюции. На Западе стали возникать проекты по описанию целых коллекций древних рукописей, которые предполагали последовательное детальное полистное исследование филигранны каждого кодекса. Постоянно увеличивающийся объем нового материала и применение новых технологий, приводящих к получению цифрового изображения водяного знака, неизбежно привели к возникновению локальных баз данных филигранны и появлению программного обеспечения, позволяющего их накапливать, сортировать, осуществлять всеобъемлющий поиск.

Одна из первых таких баз данных начала создаваться в 1991 г. усилиями Комиссии палеографии и кодикологии средневековых рукописей Австрийской АН и Комиссии научной визуализации Австрийской АН (руководитель проекта Э. Венгер) и Института проблем передачи информации Российской АН (ИППИ РАН, Москва, руководитель группы В.Н. Карнаухов). Научные сотрудники Австрийской АН были задействованы в проекте по описанию огромной коллекции манускриптов и первопечатных книг, хранящихся в

крупнейшем австрийском монастыре Клостернеубург (Klosterneuburg) рядом с Веной. Программное обеспечение было создано московскими программистами. В этой программе классификация водяных знаков и генерация их кода осуществляется на основе использования иерархической (древовидной) структуры всех основных и дополнительных типов водяных знаков. Программа позволяет накапливать цифровые копии филиграней и информацию о них: страна, хранилище, шифр рукописи, содержащий филигрань лист, количественные характеристики знака (расстояние между понтюзо, высота и ширина), наличие идентичных знаков в базе и их парные формы, датировка, степень подобия, аналоги в опубликованных каталогах. Она также дает возможность масштабирования цифровых изображений, автоматической центровки их по вертикали или горизонтали, сверхточного измерения параметров водяного знака. Кроме того, в программе заложена возможность автоматического поиска аналогичных знаков с заданными параметрами или заданными отступлениями от них.

После создания первоначальной версии базы данных водяных знаков в Австрии к этой работе присоединились сотрудники голландской Королевской библиотеки (Koninklijke Bibliotheek, руководитель группы Ж. ван Тинен) и российские исследователи — из Отдела рукописей Государственного исторического музея (Москва, руководитель группы Е.В. Уханова) и Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, руководитель группы Д.О. Цыпкин). С 2001 по 2004 г. в рамках проекта «A Distributed Database and Processing System for Watermarks» (грант INTASS 2000-00081) международный научный коллектив вел определение единых параметров и стандартов для описания и регистрации водяного знака, разрабатывал различные методы получения цифрового его изображения, каждая исследовательская группа создавала или развивала собственную базу данных на основе единого программного обеспечения [Wenger, Karnaukhov, Merzlyakov, Haidinger, van Thienen, Oukanova, Erastov, 2001; Karnaukhov, Haidinger, Karnoukhov, Oukanova, van Thienen, Wenger, 2002]. Запись в ней каждого знака содержит изображения структуры бумаги и водяного знака, текстовое описание и контекстовые данные, в т. ч. место хранения, каталожный номер и т. п. Изображения имеют разное качество и получены разными методами: ручным копированием контура, протиркой, радиографией, цифровой фотографией.

Надо отметить один из основополагающих принципов проекта при получении новых изображений водяных знаков (получение абсолютно идентичной его копии) и вытекающий из этого положения запрет на ручное копирование контура, так широко распространенное в отечественном филиграноведении. Это объясняется не только неизбежными погрешностями при ручном калькировании, но и пристальным вниманием в этом проекте к деталям знака, позволяющим учитывать парные формы и сравнивать структуру всей сетки, а также принципиально большими возможностями, которые дает компьютер при работе с филигранями: высокое разрешение

изображения, возможность не только визуального, но и компьютерного сравнения знаков, автоматический поиск знаков с заданными параметрами. Апробировалось несколько методов получения изображения. Наиболее признанный зарубежными исследователями метод бета-радиографии помимо достоинств (высокого качества изображения знака, отсутствие нанесенного на его поверхность строк текста, сохранение масштаба) имеет и недостатки. Он недешев: время экспозиции, необходимое для получения изображения, занимает несколько часов. Поэтому мы разработали собственный метод сканирования филиграней: дешевый, безвредный для рукописи, требующий минимального количества времени и трудозатрат. Мы впервые решили использовать при сканировании специальное устройство, применяемое в зарубежной реставрационной практике: Slimlight. Оно представляет собой тонкую (1—2 мм), формата А4, пластину из оптического волокна, обладающего свойством при подключении к электричеству светиться абсолютно холодным и достаточно ярким светом. При размещении его под листом рукописи, находящейся в темном помещении, ярче всего окажется освещенной именно филигрань (наиболее тонкая часть подсвечиваемой бумаги). Используя холодный источник света и максимально бережно раскрывая рукопись, мы создаем оптимальные условия цифровой съемки с точки зрения сохранности предмета. Однако, учитывая холодный спектр источника основного света при съемке, использовать дополнительные фильтры оказалось невозможным. Поэтому в нашем распоряжении есть лишь компьютерные методы усиления контура филигранны и устранения «шумов». Обработка полученного цифрового изображения и его подготовке к вводу в базу данных ведется в программе Photoshop [Уханова, 2006].

Первыми в базу банных Отдела рукописей ГИМ были занесены филигранны преимущественно «листовых» точно датированных рукописей XIV в., а также части рукописей XV — начала XVI в. из рукописной коллекции Иосифо-Волоцкого монастыря (Епархиальное собрание). Эта обитель основана в 1479 г. выдающимся церковным деятелем 2-й половины XV — начала XVI в. преп. Иосифом Волоцким, в XVI в. она стала одной из крупнейших в России, местом царского богомолья. Ее библиотека представляет собой большой комплекс книг (более 700 манускриптов). Часть из них принесена первыми иноками, но уже в конце XV — начале XVI в. в монастыре был создан скрипторий, ставший одним из крупнейших в России. Данные водяных знаков позволяют отделить древнее ядро рукописей, принесенных в монастырь со стороны и характеризующихся бумагой с неоднородными водяными знаками, от первых книг, созданных уже в монастыре при игуменстве Иосифа Волоцкого. Многие из них написаны на бумаге со схожими водяными знаками. Первоначальное ядро этой коллекции является ценнейшим источником по истории средневековой мысли Древней Руси. Создание полной базы данных по рукописям монастырского скриптория позволит в будущем выявить

новые кодексы, вышедшие из монастыря, определить более точно связи и влияние этого книжного центра на русское средневековое общество.

В процессе совместной работы с нашими европейскими партнерами мы успешно адаптировали зарубежный опыт в данной области, предложили собственный новый метод получения цифрового изображения водяного знака, получили сотни таких изображений и частично ввели их в собственную базу данных. Однако в процессе интеграции русской части в европейскую базу данных национальная специфика создала и ряд проблем. Прежде всего это коснулось терминологии. С XIX в. в России часть терминов была заимствована из французского («филигрань», «вержер», «понтюзо»), поскольку после выхода в конце XIX в. четырехтомного альбома филиграней Брике Франция стала общепризнанным лидером в их изучении. Кроме того, русская терминология в классификации различных разновидностей филиграней развивалась самостоятельно на протяжении XX в. В новой же европейской базе данных первоначальные основные классификационные стандарты были английскими. Разработчики программы поставили своей целью создать многоязыковую БД, для чего поставили задачу разработки специальных национальных словарей терминологии. В процессе создания русского терминологического словаря мы не делали дословного перевода терминологического древа, которое уже существовало в БД, но принимали во внимание уже сложившиеся в русской науке дефиниции.

Разработка и создание локальных баз данных обычно не является конечной целью. Они все чаще превращаются в одну из составных частей сложных интегрированных информационно-аналитических систем. Совместная работа специалистов из разных стран, выработка единых стандартов терминологии и классификации знаков была направлена, в конечном счете, на создание единой распределенной базы данных, которая с недавнего времени представлена на портале «Bernstein». Проект «Bernstein — The Memory of Paper» — это европейский проект по изучению истории бумаги и экспертизы, который стремится объединить разрозненные собрания водяных знаков и сделать их общедоступными через Интернет-портал (www.memoryofpaper.eu). Он стартовал в 2006 г. с совместной работы девяти научных организаций из Австрии, Англии, Франции, Германии, Италии и Голландии. «Bernstein» базируется на программе eContentPlus, которая разрабатывалась с 2006 по 2009 г. [Bull's Head and Mermaid, 2009; Wenger, Karnaukhov, Oukhanova, 2009]. Основной задачей проекта стало объединение баз данных водяных знаков, находящихся в Интернете онлайн, и стимулирование создания новых. Его конкретной целью было создать цифровую среду для интеграции разнородного контента разных баз данных и инструментов для его обработки. Необходимо подчеркнуть, что ни одна из баз данных не хранится на портале, но размещена исключительно на сайте той организации, которой она принадлежит. Портал «Bernstein» осуществляет лишь доступ к ним и корректный всеобъемлющий поиск одновременно по всему массиву водя-

ных знаков, представленных онлайн, а также ряд дополнительных опций. Круг потенциальных пользователей распределенной базы данных, представленной на портале «Bernstein», широк: это работающие в разных областях исследователи-медиевисты, хранители средневековых рукописей, библиотекари, аукционеры, коллекционеры, изготовители бумаги.

В сегодняшней версии «Bernstein» объединил онлайн около двух десятков европейских исследовательских центров, которые представляют около 220 000 филигранных, и опубликовал библиографический каталог (31 000 работ). К сожалению, на момент создания портала «Bernstein», несмотря на предшествующее тесное сотрудничество в этой области с западноевропейскими коллегами, база данных Отдела рукописей ГИМ не была представлена в Интернете онлайн. Поэтому на первом этапе проекта «Bernstein» мы не принимали непосредственного участия в нем, ограничившись уточнением классификации филигранных и терминологии для их описания и представления в БД, а также переводом интерфейса портала и терминологических словарей на русский язык (Е.В. Уханова).

Ядро проекта образовано базами данных водяных знаков, сделанными тремя крупными научными учреждениями. Самой большой коллекцией в проекте «Bernstein» первоначально были оцифрованные изображения рисунков филигранных из собрания немецкого исследователя Ж. Пиккара, хранящиеся в Институте Пиккара в Штутгарте. Недавно она была присоединена к общенемецкой базе данных WZIS, и теперь этот объединенный ресурс содержит 130 000 филигранных. Три другие базы данных на портале «Bernstein» (WILC, WIGB, WIES) созданы сотрудниками Королевской библиотеки Нидерландов в Гааге и содержат данные водяных знаков бумаги инкунабул из разных фондохранилищ Европы. Филигранные инкунабул Нидерландов (WILC) насчитывают более 16 000 знаков, филигранные инкунабул Великобритании (WIGB) — 1249 знаков, филигранные инкунабул Испании (WIES) — 5867 знаков. Изображения в этих коллекциях получены как при помощи метода бета-радиографии, так и предшествующего ему метода притирания. Коллекция «Medieval Watermarks», созданная Комиссией по палеографии и кодикологии средневековых рукописей Австрийской АН в Вене (WZMA), насчитывает на сегодняшний день почти 16 000 знаков, полученных при помощи бета-радиографии. Нужно отметить и коллекцию филигранных с рисунков на бумаге из Голландского института Истории искусства во Флоренции. На сегодняшний день в их базе данных (NIKI) на портале «Bernstein» доступно более 2500 изображений филигранных, полученных с бумаги произведений Рембрандта, Фра Бартоломео и др. В 2014 г. к порталу присоединены еще семь европейских баз данных: каталог Брике, более 16 000 знаков которого отсканировано и помещено в Интернет силами Австрийской АН, и ряд более мелких коллекций. В том же году на портале «Bernstein» наконец появилась и пробная версия базы данных Отдела рукописей ГИМ.

Портал состоит из пяти компонентов: Каталога, Атласа, Библиографии, Экспертизы и Программного обеспечения (КИТ). Каталог обеспечивает поиск водяных знаков по ключевому слову (или символическому изображению типа знака) и/или метрическим параметрам знака или его отдельных частей. Результат поиска представлен как список с основными общими характеристиками каждого знака, небольшим изображением и интерактивной ссылкой, позволяющей находить его полное изображение и характеристику в той базе данных, в которой он был найден. Атлас позволяет создавать карты с распределением бумаги с той или иной филигранью по месту и времени употребления. Библиография, подготовленная сотрудниками голландской Королевской библиотеки, содержит более 31 000 библиографических записей публикаций об истории, технологии, социальном, коммерческом и других аспектах бумаги домашнего производства. Компонент «Экспертиза» содержит программные инструменты для выгрузки и измерения водяных знаков. Раздел «КИТ» позволяет загрузить разработанные в проекте «Bernstein» готовые к использованию программы и данные, что дает пользователю или организации возможность создать свою собственную базу данных филиграней. Эта мобильная и бесплатная опция рассчитана на владельцев удаленных или маленьких коллекций, а также на организации, не имеющие своих программистов, для создания баз данных филиграней и их загрузки online в любых условиях. В разделе «КИТ» также находятся данные всех участников проекта с указанием их официальных сайтов. Подавляющая часть исследований водяных знаков опубликована на шести языках: французском, русском, немецком, английском, испанском и итальянском. Поэтому распределенная база данных «Bernstein» поддерживает эти шесть языков. Терминология и классификация сюжетов филиграней унифицирована и стандартизирована на шести выбранных языках с тем, чтобы обеспечить доступ ко всем объединенным данным. Выработка общей терминологии и классификации на сегодняшний день не закончена и продолжается силами европейских экспертов.

На современном этапе в Отделе рукописей ГИМ уже оцифровано более 2000 водяных знаков, около 500 из них загружены в базу данных. Мы используем программное обеспечение на базе MySQL, специально разработанное для наших австрийских коллег В.Н. Карнауховым (ИППИ РАН). Наши дальнейшие практические работы будут связаны с увеличением этой базы данных, а также уточнением классификации филиграней и работой над русским переводом терминологических словарей. Однако первоочередной нашей задачей на данном этапе является полноценная визуализация БД на сайте ГИМ и размещение ее там онлайн. На сегодняшний день ее загрузка на портал «Bernstein» ведется вручную, для чего программисты ГИМ архивируют ее данные и выкладывают на уже созданную специально для нашего проекта страничку на портале музея «Историческое изучение бумаги» (<http://www.shm.ru/issledovatelyam/istoricheskoe-izuchenie-bumagi/>),

а обслуживающие портал «Bernstein» программисты открывают архив и загружают данные в находящуюся там базу данных ГИМ (SHM).

С технической точки зрения создание онлайн-версии базы данных водяных знаков Отдела рукописей на портале музея с постоянно обновляемым контентом — единственное современное решение ее представления для исследователей и рядовых посетителей музея. Оно позволяет создать аналог современным европейским базам данным и стать полноценной составной частью ведущего в этой области европейского научного проекта «Bernstein — The Memory of Paper». Однако это ставит задачу подготовки специального интерфейса силами программистов ГИМ и, по сути, создания отдельного сайта для отображения карточек базы. Придется решать и распространенную проблему постоянного приведения в соответствие версий программного обеспечения музея и общего портала, в данном случае «Bernstein», иначе могут возникнуть ошибки в загрузке созданных карточек в общую базу. Стоящая перед нами задача визуализации БД на сайте ГИМ предполагает решение не только технических, но и методологических вопросов, поскольку музейная специфика предполагает учет интересов посетителей и самого музея.

О необходимости представления музейных баз данных в Интернете давно идут споры. С одной стороны, это акт популяризации произведений искусства, предоставление возможности рядовому пользователю без непосредственного посещения музея увидеть то, что хранится в его фондах, и составить свое представление о том, чтобы он хотел увидеть во время своего визита в музей. Исследовательская польза такой работы тоже очевидна: пройдя краткую регистрацию, исследователь получает возможность работать с необходимыми ему документами и артефактами, не выходя из дома. По сути, мы имеем возможность создать исследовательское пространство, объединяющее ученых разных городов и стран, и даем им доступ к необходимым для работы материалам. В то же время практически у каждого музея существует внутренняя рабочая база данных с уникальными изображениями и сведениями о музейных предметах, часть информации о которых предназначена только для служебного пользования.

Прежде чем создавать веб-страницу для базы данных или коллекции на сайте музея, нужно решить, на кого мы ориентируемся в этой публикации: на «продвинутых» специалистов, которые совершенно точно знают, что они ищут и для чего будут это использовать, или же на широкий круг посетителей, которые, зацепившись взглядом за красивые картинки, увиденные на странице музея, решили остаться и изучить предмет повнимательнее. В первом случае (к нему относится большинство баз данных, представленных на портале «Bernstein») разрабатывается собственный интерфейс для коллекции и выкладывается в Интернет вся база, снабженная механизмом простого поиска по тематике, времени создания и некоторым другим параметрам. Такой ресурс — отличный инструмент для исследования базы данных водяных знаков и для работы с ней профессионалов. По сути,

музей выгружает на сайт часть своей базы данных с теми же полями, которые используются внутри музея для работы, что не придает базе данных «привлекательности» для непрофессионалов, но в то же время является прекрасным решением для тех, кто хочет использовать загруженный материал в исследовательской работе. Вторым вариантом можно назвать более «медийным»: это создание на сайте музея отдельной страницы с просветительскими и обучающими материалами — подробным описанием проекта, ссылками на страницы партнеров, описанием истории как самого проекта, так и наиболее интересных знаков, изложение истории средневековой бумаги и выполненных на ней рукописей, миниатюр, документов и т. п. Это позволяет привлечь не только профессионалов в этой области, но и тех, кто сталкивается с изображениями водяных знаков впервые и, попав на страницу (возможно, случайно), остается там или сохраняет себе ссылку на нее для дальнейшего изучения. Такое представление базы данных подходит не только для работы профессионалов, но и для популяризации отдельного проекта и самой идеи оцифровки и загрузки в сеть объектов культурного наследия для того, чтобы с ними могли ознакомиться все, независимо от наличия или отсутствия у них доступа к оригиналам.

На портале ГИМ мы решили остановиться на втором варианте и разместить на сайте полную информацию о проекте в разделе «Исследователям». Пока идет разработка форм визуализации базы данных, можно ознакомиться с историей проекта, посмотреть наиболее интересные филигранные, перейти по ссылке к ресурсам портала «Bernstein». Здесь же пока лежат архивированные файлы для загрузки на этот портал. Конечно, при работе над базой данных онлайн существуют технические сложности: проблема ее объема и наличия места на хостинге, вопросы о том, как часто к ней будут обращаться пользователи, как обеспечить доступ к записям, представляющим собой научный материал, как согласовать поля форм и карточек с теми, что представлены на портале «Bernstein», и проч. На сегодняшний день файлы лежат в открытом доступе для тестирования и улучшения скорости выгрузки коллегами с этого портала. В дальнейшем планируется для получения полного доступа использовать «вход через личный кабинет». Регистрация не требует большой затраты времени (достаточно ввести почтовый адрес и придумать пароль), зато позволяет отметить необходимые рассылки и подписаться на получение новостей о наиболее интересных событиях, планируемых и уже проводимых в музее. Это позволяет также установить некоторую «обратную связь»: мы видим с помощью записей о регистрации, как пользователи приходят на портал и удобно ли им работать с предоставленной информацией.

Отдельно следует упомянуть о том, что все изображения выкладываются в непригодном для печати и коммерческого использования разрешении и качестве, что защищает музей от того, что эти изображения будут использованы без его ведома в коммерческих целях. Контакты сотрудников музея, указанные при регистрации и на соответствующих стра-

ницах веб-сайта, дают возможность связаться с ними для получения более подробных консультаций и решения вопросов использования в публикациях материалов, выложенных на сайте.

Работа над визуализацией этого проекта на сайте ГИМ продолжается, и мы надеемся, что скоро все обработанные материалы займут свои места. Это также позволит перейти от временного размещения архивированных данных на музейном портале к полноценному представительству ГИМ на международном портале «Bernstein». Присоединение к общеевропейскому portalу первой российской базы данных с оцифрованными изображениями водяных знаков открывает новый этап в отечественном филиграноведении. Новые оцифрованные данные позволят российским исследователям и хранителям использовать справочный материал, полученный из отечественных рукописей, что увеличивает точность датировок и отождествлений. Настоящий проект позволил Историческому музею стать полноправным партнером ведущих участников европейского научного и музейного сообщества, лидером в этой области среди отечественных хранилищ и научных институтов и открыл доступ к самым современным методам изучения средневековой бумаги и ее экспертной оценке.

Библиография

Герасимов А.А. Филигранные семнадцатого века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М.: Изд. АН СССР, 1963. 260 с.

Дианова Т.В. Филигранные XVII–XVIII вв. «Голова шута». М., 1997. (Труды ГИМ. Вып. 94).

Дианова Т.В. Филигранные XVII–XVIII вв.: «Герб города Амстердама». М.: ГИМ, 1998. 168 с.

Дианова Т.В. Филигранные XVII века по старопечатным книгам Украины и Литвы. М.: ГИМ, 1993. 192 с.

Дианова Т.В. Филигрань «кувшин» XVII в. М.: ГИМ, 1989. 80 с.

Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Филигранные XVII века по рукописным источникам ГИМ. М., 1988. 246 с.

Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959. 152 с.

Клепиков С.А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М.: Наука, 1978. 238 с.

Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Т. I–III. СПб.: Типография В.С. Балашев и К°, 1899.

Уханова Е.В. Компьютерные базы ОР ГИМ: принципы работы и перспективы развития // Археографический ежегодник. 2004. М., 2006. С. 79–96.

Эрастов Д.П. Бета-радиографический метод воспроизведения филиграней с документов // Новые методы реставрации документов и книг. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. С. 139–148.

Эрастов Д.П. Бета-радиография в исследовании филиграней // Филигранологические исследования. Теория, методика, практика. Л.: БАН, 1990. С. 53–55.

Briquet Ch. M. Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Vol. I-IV. Paris 1907.

Bull's Head and Mermaid: The History of paper and Watermarks from the Middle Ages to the Modern period / Edited by: Ръскерт Р., Нодек С., Венгер Е. Stuttgart—Wien, 2009.

Karnaukhov V., Haidinger A., Karnoukhov A., Oukanova E., van Thienen G., Wenger E. Application Software for Multilanguage Support of Distributed Databases / Ред. Куйбышев Л., Браккер Н. // EVA '02 Proceedings New Information Technologies in the Cultural Area in the New Millennium. Moscow, 2002. P. 162—167. (на рус. и англ. яз.).

Mošin V. A., Tralji S. M. Filigranes des XIIIe et XIVe ss. Vol. I-II. Zagreb 1957.

Piccard G. Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch I-XVII, W. Kohlhammer, Stuttgart, 1966—1987.

Uchastkina Z.V. A history of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum, 1962 (Monumenta Chartae Papyraceae Historiam Illustrantia IX).

Wenger E., Karnaukhov V., Merzlyakov N., Haidinger A., van Thienen G., Oukanova E., Erastov D. A Distributed Database and Processing System for Watermarks: an INTAS Project / Ред. Куйбышев Л., Браккер Н. // EVA '01 Proceedings New Information Technologies in the Cultural Area in the New Millennium, Moscow, 2001. P. 200—206. (на рус. и англ. яз.).

Wenger E., Karnaukhov V., Oukhanova E. Bernstein —The Memory of Paper A Multilingual Portal for Watermark Research // Information Society Technologies and Culture, EVA '09. Moscow, 2009. CD-ROM.

УДК 930.2

Л.Б. Сукина, L.B. Sukina

О ПРИНЦИПАХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПАМЯТНИКОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЙ

On Principles of the Archeographic Description in Historical Study of Monuments of Art Culture of Russian Middle Ages from Museum Collections

Аннотация: в последнее время в исторических исследованиях русского средневековья в качестве источников все чаще рассматриваются памятники художественной культуры из музейных собраний. В статье анализируется проблема корректного археографического описания этих источников в соответствии с общепринятыми стандартами оформления результатов научной деятельности. Приводятся примеры возможных формуляров таких описаний.

Abstract: Recently in historical studies of Russian Middle Ages as sources with increasing frequency artistic monuments from museum meetings collections. In the article is analyzed the problem of the correct archeographic description of these sources

in accordance with the generally accepted standards of the formulation of results of scientific work. Examples of the possible service records of such descriptions are given.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, источниковедение, археография, историческое исследование, музейное собрание, памятник художественной культуры, источник, принципы описания, информация.

Keywords: historical science, museum study, source study, archeography, historical research, museum collection, monuments of artistic culture, source, principles of the description, information.

В последние годы, во многом под влиянием школы «Анналов», в отечественных исследованиях русского средневековья, особенно связанных с проблемами исторической антропологии, все чаще в качестве исторических источников рассматриваются художественные памятники из музейных собраний. При этом возникает проблема их корректного археографического описания в соответствии с общепринятыми стандартами оформления результатов научной деятельности. Автор настоящей статьи столкнулся с такой проблемой в процессе работы над докторской диссертацией [Сукина, 2013], что привело к необходимости методического осмысления принципов и подходов к археографии памятников художественной культуры, находящихся на хранении в музеях или в их ведении.

Источниковедческое исследование произведений искусства и архитектуры с неизбежностью приводит к констатации факта, что для археографического описания вещественных и изобразительных источников не вполне подходят правила и стандарты, принятые для письменных источников [Правила издания исторических документов в СССР, 1990; Методическое пособие по археографии, 1991].

К сожалению, в силу известных причин не был реализован масштабный проект, задачи которого были сформулированы в Постановлении Совмина РСФСР от 20.11.1987 г. № 447 «Об издании Свода памятников истории и культуры РСФСР», в процессе работы над которым могли быть сформированы и апробированы описания источников различных типов и видов. Подходы к решению данной задачи намечены в изданных в рамках проекта методических рекомендациях и материалах [см., например: Методические рекомендации по составлению «Материалов Свода...», 1987; Материалы Свода, 1978].

Несомненно, между письменными источниками и источниками других типов существует принципиальное сходство — все они являются результатами деятельности ушедшего в прошлое человеческого сознания. Но способы фиксации в них информации и ее извлечения принципиально различны. Они отличаются и технологией изготовления, и формой бытования в культуре. Например, памятники архитектуры и изобразительного искусства, в силу характера их использования, в процессе существования часто подвергаются гораздо более серьезным изменениям, чем письмен-

ные источники. Гуманитарными дисциплинами, занимающимися изучением архитектуры и искусства (искусствоведение, история архитектуры). также выработаны определенные методы описания памятников, в которых заложены рациональные принципы фиксации существенных сторон описываемых объектов и логической последовательности представления информации о них, что должно быть учтено при выработке подходов археографического оформления публикации данных источников.

В связи с тем что в собраниях и в управлении музеев находятся памятники архитектуры, произведения монументальной живописи и иконописи, парсуны и раннего портрета, а также книжные миниатюры, предлагается применить четыре различных подхода к их описанию, соответствующих принятым в археографии требованиям включения информации, представляющей наибольший интерес для исследователей.

Описание памятников архитектуры. В описании памятников архитектуры в последние десятилетия в отечественной практике был накоплен большой опыт. Этому способствовала работа по созданию Свода памятников архитектуры и монументального искусства СССР, которая началась по инициативе и под руководством И.В. Маковецкого и О.А. Швидковского в 1967 г. и продолжается до сих пор под эгидой специального отдела Государственного института искусствознания Минкультуры России уже в рамках территории Российской Федерации [Стерлигов, 2011]. Основу каталожных описаний составили «паспорта» — документы для постановки зданий на государственную охрану, оформлявшиеся на местах региональными органами охраны памятников.

Публикация результатов исследований началась в 1970-е гг. с издания каталога памятников архитектуры Московской области, где давались описания всех охраняемых государством, а также предполагавшихся к постановке на учет архитектурных сооружений [Памятники архитектуры и монументального искусства..., 1975]. В настоящее время эта работа в Московской области продолжается изданием отдельных выпусков по районам Подмоскovie [Подъяпольская, Смирнов, 2009]. Каталогное описание каждого архитектурного объекта состоит из его краткой характеристики с указанием даты сооружения, авторства (если оно известно), архитектурно-художественных особенностей, сопровождается фотографией его общего вида и современным планом.

С начала 1980-х гг. издаются тома «Памятников архитектуры Москвы» (под редакцией Г.В. Макаревича, Б.Л. Альтшуллера, В.И. Балдина и др.), посвященные исторически сложившимся территориям города [см., например: Кремль. Китай-город. Центральные площади, 1982]. Они включают аннотированные каталоги архитектурных сооружений. Каждый объект представлен в общем контексте истории формирования, заселения, планировки и застройки района. Каждому исторически сложившемуся участку города предпослана общая статья, характеризующая

особенности его архитектурно-планировочного развития. Кроме современных фотографий и планов памятников каталог включает архивные материалы: чертежи, рисунки, гравюры, старые фотографии, позволяющие реконструировать историю бытования архитектурной постройки в городской среде. К каталогу прилагается список основной литературы и источников по каждому памятнику, топографический указатель.

Наконец, с 1997 г. публикуются материалы самого «Свода памятников архитектуры и монументального искусства России». В основу издания положен региональный принцип местонахождения памятников с учетом современных границ областей и краев Российской Федерации [см., например: Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область, 1997]. В каталожных статьях, посвященных отдельным архитектурным постройкам, указаны место их расположения, автор (если известен), дата создания, дается историческая справка и описание внешнего облика и состояния сохранности. Каталогная информация иллюстрируется натурными и архивными фотографиями и обмерными архивными чертежами. Каждый том издания снабжен типологическим (дающим представление об основных исторических типах архитектурных сооружений), географическим и именным указателями.

В процессе публикации материалов «Свода» сложилась система описания памятника архитектуры, удовлетворяющая профессиональные интересы архитекторов и искусствоведов и содержащая основную известную на сегодняшний день информацию о памятнике. Но для целей исторического исследования, в котором памятники архитектуры анализируются в качестве вещественных исторических источников, такая форма представляется избыточной (особенно в части стилистического описания объекта с указанием его архитектурных особенностей).

Поэтому мной была избрана каталожная форма, включающая в себя следующие необходимые элементы, отвечающие задачам археографической характеристики источника: наименование и краткое описание памятника, место его нахождения (город), автор (если известен), дата сооружения, основная литература. Сохранность памятника указывается только в тех случаях, когда он сильно изменился за время бытования или находится в руинированном состоянии.

Образец описания: Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву (собор Василия Блаженного). Москва. Барма и Постник (Постник Яковлев по прозвищу Барма; неизвестный итальянский зодчий) (?). 1551–1561 гг. *Литература:* Брунов Н.И. Храм Василия Блаженного в Москве. Покровский собор. М., 1988; Баталов А.Л., Успенская Л.А. Собор Покрова на Рву (Храм Василия Блаженного). М., 2002.

Описание произведений иконописи. Методика описания произведений иконописи складывалась в музейной и исследовательской практике на протяжении всего XX в., с тех пор как иконы стали коллекционировать и из-

учать в качестве произведений искусства. Основу научного описания составили инвентарные карточки, в которых фиксировались название, размеры, материал и техника, происхождение и сохранность икон, поступавших на хранение в государственные художественные и исторические музеи. Форма описания была со временем стандартизирована и предписана соответствующими инструкциями руководящих органов системы науки и культуры.

Научно-методический опыт описания произведений иконописи был обобщен в начале 1960-х гг. составителями ставшего на многие годы образцовым каталога древнерусской живописи из собрания Государственной Третьяковской галереи В.И. Антоновой и Н.Е. Мневой [Антонова, Мнева, 1963].

В 1960–1970-х гг. на волне научного и публичного интереса к древнерусскому искусству организуются выставки иконописи с изданием каталогов и публикуются исследования, посвященные региональным «школам» и известным иконописцам (Андрею Рублеву, Феофану Греку, Дионисию, Симону Ушакову). Первоначально составители каталогов ограничивались преимущественно «карточечными» данными о произведениях, что объяснялось не столько недостатком предшествующего опыта, сколько идеологическими условиями времени [Ямщиков, 1968; Корина, 1974, и др.]. Специфика произведений иконописи как исторических источников и особенности извлечения из них значимой для исторической науки информации раскрыты в работах В.А. Плугина [см., например: Плугин, 1974]. С середины 1970-х гг. в процессе развития методик исследования и публикации памятников иконописи и изменений отношения к древнерусскому искусству описания отдельных произведений становятся все более пространными, включая в себя сюжет и иконографию [Смирнова, 1976; Смирнова, Лаурина, Гордиенко, 1982, и др.]. В таком формате описания были заинтересованы не только специалисты (искусствоведы, историки, реставраторы, музейщики), но и многочисленные посетители выставок и музейных экспозиций, интересующиеся древнерусской культурой.

Новая форма описания закрепилась после издания каталога юбилейной выставки, посвященной 1000-летию принятия Русью христианства, объединившей силы ведущих исследователей древнерусского искусства и хранителей музейных коллекций [1000-летие русской художественной культуры, 1988]. В настоящее время эта форма является преобладающей. Она присутствует в каталогах музейных собраний [Древнерусское искусство X – начала XV века, 1995, и др.], в том числе выходящих в масштабной серии «Древнерусская живопись в музеях России» [Вахрина, 2006; Быкова, Гладышева, Горматов, 2008; Петрова, 2008, и др.] и крупных выставок иконописи [Иконописцы царя Михаила Романова, 2007; Святая Русь, 2011; и др.]. Одновременно, преимущественно в приложениях к монографиям, используется и краткая форма описания произведений иконописи.

В исторических исследованиях представляется оптимальной также краткая форма описания произведений иконописи, как наиболее соответствующая жанру научной штудии и археографии изобразительных источников и исключая подробную характеристику сюжета и иконографии. Она включает в себя только наиболее важные элементы: название произведения, его происхождение или автор (если известен), датировка, материал и техника исполнения, размеры, место и шифр хранения (для неопубликованных икон), основные издания, в которых публиковалось данное произведение.

По этой же форме могут описываться произведения портретной живописи и парсуны XVII в., иконографически, стилистически и по технике исполнения близкие к иконописи.

Образец описания: Икона. Троица. Симон Ушаков. 1671 г. Доска, паволока, левкас, темпера. 129 × 44 (см). Государственный Русский музей. Санкт-Петербург. *Литература:* Ананьева Т.А. Симон Ушаков. Л., 1971. С. 8.

Описание произведений монументальной живописи. Составление археографических описаний памятников русской монументальной храмовой росписи XII—XX вв. как изобразительных источников требует особого подхода. При его выработке предполагается использовать опыт отечественного искусствознания и реставрационного дела.

В изданиях конца XIX — первой половины XX в. по истории древнерусского монументального искусства описания его памятников сводились к подписям под иллюстрациями, содержащими обозначение сюжета, название храма и датировку [Покровский, 1892; Михайловский, Пуришев, 1941, и др.]. Иные задачи возникли перед исследователями и реставраторами монументальной живописи во второй половине 1940-х гг. в связи с необходимостью восстановления стенописей храмов, серьезно поврежденных или разрушенных в годы Великой Отечественной войны. Были актуализированы архивные материалы, включавшие фотографии утраченных росписей, копии, выполненные художниками, обмерные чертежи, описания, публикации в дореволюционных церковно-археологических и краеведческих изданиях. С этого времени традиционными стали выставки копий и фрагментов монументальной живописи, каталоги которых задали первые стандарты научного описания этого вида памятников [Древняя монументальная живопись народов СССР, 1947; Каталог собраний копий древнерусских стенных росписей, 1948; Древнерусские фрески. Выставка копий..., 1965; Древнерусские стеновые росписи в рисунках начала XX века из собрания Эрмитажа, 1977; Древнерусские фрески. Копии из собрания Государственного Русского музея, 1983, и др.]. Авторы-составители каталогов, среди которых преобладали искусствоведы, ориентировались на складывавшуюся в это же время практику описания произведений иконописи. В качестве дополнительной информации чаще всего указывалось место расположения той или иной композиции в интерьере храма (абсида, купол, трибун, стена, свод и т. п.).

В дальнейшем развитие методики описания монументальных росписей сопровождало развертывание в 1960–1980-х гг. масштабных реставрационных работ фресковых комплексов храмов Новгорода, Пскова, Ростова Великого, Ярославля, Костромы, Вологды, Ферапонтова. Составление реставрационных паспортов памятников требовало более подробной и расширенной информации, включающей атрибуцию памятников, состояние их сохранности, схемы росписей, воспроизведение надписей, наличие копий и фотографий, основную библиографию и перечень письменных источников. Этот принцип описания нашел применение и в изданиях, целью которых была публикация и исследование наиболее значительных памятников монументального искусства. Например, тщательный подход к описанию публикуемых фресок характерен для работ известного исследователя монументальной живописи Новгорода и Пскова Л.И. Лившица [Лившиц, 1987]. Исчерпывающей полнотой и фундаментальностью отличаются описания фресок церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода, выполненные Г.И. Вздорновым [Вздорнов, 1989].

В конце XX — начале XXI в., когда интерес исследователей распространился на монументальные храмовые росписи XVIII–XX вв. и стали решаться задачи их каталогизации, в описание включается еще один обязательный элемент — техника, в которой выполнены стенописи [см., например: Алитова, Никитина, 2008]. В отличие от древнерусских росписей, в более позднее время в стенописях храмов использовалась не только фреска, но и альсекко, клеевая и масляная живопись. Эти же техники нередко применялись при антикварной реставрации или поновлении древнерусских памятников.

Задачи исторического исследования не предусматривают полного и развернутого описания памятников, принятого в реставрационных паспортах и каталогах реставрационных выставок фрагментов и копий фресок. Поэтому историк, на мой взгляд, может ограничиться кратким перечнем важнейших археографических признаков, включающих: заголовок, содержащий наименование сюжета, указание месторасположения композиции в храме (исторически сложившееся и/или посвяtitельное название храма указывается в обязательном порядке) и определение техники росписи, имя автора (если известно), дату создания, краткую библиографию.

Образец описания: Спас Вседержитель. Фреска в куполе Троицкого собора Данилова монастыря в Переславле-Залесском. Сила Савин (?). 1662 г. *Литература:* Брюсова В.Г. Гурий Никитин. М., 1982; Суки-на Л.Б. Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском. М., 2002.

Описание книжных миниатюр. Исследование древнерусских миниатюр всегда содержало в себе элемент источниковедческого анализа. Их описание еще в XIX в. приближалось к археографическим стандартам, применяемым к историческим источникам. Вместе с тем изучением ми-

ниатюр занимались специалисты различных гуманитарных профилей (филологи, историки, искусствоведы), предъявлявшие неодинаковые требования к информационному наполнению и формату описания.

Первыми интерес к книжной миниатюре проявили еще в XVIII в. издатели древнерусских летописей, но задумываться над аннотированием ее воспроизведений или упоминаний стали только представители русской историко-филологической школы XIX в., для которых главной задачей описания стала датировка изображения и определение его сюжета и иконографии. Это подход использован в фундаментальных работах Ф.И. Буслаева и Е.В. Петухова, посвященных лицевым рукописям [Буслаев, 1884; Петухов, 1895]. В конце XIX — начале XX в. в трудах историков древнерусского искусства Н.П. Кондакова, Д.В. Айналова, Е.К. Редина, находившихся под определенным влиянием Ф.И. Буслаева, учитывались также технико-технологические особенности миниатюр [Айналов, 1908; Кондаков, 1906; Редин, 1902]. Эти традиции описания миниатюр были поддержаны и в обобщающей работе М. Владимиров (М.В. Алпатова) и Г.П. Георгиевского о древнерусской миниатюре — одном из немногих трудов по русскому средневековому искусству в советской историографии довоенного времени [Владимиров, Георгиевский, 1933].

Возвращение интереса к русской книжной миниатюре во второй половине XX в. совпало с возобновлением и развитием исследований по древнерусской культуре в целом и по отдельным ее отраслям. В это время изучение книжной миниатюры приобретает междисциплинарный характер, обусловленный ее спецификой. Древнерусская книжная миниатюра рассматривается историками (А.В. Арциховский, О.И. Подобедова, С.О. Шмидт и др.) как исторический источник, филологами (О.А. Белоброва, Д.С. Лихачев и др.) — как неотъемлемая часть литературного текста, искусствоведами (Г.И. Вздорнов, Г.В. Попов, О.С. Попова, Э.С. Смирнова и др.) — как явление средневековой художественной культуры [Черный, 2004]. Одновременно формируется традиция описания миниатюр, учитывающая различные их стороны, существенные для разных отраслей гуманитарного знания.

В результате сложились два типа описаний миниатюр. Один из них применяется в подробных каталогах собраний и выставок лицевых книг и содержит исчерпывающую информацию о самой миниатюре (атрибуцию с датировкой, именем автора или принадлежностью к определенной школе, размерами изображения и его технико-технологическими характеристиками, воспроизведением и расшифровкой надписей) и книге, в которой она находится (археографический стандарт описания) [Открытие св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции, 1995; Лицевые рукописи XI—XIX веков, 2010, и др.].

Второй тип описаний используется в научных исследованиях. Он включает лишь основные краткие данные, суммирующие наиболее существенные свойства миниатюры и кодекса: заголовков, в котором опреде-

ляется сюжет изображения, название книги и ее датировку, место и шифр хранения, номер листа [Попов, 2009]. Если книга и миниатюра имеют разные датировки, то в описание включаются две даты (одна — после описания миниатюры, другая — после описания рукописи). Для исторического научного исследования больше подходит второй тип описания книжной миниатюры. К нему, соблюдая принцип единства формы археографического описания художественного памятника, необходимо добавить лишь указание на основную литературу, если миниатюра ранее публиковалась.

Образец описания: Христос Вседержитель. Миниатюра синодика. Ярославль. 1670—1680-е гг. Бумага, чернила, темпера. 4. Государственная Третьяковская галерея. Инв. МК-9. *Литература:* Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Лицевые рукописи XI—XIX веков. М., 2010. Кн. 1 (Лицевые рукописи XI—XVII веков). С. 415; 418.

Как видим, богатый опыт изучения и каталогизации художественных памятников из музейных собраний, накопленный различными гуманитарными науками, позволяет выделить некоторые общие принципы археографического описания архитектуры и изобразительных источников и приблизиться к модели их корректной характеристики в историческом исследовании. При этом необходимо учитывать и подчеркивать специфические черты источников различных видов. В дальнейшем, при расширении практики использования художественных памятников в качестве исторических источников, несомненно, будут развиваться и совершенствоваться подходы к их археографии.

Библиография

Айналов Д.В. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.: Императорская Академия наук, 1908. Кн. 2. 385 с.

Алитова Р.Ф., Никитина Т.Л. Церковные стенные росписи Ростова Великого и Ростовского уезда XVIII — начала XX века: Каталог. М.: Северный паломник, 2008. 603 с.

Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в. Опыт историко-художественной классификации: В 2 т. М.: Искусство, 1963. Т. 1. 394 с.; Т. 2. 570 с.

Буслаев Ф.И. Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й: В 2 т. СПб.: Синодальная типография; Типография М.М. Стасюлевич, 1884. Т. I. 835 с.; Т. II. 252 с.

Быкова М.А., Гладышева Е.В., Горматюк А.А., Ефимова А.И., Нерсисян Л.В., Преображенский А.С., Тимофеева Т.П., Щенникова Л.А. Иконы Владимира и Суздаля. М.: Северный паломник, 2008. 648 с.

Вахрина В.И. Иконы Ростова Великого. М.: Северный паломник, 2006. 448 с.

Вздорнов Г.И. Волоотово. Фрески церкви Успения на Волоотовом поле близ Новгорода. М.: Искусство, 1989. 344 с.

Владимиров М. [Алпатов М.В.], Георгиевский Г.П. Древнерусская миниатюра. М.: Academia, 1933. 115 с.

Древнерусские стенные росписи в рисунках начала XX века из собрания Эрмитажа: Каталог временной выставки. Л.: Гос. Эрмитаж, 1977. 35 с.

Древнерусские фрески. Выставка копий фресок и фрагментов росписей / Гос. Русский музей. Л.: Гос. Русский музей, 1965. 17 с.

Древнерусские фрески. Копии из собрания Государственного Русского музея: Каталог. Л.: Гос. Русский музей, 1983. 44 с.

Древнерусское искусство X — начала XV века: Каталог собрания Государственной Третьяковской галереи. М.: Гос. Третьяковская галерея, 1995. 272 с.

Древняя монументальная живопись народов СССР. По материалам выставки в Московском Доме архитекторов. М.: Изд-во Академии Архитектуры СССР, 1947. 71 с.

Иконописцы царя Михаила Романова: Каталог выставки / Сост. В.А. Меньяло. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2007. 180 с.

Каталог собрания копий древнерусских стенных росписей / Гос. Русский музей. Л., 1948. 46 с.

Кондаков Н.П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906. 144 с.

Кремль. Китай-город. Центральные площади / Под ред. А.И. Комеча и В.И. Плужникова. М.: Искусство, 1982. 504 с.

Лившиц Л.И. Монументальная живопись Новгорода. М.: Искусство, 1987. 524 с.

Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Памятники культуры: Владимирская область. М.: б. и., 1978. 175 с.

Методические рекомендации по составлению «Материалов свода памятников истории и культуры народов РСФСР» / Авт.-сост. А.С. Давыдова, Д.Б. Павлов; НИИ культуры. М., 1987. 15 с.

Методическое пособие по археографии: В 2 ч. М.: ВНИИДАД, 1991. Ч. 1. С. 257.

Михайловский Б.В., Пуришев Б.И. Очерки истории древнерусской монументальной живописи. Вторая половина XIV — начало XVIII в. М.: Искусство, 1941. 280 с.

Памятники архитектуры и монументального искусства Московской области: Каталог в 2 т. / Сост. Альтшуллер Б.Л., Дьяконов М.В., Игнатъев Г.К. [и др.]. М.: Искусство, 1975. Т. 1. 381 с.; Т. 2. 373 с.

Петрова В.В. Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. М.: Северный паломник, 2008. 336 с.

Петухов Е.В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1895. 406 с. (Памятники древней письменности и искусства. Т. 108).

Плугин В.А. Мировоззрение Андрея Рублева. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1974. 164 с.

Подъяпольская Е.Н., Смирнов Г.К. Памятники архитектуры Московской области. М., 2009. Вып. 4. 320 с.

Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб.: Типография департамента Уделов, 1892. 564 с.

Попов Г.В. Рукописная книга Москвы. Миниатюра и орнамент второй половины XV—XVI столетия. М.: Индрик, 2009. 280 с.

Правила издания исторических документов в СССР. 2-е перераб. и доп. издание. М.: Главное архивное управление при СМ СССР, 1990. 180 с.

Редин Е.К. О некоторых лицевых рукописях «Шестоднева» Иоанна, экзарха болгарского // Журнал Московского археологического общества. М., 1902. № 19. Кн. 3. С. 71–90.

Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область: В 2 ч. М.: Наука, 1997. Ч. 1. 640 с.

Святая Русь: Каталог выставки / Отв. ред. Е.Н. Петрова, И.Д. Соловьева. М.: PALACE EDITIONS, 2011. 496 с.

Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII – начало XV в. М.: Наука, 1976. 392.

Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода. XV в. М.: Наука, 1982. 576 с.

Стерлигов А.Б. Свод памятников архитектуры и монументального искусства Российской Федерации // Интернет-журнал «Наше наследие». Электронный ресурс: <http://nasledie-rus.ru/podshivka/65011.php/> (дата обращения 03.12.2011).

Сукина Л.Б. Русское религиозное сознание второй половины XVI – XVII века: комплексное источниковедческое исследование. Дис. ... д-ра ист. наук. М.: РГГУ, 2013. 566 с.

Черный В.Д. Русская средневековая книжная миниатюра: Направления, проблемы и методы изучения. М.: РОССПЭН, 2004. 592 с.

Ямщиков С.В. Живопись Древней Карелии: Каталог выставки. М.: Советский художник, 1968. 51 с.

1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки / Науч. ред. А.В. Рындина. М., 1988. 448 с.

УДК: 902.654

П.В. Ижевский, Т.Д. Панова, Ю.А. Федотов, И.Н. Шейно
P.V. Izhevskij, T.D.Panova, J.A. Fedotov, I.N. Sheino

РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ МЕТАЛЛОВ В ОСТАНКАХ ЛЮДЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕТОДОВ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ИЗ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ)¹

The XRF-analysis of Metals in Bone Remains of Medieval People (On the Issue of Perfection Technique Data Mining from Museum Objects)

Аннотация: музеи как базовые элементы информационной инфраструктуры науки призваны не просто содействовать увеличению объема и разнообразия информации, но и способствовать совершенствованию ее качественных параметров,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект 13-06-00639 А «Исследование костных останков людей средневековья рентгенофлуоресцентным методом с целью определения содержания в них тяжелых металлов»).

проверке старых и выдвижению новых научных гипотез. «Элементарной частицей» процесса исторического познания часто становится артефакт — музейный предмет, извлечь из которого новую информацию можно, лишь применяя сложные методы исследования из других областей науки. В статье демонстрируются возможности рентгенофлуоресцентного метода. С его помощью были исследованы костные останки княгини Ефросинии и Евдокии Романовны Старицких, ребенка неизвестного пола 12 лет из захоронения последней и царицы Марфы Собакиной (жены Ивана Грозного), а также (для контроля) костные останки современной женщины, точно умершей не от отравления соединениями тяжелых металлов, — для проверки гипотезы об их отравлении. Гипотеза не подтвердилась.

Abstract: Museums as the basic units of information infrastructure are designed to not only help increase the volume and diversity of information, but also contribute to the improvement of its quality parameters, checking the old and the advancement of new scientific hypotheses. «Elementary particles» of historical knowledge often becomes an artifact - a museum object, from which to extract new information can only applying sophisticated research methods from other fields of science. This paper demonstrates the possibility of X-ray fluorescence method. We have studied bone remains of Efrosin'ya, Evdokiya Starickie, a child of 12 years from the crypt of princes Starickie, and queen Marfa Sobakina. As a control were investigated bone remains of a modern woman, who died not from poisoning by heavy elements. The hypothesis of the poisoning of the considered historical personalities was not confirmed.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, метод, гипотеза, музейный предмет, информация, рентгенофлуоресцентный метод, костные останки, средневековье.

Keywords: science of history, museology, method, hypothesis, museum object, information, X-ray fluorescence analysis, bone remains, 16th Century, family of princes Starickie, Marfa Sobakina, medieval times.

Музеи как базовые элементы информационной инфраструктуры исторической науки призваны не просто содействовать увеличению объема и разнообразия информации, ежедневно обрушивающейся на современника «стократной Ниагарой», но и способствовать совершенствованию ее качественных параметров, проверке старых и выдвижению новых научных гипотез. Этот постоянно протекающий процесс играет существенную роль в увеличении хронологической глубины социальной памяти. Участники процесса (историки, археологи, антропологи, сотрудники музеев и их добровольные помощники-энтузиасты) противостоят чрезвычайно опасному явлению — «информационной энтропии», ведущей в своем предельном выражении к культурной деградации личности и общества. При этом «элементарной частицей» процесса исторического познания часто становится артефакт — музейный предмет, извлечь из которого новую информацию можно, лишь применяя сложные методы исследования из других областей науки.

Так, в российской археологической практике исследования городских средневековых грунтовых кладбищ и некрополей в храмах занимают

значительное место. Но погребальный обряд, состояние останков и топография захоронений в храмах-усыпальницах древнерусских центров нечасто становятся предметом дискуссии в научной периодике. Возросший в последние десятилетия XX в. интерес к истории средневекового погребального обряда стал толчком к появлению ряда публикаций археологических данных по этим вопросам и в российской, и в европейской периодике [Панова, 1998; Панова, 1999; Рапова, 2009]. В них преимущественно рассматриваются вопросы, связанные с судьбами отдельных персонажей русской истории. На наш взгляд, представляют интерес данные о состоянии окружающей среды и условиях жизни в эпоху средневековья, позволяющие в ряде случаев «закрыть» белые пятна в истории России. Для их получения можно использовать химический, спектральный, рентгенофлуоресцентный, молекулярно-генетический и некоторые другие методы анализа. Они названы здесь в той последовательности, в какой их использовали в России при исследованиях древних погребений во второй половине XX — начале XXI в.

Мы остановимся на немногих исследованиях, проведенных с целью определения элементного состава останков людей русского средневековья, и фиксирующих их результаты публикациях. Поводом для проведения того или иного анализа часто служила гипотеза об использовании неорганических ядов (например, мышьяка, ртути и ее соединений) для отравления исторического лица. Помимо проверки криминальной гипотезы, анализ элементного состава останков позволяет судить о рационе питания, преобладавшем в период жизни данного лица, выявить, были ли у него заболевания, связанные с минеральным обменом веществ. Накопление данных об элементном составе костных останков с одновременным формированием базы данных об особенностях (в том числе геохимических) некрополя, антропологических характеристиках умерших, о других археологических артефактах, этнографических данных о традициях народа позволяет лучше понять различные аспекты жизни населения в исследуемый период [Крымова, Колкутин, Добровольская, 2007; Багашев, Московченко, Ражев, Пошехонова, 2012].

Одними из первых в России были проанализированы образцы костной ткани и волос из захоронений XVI в.: царя Ивана IV Грозного, его сыновей Ивана и Федора, князя Михаила Скопина-Шуйского. Погребения, находящиеся в Архангельском соборе Московского Кремля, были вскрыты и исследованы в 1963–1964 гг. [Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии, 1973]. Химический анализ останков удельного князя Дмитрия Шемяки (погиб в 1453 г.) позволил выявить в 1988 г. причину его смерти — отравление мышьяком [Янин, 1988]. В результате атомно-абсорбционного спектрального анализа были обнаружены высокие концентрации ртути в тесьме волосника (женского головного убора), обрывке савана и в кости скелета великой княгини Елены Глинской (матери Ивана Грозного). Содержание яда в исследованных тканях составило:

55 мкг/г (тесма), 3 мкг/г (саван) и 0,36 мкг/г (кость) [Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии, 1973].

Подобные исследования костных и иных (мышечной ткани, волос) останков как известных исторических лиц, так и рядовых жителей русских средневековых городов редки; то же имеет место и в мировой археологической практике. Все случаи изучения различными методами микроэлементного состава останков людей прошлого связаны с некрополем русских великих княгинь и цариц из Вознесенского монастыря в Московском Кремле (функционировал с XV до начала XVIII в.) [Янин, 1988]. Они осуществляются наряду с ранее проведенными антропологическими и генетическими изысканиями, работами по восстановлению облика людей по черепам, с реставрацией погребальных одежд, изучением палеографии надписей на крышках белокаменных саркофагов, разработкой биографических очерков об усопших.

В 2013 г. благодаря гранту РФФИ появилась дополнительная возможность изучить уникальные костные останки, сухие остатки мягких тканей («тлен») и погребальных одежд («шелк») персон XVI в. (удельных княгинь Ефросинии и Евдокии Романовны Старицких, ребенка неизвестного пола в возрасте около 12 лет из саркофага Евдокии Романовны и кость царицы Марфы Собакиной; все образцы из некрополя в Московском Кремле), проведя анализ их спектр элементного состава, и с помощью энергодисперсионного рентгенофлуоресцентного метода определить наличие в них тяжелых металлов как возможной причины их гибели. В письменных источниках сохранились сведения о причине гибели первых трех из них — отравление. Ранняя смерть царицы Марфы также вызывала предположения о том, что она не была естественной. Для исключения предположения о возможности поступления в костную ткань тяжелых металлов из мягких тканей, грунта и материала саркофага был проведен анализ проб, взятых с места захоронения. Для сравнения исследовалось сопоставимое количество образцов костной ткани, взятой из трупа погибшей (не от отравления тяжелыми металлами) в 2013 г. женщины сопоставимого с историческими личностями возраста. Количество проанализированной нами костной ткани составляло не менее трех образцов от каждого скелета. Для анализа брали фрагменты плоских губчатых костей: ребер, грудины и подвздошной кости, сухие остатки мягких тканей (тлен) и погребальных одежд (шелк).

Детектирование тяжелых металлов в останках проводилось методом рентгенофлуоресцентного анализа с помощью установки «Х-Арт М» (производства ООО «Комита», Санкт-Петербург), для которой нами разработаны методики измерения образцов и первоначальной обработки полученных данных [Федотов, Кулаков, Хохлов, Шейно, Липенгольц и др., 2009].

Рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) — спектроскопический метод исследования, позволяющий изучить элементный состав вещества, основанный на регистрации вторичного фотонного излучения, возникающего при взаимодействии рентгеновского излучения с атомами вещества

исследуемого образца. При взаимодействии рентгеновского излучения с атомами образца происходит их возбуждение и/или ионизация (фотоэффект, испускание электронов Оже и другие процессы). При возвращении атомов вещества в основное состояние, которое обуславливается заполнением электронами вакансий с меньшей энергией, происходит испускание характеристического излучения флуоресцентного излучения фотонов, энергия которых определяет элемент вещества (так же, как человека его отпечатки пальцев). РФА применяется для анализа произведений искусства и реставрации [Сирро, Римская-Корсакова, Серебряков, Кудряшов, 2006; Серебряков, 2008; Кудряшов, Парфенов, Серебряков, 2010; Ижевский, Панова, Федотов, Шейно, 2013], в машиностроении, авиационной, железнодорожной, судостроительной, горнодобывающей, трубопроводной, ювелирной, стекольной, цементной промышленности, энергетике, транспорте [Кудряшов, Мороз, Серебряков, 2009], в нефтехимии, на таможне, в криминалистике [Закарян, 2009], медицине [Федотов, Кулаков, Хохлов, Шейно, Липенгольц и др., 2009] и экологии.

Установка «Х-Арт М» — универсальный рентгенофлуоресцентный энергодисперсионный анализатор, предназначенный для экспресс-анализа химического состава различных объектов [Серебряков А.С., 2009]. Установка позволяет одновременно («на воздухе») анализировать элементы в диапазоне от магния до урана. Характерный порог обнаружения составляет 10–4%. Все элементы, включая некоторые редкоземельные, анализируются по К-сериям характеристического излучения. Анализатор особенно эффективен в тех случаях, когда объект или эталон должен быть сохранен. Это приобретает особую важность при исследовании археологических образцов. Опыт применения «Х-Арт М» показал его пригодность для анализа произведений искусства, реставрации и археометрии [Сирро, Римская-Корсакова, Серебряков, Кудряшов, 2006; Серебряков, 2008; Кудряшов, Парфенов, Серебряков, 2010], а также криминалистики и судебно-медицинской экспертизы (анализ следовых количеств при переносе вещества от одного к другому, костных тканей и др. [Кудряшов, Мороз, Серебряков, 2009]), что обусловило выбор нами данного аппарата.

Подбор режима измерения образцов на установке «Х-Арт М» определяется комбинацией следующих параметров детектирующей системы: ток, подаваемый на анод рентгеновской трубки (I_a); напряжение между катодом и анодом рентгеновской трубки (U); время измерения (набора спектра); геометрия пучка; фильтрация пучка.

Ток, подаваемый на анод рентгеновской трубки («анодный ток»), определяет поток электронов между анодом и катодом. Он косвенно определяет величину потока подаваемых квантов рентгеновского излучения. Чем выше анодный ток, тем больше мощность рентгеновского излучения.

Напряжение определяет энергию электронов, двигающихся в зазоре между анодом и катодом, и, как следствие, максимальную энергию квантов рентгеновского излучения.

Время измерения, наравне с величиной анодного тока трубки, определяет число событий, фиксируемое детектирующей системой.

Геометрия пучка определяется величиной его диафрагмы и задает рабочую область анализатора.

Система фильтрации обеспечивает отсечение низкоэнергетических квантов рентгеновского излучения. Для увеличения общего выхода квантов нами был выбран режим «без фильтрации».

Для увеличения попадания исследуемого материала в рабочую область детектирующей системы была выбрана широкая геометрия пучка.

Регистрация наиболее интересующих элементов производилась по их $L\alpha$ -линиям. В частности, $L\alpha$ -линии ртути и свинца находятся в диапазоне, близком к 10 КэВ. В качестве рабочего на трубке при проведении измерений выбрано напряжение 20 КэВ.

Проводился подбор оптимального режима измерений для визуализации пиков тяжелых элементов. Параметрами оптимизации были «время набора спектра» и «величина анодного тока». Режимы измерений варьировали для разных образцов и разных положений каждого образца. В результате было выбрано оптимальное время измерения — 600 с. В целях радиационной безопасности во время «набора спектра» сотрудник покидал лабораторное помещение после включения установки.

Перед началом измерений рентгеновская трубка прогревалась и проводилась калибровка по $K\alpha$ 1-линиям алюминия и меди. Оптимальным анодным током выбрано 20 мкА, что обеспечивает, вместе со временем измерения 600 с, достаточную статистику набираемого спектра и не наносит ущерба проводящему измерение оператору установки. Лишь при исследовании костных останков царицы Марфы, в виде исключения, для проверки гипотезы о ее отравлении величина анодного тока составила 40 мкА.

Образцы перед измерением протирались спиртом или заворачивались в поликарбонатную пленку в два слоя и помещались сверху на измерительный блок анализатора так, чтобы расстояние между образцом и детектором было минимальным. Положение образца контролировалось с помощью монитора так, чтобы образец занимал всю область широкой геометрии пучка (большой пунктирный круг на экране монитора). Положение образца на анализаторе фиксировалось с помощью фотоснимков измерительного блока и экрана монитора. Выставлялся режим измерения, запускался набор спектра, и сотрудник выходил из лабораторного помещения на время измерения. По окончании набора спектра определялись возмозжные пики, выставлялись маркеры элементов и квантили пиков. Значения числа событий в максимуме интересующих пиков, а также площадь пиков (за вычетом линейного фона) записывались в файл Excel, где проводилось усреднение в случае нескольких измерений одной позиции и оценка статистического отклонения. Показано, что все рассмотренные моменты удовлетворяют заявленным выше критериям

оптимального режима измерений, а также безопасности проводящего их сотрудника. Проверена воспроизводимость результатов измерений. Показано, что качество получаемого результата зависит в основном от точности попадания образца в рабочую область детектирующей системы.

Были проанализированы костные останки: царицы Марфы (умерла 13 ноября 1571 г.; «большое» ребро, «малое» ребро, грудина), удельной княгини Евдокии Романовны Старицкой (умерла 9 октября 1569 г.; грудина, «малое» ребро), Ефросинии Старицкой (умерла 20 октября 1569 г.; большое ребро, малое ребро, подвздошная кость) и ребенка 12 лет (умер 20 октября 1569 г.; малое ребро). Образцы и режимы измерений приведены в *табл. 1*. Для контроля исследованы костные останки и соскоб соединительной ткани (кости таза, малое и большое ребро, грудина) женщины возраста 39 лет, скончавшейся в мае 2013 г. Также исследованы шелк и тлен из захоронений княгини Ефросиньи Старицкой и царицы Марфы Собакиной, Елены Глинской и захоронения Пн. 47 (контроль).

Сводные результаты представлены в *табл. 2*.

Из рассмотрения исключены результаты измерений, при которых основная часть исследуемого образца не попала в рабочий объем анализатора. Во всех образцах не обнаружено пиков, соответствующих L_{α} -линиям ртути и K_{α} -линиям мышьяка. L_{α} -линии сурьмы выделить не представляется возможным из-за близости пика, соответствующего K_{α} -линии кальция. Пики, соответствующие L_{α} -линиям свинца и, возможно, K_{α} -линии марганца, обнаружены в останках царицы Марфы, Евдокии Старицкой и отрока. В образцах Ефросинии Старицкой и современной женщины пиков свинца не обнаружено.

Во всех образцах обнаружены пики линий кальция, цинка, меди, железа и стронция, что соответствует составу нормальной костной ткани.

При данных режимах измерения образцов подтверждения гипотезы об отравлении указанных выше исторических личностей соединениями ртути, мышьяком или сурьмой не найдено. Предел обнаружения указанных элементов при использованных режимах измерения (20 мкА, 20 кэВ, 600 с) находился в диапазоне до 0,1–0,3 мг/г, что во многом не давало возможности определить, были ли отравлены исследуемые исторические личности. Не принималась в расчет фармакокинетика отравляющего вещества. В случае острого отравления (для ртути > 1 мкг на грамм массы) химические соединения отравляющего вещества могли не накопиться в достаточных для обнаружения концентрациях в костных тканях. Но даже при хроническом отравлении соединениями тяжелых металлов концентрация, соответствующая порогу обнаружения в 0,1–0,3 мг на грамм образца, могла быть просто не достигнута.

В исследовании также не учитывалось «историческое» выведение соединений препарата из тканей в процессе разложения останков в захоронении (например, с талой водой).

Таблица 1

Образцы останков исторических личностей и режимы измерений

Параметр	Грудина			Малое ребро			Большое ребро			Кость таза		
	I, мкА	t, сек	Измерение	Элементы	I, мкА	t, сек	Измерение	Элементы	I, мкА	t, сек	Измерение	Элементы
Кость												
		20	600	3 (точка)	Zn, Sr, Pb							
		10	120	3 (крестик)	Zn, Sr, Pb							
		15	120	3 (крестик)	Zn, Sr, Pb							
Ефросиния Старицкая		20	600	3 (крестик)	Zn, Sr, Pb							
		20	600	2	Zn, Cu, Sr, Mn	20	600	5	Zn, Cu, Sr, Mn, (Pb, Hg)	20	600	2
Евдокия Старицкая	20	600	2 (вып. часть)	Zn, Cu, Sr, Mn, Pb, (Hg)	20	600	1 (точка)	Zn, Cu, Sr, Mn, Pb, (Hg)				
	20	600	2 (вогн. часть)	Zn, Cu, Sr, Mn, Pb	20	600	1 (край)	(Zn, Sr, Pb)				
Царица Марфа	20	600	1 (вогн. часть)	Zn, Cu, Sr, Pb, (Hg)	20	600	2	Zn, Cu, Sr, Mn, Pb, (Hg)	40	600	2(край ребра)	Zn, Cu, Sr, Pb, (Hg)
	20	600	3 (вып. часть)	Zn, Cu, Sr, Pb, (Hg)	20	60	1					
	40	1000	3 (вып. часть)	Zn, Cu, Sr, (Mn), Pb, (Hg)								

Таблица 2

Результаты измерений костных останков исторических личностей и тканей из их захоронений и современной женщины (широкая геометрия без фильтра, напряжение на трубке 20 кВ)

Проба мг/мл	Ca K α		FeK α (n: 284-320)		HgL α (n: 471-481)		PbL α (n: 489-519)							
	I peak	%	Iw/lbg' peak	Sw/lbg	%	S/n	Iw/lbg' peak	Sw/lbg	%	S/n				
Царица Марфа, большое ребро, край, изм. 1	30172	0,58	11603	156479	0,25	4229,16	79	282	5,95	25,64	382	4734	1,45	152,71
Царица Марфа, большое ребро, край 2, изм. 1	1827	2,34	112	1409	2,66	38,08	39	130	8,77	11,82	122	1656	2,46	53,42
Царица Марфа, малое ребро, изм. 1	24	20,41	11	91	10,48	2,46	9	31	17,96	2,82	8	55	13,48	1,77
Царица Марфа, малое ребро, изм. 2	6878	1,21	923	11883	0,92	321,16	21	80	11,18	7,27	57	831	3,47	26,81
Царица Марфа, малое ребро, изм. 3	89	10,60	19	264	6,15	7,14	8	17	24,25	1,55	14	88	10,66	2,84
Царица Марфа, грудина, вогнутая часть, край, изм. 1	48910	0,45	4712	52542	0,44	1420,05	28	121	9,09	11,00	689	9312	1,04	300,39
Царица Марфа, грудина, выпуклая часть, изм. 1	45477	0,47	1021	13257	0,87	358,30	23	162	7,86	14,73	281	3398	1,72	109,61
Царица Марфа, грудина, выпуклая часть, изм. 2	61244	0,40	652	8586	1,08	232,05	46	143	8,36	13,00	266	3483	1,69	112,35

Продолжение табл. 2

Проба мг/мл	Ca K α		FeK α (n: 284-320)		HgL α (n: 471-481)		PbL α (n: 489-519)							
	I peak	%	Iw/lbg peak	Sw/lbg %	Iw/lbg peak	Sw/lbg %	Iw/lbg peak	Sw/lbg %						
Царица Марфа, грудина, выпуклая часть, изм. 3	64178	0,39	1113	14992	0,82	405,19	94	318	5,61	28,91	246	2922	1,85	94,26
Царица Марфа, грудина, выпуклая часть, изм. 4	126877	0,28	2518	33246	0,55	898,54	85	303	5,74	27,55	397	5250	1,38	169,35
Евдокия, грудина, вогнутая сторона, изм. 1	71184	0,37	2216	28360	0,59	766,49	75	195	7,16	17,73	1091	15496	0,80	499,87
Евдокия, грудина, вогнутая сторона, изм. 2	67795	0,38	2911	39371	0,50	1064,08	37	106	9,71	9,64	1007	12904	0,88	416,26
Евдокия, грудина, выпуклая сторона (крестик), изм. 1	66390	0,39	2152	28713	0,59	776,03	76	164	7,81	14,91	949	12461	0,90	401,97
Евдокия, грудина, выпуклая сторона (точка), изм. 1	64487	0,39	1634	21692	0,68	586,27	71	142	8,39	12,91	702	9490	1,03	306,13
Евдокия, ребро I, край стыка с грудной	257	6,24	13	161	7,88	4,35	6	32	17,68	2,91	7	61	12,80	1,97
Евдокия, ребро I, середина (пятно) (кружок)	33069	0,55	808	10407	0,98	281,27	40	111	9,49	10,09	349	4752	1,45	153,29

Проба мг/мл	Ca K α		FeK α (n: 284-320)			HgL α (n: 471-481)			PbL α (n: 489-519)					
	I peak	%	Iw/lbg peak	Sw/lbg	%	S/n	Iw/lbg peak	Sw/lbg	%	S/n	Iw/lbg peak	Sw/lbg	%	S/n
Ефросинья, кость таза, изм. 1	10284	0,99	589	7324	1,17	197,95	0	0	—	0,00	42	311	5,67	10,03
Ефросинья, кость таза, изм. 2	13000	0,88	564	6511	1,24	175,97	37	55	13,48	5,00	61	710	3,75	22,90
Ефросинья, ребро 1, изм. 1	39216	0,50	1629	20227	0,70	546,68	42	103	9,85	9,36	66	646	3,93	20,84
Ефросинья, ребро 1, изм. 2	35606	0,53	1135	13393	0,86	361,97	8	35	16,90	3,18	82	793	3,55	25,58
Ефросинья, ребро 2, изм. 1	58810	0,41	2550	34422	0,54	930,32	44	174	7,58	15,82	84	822	3,49	26,52
Ефросинья, ребро 2, изм. 2	48884	0,45	2238	30090	0,58	813,24	51	188	7,29	17,09	101	933	3,27	30,10
Ефросинья, ребро 2, изм. 3	47358	0,46	2761	37474	0,52	1012,81	28	127	8,87	11,55	101	1261	2,82	40,68
Ефросинья, ребро 2, изм. 4	31267	0,57	1817	23915	0,65	646,35	27	114	9,37	10,36	77	740	3,68	23,87
Ребенок, ребро, крестик, изм. 1	41540	0,49	3047	40813	0,49	1103,05	43	180	7,45	16,36	350	4961	1,42	160,03
Ребенок, ребро, крестик, изм. 2	41479	0,49	3095	41051	0,49	1109,49	21	51	14,00	4,64	403	5051	1,41	162,94
Ребенок, ребро, крестик, изм. 3	36952	0,52	2617	34773	0,54	939,81	25	133	8,67	12,09	355	4743	1,45	153,00
Ребенок, ребро, изм. 1	10360	0,98	818	10792	0,96	291,68	14	26	19,61	2,36	92	1122	2,99	36,19
Ребенок, ребро, изм. 2	10484	0,98	858	10950	0,96	295,95	9	21	21,82	1,91	85	865	3,40	27,90

Продолжение табл. 2

Проба мг/мл	Ca K α			FeK α (n: 284-320)			HgL α (n: 471-481)			PbL α (n: 489-519)					
	I peak	%	S/n	Iw/lbg/peak	Sw/lbg	%	S/n	Iw/lbg/peak	Sw/lbg	%	S/n	Iw/lbg/peak	Sw/lbg	%	S/n
Ребенок, ребро, изм. 3	10571	0,97		819	10944	0,96	295,78	12	29	18,57	2,64	94	1129	2,98	36,42
Ребенок, ребро, изм. 1	11805	0,92		935	11867	0,92	320,73	27	78	11,32	7,09	79	1102	3,01	35,55
Ребенок, ребро, изм. 2	11581	0,93		933	12089	0,91	326,73	9	41	15,62	3,73	95	1040	3,10	33,55
Ребенок, ребро, изм. 3	11598	0,93		911	12267	0,90	331,54	23	52	13,87	4,73	80	1099	3,02	35,45
Ребенок, ребро, изм. 1	63096	0,40		4901	66776	0,39	1804,76	46	184	7,37	16,73	434	6241	1,27	201,32
Ребенок, ребро, изм. 2	63775	0,40		4984	67391	0,39	1821,38	56	144	8,33	13,09	490	5882	1,30	189,74
Ребенок, ребро, изм. 3	64987	0,39		5075	68266	0,38	1845,03	35	226	6,65	20,55	471	6330	1,26	204,19
Ребенок, ребро, слом, изм. 1	6804	1,21		286	3317	1,74	89,65	19	44	15,08	4,00	63	731	3,70	23,58
Женщина 39 лет, грудьна, изм. 1	2574	1,97		395	5384	1,36	145,51	21	71	11,87	6,45	78	268	6,11	8,65
Женщина 39 лет, грудьна, изм. 2	2750	1,91		425	6586	1,23	178,00	40	201	7,05	18,27	112	1604	2,50	51,74
Женщина 39 лет, ребро 1, изм. 1	36790	0,52		251	4054	1,57	109,57	48	131	8,74	11,91	26	199	7,09	6,42
Женщина 39 лет, ребро 1, изм. 2	35416	0,53		336	4645	1,47	125,54	84	165	7,78	15,00	31	406	4,96	13,10
Женщина 39 лет, ребро 1, изм. 3	39230	0,50		208	3167	1,78	85,59	16	111	9,49	10,09	121	712	3,75	22,97

Продолжение табл. 2

Проба мг/мл	Ca K α		FeK α (n: 284-320)			HgL α (n: 471-481)			PbL α (n: 489-519)					
	I peak	%	Iw/lbg ¹ peak	Sw/lbg	%	S/n	Iw/lbg ¹ peak	Sw/lbg	%	S/n	Iw/lbg ¹ peak	Sw/lbg	%	S/n
Женщина 39 лет, соскоб мяса, изм. 1	3364	1,72	714	11173	0,95	301,97	35	72	11,79	6,55	138	957	3,23	30,87
Женщина 39 лет, таз, вогнутая часть, изм. 1	18965	0,73	695	10410	0,98	281,35	45	119	9,17	10,82	93	537	4,32	17,32
Женщина 39 лет, таз, вогнутая часть, изм. 2	7307	1,17	832	11956	0,91	323,14	77	210	6,90	19,09	81	354	5,31	11,42
Женщина 39 лет, таз, вогнутая часть, изм. 2	7296	1,17	816	12131	0,91	327,86	73	170	7,67	15,45	58	563	4,21	18,16
Женщина 39 лет, таз, вогнутая часть, изм. 2	7408	1,16	829	12076	0,91	326,38	66	111	9,49	10,09	81	566	4,20	18,26
Женщина 39 лет, таз, вогнутая часть, изм. 3	32942	0,55	360	4923	1,43	133,05	53	162	7,86	14,73	73	934	3,27	30,13
Женщина 39 лет, таз, пологая часть, изм. 1	47349	0,46	179	2932	1,85	79,24	16	69	12,04	6,27	60	415	4,91	13,39
Женщина 39 лет, таз, пологая часть, изм. 2	45903	0,47	389	6219	1,27	168,08	27	110	9,53	10,00	65	573	4,18	18,48
Женщина 39 лет, таз, пологая часть, изм. 3	58185	0,41	234	3821	1,62	103,27	53	99	10,05	9,00	102	540	4,30	17,42

Окончание табл. 2

Проба мг/мл	Ca K α			Fe K α (n: 284-320)			Hg L α (n: 471-481)			Pb L α (n: 489-519)					
	I peak	%	S/n	Iw/lbg peak	Sw/lbg	%	S/n	Iw/lbg peak	Sw/lbg	%	S/n	Iw/lbg peak	Sw/lbg	%	S/n
Женщина 39 лет, таз, скол кости, изм. 1	36136	0,53	111,03	249	4108	1,56	111,03	23	109	9,58	9,91	69	344	5,39	11,10
Женщина 39 лет, таз, скол кости, изм. 2	36356	0,52	105,38	264	3899	1,60	105,38	81	260	6,20	23,64	33	343	5,40	11,06
Женщина 39 лет, таз, скол кости, изм. 3	39474	0,50	154,81	390	5728	1,32	154,81	27	162	7,86	14,73	110	654	3,91	21,10
Елена Глинская, шелк	7266	1,17	1561,00	3600	57757	0,42	1561,00	42	180	7,45	16,36	105	552	4,26	17,81
Ефросинья Старицкая, шелк	6008	1,29	1194,73	2905	44205	0,48	1194,73	24	69	12,04	6,27	10	74	11,62	2,39
Ефросинья Старицкая, шелк («сбой»)	3739	1,64	769,65	1775	28477	0,59	769,65	20	65	12,40	5,91	33	278	6,00	8,97
Марфа Собакина, шелк с тленом	16320	0,78	648,30	1510	23987	0,65	648,30	27	156	8,01	14,18	110	944	3,25	30,45
Шелк, захоронение пн. 47	9835	1,01	2497,22	7520	92397	0,33	2497,22	43	71	11,87	6,45	179	1692	2,43	54,58

Используемые режимы измерения выбраны на основе радиационной безопасности проводящего эксперимент сотрудника (анализатор и системы управления анализатором находились в одном помещении) и приемлемого времени измерения образца. Порог обнаружения можно было поднять при разнесении рабочего места оператора и блока анализатора (путем размещения в защищенном от радиации помещении) и поднятии тока на трубке до 1 мА при сохранении «живого» времени измерения 600 с поднятием напряжения до 40 кВ, но величину порога определить без проведения дополнительных исследований не представляется возможным, т. к. возрастает нагрузка полупроводникового детектора и, следовательно, его мертвое время и время измерения в частности.

Полезной может оказаться работа Стюарта и соавторов [Stewart, 1982]. При использовании рентгенофлуоресцентного метода с более мощной рентгеновской трубкой ($U=40$ кВ, $I_a = 20$ мА) они показали величину порога обнаружения в 0,24 мкг платины на грамм ткани. Это позволяет надеяться, что элементы с близким порядковым номером (свинец, ртуть и др.) могут иметь предел обнаружения, достаточный для определения как хронических, так и острых отравлений соединениями этих элементов.

Исследование подтвердило результаты предшествующего исследования костных останков царицы Марфы Собакиной, показав отсутствие в них ядовитых металлов [Воронова, Панова, 1998; Макаренко, Панова, 2000; Макаренко, 2009].

Наличие пиков, соответствующих L_{α} -линиям свинца, может свидетельствовать о накоплении соединений свинца в костной ткани из-за использования свинцовых белил в косметических целях или лекарств на основе этого металла.

В дальнейшем для количественного анализа состава костных останков с использованием для РФА установки «Х-Арт М» необходимо решить ряд расчетных и практических задач по математическому разделению близко расположенных линий, учету событий регистрируемого рассеянного тормозного излучения и стандартизацией положения образцов в рабочей области анализатора.

Опыт проведенных измерений полезен для применения в археологии и антропологии, может быть использован при проведении исследований пространственно-временных распределений элементов для дозсаплиментарной терапии онкологических заболеваний [Хохлов, Кулаков, Шейно и др., 2006].

Библиография

Багашев А.Н., Московченко Д.В., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е. Химический анализ костной ткани нарымских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 53–63.

Воронова Н.В., Панова Т.Д. Наветом и отравами царицу изведоша // Наука в России. № 3. М., 1998. С. 66–70.

Герасимов М.М., Лебединская Г.В., Рабинович М.Г. Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973. Приложения. С. 179–186.

Добровольская М.В., Крымова Т.Г., Колкутин В.В. Основные проблемы исследования характера питания человека на основе результатов анализа элементного состава костной ткани // Проблемы экспертизы в медицине. 2007. Т. 7. № 26-2. С. 40–44.

Закарян Ст.И. Криминалистика – наука точная, 2009/ Электронный ресурс: www.arms-expo.ru/site.xp/049051124054057056056.html

Ижевский П.В., Панова Т.Д., Федотов Ю.А., Шейно И.Н. Исследование содержания тяжелых металлов в костных останках людей средневековья // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: Естественные науки. 2013. № 4. С. 14–24.

Кудряшов В.И., Серебряков А.С., Сирро С.В., Римская-Корсакова С.В. Незаменимый музейный эксперт. 2006. Электронный ресурс: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=418>

Кудряшов В.И., Мороз А.П., Серебряков А.С. Оценка содержания продуктов изнашивания в моторных маслах методом ЭД РФА без отбора проб на фильтры // Трибология и надежность: сборник науч. трудов IX Межд. конференции. С.-Петербург, 8–10 окт. 2009. СПб.: Изд-во Петербургского гос. ун-та путей сообщения, 2009. С. 157–158.

Кудряшов В.И., Парфенов В.А., Серебряков А.С. Применение рентгенофлуоресцентного анализатора для контроля лазерной очистки в реставрации // Оптический журнал. 2010. Т. 77, № 8. С. 8–12.

Кулаков В.Н., Липенгольц А.А., Федотов Ю.А., Хохлов В.Ф., Шейно И.Н. и др. Метод рентгенофлуоресцентного анализа гадолиния и висмута в биологических тканях // Научная сессия МИФИ. Аннотация докладов. Т. 1: Ядерная физика и энергетика. М., 2009. С. 130.

Кулаков В.Н., Хохлов В.Ф., Шейно И.Н. и др. Способ фотозахватной терапии опухолей. Патент РФ № 2270045 от 20.02. 2006 г.

Макаренко Т.Ф. Метод спектрального анализа человеческих останков // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1: История усыпальницы и методика исследований захоронений. М., 2009. С. 191–193.

Макаренко Т.Ф., Панова Т.Д. Вернее яда средства нет // Наука в России. № 2. 2000. С. 85–90.

Панова Т.Д. Христианская символика в городском погребальном обряде Руси (XI–XVI вв.) // *Russia mediaevalis*. Munchen, 1998. Т. IX, ч. 1. P. 54–77.

Панова Т.Д. Каменные гробы в погребальном обряде русского средневековья (XI–XVII вв.) // *Russia mediaevalis*. Munchen, 1999. Т. X, ч. 1. P. 156–166.

Серебряков А.С. Новый подход к исследованию многослойной структуры художественных работ // Реликвия. 2008. № 18. С. 26–27.

Серебряков А.С. Рентгенофлуоресцентная спектрометрия Универсальный анализатор X-Арт М (Рентгенофлуоресцентный энергодисперсионный анализатор X-Арт М). 2009. Электронный ресурс: <http://www.x-art.com/ita.ru/main.html#X-Art M>

Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. Приложение 4. С. 210–217.

Рапова Т.Д. Au Royaume de la mort les rites funeraires urbains en Russie (XI–XVI s.). Paris: De Boccard, 2009. P. 187–223.

Steward D.J., Benjamin R.S., Luna M., Feun L., Caprioli R., Seifert W., Ti Li Loo. Human Tissue Distribution of Platinum after cis-Diamminedichloroplatinum // Cancer Chemotherapy and Pharmacology. 1982. № 10. P. 51–54.

УДК. 930.253

С.М. Дудкин, S.M. Dudkin

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ В АТОМНОЙ ОТРАСЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПЕРСОНАЛЬНОГО КОМПЬЮТЕРА «КВАНТ» НА БАЗЕ КОЛЛЕКЦИЙ ТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ НИИ ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ ИМ. Ю.Е. СЕДАКОВА

Reconstruction of Elaboration History in Nuclear Industry of a Homeland Personal Computer “Quantum” on the Base of Collections of Technical Museum FNPTS NIIS Named after Yu.E. Sedakov

Аннотация: в статье представлен опыт реконструкции истории разработки семейства отечественных персональных компьютеров (ПК) «Квант» по материалам корпоративного музея НИИ измерительных систем им. Ю.Е. Седакова.

Abstract: In the article is presented a reconstruction attempt of elaboration history of a series of Russian personal computers “Quantum” following materials of corporation museum) of scientific research institute of measurement systems named after Yu.E. Sedakov.

Ключевые слова: историческая наука, история техники, музееведение, реконструкция, отечественное компьютеростроение, персональный компьютер (ПК) «Квант», НИИ измерительных систем им. Ю.Е. Седакова.

Keywords: historical science, history of technology, museology, reconstruction, domestic computerscreen, a personal computer (PC) “Kvant”, Scientific-research Institute of measurement systems n. a. Yu.E. Sedakova.

В 2002 г. в целях сохранения и экспонирования материалов, связанных с историей института радиотехнического профиля – НИИ измерительных систем им. Ю.Е. Седакова, образованного в 1966 г. в Нижнем Новгороде и подведомственного Министерству среднего машиностроения (ныне ГК «Росатом»), в структуре института был создан музей. В его экспозиции находятся два редких экспоната – комплекс персонального компьютера «Квант-8» и моноблок мобильного компьютера «Квант-16Т».

В ходе составления их паспортов была реконструирована история разработки ПК семейства «Квант» (в то время использовался термин «специальных систем вычислительной техники (ССВТ)»).

Осуществить исследование позволили документы, переданные в музей помощником директора института Т.Ю. Сильвановой (копии материалов и документов из рабочего архива Ю.Е. Седакова, бывшего директором института в 1966–1994 гг.), и материалы из архива Ю.А. Хохлова (руководителя разработки ПК «Квант», заместителя директора по вычислительной технике в те же годы). Ввиду специфики фондообразования предприятия атомной отрасли не сдают документацию в ГА РФ, и подобное исследование наиболее продуктивно проводить именно «изнутри», т. е. на базе коллекций институтского музея. В исследовании были использованы и воспоминания разработчиков ПК.

Мировое развитие средств вычислительной техники в середине 1980-х гг. привело к необходимости разработки принципиально новых вычислительных комплексов для нужд атомной отрасли и народного хозяйства в целом. Об этой задаче говорилось в Постановлении Совета Министров СССР № 837-180 от 2 августа 1984 г. «Об ускорении автоматизации проектно-конструкторских работ, а также автоматизации научно-исследовательских и управленческих работ», однако даже в 1989 г. потребности в вычислительной технике (ВТ) в СССР удовлетворялись не более чем на 30%. Введенное США 18 марта 1980 г. эмбарго на поставку в СССР ноу-хау, техники и устройств, основанных на передовых технологиях, побуждало развивать собственное производство новейших образцов ВТ.

В 1986 г. в Министерстве среднего машиностроения состоялся ряд совещаний с привлечением известных ученых и специалистов; на них было принято решение о создании в структуре министерства подотрасли, основанной на имеющихся специфических технологиях и фундаментальных и прикладных знаниях. Речь шла об организации производства особо чистых материалов, создании особо чистых помещений, производстве радиационностойкой элементной базы, автоматических систем управления техническими процессами и супер-ЭВМ [Рябев, 2012].

В короткий срок сотрудниками НИИ измерительных систем под научным руководством НИИ ядерной физики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (НИИЯФ) – филиала Института атомной энергии им. И.В. Курчатова (директор В.Д. Письменный) была разработана первая модель 8-разрядного вычислительного комплекса «Квант-8». По приказу № 199 от 14.04.1987 г. министра Л.Д. Рябева на базе НИИ измерительных систем было создано отраслевое отделение по разработке специальных средств вычислительной техники класса специальных персональных ЭВМ. Планировались разработка и серийное изготовление ПЭВМ трех типов, повышающей мощности работы (8-, 16- и 32-разрядных). К работе над комплектующими ПК наряду с НИИ измерительных систем по тому же

приказу были привлечены: Уральский электромеханический завод — алфавитно-цифровой дисплей ПД-85 и печатное устройство (ПЗСУ-1 типа «Джемени»); приборный завод «Тензор» — печатное устройство УВВП-30-004; приборный завод «Электрон» — накопитель на гибком магнитном диске ГМД-6022. Согласно Отраслевой концепции создания и развития ССВТ (средств специальной вычислительной техники) «Квант» от июля 1988 г. в кооперацию вошли НИИ измерительных систем, НИИЯФ, НИИ экспериментальной физики, Уральский электромеханический завод, «Тензор», «Молния», «Электрон», Пензенский приборостроительный завод, Комбинат «Электрохимприбор».

Тем же приказом на баланс НИИ измерительных систем для размещения отделов разработки и опытного производства ССВТ передавался комплекс зданий и сооружений Горьковского филиала опытного завода электротехнического оборудования треста «Промэлектромонтаж» (корпус № 40). В созданном на его базе сборочно-монтажном цехе № 4 (начальник цеха Г.З. Парашкин) начался серийный выпуск ПЭВМ типа «Квант-8», «Квант-16», «Квант-16М», «Квант-16У», «Квант-8Т», а также передвижных компьютерных центров на базе автобуса ПАЗ. В 1991 г. в цеху было собрано до 1500 ЭВМ. Устанавливались жесткие сроки разработки ССВТ «Квант»: 8-разрядные ССВТ — 1988 г.; 16-разрядные ССВТ — 1989 г.; 32-разрядные ССВТ — ориентировочно 1990–1992 гг. Были определены следующие сроки выпуска пробных партий: 1988 г. — установочная партия 20 штук; 1989 г. — 600 штук; 1990 г. — 1000 штук.

В соответствии с приказом министра были подготовлены и подписаны технические задания на «Квант-8» (№ 189 ДСП от 22.09.1987 г.) и «Квант-16» (№ 40 ДСП от 10.12.1987 г.). 12 ноября 1987 г. Ю.И. Тычков утвердил решение № 309/1-84-87, которым устанавливались схемотехнические и технологические спецификации разрабатываемого ПК. Его прототипом выбрали ПК 8020 ПТИ.320.168 КУВТ «Корвет» с рядом изменений, отразившихся на внешнем виде и долговечности ПК. Предполагалось использовать пакеты прикладных программ для ПК «Корвет».

В июле 1988 г. была утверждена упомянутая выше Отраслевая концепция создания и развития ССВТ «Квант». Как головное предприятие подготовил НИИ измерительных систем разрабатывал основу компьютерной линейки — системный блок, блок клавиатуры, ручной манипулятор. Совместно с НИИЯФ велась разработка комплекса базового и пользовательского программного обеспечения. В качестве основы операционных систем предполагалось использовать ОС CP/M-80 (для «Квант-8») и MS-DOS (для «Квант-16»). В дальнейших модификациях предполагалось использовать многозадачную многопользовательскую ОС UNIX.

Согласно Концепции, ССВТ «Квант» должен был быть программно совместим с советскими и зарубежными аналогами («Квант-8» — с 8-разрядными ПК «Корвет», Роботрон 1715 и другими, использую-

щими соответствующую ОС, а «Квант-16» — с IBM PC), указывалось на необходимость включения разрабатываемых ПК в локальную сеть и в качестве терминалов — в архитектуру ЕС и СМ ЭВМ.

24 октября 1988 г. Л.Д. Рябев утвердил Отраслевой заказ на разработку ССВТ «Квант-8», «Квант-16» и «Квант-32», а также «Квант-16М» на базе специализированных отраслевых больших интегральных схем. В соответствии с этим документом «Квант-8» должен был быть разработан и серийно освоен за 1987—1989 гг., «Квант-16» — за 1990—1992 гг., «Квант-32» — за 1990—1993 гг. В состав консорциума входили НИИ измерительных систем, Физический институт атомной энергии (ФИАЭ), НИИЯФ, всероссийские НИИ экспериментальной физики, НИИ физических проблем и НИИ автоматики, «Электрон», Уральский электромеханический завод, «Тензор», Центрпрограммсервис. В декабре 1988 г. в НИИ измерительных систем прошли испытания трех комплексов ССВТ «Квант-8», укомплектованных нештатными дисководами (иностранного производства), видеомониторами и печатающими устройствами. Была подтверждена работоспособность макетов штатных периферийных устройств — видеомонитора ПВМ-88 и печатающего устройства ПЗСУ-1. Конструкторской документации на комплекс и составные части, разработанной НИИ измерительных систем (системный блок, клавиатура), присвоена литера «О». Приемочные испытания «Квант-8» были завершены во 2-м квартале 1989 г., конструкторской документации присвоена литера О1. 27 сентября 1989 г. министр среднего машиностроения В.Ф. Коновалов утвердил «Решение по обеспечению серийного выпуска ССВТ “Квант-8” № 309/1-147-89», и начался серийный выпуск комплексов с частично импортной элементной базой.

В НИИ измерительных систем велись разработки и более мощных машин: ПК «Квант-8М» (аналога IBM PC; совместно с ФИАЭ и НИЯФ) с применением больших интегральных схем, специализированной рабочей станции «Квант-16» для задач САПР.

Достигнутые результаты позволили разработать и утвердить проект строительства в г. Горьком серийного завода по выпуску вычислительной техники (решение Совета министров РСФСР № 809РС от 1990 г.). Распоряжением областного комитета КПСС А-1 № 22163 от 22.03.1990 г. под постройку нового предприятия выделялось 74,9 га земель в районе д. Новопокровское, в 10 км от границ города. На промышленной площадке планировалось разместить производственные помещения общей площадью 67,7 тыс. м² и организовать собственное производство периферийных частей и общую сборку из отечественной компонентной базы персональных компьютеров «Квант» различных модификаций. Планировался выпуск 250—500 тыс. ПК в год.

В 1990 г. была утверждена Концепция компьютеризации школьного обучения в г. Горьком и области на 1990—1995 гг. Базовым компьютером для обучения был определен ПК «Квант-8». В НИИИС разработан и ор-

ганизован выпуск специализированного учебного центра информатики «Квант-8У». В 1991 г., согласно Образовательной концепции, были разработаны и затем массово выпускались специальные мобильные компьютерные классы на базе автобусов ПАЗ.

Таким образом, в начале 1990-х гг. было разработано целое семейство 8- и 16-разрядных ПК «Квант» различных модификаций: промышленных (для станций системы линейной телемеханики ОАО «Газпром»), телекоммуникационных (терминалов «Квант-8Т» для почтовых отделений), обучающих («Квант-8У»), персональных («Квант-8П» и «Квант-16П»), моноблока «Квант-16Т» для эксплуатации в жестких условиях окружающей среды. Но к середине 1990-х гг. в связи с отменой ограничений на поставку в Россию ЭВМ, с конкуренцией и стремительной эволюцией вычислительной техники это направление работ оказалось нерентабельным и было закрыто.

Сохраненные и переданные в музей НИИ измерительных систем материалы позволили реконструировать еще одну страницу истории разработки отечественной вычислительной техники.

Библиография

Отраслевой заказ по развитию науки и техники. Создание специальных средств вычислительной техники класса специальных персональных ЭВМ (309/1-214-88).

Рябев Л.Д. Время перемен // Страна Росатом. 2012. № 20(65). С. 6.

УДК 930; 069

К.Е. Рыбак, К.Е. Rybak

ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОЗРАЧНОСТЬ: МУЗЕЙНЫЙ ПРЕДМЕТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Global Transparency: a Museum Object in the Digital Age

Аннотация: статья посвящена феномену цифрового историко-культурного наследия. В работе рассматриваются вопросы о месте и роли музейных предметов, созданных в электронной форме. Анализируется процесс создания этих музейных предметов.

Abstract: Article is devoted to a phenomenon of a digital cultural heritage. In work questions of a place and a role of the museum objects created in an electronic form are considered. Process of creation of these museum objects is analyzed.

Ключевые слова: музееведение, историческая наука, цифровое наследие, информация, музейный предмет, культурные ценности, реплицирование.

Keywords: museology, historical science, Digital heritage, information, museum object, cultural property, Replication.

В последнее время обсуждается вопрос о феномене цифрового культурного наследия. Вместе с тем до конца неясно, что следует понимать под этим термином. Мы привыкли оперировать категориями материальных и нематериальных (языки, говоры, диалекты и др.) ценностей, информация о которых может быть представлена и в цифровой форме. Например, записанное в память компьютера изображение клейма на предмете дает определенные сведения о его авторе, месте производства, материале, из которого он сделан, но не позволит представить предмет в целом при непосредственном контакте с ним.

Наследие — совокупность ценностей, субъективно признаваемых ныне живущим сообществом, значимых для последующих поколений и вследствие этого подлежащих сохранению для потомков. Полезность этих ценностей порознь и в целом заключается в том, что они используются как базис для формирования социальных принципов и норм, в том числе правовых норм. Следовательно, цифровое наследие — запечатление информации о материальных и нематериальных культурных ценностях (далее для упрощения совокупность материальных и нематериальных ценностей будем именовать традиционными ценностями) вне зависимости от судьбы их оригинального субъектного носителя. Носителем материальных ценностей выступают вещи, нематериальных — различные по объему сообщества людей. В зависимости от того, насколько большие социальные группы признают ценности таковыми для себя, можно судить об универсальности и вневременности ценностей.

Цифровое наследие, являясь способом сохранения и воспроизводства традиционных ценностей, производно от них, но иногда может рассматриваться самостоятельно, если в его основе лежат цифровые произведения, возведенные в ранг ценностей группой лиц (от экспертной группы, социального слоя до общества в целом).

Представление культурных ценностей в цифровой форме, вследствие универсальности использования программных и аппаратных средств записи и считывания информации, позволяет облегчить доступ к этим ценностям, популяризировать их. Потребитель информации получает возможность ознакомиться с интересующей ценностной системой координат дистанционно, вне контакта (визуального, тактильного) с интересующими культурными ценностями. Создание в Интернете виртуальных музеев, сетей общения реализует эту задачу. Соответственно, перед государством для сохранения собственной культурной идентичности ставится вопрос о максимально полном доступе в Интернете потребителей национальных культурных ценностей к «производителям» и хранителям таковых (музеям, библиотекам, архивам и т. д.); иными словами — о доступе потребителя ин-

формации о культурной ценности к носителю таковой вне зависимости от удаленности потребителя от носителя информации.

Традиционные культурные ценности образуют национальное культурное наследие народов, населяющих территорию того или иного государства, а сведения о культурных ценностях, представленные в цифровой форме, представляют собой цифровое наследие. Цифровое, как и традиционное, наследие является результатом рефлексии восприятия и интерпретации окружающего мира, однако носители, на которых происходит запечатление, различны. В первом случае — исключительно память ЭВМ, во втором результаты этой рефлексии могут выражаться в вещах (материальное наследие), в памяти людей (нематериальное наследие). Вместе с тем возможно и отражение информации о традиционных носителях в памяти компьютера (дублирование системы наследия).

Цифровое наследие, наряду с системой отображения традиционного наследия, может рассматриваться и самостоятельно через понимание такого как совокупности носителей информации. Например, картина может быть признана музейным предметом и стать частью культурного наследия, причем эта картина может быть создана традиционным способом — красками на бумаге (холсте, картоне и проч.), но также и с помощью программных средств на компьютере. Мы получаем два носителя — холст либо дискета с битами информации. То и другое по результатам экспертизы может быть причислено к категории музейного предмета.

Создание цифрового музейного предмета представляет собой: 1) запечатление определенным способом сведений о музейном предмете независимо от формы их представления в виде цифрового сигнала на материальном объекте (среде), предназначенном для записи, хранения и считывания этой информации, либо 2) результат творческой деятельности автора, изначально представленный в виде цифрового сигнала на материальном объекте (среде), предназначенном для записи, хранения и считывания этой информации.

Согласно российскому законодательству музейный предмет — движимый предмет религиозного или светского характера, имеющий значение для истории и культуры, относящийся к категориям, определенным в Законе Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей», качество либо особые признаки которого делают необходимым для общества его сохранение, изучение и публичное представление.

В свою очередь — музей, учреждение, созданное для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций. Следовательно, в музеях хранятся движимые предметы материального мира, включение которых в состав музейных фондов осуществляется на основании экспертного мнения.

Снятие сведений о музейном предмете, перевод их в цифровой (аналоговый) формат и запечатление их вновь на ином носителе позволяют

сделать определенного объема и качества информационный срез о предмете. Если зафиксированная на новом носителе информация о предмете является результатом творческого труда, то в терминах авторского права следует говорить о самостоятельном произведении вне связи с тем объектом, который использовался для создания цифрового произведения (например, съемка фотоаппаратом предмета позволяет создать новое произведение, представляющее собой изображение предмета, зафиксированное в памяти аппарата или на пленке и материализованное посредством распечатки этого изображения).

Отметим, что снятие информации о музейном предмете невозможно сделать в полном объеме, иными словами, нельзя запечатлеть все характеристики и свойства предмета; тем самым выдвигается гипотеза о неполноте системы цифрового наследия по отношению к системе традиционного наследия.

Итак, существует класс произведений, изначально созданных в электронной форме, записанных на материальных носителях и объективируемых с помощью устройств считывания информации. Могут ли эти произведения быть музейными предметами? Поскольку музейными предметами считаются движимые предметы, можно полагать, что музейным предметом будет носитель с записанной на нем информацией. Однако, учитывая возможность копирования информации без каких-либо потерь, массовость производства носителей, на которые может быть скопирована информация, и устройств для записи и считывания таковой, мы можем получить значительное количество идентичных музейных предметов, а музейные предметы должны соответствовать критериям редкости, уникальности. Уникальность предмета строится через призму того, насколько ценны для общества сведения, содержащиеся в предмете. Ценность может быть различна: значимость для потребления, социально-культурная, эстетическая и мотивационная. Ценность формы и информации, запечатленной в ней, варьируются, при этом музейный предмет обретает большую значимость в зависимости от того, насколько ценна информация, которую извлекает исследователь, изучая его, либо от того, насколько высока эстетическая ценность предмета. В этой связи интересен вопрос о том, какая ценность в музейном предмете первична — экономическая или культурная (научная, эстетическая), однако это тема для отдельного обсуждения. Итак, в отношении произведения, изначально созданного в цифровой форме, музейным предметом следует признавать материальный носитель.

Несомненно, что невозможно создать точную копию обычного музейного предмета, сохранив мельчайшие особенности оригинала (состав материалов, из которых создан предмет, качество изготовления, габариты и проч.), в то время как легко и быстро можно перекопировать информацию с одного носителя на другой, тем самым реплицировав цифровое произведение. Умалит ли эта возможность музейную значимость носи-

теля? Будет ли носитель, на который скопировано цифровое произведение, также музейным предметом? Оставляя в стороне возможность потери отдельных битов при копировании, что позволит вводить идею различия цифровых оригиналов и копий, заметим, что особенность массового повторения нивелирует критерий уникальности в отношении цифрового музейного предмета.

Процесс реплицирования (создание неотличимой от оригинала копии) приводит к тому, что произведение, созданное с помощью компьютерных технологий, перестает восприниматься как музейный предмет: любое лицо, любой музей могут обладать таким произведением, скопировав его. С течением времени записи будут теряться, уничтожаться, повреждаться, останется незначительное количество носителей, на которых цифровое произведение сохранилось. В итоге мы сможем говорить об уникальном цифровом произведении; и не важно, на каком носителе оно сохранилось, — при условии, что доступ к этому произведению публики (пользователей) ограничен владельцем носителя (ср.: размещенное на одном сервере произведение может быть общедоступно, даже если нет возможности его скопировать).

Завершая краткую постановку вопроса о роли цифрового наследия в системе музеев, отметим, что в будущем электронные носители с информацией, расцениваемые в совокупности как музейные предметы, будут занимать особое место в хранилищах музеев и восприниматься музейными работниками как нечто среднее между кино-, фото-, видеодокументами и музейными предметами в традиционном понимании.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И МУЗЕЯ

УДК 004.032.6; 004.4'27

*Д.Ю. Гук, В.В. Определёнов
D.Yu. Hookk, V.V. Opredelenov*

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (ИКТ) В МЕЖМУЗЕЙНЫХ НАУЧНЫХ ПРОЕКТАХ: ОНТОЛОГИЯ И ПРОГНОЗ

Information and Communication Technologies (ICT) in Inter-research Projects: Ontology and Forecast

Аннотация: авторы предпринимают попытку проанализировать существующие системы информационного обеспечения в музеях, обеспечивающие потребности исследователей, и приходят к выводу о существовании «гносеологического разрыва»: ускоренное развитие технологий создает благоприятные условия, но не обеспечивает прорыва в познании мира. Увлечение технологиями и профессиональными терминами приводит к подмене понятий и смещению акцентов в концепциях вспомогательных научных дисциплин вместо адаптации компьютерных и информационных технологий для нужд гуманитарных исследований.

Abstract: Authors try to analyse contemporary museum information systems, which are used in scientific research, and make a conclusion about probable «epistemological gap»: intensive development of technologies creates favourable conditions but does not lead to a break-through in understanding of historical processes. The interest to the information and computer technologies and the language of technology has resulted in a substitution of concepts and a shift of accents in the terminology in auxiliary scientific disciplines instead of the adaptation of such technologies for the needs of humanitarian studies.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, музей, информационная система, коммуникация, виртуальное пространство, «гносеологический разрыв», виртуальный музей, кибермузеология.

Keywords: museum, information system, communication, virtual space, «epistemological gap», virtual museum, cybermuseology.

Исследователи (и гуманитарии — в первую очередь) связывали с внедрением компьютерных технологий надежды на информационный скачок. Одновременно вышедшие в свет в переводе на русский язык популярные труды Р. Чинхолла и Ж.-К. Гардена [Чинхолл, 1983; Гарден, 1983] стимулировали структурирование и систематизацию научных знаний о музей-

ных коллекциях, в особенности о массовом археологическом материале. Предполагалось не только приведение в порядок и обеспечение автоматизированного доступа к информации, но и применение статистических методов, позволявших проверять научные гипотезы, выявлять неочевидные закономерности. За это время знания исследователей значительно пополнились, и модели, как реальные, так и компьютерные, нужно снова переделывать. Сами технологии тоже развиваются, и новые этапы исследовательского проекта можно и нужно переводить на качественно новый технологический уровень, что влечет за собой увеличение затрат. Технические и программные средства открывают доступ к источникам информации и помогают преодолеть лингвистические барьеры. За четверть века благодаря их интенсивному внедрению появились электронные музейные каталоги, электронные библиотеки, электронные выставки и даже *виртуальные музеи* [Гук, Определёнов, 2014(а)]. Технологии сменяют друг друга с такой скоростью, что мы порой не успеваем узнать, а тем более осознать значение новых терминов. Вопросы терминологических проблем и радикального изменения роли информационно-коммуникационных технологий в музее затрагивали в своих работах А.С. Дриккер, А.В. Дремайлов и Д.Ю. Гук [Дриккер, 1999; Информационные технологии в музее, 2006. С. 10, 13, 19; Гук, 2007]. Эффективность новых технологий в области сохранения культурного наследия не вызывает сомнений, но уместность их использования подлежит изучению.

Идея создания баз данных и информационно-справочных систем предполагает наличие структуры данных и логики в их связи. Многочисленные проектируемые музейные информационные системы в разной степени соответствовали модели жизни музейного экспоната, зафиксированной в различных учетных документах. Именно такая иерархическая структура из информационных кластеров зафиксирована в CIDOC CRM (<http://www.cidoc-crm.org/>). Осуществленные при помощи реляционных баз данных локальные проекты позволяли музеям выполнять внутренние служебные функции, но не были рассчитаны на исследовательские задачи. Прежде всего, не была реализована функция полнотекстового поиска по любым параметрам описания музейных объектов. Похожая ситуация возникла с библиотеками. Разработка стандартов и форматов, на которую ушли десятилетия, решение технологических проблем, связанных с многоязычным поиском, были компенсированы активной оцифровкой реальных каталогов, благодаря которой эти данные стали доступны читателям библиотек. С музейными каталогами все обстоит иначе. Чтобы они приняли пригодный для исследователей вид, их специально готовили к публикации, составляли описания по каждому предмету отдельно для каждой коллекции. Даже при первых попытках электронной каталогизации в 1990-х гг. научные сотрудники музеев рекомендовали брать уже опубликованные материалы. Появившаяся возможность свя-

зывать текстовые описания с иллюстрациями расширила возможности систематизации. Появились удобные графические интерфейсы. В качестве примера соответствия поставленной задачи (инструмент научного исследователя, учащегося, посетителя музея) принципам разработки баз данных может служить «Электронная иллюстрированная история Эрмитажа». Многочисленные и разнородные сведения были успешно приведены в стройную логическую систему, а удобный интерфейс информационно-поисковой системы позволяет избежать бесполезных переходов между многочисленными экранами и многоуровневыми меню. Большое количество данных и иллюстраций оптимизировано для применения в системе с соблюдением всех авторских прав [Гук и др., 2007]. Именно благодаря созданию этого музейного информационного ресурса была получена работающая модель, аналог которой успешно внедрен группой разработчиков CIDOC CRM [Peca et al., 2011]. Результатом их работы под руководством М. Дера стал стандарт описания данных и документов ISO 21127:2014, регламентирующий обмен информацией по культурному наследию. Одновременно с положительным опытом были выявлены проблемы этического характера. Во-первых, данные стали действительно доступны всем, и любой желающий может проводить собственные исследования, писать научные статьи, черпая сведения из редких книг или малотиражных научных трудов. Информация, ранее выдаваемая дозированно, становится общим достоянием. Во-вторых, произошел информационный скачок: казавшийся ранее огромным, трудно воспринимаемым информационный массив сжимается до вполне обозримых размеров, а главное, становится удобным справочным аппаратом при использовании в образовательных и научно-исследовательских целях. Экономится время и появляется возможность синтезировать новую информацию [Гук, Бызова, 2008]. Как следствие, появляется искушение внедрить в экспозицию информационные технологии, предоставляющие доступ к большому количеству дополнительных сведений и фактов, связанных с музейными объектами.

Расширение коммуникационных каналов. Все вышеизложенное означает, что на современном этапе основная задача информационных систем — это систематизация данных, осуществление открытого доступа к ним и, что важно, создание новой информации. Это — новый вид энциклопедий, реализованный современными программно-техническими средствами, по этой причине относительно легко преобразуются в электронный вид уже существующие каталоги и энциклопедии, справочники и словари. Это — данные, к которым обращаются одновременно и с вполне конкретной целью. В отличие от литературного произведения справочники можно начать читать с любой страницы. В *табл. 1* представлен перечень традиционных форм информационного обеспечения, предлагаемого посетителям музея: книги, путеводители, буклеты и др.

В качестве носителя этой информации условно можно назвать «бумагу» и «человека». Следует особо отметить, что генератор данных только один — человек (исследователь, археолог, ученый, реставратор, составитель), который получает данные. Тот же специалист, опираясь на свои данные, определяет структуру цифровых продуктов. Он ожидает увидеть привычные обложку, заголовок и введение, текст и иллюстрации к нему, как в журнале, и даже заключение. Те, кому есть что сказать, затрачивают на это усилия, но не всегда способны выразить это так красиво, как журналисты и профессиональные писатели, превратить в своего рода «культурный фастфуд» [Sterne, 2003. С. 372]. В результате вместо свежих идей получаются «комментарии к трудам канонических авторов» или «рефераты в образовательных целях» [Sterne, 2003. С. 371]. Цифровые информационные ресурсы основаны на других принципах, у них другая логика. Данные связаны друг с другом множеством связей, а не только иерархически. Для большей части пользователей Интернета, ровесников информационного общества, очевидно, что можно обратиться непосредственно к содержимому конкретной страницы какого-либо сайта, минуя его главную страницу и даже после просмотра не возвращаясь на нее. Структура данных и логика переходов неочевидны. Компьютерный дизайн принципиально отличается от книжного. Строго говоря, концепция любого проекта должна быть осознана посредством новых технологий [Ивановский, 2013]. Возникает психологический барьер, вызванный разницей восприятия информации разными поколениями.

Информатизация в музейной сфере до сих пор воспринимается как новация или вопрос престижа, а не как насущная необходимость существования учреждения культуры в информационном обществе. Внедряется какая-либо одна модная технология без технико-экономического обоснования и системного подхода, причем в усеченном виде, хотя культурологические исследования доказали, что «технологии не существуют независимо от общественной практики»; они являются «органичной частью образа жизни членов общества и в этом качестве становятся способом получения опыта и общения» [Sterne, 2003. С. 385].

Исходя из этого, специалисты в области информатики, особенно музейной информатики, должны быть всегда в курсе преимуществ, предоставляемых новыми технологиями, поскольку именно они являются проводниками в этой сложной области знаний и помогают выбрать именно ту технологию, которая наиболее соответствует решаемой задаче. Если нет готовой подходящей или легко адаптируемой современной технологии для определенных целей, следует повременить или отказаться совсем от продолжения проекта.

Новые возможности, предоставляемые современными информационными технологиями, влекут за собой развитие новых форм информационного обслуживания музейных посетителей. Первое десятилетие XXI в.

было ознаменовано массовым созданием музейных мультимедийных продуктов: визитных карточек, компьютерных игр, тематических каталогов и справочных изданий. Сегодня кажется странным, что на эти локальные продукты затрачивалось огромное количество усилий, а насколько они были полезны, мало кто интересовался. Перспектива показа коллекций и результатов научной деятельности музея через Интернет представляется многообещающей. Последние два года крупнейшие музеи активно объявляют о запусках новых версий официальных сайтов, где открывается доступ к изображениям всех предметов. И даже если эти изображения не столь хорошего качества, как у Рийксмузея, они вполне пригодны для научной работы, тем более что на таких ресурсах, как Лувр, Британский музей или Метрополитен, есть контактные данные хранителя фондов, которому можно адресовать вопрос. Однако и на новых ресурсах нет доступа к музейным библиотекам: их электронные каталоги по-прежнему недоступны для исследователей. Кроме того, отсутствует логическая связь между книгой в музейной библиотеке и музейным предметом, описанным или опубликованным в этой книге.

Что же такое музейный сайт? Как показывает опыт, это уже не отдельный ресурс, а, возможно, целая информационная система. Кроме контроля эффективности самого музейного информационного ресурса в настоящее время становится возможным проводить музеологические исследования среди музейных посетителей, виртуальных и реальных [Калинина и др., 2008; Гук, Определёнов, 2014]. Накопленный опыт в области развития информационных систем выявил всю важность первого этапа любого проекта — так называемой постановки задачи. Наша традиционная формулировка «широкий круг пользователей», как правило, означает, что в действительности мы не знаем, кто эти люди (дети, женщины, только историки искусств или кто-то еще) и что они собираются делать с полученной информацией. Только в случае корректного ответа на вопросы «для кого?» и «зачем?» разработчики могут начинать создание рабочей модели любой системы. Также очень важно учитывать все первоначальные идеи до самого конца работ. Концепция восприятия в музее принципиально изменилась. Из пассивного созерцателя музейный посетитель превращается в активного, творческого деятеля. Культура потребления в информационном обществе заменяется культурой участия [Гук, 2014].

Динамическая генерация информационных ресурсов на открытых платформах. Первый этап создания музеями электронных ресурсов основывался на концепции пассивного восприятия. Процесс перехода к открытым компьютерным платформам и децентрализации информационных потоков в явном виде присутствует и в музейной среде [Богомазова, 2009. С. 86]. Приход в музей нового поколения пользователей обуславливает прорыв в понимании самой природы виртуальности.

В этих условиях неразвитость информационных ресурсов по культуре, вторичность и неполнота представляют определенную опасность для гуманитарной сферы [Богомазова, 2009. С. 83; Гук, Определёнов, 2014(а). С. 64; 2014(б). С. 126]. В это же время в европейском музейном сообществе проекты по созданию информационных ресурсов по культурному наследию отталкиваются от директивы Европейского парламента, направленной на обеспечение беспрепятственного вторичного использования публичной информации [PSI Directive, 2003].

На данный момент любой научный проект, связанный с информационными технологиями, в том числе и в сфере культуры, ориентируется на технологии Web 2.0. В основе его лежит философия коллективного интеллекта, приносящая пользу каждому его пользователю за счет динамической генерации и распространения формализованной информации. Все данные могут модифицироваться и представляться в виде, удобном для пользователя. Открытость платформ позволяет персонализировать интерфейсы. Возможность применять любые технические приемы через браузер является принципиальным моментом, поскольку это позволяет совместно использовать, масштабировать и воспроизводить файлы с медиаданными (дву- и трехмерные изображения, видео, аудио и др.). Предъявляемые к таким ресурсам технические требования резко возрастают, поскольку они должны обеспечивать текущее и резервное хранение постоянно растущих массивов данных и коммуникационную нагрузку со стороны пользователей таких ресурсов. Это выходит за рамки музейных функций и провоцирует обращение к информационным сервисам. Модное понятие *облачные технологии* и *облачные сервисы* для музеев существует пока только в теории. Опасения вызывают закономерные вопросы: что случится с данными, если поставщик услуг прекратит их оказание; как обеспечивается и регламентируется доступ к данным и их сохранность; соответствует ли система хранения стандарту ISO 14721:2003; как организованы метаданные; где территориально располагается хранилище данных и за кем закреплены авторские права на хранимую информацию; возможно ли оперативное использование хранимых данных по удаленному доступу и т. д.

Более простыми для освоения оказались открытые ресурсы, ориентированные на научных работников: ResearchGate, Academia.edu. Они позволяют исследователям оперативно загружать свои публикации или ссылки на них в других электронных ресурсах, соотносить с тематикой по ключевым словам, а также, пользуясь встроенными сервисами, анализировать интерес к этим публикациям по количеству их просмотров и скачиваний. В этом кроется огромное преимущество для региональных музеев, поскольку узкоспециализированные статьи становятся доступны практически всем, кто в них нуждается. Личная заинтересованность авторов гарантирует, что открытый доступ к научной публикации будет обеспечен

раньше, чем она попадет в центральные библиотеки. Коллаборативные массивы контента (Wiki), создаваемые и редактируемые зарегистрированными пользователями, как показывает веб-аналитика музейных сайтов, являются наиболее эффективным средством популяризации знаний. Именно оттуда значительная часть виртуальных посетителей попадает на сайты музеев. Есть социальные сети, целью которых является установление контактов между профессионалами в определенных областях знаний (LinkedIn, Профессионалы.RU), но, как показывает опыт, это практически тот же круг общения, что и на тематических конференциях. Технологии подкастинга музеями освоены не в полной мере, в большей степени в силу трудозатратности подготовки данных. Информация, распространяемая через социальные сети (Facebook, Twitter, Youtube, Одноклассники, ВКонтакте), потребляется ограниченным сегментом пользователей Интернета, практически не пересекающимся с реальными посетителями музеев.

Вопрос, обеспечивают ли новые технологии гносеологический прорыв, возникает постоянно. Его обсуждению посвящаются специальные «круглые столы» на научных конференциях. В качестве примера можно привести обсуждение темы «Чего вы ожидаете от виртуальной археологии?» на ежегодной 42-й конференции «Применение компьютеров и количественные методы в археологии» (САА2014). П. Рейли, благодаря которому в научный оборот и был введен термин «виртуальная археология», считал, что она «описывала способ, которым можно было использовать технологии для получения новых методов документирования, интерпретирования и описания исходных археологических материалов и процессов, и побуждала специалистов-практиков изучать взаимодействие между цифровой и обычной археологической практикой» [Beale, Reilly, 2014. С. 124]. Вследствие этого ожидался гносеологический прорыв в традиционной археологической практике фиксации и представления данных полевых исследований посредством создания компьютерной модели, наглядно демонстрировавшей «не только что было и что есть, но и что могло бы быть» [Там же].

Надежды исследователей, предполагавших, что компьютерные методы обеспечат некий прорыв в понимании исторических процессов, не оправдались. Определенный прогресс в решении задач был отмечен благодаря возможностям: интеграции данных в цифровых архивах; обработке данных на естественном языке; преодолению языковых барьеров; новым теориям, преобразовывающим традиционную археологию; социальным сетям как месту научной коммуникации.

Естественно, предполагалось широкое использование средств компьютерной графики. Вместо решения первоначальной задачи, состоявшей в адаптации компьютерных технологий к их использованию в традиционной археологической практике, произошла подмена понятий.

Концепция виртуальной археологии, подразумевавшая описание средствами компьютерного моделирования сущности, изменяющейся в силу своей природы и потенциально способной измениться, стала заложницей определения «виртуальный».

Создание при помощи технологий 3D печати на основе компьютерных моделей реплик археологических предметов является существенным подспорьем в преодолении пространственных и языковых барьеров и обеспечивает каждому исследователю доступ к памятникам материальной культуры. Таким образом, для научных исследований создаются благоприятные условия. Аналитическую работу в любом случае следует делать самим ученым. Отставание аналитических способностей от возможностей по сбору, систематизации и представлению информации образует *гносеологический разрыв*.

Межмузейная коммуникация в виртуальном пространстве.

В эпоху смены информационной парадигмы разнообразие информационных потоков музейной коммуникативной среды обеспечивается не только самими музеями, но и их посетителями. Стратегическое направление прослеживается в развитии межмузейной коммуникации [Калинина и др., 2005; Гук, Определёнов, 2014]. Одним из наиболее простых способов ее развития является проведение межмузейных конференций и встреч специалистов при помощи Skype и видеоконференций с трансляцией в режиме онлайн и последующим доступом к записям через Интернет. Таким образом, благодаря компьютерным технологиям преодолеваются временные и пространственные ограничения.

По теории информационных систем цикл жизни любой из них равен одному десятилетию. Музеи являются консервативной системой по своей сути и не меняют концепции столетиями. Преодоление этого противоречия, приводящего к утрате жизнеспособности музейных проектов, может быть осуществлено за счет эффективного партнерства [Богомазова, 2009. С. 88]. На сегодняшний день мы являемся свидетелями создания виртуальных сред для представления результатов научных исследований широкой публике на сайтах, посвященных культурному наследию, и непосредственно на туристических объектах (музеи, достопримечательности, заповедники и пр.).

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. ведущая роль в формировании человеческого капитала, создающего экономику знаний, отводится сфере культуры, что предполагает, в частности, переход к качественно новому развитию библиотечного, музейного и архивного дела. Исходя из этого, современное понимание миссии музея требует поиска инновационных подходов к его деятельности, использования новых методов и средств в научном поиске, информатизации основных направлений музейной работы. В более широком смысле следует развивать

принципиально новые формы музейной деятельности — виртуальные музеи. Если в конце XX в. музейные исследователи горячо спорили, имеет ли право на существование *виртуальный музей* и не станет ли он альтернативой реальному музею, то теперь стало ясно, что это сосуществующие понятия [Дриккер, 1999; 2006; Гук, Определёнов, 2014]. Проекты, выполненные в рамках 7-й рамочной программы Еврокомиссии (<http://www.v-must.net/virtual-museums>), позволяют получить достаточно полное представление о концептуальных взглядах европейских исследователей [Hermon, Hazan, 2013; Handbook..., 2014]. Отечественная концептуальная модель виртуальных миров [Игнатъев и др., 2009] отличается фундаментальностью.

Виртуальная реальность (виртуальное окружение, виртуальная среда) обеспечивает, в общем случае, погружение человека в искусственно созданную среду с шестью степенями свободы и взаимодействием с объектами среды в реальном времени с использованием различных характеристик человека (физических, сенсомоторных и др.). В виртуальном пространстве заложен *большой потенциал* для приобретения знаний вследствие возможности получения опыта способами, недоступными в реальном мире. К ним относятся масштабирование, трансдукция и материализация. Другим существенным преимуществом является возможность анализа одного и того же предмета или явления с разных точек зрения [Игнатъев и др., 2009. С. 264], что в полной мере соответствует целям научных исследований.

Футуристический прогноз. Анализ текущего состояния музейного информационного обеспечения, применимого для научных исследований, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, увлечение технологиями и профессиональными терминами приводит к подмене понятий и смещению акцентов в концепциях вспомогательных научных дисциплин вместо адаптации компьютерных и информационных технологий для нужд гуманитарных исследований.

Во-вторых, накопленные цифровые информационные массивы изображений и опубликованных материалов по ним должны быть в открытом доступе в Интернете; они будут иметь смысл как источниковедческая база только в случае публикации коллекций в полном объеме с возможностью полнотекстового контекстного поиска и обратной связи с владельцами предоставленных данных.

В-третьих, отсутствует осознание «гносеологического разрыва»: ускоренное развитие технологий только создает благоприятные условия, но не обеспечивает прорыва в познании мира. Расширение коммуникационных каналов открывает дополнительные источники получения данных для социологических исследований музейной аудитории.

В-четвертых, существуют когнитивные различия между поколением «книжных исследователей» и ровесниками информационного общества.

Культура участия приходит на смену культуре потребления, в котором каждый член общества может быть равноправным участником процесса создания новой информации, чему способствуют технологии динамической генерации информационных ресурсов на открытых платформах.

И наконец, успех и эффективность научных исследований во многом определяются стабильной межмузейной коммуникацией. Создание виртуальных сред, в частности виртуальных музеев, открывает недоступные ранее перспективы научной работы.

Таблица 1
Формы информационного обеспечения в музеях

Доступ	Традиционные		Компьютерные	
	формы	носители	формы	
внутри и вне музея	Лекции	Люди	Интернет	виртуальные экскурсии, электронные экскурсии, учебные курсы, информационно-поисковые системы, мобильные приложения
внутри музея	консультации		сенсорные киоски	информационно-поисковые системы
	Экскурсии		плазменные панели	ролики и видеофильмы к выставкам
			сенсорные киоски, мобильные устройства	навигация по залам
вне музея	Указатели этикетаж в витринах	Бумага		
	печатная продукция (книги, буклеты и др.)		компакт-диски	виртуальные экскурсии, электронные экскурсии, учебные курсы, информационно-поисковые системы

Библиография

Богомазова Т.Г. Генеративный музей: неизбежность несбыточного // Информационные технологии в музее. Вып. 3. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 83–94.

Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. М.: Прогресс, 1983. 296 с.

Гук Д.Ю. Эссе об эффективности современных информационных технологий // 10-я Международная конференция EVA'2007, Москва. 3–6 декабря. Электрон-

ный ресурс: http://conf.cpic.ru/eva2007/rus/reports/report_1125.html. Дата доступа: 31.12.2014.

Гук Д.Ю. Источники виртуальных знаний о музейных коллекциях [Электронный ресурс] // Развитие и сохранение электронного культурного и научного наследия: материалы конференции EVA 2012. Электрон. дан. М., 2012: Центр ПИК. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Режим доступа: <https://eva.rsl.ru/ru/2012/report/list/1074>. Дата доступа: 31.12.2014.

Гук Д.Ю. Интерактивность информационного обеспечения музейной экспозиции // EVAМосква 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://eva.rsl.ru/ru/2013/report/list/1186/> Дата доступа: 31.12.2014.

Гук Д.Ю. Технологические инновации в музейной среде: культура потребления — культура участия // Электронная библиотека. Вып. 5: Научное и организационно-технологическое формирование цифрового библиотечного, музейного и архивного контента: Сборник научных трудов. СПб.: Президентская библиотека, 2014. [Серия «Электронная библиотека» / Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина; науч. ред. Е.Д. Жабко. СПб.: Президентская библиотека, 2011 — ...]. С. 57–79.

Гук Д.Ю., Бызова Э.П. «Информационный скачок» как результат внедрения новых технологий в Государственном Эрмитаже // Информационное общество, культура, образование. EVAМосква 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://conf.evarussia.ru/eva2008/rus/reports/report_1382.html. Дата доступа: 31.12.2014.

Гук Д.Ю., Бызова Э.П., Цапаева Н.Ю. Современные информационные технологии в музее: электронная иллюстрированная история Государственного Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVI: Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур. Избранные материалы конференции, состоявшейся 18–20 октября 2005 года в Государственном Эрмитаже. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007. С. 375–380.

Гук Д.Ю., Определёнов В.В. Виртуальное пространство как место межмузейной коммуникации // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 29 сентября — 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014(а). С. 63–70.

Гук Д.Ю., Определёнов В.В. Методические аспекты анализа и контроля эффективности информационных ресурсов музея в сети Интернет // Информационные ресурсы — футурологический аспект: планы, прогнозы, перспективы. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции «Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов», 30–31 октября 2014 г., Санкт-Петербург. СПб.: Политехника-сервис, 2014(б). С. 126–137.

Дриккер А.С. Виртуальный художественный музей: информационные принципы // Музеи и информационное пространство: проблема информатизации и культурное наследие: материалы 11-й конференции АДИТ. Электрон. дан. Ярославль, 1999. Режим доступа: http://www.adit.ru/adit99/material/pd102_r.htm. Загл. с экрана.

Дриккер А.С. Виртуальный музей: от информационных технологий к новому качеству художественных решений. 2006. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://dvinaland.ru/culture/site/Publications/EoC/EoC2006-3/13.pdf>. Дата доступа: 31.12.2014.

Ивановский А. Алексей Ивановский о том, зачем делать статьи интерактивными // Look At Me. 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.lookatme.ru/mag/industry/industry-interview/196937-art-directors-ivanovsky>. Дата доступа: 31.12.2014.

Игнатъев М.Б., Никитин А.В., Никитин А.А., Решетникова Н.Н. Архитектура виртуальных миров. СПб.: Политехника, 2009. 238 с.

Информационные технологии в музее. Вып. 2: Материалы Круглого стола к 25-летию Отдела музейной информатики Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006.

Калинина Л.Л., Пролеткин И.В., Шпак М.Е. Модель ИТ-сотрудничества: опыт совместной реализации крупных музейных проектов на основе информационных технологий // Справочник руководителя учреждения культуры. № 6. М., 2005. С. 59–67.

Калинина Л.Л., Пролеткин И.В., Шпак М.Е. Интернет-сайт как инструмент для работы музейщика // Справочник руководителя учреждения культуры. № 11. М., 2007. С. 83–87.

Калинина Л.Л., Пролеткин И.В., Шпак М.Е. Изучение виртуального пространства музея // Справочник руководителя учреждения культуры. № 10. М., 2008. С. 37–51.

Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / Отв. ред. А. Щербакова, сост. Н. Капелянская. М.: [б.и.], 2012. 176 с.

Чинхолл Р. Музейная каталогизация и ЭВМ / Пер. с англ.; под ред. [и с предисл.] Ю.А. Асеева, Я.А. Шера. М.: Мир, 1983. 296 с.

Beale G., Reilly P. Virtual archaeology in a material world: new technologies enabling novel perspectives // САА 2014 Paris: 21st Century Archaeology. Paris, 2014. 22 pp. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://eprints.soton.ac.uk/364454/1/VA%20in%20material%20world%20CAA14%20Paris.pdf>. Дата доступа: 31.12.2014.

Handbook for Creative Cultural Heritage Cooperation Projects // Ed. by G. Geser, V.H. Prähauser, A. Strasser. Salzburg, Salzburg Research Forschungsgesellschaft m.b.H. 2014.

Hermon S., Hazan S. Rethinking the virtual museum // Manuscript accepted for publication at the “Digital Heritage” congress 2013 proceedings, IEEE special edition. 2013. pp. 625–632.

PSI Directive. Directive 2003/98/EC of the European Parliament and of the Council of 17 November 2003 on the re-use of public sector information. OJ L 345, 31.12.2003. p. 90. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32003L0098:En:HTML>. Дата доступа: 31.12.2014.

ISO 21127: 2014. <http://www.iso.org/iso/rss.xml?csnumber=57832&rss=detail> Information and documentation – A reference ontology for the interchange of cultural heritage information.

Peca S., Scopigno R., Doerr M., Theodoridou M., Georgis Ch., Ponchio F., Stork A. 3D-centered media linking and semantic enrichment through integrated searching, browsing, viewing and annotating // Proceedings of VAST11: The 12th International Symposium on Virtual Reality, Archaeology and Intelligent Cultural Heritage. October 18–21, 2011, Prato, Italy, pp. 89–96.

Sterne J. Bourdieu, technique and technology // Cultural studies, 17 (3/4), 2003. pp. 367–389.

ВИРТУАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕЗЕНТАЦИИ МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЙ¹

Digital Humanities and Virtual Reconstructions in the Museum Space

Аннотация: в статье дается краткая характеристика нового междисциплинарного направления, получившего название *Digital Humanities* и тесно связанного с сохранением культурного наследия, в том числе с использованием цифровых медиа музеями. Важной компонентой этого направления является разработка виртуальных реконструкций объектов культурного наследия, основанных на методах 3D-моделирования. В статье рассматриваются источниковедческие вопросы, возникающие при создании виртуальной реконструкции исторической городской застройки с помощью технологий компьютерного 3D-моделирования. Разработка этих технологий дала импульс появлению нового направления исторической урбанистики, связанного с изучением эволюции городской среды, которая во многом определяется эволюцией исторической городской застройки. 3D-модели привлекают внимание специалистов в области музейного дела, поскольку позволяют визуализировать объекты культурного наследия в их объемном представлении, с учетом эволюции их развития, не требуя при этом дополнительных площадей и привлекая молодых (и не только) посетителей. При этом традиционные для музеев (материальные) реконструкции могут сочетаться с виртуальными. В статье рассматривается в этой связи исследовательский проект «Виртуальная реконструкция московского Страстного монастыря (середина XVII — начало XX вв.)».

Abstract: The article describes a new interdisciplinary field - Digital Humanities closely associated with the preservation of cultural heritage, including using digital media in the creation of museum technologies. An important component of this trend is the development of virtual reconstructions of cultural heritage, based on the methods of 3D modeling. The paper contains methodological aspects of virtual reconstruction of historical area of Moscow center in the 18th – 19th cc., particularly Strastnaya Square, emerged in the 17th century around the Strastnoy monastery. The research is supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF) № 14-18-03473.

Ключевые слова: история, музееведение, сохранение культурного наследия, музейные технологии, виртуальные реконструкции, 3D-моделирование, историческая урбанистика, синтез источников, Страстной монастырь, Digital Humanities, Digital History.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом (РНФ), грант № 14-18-03473.

Keywords: historical science, museology, Digital Humanities, Digital History, cultural heritage preservation, museum technologies, virtual reconstruction, 3D modeling, urban history, Strastnoy monastery.

Музейные экспозиции, посвященные истории того или иного города, нередко включают реконструкции-модели (макеты) исторической городской застройки, представлявшей особый исторический интерес. Такая визуализация образа города, отдельных его архитектурных ансамблей имеет давнюю традицию, но сегодня эта традиция дополняется инновациями, связанными с возможностями компьютерного 3D-моделирования. Эти инновации открывают и новые горизонты в развитии исторической урбанистики («городской истории») — направления исторической науки, сформировавшегося в 1960-х гг. В течение последующих десятилетий оно развивалось преимущественно в рамках социальной истории, когда в центре внимания работ этого направления находились вопросы изучения городских социальных групп, сетей и структур [Биттнер, 2010]. Как отмечает С. Биттнер, в соответствии со сложившейся практикой историческая урбанистика изучает в основном историю не столько городов, сколько живших в городах людей и события, которые там происходили [Там же]. По мнению этого американского историка, уход от «биографий городов» в сторону социальной истории обладал рядом неприятных последствий, наиболее существенным из которых является то, что «слишком часто стремление историков к обобщениям затемняло пространственную и географическую специфику конкретных городов» [Там же]. В результате оказалось, что исследования подобного рода (анализ архитектуры, городского планирования, эволюции застройки и т. д.) были «отнесены на периферию городской истории, а иногда и вовсе вынесены за ее пределы» [Там же]. И даже Ч. Тилли, признававший значение изучения городского пространства, утверждал, что городская история в основе своей является социально-историческим направлением и что историки-урбанисты, следовательно, «должны двигаться к самым смелым горизонтам социальной истории» [Tilly, 1996].

Новый импульс развитию этой области исторической урбанистики дало появление новых компьютерных 3D-технологий, на основе которых стало возможным создавать виртуальные реконструкции исторической городской застройки в ее эволюции, в ходе которой нередко изменяется облик зданий, улиц и площадей; иногда они исчезают с карты города — в ходе радикальных перестроек или в результате войн, пожаров и т. п. Использование в процессе построения виртуальной реконструкции методов 3D-моделирования требует новых историкоисследовательских подходов, ориентированных на синтез разнотипных источников, к тому же относящихся к различным периодам, в течение которых происходила эволюция изучаемой исторической застройки. Немаловажным аспектом такой ра-

боты является и обеспечение верификации создаваемой виртуальной реконструкции. 3D-модели привлекают внимание специалистов в области музейного дела, поскольку позволяют не только визуализировать объекты культурного наследия в их объемном представлении, с учетом их эволюции, но и обеспечить посетителей музеев возможностями интерактивного взаимодействия с 3D-моделями. При этом виртуальные реконструкции не требуют дополнительных площадей и привлекают молодых (и не только) посетителей. Естественно, традиционные для музеев (материальные) реконструкции могут сочетаться с виртуальными.

В данной статье эти вопросы рассматриваются на примере проекта по созданию виртуальной реконструкции исторической городской застройки центра Москвы, конкретно — Страстной площади, возникшей в XVII в. вокруг Страстного девичьего монастыря, который был уничтожен в 1930-х гг. Анализ эволюции рассматриваемой пространственной инфраструктуры проводится на основе комплекса источников, характеризующих объекты реконструкции на нескольких временных срезах. Наш междисциплинарный проект реализуется на кафедре исторической информатики МГУ им. М.В. Ломоносова в 2014—2015 гг.

Развитие IT-приложений в сфере сохранения культурного наследия привело на рубеже XX—XXI вв. к становлению междисциплинарного направления *Digital Humanities*. Это направление, развивающееся на стыке современных информационных технологий и гуманитарных наук, отражает потребности гуманитарного знания в расширении своего методического инструментария — и в совершенствовании информационного обеспечения музеев, библиотек, архивов и других учреждений, ориентированных на сохранение историко-культурного наследия [см., напр.: Frow, 2006; Бородкин, 2008; Бородкин, Владимирова, Гарскова, 2003; Таллер, 2012]. По сути, речь идет о создании новой, высокотехнологичной инфраструктуры этой важной сферы деятельности (хотя об устоявшемся определении границ этого направления пока говорить не приходится [Володин, 2014]). Существенно, что *Digital Humanities* охватывает практически весь спектр гуманитарных дисциплин, демонстрируя тем самым интеграционные тенденции, делая акцент на тех общих подходах, которые сложились в ходе компьютеризации различных гуманитарных дисциплин. История, археология, этнография являются важными компонентами интеграционного процесса, идущего в рамках *Digital Humanities*. Для нас в данной работе наибольший интерес представляет его направление, связанное с возможностями 3D-технологий для решения задач построения виртуальных реконструкций объектов культурного наследия. При этом мы не обращаемся к опыту использования новых музейных технологий, накопленному в российском музейном сообществе, — этот опыт является предметом рассмотрения других авторов данного сборника.

Характеризуя процесс институционализации *Digital Humanities*, отметим, что в течение последнего десятилетия в разных странах возникли десятки научно-образовательных структур такого профиля. Речь идет, прежде всего, о департаментах (кафедрах) и исследовательских центрах *Digital Humanities*, а также нескольких международных организациях/ассоциациях, объединивших десятки научных центров, работающих в этом направлении и организованных в сетевое сообщество. В эту сеть к началу 2015 г. входили более 100 научно-образовательных центров и организаций из 20 стран.

Если исходить из сочетания исследовательского потенциала и образовательного процесса, то лидером в области *Digital Humanities* является, пожалуй, департамент Digital Humanities Лондонского Королевского колледжа (King's College London). В составе этой кафедры (DDH — Department of Digital Humanities) — около 40 преподавателей и научных сотрудников. DDH реализует цифровые проекты и проводит подготовку в области *Digital Humanities* на всех уровнях образования, включая бакалавриат, магистратуру и аспирантуру [см.: <http://www.kcl.ac.uk/artshums/depts/ddh>]. Выпускники, прошедшие подготовку по программе *Digital Humanities*, имеют больше возможностей получить интересную профессиональную работу, применить полученные знания и навыки в реализации современных программ развития музеев и архивов.

Однако интеграция процессов информатизации гуманитарных наук, нашедшая отражение в становлении и развитии *Digital Humanities*, не снимает с повестки другой вопрос, связанный со спецификой этих процессов в различных областях гуманитарного знания. Для нас особую значимость этот вопрос имеет по отношению к сфере исторического знания и его приложений.

Активное развитие междисциплинарной области, связанной с применением компьютерных технологий в исторических исследованиях и образовании, породило в последние годы немало дискуссий о соотношении терминов, определяющих методологические и технологические аспекты этой области, ее теоретические и прикладные направления. Наряду с терминами, ставшими уже привычными — History and Computing, Historical Information Science, историческая информатика, — все чаще встречается термин «*Digital History*». Буквальный перевод на русский язык — «цифровая история» — представляется не вполне адекватным, т. к. наводит на мысль, что речь идет об «истории в цифрах», ориентированной на изучение статистических источников. Зарубежные публикации, а также материалы портала «*Digital History*», созданного в Университете Небраска-Линкольн (США) [Mapping, 2007], позволяют разобраться в содержании этого складывающегося направления.

Digital History обычно связывают с применением цифровых медиа и инструментов для развития инфраструктуры исторических исследований

и образования, в задачах презентации и визуализации, рассматривая это направление как ответвление от более широкой области *History and Computing*. Существенно, однако, что сам термин *Digital History* родился не в среде историков (исследователей и преподавателей), а в среде специалистов, занимающихся IT-приложениями в музеях, архивах, других учреждениях сохранения историко-культурного наследия, где решаются практические задачи оцифровки соответствующих материалов и обеспечения доступа к ним. Если обратиться к более ранним работам, упоминаемым в контексте *Digital History*, то ссылаются, как правило, на разработку электронных текстов, оптических дисков (CD-ROM), интерактивных карт, онлайн-презентаций музейных артефактов, виртуальных реконструкций, а также на проекты оцифровки архивных, музейных и библиотечных фондов, организации виртуальных выставок. В публикациях последних лет *Digital History* связывают иногда с работами совместных проектов, онлайн-новых сообществ и социальных (профессионально-ориентированных) сетей, основанных на инновационных технологиях Web 2.0. По мнению Дж. Фрай [Frow, 2006], *Digital History* ориентируется на создание новых методов цифровой записи документов и артефактов, их сохранения и обращения к ним; определение аутентичности цифрового контента; разработку технологий перевода архивных материалов, оцифрованных в устаревших медиаформатах, в более современные форматы и стандарты; облегчение доступа к оцифрованным данным пользователям с ограниченными возможностями (в силу возрастных или экономических факторов). По-видимому, первыми внедрили термин *Digital History* американские исследователи Э. Айерс и У. Томас, учредившие в 1997 г. Virginia Center for Digital History (VCDH) при Университете Виргинии.

В 2000-х гг. появились работы ряда авторов, которые вошли в поле *Digital History* на основе своего опыта работы с компьютерными технологиями, цифровыми медиа в различных междисциплинарных проектах гуманитарного профиля, в сфере сохранения культурного наследия (включая музеи, архивы, библиотеки), в проектах по созданию масштабных электронных ресурсов. В этих работах *Digital History* определяется как широкая область прикладных разработок, призванных усовершенствовать работу историков, археологов, искусствоведов на основе компьютерных («цифровых») технологий, облегчить доступ пользователей к оцифрованным историческим ресурсам, повысить степень их наглядности и визуальной репрезентации, дать импульс музейным технологиям.

Одним из наиболее цитируемых авторов этого направления является Пол Л. Артур, заместитель директора Национального биографического центра Австралии. П. Артур возглавляет также Австралийско-Азиатскую ассоциацию «Digital Humanities». В статье о тенденциях развития методов *e-Research* в гуманитарных исследованиях П. Артур пишет, что укреп-

ляющийся альянс гуманитарных наук и информационных технологий, выявляемый и через растущую популярность таких терминов, как «digital humanities», «humanities computing», «e-Research», свидетельствует о появлении «пограничной зоны» в конкуренции между традиционными и новыми подходами в изучении и преподавании гуманитарных дисциплин в университетах [Arthur, 2009]. В другой своей работе, отталкиваясь от тенденций развития цифровых медиатехнологий, применяемых в музейном деле, П. Артур предлагает классификацию основных направлений, составляющих *Digital History* [Arthur, 2008]. Автор отмечает, что «цифровое представление» истории становится растущим направлением в рамках учебных дисциплин, как традиционно связанных с изучением прошлого (например, истории и археологии), так и связанных с историей меньше, чем с творческим осмыслением прошлого (имея в виду, например, литературу, медиаискусства, портретную живопись). Без сомнения, пишет П. Артур, наиболее важная работа, которая проводилась в области *Digital History*, — это оцифровка материалов первичных источников, позволявшая обеспечить широкий доступ к коллекциям данных, практически недоступных ранее. В настоящее время мы только начинаем оценивать те перспективы, которые получают исследователи (и обучаемые) в результате масштабных проектов по оцифровке исторических источников (особенно тех проектов, которые имели поддержку в течение целого ряда лет).

П. Артур выделяет несколько направлений, характеризующих, по его мнению, содержание *Digital History*. Первое из этих направлений он связывает с задачами прикладной визуализации — виртуальной реконструкцией объектов культурного наследия, пространственной репрезентацией и ГИС-приложениями в исторических и археологических исследованиях. Современные технологии 3D-моделирования позволяют реализовать реконструкцию и визуализацию объектов культурного наследия, с использованием 3D-рендеринга (представления) и анимации, а также цифровую реставрацию объектов. Быстро признанный передовыми музеями, этот подход в течение последнего десятилетия оказал заметное воздействие на методику музейных реконструкций, организацию виртуальных выставок. Интересный пример таких разработок дает проект, реализованный в 1997—2003 гг. в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес) на базе известной лаборатории UCLA Cultural Virtual Reality Laboratory. В этом проекте была построена цифровая 3D-модель форума Рима позднеримского времени. Многообещающей перспективой использования такого моделирования П. Артур считает проверку гипотез об альтернативных вариантах визуализации объектов историко-культурного наследия, не дошедших до настоящего времени.

Как уже отмечалось, одним из наиболее востребованных направлений *Digital Humanities* является разработка виртуальных реконструкций

объектов культурного наследия [Бородкин, Жеребятъев, 2012]. 3D-модели привлекают внимание специалистов в области музейного дела, поскольку позволяют визуализировать объекты культурного наследия в их объемном представлении, с учетом эволюции их развития, не требуя при этом дополнительных площадей и привлекая молодых (и не только) посетителей. При этом традиционные для музеев (материальные) реконструкции могут сочетаться с виртуальными. Рассмотрим в этой связи исследовательский проект «Виртуальная реконструкция московского Страстного монастыря (середина XVII – начало XX в.): анализ эволюции пространственной инфраструктуры на основе методов 3D-моделирования» (поддержан Российским научным фондом, грант № 14-18-03473), начавшийся в 2014 г. с участием историков, IT-специалистов, архитекторов, культурологов и специалистов-реставраторов.

Целью проекта является разработка виртуальной реконструкции Страстного монастыря – уникального памятника историко-культурного наследия Москвы. Для достижения поставленной в проекте задачи используются методы виртуальной реконструкции. Имеющиеся в нашем распоряжении компьютерные средства позволяют, используя комплекс источников, характеризующих реконструируемый объект в его эволюции, получить его пространственную реконструкцию на нескольких временных срезах. Для этого необходим комплекс источников, репрезентативно представляющих реконструируемый объект.

В нашем случае имеется большой массив архивной документации по истории и пространственной структуре Страстного монастыря: чертежи, планы, описи строений монастыря, делопроизводственная документация, фотографии XIX – начала XX в., гравюры и др. Эти материалы представлены в основном в фондах архивов, а также в фондах Музея архитектуры им. А.В. Щусева и Музея истории города Москвы. Источников по истории монастыря сохранилось достаточное количество, что позволяет нам говорить о возможности его достоверной реконструкции.

Результатом проекта стала разработка виртуальной реконструкции Страстного монастыря и прилегающего к нему исторического пространства Страстной площади, основанная на технологии компьютерного 3D-моделирования (в нашем случае можно говорить о 4D-моделировании, если учесть, что построение виртуальной реконструкции реализовано на трех временных срезах: рубеж XVII–XVIII вв., 1830-е гг., начало XX в.). Выбор указанных временных срезов определяется их значимостью в истории Страстного монастыря и обеспеченностью источниками.

Программно-алгоритмическое обеспечение проекта включает ряд компонент. Так, графическая источниковая база первоначально подлежит оцифровке с последующей обработкой в программах графических редакторов (Adobe Photoshop CS3) с целью исправления цветности, кадрирования и т. п. Если фотография или гравюра являются единственным

историческим источником, по которому можно судить о размерах постройки и ее внешнем облике, то используются программы фотограмметрии. В программах 3D-моделирования (Autodesk 3Ds Max, ArchiCAD, Google SketchUp и др.) осуществляется синтез источниковой базы, по известным параметрам зданий задаются их размеры, восстанавливается облик, а также материал; в конечном итоге получается объемная 3D-модель.

Итоговая сцена формируется из 3D-моделей в так называемых 3D-движках (Unity3D), в той же программе ведется построение 3D-модели ландшафта и интеграция источниковой базы в 3D-сцену. Переход к более поздним временным срезам и процесс взаимодействия с пользователем осуществляются посредством написанного интерфейса с возможностью «интерактивного путешествия» по виртуальной реконструкции в онлайн-режиме.

Для обеспечения возможности просмотра реконструкции на различных временных срезах мы используем программы виртуальных панорам (KpPanO, PanO2VR), привязывающие исторические панорамы, созданные на базе виртуальной реконструкции, к современным GPS-координатам. В рассматриваемой оболочке возможен просмотр панорамы созданной виртуальной реконструкции с одной точки с обзором 360 градусов.

Верификация виртуальной реконструкции проводится с использованием программных модулей репрезентации и анализа, разработанных в рамках проекта Д.И. Жеребятьевым; к ним относятся модули работы с графической документацией (Prezi), текстовой (ISSUU, PDF Publisher), модуль анализа параметров 3D-моделей (на базе технологий Adobe Acrobat X), оболочка виртуальных панорам. Подробнее о возможностях этого программного обеспечения и результатах его использования в рассматриваемом проекте см. в статье Л.И. Бородкина, Д.И. Жеребятьева, В.В. Моора, М.С. Мироненко, М.Ю. Остапенко, публикуемой в данном сборнике.

Серия разработанных по завершении проекта виртуальных реконструкций представлена на сайте исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в открытом доступе (www.hist.msu.ru); расширенная версия с полным информационным обеспечением будет предоставлена Музеем истории Москвы. Существенно, что на данный момент не существует исторически достоверных реконструкций Страстного монастыря и прилегающей к нему площади на протяжении рассматриваемого почти 300-летнего периода его истории. Отметим, что в Музее истории Москвы была проведена работа по созданию материального макета Страстной площади на 1890 г., однако он имеет статичный характер, отражая реальность конца XIX в. Разработка виртуальной реконструкции данного объекта историко-культурного наследия в его эволюции позволит дополнить

познавательные возможности представленной в музее материальной реконструкции, а также даст представление о современных компьютерных технологиях 3D-моделирования, успех которых зависит от обеспеченности верифицированными источниками и уровня междисциплинарного взаимодействия участников подобных проектов. Опыт виртуальной реконструкции исторической застройки Страстной площади, сложившейся вокруг московского Страстного монастыря, может быть использован при создании виртуальной реконструкции исторической застройки других городов.

Библиография

Биттнер С. Куда идет историческая урбанистика? // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 26–39.

Бородкин Л.И. Приоритеты современной исторической информатики: технологии e-Science // Круг идей: Междисциплинарные подходы в исторической информатике. Труды X конференции Ассоциации «История и компьютер» / Под ред. Л.И. Бородкина, И.М. Гарсковой. М., 2008. С. 5–15.

Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М. Новые тенденции развития исторической информатики. По материалам XV международной конференции «История и компьютер» // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 117–128.

Бородкин Л.И., Жеребятьев Д.И. Технологии 3D-моделирования в исторических исследованиях: от визуализации к аналитике // Историческая информатика. 2012. № 2. С. 49–63.

Володин А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестник Пермского гос. ун-та. Серия: История. Т. 26. № 3. 2014. С. 5–12.

Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 5–13.

Arthur P. Exhibiting history: the digital future // Journal of the National Museum of Australia. 2008, Vol. 3. № 1.

Arthur P. Virtual Strangers: e-Research and the Humanities // ACH: International Journal of Culture and History in Australia, 2009, Vol. 27. № 1.

Frow J. The Archive under Threat. Memory, Monuments, Museums / M. Lake (ed.): Melbourne University Press / The Australian Academy of the Humanities, 2006.

Manning P. Digital World History: An Agenda // Digital History portal [сайт]. Department of History, University of Nebraska-Lincoln, 2007. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://digitalhistory.unl.edu/essays/manningessay.php>

Tilly Ch. What Good Is Urban History? // Journal of Urban History. 1996. Vol. 22.

МУЗЕЙНЫЕ РЕСУРСЫ И НЕВЕРБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ПОЛЕ ДЛЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Museum Resources and Non-verbal Information as a Field for Historical and Cultural Studies

Аннотация: антропологический подход к музейной вещи, изображению, жилому пространству прошлых эпох позволяет историкам получать уникальную невербальную информацию и открывает широкие возможности для исследований и преподавания. Статья посвящена методам работы историков с вещью, мемориальной предметно-пространственной средой, изобразительным материалом, которые воплощают скрытые символические смыслы, демонстрируют развитие новых культурных практик, поведенческие стереотипы и проч. Использование музейного материала увязывается с преподаванием дисциплин историко-культурного цикла в рамках исторических факультетов. Методы работы с невербальным историческим материалом могут быть использованы и в проектах виртуальных реконструкций культурно значимых историко-архитектурных комплексов (используется опыт участия автора в проекте комплексной исторической реконструкции одного из крупнейших московских монастырей).

Abstract: an anthropological approach to Museum things, image, living space of past eras allow historians to get a unique non-verbal information and opens up opportunities for research and teaching. The article is devoted to the working methods of historians with the thing, the memorial of subject-spatial environment, visual material, which embody the hidden symbolic meanings, showing the development of new cultural practices, behavioral patterns, etc. Using Museum material linked to the teaching of the historical-cultural cycle in history. Methods of non-verbal historical material can be used in projects of virtual reconstruction of culturally significant historical and architectural complexes (the experience of the author's participation in the project of complex historical reconstruction of one of Moscow's biggest monasteries).

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, вещественные источники, музейные предметы, невербальная информация, мемориальная предметно-пространственная среда, виртуальная реконструкция, культурные практики, репрезентация информации, передача знания.

Keywords: historical science, museology, material sources, Museum objects, non-verbal information, memorial subject-spatial environment, virtual reconstruction, cultural practices, representation of information, knowledge transfer.

² Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом (РНФ), грант № 14-18-03473.

В статье заявленная проблема рассматривается с точки зрения университетского преподавателя, работающего со студентами-историками. Не секрет, что в рамках просеминара исторического факультета МГУ львиная доля времени по традиции уделяется письменным источникам. Между тем, следуя призыву «выпутаться из сетей “логоцентрической” рациональности» [Кристева, 2004], следовало бы чаще обращаться к некоторым видам невербальных «текстов» (визуальным и поведенческим, к пространственно-предметной среде) и к методам работы с ними.

Обращу внимание на очевидный факт: музей является не только научным учреждением и просветительским центром, но и местом рекреации. Последняя функция сегодня выходит на первый план, выдвигая задачи привлечения публики. Как продвинуть популяризацию исторического знания (без упрощения его)? Этот ключевой вопрос заботит и преподавателей университетов. Как сделать академическое знание привлекательным? Расхожий лозунг: «Чтобы сохранить, надо сделать интересным», — увы, не дает конкретного рецепта. Множатся попытки привлечь публику любыми средствами (один из последних опытов трансформации функций музея, которую предложил «Гараж», вызвал такую оценку: «...музей окончательно потерял свою функцию храма, теперь здесь читают книги, едят пельмени, печатают на футболках, залипают в соцсетях, но непременно в прекрасных интерьерах от лучших мировых архитекторов» [Музей меняет функцию]).

Разумеется, музейное дело (сложившееся как практика в эпоху дисциплинаризации знания, еще в XIX в.) не может не претерпевать изменений. Однако обновление *способов репрезентации знания* может идти разными путями. На мой взгляд, один из возможных ходов — «*антропологизация*» экспозиции. Что может быть интереснее человеку, чем другой человек? Тем более — человек других эпох, который интересен именно тем, что он такой же и, одновременно, другой.

Антропология музейной вещи и мемориального пространства. Значение информационного потенциала музеев, хранящих вещи прошлого, сохраняющих мемориальные пространства, отражающих образ жизни прошлого, для исследователя-антрополога трудно переоценить. Нематериальным наследием признан сам образ жизни, нравственные и эстетические идеалы, ментальные особенности, традиционные нормы и образцы поведения, принадлежащие прошлому, но актуальные и представляющие ценность и сегодня [Климов, 2012; и др.]. Антропологически-ориентированный подход к музейной вещи, изображению, жилу пространству прошлых эпох, изучение *языков повседневноности* не только позволяет получать уникальную невербальную информацию, но и открывает широкие возможности для просвещения. (Репрезентация «инакости» человека прошлого, правда, является особой задачей и требует владения методами ее интерпретации [см., напр.: Куприянов, 2010].)

Социология вещей, магические смыслы (так характерные для традиционной культуры), эмоциональность вещи (помимо ее рационального смысла), история повседневности — все это «тексты», которые через вещь доносят до нас поведенческие стратегии человека прошлого. И неслучайно Я.А. Коменский в фундаментальном издании XXVI в. «Мир чувственных вещей в картинках», желая «изменить мир», презентовал цивилизацию раннего Нового времени именно через образцовые «наборы» вещей, ряды образцовых пространств и актуальных образов. Отражая опыт прошлых эпох, набор вещей в традиционном быту был связан с «нормой», с традицией, а набор вещей в жилище раннего Нового времени часто доносит «борение» двух традиций.

Взгляд зрителя (посетителя музея), который ищет в экспозиции лишь общие приметы «образа жизни» предков, отличается от подхода посетителя-исследователя. Если говорить о мемориальном музейном пространстве, которое наполнено вещами, то для историка, привлекающего этот материал как источник, встает вопрос о достоверности вещественных источников. С этой точки зрения рассматривать типовые вещи, помещенные в экспозицию, следует осторожно: они могут увести в неверном направлении. Неслучайно Ф. Бродель, говоря о мебели (как о составляющей «материальной цивилизации»), подчеркивал, что единичный предмет мебели, каким бы он ни был характерным, не выявляет ансамбля, важна только целостность («важны лишь ансамбли»). «Обычно музеи с их отдельными предметами обучают нас лишь азбуке сложной истории. Главное — то, что лежит за пределами собственно мебели: ее размещение, свободное или несвободное, атмосфера, манера жить как в комнате, в которой стоит эта мебель, так и вне ее, во всем доме, частью которого эта комната была. Как жили, как ели, как спали в этом отдельном мирке» [Бродель, 2006. Гл. 2].

Как правило, в обыденном жилом пространстве невелика доля «перформанса» (превалируют «удобство» или отсутствие потребности в нем, что также ценно). С точки зрения изучения «текста», которое представляет собой жилое пространство с его конкретным членением, оформлением, устройством «под себя», создаваемым человеком, которое само потом им же и «управляет», чрезвычайно велика ценность мемориальных музеев (квартир, жилых домов, особняков, усадеб, дворцовых комплексов и т. д.) как хранилищ «подлинной» архитектурно-пространственной среды, аутентичных интерьеров. Такой материал позволяет изучать системы организации пространства, а также проецируемого на это пространство мира домашней экономики и семейных отношений, культурных практик, эстетических предпочтений и др. В данные музеи можно приводить студентов как на «полевые» исследования для выявления и изучения невербальной информации.

С позиции исследователя, историка культуры, такое пространство нельзя корректировать, менять даже в незначительной степени (каждая

заколоченная или пробитая для технических нужд дверь может дезориентировать исследователя, который констатирует уединенность или публичность, открытость или закрытость пространства, реконструирует образ жизни и т. д.

Габитус (*habitus* — приобретенная система порождающих поведение человека схем деятельности, «открыта» П. Бурдьё) «производит практики» (как индивидуальные, так и коллективные), работает через семейные проявления этой внешней необходимости (форму разделения труда между полами и др.), через мир предметов, способы потребления. Мебель, предметы быта и архитектурное пространство являются его проявлениями. Структуры габитуса, в свою очередь, лежат в основе последующего опыта.

Русские усадьбы — особые жизненные миры, многие из них становились формой воплощения идей их хозяев. Пространство их (как и вещи) отражали образ жизни, развитие новых культурных практик. С этой точки зрения феномен усадебной жизни — важнейший элемент историко-культурного наследия, который можно и нужно изучать. Между тем «процесс формирования повседневности, как результат всех веяний, остается по большей части вне рамок исторических исследований, что, безусловно, искажает общую картину российского общества конца XVIII — начала XIX века. Дворянская усадьба, по сути, являлась “слепок” тенденций российского общества этого периода истории. Результаты изучения мира дворянской усадьбы позволят по-новому взглянуть на многие процессы российского общества конца XVIII — начала XIX века». Кроме того, постсоветская Россия характеризуется различными тенденциями, требующими обращения к изучению прошлого. В частности, изучение механизма формирования сословия, с его жизненным укладом и стилем жизни, чрезвычайно актуально для современного российского общества [Кузнецова, 2005]. Я присоединяюсь к этим умозаключениям, добавив, что для современных владельцев «усадоб» (коим эти объекты предлагаются в аренду с целью сохранения и восстановления) ценен не столько даже опыт хозяйствования (в целом не успешный), сколько сам усадебный образ жизни, присущий владельцам «культурных гнезд» (развитые культурные практики, чтение, соби́рание книг, «философствование», творчество и др.). Представители же музеев и академического сообщества должны суметь репрезентировать эти традиции, заинтересовать тех, кто пока столь неохотно берет в управление во многом находящиеся на краю гибели русские усадьбы. Не стоит и говорить, сколь важно при этом подчеркивать неприкосновенность их пространственной структуры и архитектурной составляющей.

Реставрация и реконструкция. Одним из получивших признание принципов отношения к памятнику истории и культуры сегодня является сохранение его функций при адаптации к современному использованию.

Венецианская хартия по вопросам сохранения и реставрации памятников 1968 г. прямо утверждает, что их лучше всего использовать по прямому назначению. Отечественные специалисты все чаще склоняются к тому, что «в усадьбе надо вести хозяйство, в доме — жить, в церкви — служить» [подробнее см.: Краснобаев, 2013].

Меняются методика и методология исследования памятников старины. Все больше приверженцев у метода «целостной реставрации», комплексного, ансамблевого определения понятия «памятник». «В реставрационных работах последних десятилетий мы наблюдаем большее разнообразие подходов, по сравнению с послевоенным периодом. Наравне с целостными реставрациями, реализуются и проекты *сохранения* всех позднейших наслоений, накапливавшихся вплоть до начала XX в. Появляется ряд новых работ, где раскрытие сочетается с сохранением позднейших частей» [Бодэ, 2013. С. 309—326]. С этой точки зрения важно сохранение наслоений всех строительных периодов, т. е. выявление не только древнего ядра, но и поздних элементов, отражающих сложную многовековую историю архитектурных комплексов, ведь последующее воссоздание исторической застройки никогда не заменит утраченного подлинника.

Системный подход к изучению культурного наследия характеризует практика «средовой» охраны, которая прежде всего касается решения проблемы соотношения «старого» и «нового» в городской застройке. И, что особенно важно для нас, архитектурно-пространственная историческая среда признается некоей целостностью, охватывающей не только материальные объекты и их пространственные связи, но и поведенческие акты, способы жизнедеятельности человека [Фролов, 2003. С. 281—282].

С точки зрения эффектного репрезентирования древних (наиболее интересных для туриста, посетителя музея) слоев представляет определенную сложность сохранение наслоений памятника и дополнений к нему, отражающих все этапы его существования. С этим связана необходимость обращения к новейшим методам моделирования исторических объектов, а значит — процессов и явлений. В условиях развития электронных носителей информации, информационных ресурсов и методов создания разнообразных моделей виртуального пространства растет интерес к использованию 3D-технологий для замены реального здания или артефакта трехмерной моделью, для «дублирования» его в связи с его хрупкостью, ветхостью и др. Виртуальные реконструкции с использованием методов 3D-моделирования и визуализации позволяют решить проблему «целостной реставрации», поочередно раскрывая ранние «слои», скрытые под оболочкой поздних, либо полностью воссоздавая утраченный объект.

О преимуществах комплексных виртуальных реконструкций. Попробуем раскрыть их на примере междисциплинарного коллективного проекта «Виртуальная реконструкция московского Страстного монастыря

(середина XVII — начало XX в.)», выполняемого в рамках исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (2014—2015) [результаты первого этапа проекта см.: URL:<http://www.hist.msu.ru/Strastnoy>].

В Музее истории Москвы экспонируется «бумажный» макет Страстного женского монастыря (на конец XIX в.), построенный на документальной основе и ставший результатом капитального исследования. Выражая восхищение работой музейных специалистов, предлагаем музею воспользоваться и виртуальной реконструкцией (см. статью Л.И. Бородкина в данном сборнике). При этом решается задача репрезентации не только самого комплекса, но и источниковой базы виртуальной реконструкции; зритель получает возможность узнать, «кликая» на отдельные фрагменты, какова архивная и историографическая база реконструкции всех деталей и частей сложного комплекса. Подобные реконструкции могут быть востребованы в музейной практике (став «виртуальной» частью экспозиции), в экскурсионной деятельности. Задача представляется весьма актуальной: так, в 2008 г. было опубликовано предложение по восстановлению исторической среды Пушкинской площади с воссозданием первоначального монастырского комплекса [Мелихова, Цеханский, 2004].

Проект реконструкции Страстного монастыря является попыткой кооперации представителей разных областей знания с целью синтеза теоретического и прикладного научного гуманитарного знания и технологий виртуальной реконструкции. Среди исполнителей — программисты разного профиля, специалисты по реконструкции «физических» объектов, по исторической реконструкции (историки, искусствовед, историк архитектуры, археолог) [Жеребятъев, 2014]. Роль историков в таком коллективе остается ведущей — с точки зрения «добывания» материала для реконструкций, его интерпретации (архитектурные сооружения и интерьеры являются высокоинформативной средой, фиксирующей образ, концепцию пространства и его наполнение).

Подчеркнем специфику итогового продукта (ее диктует комплексный характер проекта): в результате данной постановки проблемы появляется задача «достраивать» картину повседневности исследуемого объекта до необходимой полноты (обоснованная реконструкция именно *всех* составляющих, причем в мелких подробностях, вплоть до архитектурных деталей, цвета объектов, их фактуры и т. д.). Полноту диктует сам формат визуальных реконструкций, заставляя искать подробности и детали, проверять и перепроверять реалии по источникам, а в случае их отсутствия опираться на возможные аналогии, немедленно на них ссылаясь.

Отмечу, что авторами ставится амбициозная задача репрезентации не комплекса зданий, но *феномена повседневной монастырской жизни* во всей ее полноте (на несколько моментов существования обители). В этом смысле значимо изучение развертывания истории Страстного мо-

настыря в рамках социальной и экономической истории, истории Церкви, монастырской культуры, вписывание его развития в общероссийские социокультурные процессы. Если проект будет успешно реализован и станет частью музейной экспозиции, можно будет говорить и о его образовательной ценности — о приобщении студентов к феномену монастырской жизни через углубление понимания круга проблем, связанных с конкретным памятником истории и культуры.

Несколько примеров из практики реконструкции. В случае со Страстным монастырем важная составляющая проекта — изучение внутренней жизни обители, различных сторон ее бытовой повседневности. В сопряжении сведений нарративных источников и материалов делопроизводства с версией виртуальной реконструкции инфраструктуры монастырского комплекса, с особенностями его архитектурно-пространственной среды проявляется объективная взаимосвязь материальной и духовной сторон его жизни.

Столичный характер и связи с императорским домом подпитывали благополучие обители, а в XIX в. придавали ей определенный блеск. Однако состав насельниц был пестр (и в этом он представлял как срез всего российского общества): от крестьянок до фрейлин императрицы. Говоря об «элитарном» характере Страстного монастыря, обычно имеют в виду большой процент дворянок в среде как монахинь, так и настоятельниц: большая часть игумений были из статусных и знатных дворянских родов. «Элитарный» состав части насельниц монастыря не мог не отразиться на облике монастыря, формах жизненного уклада, а они в свою очередь отливались в архитектурно-пространственные формы.

Исследование форм жизни локального сообщества во времени диктует обращение к *истории повседневности*. Ее структуры неразрывно связаны (как говорилось выше) с пространством и материальной средой (устройство жилья настоятельницы, келий). Для их анализа в случае со Страстным монастырем пришлось привлекать разного рода источники разного времени: изобразительные, графические; письменные — делопроизводственные, представляющие наряду с реалиями культуры повседневности контекст их восприятия, личного происхождения (дневники, воспоминания, переписку) и др.

С предметно-пространственной средой связана специфика правил внутренней жизни монастырей. Графические материалы по его истории демонстрируют *дробность* келейной застройки, в которой отражен принцип «особножительства», сложившегося в этой обители изначально и долго сохранявшегося, несмотря на новые тенденции. Насельницы жили отдельно друг от друга, кельи покупали или строили на свои средства, сами заботились о своем содержании (за счет продажи кружев или других поделок). К середине XIX в. этот принцип окончательно изжил себя: «Силы, которые должны были идти на духовное созерцание, общинную

работу или благотворительную деятельность, растрачивались на поддержание личного хозяйства» [Козлов, 2006]. Синод высказался за введение общежительного устава, который должен был приблизить жизнь в них к идеалам монашества [Балашова, 2007]. Особножительный порядок, как считали в то время, вредил и «духовному устройению» монахинь, и внешнему устройению обителей. Но назначаемые новые настоятельницы встречались с неудовольствием; иногда насельницы, привыкшие к независимости и не желавшие переходить к общежительному уставу, бунтовали. Исходя из этого, как важное событие можно оценить появление в 1860-х гг. в Страстном монастыре *общей трапезной* (благодаря позиции митрополита Филарета и игуменьи Антонии — Троилиной). Современному человеку трудно представить себе, какая борьба стояла за спорами о введении данного новшества. Разобщенные кельи остались, но единый (более строгий) стол, совместная работа на кухне, устранение необходимости заниматься рыночной торговлей создавали условия для равенства в молитвенной устремленности. Этот шаг был связан с религиозными и социокультурными потребностями времени: через бытовые новшества в российской практике реализовались новые тенденции в отношении правил внутренней жизни монастырей.

За постройкой каменного учебного здания (1894) стоят десятки сербских и болгарских девочек, вывезенных с фронтовых полей русско-турецкой войны. Именно для них в 1891 г. в Страстном монастыре открылась первая в Москве бесплатная Ксениевская церковно-приходская школа (названная в честь бракосочетания великой княжны Ксении Александровны с великим князем Александром Михайловичем [Москва в начале XX века, 2007]). Эти сюжеты показывают значимость пространственно-предметного ракурса и необходимость комментирования каждого элемента пространственной реконструкции. Такие примеры можно множить.

Итак, уникальность виртуальных реконструкций и их значение (как для исследования, так и для музейного экспонирования) видится в том, что зритель единым взглядом может охватить весь комплекс, мысленно представляя жизнь этого уникального пространства в динамике, в разные эпохи, «примеряя на себя» специфический образ жизни.

Благодаря воссозданию окружения монастыря, фактически — процесса эволюции городского пространства и его наполнения, проект имеет значение и как опыт исследований в области исторической урбанистики. Зрителю будет интересна «расшифровка» застройки прилегающего к монастырю пространства Страстной площади: с кем и с чем соседствовали монахини, какие элементы городской жизни, помимо монастыря, определяли особенности этого культурного локуса Москвы. Так, обычно мы исходим из того, что памятник А.С. Пушкину в бытность на Тверском бульваре был почитаем и любим всеми москвичами (его возведением в 1880 г. завершилось формирование градостроительного ансамбля

Страстной), однако есть сведения, что монахини реагировали на строительство и особенно на освящение памятника негативно. И это — лишь один пример того, как специфична ситуация пребывания монастыря в локусе столицы, становящемся все более оживленным.

Возвращаясь к значению 3D-реконструкций, подчеркнем: важно, чтобы зритель увидел за присутствием в ней каких-то построек актуальные для эпохи процессы и реалии религиозной жизни, поразмышлял над российской спецификой социальной функции монастырей и традиций набожности. Эта информация способна высветить новые грани монастырской жизни. Целью реконструкций должны быть не столько постройки (хотя и они тоже), сколько структуры *повседневного жизненного мира*, где сама организация пространства («скупенность», центрированность или разделенность, как и присутствие постройки или предмета интерьера) отражает реальные практические связи, ценностные установки и, в конечном счете, характеризует людей, организующих пространство и существующих в нем.

Завершая статью, еще раз укажу на смысл и ценность опыта комплексных реконструкций и исследований (традиционных или проводимых с помощью новых средств репрезентации), нацеленных на антропологическую составляющую экспонируемых объектов. Обращение к «инакости» человека прошлого, к особенностям его жизненного мира становится возможно через раскрытие смысла и значений пространственно-предметной среды прошлого с ее системными особенностями. Визуальные репрезентации здесь — возможность не только привлечь внимание зрителя, но и многоаспектно, послойно, поэтапно «развертывать» историю ценных объектов и комплексов в контексте реалий социальной действительности. В широком смысле это — новый способ значительно расширить, углубить и одновременно популяризировать знание о нашей культурной традиции в целом. Очевидно, насколько важно это сейчас, когда культура находится в центре дискуссии по вопросам самобытности, сплоченности общества и развития в рамках собственной цивилизационной модели. В ракурсе этой темы музеи и историческая наука должны находиться на передовой.

Библиография

Балашова Т.В. Московские монастыри в социокультурной среде столичного города второй половины XIX — начала XX века. Дис. канд. ист. наук. М., 2007.

Бодэ А.Б. К вопросу о методике реставрации памятников деревянного зодчества // Реставрация и исследование памятников культуры / Центр. научно-реставрац. проектные мастерские; [отв. ред. А. Б. Бодэ]. Вып. 6. М.; СПб.: Коло, 2013. С. 309—326. Электронный ресурс <http://poeziasevera.ru/lib8.php>

Бродель Ф. Излишнее и обычное: жилище, одежда и мода // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Изд-во «Весь Мир», 2006. 592 с. Электронный ресурс: <http://sbiblio.com/biblio/archive/brodel/02.aspx>

Жеребятьев Д.И. Методы трехмерного компьютерного моделирования в задачах исторической реконструкции монастырских комплексов Москвы. М.: МАКС Пресс, 2014. 243 с.

Климов Л.А. Музей в сохранении и презентации нематериального культурного наследия. Автореф. дис. ... кандидат культурологии. СПб., 2012.

Кобяк Н.А. К вопросу об источниках сочинения о чудесах богородичных икон «Солнце пресветлое» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII международной конференции. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М.: РГГУ, 2015. С. 245–247.

Козлов М., протоиерей. Святитель Филарет (Дроздов) в его отношении к женскому монашеству // Филаретовский альманах. Вып. 2. М., 2006. С. 5–24.

Краснобаев И.В. Сохранение сельских усадеб: проблемы и перспективы. Казань; СПб.: Коло, 2013. 168 с.

Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 114–135. Электронный ресурс: <http://ec-dejavu.ru/g/Gesture.html>

Кузнецова Ю.М. Русская дворянская усадьба. Экономические, политические и социально-культурные аспекты: Вторая половина XVIII – начало XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005.

Куприянов П.С. Боярский быт, русский дух и освоение прошлого в историческом музее // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 43–51.

Мелихова А.А., Цеханский Р.В. Утраты: Страстной монастырь // Россия православная. 2004. № 5–6. С. 188–207.

Москва в начале XX века. М.: Знание, 1997. 346 с.

Музей меняет функцию: Музей современного искусства «Гараж» Парк культуры. Электронный ресурс: <http://www.afisha.ru/msk/museum/10235/>

Фролов А.И. Хранители Московской старины: Алексей и Прасковья Уваровы. М.: Московские учебники, 2003. 363 с.

УДК 004.032

*Л.И. Бородкин, Д.И. Жеребятьев,
В.В. Моор, М.С. Мироненко, М.Ю. Остапенко
L.I. Borodkin, D.I. Zherebyatiev,
V.V. Moor, M.S. Mironenko, M.Yu. Ostapenko*

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СТРАСТНОЙ ПЛОЩАДИ МОСКВЫ XVII–XIX ВЕКОВ КАК ЭЛЕКТРОННЫЙ ЦИФРОВОЙ АРХИВ

The Virtual Reconstruction of the Strastnaya Square in Moscow XVII–XIX Centuries as Example of the Electronic Digital Archive

Аннотация: статья посвящена рассмотрению источниковедческих и методологических аспектов разработки электронной системы документации виртуальной реконструкции и репрезентации архивной и источниковой информации.

Обращая внимание на архивацию и репрезентацию исторических данных в контексте разработки проектов по виртуальным реконструкциям, авторы предлагают методы, технологии систематизации исторической информации внутри 3D-модели и виртуальной реконструкции. Углубление описания различных компонентов виртуальных 3D-образов и их частей, расширение форматов файлов публикации конечной работы, открытость данных программной обработки и источниковой информации позволяют авторам предложить систему для воспроизводимости конечного результата виртуальной реконструкции и создать возможность ее верификации научным сообществом.

Abstract: The article is devoted source and methodological aspects of the development electronic documentation system based on 3D technology virtual reconstruction and representation. Discussing about technology and methods representation and archiving of historical data in the context of development projects for the virtual reconstruction the authors propose methods, technologies systematize historical information in 3D models and virtual reconstruction. Improved depth descriptions of the various components of the virtual 3D images and their parts, the expansion of file formats the final publication of the work, transparency of data processing software and source information allows authors to propose a system for the reproducibility of the final result of virtual reconstruction and allow you to create an opportunity for its verification by the scientific community.

Ключевые слова: информационная 3D-модель, цифровой архив, виртуальная реконструкция, 3D-моделирование, историко-культурное наследие, история Москвы, Страстной монастырь, Страстная площадь, фотограмметрия, дополненная реальность.

Keywords: BIM, digital archive, virtual reconstruction, 3D modeling, culture heritage, Moscow history, monastery of Passion Virgin, Strastnaya Square, photogrammetry, augmented reality.

«Архивы и музеи обладают двойной функциональной нагрузкой: первое — сохранять “единицы хранения” и предоставлять их для работы, и второе — всей совокупностью экспонатов и конкретными экспозициями раскрывать одну или множество познавательных тем. Для архивов первая функция, как правило, является более значимой, для музеев более значимой является вторая» [Марчук, 2003. С. 106—111].

Виртуальная реконструкция, будучи уникальным информационным продуктом, сочетает в себе несколько составляющих: воссозданная на основе синтеза архивных материалов и опубликованных исторических источников, она выступает в роли электронного цифрового архива, а как электронный продукт музейного собрания может быть экспонирована для раскрытия определенной темы. Экспонирование виртуальной реконструкции в музейном пространстве позволяет представить на экранах мониторов или дополненной реальности, транслируемой через мультимедийные устройства (планшеты, видеочки Google glass, шлемы виртуальной реальности Oculus Rift), музейные артефакты (оружие, утварь,

одежду и т. д.) — и даже целые районы исторической городской застройки любой эпохи.

В ходе эволюции технологий экспонирования музейных коллекций в России накоплен определенный опыт построения и применения в музейной деятельности электронных мультимедийных коллекций с 3D-компонентом. Однако в большинстве случаев разработчики (IT-компании, сотрудники IT-отделов в музеях) основную задачу видели в построении виртуальной реконструкции с целью ее демонстрации в экспозиции в формате видеофрагмента. Архивная компонента виртуальной реконструкции зачастую оставалась в тени разработки подобных проектов и практически не прорабатывалась музейными сотрудниками в должном виде.

Под архивной компонентой виртуальной реконструкции (электронным цифровым архивом) понимается наличие взаимосвязей элементов 3D-модели с историческими источниками, положенными в основу реконструкции (описательной документацией, чертежами, фотографиями, графическими планами и т. п.), и информационными справками — посредством интерактивной мультимедиа-системы. Подобная система и виртуальная реконструкция могут выступать в музее в качестве системы архивации информации музейными сотрудниками в рамках определенной тематики (внутримузейной информационной базы) и служить инструментом анализа цифровой информации.

Созданием подходов к построению информационной модели объекта или комплекса объектов занимается множество исследователей. Мы предлагаем собственное видение построения масштабируемого электронного цифрового архива виртуальной реконструкции на примере исторической городской застройки Страстной площади Москвы XVII—XIX вв. (проект реализуется в рамках исследовательского гранта Российского научного фонда № 14-18-03473 «Виртуальная реконструкция московского Страстного монастыря (середина XVII — начало XX в.): анализ эволюции пространственной инфраструктуры на основе методов 3D-моделирования»). Процесс поэтапного создания реконструкции описан в ряде публикаций [Бородкин и др., 2014. С. 216–218; Бородкин, Жеребятьев и др., 2014. С. 40–52], поэтому здесь мы не будем останавливаться на этом.

Проект реконструкции Страстной площади является масштабным исследованием градостроительной застройки Москвы на четырех временных срезах: XVII в., 1830-е гг., середина — конец XIX в., начало XX в. Нами проведена реконструкция первых двух временных срезов и воссоздан исторический облик фрагмента городской застройки Москвы того времени, в которую входят монастырская застройка, жилые и хозяйственные строения, окружавшие территорию монастыря, инфраструктурные объекты и коммуникации и т. п. Каждое из строений требовало определенной систематизации информации (использованных при реконструкции

источников), т. е. создания единого места ее хранения и обеспечения доступа ко всем результатам.

Остановимся подробнее на процессе построения электронного цифрового архива виртуальной реконструкции. В своей работе мы ориентировались на уже накопленный в России и за рубежом опыт репрезентации и архивации материала по виртуальным реконструкциям. Как наиболее успешные проекты информационных систем назовем: электронный цифровой архив СуАгk-500 по оцифровке при помощи лазерного сканирования памятников историко-культурного наследия, входящих в список ЮНЕСКО; проект Inside Explorer; цифровой 3D-архив коллекций Музея национальной истории (США, штат Айдахо); проект университета UCLA «Digital Sculpture Project»; ряд мультимедийных приложений с элементами виртуальной реконструкции, разработанных Музеем истории религии (Санкт-Петербург), в том числе — виртуальную реконструкцию храма Гроба Господня в Иерусалиме. Отдельно стоит отметить один из лучших в мировой практике и самый большой полнофункциональный виртуальный 3D-музей археологических артефактов (442 музейных предмета) — «Виртуальный музей Хэмпсона» [The Virtual Hampson museum]. В музее представлены 3D-модели артефактов, в основном полученных при раскопках поселения Нодена Дж. Хэмпсоном. Любой посетитель может детально рассмотреть артефакт во всех ракурсах и мельчайших подробностях и провести любые необходимые для исследований измерения. Кроме того, можно скачать модель на свой персональный компьютер, распечатать на 3D-принтере объемную фотореалистичную копию любого экспоната.

Наиболее крупным по числу оцифрованных музейных предметов стал проект «Портал “Культура РФ”» (он превзошел по данному параметру проект музея Хэмпсона; см. статью в данном сборнике: Опыт реализации проекта по оцифровке музейных фондов с помощью технологий лазерного сканирования и фотограмметрии для проекта «Портал “Культура РФ”»).

С учетом накопленного опыта авторы проекта предложили свою концепцию построения электронного цифрового архива виртуальной реконструкции Страстной площади. Для доступа к информации источников в программе iMap Builder была разработана интерактивная карта со следующими временными срезами: 1700 г. и 1830-е гг. Карта связывает между собой видео (с результатами реконструкции), интерактивную среду (в формате exe и web), дополненную реальность (по территории площади), информационную страничку по каждому объекту, базу данных. Через систему электронной карты, наведя курсор на конкретное строение, пользователь получает доступ к его базе исторических источников, положенных в основу виртуальной реконструкции (планы, чертежи, фотографии, текстовые описания), и интерактивному плану с проецированием исторической карты на спутниковый снимок современной городской застройки (план сделан на базе технологий GIF), к 3D-модели в формате

PDF и результатам фотореалистичной виртуальной реконструкции этого строения (рендеру). На странице с моделью строения у пользователя есть возможность не только посмотреть ее в on-line вместе с сопутствующими документами, но и скачать их. В качестве основных технологий разработки электронного цифрового архива был выбран Web PDF Portfolio от компании Adobe (программа Adobe Acrobat) и информационная среда SketchFab.

Взаимодействие пользователя с 3D-моделью осуществляется в электронном архиве с помощью двух программных оболочек: одна из них предназначена для просмотра модели в онлайн-режиме с помощью сервиса Sketchfab (с урезанными инструментами ее анализа), вторая — для работы и анализа модели на персональном компьютере (с расширенными инструментами анализа). Отличительной особенностью оболочки Sketchfab является возможность упрощенного построения комментариев к частям 3D-модели. Используя данный сервис, на примере основных крупных построек монастыря и площади (главный храм Страстного монастыря и храм Димитрия Солунского) мы разместили на строениях маркеры с текстовыми комментариями из исторических источников.

Для пользователей, которые хотят более детально изучить облик здания, провести анализ его конструкций и размеров, сопоставить виртуальную реконструкцию с историческими источниками, существует возможность просмотра модели на персональном компьютере в формате PDF. Отличительной особенностью инструментария анализа 3D-модели, предоставленного компанией Adobe, является наличие инструментов перекрестного раздела и системы печати чертежей 3D-модели с целью сопоставления архивного чертежа с чертежом 3D-модели. К инструментам перекрестного раздела относятся: разрез строения, измерение размеров в различных единицах (миллиметры, сантиметры, метры, дюймы и др.) и создание комментариев к отдельным элементам модели.

Составной частью электронной цифровой библиотеки стала библиотека архитектурного декора Страстной площади XIX — начала XX в., созданная М.Ю. Демидовым. За несколько столетий фасады зданий на площади неоднократно перестраивались. Архитектурный декор, неотъемлемая часть облика фасада, является элементом конструкции, который наиболее часто изменяется из-за изменения социального положения хозяина здания, вкусовых предпочтений владельца, смены функционального назначения строения (например, жилая усадьба стала корпусом училища), моды на новый архитектурный стиль, эволюции строительных технологий и т. п.

Таким образом, архитектурный облик здания отображает в камне историю самих владельцев, их социальное положение на протяжении всей жизни, особенности препровождения времени, уклад жизни и многое другое. Сейчас в районах Москвы, переживших активные фазы перестроек,

в том числе на Страстной площади, сложно найти первоначанный облик фасада здания; многие сооружения были снесены в годы советской власти, их уже никак не вернуть в физическом виде [Москва, которой нет], поскольку на их месте существует современная городская застройка.

Кратковременность существования декоративного убранства фасадов поставила как отдельную задачу их оцифровку и реконструкцию на рассматриваемые периоды. Отталкиваясь от фотографий, гравюр, акварелей Страстной площади, была отснята на зеркальный фотоаппарат с объективами 18–55 мм и 55–250 мм часть декоративного лепного убранства фасадов, относящегося к рассматриваемым периодам.

С помощью программы Agisoft Photoscan на базе технологий фотограмметрии и фотографий отснятых аналогичных фрагментов архитектурного декора были получены их 3D-модели. Уникальные объекты декоративного декора, прототипы которых не были найдены (герб Римских-Корсаковых и др.), воссозданы по чертежам. С использованием системы электронного документирования на базе технологий PDF и Sketchfab каждая 3D-модель была описана и к отдельным элементам архитектурного декора сделаны комментарии об их деталях и степени сохранности. Например, декоративные медальоны с лицами могут содержать подписи к отдельным фрагментам объекта: состояние объекта (наличие трещин), комментарии по композиции с указанием названий элементов (цветок, растительный орнамент, животный орнамент с указанием вида животного или насекомого, лицо и т. п.).

Заключительным этапом работы стало построение оболочки дополненной реальности по территории Страстной площади. Основную задачу при разработке данного приложения мы видели в проецировании исторической реконструкции и сохранившегося источникового материала на современную городскую застройку. Была сделана съемка виртуальных панорам в 15 основных точках на современный фотоаппарат Canon 400D с объективом samyang 8mm («рыбий глаз»). Выбор точек съемки был задан границами расположения монастыря, наличием строений XVIII–XIX вв. (церковь Рождества Богородицы в Путинках, здания № 7–1 по Страстной улице и № 8 по Страстному бульвару и др.), памятников (памятник А.С. Пушкину и Страстному монастырю) и основных дорожных магистралей. Снимки с 15 точек были сшиты в программе PtGui в панорамные кадры. Следующим этапом работы стала съемка панорамных кадров с этих же точек внутри виртуальной реконструкции 1700 и 1830 гг. В программе Unity3D и Lumion, где создавалась виртуальная реконструкция Страстной площади и монастыря, напротив основных строений площади, монастыря и дорожных магистралей была размещена 3D-камера, которая снимала панорамные кадры с рассматриваемых точек обзора. Съемка производилась таким образом, чтобы отснятые панорамные кадры в виртуальной реконструкции (на срезах 1700, 1830 гг. и др.)

и кадры современного состояния площади могли быть спроецированы друг на друга с целью проследить динамику эволюции городского пространства.

Особенностью использованного нами программного продукта является возможность упрощенного перенесения в программу таких исторических источников, как чертежи, фотографии, гравюры и т. п., и привязка их к координатам в пространстве. Для перехода от одного исторического слоя реконструкции к другому была предложена система маркеров, в которой все 15 точек съемки размещены на карте и одновременно в кадре панорамной фотографии.

К отдельным участкам фотографии (зданиям, улице) с помощью фото- и видеомаркеров были привязаны исторические источники, которые могут быть просмотрены пользователем только в определенном ракурсе. С помощью инструментария дополненной реальности стало возможным проецировать исторические слои виртуальной реконструкции и визуальные исторические источники (гравюры XVIII–XIX вв., чертежи, рисунки, фотографии) на современную городскую застройку.

Как отдельная составляющая в библиотеку виртуальной реконструкции вошел архив фотореалистичных текстур, созданный М.С. Мироненко и ставший важной частью реконструкции. Из них в реконструкции была сформирована коллекция материалов, сделанных на основе фотосъемки сохранившихся строений и последующей их обработки в программе Photoshop. В этой программе были созданы текстурные карты (bump — фактура, reflect — отражение, diffuse — цвет), которые отвечают за свойства материалов модели, придают ей реалистичный вид и позволяют впоследствии получить высококачественные изображения, благодаря развитию современных технологий почти неотличимые от реальных фотографий.

На этапе визуализации важно было создать не только максимально правдоподобную модель, но и образ, способный вызывать эмоциональный отклик у зрителя. При работе с текстурными картами постоянно возникала проблема воспроизведения оттенка краски, которой покрывалось здание. Фотографии не сохранили точной информации о цвете домов того времени и о фактуре краски. Компромиссным решением стало придание зданиям оттенка, характерного для них в реконструируемый период (если не было источника, говорившего о другом; это не касалось собора Страстной иконы Божией Матери, т. к. источники сохранили данные о его цвете).

В данной статье мы намеренно не вдаемся в подробности описания процесса построения 3D-моделей, источниковедческой части реконструкции, процесса построения общей сцены и прочих технических и методических аспектов, т. к. эта тема затронута в ряде публикаций [Бородкин, 2014, С. 216–218; Бородкин, Жеребятьев, 2014, С. 40–52].

В контексте электронного цифрового архива виртуальной реконструкции 3D-компонент восстановленной части городской застройки разных

временных срезов (1700, 1830, 1880, 1910 гг.) выступает одним из основных элементов информационной системы, позволяющих проецировать историческую информацию в единый образ и систематизировать ее. Основными инструментами донесения образа исторической застройки рассматриваемой территории выступили интерактивная система (основанная на технологиях Unity3D), фотореалистичное видео реконструкции (на базе технологий Lumion) и фотореалистичные рендеры (Autodesk 3Ds Max VRAY 3, Lumion, Artlantis 5). Благодаря этому пользователь имеет возможность ознакомиться с виртуальной реконструкцией части Москвы (Страстной площадью) на рассматриваемые временные срезы в интерактивном режиме через Интернет, запустив приложение на компьютере, или просмотреть фотореалистичное видео реконструкции.

Если говорить о представлении исторического городского пространства в музейной экспозиции, то видео и система интерактивного взаимодействия пользователя с 3D-моделью позволяют достичь эффекта проникновения человека (посетителя музея) в историческую среду и рассматриваемую эпоху. Разработка информационной библиографической системы к виртуальной реконструкции позволяет архивировать источниковую информацию для музейных сотрудников, посетителей музея, интернет-пользователей. В последние годы, занимаясь только визуализацией конечного продукта виртуальной реконструкции, разработчики ушли от вопроса архивации исторических пространственных данных и предоставления инструментов для работы с ними конечных потребителей. Отсутствие стандартов публикаций виртуальных реконструкций, практики ведения цифровой документации к 3D-модели и виртуальной реконструкции зачастую снижает информативность самой 3D-модели, возможности ее архивного сохранения, документирования и музейного использования.

Привлекая внимание к архивации и репрезентации исторических данных в контексте разработки проектов по виртуальным реконструкциям, мы надеемся на расширение ареала методов и технологий, на улучшение существующей в профессиональном сообществе и в музеях практики публикаций и демонстрации виртуальных реконструкций в сети Интернет, мобильных приложениях, а также на различных носителях информации. Углубление описания компонентов виртуальных 3D-образов и их частей, расширение форматов файлов публикации конечной работы, открытость данных программной обработки и источниковой информации должны создать условия для воспроизводимости конечного результата и его верификации научным сообществом.

Библиография

Бородкин Л.И., Жеребятнев Д.И., Кончаков Р.Б., Моор В.В. Виртуальная реконструкция Страстного монастыря (XVII–XX вв.): первый этап проекта //

Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 42. М., 2014. С. 216–218.

Бородкин Л.И., Жеребятьев Д.И., Ким О.Г., Мишина Е.М., Моор В.В., Остапенко М.Ю. Источниковедческие и методологические аспекты виртуальной реконструкции исторической застройки центра Москвы: Страстная площадь, 1830-е гг. // Историческая информатика. 2014. № 1. С. 40–52.

Марчук А.Г. Электронные архивы, музеи и экспозиции // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: тр. 5-й Всероссийской научной конференции. СПб., 2003. С. 106–111.

Москва, которой нет. Историко-культурологический проект о старой Москве. Электронный ресурс: URL: <http://moskva.kotoroy.net> (дата обращения: 30.04.2015).

The Virtual Hampson museum. Электронный ресурс: URL: <http://hampson.cast.uark.edu> (дата обращения: 11.05.2015).

INSIDE EXPLORER. Электронный ресурс: URL: <https://www.tii.se/projects/insideexplorer> (дата обращения: 03.05.2015).

УДК 004.032

*Д.И. Жеребятьев, С.В. Королева, М.Ю. Демидов
Д.О. Дрыга, В.И. Морозова, Д.В. Пашковский
D.I. Zherebyatiev, S.V. Koroleva, M.Yu. Demidov,
D.O. Drida, V.I. Morozova, D.V. Pashkovski*

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ПО ОЦИФРОВКЕ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ ЛАЗЕРНОГО СКАНИРОВАНИЯ И ФОТОГРАММЕТРИИ ДЛЯ ПРОЕКТА «ПОРТАЛ “КУЛЬТУРА РФ”»

Experiences of the Digitization of Museum Collections through Technology Laser Scanning and Photogrammetry for the Project «Portal of Culture of the Russian Federation»

Аннотация: статья посвящена рассмотрению опыта исследовательского коллектива по лазерному сканированию и оцифровке с помощью технологий фотограмметрии музейных предметов из более чем 30 музеев европейской части России в рамках работы над проектом Министерства культуры РФ «Портал “Культура РФ”». В ходе работы по проекту концепция репрезентации создававшейся электронной коллекции неоднократно претерпевала изменения. В статье авторы представляют изначальную концепцию построения электронного цифрового архива музейных предметов, этапы их оцифровки и основные сложности, с которыми они столкнулись.

Abstract: The article is devoted the experiences of the digitization of 30 museums collections in the European part of Russia through technology laser scanning and

photogrammetry for the project «portal of Culture of the Russian Federation». During the project the main concept representation of 3D digital collection is repeatedly changing. In this article the authors consider the original concept of stage digitalization 3D museum collection, workflow and some difficulties faced in this project.

Ключевые слова: музеи, портал «Культура РФ», информационная 3D-модель, библиографическое описание 3D-моделей, фотограмметрия, лазерное сканирование, цифровой архив.

Keyword: BIM, digital archive, portal of Culture of the Russian Federation, photogrammetry, laser scanning, museum, electronic system of documentation 3D model.

Эволюция технологий экспонирования музейных коллекций в России способствовала формированию в музейной деятельности определенного опыта построения электронных мультимедийных коллекций с 3D-компонентом. Создание 3D-моделей наиболее значимых памятников истории и архитектуры, оцифровка музейных коллекций уникальных и типичных музейных предметов становится глобальным проектом, реализуемым под эгидой ЮНЕСКО и других международных организаций.

В России достаточно поздно пришли к практике 3D-оцифровки музейных экспонатов. Одна из причин этого — недостаточное внимание со стороны государства к программе закупки для музеев соответствующего оборудования (лазерных сканеров, комплектов для 3D-съемки экспонатов с помощью технологии VR и фотограмметрии, аппаратов компьютерной томографии для музейных экспонатов) и к созданию рабочих мест для специалистов информационных отделов музеев, вторая — недостаточная подготовленность их сотрудников к подобным нововведениям вследствие недостаточно хорошо проработанной технологической и методологической базы применения этого оборудования для решения задач оцифровки коллекций музейных предметов.

Обилие нерешенных задач из области информационного и гражданского права, методологии, технологии поставило перед музейными сотрудниками больше вопросов, чем ответов: может ли 3D-модель быть подвергнута научному анализу так же, как сам оригинал; какие инструменты анализа 3D-модели следует применить; в каком формате архивировать (хранить) 3D-модель, чтобы она не потеряла актуальность через пару лет и могла далее быть использована музейным сообществом; как решить вопрос с авторским правом на 3D-модель; может ли 3D-модель быть продана, передана другим исследователям, размещена в открытом доступе в Интернете (как это делают отдельные музеи с высококачественными фотографиями музейных предметов); на каких правах возможна передача музею 3D-моделей этих предметов; как музею самостоятельно осуществлять 3D-оцифровку экспонатов, какое оборудование для этого нужно; есть ли программы ведения электронной документации для 3D-моделей, ее частей и т. д.

Опыт IT-компаний, специализирующихся на 3D-оцифровке музейных предметов (Kop-Tiki, Sibrain, Spider Group, Nub3D и др.), дал ряд готовых решений по оборудованию, необходимому для работы, и по оказанию услуг по 3D-сканированию, однако ничуть не пролил свет на вопросы методологического плана: использование формата 3D как инструмента хранения и архивации данных, разработка описания 3D-модели, способы полноценной работы сотрудников с нею. В результате сложилась интересная ситуация: притом что многие IT-компании имеют готовые решения по оцифровке музейных предметов и готовы предоставить полученные таким образом 3D-модели по доступной цене, непонятно, что музею делать с этими моделями, как использовать их в экспозиции и во внутримузейной работе.

На сегодняшний день сформировался ряд наиболее востребованных музеем и несложных с технической стороны технологий оцифровки музейных предметов. Среди них особое место занимают технологии VR-съемки. В основе рассматриваемой технологии лежит 360-градусная съемка музейных экспонатов на белом фоне с помощью автоматизированного поворотного стола, система освещения и программа для просмотра фотографий через интерактивную оболочку (flash / html5 / quick time и др.). Отснятые таким способом VR-экспонаты выступили более удобным форматом для музейной экспозиции, позволяющим объединять ряд фотографий между собой и обеспечивать интерактивный режим их просмотра на экране монитора; при этом пользователь может произвольно поворачивать музейный предмет и при необходимости увеличивать отдельные его фрагменты.

Появление технологий фотограмметрии и их внедрение в музейную деятельность позволило шагнуть дальше в вопросах оцифровки музейных предметов. Используя те же самые исходники их 360-градусной фото-съемки, компьютерная программа, базирующаяся на технологиях фотограмметрии (Agisoft Photoskan, 123D Catch, Pix4D, Photomodeller и др.), позволяет построить достаточно точную геометрию (в пределах 1–3 мм) предметов вместе с материалом с аутентичным качеством, сравнимым с реальной фотографией, т. е. 3D-модель. Компании — производители лазерных и оптических 3D-сканеров также предложили музеям свою технологию оцифровки музейных артефактов, но из-за большей цены оборудования она получила меньшее распространение.

Из-за влияния факторов, осложняющих оцифровку музейных коллекций в формате 3D, в музейной среде не сложилось достаточного понимания необходимости поиска технологических решений построения электронных 3D-коллекций. Нерешенность ряда вопросов, их недостаточная освещенность в научных дискуссиях породили понимание 3D-модели как дорогостоящей игрушки, которую неплохо иметь в музее в небольшом количестве (1–2 экземпляра) для демонстрации посетителям на мультимедийных экранах.

До недавнего времени в России не существовало полноценного многофункционального виртуального 3D-музея археологических артефактов и их коллекций, электронного архива памятника историко-культурного наследия с цифровыми исходниками. В первую очередь это связано с трудоемкостью процесса оцифровки и высокой стоимостью оборудования для сканирования [Вавулин, 2014. С. 22]. Еще одна серьезная проблема — немногочисленность исследовательских центров, объединяющих всех необходимых специалистов и занимающихся подготовкой выпускников гуманитарных факультетов, обладающих навыками работы с современными мультимедийными технологиями, сложным программным и аппаратным оборудованием оцифровки, визуализации, реконструкции музейных предметов — археологических артефактов. Конференции «История и компьютер», АДИТ, EVA, международные конференции по виртуальной археологии (под эгидой Государственного Эрмитажа) способствовали формированию круга специалистов, начавших внедрять современные технологии 3D-оцифровки в музейную практику.

Одним из проектов, позволивших актуализировать вопросы оцифровки, архивации и музеефикации уникальных предметов, стал проект «Портал “Культура РФ”», в котором авторы статьи приняли участие в 2013—2014 гг. (в части лазерного сканирования и фотограмметрической оцифровки музейных коллекций и написания технических стандартов закупаемого для этого оборудования, рабочих форматов и конечных инструментов репрезентации 3D-контента пользователям).

В марте 2013 г. компания МЕДИА-ТРЕСТ, получившая подряд на создание виртуальных панорам и фотосъемку музейных предметов, объявила конкурс научно-исследовательских работ по тематике программных и технических инструментариев реализации 3D-оцифровки музейных предметов.

Кафедра исторической информатики исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в лице Д.И. Жеребятьева предложила свою научно-исследовательскую разработку (программу) оцифровки музейных предметов для указанного портала, в которую входили: перечень оборудования (сравнение различных лазерных сканеров с целью поиска оптимального) и программных инструментариев оцифровки, позволяющих заменить технологию лазерного сканирования; программный инструментарий репрезентации конечного продукта пользователю; техническое описание всего процесса электронной оцифровки музейных предметов (от сканирования и постобработки до конечного результата репрезентации пользователю). Эта программа была признана лучшей, и в мае 2013 г. под руководством фотографа Р.В. Галанева была сформирована команда из сотрудников, преподавателей МГУ и студентов вышеназванной кафедры, Научно-исследовательского института физико-химической биологии им. А.Н. Белозерского, Московского государственного универ-

ситета геодезии и картографии (Д.И. Жеребятъев, С.В. Королева, М.Ю. Демидов, Д.О. Дрыга, а также В.И. Морозова и Д.В. Пашковский, в обязанности которых входила оцифровка музейных коллекций по предложенной схеме). В задачи коллектива не входила публикация конечного результата на сайте портала (этим занималась компания; ей предоставлялись файлы в форматах, необходимых для публикации).

При разработке программы и оцифровке музейных предметов мы ориентировались на аналогичные проекты из мировой практики: электронный цифровой архив CyArk-500 [CyArk 500] по оцифровке при помощи лазерного сканирования памятников историко-культурного наследия, входящий в список ЮНЕСКО; проект университета UCLA «Digital Sculpture Project»; «Виртуальный музей Хэмпсона» [The Virtual Hampson museum]; Смитсоновский музей [Smithsonian X 3D]; цифровой 3D-архив коллекций Музея национальной истории (США, штат Айдахо). Отличительная особенность этих проектов — наличие системы электронного инструментария работы пользователя с 3D-моделью (замер модели, инструменты разреза, печати отдельных компонентов, комментарии, изменения позиционирования освещения, возможность сопоставления нескольких моделей и т. п.), в ряде случаев — возможность скачать 3D-модель в рабочем формате (obj или PDF).

Есть у этих проектов свои особенности и недостатки. Оставляет желать лучшего качество 3D-модели (несмотря на особое внимание к нему разработчиков). Отснятые лазерным сканером музейные предметы по качеству уступают 3D-моделям, созданным с помощью технологий фотограмметрии на основе фотографий высокого разрешения. Цифровой Смитсоновский музей и коллекция цифровых 3D-моделей Музея национальной истории больше рассчитаны на работу пользователей с инструментарием анализа 3D-модели внутри программной оболочки без возможности ее скачивания на компьютер. В отличие от них «Виртуальный музей Хэмпсона» предлагает посетителям сайта скачивать 3D-модели в формате PDF и смотреть их онлайн в формате VR (однако качество 3D-сканирования модели оставляет желать лучшего).

В нашем проекте участвовали более чем 30 музеев европейской части России, его целью было создание 2000 виртуальных моделей музейных предметов. Наиболее масштабные работы производились в Музее Востока, Государственном историческом музее-заповеднике «Горки Ленинские», Государственном музейно-выставочном центре РОСИЗО, Музее Отечественной войны 1812 г., Государственном музее-усадьбе «Остафьево» — «Русский Парнас», Музее-усадьбе Л.Н. Толстого «Хамовники».

Заранее по согласованию с компанией — исполнителем работ каждый музей сформировал список наиболее интересных ему самому предметов, которые подлежали оцифровке с помощью предметной фотосъемки, съемки VR и лазерным сканером или с помощью технологии фотограм-

метрии. Рабочая команда состояла из куратора от Минкультуры России, одного-двух фотографов для фотосъемки предметов и съемки виртуальных панорам в залах музея и двух специалистов по 3D, один из которых занимался лазерным сканированием экспонатов, а другой — VR-съемкой и оцифровкой экспонатов с помощью технологий фотограмметрии.

Для оцифровки музейных экспонатов использовались три вида программного и аппаратного обеспечения: оборудование для VR- и фотограмметрической съемки — фотоаппарат Canon EOS 5d + штатив, три комплекта осветительного оборудования (Falcon Eyes LG 900/LED), фотобокс 90 × 90 × 90 см, поворотный стол (PhotoMechanics RD-60), ноутбук (процессор Core i7, 32 GB ОЗУ, видеокарта GTX 850M 4GB), Agisoft Photoscan 1.0.4, переходники и удлинители; для лазерного сканера — сканер Artec Eva, ноутбук, Artec Studio 9.0 (процессор Core i7, 32 GB ОЗУ, видеокарта GTX 850M 4GB), переходники и удлинители; программное обеспечение для постобработки 3D-моделей — Adobe Photoshop CS6, Autodesk Mudbox, Adobe Acrobat X, Autodesk 3Ds Max + скрипт для рендера 3D-модели для Object2VR (автор скрипта Klaas Nienhuis), Object 2VR.

В ходе работы авторы столкнулись с трудностями, большая часть которых касается технических сторон программного и аппаратного оборудования (часть из них сложнорешаема, так как требует усилий со стороны производителей программного обеспечения по исправлению его недостатков). Не все музейные артефакты могли быть адекватно отсканированы лазерным сканером в хорошем качестве. Лазерный сканер (Artec EVA) недостаточно качественно (по сравнению с технологией фотограмметрии — Agisoft Photoscan) мог оцифровать части музейных экспонатов из золота, стекла, фарфора и перламутра. Для оцифровки геометрии отдельных элементов предметов из стекла требовалось применять напыление (балончики-распылители), к чему не всякий музей был морально готов. Иным выходом из этой ситуации стала методика просвечивания лазерным сканером стеклянных частей под углом 45°; она приводила к засвету материала и к увеличению времени на постобработку 3D-модели. Музейные предметы со сложной геометрией не всегда могли быть оцифрованы с помощью технологий фотограмметрии (Agisoft Photoscan) (в отличие от лазерного сканера — Artec EVA). Для лазерного сканера проблематичным был захват тонких деталей музейных предметов (например, веера буддийского монаха). В процессе оцифровки музейных артефактов в местах, где сканером и фотоаппаратом было сложно считать информацию о геометрии и текстуре, возникали проблемные участки (мертвые зоны). Съемка экспоната и обработка результатов с построением геометрии производились не в одно время, поэтому пересъемка неотснятых участков не всегда была возможна. Доработка моделей производилась на этапе постобработки. Программное обеспечение, поставляемое с лазерным сканером Artec Studio 9.0, не позволяло корректно

построить UV mapping сетку. Алгоритм построения текстуры на основе лазерных сканов работает автоматизированно, программа произвольно разбивает сетку и разносит отдельные материалы объекта. В результате элементы, детали предмета на материале текстуры оказываются разнесенными по разным материалам. Аналогичный алгоритм построения UV mapping сетки присутствует в технологии фотограмметрии на базе программы Agisoft Photoscan. Отсутствие возможности для пользователя самостоятельно выделить участки модели и разбить их на группы усложняет этап постобработки 3D-модели.

В ходе работы над проектом концепция репрезентации электронной коллекции музейных предметов неоднократно претерпевала изменения в зависимости от технических потребностей компании, занимающейся размещением материала на сайте. Изначально это был формат файла OBJ с текстурой, компания МЕДИА-ТРЕСТ планировала разработать собственный web-плеер для просмотра 3D-моделей на сайте — внутри виртуальных панорам через компьютер (PC/MAC) и мобильные устройства (Apple / Android). Формат публикации 3D-моделей музейных предметов через сервис skethfab, r3d.in был отклонен компанией (ее руководство не одобрило использование стороннего сервера). Опыт публикации электронных 3D-предметов «Виртуального музея Хэмпсона» в формате PDF и VR-моделей, когда пользователи могли получить доступ к полноценному 3D-оригиналу предмета с инструментами анализа модели (к замеру, сечению, печати отдельных элементов, комментариям и т. п.), ею не был учтен. От идеи предоставления цифровых 3D-моделей предметов было решено отказаться, и основной стала модель в формате VR (Object2VR), когда пользователь работает с набором фотографий или рендеров модели, снятых со всех сторон.

Следующим этапом работы стал панорамный рендер музейного предмета (всего 72 рендера на 360°) в программе Autodesk 3Ds Max. После этого в программе Object2VR по рендерам предметов производилось построение VR-модели, а далее эти модели передавались компании МЕДИА-ТРЕСТ вместе с рендерами и моделями в формате OBJ с текстурой.

Работа над размещением информации на портале «Культура РФ» еще не окончена. Созданные в ходе реализации проекта 3D-модели музейных артефактов спустя год после его завершения еще не переданы музейным сотрудникам ни в рабочем формате, ни в исходниках. Авторы и участники этапа оцифровки и разработки концепции проведения работ по 3D фотограмметрической оцифровке и лазерному сканированию выражают надежду, что все же удастся опубликовать 3D-исходники музейных предметов в доступном формате, с которым пользователи смогут работать так же, как в виртуальных музеях Хэмпсона и Смитсоновского музея.

Библиография

Вавулин М.В., Зайцева О.В., Пушкарев А.А. Методика и практика 3D-сканирования разнотипных археологических артефактов // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4. Томск. С. 21–37. [Электронный ресурс]. URL: <http://oaji.net/articles/2015/1404-1426083414.pdf> (дата обращения: 11.02.2015).

The Virtual Hampson museum. [Электронный ресурс]. URL: <http://hampson.cast.uark.edu> (дата обращения: 11.02.2015).

Smithsonian X 3D. Электронный ресурс: URL: <http://www.3d.si.edu> (дата обращения: 11.02.2015).

SuArk 500. Электронный ресурс: URL: <http://www.cyark.org/about/the500> (дата обращения: 11.02.2015).

УДК 304.44

С.Э. Яловицына, М.Р. Каюмова
S. Ialovitsyna, M. Kayumova

РЕТРОГЕОИНФОРМАЦИЯ: МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

Retro Geo-information: Research Method and Perspectives of Usage in a Museum Exposition

Аннотация: в статье представлен анализ опыта извлечения из исторических источников и использования привязанной к топографической основе ретрогеоинформации (ретрогеоскроллинг) о пространственных объектах (исторические и современные карты, схемы, планы, фотографии, рисунки и тексты), полученного в ходе реализации проекта «Способ представления пространственной и визуальной ретроинформации» (Петрозаводск, с 2013 г.). Авторы рассматривают разработанный ими метод как инновационный, пригодный для применения и в музейной экспозиции, позволяющий пользователю поэтапно погружаться в прошлое, выбрав определенную точку пространства.

Abstract: There is presented in the article an analysis of experience of recovery from historical sources and using connected with topographic framework retro-geo-information (retro-geo-scrolling) regarding spatial objects (historical and modern maps, figures, pictures, drawings and texts) received in the course of realization of the project: “Method of presentation of spatial and visual retro-information” (Petrozavodsk, 2013). The authors consider the method developed as innovative, suitable for implementation, as well permitting gradually to immerse into the past, having selected a fixed point in space.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, историческая карта, географическая аутентичность, «места памяти», ретрогеоскроллинг, репрезентация, исторические источники, фотография, информационные технологии в музее.

Keywords: historical science, museology, historical map, geographic authenticity, «places of memory», retro-geo-scrolling, representation, historical sources, photography, information technology in the Museum.

Музей был и остается одним из социокультурных институтов, удовлетворяющих потребности общества в просвещении и приобретении знаний (образовательная функция). На современном этапе средства коммуникации, основанные на аудиовизуальном восприятии (Интернет, кино, фотография, радио, телевидение), существенно потеснили традиционные формы образовательной деятельности, а те стали утрачивать свои позиции при столкновении с «экранной» культурой. Музеи используют аудиовизуальные технологии в экспозициях как средства интерпретации информации [Suggit, 1993. P. 30]. Это привносит движение и смену настроения, позволяет рассеять строгую атмосферу. Многие воспринимают аудиовизуальную информацию легче, чем текстовую [Wilkinson, 1993. P. 383]. Отвечая на вызовы времени, музеи все больше ориентируются на интерактивные способы экспозиционирования, создающие у посетителей чувство эмоциональной вовлеченности в процесс репрезентации прошлого. Развитие новых коммуникационных технологий дало возможность не просто рассказать о предмете, показать его за стеклом музейной витрины, но и поместить его обратно в среду, для функционирования в которой он предназначался, и продемонстрировать с помощью серии фотографий или видеозаписей, как происходило его взаимодействие с человеком.

Что касается музейной репрезентации памятников архитектуры (как существующих, так и утраченных), то они могут быть воспроизведены на аутентичной географической карте, с реконструкцией особенностей пространственной организации места их расположения. Исторический облик городского пространства может быть воссоздан с помощью современных геоинформационных систем (ГИС), позволяющих закрепить за определенным объектом на карте дополнительную информацию в виде текста или аудиовизуальных документов.

Благодаря интернет-технологиям получили распространение общедоступные ресурсы (Яндекс-карты, Google Maps и др.) с картами разной степени детализации, а также базы данных различной структуры и наполнения (с наборами разрозненных карт, освещающих определенные исторические события или развитие неких территорий; с привязкой данных к современным картам, неаутентичным историческому периоду, и т. д.). Картографическая информация по истории, размещенная в сети Интернет, часто представляет собой лишь оцифрованное изображение аналоговой карты или атласа. Исторические карты зачастую выполнены по стандартам, существенно отличающимся от принятых в современной картографии. Они малопонятны рядовому пользователю, что значительно

уменьшает воспринимаемость информации о пространственных объектах прошлого.

Развитие ГИС открывает широкие перспективы в области исторических исследований и краеведения. С их помощью становится возможным не просто переводить в электронный вид и публиковать уникальные исторические карты, но и строить модели с использованием ретрогеоскроллинга, позволяющего погружаться в глубь веков, оставаясь в одной точке географического пространства. Такие технологии могут быть востребованы в музейном деле. Особенно актуально картографическое моделирование потому, что в последние десятилетия увеличилась интенсивность городского строительства и урбанизации, вследствие чего в современных городах кварталы исторической застройки нередко соседствуют с высотными домами, пестрой наружной рекламой, торговыми павильонами. В этих условиях, а также в связи с вопросами охраны памятников истории и культуры возникает потребность в наглядном визуальном представлении изменений городского ландшафта с течением времени.

Картографическая модель городского пространства, созданная с помощью ГИС-технологий, закрепляет за каждым расположенным на ней объектом определенный набор данных: адрес, описание, ссылку, аудиовизуальную информацию. На их основе создатели интерактивных музейных экспозиций получают возможность комплексно представить исторический облик моделируемой территории. Под комплексным понимается представление отобранной, систематизированной исторической информации о внешних (фотографии, схемы, планы, описания) и качественных (текстовая информация, раскрывающая историческое или культурное значение объекта) характеристиках объектов городского ландшафта.

Технологии 3D-моделирования позволяют воссоздать облик утраченных памятников архитектуры (на базе изучения фотодокументов, фиксирующих внешний вид сооружения, его расположение в пространстве относительно других объектов).

Разработка методики поиска, обработки, систематизации и хранения информации для наполнения исторической карты аутентичными ретроданными (например, электронными цифровыми фотографиями, ЭЦФ) может стать базой для исследований в области архивоведения электронных визуальных документов. Это новое направление является недостаточно разработанным, несмотря на все большую очевидность его востребованности (за последние 10 лет сделано больше фотоснимков, чем за всю историю существования фотографии). Практическая работа по организации хранения фотографий проводилась в Центральном архиве документов на электронных носителях Москвы (ЦАДЭНМ) [Методические рекомендации..., 2012; Аннотирование..., 2007; Беркович, 2004;

Тихонов, 2011]. Там была разработана форма описи для ЭЦФ, учитывающая особенности этих электронных документов.

Идея совмещения исторической визуальной информации и аутентичной времени ее создания географической карты реализуется в проекте «Способ представления пространственной и визуальной ретроинформации» (Петрозаводск, с 2013 г.). Его цель — формирование единой информационной среды (в том числе для исторических музеев), в которой представлена ретроспективная информация о пространственных объектах: исторические и современные карты, схемы, планы, фотографии, рисунки и тексты. Предложенный способ пригоден для любой презентационной деятельности, связанной с погружением в прошлое. «Функция времени» позволяет непосредственно отобразить на выбранном участке современной карты то, что там существовало в предшествующие периоды; исторические карты будут совмещены с современными, а также унифицированы на уровне представления исторических данных. Используя эту функцию, пользователи, включая и посетителей музеев, смогут выбирать на экспозиционном экране (интерактивном стенде) участки современной карты и смотреть, какие объекты на них располагались ранее, и получить о них подробную информацию (вплоть до 3D-моделей зданий).

В качестве пилотной территории участники проекта (историки, географы, IT-специалисты Петрозаводского государственного университета) избрали центр Петрозаводска, по истории которого имеется много открытых источников информации. Как и Санкт-Петербург, он основан Петром I в 1703 г. для обеспечения российской армии вооружением в противостоянии со Швецией. Апробация разработанных методик производилась на картографическом Web-сервере, реализованном на основе технологии WebMap. Для проведения тестов на нем была представлена актуальная карта исторического центра города. На основе собранной первичной информации была сформирована информационная карта объекта, содержащая рисунки, фотографии и текстовую информацию. Далее она была разбита на представленные картографией периоды (при этом систематизировался только контент, коррелировавший с датировками топографических основ).

В соответствии с имеющимися картографическими материалами были выделены четыре периода, подходящих для построения моделей этой территории: XVIII в., конец XIX — начало XX в., 1940-е гг., начало 2000-х гг. Выбор этих периодов связан с их значимостью для истории города. К началу XVIII в. относятся первые источники, позволяющие делать выводы об облике и планировке поселения, ставшего в итоге городом Петрозаводском. В XIX в. русло реки Лососинка, делящей город на две части и впадающей в Онежское озеро, а также береговая линия озера неоднократно менялись, влияя на расположение прежде всего заводских построек. События Великой Отечественной войны оставили отпечаток на

городской архитектуре: здания были уничтожены (гостиный двор на Мариинской улице — современном проспекте К. Маркса и др.) или сильно пострадали. Многочисленные материалы финских военных фотографов, обнаруженные в Финляндском военном архиве, доступном в сети Интернет, дают представление о разрушительных последствиях войны, а материалы советских фотографов показывают героические усилия жителей, направленные на восстановление Петрозаводска. В 2003 г. город отмечал 300-летний юбилей. Эта дата стала отправной точкой его новейшей истории, ознаменованной активным строительством и изменениями в архитектуре, которые коснулись памятных мест города. Так, к 2003 г. завершились работы по реконструкции памятника ландшафтной архитектуры — Губернаторского парка, заложенного в конце XVIII в. как Сад горного начальника [Сады и парки в истории Петрозаводска, 2003].

Районы исторической застройки с наиболее значимыми объектами культурного наследия («местами памяти» Петрозаводска) являются наиболее важными в историческом плане локациями: устье реки Лососинки (картографические материалы позволяют проследить в динамике изменения, произошедшие за несколько веков как с заводскими постройками, так и с береговой линией Онежского озера); Парк культуры и отдыха; площади Кирова и Ленина. На первой из них находятся Музей изобразительных искусств и Лекционно-выставочный комплекс музея-заповедника «Кижы» (оба XIX в.), Музыкальный театр Республики Карелия (возведен рядом с местом, где возвышался Святодуховской собор, разрушенный в 1936 г.); фотографии дают представление о застройке площади в разное время, а исторические карты — о точном расположении зданий. Архитектурный ансамбль конца XVIII в. на площади Ленина — один из старейших в городе. Первоначально здесь размещались аппарат управления Петровскими заводами и квартиры губернатора и вице-губернатора, в XIX в. — только присутственные места (Канцелярия Олонецких горных заводов, губернская типография и др.). Сейчас два полукруглых 2-этажных корпуса и два флигеля занимают Национальный музей и Минкультуры Карелии. В 1873 г. в центре площади воздвигли памятник Петру I (скульптор И.Н. Шредер). После революций 1917 г. его перенесли к церкви Александра Невского, где вплоть до 1980-х гг. располагался краеведческий музей, а ныне он стоит в Петровском сквере рядом с набережной [Историко-картографический атлас Петрозаводска, 2010; Три века Петрозаводска, 2003].

После выбора территории и создания ее топографической модели начался этап поиска и отбора ретроинформации. Историческим фотографиям для «ретрокарты» должны были соответствовать фотографии и релевантные изобразительные материалы. Объекты фотографирования находились на вышеуказанной территории, основное внимание уделялось изображениям памятников архитектуры (как сохранившимся, так и утра-

ченным). По времени создания фотографии и другие изобразительные материалы должны были укладываться в хронологические рамки четырех картографических срезов города. Они также должны были обладать совокупностью характеристик, позволяющей идентифицировать запечатленные объекты с большей вероятностью: для аналоговых фотографий — четкость изображения, отсутствие дефектов, механических и химических повреждений; для цифровых — разрешение, глубина цвета, размер, четкость изображения, отсутствие серьезных изменений (кроме ретуши). Для оцифровки аналоговых фотографий и иных изображений применялось разрешение 1200—1600 точек на дюйм. Большинство фотографий в периодических печатных изданиях обычно плохого качества, поэтому мы старались избегать их оцифровки (за исключением случаев, когда фотография имела особое историческое значение и не была доступна в лучшем качестве).

Следующий этап работы (идентификация объектов фотографирования) особенно богат открытиями, научно значим. Для этого использовались исследования по истории Петрозаводска, консультации экспертов (хранителей музеев и архивов, краеведов, специалистов по локальной истории), уже идентифицированные визуальные источники. На этом этапе (в том числе на основе исторических данных о перемене местоположения памятников) выяснялись хронологический диапазон существования объекта в том виде, в каком он был запечатлен, и его местоположение (оно могло меняться). Так, согласно им, 8 августа 1918 г. Исполком горсовета постановил убрать памятники Петру I (о нем см. выше) и Александру II (располагался в центре Соборной, современной Кирова, площади). 7 ноября 1930 г. на Площади 25 октября (бывшей Круглой) установили памятник В.И. Ленину. Во время оккупации города финнами (1941—1944) его демонтировали и перенесли во двор университета, а на пустующий постамент водрузили японскую гаубицу, повернув ее на восток. Со дня повторного открытия (16 ноября 1945 г.) по настоящее время этот памятник стоит на площади Ленина. Вопросы идентификации и датировки не всегда удавалось решать в пределах десятилетия. Вследствие лакун в источниках это, например, сложно было сделать для Петровского сада (ныне Парк культуры и отдыха; назван по находившемуся там Дому Петра I — резиденции на время посещения им оружейных заводов), где менялась береговая линия Онежского озера, сносили и перемещали постройки, устанавливали и разрушали скульптуры.

В качестве примера опишем работу по идентификации фотографии катка на Онежском озере, обнаруженной нами в книге [Три века Петрозаводска, 2003. С. 169]. В силу недостаточной информативности подписи место не идентифицировалось: фото датировалось 1930-ми гг., часовня «местного гарнизона» на первом плане — 1910-ми гг.; ориентиры, к которым можно было бы «привязать» каток и часовню, отсутствовали. В фондах Нацио-

нального архива Республики Карелия (НА РК) и Научного архива Национального музея был выявлен фотоматериал, который помог с идентификацией. В процессе сопоставления изображений (расположения объектов, поз людей) выяснилось, что фото из книги — фрагмент хранящегося в НА РК точно датированного позитивного отпечатка; указаны его автор, а также организаторы и содержатели катка (фото «Каток Всеобуча на Онежском озере. Петрозаводск, 1922 г. Фото Я.М. Роскина» — *см.*: URL: <http://rkna.ru/exhibitions/sport/chapter1.html#2>). Так было установлено, что датировка фото в книге ошибочна и разница составляет около 10 лет. На фото из фондов Научного архива Национального музея часовня снята с другого ракурса; в объектив фотографа попали объекты, позволяющие определить ее местонахождение и сделать вывод о том, можно данный снимок включить в собираемую нами коллекцию изображений, относящихся к выбранной территории.

После отбора фотографий и распознавания запечатленных на них объектов нужно было организовать их хранение в оцифрованном виде. За методическую основу нами были взяты разработки ЦАДЭНМ (*см.* выше), а также «Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» от 2003 г. На их основе была подготовлена приспособленная для целей проекта форма описи электронных фотографий, ориентированная на их комплексное описание и учитывающая особенности этого комплекса документов.

Завершающим этапом формирования модели выбранной территории исторической части Петрозаводска стала привязка графической, текстовой и иной исторической информации к конкретным пространственным объектам, размещенным в геоинформационной системе. Историческая информация распределялась относительно объектов по каждому из четырех периодов, представленных в картографической основе. Для удобства ее восприятия пользователем собранная информация систематизировалась, унифицировалась и заносилась в систему посредством специального инструмента «окна ввода данных». Окно ввода активировалось в режиме редактирования системы при выборе конкретного объекта на карте.

На сегодняшний день процесс наполнения ретрокарты исторического центра Петрозаводска еще не завершен. В планах — более плотное сотрудничество в оцифровке фотографий с Национальными архивом и музеем Республики Карелия, где хранятся наиболее информативные и значимые фотографии разного времени, зафиксировавшие жизнь города. Результатом деятельности по созданию ретрокарты должен стать музейный ресурс, который позволит посетителям, в том числе удаленным,

увидеть на географической карте метаморфозы конкретного интересующего их места.

В ходе реализации идеи совмещения картографической и исторической информации на базе ГИС-технологий удалось решить ряд проблем, связанных с методикой отбора, описания и хранения ЭЦФ и других электронных изображений. Разработанный метод может стать эффективным инструментом исследования динамики развития территорий.

Современные экспозиционеры ищут новые пути построения экспозиций и средства репрезентации истории в музее, привлекая в числе прочего инновационные технологии и обеспечивая эффективность транслирования научно доказанной информации [Šhola, 1997. P. 123]. Для музейной экспозиции мы предлагаем интерактивные стенды, с помощью которых посетитель сможет самостоятельно путешествовать по улицам старого города, управляя своими перемещениями, ракурсом камеры, направленной на архитектурный объект, и подключая дополнительную информацию о нем (текст, фото-, видео- и аудиоматериалы). (В частности, авторы готовят ретрокарту для экспозиции Музея истории Петрозаводского государственного университета, которая представит изменения архитектуры и пространства университета в динамике.) Стенды могут быть использованы для проведения экскурсий, образовательных семинаров и лекций, посвященных истории Петрозаводска. Залогом успеха экспозиционной деятельности музея является, в конечном счете, создание уникального и аттрактивного музейного продукта. В этом смысле разработанный нами способ открывает широкие перспективы для презентации исторического прошлого в музейных экспозициях как виртуальным, так и реальным посетителям.

Библиография

Аннотирование цифровых документов // Инициативное документирование событий современной Москвы в ЦАДЭНМ: формирование и описание коллекций цифровых фотоматериалов: методические рекомендации: проект. М., 2007. С. 37.

Беркович Е.М. Об опыте хранения электронных документов в ЦАДЭНМ // Технотронные архивы в современном обществе: наука, образование, наследие. Материалы научно-практической конференции, посвященной 10-летию факультета технотронных архивов и документов. (Москва, 20 декабря 2004 г.) М.: РГГУ, 2004. Электронный ресурс: URL: <http://ftad.ru/library/ftad10/40.shtml> (дата обращения 05.02.2014).

Историко-картографический атлас Петрозаводска / ООО «Карелгеоцентр»; [гл. ред. В. Ландграф]. Петрозаводск: ПетроПресс, 2010. 88 с.

Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом / Сост. Ю.Ю. Юмашева. М.: ВНИИДАД, 2015. 125 с. Электронный ресурс: URL:

http://archives.ru/documents/rekomend_el-copy-archival-documents.shtml (дата обращения 05.02.2014).

Сады и парки в истории Петрозаводска / Авт. А.С. Лантратова, Е.Е. Ициксон, Е.Ф. Марковская, Н.В. Куспак. Петрозаводск: ПетроПресс, 2003. 160 с.

Тихонов В.И. Организация архивного хранения электронных документов: проблемы, практика, рекомендации // Всероссийский профессиональный форум ИНФОДОКУМ-2011. Секция 5: Архивное хранение документов на бумажном и электронном носителе. Электронный ресурс: URL: http://stor-m.ru/page.jsp?pk=pode_100078 (дата обращения 05.02.2014).

Три века Петрозаводска: иллюстрированная история города. 1703–2003 / Авт.-сост.: Ю.В. Шлейкин, Н.П. Кутьков, В.П. Лобанов. Петрозаводск: ПетроПресс, 2003. 320 с.

Roberts L.C. From knowledge to narrative: Educators and the changing museum. Washington, London: Smithsonian Institution Press, 1997. 216 p.

Suggit M. The Social history approach // Social history in museum: A handbook for professionals / Ed. by D. Fleming, C. Paine, G. Rhodes. London: HMSO, 1993. P. 28–33.

Wilkinson P. Audio-visual presentation // Social history in museum: A handbook for professionals / Ed. by D. Fleming, C. Paine, G. Rhodes. London: HMSO, 1993. P. 383–386.

Shola T. Essays on museums and their theory: Towards a cybernetic museum. Helsinki: Finnish Museums Association, 1997. 293 p.

УДК 004; 946

Л.Я. Ноль, L.Y. Nol

ЭЛЕКТРОННЫЕ СТРАНИЦЫ ЛЕТОПИСИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. А.С. ПУШКИНА

Electronic Pages of the Annals of the State Museum of Fine Arts A.S. Pushkin

Аннотация: статья посвящена проблеме применения современных информационных технологий для создания публикаций, отражающих деятельность учреждения культуры с позиций исторической науки. На примере Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина показана возможность использовать виртуализацию для интерпретации жизненного пути музея — с момента возникновения идеи («Мечта о музее») и до сегодняшних дней.

Abstract: The Article is devoted to a problem “the IT technologies application” to create publications, concerning the cultural institutions activity from the position of the historical science. The “100 Years Pushkin Museum of fine arts Exhibition” is an example of the creation a virtual interpretation of the Museum Course of life — from the first idea (“Dream of the Museum”) and up to now.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, ГМИИ им. А.С. Пушкина, выставочный проект «Пушкинскому музею 100 лет», концепция, временный творческий коллектив, информационные технологии, виртуальность, мультимедиа.

Keywords: historical science, museology, Pushkin State Museum, the Pushkin State Museum Centenary Exhibition Project, Concept, temporary creative team, information technology, virtuality, multimedia.

Вряд ли следует убеждать сегодня кого-либо в необходимости создания и представления широкой общественности (в том числе научной) публикаций, созданных в электронном (цифровом) виде, отображающих те или иные аспекты истории российских учреждений культуры. В статье на примере трех проектов ГМИИ им. А.С. Пушкина отражена динамика подходов к созданию подобных продуктов за период с конца XX в. по сегодняшний день. Анализ проведен как с точки зрения средств и методов представления данных, так и с позиции выбора контента для публикации (содержания публикации).

Впервые материал об истории Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в электронном виде был опубликован в 1996 г. В подготовке исходного материала участвовали сотрудники музея А.А. Данилова, Т.И. Прилуцкая, И.В. Фетисов; автор данной статьи также принимал участие в подготовке концепции и реализации проекта. Публикация была подготовлена музеем совместно со специалистами компании ШАРК в виде CD-ROM [Пушкинский музей, 1996], который готовился на базе уже существовавших изданий и материалов (каталогов, путеводителей, методических разработок и др.) и включил информацию в виде текста для чтения и в виде аудиолекции. И в первом, и во втором случае изложение сопровождалось цветными изображениями.

Чуть позже история Пушкинского музея в электронном виде была представлена в открытом информационном пространстве в виде небольшого раздела сайта «Пушкинский музей» (текст + изображения). При подготовке этого раздела использовались материалы из диска 1996 г. Сайт, открытый для широкого доступа в Интернет в конце 1996 г., был хорошо принят музейным сообществом, а в 2000 г. Российская академия Интернета присудила ему Национальную Интел Интернет-премию.

Третий сюжет — использование информационных технологий в выставочном проекте «Пушкинскому музею 100 лет». Самые современные методы, средства и технологии широко применялись не только во время работы выставки, посвященной столетию музея, но и после ее закрытия. Коллективом музея совместно с компанией ЭПОС-Групп был разработан и реализован проект Виртуальной выставки «Пушкинскому музею 100 лет», которую можно и сегодня посетить на интернет-портале ГМИИ им. А.С. Пушкина. Об этом проекте расскажу подробнее.

31 мая 2012 г. исполнилось ровно 100 лет со дня открытия Музея изящных искусств им. Императора Александра III, который сегодня известен во всем мире как Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (ГМИИ им. А.С. Пушкина). К юбилею музей готовился в течение нескольких лет под руководством директора И.А. Антоновой. Перед коллективом была поставлена непростая задача: показать научной общественности и широкой публике столетнюю историю музея во всем ее многообразии, используя для этого весь доступный на сегодняшний день арсенал методов и средств представления информации — как традиционных, так и самых современных.

Ключевым юбилейным мероприятием стала упомянутая уже выставка «Пушкинскому музею 100 лет», на которой был продемонстрирован весь исторический путь музея — от рождения замысла до сегодняшних дней. Для работы над научной концепцией выставки был организован временный творческий коллектив («мозговой центр»), руководство которым осуществляла лично И.А. Антонова и в состав которого вошли заместители директора А.В. Толстой (по научной работе) и З.А. Бонами (по выставочной работе), главный хранитель Т.В. Потапова, заведующий отделом Древнего мира В.П. Толстиков и другие ведущие сотрудники музея. Для создания архитектурно-художественного проекта выставки был приглашен архитектор, художник, куратор Ю.И. Аввакумов.

Выставка, размещенная в залах музея и на Галерее, по замыслу создателей должна была репрезентировать все многообразие деятельности музея за 100 лет его существования, поэтому было предложено использовать как традиционные методы представления экспозиционного материала (показ подлинных предметов и копий из коллекций музея, публикаций, архивных материалов; экспликации и этикетки, тексты, фотографии и др.), так и современные методы, основанные на информационных технологиях (создание и представление на выставке мультимедийных публикаций, видеороликов; электронные киоски и др.).

На начальном этапе творческим коллективом был проделан колоссальный объем научной работы содержательного характера по подготовке исходных материалов: отбор и подготовка экспонатов из коллекций музея для выставки; работа с научной литературой (монографии, статьи, каталоги, диссертации) и источниками (из архива музея — рукописи, дневники, заметки, отрывки из писем и статей И. Цветаева, оригинальная графика Р. Клейна, фотодокументы; материалы из архива Госфильмофонда; материалы археологических экспедиций и др.).

В подготовке экспликаций и этикеток, поиске и подборе фото-, кино- и видеоматериалов, создании сценариев участвовали ведущие специалисты и ученые из научных и фондовых подразделений музея: доктора искусствоведения В.Э. Маркова, Е.А. Савостина, А.В. Толстой; кандидаты искусствоведения и исторических наук Н.В. Александрова, Б.И. Перлов,

Н.М. Смирнова, В.П. Толстиков; сотрудники, также обладающие высочайшим профессионализмом и знаниями (М.Б. Аксененко, А.Н. Баранов, А.М. Беляева, О.Б. Малинковская, И.Е. Прусс, О.В. Тугушева, В.Н. Тяжелов). Их вклад, вклад многих других, кого по причине экономии места я не упомянул, в максимально полную и объективную репрезентацию истории музея вряд ли можно переоценить. Прделанная коллективом исследовательская работа не только позволила подготовить материалы для экспозиции, но и создать юбилейный сборник, в котором опубликованы 23 статьи ведущих специалистов музея [100 лет..., 2012].

Следующий этап работы над выставочным проектом — интерпретация подготовленных научным коллективом исходных материалов и перевод их в электронную форму. Для этого был проделан колоссальный комплекс работ технологического характера: высокоточная фотофиксация; цифровая обработка фотографий, архивных материалов, документов, чертежей, книг; создание интерактивных мультимедийных программ для сенсорных киосков с возможностью детализированного просмотра и краткими аннотациями; создание видеороликов на основе исходных кино- и видеоматериалов; создание проекционного комплекса «Центральный экран на Колоннаде размером 19 × 3,8 м» для демонстрации 10-минутного видеоблока об истории музея, который работал в режиме «Non Stop», и многое другое. Эта работа выполнена коллективом музея вместе со специалистами компании ЭПОС-Групп.

В соответствии с принятым архитектурно-художественным решением под выставку была выделена главная выставочная ось музея, в том числе зал 30 («Белый зал»), колоннада, залы 19 и 20, каждому из которых была отведена своя роль в решении глобальной задачи.

Белый зал. Вдоль стен под его колоннадой были размещены 8 компартиментов (терминология предложена Ю.И. Аввакумовым), представляющих собой эскедры радиусом около 3 м при высоте 3,5–4 м. В эскедрах размещались тематические блоки, представляющие основные этапы развития и направления деятельности музея. Внутренние поверхности стен каждого компартамента были снабжены нишами для витрин, в которых размещались фотоматериалы, подлинные произведения графики и экспликации. Там же были установлены интерактивные мониторы для демонстрации видеороликов и электронные информационно-справочные киоски. Ниже приводится краткое описание содержания каждого из блоков, размещенных в Белом зале.

Блок 1. Мечта о Музее: от Зинаиды Волконской до Ивана Цветаева. На пути к Музею: Р. Клейн, И. Цветаев, Г. Трей, М. Ростовцев; поездки И. Цветаева, развитие его идей. Воплощение мечты: конкурс на проект здания Музея; сбор средств и строительство Музея; торжественное открытие.

Блок 2. 1912–1913 гг.: формирование коллекций Музея («от коллекции слепков к музею подлинников»); зарождение идеи «Музейского

городка» у И. Цветаева. 1914—1915 гг.: первая выставка в Музее А. Голубкиной в пользу раненных на фронте. 1917—1923 гг.: Музей и национализация частных собраний; новые поступления.

Блок 3. 1924 г.: первая реэкспозиция в Музее на основе подлинников, поступивших из Эрмитажа, Румянцевского и других музеев и из частных коллекций; Н. Романов и новая концепция Музея. 1930-е гг.: Музей и власть; присвоение Музеем имени А.С. Пушкина (1937) и выставка «Штурм Перекопа» (1938). Музей в годы Великой Отечественной войны: эвакуация экспонатов, повреждения здания, сотрудники в годы войны.

Блок 4. 1944—1948 гг.: «Малое музейное возрождение». Перемещенные художественные ценности в ГМИИ. 1949—1953 гг.: Выставка «Подарков И.В. Сталину». После 1955 г.: восстановление экспозиции ГМИИ; «Французская выставка»; «Эпоха великих выставок».

Блок 5. Инновационные проекты. «Декабрьские вечера Святослава Рихтера»: классическая музыка и изобразительное искусство в едином пространстве Музея. И.С. Зильберштейн и частные коллекционеры: Отдел личных коллекций ГМИИ. Проблема частного коллекционирования в СССР. «Музейский городок»: возвращение к идее И. Цветаева. Присоединение Дома графики и других зданий, создание Центра эстетического воспитания.

Блок 6. Популяризационная деятельность: лекторий Музея; музей и общество «Знание». Работа с детьми и юношеством в Центре эстетического воспитания Музейон.

Блок 7. Научная библиотека и Отдел визуальной информации Музея. Научно-исследовательская деятельность Музея: «Випперовские чтения», археологические открытия, издание научных трудов, диссертации сотрудников и др.

Блок 8. Реставрационная работа. Наиболее значимые реставрационные проекты реставраторов. Крупнейшие реставраторы Музея и их вклад в сохранение собрания ГМИИ.

Колоннада и главная лестница. По продольной оси главной лестницы над ней (на высоте, не препятствующей движению публики) был смонтирован на специальных конструкциях двухсторонний экран, на который проецировались специально подготовленные хроникальные видеоматериалы и слайд-шоу, отражающие столетнюю историю музея. По обеим стенам колоннады были размещены блоки визуальных и текстовых материалов, объединенных темой «100 лет Музея — связь времен», в которых экспонировались в определенной последовательности основные этапы и важнейшие события в жизни Музея и страны на протяжении столетия (фотографии, кадры из кинохроники, текстовые материалы). Это было удачное и обоснованное решение, отражающее саму функциональную и символическую роль главной лестницы и колоннады в пространстве Музея Р.И. Клейна: «связь, коммуникация, движение».

В зале № 19 был размещен макет здания Государственного музея нового западного искусства (Пречистенка, 21) и документы, раскрывающие значение и трагическую судьбу этого музея.

В зале № 20 были размещены макеты Проекта комплексного развития Музейного городка ГМИИ им. А.С. Пушкина, а также работы детей – слушателей кружков и студий центра Мусейон «Дети рисуют Музей будущего».

Выставка работала с 28 апреля по 2 сентября 2012 г. и имела успех у публики. Однако далеко не все, кто хотел посетить ее впервые и повторно, смогли осуществить свое желание. Учитывая громадный интерес к выставке, музей принял решение осуществить проект ее электронной интерпретации, который позволил бы максимально полно сохранить ее образ для будущих поколений, предоставить возможность виртуально посетить уже несуществующую выставку, погрузиться в пространство залов музея после того, как реальная выставка будет закрыта. С этой целью был задуман и реализован проект Виртуальной выставки.

Чтобы решить поставленную задачу, коллектив музея совместно с компанией ЭПОС-Групп в период работы выставки осуществил высококачественную панорамную съемку всего выставочного пространства и разработал комплекс программ, обеспечивающий представление в виртуальном пространстве всего, что видел посетитель на реальной выставке. В результате сегодня каждый пользователь Интернета может посетить выставку «Пушкинскому музею 100 лет» на портале ГМИИ им. А.С. Пушкина (<http://www.arts-museum.ru>). Зайдя на сайт, он погружается в пространство реальных выставочных залов, каждый из которых можно рассмотреть с разных точек. Навигационная панель, которая предлагает набор точек обзора в различных выставочных пространствах, размещена в верхней части экрана. Посетитель имеет возможность выбрать любое из выставочных пространств: Белый зал, Колоннаду, залы 19 и 20.

Маршрут путешествия по виртуальной выставке и выбор тем для подробного знакомства выбирает сам посетитель. Интерфейс для выбора точки обзора удобен и интуитивно понятен. Выбрав точку обзора, посетитель может изменить свою позицию: приблизиться, развернуться, перейти на другую точку обзора (навигатор размещен на экране справа внизу). Каждый раздел выставки предлагает посетителю именно тот набор экспозиционного материала, который демонстрировался на реальной выставке: тексты, фотографии, видеоматериалы, подлинные предметы и копии из коллекций музея, документы из архивов, макеты и др. Выбрав раздел, посетитель может перейти к более детальному знакомству с представленным в нем материалом.

Выставка, посвященная столетию ГМИИ им. А.С. Пушкина, закрылась, но Виртуальная выставка «Пушкинскому музею 100 лет» открыта.

Представленный проект иллюстрирует возможности современных информационных технологий по репрезентации зрителю (а также читателю и слушателю) уникальных исторических событий, происходивших и происходящих в культурной жизни.

Библиография

Пушкинский музей / ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.: Sony DADC Austria, 1996. CD-ROM. (Серия «Музеи России», диск 1-й).

Портал ГМИИ им. А.С. Пушкина. Электронный ресурс: <http://www.arts-museum.ru>

ОР ГМИИ им. А.С. Пушкина. КП 176/2013.

100 лет Государственному музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. 1912–2012: В 2 т. М.: Гамма-Пресс, 2012. 848 с.

Автономова Н. Музей и коллекционеры // Там же. Т. 1. С. 407–452.

Аксененко М. Документально-рукописный фонд художественного музея // Там же. Т. 1. С. 503–515.

Аксененко М. Музей изящных искусств. От замысла к осуществлению // Там же. Т. 1. С. 37–60.

Александрова Н. «Война — состояние противоестественное». Музей в 1941–1945 гг. // Там же. Т. 1. С. 61–80.

Александрова Н. «Музейное Возрождение» (организация работы ГМИИ в 1944–1949 гг.) // Там же. Т. 1. С. 81–92.

Антонова И. Музей и время // 100 лет Государственному музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М., 2012. Т. 1. С. 9–36.

Баканова И. Музей плюс Музей // Там же. Т. 1. С. 453–490.

Беляева А. Выставки ГМИИ за 100 лет по материалам отдела рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина // Там же. Т. 2. С. 219–321.

Бонами З. PER ASPERA AD ASTRA. Хроника выставочной жизни // Там же. Т. 2. С. 151–218.

Кислых Г. Гравюрный кабинет. Путь в 150 лет // Там же. Т. 1. С. 169–228.

Малинковская О. Научная библиотека // Там же. Т. 1. С. 491–502.

Маркова В. Картинная галерея старых мастеров // Там же. Т. 1. С. 267–350.

Мишин В. Коллекция искусства 19–20 веков. Особая судьба // Там же. Т. 1. С. 351–406.

Перлов Б. Древности Востока // Там же. Т. 1. С. 229–266.

Потапова Т., Бородин И. Хранение и реставрация в Музее // Там же. Т. 2. С. 9–58

Прусс И. Музыка в Музее // Там же. Т. 2. С. 117–150.

Ротенберг Е. «Дрезден в Москве» // Там же. Т. 1. С. 93–102.

Смирнова Н. Из истории Минцкабинета // Там же. Т. 1. С. 103–122.

Толстиков В. Классическая археология в ГМИИ им. А.С. Пушкина // Там же. Т. 1. С. 151–168.

Толстой А. Музей изящных искусств и гуманитарная наука // Там же. Т. 2. С. 59–84.

- Тугушева О.* Коллекция античного искусства // Там же. Т. 1. С. 123–150.
Тяжелов В. «Народный университет искусств», или Просветительство в музейном измерении // Там же. Т. 2. С. 85–100.
Фомина Н. Дети в Музее // Там же. Т. 2. С. 101–116.

Гук Д.Ю., Определёнов В.В. Виртуальное пространство как место межкультурной коммуникации // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 29 сентября – 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. С. 63–70.

Ноль Л.Я. Культурное наследие в виртуальном пространстве: Material, Immaterial, Non Material, Intangible... // Четвертая ежегодная конференция АДИТ-2000. Тезисы докладов. Владимир: Ассоциация по документации и новым информационным технологиям, 2000. С. 23–27.

Ноль Л.Я. Информационные технологии в деятельности музея: Учебное пособие М: РГГУ, 2007. С. 120–128.

Ноль Л.Я. Виртуальные экспозиции и выставки – что это значит? // Культурное наследие регионов России в мировом информационном пространстве. Тезисы докладов XII ежегодной конференции АДИТ-2008. Пермь, 2008. С. 6–11.

Hermon S., Hazan S. Virtual museums a theoretical background // Museums & the Web 2014. Florence, 2014.

УДК 009, 004

Н.Т. Тарумова, Н.Т. Тарумова

ИНТЕРНЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЕННЫХ НА БАЗЕ МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЙ

Internet as a Tool of Representation of the Results of Historical Research Carried out on the Basis of the Museum's Collections

Аннотация: в статье показаны возможности презентации результатов исследовательской деятельности в области культурно-исторических практик и гуманитарного образования, появившиеся благодаря цифровым технологиям, дан краткий обзор современного состояния интернет-ресурсов, контент которых составлен на основе музейных коллекций и фондов. На примере сайтов, созданных при участии автора, описываются подходы к презентации разнородной архивной информации, к ее структурированию и систематизации в соответствии с поставленными задачами и с учетом интересов широкого круга пользователей, специалистов-практиков, исследователей.

Abstract: This article shows possibilities of presentation of investigation activity results in the field of cultural-historical practices and education in the Humanities, manifested due to digital technologies, is given a short overview of modern state of Internet-resources, content of which has been done on the basis of museum collections

and holdings. Through examples of sites, created with the author's participation, in the article are described approaches for presentation of different kinds of archive information, of their arrangement and structuring, according the set tasks, and taking into consideration interests of a wide range of users, paraprofessionals and researchers.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, культура, историческая память, музей, информационные технологии, Интернет, сайт, аутентичная публикация, Московский университет.

Keywords: historical science, museology, culture, historical memory, museum, information technologies, Internet, site, authentic publication, Moscow University.

В условиях развитого информационного общества существенная доля познавательной деятельности человека осуществляется в виртуальной среде. Интернет является результатом синтеза фундаментальных гуманитарных идей и их технического воплощения. Еще в 1974 г. А.Д. Сахаров писал: «В перспективе, быть может, позднее чем через 50 лет, я предполагаю создание всемирной информационной системы (ВИС), которая сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной, содержание любой статьи, получение любой справки. [...] Даже частичное осуществление ВИС окажет глубокое воздействие на жизнь каждого человека, на его досуг, на его интеллектуальное и художественное развитие. В отличие от телевизора, который является главным источником информации многих современников, ВИС будет предоставлять каждому максимальную свободу в выборе информации и требовать индивидуальной активности» [Сахаров, 1974. С. 108]. М. Кастельс оценивает появление Интернета как одно из величайших завоеваний, подчеркивая его роль в обучении: «...новая форма обучения ориентирована на выработку умения трансформировать информацию в знания, а знания — в действия» [Кастельс, 2004. С. 8]. Можно согласиться с В.В. Дворниковым в том, что Кастельс в фундаментальном исследовании «Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе» детально проанализировал ключевые аспекты: историю и культуру Интернета; электронный бизнес; социальную реальность и виртуальность; социальные сети и трансформацию реальности; мультимедиа и проблему гипертекста — и многое другое [Дворников, 2013. С. 21].

Современная парадигма восприятия культурно значимых событий российского прошлого сильно отличается от представлений 1970–1980-х гг., в первую очередь вследствие развития средств массовых коммуникаций и глобальной информационной сети Интернет. По той же причине открытие неограниченного доступа к хаотически размещенной информации оборачивается потерей современным российским обществом объединяющих его культурных кодов. Существовавшая во времена СССР идеологическая направленность любых научных работ, связанных с изучением истории, и истории культуры в частности, ставит перед современной культурологией

задачи по исследованию и восстановлению культурных традиций, существовавших в России, реконструкции и актуализации ее культурного пространства с использованием современных информационных технологий. Они позволяют консолидировать и представить в рамках одного виртуального объекта (сайта) творческие тексты, комментарии к ним, исторические источники. Компьютерная обработка больших массивов информации и свободный доступ к всеобщей коммуникации с помощью сети Интернет являются отличительной чертой современной научной музейной деятельности. Изменения заключаются также в трансформации научных исторических исследований из узкопрофильных в комплексные и междисциплинарные, из индивидуальных — в коллективные, что сопровождается повышением ответственности каждого научного сотрудника за результаты исследований.

Современное гуманитарное знание невозможно без адекватного информационного обеспечения. Презентация и передача информации в процессе коммуникации происходят практически мгновенно, это доступно любому пользователю сети Интернет. В то же время существенные объемы материалов, хранящихся в фондах архивов и музеев, не представлены в информационном пространстве, только небольшая их часть актуализирована в научно-достоверном качестве. Е.А. Воронцова и И.М. Гарскова справедливо отмечают: существует значительный риск того, что достоверные исторические знания просто потеряются в «информационном шуме», многократно усиленном в силу неограниченных коммуникативных возможностей сети Интернет [Воронцова, Гарскова, 2013. С. 489]. Вот почему актуализация информации, хранящейся в фондах архивов и музеев, представляется важным аспектом любого гуманитарного исследования. Эти предположения касаются также публикации/презентации материалов в сетевом пространстве как одного из способов их актуализации. Необходимо отметить, что помимо *исследовательского* уровня презентации существенное значение имеет *популярный* ее уровень, понятный и доступный любому пользователю-неспециалисту.

В мировом интернет-пространстве существует множество сайтов музеев и о музеях. Российские музеи и их реплики в Сети довольно полно представлены на сайте «Музеи России» (www.museum.ru). Здесь же можно найти классификацию музеев, выделение их в отдельные группы в соответствии с различными признаками. Но если вести речь непосредственно о презентации музейных коллекций в сети Интернет, то ситуация, на мой взгляд, заключается в следующем: музейные сайты в большинстве своем служат рекламно-информационным целям. Часто для этого используются такие современные технологии, как флэш-анимация, что иногда приводит к отрицательным результатам, маскировке полезной информации. То, что в Интернете постоянно увеличивается число музейных, библиотечных, архивных сайтов, личных страничек авторов об историче-

ских персоналиях, — замечательно. Но для каждого презентуемого музейного предмета необходимо полноценное научное сопровождение. При этом комментарии должны быть понятны любому пользователю; а если в качестве пользователя рассматривать исследователя, то нужны комментарии углубленного характера, т. е. в рамках одного интернет-сайта презентация должна включать в себя по крайней мере два уровня: популярный и научный. Все это может быть достигнуто в рамках единой концепции конкретного сайта. Сайт должен быть единой закономерно построенной структурой, обеспечивать целостность и наилучшее восприятие представленного материала; это является основной задачей для разработчиков, «*визитной карточкой*» сайта. Для создания интернет-ресурсов надо использовать такие информационные технологии, которые максимально адаптированы для презентаций, ориентированных на заявленный круг пользователей (на исследователей, на рядовых «потребителей»).

Эти технологии тесным образом связаны с характером презентуемых объектов. Если речь идет о произведениях изобразительного искусства, основу презентации, как правило, составляет визуальный ряд, который во многих случаях состоит из неоткомментированных изображений или видеозаписей музейных экскурсий. Такой подход к презентации никак не служит идее популяризации исторических знаний. Интернет-технологии позволяют сопровождать любой презентуемый объект компактным или расширенным комментарием, и этой возможностью необходимо воспользоваться, проектируя структуру сайта.

Если речь идет о документальной информации (исторических документах, рукописях и т. п.), хранимой в музейных фондах, то сама публикация их в открытом доступе в сети Интернет привлечет внимание исследователей. Задача создателей ресурса — адаптировать представление такой информации под «рядового потребителя», человека, впервые посетившего музейный сайт. Тексты сами по себе являются памятниками истории, которые часто наилучшим образом характеризуют период, когда они были созданы. Для больших, объемных музейных фондов оцифровка и публикации в сети Интернет документов — трудная задача, требующая значительных финансовых и людских ресурсов. Тем не менее, если фонды описаны, создание виртуального каталога с минимальным набором поисковых услуг значительно упрощает общение посетителя сайта с информацией, содержащейся в фондах. В качестве примера приведем сайт РГАЛИ (<http://www.rgali.ru>), где с титульной страницы есть доступ к поисковой системе, одним из главных преимуществ которой является поиск по персоналиям. Такие же возможности по поиску в фондах музея предоставляет сайт Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (<http://www.rymbmuseum.ru/index.php/ru/>). Сайт этого регионального краеведческого музея содержит все необходимые для современного музейного интернет-ресурса атрибуты, в частности —

полноценный поиск по музейным коллекциям и фондам на основе системы КАМИС (КАМИС — комплексная автоматизированная музейная информационная система, www.kamis.ru)

Отдельно следует выделить «виртуальные музеи», коллекции которых в реальном виде недоступны или попросту не существуют, а в наполнении контента этого ресурса участвуют материалы, хранящиеся и в архивах, и в музеях. В качестве примеров можно привести ряд персонифицированных сайтов, т. е. таких, которые посвящены исторически значимым персоналиям, творческим личностям и историческому контексту их творчества. Так, на сайте <http://www.chukfamily.ru/> (последнее обновление — 2015 г., авторы Юлия Сычева, Дарья Авдеева) в открытом доступе представлен колоссальный объем информации: текстов, фотографий, звукозаписей, документов, связанных с жизнью и творчеством семьи К.И. Чуковского; сайт — самостоятельный, не связанный с Государственным литературным музеем, где открыта страничка, посвященная дому-музею писателя в Переделкине.

Полнотой и проработанностью презентации отличаются сайты, посвященные творчеству Н.С. Гумилева («Николай Гумилев. Электронное собрание сочинений» — <http://gumilev.ru>, создатель — Александр Курлов) и Велимира Хлебникова («Мир Велимира Хлебникова» — <http://www.hlebnikov.ru>, составитель и редактор — ныне покойная София Старкина, дизайн, верстка — Валерия Акулова). В основу информационного наполнения сайта «Вячеслав Иванов» (<http://www.v-ivanov.it/>) положен римский архив Вяч.И. Иванова — одного из идейных вдохновителей русского символизма; опись доступна с главной страницы сайта по ссылке «Архив». Организатор проекта «Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме» проделал значительную работу по оцифровке материалов, имеющихся в распоряжении Центра. Сочинения поэта и философа, разделенные по рубрикам, включают в себя прижизненные издания, собрание сочинений, избранное, переводы и переписку. Ряд материалов дан в виде текстов с ссылками на первоисточник, другие публикуются в виде оцифрованных электронных копий оригиналов. В разделе «О Вяч. Иванове» собраны воспоминания и биографические материалы, включая архивные фотографии и исследовательские статьи. Новостной раздел содержит информацию о мероприятиях, докладах, конференциях, новых публикациях.

Анализ литературных архивных источников, обзор коллекций визуальных образов в фондах музеев и библиотек, мониторинг сайтов в Интернете позволили автору статьи применить свои знания для создания музейных сайтов. Значительные коллекции документов Музея-квартиры Андрея Белого на Арбате не имели отражения (представительства) в виртуальном информационном пространстве. То же самое можно сказать и о материалах, хранящихся в фондах Научной библиотеки МГУ (письмах, фотодоку-

ментах, статьях, периодических изданиях), — прямых свидетельствах культурно-исторического развития России, которые до недавнего времени оставались вне поля зрения как рядовых читателей, так и исследователей.

При моделировании структуры созданных по инициативе и при непосредственном участии автора статьи сайтов «Мемориальная квартира Андрея Белого на Арбате» (<http://kvartira-belogo.guru.ru>) и «Виртуальный музей российской печати» (<http://mediamuseum.guru.ru/>) анализировались их целевое назначение, характер информации и особенности аудитории. Каждый элемент структуры разрабатывался с учетом конкретных характеристик и индивидуальных особенностей представляемого материала. Общий смысл формирования структуры и оформления состоял в том, чтобы сделать сайты целостными, внешне и внутренне отвечающими функционально-целевому назначению, а также определенному типу пользовательского/читательского восприятия, характеру информации и условиям использования. Для этого разрабатывались: критерии оценки сайтов (будут они открытыми и общедоступными или представляющими материал для ограниченного просмотра); общие параметры проекта (назначение, вид и тип, группы пользователей, навигация, обеспечение безопасности веб-ресурса, языки программирования, требования к программному обеспечению, отображение сайта различными браузерами); веб-дизайн (макеты главных страниц сайтов, страниц подразделов и отдельных «конечных» страниц, система меню и отдельных специфических графических элементов); функциональность и сервисы (требования к сайту и программному обеспечению, CMS, подключение сервисов, отдельных модулей и плагинов); контент (языковые версии, система редактирования, схема подготовки и размещения разного типа данных); способы проверки достоверности представляемого материала.

Поскольку сайты должны были стать едиными, закономерно построенными структурами, обеспечивать целостность и наилучшее восприятие представленного контента (это было основной задачей коллектива авторов), при разработке макета их страниц учитывались многие факторы: логичность материалов, их художественная, документальная и фактическая ценность, качество предложенных графических моделей; особенности формирования интерфейса, специфика визуального восприятия вербального и иконографического текстов в Интернете, всего оформления сайтов. При этом обращалось внимание на основные функции иллюстративного материала (информационную и эстетическую). На основе концепций и моделей структуры сайтов приступали к разработке макета: каждой его страницы и отдельных значимых элементов, разделов и подразделов, организации материалов на странице. Далее осуществлялось оформление макета: цвет фона, шрифты, рамки и графические элементы, расположение панелей информации, навигации, текстовых полей, тематические особенности иллюстрирования.

Сайт музея «Мемориальная квартира Андрея Белого на Арбате» создавался в 2004–2006 гг. НИВЦ МГУ совместно со специалистами-музейщиками на базе реального музея. Концептуальным основанием проекта виртуального музея явилась интеграция историко-культурного знания о личности и деятельности поэта, одного из ведущих деятелей русского символизма, и современных информационных технологий. Результатом реализации такой концепции стало создание единого информационного ресурса, содержащего основные сведения о музейных предметах и музейных коллекциях фондов реально существующего музея, обеспечение механизмов свободного и эффективного доступа к информации о культурном наследии, предоставление информационных услуг на базе современных интернет-технологий. В данном ресурсе используется способ презентации материалов (прижизненных изданий писателя) в виде электронных копий в формате jpg-файлов, хотя формат pdf уже существовал. Это обусловлено установкой на «двойное представление»: пользователь одновременно видит изображение страницы и ее текстовую копию. А. Белый питал особое пристрастие к визуальным эффектам. Для него фигурное оформление текста — дополнительное средство подчеркивания смысла. Об этом свидетельствуют, например, комментарии, сделанные писателем для корректора романа «Маски»: он эмоционально пишет, что если наборщики не сохраняют визуальные особенности текста, то он отречется от авторства [Белый Андрей, 1973. С. 155–158]. Тематически сайт разделен на три главных блока: Биография, Музей, Библиография. В блоке Музей регулярно публикуются результаты научной деятельности сотрудников музея, анонсируется проведение семинаров, лекций и презентаций книг в рамках музейной программы.

Сайт «Музей российской печати» (создан в 2013–2014 гг., совместный проект специалистов факультета журналистики, Научной библиотеки и НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова) отличается от вышеописанного сайта, в первую очередь тем, что реального прототипа у этого музея не существует. Документальной базой для наполнения контента сайта послужили раритетные периодические издания из отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, вышедшие в свет в России начиная со второй половины XVIII в. Электронные копии их страниц, размещенные на сайте в открытом доступе, сопровождаются историческими справками по каждому изданию. В разделе Медиаперсоны размещены биографии редакторов, издателей и основателей презентованных журналов и газет, указы, статьи М.В. Ломоносова о журналистике.

Предоставление периодических изданий в полном объеме, ссылки на их наличие в местах хранения, публикация материалов в хронологическом порядке позволили представить достаточно полную картину истории книгопечатания и журналистики не только Московского университета, но и России в целом. Библиография русской периодики всегда была на пери-

ферии сознания таких наук, как история книги и книговедение. Для второй половины XIX в. характерна популярность словарных и библиографических исследований: словарные проекты Г.Н. Геннадии, Д.Д. Языкова, С.А. Венгерова. В 1880—1890-е гг. появляются библиографические журналы: «Российская библиография», «Библиограф», «Библиографические записки», «Книговедение». Библиографические материалы широко используются в издательском деле и книготорговле. Примером является труд Н.М. Лисовского, который востребован исследователями и сегодня [Лисовский, 1915]. Эта книга содержит наиболее полные сведения практически обо всех видах отечественных периодических изданий: правительственных и литературных, научных и ведомственных, столичных и провинциальных. Каждый из печатных органов характеризуется по четкой и продуманной схеме: время и место издания, данные об изменении названия, периодичность выхода в свет, фамилии издателей и редакторов, формат и т. д. Использование данной книги, освещающей взаимоотношения российской печати и цензурных ведомств, подробности перехода журналов и газет от одного владельца к другому, помогало в изучении архивных материалов и представлении их на сайте. Сегодня положение дел с научным описанием журналов и газет (серийных изданий) находится в плачевном состоянии. Произведенная планомерная и последовательная оцифровка периодических изданий и публикация их материалов на страницах сайта позволяет восполнить пробелы в научной истории печати.

Таким образом, на одном интернет-ресурсе из разных источников собраны материалы, подбиравшиеся по принципу музейной коллекции, отражающей развитие российской периодической печати более чем за 250 лет. «Музейные предметы» этой общедоступной коллекции, присутствующие в своем виртуальном образе, могут послужить предметом для научных исследований.

Еще одна положительная сторона интернет-презентации музейных коллекций заключается в следующем. Если по каким-либо причинам реальный музей не функционирует, то в Интернете может быть представлен его «действующий» аналог (см., например, сайт закрытого по техническим причинам Мемориального дома-музея Л.В. Собинова в Ярославле: <http://www.sobinov.yar.ru/russian/bio.htm>).

Вопрос востребованности сайтов очень важный и требует отдельного исследования. Статистика посещаемости сайта — необходимый инструмент для понимания эффективности его работы и анализа аудитории, а это — два основополагающих фактора успешного интернет-ресурса. Число посещений сайта — свидетельство его популярности, а главный критерий в оценке выполнения им просветительских функций — регистрация повторных посещений. Приведем сведения по сайту «Музей-квартира А. Белого»: с 2006 г. всего посещений — 112 059, в среднем в год — 14 000; в день — 40.

Что дают такие сайты разным категориям потребителей информации, как они могут быть использованы в научных, образовательных и просветительских целях? Основные категории потребителей — молодежь (школьники, студенчество), случайные посетители (те, кто отреагировал на имя, дизайн, ключевое слово и т. п.), специалисты (в области музейного, архивного дела и др.) — подойдут к материалу по-разному. Первой категории адресована информация просветительского характера — биографические сведения, сведения об архитектуре сайта, специфике навигации, т. к. школьникам, студентам часто даются задания по презентации того или иного материала, а здесь они получают выверенный, тщательно подготовленный, научно обоснованный образец презентации. Второй категории адресовано все, что создает образ сайта. Случайные посетители (любопытствующие) читают то, что им интересно. Получив с помощью сайта знания и представления, на которые не рассчитывали, они могут оказаться модераторами для непосредственно в этом заинтересованных людей. Третья категория — специалисты, причем разной квалификации и из разных сфер интересов. Если они уже знают, за какой информацией «пришли» на сайт, то ясная навигация, полноценный контент, визуальное решение (включая цвет, композицию), инновационные подходы, примененные для отображения духовной составляющей материала, облегчат им задачу. Все три категории посетителей помимо содержательной информации, помимо приобретения каких-то навыков получают еще и определенный эстетический импульс.

Материалы сайтов могут быть использованы и в научных целях. На ряде из них предоставлены в открытом доступе оцифрованные источники базы для гуманитарных исследований. Например, сайт «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...» (<http://poesis.ru>, идея создания и концепция Г.А. Воропаевой) содержит поэтические тексты за 260 лет существования Московского университета, что позволяет проследить творческие судьбы поэтов, а также получить представление о динамике развития русского языка, в том числе языка поэзии, за большой исторический период. Упомянутый выше сайт «Виртуальный музей российской печати» может быть полезен исследователям истории российской периодической печати. Размещенные на интернет-ресурсах биографические и исторические материалы по персоналиям, включая связанные с ними документальные прижизненные коллекции, могут быть основой научных исследований разной тематики. Организация доступа к источникам информации, хранищимся в разбросанных по всему миру музеях и архивах, открывает возможность для проведения сравнительных исследований, позволяет выбрать более короткий и верный путь поиска того или иного документа.

Библиография

Астафьева О.Н. Медialogия как синтез наук: в объективе — изменяющаяся социокультурная реальность: рецензия на книгу Н.Б. Кирилловой «Медialogия как синтез наук» // Культурологический журнал, Journal of Cultural Research. 2013. № 1 (11). С. 1—7. Электронный ресурс: http://cr-journal.ru/rus/journals/180.html&j_id=13

Астафьева О.Н. Сетевые сообщества и усложнение идентификационных моделей личности в информационно-коммуникативном пространстве // Личность и творчество в современном мире: научный альманах 2011—2012 / Под ред. Ю.М. Резника и П.Ф. Кравчук. Вып. 3—4. М.; Курск, 2012. С. 85—100.

Баранов В.А., Вотинцев А.А., Гнутиков Р.М. и др. Электронные издания древних письменных памятников и технология создания полнотекстовых баз данных // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. М.; Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. С. 234—270.

Белый Андрей. Письма к А.М. Мискарян (публ. и вступительная заметка Нвард Терян) // Русская литература. 1973. № 1. С. 155—158.

Божченко О.А. Историческая память как форма музейной рефлексии // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусства. 2012. № 3 (12). С. 112—116.

Борисова М.В., Каулен М.Е., Черкаева О.Е., Чувилова И.В. и др. Культурное наследие в контексте инновационных гуманитарных технологий // Музееведение и историко-культурное наследие. Вып. III. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т культуры и искусств, 2009. С. 5—90.

Бородкин Л.И. Историко-ориентированные тематические сайты: источниковедческие аспекты разработки контента // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер» (далее: АИК). 2006. № 34. С. 147—150.

Бородкин Л.И. Сетевые структуры гуманитарной информатики: технологии humanities // Гуманитарная информатика. 2009. Вып. 5. С. 25—26.

Бородкин Л.И., Воронцова Е.А., Мироненко С.В. Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 572—577. DOI: 10.7256/2222—1972.2013.6.11513.

Брызгалов П.А. Система «Ареола» — программная оболочка для создания электронных энциклопедий // Вычислительные методы и программирование. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2005. Т. 6. № 1. С. 136—140.

Брызгалов П.А. Возможности изучения семантически-структурированных предметных областей с помощью системы «Ареола»: Методическое пособие. М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 2006. 55 с.

Буракова Т.Т. Музейные фонды: от хранения — к открытому доступу. К вопросу о создании сайта «Собрание рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого» // Актуальные проблемы источниковедения и текстологии в контексте современных информационных технологий. Материалы всероссийской научной конференции к 100-летию со дня основания Государственного музея Л.Н. Толстого (1911—2011), 16—18 ноября 2011 г., Москва. М.: Гос. музей Л.Н. Толстого, 2011. С. 50—57.

Валетов Т.Я. Музеи в Интернете: обзор глобальной сети // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. Труды IX конференции Ассоциации

«История и компьютер». М.; Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. С. 328–358

Воеводин В.В., Воеводин Вл.В., Брызгалов П.А. О некоторых проблемах компьютеризации знаний // Труды Всероссийской науч. конференции «Научный сервис в сети ИНТЕРНЕТ». М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2000. С. 15–16.

Воронцова Е.А. Музей как элемент системы информационного обеспечения исторической науки: теоретико-методологические аспекты проблемы // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: История. 2014. № 3. С. 82–85.

Воронцова Е.А., Гарскова И.М. Информационное обеспечение российской исторической науки в информационном обществе: современное состояние и перспективы // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 5. С. 487–505. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9811.

Грум-Гржимайло Ю.В., Поляков М.Н. Виртуальный архив как перспективная система поддержки и сопровождения исторических исследований // Отечественная история. 2008. № 2. С. 138–145.

Грусман В. М. Музей как институт формирования исторической памяти // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8. № 35. С. 92–98.

Дворников В.В. Кризис гуманитарного знания в эпоху информационных технологий // Науки о культуре в перспективе «digital humanities»: Материалы Международной конференции 3–5 октября 2013 г., Санкт-Петербург / [под ред. Л.В. Никифоровой, Н.В. Никифоровой]. СПб.: Астерион, 2013. С. 18–26.

Демьянков В.З. О научном наследии и о поколениях // Критика и семиотика. Вып. 17. М., 2012. С. 76–83.

Заславец Н.Н. Информационные технологии в музейной практике // Диалог со временем. Вып. 20. М., 2007. С. 299–303.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

Компьютер в музее, музей в компьютере. Труды Всесоюзного семинара по проблемам компьютеризации музеев за 1990 г. М.: ГТГ, 1991. 128 с.

Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг.: (Материалы для истории рус. журналистики) / [Сост. и изд. Н.М. Лисовский. II тт.]. Репр. 1915 г. М.: Лит. обозрение, 1995.

Нестеренко А.Н. Историческая память и современность // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 3. С. 284–288.

Никифоров А.Л. Историческая память и общество // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15. № 2. С. 90–102.

Ноль Л.Я. Автоматизированные базы данных по памятникам истории и культуры: проблемы и решения // Музееведение. Музеи мира / Отв. ред. Е.Е. Кузьмина; НИИ культуры. М., 1991. С. 232–248.

Ноль Л.Я. Компьютерные технологии в музее. М.: Рос. ин-т переподготовки работников культуры, искусства и туризма, 1999. 114 с.

Сахаров А.Д. Библиографический справочник: В 2 ч. // Труды. Фонд Андрея Сахарова / Авт.-сост. Савельева Е.Н. М.: Права человека, 2006. Ч. 1. 368 с.

Сахаров А.Д. Tomorrow: view from Red Square // Saturday Review / World. August, 24, 1974. P. 108. Режим доступа: <http://www.unz.org/Pub/SaturdayRev>

1974aug24-00090?View=PDF. (Публикация русского перевода: *Сахаров А.Д.* Мир через полвека // Вопросы философии. 1989. № 1. С. 27)

Сундиева А.А. Музей как культурная форма // Культурные миры: Материалы научной конференции. М.: РИК, 2001. С. 210–215.

Юшин И.Ф. Электронные документы как исторический источник // Круг идей: Электронные ресурсы исторической информатики. М.; Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. С. 37–51.

УДК 004, 069

Н.Е. Каленов, И.Н. Соболевская, А.Н. Сотников
N.E. Kalenov, I.N. Sobolevskaya, A.N. Sotnikov

ИНТЕГРАЦИЯ МУЗЕЙНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЭЛЕКТРОННУЮ БИБЛИОТЕКУ «НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

Museum Data Integration in to the Digital Library “Scientific Heritage of Russia”

Аннотация: в статье изложены принципы построения электронной библиотеки (ЭБ) «Научное наследие России». Рассматриваются составляющие ее информационного пространства, принципы выделения и отражения в ней музейной информации. Приведен список ряда музеев мира, содержащих информацию, соответствующую тематике ЭБ «Научное наследие России».

Abstract: The article describes the principles of the Digital Library «Scientific Heritage of Russia». The components of the information space of DL «Scientific Heritage of Russia» are taken into deep consideration in this article. The principles of selection and presentation of museum information are given also. There is a list of several world museums containing information according to the subject of the DL «Scientific Heritage of Russia».

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, междисциплинарные исследования, электронная библиотека «Научное наследие России», электронные библиотеки, музейная информация, научное наследие, базы данных, метаданные.

Keywords: historical science, museology, interdisciplinary research, digital library, museum information, scientific heritage, databases, metadata.

Электронная библиотека «Научное наследие России» (далее ЭБ) представляет собой общедоступную электронную библиотеку, в числе основных задач которой: сохранение и предоставление свободного доступа широкого круга пользователей Интернета в России и за рубежом к научному наследию российских ученых, внесших значительный вклад в развитие отечественной и мировой науки; популяризация научного знания.

В информационном пространстве ЭБ «Научное наследие России» размещены биографические сведения о персоналии, в том числе развернутые биографии со ссылками на источники, электронные копии библиотечных (издания) и архивных документов (тех, где авторами являются сами ученые, посвященных научным проектам, научным событиям, научным школам и т. д.), а также электронные образы связанных с учеными музейных предметов из разных коллекций.

Технологии создания ЭБ позволяют включать в электронный ресурс 3D-модели, а также аудио- и видеоматериалы.

В основу формирования ЭБ положен принцип сочетания распределенного наполнения и централизованной поддержки [Каленов, Савин, Серебряков, Сотников, 2012]. Технология создания ЭБ предусматривает ведение двух баз данных — технологической и результирующей. Технологическая БД содержит метаинформацию, описывающую все объекты, включаемые в ЭБ (персоналии, публикации, организации, архивные документы, музейные предметы), а также информацию, необходимую для мониторинга процессов подготовки материалов. Она доступна участникам формирования ЭБ, которые входят в нее по индивидуальным логинам и паролям, вводят и редактируют метаданные. Каждый авторизованный пользователь может редактировать только свои записи, а просматривать — все. Специалист, обладающий правами администратора, может редактировать любые данные, при этом все изменения в системе протоколируются. Программное обеспечение SCIRUS, разработанное специалистами БЕН РАН для формирования и поддержки технологической БД [Якшин, 2014], обеспечивает развитый поиск по всем полям метаданных всех объектов, включенных в ЭБ. В частности, система позволяет осуществлять полнотекстовый поиск информации об ученых в их развернутых биографиях.

Результирующая БД содержит, наряду с метаданными, автоматически загружаемыми из технологической БД, полные тексты публикаций и доступна любому пользователю Интернета по адресу: <http://e-heritage.ru>.

Интерфейс общедоступной ЭБ позволяет искать ученых, научные труды, музейные предметы и архивные документы по ряду элементов метаданных. Для ученых это: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, область научных интересов; для музейных предметов — слова из основного и дополнительного названий объекта, инвентарный номер, автор сбора. Найдя интересующий его объект, пользователь может просматривать его метаданные, метаданные связанных с ним других объектов, читать полные тексты отсканированных материалов, просматривать фото- и видеоматериалы.

Музейная информация является достаточно важной составляющей информационного пространства ЭБ. Это обусловлено тем, что знакомство с практическими результатами естественно-научных исследований представляет огромный интерес (а зачастую и необходимость) для сту-

дентов, инженеров, историков науки и др., но посетить музей, где можно ознакомиться с этими материалами, у многих возможности нет. Поэтому взаимодействие ЭБ «Научное наследие России» с музеями и их интеграция являются одной из важных и необходимых практических задач.

Рассмотрим, что представляют из себя музейная информация и электронная музейная коллекция, связанные с персоной, применительно к ЭБ.

Если деятельность или «хобби» ученого относились, например, к наукам о Земле или к биологии, то в качестве музейных собраний, связанных с данной персоной, могут выступать собранные и описанные ученым (или его учениками, школой, коллегами) коллекции минералов, гербарии и т. п.

Если ученый занимался прикладными науками и разработанные им приборы имеются в музеях, то в ЭБ могут быть введены их описания, фотографии и даже видеоматериалы, демонстрирующие их работу.

В государственных и ведомственных естественно-научных музеях находятся музейные предметы и коллекции, иллюстрирующие работы ученых: биологов, зоологов, палеонтологов, этнографов, антропологов и др.

Кроме того, в разных музеях могут находиться музейные предметы, связанные с деятельностью одного ученого, как, например, в случае с Н.М. Пржевальским. Его коллекции находятся в Ботаническом музее Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН, в Зоологическом музее РАН, в Зоологическом музее МГУ им. М.В. Ломоносова, в мемориальном Доме-музее Н.М. Пржевальского (в структуре Смоленского государственного музея-заповедника).

Музейные коллекции могут включать личные вещи, предметы интерьера и быта ученого, хранящиеся в мемориальных домах-музеях и мемориальных квартирах.

Не меньший интерес представляют виртуальные музеи, в частности виртуальный музей «Механизмы Чебышева», созданный Фондом «Математические этюды» при поддержке Математического института им. В.А. Стеклова РАН и представляющий описания, фотографии и фильмы, наглядно объясняющие принципы работы и движения механизмов, созданных математиком.

Некоторые российские ученые проводили свои исследования за границей. В ряде зарубежных естественно-научных музеев находятся предметы и коллекции, созданные учеными и представленные на сегодняшний день в ЭБ «Научное наследие России».

Одним из участников работ по созданию ЭБ «Научное наследие России» является Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского Российской академии наук [Каленов, Малахова, 2014], предоставивший для нее метаданные, характеризующие предметы из собрания музея. Каждый объект, включенный в ЭБ, либо иллюстрирует работы изучавшего его ученого, либо описывает часть коллекции, собранной ученым. Метаданные

включают структурированное описание музейного предмета и его цифровую фотографию.

В 2015 г. руководством Межведомственного суперкомпьютерного центра РАН, возглавляющим работы по формированию ЭБ «Научное наследие России», подписан договор о сотрудничестве с Государственным биологическим музеем им. К.А. Тимирязева. Договор предусматривает взаимодействие партнеров по вопросу развития ЭБ и формированию электронных ресурсов музея, а также размещение цифровых объектов, созданных каждым из участников в рамках совместной деятельности, в информационных фондах ЭБ.

Ведутся переговоры о сотрудничестве с другими естественно-научными музеями.

Для составления списка музеев, в которых могут храниться музейные предметы и коллекции, связанные с той или иной персоналией, включенной в ЭБ «Научное наследие России», была проанализирована биографическая информация об ученых, для чего был осуществлен поиск персоналий в технологической БД, поле «биография» которых содержит фрагмент «музе», входящий в состав однокоренных слов. Результатом обработки этого запроса стал список из 435 персон, в описании биографии которых упоминается информация об их взаимодействии с музеями.

Дополнительный анализ биографий ученых из этого списка, а также изучение информации, представленной на сайтах некоторых естественно-научных музеев, позволили выявить 153 персоны, результаты деятельности которых отражены в коллекциях музеев. В список включены: государственные, региональные, ведомственные музеи, музеи-квартиры; российские и зарубежные музеи. В *табл. 1* приведен ряд музеев, в которых может находиться информация, связанная с учеными, представленными в ЭБ «Научное наследие России» на сегодняшний день.

Таблица 1

Название музея	Город, где находится музей
Виртуальный музей «Механизмы Чебышева»	
Третьяковская галерея	Москва
Государственный исторический музей	Москва
Московский Румянцевский музей	Москва
Зоологический музей МГУ им. М.В. Ломоносова	Москва
Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина	Москва
Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского РАН	Москва
Дарвиновский музей	Москва

<i>Название музея</i>	<i>Город, где находится музей</i>
Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана	Москва
Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина	Москва
Оружейная палата Московского Кремля	Москва
Политехнический музей	Москва
Палеонтологический музей им. Ю.А. Орлова	Москва
Государственный биологический музей им. К.А. Тимирязева	Москва
Зоологический музей РАН	Санкт-Петербург
Музей антропологии и этнографии им. Петра I (Кунсткамера)	Санкт-Петербург
Ботанический музей Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН	Санкт-Петербург
Этнографический музей (Этнографическое Бюро князя В.Н. Тенишева)	Санкт-Петербург
Музей Академии художеств	Санкт-Петербург
Государственный Эрмитаж	Санкт-Петербург
Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
Ботанический сад и Ботанический музей	Берлин
Зоологический музей	Берлин
Музей Университета	Лион
Музей Горной школы	Париж
Музей Человека	Париж
Музей искусств и ремесел	Париж
Музей национальной письменности	Прага

Взаимодействие с музеями предполагает: размещение оцифрованных музейных объектов в информационном пространстве ЭБ «Научное наследие России»; взаимное консультирование; совместное проведение научных и информационных мероприятий, связанных с развитием и пополнением ЭБ «Научное наследие России». Если оцифрованные материалы у музея уже имеются, то в этом случае возможны передача их вместе с метаданными в согласованных форматах для отражения в ЭБ, передача метаданных, необходимых для установления связей музейного объекта с персоналией, и ссылка на ресурс, поддерживаемый в музее (если экспонат уже отражен в виртуальном музее). Если же оцифрованных материалов, представляющих интерес для ЭБ, в музее нет, разработчики ЭБ «Научное наследие России» могут предоставить свою помощь в подготовке метаданных и формировании цифровых образов объектов.

Таким образом, взаимодействие с музеями, а также включение их в проект по созданию ЭБ «Научное наследие России» является важной и

необходимой задачей, направленной на предоставление пользователям максимально полной и многоаспектной информации об отечественном научном наследии и об истории науки.

Библиография

Каленов Н.Е., Савин Г.И., Серебряков В.А., Сотников А.Н. Принципы построения и формирования электронной библиотеки «Научное наследие России» // Программные продукты и системы. 2012. Т. 4, № 100. С. 30–40.

Каленов Н.Е., Малахова И.Г. Музейная информация в электронной библиотеке «Научное наследие России» // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 29 сентября – 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2014. С. 97–100.

Якишин М.М. Платформа SciRus – основа технологического комплекса электронной библиотеки «Научное наследие России» // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: XVI Всероссийская научная конференция RCDL-2014 (Дубна, 13–16 октября 2014 г.): труды конференции. М., 2014. С. 362–368.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МУЗЕЕВ

УДК 7.072, 008, 069

А.К. Якимович, А.К. Yakimovitch

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ МЕЖДУ МУЗЕЕМ И ВЕРБАЛЬНЫМ ТЕКСТОМ

Art History between the Museum and the Verbal Text

Аннотация: искусствоведение рассматривается как изначально пограничная дисциплина, основанная на опыте музейного созерцания внесловесных объектов и университетско-академического «языковедческого» подхода к письменным источникам. Перекосы в ту или иную методологическую сторону приводят к деформациям и дефектам результатов искусствоведческого исследования. Фундаментальная задача искусствоведения — описать внесловесный опыт «музейных инсайтов» с помощью дискурсивного изучения письменных источников. Такие попытки синтеза позволяют осознать новоевропейскую классику как «перманентную революцию в искусстве». Содержанием этой революции приходится признать креативное, продуктивное «недоверие к человеку», превращающееся в акт возвеличения творческой способности художника, не признающего страха или запрета.

Abstract: Studies in art history initially is seen as a frontier discipline referring to the two poles of experience. The one is the Museum experience of contemplation of non-verbal objects. The second pole is the University-based, fundamentally “linguistic” approach to written sources. Imbalances in one or another methodological side lead to deformities and defects of the results of research. The fundamental task of art criticism has to be describing extra-verbal experience of “Museum insights”, on the one hand, with discursive study of written sources, on the other hand. Such attempts of synthesis allow to realize new European classics as a “permanent revolution in art”. As essential contents of this revolution we have to recognize creative, productive “distrust of man”. Art in Modernity deals with anthropological defeat being developed into an act of honoring the creative ability of the artist. Hence the principle of creative victory over the human defeat.

Ключевые слова: историческое искусствоведение, музейный опыт, внесловесные смыслы, вербальный дискурс, музейный инсайт, творческий психотип, антропология недоверия, отважное знание, творческий нонконформизм, поведенческий конформизм художника-новатора.

Keywords: history of art, Museum experience, non-verbal meanings, verbal discourse, Museum insight, creative mindset, anthropology of mistrust, brave knowledge, creative non-conformism, behavioural conformism of innovative artists.

Во всякой научной дисциплине есть вопросы коренные, ключевые, живо обсуждаемые и либо вообще не решенные, либо временами снова

и снова появляющиеся на горизонте в качестве нерешенных. Искусствоведение не является исключением. Мы, как и прочие гуманитарии, время от времени возвращаемся к исходным вопросам, которые вроде бы уже получили ответы в прошлом. Но приходится опять задавать наш коренной вопрос. Что такое классическое искусство, от Леонардо да Винчи до Рембрандта, от Джорджоне до Веласкеса, от Яна ван Эйка до Пуссена и Рубенса?

С самого начала будем называть имена и явления конкретного исторического круга произведений и воздержимся от общих рассуждений о «природе и смысле классического начала». Историческое искусствоведение, в отличие от эстетической мысли, занимается интерпретацией произведений, и это есть момент принципиальный.

Искусствоведение подходит к центральной проблеме своей дисциплины (к фундаментальному кругу произведений живописи, графики и скульптуры) с точки зрения стилей, или художественных языков, возникающих в рамках той или другой эпохи. Именно этому нас учили прежде, и сейчас учат тому же, и далее, вероятно, будут учить в университетах. Вопрос о смысле и посланиях при этом сливается с вопросом о языках. В принципе такая постановка вопроса близка к исходным установкам общего языкознания. Иными словами, устройство языка и есть послание этого самого языка. *Medium is the message*, как выражался (совсем по другому поводу) знаменитый теоретик электронных коммуникаций М. Маклюэн.

По всей вероятности, многолетняя институциональная связь искусствоведческой науки с другими гуманитарными науками в рамках университетской семьи дисциплин определила специфику искусствоведения. Наша дисциплина сложилась как *наука о языках искусств*. Близкое соседство с языкознанием обернулось в конце концов и некоторым родством. Получилось так, что университетское искусствоведение оказалось в известной степени оторванным от музейного опыта, от жизни в музее. Это кажется странным, ибо университетское преподавание истории искусств издавна было тесно связано с жизнью музеев и жизнью в музеях. Профессора ведущих университетов Европы и России обязательно имели за своими плечами тот или иной музейный опыт, а занятия студентов и аспирантов в стенах музеев всегда входили в учебные курсы. По старинной традиции (идушей из немецких университетов) первым и базовым университетским курсом является курс, именуемый в России «Описание и анализ произведений искусства». Это означает — проводить долгие часы перед картинами и скульптурами музейных собраний и участвовать в разборах и осмыслениях увиденного. Иначе говоря, вживаться в оригиналы, а не рассуждать на основании техногенных репродукций.

Регулярные и специально нацеленные выходы любого профессионала (историка искусства или художественного критика) в музей или на вре-

менную выставку (которая является своего рода сокращенной версией музейной экспозиции) решительно отличает нашу дисциплину от прочих гуманитарно-филологических занятий [Леняшин, 2014]. Даже если отвлечься от «чистого» языкознания и иметь в виду исторические науки, философские науки, социологию и культурологию, то эти почтенные соседи в основном работают с текстами, с вербальными образованиями — будь то образец диалекта, исторический источник или проект социологического обследования населения.

Текст же (будь то записанный на те или иные носители живой разговор или зафиксированный в вербальном тексте научный труд) имеет отличный от произведения искусства статус. Текст — это прозрачный и максимально доступный кусок информации, доступный в обыденной жизни. Утром проснулся, открыл книгу, включил компьютер — и работай себе с текстами любого вида и рода. При этом можно и чай пить, и кошку гладить. Иное дело — живописные произведения и прочие образчики изобразительного искусства. Чтобы встретиться с оригиналами и не полагаться на ненадежные репродукции и иллюстрации, требуется переместиться в сакрализованные пространства (музей, выставка) и погрузиться в созерцание визуальных конфигураций, каковые лишь частично переводимы на язык слов. До каких бы высот ни развилось техническое воспроизведение шедевров, центральным актом музейного опыта является контакт с уникальным оригиналом.

Встреча с шедеврами не есть обыденное занятие. Такой контакт предполагает своего рода ритуалы предварительного очищения и ритуалы допуска к «святыне культуры». В музей не заходят по дороге, а специально отправляются для того, чтобы погрузиться в особо значимые смыслы искусства. Для профессиональной работы исследователя с оригиналами требуется определенный настрой, своего рода психотехника контакта. Здесь нужен и опыт, и некое изначальное дарование.

Притом самое главное в произведении искусства, то бишь пластическое достоинство, художественное качество и духовная аура, хуже всего поддается словесным аппрошам и пребывают за рамками языковых средств. Мы погружаемся в созерцание и ждем инсайта. А если вдруг (такое бывает) наши усилия вознаграждены и мы поняли нечто важное? Как передать ЭТО словами?

Искусствоведы пытаются ухватиться за подобия научных определений, а другие прибегают к почти художественным и артистичным средствам эссеистического описания. Но в любом случае, оперируя любыми языковыми средствами, наука об искусстве решительно недостаточна для того, чтобы осмыслить, описать словами и вербальными способами интерпретировать произведение большого мастера живописи, графики или скульптуры, взятое в его глубинных характеристиках. Представители нашей науки сами либо сознают, либо интуитивно ощущают проблема-

тичность своих когнитивных возможностей. Отсюда разного рода странности и парадоксы поведения нашего брата, как, например, характерный снобизм «избранной касты» (плюс подспудная уязвленность от ощущения недооцененности своей миссии среди вульгарных профанов).

В настоящем музее, где выставлены качественные произведения искусства, человеку приходится нелегко. Человек — существо вербальное. Словесная материя любого рода и качества ему жизненно необходима для того, чтобы утверждать свое присутствие в мире. Физическое присутствие как бы уравнивает его с прочими физическими объектами природы, а это нам не всегда нравится. Почему-то считается унижительным иметь тот же натуральный статус, что и бессловесные существа. С эпохи Просвещения вошла в обиход культуры известная идея о том, что дар речи отделяет «властелина мира» от его биологических, геологических и прочих соседей по мирозданию. В музее же мы встречаем физические объекты по имени «картина» или «скульптура», которые явно наделены антропными характеристиками, которые выражают некие настроения, идеи, ощущения и смыслы, а какие именно — поди пойми. Картина ничего не рассказывает словами. Но ее человеческие послания бывают чрезвычайно интенсивны — даже в тех случаях, когда живописец изображает пейзажи либо натюрморты, в которых человеческое присутствие остается косвенным.

Вероятно, любой профессиональный историк искусства, прошедший искус занятий в музеях, знаком с чувством тревожной или обидной растерянности перед произведениями больших мастеров искусства. Стоишь перед произведением мастера, произносишь вслух или про себя правильные слова, точно называешь формы и краски, описываешь сюжеты и предметы, изображенные в холсте, и все мимо. Датировка имеется, стилистика понятна, а дальше что? Все описал как есть, а смыслы не ловятся. Начинаешь фантазировать и вспоминать обрывки своих гуманитарных знаний, цитировать философов и апеллировать к психологии — и опять результат неутешителен. Можно потешить свое самолюбие умными отсылками, а картина молчит и как будто про себя посмеивается над нами, существами вербальными, университетскими и ненужно учеными. Начнешь с горя читать стихи великих поэтов, пытаешься уцепиться за образы и картины художников слова, — и на душе как будто станет легче от волшебных слов, а картина все равно не поддается нашим эвристическим усилиям. Она пребывает по другую сторону.

Музей — своего рода чистилище, из которого многие уходят с некоторым раздражением, поскольку там ничего не понятно и вообще издевательство. Другие уходят с облегчением и растерянным вопрошанием в душе. Как же так? Что это было? Почему я не могу сказать словами о том, что я как будто ощутил или угадал в глубине души? Что с этим теперь делать?

Очень можно понять основателей нашей науки, которые совершили в свое время героический и аскетический акт. За многие годы до Витт-

генштейна основоположники искусствознания пришли к негласному выводу, что не надо и пытаться говорить о том, о чем сказать нет никакой возможности. Вёльфлин и ученые Венской школы, а также молодой Варбург в Германии и ученые России (как Кондаков) стали описывать описуемое и избегать неопишуемого и невыразимого, ценой отказа от особо важных смыслов искусства, его сущностных посланий, добились известной достоверности и доказуемости своих результатов.

Таким образом, искусствоведение как бы отступило на заранее подготовленные позиции, а именно в университетские аудитории и кабинеты. Исствоведение решило, что оно будет жить там, где говорят о вещах вербально доступных, и лишь спорадически будет навещать музеи, где мы стоим перед шедеврами в полной растерянности, в состоянии гносеологической тоски, и ощущаем глубокую недостаточность наших текстовых и речевых возможностей.

И стали мы в университетах жить-поживать, степеней наживать, а музей остался для нас далекой страной, островом нашей мечты, где иногда можно ощутить удивительные и чудесные излучения каких-то прозрений и осмыслений бытия, а как пытаешься сформулировать пережитое словами — так получается плоховато, косовато и кривовато и возникает досадное ощущение своей несостоятельности. Читая статьи и диссертации собратьев-специалистов, нередко слышишь речь бюрократа, который пытается описать что-то удивительное и необычайное, а говорить умеет только языком неживых людей. В свое время И. Бродский назвал официальный советский язык «языком человека, который убыл». Объект нашей науки (произведение искусства) в присутствии такого безличностного и формализованного языка словно закрывается со всех сторон и оберегает свою недоступность.

Тут самое время спросить — а как же кадровые сотрудники музеев, хранители и пониматели своих коллекций, наши замечательные музейные люди, которые положили жизнь на то, чтобы неотрывно видеть картины и скульптуры и молча стоять перед ними в пустых залах закрытого для публики музея? Это особый предмет для обсуждения. Человек музейный в некоторых отношениях отличается от человека университетского. Но пожизненная работа в музее, накладывая свой отпечаток на человека и способствуя его превращению, в удачном случае, в личность светлую и внутренне значительную, не способна изменить природу познания, каковая реализуется в словах и текстах.

Основной текстовый продукт музейного человека — это каталог выставки, или коллекции, или части этой коллекции. Основное содержание каталога есть фактическая информация — история произведения, его провенанс, техника, состояние сохранности, размеры, сюжетика, композиционное устройство и далее в том же роде. Можно и символику помянуть, и на стихи поэтов сослаться, но с осторожностью. Музейный способ

текстового и речевого освоения произведения искусства есть в общем тот же самый способ, который мы наблюдаем в университетах. Более того. Музейный человек особо строго и ригористично работает на фактологическом направлении. Лирические излияния в каталоге неуместны. Разве что вступительная статья может иногда пойти на уступки нашим слабостям и допустить поэтическую цитату или намек на философскую концепцию. Но из самой структуры каталога, этого исконно музейного жанра публикации, следует тот факт, что вступительная статья есть своего рода прихожая или вводный зал. Дальше расположено само святилище науки, пространство факта, а там уже вольности и фантазии неуместны. Музейный (выставочный) каталог описывает фактическое состояние произведения искусства, взятого как вербальный текст и оттого переводимого без больших утрат на любой иностранный язык.

Пребывая в своих университетских фортификациях и постоянно подпитываясь от филологических и прочих гуманитарных наук, искусствоведение приобрело большой опыт и отточило свое умение описывать «измы» и прослеживать их взаимовлияния, их зарождения и угасания, их индивидуальные версии в творчестве отдельных мастеров и прочее. Никто из профессиональных исследователей искусства не станет спорить с тем, что языки искусства призваны воплотить картины мира, свойственные тем или иным цивилизациям, историческим эпохам, национальным менталитетам.

Однако же именно картины мира (то бишь сами послания произведений искусства, запечатленные соответствующими стилевыми средствами) вызывают в науке принципиальные затруднения. Скажу еще откровеннее. На уровне понимания картин мира возникают те самые неблагоприятия, которые изначально мучают науку об искусстве. Она хронически и глубоко больна одним принципиальным дефектом, который как будто вообще не осознается нашей научной общественностью. Когда больной сам не сознает, что он болен, то положение серьезное, ибо развитие хвори, не сдерживаемое терапией, угрожает нехорошими последствиями.

Изучая языки искусства, как своего рода невербальные тексты, истории искусства уловили важный процесс — смену картин мира на пороге Нового времени. До того, в эпоху Средневековья, искусство настойчиво и очень эффективно транслировало обществу идею присутствия высших метафизических начал, точнее — знаковых (иконических) отражений божественного верха в низших этажах бытия. Система мироздания виделась целостной и была вполне органичной, так что не нуждалась в существенных поправках и трансформациях внутри себя. По разным историческим причинам (о которых здесь не место рассуждать или поминать) она сменилась на другую картину мира. Новое время, по всей видимости, в области пластических искусств связано со стремлением познавать реальный мир, данный человеку в ощущениях и оцениваемый разумом и этическим сознанием (а может быть, инстинктом).

Новое время — эпоха кардинальных перемен. Там не просто поменялись способы ведения хозяйства или живописная манера в создании картин. Поменялись основы картин мира [Giddens, 1990]. Такова, как считается, аксиома истории искусства как исторической дисциплины. Но аксиома выглядит то ли незаконченной, то ли урезанной. Она необходима, но недостаточна для развития науки об искусстве.

Искусство Нового времени развило в себе стремление видеть, слышать, понимать реальный мир, данный в ощущениях и доступный пониманию. Именно так. Не созерцать таинственные знаки и послания свыше, доступные до известных пределов, но обладающие бесконечной перспективой смыслов, а смотреть и видеть. И верить своему глазу, своему тактильному ощущению, своему соматическому взаимодействию с реальностью. Далекое и близкое, теплое и холодное, тяжелое и легкое, оптически достоверное и оптически искаженное и тому подобные параметры выходят на первый план.

В Новое время художники научаются создавать «оптику для художников», научную (математически-оптическую) перспективу, учение о цветовых соотношениях и прочее. Художники Возрождения принимают за это дело, академические систематизаторы и вольные экспериментаторы XVII, XVIII и XIX вв. завершают начатое. Новаторы и революционеры конца XIX и начала XX в. вносят в художественное развитие новые акценты.

От Леонардо да Винчи до Сезанна, от Тициана до Александра Иванова, от Микеланджело до Родена возникает основополагающий корпус новоевропейского искусства. Это теперь наша классика, обращающаяся к нам на нашем языке, хоть мы и тешим себя лестными мыслями о том, будто мы способны понимать неевропейские художественные языки, т. е. экзотические, древние и доисторические достижения творческого гения человечества.

Наша новоевропейская классика богато представлена в музеях, и она есть основная «начинка» художественных собраний Европы, Америки и Евразии. Искусствоведение научного типа начиналось именно с того, что в середине XIX в. специалисты стали специально думать о смене языков искусства, наметившейся в эпоху Возрождения. Но самые существенные вопросы до сих пор остаются нетронутыми, фактически не поставленными. А именно — неясно целеполагание. Искусство обратилось к реальному миру, а ради чего это понадобилось? Рисовали бы себе иконы да создавали бы дальше священные иконические образы и не связывались бы с реальностью ощущений и «реальностью реальности».

Чего в ней вообще хорошего, в этой самой реальности? Разве она так уж красива да совершенна, что ее надо благоговейно изучать и познавать в ее физической данности? Она ничуть не хороша и вовсе не совершенна. Она вообще довольно неприятная, некрасивая, негармоничная, эта самая

реальность-как-она-есть. О том ясно заговорили уже классики Возрождения (прежде всего Северного Возрождения, где культивировались принципы радикального натурализма, ярко обрисованные в работах О. Бенеша). Надо иметь какие-то специальные причины, чтобы интересоваться тем, как она выглядит, эта реальность. Какие в ней реальные краски, как в ней работает атмосфера, как устроены органы человека и реальные растения. Разделять трупы, исследовать связки и мышцы и работу скелета, как это делали Леонардо и Микеланджело, — зачем это вообще понадобилось? С какой стати их потянуло на такое, мягко выражаясь, своеобразное занятие?

Жажда познания реальности, какова она есть, считается достаточным основанием для этого тектонического сдвига в истории цивилизации. И все же представляется загадочным и непонятным, зачем вообще нужно было сменить высокосовершенное и законченное миропредставление сакрального средневекового типа на эту самую жажду познания и стремление видеть не высшим зрением высшего знания, а физическим глазом. Точнее, глазом и телом, ибо переживание реальности в новоевропейском искусстве есть переживание не только визуальное, но и совокупно-телесное.

Менять Божественное видение, запечатленное в символическом-иконическом искусстве, на зрение обычного человеческого глаза, в высшей степени несовершенного и подверженного ошибкам, самообманам и прочим перекосам, — довольно проблематичный и неравноценный обмен. Либо художники Возрождения очень сильно обманулись со своим новым проектом, либо в их искусстве есть какие-то смысловые аспекты, компенсирующие ту огромную потерю, которую они допустили или даже радостно приветствовали.

В этом пункте классическое университетское искусствоведение проваливается. Точнее, оно до него вообще не доходит. Коренные вопросы любой науки отличаются своего рода «детскостью», т. е. наивной дерзостью. Зачем надо было смотреть на мир лицом к лицу, видеть и переживать его в его оптической, тактильной и чувственной данности? Чем плоха была величественная и целостная метафизика божественного присутствия, дававшая переживанию реальности осмысленность и системность? Куда и зачем, скажите на милость, понесло новых художников Возрождения: Джотто и Мазаччо, Уччелло и Джорджоне, Леонардо и Микеланджело, Рафаэля и Тициана и иже с ними?

Мне никогда не доводилось слышать, чтобы представители нашей науки задавали подобные вопросы. Если они про себя и понимали оправданность таких, вслух последние не звучали. По этой причине и приходится подозревать искусствоведение в каком-то органическом внутреннем дефекте или даже хроническом заболевании (не осознаваемом самим носителем недуга). Оно, искусствоведение, не понимает необхо-

димости исходного коренного вопроса. А вопрос существует, и он острый и некомфортный.

И он наивный, даже почти детский. (Таково вообще свойство фундаментальных вопросов о мире.) Что случилось с гениями Возрождения? Они что, с ума посходили? Любопытно отметить еще и то, что их психическое состояние было в самом деле окрашено высокой степенью возбуждения. Из наших исторических источников, из текстов мы уверенно можем заключить, что люди Возрождения (Уччелло и Мазаччо, Леонардо и Микеланджело и прочие) были буквально опьянены новыми перспективами ренессансного реализма. Они смотрели на реальные вещи реального мира, открывали реальные краски, формы, движения, пространственные соотношения и находились в состояниях, близких к экстатическим. Они открывали какие-то новые горизонты, новые реальности, новые перспективы смыслов. Их души воспаряли в восторге.

Если внимательно присмотреться к известнейшим шедеврам, украшающим лучшие музеи Европы и Америки, то мы заметим признаки этого *восторга от реальности*. Луврская «Мона Лиза» Леонардо да Винчи, чуть более ранние венецианские шедевры Джованни Беллини и Джорджоне выдают это изумление от нового чуда, от какого-то откровения. Словно открылись глаза — и увидели вещи и лица, события Писания и предметы реальной жизни, и это восхитительно. Увидели реальное тело реального человека после тысячелетнего перерыва. Увидели сакральные истины в перспективе реальности «здесь и сейчас». Правда, уже средневековые мастера придавали Христу, Богородице и святым черты местных жителей, и в иконах средневековых новгородцев мы узнаем типы местных мужичков, а в статуях готических немецких соборов видим некие подобию саксонских или баварских жителей.

Выше было сказано «некие подобию». Ренессанс пошел дальше в сторону достоверности. Художники Возрождения писали уже не символические иконные лики и фигуры с признаками местной нации, а пронзительно узнаваемые физиономии, жесты, обличья своих современников, списанные с натуры на все сто процентов, притом списанные с восторгом и энтузиазмом.

Почему это было так восхитительно и доводило художников до разного рода непривычных действий и поступков? (Пробираться по ночам к местам казни и похищать тела казненных, чтобы их анатомировать — бывало ли такое на самом деле или наши источники увлекаются и искажают факты из жизни художников?) Что именно открылось глазам художников, отчего они так возбудились и чуть ли с ума не сходили от возможностей нового искусства? Какие такие перспективы смыслов они открывали? Нарисовать лошадь в трудном ракурсе — это что, достаточный повод для восторга и экстаза? Писать Деву Марию таким образом, что мы с уверенностью видим в ней достоверный портрет точно взятой с натуры мест-

ной женщины? Научиться изображать пространство, как бы уходящее в пространственную «воронку», — это вообще зачем? Передать тональные оттенки вещей от ближних планов до дальних и дать почувствовать толщину атмосферы, которая вдали как будто окутывает дымкой горы и деревья, и фигуры людей?

Новые возможности рисунка и живописи были в самом деле увлекательны, но все-таки следует спросить: почему от таких умений (занятных и любопытных) надо было так радоваться и восторгаться? Энтузиазм художников Возрождения в известном смысле загадочен. Точнее, в рамках нашего традиционного искусствоведения он совершенно непонятен. В новом взгляде на мир есть какой-то скрытый смысл, притом настолько существенный и большой, что его до сих пор умудряются не замечать (подобно тому, как один господин не заметил слона в кунсткамере).

В принципе, с точки зрения здравого смысла, возможны два ответа. Либо новые художники и создатели новоевропейской классики Возрождения были наивные и неумные люди, которые восторженно научились делать на картине или рисунке своего рода фокусы и иллюзионистические обманки для глаз. И это фокусничество оказалось увлекательным, и они на три сотни лет сбили с толку всю европейскую культуру, пока не появились другие наивные и неумные люди, которые стали запальчиво нападать на реализм и создали еще один сомнительный тип искусства — авангардный вариант. Вот вам эволюция художественных языков как ряд эпизодов из истории глупости человеческой. Почитатели сакральной культуры Средневековья, вроде А. Лосева, относились к ренессансному реализму с большим недоверием. Но мне не кажется, что глупость человеческая или порочное самомнение нового индивидуализма настолько велики и всепроникающи. Для научной истории искусства должно существовать другое, более состоятельное объяснение.

Новоевропейский художник открыл не просто реальный мир, не просто увидел открытыми глазами окружающий мир и реального человека. Он ощутил себя отважным первооткрывателем удивительных и опасных тайн.

Классическое искусство есть актуальное искусство, которое показывает, как быть свободным, как расшатывать и опрокидывать нормы и запреты своего времени и своей среды. Как выходить за рамки дозволенного. Как испытывать границы допустимого. Это — искусство отважного эксперимента.

Классическое искусство новоевропейской цивилизации основано на умении заниматься опасными истинами. Новая классика есть искусство отважных экспериментов. Это — искусство задавать неудобные вопросы и заглядывать в запретные сферы.

Вот такое умение, такая способность нового искусства была способна в самом деле вызывать в душах художников бурный энтузиазм и самозаб-

венный восторг. Это — восторг исследователей, которые проникают в прежде неведомые, скрытые области смыслов.

Искусство на пороге Нового времени оказалось одним из тех инструментов и тех индикаторов, в которых обозначился новый способ познания мира в деятельности человеческого существа. Прежний способ познания, развившийся в Средние века до совершенства и коренящийся в сакральной мифологии Древности и Первобытности, исходил из того, что познание мира есть открытие человеком священных высших истин, божественных тайн мироздания. Новый способ познания (имевший предпосылки и предвестия в прежние эпохи) пошел в рост именно в годы Ренессанса, и он был направлен на устранение иллюзий и фикций, на нахождение скрытых истин, спрятанных в сомнительных «идолах разума».

Познание превращалось в поиски скрытых смыслов и формул бытия, которые вовсе не обязаны быть возвышенно прекрасными, совершенными или наилучшим образом устроенными. Они скрыты от нашего взгляда и понимания по разным причинам, в том числе потому, что правда неприятна, суть вещей ранит нашу душу. О том позднее сообщил европейскому человечеству Ф. Ницше, когда заявил, что раскрыть истину означает принести людям не светлую радость, а горестное сожаление и неприятное ощущение своей негодности.

Мастера искусствоведческой интерпретации (Гомбрих и Дворжак, Панофский, Бенеш и др.) описали расцвет Ренессанса как шаг именно в этом новом направлении развития познавательной способности. Понимание же смысловых доминант Позднего Возрождения и барокко, предложенное наукой об искусстве (и закрепленное усилиями Алпатова и Гращенкова, Бланта, Виткочера), основывалось именно на принципе «трудных прозрений и горьких истин», обнаруживаемых в шедеврах XVI и XVII вв.

Отсюда следует, что новоевропейская классика и есть актуальное искусство Нового времени в полном смысле этого слова. Нет достаточных оснований видеть в классике главным образом искусство несомненных истин и высокой академической эстетики. Классика — это прежде всего именно проникновение в неизведанное или прежде немислимое. В том числе запретное. Таков предлагаемый здесь первый исходный тезис.

Далее мы увидим, каким образом академическое «профессорское» искусствоведение обходится с этим тезисом. Но до поры до времени сделаем вид, будто мы с вами не читали или забыли замечательные книги Гомбриха и Дворжака, Зубова, Ротенберга и Алпатова, прочих столпов научного университетского искусствознания. Сделаем мысленный эксперимент. Представим себе, что мы перенеслись в один из мировых музеев, где история новоевропейского искусства представлена в обширном регистре и на высочайшем качественном уровне.

Мы в Лувре, и входим в залы Ренессанса и XVII в., и добираемся в нашей экскурсии до романтиков. А затем переходим через ближний мост

и попадаем в музей Орсе, где видим полный набор картин импрессионистов и символистов. После сосредоточенного и молитвенного, метафизического настроя души, который был нам задан в разделах Средневековья, мы попали в мир экспериментов, революций и страстей. Прорыв следует за прорывом, отвага одних умножается другими.

Начиная с непокорных гениев Возрождения, искусство открылось для дерзких прорывов в доселе неразрешенные пространства смыслов. Новоевропейская линия художественного развития была по своей сути адекватна ситуациям острой борьбы, новаторства, дерзновенного поиска. Готовность нарушать правила была привита искусству мастерами рубежа XV—XVI вв. и превратилась в руководящий принцип в искусстве и литературе XVI—XVII вв. Следующие два столетия двигались по путям, предположившим новаторство и эксперимент. Логика вещей диктовала такие пути.

Здесь наступает стадия неизбежного спора. Может быть, автор вступает в противоречие с собственными утверждениями, приведенными выше? Или, чего доброго, здесь вообще перепутаны столетия? Обычно такими словами, какие прозвучали выше, обозначается новаторское и в особенности авангардное искусство XX в. (расшатывание норм, отважные эксперименты и т. п.). Мы же пытаемся очертить содержательные признаки художественного высказывания ранних стадий Нового времени, от Возрождения до XVIII в.

Нас, гуманитариев, учили в наших университетах, что искусство классической стадии развития было классическим в том смысле, что оно было гармоничным, воплощало высокие идеалы, было основано на великолепном мастерстве. Гегельянская традиция, подхваченная советской официальной эстетикой, подчеркивала такие моменты, как гармоничность и полнота совершенства классического искусства. Ставить же во главу угла его новаторские и экспериментальные качества наши кумиры и учителя обыкновенно воздерживались и нам не советовали.

Притом именно московские университетские профессора, как В.Н. Гращенко и А.К. Золотов, очень внятно втолковывали нам, студентам 1960-х гг., что новаторы и экспериментаторы в новоевропейском искусстве встречаются очень часто. Нас учили видеть такие вещи в шедеврах Микеланджело и Тициана, Караваджо и Рембрандта. На конкретных примерах наших музейных картин и скульптур нам показывали в ленинградском Эрмитаже и московском ГМИИ им. Пушкина, что революционные преобразования в языках и смыслах искусства осуществляются с настойчивостью и огромной силой. Ошеломляющее шествие новаторов — вот как выглядит подготовка и начало новоевропейской истории искусств, начиная с Возрождения. Ученые историки искусства эту историю искусства изучали много и в определенном разрезе плодотворно.

Когда же за дело брался еще совсем молодой в 1960-е гг. В. Прокофьев и разворачивал перед нами, студентами, свои рассуждения о смыслах искусства Гойи и Жерико, Делакруа и Домье, Сезанна и Ван Гога, то каждому, кто умудрился хоть что-то увидеть и ощутить перед шедеврами Леонардо, Рембрандта, Брейгеля, было ясно и очевидно до жути, до глубокого трепета, что искусство переживало глубокую революцию за те столетия, которые прошли от рубежа XV—XVI вв. до финальных десятилетий XIX в.

Профессора университетов, лучшие кадры нашей науки полувековой давности превосходно понимали суть дела, как и зарубежные ученые, книги которых мы по возможности читали в те годы. Похожая картина наблюдается в университетском искусствovedческом образовании по сей день, если отвлечься от досадных застойных явлений в гуманитарных науках. Казалось бы, остается только радоваться и торжествовать. Великолепные итоги, замечательные и фундаментальные результаты дало наше искусствovedение в XX в. Оно поняло и описало смысл большой революции в искусстве, революции Нового времени.

Так ли это? Тут приходится сомневаться и задавать вопросы. Если наука об искусстве сделалась в прошлом веке такой пронизательной, так точно определила основной вектор развития смыслов в искусстве Нового времени, то какие выводы были сделаны из достигнутых результатов? Выводы оказались какими-то смутными, уклончивыми, двусмысленными. Прежде всего это проявилось в осмыслении искусства XX в. Ученые историки искусства, жившие в XX в., довольно неудачно понимали и описывали искусство своих современников-художников. Дело не в том, что корифеи искусствovedения либо не признавали крупных достижений за их искусством, либо красноречивым образом воздерживались от попыток научного осмысления этого материала (известна точка зрения Е.И. Ротенберга: для объективного суждения о смыслах и достоинствах искусства нужно, чтобы нас отделяли от художника несколько столетий).

Большой промах университетской (академической) науки об искусстве состоит в том, что большие ученые согласились видеть в «классике прошлого» более всего полноту совершенства и гармоничную целостность, тогда как авангардизм оказался средоточием экспериментальности, новаторства и дерзкой энергии непослушания. Тем самым именно научное искусствovedение пошло на поводу у крайне субъективной идеологии авангардистов. Именно теоретики и вожди авангарда (такие, как Малевич и молодой Маяковский) стали атаковать словами и делами искусство музеев (почему-то понимая эту классику как застойную архаику).

До сих пор практически любой студент, аспирант и научный сотрудник почтенных искусствovedческих учреждений верит в то, что до наступления стадии авангардизма искусство было величаво музейным, соблюдало нормы и правила, было конформистским. С авангардизмом появилась

бунтарская энергия, новаторская дерзость и проч. Сие означает, что наши студенты, аспиранты и научные сотрудники недостаточно живут в музеях, не очень склонны к погружению в созерцание реальных произведений искусства, плоховато видят глазами и не особенно готовы к получению инсайтов от картин, скульптур, архитектурных сооружений, а также от музыкальных пьес и литературных произведений. Научные кадры и сегодня верят вербальным текстам, изучают (по списку) книги наших учителей и делают оттуда книжные выводы. А лучше бы смотрели глазами и пытались понять, что такое можно увидеть глазами.

Гигантами и революционерами были Леонардо и Микеланджело, Брейгел и Караваджо, Веласкес и Гойя, Мане и Сезанн. Они были новаторы именно фундаментальные и принципиально революционные. Они работали с устоями картин мира и с принципами художественных языков. Они обновляли целостную картину мира. Вспоминая часы и дни, проведенные в Лувре и музее Орсэ, в мадридском Прадо и мюнхенской Старой Пинакотеке, в петербургском Эрмитаже, мы обязаны признать, что с XVI по XX в. искусство пребывает в состоянии перманентной революции. Революция позднего Тициана и революция Караваджо. Бескомпромиссное новаторство Эль Греко. Необычайная отвага Рембрандта, когда он был во всеоружии мастерства и осознал размах вселенских драм и трагедий человечества. Всесильный творческий этос Веласкеса. Экспериментальная неудержимость и «креативное отчаяние» Гойи. И далее — до Сезанна, Серова и Врубеля включительно.

Может быть, история искусства недостаточно отчетливо видна, если смотреть из университетских аудиторий и кабинетов? Может быть, надо чаще бывать в музеях, и не просто приходить праздным посетителем время от времени, а найти способы пребывать в силовом поле искусств и предаваться там внесловесной медитации? Если бы историки искусства больше доверяли ощущениям от музея и не полагались бы так безоглядно на вербальную активность, то они могли бы увидеть историю искусства последних веков в новом свете.

XX в. был финалом долгой истории новаторского и дерзкого искусства. Знаменитые авангардисты начала и первой половины XX в. были завершителями большой эпопеи. Основополагающие сдвиги в развитии искусства были сделаны предыдущими поколениями новоевропейских «классиков». Эту точку зрения мне приходилось излагать неоднократно в своих устных и письменных выступлениях (на основе этой концепции написана моя книга «Искусство непослушания. Вольные беседы о свободе творчества» [Якимович, 2011]; та же историческая конструкция положена в основу моих лекций по истории искусства Нового времени в Академии художеств в Москве в 2012–2013 гг.).

Описываемый здесь парадокс искусствоведения доходит почти до гротеска. Выше речь шла о том, что научная общественность наивно проти-

вопоставляет друг другу «музейную классику» и «экспериментальный авангард». Но вопрос именно в том и состоит, как это возможно: делать такие нелепые и смешные ошибки после того, как большие ученые XX в., так сказать, все поняли и сказали с такой ясностью и полнотой о новых путях искусства Нового времени.

Только что прозвучал совет побольше ходить в музеи и «жить с шедеврами». Благие советы обыкновенно малоэффективны. Не будем самонадеянно полагать, что с их помощью мы избежим больших промахов и заблуждений в науке об искусстве. Вероятно, перекосы и дефекты в общей теории искусства связаны с неким странным свойством этой самой науки. Ученые нашего цеха, как мы убеждались уже не раз, отчетливо поняли и ярко описали смыслы искусства Нового времени как искусства поиска, искусства риска и обновления. Но дело в том, что письменное (вербальное) представление этого самого понимания оказалось в нашей дисциплине довольно проблематичным.

Пока наука об искусстве изучает несомненные конкретные факты и реальные события истории искусства, а самое главное — пребывает в музейных залах и смотрит на реальные вещи открытыми глазами, она превосходно видит появление и развитие *нового творческого психотипа* в искусстве XVI, XVII и XVIII вв. (и его продолжение в искусстве XIX в.). Беспокойный художник, экспериментатор и революционер искусства является доминирующим активным началом в этой истории искусства. Достаточно поехать в Венецию и посмотреть, как работает кисть великих венецианцев, выставленных в музеях Венеции, чтобы осознать их новаторство.

Как известно, В. Суриков в своих странствиях однажды добрался до тех мест и, когда увидел картины и монументальные панно кисти Тинторетто, со своей обычной прямоотой и непосредственностью воскликнул: «Кисть у него прямо свистит». Такова реакция настоящего живописца на живописную работу, увиденную прямо и вплотную, глазами и всеми воспринимающими клетками нервной системы настоящего живописца, без опосредования и без вербального научения, которое положено получать специалистам-искусствоведам. И потому простодушный возглас Сурикова в известном смысле перевешивает те кипы страниц, которые исписаны учеными по поводу итальянского мастера. Суриков попал в точку, когда высказался перед шедевром в музее. Музей помог и подсказал важную мысль (сформулированную обыденным разговорным языком), а не книги или лекции специалистов.

Но в исследовательской работе историков искусства неизбежно наступает стадия, когда требуется очертить и формульно определить общий ход развития искусства в большие исторические эпохи. В книгах, диссертациях, докладах предусмотрены такие разделы и страницы, где требуется формулировать выводы или придумать заголовки глав или разделов.

И тогда на авансцену выходит мифология идеала, гармонической целостности, вечных ценностей и бесспорных абсолютов.

Пока мы прямо смотрим в глаза художника, т. е. стоим в музейном зале и всматриваемся в картины, мы не очень хотим теоретизировать (за исключением тех слишком умных персонажей, которые теоретизируют всегда и в любых обстоятельствах, и даже вовсе не к месту). Но в какой-то момент мы уходим из музея, теряем из виду глаза (картины) художников и садимся к письменному столу, работая над книгой, статьей или лекцией. Мы пишем слова, произносим фонемы и замыкаемся в вербальном потоке. Мы переносимся в сферу социальных норм и запретов. В заглавии, в предисловии или в выводах солидной книги или научной статьи мы не можем позволить себе сказать нечто вроде того, что вырвалось у Сурикова перед картинами итальянского мастера. Мы налагаем на себя обязанность выражаться строго, возвышенно и, как нам кажется, научно. Тут и происходят странные вещи.

Обратите внимание, как по-разному пишутся общие (обобщающие) формулы и конкретные главы больших трудов по истории искусства. Глава книги Э. Гомбриха, посвященная Высокому Возрождению в Тоскане и Риме, носит заглавие «Достигнутая гармония», *Harmony attained*. Она посвящена самым отважным художникам эпохи; в центре внимания стоят Леонардо да Винчи и Микеланджело [Gombrich, 1995. P. 287]. Заглавие разительно не совпадает с содержанием главы. В тексте Гомбриха повествуется о революционных преобразованиях, о новаторских открытиях искусства титанов Возрождения. Там прошли революции по всем линиям: в стилистике и иконографии, в технологиях, в смыслах и подтекстах. Взрыв, слом, ураган, тектонический сдвиг — вот какие слова приложимы к искусству этих художников. Эти слова несут на себе отголосок реальных ощущений и впечатлений, полученных в музее. Гомбрих умел видеть картины и скульптуры и понимал увиденное. Но когда ученый писал книгу в своем кабинете, он счел себя обязанным вспомнить и написать другие слова. В тексте написано про взрыв и тектонический слом. В главе описана революция в искусстве. А в заглавии стоит: «Достигнутая гармония». Что за оказия? Если было бы написано «взрыв, перелом, ураган», то было бы полное соответствие текста и заглавия. Но соответствия нету.

Конкретные штудии и прямые переживания от произведений искусства, с одной стороны, и теоретические обобщения в науке об искусстве — с другой, не дружат между собою. Ученые превосходно умеют разглядеть прерывность и взрывчатость в искусстве художников. Дерзкие эксперименты Возрождения и XVII в. улавливаются и описываются самым убедительным образом. Да и не могло быть иначе. Исследователи видели вещи, они вглядывались в шедевры, они бывали в музеях. В качестве примеров можно указать на описание произведений и самого психотипа Леонардо да Винчи в замечательном труде В.П. Зубова; его характеристики

творческой природы Леонардо выведены из прямых наблюдений и созерцаний музейных оригиналов в той же степени, сколь и из исторических источников, изученных исследователем [Зубов, 1980. С. 113].

Еще один пример: исследования Ротенберга о XVII в. Он очертил титанизмы в искусстве Рубенса, отвагу художника в обращении с господствовавшей в его время официальной концепцией искусства и «декоративным натурализмом», излюбленным при европейских дворах [Ротенберг, 1983. С. 33]. Ревностно и лояльно обслуживая главные абсолютистские дворы Европы (Габсбургов, Бурбонов и Стюартов) и соблюдая иконографические требования и ожидания заказчиков, Рубенс самым почерком, движением кисти и обращением с живописной материей словно выговаривал: «Выполню все требования высоких персон, все ожидания и вкусы легко удовлетворю, а все равно природа сильнее всего, и жизнь свое возьмет. Смотрите, как воздух пульсирует, как кровь под кожей погуливает, как энергия жизни пронизывает природу и человеческие дела». И тут ему любая иконография годится, как и стоящая за нею идеология. Ему была задана монархическая идеология и соответствующая иконографическая система, как и пышная увесистая стилистика. Он их принял без колебаний.

Почему Рубенс и Веласкес были такими идейными конформистами и притом оказались великими и свободными живописцами? Отправляйтесь в музей Берлина и Мюнхена, подольше задержитесь в залах Венского музея и мадридского Прадо. Смотрите и смотрите на живопись этих двоих, младший из которых (Веласкес) считал старшего своим заочным учителем. Вы увидите: сама кисть говорит о том, что силы жизни сильнее всего. Это явствует из тех самых картин, которые конформист Рубенс и конформист Веласкес с готовностью изготавливали для самых высокопоставленных заказчиков.

Очень любопытен тот факт, что сановные заказчики принимали такое. Художники говорили им о том, что мифы мифами, идеологии идеологиями, ритуалы ритуалами, обычаи и моды и прочие условности непреложны, а природные силы и энергии все равно сильнее. Сюжет картины может быть самый верноподданный, дворцовый, монархический и идейно безупречный. А картина все равно о другом. Воздух, свет, игра энергий в горячей живой плоти, чудеса видимого мира — вот о чем идет речь в искусстве Рубенса и Веласкеса. Иконографии и идейные программы не могли помешать этому празднику жизни. Так появились в рамках архаической сакрально-монархической идеологии самые свободные и дерзновенные художники XVII в.

Наука об искусстве умеет понять и описать эти явления великого обновления искусств в Новое время. Зубов и Ротенберг, Гомбрих и Ригль вживались в оригиналы, жили в залах музеев. Но как только доходит дело до заглавий и формульных обобщений, так начинается вербализация.

Вперед выходит прекрасная легенда о великом здании истории, в котором нет хаоса и нет случайности, нет разрывов и нет сюрпризов, нет дерзновенных протуберанцев. В идеальном измерении осуществляется передача вечных истин и происходят законосообразные изменения смыслов и художественных языков. И тут оказывается, что вроде бы и революций не было, и новаторство не так уж принципиально. Как только настает миг обобщения, то в голове ученого появляется вечный абсолют. И нам излагают схемы развития искусства от «изма» к «изму», от одной «достигнутой гармонии» к другой «достигнутой гармонии».

Историки искусства понимают суть дела, специфику бурного и взрывного процесса развития искусств, начиная с Ренессанса. Но есть специальные правила изложения искусствоведческих результатов, которые сильно преобразуют сами эти результаты. Вероятно, нечто подобное можно обнаружить и в других разделах исторического знания. Что касается истории искусств, тут указанный парадокс доходит почти до гротескных крайностей.

В музее, перед картинами мы почему-то не видим вечных ценностей и идеологических формул, не особенно замечаем «измы» и даже некоторым образом игнорируем их. В каком подразделении какого стиля будут размещаться мастера живописи, нам не так уж и важно, пока мы смотрим глазами и вживаемся во внесловесные смыслы. Мы смотрим во все глаза, и этого нам более чем достаточно, если мы зрячие и наши души открыты к живописному делу. Схемы нам в тот момент не нужны.

На уровне изучения фактов и прямого всматривания в произведения живописи мы видим взрывы, тектонические сломы, дерзновенные эксперименты. Новатор Брейгель, новатор Караваджо, новатор Рубенс. Новатор Гойя. Новаторы Сезанн и Ван Гог. Ученые видят, понимают и умеют сказать о том, какие они мощные новаторы и почему. Пока ученый находится в музее, он видит и понимает искусство. Но раньше или позже он идет в свой рабочий кабинет и пишет свою диссертацию. Он выходит на кафедру и читает лекцию студентам или занимается с аспирантами. И тут его словно кто-то подменяет. Когда надо дать общие формулы, тут и звучит величавая мелодия классического совершенства. Когда требуется вывести общую теоретическую формулу, тут наша наука начинает как будто рапортовать каким-то высшим инстанциям о том, что в нашей области все в порядке, дела идут отлично и никаких чрезвычайных происшествий не было. И опасных смутьянов в нашей епархии не было. Развитие шло закономерно и поступательно, как будто к какой-то предустановленной цели. Таков социально-культурный подтекст наших формульных обобщений. Вербальный дискурс заявляет свои права. Социум вырастает за плечами ученых.

Пока мы забываем обо всем в музее перед картиной мастера, мы свободны. Нам не надо сосредоточенно помнить и думать о нормах, ожида-

ниях и запретах того социума и той системы культуры, в которой мы сами пребываем. А потом мы отправляемся в наши университеты, на наши кафедры, к нашим письменным столам, и тут уж мы говорим и пишем как «общественные животные». Понимание сути искусства, переживание его посланий не то что совсем улетучивается из наших трудов, но фатально меркнет и ослабевает.

Если бы ученые писали в книгах и говорили в лекциях, что в искусстве от Ренессанса до XIX в. произошли фундаментальные революции, которые поменяли основы художественного творчества, это было бы совершенно верно и на уровне знания фактов вполне точно. Да ведь риск большой. Общество могло бы всполошиться, и наверняка возникли бы сложности. Институты культурной жизни ощутили бы вызов и ответили бы на него. Охранительные структуры власти взялись бы наводить порядок. Искусствоведение не готово высказывать опасные мысли. В нашей среде, среди своих мы отлично понимаем и можем высказаться о том, как было дело с историей искусства, насколько отважны и революционны мастера искусства от Ренессанса до XIX в. включительно. Ибо мы ходим в музеи и видим собственными глазами картины великих мастеров.

Если мы не слепые, то мы видим их по-настоящему, если даже не умеем сказать совсем адекватно о том, что же такое мы там видели. Но мы притом понимаем, какие волнения и неудовольствия поднимутся в обществе и в институциях власти. Попробуй скажи прямо, что именно ты увидел в музеях. Легко представить себе, какая будет реакция. Что это за перманентная революция в четыре века протяженностью? Что это такое за новое экспериментальное искусство? Получается, что наши классики были главными смутьянами? Революция в искусстве начинается с титанов Возрождения и других гениев вроде Рубенса да Рембрандта, а уже потом выходят на арену истории наследники уже разгоревшейся революции, т. е. авангардисты? Кто разрешил, кто осмелился на такое бесчинство? Подать сюда искусствоведов. Мы их научим искусство понимать.

Музеи и их содержимое говорят правду; мы же, профессионалы и знатоки, эту правду видим и понимаем, а словами передать как-то не вполне отваживаемся и чуток даже лукавим. Надо откапывать из наших текстов запрятанные в глубине находки и откровения. Мы знаем о великой революции, которую начали и запустили, продолжали и углубляли классические мастера предыдущих четырех столетий. А в оглавлениях, вводных разделах и выводах наших трудов мы о том чаще всего помалкиваем. В самом деле, нужно ли гусей дразнить.

Как выразался принц Гамлет, мысль делает нас трусливыми. *Thus conscience does make cowards of us all.* Современное искусствоведение являет собою убедительное подтверждение этого горького наблюдения. Оно знает свой предмет, но не готово совсем открыто и решительно го-

ворить о выводах их этого знания. Не всегда хочется рисковать. (Одна из моих книг, в которой речь идет о коренной специфике искусства Нового времени, от Возрождения до конца XIX в., имеет демонстративно неакадемическое заглавие: «Искусство непослушания. Вольные заметки о свободе творчества». Почтенные собраты-ученые были озадачены этим заглавием. Смысл их сомнений сводился к тому, что в недрах текста можно писать разные вольные мысли, а заглавие должно быть «соответствующим» и не пугать приличную публику.)

А сейчас обобщим сказанное и пойдем еще на пару шагов далее.

Искусство Нового времени обозначило территорию грандиозного эксперимента. Точнее, это было искусство проникновения в пространство *отважного знания* о мире и человеке. Отважное знание не есть просто красивая метафора. Это почти термин. В статье «Что такое Просвещение?» (1784) И. Кант сформулировал мысль о специфике познания Нового времени: девизом этого времени могла бы стать формула *Sapere aude* — *Отваживайся знать* (изречение из «Посланий» Горация <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9> (*Epistulae I 2 40*) переведено в ней с латыни так: «Имей мужество использовать свой собственный разум» — *Habe Mut, dich deines eigenen Verstandes zu bedienen* [см.: Кант, 1966. С. 27]). Отваживайся. Рискуй, тогда будет толк. А пока воспроизводишь общепринятые истины или ценности — толку не будет. Не будет движения. Чтобы было движение, нужно сомневаться и испытывать судьбу. Теперь это стало общим местом новой культуры. А это — настоящая революция. Теперь дело искусства — сомневаться в аксиомах и испытывать на прочность привычные и принимаемые за несомненные истины представления о реальности. Таково главное дело классического искусства и литературы Нового времени. Тем самым новая художественная культура отличается от того, что наблюдается в эпохи Средневековья и Античности.

Такое понимание искусства Нового времени проистекает исключительно из опыта музейного хождения, пребывания и обживания. Книжные люди, носители вербального ума и знатоки текстов о таких вещах не говорят. Мой личный опыт соприкосновения с шедеврами Средневековья, с одной стороны, и с искусством Возрождения и Нового времени — с другой, говорит о том, что между ними лежит принципиальная граница миропонимания. Средневековое искусство сосредоточено на изначально (априорно) заданных сверхценностях, на переживании Божественной Вселенной, созданной Творцом, и мистерии Спасения, осуществленной Сыном. Создатель храмов, храмовых ансамблей и комплексов Средневековья по определению не может критически и аналитически вникать в устройство Творения. Это было бы излишним, ненужным и нелепым делом, даже если не говорить о его религиозной сомнительности (еретичности).

Художник Ренессанса принялся исследовать и анализировать именно устройство Творения и доброкачественность такового. И готов обнаруживать там промахи и недочеты. Промахи Творца? Изрядная дерзость, если смотреть со строго канонической (патристической) точки зрения. Но в принципе это дерзновение не противоречит религии, а точнее — ее просвещенным представителям. В конце концов, религиозность оказалась совместимой с модусом критического исследования и кантовского *Sapere aude*. Просвещенные адепты католической веры начали в свое время критические текстологические исследования Библии, находя там компиляции, повторения-копирования прежних, утонувших в песках времени источников, явления палимпсеста и прочие характеристики, свойственные более несовершенной природе человеческой, нежели Божественным атрибутам совершенства и всеведения. Книга Библия боговдохновенна, но человек, существо слабое и лукавое, оставил в ее текстах свои следы, и христианская библеистика Запада принялась еще в XIX в. изучать эти темные пятна. Принцип Спинозы «Non indignari, pop admirari, sed intelligere» (Не возмущаться, не восхищаться, но познавать) стал правилом для ученых, рассматривавших идеологически острые темы.

Кант выдвинул концепцию *Sapere aude* в конце XVIII в., и притом он думал о главных принципах мышления Просвещения. Но на самом деле он сформулировал более широкий гносеологический принцип Нового времени в целом. Знание о мире становится проявлением непослушания и недоверчивости. Беспокойный ум не предается благоговейному созерцанию Божественного мироздания и таинств оною, в том числе Спасения и Искупления. Беспокойный ум вникает в проблемные зоны, рассматривает точки несогласованности, вскрывает несообразности и парадоксы реальности. Мир Божий остается миром Божиим, но превращается в глазах художника в узел проблем и парадоксов. Произведения Ренессанса, от Леонардо и Микеланджело до Брейгеля, Тинторетто и позднего Тициана, показывают эту модель мира. Далее, спустя сотню и две сотни лет, мы увидим искусство живописцев, писателей, драматургов и музыкантов, которое заходит, если такое возможно, еще далее по маршрутам новаторского поиска и дерзновенного рассмотрения опасных вопросов о человеке и мире.

Пребывая в пространстве музея и рассматривая создания нового живописного гения в собраниях Рима и Венеции, Вены и Парижа, Нью-Йорка и Санкт-Петербурга, зритель уже почти готов уверовать в то, что отвага означенного гения безгранична и его новаторство распространяется на все стороны или грани существования художника в обществе. Судя по картинам, дерзновение в самом деле выходит за любые берега, ибо новаторская кисть гениев Возрождения превосходит возможности, которые нам знакомы по искусству более поздних мастеров: Ван Гога и Пикассо, Врубеля и Сальвадора Дали, а может быть, и Кандинского. Но

в этом пункте требуются уточнения, которые не вытекают из нашего музейного опыта.

Переместимся мысленно в библиотеки и университеты и вспомним тексты новоевропейской культуры. Мы обнаружим, что социальное бытие и политическое поведение дерзновенных мастеров кисти вовсе не отличались нонконформизмом. В социуме приходится соблюдать нормы и запреты. До XX в. это было именно так. В творческой лаборатории — иное дело. Там отвага не знает границ. В работе кистью и резцом, в философском мышлении, в научной работе новый человек подрывает устойчивую картину мира и ставит беспокойные и опасные вопросы. Что и происходит в классическом искусстве Нового времени. Оно-то и есть истинное актуальное искусство, искусство дерзкого эксперимента (проблема социальной конформности и творческой свободы является предметом моей монографии о творчестве Веласкеса [Якимович, 2012]).

Мы смотрим на картины музеев и видим одно; мы изучаем тексты (источники) в хранилищах вербального знания и видим другое. У нас получается раздвоение реальности. Отсюда вопрос: как это так получается, что люди-конформисты, социально и политически немятежные люди от Возрождения до XIX в. оказались свободными художниками, и ставили опасные вопросы, и углублялись в рискованные пространства смыслов? Именно так делали Брейгель и Караваджо, Рембрандт и Веласкес, Ватто и Шарден, Гейнсборо, Гёте, Гойя, Пушкин и Бодлер, Сезанн и Чехов.

Творческий человек, каков он есть по письменным источникам, и творческий человек, каким он предстает перед нами в произведениях искусства, — это как будто не один творческий человек. В музее мы находим новатора, который не боится ставить сложные и опасные вопросы о мире и человеке. В письменно зафиксированных биографиях наших гениев мы чаще всего обнаруживаем человека, как все прочие. Он соблюдает условности и нормы социального поведения, «знает свое место». Нам часто хочется думать, будто художник вроде Леонардо да Винчи или Брейгеля был непокорным социальным персонажем, конфликтовал с сильными мира сего и был глубоко фрустрирован реалиями жизни в сословном обществе феодальных корней, абсолютистских претензий и буржуазных склонностей. Вероятно, мы осовремениваем этого человека XVI в., видим в нем социальный типаж вроде эстетического мятежника XX в.

Как нам соединить вместе эти два облика художника — его музейный аватар, с одной стороны, и его архивный (текстологический) облик — с другой? И нужно ли делать такое соединение? Не является ли расщепление творческого начала и социальной жизни непременным атрибутом нового художника? Вопрос задан, готового ответа пока что не имеется. Необходимо более основательно рассмотреть гипотезы, которые созданы университетскими умами и приложены к истории и культуре Нового вре-

мени. Может быть, нам все-таки удастся хотя бы наметить дорожку, ведущую к ответу на вопрос о «двух натурах» нового художника.

С неизбежностью приходится указывать на капитализм, т. е. на предполагаемый дух этого нового социально-экономического механизма (здесь уместно вспомнить о теории капитализма у М. Вебера и описании денежного рыночного хозяйства у Гидденса [Giddens, 1990]). Капитализм воспитывает человеческую породу, которая вынуждена искать, экспериментировать, конкурировать, пошевелиться и вообще не стоять на месте. Феодальное или абсолютистское патриархальное общество может себе позволить длительные периоды застоя, торговый или промышленный капитализм развитого типа — нет: для конкурентного хозяйства и открытого общества характерны движение, поиск, перманентная революция в производстве и социуме. Торопись и действуй, думай и находи смелые решения, иначе проиграешь.

Неужели дух капитализма и есть та сила, которая пробуждает в художнике непокорного новатора и дерзновенного экспериментатора? Существует немало сомнений по поводу такого предположения. Главное из них гласит, что ежели бы капиталистический «демон» управлял бы поведением художника, то это отразилось бы на его, художника, социальном и политическом естестве. Художник был бы нонконформистом в социальном смысле. Но в социальном смысле художник, даже самый отважный и новаторски раскованный, остается до XX в. скорее конформистом. Вынужденным ли конформистом он остается (как Бах и Гёте, Делакруа или К. Брюллов) или скорее добровольным (как Веласкес, Флобер или Сезанн) — другой вопрос.

Таким образом, экономическая история явно неспособна описать сам феномен «раздвоения личности», столь очевидный в жизни и искусстве художников Нового времени. Возьмите Пушкина. На балы он ходил как положено людям его круга, одевался как положено, соблюдал правила этикета и даже погиб на дуэли, настойчиво соблюдая условности социума, в котором существовал. А его поэзия и драматургия — кладезь смелых прозрений об истории, власти, человеческой природе и т. д. Социальный и политический конформизм не мешал быть дерзновенным творческим человеком.

Откуда взялся пресловутый новый психотип творческого человека в Новое время, исторические науки сказать на самом деле не могут. Изучая новый уклад (буржуазно-капиталистический), мы не приближаемся к пониманию нашего предмета, т. е. нашей проблемы. Творческие люди сделались другими в Новое время. Точнее, они производят произведение искусства нового типа. Художнику теперь нужно везде заглянуть, поизучать, поэкспериментировать и усомниться в любых истинах. Мы узнаем этих беспокойных новых художников уже в недрах Ренессанса, они там возвышаются до небес, как титаны. Они заметны и своими масштабами, и своей относительной немногочисленностью [Баткин, 1995].

В XVII в. и далее такие персонажи занимают авансцену всех уровней жизни и всех типов деятельности. Их становится много. Вся область познания (и искусство, и наука) занята этой породой творческих людей. Ученые, путешественники, полководцы, государственные деятели, художники. От Караваджо до Гойи, от Ришелье до первых Ротшильдов, от Петра I Великого до Наполеона I, от Декарта до Канта — все как на подбор. И везде наличествует уже отмеченное выше раздвоение личности творческого человека. Петр Великий, как известно, «Россию поднял на дыбы», перестроил политическую жизнь, подчинил Церковь государству, начал строить империю нового типа. Буйно и яростно разрушал обычаи и нравы старой России. И требовал соблюдения общественных условностей европейского типа, учил молодежь светской учтивости, доходя в том до неистовства и гротеска. То есть в своем государственном строительстве он был отважный новатор и экспериментатор, а в социальном поведении — парадоксальный конформист.

Д. Дидро пишет, что человек гениальный по определению есть нарушитель норм и правил [Дидро, 1980. С. 207]. В известном смысле можно сказать, что это заявление есть его собственный автопортрет. Точнее, таким ему хотелось видеть себя самого. Вероятно, многие носители нового, беспокойного ума согласились бы с суждением дерзкого Дидро. Оно описывает творческий тип нового мыслителя или художника. Но этот отважный и дерзновенный новый гений соблюдает нормы поведения сословного общества, вежливо переписывается с повелительницей деспотической Российской империи Екатериной II и ведет на пушкинский лад активную светскую жизнь. И даже известные амурные эскапады пылкого Дидро не выходили за рамки терпимого тогдашним обществом поведения.

Нам это бывает сложно понять. Нам уже привычно то, что социальный нонконформизм и творческая вольность сливаются. Дерзкое новаторство в искусстве для нас уже ассоциируется с вызывающим и опасным стилем жизни. Но такое слияние жизни и творчества появилось позднее, на стадии Маяковского, Пикассо, Дали, Уорхола, с их поведенческими дерзостями. Они выплеснули свои авангардные страсти в свою реальную жизнь. Жизнь стала творчеством не сразу и не одновременно. В XX в. искусство как жизнестроение приобрело завершенные формы. Перед нами абсурдистская жизнь Хармса, «гений не от мира сего» в лице Филонова, роль носителя «инога разума» в деятельности Малевича, «мечтатель-комиссар» Шагал в революционном Витебске. Это был существенный сдвиг в языках искусства. Художники стали обращаться к людям не только своими произведениями; точнее, они превратили свою жизнь в произведение нового искусства.

В глубинной картине мира, однако же, авангардизм не обозначил кардинальных новаций. Человек-новатор, беспокойный ищущий человек

сформировался задолго до того, как авангардные художники принялись менять лицо искусства. Дерзновенный испытатель сущностей спроецировал себя самого в другую область — вот принципиальный сдвиг эпохи авангарда. Достижением новых художников были, наверное, не столько их произведения (прежде художники писали, рисовали, лепили смелее и мощнее), сколько соединение биографической материи с художественными высказываниями. Пойдите в музей Пикассо в Париже и музей раннего Пикассо в Барселоне. Сопоставьте стилистику вещей с жестами, делами, фактами биографии. Сопоставьте то, что увидено глазами, с тем, что известно из письменных источников. Вы увидите, что раздвоение личности исчезло или, по крайней мере, сгладилось. Вы увидите редкостное соответствие стиля жизни со стилем рисования и живописания. Еще когда бунтарь был молодым, он уже деформировал фигуры, выворачивал шеи и конечности. Потом он смелее до крайности и начинает ломать предметы и переставлять местами разные куски сломанного. Появляется живопись кубизма, проявление захватывающей и вызывающей отваги. И это делается примерно с таким же холодным неистовством безоглядного системного разрушителя, с каким юный Пикассо обходился со своими родными, преподавателями, официальными нравоучителями и почитателями приличий и норм. Это соответствие стиля жизни и языка искусства возникает, на хронологической шкале, в поздний период развития. До того отважное искусство, увидевшее новые пласты смыслов, вполне сочеталось с условностями заданного извне поведения.

Мы сможем описать вольный и отважный творческий психотип Нового времени, если будем учитывать этот парадокс. Странный персонаж: в социуме он конформист, в творчестве (в мысли, искусстве, литературе) — отважный новатор. *Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботы суетного света он малодушно погружен*, — определил Пушкин (стихотворение «Поэт» 1827 г.).

Здесь приходится оперировать несколькими понятиями, содержание которых далеко от ясности. *Новый психотип, беспокойный творческий человек, жажда исследования, критическое отношение к действительности* и прочее в том же роде. Как обходиться с этими понятиями? Досада и загвоздка в том, что раздробленные исторические дисциплины не имеют единой концепции нового человека Нового времени. Впрочем, свет не сошелся клином на дисциплинах исторического плана. Может быть, философы культуры что-нибудь знают о том, что нас здесь интересует?

Важное слово о специфике новой культуры Запада сказал полвека тому назад П. Рикёр. Он обозначил основной вектор развития западной мысли Нового времени как «недоверчивость» или «подозрительность» (suspicion) [Ricoeur, 1990]. Он указал на три фигуры, по его мнению сыгравшие в нашей цивилизации роль «учителей недоверчивости»: Маркс, Ницше и Фрейд. К. Маркс занимался разоблачением иллюзий и

мифов экономического и политического характера. Он пытался раскрыть внутренние, скрытые пружины экономики и политики при капитализме. Он считал, что политические, религиозные и нравственные тезисы и максимы, принимаемые людьми за общечеловеческие истины, являются замаскированными орудиями власти правящих классов. Мысль о том, что ценности культуры имеют некий скрытый от людей второй план, оказалась главной идеей больших мыслителей XIX в. Ф. Ницше углублялся в скрытые и тщательно замаскированные подтексты религии, морали, языка и прочих условностей культуры. Он полагал, что религия есть самооправдание слабых, мораль есть форма навязывания лжи ради власти сильных, и проч. Наконец, уже на рубеже XIX—XX вв., З. Фрейд пытался расшифровать те пласты психической жизни, которые подавлены, спрятаны и замалчиваются. Их считается непозволительным показывать. За фасадом разума и морали происходит нечто такое, что говорит о животном, биологическом ядре психики человека. Трудно не согласиться с Рикёром в его описании этой троицы мыслителей, но есть основания думать, что философ не вполне точно датировал явление. «Школа недоверчивости» в мысли Запада зародилась за несколько веков до появления Маркса, Фрейда и Ницше. Они подвели итоги. Основы заложили другие: Локк и Дидро, Монтень и Макиавелли, да и писатели-философы тоже постарались, как Шекспир и Сервантес.

Большой перелом в мышлении о человеке начался на несколько веков ранее, чем утверждал Рикёр. *Антропологическое недоверие* появляется с рождением Нового времени, на излете Ренессанса и с наступлением эпохи великой науки и обновления философии. Не станем ограничивать сферу действия пресловутого *антропологического недоверия* только областью мышления как такового. Возьмем шире. Речь идет о новом типе познания мира, в том числе и художественного познания.

Вероятно, одним из важных факторов появления нового психотипа стала *первая антропологическая катастрофа* последнего тысячелетия. Она не была первой в истории человечества в целом, но для современной цивилизации сыграла роль своего рода родовой травмы. В XVI—XVII вв. случился крупный провал веры в человека, обернувшийся триумфом недоверчивого разума. Это результат исторического потрясения основ бытия. Раскол Европы, наступление тяжелого и кровавого периода в истории континента с такими событиями, как разгром Италии и Варфоломеевская ночь, Тридцатилетняя война. Первая реакция на катастрофу, на провал — это мысль о человеке от Монтеня до Гоббса и Декарта. Большая антропологическая катастрофа на пороге Нового времени дает толчок новой антропологии. Это мысль рационалистическая и прагматическая. Притом это жесткий и отважный рационализм.

Санчо Панса в одном пассаже романа Сервантеса выражается так: «человек таков, каким его создал Господь, а то и похуже». Формулировка

в высшей степени красноречивая. Сервантес демонстрирует, в ироничной форме, специфику нового мышления. Хитрец и как бы простак Санчо (на самом деле совсем не глупый, но охотно валяющий дурака народный персонаж) как бы нечаянно сказал очень рискованную мысль: творение Господне кончилось неудачей. Господь Бог потерпел фиаско. В мимолетном замечании Санчо ясно видна путеводная нить мысли и культуры Нового времени. Санчо на свой народный лад пересказывает идеи Макиавелли и Монтеня. А именно: человек есть по своим исходным данным довольно неудачное или, если угодно, проблематичное создание. Устами забавного толстяка Санчо его создатель, отважный Сервантес, заявил мысль, которая завладела в Новое время наукой о человеке: человек изначально опасен и злонамерен (Н. Макиавелли), не создан для осмысления больших истин (М. Монтень), подчинен богине Мории, т. е. повелительнице глупцов (Эразм Роттердамский) и по своей натуре ничем не отличается от животного (Ф. Рабле).

Человек «дефицитарен» по своей сути, он создан неудачно. Этой идеей европейцы реагировали на антропологическую катастрофу XVI—XVII вв. Культура Запада в этой ситуации пошла новыми путями. Разумеется, были и апокалиптические настроения, и тотальный пессимизм, и экзотические учения, все как полагается в таких особо трудных и тягостных исторических ситуациях. Но историческая констелляция была своеобразной. До того был накоплен трехвековой опыт позитивного гуманизма. Гуманизма Манетти, Бруни, Пико дела Мирандола и др. И потому быстро, буквально на ходу стал вырабатываться особого рода *новый гуманизм*. В середине XX в. Эрвин Панофский дал определение нового гуманизма и антропоцентризма развитого Возрождения: в культуре утверждается «точка зрения, которую можно определить как убежденность в человеческом достоинстве, и основана она, с одной стороны, на утверждении человеческих ценностей (разумности и свободы), с другой — на прияти человеческой ограниченности (склонности к заблуждениям и бренности)» [Панофский, 1999. С. 13].

Исторические события должны были бы быстро и беспощадно показать, что человек Ренессанса провалился. Раскол христианского мира, гражданские войны по всей Европе наступили после Возрождения, и этот крах старого мира продолжался более ста лет. Одичание и озверение были налицо. Мечты гуманистов рухнули. Но энергетика позитивного гуманизма была настолько сильна, что сразу же началась *перекодировка гуманизма*. Образовалась мыслительная конструкция, которая с тех пор и работала век за веком в западноевропейской культуре.

Догадливый читатель, вероятно, уже сообщил, что автор этих рассуждений пытается то одним, то другим способом приблизиться к пониманию острого парадокса в искусстве и культуре Нового времени. Художник превращается в дерзновенного исследователя скрытых и шо-

кирующих истин. Это видно по его произведениям. Но в своей социальной и политической ипостаси он скорее остается конформистом. Мы любим находить проявления строптивости и нонконформизма в жизни Леонардо и Пушкина, Брюллова и Гойи, Бодлера и Дега, прочих творческих натур. Но не станем преувеличивать. Рядом с поведенческими дерзостями художников XX в. выходки и метания гигантов классического искусства — просто детские игры.

Вопрос перед нами стоит двуединый. Первая часть вопроса: откуда берется энергия непослушания, беспокойное искание скрытых смыслов и прочие устремления творческого человека? Вторая: каковы механизмы сочетания этой творческой свободы, с одной стороны, с социальным конформизмом — с другой? Иначе нам, исследователям истории искусства, самим недалеко до шизофрении. Мы идем в музей и видим там картины, где сконцентрирована предельная творческая свобода и дерзкая открытость опасному знанию. Мы углубляемся в письменные источники и обнаруживаем, что этот отважный художник, пока его «не требует к священной жертве Аполлон», погружен в материнское лоно условных норм и общепризнанных действующих представлений. Как же так получается, что в одной личности сочетаются две столь несходные друг с другом ипостаси?

Как бы то ни было, имеющиеся у нас методы исторического мышления (воспоминания о марксистских «экономических формациях», описание «капиталистического этоса» и прочие подходы, от Гиббона до Тойнби, от М. Вебера до Шпенглера) не помогут исследователю истории искусства ни в чем, никак и ни в малейшей степени, если он наконец не начнет думать о произведениях искусства, живущих в музеях, и об их создателях, описанных в источниках. Представляется, что в данной ситуации продуктивным методом осмысления наметившихся проблем будет тот подход, который обозначается в моих искусствоведческих и исторических исследованиях как «антропология недоверия» [Якимович, 2004; Якимович, 2010. С. 6].

Изучая письменные источники с точки зрения «антропологии недоверия», мы получаем возможность описывать творческие потенции художника и ученого Нового времени. История этого периода пошла по особо трудному, мучительному руслу, разлад и раздробление Европы стали фактом, антропоцентризм Раннего Возрождения приказал долго жить. Чудесный и светлый христианский гуманизм, который светит нам из живописи и архитектуры Раннего Возрождения в Италии и Франции, из нидерландского искусства типа *arg nova*, остался в прошлом. М. Монтень и Макиавелли, Эразм Роттердамский, Рабле и другие горько и беспощадно высказались о своем неверии в человека. Их ирония и сарказм могли бы показаться свидетельством полной безнадежности, крайнего пессимизма, если бы не одна особенность их мысли. Все они делают

странный, в высшей степени дерзкий мыслительный поворот: надо как следует осознать, насколько мы безнадежны, тогда и возникает немислимая, логически недоказуемая надежда; раз мы умеем сами себя так беспощадно разоблачить, то отсюда следует, что мы чего-нибудь все же стоим; у нас есть отвага и сила, чтобы сказать, что мы бессильны, бесплезны и опасны.

Таких парадоксов не ведала культура людей в прежние времена. Античность и Средневековье знали изощренные ходы мысли, но то была иная мысль. Мыслить до Нового времени означало прикасаться к вечному, истинному, священному и возвышенному. Мыслить в Новое время означало нечто иное: открывать опасные истины, проникать в «дурные тайны мироздания». Спокойнее было бы вообще не смотреть туда и не рисковать, проникая в опасные тайны. Но теперь мышление — это снятие покровов, прежде всего в изучении человека, общества, истории, культуры, языка.

Мыслители Позднего Возрождения впервые пришли к идее, что подлинное знание человека о себе самом есть знание о том, насколько он несовершенен, как сильно заблуждается, как легко заходит в тупик, как охотно падает в пороки и становится негодяем или ничтожеством. Монтень, Макиавелли, Эразм Роттердамский выстроили основания нового понимания истории, морали, государства, социума. За ними шли Шекспир, Сервантес и мастера живописи, как Рембрандт и Веласкес. Из нового тяжкого знания происходит теперь уже не смирение (называть ли его христианским или не называть), а горделивый энтузиазм. Умение критиковать и разоблачать себя самого — вот предмет новой гордости за падного человека.

Его особая, а временами явно чрезмерная вера в способности человека познать мир и улучшить его основывается на *антропологии недоверия*. Благодаря догадкам П. Рикёра нам теперь легче пользоваться этим понятием. Обратим внимание, что оно обозначает одновременно две вещи. Во-первых, предмет нашего исторического внимания, а именно специфический склад ума и души новоевропейского человека, недоверчивого искателя новых горизонтов и скрытых истин. Во-вторых, способ рассмотрения изучаемого явления. То есть наш модус изучения этого самого новоевропейского творческого психотипа.

Вспомним, с каким светлым и радостным смехом героя книги Эразма Роттердамского «Похвала глупости» (1509 г.; название латинского оригинала: *Moriae Encomium, sive Stultitiae Laus*), т. е. сама Глупость, описывает свою беспредельную власть над людьми. Церковь, власть, семья, наука и хозяйство, вообще все стороны жизни людей в этой книге описаны как результат недоумия, тупости и прямого сумасшествия рода человеческого. Описывать глупости и свинства рода человеческого прекрасно умели и античные мыслители, и средневековые моралисты. Но

они писали в иной интонации. Они горевали и обличали, призывали к величавому стоицизму (философы Древности) или к покаянию и христианскому вразумлению рода человеческого. Благочестивый христианин старого образца был обязан клеймить пороки и грехи человеческие, но он вовсе не радовался по этому поводу. Он горевал и каялся, и молил Бога помочь заблудшему роду человеческому. Ренессанс наметил иной путь. Книга Эразма никоим образом не зовет к смирению, покаянию и самонаказанию. Она оптимистична. Она радостна и горделива, улыбчива и суверенна.

Я знаю о себе самые унижительные истины и потому высоко себя ставлю и имею право гордиться своим тяжким знанием и радоваться своим опасным открытиям — вот тот новый интеллектуальный инструмент, тот механизм самоутверждения, который стал достоянием «титанов Возрождения». Мыслители и художники Ренессанса научились орудовать этим своеобразным инструментом «самоутверждения через самоотрицание». Человек искусства в этом прекрасном новом мире, как и человек политики, религии и мысли, не знает покоя. Он не может приблизиться к умонастроениям античного классического человека или средневекового создателя религиозных образов. Он мучительно чужд успокоения на вере в достижимость высоких и наивысших ценностей. Английская, русская, французская, немецкая литература большой эпохи запечатлевает это свойство в своих мятущихся героях, от Гамлета и Фауста до персонажей Достоевского, Джойса и Т. Манна [ср.: Зингерман, 2002. С. 95].

Историк философии К.А. Сергеев сформулировал так: новому творческому человеку Ренессанса свойственно «прославление человеческого бытия во всех его проявлениях» [Сергеев, 1993. С. 124]. Когда говорят «во всех проявлениях», то прежде всего имеются в виду проявления, далеко отстоящие от здравого смысла или общеупотребительной морали. «Во всех проявлениях» означает, что недопустимое и непозволительное допустимо и позволительно и даже в известном смысле похвально. Только вперед. Ни в коем случае не застревать на одном месте. Не признавать какого бы то ни было рода ограничений.

Леонардо да Винчи написал однажды, что по своим творческим потенциям человек есть существо высшее и божественное. И тут же (буквально через страницу) добавил, что человечество предназначено большей частью для того, чтобы заполнять нужники отходами своей пищеварительной жизнедеятельности [Зубов, 1961. С. 257–258; Горфункель, 1980. С. 113]. Такое соседство антропологического пафоса с крайним антропологическим скептицизмом обнаруживается у многих титанов Возрождения. Каким-то образом они превращают глужие угли скептицизма в драгоценное убранство великолепного творящего человека. Если мы умеем видеть безрадостную истину о себе, то, следова-

тельно, *умение видеть наше ничтожество и есть доказательство нашего триумфа*, нашей человеческой победы. Так из безнадежности мы извлекаем надежду. Поворотливая мысль выходит из затруднительного положения. Возникает поразительная перспектива: *говорить о поражении человека языком победителей*. Искусство и литература развитого Ренессанса именно так и делают. Там берут начало мысль о человеке и художественная культура Нового времени.

В сущности, описываемое здесь явление переформатирования есть своего рода техника инициации, т. е. когнитивное самоуничтожение («никуда я не гожусь»), ведущее к триумфальному самовозвеличиванию («зато умею глубоко понять и прекрасно сказать о том, какая я дрянь»). Уничтожить себя, чтобы возродиться из ничтожества, — эффективный прием культурного самооправдания. На основе этого приема возникла стратегия самой успешной системы культуры (включая социальную жизнь и политическое развитие) в Новое время. Мыслители Возрождения, начиная с Леонардо да Винчи, были первыми представителями этой системы культуры.

Таким вот манером появляется связка между историческими источниками, с одной стороны, и сокровищами музеев — с другой. Творческий человек, настроенный на поиск и эксперимент, на новые и новые горизонты, создает те самые картины и скульптуры, которые так затрудняют историка искусства, сталкивающегося с ними в музеях. Когда мы читаем основоположников новоевропейской мысли, когда рассматриваем произведения искусства «классической» эпохи, мы ясно видим стихию игры, опьянение от риска и опасности, дерзость экспериментов, неутомимость и ненасытность познающего, рискующего духа. Это есть у Мазаччо и Тициана, у Караваджо и Веласкеса, у Ватто и Гойи. У Рабле, Сервантеса, Шекспира. Не было бы искусства мастеров XX в., не было бы Пикассо и Джойса, Маяковского и Дали, ежели бы не существовала мощная интеллектуальная и художественная традиция, которая именуется здесь «антропологией недоверия». Авангардисты ворвались в историю искусства, сидя на плечах гигантов.

Сама способность подвергать сомнению какие угодно истины и ценности оказалась главной драгоценностью европейского человека. Теперь бодрость, оптимизм и тонус европейской мысли черпались из этого парадокса. Мысль взбадривалась, воспаряла и получала новые силы, когда ей удавалось раскрыть еще одну тайну, разоблачить еще одну иллюзию, сформулировать еще одну опасную и неприятную для человечества истину. От Монтеня к Декарту, затем к Спинозе и Гоббсу, к Вольтеру и Дидро, а далее к Ницше, Бергсону, к прагматизму и экзистенциализму — вот маршрут европейской мысли.

Начинается захватывающая работа. Недоверие и скепсис, сомнения и критика теперь направлены на основные ценности и понятия. Никакие

устой не могут выдержать этот напор. Общественное устройство и системы власти, тезисы моральных философий, эстетические ценности и представления — ничто не стабильно в Новое время, все сметается время от времени могучими ураганами, и все подвержено напору проверки, критики, сомнения и самого беспощадного разоблачения. Отсюда динамизм и способность к развитию, которого в иных цивилизациях, даже самых великих, не было и быть не могло.

У искусства Нового времени есть две важнейшие задачи. Первая: дойти до пределов выносимого в показе ничтожности и отвратительности человека. Вторая: создать художественными средствами такое аурагическое поле, такое пространство истины и красоты, которое убедит нас в том, что можно говорить об ужасном и жалком человеке прекрасным языком искусства — и тем спасти своего героя, обреченного, казалось бы, на погибель.

В том-то и дело, что «неудачное существо человек» самыми зоркими и бесстрашными художниками Нового времени изображался не с целью нравственного покаяния либо иной формы исправления человека. И не для того, чтобы тьму сгустить и до безнадежности довести. Искусство от-важного знания служило тому, чтобы смотреть на произведения искусства и испытывать гордость за поразительные возможности искусства, за мастерство жеста и приема, за пронизательность и философскую широту взгляда художника.

Подъем духа и радостное ощущение единства и солидарности, величия и своего рода духовной чистоты теперь направлены главным образом на героя, который не наделен ни силой, ни красотой, ни нравственной значительностью. Художник теперь умеет показать сомнительного человека, гадкого и ничтожного человека, опасного и нехорошего человека такими способами, описать таким языком (словесным, живописным, театральным), что мы чувствуем себя замороженными, захваченными и освещенными светом высокого человеческого творения.

Лично мой опыт этого «перекодирования» понемногу открывался в процессе пребывания в музеях и параллельных книжных штудий. С этих двух сторон можно приблизиться к пониманию искусства лучших живописцев Нового времени (таких, как Рембрандт и Веласкес, Ватто и Шарден, Репин и В. Серов). Они все вырастают из разных исторических обстоятельств и посылают нам, зрителям, совсем несходные сигналы. Лояльный католик и придворный монархист Веласкес показывает вещи, которые не мог показывать пылкий народник и типичный демократический интеллигент русского образца Репин. Логика, историческое знание и работа с текстами говорят о том, что сближение этих двоих будет некорректным. Но как только мы оказались в музее и рассматриваем картины одного, вспоминая картины другого (в залах мадридского Прадо и парижского Лувра, московской Третьяковской галереи, Русского музея

в Петербурге), оказывается, что наша гуманитарная подготовка, хорошо функционирующая на кафедре университета и в сочиняемых нами диссертациях, не вполне пригодна перед картинами мастеров.

Музейный опыт подтверждает то, что не даст опыт гуманитарного филологического знания. С блеском великого мастерства художники показывают нам образцы ничтожества и негодности рода человеческого, провалы и неудачи человеческого эксперимента. Нам про это говорят художники и писатели, от Брейгеля до Гоголя, от Караваджо до Чехова. Мы рассматриваем эти произведения — и радуемся, и переживаем катарсис, и восторгаемся умением творческого человека создавать подобное и заглядывать в низины и провалы. Такого искусства до тех пор не было, а может быть, и впредь не появится. Оно научилось смотреть в сердце тьмы, показывать преисподнюю ничтожества и мерзости и давать нам, зрителям и читателям (и слушателям), ощущение света и совершенства. Описать это явление нового искусства в разумных фразах и доказательно выстроенных текстах не получается или получается лишь частично и условно. Получить озарение и инсайт в контакте с произведениями искусства возможно, а словами сказать о том не получается в полной мере.

Перекодировка или реформатирование антропологического скептицизма в пафос новой (и новаторской) художественной классики есть главное достижение художественной культуры Нового времени. Без музейного опыта такой вывод невозможен. Без гуманитарных наук, однако же, мы останемся бессловесными или косноязычными энтузиастами искусств, шумно немотствующими адептами музейного культа. «Наука корчится, безъязыкая» — можно выразиться перефразированными словами поэта.

Можно ли с полной уверенностью утверждать, будто письменные источники (от романов и пьес до трактатов, философских эссе, биографических сборников и исторических хроник) описывают тот самый человеческий материал, который мы обнаруживаем в наших музейных встречах? В первом приближении возникает естественная догадка, что психотип Колумба, Леонардо да Винчи, Галилея, Петра Великого или Дж. Вашингтона примерно соответствует той самой живописной картине и новой скульптуре, которую мы знаем по шедеврам Возрождения и далее — до середины или конца XIX в. Но почему все-таки эти самые люди (в том числе и названные выше новаторы и первооткрыватели путей) были социальными конформистами и политическими «согласенцами», довольно легко примирявшимися с данными наличными условиями бытия среди людей, — вот вопрос, от наших предыдущих рассуждений пока что не проясненный и не приближенный к решению. Почему творческие личности, создавшие отважные произведения, то бишь поразительные шедевры мировых музеев, эти мастера разных искусств, отмеченные высочайшим уровнем творческой свободы, выглядят почти что смиренными

овцами в жизни, будучи такими могучими и непокорными львами в своем искусстве?

Можно сделать некоторые умозаключения из нашего знания письменных источников. Особенно показательны биографии успешных и признанных художников вроде Микеланджело, Рубенса, Веласкеса, Пушкина, Баха, Моцарта, Гёте. Они с божественной непринужденностью, с какой-то иронической грацией шли на контакт и компромисс с сильными мира сего и создавали образцы свободного искусства, соблюдая нормы и условности своего времени и своей среды. Позволяли себе вольности и выходки, но притом никогда не буянили и не безобразничали с таким размахом, таким вызовом и напором, как Пикассо или Маяковский, А. Бретон или С. Дали. Мастера новоевропейской классики не нуждались в том, чтобы в общественной жизни и политической функции (если таковая у них была) заявлять о своей творческой свободе. Пребывая в музее (хотя бы мысленно, в воспоминании), можно интуитивно уловить смысл позиции Веласкеса, Рубенса, Микеланджело. Мастера высказываются с такой дерзновенной легкостью, с таким вольным и суверенным брио, с такой независимостью суждений и образов, что им сверх того ничего и не нужно. Они не ощущали себя зажатыми в социально-политических тисках, как молодой Пикассо в своей Барселоне, или задыхающимися в густеющей атмосфере предвоенной России, как Маяковский.

До появления решительного и воинственного зрелого авангарда (это случилось после 1910 г.) мы практически не видим художников, которые считали нужным стукнуть кулаком по столу, пригрозить этим кулаком сильным мира сего и обывательской публике и выстроить свою жизнь как мятеж, как вызов, как художественно осмысленный протест. Даже отчетливо революционные гении, как Шиллер или Гойя, вели себя относительно сдержанно. Во всяком случае, акций, какие мы наблюдаем в России и Западной Европе от Маринетти до Ж. Жене, мы не замечаем в жизни искусств до наступления XX в. Своим чередом мастера классического искусства прошлого тоже страдали от тупого деспотизма сильных мира сего или досадовали на тупость статусных современников и оболваненных масс обывателей. И все же в их руках было искусство, которому не было равных. И скорее всего, мастера понимали, каков их творческий масштаб.

Рассматривая в мадридском музее Прадо и в Венском художественном музее полотна Веласкеса, ясно представляешь себе, что ему было в известном смысле нетрудно иметь дело с повелителем могучей и быстро дряхлеющей мировой державы, с министрами и полководцами, церковными иерархами, династическими персонами и сановниками. Картины говорят о том, что этот глубоко и далеко видевший художник-мыслитель все понимал о хозяевах империи, о жизни страны, о предстоящей ей трудной (трагической на самом деле) исторической судьбе. Он прозревал и

понимал так много о судьбах испанского мира, что не имел необходимости бросать вызов светской черни, переругиваться с публикой, нарываться на полицейские репрессии, задевать церковные власти или устраивать демонстративные скандалы. Веласкес писал для зрячих глаз, способных понять его художественные послания. И не собирался «оспаривать глупца» (по выражению поэта). Намеренные же скандалы авангардистов и современных нам «актуалистов» определенно нарушают мудрый завет Пушкина. Оспаривают и облаивают, со всеми вытекающими последствиями.

Когда умеешь писать, как Веласкес, как Шарден, как Э. Мане, Дега или В. Серов, может ли возникнуть нужда в том, чтобы превращать собственную жизнь в аттракцион под названием «протест художника»? Произведения искусства как будто дают отрицательный ответ на сей вопрос. Но, быть может, сам вопрос не очень корректен, не вполне историчен, ибо нельзя дважды войти в воды реки по имени История?

Придется, наверное, еще потрудиться, пожить в музеях и на выставках и посидеть за книгами и письменным столом, чтобы приблизиться к решению проблемы.

Библиография

Алпатов М.В. Художественные проблемы итальянского Возрождения. М.: Искусство, 1976. 288 с.

Алпатов М.В. Этюды по всеобщей истории искусств. М.: Советский художник, 1979. 288 с.

Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М.: Наука, 1978. 198 с.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: Проблемы и люди. М.: Изд-во РГГУ, 1995. 448 с.

Бенеш О. Искусство Северного Возрождения. М.: Искусство, 1973. 304 с.

Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.: Альфа-книга, 2008. 1280 с.

Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.

Вёльфлин Г. Ренессанс и барокко. М.: Азбука-классика, 2004. 287 с.

Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М.: В. Шевчук, 2009. 344 с.

Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М.: Высш. шк., 1980. 368 с.

Гращенко В.Н. Портрет в итальянской живописи Раннего Возрождения. Т. 1–2. М.: Искусство, 1996. 422, [1] с.

Дворжак М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения. Т. 1–2. М.: Искусство, 1978.

Дворжак М. История искусства как история духа. СПб.: Академический проект, 2001. 383 с.

Дидро Д. Салоны. Т. 1–2. М.: Искусство, 1989.

Дидро Д. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1980. 664 с.

- Зингерман Б.* Связующая нить. Писатели и режиссеры. М.: ОГИ, 2002. 432 с.
- Золотов Ю.К.* Французский портрет XVIII века. М.: Искусство, 1968. 276 с.
- Зубов В.П.* Леонардо да Винчи. М.-Л.: Искусство, 1962.
- Зубов В.П.* Избранные труды по истории философии и эстетики. 1917–1930. М.: Индрик, 2004. 448 с.
- Кант И.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: ЧОРО, 1994.
- Кант И.* Собрание сочинений: В 6 т. М.: Мысль. Т. 6. М., 1966.
- Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Т. 1–2. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1914–1915.
- Кондаков Н.П.* Русская икона. Т. 1–4. Прага, 1928–1933.
- Лазарев В.Н.* Происхождение итальянского Возрождения. Т. 1–2. М.: Искусство, 1956–1959.
- Лазарев В.Н.* Старые итальянские мастера. М.: Искусство, 1972. 662 с.
- Леняшин В.А.* Единица хранения. Русская живопись – опыт музейного истолкования. СПб.: Золотой век, 2014. 439 с.
- Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения / Под ред. И.С. Нарского. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 622 с.
- Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Наука, 1982. 480 с.
- Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1978. 624 с.
- Мастера искусств об искусстве / Ред. А.А. Губер. Т. 1–7. М.: Искусство, 1965–1970.
- Макиавелли Н.* Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1982.
- Макиавелли Н.* Государь. М.: Планета, 1990. 80 с.
- Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.
- Монтень М.* Опыты. Избранные произведения. Т. I. М.: Голос, 1992. 384 с.
- Панофский Э.* Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб.: Академический проект, 1999. 394 с.
- Ротенберг Е.И.* Мастера классического искусства Запада. М.: Наука, 1983. 286 с.
- Свидерская М.И.* Пространственные искусства в западноевропейской художественной культуре XIII–XIX веков. М.: Галарт, 2010. 928 с.
- Сергеев К.А.* Ренессансные основания антропоцентризма. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1993. 594 с.
- Тойнби А.Дж.* Постигание истории: Сборник / Сост. А.П. Огурцов. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
- Флоренский П.А.* Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. 365 с.
- Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Наука, 1993. 663 с.
- Якимович А.К.* Эпоха сокрушительных творений. Из истории искусства и мысли XX века. М.: Галарт, 2010. 288 с.
- Якимович А.К.* Искусство непослушания. Вольные беседы о свободе творчества. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 288 с.
- Якимович А.К.* Портреты Диего Веласкеса. М.: Галарт, 2012. 464 с.
- Blunt A.* Art and Architecture in France, 1500–1700. Harmondsworth: Penguin Books, 1953

- Blunt A.* Baroque and Rococo Architecture and Decoration. London: Harper Collins, 1978.
- Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Gombrich E.H.* The Story of Art. London : Phaidon, 1995.
- Gombrich E.* The Uses of Images. Studies in the Social Function of Art and Visual Communication. London: Phaidon 1999.
- Gombrich E.* Aby Warburg, an Intellectual Biography. London: The Warburg Institute, 1970.
- McLuhan M.* Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964.
- McLuhan M., Fiore Q.* The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. N.Y.: Random House, 1967.
- Riegl A.* Problems of style. Tr. E. Kain. Princeton UP, 1992.
- Ricœur P.* Soi-même comme un autre. Paris: Le Seuil, 1990.
- Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. Cambridge, 1967.
- Wittkower R.* Art and Architecture in Italy, 1600—1750. Yale UP, 1958.
- Wittkower R.* Born Under Saturn: The Character and Conduct of Artists. Yale UP, 1963.

УДК 82(091), 069

Д.П. Бак, Д.Р. Вак

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

History of Literature and Literary Museum: Patterns of Interaction

Аннотация: на примере работы Государственного литературного музея в статье рассмотрены перспективные направления развития современных литературных музеев. Наряду с традиционными функциями сохранения, научного описания и экспонирования музейных предметов и коллекций, акцентируется роль музеев в формировании исторической картины развития литературы разных периодов, в том числе — современной эпохи. Эта задача представляется особенно актуальной в силу отсутствия общепринятой картины литературного развития в XIX—XX вв., особенно в советский период. Для достижения указанной цели современный литературный музей должен функционировать в качестве площадки для выступлений современных литераторов, а также для диалога экспертов в области литературной критики и истории литературы. В ситуации смены источниковых парадигм (перехода авторов, издателей, критиков на электронные носители текста) необходимо выработать новые стратегии репрезентации историко-литературного знания, приблизить экспозиционно-выставочную работу музеев к историко-литературным подходам к прошлому.

Abstract: On the example of the State literary Museum in the article perspective directions of development of modern literary museums. Along with the traditional

functions of conservation, scientific description and exhibiting of Museum subjects and collections, and emphasizes the role of museums in shaping historical picture of the development of literature from different periods, including the modern era. This task is particularly relevant in the absence of a generally accepted picture of the literary development of XIX-XX centuries, especially during the Soviet period. To achieve this goal modern literature Museum should function as a platform for performances of contemporary writers, and also for dialogue of experts in the field of literary criticism and literary history. In case of change of source paradigms (the transition of authors, publishers, critics on electronic media of text) need to develop new strategies of representation of historical and literary knowledge, to bring exposition and exhibition work of the museums to historical and literary approaches to the past.

Ключевые слова: историческая наука, история литературы, музееведение, нарратив, субъектность, канонизация, экспертные функции, репрезентация научного знания, литературные музеи, Государственный литературный музей.

Keywords: historical science, history, literature, museology, narrative, subjectivity, canonization, expert functions, representation of scientific knowledge, literary museums, the State Museum of literature.

Если отвлечься от теоретических обоснований и терминологических различий между историей как таковой («гражданской историей») и историей *литературы*, то история литературы может быть понята как история мнений, суждений и оценок, литературных репутаций, иерархий, литературных канонов. Такое понятие «истории литературы» окажется до некоторой степени автономно от исторической науки как таковой, хотя связи истории гражданской и истории литературы общеизвестны, их взаимопроникновение не подлежит никакому сомнению.

Об «автономии» истории литературы речь зашла неспроста. История литературы в тот момент, когда она только складывалась, представляла собой картину, разительно отличающуюся от представлений, которыми руководствуемся мы, конструируя литературное прошлое. Канонические представления о литературном прошлом складываются из выстраиваемой нами иерархии определенного набора «классических» произведений и авторов, существующих на фоне авторов второго, третьего и последующих рядов. Сам по себе процесс формирования представлений об истории литературы представляет собою некоторый нарратив, а следовательно — субъективен в той мере, в какой всякое повествование наделено субъектностью. Результат конструирования историко-литературного прошлого во многом зависит от исследовательских подходов позиций, а зачастую — и от мнений конкретных ученых.

Можно привести такой простейший пример. Обращаясь к роману Ф.М. Достоевского «Бедные люди», мы должны понимать, что наше прочтение принципиально отличается от прочтения буквально того же текста современниками писателя в 1846 г., когда роман был напечатан в некра-

совском «Петербургском сборнике». Даже если мы отвлечемся от текстологических различий и допустим, что читаем идентичные тексты, что каждая запятая сохранена на своем месте, — все равно различия останутся. По сравнению с читателями 1846 г. мы обладаем своеобразным избытком восприятия: они не могли знать, что «Бедных людей» написал тот же автор, который создал «Преступление и наказание» и, например, «Братьев Карамазовых». По этой причине в процессе восприятия и оценки возникает целый ряд историко-литературных представлений, смыслов, контекстов, неотделимых от нашего времени, а 1840-м гг. — абсолютно не свойственных и для современников Достоевского непредставимых.

Следующий тезис заключается в том, что у «истории литературы» всегда есть автор. В ее формировании участвуют литературные деятели, порождающие издательские стратегии, канонизирующие определенные литературно-критические мнения и реализующие литературные «проекты» — в большей либо меньшей степени успешные. Такими синтетическими и масштабными проектами являются, например, стратегии издания так называемых толстых литературных журналов. В этих случаях речь всегда идет о финансовых, коммерческих параметрах изданий, которые сопряжены с «направлением» журналов, с издательской и редакторской политикой — идет ли речь о «Библиотеке для чтения» Осипа Сенковского или о «Новом мире» Александра Твардовского.

От деятельности авторов литературно-издательских проектов (А.А. Краевского, М.Н. Каткова, Н.А. Некрасова, А.С. Суворина и многих других) очень многое зависит. Можно говорить об истории литературы как о последовательности в большей либо меньшей степени канонизированных (либо деканонизированных) литературных проектов. В этой логике, можно было бы высказать суждение довольно резкое (его можно подвергнуть критике, но без резкости оно утратит свои контуры): история русской литературы XIX в. — это последовательная смена литературных инициатив четырех фигур. Я имею в виду, например, уже упомянутых А.А. Краевского, Н.А. Некрасова, М.Н. Каткова и А.С. Суворина. Из этих фигур только Некрасов является крупным поэтом — не менее крупным, чем масштаб его «проектной» («продюсерской»?) литературной деятельности, остальные литераторы имеют лишь косвенное отношение к художественному творчеству как таковому.

Итак, у истории литературы есть автор (или авторы) — инициатор(ы) «победившего» в борьбе за канонизацию литературного проекта. Эта борьба могла быть очень острой и бескомпромиссной, ее подробности в будущем, когда одна из борющихся позиций побеждает, становятся неважными, зачастую их вовсе не учитывают историки литературы. Возьмем абсолютную классику, гоголевские «Мертвые души». В 1842 г. выходит первый (как впоследствии оказалось, последний из опублико-

ванных) том под заглавием «Похождения Чичикова, или Мертвые души». Появляется несколько рецензий, их общий тон весьма далек от наших представлений о «Мертвых душах» и о фигуре автора. Так, редактор «Библиотеки для чтения» (и «по совместительству» известный беллетрист *Барон Брамбеус*) О.И. Сенковский счел книгу Гоголя стилистически несовершенной, привлекающей внимание к второстепенным явлениям жизни. Через годы и столетия стилистические «неправильности» Гоголя были специально описаны и изучены в качестве индивидуальных открытий и достижений писателя (см., например, работы Вл. Феоирова), однако такой подход оказался возможен только на фоне позднейшей историко-литературной канонизации автора «Мертвых душ».

В 1842 же году все выглядело совершенно иначе, ведь всего за год до первого тома гоголевской поэмы был опубликован «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, роман, содержащий, по общему признанию, важнейший диагноз главной болезни эпохи. Мог ли характер Чичикова восприниматься в качестве значительного на фоне общепризнанных к тому времени лермонтовских литературных открытий? Как прочертить траекторию от уничижительного отзыва Сенковского до нынешних наших «самоочевидных» представлений о великом писателе Н.В. Гоголе?

Одна из магистральных задач любого литературного музея состоит именно в том, чтобы проследить весь ряд трансформаций. В последние годы Государственный литературный музей — крупнейший литературный музей страны, включающий на правах отделов десять музеев (М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, А.И. Герцена, А.П. Чехова, А.Н. Толстого, М.М. Пришвина, Брюсова — Музей «Серебряного века», Б. Пастернака, К.И. Чуковского, А.И. Солженицына), старается руководствоваться именно изложенными выше принципами работы.

Мы кратко описали проблемы взаимодействия исторической и филологической науки, истории литературы и истории как таковой. Не менее интересно посмотреть, как обстоят дела на другом фланге музейного фронта, который занимают музеи и галереи живописи. Те из них, которые посвящены истории современной живописи и других пластических искусств, выполняют функцию, литературным музеям обычно не свойственную, — функцию канонизации. Со времен Вазари музеи — не просто пассивный регистратор уже сложившейся «истории искусств», но один из основных инструментов канонизации, каковым литературные музеи в большинстве случаев не являются. Наступает очередной юбилей, литературные музеи готовят к нему выставки, однако факт представленности в музее тех или иных современных авторов литературных произведений не является индикатором их вхождения в историю литературы.

Мы бы очень хотели, чтобы Государственный литературный музей как можно ближе подошел к приобретению подобных экспертных функций. Для его функционирования в таком качестве есть несколько путей.

Во-первых, Гослитмузей должен стать площадкой не только для выступлений современных литераторов, но и для обмена экспертными мнениями специалистов, ученых, исследователей. Почему это важно? Потому что только через алгоритмы созидания истории *современной* литературы можно понять прошлое. Мы не склонны, подобно многим музейщикам, смотреть на современную словесность несколько свысока, то и дело сравнивая ее с временами Толстого или Блока. Мы стараемся найти подходы к музеефикации литературной современности, еще не подвергнутой исторической систематизации. Почтенные будущие классики уже живут и пишут, только мы не знаем о том, что они классики, еще не сложились соответствующие канонические представления. Эту простую мысль легко проиллюстрировать тем, что в свое время далеко не все те, кого мы считаем классиками, считались таковыми при жизни. Понять механизмы канонизации и выстраивания иерархии современного литературного процесса — важнейшая задача нашего музея и литературных музеев как таковых.

Второй путь реализации новых функций Гослитмузея — построение истории русской литературы XX в., где пока существуют альтернативные, зачастую взаимоисключающие версии. Первая восходит к советскому времени с его пантеоном классиков (вспомним тогдашнюю школьную программу: А. Серафимович и Д. Фурманов, Н. Островский и А. Фадеев). В результате «перестройки» все перевернулось, на первых ролях оказались М. Булгаков и А. Платонов, Е. Замятин и Б. Пастернак. Какая из двух версий верна? Мы убеждены, что так ставить вопрос некорректно. С 1990-х гг. начала формироваться не *анти-*, а *противосоветская* история русской литературы, я осторожно настаиваю именно на этом странном термине. Вплотную подойти к истории русской литературы XX в. пока не удастся ни в академической науке, ни в музейном пространстве. Исторический взгляд на только что закончившийся XX в. будет выработан только тогда, когда в нем найдут себе место, условно говоря, и «Как закалялась сталь» Н. Островского, и «Лолита» В. Набокова. Для того чтобы описать процесс развития литературы и прийти к какому-то единству, необходимо выявить социальные, творческие, общественные, политические механизмы формирования литературной позиции и литературных репутаций самых разных авторов, существовавших по разные стороны «железного занавеса», в разных секторах («официальном», подцензурном, самиздатском и т. д.). Государственный литературный музей по мере сил пытается это делать.

Третий путь — новации в ведении литературным музеем собирательской, научно-исследовательской работы, поиски новых стратегий репрезентации научного знания в ситуации смены разных источниковых парадигм. Если говорить о литературе, то вследствие внедрения новых информационно-коммуникационных технологий исчезли черновики,

переписка, разные редакции текста. Между тем всякий исследователь понимает, что если бы нам не были доступны черновики Пушкина, рукописи Гоголя и Достоевского, то филологическая наука имела бы совсем другой облик, да и мы были бы, вероятно, другими людьми. Теперь всего этого нет, и непонятно, что именно необходимо музеефицировать, что собирать. Государственный литературный музей ищет решение этой проблемы, применяя многие современные подходы, в том числе и технологические.

Четвертый путь развития — трансформация экспозиционно-выставочной работы, ее сближение с историко-литературными подходами к прошлому. Предметом экспозиций должны стать не только и не просто факты, связанные с появлением и функционированием литературных текстов, с судьбами и биографиями писателей, которые сейчас считаются значительными, но и факты собственно истории литературы. Русская культура литературоцентрична, литература — наиболее адекватный способ проникнуть в русский культурный космос. Причины формирования этого феномена вполне возможно представить в экспозициях, мы над этим работаем. При таком подходе для нас в равной степени важны и сам по себе роман «Отцы и дети» И.С. Тургенева, опубликованный в катковском «Русском вестнике» в 1862 г., и факт передачи в том же 1862 г. цензуры из ведения Министерства народного просвещения в ведение Министерства внутренних дел.

Избавиться от изоляционизма по отношению к современному развитию литературы и к филологической науке как раз и означает сохранить автономию историко-литературного подхода к реальности, а значит — приблизиться к решению одной из актуальных задач развития литературных музеев. Мы надеемся, что проекты, ныне реализуемые Государственным литературным музеем во взаимодействии с другими ведущими литмузеями, послужат достижению наших стратегических целей, заново сформулированных в последние годы.

УДК 069; 008

И.В. Кондаков, I.V. Kondakov

АККУМУЛЯЦИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЕ

Accumulation and Representation of Cultural Heritage in the Museum

Аннотация: в статье осмысливается информационная роль литературно-художественных музеев в аккумуляции и репрезентации культурного наследия в различных его аспектах: хромотопическом и архитектурном, географическом

и историческом, ценностно-смысловом и информационном, национальном и глобальном. Миссия литературного музея заключается в том, что литература — в ее персональном, текстуальном и контекстуальном выражениях — предстает как многомерное и многозначное, исторически изменчивое и типологически вариативное явление культуры, практически неисчерпаемое, как и сама культура. Это обеспечивает возрастающий информационный потенциал музеев в истории культуры и исторической науке.

Abstract: The article conceptualizes the informational role of literary museums in the accumulation and representation of cultural heritage in its various aspects: chronotopical and architectonical, geographical and historical, valuable, semantic and information, national and global. The mission of the Museum of literature is that literature — in its personal, textual and contextual expressions, appears as the phenomenon of culture: multidimensional and multi-valued historically changeable and typologically variable, practically inexhaustible, as the culture itself. This provides increasing information potential of museums in cultural history and historical science.

Ключевые слова: информационный потенциал музея, литературное творчество, литературоцентризм, культурное наследие, хронотоп, архитектоника, географический и исторический факторы наследия, региональное, национальное и всемирное наследие, глобалитет культуры.

Keywords: the information potential of the Museum, literary creativity, literary-centrism, cultural heritage, chronotope, architectonics, geographical and historical factors of heritage, regional, national and world heritage, globality of culture.

Литература в хронотопе культурного наследия. Литература (во всех ее исторических и типологических модификациях) является неотъемлемой составной частью культурного наследия, но она связана с культурным наследием еще и другими отношениями: литература находится (функционирует, развивается и видоизменяется) в контексте культурного наследия и, соответственно, находится в зависимости от него. В частности, речь идет о ее зависимости от конфигурации культурного наследия, от идеологии наследия и его саморефлексии. Конечно, существует и обратная зависимость — культурного наследия от литературы и искусства, от воплощенных в них форм идейно-эстетического самосознания. Так, поэзия футуристов (русских и, по-своему, итальянских) как литературное творчество, ориентированное на будущее, стремилась оттолкнуться от прошлого, а во многих случаях и вообще отказаться от него («Бросить <...> с Парохода современности», как предлагали В. Хлебников, В. Маяковский, Д. Бурлюк и А. Крученых в знаменитом манифесте «Пощечина общественному вкусу») [Русский футуризм, 2009. С. 65].

Миссия литературного музея (как, впрочем, и любого иного музея — художественного, исторического, краеведческого...) заключается именно в том, чтобы вписать литературное творчество, жизнь и деятельность от-

дельных писателей, их произведения и рукописное наследство, т. е. в целом литературу, в контекст культурно-исторического и природного наследия. Тем самым литературный (или художественный) музей выступает как аккумулятор культурной памяти через литературу и литературные отношения, а тем самым — и как интегратор культурно-исторической информации. Осмыслием ли мы репрезентацию культурного наследия в том или ином литературном творчестве, представляем ли влияние литературы на конфигурацию культурного наследия определенной эпохи или определенного места (страны, региона, города) — в любом случае мы наблюдаем, как происходит в литературе аккумуляция культурного наследия и его репрезентация в музейной практике. Особенно это важно для отечественной, русской и российской, культуры, которая сложилась, развивалась и во многом продолжает сохраняться как феномен литературоцентризма (что характерно далеко не для всех культур и далеко не всегда).

Само культурное (в том числе и литературное) наследие всегда имеет два измерения: пространственное и временное. Первое ориентировано на осмысление культурного наследия как определенным образом очерченной территории (страны, региона, отдельного поселения). В этом плане различают всемирное, национальное, региональное и локальное наследие, и все эти разновидности территориального наследия подлежат «географическим» методам изучения. С этой точки зрения культурное наследие оказывается тесно связанным и даже во многом интегрированным с природным наследием. В этом случае граница между природным и культурным наследием оказывается размытой, наследие предстает в едином формате — как природно-культурное. Иногда говорят о «природном каркасе» и «природно-культурном каркасе» наследия (на примере культурного ландшафта) [Культурный ландшафт как объект наследия, 2004. С. 82—104].

Однако у культурного наследия есть еще одно важное измерение — историческое. Это означает, что в ходе культурно-исторического развития той или иной общности (страны, нации, региона) постепенно формируется своего рода «культурно-исторический каркас», в который и вписывается конкретное явление культуры и культурного наследия (в нашем случае — литература; но в иных это может быть искусство, философия, религия, общественная мысль, наука и проч.). Например, последовательность художественных направлений в европейской культуре: Ренессанс — барокко — классицизм — сентиментализм — романтизм — реализм — символизм — авангард — представляет собой именно такой «культурно-исторический каркас» (в известной мере воссоздаваемый и в истории русской культуры, за исключением «пропуска» Ренессанса). Хотя есть серьезные основания полагать, вслед за О. Шпенглером, что в истории русской культуры и барокко, и классицизм, и сентиментализм, и романтизм, и реализм несли в себе принципиально другое содержание,

нежели в истории европейской культуры, т. е. были своего рода историческими псевдоморфозами [Шпенглер, 2009. С. 245–250]. Соответственно, русский символизм и русский авангард исторически сложились иначе, чем западноевропейские аналоги, и были подготовлены чередой качественно иных культурных явлений.

Можно привести и другие примеры подобной культурно-исторической константы: например, в истории советской литературы роль «культурно-исторического каркаса» играла известная триада: коммунистическая идейность — партийность — народность (триада, модифицировавшаяся буквально каждое десятилетие советской власти, но при этом сохранявшая основные параметры все 70 с лишним лет после Октября). Это была узнаваемая калька с «уваровской триады»: «Православие — Самодержавие — Народность». Как показал Б.А. Успенский, в свою очередь, «уваровская триада» являлась ответом русского монархического строя на вызов Великой французской революции: «Свобода — Равенство — Братство» [Успенский, 2002. С. 404–407], т. е. фактически тоже является своего рода культурно-исторической псевдоморфозой: вместо свободы вообще — свобода в предустановленных рамках (православие); вместо равенства вообще — равенство всех перед лицом абсолютизма; вместо братства народов и классов, братства всех людей — единство конкретного народа. Возвращение в 2000-е гг. к «уваровской триаде», несмотря на явную «советизацию» других сфер культуры, очень показательно.

Столь же были характерны для советской литературы (и в целом советской культуры) марксистско-ленинское мировоззрение и концепция социалистического реализма (также претерпевшие от Сталина до Горбачева существенные изменения, но в то же время остававшиеся неизменной основой всей советской идеологии, литературы, искусства и даже науки), т. е. составлявшие парадигму советской культуры в целом. Однако в постсоветский период эти атрибуты остались лишь составляющими исторической памяти о «советском», т. е. показали себя как преходящие компоненты культурно-исторического наследия, а не константы культуры [Степанов, 2004], а это существенно разный информационный ресурс.

В отличие от относительно неизменного «природно-культурного каркаса» (существенные сдвиги в его строении измеряются нередко столетиями), «культурно-исторический каркас» не является по своей конструкции жестким и неподвижным: с ходом истории культуры и общества культурное наследие непрерывно и быстро перестраивается, модифицируется, приспособляясь к меняющимся социально-экономическим, политическим и иным обстоятельствам, наполняется новой художественно-эстетической и научно-технической информацией. Поэтому между «природно-культурным каркасом» и «культурно-историческим каркасом» всегда существует определенный смысловой «зазор», который, в зависимости от складывающейся ситуации, то расширяется, то сужается.

Так, возникшее в 1960-е гг. течение «деревенской прозы» (шире — вообще «деревенской литературы» в рамках советской) говорило о расширении подобного «зазора» (достигшего драматического апогея, например, в «Прощании с Матерой» В. Распутина или в «Царь-рыбе» В. Астафьева). Это должно было означать, что разрыв между культурой (точнее — цивилизацией) и природой достиг, особенно в городской жизни, кричащих противоречий, которые могут быть устранены (по мнению писателей-«деревенщиков») лишь решительным поворотом к традициям деревенской жизни, традиционной русской культуре, а нередко и прямо к культурной архаике — и, соответственно, разрывом с достижениями западной цивилизации и плодами «бездуховной» массовой культуры. Согласно этой концепции, культурное наследие должно быть гармонизировано с природным и даже в чем-то подчинено ему. Литература становилась рупором этой концепции, устанавливая духовный «мост» между культурным и природным наследием, с упором на первичность природного наследия как почти вечного и неизменного, как фундамента всей духовной культуры народа, его менталитета.

Напротив, советская литература начала 1930-х гг. (романы Л. Леонова «Соть», «Скутаревский», «Дорога к океану», В. Катаева «Время, вперед!», Н. Островского «Как закалялась сталь», по-своему — А. Платонова «Чевенгур» и «Котлован» и др.) сокращала этот «зазор», способствуя сближению «природного» и «культурного» в общественной жизни и историческом процессе, понимаемом как победа человека над природой (в том числе и над собственной, человеческой природой), как подчинение природного наследия — культурному наследию. В том же направлении двигалась и научная мысль, солидаризировавшаяся с официальной идеологией (К. Циолковский, И. Мичурин, В. Вернадский и примкнувшие к ним демагоги, вроде акад. Т. Лысенко и его соратников). Одновременно сохранялось в советской литературе и альтернативное течение (М. Пришвин, К. Паустовский, Н. Заболоцкий и др.), робко отстаивавшее самоценность природного наследия, нуждающегося в охране и защите со стороны наследия культурного. Усилия ученых-генетиков во главе с акад. Н. Вавиловым были направлены, в конечном счете, в ту же сторону.

При изучении культурного наследия можно условно абстрагироваться от одного или другого его измерения, но на практике любое культурное наследие находится на пересечении пространственного и временного векторов развития. В этом смысле можно говорить об «истории с географией» как системе координат любого, в том числе и художественного, наследия, а в духе бахтинской терминологии — о хронотопе культурного наследия — феномене, практически совершенно не изученном [Бахтин, 1975] (М. Бахтин определяет хронотоп как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в

литературе», но тут же добавляет, что хронотоп существует и «в других сферах культуры» [Бахтин, 1975. С. 234—235]). В дальнейшем речь пойдет, в частности, о формах хронотопа в культурном наследии и в литературе, рассматриваемой в контексте культурного наследия.

Литературный и художественный музей при этом выступает важным конструктивным элементом выявления и моделирования хронотопа культурного наследия, т. е. механизмом регуляции культурного развития через обращение к культурному наследию в его различных модусах. В то же время, как и любой иной музей, он демонстрирует растущий информационный потенциал, заключенный в культурном наследии, интерпретируемом в разных исторических и смысловых контекстах. Заметим попутно, что информационные потоки, транслируемые литературными и художественными музеями, репрезентирующие те или иные аспекты культурного наследия, качественно отличаются от других информационных потоков уже тем, что художественно-эстетическая и культурно-историческая информация многомерна, нелинейна и принципиально многозначна, а значит — уникальна и невосполнима иными источниками информации.

Географический фактор культурного наследия. Прежде всего, обратимся к тому, как в хронотопе литературы и искусства сочетаются и взаимодействуют пространственный и временной аспекты. Последнее время, в связи с введением в научный оборот понятия «культурный ландшафт», пространственные отношения в приложении к искусству имеют тенденцию трактоваться почти исключительно в «ландшафтном ключе». Бесспорно, отображение и смысловая интерпретация ландшафта (а также климата) в искусстве является важной его составляющей. Достаточно вспомнить разнообразно типизированные картины времен года не только в живописи, но также в поэзии и прозе, даже в музыке — разумеется, несводимые к сезонной информации о природе.

Пространственно-географический фактор в искусстве заключается не в одном только отображении культурного ландшафта, но и в биографических аспектах творчества того или иного художника, полнокровно сказывающегося на его мировоззрении, художественном методе и стиле, наконец, на его поэтике. Здесь более важным является не отображение ландшафта (ландшафтное «измерение» биографии и творчества представить трудно, хотя и возможно), а локальная характеристика топоса, т. е. художественное отображение географических особенностей региона, страны или отдельного поселения, давших импульс развитию литературы и искусства, истории культуры в целом в определенном направлении. Однако и здесь важен временной компонент топологии творчества и жизни героев.

Сошлюсь на хрестоматийно известные примеры. Пушкин родился в Москве, а погиб в Петербурге. Между этими географическими точками

пролегает обширное пространство Российской империи, многие участки которого тесно связаны с пушкинским творчеством. В юности поэт находился в южной ссылке (Одесса, Кишинев, Бессарабия, Крым), побывал на Кавказе. В более зрелые годы его жизнь и творчество определяются особенностями русского Северо-Запада и средней полосы России (ссылка в Михайловское; Болдинская осень). Собирая материалы к «Капитанской дочке» и «Истории пугачевского бунта», Пушкин посещал Оренбург и его окрестности. В поздний период его жизнь протекала преимущественно в Петербурге. Во всех названных пушкинских местах есть литературные и краеведческие музеи, тесно связанные с личностью и творчеством поэта. (То же можно сказать о «толстовских», «лермонтовских», «некрасовских», «достоевских» и других литературных «местах», в различной степени музеефицированных, т. е. аккумулирующих культурно-историческую и эстетическую информацию.)

В разные периоды своего творчества Пушкин обращается то к московскому, то к петербургскому тексту, то к южнорусскому, то к крымскому, то к кавказскому, то к уральскому, то к малороссийскому... Все эти локальные тексты противоречиво сочетаются и взаимодействуют в его творчестве, поэтически представляя разнообразные пространственные аллюзии, далеко не исчерпываемые чисто ландшафтными значениями и дающие информационный повод для масштабных культурно-исторических и цивилизационных обобщений. Панорама «Руси великой» в поэтическом завещании «Я памятник себе воздвиг...», сопровождаемая перечислением представителей народов, в большинстве своем даже не слышавших его имени («и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык»), отражает национально-культурную всеохватность (общечеловечность) творчества поэта. Это не означает, что Пушкин обзревает территории, населенные различными этносами (включая перечисленные); напротив, он имеет в виду свою будущую всероссийскую известность, всемирный отклик на его творчество, «всемирную отзывчивость», о которой позднее говорил Достоевский. Географические аллюзии здесь органично сплетены с исторической перспективой (как сам поэт ее себе представляет) и социокультурным значением его поэтической деятельности.

Обращение Пушкина непосредственно к пейзажу далеко выходит за рамки ландшафтного восприятия мира и соответствующей естественно-научной информации о регионе. Программное стихотворение «Кавказ» не столько рисует вид окрестностей, обозреваемый с одной из кавказских вершин, сколько выстраивает ценностно-смысловую вертикаль культуры, на вершине которой находится поэт, свободный в своем творчестве и в своих убеждениях, а ниже располагаются явления природы, люди с их повседневными занятиями, трудом, обычаями, в той или иной мере скованные географическими, историческими и бытовыми обстоятельствами.

По существу, мы имеем дело с символическим пространством духовно-поэтического мира Пушкина. Кавказ из ландшафтного обозрения превращается в развернутую метафору художественного творчества и политической свободы.

Стихотворение «Деревня», обыгрывающее в латинском эпиграфе: «O rus!» — различные ассоциации с Русью, обсуждает исконные противоречия русской жизни в духе философии Просвещения: законы природы и общества; свобода человеческого духа и крепостное рабство, деспотизм; вечность и временщики. «Деревня» становится символом Руси и вместе с тем — противоположности ее общественного строя, не выдерживающего сравнения ни с красотой природы, ни с достижениями европейской культуры и цивилизации.

Иные аспекты этого символического пространства мы встречаем в «Осени», где элегически воссоздаются не столько климатические или погодные наблюдения, сколько самая сущность переходного времени — между летом и зимой, радостью и грустью, душевной прострацией и творческим подъемом. Эти коллизии природного и душевного (в конечном счете, культурного) объясняют непредсказуемость поэтического творчества: «Плывет... Куда ж нам плыть?» Вместе с тем метафора осеннего настроения передает предчувствие не только зрелости, но и старости художника, и переживание наступающих политических заморозков, не внушающее особо радостных перспектив. Так художественное произведение при должной социокультурной интерпретации превращается в компендиум культурно-исторической информации относительно динамики ментальных структур общественной жизни России, а не только психологии творчества.

А в стихотворении «Вновь я посетил...» менее всего воссоздается ландшафт Михайловского: он служит лишь наглядным поводом поразмыслить о поколениях, сменяющих друг друга («Здравствуй, племя младое, незнакомое!»), о быстротечности жизни и неминуемости смерти, понимаемой как естественный уход одного поколения, сменяемого другим, как растворение в вечной природе, о смысле человеческого существования. Все эти перипетии биографии и творчества поэта блистательно раскрыты Ю.М. Лотманом в его биографии Пушкина, призванной стать своего рода «подстрочником» любой экспозиции в пушкинском музее [Лотман, 1983] и одновременно историей русской культуры (на примере истории жизни и творчества величайшего ее представителя).

Еще сложнее устроено символическое пространство творчества Гоголя, соединяющего параметры географические и мифологические. Бытовое у Гоголя соединяется с фантастическим, историческое с вечным, биографическое с гротескным. В ранних циклах повестей («Вечера на хуторе», «Миргород») — это экзотическая Малороссия, с ее нравами и обычаями, с ее мифологией и фольклором, украинской лексикой и неповторимым при-

родным колоритом. Затем Петербург с его холодом, вымороченностью и фантазмагорией, порожденной социальными и психологическими проблемами русской жизни, повседневным бытописанием и сакрализованной табелью о рангах («Петербургские повести», «Женитьба», «Ревизор»). Извлекаемая исследователями информация о гоголевском мире, внутренне противоречивая и парадоксальная, дает отстраненный взгляд на российскую историю и место культуры и литературы в ней.

Далее Рим, «чуждое далеко» по выражению Белинского, из которого Гоголь видел в волшебном свете Россию в «Мертвых душах» и «Выбранных местах», и в то же время некий первоаналог Руси как Третьего Рима. Наконец, славянофильская Москва, где протекали последние годы жизни писателя, омраченные болезненным мистицизмом и аскезой, где сгорел второй том «Мертвых душ» и разыгрывалась душевная трагедия писателя, усомнившегося в своем таланте и праве быть в России писателем. Вся эта нетривиальная информация — не просто частный экскурс из эксклюзивной биографии странного писателя, но обобщенный срез истории русской культуры, российской истории, преломленной через призму литературного творчества, соединившего в себе романтизм и реализм, барокко и готический роман, ренессанс и средневековье...

Можно проследить, как в биографии и творчестве Пушкина взаимодействуют и пересекаются московский и петербургский, крымский и кавказский, псковский и нижегородский (болдинский) тексты. А в мире Гоголя — украинский (малороссийский), петербургский, римский и московский, а также безликий провинциальный. А в мире Лермонтова — московский, петербургский, кавказский, крымский и среднерусский... В смысловом пересечении локальные тексты культуры каждый раз образуют «пучок» разнонаправленных пространственных векторов, а лично окрашенное творчество того или иного художника выступает как своего рода метатекст по отношению к различным локальным текстам (городским, региональным, этнокультурным). Потому литературный музей, будучи средоточием литературоцентризма русской культуры, не может замыкаться в географическом локализме, но должен вырываться в широкий контекст отечественной и мировой культуры, аккумулировать в своих артефактах уникальную историко-культурную информацию, проливающую яркий свет на национальное своеобразие и мировое значение русской литературы, а вместе с ней и культуры.

Однако следует также отметить, что последовательность локальных текстов, доминирующих в творчестве каждого писателя, отображает историческую динамику этого творчества, которая, в свою очередь, выражает определенные исторические закономерности развития национальной литературы и культуры, а также социодинамику культурного наследия. Обобщение всей этой противоречивой и гетерогенной информации — важная функция музейного и музеологического сообщества.

Постепенно в русской литературе (пока речь идет именно о ней) формируется единая система культурной семантики и символической индексации художественного пространства: две столицы — северная и срединная; провинция; деревня; Кавказ — смысловая вертикаль, пространство свободы; Крым как последний рубеж России; вольные казахи окраины; место ссылки — далекая и неосвоенная Сибирь; великие русские реки, лес и степь... Наконец, Европа, Запад — желанный и ненавистный; загадочный и грозный Восток... Постепенно эта музейная модель «картографирования» литературного творчества распространяется и на русское изобразительное искусство, и даже на музыку классического периода XIX в. (Русский Север и Юг, Русский Восток и т. д.).

Сама типология творчества, разделение на стилевые течения или творческие школы во многом диктуются географическими факторами. В литературе — московские любомудры и славянофилы; петербургские западники и демократы; южнорусская школа; купеческо-разночинское Поволжье, мелкопоместное дворянство... Похожее в музыке. Например, С. Рахманинов, А. Скрябин и Н. Метнер генетически связаны с Московской консерваторией, с традициями П. Чайковского и С. Танеева; а, например, А. Глазунов, А. Лядов, С. Лягунов (несмотря на то, что последний окончил Московскую консерваторию) развивали традиции петербургской школы, продолжавшей традиции «кучкистов» М. Балакирева, Н. Римского-Корсакова, А. Бородина, М. Мусоргского.

Позднейшее поколение русских композиторов XX в. (И. Стравинский, С. Прокофьев, Н. Мясковский, Д. Шостакович) продолжило традиции петербургской школы и трансформировало их. Сказался здесь различный биографический и творческий опыт, в котором также сыграл свою роль и географический фактор, осложненный идеологическими влияниями.

Стравинский первым, еще до революции, уехал в Европу и из эмиграции не возвращался (кроме своих исторических гастролей в Москву и Ленинград в 1962 г.), открыто насмехаясь над вульгаризмами музыкального соцреализма (вроде «танцующего колхоза» в балете Шостаковича «Светлый ручей» или «симфонии победившего социализма» в лице его же Пятой симфонии) [Стравинский, 2004. С. 226–227]. Прокофьев эмигрировал на Запад в 1918 г. и почти 20 лет прожил за рубежом, обретя мировую славу; но в середине 1930-х вернулся в СССР и стал советским классиком. 1948 г. застиг его врасплох, и он не понимал, почему партийные функционеры смеют его учить, как надо писать музыку. Шостакович никогда не покидал Советский Союз и потому гораздо лучше, чем Прокофьев, знал цену советской культурной политике, с ее «кнутом» и «пряником»; ведь он прошел школу правдинских статей «Сумбур вместо музыки» и «Балетная фальшь» еще в 1936 г. и к 1948 г. был морально подготовлен лучше (хотя трудно сказать, как можно подготовиться к иррациональному погрому). Политико-информационные

потоки советского времени воспроизводили лишь атмосферу творческого паралича и страха.

Каждый из этих композиторов по-своему переориентировал свое творчество в московском направлении. Стравинский, критикуя своих учителей-«кучкистов» за славянофильство и народничество, т. е. по идеологическим мотивам [Стравинский, 2004. С. 215–216], стал все более явно склоняться к традициям западника П. Чайковского, «свободного от предвзятости», а в балете «Поцелуй Феи» и в опере «Мавра» прямо стилизовал свою музыку «под Чайковского». Мясковский и Шостакович стали преподавать в Московской консерватории, созданные ими композиторские школы уже прямо характеризовались как воплощение московских традиций. О питерском прошлом вспоминать было небезопасно. С. Прокофьев после возвращения из эмиграции связал судьбу и творчество с Москвой (даже попробовал немного преподавать в Московской консерватории, хотя быстро охладел к этой затее) и впредь воспринимал Ленинград, особенно в свете доклада Жданова 1948 г., как скрытую угрозу своей творческой свободе, своей творческой индивидуальности.

Можно вспомнить и о литературной коллизии 1940-х гг., связанной с Постановлением ЦК ВКП(б) и первым ждановским докладом — о журналах «Звезда» и «Ленинград», жертвами которых пали питерцы А. Ахматова и М. Зощенко. Однако результаты их преследования оказались в конечном счете противоположными. Ахматова, принадлежавшая еще к дореволюционному акмеизму, легко согласилась с жесткими определениями Постановления 1946 г. применительно к своему творчеству («чуждая советскому народу», советской литературе, «барынька», мечущаяся «между будуаром и моленной») и была «прощена» (принята заново в Союз писателей). Зощенко же пытался доказать, что он — советский человек и советский писатель, что партийное Постановление в отношении его несправедливо, и тем самым публично показал, что не понял критику, не усвоил преподанные ему политические уроки и недостойн вернуться в Союз писателей.

Таким образом, географический фактор художественного творчества постоянно осложнен фактором историческим и приобретает различные значения при пересечении обоих факторов в едином хронотопе того или иного свойства — тревожного, помпезного, ностальгического, лирико-философского, социально-аналитического, что находило отражение в художественных произведениях и их поэтике. Подобное «пересечение» также составляет предмет литературной музеефикации и своего рода информацию к историческому, историко-культурному размышлению.

Особенно поучительными для русской культуры были «заграница», «Запад», некоторое «иное» (инокультурное) пространство, наполненное различными ценностно-смысловыми, в том числе идеологическими, значениями. Запечатленная как в биографиях писателей, как и в их текс-

тах, она то отталкивала, то притягивала; то идеализировалась, то утрировалась. Образ «чудного далека» призван был либо оттенить патристическое видение родины, либо контрастировать ему в том или ином отношении. Ключевой тон культурной компаративистике задают «Письма русского путешественника» Н. Карамзина, посвященные сопоставлению европейских впечатлений «русского путешественника» с памятью о России и русской культуре, — вольно или невольно в пользу «родного». Кроме Гоголя, с его «Римом», здесь должны быть упомянуты Герцен с Огаревым, Тургенев и Достоевский, Тютчев и Гончаров (с его «Фрегатом “Палладой”»), Салтыков-Щедрин («За рубежом»), Л. Толстой. И это одни только литературные имена. «Заграница» становилась контрастным фоном для самосознания всей русской культуры. И это — тоже повод для литературной экспозиции и информационных обобщений культурологического характера.

Заметно, как различаются между собой тексты, написанные на родине и за рубежом. И дело не только в мере и формах выражения патриотизма (в эмиграции, как известно, патриотизм, вместе с ностальгией, возрастает, однако предмет художественного или философского отображения с точки зрения «чудного далека» существенно трансформируется, нередко гиперболизируется и фантазируется). Например, события и факты, излагаемые Г. Ивановым в мемуарном романе «Петербургские зимы», как свидетельствовали об этом, с одной стороны, М. Цветаева, а с другой — А. Ахматова, и как подтверждают современные исследования (Н.А. Богомол), во многом не соответствуют действительности, будучи отчасти домыслены, отчасти реинтерпретированы, а нередко и прямо виртуозно вымышлены мемуаристом-художником (эпизод о столкновении О. Мандельштама с чекистом Я. Блюмкиным при участии О. Каменевой и Ф. Дзержинского).

Несомненно, есть какая-то предрасположенность художников к тому, где они живут и работают за рубежом. Н. Гоголь и А. Иванов (автор «Мессии») предпочли Италию, Рим. И. Тургенев жил во Франции. Ф. Тютчев и Ф. Достоевский — в Германии. А. Герцен и Н. Огарев — в Англии... Многие русские эмигранты «первой волны» сразу обосновались в Париже (Мережковские, И. Бунин, К. Бальмонт, С. Дягилев, И. Стравинский, С. Прокофьев, М. Ларионов и Н. Гончарова); другие оказались первоначально в Берлине (И. Ильин, Н. Бердяев, С. Франк, А. Белый, М. Цветаева, В. Ходасевич, А. Ремизов, И. Эренбург, В. Набоков и др.). Вяч. Иванов уехал в Италию. И. Северянин жил в Эстонии. Н. Трубецкой — в Праге... В. Набоков жил в Германии, Франции, Соединенных Штатах; в последние же годы обосновался в Швейцарии. В каждом случае выбор неслучаен.

Представители музыкального «московского авангарда», травимые критикой и официозом Союза композиторов, в конце советской эпохи выбрали разные адреса жизни и творчества: А. Шнитке и С. Губайдулина

поселились в Германии, А. Волконский и Э. Денисов — во Франции. Шестидесятники И. Бродский, В. Аксенов, Евг. Евтушенко, независимо друг от друга, стали работать в США. В. Некрасов, А. Галич, В. Максимов, А. Синявский, О. Рабин, Р. Нуреев, будучи неисправимыми диссидентами, осели во Франции. В. Войнович, Г. Владимов, Л. Копелев, Ф. Горенштейн, А. Зиновьев, не менее одиозные фигуры для советской идеологии, уехали в Германию. А. Солженицын после высылки из СССР и блужданий по Европе обрел творческий покой в Вермонте (США). Речь идет о принципиальной сопричастности того или иного творчества избранной культуре, ее духу, ее ауре.

Впрочем, пространственные метаморфозы культуры, осененные действием «географического фактора», наполнены совсем не географическим, а нравственно-эстетическим, философским, религиозным и сравнительно-типологическим смыслом. Во многом это вовсе не ландшафтные описания, а культурфилософские метафоры, символы, информационные модели.

Подобные символические пространства моделируются и в русской живописи, преломившей не столько черты русской природы, сколько интенции русской литературы. Характерно-индивидуальные пейзажи С. Щедрина, Ф. Васильева, И. Шишкина, А. Саврасова, И. Левитана, В. Поленова, М. Нестерова, П. Кузнецова и др. — не столько изображение конкретных ландшафтов, сколько выражение через них лирических или эпических настроений, концептуализация национальной картины мира, способы авторской самоидентификации в том или ином символическом ключе. Символичность и концептуальность пейзажа в русском изобразительном искусстве от С. Щедрина к И. Левитану и далее, по понятным причинам, неуклонно возрастает, впитывая в себя различные аспекты национального культурного наследия и коррелируя с многими литературными текстами и их смыслами, аккумулируя в себе литературоцентризм русской культуры.

Так, Москва в изображении А. Лентулова, В. Кандинского и, скажем, М. Добужинского («Умиротворение») — это скорее различные символы Москвы, ее эмблемы, нежели картины московской жизни, быта, истории. Тем более — не отображение московского ландшафта или панорамы московской архитектуры. Это символ вечного города, если угодно — Третьего Рима. Здесь есть и сакрализация древней столицы, и апокалиптика России, связанная с предчувствиями новых исторических поворотов и потрясений XX в., и иллюстрации к лирическим и публицистическим текстам о Москве — Карамзина, Пушкина, Хомякова, Языкова, Лермонтова, Л. Толстого, но только не отображение настоящей московской жизни. То же относится к отображению Петербурга русскими художниками и литераторами. Пушкинское «Город пышный, город бедный», гоголевский Невский проспект, колорит повестей и романов Достоевского, некрасовские уличные сцены, блоковская безысходность...

Если сравнивать очень похожие по замыслу импрессионистские картины К. Моне «Стога (в Живерни)» (серия из 25 картин, 1890) и И. Левитана «Сумерки. Стога», можно заметить и сходство их, и различия. Вряд ли сопоставление К. Моне и Левитана докажет, что в одном случае перед нами французские стога, а в другом — русские. Или — что в одном случае перед нами южная природа, а в другом — северная. Здесь мы тоже имеем дело не с ландшафтными образами, а с обобщенными, метафорическими и символическими высказываниями художников, с феноменами не столько природы, сколько культуры. Там и там — филигранная игра с цветом и светом; демонстрация безграничных возможностей искусства углубляться в свой предмет, переходить от впечатления к переживанию, от переживания к обобщению, от обобщения к символу и концепции. У обоих художников стога — символ аграрного труда и сельской жизни, летней крестьянской страды, сумеречности повседневной жизни, бренности человеческого бытия, тишины и величия природы, запечатленной вечности. Несомненно, оба художественных проекта выражают не столько региональное или национальное видение «стогов» на фоне местного ландшафта, сколько воплощение общечеловеческого, всеобщего, вневременного. Бесхитростная простота тематики и сюжета полотен призвана подчеркнуть масштаб обобщений двух великих современников, мастеров пространственных образов.

И все же у Моне превалирует светлое переживание природных образов, наслаждение «искусством для искусства», собственным мастерством, сближающее его с поэзией французских символистов: Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо, С. Малларме. А у Левитана в запечатленном им деревенском покое прочитывается чеховский и бунинский трагизм, скорбное прощание с неисчерпаемыми красотами природы и самой жизнью. Вечность переживается французским и русско-еврейским художниками по-разному: у Моне вечность видится даром человеку; у Левитана — вечность мыслится как нечто недостижимое в этом мире, как потусторонний идеал, как знак неотвратимой смерти. Отсюда разлитые в его полотнах ощущения тихой грусти, обреченности, отрешенности. Литературный и культурный контексты позволяют точнее и глубже интерпретировать невербальные (визуальные и аудиальные) тексты культуры, их ментальное и национальное своеобразие, их социальный и философский подтекст, их информационный посыл реципиенту — зрителю, читателю, человеку культуры.

Исторический фактор культурного наследия. Культурно-историческая реальность, в том числе воплощенная в культурном наследии, на любом историческом этапе оказывается гораздо более противоречивой, многослойной и неоднозначной, нежели это может представляться на первый взгляд. И прежде всего это относится к культурному, точнее — культурно-историческому наследию. В историческом срезе оно

предстает перед исследователем в виде архитектурной конструкции, в которой смысловые пласты, обусловленные разными культурными эпохами, последовательно надстраиваются друг над другом.

Так, после Крещения Руси введение христианства византийского типа вовсе не отменяло большей части языческих представлений и обрядов. В Московской Руси шел постоянный спор между ценностями и традициями еще Киевского периода и позднейшими новациями монгольского и Владимиро-Суздальского этапов. В Петровское время нормы и традиции допетровского времени оспаривались европейскими нововведениями Петра I и актами его личного произвола. «Золотой век» Екатерины II — в стремлении обнаружить корни Русского Просвещения — обращался не только к фундаментальным ценностям Европейского Просвещения и его античным истокам, но и реконструировал «древнерусскую античность» — времен Гостомысла и Рюрика, Святослава и Владимира, Вадима Новгородского и других атрибутов псевдо-Древней Руси.

В первое десятилетие советской власти коммунистические порядки и социалистические ценности то и дело вступали в противоречия (или, напротив, соответствия) с «родимыми пятнами капитализма» и «наследием царского режима». Постоянно всплывали инспирированные советской властью «расследования» того, в какой степени и почему в социалистической культуре присутствуют элементы буржуазной и мелкобуржуазной, а также «помещичьей» и «клерикальной» культур. Тон таким параноическим «расследованиям» культуры задал — еще дореволюционными статьями — сам Ленин («Партийная организация и партийная литература», «О национальной гордости великороссов»), а последователи и эпигоны только повторяли его подходы и предписания. При этом не допускалось никакого плюрализма в интерпретации культуры: идеологически заданная интерпретация культурного целого понималась как единственно верная, в отличие от ошибочных или ложных концепций буржуазного, дворянского или церковного происхождения (а вместе с ними — и всей культуры русского зарубежья). Эта установка была задана советской культуре еще Л. Троцким после окончания Гражданской войны (в 1922–1923 гг.) [Троцкий, 1991. С. 33–34 и далее].

Но заодно с социально-политическими антиподами культуры победившего социализма советской властью отбрасывалось, почти целиком, культурное наследие Серебряного века (все его нереволюционные составляющие), а следом за ним культурной селекцией подверглось и наследие русской классики. Неслучайно основоположник большевистской культурной политики Ленин еще в конце XIX в. задавался вопросом: «От какого наследия мы отказываемся?» [Ленин, т. 2. С. 505–550]. В 1890-е гг. на этот вопрос наряду с ним по-разному отвечали В. Розанов и Н. Михайловский, А. Волынский и М. Горький, Д. Мережковский и В. Брюсов...

Розанов и Волынский демонстративно отвергали «наследие 1860—1870-х гг.» (радикальных демократов) [Розанов, 1990], которое Г. Плеханов и В. Ленин, как и Н. Михайловский, приветствовали и стремились развивать. В начале XX в. к дискуссии присоединились русские футуристы, предложившие «бросить с Парохода современности» Пушкина, Толстого, Достоевского, т. е. отвергнуть основной корпус русской классики. Их демонстративный отказ от культурного наследия России был самым радикальным жестом (до Октября) после писаревского «нигилизма». После 1917 г. инициатива футуристов была подхвачена деятелями пролетарской (РАПП), а затем и всей советской культуры.

В советский период (особенно последовательно в сталинскую эпоху) принцип культурной селекции, с учетом проведенной дискуссии, способствовал исключению из культурного наследия России (как ненужного массам) Достоевского и Лескова, Тютчева и Фета, А.К. Толстого и Ап. Майкова, Ап. Григорьева и Вл. Соловьева-поэта; большей части литературы и искусства Серебряного века. В идейном плане неприемлемым для советской культуры было наследие славянофилов и либералов-западников, представителей официальной народности и охранителей, монархистов и клерикалов, почвенников и народников... Словом, культурным наследием признавалась лишь та информация, которая способствовала подготовке и осуществлению пролетарской революции, предвосхищала победу большевизма и, в конечном счете, утверждала становящийся тоталитарный строй в СССР.

Постепенно принцип культурной селекции распространился на все культурное наследие дореволюционной России. Линия водораздела шла по творчеству каждого деятеля культуры прошлого, по каждому памятнику истории и культуры, информационно отделяя «полезное» от «вредного», «нужное» большевикам от «ненужного» народу. В этом и заключался ленинский принцип «сохранения» и «развития» классического культурного наследия во имя будущего социализма.

В то же самое время деятели русской эмиграции изо всех сил старались дезавуировать культурно-политические тенденции большевизма и советизма, противопоставляя им охранительные идеалы и незыблемые эталоны русской классики. Если советские культурные политики «выправляли» русских классиков в революционную, интернационалистскую и атеистическую сторону, то эмигрантские политики культуры стремились выявить в классическом наследии консервативно-охранительные компоненты, в частности монархические, националистические и религиозные составляющие творчества русских классиков и всего круга ценностей культуры России. Те же компоненты, которые акцентировали деятели советской культуры, также подвергались критике. Таким образом, в культуре русского зарубежья действовал свой принцип культурно-политической и информационной селекции, во многом обратный советскому

(яркий пример — эмигрантские статьи И. Бунина [Бунин, 1992; 1997], пронизанные ненавистью ко всем проявлениям советизма).

Согласно ленинской концепции «трех этапов», конспективно изложенной в заметке «Памяти Герцена» (1912) [Ленин, т. 21. С. 255—262], культурное наследие социализма составляли только три поколения революционно-освободительного движения: дворяне-революционеры (от Радищева до декабристов и Герцена), революционеры-демократы (Белинский и Добролюбов, Чернышевский и Антонович, Писарев и Зайцев, Шелгунов и Ткачев, Некрасов и Салтыков-Щедрин), деятели пролетарского этапа (М. Горький и Плеханов, Серафимович и Д. Бедный, Воронский и Луначарский). Они-то и несли в себе и своем творчестве «демократические и социалистические элементы», принадлежащие будущему.

Все остальное либо «подверстывалось» под «три этапа»: Пушкин — через декабристов, Гоголь — через Белинского, Гончаров — через Добролюбова, Тургенев — через Писарева, Л. Толстой — через Ленина («Лев Толстой как зеркало русской революции»), Маяковский — через Сталина и т. д.; либо исключалось из культурного наследия (как наследие, от которого «мы отказываемся»). «Архискверный» (по ленинскому выражению) Достоевский оказался без надежного «защитника» и надолго «выпал» из наследия русской культуры (хотя, по свидетельству М. Джиласа [Джилас, 1992], Сталин выделял его среди русских классиков как знатока русского народа, но считал пропаганду его взглядов ненужной и вредной для широких масс).

Приведенные примеры наглядно показывают, что никакого одного или единого культурно-исторического наследия в каждой национальной истории культуры (а тем более в истории мировой культуры) не существует. Принципиально различными по составу, масштабу и глубине (исторической и смысловой) являются культурные наследия разных исторических эпох и даже отдельных этапов культурно-исторического развития. Но и применительно к одной и той же исторической эпохе культурное наследие выступает глубокодифференцированным: идеологически и политически, семантически и стилистически (например, для советской культуры и культуры русского зарубежья одного периода).

Более того, для современников не только разной политико-идеологической ориентации (например, консерваторов, либералов и радикалов), но и единомышленников («раскол в нигилистах») культурно-историческое наследие выглядело по-разному (ср. различное индивидуальное видение культурного наследия русскими поэтами-классиками начала XX в.: А. Блоком, Н. Гумилевым, О. Мандельштамом, А. Ахматовой, В. Маяковским, С. Есениным, Б. Пастернаком, М. Цветаевой). По-разному мыслились защита и охрана культурного наследия — в соответствии с тем, что предполагалось ценным и перспективным, и тем, от чего можно было

безболезненно отказаться. Информационные «разночтения» культурного наследия — не свойство отдельных этапов истории культуры, а закономерность самого культурно-исторического развития, по существу — механизм истории культуры.

Другой показательный пример. Сегодня принято говорить о советской культуре «оттепели» 1950–1960-х гг. как о некотором единстве, качественно отличном от культуры сталинской эпохи (1930 — начало 1950-х гг.). В таком подходе есть свой резон, и принцип историзма здесь, несомненно, должен работать на различие культурного наследия двух смежных, но контрастных эпох советской культуры. Однако мы не должны забывать, что кроме А. Вознесенского, Евг. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы и Р. Рождественского, В. Аксенова и В. Войновича, А. Солженицына и И. Бродского, А. Тарковского, Э. Климова, П. Тодоровского, Э. Рязанова и О. Ефремова, Г. Товстоногова, Ю. Любимова, А. Эфроса, А. Шнитке, Э. Неизвестного и А. Петрова в культуре «оттепели» были и свои «охранители» — Н. Грибачев и А. Прокофьев, А. Софронов, Вс. Кочетов, А. Герасимов, Е. Вучетич, Т. Хренников, М. Коваль, И. Дзержинский, А. Метченко, М. Храпченко, А. Разумный и др. В конечном счете, Н. Хрущев, будучи в свое время представителем ближайшего «сталинского окружения», являлся, по-своему, тоже проводником культуры «оттепели», хотя и противоречивым. За каждым из перечисленных деятелей «оттепели» стояло свое понимание и свой выбор культурного наследия.

Ретроспективное осмысление культурного наследия с давних времен было дифференцированным и во многом конфликтным. Противоположным образом понимали культурное наследие (в том числе церковное предание) Нил Сорский и Иосиф Волоцкий, Иван Грозный и Андрей Курбский, протопоп Аввакум и патриарх Никон, Петр I и его оппоненты, Екатерина II и Радищев или Новиков, В. Жуковский и К. Рылеев, Пушкин и Булгарин. По-разному трактовали наследие русские писатели-классики (Н. Гоголь, И. Тургенев, И. Гончаров, Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов, М. Горький и др.) и их радикально настроенные критики (В. Белинский, Н. Добролюбов, Н. Чернышевский, Д. Писарев, Ап. Григорьев, Н. Страхов, Н. Михайловский, К. Леонтьев, В. Соловьев, Д. Мережковский, З. Гиппиус и др.). Различно трактовали культурное наследие П. Чайковский и композиторы-«кучкисты» (М. Мусоргский, Н. Римский-Корсаков и др.), А. Скрябин и С. Рахманинов, И. Стравинский и С. Прокофьев, а в Советском Союзе — С. Прокофьев и Д. Шостакович.

Размышляя еще более укрупненно, можно сказать, что важные предпосылки русской культуры Нового времени лежат в древнерусской культуре; русской классики XIX в. — в эпохе Просвещения, культуры XX в. (включая советскую культуру) — в русской классике XIX в. и Серебряном веке; постсоветской культуры — в культуре советского времени, русского

зарубежья, Серебряного века. В результате складывается картина поэтапного и в то же время ступенчатого развития культурного наследия на протяжении истории русской культуры. В то же время оценка каждой из эпох культурно-исторического наследия изнутри нее складывалась иначе [Лотман, 2009. С. 249–269]. Информация о каждой культурной эпохе, как минимум, состоит из внешней и внутренней ее интерпретации и оценки.

Так, деятели русской культуры раннего Нового времени считали своим культурным наследием совсем не наследие Древней и средневековой Руси, а — западноевропейского классицизма, сентиментализма и Просвещения; русские классики оглядывались не только на западноевропейские образцы Просвещения, романтизма и реализма, но и на русский фольклор, тексты Священного Писания. Деятели советской культуры считали своим культурным наследием русскую классику и отрекались (во всяком случае, вслух) от наследия Серебряного века и русского зарубежья. Деятели культуры русского зарубежья также опирались на наследие русской классики, но выделяли в ней иные ценности и принципы, нежели представители советской культуры, отвергая советское культурное наследие и все то в наследии предшествующих эпох, что породило в конечном счете советскую культуру.

В реальности явления культуры прошлого, настоящего и будущего всегда существовали одновременно, в преемственности друг с другом и в состязании между собой, нередко драматическом [Ассман, 2014], тем самым либо утверждались в сознании и практике людей (формируя корпус актуального культурного наследия), либо забывались и вытеснялись из культуры: временно — создавая анклав потенциального культурного наследия, т. е. культурного наследия, потерявшего на время актуальность, но не исключающего возможность вновь ее, при определенных обстоятельствах, обрести; выявляя анклав снятого наследия, фактически утратившего актуальность; или явлений, выпавших из культурного наследия навсегда (создавая «архив» наследия, стертого в культурной памяти живущих поколений и имеющего крайне мало шансов реально стать культурным наследием для текущей или грядущей современности, существуя лишь в углубленных исследованиях узких профессионалов).

Актуальное наследие находится на поверхности реальной культуры, востребовано современниками (их большинством); что касается потенциального наследия, то оно располагается в глубине культурной памяти и «всплывает» на поверхность, когда обращение к актуальному культурному наследию оказывается недостаточным. «Внезапность» обращения к потенциальному культурному наследию свидетельствует об исключительных мотивах, вызывающих его к жизни и требующих более глубокого погружения в толщу культурного наследия. Потенциальное наследие

представляет собой глубинные структуры культуры и может быть названо культурным «подсознанием» эпохи.

Так, стилизация русской классики XIX в. в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» (воссоздание аналогий со стилями Пушкина, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Л. Толстого, Чехова, Блока и др.) должна была, по замыслу автора, показать, что русская литературная классика потенциально жива и в советскую эпоху, вместе со своим носителем и продолжателем — русской интеллигенцией, вопреки идеологическим постулатам о «новом человеке», о «социалистическом реализме», о партийности, народности и других догмах советизма. Таким же образом «всплывают» в «Поэме без героя» А. Ахматовой скрытые интенции, обращенные к культуре Серебряного века. В обоих случаях глубинные пласты культурной семантики призваны оживить память о прошедших эпохах, гораздо более емких по смыслу и обширных по значению, нежели современность, бледнеющая на фоне величественного прошлого русской культуры. Информационные пласты репрезентации культурного наследия неизбежно внутренне конфликтны и нередко взрывоопасны.

Что касается «снятого» наследия, то оно становится предметом более узкого, специального (например, научного или философского) изучения; реже — художественной стилизации (например, древнерусских былин с обновленным политическим содержанием в сталинскую эпоху под именем «новин») или политической спекуляции (вроде «родноверия» — попытки насильно внедрить в современный обиход «язычество», точнее «неоязычество», как исконно русскую религию, в отличие от православия). Впрочем, со «снятым» содержанием мы нередко имеем дело и в классическом наследии.

Уже Ю.М. Лотман в комментариях к «Евгению Онегину» [Лотман, 2014], обращенных прежде всего к учителю-словеснику, наглядно показал, что не только учащиеся позднесоветской эпохи, но и их учителя, получавшие филологическое образование в послевоенную, «оттепельную» или «застойную» эпоху, не знают значения многих общественных и культурных реалий, упоминаемых или подразумеваемых в романе Пушкина. Сегодня в школе и вузе сложилась такая ситуация, что «Евгений Онегин» может быть адекватно прочитан лишь в свете лотмановских и т. п. литературоведческих и культурно-исторических комментариев. Подобную функцию призван исполнять и литературный музей, выстраивая иерархическую картину архитектоники культурного наследия, начиная с поверхностных смысловых структур (актуального и потенциального наследия) и погружаясь во все более глубинные структуры наследия («снятое» содержание культуры и «культурный архив»). Музей, как и научно-популярное книгоиздание, создает информационное сопровождение любым экскурсам в различные пласты культурного наследия.

Многие учителя отмечают, что современные учащиеся не понимают многих произведений Пушкина («Дубровского», «Капитанскую дочку», не говоря о стихах) и приходится много времени уделять комментариям к тексту произведений не только Пушкина, но и Гоголя, Тургенева, Островского, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Чехова, Горького и др. классиков русской литературы. В противном случае они остаются непрочитанными и даже не востребованными подрастающим поколением. Можно сказать, что в течение XX в. «нижняя граница» культурного наследия стремительно сдвинулась к Серебряному веку, в результате чего Пушкин в XXI в. воспринимается, как Ломоносов или Сумароков в XIX, а Блок — как Пушкин в XX. Эту тенденцию следует учитывать при оформлении экспозиций в литературных музеях, при анализе и оценке их информационных ресурсов, и сегодня — более чем когда-либо.

В периоды революционных сдвигов, кризисов, исторических потрясений сопряжение гетерогенных и разноосновных феноменов культуры всего более обостряется, приобретает характер противоборства или насильственной гегемонии одних элементов наследия над другими. Характерные тому примеры — культура русского барокко XVII в., Серебряного века, «оттепели» и «перестройки», постсоветская культура, характеризующиеся особым плюрализмом и острой противоречивостью ценностей и норм, традиций и инноваций, отстаиваемых различными течениями и творческими индивидуальностями. Так, ретроспективное рассмотрение Бунина и Маяковского, Булгакова и Фадеева или Шолохова и Солженицына в общем контексте истории литературы XX в. носит парадоксальный и почти оксюморонный характер.

При архитектурном подходе к культуре, альтернативном формационному, история культуры (в том числе и культурного наследия) представляется как иерархия смыслов, перманентно трансформирующая свою конфигурацию в нескольких измерениях. При этом учитывается вариативность культурно-исторического развития, при котором из одного смыслового узла следуют различные, а подчас и противоположные тенденции, развивающиеся параллельно или перпендикулярно друг другу. Таким же образом строится и видоизменяющаяся апелляция к культурному наследию — более поверхностному или глубинному, актуальному или потенциальному, а в исключительных случаях — и к «снятому», и к «архивному». Подобной конфигурацией наследия определяется и информационный потенциал того или иного культурного института.

Так проявляется плюрализм и вариативность культурной памяти, постоянно трансформирующая свой текст и контекст, в качестве которого (контекста) выступает интерпретируемое так или иначе культурное наследие — «дрейф» прежних культурных смыслов и значений, сопровождающих современные культурные процессы (научного или художественного творчества, религии, политики, философии, средств массовой

коммуникации и т.п.). Культурное пространство современности проблематизируется многоуровневым, вариативным и сложно дифференцированным культурным наследием, все элементы которого связаны между собой отношениями иерархии и взаимного противоборства.

Например, поэзия «оттепели» представлена в нашей культурной памяти не только именами Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы, Евг. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, но и Н. Грибачева, А. Софронова, А. Прокофьева, С. Наровчатова, К. Симонова, Э. Асадова и др. Оба ряда имен трудно совместимы между собой, а ведь к этим параллельным рядам можно добавить и третий, представленный именами А. Ахматовой, Б. Пастернака, В. Шаламова, Арс. Тарковского, Б. Слуцкого и др. Все они апеллируют к различным очертаниям культурного наследия, к разным проблемно-информационным полям отечественной и мировой культуры.

Культурное наследие, рассматриваемое в общем виде, имеет свои информационные уровни, характеризующие глубину погружения в культурное «прошлое». Первым уровнем погружения, относительно поверхностным, является «актуальное наследие», наиболее востребованное широкой культурной современностью. Глубже располагается «потенциальное наследие», более эксклюзивное и менее востребованное современностью. Погружение на уровень «потенциального наследия» требует уже профессиональных знаний и умений вероятного реципиента и не является «само собой разумеющимся». Наконец, самый глубинный уровень наследия («снятое» наследие) открывается практически только исследователям культуры и скрыт для непосвященных ее субъектов. Это — «невидимое» наследие, объективное присутствие которого выявляется лишь специальными методами погружения в историю культуры.

Такое ретроспективное моделирование культуры — не только особый творческий акт, но и фактически «веер» разных, причем весьма субъективных и тенденциозных решений. Дело не только в плюрализме и вариативности культурной памяти, которая имеет разное ценностно-смысловое наполнение у различных субъектов культуры, представляющих точки зрения многообразных национальных, социальных, политических, религиозных, эстетических и т. п. ареалов, регионов, течений, интересов, выражающихся в принципиально отличных моделях культурного прошлого.

Во многих случаях результатом тенденциозного моделирования культурного прошлого становится селекция культуры «прошлого», в результате которой отбираются «нужные» артефакты, сегменты и процессы культуры и отвергаются (умалчиваются, изымаются из культурной истории) иные явления, не укладывающиеся в данную концепцию прошлого. В других случаях творчество «культуры прошлого» выражается в моделировании вымышленных политических и культурных событий, создании «мнимых» культурных артефактов, искусно встроенных в систему реальных артефактов квазикультуры «прошлого», и в прямой мифологизации

актуальной культуры. Это уже из области информационного манипулирования массовым или групповым сознанием.

Увлечение селекцией культуры при ретроспективном моделировании культурного наследия особенно характерно для переломных эпох, занятых переоценкой ценностей, пересмотром традиций и норм (все социальные и культурные революции в той или иной мере заняты культурной селекцией). Такова была большевистская концепция культурной революции (Ленин, Троцкий, Бухарин, Луначарский, отчасти Плеханов, Богданов, Горький и др.). Другие переломные эпохи, вроде «оттепели» или «перестройки», заняты конвергенцией, стремлением соединить несоединимое, интегрировать гетерогенную и противоречивую информацию в единое смысловое поле и каким-то способом проблематизировать ее ради обновления культуры и пересмотра культурного наследия.

Авторитарные и тоталитарные режимы тяготеют к реставрационным и идеологически сконструированным моделям культурного наследия, поддерживающим иллюзию преемственности развития культуры, культурной стабильности собственной эпохи, незыблемости принципов национальной культуры и культурной идентичности, на которую посягают внешние и внутренние враги. Так, в сталинскую эпоху, особенно в послевоенное время, утверждался незыблемый авторитет тщательно отобранной русской классики (классическая литература от Пушкина до Чехова, художники-передвижники, композиторы «Могучей кучки» и Чайковский, школа Малого театра и Станиславского, философия революционеров-демократов), неизменно питавшей советскую социалистическую культуру.

Много интересного и творческого мы находим в отношении постсоветской эпохи к своему культурному наследию, которое черпается — в различных комбинациях — из советской культуры и культуры русского зарубежья, диссидентской и зарубежной культуры, Серебряного века и реинтерпретации русской классики (в значительной степени модернизированной). И в этом случае мы имеем дело не с самим «культурным прошлым», а с его произвольной и вариативной трактовкой с современных позиций [Чепайтене, 2010. С. 182 и далее]. Впрочем, стоит подчеркнуть, что многообразие форм культурного наследия отнюдь не исчерпывается проблемами его интерпретации в различных контекстах или фильтрацией противоречивой информации, но во многом объясняется самими формами культурной памяти, исторически и типологически разными.

Здесь находят свое место и селекция, и замещение, и забвение, и вытеснение, дивергенция и конвергенция, интерпретация и реинтерпретация культурных ценностей и информационных процессов в новом, современном контексте, и прямо фантастические вымыслы. Все эти, нередко весьма прихотливые, конструкции культурно-исторического наследия требуют, несомненно, специального — историко-функционального и историко-типологического — исследования применительно к раз-

ным эпохам, к различным идейным течениям и культурологическим концепциям.

Изучение истории формирования культурного наследия (равно как и его географии) в разных национальных и мировой культурах — еще впереди. Исследование роли и места искусства в меняющемся культурном наследии тоже еще только начинается. И роль литературных музеев в аккумуляции и репрезентации культурного наследия, представляющего различные исторические эпохи и дифференцированные интерпретации и оценки в различных смысловых и информационных контекстах, здесь неопределима.

Наследие всемирное и национальное. Существует несколько параметров наследия, в состав которого культурное наследие входит лишь как составная часть. Все разновидности человеческого наследия входят в состав культурной памяти человечества, которая характеризуется различными параметрами (материальными, духовными, природными, политическими, религиозными и т. п.) [Ассман, 2004]. К тому же эти параметры являются исторически изменчивыми, что дополнительно усложняет типологию наследия — применительно к каждой конкретной эпохе и каждой национальной культуре.

Один из аспектов типологии наследия связан с разными его пространственными масштабами. Культурное наследие может быть представлено как часть региональной, национальной и всемирной культуры, и в каждом из этих случаев мы имеем дело с разными масштабами обобщения. Региональное наследие аккумулирует в себе ценности локального значения (для данного региона, поселения и т. п.); национальное наследие объединяет ценности общенационального масштаба (для данного этноса, страны, даже культурного узла, связующего несколько смежных или родственных национальных культур); всемирное наследие обозначает совокупность ценностей, имеющих всеобщее значение — для всего человечества или его подавляющего большинства. Как правило, музеи отдают предпочтение региональному наследию; реже поднимаются до обобщений общенационального масштаба; крайне редко, в исключительных случаях, обращаются к контексту всемирного наследия.

Для каждого из этих типов культурно-исторического наследия характерна особая историческая динамика наследия, специфическое соотношение природных, этнических, социальных, политических и культурных факторов этой динамики, различная степень обобщенности локальных и национальных форм наследия, приближающих или отдаляющих их друг от друга, определяющих соотношение локального и глобального. Здесь важна содержательная дифференциация: замедленного и ускоренного развития культурного наследия; динамики, по преимуществу непрерывной или дискретной, активной или пассивной, более организованной или

более стихийной; степени автономности систем наследия друг от друга или их пограничности; определенной или размытой специфики того или иного культурного наследия или отдельных его компонентов [Кондаков, 2011(а). С. 332–333].

Благодаря этим оттенкам содержания между уровнями обобщения наследия (глобальным, национальным и региональным) существуют культурные «лифты»: ценности низшего (локального) уровня время от времени рекрутируются в состав высшего (национального или мирового) уровня; одновременно действуют и нисходящие процессы, посредством которых ценности высшего звена (например, достижения мировой культуры) низводятся на нижележащий уровень (становясь ценностями национальной или региональной культуры). Музеи, в том числе литературные и художественные, занимаются организацией подобных культурных «лифтов», а также их информационным освещением.

Механизмы «восхождения» или «низведения» ценностей с одного уровня на другой зависят от сочетания многих социальных, культурно-исторических, политико-идеологических, экономических и иных условий. Однако ведущим механизмом «восхождения / нисхождения» культурных ценностей, составляющих ту или иную систему культурного наследия, являются глобализационные процессы (от эллинизации и рождения мировых религий до колониализма и идей мировой революции, не говоря уже о современной глобализации) и порождаемый ими феномен глобалитета культур [Кондаков, 2011(б). С. 134–156; 2011(в). С. 465–503].

Предметы регионального наследия лишь в меньшинстве случаев могут претендовать на представление национального культурного наследия, а ценности национального культурного наследия лишь в незначительной своей части являются элементами всемирного, общечеловеческого культурного наследия. Возвышаясь от регионального уровня к национальному, а от национального к всемирному, культурное наследие количественно убывает, но качественно возрастает. Тем не менее важен не столько переход элементов культурного наследия с одного уровня на другой, сколько единство и взаимосвязь всей «толщи» культурного наследия, суммирующей наследие всех трех уровней в единую архитеконику. Здесь то и важны связующие «этажи» наследия культурные «лифты» и информационные потоки.

Исследователь национальных картин мира и менталитетов национальных культур Г. Гачев на многочисленных примерах, взятых из разных культур, сумел показать, какие компоненты (языковые, мифологические, художественные, философские, научные и бытовые) в ходе исторического развития достигают мирового уровня и обретают всемирное значение, а какие остаются на уровне национальных ценностей [Гачев, 2007]. Осо-

бенно интересны наблюдения автора, филолога, философа и культуролога, над тем, как в явлениях культуры мирового порядка проступают черты сохранившейся национальной специфики, благодаря чему, например, закон Ломоносова — Лавуазье или гипотеза Канта — Лапласа в конкретном изложении поворачиваются к нам гранями русской, французской и немецкой культур (при сохранении общей для всех культур естественнонаучной сущности этих теорий) [Гачев, 1992].

Другой известный теоретик литературы, П. Палиевский, в обобщающей книге «Русские классики» выстраивает «лесенку, по которой поднимаются художественные ценности (в частности, в русской культуре): “Текущая литература” — “Национальное значение” — “Мировой уровень” — “Художественные ценности мирового значения” — “Вечные ценности”» [Палиевский, 1987. С. 37]. Представленная здесь иерархия наследия (имеющая отношение не только к литературе) — более дробная, чем та, что предложена в настоящей статье, и это наглядно демонстрирует, как работают культурные «лифты» между уровнями культурно-исторического наследия. Эту закономерность архитектоники культурно-исторического наследия (автор не использует этой терминологии) П. Палиевский объясняет так: «Высшие уровни необходимо включают в себя главные характеристики других, расположенных ниже. Если, например, беллетристика может вполне обойтись без национального значения, национальное значение — без мирового уровня, мировой уровень — не нуждается в вечных ценностях, то обратно все обстоит иначе. Больше того, любой высокий уровень литературы не просто включает в себя иные, без них он не существует. Можно с очень большой достоверностью утверждать, что без “низшего” состояния текущей литературы, то есть без определяющего для нее качества занимательности, способности заинтересовать не специалиста, ни один высокий уровень художественной ценности недействителен. Эта “низшая” черта на деле является хранилищем наиболее фундаментального свойства литературы — удерживать нечто общественно интересное для людей, важное для всех» [Палиевский, 1987. С. 37–38].

Однако следует помнить, что культурные «лифты» работают в обе стороны: и вверх, и вниз. Наряду с восходящим движением художественных ценностей в истории культуры часто наблюдается и попятное движение. Возникновение, например, в русской классической культуре XIX в. феномена «всемирной отзывчивости» (в творчестве Пушкина, Чаадаева, Глинки, Белинского, Достоевского, Чайковского, Л. Толстого, Чехова, Вл. Соловьева и др.) способствовало быстрому и интенсивному возвышению русского национального наследия до всемирного. Напротив, в годы «борьбы с космополитизмом» в СССР (1948–1953) все попытки заместить всемирное наследие национальным привели к самоизоляции русской культуры и ее отставанию от мировых тенденций, ценностно-

смысловому оскудению (несмотря на то, что в то время в русской советской литературе работали М. Шолохов, А. Твардовский, А. Ахматова, М. Зощенко, Б. Пастернак, Н. Заболоцкий, Л. Леонов, А. Фадеев, К. Федин и др. всемирно известные писатели). Примеров подобных культурных «лифтов» того и иного рода, стихийно складывающихся в истории национальных культур, можно привести множество.

Таким образом, любое наследие многомерно, иерархично и архитектурно. Одни и те же феномены культурного наследия могут принадлежать то какому-то одному уровню обобщения, то другому (последовательно или параллельно), а то одновременно всем. В зависимости от востребованного контекста они будут наполнены различным смыслом и выполнять различные культурно-исторические функции: интеграции, дифференциации, самоизоляции, ускорения, торможения, творческого поиска и т. п. Задача и даже миссия литературного и художественного музея — актуализировать тот или иной контекст интерпретации культурного наследия и тем самым продемонстрировать своим посетителям многомерность и многозначность литературы и искусства, поворачивающихся к потенциальному читателю и зрителю разными своими гранями, различными смыслами и значениями. Таким образом, собственно, и формируется информационный потенциал современного музея, глубоко укорененного в исторической толще национального и всемирного культурного наследия.

Библиография

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // *Он же.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.

Бунин И.А. Окаянные дни: Дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения / Сост. О.Н. Михайлов. Тула: Приок. кн. изд-во, 1992.

Бунин И.А. Великий дурман / Сост. О.Б. Василевская. М.: Совершенно секретно, 1997.

Гачев Г.Д. Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 1992.

Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический проект, 2007.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.

Кондаков И.В. Российское природное и культурное наследие в свете цивилизационной идентичности // Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Циви-

лизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011(а).

Кондаков И.В. Глобалитет как форма цивилизационной идентичности // Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011(б).

Кондаков И.В. Глобалитет России: история и современность // Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011(в).

Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 2.

Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 12.

Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 21.

Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. 2-е изд. Л.: Просвещение. Ленингр. отд., 1983.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении; Память культуры // *Он же.* Чему учатся люди: Статьи и заметки. М.: Центр Книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009.

Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Азбука, 2014.

Палиевский П.В. Русские классики. Опыт общей характеристики. М.: Художественная литература, 1987.

Розанов В.В. Почему мы отказываемся от «наследства 60–70-х годов»?; В чем главный недостаток «наследства 60–70-х годов»? // Розанов В.В. Сочинения / Сост. А.Л. Налепин, Т.В. Померанская. М.: Советская Россия, 1990.

Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В.Н. Терехина, А.А. Зименков. СПб.: Полиграф, 2009. С. 65.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004.

Стравинский И. Музыкальная поэтика // *Он же.* Хроника. Поэтика. М.: РОССПЭН, 2004.

Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991.

Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // *Он же.* Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002.

Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет; Институт истории Литвы, 2010.

СПОСОБЫ ЭКСПОНИРОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Methods of Exposure and Interpretation of Historical Material in the Context of a Literary Museum

Аннотация: в статье рассматривается результат пересечения исторической науки и музееведения в выставочной деятельности литературного музея на основе опыта трех «военных» выставочных проектов музея «Литературная жизнь Урала XIX века», предлагаются способы и форматы репрезентации исторического материала, анализируются рукопись художественного произведения, книга, семейные реликвии как специфические исторические источники/источники информации.

Abstract: This article reviews a result of crossing historical science and museology in exhibition activities of a Literary Museum based on experience of three «military» exhibition projects of the Museum «Literary life of the Urals in XIX century», are proposed methods and formats of presentation of historical material, is analyzed a manuscript of a literary work, a book, family heirlooms as specific historical sources/sources of information.

Ключевые слова: историческая наука, военная история, исторический источник, музееведение, литературный музей, музейный предмет, музейный жанр, музейная коммуникация, культура участия, актуализация «хода истории».

Keywords: historical science, military history, historical records, museology, literary museum, museum object, museum genre, museum communication, culture of participation, updating the «course of history».

Воспитание исторического самосознания — если не основная, то далеко не последняя задача музея как социокультурного института, в чьи функции входят собирание, сохранение, изучение и демонстрация артефактов культуры (музейных предметов), а также образовательная, рекреационная, консультативная деятельность. «Являясь хранилищем социальной памяти, музей одновременно формирует историческое сознание, поскольку его экспозиции и выставки, а также осуществляемые на их основе музейно-педагогические программы воссоздают прошлое и реконструируют исторические образцы. Но и моделируют процессы, происходящие в природе и обществе. Музей изучает не только исторические факты и явления, но и восприятие их различными категориями людей в различные периоды истории» [Мастеница, 2009. С. 42]. Таким образом, в любой частной теме, в искусствоведческом или литературном дискурсе в контексте музея всегда будет проступать История. Историческая про-

блематика может быть главной не только в профильном музее, но военная тема — прерогатива преимущественно исторических музеев. В литературных музеях она обычно является элементом контекста и редко составляет главное содержание экспозиции.

В статье рассматривается, какими способами возможно осветить историческую проблематику в выставочных проектах, на примере музея «Литературная жизнь Урала XIX века», филиала Объединенного музея писателей Урала; обобщается опыт проведения трех выставочных проектов, посвященных трем войнам, определявшим историю страны на протяжении двух веков: Отечественной войне 1812 г., Первой мировой войне 1914—1918 гг. и Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Первая проблема, с которой сталкивается непрофильный музей в процессе представления исторической темы, — своеобразие источников информации, хранимых музеем. «Источниковедение изучает только те естественные источники, в которых человек совершил изменения и которые в силу этого становятся историческими источниками. Музееведение изучает лишь те исторические и естественные источники, которые подлежат сосредоточению в музеях и обуславливают возможность не только научного познания, но и эмоционального освоения мира. Вместе с тем музееведы в своей практике неизбежно пользуются приемами и методами исторического источниковедения: поиском невыявленных предметов музейного значения (музееведческой эвристикой), отбором из их числа соответствующих носителей информации, критикой музейного предмета, музееведческой оценкой и использованием» [Грицкевич, Каун, Ходин, 2000. С. 13]. Этим занимается область, которая лежит на стыке музееведения и исторического источниковедения и которую называют музейным источниковедением [Там же. С. 14].

При всех попытках создания целостного представления о музейных предметах как об историко-культурных ценностях остается проблемой увидеть не в документе, а в предмете быта, в вещи и т. п. историю. Необходимо отметить специфику литературной экспозиции, основным экспонатом которой являются книга и рукопись. Кроме информации, заключенной в тексте, оставленном автором, книга несет информацию об эпохе, в которую была издана, что подчеркивает один из основоположников теории создания и функционирования литературно-мемориального музея А.А. Крейн: «Литературный музей — всегда отчасти музей книги. Книга здесь выступает не как предмет для чтения, а предмет смотрения, с ее неповторимыми изящными шрифтами, гравированными и литографированными картинками, виньетками, тисненными кожаными переплетами или мягкими обложками с наборными рамками. Прошло почти два века. Современная нам книга стала массовой, доступной. Но воздадим честь и высокой красоте книги старинной!.. И старая, и новая книги — предмет экспонирования» [Крейн, 1979. С. 50].

Итак, одним из основных объектов экспонирования в контексте литературного музея является книга. Книга как музейный предмет может быть соотнесена с социофактом, т. е. с фактом, имеющим особое социальное значение. В то же время она всегда предмет искусства дизайнера и книжной графики. Оформление книги, ее внутренняя структура несут информацию об эпохе, о стиле времени. Особое информативное значение имеют прижизненные издания.

В проекте «Дом 12-го года» (апрель 2012 г.) музея «Литературная жизнь Урала XIX века» тема Отечественной войны 1812 г. была продемонстрирована выставкой редких книжных изданий, предоставленных не только фондами Объединенного музея писателей Урала, но и отделом редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В.Г. Белинского. Раскрытие темы потребовало комплексного подхода к ней, что привело к созданию не одной, а ряда выставок, лейтмотивом которых стала книга. Информационное и жанровое разнообразие книг (свод документов, сборник карикатур, произведения художественной литературы, включая детскую, мемуары, воспоминания, очерки, хроника, прижизненные издания и т. д.) позволило представить войну 1812 г. многоаспектно в многовекторности ее контента. Музейная стратегия в этом случае являлась тоже «литературной», а именно: проект «Дом 12-го года» был организован и реализован как «сборник» разных «художественных текстов», представленных в жанрах, характерных для «толстых» литературных журналов XIX в.

Термин «музейный жанр» вошел в отечественное музееведение благодаря работам Т.П. Полякова. Он выделяет такие жанры музейной экспозиции, как «очерк», «исследование», «драма», «легенда», «житие» [Поляков, 1989. С. 45]. Все они обладают вполне определенными признаками и особенностями художественного воплощения.

Сплетение музейного жанра «жития» с жанром «эпопеи» в организации концептуального центра проекта — выставки «Певец во стане русских воинов», включившей коллекцию редчайших изданий, помогло осветить частные судьбы в глобальном историческом контексте. Художественное решение пространства выставочного зала — декорированные под ампир стены, портьеры, фортепиано пушкинского времени, письменный стол, овальный столик. Центральная стена — «литературная галерея» Отечественной войны 1812 г. — аллюзия на «военную галерею» Зимнего дворца. Авторы выставки выбрали девять главных действующих лиц: писателей и поэтов — участников войны с Наполеоном I, авторов поэтических и прозаических произведений, мемуаров, очерков об этих событиях (В. Жуковский, Ф. Глинка, К. Рылеев, Д. Давыдов, К. Батюшков, П. Чаадаев, Н. Дурова, И. Лажечников, П. Вяземский).

Материал выставки, связанный с литературой XIX в., подавался через обращение к судьбам каждого из них, к их участию в войне, через их про-

изведения. Историческое и литературное тесно переплеталось в выставке, пронизывало друг друга и дополняло. Историческая эпоха раскрывалась в судьбах отдельных ее представителей. Хроника Бородинского сражения подавалась и через документальный «Очерк Бородинского сражения» Ф. Глинки, и через сборник исторических материалов Д.П. Бутурлина (1824), и через героическую поэму В. Жуковского «Певец во стане русских воинов», и через последующую художественную интерпретацию событий в романе Л. Толстого «Война и мир».

В жанре музейного «очерка» в следующем зале была представлена выставка Государственного архива Свердловской области, посвященная роли Урала в Отечественной войне 1812 г. Ее смысловым центром был исторический документальный материал: письмо М.И. Кутузова владельцу железодельных заводов Никите Демидову от 15 декабря 1812 г., приказы, чертежи машин, барок, Уткинской пристани, гравюры уральских заводов, лекала, по которым отливали картеры и ядра.

Ход войны, который сложно передать с помощью экспонатуры, присутствующей литературному музею, нашел отражение в жанре «исторической хроники» на выставке из частных коллекций «Богатыри не вы». Ее центральной темой стала хроника военных событий, которая подкреплялась репродукциями картин художника П. Гесса из юбилейной папки репродукций известных картин, посвященных войне 1812 г., и выпущенной к 100-летию победы над Наполеоном. Необходимую для жанра хроники документальность обеспечивали артефакты, найденные археологами на берегах реки Березина, месте последних боев на территории Российской империи, екатеринбуржцем А. Архиповым. Музейный рассказ в жанре хроники адаптировался для детской аудитории с помощью солдатиков (коллекция военно-исторической миниатюры А. Аболса) и материалов военно-исторического клуба «Горный щит» (Екатеринбург).

В жанре «рассказа в картинках» была выполнена небольшая выставка, материалы для которой предоставил музей этикетки фирмы «Авантаж I»: конфетные фантики, карточки с видами сражений, вкладышавшиеся в жестяные коробки с шоколадными «конфетами»; азбука для детей, выпущенная в 1814 г. И.И. Терембеньевым на карикатурах военного времени; дореволюционные открытки — репродукции картин В. Верещагина. Для размещения такого специфического материала была придумана Детская комната мальчика XIX в., в которой могли расти и Миша Лермонтов, и Саша Герцен, и Иван Гончаров, и другие дети — ровесники Отечественной войны 1812 г. или родившиеся сразу после нее и воспитанные на рассказах об этих событиях. Детская была наполнена книгами (детскими дореволюционными изданиями о наполеоновских войнах), игрушками (игровые солдатика, пушка, сабля, крестьянская деревянная куколка, кукла из папье-маше и др.).

Музейный жанр «исследования» позволил постепенно приоткрывать тайну над страницами из архива «некоего Лукомского», присланного музеем МХАТа, и знакомить посетителей с впервые экспонирующимися материалами из архива русского историка, геральдиста и генеалога Владислава Крескентьевича Лукомского, создавшего для МХАТа в 1943 г. альбом фирменной одежды с начала XVIII в. до 1940-х гг. На веранде музея «Литературная жизнь Урала XIX века» студенты кафедры анимации Уральской государственной архитектурной академии в рамках музейной творческой лаборатории представили в жанре «исторического анекдота» инсталляцию «Гусарские байки» из бумаги и картона на тему образа жизни русских гусар.

Проект «Дом 12-го года», осуществленный как сборник «текстов», воплощенных в разных музейных жанрах, имеющих аналоги в литературе («житие», «эпопея, «исторический анекдот», «историческая хроника», «очерк», «рассказ в картинках», «исследование»), позволил прозвучать исторической теме в непрофильном музее.

Следующим шагом в освоении исторической темы и разработке методологии ее представления в литературном музее стала выставка «Чаша скорбная» (март 2014 г.), посвященная 100-летию Первой мировой войны — войны, находящейся на периферии исторического сознания наших современников. Эта тема стала для литературного музея своеобразным творческим вызовом, художественной задачей, попыткой освоить новый материал и раздвинуть границы собственной экспозиции. Необходимо было вписать выставку в экспозицию музея, разместив ее в зале, в котором обычно была представлена уральская литература конца XIX — начала XX в. Представляя Первую мировую войну в литературном контексте, музей акцентировал внимание на уральских писателях — участниках войны, включив в выставочный ряд редкие музейные предметы из фондов Объединенного музея писателей Урала, до того не экспонировавшиеся и неизвестные посетителям.

Помимо редких изданий композиционным центром выставки стали рукописи уральских писателей — участников Первой мировой войны. Рукопись художественного произведения как документальный источник содержит большой блок текстологической информации, а также может быть использована для демонстрации творческого процесса. Через нее посетитель постигает «интимную», частную информацию, которую невозможно получить никаким иным путем, кроме текстологического анализа: «...чтобы обосновать правильность именно одной, избранной нами интерпретации текста, мы должны искать точку опоры где-то вне текста — в биографических ли фактах, в фактах историко-литературных или общеисторических. Если же перед нами несколько рукописей, указывающих на поиски автором нужного ему решения, то замысел автора можно в какой-то мере объективно вскрыть... Потому так счастлива

судьба нашего пушкиноведения, что к услугам пушкинистов множество пушкинских черновиков. Не будь этих черновиков, сколько можно было бы нагромоздить и изящных, и остроумных, и просто любопытных интерпретаций многих произведений Пушкина» [Лихачев, 1987. С. 465]. Уникальную информацию о личности можно получить при исследовании почерка. Посетитель, даже без участия посредника, способен эмоционально воспринять некоторые аспекты такого рода информации. Способность рукописного документа сохранять частную информацию позволяет воспринимать его как обращение к личности автора. В рукописях присутствуют исторически важные пометы (год, название населенного пункта, где было создано произведение, иногда время окончания работы над ним), примечания, рисунки.

Рукопись изданного в 1918 г. романа писателя из Шадринска (Курганская область) Б. Тимофеева «Чаша скорбная», одного из первых крупных художественных произведений о Первой мировой войне, демонстрировалась впервые. В годы войны автор был в составе добровольческого врачебно-питательного отряда Союза городов. Роман он писал в Екатеринбурге во время военных отпусков, попытавшись охватить в нем широчайший пласт проблематики. В романе несколько сюжетных линий о судьбах людей из разных слоев общества, в жизнь которых ворвалась война. Забирают в армию крестьянина Федора Шибанова, после его гибели остаются сиротами пятеро детей; тяжелую контузию получает ушедший добровольцем юрист Петр Погожаев; гибнет кадровый офицер, поручик Дмитрий Чубаров; совершает самоубийство медсестра Степочка; сходит с ума Лукин. Писатель рисует натуралистические детали войны, подчеркивает ее бессмысленность. Логика войны неясна ни ее участникам, ни, кажется, ему самому. Тем не менее роман проникнут христианским пафосом и проповеднической интонацией: «Верочка, Ветхий Завет: это любовь к ближнему и ненависть к врагу своему. Потом пришел Новый Завет: это и к ближнему любовь, и к врагу любовь... Но на широкую, всеобъемлющую любовь не хватило еще сердца человеческого. С войной, вот с этой, с нашей... завладела миром всеобщая ненависть ко всем. Злоба охватила весь мир... всеобщая ненависть к человечеству. Вот почему, родная, жизнь теперь не ценится... вот почему выбиты миллионы людей... и выбьют еще больше. Одних убили, другие сами ушли из жизни — все равно... Мы подошли, Веруся, ко грани: приближается Царство последнее, Царство Всеобщей Любви» [Тимофеев, 1918. С.189].

Роман является не только художественным, но и документальным свидетелем времени. В последние годы он вызывает большой интерес историков и литературоведов. Рукопись написана синими и красными чернилами, в ней много пометок, из которых видно, как автор работал с текстом. Интересна и яркая, иллюстрированная обложка романа. В центре изображена легендарная фигура «всадника по имени Смерть».

Этот узнаваемый персонаж встречался в творчестве А. Дюрера, Х. Гольбейна, Ф. Гойи, т. е. во времена страшных войн и социальных потрясений. Появился он и на открытках времен Первой мировой войны.

Дарственные надписи на книгах тоже являются историческим источником. Они свидетельствуют о связях и отношениях между людьми, их общем участии в каких-либо событиях, об их принадлежности к определенным социальным группам. На титуле литературного сборника «В помощь пленным русским воинам» [В помощь пленным русским воинам, 1916] во время подготовки выставки была обнаружена дарственная надпись одного из его редакторов-составителей, известного писателя, друга М. Горького и Д.Н. Мамина-Сибиряка: «Борису Александровичу Тимофееву от составителя Сборника на добрую память. Н. Телешов. Апрель. 1916». Сборник — практически исчезнувший род литературного служения, связанный с благотворительностью, памятью, жертвенностью. В нем приняли участие сам Н.Телешов, Б.А. Тимофеев, дав рассказ «Ковальчук» (о своей жизни на Капри), Л. Андреев, М. Горький, И. Шмелев, В. Брюсов, И. Бунин, К. Бальмонт и др. Книга иллюстрирована рисунками известных русских художников В. Поленова, М. Нестерова, В. Сурикова, Л. Пастернака и др.

В годы Первой мировой войны наблюдался подъем в среде творческой интеллигенции, свидетельством которого становится участие в такого рода сборниках. Статья Телешова «Крестные матери» (о необычном движении, которое зародилось в годы войны в Европе) обладает исторической документальностью: «Сотни тысяч людей, неизвестных друг другу, далеких и чужих, делаются близкими и своими. Между “Крестной матерью” и избранным ею неведомым “крестником” устанавливается вскоре общение, духовная связь, нередко заочная дружба» [В помощь пленным русским воинам, 1916. С. 14]. Женщины, вступившие в это движение, должны были поддерживать своего «крестника»-солдата нравственно и материально, стараться его успокоить, ободрить, не допустить уныния и отчаяния, поддерживать в нем бодрость духа, мужество и веру. Если солдат получал ранение, «крестная» узнавала, в каком госпитале он находится, в чем нуждается, помогала ему, навещала. Писатель выступил с призывом и в России создать такое высоконравственное движение, чтобы облегчить русским солдатам военное время.

Рукописи стихов екатеринбургского поэта Н. Черешнева (Новикова) дают возможность осветить военную ситуацию на полях Франции, где он и погиб 15 мая 1917 г. На груди умирающего поэта было найдено стихотворение в прозе, посвященное родной стране:

«Из прекрасной Франции я вижу тебя, моя милая и далекая, бесконечно родная и бесконечно любимая Родина. Мое сердце тянется к тебе и грустит...

Я грущу по тебе, мой старый дед — мой угрюмый Урал...

Я верю: мы встретимся и улыбнемся...

А если не встретимся?..

Тогда прости меня и как мать родная благослови своего сына из своего прекрасного, грустного далека, — и я услышу это благословение, пойму его влюбленным сердцем и улыбнусь.

И улыбнувшись под твоей последней лаской, навсегда закрою глаза» [Материалы ГАСО].

Мы не располагаем подробными сведениями об участии в войне уральских писателей А. Исетского (Полякова) и П. Уральского (Заякина), но рукописи их произведений на военную тематику позволяют «реконструировать» фрагменты этого бытия.

Вписать уральцев в широкий литературный контекст помогают фотографии и книги крупнейших русских и зарубежных писателей — участников Первой мировой войны (Н. Гумилева, М. Зощенко, В. Катаева, С. Есенина, А. Вертинского, Дж.Р. Толкина, Э. Хэмингуэя, Я. Гашека, Э.М. Ремарка, С. Моэма и др.), в том числе и их прижизненные издания из фондов Объединенного музея писателей Урала. Чтобы вызвать интерес у неподготовленного посетителя, на выставке поместили фотографию 18-летнего добровольца У. Диснея у машины Красного Креста. Книги и фотография Я. Гашека находятся рядом с раритетом из фондов музея — фотографией «Пленные чехи в Екатеринбурге», что позволяет в экскурсии затронуть трагическую историю «чешского легиона».

Выставка «Чаша скорбная» поднимает мало исследованный пласт литературного наследия — отражение Первой мировой войны в творчестве уральских литераторов, подкрепляет его материалами газет и журналов, личными историями знаменитых русских и зарубежных писателей, расширяет границы постоянной экспозиции и приобщает посетителя к сложнейшему дискурсу войны.

Решая вопрос дефицита документов, что типично для непрофильного музея, в проектах «Дом 12-го года» и «Чаша скорбная» музей обращался к логичным для него самым объектам экспонирования (книга, рукопись художественного произведения, копии живописных произведений, артефакты), содержащим информацию исторического характера.

В третьем «военном» проекте — выставке «МХАТ в Свердловске. 1942» (февраль 2015 г.) — преобладали документы из Государственного архива Свердловской области и из музея МХАТа: постановления, решения, требования и т. д. В них нашла отражение сложная история взаимоотношений эвакуированных в Свердловск актеров театра и свердловского руководства, но, как справедливо замечает Е.Н. Мастеница, «для музейной интерпретации истории не может быть популярных и непопулярных тем...» [Мастеница, 2009. С. 41]. Эта драма, неизвестный ранее фрагмент дискурса военного времени, достойна внимания и историков, и беллетристов. Неаттрактивные источники надо было сделать запоми-

нающимися, найти художественное решение для моделируемого фрагмента прошлого.

При создании модели акцент ставился не только на документах, но и на вещах (вещественных источниках). Любой предмет окружающего пространства, и музейный предмет в том числе, имеет информационную составляющую и определенный набор объективных характеристик (цвет, вес, размер, плотность, структуру и т. д.). Информационный потенциал вещи (предмета, созданного человеком) в процессе эксплуатации увеличивается, ее ценность как исторического источника возрастает. Вещь «сообщает» о времени создания, является представителем того или иного культурного стиля и кроме этого «воплощает в своем чувственно-телесном облике определенный человеческий смысл... Смысл вещи — то ее значение, которое она получает в контексте не природного, а человеческого бытия». [Калугина, 2002. С. 21].

Таким образом, помимо объективных характеристик вещи существует и субъективный аспект, включающий информационную и эмоциональную составляющие. Когда вещь изымается из бытового обихода и выступает в качестве музейного предмета, «частная» информация, до этого доступная только ее хозяину, становится открытой для других людей. Вещь как заархивированный источник информации и как специфический исторический источник обладает свойством «одушевленности». «Одушевленность — имманентное состояние вещи. Однако степень этой одушевленности может быть различной. Кроме того, вещь раскрывает свою душу не каждому человеку. Разным людям одна и та же вещь сообщает разное. Обычная вещь своим владельцем наделяется “тайной душой”. В разлуке с ним она теряет дар речи. Вернувшись в ряд себе подобных, она становится неинтересной и незаметной, словно растворяется в окружающей среде (за исключением вещей, связанных с именами великих людей, художественными произведениями, и вещей, оказавшихся свидетелями значительных исторических событий» [Выгузова, 2003. С. 10].

Каждый музейный предмет сопровождается «легендой» — личной карточкой, паспортом, содержащим подробное описание его характеристик, а также «частную» информацию. Е.Н. Мастеница и Л.М. Шляхтина выделяют следующие свойства музейного предмета, на наш взгляд определяющие его как специфический исторический источник: «информативность (способность музейного предмета выступать в качестве источника, несущего информацию, как о самом предмете, так и о людях, событиях, с ним связанных); репрезентативность (способность отражать стороны и характеристики действительности, получившие общественное признание, то есть демонстрировать типичное или уникальное в действительности); экспрессивность (способность воздействовать эмоционально через его внешние признаки (аттрактивность), либо вызывать чувство сопричаст-

ности, создавая эффект присутствия (ассоциативность)» [Шляхтина, Мастеница, 2006. С. 62].

Фонды Объединенного музея писателей Урала не располагали нужным для выставки предметным рядом периода Великой Отечественной войны: требовалось представить жизнь Свердловска на период лето — осень 1942 г., создать образ утонченной женщины-актрисы. Для решения этой задачи были задействованы различные каналы музейной коммуникации и реализованы некоторые принципы «культуры участия» — «свободного, деятельного и осознанного участия людей в культурных и социальных процессах, возможность для них быть не только “потребителями” или объектами воздействия, но вносить свой собственный вклад... в создание культурных событий, а стало быть, в процесс осмысления и актуализации культурного наследия» [Агапова, 2012. С. 8].

Необходимые предметы, «вещи» эпохи, были получены из семей екатеринбуржцев: очки, шляпки, платья, пальто из шинели английского сукна, ридикюли, пудреницы, маникюрные наборы, командирская планшетка, фронтовые письма, знаменитые духи «Красная Москва» и многое другое. Таким образом, на выставке были представлены не только музейные предметы из фондов, но и бережно хранимые семейные реликвии горожан. Семейная реликвия в контексте музейной выставки приобретала значение музейного предмета и исторического источника, обогащалась дополнительными смыслами. Не описывая подробно весь алгоритм формирования исторического самосознания всех участников музейной коммуникации, резюмируем, что реализация принципов культуры участия позволила современным жителям Екатеринбурга (и тем, кто предоставил семейные реликвии на выставку, и посетителям) расстаться со стереотипами о закрытости и элитарности музея, о замкнутости и неизменности его экспозиций, а также ощутить себя, свою семью частью Большой истории, звеном в цепи поколений.

Как известно, историю не переделать, но она может быть переосмыслена. Современный человек должен осознавать, что история — не отвлеченная наука и не учебник всеобщих рекомендаций, что она скрывает в себе множество смыслов (намного больше того, что черпает из нее каждая конкретная эпоха). Литературный музей в интерпретации исторического материала, сочетая различные приемы его представления в литературной экспозиции, способен сделать документальную составляющую зримой, образной и доступной разным возрастным и социальным категориям посетителей. Все это в совокупности с принципами «культуры участия» позволяет ему актуализировать «ход истории», способствует формированию исторического самосознания у представителей современного общества.

Библиография

Агапова Д.А. Культура участия: миллионы диалогов // Музей как пространство образования: игры, диалог, культура. М.: Музейные решения, 2012. С. 8–20.

В помощь пленным русским воинам: Лит. сборник / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Д. Телешова. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1916. 213 с.

Выгузова Е.В. Вещь как память культуры: художественный альбом первой половины XIX века в культуре России // Человек в мире культуры: Сборник науч. статей. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С. 10–11.

Грицкевич В.П., Каун С.Б., Ходин С.Н. Теория и история источниковедения. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2000. 254 с.

Калугина Т.П. Художественный музей как феномен культуры. Дис. ... докт. философ. наук. СПб.: Петрополис, 2002. 224 с.

Крейн А.А. Жизнь музея. М.: Советская Россия, 1979. 251 с.

Лихачев Д.С. Литература-реальность-литература // Лихачев Д. Избранные работы: В 3 томах. Т. 3. Л.: Художественная литература, 1987. 520 с.

Мастеница Е.Н. Музейная интерпретация истории как культурологическая проблема // Вопросы культурологии. 2009. № 9. С. 39–43.

Материалы ГА СО. Ф. Р2266. Оп. 1. Д. 3342. Л. 7.

Поляков Т.П. Образно-сюжетный метод в системе взаимоотношений традиционных методов построения экспозиции // Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности / Ред. В.Ю. Дукельский; НИИ культуры. М., 1989. С. 45–51.

Тимофеев Б.А. Чаша скорбная: [роман]. М.: Изд-во Всерос. центр. исполкома советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, 1918. 191 с.

Шляхтина Л.М., Мастеница Е.Н. Музейно-педагогическая мысль в России. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т культуры и искусства, 2006. С. 271.

УДК 069.1(94); 069

П.С. Куприянов, P.S. Kuprianov

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ГЛАЗАМИ ПОСЕТИТЕЛЯ: К ПРОБЛЕМЕ МУЗЕЙНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Museum Visitor in front of Historical Exposition: the Problem of Reconstruction

Аннотация: статья посвящена проблеме исторической реконструкции в музейном пространстве. Механизмы восприятия исторической экспозиции рассматриваются с точки зрения невербальной семиотики с привлечением данных по межличностной коммуникации и визуальной перцепции. Предметом анализа являются материалы включенного наблюдения и письменные отзывы посетителей московского музея «Палаты бояр Романовых». Отмечается значимость и выделяются особенности обыденной реконструкции, осуществляющейся посетителем в музее.

Abstract: The article considers the problem of historical reconstruction in the Museum space on the materials of personal observations and written reviews of the Museum «House of the Romanov boyars» (Moscow). It is studied the ways how historical exposition is perceived in the contexts of non-verbal semiotics, interpersonal communication and visual perception. The author stresses the importance and specifics of ordinary reconstruction in the Museum space.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, невербальная семиотика, историческая реконструкция, восприятие исторической экспозиции, музейная коммуникация, представления о прошлом, Палаты бояр Романовых.

Keywords: historical science, museology, non-verbal semiotics, historical reconstruction, ordinary, the perception of exposure, museum communication, images of the past, Chambers of boyar Romanov.

Проблема научной реконструкции является одной из центральных для музеев исторического профиля уже потому, что реконструкция, понятая в широком смысле слова — не как восстановление утраченного предмета, а как воссоздание прошлого, — составляет главное содержание деятельности исторического музея. Как правило, эта проблема обсуждается в том привычном ракурсе, в котором музей занимает промежуточное (и одновременно центральное) место между «наукой» и «массами» — как институт, репрезентирующий научное историческое знание и доводящий его до обывателя. В зависимости от «степени оптического увеличения» эта информационная цепочка от источника знания до его потребителя может выглядеть более или менее сложной, подробной и разветвленной, но в любом случае проблематика музейной реконструкции обычно касается лишь первых ее звеньев — «от науки до музея» — и почти не затрагивает вторую половину — «от музея до посетителя». Включая в себя разработку концепции экспозиции, отбор предметов, их размещение и все сопутствующие процедуры, музейная реконструкция *завершается* представлением посетителю воссозданного прошлого — будь то экспозиция, экскурсия или другая форма презентации. Однако при всей привычности и логичности такого понимания реконструкции оно все же не представляется абсолютным и единственным. Есть основания полагать, что воссоздание прошлого в музее не ограничивается актом его репрезентации, а осуществляется и после него, в процессе восприятия экспонируемой истории. В данной статье, обобщающей результаты предыдущих исследований [Куприянов, 2010; 2013], предпринимается попытка рассмотреть проблему музейной реконструкции в несколько иной оптике, сфокусировать взгляд именно на этом этапе — «после экспозиции» — и проблематизировать тему ее восприятия и интерпретации. Эмпирической базой дальнейших рассуждений являются данные многолетнего включенного наблюдения, а также материалы «книг отзывов» музея «Палаты бояр Романовых» в Москве за 1992–2015 гг.

Здесь мы почувствовали себя русскими, ощутили связь с нашей великой державой...

Из книги отзывов

«Палаты бояр Романовых» (далее ПБР) — один из старейших московских музеев, основанный еще в 1856 г. по указу императора Александра II в память о прародителях царской династии. Он находится в самом центре Москвы, на улице Варварке, на территории бывшей усадьбы Романовых, в единственном сохранившемся от нее здании. В результате реставрации и реконструкции середины XIX в. это здание приобрело выразительный облик средневековых боярских палат, благодаря которому оно и сегодня заметно выделяется на фоне других построек столичного центра. Первоначально музей функционировал как мемориальный, здесь среди прочего были представлены личные вещи первых Романовых. В дальнейшем он претерпел значительные трансформации: в советское время поменялся не только внешний вид и интерьеры здания (от реставрации середины XIX в. отказались как от фальшивой), не только название музея («Дом бояр Романовых» был переименован сначала в «Дом боярина XVII в.», а потом — в «Музей боярского быта XVII в.»), но и экспозиция: вместо царских реликвий в палатах начали демонстрировать «быт эксплуататоров» и устраивать тематические выставки из фондов Государственного исторического музея, филиалом которого ПБР стали в 1932 г. Во время последней реставрации (1984—1991 гг.) был частично восстановлен изначальный облик музейного здания и создана новая экспозиция. Сегодня здесь представлена бытовая обстановка богатого боярского дома второй половины XVII в. Существенной особенностью экспозиции является то, что она построена по «интерьерному» принципу, т. е. витрины почти отсутствуют, а в музейных помещениях представлены интерьеры «трапезной палаты», «кабинета боярина», «библиотеки», «комнаты старших сыновей», «комнаты боярыни», «светлицы». Посетители могут не только посмотреть мужскую и женскую половины в жилой части дома, но и пройти в подвалы, где «хранится» хозяйственная утварь и боярская казна.

Подобная форма презентации прошлого, а также условно мемориальный статус дома позволяет отнести ПБР (пусть и с некоторыми оговорками) к специфической категории — *исторических домов-музеев*, которым в современном музееведении приписывается особое эмоциональное и психологическое воздействие на посетителей, связанное с восприятием музея не как памятника, а как бывшего жилого дома: «В нем царит атмосфера, которая переносит их в иные времена и располагает к тому, чтобы представить себя на месте других людей... Они спрашивают себя: неужели эти люди ощущали ту же радость или печаль, что пережи-

вают и они?» [Рисникофф де Горгас, 2001. С. 10]. Экспозиция ПБР также явно рассчитана на такой эффект «сближения с прошлым». В альбоме — путеводителе по музею прямо сообщается, что «каждый, кто переступает его порог, может не только увидеть “застывшую старину”, но и непосредственно к ней прикоснуться» [Щуцкая, 2006, б/п.; см. также: Щуцкая, 2005. С. 81].

Важно подчеркнуть, что то прошлое, с которым здесь сталкивается посетитель, оказывается для него весьма экзотичным. Этому способствует необычная архитектура (низкие сводчатые потолки, небольшие дверные проемы, маленькие окна), оформление интерьеров (растительный орнамент на сводах и стенах, массивные двери, полумрак) и бытовая обстановка (лавки и скамьи вдоль стен, сундуки разных форм и размеров и другие бытовые предметы, часто даже незнакомые современному горожанину). Противопоставление прошлого и настоящего усиливается с помощью выразительных дизайнерских приемов. Все музейное пространство разделено на две зоны, экспозиционную и посетительскую, которые легко вычлняются визуально: в первой полы деревянные (или белокаменные), а во второй — покрыты темно-красным ковролином. Такое контрастное оформление пола, по замыслу авторов экспозиции, есть не что иное, как пространственное выражение хронологической антитезы прошлого и настоящего. Упомянутые зоны разделены невысоким ограждением-барьером, также выполняющим как утилитарную, так и символическую функцию: с одной стороны, оно препятствует посетителям проходить на экспозицию, а с другой — выступает в качестве границы между *той эпохой* и *нашим временем*.

Таким образом, сама организация музейного пространства предписывает воспринимать прошлое как *иное*, отличное от *своего* (= современного). Несмотря на пресловутый «эффект присутствия» и соприкосновения со стариной, посетитель в ПБР оказывается *отделен* от истории и *противопоставлен* ей. Данное обстоятельство делает их идеальной площадкой для воплощения столь популярной в музееведческой среде идеи *диалога* [см., например: Шляхтина, 2002(а). С. 234, 236; Шляхтина 2002(б). С. 400—401] — того самого диалога между двумя эпохами, который должен основываться на признании инаковости прошлого и принципе историзма. Между тем записи в книгах отзывов свидетельствуют о том, что все обстоит не совсем так. Репрезентативность этого специфического источника трудно оценить, но очевидно, что он отражает реакции лишь части музейной аудитории. Подавляющее большинство отзывов содержит более или менее распространённые (чаще лаконичные) оценки осматриваемой экспозиции, прослушанной экскурсии или работы музейного персонала. Наряду с ними встречаются и развернутые высказывания, позволяющие судить о восприятии автором увиденного и услышанного. Доля таких записей в общем массиве за разные периоды составляет от 10 до 40%. Именно они являются

предметом анализа. Далее при цитировании книг отзывов текст источника выделяется курсивом, в квадратных скобках указывается дата записи. Книги хранятся в фондах музея (Оп. I. Ед. хр. 48–50, 53, 56, 60. Оп. II. Ед. хр. 10–13).

Прежде всего, следует отметить, что посетители ПБР переживают яркую иллюзию пребывания в настоящем боярском доме:

– *Потрясающе! Создается впечатление, что я не в музее, а действительно попал в старину! Освещение в подвале словно переносит на века назад. Боярыня – как настоящая...* [18.05.02].

Чаще всего посетители с помощью устойчивых формул выражают благодарность за возможность прикоснуться / окунуться / погрузиться «в историю и быт древней России» [25.09.02], «в тот далекий мир XVII в.» [08.01.06]; «в мир старины» [08.11.03], «во времена боярского правления» [15.05.05] и т. п. Правдоподобие экспозиции передается через этикеты «настоящий», «живой» («это живая история...» [08.09.93], «все экспонаты как живые...» [21.11.03]), а ситуация невероятного сближения с иной эпохой (вплоть до ощущения «запаха тех лет» [14.09.01]) описывается с помощью распространенных метафор «погружения» в прошлое и «духа / аромата / атмосферы старины».

– *Великолепный музей, который так способствует погружению в прошедшую эпоху и передает ее атмосферу...* [18.04.03];

– *Я окунулась в далекое прошлое России, почувствовала себя боярыней Романовой* [16.05.97; ср.: 17.11.13];

– *Прекрасно! Мы ощутили аромат старины и нашего общего прошлого!* [02.01.98].

Итак, в ПБР в полной мере реализуется столь характерный для домов-музеев эффект «сближения с прошлым». Вместе с тем по последним цитатам видно, что вопреки экспозиционному замыслу это сближение вовсе не приводит к противопоставлению двух эпох — напротив, люди склонны отождествлять себя с историческими персонажами и воспринимать представленное прошлое как *свое*: это «*наша старина*» [01.05.96], «*наша история*» [17.05.92; 22.08.92], «*наше прошлое, наши истоки, наши корни*» [13.10.93; 13.09.02, 18.11.12]. Но чаще всего в отзывах фигурируют «*наши предки*» [18.04.92, 13.02.93, 10.03.96, 7.09.97, 09.01.98, 09.06.03, 29.08.13 и др.]. Музей образно описывается как «*маленький остров наших прапрадедов*» [02.02.92], а его посещение — как визит к «*родственникам, жившим давным-давно*» [15.03.98]. Актуализация концепта *родства* подчеркивает степень близости демонстрируемого прошлого современному человеку. Боярский быт оказывается для него не «чужой страной» (Лоуэнгаль, 2004), а «*давно забытым, но дорогим сердцу укладом*» [30.10.04]. Даже тот факт, что в музее представлен быт высшей знати, не является препятствием для его «присвоения». Вследствие этого бояре Романовы оказываются «предками» многих нынешних

посетителей: *«Выражаем глубокую признательность за чудесное путешествие во времени в боярскую старину XVII в., в быт Романовых, за погружение в атмосферу старинной жизни наших предков»* [б/д].

Это освоение прошлого получает закономерное продолжение в его национализации и этнизации. Музейное прошлое уверенно опознается как *«наследие нашего народа»* [19.08.92, 05.09.92] и *«культура нашей нации»* [20.05.04]. Определение «русское» встречается в рассматриваемых текстах не реже, чем «наше», и чаще всего эти слова взаимозаменяемы, иначе говоря, «наше» оказывается «русским»: это *«наш русский быт»* [23.11.02] и *«наша русская старина»* [20.02.06]. Музейная экспозиция воспринимается как манифестация *русского*: здесь посетители обнаруживают *«русский дух»* [14.03.04], *«самый русский стиль»* [20.08.92], *«истинно русскую красоту»* [28.08.92], *«тепло русского доброго дома»* [28.11.93], а также *«духовные традиции Седой Руси»* [07.09.97]. Все это — несомненно, *«русская история»* [10.05.92], причем в сознании музейной аудитории смысловой акцент делается на слове «русская», тогда как собственно «история» оказывается и не так важна. В отзывах посетителей ПБР предстают не столько историческим музеем, сколько заповедным *«русским уголком»* [04.09.92], где *«осталось хоть что-то русское»* [07.11.92] и потому *«здесь тот живительный исток, который вновь Россия обретет!»* [23.08.95]. Главной же миссией музея, по единодушному мнению авторов отзывов, является сохранение и пропаганда всего русского:

— *Спасибо всем, кто сохранил все это, кто поддерживает экспозиции, кто знакомит с ними все новые поколения русских людей. А то мы скоро забудем, что мы русские...* [17.01.05; ср.: 17.08.94, 17.01.14];

— *Спасибо Вам, хранители истории, старины, самобытности и значимости Руси. Это крайне необходимо нашим детям, растущим в такую трудную пору уничтожения русской духовности, чести, величия...* [09.12.05; ср.: 22.10.11; 04.01.12].

Таким образом, «встреча с прошлым» в ПБР оказывает сильное эмоциональное воздействие на посетителей: они остро переживают свою принадлежность к русскому народу и русской культуре. Освоение прошлого в музее происходит, фактически, за счет его этнизации. Неожиданным образом историко-бытовая экспозиция актуализирует этнонациональное самосознание, боярский быт устойчиво воспринимается как русский, благодаря чему музей средневековой *истории* превращается в музей русской культуры, русского духа — музей *русского*. В этом качестве он, несомненно, способствует укреплению этнокультурной идентичности, а следовательно — и этнической интерпретации социальной реальности, становясь, таким образом, эффективным институтом воспроизводства эт-

ничности [Соколовский, 2005. С. 144–167]. Оставляя в стороне вопрос о том, насколько это плохо или хорошо, отмечу лишь, что данный эффект прямо противоположен программируемому: вопреки экзотичности реконструированных интерьеров, вопреки концепции экспозиции и нетривиальным дизайнерским решениям, акцентирующим контраст современности и прошлого, вопреки традиционной установке на «диалог эпох», в музее происходит конструирование внеисторической этнокультурной общности; посетители игнорируют инаковость представленного прошлого, опознают его как *свое* и с энтузиазмом отождествляют себя с людьми XVII в. (= своими предками).

Если задаться вопросом о том, почему так происходит, почему бытовая экспозиция воспринимается в «национальном» ключе, пожалуй, можно будет назвать сразу несколько причин, среди которых — и актуальность национального вопроса в глобализирующемся мире, и привычная этноцентричность обыденного взгляда, и некоторые другие особенности обыденного исторического знания. Но наряду с этими общекультурными, «внешними» факторами есть, вероятно, и собственно музейные, обусловленные спецификой музея как особого культурного пространства. Об этом далее и пойдет речь. Каким образом в музее возникают условия для разной интерпретации экспозиции? Благодаря чему появляется возможность несовпадения экспозиционного замысла и его посетительского восприятия? Каковы механизмы исторической реконструкции, осуществляющейся в музейном пространстве?

— *Смотрите, это месяц! —*

зевнув, сказал один.

Другой сказал: Тарелка!

А третий крикнул: Блин!

С.Я. Маршак. Три зверолова

В современном музее реконструкция прошлого осуществляется в разных формах, однако главное место среди них по праву занимает предметная экспозиция. Специалистами неоднократно отмечалось основополагающее значение музейных предметов как первичной основы музейной деятельности [Разгон, 1984. С. 175–176; Дукельский, 1986. С. 99, 105]. В исторических интерьерных экспозициях среди них особенно выделяются вещи: «именно вещественный памятник как “след”, “остаток” реальной действительности в наибольшей мере вводит нас в обстановку прошедших или совершающихся событий, способствует созданию образа их, чувства “причастности” к этим событиям и вместе с тем удостоверяет их» [Музееведение..., 1988. С. 210. См. также: Чевтайкина, 2006. С. 79]. Иными словами, именно подлинность, *достоверность* предмета (столь важная в контексте реконструкции) является источником глубокого воздействия на зрителя и одновременно служит залогом адекватного отра-

жения истории [Музееведение..., 1988. С. 200; Егоров, 2002. С. 97, 100; Четвайкина, 2006. С. 82].

Об этой исходной *достоверности* вещи в обыденном сознании говорит Ю.М. Лотман: «Если слово всегда подозрительно с точки зрения его истинности, то достоверность вещи в бытовом сознании не вызывает сомнений. Сенсорная осязаемость вещи — возможность увидеть и потрогать — делает ее как бы критерием достоверности. Отличие между “услышать”, с одной стороны, и “увидеть и потрогать” — с другой, связано с возможностью опосредованности первого и обязательной непосредственностью второго. Услышать можно от другого, но посмотреть и потрогать можно только самому. Поэтому сенсорность восприятия означает здесь непосредственность контакта. Слово функционирует в отчуждении от предметного мира, вещь всегда дана в непосредственном контакте. Поэтому между нею и связанным с ней человеком возникают отношения “личного знакомства”. Вещь включается в сферу непосредственно эмоционального восприятия» [Лотман, 1986. С. 7]. Данное наблюдение представляется весьма важным в контексте проблемы реконструкции, поскольку подчеркивает существенные особенности обыденного отношения к вещи. Следует отметить, впрочем, что «непосредственность» восприятия предмета на поверку оказывается иллюзией — в реальности этот процесс как раз *опосредован* несколькими «внешними» факторами. Об этом — чуть ниже, пока же отметим еще один момент.

Вряд ли можно поспорить с тем, что при всей важности вещи как краеугольного камня музея, при всей «предметности» экспозиции все же главной задачей музея (по крайней мере, исторического) является не демонстрация вещей, а показ того, что стоит *за ними*: людей, их нравов, условий жизни в ту или иную эпоху, уровня развития техники и т. д. [Байбурин, 2004. С. 81; Музееведение..., 1988. С. 200]. Музейный предмет, таким образом, выступает как средство передачи информации. Условием же для трансляции этих «за-вещных» смыслов является способность вещей быть *знаками*.

В исследованиях по невербальной семиотике неоднократно подчеркивалась «двойная природа» вещей, в первую очередь предметов «материальной культуры»: «любая искусственно созданная вещь обладает утилитарными и символическими свойствами (“вещностью” и “знаковостью”), т. е. потенциально может быть использована и как вещь и как знак» [Байбурин, 1983. С. 8–9; Лотман, 1970. С. 11; о семантике предметов бытового обихода *см.* также: Кнабе, 1993. С. 89; 1985. С. 38–40]. Соотношение этих категорий определяет *семиотический статус* [Байбурин, 1981. С. 215–226] вещи, который является величиной непостоянной и изменяется в зависимости от контекста: в одних условиях актуализируются практические свойства вещи как материального предмета, в других она функционирует как знак.

Эта закономерность, очевидно, относится и к *музейным предметам* (нередко определяемым как материальный результат человеческой деятельности, включенный в музейное собрание [Дукельский, 1986. С. 99]), однако музейная ситуация обладает некоторыми особенностями. С одной стороны, в музее семиотический статус вещи заметно повышается: ее практическая значимость приближается к нулю, и она почти целиком становится знаком. В то же время замечено, что «знаковость вещи в музейном контексте и ее же знаковость в потоке обыденной жизни — качественно разнятся» [Соколовский, 2011. С. 718–719], главным образом из-за того, что в жизни вещи включены в многообразные практические связи. Отсутствие этих связей в музейном пространстве становится основанием для метафорического уподобления музея мавзолею, тюрьме или зоопарку, при котором подчеркивается *искусственность* статуса экспоната для бытовой вещи. В музее вещь кажется мертвой, изъятой из «живого потока жизни», помещенной в неестественные условия, заточенной в «хрустальные гробы» — музейные витрины [Там же. С. 723; Байбурин, 2004. С. 82]. По мнению исследователей, именно эта противоположная для вещи ситуация становится препятствием для полноценной реализации ими своей знаковой функции.

Применительно к интерьерному музею данное наблюдение нуждается в некоторых оговорках. В отличие от традиционной витринной экспозиции, музейные предметы представлены здесь не изолированно, а в ансамбле; здесь воссоздается предметный контекст существования вещей, благодаря чему достигается *ощущение подлинности*. Как уже говорилось выше, несмотря на целый ряд условностей экспозиции, у посетителей возникает весьма правдоподобная иллюзия пребывания в настоящем боярском доме. Впрочем, и в такого рода музеях вещи «избавлены» от практического использования и в этом смысле остаются «мертвыми», «поскольку отсутствуют люди, пользующиеся этими вещами, а только в оперировании вещами реализуется их “инобытие”» [Байбурин, 2004. С. 82]. Почему же в таком случае они оказывают такое сильное эмоциональное воздействие на людей и продолжают служить средством для реконструкции повседневности прошедшей эпохи?

Очевидно, что условием возникновения семантического значения предмета является его включенность в человеческие практики, формирующие определенный культурный контекст: «Сама по себе вещь не обладает семантикой... Ее культурное значение формируется при включении в определенный культурный контекст» [Баранов, 2005. С. 214; Кнабе, 1993. С. 94]. Иными словами, вещь как семантический объект существует постольку, поскольку ее *воспринимают и используют*. И если практическое использование музейного предмета исключено по определению, то вещь как объект *восприятия* продолжает существовать и после изъятия ее из «живого обращения». В связи с этим особое значе-

ние приобретает образ предмета. Именно образ вещи делает возможным ее существование как факта повседневной культуры: «...благодаря заложенному в вещах образному содержанию они могут рассказать на своем языке... о внутреннем мире и эмоционально-психологическом складе <...> Но этот мир и этот склад меняются во времени, вместе с ними меняются и образы вещей, что не может не сказываться на их языке, не делать его специфичным для каждой эпохи» [Кнабе, 1985. С. 38].

Итак, образное содержание предмета подвержено изменению, т. е. какого-то единого и постоянного образа вещи не существует — напротив, возможны *разные* образы *одного и того же* предмета. Так, хорошо известен тот факт, что современные образы и представления по поводу ряда вещей существенно отличны от восприятия и функционирования этих вещей в архаичной, древней, средневековой и традиционной культуре [см., например: Байбурин, 1983; Антонова, Раевский, 1991. С. 207–233; Харитонович, 1982. С. 24–39; Шереметьев, 2004. С. 180–186]. В разные эпохи (равно как и в разных этнических культурах и просто в разных ситуациях) заметно различается семиотический статус предмета, т. е. соотношение «вещности» и «знаковости»: то, что сегодня безоговорочно относится к разряду «материальной культуры» и воспринимается как чисто утилитарный предмет, еще сто лет тому назад, в иной культурной ситуации, могло иметь и чисто символическое значение. «В частности, по отношению к жилищу есть основания утверждать, что на ранних этапах его семиотический статус был существенно выше» [Байбурин, 1983. С. 10; 1989. С. 70, 74]. Исторична и сама семантика вещей. Об этом в свое время образно писал М. Блок: «Облака не изменили своей формы со средних веков. Мы, однако, уже не видим в них ни креста, ни волшебного меча. Хвост кометы, которую наблюдал великий Амбруаз Паре, вероятно, несколько не отличался от тех, что движутся по нашим небесам. Паре, однако, чудилось, что он видит там щиты со странными гербами» [Блок, 1973. С. 59–60].

Иными словами, сам предмет может быть один и тот же, но в разные эпохи люди видят в нем разное. В историческом музее эта закономерность проявляется в полной мере. Обратимся к конкретному примеру. В ПБР в «комнате боярыни» среди прочих предметов мебели представлены кресло и стул XVII в. Известно, что и тот, и другой предмет бытовали в домах московской знати, однако в обиходе XVII в. они обладали разным «статусом»: если кресло в богатом боярском доме уже было довольно привычным предметом, то стул (который по сравнению со скамьями и лавками был гораздо более «подвижным»; в отличие от традиционной стационарной мебели, его можно было переставлять и поворачивать) все еще оставался диковинкой и благодаря этому мог обладать также и экстраутилитарным значением, свидетельствуя, например, как об известном достатке хозяев, так иногда и об их культурных ориентациях. Таким об-

разом, бытовые предметы в определенных контекстах представляли собой некоторый текст, который соответствующим образом прочитывался современниками.

Совсем иначе читает его посетитель музея. За редким исключением он не замечает столь важной прежде «статусной» разницы между двумя предметами для сидения. Во-первых, стул и кресло для него равнозначны (а порой и трудноразличимы). Во-вторых, в реконструированном историческом интерьере он отводит им то же место в системе других предметов, которое они занимают в современном быту. Стулу XVII в. присваивается то же значение, та же роль, которая закреплена за ним сегодня. В этом смысле человек как бы «заменяет» стул XVII в. стулом современным; иначе говоря, «не видит» в этом предмете старого стула, опознавая его как знакомую вещь. Вообще нельзя не подчеркнуть, что момент опознания играет важную роль в процессе реконструкции: «...семантизация вещи связана с ее *идентификацией*, основывающейся на тех признаках, которые выделяют вещь, делают ее “заметной”» [Баранов, 2005. С. 215]. Нетрудно предположить, что посетители палат в XVII в. *замечали* не совсем то, что наши современники. Современный взгляд не задерживается на креслах и стульях, скользя по хорошо знакомым предметам и не фиксируя в них никаких дополнительных культурных значений, зато он непременно надолго останавливается на диковинной переметной скамье с перекидной спинкой, выделяя ее на фоне остальных вещей. Между тем в XVII в. такого рода скамьи, судя по всему, были более чем обычным предметом, встречавшимся отнюдь не только в боярских палатах.

Приведенный пример подтверждает тезис о культурной обусловленности обыденного взгляда: «...зрение культуры отличается от физического зрения; оно видит лишь то, что представляет собой знак... и не воспринимает того, что знаком не является» [Кнабе, 1993. С. 101]. Эту избирательность культурного зрения Г.С. Кнабе объясняет с точки зрения семиотики культуры. Говоря о знаке как результате взаимодействия материальной величины («означающего») и вкладываемого в нее социокультурного смысла («означаемого»), он отмечает, что семиотический смысл имеет динамическую природу, проявляющуюся в постоянном *обновлении означаемых*. Смена знаковых смыслов, связываемых с одним и тем же означающим, рассматривается как одно из имманентных свойств знака. Отсутствие же означаемого делает означающее невидимым для зрения культуры [Там же. С. 101; Кнабе, 1998. С. 59–64]. Так, стул как элемент реконструируемого интерьера игнорируется посетителем музея, поскольку не содержит в себе никакого социокультурного значения.

Из приведенных рассуждений следует одно заключение, принципиально важное для проблемы исторической реконструкции. Семиотический подход позволяет увидеть в вещи две составляющие — материальную

и символическую, физическую форму и знаковое содержание. «Для культурологического анализа первостепенное значение имеет эта разница между знаком или семиотическим образом вещи — величиной духовной, фактом общественного сознания, и ее устройством — величиной материальной и фактом техническим» [Кнабе, 1993. С. 91]. Отношения между ними вовсе не имеют характера жесткой зависимости; иначе говоря, определенной материальной форме совсем не обязательно соответствует одно-единственное знаковое содержание. Однако обе эти составляющие являются необходимыми компонентами вещи как целого. Идентичность вещи, позволяющая выделить ее из ряда других подобных вещей, складывается не только из физических, но и из семиотических характеристик. В контексте реконструкции данное утверждение имеет довольно важные следствия. Скажем, целью материальной реконструкции признается максимально точное воспроизведение частично или полностью утраченного предмета [Морозов, Похмельнов, 2006; Максимов, Максимова, 2006]. Однако из сказанного выше следует, что даже достижение полного физического соответствия воссозданного предмета (его внешнего вида, материала, производственных технологий и пр.) историческому прототипу (на практике все же маловероятное), строго говоря, не может считаться достоверной реконструкцией, поскольку не подразумевает воспроизводства семиотического значения вещи. Физическое подобие не предполагает знаковой аутентичности.

Далее, если рассуждать последовательно, надо признать, что то же самое касается и подлинных предметов, таких, например, как музейные экспонаты или археологические находки. В этих случаях в материальной аутентичности вещей сомневаться не приходится. Однако насколько очевидна их подлинность как физических объектов, настолько же сомнительна достоверность их семиотического смысла в восприятии современного человека. И это обстоятельство не позволяет безоговорочно утверждать тождество артефакта, рассматриваемого или исследуемого нами сегодня, с этим же предметом как элементом повседневной жизни прошедшей эпохи. В самом деле, насколько, скажем, шейная подвеска, обнаруженная археологом в земле, является для него *тем же самым* предметом, которым она была когда-то для ее владельца? Очевидно, это *другая* вещь, ровно в той степени, в какой она имеет разное значение для этих двух людей. Игнорирование образной, символической составляющей вещи делает возможным полное отождествление двух разных предметов (обладающих лишь физическим тождеством) и подмену одного другим. Именно такая подмена происходит с пресловутым стулом в боярских палатах: на место стула XVII в. сознание посетителя музея «помещает» его современный аналог.

Экскурсовод: *Ребята, какой праздник мы празднуем седьмого января? Дети: Восьмое марта!..*

Из музейной практики

Однако музей — не раскоп: здесь экспонат является элементом сложной коммуникативной композиции. И если между владельцем шейной подвески и археологом не существует посредников и она, условно говоря, попадает из рук в руки, то в случае с экспонатом между нашим современником и человеком прошлого стоит музей в лице создателей экспозиции. Это он *представляет* предмет взору посетителя, он формирует *представление* о предмете, он отвечает за трансляцию его исходных знаковых смыслов [Скрипкина, 1997. С. 14].

Проблема передачи и восприятия смыслов в музейном пространстве заставляет обратиться к теме *музейной коммуникации*, которая с 1960-х гг. на Западе и с 1980-х гг. в СССР стала интенсивно разрабатываться в связи с возникновением и распространением коммуникационного подхода в музееведении [Юхневич, 2001. С. 26]. В рамках этого подхода музей описывается как специфическая коммуникационная система, обеспечивающая общение посетителей с вещами [Гнедовский, 1988]. Экспозиция в данном случае рассматривается как основная форма музейной коммуникации [Музееведение..., 1988. С. 195], с помощью которой музей формулирует невербальное высказывание, рассчитанное на восприятие посетителем. Степень адекватности этого восприятия позволяет говорить об *эффективности* музейной коммуникации.

Исследования музейной аудитории (во многом инициированные благодаря распространению коммуникационного подхода) показали, что восприятие людьми той реальности, с которой они сталкиваются в музее, может быть порой совершенно неожиданным и никак не сопрягаться с замыслами экспозиционеров и экскурсоводов. Примером может служить восприятие самого здания Палат бояр Романовых посетителями музея. До недавнего времени оно воспринималось по контрасту с расположенной поблизости гостиницей «Россия». «Этому скромному домику соседка «Россия» в пятки не годится» — эта фраза из книги отзывов, оставленная «шахтером из Кузбасса» [23.07.92], отражает ту эмоциональную реакцию, которая основана на «запрограммированном» восприятии данной постройки как уникального памятника средневекового каменного зодчества, редкого образчика утерянной в наше время «архитектуры с человеческим лицом» — с уютными комнатками, старинными лестницами и ненавязчивым полумраком, имеющего запоминающийся индивидуальный облик и таинственное очарование русской старины. По сравнению с ним «Россия» казалась безликим и бездушным железобетонным «монстром», некомфортным и даже враждебным для человека. Однако наряду с такой (казалось бы, естественной и напрашивающейся) интерпретацией имеющегося архитектурного контраста, возможно и другое его осмысление, с прямо противоположными оценками: иногда Палаты воспринимались как чудом сохранившееся свидетельство примитивности средневековых строительных технологий — совершенно неприспособ-

ленный для жилья дом с тесными каморками, мрачными переходами, неудобными лестницами и варварски безвкусным внешним обликом на фоне современного стекляннно-бетонного дворца со светлыми фойе и комфортабельными комнатами.

Приведенный пример иллюстрирует распространенную ситуацию, в которой формулируемое музеем высказывание заметно отличается от того сообщения, которое доходит до сознания адресата. Основная причина такого коммуникативного провала небезосновательно усматривается в доминирующем взгляде на посетителя как на *объект* информационного *воздействия*. Этот взгляд основывался на расхожем представлении о музее как прежде всего образовательном учреждении. Просвещение мыслится его главной функцией, а посетителю соответственно отводится роль *человека, подлежащего просвещению*. Коммуникативный подход предлагает иной взгляд: «...если в рамках традиционного подхода посетитель рассматривался как “объект” обучения и воспитания, пассивный получатель знаний и впечатлений, содержание и последовательность которых заранее продумывались работником музея, то теперь он получал статус “субъекта”, полноправного участника процесса коммуникации, имеющего свои интересы и право самостоятельного выбора информации» [Гнедовский, 1988. С. 21].

Этот тезис о *субъектности* посетителя нашел широкий отклик в отечественном музееведении и довольно активно воспроизводится в статьях специалистов [Чувилова, 2002; Каулен, 2002]. Однако, будучи хорошо усвоен в теории, он пока еще остается плохо освоенным на практике, о чем свидетельствуют результаты социологических исследований: экспозиционеры по-прежнему воспринимают посетителей как потребителей информации, а те продолжают не замечать представленные предметы и трактовать экспозицию иначе, чем задумывалось ее авторами [Ольшевская, 2005. С. 272–273; Юхневич, 2006. С. 44–48.]. По мнению О.В. Беззубовой, в этом проявляется особенность отечественной рецепции коммуникативного подхода; в отличие от того понимания, которое вкладывают в него западные теоретики музейного дела, в России этот подход оказывается ближе к традиционному музееведению: «...если среди западных исследователей все сторонники данного направления центральное место отводят посетителю, а роль сотрудника музея определяется обычно как роль посредника, транслятора, переводчика или интерпретатора, то в российском музееведении музейный работник выступает в роли ключевой фигуры, занимая доминирующую, авторскую позицию в структуре коммуникации, тогда как посетителю по-прежнему отводится пассивная роль реципиента» [Беззубова, 2004. С. 424].

Между тем, как показывают современные исследования, функции воспринимающей стороны в процессе коммуникации не ограничиваются лишь пассивным *получением* информации, но предполагают и некоторую

активность реципиента — постольку, поскольку «отправитель» посылает «получателю» далеко не все, что необходимо для осуществления коммуникации.

Н. Вахтин описывает процесс передачи вербального сообщения следующим образом: «...говорящий посылает, а слушающий воспринимает некий сигнал — означающее (а), который вызывает в сознании слушающего определенное означаемое, или можно сказать, который *находит* в сознании слушающего некое соответствующее означаемое. При этом говорящий надеется, что смысл (А), который соответствует означающему (а) в его сознании, будет совпадать с тем смыслом, который соответствует этому же означающему в сознании слушателя. Однако никаких гарантий этого у говорящего нет. Совершенно не исключено и даже весьма вероятно, что смысл (А), соответствующий означающему (а) в сознании говорящего, не будет абсолютно идентичен смыслу (А'), соответствующему этому же означающему в сознании слушающего:

ГОВОРЯЩИЙ		СЛУШАЮЩИЙ
(А)		(А')
(а) —	➔ (а) —	➔ (а)

Иначе говоря, языковой знак существует на двух концах этого канала, в сознании говорящего и в сознании слушающего, но не в канале передачи: в канале от говорящего к слушающему передается лишь одна из двух сторон языкового знака — именно, его означающее... Для означаемого в канале передачи нет места» [Вахтин, 2005. С. 150–151].

Таким образом, то, что получает реципиент, — лишь некая форма, не имеющая определенного содержания. Наполнение ее тем или иным смыслом, «приклеивание» к этому сигналу того или иного означаемого происходит лишь в сознании «получателя». Очевидно, что это обстоятельство значительно затрудняет коммуникацию, ставя под сомнение саму возможность адекватного восприятия сообщения, поскольку один и тот же сигнал в принципе может иметь разные коннотации для разных участников.

В статье Н. Вахтина речь идет прежде всего об устном взаимодействии. Очевидно, однако, что описанная закономерность верна и для невербальной коммуникации. В частности, интересующее нас восприятие предметов также оказывается сопряжено с активностью реципиента, приводящей к порождению альтернативных смыслов. В связи с этим обыденное представление о *непосредственности* восприятия предмета (и, следовательно, его большей *достоверности* по сравнению со словом), описанное Ю.М. Лотманом, строго говоря, не соответствует действительности.

Данная позиция уязвима прежде всего с точки зрения физиологии восприятия. Согласно результатам психологических экспериментов, человеческое *видение* не исчерпывается лишь получением и переработкой внешней информации; оно представляет собой сложный процесс *взаимодействия* визуальных впечатлений и визуального опыта человека, в результате которого образуется определенный *перцептивный образ*. По мнению Г. Гельмгольца, в создании этого образа прежний визуальный опыт человека действует не менее сильно, чем текущие чувственные ощущения. Иными словами, «то, что человек видит, есть результат слияния визуальных впечатлений от предмета и встречной *активности* (курсив мой. — П.К.) человека, посылающей навстречу этой информации сгустки прошлого опыта, означенного и осмысленного, интегрированного в общей структуре сознания человека» [Розин, 1996. С. 47]. В визуальном восприятии выделяются две стороны процесса: *обследование визуального материала* (имеющее процессуальную природу и жестко связанное со структурой этого материала) и *конструирование видимого предмета* в сознании наблюдателя (отражающее интеллектуальную сторону видения). Акт конструирования предмета «предполагает выделение и полагание объекта, осуществление процедур отождествления и разотождествления, а также сопоставление объекта с фиксированными в обществе сенсорными эталонами. Наконец, это акт языкового обозначения предмета, т. е. обнаружения и существования предмета в языке» [Там же. С. 49].

Не останавливаясь подробно на анализе визуального восприятия, отметим лишь два момента, имеющих большое значение в контексте рассматриваемой проблемы. Во-первых, это утверждение о том, что в процессе визуального восприятия человек занимает активную позицию: он не просто получает информацию, но осуществляет сложную деятельность по конструированию образа. Не случайно для описания перцептивной деятельности человека используется термин «визуальная активность», недвусмысленно подчеркивающий *субъектность* наблюдателя. Во-вторых, из-за того, что от воспринимаемого предмета приходит лишь часть визуальной информации, используемой при конструировании образа, и этот поступающий извне визуальный материал не определяет целиком видимый предмет, — видение одного и того же предмета в принципе неоднозначно. «Иными словами, на основе одного визуального материала в зависимости от разных мотивов, установок и прошлого опыта визуальная активность *создает разные предметы* (курсив мой. — П.К.)» [Там же. С. 53]. Важную роль в этом процессе играют культурные и психологические установки, влияющие на выбор объектов и определяющие степень готовности их восприятия. Как отмечает В.М. Розин, «при наличии сильной ведущей установки, ориентированности на определенный предмет, человек отчетливо видит его даже в плохих визуальных условиях, при

этом практически не видя других предметов, хорошо доступных зрению, и из всех имеющихся визуальных интерпретаций выбирает ту, которая соответствует имеющейся у него установке» [Там же. С. 47].

Итак, приведенные данные об особенностях коммуникации и механизмах визуальной перцепции свидетельствуют о значительной роли индивидуального фактора — установок, стереотипов и опыта реципиента в процессе восприятия. И этот факт заставляет сомневаться в возможности адекватной трансляции предметных образов и значений в музейном пространстве. По мнению исследователей, взаимопонимание между автором экспозиции и посетителем по поводу смысла представленных предметов возможно лишь при близости культурных установок этих двух субъектов [Гнедовский, Дукельский, 1992. С. 13]. В противном же случае не избежать коммуникационных нарушений, устранение которых возможно, по мнению авторов, с помощью диалога упомянутых субъектов, направленного на выработку «общего взгляда на вещи». Принимая во внимание все вышесказанное, следует признать, что в отечественной музейной практике такое взаимопонимание между музеем и посетителем является скорее исключением, чем правилом: сказывается различие и в культурных установках, и в опыте освоения исторического материала и, самое главное, в том самом «взгляде на вещи», в разных *оптиках* профессионала-музейщика и обывателя-посетителя. Более того, описанные выше коммуникативные сложности, возникающие при восприятии единичного предмета, заметно увеличиваются, когда речь идет о предметном ансамбле — музейной экспозиции.

В самом общем виде коммуникационная проблема экспозиции может быть описана следующим образом. Экспозиционер, имея в сознании определенный образ того или иного фрагмента исторической действительности, на его основе создает экспозицию, представляющую собой реконструкцию материальной предметной среды, в расчете на то, что по ней посетитель адекватно реконструирует тот самый исходный единственно верный образ прошлого. Этот расчет строится на ошибочном допущении об однозначности каждого представленного предмета и всей композиции в целом. Проще говоря, музейный специалист идет от сформировавшегося в его сознании образа к предмету и предметной композиции, полагая, что посетитель совершит обратный путь просто по необходимости, так как других возможностей вроде бы не существует. Между тем посетитель все время норовит свернуть с предлагаемой дороги и пойти своим путем, поскольку он-то видит представленные предметы иначе и, соответственно, наделяет их своими значениями, помещает в свои контексты. Более того, по сравнению с восприятием отдельного предмета при восприятии предметного ансамбля возможности альтернативной интерпретации многократно увеличиваются. Это происходит, прежде всего, за счет увеличения *количества* воспринимаемых предметов, подобно тому как

это происходит при речевой коммуникации: «Различия между смыслом (семантикой, прагматикой, ассоциативным рядом) одного слова в сознании говорящего и слушающего начинает расти в геометрической прогрессии при увеличении числа передаваемых слов» [Вахтин, 2005. С. 163–164]. А кроме этих чисто «количественных» сложностей, восприятие экспозиции осложняется еще и тем, что она представляет собой сложное сообщение, состоящее из нескольких взаимосвязанных элементов, и для уяснения его смысла помимо собственно предметов человек должен соответствующим («адекватным») образом интерпретировать также и существующие между ними смысловые связи. В результате посетитель, опираясь на свои представления и образы, соединяет видимые им элементы по-своему, создавая таким образом свой текст, более или менее отличный от текста адресанта — создателя экспозиции.

Таким образом, анализ восприятия музейной экспозиции в контексте современных данных по межличностной коммуникации и визуальной перцепции существенно дополняет имеющиеся представления о предметной реконструкции в историческом музее. В частности, он позволяет иначе определить роль и функции музейного предмета как элемента коммуникации. Приходится признать, что распространенное представление о музейном предмете как источнике информации, которую должен извлечь из него посетитель, не вполне соответствует реальности. Более адекватным оказывается описание его как объекта, подлежащего осмыслению и получающего то или иное значение в процессе восприятия. Иными словами, музейный предмет не столько *содержит информацию*, сколько *наделяется значением*. Это касается как отдельных вещей, так и всей экспозиции в целом. И в этом смысле посетитель признается не просто полноправным участником коммуникационного процесса, но — со-творцом экспозиции [Чувилова, 2002. С. 185; Каулен, 2002. С. 223; Мееров, Заславец, 2006. С. 193].

На данном представлении основывается схема музейной коммуникации Э. Хупер-Гринхилл, позволяющая «рассматривать процесс порождения смысла в музейной коммуникации как двунаправленный, где не только музейный работник наделяет вещи смыслом, организуя их в экспозицию, но и каждый из зрителей привносит свою собственную интерпретацию в соответствии со своим личным опытом» [Беззубова, 2004. С. 423]. Об этом же пишет и А.К. Байбурин, рассуждая о семиотике музея: «Информационная емкость музейной вещи прямо пропорциональна объему знаний посетителя о той эпохе, о которой вещь должна повествовать. Получается вполне парадоксальная, но с точки зрения семиотики единственно возможная ситуация: не вещь “дает информацию”, а посетитель наделяет экспонат теми смыслами, которые у него “всплывают” при рассматривании этой вещи (ср. “Египетские ночи”). В этой ситуации наделяния вещей содержанием сама вещь является лишь наме-

ком, который должен мобилизовать знания посетителя и спровоцировать его на построение такой конфигурации фрагмента культуры, в которой все ниточки тянутся к этой вещи. Только в этом случае вещь может “приоткрыться” и привнести нечто новое (и прежде всего самую себя) в имеющиеся фоновые знания. Наверное, применительно к таким ситуациям часто говорится о том, что вещи “рассказывают об уровне цивилизации, торговых связях, зажиточности или бедности, о характере культуры, социальных отношениях и идеологических представлениях”. Рассказывают. Но только в том случае, если посетитель способен сам придумать для себя этот рассказ» [Байбурин, 2004. С. 83–84].

Прекрасной иллюстрацией к этому рассуждению является следующий эпизод из музейной практики. Во время недавнего новогоднего представления в ПБР экспозиция была временно дополнена необходимыми по сценарию предметами. Некоторые из них оставались на экспозиции в промежутках между представлениями и иногда привлекали внимание посетителей, по-своему интерпретировавших эти, в сущности, случайные вещи. Так произошло, например, с «волшебным» гусиным пером, размещенным в денежном сундуке: посетители, осматривавшие музей в перерыве между представлениями, недолго думая, объяснили наличие пера в сундуке необходимостью письменного учета боярской казны.

В контексте музейной коммуникации этот курьез является, на мой взгляд, весьма показательным. Оставляя «сказочное» перо на экспозиции, мы рассчитываем на то, что в силу его очевидной неуместности оно не будет восприниматься посетителем как часть исторической экспозиции, останется *незамеченным*. Однако, вопреки ожиданиям, его не просто замечают, но и используют в реконструкции, приписывая определенную функцию, связывая с окружающими вещами и тем самым включая в контекст. И прямо обратная ситуация складывается в описанном выше «мебельном» примере. Размещая на экспозиции стул в качестве некоего европейского экзотизма на фоне традиционной мебели, мы реконструируем фрагмент интерьера богатого боярского дома, иллюстрируя известный тезис о встрече «старого» и «нового» в русской культуре конца XVII в. Однако именно это качество оказывается скрыто от посетителя: в его представлении стул оказывается ничуть не «экзотичнее» стола и потому *игнорируется* как значимый элемент интерьера и не включается в реконструируемый образ.

Такого рода несовпадения обнажают те различия в установках и представлениях специалиста (ученого или музейщика) и обывателя, которые предопределяют *нестожественность* их реконструкций. Реконструкция, созданная экспозиционером, очевидно, отличается от реконструкции, осуществляемой посетителем в процессе знакомства с экспозицией. Конечно, в данном случае можно говорить о «правильной» или «неправильной» интерпретации посетителем реконструированного в музее про-

шлого. Но, пожалуй, корректнее будет признать наличие *двух разных* реконструкций: «музейной» (научной, специальной) и «посетительской» (обыденной, произвольной). (Сведение исторической реконструкции, осуществляемой в музее, к этим двум вариантам — явное упрощение реальной ситуации. Скорее следует говорить о взаимодействии в музейном пространстве научного и обыденного знания о прошлом и их столкновениях, альянсах и комбинациях. Важным агентом музейной коммуникации является экскурсовод, который, с одной стороны, призван представлять научную интерпретацию, а с другой — должен говорить на «языке» посетителя. Как, в связи с этим, охарактеризовать его реконструкцию? В какой степени она транслирует научное знание, а в какой — воспроизводит обыденные представления? Эти вопросы требуют исследования.) Вслед за приведенной выше схемой речевой коммуникации их можно обозначить соответственно как «Р» и «Р'». Они могут иметь одну материальную базу, т. е. основываться на одних и тех же предметах, но все равно представляют собой разные «рассказы».

Заметим, что конечной целью музейной деятельности является именно формирование представления о прошлом в сознании посетителя (Р'), но, несмотря на это, обыденная реконструкция становится предметом обсуждения и внимания исследователей гораздо реже, чем научная (Р). По этой причине мы все еще очень мало знаем о том, как «простой человек» воспринимает музейные исторические реконструкции, какие образы возникают и остаются в его сознании, в какие контексты они включаются и какими значениями наделяются. Для восполнения этого пробела необходимо специальное исследование; пока же, основываясь на имеющемся материале, можно указать лишь некоторые ее свойства.

Прежде всего, обыденная реконструкция *анахронична*. Если в научном дискурсе тезис о фундаментальных различиях в культуре и ментальности людей разных эпох сегодня является триумфом, то в обыденном сознании доминирует монологический подход к прошлому и фактически игнорируется *инаковость* этого прошлого как Другого. В этом смысле современное сознание *а-исторично*: старые вещи воспринимаются «современными глазами», слова XVII в. наделяются сегодняшним значением, а чувства и мысли людей реконструируются на основе современных (как будто универсальных) обыденных представлений. В результате то историческое пространство, в которое «погружается» посетитель в историческом интерьере, та атмосфера, которую он «вдыхает», находясь среди старинных вещей, тот «рассказ», который он создает для себя в музее, нередко оказывается проекцией собственной субъективной реальности на тот или иной фрагмент прошлого.

Далее, обыденная реконструкция *стереотипна*. Она строится на основе некоторого ограниченного набора объяснительных схем и шаблонных образов, усвоенных из доступных источников (учебников, худо-

жественной и научно-популярной литературы, исторических фильмов, компьютерных игр и др.). Одним из функциональных свойств стереотипов является их ригидность, т. е. устойчивость к новой информации, нечувствительность к логическим противоречиям, обеспечивающая сохранность и неизменность исходного представления, — поэтому для его изменения, для преодоления стереотипа и выработки другого «взгляда на вещи» [Гнедовский, Дукельский, 1992. С. 14] требуются немалые усилия, которые далеко не всегда венчаются успехом. Характерный пример: на детской театрализованной экскурсии «В гостях у боярина» детей встречает молодой, еще безбородый, «боярин» в реконструированном костюме. Однако на детских рисунках, изображающих эту встречу, боярин почти всегда изображается как солидный и упитанный мужчина с бородой — непривычный образ вытесняется шаблонным представлением.

Наконец, обыденная реконструкция *некритична и доверчива*, что проявляется, в частности, в представлении об *аутентичности* музейных экспонатов. Пространство музея в обыденном сознании — пространство подлинности. «Кредит доверия» к музейному экспонату у публики велик, и его воздействие на посетителя далеко не всегда зависит от реальной степени аутентичности и достоверности. В связи с этим еще один пример. В 2006 г. в ПБР после реконструкции открылся подземный археологический музей с обновленной экспозицией, где среди прочего представлен макет боярской усадьбы. Макет выполнен художником и представляет собой условную модель возможного расположения и внешнего вида усадебных построек. Но эту *условность, не-аутентичность* данной модели оказывается крайне сложно донести до сознания даже взрослой публики, не говоря уже о детях. Талантливо изготовленный макет выразителен, он привлекает внимание посетителей и запечатлевается в сознании лучше многих гораздо более точных реконструкций и подлинных памятников. Сколько бы ни подчеркивались условность и схематичность макета, все равно в сознании посетителя остается именно этот яркий и запоминающийся образ, который и формирует его представление о прошлом.

В заключение замечу, что пафос данной статьи состоит не в том, чтобы провозгласить плюрализм в интерпретации прошлого. И не в том, чтобы в очередной раз призвать к «освобождению» посетителя или вещи от музейного «диктата». Он заключается скорее в том, чтобы предложить иную оптику в рассмотрении проблемы реконструкции — позволяющую разглядеть за *одной профессиональной* реконструкцией (максимально достоверной и потому «правильной») *множество* иных, *обыденных*, реконструкций, каждая из которых находится в особых отношениях с реальностью и обладает собственной мерой достоверности. При таком подходе расширяется содержание самого понятия «реконструкции» и одновременно снижается его статус: в данном случае оно не связывается с

«максимальной степенью соответствия прототипу» [Максимов, Максимова, 2006. С. 132], а относится ко всякому (как материальному, так и мыслимому) воссозданию исторического прошлого, осуществляемому на основе имеющихся у человека представлений и воспринимаемых им музейных предметов. «Уравнивание в правах» научной и обыденной реконструкции вовсе не означает их содержательной тождественности и совсем не отменяет некоторых различий, в частности в степени достоверности. Речь идет лишь о признании обыденного взгляда в музейном пространстве не менее значимым, чем взгляд профессиональный [см. об этом: Гуральник, 2005]. Такое признание связано с некоторым перераспределением «властного ресурса» в музее: оно ставит под сомнение доминирующую позицию специалиста как носителя единственно верной информации. Профессиональное знание лишается привычной монополии на конструирование исторических представлений, это право признается также и за другими: реконструкторами в музее становятся не только ученые, экспозиционеры, экскурсоводы, но и посетители. Разумеется, усвоение такой оптики требует серьезных усилий со стороны музея, однако, похоже, что она является важнейшим условием и необходимой основой для осуществления полнокровной и сложной коммуникации в музейном пространстве, построения равноправного и продуктивного диалога — между прошлым и настоящим, музеем и посетителем, человеком и предметом.

Библиография

Антонова Е.В., Раевский Д.С. О знаковой сущности вещественных памятников и о способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.: Наука, 1991. С. 207–233.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.

Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 63–88.

Байбурин А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1. С. 81–87.

Баранов Д.А. Образы вещей. (О некоторых принципах семантизации) // Антропологический форум. 2005. № 2. С. С. 212–227.

Беззубова О.В. Теория музейной коммуникации как модель современного образовательного процесса // Коммуникация и образование / Под ред. С.И. Дудника. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 418–427.

Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1973. 231 с.

Вахтин Н.Б. Заметки об одной особенности акта коммуникации // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 148–166.

Гнедовский М.Б. Современные тенденции развития музейной коммуникации // Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности / Ред.: В.Ю. Дукельский; НИИ культуры. М., 1988. С. 16–34.

Гнедовский М.Б., Дукельский В.Ю. Музейная коммуникация как предмет музееведческого исследования // Музейное дело. Музей-Культура-Общество / Центр. музей Революции. М., 1992. С. 7.

Гуральник Ю.У. Музейная социология в XX веке // Роль музеев в формировании культурного пространства и имиджа региона (по материалам научно-практических конференций музейных работников в г. Москве и Ростове-на-Дону в 2004 г.) / ГЦМСИР. М., 2005. С. 224–237.

Дукельский В.Ю. Памятники истории и культуры в системе музейной деятельности // Памятниковедение: теория, методология, практика / НИИ культуры. М., 1986. С. 39–49.

Егоров В.Л. Историческая экспозиция музея в переходную эпоху: проблема интерпретации истории // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост. Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. С. 96–101.

Каулен М.Е. Проблема личности в исторической экспозиции // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост. Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. С. 219–227.

Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.: Индик, 1993. 527 с.

Кнабе Г.С. Основы общей теории культуры. Методы науки о культуре и ее актуальные проблемы // История мировой культуры. Наследие Запада. М.: РГГУ, 1998. С. 37–88.

Кнабе Г.С. Язык бытовых вещей // Декоративное искусство СССР. 1985. № 1. С. 39–43.

Куприянов П.С. Боярский быт, русский дух и освоение прошлого в историческом музее // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 43–51.

Куприянов П.С. Реконструкция повседневности в историческом музее // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX – начала XXI в. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 196–216.

Лотман Ю.М. Натюрморт в перспективе семиотики // Вещь в искусстве. Материалы научной конференции. 1984. М.: Советский художник, 1986. С. 6–14.

Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Вып. 1. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1970. 109 с.

Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. 623 с.

Максимов Р.И., Максимова И.Э. Некоторые аспекты методологии научной реконструкции и использование ее в научно-образовательной деятельности музеев // Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев. М., 2006. С. 132–140. (Труды ГИМ. Вып. 160).

Мееров К.А., Заславец Н.Н. Музейная реконструкция как информационная поддержка экспозиции ГИМ // Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев. М., 2006. С. 193–199. (Труды ГИМ. Вып. 160).

Морозов Ю.А., Похмельнов Э.В. Особенности методики создания научной реконструкции предметов вооружения и снаряжения XIV в. в экспозиции // На-

учные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев. М., 2006. С. 25–31. (Труды ГИМ. Вып. 160).

Музееведение. Музеи исторического профиля / Под ред. К.Г. Левыкина, В. Хербста. М.: Высш. шк., 1988. 431 с.

Ольшевская Г.К. Из опыта организации и проведения социологических исследований в музее // Роль музеев в формировании культурного пространства и имиджа региона (по материалам научно-практических конференций музейных работников в гг. Москве и Ростове-на-Дону в 2004 г.) / ГЦМСИР. М., 2005. С. 266–275.

Разгон А.М. Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальные исторические дисциплины. М.: Наука, 1984. С. 174–183.

Риснихофф де Горгас М. Реальность как иллюзия: исторические дома, ставшие музеями // *Museum*. 2001. № 4 (210). С. 10–15.

Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М.: УРСС, 1996. 272 с.

Скрипкина Л.И. Концептуальный подход к проектированию музейной экспозиции в его взаимосвязи с новыми направлениями научных исследований // Музей и общество на пороге XXI века: Материалы научной конференции, посвященной 120-летию Омского государственного историко-краеведческого музея / Отв. ред. П.П. Вибе. Омск: Омский историко-краеведческий музей, СФ РИК, 1997. С. 12–15.

Соколовский С.В. Из детства — с приветом. Автоэтнографические этюды // Антропология социальных перемен: сборник статей. М.: РОССПЭН, 2011. С. 701–733.

Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М.: РНИИ природного и культурного наследия, 2005. С. 144–167.

Харитонович Д.Э. Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 24–39.

Чевтайкина Н.Н. Исторические реконструкции и интерьеры на выставках и в экспозициях по истории XX в. // Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев. М., 2006. (Труды ГИМ. Вып. 160).

Чувилова И.В. Музей в поисках истории (посредников просьба не беспокоить) // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост. Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. С. 183–187.

Шереметьев Д.А. Некоторые аспекты существования вещи в традиционной культуре // Этнографический источник. Материалы Третьих Санкт-Петербургских Этнографических чтений. СПб.: РЭМ, 2004. С. 180–186.

Шляхтина Л.М. Образ и образование в исторических экспозициях музеев // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост. Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. С. 234–240.

Щуцкая Г.К. Материальное и нематериальное наследие в музее «Палаты в Зарядье» // Музей и нематериальное культурное наследие. Сборник трудов твор-

ческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела / Сост. И.М. Коссова. Вып. 6. М.: АПРИКТ, 2005. С. 80–85.

Юхневич М.Ю. Посетитель в восприятии музея // Музей и его аудитория. Маркетинговая стратегия. Сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела / Сост. И.М. Коссова. Вып. 7. М.: АПРИКТ, 2006. С. 44–48.

Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей: Учеб. пособие по музейной педагогике / М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии. М., 2001. 223 с.

УДК 930.2; 069; 004

О.Е. Черкаева, O. Cherkaeva

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР И ЦЕНТР ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ

Historical Museum as an Information and Documentation Center (Dokumentationszentrum)

Аннотация: статья посвящена новой группе музеев Германии, появившейся в музейном ландшафте страны несколько десятилетий назад и получившей название «центры документирования» и «информационные центры». В отличие от классических исторических музеев, где в экспозиции преобладает трехмерный музейный предмет, в новых музеях показ построен на плоскостном материале — документах и фотографиях, а также кино- и фоноисточниках, т. е. на материале, традиционно хранящемся в архивах, что отражает стремление авторов экспозиций к максимально объективному и полному отражению представляемой темы. Такая специфика создания экспозиций обусловлена сложностью периода, который долго не освещался, — приходом к власти и господством национал-социалистов. Особенность новых музеев — их создание в тех местах, где происходили события, главным «документом» в них является само место.

Abstract: The article deals with a new group of German museums appeared in the country several decades ago and called “documentation” and “information” centers. Unlike classical and historical museums where three-dimensional museum objects are dominant, the new museums display two-dimensional objects such as documents and photography, as well as cinema and sound, that is, the most informative data. This reflects the authors’ aspiration to present a theme in a more unbiased and instructive manner. This characteristic feature of exhibitions can be explained by the complexity of the era that had not been explored for quite a long time, i.e., the rise to power and reign of the National Socialists. Another specific trait is that these new museums were created in places where the events had taken place; therefore, the place itself constitutes the main “document”.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, центр документирования, информационный центр, документ, место памяти, период национал-социализма, музей, архив, исторический источник.

Keywords: historical science, museology, documentation center, information center, document, commemoration site, the era of National Socialism, museum, archives, historical reference.

В XXI в. в музейном ландшафте Германии появилась новая группа исторических музеев, обособившаяся внутри музеев современной истории и получившая название «Центры документирования» (или «Центры документации»). Эти музеи заметно выделяются среди всех остальных и обладают общими характерными признаками, главными из которых являются следующие:

- они создаются на местах, где происходили ключевые события истории, определившие ход ее развития, и самим фактом своего появления и существования на этом месте документируют исторический процесс;
- они заметно отличаются от классических музеев характером экспозиционного материала. В отличие от классического исторического музея, где в качестве основного экспоната позиционируется *трехмерный объект*, снабженный минимумом текста (как правило, этикетажем или текстом к разделу), здесь в центре внимания оказывается собственно *информация* об историческом месте и происшедших на нем событиях, задача которой — воссоздать у посетителя максимально полное и объективное представление о том, что и как в данном месте происходило, а также дать ему возможность погрузиться в определенную эпоху, *сопережить/осознать* случившееся на этом месте много лет назад.

Информация представлена здесь в разных формах:

- сопроводительные тексты большого формата и увеличенные фотографии на баннерах (стендах) наряду с историческими источниками по данному периоду в витринах (письмами, распоряжениями, приказами и т. д.). Информацию в такой форме можно обозначить как *статичную визуальную информацию*;
- документальная кинохроника, или *аудиовизуальная информация*;
- интервью участников событий, или *аудиоинформация*.

В зависимости от концепции конкретной экспозиции на первый план выходит информация в одной из трех форм: в одних случаях преобладают тексты и фотографии, в других — документальные киноматериалы. Аудиоматериалы стали неотъемлемой частью этих экспозиций: услышать голос участника или свидетеля событий, оказаться с ним один на один очень важно для посетителя. Многие из таких музеев принципиально отказались от проведения групповых экскурсий по экспозиции, чтобы сохранить особую ауру личной встречи с событием и его очевидцами и не разрушать ее через посредников.

Стремление донести до посетителя максимальный объем информации приводит к показу минимального количества трехмерных объектов, т. е.

к сознательному отказу от классического для исторического музея основного экспозиционного материала. В музееведении общепризнано, что в наибольшей степени свойством информативности обладают письменные источники [Основы музееведения. С. 47]. Информацию из трехмерного музейного предмета извлекает, как правило, специалист в процессе научной работы; для неспециалиста она неочевидна. Возможности интерпретации письменного источника более ограничены по сравнению с возможностью интерпретации трехмерного музейного предмета, информационное поле которого может возрасти в зависимости от новых научных открытий и получения новых результатов в процессе его изучения. В классическом историческом музее между экспонатом и посетителем обязательно присутствует посредник-исследователь, без которого предмет, как правило, неинформативен; этот посредник имеет большую свободу в интерпретации предмета, в том числе и в связи с наращиванием его информационного поля (отметим, что посредник-*экспозиционер* есть как в классическом, так и в новом историческом музее).

В новых музеях — центрах документирования — представлены такие экспозиционные материалы, в которых информация «явлена» для каждого посетителя и не требует пояснения специалиста, посетитель оказывается с источником информации наедине, без посредника, как исследователь в архиве. Поэтому письменные, изобразительные, кино-, фоно-, фотоисточники максимально соответствуют задачам новых музеев — ознакомить посетителя с документами эпохи.

Сознательный отказ от презентации вещественных источников — трехмерных музейных предметов объясняется и тем, что внимание посетителей специально сосредоточивается прежде всего на истории места. Вся представленная в экспозиции информация работает на раскрытие истории места, на погружение в конкретное пространство и создание ощущения причастности к нему. Главный экспонат центров документирования — сама местность, собственно *место* [Штеблер, 2011(а). С. 85], задача экспозиции — не отвлекать внимание посетителей трехмерными музейными предметами от главного экспоната, а раскрывать его информационный потенциал показом специфической группы исторических источников.

Таким образом, преобладающий в центрах документирования экспозиционный материал — типично архивный по своему происхождению: фотографии, документальные фильмы, аудиозаписи, письменные источники, — это материал архивов фоно- и кинофотодокументов, а также архивов, где хранятся материалы по новейшей истории.

Можно утверждать, что по своей сути экспозиции новых исторических музеев являются формой «визуализации архивов» — они действительно представляют собой визуализацию разного рода архивных источников, т. е. прежде всего плоскостных. С точки зрения классического музееведения, основанного на данных социологических исследований (прежде

всего метода наблюдения и опроса), плоскостные материалы не вызывают такого интереса у посетителя, как трехмерные экспонаты — традиционные музейные предметы. Этот факт известен и каждому музейщику-практику. Однако опыт работы новой группы музеев свидетельствует об обратном: представляя собой небольшую группу внутри богатого музейного ландшафта Баварии, музеи современной истории «притягивают непропорционально большую часть посетителей» [Штеблер, 2011(а). С. 87; Штеблер, 2011(б). С. 48].

В чем же секрет успеха и признания у посетителей новой группы исторических музеев?

Безусловно, это научная концепция экспозиции. Для подготовки к открытию музеев в Германии создаются *специальные рабочие группы* из ведущих историков по данному периоду и известных музеологов (в эти группы включаются также представители власти и общественности).

Вторая причина интереса к новым музеям — построение экспозиции *с учетом законов психологии восприятия посетителя и на основе результатов социологических исследований*. Отобранные материалы демонстрируются путем грамотного сочетания воспроизведений музейных предметов (увеличенные фотографии, репродукции), вспомогательных материалов (карты, схемы, диаграммы), источников и комментариев (текстов). Во многих музеях важную роль играет *художественное оформление экспозиции*, экспозиционному дизайну придается большое значение. Однако это положение относится далеко не ко всем музеям: зачастую авторы концепции экспозиции сознательно отказываются от художественного решения экспозиции или сводят его к минимуму.

Важной особенностью экспозиций центров документирования является то, что они появились лишь в последние два-три десятилетия в местах, где функционировали высшие органы власти национал-социалистов — преступников, находившихся в зените своей славы, т. е. хронологически и тематически связаны с периодом господства национал-социализма в Германии. В послевоенные годы в немецком обществе о нацистском прошлом старались забыть и, более того, сознательно уничтожали его «следы», однако в одних случаях они все же сохранились, в других стерлась даже память о них [Хоппе, 2009(а). С. 264; Хоппе, 2009(б). С. 176]. Поэтому сегодня на местах, связанных с деятельностью национал-социалистов, можно видеть постройки разной степени сохранности — от частично сохранившихся и отреставрированных объектов, где размещаются экспозиции, до новых экспозиционных павильонов, построенных на месте уничтоженных сооружений того времени специально для музеев.

Самым известным в новой группе музеев по праву считается *Центр документирования местности проведения партийных съездов национал-социалистов в Нюрнберге* (в 1933 г. это место было далекой окраиной, сегодня находится внутри городской черты). Именно здесь соз-

давалась арена для ежегодных массовых парадов национал-социалистов. В 1934 г. А. Шпеер, любимый архитектор А. Гитлера, получил заказ создать общий план местности с соответствующими площадями для колоссальных собраний. Центральные места занимали несколько специальных площадок (Луитпольдарена, Цепелинфельд, Мэрцфельд), а главным архитектурным сооружением стал Зал конгрессов, строившийся по образцу римского Колизея и рассчитанный на 50 тыс. человек [Das ehemalige Reichsparteitagsgelände, 1997. S. 148–149]. Грандиозное строительство развернулось под личным контролем Гитлера и было прервано в 1939 г. в связи с началом Второй мировой войны. Нигде больше в Германии нельзя видеть остатки архитектуры национал-социалистов такого масштаба [Stäbler, 2011. S. 64].

После войны городские власти использовали огромную территорию для практических целей — здесь проводились мероприятия на открытом воздухе, а остатки колоссальных построек были приспособлены под складские помещения. С 1970-х гг. это место стало рассматриваться как отправная точка немецкой истории, а в 1973 г. оно включено в список памятников, подлежащих охране. Ежегодное увеличение потока туристов из Европы и всего мира стало стимулом для создания выставки «Очарование и насилие», открывшейся в 1985 г. в павильоне на стадионе Цепелинфельд и функционировавшей только в летние месяцы из-за отсутствия отопления (ее посещаемость составила 35 тыс. чел. в месяц). С 1993 г. объединение музеев г. Нюрнберга разрабатывало проект Центра документирования местности проведения партийных съездов (включающего экспозицию и форум для обучения), открывшегося в 2001 г. [<https://www.museen.nuernberg.de/dokuzentrum/>].

Центр документирования местности проведения партийных съездов находится в северном крыле оставшегося недостроенным Зала конгрессов. Экспозиция «Очарование и насилие», размещенная на площади 1300 м², рассказывает о причинах, взаимосвязях и последствиях тирании национал-социализма. Весь материал организован в 19 хронологически структурированных разделов (с 1918 г.), а внутри них выделены темы, непосредственно связанные с Нюрнбергом [Sonnenberger, 1999. S. 98]. Так, история партийных съездов раскрыта через рассказ о строительстве местности проведения партийных съездов. Здесь вскрывается взаимосвязь между зрелищностью съездов и системой концлагерей, показан весь ужас режима концентрационных лагерей. Развитие типов концлагерей прослеживается от «образцового лагеря» Дахау к лагерям, специализированным на добыче строительного материала для осуществления строительной программы Гитлера (Флоссенбург) и затем к лагерям уничтожения (Аушвиц).

Именно там до мельчайших подробностей разрабатывались планы уничтожения евреев и цыган. Введение в действие «Нюрнбергского ра-

сового закона», лишившего евреев гражданских прав, стало решающим шагом в преследовании евреев и других меньшинств. Эта политика, начало которой было положено Нюрнбергским законом 1935 г., закончилась во время войны холокостом. В экспозиции прослеживается трагическая история семей нюрнбергских евреев. Все формы подачи информации (статичная визуальная, аудиовизуальная и аудиоинформация) здесь уравновешены. На первом уровне восприятия — увеличенные фотографии, тексты (статичная информация), документальная кинохроника (аудиовизуальная информация), на втором — аудиозаписи голосов современников и участников событий (аудиоинформация). В экспозиции можно не только услышать, но и увидеть очевидцев событий: документальный фильм «Партийные съезды — свидетели вспоминают» привлекает внимание большого количества посетителей.

В данном случае большую роль играет художественное решение экспозиции. Звуковой фон является важнейшим выразительным средством и соответствует представляемой в каждом зале теме (взрывы, траурная музыка и т. д.). Другим мощным средством эмоционального воздействия служит свет при отсутствии естественного дневного освещения: вся экспозиция расположена в помещении без окон, отделена от окружающего современного мира. Подсвечиваются лишь витрины и стенды, как бы «выхватываются» из мрака времени. Создается эффект полной изоляции, оторванности от современной реальности, что позволяет посетителю целиком погрузиться в представляемую эпоху. Почти в каждом зале установлены компьютеры с базой данных по теме зала, которые дают возможность особо заинтересованным посетителям получить более подробную информацию. Возможно лишь индивидуальное посещение этой экспозиции (с аудиогидом), что отражает стремление авторов концепции не только представить источник информации, но и сохранить личное общение посетителя с ним в особой атмосфере, а также самостоятельно решить, сколько времени ему необходимо для знакомства с темой. Прекрасно разработанная система указателей и текстов помогает посетителю ориентироваться в обширном пространстве экспозиции.

Еще один знаковый музей — *Центр «Документирование Оберзальцберга»* — находится в юго-восточной части Баварии, в районе популярного курорта Берхтесгаден.

Оберзальцберг, горная деревня в районе Берхтесгаден, становится известным курортом со 2-й половины XIX в. С 1923 г. Гитлер снимал здесь дачу, а в 1933 г., когда стал рейхсканцлером, построил репрезентативную резиденцию Бергхоф [Штеблер, 2011(а). С. 85; Штеблер, 2011(б). С. 47]. Здесь же появились резиденции Г. Геринга, М. Бормана и А. Шпеера. Местные жители были выселены; Оберзальцберг, наряду с Берлином, стал местом демонстрации силы и власти, местом, где принимались важнейшие политические решения. Грандиозный горный ландшафт средства

пропаганды использовали как театральные кулисы для романтизации личности Гитлера, изображая его человеком из народа, любителем детей и животных, хорошим соседом, великим государственным деятелем.

В 1945 г. британская авиация уничтожила большую часть зданий, а руины резиденций Гитлера, Геринга и Бормана вместе с казармами СС были взорваны в 1952 г. Сохранились лишь немногие постройки, среди которых так называемый Кельштайнхаус и бункер, построенный в 1943—1945 гг. В мае 1945 г. американские войска заняли Оберзальцберг, а с 1947 г. стали использовать его как закрытую зону отдыха для американских военных. Только маленькая часть территории, востребованной как курортная зона, была открыта для свободного доступа в 1952 г.

В 1995 г. наиболее инициативные представители немецкой общественности предложили создать здесь место, где посетители смогут получить информацию об истории нацистской диктатуры и Оберзальцберге. В 1996 г. согласно союзническому договору эта территория была передана Федеральной земле Бавария. Институт современной истории (Мюнхен-Берлин) по заказу Баварского Государственного министерства финансов разработал концепцию экспозиции, которая была открыта в 1999 г. в специальном здании, воздвигнутом на фундаментах бывшего гостевого дома нацистов «Хоер Гель».

Задача экспозиции — показать, что стояло за фасадом власти, что привело к катастрофе Второй мировой войны и массовому геноциду, а также развенчать миф о фюрере, создававшийся на фоне ландшафтов Оберзальцберга. Необходимость открытия экспозиции была обусловлена и сложившейся вокруг Оберзальцберга ситуацией, когда многочисленные туристы не располагали объективной информацией по истории места. Путешествие по горной дороге с захватывающим видом на Кенигзее и величественный горный ландшафт в течение десятилетий были пиком переживания впечатлений для туристов Берхтесгадена. Более 300 тыс. посетителей приезжают ежегодно в Кельштайнхаус (гостиницу), многие из них проводят значительное время в Оберзальцберге в поисках следов гитлеровской резиденции. Их привлекают сюда аутентичность места, аура, не утраченная местом, несмотря на попытки уничтожить его исторические следы. При этом только немногие туристы чувствуют ностальгию по прошлому или выражают правоэкстремистские взгляды. Большинство из них испытывают силу притяжения, которой обладают все аутентичные места выдающегося исторического значения, но «магнетизм» Оберзальцберга особенно силен [<http://www.obersalzberg.de/>]. В поиске исторических следов в той местности, где в результате уничтожения руин и сооружения новых построек все изменилось до неузнаваемости, эти люди были в течение десятилетий предоставлены сами себе и ориентировались на «желтую прессу», сфокусированную, главным образом, на личной жизни Гитлера и ее антураже; дешевая литература по сути служила «коричневой пропа-

ганде Оберзальцберга» вплоть до недавнего времени. Такая ситуация требовала противопоставить серьезную научную информацию «банализации» места и показать опасность и последствия гитлеровского режима.

Серьезную научную информацию авторы экспозиции сознательно представляют прежде всего документами, что отражено, как и в других музеях, в названии музея («Документирование Оберзальцберга»). Преобладает статичная визуальная информация в виде увеличенных фотографий, репродукций, текстов, карт, схем. Здесь можно видеть уникальные архивные документы (например, материалы конкурсных проектов по обустройству Оберзальцберга конца 1920—1930-х гг.), телеграммы, отправленные из Оберзальцберга, плакаты и открытки, а наряду с ними трехмерные музейные предметы: радиоприемник, пасхальные тарелки, модель Оберзальцберга, изготовленную в 1944—1945 гг., и др. Экспонаты, представленные в экспозиции, получены из различных архивов, библиотек, музеев, информационных агентств и от частных лиц. Крупнейшие исторические музеи Германии (Немецкий исторический музей в Берлине, Дом истории в Бонне, Еврейский музей во Франкфурте-на-Майне и др.) передали экспонаты на временное хранение для создания полноценной экспозиции.

Экспозиционный маршрут начинается на первом этаже, где посетитель знакомится с парадной историей Оберзальцберга как знакового для национал-социалистов места, а заканчивается в подвальном этаже, где показана «другая Германия» того времени: противостояние режиму и эмиграция, начало Второй мировой войны и связанные с ней проблемы для мирного населения и военнослужащих. Осмотр экспозиции завершается посещением бункера, сооруженного в основании горного массива на глубине 30 м. Система лестниц, лабиринтов, штолен и пещер составляет резкий контраст с парадной стороной жизни Оберзальцберга, представленной на первом этаже, и это противоречие непосредственно переживается посетителем. Из системы темного и ледяного бункера для посетителей доступны два помещения, снабженные специальным оборудованием. В отличие от основного этажа, где преобладает статичная визуальная информация, здесь посетитель получает информацию с помощью медийных средств. В первом помещении демонстрируется кинофильм (т. е. информация подается в аудиовизуальной форме), во втором звучат голоса участников событий (посетителю предоставлена аудиоинформация). Тематически оба помещения дополняют разделы экспозиции основного этажа, посвященные расовой политике, преследованию евреев и геноциду. Отсутствие здесь постоянной экспозиции в виде текстов и фотографий подчеркивает ценность подлинного пространства сохранившихся бомбоубежищ.

В отличие от экспозиции в Нюрнберге, где на всем протяжении осмотра посетитель в каждом зале имеет дело с комплексной информа-

цией в виде фотографий, текстов, кинофильмов и голосов очевидцев, здесь авторы концепции экспозиции сознательно разделяют статичную визуальную информацию, аудиовизуальную и аудиоинформацию в соответствии с конкретным экспозиционным пространством. Художественное решение экспозиции не играет такой большой роли, как в Нюрнберге, однако свет является основным средством художественного оформления подлинных помещений бункера.

Следующий пример можно рассматривать как показ документации при минимализме (если не полном отсутствии) художественного решения. *Центр документирования «Топография террора» в Берлине* представляет собой экспозицию, открывшуюся в специально построенном здании в 2010 г. на территории, где с 1933 по 1945 г. располагались штаб-квартира тайной государственной полиции (гестапо и гестаповская тюрьма), а с 1939 г. и штаб-квартира имперской службы безопасности. После войны весь комплекс зданий был уничтожен и в течение многих лет тут была городская свалка. В 1982 г. историк К. Фишер и будущий директор центра А. Нахама собрали активистов (50 человек) и начали «символические раскопки в поисках следов истории», после чего городские власти «санкционировали официальные раскопки». В результате раскопок стало возможным увидеть подвалы гестапо, на стенах которых с 1987 г. была открыта фотовыставка о преступлениях нацистов. Ее посещаемость составила около 500 тыс. человек в год [<http://www.topographie.de/>]. Статичная визуальная информация, представленная на выставке под открытым небом, служила восстановлению памяти места.

Площадь экспозиции Центра документирования «Топография террора» — около 800 м². На ней представлена история центральных институтов и учреждений СС, рассказано «о полиции в “Третьем рейхе” и устройстве системы государственного насилия во время нацистского режима» [Nachama, 2010. S.10]. Основу экспозиции составляет фотоматериал и документы (факсимиле), т. е. статичная визуальная информация. Второй уровень — аудиовизуальная информация (документальные фильмы) и аудиоинформация (аудиоматериалы).

Особенного внимания заслуживают в экспозиции три мультимедийных комплекса, позволяющие во времени и пространстве воссоздать процесс становления преступной системы национал-социалистов: карты с указанием мест расположения руководящих структур СС и полиции, карты с местами преступлений, карты с сетью концлагерей. В отдельной зоне представлены электронные базы данных, где можно найти подробную информацию по теме.

В дополнение к экспозиции, расположенной в здании, предлагается экскурсия по территории, включающая 15 остановок, каждая из которых обозначена информационной доской с фотографиями и документами (3D-графика). Представленная под открытым небом информация при-

общает посетителя к истории места [Dokumentationsstätte, 1997. S. 41 — 42]. Так проявляется, по словам П. Нора, «интерес к местам памяти, где память кристаллизуется» [Нора, 1999. С. 17]. Нора пишет: «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти. В последние двадцать или двадцать пять лет все страны... пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому. Формы этого изменения многообразны: критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных составляющих исторического процесса; восстановление следов уничтоженного или отнятого прошлого; ...рост числа разнообразнейших музеев; повышенная чувствительность к сбору архивов и к открытию доступа к ним...» [Нора, 2005. С. 391]. Новая группа музеев Германии стала визуальным воплощением слов французского историка, где проявляется интерес к местам памяти, восстанавливаются следы уничтоженного прошлого путем создания музеев с преобладающим в экспозиции архивным материалом.

В современном массовом сознании эта группа музеев зафиксировалась как информационные центры, места, где можно быстро получить исчерпывающую и достоверную информацию. В городских путеводителях, на информационных городских и туристических они обозначены чаще всего как информационные центры. Понятие «информация» является центральным и в научном определении музея, сформулированном в XX в. А.М. Разгоном: «Музей — исторически обусловленный многофункциональный институт социальной информации, предназначенный для сохранения культурно-исторических и естественно-научных ценностей, накопления и распространения информации посредством музейных предметов» [Музееведение, 1988. С. 18]. Важно отметить, что современные тенденции развития музейного ландшафта Германии, выражающиеся в стремлении к максимально широкому распространению информации, соответствуют определению музея, данному основоположником российского музееведения (в современной науке понятие «музейный предмет» заменяется понятием «музейный объект»).

Одной из основных социальных функций музея является функция документирования. Документирование общественных процессов 1930—1940-х гг. — основополагающий аспект деятельности новых музеев Германии. Попытка дать непредвзятый объективный взгляд на самые сложные и болезненные моменты немецкой истории реализовалась не только в создании специальных музеев, но и в их названиях, включающих понятие «документирование».

Библиография

Музееведение. Музеи исторического профиля / Под ред. К.Г. Левыкина, В. Хербста. М.: Высш. шк., 1988. 431 с.

Нора П. Всемирное торжество памяти / пер. с фр. М. Сокольской // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. 2-го изд. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 391–402.

Нора П., Озуф М., Пиоимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та. 1999. 328 с.

Основы музееведения: Учебное пособие / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Едиториал УРСС, 2005. 504 с.

Хонне Б. Национальные и региональные памятники государственного насилия. Дискуссии, планы и реализация в Германии // Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период / Отв. ред. И.В. Чувилова. СПб.: Алетейя, 2009(а). С. 264–274.

Хонне Б. Места преступлений — места жертв. К проблеме обращения с воспоминаниями о преступниках в музеях и памятных местах // Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период / Отв. ред. И.В. Чувилова. СПб.: Алетейя, 2009(б). С. 173–183.

Штеблер В. Как представлять и транслировать современную историю? Актуальный опыт музеев и мемориалов Баварии // Роль музеев в формировании исторического сознания: Международная научно-практическая конференция. Рязань, 25–28 апр. 2011 г.: материалы и доклады / Отв. ред. И.В. Чувилова. М.: ООО «НБ-Медиа», 2011(а). С. 80–87.

Штеблер В. «Трудные темы» современной истории в баварских музеях // Музей. 2011(б). № 10. С. 44–48.

Das ehemalige Reichsparteitagsgelände/ Gedenkstätten-pädagogik. Handbuch für Unterricht und Exkursion. München, MPZ, 1997. S. 147–153.

Dokumentationsstätte auf dem ehemaligen Gestapo-Gelände/ Gedenkstätten-pädagogik. Handbuch für Unterricht und Exkursion. München, MPZ, 1997. S. 40–43.

Nachama A. Topographie des Terrors. Gestapo, SS und Reichssicherheitshauptamt in der Wilhelm- und Prinz-Albrecht-Straße. Eine Dokumentation. Stiftung Topographie des Terrors. Berlin, 2010. 432 S.

Sonnenberger F. Eine Stadt stellt sich ihrer Vergangenheit: Das Dokumentationszentrum auf dem Reichsparteitagsgelände Nürnberg/Zeitgeschichte im Museum. 7. Tagung bayerischer, tschechischer und sächsischer Museumsfachleute, Nürnberg, 16–18. September 1998. München, 1999. S. 94–105.

Stäbler W. Täterorte // Museum heute. 2011. № 40. S. 64–65.

Электронные ресурсы

Dokumentation Obersalzberg. [Электронный ресурс] Электронные данные. Режим доступа: <http://www.obersalzberg.de/>, свободный. Загл. с экрана.

Dokumentationszentrum Reichsparteitagsgelände. [Электронный ресурс] Электронные данные. Режим доступа: <https://www.museen.nuernberg.de/dokumentationszentrum/>, свободный. Загл. с экрана.

Stiftung Topographie des Terrors. [Электронный ресурс] Электронные данные. Режим доступа: <http://www.topographie.de/>, свободный. Загл. с экрана.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕЙНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ОПЫТ ТВОРЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Challenges and Opportunities in Museum Representation of Historical Consciousness

Аннотация: в статье рассматриваются методологические и методические вопросы, относящиеся к меняющейся роли музеев в обеспечении запросов реальных и потенциальных потребителей исторической информации. В ней описывается история и музейно-педагогическая практика формирования учебно-исследовательского музея, методы музейно-просветительской работы, мастер-классы, творческие мастерские, исторические реконструкции и диалоговые программы, разработанные в Музее исторического сознания при Институте востоковедения РАН. Особенное внимание уделено интерактивным формам работы с молодежной аудиторией.

Abstract: The article presents a methodology and museum pedagogy didactical issues pertaining to the rapidly changing role of museums in responding to the needs of history information to audiences ranging from historians to teenagers. Communicative discussion is followed by a brief history of museum collections and by practical description of historical reconstructions, workshops and master classes developed in the Museum of historical consciousness in the Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences. Special attention is given to dialogical ways of life-long learning and other educational programs.

Ключевые слова: историческое сознание, музееведение, историческая наука, эстетическое восприятие прошлого, информация в музее, интерактивное коммуникативное пространство, музейная педагогика, музейное пространство, реконструкция, просветительская открытость, диалоговая коммуникация.

Keywords: historical awareness, historical science, museology, aesthetic perception of the past, museum space, information in museums, museum pedagogy, interactive communicative space, reconstructions, educational openness, dialogical communication.

Обсуждение вопроса о роли музеев в информационном обеспечении исторической науки мне хотелось бы начать с серьезного и довольно трудного разговора о назревших динамичных взаимоотношениях этих двух институциональных акторов. Как комплексы общественных учреждений, они находятся главным образом в ведении государства, но их традиционные патроно-клиентельные отношения подвержены существенным модификациям. Необходимо, хотя бы терминологически, определить, что в сегодняш-

ней насыщенной цифровыми технологиями действительности стоит за устоявшимися понятиями «музей», «наука», «информационно-коммуникативные технологии», потому что только тогда можно рационально обозначить те исследовательские, образовательные, воспитательные и музейные задачи, которые радикально меняются на наших глазах в последние несколько лет.

Если конечным адресатом информационного обеспечения является научный работник академического или иного исследовательского учреждения, то следует признать, что ни законодательство о музеях, ни информационная практика не предусматривают какого бы то ни было режима наибольшего благоприятствования для историков. Их не ждут в реставрационных мастерских, где возможно максимально близкое и зачастую информационно насыщенное общение с музейным предметом — историческим артефактом. Исследователям довольно сложно получить разрешение на доступ в отделы хранения, их неохотно пускают в музейные запасники, где хранится свыше 95% того, что нельзя увидеть в экспозиции, открытой для публики. Максимум допустимого, на что можно рассчитывать при посещении экспозиций и выставок, — платная фотосъемка с руки, без использования штатива. Поскольку для музея задача обеспечения сохранения памятников безусловно превалирует над задачей информационного обеспечения науки, никто и не подумает, скажем, о снятии защитного стекла для безбликовой съемки в научных целях нужного артефакта с разных ракурсов. Ну и разумеется, при утвердившейся практике составления договоров на включение в выставки материалов из других музеев, на них категорически исключено право на фотофиксацию, даже в научных целях, любых представленных материалов. Здесь налицо не информационное обеспечение, а его запрет, хотя и запрет можно обойти, но отнюдь не в качестве представителя исторической науки. Кроме всего, есть и многочисленные ведомственные приоритеты. В крупных музеях научной информацией ведают не только заместитель директора по науке, музейные хранители, но и научно-методические отделы; в небольших музеях — это отдельные штатные научные работники. Институционально научные контакты музейных и академических центров никак не определены. Налаживание взаимодействия зависит от человеческого фактора. Наверное, наиболее важный вопрос взаимосвязи состоит в том, как открыть «зеленый свет» взаимообогащающему сотрудничеству. Ведь каждому профессионалу хорошо знакомы замешанные на субъективности примеры как яркого творческого взаимодействия, так и удручающего бюрократического взаимоотношения.

Музейный работник, знающий свое дело, является не только одним из поставщиков и автономных источников информации для исторической науки, но и сам оказывается объектом воздействия разных типов исторического нарратива. Он вынужден соотносить себя и свой материал с

наличными описаниями прошлой действительности. Пустого исторического пространства не существует. Оно не просто заполнено, но и иерархически структурировано. В нем есть официальная версия, с существованием которой приходится считаться, есть конкурирующие научные школы, есть политизированные исторические реконструкции, призванные легитимизировать свою точку зрения на историю, и есть версии, вообще принадлежащие разным историческим эпохам, изучением которых занимается историография. Все это требует непредвзятого профессионального разговора ученых и музейных работников.

Очевидно, что публикация данного сборника статей должна дать стимул к дальнейшему заинтересованному обсуждению, где речь пойдет о промежуточных задачах, конечных целях, методах и приоритетах в работе академической науки и музеев. И эта сфера гораздо шире служебной роли информационного обеспечения науки. Ведь музееведческие издания в целом, различные периодические журнальные публикации и издания сборников музейных статей [История собирания, хранения и реставрации..., 2012, и др.] или уже ставший раритетом совместный сборник ГМИИ и РГГУ [Диалог культур..., 1994] являются не только важным источником исторической информации, но заметной аналитической вехой в развитии самой исторической науки.

Кроме того, есть нужда и в обсуждении специальных вопросов. Наряду с оценочными и субъективными факторами в науке имеется масса объективных помех формированию и использованию исторического знания. И дело не только в том, что время и политическая конъюнктура сильно влияют на ранжирование исторических приоритетов. Существует значительная сложность в академическом использовании информации, на которую опирается историческая наука. Она заключается, в частности, в том, что мы чаще всего имеем дело не с причинами событий, а с их следствиями. Они-то в качестве о вещественных свидетельств и попадают в музейные собрания. Но от следствия практически невозможно достоверно двигаться к причинам. В лучшем случае мы каждый раз оказываемся в точке бифуркации, и исследователь должен выбирать наиболее правдоподобную версию причинно-следственной зависимости, когда присваивает ей статус исторического, т. е. правдивого, объяснения. Такие логические цепочки, благодаря своему правдоподобию, будут восприниматься как истинные. Но нет никакой гарантии, что исследователь способен учесть или же что ему будут доступны все значимые исторические аспекты. И даже если все это удалось бы реконструировать, в итоге нет уверенности, что все в действительности складывалось по логическому сценарию. Дело мог решить простой случай. Тем не менее историку отнюдь не близка безоценочная позиция. С одной стороны, он по определению будет ангажирован эпохой, даже не сознавая того, как и художник-фигуративист, который наносит на изображение непроявленный для

него самого тонкий слой своего времени, изображая окружающую его реальность, а тот спустя десятилетия станет явленным как значимая историческая примета времени. С другой стороны, одно и то же событие может быть предметом гордости или стыда, в зависимости от того контекста, куда его погружают. Ретроспективно мы смотрим на вещи таким образом, каким никогда бы не смотрели на них, если бы жизнь пошла в ином направлении. А вот музейная позиция может быть чисто художественно-эстетической, не включающей обязательные для историка моральные и идеологические оценки. И хотя музеям безусловно важен обратный информационный ток, даваемый новейшими историческими исследованиями, они, отдавая должное постоянно обновляемому научному нарративу, пожалуй, предпочтут свое прямое эмоционально-нагруженное отношение к прошлому. Именно эта музейная способность к «путешествию в машине времени» дала толчок к созданию Музея исторического сознания. Тот взгляд в прошлое, от которого все приобретает новое культурно-осмысленное значение, есть особая миссия музейной экспозиции. Для вдумчивого зрителя такая экспозиция оказывается не просто знакомой, даже ее развеска или расстановка становится нам родственно близкой. Вот почему нежелательны передвижки, изъятия экспонатов, пусть и на короткое время; они воспринимаются как культурная травма, как зримая потеря (в качестве примера назову многолетнее изъятие знаковой «Гранатовой чайханы» А.Н. Волкова из экспозиции Третьяковской галереи, хотя и заменивший ее «Караван» тоже стал дорог зрителю). Это же не просто инвентарные номера хранения, а родные души. Благодаря поиску понимания самый незначительный экспонат обретает крылья и становится откровением, не говоря уже об экспонатах мирового уровня.

И все же в ближайшей перспективе углубится прорыв в технологиях извлечения информации из музейных артефактов, бурными темпами будет расти мировая и отечественная практика свободного доступа к оцифрованным изображениям. Эти клоны-копии, сделанные в высоком разрешении, легко дублируют подлинники, находящиеся в важнейших мировых хранилищах и в музейных экспозициях. Наряду с сохраняющейся качественной издательской деятельностью, став доступными удаленному зрителю, в т. ч. историку-исследователю, они радикальным образом расширят интерактивное коммуникативное пространство в сфере человеческой культуры. Оно уже сейчас становится принципиально иным — намного более демократичным, доступным и лишь требующим бескорыстного сердечного внимания со стороны тех высоких профессионалов, для которых музей — место, где царит человечность. (Замечу в скобках, что уйдут в прошлое «стулья с глазами», как их у себя называла И. Антонова, видящие в посетителях лишь непойманных нарушителей.) В этих меняющихся условиях логическим институциональным каналом взаимосвязи академической и музейной науки должно бы стать

максимально широкое, доброжелательное и бескорыстное общение, постоянный заинтересованный диалог и общая просветительская открытость. Именно это определяет цивилизационную зрелость общества, реализующуюся через его заботу о сохранении и приумножении неосозанного капитала, заботу о трансляции знания, заботу о подлинно высоком качестве жизни своего и последующих поколений.

Сделав этот предварительный общий вывод, хочется как бы заново начать эту статью с чистого листа, призадуматься и в нетрафаретном ключе осмыслить обсуждаемую информационно-коммуникативную проблематику. И здесь я говорю себе «стоп»! Вопрос без всякой служебной предвзятости: как и кому служат некоммерческие учреждения культуры, имеющие статус музеев? Разве их самая высокая миссия состоит в обеспечении некоей абстракции, именуемой исторической государственной наукой? Конечно, нет. Это существенная, но побочная задача. Разве цель музея — только предоставить за деньги доступ к культурной информации?! Эмоционально и эстетически незаряженная информация никому не нужна. Возникает главный вопрос: что же должно и может быть сделано, чтобы случилось это искомое сильное переживание. Речь идет не о простом узнавании, о накоплении знаний, а о том, чтобы дать зрителю возможность расширить пространство своей души, сделать свое сознание более восприимчивым, ощутить связь времен и цельность своего существования через присутствие в мире культуры. И задача музея — пробудить то, что спит в посетителе, что позволит ему чуть лучше узнать себя, даст чувство творческого сопереживания. Что мы ждем от музея? Услуги, развлечения, отдохновения. Но посещение музея сильно утомляет, даже выматывает, если мы испытываем сильное переживание. Мы за этим, собственно говоря, и идем в музей, ибо ищем там то, чего не найдем ни на улице, ни на природе. Приобщения к чему, переживания какого? Мы ожидаем, что перед нами откроются двери, а за ними откроются еще другие, пока нераскрытые двери, но мы сможем приобщиться к тайне — к тайне человеческого духа. Без нотаций, без условий, без требований. Настоящий музей дает свободу стать самим собой. Испытать эстетические переживания, расширить свое сознание, а не просто накопить знания и вскользь заметить: я там уже был. Музей дает свободу стать собой!

Поэтому музей — для всех. Для всех, кто, входя в него, возвышается духом, и в первую очередь для молодых, для тех, кому еще только предстоит открыть, говоря словами Л. Карсавина, третью духовную идентичность. Приведу слова мыслителя из древней страны, где я собирал экспонаты для своего музея и где именно историзму парадоксально уделяется минимум внимания: «Эти статуи и храмы были созданы не для поклонения, они были созданы для переживания. Это научные лаборатории. Они не имеют никакого отношения к религии. На протяжении веков применялась некая тайная наука, чтобы грядущие поколения могли вступать

в контакт с переживаниями предшествовавших поколений — не через книги, не через слова, а через нечто, проникающее гораздо глубже... через безмолвие», т. е. через осознание личной ответственной сопричастности красоте рукотворных свидетельств величия человеческой способности к творчеству [Раджниш, 1977]. Эта сопричастность должна быть живой, свободной, моментально ощущаемой, стимулирующей исследовательский и творческий интерес к тем ценным экспонатам, соприкасаясь с которыми молодой человек вступит в диалог с иным, с тайной, с оставленным ему, как и всем нам, наследством, с тем, что на сухом языке называют неосязаемым культурным капиталом. Думаю, что именно в музейной тиши — место для этой встречи-диалога. Но я не нашел понимания этого в стенах самых именитых музеев. Там, вопреки воле собирателей оставленных своему народу (т. е. всем нам) коллекций, царит пригодная лишь для колонизируемого населения палочная регламентация и твердая убежденность, что нам тут ничего не может быть разрешено. «Какой может быть диалог? Эстетический контакт вам тут тоже не принадлежит. Скажите спасибо, если мы вас не заставим надевать пыльные огромные войлочные чуни. Тогда уж сполна ощутите подлинную музейную атмосферу. А школьникам надо бы еще и руки скотчем связать, чтобы ничего не трогали». Запрет на обсуждения навязывает вам администратор в Третьяковке, и зритель будет истово следить, чтобы вы не вздумали заговорить в ее замечательных залах. Тогда мне стало понятно, что для современных подлинно музейных задач нужен совсем другой музейный распорядок. И несколько десятилетий я пытаюсь эту задачу по-разному реализовывать в музее, где все можно взять в руки и где посетитель сам открывает себя как Другого. Я согласился рассказать об истории коллекции, методике, программах и задачах музея, чтобы поделиться наработками и замыслами, на практике доказавшими свою эффективность.

Но сначала скажу, почему нужны именно музейные стены. Музейное пространство — это локус особой имагинативной концентрации познания. В нем посетитель с его субъективным историческим сознанием потенциально может становиться таким же живым «артефактом», как и «ожившие» материальные объекты, находящиеся по ту сторону витринного стекла. Более того, между ними возникает такое сердечное взаимодействие, когда «мертвое» и, казалось, давно отжившее будет оживать в воображении. Поэтому каждое отдельное раскрывающееся сердце посетителя может заполнить всю историческую вселенную человечества. Но это не рациональное, а музейно-мистическое, художественное и эстетическое опрокидывание барьеров. Это поэтическая революция исторического сознания личности. И хорошо, что музейные стены отделяют оживающие пути познания от выплеска на улицы, где личность заканчивается и где начинает работать совсем иная (массовидная «оторванная», алогичная) логика толп.

Когда мы говорим о музейной педагогике, прежде всего важно показать, чем отличается информация в музее от любой другой традиционной (скажем, школьной) образовательной информации или даже от совсем нового явления — интерактивного интернет-музея. Разумеется, своим общим контекстом и особым силовым полем. Если это только не студенты-искусствоведы, с дрожью в голосе сдающие зачет музейному преподавателю непосредственно перед экспонатом, как это я недавно видел перед полотном В. Ван Гога, то у музея есть лишь одна монополия: музей — место, где впервые в своей жизни ученик имеет свободу быть самим собой, без страха ошибиться или не туда посмотреть, без подспудно давящего чувства вины за невыполненный урок. Это относится и к взрослому посетителю. Значит, высшая культурная неотъемлемая ценность музейных стен — атмосфера. Именно атмосфера музейного собрания и музейной экспозиции дает критическую массу ощущений, помогающую случиться трансмутации восприятия, переживания и обретения нового понимания. Просто получить больше знаний о прошлом, скользая взглядом по стенам, еще не значит, что информационный багаж полученных сведений перерастет в познание эстетической и исторической истины. Критическая масса понимания нужна, чтобы родилось переживание и вдруг мелькнула искра любви. Тогда ты не просто смотришь, а вдруг видишь: те же самые экспонаты и события обрели совершенно новый смысл; переживание придало им новый оттенок, новую яркость. Это то вдруг обретенное прикосновение к истине, имеющее многослойную глубину, и то найденное, чем тут же хочется, нет — нужно поделиться с теми, кто рядом. Так в зрителе прямо в зале музея рождается художник, обновленная личность и новый (без кавычек) человек.

Музейный экспонат как явление человеческой культуры многослоен. Артефакт — его первый, внешний слой. За ним идет слой ушедшего времени, исторической патины, дальше проявляются нормы ушедшей культуры, ее стиль, образ жизни. Потом идет слой исторического сознания. Еще глубже можно увидеть ценности эпохи, ее взлеты и открытия. А в самой сердцевине лежит то эстетическое чувство прекрасного, те гармонии и соразмерности, которые и дали создателю вещи импульс к творчеству. Если так понимать сверхзадачу музея — подарить переживание, делающее историко-культурную и художественную информацию собственным знанием, открываемым самим зрителем, и если не заниматься по долгу службы простым или затейливо, по-кураторски, поданным экспонированием сведений, то может произойти чудо. Чудо культуры в том, что оно очищает душу, поддерживает в ней размываемое повседневностью чувство гармонии, помогает случиться не просто трансляции узнавания, а трансмутации к новому взгляду. Появляется центрированность видения, очищение, кристаллизация своего понимания. Историческое сознание, если только оно не попадает в поле напряженной политической манипу-

ляции, включает в себя чувство истории, дает новое переживание, вызывает стремление распознать истину. По классическому определению Й. Рюзена, историческое сознание представляет собой глубинную неразрывную связь между прошлым, настоящим и будущим [см.: Rüsen, 2008. P. 41–53]. Каждый переживает свое сокровенное существо и родовую связь с культурно-этническим ландшафтом по-своему. Прикосновение к глубине, гармонии, красоте сродни чувствам, описанным О. Генри в рассказе «Фараон и хорал». В музей можно прийти в поисках утраченной невинности, детства, самобытности. Ведь в его стенах может выражаться невыразимое, запредельное, захватывающее, то совершенное, что дает новый импульс восприимчивости, открытости жизненной энергии. И здесь немаловажную роль играет чувство доверия к экспонатам.

Теперь перейдем к описанию долгого пути к замыслу, к собирательству, к созданию и развитию нашего музея — Музея исторического сознания (МИС). Первый импульс любви к артефактам случился ровно полвека назад в летнем школьном лагере, когда тоненькая девочка Таня Гладышева на танцах вложила мне в руку ярко-зеленый кусок теплого и удивительно гладкого на ощупь нефрита. Это была ольмекская маска, привезенная ее мамой с этнографического конгресса в Мексике. Возникло желание вырезать такую же. И через год в Москве, в церкви Симеона Столпника, на выставке «Природа и творчество» мне дали целый стенд для примерно сотни разных масок, вырезанных из липового луба и обожженных до черноты на костре. В 1972 г. в моей коллекции появились первые настоящие экспонаты — антропоморфные кремниевые фигурки, подобранные в пустыне рядом с пирамидами Гизы. Потом я узнал, что в мировой археологической науке эти природные эоловы образования именуются «энигматические объекты». В тот год коллекция прирастала довольно скудно, в основном за счет чудесных по форме маленьких сосудов из обожженной глины, которые я покупал за их необычную форму на развале у местного гончара. Зато на нашей «Вилле» в Замалеке мне предложили вести для детей сотрудников авиамодельный кружок, и там наряду с запуском моделей ракет мы загорелись опытами по безклеевому изготовлению настоящего «древнего» папируса и моделированием древнегипетских фелюг. После окончания института меня по распределению послали в Индию на строительство металлургического завода в отдаленном штате Бихар, и там этнографическая коллекция сильно разрослась. За год я сделал 300 портретов с собравшихся на стройке многочисленных представителей разных каст и этнических групп. (Провалившись в фондах забытыми, они вдруг оказались востребованными после моего краткого возвращения в Индию ровно 30 лет спустя: в 2003 г. посольство Индии устроило в Москве, в выставочном центре им. Д.П. Дхара, персональную выставку «A passage to India».) В деревнях я с увлечением приобретал предметы домашнего обихода, деревянные

культовые игрушки, маленькие домашние святилища, срисовывал верёвчатые ритмичные орнаменты, которыми женщины разрисовывали саманные мазанки. Привез в Москву барабаны табла, соломенную утварь, копии головок Будды и других ритуальных персонажей из реставрационных мастерских художественного музея в Нью-Дели, глиняные головки Лакшми, изготавливавшиеся сельскими ремесленниками, чтобы после храмового праздника быть утопленными в Дамодаре. Но самым дидактически «богатым» приобретением были железные ножницы, сделанные при мне заезжим кузнецом. Археологи, рассматривая артефакт, навскидку датировали его XIII—XV вв., и он без многих слов служил подтверждением удивительной стабильности и доказательством устойчивости кастовой системы традиционного общества.

Стало ясно, что рядом с экспонатом слова — упаковка, а не содержимое. Содержимое, эмоционально окрашенное, ярко воспринимается душой; если что-то окажется истинным, созвучным личностному пониманию, оно моментально впитывается сердцем. Особенно важным оказался тактильный контакт, когда историческая информация напрямую «проникает» в сознание. Он-то и был положен в основу принципа интерактивности в просветительских программах МИС. Каждый музейный работник знает сильное и привилегированное чувство, возникающее, если случается держать в руках экспонат. Мне довелось впервые испытать это чувство, когда я по просьбе главного хранителя Государственного музея Л.Н. Толстого попал в неизвестно-знаменитую стальную комнату в здании Академии художеств, чтобы изготовить там муляжи первого заграничного паспорта писателя и нескольких личных писем из фондового хранилища его рукописного наследия. Летом 1974 г. я снова «вручную» соприкоснулся с музейными экспонатами, изготавливая муляжи старинных книг и других артефактов для экспозиции Государственного мемориального и природного музея-заповедника А.Н. Островского «Щельково». Поэтому я давно знаю, как важен живой и неотчужденный контакт с исторически значимым предметом или его досконально выполненной репликой. Он совершенно иначе (богаче, прямее и ярче) воздействует на сознание человека. Почему — объясню с позиций современной теории сознания. Механизм прямого проникновения информации в сознание Д. Чалмерз описывает так: информационное «состояние будет осознанным, когда оно является объектом мысли более высокого уровня. В используемой мной терминологии это означает, что первопорядковое состояние составляет содержание сознания только тогда, когда о нем высказывается суждение второго порядка» [Чалмерз, 2013. С. 287—288]. Тактильный контакт с артефактом идет через открытую И. Павловым первую сигнальную систему. Он сопрягается с чувством осведомленности, относящимся уже к работе второй сигнальной системы. В результате взаимодействия этих двух систем происходит спонтанное осознание.

Именно его важно ухватить в работе со зрителями, моментально становящимися исследователями. При внимательной встрече с историческим артефактом в нашем сознании может происходить не поверхностное и мимолетное, а глубокое внутреннее осознание предмета, его культурно-исторической ауры, связи не столько формальной, сколько импульсно-содержательной. Это глубоко меняет слушающего, приносит преобразования в устоявшиеся стереотипы восприятия.

Поступив на работу в Институт востоковедения РАН в 1976 г., наряду с текущими востоковедными исследованиями и научными заданиями я очень скоро стал использовать свое этнографическое собрание, работая по принципу «музея без стен». Этому способствовал большой интерес внешкольного образовательного учреждения Дзержинского района к общению с молодыми востоковедами. А еще была и личная коллекция. Дом фабриканта Кузнецова, «обглоданный» после капитального ремонта, отказались взять обратно в Управление по обслуживанию дипломатического корпуса при МИДе и отдали детям. А он имел наверху замечательный большой зал, который мне разрешили «испортить» исторической межцивилизационной осью времен. На ленте, протянутой вдоль стен, по периметру зала каждый метр был равен столетию, а выше и ниже «вековых зарубок» размещались сопоставимые вехи культурного развития Запада и Востока. В судомодельном кружке подростки вместо моделей торпедных катеров стали по древним чертежам мастерить античные суда (галеры, триеры), варяжские челны, и как распаивалось для них время! Давно забытое прошлое оживало, становилось близким, реально осязаемым. Задание было сделать не просто судно, а две соразмерные масштабируемые модели. Крохотная должна была получиться во столько раз меньше основной, во сколько та была меньше настоящего судна. Это маленькое музейно-педагогическое открытие давало наглядное визуальное представление о связи подлинника и модели. В 1977 г. я отправился служить в армию в древнем Мерве (г. Мары). По пути на службу в Самарканде на площади эль Регистан перед глазами встала поразительная картина: для представления «Звук и Свет», знакомого мне еще по Каиру, нужен был силовой кабель, и через весь культурный слой площади тянулась выкопанная экскаватором трехметровая неогороженная траншея, в твердых стенках которой сверкали на солнце черепки раздавленной керамики. За полчаса я наковырял 300 орнаментированных осколков от XIV до XIX в. В кружке керамики, который в Кузнецовском особняке вела Галина Виноградова, находки вызвали бурю интереса к древностям. Особо любопытными оказались два бирюзовых кирпичика, выпавшие из купола знаменитой самаркандской мечети. Толстый слой глазури на старом был совершенно гладким, хотя столетиями испытывал резкие перепады температур. На новом, реставрационном за несколько лет глазурь растрескалась. Кружковцам, а потом и другим школьникам, державшим

эти артефакты в руках, был поставлен вопрос: раскройте утраченную историческую информацию — что же использовали вместо современного реставрационного терпентина мастера средневековья в качестве связующего для глазури перед обжигом. Рассуждения и ответы были удивительными и, как оказалось после пробных обжигов, провидческими.

Для превращения нескольких коллекций в музей нужны были новые специально отобранные артефакты, и тут музейно-педагогическая подвижническая цель жизни И.В. Цветаева подсказала нам нужный ход. Будем делать, как и он, значимые, с раскрываемым секретом, копии отборных произведений мировой культуры. Но не огромные, как в ГМИИ им. А.С. Пушкина, и не произвольно уменьшенные, как в музейных киосках, а соразмерно маленькие предметы, помещающиеся в руке. Первым таким артефактом стала знаменитая по фильму «Каникулы Кроша» миниатюрная нэцке «Рисующий мальчик», копировать которую я ездил в Эрмитаж. Конечно, она оставалась в экспозиции, но обожженный до состояния камня глиняный экспонат-копия оказался «говорящим». Вот вопросы к нашим посетителям: «Этот мальчик рисует свою мечту или познает мир своей традиционной, отличной от западного мира, культуры? А какое значение имеют два неравных по диаметру сквозных отверстия внизу традиционной нэцке? Почему японцы смешивали утилитаризм такого предмета обихода, как пуговица, с чистой эстетикой миниатюрной скульптуры?» Тогда же, благодаря дружбе и сотрудничеству с замечательным искусствоведом-японистом Н.С. Николаевой, появились копии интересных артефактов средневековой Японии и Китая. В китайской коллекции нашего главного хранителя, собранной еще в 1954 г. во время гастролей Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко в Пекине, появились и псевдоэтнографические артефакты — такие, как изготовленное в XIX в. в Германии свинцовое, но хорошо посеребренное пресс-папье в виде лежащего с плоской китайского мальчика, которое уже одним своим весом должно было смягчить сердце принимавшего дар чиновника. (Наши вопросы: что это за предмет, для чего предназначен, из чего сделан, когда и где мог быть изготовлен, что исторически интересного дают ответы на эти вопросы?)

Методики интерактивной развивающей работы с артефактами и подлинниками в коллекции МИС значительно расширились во время моей работы на историческом факультете Московского областного педагогического института (МОПИ), где деканом был замечательный методист, автор многих наглядных исторических пособий В.Н. Забусов. Работать с иногородними студентами мне было очень интересно. И я, и они знали, что им придется вернуться в сельские школы, поэтому творческий интерес к нашему мини-музею копий в «чемоданчике» у них был неподдельный. Тогда же в МИС окончательно оформилась концепция такого переносного мини-музея, который был бы хорошим учебным наглядным

пособием, а сегодня может стать существенным элементом новаторской программы Школы диалога культур, разрабатываемой в отделе М.Т. Степанянц из Института философии РАН под эгидой и при поддержке Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» [см.: Диалог культур: программа..., 2013; Диалог культур: Методическое обеспечение..., 2014] Наш кейс с экспонатами мини-музея содержит примерно 20 копий специально подобранных, «говорящих» артефактов, относящихся к разным цивилизациям, культурам и эпохам (ацтекская маска, японская нэцке, индийская и китайская фигурки, античные греческие маски, римские артефакты). Их можно взять в руки, рассмотреть со всех сторон и без всякой хронологии, с чисто эстетических позиций, выбрать себе для вторичного копирования тот, что больше понравится. Повторяя в глине или в другом пластичном материале выбранный предмет, молодые исследователи могут осязаемо понять его сущность, почувствовать его место в историческом процессе и попытаться выявить характерные черты эпохи. Как показал наш опыт, целиком отдаваясь художественной деятельности, воспринимая ее как естественную, ребенок обычно не очень ценит свой вольный творческий результат, как бы его ни хвалил преподаватель. Совсем другое дело, когда за детской поделкой стоит соприкосновение с веками истории, с другими цивилизациями и культурами. «Я сделал настоящую ацтекскую маску! Можно я отнесу показать ее родителям?» За этими словами — преодоление простой игры и начало осознания значимости человеческой истории. В других методах организации игровой и поисковой деятельности я, в частности, опирался на оригинальную учебно-образовательную концепцию Д.Б. Эльконина [Эльконин, 2001]. Она не приемлет заранее готовой формализованной программы обучения, где ученику дают ответы на вопросы, которые у него еще не возникли. Смысл этого подхода в том, чтобы и ученик, и учитель на равных вместе конструировали тот предмет, изучением которого им интересно будет вместе заняться. Эта откровенная позиция наилучшим образом подходит для развития творческого, самостоятельного подхода к просвещению и духовно-нравственному воспитанию. Впоследствии многие эвристические подходы и игровые наработки нашего музея по «погружению» ребят в историю были заимствованы в зарубежных музеях и получили общее развитие в методиках исторического образования с развлечением (Edutainment). Сегодня «Эдютеймент» — свободно структурированные формы работы с исторической информацией в образовательных целях. Они включают учебную работу в музеях, обучающие настольные и компьютерные игры, фильмы, видео- и компьютерные презентации, имитационные натурные батальи, походы по историческим местам, археологические экскурсии, исторические журналы для всех и многое другое. В 2014 г. на ежегодной конференции Международного общества исторической дидактики МИС представил доклад о своей недавней настольной игровой разработке [Немчинов. Игры..., 2014].

В середине 1980-х гг. на истфаке МОПИ открылся лицейский класс, где я на еженедельных мастер-классах преподавал востоковедение девятиклассникам. Им было интересно почувствовать себя исследователями в стенах вуза, научиться сочетать серьезную работу в мастерской с полетом творческого воображения. Как пишет Й. Хёйзинга, «воображение постоянно парит между убеждением и фантазией, между игрой и серьезным» [Хёйзинга, 1992. С. 161]. Приведу пример нашей методической работы лишь с одним артефактом. Группе был передан подлинник керамической маски конусообразной головы индейца доколумбовой эпохи. После обсуждения артефакта каждый делал свою копию из скульптурного пластилина, стараясь возможно точнее передать изображение. Все получившиеся маски несли на себе явный отпечаток индивидуальности ученика, но были похожи на оригинал. Затем им раздали готовые гипсовые слепки с этой головки, чтобы восстановить давно утраченный красочный слой, следов которого время не оставило. Шли жаркие дискуссии: цвет хаки был в ту эпоху или нет, какие земляные пигменты годились бы для раскраски? На следующем занятии ребятам, отсутствовавшим на предыдущем, оригинал не показали. Их назначили сыщиками, которые по описаниям «свидетелей» должны были сделать точный лепной «робот» с разыскиваемого «индейца Джо». Результат совместной работы стал для всех знакомым: получилось лицо европейца, несмотря на все подсказки. Значит, их нарратив, словесное описание и представляемый имажинативный абсолют разительно не совпадают с тем, что первые ученики «осознательно увидели», касаясь объекта руками. Без живого контакта с иной культурой диалог не может возникнуть в принципе. В 1991 г., после выступления на Тихоокеанском экономическом совете в Гвадалахаре, я несколько дней делал прямые прорисы с резных скульптур из экспозиции Музея антропологии в Мехико. В наших учебных мастерских при дешифровке детьми было обнаружено, как на одной и той же композиции могли совмещаться до пяти разных изображений (например, раскрытая ладонь и она же крыло птицы), как часть композиции выполнялась в жестком геометрическом стиле, а часть имела растительный орнамент. Впоследствии навыки разделения орнаментов стали одной из любимых тем посетителей нашего музея. Знарок средневековых арабских рукописей О. Акимускин из Ленинградского отделения Института востоковедения РАН поделился листами, где арабск орнаментально сплетался с текстом, выполненным схожей по графике арабской вязью. Новое задание состояло в том, чтобы отделить от вязи рисунка орнаментальность текста, скопировав только надписи; ученики, никогда не видевшие арабского алфавита, справились с ним.

В 1985 г., во время XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, этнографическая часть коллекции пополнилась артефактами из тропической Африки, из стран Юго-Восточной Азии и Леванта. Тогда,

благодаря поддержке директора Института востоковедения РАН Е.М. Примакова, в подвалах корпуса «А» шли работы по подготовке места для экспозиции музея, мы делали мраморные подставки и доставали витрины для размещения экспонатов. Институт, в котором я работаю почти 40 лет, — уникальное по мировым меркам научное учреждение, где в 28 страновых, отраслевых и региональных отделах занимались наукой свыше 1000 высококвалифицированных исследователей. В попытке раздвинуть «водонепроницаемые перегородки» между отделами и наладить оперативное творческое информационное взаимодействие между историками, литературоведами, страноведами, культурологами и археологами по широкому кругу проблем культурно-исторической репрезентации, я после защиты кандидатской диссертации организовал в 1988 г. машинописное препринтное поисковое издание «Конспект». Там можно было оперативно «застолбить» новые идеи и предложения, обсудить междисциплинарные подходы, не дожидаясь годами включения работы в издательский план. Это были лабораторные тетради с механизмом обратной связи, где на широких полях было оставлено место для заметок коллег. На семинарах МИС тетрадь с рецензиями обменивалась на «чистый» экземпляр и на новый выпуск. Такой была тогдашняя наша модель информационного обеспечения науки.

Работавшие в институте известные археологи Б.А. Литвинский, раскопавший ранний буддистский монастырь Аджина-Тепа, и И.Р. Пичилян, в Вахшской долине нашедший артефакты эпох античной Бактрии и Тохаристана, вели ежегодные раскопки в составе Южно-Таджикской экспедиции. Однако их находки надо было оставлять в Институте истории им. А. Дониша при АН Таджикистана. Мне хотелось сделать и привезти копии самых ярких артефактов в Москву, и я в 1987 г. поступил на стажировку во Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. И.Э. Грабаря к Р. Попову, в возглавлявшийся им отдел реставрации каменной скульптуры. Там была хорошо отработана методика восполнения скульптурных утрат, очень пригодившаяся при работе в Душанбе. Для учебного музея было неправильным делать простые гипсовые слепки. Поскольку близость к аутентичности важна, использовались методы имитации материала и даже веса артефакта. Для муляжей мраморных находок в формы заливалась пластмасса, куда добавлялись стеклянные микросферы, и возникало «живое» ощущение полупрозрачности зернистого камня. В 1990 г. в Институте востоковедения для экспозиции музея выделили-таки необходимые площади, но наступали времена, когда вновь стал актуален булгаковский «квартирный вопрос» и сдача в аренду стала важнее экспериментального центра. Музей продолжал работать как творческая мастерская, организуя занятия в отделе хранения и на выездных мастер-классах, где участники занятий формировали унифицированный образ объекта, помещая его в реконструированную историческую среду.

Во время формационного разлома всего нашего устоявшегося мира, в 1991 г., я встретился с М. Баргом, а он вовлек меня в интереснейшую работу по исследованию цивилизаций. Возникла мысль расширить концепцию музея и преобразовать МИС в Музей цивилизаций. Позднее, познакомившись с одноименным музеем во Франкфурте-на-Майне, я увидел, что для этой задачи нужны иные организационные и финансовые ресурсы. А тогда занятия новым в нашей науке историческим комплексом оказались очень своевременными для разработки углубленных методик обучения. Цивилизационный подход позволил в ином свете интерпретировать исторический объект: не просто излагать отдельные факты, а включать их в широкий кросс-культурный контекст, сделать упор на сопоставительные исследования. Их захотели использовать в только что возникшем дистантном Российском открытом университете, а затем и в РГГУ, въехавшем в огромные уныло-казенные корпуса бывшей партшколы. Ю. Афанасьев предложил мне организовать учебный университетский музей, назначив на должность его директора. По моему мнению, он должен был стать многопрофильным учебным полигоном для студентов музееведческого факультета, создавая в точной логике формирования экспозиции и хранения, задуманной основателем Цветаевского музея. Как оказалось, многие копии, сделанные для этого музея, долгие годы хранились под спудом в неотапливаемой Пивной башне Троице-Сергиевой лавры; ГМИИ им. А.С. Пушкина, хотя и с большими колебаниями, соглашался передать их на ответственное хранение в РГГУ. Тогда я и выбрал название: Музей исторического сознания.

Время романтических надежд и больших планов быстро закончилось, и для меня наступила пора углубленных историко-теоретических и социологических исследований исторического сознания сначала в Центре междисциплинарных исследований Билефельдского университета, затем в Коллегиуме Будапешт и, наконец, в австрийском Институте культурологических исследований. В Институте славистики Венского университета я познакомился с С. Аверинцевым и, с его подсказки, с судьбоносной берлинской работой Л. Карсавина о трех идентичностях [Карсавин, 1992]. Тогда в научно-методической работе МИС возник повышенный интерес к исторической социологии, но не к быстро меняющейся аргументации ученых-историков и не к сопоставительным жарким дискурсам историографов (им информационное обеспечение, казалось, было ни к чему), а к исследованию того, что в результате всех пертурбаций остается в головах простых людей, в первую очередь главных адресатов музея — нового поколения. Словом, произошел поворот к анализу ментальных структур передумывания прошлого, к исследованию внутреннего диалога с Другим и механизма искреннего интереса к иным культурам. В развитие этих поисковых тем МИС стал проводить эмпирические и полевые исследования сдвигов, происходящих в субъективных реконструкциях ис-

тории и в том новом социопсихологическом пространстве, которое можно охарактеризовать мотивированностью, ангажированностью историей. Для правильного выстраивания нашей повседневной работы стало крайне актуальным выявить значение исторических событий, особенно недавних, для их участников и современников. Было невозможно сделать это, теоретизируя; нужны были эмпирические опросы. Анонимный опросник открытого типа моего первого, проведенного в 1992 г., опроса содержал всего девять вопросов к респондентам в возрасте от 12 до 28 лет об их отношении к прошлому. Ключевым был вопрос: «Если бы Вам предложили ненадолго отправиться в любую историческую эпоху, куда бы Вы отправились, что бы Вы там стали делать и почему?» Ответы поразили, раскрыли новый мир с удивительной вовлеченностью в прошлое и с широким спектром способов рационализации истории. Приведу лишь один ответ — девушки 17 лет: «Я бы отправилась в конец 1915 года в Зимний дворец, взяла бы оттуда царя и поселила его на три месяца в деревню, в крестьянскую избу. Потом вернула бы обратно во дворец, и я уверена, что никакой революции не было бы». В Билефельдском и Бохумском университетах этот опрос повторили уже в междивизиационном ключе, проведя его на разных континентах: в ЮАР, Индии, Индонезии, Западной Европе. Он стимулировал всплеск интереса исследователей и Международного общества исторической дидактики к сравнительным социологическим исследованиям исторических объектов. Крупнейший исследовательский проект, в котором МИС принял участие как генеральный координатор Всероссийской части общеевропейского исторического опроса, назывался «Молодежь и История». В его разработке, проведении и последующем анализе приняли участие 27 стран Европы, Палестина, Израиль и Турция [Немчинов, 1988. С. 83—102]. Закрытый анонимный опросник содержал 400 вопросов, на которые практически одновременно во всех участвующих странах ответили 40 000 пятнадцатилетних школьников. В России мы опросили свыше 2000 человек из разных социальных слоев, населенных мест и регионов. В 1993 г. МИС организовал и провел в Москве международную конференцию по проблемам исторической дидактики, музейной педагогики и теории исторического сознания.

В 1994 г. началось многолетнее сотрудничество с Историческим музеем Рурской области (Германия). К организованному им в 1995 г. мега-выставочному проекту «Транзит Брюгге—Новгород: дорога сквозь века европейской истории» [Transit Brugge—Novgorod, 1997] МИС подключил девять музеев России. Эта работа позволила нам выйти на иной уровень работы с материалами по истории и с экспозиционными технологиями, открыла принципиально новые коммуникативно-информационные возможности. Удалось провести полное видеодокументирование выставки, в которой участвовали девять стран Европы, и ее дидактически репрезентативных экспонатов. Трудно переоценить значение

этого увлекательного и дидактически ценного наглядного путешествия по европейской истории в диахронии, где 400 музеев показали 2000 памятников истории, начиная с 47-метрового отрезка псковской дороги IX в., множества экспонатов со всего извилистого пути вдоль нынешней автодороги В-2 и вплоть до поворота 1991 г., изменившего ход европейской истории. Музей исторического сознания дорожит совместно наработанными методиками и ценит опыт, которым с нами и сегодня щедро делится многоотраслевой музей Рура.

В 1996 г. Музей исторического сознания был зарегистрирован Правительством г. Москвы как автономная некоммерческая организация культуры, включен во Всероссийский реестр музеев и получил регистрационный сертификат в Государственном регистре баз данных российской сети культурного наследия. Музей взял курс на работу с электронными историко-информационными ресурсами, использование новейших компьютерных технологий для развития своих интерактивных музейных методик и распространения методов клубно-кружковой работы с артефактами, изображениями и другими историческими материалами. Метафора дороги оказалась наиболее динамичной темой для формирования у молодежи активного, творческого отношения к цивилизациям и культурам различных народов. По линии Института востоковедения РАН совместно с А.М. Петровым мы стали вести разработки и собирать материалы по Великому шелковому пути. Итог этого проекта — несколько полнометражных документальных фильмов. Благодаря экспедиции 1998 г. в ЮАР расширилась этнографическая коллекция африканских артефактов. В 1999 г. в МИС развернулась работа над научно-образовательной развивающей мультимедийной авторской программой для молодежи «Степной транзит». Программа предполагала работу в режиме творческой лаборатории и была посвящена истории контактов и многовекового культурного диалога между народами России, проживающими в лесостепной полосе на одной из самых протяженных в мире дорог, соединявшей великие мировые цивилизации. Музеем исторического сознания были подписаны соглашения о сотрудничестве с Государственным музеем изобразительного искусства Республики Татарстан и с Национальным культурным центром «Казань». Идею программы поддержал Государственный исторический музей, разрешив цифровую съемку в своих фондах и экспозициях для последующего репродуцирования на демонстрационных компакт-дисках. Музей исторического сознания по согласованию с заместителем директора Института востоковедения РАН подготовил и к Всероссийскому съезду востоковедов в Казани выпустил демонстрационный образовательный диск «Степной транзит», который местные музейщики попросили вручить президенту Татарстана. Мы полагали, что наглядная, хорошо документированная демонстрация исторических свидетельств многовекового культурного сотрудничества и духовного сродства русского и татарского народов в силу актуальности

вызовет положительный резонанс. Однако наш первый и единственный «заход» в высокую политику вызвал вспышку ведомственной ревности со стороны Р. Рыбакова, тогдашнего директора ИВ РАН и руководителя Ассоциации востоковедов, и дорого обошелся музею. Мы продолжили исследования коммуникационных процессов в историческом взаимодействии этнических групп [Немчинов, 2003. С. 64–74], участвовали в планах М. Горелика по созданию Парка истории на ВВЦ и консультировали его по иллюстрированной энциклопедии вооружения армий монголо-татар [Горелик, 2002], расширяли географический ареал этнографических коллекций, сохраняя при этом свои воркшопы, сотрудничали с издателями журнала «Северные Просторы», посвященного этнографии, быту и жизни народов Крайнего Севера и Дальнего Востока, и консультировали их русское и английское издания «Северной энциклопедии» [Немчинов, 2006. С. 189–191], приняли участие в энциклопедическом проекте для юношества издательства «Дрофа» [Учись быть первым..., 2006. С. 126, 142, 160, 168].

В музее, лишенном выставочных площадей, намечился поворот к развитию собственных исследовательских, собирательских, дидактических и методических программ. Усилился интерес к информационному обмену с историками, к научным публикациям, к истории архитектуры Москвы [Немчинов, 1995. С. 234–241; 1998. С. 87–97; 1999. С. 47–69]. Работники музея получили стажировки на факультете повышения квалификации МАРХИ. Новые импульсы к сопоставительной презентации символики храмовой архитектуры и религиозных архетипов различных культур дали лекции Л. Павлова. В дар музею передала ряд предметов, относящихся к истории отечественной церковной жизни, М. Зубова. Художник-мультипликатор М. Полетика, работавшая в конце 1950-х гг. в составе Хорезмской археологической экспедиции, пополнила наше собрание бытовыми артефактами из своей коллекции. Ценными были советы и консультации С. Ходжаш, заведующей отделом в ГМИИ им. А.С. Пушкина, по музейной репрезентации древнеегипетских артефактов, вызывающих особый интерес у посетителей. Активизировалось международное сотрудничество МИС с М. Имберехт, директором кросс-культурных студенческих факультативных учебных программ по европейской истории при Евросовете в Брюсселе, с Международным обществом исторической дидактики и др. С интересом был воспринят опыт МИС по использованию новых методов музейной педагогики для формирования исторической идентичности молодежи [Nemchinov, 2006. S. 201–223]. Предоставление музеем в 2000 г., на Всемирном конгрессе историков в Осло, своей программы работы с подростками послужило толчком для консультаций по теории исторического сознания с Х. Уайтом и для использования методик МИС в работе с проблемными группами молодежи [Nemchinov, 2000]. Представители МИС приняли участие в работе Меж-

дународной рабочей группы по изучению проблемы насилия и Международного движения по изучению проблем отчуждения (ИМЕСЕ) под руководством И. Корсаро и Международной группы по проблеме реабилитации военнослужащих. На Международной конференции по исследованиям культурной политики [Берген, 2001] МИС поднял острый для музейной общественности вопрос о проблематичности цифровой приватизации памятников культуры [Nemchinov, 2001]. Еще более остро в последнее десятилетие встает вопрос о том, насколько важной оказывается культура как общественное явление в государственном масштабе. Думать, что эффективность музеев можно измерять теми же инструментами, что и работу коммерческих организаций, наивно. Эффективность культуры скорее можно оценить по желанию людей вновь и вновь приходить в музей, обращаться к сокровищам мировой культуры, но для этого необходим новый подход к культуре как вместилищу общественного диалога [Немчинов, 2014(б). С. 38–51].

В 2003 г. началось сотрудничество с Мировым общественным форумом «Диалог цивилизаций» (МОФ ДЦ). МИС пополнил свою этнографическую коллекцию во время региональных конференций этого форума в Индии, Иране, на Кубе и в Бахрейне. С 2005 г. по интерактивным форсайт-технологиям «Интернет вещей» МИС работает вместе с Р. Краненбургом; этот проект вместе с образовательными программами музея был представлен на Втором молодежном образовательном форуме «Поколение в поиске себя» (Чуйский тракт, турбаза «Транссиб», Алтай, 2007 г.) [Немчинов, 2007. С. 7–12] и на молодежной летней школе молодых исследователей в Армении в 2008 г. [Немчинов, 2010. С. 142–167]. Интервью о музейной работе публиковались в молодежных изданиях и в центральной прессе [Немчинов, 2008(а). С. 79–81; 2008(б). С. 11]. В 2009 г. музейные программы МИС были представлены на международном форуме «Трансмедиале» в Берлине, а сообщения о полевых исследованиях по народам Крайнего Севера доложены конференции «Глубоко на Север» [Nemchinov, 2009].

В 2010 г. руководство МОФ ДЦ предложило принять участие в организации программы и провести мастер-класс по методике МИС «музей без стен» на Первом международном молодежном форуме «Youth Time» («YT»). В экспериментальном мастер-классе по кросс-культурной исторической реконструкции приняли участие 120 человек из 35 стран. Принцип поискового интерактивного квеста с заданиями по предметному и общему анализу предъявленных участникам артефактов разных культур и эпох из собрания МИС соединил молодых людей с разными культурными традициями. Совместно с «YT» и при поддержке МОФ ДЦ музей начал выпускать ежегодные бюллетени «Родосские тетради» [The Notes from Rhodes, 2010–2014; Discourse on Axiology of Values, 2012, 14 p.], в которых самими молодыми людьми разрабатывались наши интерактив-

ные развивающие программы, в частности «Всеобщий когнитивный тезаурус», состоящий из пяти блоков: коммуникативного, языкового, визуального, чувственного и деятельного лексиконов. Инновационная разработка «Диалог внутри поколения» призвана преодолеть цифровую разобщенность и помочь становлению способности к творческому развитию, справиться с проблемами взросления, с психологическими трудностями и с кризисом переходного возраста. Диалог — это цепочки дружественных наставнических контактов внутри поколения с пошаговой разницей в возрасте в три года, где старшие могут быть приняты в качестве авторитетных советчиков или друга-ментора более молодыми. Другая разработка — «Диалог между поколениями» — это исследовательская программа интервьюирования молодыми представителями старшего поколения.

В 2012 г. по поручению руководства «УТ» МИС подготовил к Молодежному форуму в Индии проактивную рабочую тетрадь на 2012—2021 гг., где была представлена программа международного сотрудничества по созданию Виртуального исторического музея (по мотивам давнишней наработке модели исторической ленты времен). Электронный музей моделируется в виде 60-этажной башни. Каждый этаж — столетие, на каждом — 10 отведенных крупнейшим мировым цивилизациям помещений с секциями внутри них для памятников материальной и духовной культур, которые гиперссылками будут объединены в синхронии и в диахронии. Такой музей, формирующийся по принципу коллективного творчества (краудсорсинг), позволит совершать виртуальные путешествия и исследования сквозь все века человеческой истории [Working Together..., 2012]. По рекомендации историков Центра индийских исследований студентам Университета им. Дж. Неру было предложено провести интервью с немногими оставшимися живыми свидетелями трагических событий раскола Британской Индии в 1947 г., сопровождавшегося массовым исходом населения из мест проживания, чтобы закрыть это «белое пятно» в Новейшей истории Южной Азии. Работникам МИС удалось пополнить этнографическую коллекцию.

Постепенно становилось очевидным, что диалогу необходимо учить, поскольку это качественно иная форма человеческих отношений, а под диалогом обычно понимают лишь параллельные монологи. Возникло желание выстроить диалоговое общение. Эту тему поднять без международной поддержки было невозможно. Она планировалась как долгосрочная развивающая система встреч-бесед, которая должна иметь и международное измерение. Благодаря инициативе МИС появилась программа «Диаверситет — непрерывное самообразование ради достойной жизни». В 2013 г. Международный консультативный комитет МОФ ДЦ на заседании в Вене одобрил программу и запуск ее пилотного проекта — свободного университета диалога «Диаверситет». В том же году

на 11-м Родосском форуме МИС провел мастер-класс по методике проведения занятий. Диаверситет предусматривает ежемесячные встречи с фиксированной повесткой дискуссий. Их организационная особенность состоит в том, что для стимулирования диалогового общения выступление одного участника может продолжаться не более 5 минут. Модерируют обсуждение сами участники с помощью четырех цветных карточек. Темы для обсуждения предполагают стимулирование интуитивного общения, их рабочая последовательность такова: разговор о профессионализме, разговор о таланте, разговор об искусстве, обсуждения темы «путь к себе». Упор делается не на заучивание и запоминание, а на интенсивное слушание, на внимание к значительному, на резонанс в личностном общении.

По итогам 10 проведенных в Москве встреч и презентации программ «Диаверситета» на Родосском форуме ректоры трех университетов: Балтийской международной академии (БМА, Рига), ИСАА при МГУ и СПбГЭУ (Санкт-Петербургский государственный экономический университет), подписали соглашение о сотрудничестве в реализации этой программы. В 2013–2014 гг. она успешно работала в Москве, Риге и Санкт-Петербурге. В 2014 г. МИС при поддержке МОФ ДЦ и совместно с Центром эстетического воспитания детей и юношества «Музейон» при ГМИИ им. А.С. Пушкина организовал российско-китайский музейно-образовательный проект «Чистые окна детства», включивший проведение выставки рисунков победителей всекитайского художественного конкурса для детей, летнюю рисовальную школу с музейными экскурсиями и творческую мастерскую по рисованию тушью на пленэре «Линия и пятно». В 2015 г. планируется выступление на Всемирном конгрессе историков в Китае, заключено соглашение о запуске «Диаверситета» в Каирском университете.

Сегодня накопленный опыт, методические разработки и формы диалогической коммуникации Музея исторического сознания могут быть востребованы для формирования исторического сознания нового поколения.

Библиография

Горелик М. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Диалог культур: Материалы научной конференции «Випперовские чтения XXV». М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 1994. 224 с.

Диалог культур: Методическое обеспечение программы поликультурного образования детей 3–7 лет «Диалог культур». Ч. 1. «Кубань», 2014. 306 с.

Диалог культур: программа учебного курса для 9–10 классов негосударственных общеобразовательных учреждений ОАО «РЖД». М.: ФГБОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2013. 179 с.

История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства: Сборник статей по материалам научной конференции (25–28 мая 2010 г.), М.: ИНИКО, 2012. 768 с.

Карсавин Л. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М.: Ренессанс, 1992. 325 с.

Немчинов В. Игры диалогического понимания в обучении истории. 2014(a). Электронный ресурс: http://ishd.co/content/ISHD_Wroclaw2014/abstracts/ISHD_Wroclaw2014-Abstract-Nemchinov.pdf. Дата обращения: 20.05.2015.

Немчинов В. Инструмент диалога // Эксклюзив. 2008(a). № 1. С. 79–81.

Немчинов В. Исторический облик города: смена контекстов восприятия // Проект Россия. 1998. № 10. С. 87–97.

Немчинов В. Культура как вместилище общественного диалога. Год культуры в России: нужно ли это экономическому развитию? // Развитие и экономика. 2014(б). № 10. С. 38–51. Электронный ресурс: <http://devec.ru/almanah/10/1619-viktor-nemchinov-kultura-kak-vmestilische-obschestvennogo-dialoga.html>. Дата обращения: 20.05.2015).

Немчинов В. Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 234–241.

Немчинов В. Мир современной культуры и личностное самоопределение человека // Политические и социальные процессы на Евразийском пространстве: в ожидании новой парадигмы. Ереван: Ноян Тапан, 2010. 270 с.

Немчинов В. Образ города: ожидания и реальность // Образ города: сборник статей / Под ред. Ю. Волчек. М.: МАРХИ, 1999. 190 с.

Немчинов В. Проблема стабильности и нестабильности в поликультурном обществе // Поликультурное общество: стабильность и коммуникация: Материалы 7-й Международной конференции «Диалог цивилизаций Восток – Запад» М.: Уникум-Центр, 2003. С. 64–74.

Немчинов В. Руками трогать! Учить истории интересно // Алтапресс.ру. 2007. Сентябрь.

Немчинов В. «Северная энциклопедия» // Восток. 2006. № 3. С. 189–191.

Немчинов В. Синхронист. Интервью В. Немчинова Инне Руденко // Российская газета. 2008(б). 9 октября (№ 3211). С. 11.

Немчинов В. Социализация и индивидуализация в формировании исторического сознания в эмпирических исследованиях психологии подростков // Мир психологии. 1988. № 3. С. 83–102.

Раджниш Б. Приходи, следуй за мной. Т. 3. Пуна: фонд Раджниш, 1977 (беседа 7 от 17.12.1975).

Учись быть первым! От дерзкой мечты – до великих свершений. М.: Дрофа, 2006. С. 126, 142, 160, 168.

Хэйзинга Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 464 с.

Чалмерз Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС; Либроком, 2013. 512 с. (D.J. Chalmers The Conscious Mind).

Эльконин Д.Б. Психология развития: Учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 144 с.

Discourse on Axiology of Values: Towards a Roadmap for Smart Development // Notes from Rhodes. 2012. № 3. 14 p.

Nemchinov V. Digital Privatization of Culture: Prospects for the Era of Global Multiculturalism // Materials of International conference on cultural policy research. Bergen, 2001.

Nemchinov V. Fragmentary Paradigm Shift: A Predicament of Pending Cultural Challenges // Imprint Deep North. S. Kovats, T. Muntz (eds.) Berlin: Revolver Publishing, 2009. P. 134–147. Электронный ресурс: www.transmediale.de//victor-nemchinov-relates-deep-north-modern-power.

Nemchinov V. Teaching and History Education Against the Growing Violence: Bringing Unbiased Discourse to School Classes // Proceedings of 19th Congress of Historical Science. Oslo, 2000.

Nemchinov V. The Quest for the Formation of a New Identity: A Workshop Method on the Way of Teaching History // Worldwide Teaching of History: Present and Future (Studien zur Internationalen Schulbuchforschung: Schriftenreihe des Georg-Eckert-Instituts). Hannover: Verlag Hahnische Buchhandlung, 2006. S. 201–223.

Nemchinov V. Working Together. Looking Ahead. Youth Forum India 2012–2021. Proactive Workbook. Compiled by Victor Nemchinov, 2012. New Delhi, 20 p.

Rüsen J. “Emotional Forces in Historical Thinking: Some Metahistorical Reflections and the Case of Mourning,” *Historien: A Review of the Past and Other Stories* №8, 2008, pp. 41–53.

Transit Brugge – Novgorod: eine Strasse durch die europäische Geschichte; eine Ausstellung des Ruhrlandmuseums Essen in Verbindung mit dem Initiativkreis Ruhrgebiet und der Stiftung Kunst und Kultur des Landes Nordrhein-Westfalen. Bottrop; Essen: Pomp, 1997. 720 S.

The Notes from Rhodes. 2011–2014. № 1–6.

УДК 069.01; 930.2

Е.Н. Лермонтова, E.N. Lermontova

МУЗЕЙНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ: ГРАНИЦЫ ИНВАРИАНТНОСТИ

Museum Exposition in Culture and History Space: Limits of Invariance

Аннотация: в статье анализируется феномен музейной экспозиции как формы публикации, развивающейся в рамках культурной парадигмы. Определяется место музейной экспозиции в информационном обеспечении исторической науки. Автор обосновывает дуализм научности в музейной среде: музей рассматривается как научный центр, экспозиция представлена в освещении исследовательских достижений музея на широкой научной основе для адаптации к восприятию музейного посетителя. В результате анализа различных типов экспонирования как выражений культурных век-

торов социума выявляются инвариантные составляющие музейной экспозиции.

Abstract: The article is devoted to the phenomenon of a museum exhibition as a form of publication that develops within a cultural paradigm. It determines the place of a museum display in information support of historical science. The author makes case for scientific character dualism in museum environment: a museum is considered as a scientific center, the museum display is presented in a context of museum research achievements on a broad scientific basis adapted to perception of a museum visitor. The results of a analysis of various types of society exhibiting as expressions of cultural vectors reveals invariant components of a museum exposition.

Ключевые слова: музееведение, научно-исследовательская деятельность в музее, экспозиционно-выставочная деятельность музея, музейная экспозиция, музейное проектирование, культурная парадигма, инвариантность, музей, культура.

Keywords: museology, museum research activity, museum exposition, museum design, cultural paradigm, invariancy, museum, culture.

Пространство культуры многолико и полифункционально, содержит в себе самые разные институции, ставящие целью создание специфического культурного кода, благодаря которому происходит процесс инкультурации. Музей как социокультурный институт нацелен на решение задачи воспроизводства культуры, взаимодействия и консолидации различных культурных общностей. Все формы музейной деятельности сегодня позволяют расценивать его как механизм социокультурной коммуникации — в отличие от предшествующих ступеней его развития, когда он мыслился как научное (в XIX в.) или научно-просветительное (в недавнем прошлом) учреждение [Грусман, 2007]. Такая имманентная составляющая существования музея зиждется на широкой научно-исследовательской основе, в свою очередь становящейся базой разных направлений музейной деятельности. Среди них экспонирование — важнейший элемент музейной коммуникации, именно оно выделяет музей из ряда других социокультурных институтов.

В информационном обеспечении исторической науки музей, наряду с библиотекой и архивом, играет важную роль, осваивает пространство сохранения исторической памяти своими собственными методами. На долю перечисленных социокультурных институтов выпала гуманистическая миссия — сохранять культурное наследие и корректно организовывать доступ к информации, сокрытой в недрах исторических источников, предстающих в них в ипостаси музейного предмета, документа, издания. Раскрыть информационный потенциал собрания музейных предметов (музейного собрания) помогает музейная экспозиция — результат процесса коммуникации, ядром которого является тесное сотрудничество историка и экспозиционера. По доминирующей функции их роли распре-

деляются так: историк выявляет и осваивает информацию, скрытую в музейном предмете, а экспозиционер языком музея доносит ее до посетителя.

Музейная экспозиция — наиболее специфическое направление деятельности музея, воплощаемое в его стенах: «Экспозиция же есть сугубое проявление музейной работы, связанное с ее спецификой и конкретизируемое в специфически музейных условиях специфическими музейными методами и приемами и ради специфически музейных задач» [Эфрос, 2010. С. 710]. Ее рассматривают и как особую форму публикации: «Для исторической науки музей более всего важен в двух отношениях — как социальный институт, аккумулирующий на основе достаточно четкой системы принципов и потому репрезентативные совокупности исторических источников, а также репрезентирующий (транслирующий) научное историческое знание в такой специфической форме публикации, как музейная экспозиция и музейная выставка» [Воронцова, 2014. С.167–168]. Музейная экспозиция или выставка — способ репрезентации достижений исследовательской мысли, прежде всего музейных сотрудников, их структурирования средствами пространственно-предметной композиции.

При создании экспозиций и выставок значим научный подход к выстраиванию коммуникации как ее создателей, так и посетителей музея. Адекватное раскрытие и использование свойств музейного предмета (информативности, экспрессивности, аттрактивности, репрезентативности), освоение его информационного потенциала, применение результатов исследований в области музейной психологии и социологии, выставочной сценографии, конструктивные поиски и оригинальные решения в области музейного дизайна, корректное и обоснованное применение современных мультимедийных технологий — все это может послужить залогом успеха музейной экспозиции в первой четверти XXI в. Гуманистическая стратегия музея прежде всего сопряжена с актуализацией научного знания в доступной посетителю форме посредством музейной экспозиции или выставки.

Еще на рубеже XIX–XX вв. Н.Ф. Федоров рассматривал музей как синтез науки и искусства, как инструмент достижения высшей цели — сохранения памяти обо всех, когда-либо живших («отцов»), ради воскрешения их силами всех ныне живущих («сынами»). Он так определил дуализм феномена музея: «С одной стороны, музей есть образ мира, вселенной видимой и невидимой, умершего и еще живущего, прошедшего и настоящего, естественного, произведенного живою силою, а также и искусственного, произведенного полусознательною силою народов. С другой стороны, музей есть произведение ученого и интеллигентного классов, труда умственного при помощи физического труда народов» [Федоров, 2010. С. 343]. У этой глубокой философской мысли есть прикладной аспект — возможность для посетителя музея и рационально,

и художественно постигать окружающий мир, приобщиться к такому всеобщему благу, как знание. Данный постулат Федорова сегодня тоже актуален: право на информацию зафиксировано в основных законах многих государств.

Учение Н.Ф. Федорова о музее не случайно появилось именно на рубеже XIX—XX вв. — в век «цивилизованный» и «культурный», как определяет свою современность автор. Сама культурная ситуация, ассимилирующаяся в техническом прогрессе, послужила катализатором зарождения потребности в осмыслении музея как научного центра и, шире, как социокультурного института. Из этого следует, что каждая форма репрезентации предмета, каждый метод экспонирования существует и развивается в рамках определенного миропонимания, культурной парадигмы, способствуя эволюции музейной экспозиции.

На протяжении нескольких столетий выпестовывались основные методы экспонирования. Собираение предметов, их концентрация в определенном месте, расположение определенным образом и демонстрация ограниченному кругу лиц были присущи и Античности, и Средневековью, и эпохе Возрождения, но зарождение собственно музейных экспозиций и деятельности по их созданию как музейной практики относится к 1790-х гг., ко времени более широкого распространения публичных музеев в ответ на требования либерально настроенной части общества [Грицкевич, 2002. С. 11—12]. Преобразование частных коллекций в такие музеи повлекло за собой и заимствование приемов экспонирования. Предметы в частных коллекциях нередко выполняли представительскую функцию, подчеркивая высокий социальный статус владельца. В угоду этому развивался декоративизм. В силу универсализма, определявшего мировоззрение и создателя экспозиции, и наблюдателя, конкретный экспонат воспринимался в ансамбле других экспонатов как фрагмент гармоничного концептуального расположения. (Ансамблевые музеи, продолжающие данную традицию, — существенный информационный ресурс исторической науки. Их экспозиции, красноречиво свидетельствующие о событиях и явлениях прошлого, находят отклик у современных посетителей.) Конец XIX в. — начало 1930-х гг. — время становления коллекционного, ансамблевого, тематического, музейно-образного методов экспонирования [Поляков, 1997. С. 12—30].

Для музеев второй половины XIX в. было характерно «безоговорочное признание приоритета в музейном деле науки (как содержания), научности (как способа презентации) и ученого (как образа музейного деятеля) [Калугина, 2001. С. 96]. Научное знание вторглось в музейное пространство еще в конце XVIII — начале XIX в. и стало влиять на репрезентацию историко-культурного наследия. Появился систематический метод построения экспозиций, предполагающий функционирование музейных предметов в контексте этого знания — отбор, размещение и интерпрета-

цию однородных предметов, их ранжир в соответствии с классификацией конкретной научной дисциплины. Яркое воплощение он нашел в музеях естественной истории. В собственно исторических музеях указанный метод используется фрагментарно. Как пример приведем экспозицию «Коллекция мебели XVIII — начала XX в.» в Государственном музее истории Санкт-Петербурга (из фонда декоративно-прикладного искусства). Она была создана для представления истории Петербурга через предметы мебели (гарнитуры для гостиной, столовой, кабинета; комоды, шкафы и пр.), выполненные по чертежам архитекторов, формировавших облик столицы Российской империи.

Другой была модель взаимодействия экспонатов между собой в экспозициях этнографических музеев, получивших развитие во второй половине XIX в. В них экспозиционные комплексы размещались в научно выверенном социокультурном окружении. Это было характерно и для Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (ныне Российский этнографический музей), созданного для научной разработки этнографии и служения образованию «путем наглядного обозрения собрания предметов». С этой целью планировалось собрать материал, необходимый для характеристики духовного и материального быта народов, населявших Россию и сопредельные с нею страны, связанные с нашим отечеством «племенными и культурными отношениями»: жилища, одежду, утварь, орудия труда, предметы «практической и художественной производительности», явления «выразительной культуры и экономической жизни не менее, чем живая народная речь, мир преданий и верований и народно-поэтическое творчество в его целом» [Программа для собрания..., 1903].

После 1917 г. многие национализированные и утратившие первоначальные функции дворцы, храмы, особняки, усадьбы стали музеями. К примеру, дворцово-парковые ансамбли пригородов Петербурга представляли на суд общественности посредством экспонатов традиционный дореволюционный уклад жизни высших слоев российского общества и политической элиты во главе с государем. Трансформировавшийся вследствие Октябрьской революции социально-политический заказ вызвал к жизни историко-революционные музеи. Их экспозиции должны были служить иллюстрацией актуальных для того времени жизненных норм: классовой борьбы, политической истории, идейного размежевания с противниками советской власти. Пальма первенства перешла к тематическому (иллюстративному) методу построения экспозиций и выставок. Экспозиционно-выставочная деятельность была направлена на просветительную и пропагандистскую работу, музейная экспозиция становилась документальным подтверждением хода истории, подобием учебного пособия. В музейной практике 1920—1930-х гг. нивелировалась роль музейного предмета как главного актера в музейно-выставочной пьесе,

музейная среда насыщалась всем тем, что в доступной форме могло объяснить причинно-следственные связи событий и явлений (карты, планы, схемы и т. п.). В последующие десятилетия главенствующая роль вернулась к музейному предмету/экспонату. Однако и по сей день тематический метод применяется при создании экспозиций исторических, краеведческих, естественно-научных музеев.

Если во временном разрезе посмотреть на эволюцию взглядов на выстраивание музейной экспозиции, то можно увидеть, что различные методы сосуществовали, а экспонат стремился вырваться из жестких рамок его интерпретации и предстать в образе заложенных в нем идей. С 1920—1930-х гг. образно-сюжетный (художественно-мифологический) метод построения экспозиции вкрадчиво и корректно начал шествовать в сфере музейного проектирования, а апогея его применение достигло полвека спустя, во второй половине XX в. Изменилось восприятие экспозиции посетителем, модулировалась ее проектирование. Наряду с научной концепцией будущей экспозиции появилось художественное решение. «Имея целью создание художественного портрета эпохи или ее героев, автор архитектурно-художественного решения, воспринимающий экспозицию как произведение изобразительного искусства (а музейные предметы — как пластические средства), вынужден дополнять работу научного сотрудника в области “документирования”» [Поляков, 1997. С. 55].

Даже такое краткое и схематичное рассмотрение эволюции экспозиционной практики позволяет сделать вывод о том, что становление основных стратегий создания музейных экспозиций проходило через призму культурной парадигмы. Здесь имеет место диалектическое противоречие: каждый тип экспозиции актуален лишь на конкретном этапе развития общества. Отвечая на перцептивные и когнитивные запросы осматривающего экспонаты, экспозиция выступает одновременно и порождением своего времени; творец экспозиции приглашает посетителя к сотворчеству. Формы экспонирования могут быть разными, но есть и нечто объединяющее, инвариантное и непреложное. Под инвариантностью мы понимаем неизменяемость по отношению к внешним воздействиям, безотносительность к любым проявлениям извне. В чем же выражается инвариантность в музейной экспозиции? Осмысление опыта экспозиционно-выставочной практики показывает наличие следующих констант: в основе экспозиции — музейный предмет, преобразующийся в экспонат, предметно-пространственная композиция, коррелирующая с экспонатом, и идея, положившая начало созданию экспозиционного пространства и расположению предмета в нем. Экспонат, пространство и идея как первоисточник играют роль стержня в сложном процессе создания экспозиции и выставки. В своем видении мы опираемся на следующее определение: «...музейная экспозиция — основная форма презентации музеем историко-культурного наследия в виде искусственно созданной пред-

метно-пространственной структуры» [Словарь актуальных музейных терминов, 2009]. Оно включает в себя экспонат (музейный предмет, научно-вспомогательный материал, воспроизведение музейного предмета), творчески осмысленное, художественно и научно интерпретированное пространство экспозиции и концепцию (основную идею) как контекст, части которого взаимодействуют между собой и с посетителем. Л.И. Скрипкина, обратившись к наследию У. Эко, констатировала, что в невербальной среде экспозиции экспонат приобретает конкретное значение лишь в определенном контексте [Скрипкина, 2009. С. 155–156]. Этот контекст выстраивается как создателем экспозиции, так и тем, кто ее воспринимает. Так, Ж.-П. Сартр, изучая воображаемое, рассуждал о феномене восприятия картины. Основные его позиции применимы и к другим продуктам творческой мысли, включая музейные экспозиции. Приступая к работе, творец формирует идею в образе, а далее проводит ее в реальность. Имеющийся у него ментальный образ, став доступным публике, актуализируется каждым конкретным наблюдателем. В силу когнитивных способностей, ценностных установок, личных характеристик и потребностей созерцатель для себя выбирает определенные грани образа. На самом же деле «фактически художник вовсе не реализует свой ментальный образ: он просто создает такой материальный аналог, рассматривая который мог бы схватить этот образ» [Сартр, 2001. С. 3, 10].

Завершая, еще раз подчеркнем, что феномен музейной экспозиции как фрагмента культуротворчества при всей своей диверсифицируемости содержит и инвариантные составляющие, которые экзистенционально вплетены в ткань музейной практики. Культура есть «сотворенная людьми среда их обитания и форма созидания духовных и материальных ценностей, простирающаяся в бесконечность прошлого, настоящего и будущего», формы ее функционирования и ее компоненты детерминированы уровнем развития общества, его ценностями и идеалами [Ариарский, 2001. С. 21]. Диалектическое противоречие «экспозиция как порождение культуры» мировоззренчески обосновано культурной парадигмой. Однако музейная экспозиция и сама провоцирует, генерирует и репрезентирует развитие культуры, дает толчок модуляции, с помощью музейных предметов — подлинных свидетельств прошлого — транслирует ненаследуемый генетически социальный опыт предшествующих поколений, формируя историческую память представителей данной культурной общности.

Библиография

Ариарский М.А. Прикладная культурология. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Эго, 2001. 288 с.

Воронцова Е.А. Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Диалог со временем. Вып. 49. М., 2014. С. 163–189.

Грицкевич В.П. История музейного дела (до конца XVIII века): автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.03. СПб., 2003. 34 с.

Грусман В.М. Реализация культурно-исторической направленности деятельности музеев в обществе XXI века // Этносоциум и межнациональная культура. 2007. № 6. Электронный ресурс: URL: <http://ethnosocium.ru/grusman-v-m-realizatsiya-kulturno-istoricheskoi-napravlennosti-deyatelnosti-muzeev> (дата обращения: 06.03.2015).

Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001. 319 с.

Скрипкина Л.И. Современные методологические подходы к интерпретации истории в музейных экспозициях // Исторические концепции региональных музеев в постсоциалистический период / Отв. ред. И.В. Чувилова. СПб.: Алетейя, 2009. С. 151–163.

Поляков Т.П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции) / Рос. ин-т культурологии. М., 1997. 253 с.

Программа для собирания этнографических предметов. 2-е изд. СПб.: Этногр. отд. Русского музея, 1903. 51 с.

Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. Электронный ресурс: URL: <http://museum.by/files/slovar.pdf> (дата обращения: 18.03.2015).

Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: Сборник документов и материалов / Под ред. Э.А. Шулеповой. М.: Этерна, 2010. С. 338–351.

Эфрос А.М. Экспозиция // Музееведческая жизнь в России XVIII–XX веков. М.: Этерна, 2010. С. 708–731.

УДК 9:93

Т.Т. Адильбекова, Т.Т. Adilbekova

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА В ЭКСПОЗИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ

Representation of History of Kazakhstan in the Exposition of the National Museum

Аннотация: современные репрезентации исторического знания через музейную экспозицию и разные формы позиционирования исторического знания чрезвычайно актуальны. Благодаря правильному выбору технологий музейная экспозиция становится более выразительной, улучшается ее восприятие. В Национальном музее Республики Казахстан классическое построение экспозиции сочетается с применением современных технологий, что делает ее отвечающей современным требованиям музееведения и исторической науки.

Abstract: the modern representations of historical knowledge through a museum exposition and different forms of positioning are rather actual nowadays. Due to a right selection of technologies the museum exposition becomes more expressive, the level of her perception increases. In the National museum classical creation of an ex-

position is combined with modern technologies, the new, modern type of museum exposition with use of the latest achievements of exhibition technologies is presented.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, Национальный музей Республики Казахстан, историческая память, экспозиция, репрезентация, информационная инфраструктура, историописание, позиционирование.

Keywords: historical science, museology, National museum, Kazakhstan, representation, history, exposition, information infrastructure, historical memory, historical describing, positioning.

Для современного общества характерна недолговечность многих социальных процессов. Изменение общественных идеалов, непризнание прежних ценностных устремлений приводят к разъединению в духовной жизни общества. В связи с этим на первый план выходит проблема сплочения граждан на основе общей идеи, которая должна быть осознана каждым и близка каждому. Достижению этой цели способствует приобщение к системе культурных ценностей и знанию истории, формирование гордости за свое Отечество и за людей, участвующих в сложном процессе становления и развития государства.

В настоящее время выражения «подлинная», «сокровенная», «истинная» история все больше утрачивают привычное разграничение между «историей-конструкцией» и «прошлым-реальностью». Познание истории становится для общества не только знанием-ценностью, но и процессом, репрезентирующим прошлое через систему национальных и политических ожиданий. Для усиления выразительности исторического знания, удобства вписывания его в иерархию традиционных морально-этических норм, мировоззренческих парадигм, категорий повседневности создаются обобщенные представления о ком-либо или о чем-либо, которые основываются на интеллектуальном или жизненном опыте индивида и общности и включают в себе способ выражения, результат выражения и образ-переживание. Удачно встроены в структуру социальных ожиданий и запросов символ снимает противоречия и утверждает позитивные или негативные ориентации общества.

Формирование исторического знания в Казахстане определяют расположение на границе Европы и Азии, открытая внешняя политика, многонациональный и многоконфессиональный состав населения, расширяющие социокультурную природу повседневного знания. Символические формы репрезентации истории становятся более многообразными. Современная репрезентация истории Казахстана в общественном сознании предстает как символическая комбинация исторических знаний, контекстно обусловленных и направленных на формирование целостных ментальных и геокультурных образов. Образ нации и страны является наиболее адекватной формой репрезентации национальной истории. Современные музеи как институты памяти обладают неограниченным влиянием на идентификационные механизмы нации, посредством которых удерживается единство социокультур-

ного пространства: «Историческая память — наша прочная опора» [Назарбаев, 2013. С. 208].

Диалектика отсылки к отсутствию и зримости присутствия, заметная в репрезентации-объекте, полностью проявляется в репрезентации-операции. Эта глубокая связь уже не между двумя фазами исторической операции, а между историей и памятью. Именно в репрезентации памяти воспоминание выступает как образ того, что было ранее увидено, услышано, испытано, узнано, обретено. Репрезентация историческая подчеркивает активный характер исторической операции и превращает историю в научную наследницу памяти.

Особая роль принадлежит исторической памяти, которая как особый феномен социокультурной реальности обладает способностью сохранять в массовом сознании членов общества оценки событий прошлого, превращая их в ценностные ориентиры. Опираясь на историческую память, основу национального самосознания, в рамках музея, воздействуя когнитивными и эмоциональными средствами, можно воссоздать исторические реалии, вовлекая человека в мир ожившей истории, вызывая высокие чувства сопричастности значимым событиям прошлого.

Каждой исторической эпохе соответствует определенный способ взаимодействия человека и социального порядка, обуславливающий изменение культурного сознания. В процессе социального развития происходит трансформация как внутреннего, так и внешнего аспекта культуры, приобретает новые характеристики «культурная ментальность», т. е. идеи, значения, ценности, эмоциональные ощущения (упорядоченные системы мышления), составляющие духовное содержание культурных явлений. Это влечет за собой изменение внешней стороны культуры: предметов, событий, материальных форм, в которых воплощается внутренний опыт.

Необходимо подчеркнуть, что понимание и осознание внутренней формы культуры происходит в первую очередь посредством восприятия ее внешних форм. Именно поэтому с усложнением социальных процессов становится необходимым целенаправленное накопление материальных культурных ценностей. Историческая репрезентация, связанная со специфической проблематикой формирования образов вещей прошлого, выступает на первый план. Связность повествования обеспечивает читабельность, а мизансцена припоминаемого прошлого позволяет его видеть. Это, отмеченное впервые в связи с репрезентацией-объектом, взаимодействие между отсылкой образа к отсутствующей вещи и самоутверждением образа в собственной зримости, наглядно разворачивается в плане репрезентации-операции. Образ создает у посетителя ощущение причастности — такое вполне первобытное чувство, когда образ и реальность совмещаются и представленные в экспозиции события истории переводятся во внутренний мир человека. Поскольку есть отсылка пусть к прошлой, но реальности, музей не столько создает свой образ, сколько

ищет его. В этом состоит существенное отличие исторического образа от образа чисто художественного, который является плодом воображения автора.

Музейная история началась с собирания образцов — творений великих мастеров, памятников античного искусства, предметов экзотических культур, наконец, образцов промышленной продукции. Когда оригиналов не хватало, с них даже делали слепки, которые в свою очередь использовались в качестве образцов. Таким был канал усвоения прошлой и только появляющейся на свет культуры. Количество образцов стало зашкаливать, и понадобилось создать целостное представление об эпохах, личностях и явлениях. Тогда-то и заговорили о музейных образах.

Есть выражение: «Музей — это фабрика образов». Действительно, образная природа музея не подлежит сомнению. Музей пронизан образами, он для них дом родной и без них неизбежно превращается в кладбище вещей. Все музейные образы созданы «на месте» и являются результатом труда многих людей: образный строй экспозиции, образ эпохи, образ стиля, образ человека, наконец, образ самого музея. Получается, что музей есть система образов, выстроенных в определенной последовательности.

Музей основан на синтезе, в нем соединяются вещи и создаются исторические образы. Велика его роль в научном историческом познании как хранителя вещественных и изобразительных источников. Музей — канал коммуникации, посредством которого мы общаемся с другой эпохой. Поэтому музейная экспозиция воспринимается ровно настолько, насколько она пробуждает воображение. Образы воображения тем и хороши, что являются комбинациями исходных образов. Еще важнее, что они конструируют нечто, уже отсутствующее в реально окружающем нас мире. Образный подход давно стал одним из основных методов построения экспозиции, но его власть заканчивается перед запертыми дверями запасников. Там, напротив, предметный мир разбирают на части, гордо именуя этот процесс научным анализом. Потом в экспозиции все приходится собирать заново. Экспозиционный образ обладает рядом характеристик. Он одновременно целостен и дискретен. Берутся рассыпанные вещи, отдельные фрагменты, и единая картина как бы складывается из совокупности индивидуальных судеб, конкретных предметов, обособленных событий и явлений. Отсюда проистекает конкретно-предметная природа экспозиционного и исторического образа.

Актуален подход к музейной экспозиции как к форме репрезентации исторического знания в контексте социально ориентированного историописания и разных форм его позиционирования. Использование исследователями этих понятий обусловлено более четким осознанием конструирующей роли историка, который занимается не установлением абсолютной истины (достоверного знания об объективной реальности

прошлого), а писанием истории (социальным конструированием реальности). Отметим, что понятие «историописание» не совсем применимо к экспозиции, имеющей невербальный характер. Однако рассматривать ее как вариант историописания (создания исторического текста) возможно. Репрезентация — это представление исследователем-историком и субъектом исторического познания своего видения истории, в более строгом смысле — видения исторического процесса как результата научного исследования, а позиционирование — внедрение в сознание адресата определенных исторических конструкций, информации о местах памяти. Позиционирование вводит субъекта в иерархически организованное языковое пространство культуры, где для него открывается доступ к дополнительным символическим ресурсам. Понятие «социальный субъект» заменяет другое понятие — «исторический артефакт».

Во все времена в обществе существовали механизмы передачи социокультурной (исторической) информации: начиная с самых ранних эпох истории ее трансляция осуществлялась в устной форме, с помощью предметов (вещей), с появлением письма — письменно (в форме рукописей, с изобретением книгопечатания — книг). В XX веке появились электронные формы трансляции и фиксации исторической памяти. Каждому периоду присущи свои социальные институты, призванные сохранять память человечества.

Появление музея в современном его понимании как хранилища памятников истории, предоставляемых для публичного исследования (рассмотрения), — явление относительно новое, отображающее более высокий этап осознания значения исторической памяти. Общество начало ценить прошлое как таковое — не для дела, не как копилку информации, а как часть самой жизни людей. Музей стал универсальным хранилищем «опредмеченной» истории, для него нет ограничений ни по форме, ни по содержанию: сфера его внимания — любая деятельность человека, от возделывания земли до поэтического вдохновения, от государственных узаконений до частной жизни.

Музей можно рассматривать как сложный механизм, обеспечивающий участие ретроспективной информации (информации о прошлом) в деле сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению. Он выступает как посредник между индивидом и культурной средой, донося до людей комплекс духовных ценностей, идей, эмоций и традиций народа, и включает конкретного человека в общий культурно-исторический процесс. Эмоционально и когнитивно воздействуя на посетителя, он вызывает к себе интерес и способствует углубленному изучению прошлого, исследованию исторических корней. При этом музейная экспозиция как предметно осмысленная и реконструированная связь прошлого и будущего, различных традиций, культур, социальных групп между собой предстает результатом взаимодействия исторической памяти и музея.

Одним из ключевых аспектов деятельности Национального музея Республики Казахстан, открывшегося 2 июля 2014 г., является внедрение информационных технологий. Музей состоит из семи блоков с этажностью от 2-го до 8-го этажа. Общая его площадь — 74 тыс. м², из них экспозиционная — 14 тыс. м², фондохранилища — около 5 тыс. м². В 11 экспозиционно-выставочных залах (Астаны, Независимого Казахстана, древней и средневековой истории, истории, этнографии, два Зала золота и по два зала современного искусства и временных выставок) используются новейшие достижения выставочных технологий, позволяющие значительно расширить возможности осмотра и получения более конкретной и углубленной информации. На музейном сайте размещены виртуальные экскурсии, позволяющие тем, кто не может посетить музей, ознакомиться с экспозицией.

В холле и залах установлены информационно-справочные мультимедиа-системы на базе сенсорных киосков. В киосках представлена исчерпывающая информация об экспозициях залов и уникальных экспонатах. Самый популярный из них — изготовленный из позолоченного металла парящий под солнцем орел (размах крыльев 20 м, диаметр шара, символизирующего солнце, 4 м). Каждые полтора часа под звуки государственного гимна при включенной подсветке орел начинает летать, взмахивая гигантскими крыльями. Стилизованный силуэт золотого орла отражает стремление молодого суверенного государства к высотам мировой цивилизации.

Казахстан — страна с богатым историко-культурным наследием. Материалы археологических коллекций, выставленные в экспозиции зала древней и средневековой истории, дают представление об этих периодах истории на ныне занимаемой им территории. Экспонаты с самого яркого памятника энеолита степной зоны Северного Казахстана — Ботай свидетельствуют об эпохе, когда была приручена лошадь, коневодство и ремесла стали основным занятием жителей. Уникальны орнаментированные и заполированные фаланги кости лошадей. Рисунки на них (зигзагообразные прямые параллельные линии, ритмичные нарезки, в некоторых случаях — сложные композиции из ромбов, треугольников, прямых и ломаных линий, ромбической сетки) выполнены кремневыми инструментами в технике прочерчивания.

Богатство недр Казахстана полиметаллами явилось причиной возникновения в эпоху бронзы (II тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.) мирового очага металлургии в Сарыарке (Центральный Казахстан). На мультимедийном экране демонстрируются петроглифы и наскальные рисунки, выполненные в технике выбивки, с памятника археологии — урочища Тамгалы в горах Каратау (Семиречье, Южный Казахстан). Макет Бешшатырского кургана (Южный Казахстан) дает представление о «пирамидах» сакско-скифско-сарматских племен (господствовали в Центральной Азии в эпоху раннего железа, VII—III вв. до н. э.). Археологами изучены десятки таких культовых сооружений.

В разделах экспозиции по истории VI — начала XIII в. раскрыт процесс развития тюркских государств, сменявших друг друга вплоть до монгольского нашествия (Тюркского и Карлукского каганата, государственных образований у огузов, кимаков, кыпчаков), городов, возникших в узловых пунктах Великого шелкового пути — местах встречи Запада и Востока, Европы и Азии, с их благоприятной для взаимопроникновения и взаимообогащения непохожих культур и религий почвой, самобытной культуры, возникшей в условиях кочевого и полукочевого быта и ставшей достоянием мировой культуры. Экспозиция этого зала представлена в touch-screen устройстве, трех медиастолах, двух сенсорных киосках.

Представленные в экспозициях Залов золота раритеты дают представление о вкладе племен, живших на территории Казахстана, в сокровищницу мировых истории и культуры. Бесценны изделия из драгоценных металлов и предметы в сакско-скифском зверином стиле, собранные в фондах Национального музея и частично экспонируемые: золотые серьги и браслеты из курганов Айбас Дарасы и Кенжекол (Центральный Казахстан), Мыншункыр (Семиречье), серьга с раструбом из Казахского Алтая; изящные золотые украшения из курганов Майемер, Талды—II, Сабындыкол, комплекса Таксай I, Жалаулинского клада; золотые изделия из курганов Байгетобе (Шиликты) и Аралтобе, ювелирные изделия казахских зергеров. Восхищение посетителей вызывает «золотой человек» из кургана Иссык: более 4000 золотых изделий украшают его одежду, назначение которой — возвеличить вождя, возвести его в ранг солнцеподобного божества. Особое место в экспозиции занимают 4 лошади породы джагбу в полном снаряжении из Берельских курганов, где кочевниками была создана единственная в мире искусственная мерзлота. «Сакскую триаду» образует комплекс предметов, состоящий из конского снаряжения, оружия и изделий декоративно-прикладного искусства. Макеты курганов (Иссык и др.) и других сооружений, реконструкции образа «золотых людей» позволяют дать целостное представление о достижениях ранних кочевников в социальном, хозяйственном и духовном развитии. Ювелирные украшения XIX — начала XX в. органически вписаны в контекст сокровищ древности, подчеркивают преемственность искусства мастеров разных эпох.

Залы золота оснащены новейшим аудиовизуальным оборудованием, что позволяет репрезентировать достижения ранних кочевников. Для экспонирования сакского золота эпохи раннего железа в Залах золота использована светодиодная LED-техника: в диораме «Роза ветров», в стенах и потолках сакрального зала (около 40 000 светодиодов), расположенного у входа в основную экспозицию первого Зала золота, открывающуюся макетом, показывающим процесс добычи и обработки металла. При помощи устройства scribe vision можно обозреть архитектуру и внутреннее строение курганов, процесс исследования археологических памятников.

В Зале истории отображена история казахского народа XV—XX вв. Большая ее часть посвящена Казахскому ханству, основанному в 1465 г. Кереем и Жанибеком и обеспечившему консолидацию народа в последующие столетия, целостность этнической территории, развитие его культуры. Церемониал поднятия провозглашаемого ханом чингизида на белой кошме, олицетворявшей чистоту его намерений и происхождения, фиксируется в диораме. Посредством медиаоборудования «Glass vision» (прозрачное видео) посетителям представлены тематические видеоматериалы XVIII—XIX вв., органично дополняющие вещественные и документальные экспонаты. На экранах транслируются видеofilмы о событиях 1917—1986 гг. За интерактивными столами посетители могут самостоятельно получить информацию об интересующих их экспонатах и исторических событиях, узнать о жизни выдающихся деятелей казахского народа.

Композиционным центром Зала этнографии экспозиционеры решили сделать юрту — величайшее изобретение кочевой культуры, ровесницу кочевничества, его образное представление, символ. Юрта идеально соответствовала потребностям кочевников: она ставилась и разбиралась за 30—40 мин. силами одной семьи (3—4 мужчинами при помощи женщин и детей), легко перевозилась на верблюдах и лошадях, ее войлочное покрытие не пропускало дождя, в знойные дни сохраняло прохладу, а зимой — тепло очага, округлая форма и пористость покрытия обеспечивали движение воздуха снизу вверх. Собранная юрта представляется стороннему наблюдателю войлочным домом, что отражено в ее названии (киіз уй; киіз — войлок, уй — дом).

Казахское прикладное искусство — проявление талантности народа. Основные его направления (обработка кожи, кости, дерева) представлены в экспозиции. Особенно показательны женские головные уборы саукеле (коническая башня). Их украшали золотой диадемой с рубином, серебряными с позолотой бляшками, длинными, с двух сторон лица, подвесками из бусин, выполненных из кораллов, жемчуга, бирюзы, а затылочную часть скульптурным изображением головы рыбы — символом благоденствия. Они олицетворяли мировую гору, соединяющую все части трехчастного мира. Каждая деталь здесь имеет сакральный смысл. Орнаментом лепится пространство, в нем заложена информация о рождении мира, человека, рода. Набор мотивов ярусов орнамента был строгим: верхний — солнце, звезды, небо; средний — плоды, цветы, растения, дожди; нижний — образы подземного мира (подвески в виде головы змеи, рыб, подземных вод и т. д.). Если юрта — вершина развития архитектуры Великой степи, то орнамент — наивысшее достижение декоративно-прикладного искусства казахского народа, своеобразная летопись народной культуры. Развиваясь на протяжении веков, он дошел до нас, сохранив свои самобытность и своеобразие. Его мотивы сочетаются друг с другом,

что позволяет создать практически неограниченное число композиций. Один и тот же узор может быть применен в мягком и жестком материале, не вызывая изменений в структуре и стиле орнамента.

Звучание древности доносят до нас также представленные в экспозиции музыкальные инструменты (жетиген, кобыз, домбра, сырнай, шан-кобыз), изготовленные из дерева и тростника, глины и металла, шкур и костей животных.

С помощью инновационной техники в центре Зала этнографии, над юртой (кииз уй) создан эффект неба. На круговом экране (Circle Vision) демонстрируется видеофильм о традиционной культуре и быте казахского народа. Из видеофильма, проецирующегося на стекло (Glass vision), посетитель может получить полную информацию о конструкции, сборке и установке юрты. На голограмме экспонаты представлены в формате 3D. Эти аудиовизуальные приемы создают эффект нашего присутствия в казахском ауле, с его традиционным природно-ландшафтным окружением.

В экспозиции Зала Независимости освещается роль первого Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева в становлении и укреплении независимого государства. На изогнутом экране (35,9 × 20,6 м), объединяющем Залы Независимости и Астаны, демонстрируется неповторимая красота природы Казахстана, занимающего по площади девятое место в мире, а на 6 LED-экранах — анимационные фильмы о Независимом Казахстане, фотодокументы и инфографику, отражающие реализацию «Послания народу Казахстана» главы государства в сфере внешней и внутренней политики, фильмы о социально-политических и культурных центрах столицы (в формате 3D). В Зале Астаны интерес вызывают уникальный динамичный макет столицы и медиапол: в совокупности с большим изогнутым экраном они образуют красочное шоу — в сопровождении световой композиции под звуки народных мелодий в голой степи вырастает Астана.

Библиография

Божченко О.А. Музей в формировании исторической памяти // Электронный ресурс: dslib.net/muzeevedenie/ 02.02.15.

Грусман В.М. Музей в системе формирования национально-государственной идеи СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. 264 с.

Досымбаева А.М. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Астана, 2013. С. 201.

Дукельский В. Образцы и образы современной музейной деятельности // Электронный ресурс: amcult.ru/index.php/ru/knowledge.../ 04.01.15.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы, 2009. С. 401

Концепция Национального музея Республики Казахстан. Астана, 2013.

Назарбаев Н.А. Времена и думы. Алматы, 2013. С. 361.

- Положение о Национальном музее Республики Казахстан. Астана, 2013.
- Румянцева М.Ф.* Музейная экспозиция как форма репрезентации/позиционирования актуального исторического знания: от постмодерна к постпостмодерну // Роль музеев в формировании исторического сознания. С. 16–26. Электронный ресурс: publications.hse.ru/chapters/ 15.03.15.
- Самашев Э.С.* Берел. Алматы, 2011. С. 189.
- ТЭПы залов Национального музея. Астана, 2014.
- Шаблей П.С.* Символические формы репрезентации истории Казахстана и современность // ru/journal/articles/ 13.03.15.

УДК 069.53; 930.2

И.В. Сальникова, I.V. Salnikova

ЭКСПОЗИЦИЯ МУЗЕЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Exposition of a Museum of History and Culture of Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Department of RAS as a Form of Representation of Historical Knowledge

Аннотация: в статье внимание сфокусировано на функции научного музея исторического профиля как носителя социальной памяти, интерес к которой возрастает в современном обществе. В деятельности музея отражаются как черты социокультурной ситуации, так и уровень развития профильной науки. Специфично для научного музея соединение гносеологической и коммуникативной функций; экспозиция такого музея является отражением информационного контекста. Автор анализирует ретроспективу экспозиционной деятельности Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (ИАЭ СО РАН) и научную концепцию его современной экспозиции. Им показано, что для презентации достижений профильной науки следует применять инновационные методы. Он останавливается на междисциплинарном подходе и его использовании для трансляции исторического знания (на примере археологических и этнографических коллекций), характеризует информационные технологии, в том числе интерактивные программы и экспонаты, как способы интенсификации музейной деятельности, более концентрированной передачи исторического знания.

Abstract: The article focuses attention on a function of a scientific museum of historical profile as a medium of social memory, interest to which increases in modern society. In the activities of the museum are displayed both features of the socio-cul-

tural situation and the level of development of relevant science. Specific feature of a scientific museum is a junction of epistemological and communicative functions; exposition of such a museum is a reflection of the information context. The author analyzes retrospective exhibitions activities of the Museum of history and culture of peoples of Siberia and the Far East of the RAS Siberian branch (ИАС RAS SB) and scientific concept of its modern exposition. The author has shown that for the presentation of the achievements of the relevant science shall be applied innovative methods. The author specifically dwells on a multidisciplinary approach and its use for transmission of historical knowledge (for example, archaeological and ethnographic collections), describes information technologies, including interactive programs and exhibits as a ways to intensify museum activities, more concentrated transfer of historical knowledge.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, междисциплинарный подход, социальная память, научный музей исторического профиля, Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭ СО РАН, репрезентация, экспозиция, информационные технологии, коммуникация, концепция.

Keywords: historical science, museology, multidisciplinary approach, social memory, Science Museum of historical profile, concept, representation, exhibition, information technology.

Традиционно музей рассматривается как социальный институт, предназначенный для сохранения исторической памяти посредством сохранения предметного ряда и реализующий следующие основные функции: гносеологическую, коммуникативную, образовательную, информационную, репрезентативную. На каждом историческом этапе приоритеты меняются, в настоящее время на первый план вышли коммуникативная и информационная функции. «Музей как социальный институт возникает в обществе, находящемся на высоком уровне социального и культурного развития. Интенсивное развитие музея происходит при условии разносторонней поддержки государства или лиц, обладающих властью и финансовыми ресурсами. Возникновение и развитие музея обусловлено наличием в обществе социальной потребности в формировании и сохранении социальной памяти» [Акулич, 2004].

В современном мире интерес к музеям как хранителям исторической информации возрастает. Этот феномен объясняется тем, что «основной фактор развития цивилизации — рост знания — характеризуется в нынешнюю эпоху чрезвычайно возросшей динамикой, которая вызывает небывалый рост реликтов цивилизации. С каждым новым витком ускорения совсем недавнее прошлое перестает казаться привычным и знакомым. Тем самым сегодняшнее общество в ускоренном темпе не только производит инновации, но и увеличивает объем собственного прошлого, которое уже не годится для современного использования. Расцвет музейной культуры, повсеместная охрана памятников старины свидетельствуют о поисках компенсации цивилизационной динамики. С помощью культури-

вирования музейных ценностей люди стремятся сохранить свою идентичность, генетически прослеживая связь истока с современностью [Плотников, 1994].

Музей — продукт развития общества, на его сущность влияют социокультурная и экономическая ситуация, уровень технического прогресса. Для него значимы такие составляющие социокультурного фона, как состояние исторической науки, идеология, культурная политика (причем музеи как государственные учреждения являются ее трансляторами). Социокультурная ситуация диктует определенные дискурсивные практики. Особенно это характерно для музеев исторического профиля, поскольку они являются еще и идеологическим рупором. Среди этих музеев достаточно автономны музеи научного профиля, чьи экспозиции отражают современную им парадигму профильной науки. Современная парадигма гуманитарной науки — это поиск и использование инновационных методов исследования артефактов (в нашем случае — исторических источников по археологии), применение методов естественных наук при изучении коллекций, обобщение исторических знаний.

Остановимся подробнее на характеристике Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Он был основан в 1968 г. как подразделение Института истории и археологии (ИАЭ) АН СССР по инициативе академика А.П. Окладникова, ставшего его первым директором. С первых дней существования института в его деятельности реализовывался комплексный подход: изучалась не отдельная культура, а весь спектр культур Сибири и Дальнего Востока от древних эпох до этнографической современности. Была развернута активная экспедиционная деятельность на огромной территории — от Урала до Дальнего Востока. Это позволило создать первую экспозицию, которая освещала итоги полевых исследований. Отметим, что формирование коллекций (археологической, этнографической) и создание экспозиций происходили практически одновременно. Экскурсии вели сами научные сотрудники, поэтому посетители получали информацию непосредственно от исследователей.

В 1970—1980-е гг. в музее была развернута экспозиция, репрезентировавшая овеществленную историю Сибири и Дальнего Востока от эпохи камня до современной этнографии. В восьми залах были раскрыты следующие темы: палеолит Сибири; неолит Западной Сибири и Прибайкалья, Дальнего Востока; эпоха бронзы и раннего железа на Алтае (были представлены широчайший спектр культур эпохи раннего и развитого металла и этнографическая коллекция, характеризующие материальную культуру населения этого региона); кочевники Забайкалья (материалы от эпохи бронзы /культура плиточных могил/ до эпохи поздних кочевников — татаро-монголов); «Железный век и тунгусские государства Дальнего Востока» (древние культуры региона от эпохи начала железного века

до образования первых государств — Мохе, Бохай, Чжурчженей); история освоения русским населением территории Сибири (материалы исследования Илимского острога, этнографические коллекции старожильского населения Алтая, т. е. «поляков», и жителей Прибайкалья — «семейских»); в последнем зале демонстрировались этнографические коллекции коренных народов Сибири и Дальнего Востока. В экспозиции, сформированной по территориальному признаку, был реализован принцип преемственности культур. В то время в музее не существовало понятия «фонды»; за каждый раздел в экспозиции отвечал научный сотрудник, который непосредственно занимался изучением данной темы. Это был период накопления и систематизации коллекций, исторического анализа источников.

В 1990-х гг. экономическая ситуация изменилась, сократились географические рамки исследований, значительно уменьшилась площадь экспозиции. Она традиционно строилась по культурно-хронологическому принципу, но внимание фокусировалось на уникальных находках из «замерзших могил» пазырыкской культуры, обнаруженных на территории Горного Алтая (плато Укок); этнографические коллекции демонстрировались в форме открытого хранения; формировались фонды.

Особенностью формирования музейного собрания научного музея является то, что в фонды попадают уже полностью исследованные коллекции. Так, в нашем музее это коллекции — итоги исследований А.П. Окладникова и его учеников; они включают предметы, ставшие хрестоматийными, иллюстрирующие археологические культуры Восточной Сибири и Дальнего Востока. В настоящее время в фондах музея, кроме перечисленных уже, хранятся: палеолитические коллекции Алтая; коллекции эпохи бронзы Западной Сибири и эпохи раннего железа пазырыкской культуры; объемная и разноплановая этнографическая коллекция музейных предметов по материальной и духовной культуре народов Сибири и Дальнего Востока, русского старожильского населения. Имеется и большое количество отдельных комплексов, которые использованы в экспозиции для раскрытия ряда проблем. Идет интенсивный процесс систематизации и каталогизации этнографического собрания с целью ввести его в научный оборот.

Ретроспектива комплектования фондов Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭ СО РАН и его экспозиций за 50 лет его существования дает основание утверждать, что они изменялись в соответствии с задачами и итогами исследований института. Структура экспозиции отражает логику развития традиционных научных схем. В первое десятилетие существования музея представлялись итоги экспедиционных исследований, затем внимание фокусировалось на презентации систематических коллекций и отдельных уникальных предметах, в настоящее время отдается приоритет результатам и методам междисциплинарных исследований.

Современную экспозицию начали создавать в 2006 г. В ее основе лежат хронологический и территориальный принципы для иллюстрации идеи адаптации населения к географическим условиям, к материальному сырью. Ее концепция строилась на постулате: научные музеи транслируют итоги научных исследований. Именно в научных музеях гносеологическая функция гармонично сочетается с информационной: аккумуляция подлинных свидетельств прошлого (музейных предметов / исторических источников), извлечение из них научной информации, ее репрезентация на основе корректной интерпретации — это единый многогранный процесс [Воронцова, 2013].

Возрастание интенсивности трансляции исторических знаний требует современных методов их презентации, поэтому логично использовать инновационные информационные технологии. Они активно внедряются в музейную практику, позволяют представить больший объем исторической информации и решить проблему избирательности в рамках экспозиции.

Проблемам информатизации музейной деятельности уделяется много внимания в музейведческой литературе [Ноль, 2005; 2007; Шер, 1994; Гнедовский, 1990; Лебедев, 1999; 2006]. Актуальность использования информационных технологий в музейной практике трудно переоценить, они пронизывают всю деятельность: активизируют процесс исследования и создание структурированных баз данных, дают возможность более четко систематизировать массовые коллекции, использовать статистические методы и применять математический аппарат. Внедрение автоматизированных программ учета музейных коллекций позволяет создавать интегрированные базы данных музейных коллекций, включающие различные среды (тексты, изображения, аудио, видео, анимацию), объединенные между собой и образующие тематические справочники, каталоги. Необходимо отметить еще одну грань информационных компьютерных технологий, используемых в музейной практике, — мониторинг температурно-влажностного режима для создания оптимально заданного режима хранения уникальных экспонатов [Сальникова, 2013].

Использование информационных технологий в экспозиции необходимо рассматривать как средство адаптации музеев к современному информационному пространству, ориентированное на посетителя музея — представителя экранной культуры. Расширение дискурсивных практик приводит в итоге к расширению коммуникативного канала трансляции исторических знаний, повышает уровень презентации исторических идей.

Музейная экспозиция, аккумулируя результаты интерпретации музейных коллекций, представляет современный ее создателям взгляд на процесс исторического развития. Она должна быть содержательно наполненной, аттрактивной, доступной. Необходимо сделать еще одно замечание: у музея научного профиля своеобразный посетитель — это не

просто турист или гость города, а особенным образом мотивированный посетитель — учащаяся молодежь, научные сотрудники, участники научных конференций. Эти факторы были определяющими при разработке концепции экспозиции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИЭА СО РАН.

Источниковой базой экспозиции нашего музея традиционно являются археологические и этнографические коллекции, что диктует историко-хронологический принцип ее организации. При ее создании использованы также историко-культурный метод, территориально-хронологический принцип. Новым является проблемный подход, использованный для организации аттрактивных экспозиционных комплексов, построение их по методу «научной публикации». Большое внимание уделено информационным технологиям, интерактивным экспонатам. Основным принципом концепции экспозиции стал для авторов тезис известного музеолога Ю. Ромедера, согласно которому музейный предмет рассматривается не как нечто самоценное, а как знак некоторого общественно-значимого явления [Ромедер, 1980. С. 8]. Следовательно, музейная экспозиция в данном случае предстает как знаковая система, отображающая историко-культурные явления и процессы посредством экспонатов как знаковых компонентов. Эта модель музейной коммуникации используется для общения с иной культурой, главное в ней — преодоление культурно-исторической дистанции; она делает возможными диалог ученых с рядовыми посетителями, преодоление образовательной и интеллектуальной дистанции. Посредством такой экспозиции музейное сообщение из области «декларации» и «монолога» переходит в область «диалога» или «полилога» [Чувилова, 2009].

Цель экспозиции определяется назначением музея: представление итогов научных исследований ИЭА СО РАН. Она должна презентовать новейшие научные концепции и интерпретации музейных предметов как исторических источников при помощи современных методов презентации, а также интерактивных информационных технологий. Ей должен быть присущ динамизм. Современный дизайн нужно использовать, чтобы формализовать комплексы при создании образов археологических культур и показать этнографическую самобытность представляемых коллекций. При отборе экспонатов учитывалась их аттрактивность, реализовывался мультидисциплинарный подход к презентации систематических коллекций, что до сих пор актуально для археологии и этнографии. Необходимо отметить специфику археологических предметов: большинство из них не вызывает эмоций, информация закодирована и становится понятной только при вербальном контакте. Чтобы предмет «выдал» скрытую в нем информацию, необходимы особые приемы (например, показ следов приложения человеческих рук — мест сработанности у каменных орудий, способов использования предмета и т. п.). В этом помогают реконструкции технологий изготовления (анимации, 3D-модели).

Экспозиция нашего музея ориентирована на молодежную и научную аудиторию, для которой характерен экранный тип культуры, в основе которого лежит теле- и видеоряд; уже сформировалось поколение, ориентированное на этот тип культуры, не желающее (или неспособное) воспринимать и осваивать информацию в виде рукописного и печатного текста, предпочитающее получать информацию, представленную виртуально. «Электронные экспозиции», ставшие возможными благодаря информационным технологиям, позволят привлечь эту категорию в музей, вызвать у нее интерес к изучению истории своей страны, мировой истории, мирового культурного наследия; они могут стать импульсом для культурного развития, формирования личности молодого человека [Лебедев, 1999]

Помимо расширения музейной аудитории использование новых информационных технологий в экспозиции позволяет увеличить объем информации и визуализировать ее, перевести вербальную информацию в область доказательной базы, представить новые методы исследования археологического артефакта. Остановимся подробнее на анализе содержания экспозиции и попытаемся обосновать эти тезисы на примере проектов, реализованных при поддержке фонда Дм. Зимина «Династия».

В экспозиции зала «Палеолит» раскрывается проблема заселения человеком современного физического типа территории Центральной Азии и Сибири. Артефактами с памятников археологии Алтая (в частности, Денисовой пещеры) подтверждается научная гипотеза академика А.П. Деревянко о самостоятельном формировании культуры *Homo sapiens sapiens*, отсутствие миграционных потоков древних популяций человека и складывание верхнепалеолитических традиций на местной основе. Карта памятников археологии свидетельствует о широком регионе археологических исследований, иллюстрирует пути освоения человеком территории Евразии. Разнообразные артефакты показывают региональную и хронологическую специфику. Отдельным комплексом выделены предметы древнего искусства, рассказывающие о мировоззрении древнего населения. Следующая проблема, которая нашла отражение в экспозиции, — изучение техники обработки каменных орудий как один из способов датирования предметов. Стенд с реконструкцией приемов расщепления камня (пластинчатая и леваллуазская техники обработки) наглядно раскрывает эволюцию изготовления орудий труда. Итоги исследований в области экспериментальной археологии показаны интерактивными экспонатами: реплики, созданные с использованием архаичных технологий, макеты орудий для сверления и добывания огня — вот неполный их перечень.

Здесь же реализована интерактивная программа «Кто мы? Родословная человечества». В экспозиционные комплексы с артефактами знаковых археологических памятников вмонтированы сенсорные экраны с

программой, цель которой — раскрыть процесс междисциплинарных исследований (культурная антропология, исследования археологических памятников и артефактов, генетические и др.), приведших к открытию нового типа человека: *Homo altaiensis*. Информация структурирована: разделена на три блока, а каждый из них — на пять разделов. Блоки содержат информацию о ключевых памятниках: Карама (самый древний памятник — свидетельство первой волны заселения Евразии *homo*), Денисова пещера (где найдены останки трех видов *homo* — *Homo sapiens*, *neanderthalensis*; *altaensis*), пещеры им. Окладникова и Чагырская (там обнаружены останки *neanderthalensis*). Блоки состоят из следующих разделов: «о памятнике» (информация о месторасположении, характеристика памятника, исследователи), «артефакты» (орудия и их характеристика, часть из которых проиллюстрирована 3D-изображениями), «методы исследования», «среда обитания» (природно-климатическая характеристика периода), «эволюция человека» (карта распространения видов, места нахождения антропологического материала, антропологические реконструкции).

В экспозиции по эпохе неолита делается акцент на региональные различия, раскрываются проблемы адаптации человека к природной среде, хозяйственной специализации, складывания национальных черт в искусстве. Сформированы комплексы, раскрывающие облик неолитических культур Прибайкалья (серовской, китойской, глазковской, ярко выраженной культуры древних рыболовов и охотников). Демонстрируются орудия труда, свидетельствующие о новых приемах обработки камня и способах ведения хозяйства (орудия охоты и рыболовства). Фокусируется внимание на зарождении отраслей хозяйства — керамического производства и ткачества. Для этих целей сформированы самостоятельные комплексы, в том числе интерактивный комплекс «Древнее ткачество»: вниманию посетителя предложены действующий макет вертикального ткацкого станка и инсталляция кострового обжига керамической посуды.

Комплекс по неолитическим культурам Приамурья и Приморья показывает их широкий спектр как свидетельство о формировании культуры оседлого рыболовства. Он включает орудия труда, предметы, свидетельствующие о зарождении ткачества, керамические изделия (от самых древних образцов до высокохудожественных сосудов, украшенных личинами и фигурными рельефами). Неповторимы образцы художественной пластики: фигурки животных, статуэтка «кондонская Нефертити» с лицом, имеющим ярко выраженные палеоазиатские черты. Свообразны образцы древних петроглифов с территории Прибайкалья и Приамурья.

Цель интерактивной программы «АРХАЕстествознание» в экспозиции по эпохе неолита — показать, как изучение человеком свойств природных материалов привело к технической революции, представить доказательства того, что многие научные законы, сформулированные в

Новое время, были открыты еще в эпоху камня, а многими древними технологиями человечество пользуется и в настоящее время. Программа знакомит с новыми для эпохи неолита приемами обработки камня. Возможность подробно рассмотреть процесс изготовления каменных орудий создает у посетителя иллюзию сопричастности. В программу заложены три сюжета: изготовление орудия приемами отжимной ретуши, шлифовкой и изготовление вкладышевых орудий. Каждый сюжет делится на три составляющих: слайды, объясняющие физические законы и методику изготовления; процесс изготовления орудия в 3D-режиме; способы применения орудий. Интерфейс организован таким образом, чтобы посетитель мог сам выбрать необходимый объем информации.

В зале по эпохе бронзы освещается дальнейшая эволюция, хозяйственная и культурная специализация населения Сибири. Имеется раздел, посвященный возникновению производящего хозяйства на территории Сибири на рубеже III—II тыс. до н. э., складыванию культуры древних скотоводов Алтая (на примере афанасьевской культуры). При экспонировании артефактов той эпохи обозначена проблема бронзолитейного производства. Его технология раскрыта на материалах Новосибирского Приобья (кротовской культуры). Искусство древнего населения представлено великолепными образцами резьбы по кости и рогу, отражающими архаичные мифологические образы змеи и птицы, а также каменными плитами из погребальных комплексов каракольской культуры Алтая, расписанными антропоморфными изображениями, составляющими ритуально-мифологические сюжеты. Особое внимание уделено итогам научной интеграции — исследованию археологических памятников с использованием геофизических методов (демонстрируются магнитограммы электроразведки памятника переходного периода — городища Чича, предметы, обнаруженные при исследовании этого памятника).

Зал эпохи раннего железного века отличает эмоциональная насыщенность. Значительную часть этой экспозиции, дающей представление о формировании культуры кочевников и истории древних номадов, составляют находки мирового значения из мерзлотных погребений пазырыкской культуры (плато Укок Горного Алтая). В ней представлены: погребальный комплекс (реконструкция: мужская мумия, одежда и головной убор погребенного); украшения, одежда и сопроводительный материал женского погребального комплекса; предметы вооружения и конского снаряжения. Дополнением служат предметы синхронных культур Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока.

Междисциплинарному подходу к исследованию археологических источников посвящен экспозиционный проект «Естественные науки и археологический источник», нацеленный на раскрытие роли этих наук в исследовании гуманитарных артефактов — археологических предметов (экспозиция, посвященная пазырыкской культуре сибирских скифов)

и на показ того, как используются методы естественных наук. Посетителям представлены результаты исследований и сама суть метода. Для презентации процесса исследования использованы шесть дисплеев (фоторамки) и сенсорный экран. Дисплеи, дающие дополнительную информацию, логично включены в экспозиционное пространство. Сведения о геофизических методах, применяемых в археологии, дендрохронологических и палеоботанических исследованиях размещены в цифровой фоторамке, стоящей у погребального сруба. На дисплее, помещенном возле биологического объекта, размещена информация об антропологических и медико-биологических методах исследования, которые позволили определить возраст погребенных и состояние их здоровья, реконструировать способ мумификации и нанесения татуировки. Возле комплекса с женской одеждой расположен дисплей с информацией об изучении источников красителей (вывод ученых Института органической химии СО РАН об источниках красителей (вывод ученых Института органической химии СО РАН об источниках красителей подкрепляет гипотезу исследователя пазырыкской культуры Н.В. Полосьмак о том, что носители культуры вышли с территории современного Ирана). Информация о сложном головном уборе и реконструкция прически «знатной» пазырыкской женщины находятся в фоторамке рядом с женским головным убором. У витрины с украшениями из золота расположен экран с информацией об источниках сырья и технологии изготовления золотой фольги, которой в изобилии декорировали предметы носители данной культуры. Информация дисплеев организована в виде слайдов или небольших (на 4–6 минут) видеосюжетов, ее цель — осветить суть метода и его результаты. Таким образом до посетителя доносятся результаты исследования археологических предметов, раскрывается научная значимость исторических выводов. Дополняет информацию дисплеев информационный сенсорный киоск, в котором размещена информация о разных методах изучения археологических артефактов (в двух вариантах: краткие очерки; более развернутые эссе с возможностью для посетителя самостоятельно выбрать необходимый ему объем).

При создании этнографической экспозиции ставилась задача показать особенности духовной и материальной культуры автохтонного населения Сибири и Дальнего Востока и русского старообрядческого населения. Реализовалась идея «Человек — земля — космос» — попытка проследить взаимосвязь человека и окружающей среды. Особая роль в организации пространства отводилась орнаменту как семантическому национальному коду, поэтому подиумы с комплексами орнаментированы национальными узорами.

Православная культура русского населения, шаманизм и язычество кочевников Алтая, буддизм бурятского населения, шаманизм и почитание домашних духов хантов, манси, селькупов, культовые предметы как отражение традиционной мифологии народов Приамурья — такова струк-

тура этнографической экспозиции. Известно, что экспозиция — это верхняя часть айсберга коллекции, поэтому трудность заключалась в отборе музейных предметов для гармоничного восприятия лаконичного рассказа о своеобразии групп населения, различающихся по способу ведения хозяйства, религиозному мировоззрению. Результатом стали организация и оформление небольших этнокомплексов, в рамках которых реконструируется этническое своеобразие отдельных групп народов Сибири, Дальнего Востока и русского старожильческого населения. Для создания художественного образа народа использовались национальные орнаменты, фотографии-постеры, отражающие своеобразие ландшафтов, фото представителей народов в национальных костюмах. Особую роль играло световое оформление для особо выделяемых предметов.

Площадь зала регламентировала отказаться от традиционных новоделов жилищ коренного населения, поэтому путь имитации жилища показался нам самым приемлемым. Культура первых русских переселенцев в Сибири, земледельцев, представлена имитацией избы с предметами быта и религии, ткачества, одеждой. Культура кочевников юга Западной и Восточной Сибири раскрыта на предметах из алтайской, казахской, бурятской коллекций. Кочевой быт этих народов подчеркнут реконструкцией внутреннего убранства юрты и предметами подвижного образа жизни (убранство коня). Своеобразие религиозных представлений выражено в культовых предметах (шаманизм) и культовых комплексах (буддизм в комплексе, посвященном бурятам; здесь центральное место занимает дацан, правильность построения которого подтвердил бывший у нас в гостях тувинский лама). Эмоциональным и выразительным получился комплекс, посвященный жителям тайги: хантам, манси, селькупам. Демонстрируется традиционное святилище: культовые амбарчик, фигурки духов, фигуры мэнкв, предметы, атрибуты «медвежьего праздника», а также шаманские атрибуты и принадлежности. В комплексе, посвященном народам Дальнего Востока (ульчи и нанайцы), отражена специфика их культуры жизнеобеспечения (рыболовство и охота) и как результат даны предметы, изготовленные из рыбьей кожи, костюм охотника. Сложный духовный мир раскрыт через культовые и ритуальные предметы, связанные с водной и таежной стихией.

Таким образом, в этнографической экспозиции представлены предметы, раскрывающие сложный и многогранный духовный и материальный мир народов Сибири и Дальнего Востока, русского старожильческого населения. Анализ концепции экспозиции и ее реализации дает основание сделать вывод о том, что информационные технологии облегчают репрезентацию исторического знания, обогащают его дополнительной информацией и адаптируют ее для восприятия посетителями с различным уровнем исторического знания.

Библиография

Акулич Е.М. Музей как социальный институт: автореферат дис. ... д-ра социол. наук. Тюмень, 2004.

Ахунов В.М. Отечественная школа музейной коммуникации в современном социокультурном пространстве // Образование и общество. 2008. № 4. С. 108–114.

Воронцова Е.А. Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Диалог со временем. Вып. 49. М., 2014. С. 163–189.

Гнедовский М.Б. Проектирование и музей будущего // Социальное проектирование. Порыв к реальности. М., 1990.

Лебедев А.В. Технология мультимедиа: возможности и реалии // Музей и новые технологии / Сост. и науч. ред. Н.А. Никишин. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 160–178. (На пути к музею XXI века).

Лебедев А.В. Информационные технологии и современная музейная экспозиция // Справочник руководителя учреждения культуры. 2006. № 5. С. 78–87.

Майстровская М.Т. Музейная экспозиция: тенденции развития // Музейная экспозиция: Теория и практика, искусство экспозиции, новые сценарии и концепции. сборник науч. трудов / Отв. ред. М.Т. Майстровская. М.: Рос. ин-т культурологии, 1997.

Ноль Б. Я. Информационные технологии в деятельности музея: учеб. пособие. М.: РГГУ, 2007. 204 с.

Ноль Л.Я. Информационные технологии в образовательных программах для музейных специалистов // Музей и современные технологии: Материалы Всероссийских науч. конференций. Томск, 20–23 мая 2003 г., 20–24 сентября 2004 г. Томск, 2005.

Плотников Н. С. Реабилитация историзма. Философские исследования Германа Люббе // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 87–93. Электронный ресурс: lib.philosophical.ru/vopros/49.html

Ромедер Ю. Методы и средства музейной работы: педагогика обслуживания отдельного посетителя в музее // Музееведение и охрана памятников: научно-реферативный сборник. М., 1980. С. 8–11.

Сальникова И.В. Информационные технологии как способ сохранения культурного наследия // Музеи, исчезающее и воспроизведенное наследие, туризм: опыт и современные практики взаимодействия. Улан-Удэ: издательский полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2013. С. 68–75.

Чувилова И.В. Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. 2009. № 5. С. 20–23.

Шер А.Я. Компьютерные методы в археологии и музееведении // Компьютер и историческое знание: сборник статей / Под ред. Л.И. Бородкина. Барнаул, 1994. С. 63–82.

**ОБРАЗ ВРАГА
В ЭКСПОЗИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО МУЗЕЯ
(НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОГО ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ). 1943–2013 ГГ.**

**The «Image of Enemy» in Provincial Museum's Exhibition
(as Exemplified by Voronezh Region Local History Museum).
1943–2013**

Аннотация: в статье, главным образом на основе тематико-экспозиционных планов, рассматривается репрезентация образа врага в экспозициях Воронежского краеведческого музея за последние 70 лет. Их сравнительный анализ позволяет определить, какие концепции доминировали в исторической науке, в обществе и получили выход в социальную практику.

Abstract: Mainly on the basis of topical and expository plans in the article is examined, representation of character of enemy in the displays of the Voronezh regional museum for the last 70 years. Their comparative analysis enables to define, what concepts prevailed in historical science, in society and gained access to social practice.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, музейная экспозиция, тематико-экспозиционный план, образ врага, историографический факт, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., «холодная война», Воронежский краеведческий музей.

Keywords: historical science, museology, “the enemy’s image”, museum exposition, historical source, historiography fact, the Great Patriotic war, the Cold war, Voronezh regional museum.

Музейная экспозиция имеет ряд специфических особенностей. В отличие от других средств массовой коммуникации, она требует времени для создания и не так быстро меняется, а информация предоставляется посетителю посредством музейного предмета. Экспозицию часто определяют как культурно-исторический текст, который должен быть доступным для каждого посетителя, вне зависимости от его образования. Ее можно рассматривать как наиболее устоявшуюся для современного ей общества интерпретацию исторических событий. Новые историографические подходы и изучение музейных экспозиций позволяют объяснить некоторые механизмы исторического процесса XX в., и в частности такой социальный феномен, как «образ врага». Образ врага, реального или мнимого, — древнейшее изобретение человечества. Не останавливаясь на его истории и типологизации, отметим, что восприятие врага в современном обществе существенно зависит от источников информации. Именно они в большей степени целенаправленно формируют это разно-

плановое понятие, в котором сочетаются стереотипы массового сознания и оценочные негативные характеристики, сформированные в социуме.

Экспозиции по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и по послевоенной истории региона и страны в Воронежском краеведческом музее отвечали и до настоящего времени отвечают требованиям исторической науки; в советский период они соответствовали еще и инструкциям, предписанным для музеев. На основе анализа тематико-экспозиционных планов музея 1960—1980-х гг. можно выявить основные тенденции и изменения, которые происходили и происходят в изучении отечественной истории и в общественном сознании соотечественников в последние семь десятилетий. Тематико-экспозиционные планы содержат в себя описание предметов, включенных в экспозицию для раскрытия темы, «ведущие» тексты, этикетаж, последовательность расположения экспонатов. Все планы «литированы», т. е. содержат отметку, иногда замечания органов Главлита. Музейные экспозиции подлежали проверке этим органом [Инструкция о порядке подготовки и представления на контроль в органы Главлита СССР материалов, предназначенных для экспонирования в музеях и на выставках, 1984. С. 2].

Нами использованы также фотодокументы и воспоминания сотрудников музея, непосредственно занимавшихся созданием музейных экспозиций в советский период.

Эволюция образа врага в советской пропаганде, в прессе и других средствах массовой информации в годы Великой Отечественной войны рассмотрена в работах ряда отечественных историков [Сенявская, 2006. С. 80—123; Кринко, 2010. С. 74—89]. Выстроенный, ситуационно сконструированный образ врага, созданный различными видами пропаганды или общественным сознанием, помогал убрать личное человеческое в отношении к реальному противнику, который нес разрушение и смерть. Человеческое невозможно в условиях боевых действий, ужасно убить человека, поэтому у врага не может быть лица, он не должен быть персонализирован. Образ врага-фашиста менялся вместе со временем и новыми поколениями, с политическими и общественными изменениями.

Музеи СССР долгое время подчинялись Наркомпросу. В 1941 г. насчитывалось до 1000 государственных разнопрофильных музеев. Они работали в соответствии с указаниями Наркомпроса, по методикам, разработанным крупнейшими столичными музеями. С началом Великой Отечественной войны вся работа советских музеев была подчинена общегосударственным задачам борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Перестройка работы музеев велась в соответствии с приказом Народного комиссариата просвещения РСФСР «О формах функционирования музеев в условиях военного времени» [Работа музеев РСФСР в условиях военного времени..., 1941. С. 5—7] по двум направлениям: сохранить музейные фонды и определить наиболее действенные формы работы музеев в новых условиях. Ос-

новой для деятельности музеев стала пропаганда героического прошлого, боевых традиций русской и Красной армии, воспитание чувства уверенности в грядущей победе. Классовый подход не стал объединяющим для всей страны — тяжесть борьбы потребовала сплочения на основе универсальных человеческих и национальных ценностей. Выставки, рассказывающие о героическом прошлом русской армии в сложные для государства периоды истории, были развернуты по всей стране. «Мы их били, бьем и будем бить!» — лейтмотив всех экспозиций того периода. Воронежский краеведческий музей в 1941 г. свернул основную экспозицию, и до конца года во всем музее была устроена патриотическая выставка, посвященная боевой славе российской армии в войнах с иноземными захватчиками. После Октябрьской революции 1917 г. это была первая музейная выставка в Воронеже, построенная на принципах бесклассового патриотизма и уважительного отношения к прошлому России. В конце 1941 г. музей эвакуировали, но вывезены были не все его коллекции; выставка тоже осталась и погибла в 1942 г., в период оккупации города.

В помощь музеям страны Наркомпрос подготовил ряд директивных и методических документов о сборе материалов по истории войны, которые призвали работников музеев собирать документы, приказы, объявления, афиши, письма, фотографии, плакаты, трофеи — все, что отражало мужество и стойкость советского народа, воинов Красной армии. В 1942 г. был разослан специальный циркуляр — программа собирательской работы по войне [Годунова, 1987. С. 107]. Ею предусматривалось комплектование музейных фондов и трофейными материалами: оружием, образцами обмундирования, личными предметами, орденами и т. п., и на выставке 1942 г. в Государственном музее революции «Героический путь Красной Армии. 1918—1922» уже экспонировались образцы трофейного вооружения и обмундирования немецких солдат. Особый интерес вызывали эрзац-валенки на деревянной подошве [Информационное письмо о работе музеев. № 4. 1947. С. 21—22]. Образ врага на ней («немец-фашист») представлялся в обобщенном виде — как безликая варварская, хорошо вооруженная, темная сила. Это подтверждалось документами, фотографиями массовых расстрелов, различными видами вооружения. С другой стороны, враг представлялся в уничижаемом карикатурном виде, как неумелый и неспособный достойно воевать. На выставке эта сторона была отображена упомянутыми выше, смешными для России эрзац-валенками, остатками сбитых самолетов, фотографиями пленных в платках, карикатурами и плакатами. Персонификации образа врага не было и не могло быть. Враг как носитель Зла справедливо требовал возмездия, к чему призывали известные фронтовые плакаты «Убей немца!», «Воин Красной Армии — спаси!», «От народной мести не уйти врагу!» и т. п.

С лета 1942 по январь 1943 г. Воронеж был оккупирован. После его освобождения в 1944 г. у здания Антирелигиозного музея была устроена

выставка трофейного оружия. Разбитая немецкая техника показывала техническую мощь противника, которая поражала, вызывала ужас, но и свидетельствовала — сильный враг разбит и уничтожен Красной армией.

После Великой Отечественной войны музейная сеть СССР претерпела серьезные изменения. Многие музеи, в том числе в Воронеже, были разрушены и разграблены. Начался новый этап комплектования материалов для будущих экспозиций. Музеи перешли к плановому сбору экспонатов. В экспозициях стала появляться доступная «событийность», в рамках которой освещались битвы и сражения. Сбор трофейных материалов имел уже случайный характер. Несмотря на отсутствие формального запрета на это, вся разбитая немецкая техника была уничтожена. Как не имеющая ценности, подобная выставка перестала существовать и в Воронеже. После войны в Воронежском краеведческом музее были две попытки построить выставки по истории области в годы войны. Их тематико-экспозиционные планы не сохранились; известно лишь, что они недолго работали и считались неудачными в подборе экспозиционного материала. Отмечалась слабая изученность событий даже со стороны боевых действий советских войск; история боев, партизанского движения была закрыта для исследований. Поколение войны не желало смотреть на ненавистного врага, который принес столько горя и страданий, а пробелы официальной истории еще заполнялись индивидуальной памятью.

С 1953 г. все государственные музеи перешли в подчинение Министерства культуры СССР. НИИ музееведения разрабатывал основные направления для построения музейных экспозиций и издавал рекомендации по комплектованию фондов. Широкое распространение получили методические разработки крупнейших музеев страны, прежде всего Государственного исторического музея. Изменился характер художественного решения экспозиций по истории войны. Все связанное с врагом рекомендовалось изображать черной или коричневой краской, рождающей чувство огромной беды, обрушившейся на страну. Экспонаты о немецко-фашистских войсках переходят в тему: «Оккупационный режим» (если таковой был), а завершаться экспозиции должны были показом военных трофеев, которые рекомендовалось располагать ниже основной экспозиции, на полу или в углублениях.

В соответствии с этими требованиями экспонаты о враге появились и в новой экспозиции Воронежского областного краеведческого музея «Воронежская область в годы Великой Отечественной войны 1941—1945», созданной в 1975 г., к 30-летию Победы [Клименко, Касьянов, 2006. С. 445]. Враги-фашисты как носители Зла были выделены художниками черной и коричневой красками, темным фоном. Экспонаты — фотографии массовых расстрелов, документы — призывы немецкого командования к оккупированному населению Воронежа и области. Трофейное оружие спрятано в нишах. Одновременно врага представили в

уничижительном виде: брошенная скульптура «Тибрская волчица» — символ итальянских войск, фотографии закутанных в гражданскую одежду пленных в воронежских степях, разновидности эрзац-обуви, плакаты-карикатуры. Можно лишь предполагать причину, по которой музеи отказались от изменения образа врага, ведь продолжался процесс национального примирения, бывшие враги стали союзниками по социалистическому лагерю, сравнения могли привести к компрометирующим КПСС аналогиям, исследовательский процесс определялся идеологическим заказом. К примеру, материалы Государственной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских войск на территории Воронежской области, которые хранятся в Государственном архиве Воронежской области, были засекречены сразу же после окончания войны.

В 1979 г. краеведческий музей был закрыт в связи с реэкспозицией, однако значимость описанной выше экспозиции по истории Воронежской области в годы Великой Отечественной войны была велика. Эта война показала высокие моральные качества советского народа: любовь к Родине и способность к самопожертвованию во имя ее свободы, беспримерный массовый героизм, стойкость, милосердие, единство компартии и народа в борьбе с врагом. В эпоху двоемрия советской системы героическое военное прошлое становилось фундаментом, залогом незыблемости КПСС и советской власти, непогрешимости партии, чистоты ее рядов и мыслей. Поэтому в 1981 г. в переданное краеведческому музею здание, известное сейчас как «Арсенал», переносится экспозиция 1975 г.; она дополняется и расширяется в 1983 г. «Ведущей» и «сквозной» ее темой продолжает оставаться роль КПСС как организатора победы советского народа над врагом: священный смысл Победы — доказательство преимущества социализма и правильность курса ВКП (б) — КПСС. Враг, несмотря на некоторое увеличение экспонатов в разделе «Оккупационный режим», продолжает оставаться безликим фашистом. Цензура удаляет из экспозиции даже фотографии пленных солдат противника, потому что хорошо видны лица, чему автор данной статьи был свидетелем («вдруг кто-нибудь кого-то узнает?»), немецкие агитационные листовки. Многие события войны («Басовская трагедия», подвиг Прасковьи Щеголевой и др.) становились известными благодаря не историкам, а писателям или журналистам, которые обращались к живой памяти очевидцев. До настоящего времени воронежские историки плохо знают историю оккупации, особенности итальянской, венгерской, немецкой зон, нет точной цифры количества лагерей для военнопленных.

С началом перестройки цензура, методические рекомендации и регламентации исчезли. Государство перестало контролировать, как надо «правильно» помнить о прошлом. Музейные работники, воспитанные на государственном патернализме, неожиданно оказались в состоянии необходимости поиска самостоятельного творческого решения экспозиций. Появилась возможность раскрывать не только идеологические темы.

Человек на войне, его личные переживания, бытовые подробности жизни солдата на фронте и гражданского населения в тылу, ментальная история, «человеческое измерение» войны заметны в новых экспозициях. Центральный музей Великой Отечественной войны в 2002 г. впервые открывает «негероическую» выставку «Война и быт», посвященную повседневности войны. Она состояла из трех основных разделов: «Жизнь и быт в глубоком тылу», «Быт воюющей армии», «Жизнь в оккупации». Одна из ее задач заключалась в том, чтобы показать посетителю «удивительный контраст нищенского быта и богатства духа, тонкости переживаний» [Выставка «Война и быт», 2002]. Такие экспозиции становились ответом на колоссальное количество разоблачительной российской праворадикальной литературы и вызывали большой интерес посетителей.

Об эволюции образа врага свидетельствуют дополнения в 2005 г. экспозиции филиала Воронежского областного краеведческого музея — музея «Арсенал», которые были невозможны еще 20 лет тому назад. Мундир немецкого солдата экспонировался не ниже и отдельно, а рядом с мундиром советского генерала, оружие противника — рядом с оружием советских солдат. Противник и победитель не противопоставляются, а сопоставляются. Уже нет цветовых различий и границ. На фотографиях мародерствующего венгерского солдата хорошо видно лицо, сами снимки носят юмористический характер. Венгры на оккупированной территории Воронежской области по жестокости в отношении к гражданскому населению не отличались от немцев, но венгерские войска не рассматриваются как серьезные противники или жестокие оккупанты. Официальная, во многом устаревшая концепция Воронежского областного краеведческого музея, которая отражает сложившуюся коллективную память о войне, тем не менее эмпирически фиксирует произошедшие в обществе изменения. Мы становимся свидетелями процесса изменения общественного сознания.

Несмотря на то что Воронежский краеведческий музей — научно-методический центр для музеев области, сегодня он не является образцом для городских и районных музеев области. Об антинормии и модификациях в отношении памяти о войне и образа врага свидетельствуют новые, отчасти альтернативные краеведческому музею экспозиции по истории Великой Отечественной войны в Воронежской области. В экспозиции народного музея в с. Гремяче Хохольского района раскрывается проблема участия союзников фашистской Германии в боях на территории области, в экспозициях Центра военно-патриотического воспитания Воронежа доминирует христианская (православная) тематика. В г. Россошь установлен памятник итальянским и советским солдатам; рядом со звездой, символизирующей Красную армию, располагается символическое изображение итальянского альпийского корпуса. Базирование 8-й итальянской фашистской армии на воронежской земле (и альпий-

ского корпуса в ее составе) в 1942–1943 гг. на фоне памятника воспринимается как союзническое. В с. Яманча Хохольского района в 2010 г. было официально открыто немецкое кладбище. Появление немецкого военного некрополя оправданно: процесс национального примирения давно завершен, никто в Воронеже и в России не испытывает ненависти к немцам. У местного населения, представителей власти не вызывает вопросы надпись на памятнике в центре кладбища: «Немцам — жертвам войны».

По-иному раскрыт образ врага эпохи «холодной войны». В Воронежском краеведческом музее основная часть экспозиции, посвященная послевоенному восстановлению и пятилеткам 1960–1980-х гг., была создана в соответствии с традициями исторической науки советского периода, которые требовали следующую «ленинскую» схему: развитие промышленности и сельского хозяйства в области, культурное строительство. По музейным инструкциям «сквозная тема» в экспозиции — руководящая и направляющая роль КПСС. «Холодная война» в разгаре, сформирован образ другого врага — американского империализма и его сателлитов [Фатеев, 1999]. Отдельного подбора экспонатов по такой теме в провинциальном музее нет, но этапы от нарастания напряженности до «разрядки» все-таки прослеживаются.

Один из первых вариантов экспозиции по современности был подготовлен сотрудниками Воронежского краеведческого музея в 1961–1962 гг. К первому тематико-экспозиционному плану музея цензором Главлита была сделана приписка, в которой он рекомендует дополнить экспозицию «важными по значению темами, первая из которых — “Борьба трудящихся Воронежской области за мир”» [ТЭП Воронежского краеведческого музея, 1959–1987]. В начале 1960-х гг., на фоне экономических трудностей и провала многих начинаний Н.С. Хрущева, традиционно создавалась иллюзия реального влияния на внешнюю политику со стороны населения: музейная экспозиция демонстрировала его политическую активность. Планы были доработаны, появились следующие экспонаты: газета «Правда» с публикацией Закона о мире, запрещении пропаганды войны (1950), Стокгольмское воззвание Всемирного Совета сторонников мира (1950) с подписями рабочих воронежского завода «Сельмаш», фотографии сбора подписей под Стокгольмским возванием студентов Воронежского сельскохозяйственного института, брошюра 1955 г. о создании Варшавского договора. Подборка — свидетельство того, что СССР прилагает все усилия к сохранению мира. Враг известен, однако ни карикатур, как это было принято в газетах и журналах того времени, ни других его изображений нет. У врага опять нет лица, но уже по другим мотивам (как показать музейным предметом враждебный советской системе империализм?). Зато революционный призыв Хрущева «Догнать и перегнать Америку!» представлен не только лозунгом, но и

различными диаграммами и сравнениями достижений США и СССР. Нумизматическая выставка, посвященная денежной реформе 1961 г., содержала большой текстовый материал: о снижении цен на товары в СССР на 25% и об их повышении в США на 21%, об укреплении рубля по отношению к доллару (вместо 4–5 рублей в предыдущие годы — только 90 копеек).

Идеология патриотизма, находившая отклик в послевоенных условиях, нагнетание военной угрозы («готовясь развязать третью мировую войну, империалисты...»), агенты врага внутри страны, милитаризация помогали решать внутривнутриполитические проблемы, примиряли советский народ с лишениями и экономическими проблемами («главное, чтобы не было войны!») [Романовский, 2003. С. 133, 137]. На выставках Воронежского краеведческого музея 1970-х гг. («Воронежская область в период развитого социализма», «Конституция СССР — Конституция развитого социализма» и т. п.) от 5 до 15 экспонатов были посвящены борьбе за мир.

В качестве примера подробнее рассмотрим подборку экспонатов к передвижной выставке «Конституция СССР — Конституция развитого социализма», подготовленной в 1978 г. Явного образа врага или соревновательных цифр с приходом нового лидера уже нет. Большая часть экспонатов — о Совете экономической взаимопомощи, о создании Европейского союза. Традиционная тема борьбы за мир представлена подборками: фотографией «Подписание Стокгольмского воззвания Всемирного совета мира рабочими авиационного завода (1976 год)», текстом этого воззвания, фотографией «Подписание Заключительного акта в Хельсинки (1975 год) по безопасности и сотрудничеству в Европе». Хельсинкское соглашение, как известно, завершилось подписанием главами правительств европейских стран, СССР и других социалистических стран акта по итогам Второй мировой войны — о принципах взаимоотношений государств, независимости, суверенитета, территориальной целостности. Мировая общественность во главе с СССР и Европой активно борется за предотвращение угрозы войны и мирное сосуществование. В текстах и фотографиях отсутствует всякое упоминание о США. Враг остается фантомом: он известен советскому народу, но в экспозиции музея его нет.

В конце 1970-х гг. Воронежский краеведческий музей закрылся на реконструкцию и ремонт здания. В связи с этим он вел активную выставочную деятельность. Готовились многочисленные выставки-передвижки, носившие агитационно-пропагандистский характер («Воронежская область от съезда к съезду» и т. п.). Борьба СССР за мир — обязательная тема на таких выставках. Традиционная для выставок подборка: листовки с призывом остановить гонку вооружений, призыв коммунистов к народам европейских стран — «За мир и разоружение», митинги в защиту мира на воронежских предприятиях, Декларация государств — участни-

ков Варшавского договора от 16 мая 1980 г., Программа борьбы за мир и международное сотрудничество, принятая XXV съездом КПСС (1976), фотографии «В зале заседаний форума Всемирного парламента народов за мир. София. 1980 год» и др.

В 1987 г. была открыта экспозиция музея, состав экспонатов по международной политике в ней почти не изменился, но появились фотографии об антивоенных митингах на предприятиях Воронежа с лозунгами «Нет НАТО!».

Никогда в экспозициях и на выставках не упоминались войны или локальные конфликты с участием советской армии.

Бурная политическая жизнь конца 1980-х гг. потребовала срочной ре-экспозиции, новых экспозиционных площадей. Первыми в Воронежском краеведческом музее были размонтированы витрины, посвященные борьбе советского народа за мир, при всех последующих перестройках экспозиции к этой теме не возвращались.

Анализ музейного проектирования, используемых при этом новых методологических приемов дает возможность проследить изменения в общественной мысли и исторической памяти. Образ врага-фашиста в послевоенные годы мало менялся. Он выступал инструментом социальной консолидации и мобилизации как в годы войны, так и после нее [Сенявская, 2006. С. 250]. Лишь третье поколение демонстрирует заметные отличия, которые позволяют констатировать: процесс национального примирения свершился, историческая память о войне в обществе сформировалась. Образ врага периода «холодной войны» — это «враг без лица», агрессивный империалистический мир во главе с США. Только при анализе экспозиций других музеев, подключении социальной психологии, ряда гуманитарных наук можно объяснить явление образа врага-фантома.

Хорошо изученный музейный предмет, фондовые коллекции создают научную базу для их использования в исследовательской и экспозиционной работе. Но и рабочие планы по построению музейной экспозиции являются источником информации и могут представлять интерес для исследователей и как источник, и как его интерпретация. В тематико-экспозиционных планах как в зеркале отражается история времени их создания, политические и ментальные предпочтения, организационные формы — бесконечное количество качеств, свойств, сторон, взаимоотношений. Сравнительный анализ позволяет определить, какие концепции доминировали в науке и обществе и получили выход в социальную практику. Специфика толкования источника под воздействием экспозиционного проектирования, т. е. музейная экспозиция, не считалась заслуживающей внимания, но сегодня она расширяет круг историографии за счет привлечения новых данных, новых специфических источников. Тематико-экспозиционные планы музеев могут рассматриваться как историографический факт и служить объектом изучения.

Библиография

Выставка «Война и быт». Пресс-релиз Министерства культуры РФ и Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: [б. и.], 2002.

Годунова Л.Н. Историко-революционные музеи в 1941—1982 годах // Актуальные проблемы советского музееведения / М-во культуры СССР и Центр. музей революции СССР. М., 1987. С. 107—120.

Инструкция о порядке подготовки и представления на контроль в органы Главлита СССР материалов, предназначенных для экспонирования в музеях и на выставках. Б. м., 1984. 12 с.

Информационное письмо о работе музеев № 4. М.: [б. и.], 1947. 26 с.

Клименко О.К., Касьянов Е.С. Роль Воронежского областного краеведческого музея в сохранении памяти о Великой Отечественной войне // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне. Воронеж: ФГОУ ВПО ВГАУ, 2006. С. 444—447.

Кринко Е.Ф. Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941—1945 годах // Отечественная история. 2010. № 5. С. 74—89.

Работа музеев РСФСР в условиях военного времени. Информационное письмо № 1. Б. м., 1941. 26 с.

Романовский Н.В. Сталинизм и теория институциональных матриц // Социс. 2003. № 5. С. 132—139.

Сенявская Е.А. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. 288 с.

Тематико-экспозиционные планы Воронежского краеведческого музея. 1959—1987 (хранятся в Воронежском областном краеведческом музее).

Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945—1954 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 261 с.

КОММУНИКАЦИЯ НАУЧНОГО И МУЗЕЙНОГО СООБЩЕСТВ: ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМООТТОРЖЕНИЯ

УДК 069; 930

А.А. Сундиева, А.А. Sundieva

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИСТОРИЧЕСКИЕ МУЗЕИ: ТРЕХСОТЛЕТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

Historical Science and Historical Museums: 300th Anniversary of of Their Interaction

Аннотация: в статье прослеживается взаимодействие музеев и исторической науки на разных этапах музейной практики в России, которое, по мнению автора, не ограничивается хранением в музейных фондах значительного массива исторических источников всех видов. Отмечается способность музеев инициировать новое знание, анализируется их роль в профессиональной подготовке будущих историков и возможности доходчиво и убедительно знакомить посетителя-неспециалиста с последними научными достижениями.

Abstract: The article traces the relationship between museums and historical science as it was built at different stages of museum practice in Russia. According to the author, that relationship was not limited to storage of all kinds of historical artifacts. The article stresses the ability of museums to initiate new knowledge, examines their role in the training of future historians and their capability for presenting effectively the latest scientific achievements to lay-visitors.

Ключевые слова: историческая наука, музеология (музееведение), исторические музеи, сохранение исторической памяти, междисциплинарные исследования, исторические источники, музейные предметы, музейное источниковедение, историческое образование, популяризация научного знания.

Keywords: historical museums, museology, historical science, preservation of historical memory, interdisciplinary studies, historical sources, museum objects, museum source studies, historical education, popularization of scientific knowledge.

В 2014 г. профессиональное музейное сообщество отмечало 300-летие музейной практики в России, выполнения музеями своей благородной миссии, наряду с архивами и библиотеками. Их деятельность сегодня многогранна, включена в системы образования, науки, искусства и пр. Традиционно музейные учреждения тесно взаимодействуют с исторической наукой, что нашло отражение в литературе, а в последние десятилетия не раз оказывалось предметом дискуссий на страницах научных журналов и на музейных конференциях.

Особенно острые дискуссии проходили в 1990-е гг., когда шел поиск новой концепции истории страны в контексте смены познавательных парадигм и общих социокультурных условий [Современная историография и проблемы содержания..., 2002; Исторические экспозиции региональных музеев..., 2009, и др.]. Серия научных семинаров историков и музейных специалистов предшествовала открытию в 2006 г. современной экспозиции Государственного исторического музея в Москве. Главный исторический музей страны осознавал свое значение в формировании исторического сознания нации и свою роль методического центра для музеев России. Поэтому основательно, в течение ряда лет, вместе со специалистами-историками на семинарах обсуждались этапные события отечественной истории, возможности их музейной интерпретации, технологии музейного проектирования [Современные концепции первобытной истории..., 2000; XVIII век в истории России..., 2005; XIX век в истории России..., 2007, и др.]. В 2004 г. журнал «Отечественные архивы» опубликовал дискуссию о музеях, архивах и библиотеках как формах сохранения исторической памяти [Отечественные архивы, 2004]. В 2011 г. появилась статья Корзун В.П. и Рыженко В.Г. [Корзун, Рыженко, 2011], в которой поднималась проблема трансформации коммуникативного поля современной исторической науки и междисциплинарных исследований и пр., и пр.

Анализируя сегодня значение информационного обеспечения музеями исторической науки, мы, прежде всего, должны будем признать, что роль музеев в развитии исторического знания этим не исчерпывается. Традиция и логика развития музейной формы свидетельствуют об ином. Музеи не только хранят колоссальный массив всех видов исторических источников, но и способны инициировать новое знание, участвуют в профессиональной подготовке будущих историков, способны доходчиво и убедительно знакомить посетителя-неспециалиста с последними научными достижениями. Музей как культурная форма, реализующая потребность человечества в сохранении и передаче культурной информации, возник на определенном этапе развития культуры. Его появление свидетельствует об изменении отношения общества к своему прошлому, к своей истории.

В течение всего XIX в. в результате деятельности научной общественности, ученых и многочисленных исторических обществ, сформировалась сеть исторических музеев и произошло их преобразование в соответствии с требованиями науки. Но и сама история развивалась усилиями научных институтов, в числе которых были и музеи. Разработка концепции Российского исторического музея в 1870-е гг. имела характер широкого общественного обсуждения, в котором принял участие весь цвет исторической науки страны: С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Д.И. Иловайский, К.Н. Бестужев-Рюмин, Ф.И. Буслаев, А.С. Уваров, И.Е. Забелин.

Музей воспринимался как одно из самых «могущественных средств к достижению народного самосознания — высшей цели исторической науки» [Смысл и значение Музея имен Государя Наследника Цесаревича, с. 1]. К концу XIX в. генезис музея как культурной формы завершился, музей в России приобрел статус «культурной нормы». И именно в это время монография В.С. Иконникова «Опыт русской историографии» [Иконников, 1891] впервые включила труды по истории музеев в общую историографию. В фундаментальном труде, вышедшем в начале 1890-х гг., находим свидетельство осознания особой роли музеев для развития исторического знания: «Есть особый отдел памятников, не имеющих ничего общего с письменными материалами, но тем не менее весьма важный для истории, — это памятники вещественные, знакомящие нас с внешнею стороною жизни народа, степенью его цивилизации в известные периоды, связями и отношениями к другим народам и даже умственным мирозерцанием в его реальных проявлениях» [Иконников, 1891. Т. I. Кн. 2. С. 1351]. В 1912 г. в России, по мнению А.М. Разгона, действовали около 60 исторических музеев.

Уже в течение трех веков музейные учреждения осуществляют интенсивный сбор и хранение исторических памятников, осознавая возможность их дальнейшего использования в научных целях. Музейные предметы являются историческими источниками, научный потенциал которых неисчерпаем. Внутри исследовательского поля музеологии, активно осмысливающей свои специфические, присущие только этой области знания методы, формируется новое направление — музейное источниковедение. Сам процесс формирования тематических коллекций, как правило, порождает новое знание, т. к. выявляет малозаметные, в том числе латентные, непрослеживаемые при анализе разрозненных предметов тенденции и явления. Систематический принцип экспозиции, разработанный еще в XIX в. и опиравшийся на концепции, соответствовавшие научному уровню той эпохи, позволял раскрывать «родственные» связи между предметами и эволюционные процессы.

Особое значение в группе исторических музеев этот принцип имел для археологических и этнографических экспозиций. Периодизация археологических памятников, позволю себе напомнить, была разработана датским археологом Х. Томсенем на материалах археологических коллекций музея в Копенгагене (Ривьер). Известно, что музеи способствовали оформлению в самостоятельные научные дисциплины археологии, антропологии, этнографии, ряда вспомогательных исторических дисциплин (таких как нумизматика, сфрагистика, палеография и пр.). От Джорджо Вазари и до наших дней теснейшим образом связана с музейной практикой история искусства. Все это — примеры взаимодействия музеев и науки на этапе становления и структурирования исторического знания.

Традиционной формой сотрудничества историков с музейными учреждениями уже более двух веков является использование музейных фондов как информационной базы науки. Известны серьезные научные открытия и знаковые исторические труды, появление которых было бы невозможно без материалов музейных коллекций. Перечень этот трудно воспроизвести в рамках одной статьи, но все-таки приведем несколько хрестоматийных примеров, относящихся к разным историографическим этапам.

Так, уникальное издание «Древности Российского государства», подготовленное Ф. Солнцевым, является своеобразным каталогом памятников отечественной истории, составлено на материалах Оружейной палаты, Патриаршей ризницы Московского Кремля, храмов и монастырей Новгорода и Пскова и пр. [Древности Российского государства, 1849—1853]. Академик А.Х. Востоков, исследуя памятники древнеславянской письменности, хранившиеся в Румянцевской коллекции, а затем в Румянцевском музее, заложил основы сравнительного славянского языкознания в России [Востоков, 1856]. Это — первая половина XIX в. Во второй половине того же столетия работа в Оружейной палате пробудила интерес к изучению старины у И.Е. Забелина, определила основной вектор его научной деятельности, позволила написать исторические работы, не потерявшие своего значения до настоящего времени. Позднее Забелин станет крупнейшим специалистом в области истории быта и археологии, известным коллекционером, будет избран в 1879 г. председателем Общества истории и древностей российских при Московском университете, а затем товарищем председателя (фактическим руководителем) Императорского Российского исторического музея им. Императора Александра III, почетным членом Петербургской Академии наук. Его называли основателем историко-археологического направления в российской исторической науке [Багалей, 1911. С. 363].

Одним из самых ярких примеров использования музейных коллекций в исторических исследованиях рубежа XIX—XX вв. стала многолетняя деятельность А.В. Орешникова, проработавшего главным хранителем Исторического музея с 1887 г. до своей кончины в 1933 г. Известный знаток монет и денежного обращения Северного Причерноморья рассматривал нумизматику как вспомогательную историческую дисциплину. Как хранитель крупнейшего российского музея, он имел возможность сопоставлять результаты нумизматических изысканий с письменными, археологическими и эпиграфическими данными, что приводило к серьезному научному результату. А.В. Орешников был членом Одесского общества истории и древностей, Казанского общества истории, археологии и этнографии, Ростовского музея и девяти ученых архивных комиссий, автором более 130 научных публикаций [Орешников, 1884; 1896; 1921; 1936; и др.]. В 1928 г. его избрали членом-корреспондентом АН СССР — свидетельство серьезного вклада музейного работника в историческую науку.

Местный материал и вещественные памятники широко использовались историками в 1920-е гг. Основное содержание деятельности Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК), созданной в 1919 г., составляли изыскания в области археологии и «родственных гуманитарных наук». Изучение велось с привлечением всех видов источников, в первую очередь вещественных (археологических), и данных языка. Ученые пришли работать в музеи и включились в краеведческое движение в связи с реорганизацией научных учреждений и обществ и ликвидацией после революции исторических факультетов в университетах. Музеи в 1920-е гг. позволили сохранить научные силы и отечественные научные традиции. В свою очередь, включенность в музейную работу представителей академического сообщества повысила профессионализм и научность музейной работы.

Расширение источниковой базы исторической науки за счет вещественных памятников сопровождалось появлением новых методов исследования, также связанных с музейными и краеведческими практиками. Манифестация локального метода в исторической науке в статьях С.И. Архангельского [Архангельский, 1927], приемы осмысления культурного ландшафта Н.П. Анциферова [Анциферов, 1928] были нацелены на изучение истории региональных процессов. Историко-бытовое направление в музейном показе истории, разрабатываемое в статьях М.Д. Приселкова и М.Ф. Формаковского [Приселков, 1926; Формаковский, 1928] и в деятельности Историко-бытового отдела Русского музея, ориентировало на изучение повседневной жизни всех слоев населения, культуры повседневности, на сохранение целых пластов «уходящей» культуры.

Научная деятельность одного из крупнейших советских историков — Н.М. Дружинина, также началась в музее. В 1924–1934 гг. он был сотрудником, а с 1926 г. ученым секретарем Государственного музея революции СССР. Там зародился интерес ученого к истории декабризма. Дружинину удалось подтвердить подлинность поступивших в музей масонских знаков, обнаруженных при аресте декабриста П.И. Пестеля, и установить их назначение и символический смысл. В результате эти знаки приобрели значение реликвий, связанных с историей декабризма, а исследование музейной коллекции, проведенное Дружининым, стало образцом научного описания музейных предметов и своеобразным пособием по их изучению [Николаев, 2009]. В дальнейшем, уже покинув Музей революции, ученый будет всю свою долгую жизнь сотрудничать с музеями.

В XX в. место музеев в системе научных учреждений изменилось. Главной формой организации науки стали научно-исследовательские институты. Но важная составляющая источниковой базы исторической науки продолжала храниться именно в музеях.

Это стало очевидным, когда в 1980-е гг., на новом этапе становления музейного образования в нашей стране, возникли музейные аспирантуры (короткие периоды музейные аспирантуры существовали и ранее при ГИМе и Музее революции СССР). Все первые диссертации в области музеологии были историческими исследованиями, опиравшимися на источниковую базу, значительную часть которой составляли музейные предметы и музейная документация. За три последующих десятилетия выпускниками музейных аспирантур завершено около двух сотен диссертаций, которые внесли свой вклад в историческую науку, источниковедение, этнографию, историю культуры, историю искусства [Гужаловский, 1991; Каулен, 1997; Шангина, 1997; Чувилова, 1999; Жуков, 2000, и др.].

Возможно, результаты могли бы быть еще более значительными, а использование музейных собраний историками еще более широким и полноценным при другом состоянии музейного фонда страны. Гигантские запасы более 3000 музеев по всей России нуждаются в совершенно иных условиях хранения фондов, предоставления информации об их составе, организации доступа к ним ученых. Негативную роль играет также сохраняющееся недоверие к междисциплинарным проектам и сотрудничеству. Учитывая фрагментарность знаний о прошлом, с которой сталкивается каждый историк, естественным является стремление привлечь наибольшее число самых разнообразных источников, будь то рукописи, книги, музейные коллекции, сохраненные и музеефицированные памятники.

Важное направление сотрудничества исторических и музейных институтов — участие музеев в подготовке кадров историков, формы которого выработывались десятилетиями, если не сказать веками. Кабинеты древностей и античных памятников, кабинеты естественной истории и минералогии формировались в XVIII—XIX вв. внутри возникавших в стране университетов, становились их непременным атрибутом. Университетские музеи реализовывали концепцию наглядности обучения, являлись базой студенческих практик, способствовали формированию научных школ, создавали особую атмосферу уважения к традиции, к источнику, к памятникам культуры. К XXI в. многие из них развились в музеи с многотысячными коллекциями, доступными не только учащимся вузов, но и широкой посетительской аудитории. В Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, в Санкт-Петербургском государственном университете, в университетах Казани, Томска и других университетских городов успешно действуют по 7—8 крупных университетских музеев и кабинетов. Однако согласно федеральному закону «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» 1996 г. вузовские музеи, не обладая самостоятельным юридическим статусом, не признаются музеями «де-юре», не защищены законом. Их функционирование и сохранность фондов, включающих уникалы и раритеты, их

благополучие и само существование зависят от доброй воли ректора, традиций, сложившихся в вузе, стечения благоприятных или (часто) неблагоприятных обстоятельств. Дефицит финансовых средств затрудняет внедрение новых музейных и информационных технологий, снижая тем самым эффективность деятельности музеев и понижая их авторитет в глазах студентов. Несмотря на усилия музейной и вузовской общественности, ситуация принципиально не меняется, серьезный научный и образовательный потенциал вузовских музеев в полной мере не используется.

Реализуя свои образовательные программы, вузы традиционно сотрудничают и с государственными музеями, обладающими археологическими, этнографическими коллекциями, собраниями по истории материальной культуры, коллекциями исторических реликвий и пр. В городских музеях проводятся занятия, лекции, экскурсии для будущих историков, преддипломная практика выпускников.

Значение, которое имеют музеи для исторического образования, ярко демонстрирует ситуация с закрытием в свое время на реставрацию и ремонт Государственного исторического музея в Москве. Музей не функционировал в течение 12 лет, с 1986 по 1997 г. Несколько поколений школьников и студентов истфаков московских вузов были лишены возможности знакомиться с его коллекциями, и это самым негативным образом отразилось на уровне подготовки целого поколения историков, что не раз отмечали в академической среде. ГИМ обладает самым крупным в нашей стране музейным собранием (около 5 млн ед. хр.), хранит музейные предметы, являющиеся памятниками археологии, письменными, изобразительными, вещественными источниками, кино- и фотоматериалами и пр. На базе коллекций этого музея могут стажироваться, знакомиться с различными видами исторических источников, приобретать начальные навыки исследовательской работы студенты любой исторической специализации. Правда, и здесь ситуация далека от идеальной. В условиях рыночных отношений проведение студенческих практик в музеях, т. е. организация взаимодействия между бюджетными учреждениями разной ведомственной подчиненности, — дело не простое.

Со времени появления в начале XVIII в. Петровской кунсткамеры, первого музея в стране, были осознаны выдающиеся возможности музейных учреждений в области популяризации научного знания. На каждом этапе музейной истории доминировали свои методы популяризации, соответствовавшие времени, поставленным задачам, степени подготовленности публики воспринимать научную информацию. С начала 2000-х гг. музеи успешно используют колоссальный арсенал новых технических устройств и информационных технологий, позволяющих решать ряд коммуникационных, познавательных, воспитательных задач.

Новая техника беспредельно расширяет информативность экспозиций без ущерба для их яркости, образности, эмоциональности. Экспозицио-

неры используют цвет, свет, запахи и звуки, т. е. средства, воздействующие на все органы чувств, с целью привлечения внимания, облегчения понимания и запоминания.

Появилась возможность учитывать интересы и особенности различных групп посетителей, особенно молодежной, которая в иных формах вообще не готова воспринимать информацию. Если у музея нет сайта и он не представлен в социальных сетях, то можно считать, что его просто не существует. Если в экспозиции нельзя «скачать» информацию, сканируя QR-коды, ее никто не станет переписывать в блокнот. Если нет интерактивных элементов, игровых форм или возможности оставить «свой след» в экспозиции, молодые люди начинают скучать. Благодаря современным техническим средствам музеи готовы максимально удовлетворить индивидуализированные потребности посетителей, в том числе с помощью аудиогидов, аудиовидеогидов и появившихся недавно мультимедийных гидов (Smartguide), дающих наиболее полное и глубокое представление о музейной коллекции.

Решается и противоположная задача — создание эффектных и зрелищных выставок-блокбастеров, обращенных к массовому посетителю. В течение двух-трех последних лет в Москве были реализованы несколько грандиозных выставочных проектов в Манеже, в ГИМе, в Бородинской панораме, посвященных крупным историческим юбилеям. Они задали высокую планку представления исторического материала, смогли привлечь многочисленную аудиторию и, главное, имели целью изменить отношение в обществе к этапным событиям отечественной истории.

Именно такая попытка была предпринята в связи со столетием Первой мировой войны. В 2014 г. выставки прошли во всех крупных музеях страны, актуализировав значительный пласт сохранных музеями свидетельств событий. В Государственном историческом музее в Москве в рамках правительственной программы открылась выставка «Последняя битва Российской империи». В этом международном проекте приняли участие крупнейшие военно-исторические музеи мира: Имперский военный музей (Лондон), Музей Армии (Париж), Баварский музей армии (Ингольштадт); Политехнический музей, музей Путиловского завода; ряд государственных архивов — архив Историко-документального департамента МИД РФ, ГА РФ, Российский государственный архив кинофото-документов, Политический архив МИДа Германии. Качественный контент и умелое совмещение исторической кинохроники, мультимедийных технологий и реальных предметов сформировали высокий информационный потенциал сравнительно небольшой экспозиции. Был достигнут и желаемый эмоциональный отклик публики: сопереживание, гордость, патриотический подъем. За пять месяцев выставку посетили примерно 100 000 человек. Проект объединил усилия многих исторических институций (научных обществ, музеев, архивов) и стал событием не только

культурной, но и научной жизни Москвы. Поиск технологий и методов презентации истории, визуализации исторической тематики ведется музейным сообществом постоянно и приносит свои плоды.

Но есть проблемное поле, в котором особенно необходимо самое тесное сотрудничество музеев и исторической науки и где быстрых результатов ждать пока не приходится. Речь идет об интерпретации истории в музейных экспозициях. Музейные фонды хранят в себе ответы на многие нерешенные вопросы истории. Нужны усилия и, возможно, новые исследовательские практики, чтобы воспользоваться этим потенциалом. Закрытие в 2014–2015 гг. старейших музеологических центров — Российского института культурологии и Лаборатории музееведения Государственного центрального музея современной истории — лишило музеи методической поддержки. Добавим к этому давление, которое музеи, особенно провинциальные, нередко испытывают со стороны спонсоров, Церкви, местной администрации, решающих свои задачи, порой весьма далекие от демонстрации в музейных экспозициях научной картины мира. Посетители музеев должны получать достоверную информацию, соответствующую современному уровню развития исторической науки. Но в самой исторической науке сохраняется полифония мнений, причем разброс оценок важнейших событий значителен. Историографы констатируют также «трансформирующееся пространство современной исторической науки» и «разрыв между теоретическим осмыслением проблем и исследовательской эмпирией» [Корзун, Рыженко, 2011].

По данным Государственного информационно-вычислительного центра Минкультуры России, в течение 2013 г. примерно 96 млн человек (т. е. больше чем каждый второй житель страны) посетили музей. Аудитория российских музеев велика, общество проявляет живой интерес к своему прошлому. Если на этот социальный запрос не ответят научные учреждения, пустующая ниша немедленно заполнится суррогатом.

Сближение и сотрудничество музеев и исторической науки служат интересам науки и задачам сохранения исторической памяти. Поиск оптимальных путей их дальнейшего взаимодействия, понимание общности и первоочередности задач, максимальное использование коммуникационного потенциала музейных экспозиций и информационного потенциала музейных фондов представляют познавательный и практический интерес.

Библиография

XVIII век в истории России: Современные концепции истории России XVIII века и их музейная интерпретация // Труды ГИМ. Вып. 148. М., 2005. 392 с.

XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация // Труды ГИМ. Вып. 163. М., 2007. 572 с.

Анциферов Н.П. Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. Т. V. № 6. 1928. С. 321–328.

Архангельский С. [И.] Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194.

Багалея Д.И. Русская историография. Харьков: Типолитография С. Иванченко, 1911. 462 с.

Востоков А.Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам. 1820 (рукопись; часть ее под названием «Рассуждение о славянском языке» опубликована в «Трудах Общества по изучению русской словесности», XVII, 1856; в полном виде работа издана И. Срезневским: *Востоков А.Х.* Рассуждение о славянском языке // Филологические наблюдения А.Х. Востокова. СПб., 1865).

Гужаловский А.А. История музеев Белоруссии второй половины ХУШ — начала ХХ века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук / НИИИЖ. М., 1991. 23 с.

Древности Российского государства: в 6 отделениях. М.: Тип. Александра Семина, 1849–1853. 6 отд.

Жуков А.В. Эволюция взаимоотношений археологической науки и музея (на материалах экспозиций музеев Москвы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03 / Рос. ин-т культурологии. М., 2000. 25 с.

Иконников В.С. Опыт русской историографии: в 2 т. Т. 1. Кн. 1–2, Киев, 1891–1892; Т. 2. Кн. 1–2. Киев, 1908. 4432 с.

Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период / Отв. ред. И.В. Чувилова. СПб.: Алетейя, 2009. 304 с.

Каулен М.Е. Экспозиционный показ памятников культовой архитектуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03 / Рос. ин-т культурологии. М., 1997. 26 с.

Корзун В. П., Рыженко В. Г. Коммуникативное поле современной исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания // Диалог со временем. Вып. 37. М., 2011. С. 24–44.

Николаев Н.С. Изучение коллекции масонских знаков П.И. Пестеля в Музее революции СССР // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2009. № 15. С. 292–300.

Орешиников А.В. Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. К VI Археологическому съезду в Одессе. М.: Скоропечатня О.О. Гербека, 1884. 32 с.

Орешиников А.В. Русские монеты до 1547 г. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1896. 272 с.

Орешиников А.В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. П.: ИГАИМК, 1921. 42 с.

Орешиников А.В. Денежные знаки домонгольской Руси // Труды ГИМ. Вып. 6. М.: ГИМ, 1936. 96 с.

Приселков М. Д. Историко-бытовые музеи. Л., 1926. 17 с.

Смысл и значение Музея имен Государя Наследника Цесаревича // Голос. 1873. № 31. С. 1.

Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост. Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. 295 с.

Современные концепции первобытной истории. Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев // Труды ГИМ. М., 2000. Вып. 113. 84 с.

Фармаковский М.Ф. Техника экспозиции в историко-бытовых музеях. Л., 1928. 81 с.

Чувилова И.В. Формирование художественных коллекций в провинции в первой половине XIX века (Центральный и Поволжский районы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук / НИИК. М., 1999. 27 с.

Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга: История и проблемы комплектования. 1867—1930. Автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 24.00.03 / Рос. ин-т культурологии. М., 1997. 40 с.

УДК 069, 008, 930.2

B. Вернер, V. Werner

МУЗЕИ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕ¹

Museums from the Perspective of Social Identity Transformations in Europe

Аннотация: автор подходит к музею как объекту для размышлений о переменных в европейской культуре, в представлениях элиты и простолюдинов об общественном устройстве. Просвещенческий «переворот» он понимает как процесс переосмысления и трансформации восприятия мира, а также как движение, направленное на изменение общества путем распространения знаний. В статье анализируется один его аспект — осознание необходимости социальной коммуникации. Завершает статью констатация того, что события начала XXI в. развеяли иллюзию о конце истории и напомнили о важности цивилизаций и религиозно-этнических общин, составляющих их основу. Эра государств и эпоха народов не закончились, по-прежнему существует необходимость в социальном образовании и его инструментах, одним из которых являются музеи.

Abstract: The article concerns the issue of the relationship between the phenomenon museum and social identities present in European civilization in modern times. The author describes the museum as a phenomenon created by such intellectual trends like enlightenment and romanticism and especially linked to the idea of common education of society. Museums are shown in the article as tools in the process of creation modern society founded on the ideas of nation, citizenship and on the historical identity. Changes in social self-consciousness which took place in the XX century caused also changes in the theory and the practice of museums. The end of the “cold-war” created an delusion of “the end of the history” or the idea of the future when history will be the sum of individual fates free from oppression of collective historical phenomena such as “nations” or “states”. Museums, would be obliged, in the new projected reality, to exhibit mainly components of personal identity connected not with the collective history of nations and societies but the individual choice of the

¹ Перевод с польского: Д.С. Буневич, директор Института русско-польского сотрудничества.

style of life, hobbies, sexual preferences. The beginning of the XXI century brings the end of illusion of the possibility of individual atomization of global history and the question of social education and the widespread of the collective values is significant again.

Ключевые слова: историческая наука, культурология, музееведение, историческое мышление, динамика социальной жизни, социальная идентичность, коммуникация, музей, образование и просвещение, информационная асимметрия.

Keywords: historical science, museology, social history, cultural history, museums, social identity, cultural identity, cultural memory, communication, information asymmetry.

Для значительной части населения современного мира, в частности для жителей Европы, существование музеев так же привычно, как существование школ, больниц, офисов, театров, кинотеатров или библиотек. Очевидность и вездесущность этого феномена не меняет, однако, того факта, что во многом он необычен и представляет собой отличный объект для размышлений о переменах в европейской культуре и обществе.

Уникальность музея (понимаемого одновременно как институт и как идея, лежащая в основе данного института) заключается, кроме прочего, в том, что он кажется значительно более древним, чем является в действительности. Имя (Mouseion), т. е. храм муз, предполагает длительную родословную. Многие европейские музеи подтверждают этот стереотип, размещаясь в старинных зданиях или же в зданиях, в декоре которых использованы элементы архитектуры прошлых веков. В литературе происхождение музеев также часто связывают с древними и средневековыми собраниями ценностей и диковинок и с характерными для Нового времени коллекциями редкостей («wunderkammern», «cabinets of wonders», «camere delle meraviglie»). В действительности же это сходство лишь вводит в заблуждение, а тот факт, что в XVIII–XIX вв. несколько частных коллекций и собраний диковинок были преобразованы в музеи, отнюдь не означает, что эти явления имеют много общего.

Конечно, люди всегда любили окружать себя красивыми вещами, редкими и интересными предметами. Так они удовлетворяли свои эстетические потребности и тщеславие, повышали социальный статус. Коллекции собирались правителями и богачами по соображениям престижа и из желания продемонстрировать сопутствовавшие им счастье и везенье. Последнее требовало демонстрации коллекций, дабы вызывать восхищение и уважение к владельцам и их «счастливой фортуне». Цели, которые приписывались и приписываются музеям, с самого начала были иными. Создание музеев, происходившее в Европе во второй половине XVIII – начале XIX в., совпало с глубокими переменами в картине мира элиты и в коллективной идентичности европейских обществ [Bennett, 2009. P. 17–58].

С древнейших времен и до конца XVII в. общим элементом картины мира элиты и простолюдинов было убеждение в том, что наряду с материальным миром существует мир сверхъестественный и что они находятся во взаимодействии друг с другом. Помимо этого основополагающего факта, образованная элита и простой народ воспринимали мир по-разному, их представления о сверхъестественном существенно отличались. Первые, воспитанные на античной философии и видениях средневековых мистиков, могли разделять дух и материю, чувственное и сверхчувственное, форму и содержание. Мир вторых был разделен на привычный (знакомый и безопасный) и на чуждый (запретный и угрожающий). Дуализм был философским, гностическим или мистическим у элит и магическим или выстроенным по принципу здравого смысла (*of common sense*) у простых людей. Но в любом случае мир не мыслился ими однородным, лишенным «второго дна» и «скрытого измерения». Для всех была общей вера в существование Бога (богов), демонов и магии (при значительных различиях в представлениях о содержании этих явлений и в приписываемых им смыслах и значениях).

Пока простые люди принимали миропорядок, при котором они и элита занимали в социальной иерархии четко обозначенные позиции, представители господствовавших страт (как образованных, так и нет — часть дворянства) не видели необходимости в налаживании коммуникации с народом и в изучении образа мыслей простолюдинов. Общение происходило почти исключительно между «соседними ступеньками» социальной лестницы: сельский священник общался в основном с крестьянами, чей менталитет был близок ему, а настоятель монастыря мог заказать богато иллюстрированное житие святого для проповеди христианского вероучения местному аристократу и его супруге, но не стремился общаться с простонародьем. Процессы социальной коммуникации тех времен скорее были локальными и персональными, а не глобальными и системными. Ситуация начала меняться в XVI в., когда вместе с расколом Западной церкви на реформаторскую и контрреформаторскую возникла потребность в организации постоянной, а не временной, системы общественных коммуникаций и религиозной пропаганды. Религиозная пропаганда стала одним из первых системных проявлений современной социальной коммуникации.

Охватившие Западную и Центральную Европу в XVI—XVII вв. процессы радикализации общественных настроений, войны и религиозные преследования, печально известная «охота на ведьм» спровоцировали «бунт элит», в результате которого в XVIII в. произошел беспрецедентный отказ правящих страт от религиозного взгляда на мир в целом, а не от отдельных его элементов. Просвещение, понимаемое нами как общеевропейский процесс переосмысления и трансформации восприятия мира, стало первым современным движением, направленным на изменение общества, которое включало в себя потребность в общении и рас-

пространении знания. Просвещенческий «переворот» в восприятии реальности имел много форм, но мы будем обсуждать только один его аспект — осознание необходимости социальной коммуникации.

Идея Просвещения потребовала революционной формы, сопровождавшейся соответствующей формой социальной коммуникации. В рамках этой революционной формы считалось, что народ не сам по себе «темный», а только «удерживается в невежестве тиранами», препятствующими распространению света разума. Снятие барьеров на пути знаний приведет к освобождению народа и его превращению в сообщество свободных граждан. Такое понимание Просвещения отражено, между прочим, в «Марсельезе» — революционной песне, а позднее гимне Франции; проявлением той же идеи стала национализация королевского дворца Лувр (1793) и превращение его в один из первых публичных музеев Европы. Этот аспект просвещенческой социальной коммуникации мы будем называть революционным. Он предполагает прозрачность и симметричность в передаче информации, т. к. народ должен незамедлительно получать доступ ко всей полноте знаний о мире и полное право ее интерпретации. (На революционно-просветительскую практику ссылались, например, и власти СССР, когда в целях строительства нового общества создавали сеть историко-краеведческих музеев [Музееведение. Музеи исторического профиля, 1988. С. 42—43].) Реформаторский пафос эпохи содержал в себе предположение о необходимости просвещения народа. Просвещенческая концепция образования базировалась на следующих принципах: народ не «темный» от природы, а «непросвещенный» вследствие многовекового пренебрежения к нему, бедности и пьянства; просвещение состоит в передаче ему знаний, которые приведут к повышению разумности/рациональности образованной части общества.

Современная концепция социальной коммуникации, заключающая в себе представление об информационной асимметрии, оговаривает, что она будет постепенно исчезать. Обучающий передает обучаемому знание в упрощенной и популяризированной форме, но содержание этого знания соответствует современному представлению об истинности. Музей в этой схеме является важной структурой: управляемой элитой, но ориентированной на образование всего общества. Данный подход проявился в постепенном увеличении доступности коллекций Британского музея, основанного в 1753 г., в первые годы открытого только для небольшой группы избранных и ставшего по-настоящему публичным только в 1879 г. [Walsh, 1992. P. 30—31]. Важным шагом на пути к всеобщему равному доступу к редким экспонатам стало принятие в Великобритании «Закона о музеях» (1845), который обязал негосударственные научные и философские общества предоставлять широкой публике доступ к своим коллекциям. (Аналогичные процессы проходили и в России, где в 1852 г. для всех желающих был открыт Эрмитаж, созданный Екатериной II в 1764 г.)

В наиболее аристократической форме идея Просвещения была выражена «просвещенными абсолютистскими элитами», желавшими для себя «Вольтера» и привлекавшими для участия в процессе «массы» в качестве гаранта выполнения своих желаний. Это предполагало коммуникацию, но с включением инструменталистского подхода к СМИ и асимметрии в распределении информации: одна информация для элиты, другая — для масс. Элиты исходили из убеждения, что народ, органически «темный», не в состоянии осознать всей полноты истины о мире и никогда такой способности не приобретет; ему следует передавать специально подобранные знания. Этот аспект мы будем называть пропагандистским. Характерной особенностью пропаганды с начала XIX в. является дисбаланс в информировании: «пропагандист» знает больше, чем получатель знания, а цель их коммуникации — поддержание данного состояния вещей.

В каждом из этих подходов к осмыслению идеи Просвещения, опирающихся на определенную общественную и коммуникативную практику, важную (хотя и по-разному понимаемую) роль играло учреждение музея — воплощение авторитета и мощи современного государства и его возможностей по воспитанию общества. Особенно важным это было для реформаторской и революционной трактовки Просвещения.

Идея Просвещения не была единственной силой, которая создавала условия для развития новых форм социальной коммуникации, в том числе и для развития музеев в качестве инструментов коммуникации. Не менее важным был феномен этногенеза, с XVII в. набиравший силу в Западной и Центральной Европе. Это явление следует рассматривать в контексте многогранных изменений, проходивших в европейском обществе на рубеже раннего и позднего Нового времени. В XVII—XVIII вв. мы наблюдаем первые симптомы распада локальных традиционных обществ. Их функционирование основывалось на системе, в которой обмен идеями, людьми, товарами с внешней средой был существенно ограничен. Социальная идентичность была связана с конкретными чувственными проявлениями: семейными отношениями, соседскими контактами, общностью опыта, благоговением перед властью, гарантированным от рождения стабильным местом в социальной структуре (для крестьян и дворян) или регулируемым движением на пути профессионального развития (для ремесленников, интеллигенции и духовенства).

С XVII в. мир стремительно меняется. Появление призыва в армию привело к перемещению больших групп людей, вырванных из привычного окружения и набравшихся, волей-неволей, новых впечатлений. В XVIII в. распространился новый тип организации труда, постепенно вытеснивший традиционные ремесла, основанные на продолжающемся всю жизнь процессе срастания человека и профессии, при котором профессиональная деятельность определяла личность человека. Положение сапожника, мясника, булочника или оружейника в начале Нового времени

понималось как постоянное состояние человека, неизменная основа его бытия. Это было связано с непрерывным опытом постепенного повышения квалификации, прохождения через последовательные этапы посвящения в тонкости работы, чувством личной ответственности за производимую продукцию и за качество выполняемой работы.

Этот порядок был нарушен в связи с распространением капитализма, породившего две новые профессиональные группы, не связывавшие свою личность с производством: инвестора (он вкладывал деньги туда, где не обязательно являлся мастером; его интересовала прибыль, а не качество производимого продукта) и промышленного рабочего, продававшего время своей работы в той области, где он не претендовал на создание собственного дела и достижение вершин мастерства. Параллельно с этим действовали и иные факторы, разрушавшие старый социально-экономический порядок. С конца XVIII в. неуклонно увеличивалась численность населения; в ряде стран Европы проходили кардинальные преобразования в экономике: в Англии рост рентабельности производства шерсти привел к тому, что землевладельцы согнали мелких арендаторов с земельных участков и превратили их в пастбища; в Центральной Европе падение цен на зерно привело к повышению феодальных повинностей (для поддержания уровня жизни аристократов).

Возросла динамика социальной жизни: все больше и больше людей покидали места, где их предки жили веками, и отправлялись в города в поисках работы, что приводило к драматическим коллизиям. Люди, в условиях традиционного общества привязанные к конкретному месту и действовавшие в относительно стабильной среде, не могли на новом месте сохранять прежнюю идентичность, приспособить ее к жизни в новых условиях. Следствием этого в Европе в XIX в. стали, с одной стороны, кризис социальной идентичности, а с другой — появление пространства для развития форм идентичности, основанных на иных принципах, чем идентичность традиционных сообществ.

Как уже было сказано, идентичность члена традиционного сообщества основывалась на его чувственном восприятии и индивидуальной памяти. Начиная с XVIII в. мы имеем дело с ситуацией, в которой способ бытия, а также непосредственное окружение (согласно концепции этногенеза Л.Н. Гумилева, совместно созданный цивилизацией «ландшафт») претерпевают трансформации. Географические расстояния остались прежними, но новые средства коммуникации изменили смысл всего: леса были преодолены, реки и моря из преград превратились в дороги, в больших городах и промышленных центрах иными стали условия существования человека. Жизнь в мегаполисе отличается от жизни в сельской местности не менее, чем жизнь в пустыне — от жизни в лесу. В зависимости от окружения и среды человек решает разные задачи и подвергается воздействию разных факторов, определяющих его стиль мышления и самосознание.

Наряду с социальными трансформациями и изменениями в коллективной идентичности менялась практика отправления властных полномочий и являющая ее тенью идея власти. В Западной Европе власть постепенно утрачивала религиозно-метафизический аспект, что вело к возникновению вопросов о природе власти и государства. Т. Гоббс трактовал власть как меньшее зло — гаранта общественного мира, Ж.Ж. Руссо ввел понятие народного суверенитета как первичного источника власти. Революции (Английская XVII в.; французские 1789—1794, 1830, 1870—1871 гг.; европейские 1848—1849 гг.; Война за независимость США 1775—1783 гг.) провоцировали к размышлениям на тему власти в области политической, социальной и военной практик.

Войны, которые вела Франция периода революции 1789—1794 гг. и Наполеона I, демонстрировали важность самосознания рядовых солдат — вопрос, которым совершенно пренебрегали в более ранней модели армии, где доминировало убеждение, что основанная на страхе дисциплина является мотивацией, достаточной для стойкости солдата. У европейских политических и интеллектуальных элит появилось представление о том, что проблемы социального неравенства невозможно решить силой и что их не решит и «невидимая рука рынка». Сочинения Т.Р. Мальтуса, обосновывавшие необходимость поддержания нищеты в низших слоях общества, чтобы голод и болезни ограничили численность населения, были признаком отчаянного спроса на идеи, которые могли бы принести в мир новый порядок.

Тогда родились идея нации, а также представление об обществе как органическом целом. Сила нации — сила общности; нищета, преступность, алкоголизм — не пороки отдельных социальных групп, но болезнь, отравляющая весь организм; она должна быть излечена. Эта концепция постулировала общую ответственность, открывала путь для решения социальных вопросов в интересах не одной группы, а всего общества (медицинское страхование, бесплатное образование, установление минимальной ставки заработной платы). Нового мышления (национального, социального и органического) придерживались политическая элита и многие предприниматели, по собственной инициативе строившие жилье для рабочих, больницы и детские сады при фабриках, отправлявшие рабочих на отдых и в санатории). Оно предполагало потребность в массовом бесплатном образовании; с этой целью модернизировалась его система, создавались библиотеки и «избы-читальни», а музеи, наконец, стали восприниматься как места, где и образованные люди, и простые рабочие будут проводить свободное время, наслаждаясь красотой произведений искусства, изучать историю своего народа и страны и одновременно укреплять свою гражданскую и патриотическую идентичность.

В середине XIX в. в большинстве стран Западной и Центральной Европы на первый план вышло построенное на фундаменте исторического

мышления романтическое представление о мире, показывавшее нацию как общность, основанную на общем историческом опыте, эгалитаризме (участие в ней не зарезервировано для элиты, доступно простому народу), величии (нация независима от единичной воли), наследственности (принадлежность к ней связана с рождением). Мыслители-романтики не игнорировали проблему национальной индифферентности значительных социальных групп, особенно в странах Центральной и Восточной Европы (там представители элиты принимали этническую принадлежность, наиболее в данный момент привлекательную и обеспечивавшую наибольшие возможности для карьеры, а народ идентифицировал себя по-прежнему в религиозных и социальных категориях). Они полагали, что просвещение сделает возможным пробуждение «национальной души». Вопрос всеобщего образования стал приоритетным во Франции и Великобритании, а также в немецких и итальянских государствах, где политический объединительный проект был представлен для единых немецкого и итальянского народов как самый очевидный путь к обретению собственной «формулы» существования в рамках национального государства.

По этим причинам политическая и социальная идеология романтизма делала упор на необходимости всеобщего (для всех слоев и социальных групп) образования с использованием разнообразных средств массовой коммуникации, среди которых музеи занимали одно из важнейших мест. Быстро встал вопрос защиты памятников как символов исторической преемственности национальной культуры, а также их извлечение из среды бытования в качестве объектов, требующих особого отношения [Walsh, 1992. P. 70—72]. Музеи рассматривались как средства социальной коммуникации, точки пересечения важных течений мысли, инструменты для формирования желаемых качеств у широких социальных слоев. Усилия политических элит европейских государств, стремившихся повысить его авторитет у населения, вытекали из: романтического представления интеллектуалов о нации как об органическом целом и о процессе становления этнических, социальных, политических общностей как накоплении исторического опыта; антропологической рефлексии романтического указания на важность «культуры» (высокой культуры) для развития человека как личности и члена общества. Специфика такого мышления оказывала влияние на форму и содержание музейной коммуникации. Музеи, возникшие в конце XVIII — XIX в. как светские учреждения, демонстрирующие и поддерживающие авторитет государства, располагались в монументальных зданиях. В них в основном экспонировались произведения искусства, знакомство с которыми могло поднять уровень культуры посетителей; этой цели служили массово создававшиеся художественные галереи, доминировавшие в национальных музеях [Duncan, 2006. P. 8—11]. Не меньшее значение имело экспонирование памятников истории, отображавших культурные, социальные, экономические достиже-

ния нации и государства. В этом плане особую роль играли исторические музеи (Немецкий национальный музей в Нюрнберге и др. [Hoffmann, 1994. P. 7–21]), а также военные музеи (в том числе музеи воинских частей), демонстрировавшие достижения, понимаемые как выигранные или героически проигранные сражения и военные кампании.

Опираясь на историческое мышление и идеи Ф. Ницше, описанные в эссе «О пользе и вреде истории для жизни» [Ницше, 2003], можно сказать, что в XIX в. музей реализует две основные цели: напоминать о том, что в прошлом содержатся примеры, достойные обрести бессмертие в человеческой памяти, а также достойные подражания образцы (великие и вечные произведения искусства; примеры патриотизма и героизма на полях сражений; деяния просвещенных лидеров); пробуждать чувство связи с прошлым через соприкосновение с памятниками истории, относящимися к определенному месту, социуму, цивилизации, мемориальными предметами и объектами.

С конца XIX в. вследствие эмансипации широких социальных групп социальный, политический и цивилизационный контекст функционирования музеев постепенно меняется, с середины XX в. эти изменения уже хорошо заметны. Европейские общества приобретают все большую автономию и самостоятельно артикулируют свои требования, не прибегая к посредничеству интеллектуальных социальных элит. Образовательная функция музеев в традиционном (просветительском) смысле утрачивает былое значение, хотя и исчезает совсем. Раскрепощенным массам второй половины XX в. не требуется так много образования, как казалось (и до сих пор кажется) представителям элиты: взрослые люди не хотят находиться в положении детей в условиях, когда образование по-прежнему ассоциируется с обучением старшими младших. Музей привлекает их больше как место развлечения, досуга. В XX в. появляются новые течения мысли и новые «ожидания», наделяющие музеи новым содержанием, выражающимся в новых формах, — при сохранении форм традиционных, т. е. продолжают существовать факторы, являющиеся основой традиционного взгляда на музеи (государство, национальная идентичность и элита, мыслящая в категориях Просвещения).

В конце XIX в. возникают музеи под открытым небом, в которых открываются новые горизонты репрезентации исторических достижений сообществ (с акцентированием внимания на простых людях, чей быт начал в них демонстрироваться). Эта форма позволяет сочетать обучение и досуг: такие музеи были местом воскресного отдыха на свежем воздухе для всей семьи. В XX в. они достигли пика популярности (в том числе потому, что позволили обучать и просвещать посетителей не путем представления артефактов пассивной аудитории, а путем ее участия в смоделированных элементах исторической реальности: печении хлеба традиционным способом, стрельбе из лука и т. п.).

«Традиционные» музеи в XX в. (и особенно в конце XX в.) трансформировались под влиянием «низовых» ожиданий. С начала XX в. развивалось (особенно в СССР и странах «народной демократии») экспонирование истории социальных классов и имевших четкую самоидентификацию профессиональных групп. В Западной Европе под влиянием энтузиазма, связанного с окончанием «холодной войны», появилась уверенность в том, что теперь люди смогут формировать свою жизнь свободно, без давления политических факторов. Убеждение в том, что происходит отказ от национально-политического восприятия истории и формируется история индивидов и составленных из индивидов групп, объединенных общими ценностями, нашло выражение в музейных экспозициях, ориентированных на репрезентацию исторического значения социальных условий, традиций, профессиональной деятельности и образа жизни этих групп. В них получила освещение гендерная проблематика, представляемая как элемент образа жизни и один из строительных блоков личности [Liddiard, 1996. P. 163–174], другие явления, демонстрирующие набирающий силу процесс становления в конце XX в. форм идентичности, альтернативных и дополнительных по отношению к национальным, социальным, гражданским.

Инициативы музейные и производные от них (выставление в Интернете частных коллекций и др.) выполняют «критическую» функцию исторического мышления (Ф. Ницше), одна из целей которой — пересмотр видения истории с позиций социальных групп, до тех пор игнорируемых, недооцененных или потерпевших. Примерами этого являются экспозиции и выставки, демонстрирующие научную, экономическую, творческую активность женщин [Higonnet, 1994, P. 250–264; Carnegie, 1996. P. 54–65] или индивидуальные предпочтения обычных людей, которые таким образом могут найти свои исторические основания [Walsh, 1992. P. 45–46]. С 1990-х гг. в странах Центральной и Восточной Европы ностальгические экспозиции и выставки (часто организуемые с помощью частных инициатив) репрезентируют «коммунистическую» картину мира и повседневность недавнего прошлого; это — свидетельство зависимости форм музеев, выставок, частных коллекций от социального запроса.

Во второй половине XX в. изменился экономический контекст функционирования музеев, особенно в Европе, где неолиберальная идеология преуспела в призывах отказаться от государственной поддержки организаций, занимавшихся вопросами образования и просвещения в национальном и историческом ключе, раньше считавшимися существенными. Музеи, как и другие учреждения культуры, мотивировались на самофинансирование за счет оптимизации своих предложений обществу. На практике это привело к конкуренции с развлекательными заведениями и к постепенному уменьшению дистанции между ними [Walsh, 1992. P. 45–46]. Предоставленные сами себе на «свободном рынке» таких услуг,

музеи были обречены повторить исторический круг и вновь уподобиться далекому предшественнику — ярмарочному балагану с диковинками, но (к счастью и к несчастью одновременно) начало XXI в. развеяло иллюзию о конце истории. Террористические акты и войны напомнили о важности цивилизаций и религиозно-этнических общин, составляющих их основу. Эра государств и эпоха народов не закончились, а это означает, что по-прежнему существует необходимость в социальном образовании и его инструментах, одним из которых являются музеи.

Библиография

Музееведение. Музеи исторического профиля / Под ред. К.Г. Левыкина, В. Хербста. М.: Высш. шк., 1988. 431 с.

Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. Минск: Харвест, 2003. 384 с.

Bennett T. The Birth of the Museum. History, Theory, Politics, London, New York, 2009. P. 17–58.

Carnegie E. Trying To Be an Honest Woman: Making Women's Histories // Kavanagh G., ed. Making histories in museums. New York, 1996. P. 54–65.

Duncan C. Civilizing Rituals Inside Public Art Museums. New York, 2006. P. 8–11.

Higonnet A. A New Center: The National Museum of Women in the Arts // Sherman D.J., Rogoff I., ed. Museum Culture, Histories, Discourses Spectacles. London, 1994. P. 250–264.

Hoffmann D. The German Art Museum and the History of the Nation // Sherman D.J., Rogoff I., ed. Museum Culture, Histories, Discourses Spectacles. London, 1994. P. 7–21.

Liddiard M. Making Histories of Sexuality // Kavanagh G., ed. Making histories in museums. New York, 1996. P. 163–174.

Walsh K. The representation of the past: museums and heritage in the post-modern world. New York, 1992.

УДК 069.01; 069.4; 061.4; 93

Н.И. Быстрицкий, N. Bystritskiy

ИСТОРИЧЕСКАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ В МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОЙ ПРАКТИКЕ¹

Historical Visualization in Museum and Exhibition Practice

Аннотация: в статье дается определение исторической визуализации как важного элемента современной музейной коммуникации, рассматриваются ее роль и значение в процессе информационного обеспечения исторической науки.

¹ Исследование подготовлено в рамках работы по проекту, поддержанному Российским научным фондом (соглашение № 14–28–00213 от 15 августа 2014 г.).

Отмечены значительные возможности исторической визуализации в деле усиления исследовательского потенциала и привлечения широкой аудитории к знакомству с историей. Рассмотрены перспективные для реализации в музейно-выставочной практике формы цифровой исторической визуализации.

Abstract: In this paper defines historical visualization as an important element of modern museum communication, considered its role and importance in the process of information provision historical science. It is noted a significant capabilities of historical visualization to enhance research capacity and engage a wide audience towards history knowledge. Promising forms of digital historical visualization are considered, which are relevant to the realization of a museum exhibition practice

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, историческая и научная визуализация, цифровая история, визуальная культура, качество визуализации, музей, музейная коммуникация, выставочная деятельность.

Keywords: historical science, museology, historical visualization, scientific visualization, Digital History, visual culture, visualization quality, museum, museum communication, exhibition activities.

Жизнь современного человека невозможно представить без средств визуальной культуры: фотографий, плакатов и афиш, графических объявлений и диаграмм, кино и телевидения, Интернета. Как отмечают специалисты, ключевая особенность современного общества — количественный и качественный рост применения технологий визуализации [Белуосова, 2007; Ткаченко, 2013]. Ведущая роль в формировании и демонстрации обществу новых социальных достижений принадлежит средствам массовой коммуникации, основная масса которых сегодня является визуальными. По нашему мнению, широкое использование визуальных методов для представления общественно значимой информации становится стимулом для их применения в распространении и популяризации исторических научных знаний.

Музеи можно назвать хранителями истории. В музейных экспозициях демонстрируются всем желающим реальные предметы из ушедших эпох, из жизни выдающихся людей, частицы теперь уже нереального мира. Однако не только сами предметы могут повествовать нам о былом, но и их визуальные образы (живописные, графические, фото- и, наконец, цифровые), как наглядные источники сведений о совершившихся, но не потерявших своей ценности событиях.

В последние годы под влиянием визуальных цифровых технологий происходит трансформация музеев из собраний «безжизненных» экспонатов в современное пространство глобальной культурной и научной коммуникации. Музейная работа теперь заключается в постоянном поиске новых актуальных форм и методов взаимодействия с посетителями, синергии развлечения и образования, которые позволят привлечь и заинтересовать массовую аудиторию, в том числе молодежную и детскую, возвращенную на современных технологиях коммуникации [Csikszentmi-

halyi, 1995; Hooper-Greenhill, 2007]. Если молодым понравится в музее, они будут приходить сюда снова и снова и приведут за собой своих друзей и взрослых. Следует иметь в виду, что современных молодых людей трудно привлечь статичными экспонатами, так как их с рождения окружают «живые» игрушки — компьютерные игры и интеллектуальные гаджеты, они имеют доступ к информации в Интернете. Чтобы быть востребованным сегодняшним и завтрашним поколениями посетителей, музей должен предлагать увлекательные формы коммуникации, основанные на современных технологиях визуализации [Bautista, 2013]. О них и пойдет речь в настоящей статье.

Попытки визуализировать знания об окружающем мире предпринимались уже древним человеком. Простейшим доступным ему средством визуализации был рисунок, о чем свидетельствуют сохранившиеся композиции наскальных рисунков в пещерах о. Сулавеси (Индонезия), Альтамира (Испания), Шове (Франция) и многих других. Древние философы считали зрение началом знания. На приоритет зрения для человеческого восприятия позднее указывал, в частности, Леонардо да Винчи [Зубов, 1962. С. 156—159]. Несомненную важность визуального восприятия отмечают многие современные исследователи [Ананьев, 1960. С. 98; Грегори, 1970. С. 10]. Да и в народной мудрости глаз является мерилем истины: «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», «не верь чужим речам, верь своим очам».

Такое отношение к визуальным образам объясняется высокой информативностью изображений по сравнению с другими способами коммуникации, воспользоваться которыми позволяют нам средства визуализации. В общем смысле *визуализация* (от лат. *visualis* — зрительный) — это действия по представлению информации и знаний в форме, ориентированной на зрительное восприятие. Ее целью является представление *ad oculos* информации в структурно ясной, легко усваиваемой форме.

По динамическим и перцептивным характеристикам визуализацию можно классифицировать по нескольким видам: 1) статическая, т. е. представление не меняющихся, неподвижных изображений (*рисунок, графика, чертеж*); 2) динамическая, т. е. демонстрация подвижных и меняющихся во времени изображений, позволяющих изучать явления действительности в их движении и развитии (*кино, видео, мультипликация, мультимедиа*); 3) интерактивная (диалоговая), т. е. динамическая, при которой осуществляется взаимодействие с пользователем и учитывается его реакция. Интерактивные экспозиции предпочтительны для тем, о которых вербально рассказать сложно, а также тогда, когда для вовлечения пользователей важно обеспечивать отклик на их действия (*интерактивное видео, мультимедиа*); 4) иммерсионная, т. е. обеспечивающая такое взаимодействие с пользователем, которое переносит («погружает») его в другой мир, иную (не существующую в настоящий

момент) реальность [Грау, 2013]. Позволяет прочувствовать моделируемую ситуацию через сопереживание, примеривание ситуации к себе, дает возможность чувственно оценить происходящее (*технологии виртуальной (ВР) и дополненной (ДР) реальности*).

Было бы естественным применить визуальные средства для совершенствования научных изысканий. Первые серьезные попытки на этом пути осуществились в Новое время посредством простого отражения функциональных зависимостей в виде графиков и диаграмм. Тем не менее научная визуализация является относительно молодой дисциплиной, зарождение которой произошло лишь во второй половине 1980-х гг. Конвергенция последних достижений нейропсихологии в области восприятия, художественной культуры в направлении графического дизайна и возможностей вычислительной техники в области машинной графики привела к формированию этой мультидисциплинарной области.

Научная визуализация — это представление в визуальной форме данных и результатов научных исследований. Исходя из конечных ее целей можно выделить две разновидности: *научно-исследовательская визуализация* — четко представляет текущие данные исследования в форме, наиболее удобной для их понимания исследователем, проведения их анализа и оценки, а также для коммуникации ученых; *научно-образовательная (научно-популярная) визуализация* — доступно и наглядно иллюстрирует результаты исследования (текущее состояние знаний в этой области) определенной аудитории с целью распространения и популяризации знаний, просвещения.

Сегодня научную визуализацию применяют во множестве научных областей: в физике и химии, медицинских и биологических исследованиях, геологии и метеорологии, социологии и истории, других областях. Особенно эффективно методы этой визуализации используются для постижения явлений, восприятие которых затруднено или невозможно вследствие ограничений органов чувств (сверхбыстрые, а также медленно протекающие процессы; микро- или гигантские объекты — структура ДНК или строение галактики). Она актуальна и для представления изначально не зрительной информации в наглядном виде (например, для изображения распределения плотности населения, температуры, географии археологических находок и т. п.).

Одним из отделов научной визуализации является *историческая визуализация* — деятельность по представлению исторических сведений и знаний в визуальной форме. Следовательно, историческая визуализация является одним из элементов информационного обеспечения исторической науки [Воронцова, 2013]. Средства исторической визуализации дают возможность просто, быстро и красиво показывать сложные исторические процессы, что позволяет усилить исследовательский потенциал и, главное, сделать знакомство с историей интересным для широкой ауди-

тории, даже для тех, кто этим не увлекается. Они могут придать экспозиции впечатляющую наглядность и запоминаемость. Разнообразные формы цифровой исторической визуализации позволяют доступно продемонстрировать важнейшие исторические характеристики: развитие давно ушедших явлений, их географию и динамику во времени; содержание длительных исторических периодов; внешний облик людей; взаимодействие людей; документы и артефакты эпохи.

Формы исторической визуализации можно сгруппировать согласно составляющей ее основу характеристике: действующие лица истории, артефакты, документы (источники), время, пространство, явления, связи.

Современные направления объемной визуализации при помощи компьютерной анимации позволяют по-новому увидеть изучаемые исторические процессы и явления и, в конечном счете, лучше понять их [Staley, 2013]. В этой связи подробнее остановимся на рассмотрении перспективных форм цифровой исторической визуализации, актуальных для реализации в музейно-выставочной практике.

Антропологическая реконструкция — научная реконструкция внешнего облика людей в виде компьютерной трехмерной модели. Это — самостоятельная область антропологии, научные методы которой позволяют воспроизвести реальный облик некогда существовавшего человека, оживляя малопонятный неспециалисту костный материал; в результате историческое лицо делается более близким и понятным. Может выполняться как сканированием уже выполненных физических реконструкций, так и созданием новых изображений в специализированном ПО. Существует возможность с помощью 3D-печати на основе модели изготовить физическую копию.

Модели артефактов — трехмерные копии или реконструкции различных исторических предметов и археологических находок, позволяющие более глубоко разглядеть предмет, его форму, состав и назначение, с помощью неразрушающих средств исследования открыть новые (скрытые) характеристики или восстановить утраченные и несуществующие элементы. На основе такой модели с помощью 3D-печати тоже можно изготовить макет предмета для экспонирования.

Архитектурная реконструкция — научная реконструкция памятников архитектуры в виде компьютерной трехмерной модели с высоким уровнем эстетической и исторической достоверности. Такая реконструкция особенно актуальна для воспроизводства облика уже не существующих (утраченных) объектов. Она проводится на основе фотографий, публикаций и исследований, других данных (упоминания в документах, рисунки, сохранившиеся аналогичные объекты, археологические находки, обмеры и пр.). Полученная в ходе реконструкции модель может использоваться исследователями с применением иммерсионных технологий виртуальной и дополненной реальности с целью всестороннего об-

следования объекта. На основе реконструкции с помощью 3D-печати можно изготовить макет (уменьшенную копию) архитектурного объекта, пригодный для экспонирования.

Представление документов — наглядная демонстрация исторических источников, способствующая изучению и пониманию содержащихся в них сведений. Интерактивные (виртуальные) книги и библиотеки создают легко читаемое воспроизведение текста источника, а яркая анимация со звуковым сопровождением помогает улучшить восприятие его текста. Поэтому пользователи желают снова и снова полистать магические мультимедийные страницы.

Хронолента (лента времени) отображает разворачивание явлений во времени путем расположения событий на оси (ленте) времени в хронологической последовательности. Она позволяет наблюдать временные и причинно-следственные взаимосвязи между событиями. Лента времени незаменима для демонстрации длительных процессов, и не обязательно только историко-политических — темами хроноленты могут быть развитие искусств, музыки, науки, транспорта, географии, литературы, жизнеописания известных личностей или целого рода. Иллюстрацией событий на ленте служат красочные описания, цифровые изображения и видео. Хронолента значительно облегчает запоминание материала, так как все исторические события представлены на ней наглядно и последовательно. Таким образом, она может служить хронологической основой компендиума исторических знаний.

«Живая» карта — наглядное представление исторической пространственной информации в виде динамически меняющейся карты. В экспозиции с помощью таких средств возможно осуществить увлекательную демонстрацию различных явлений прошлого в реальной географической среде: заселение и освоение территорий, образование и развитие государств, ход сражений и войн. Динамичность изображения усиливает интерес к истории и общее понимание развития исторических процессов в пространстве и времени. Обычно карта имеет интерактивный интерфейс, который позволяет пользователю управлять ее содержимым, т. е. перемещаться по карте, выбирать группы отображаемых объектов, получать более подробную информацию по интересующему объекту. «Живые» карты выполняются с применением технологий компьютерной анимации, географических информационных систем (ГИС) или географических сервисов в сети Интернет.

Реконструкция процессов — достоверное воспроизведение конкретных исторических явлений с помощью технологий компьютерной анимации. Позволяет живописно реконструировать реалии произошедшего во всех подробностях. Особенно наглядной получается реконструкция военных сражений. Эффективна в сочетании с иммерсионными технологиями виртуальной и дополненной реальности. Благодаря ей становится

возможным восстановить утраченные детали, глубоко и детально проследить развитие процесса, оказаться в «гуще происходивших событий» и прочувствовать суть прошлого.

Сети и генеалогические деревья — отображение взаимосвязей/взаимодействий между объектами. Объектами могут выступать исторические лица, артефакты, документы, события и процессы, понятия, свойства. Эта форма исторической визуализации, пока еще малоиспользуемая, предоставляет широкие возможности для выявления всевозможных, порой неявных, отношений между объектами, их действий и взаимодействий, структуры и иерархии, связи и развитие идей.

Существуют также универсальные формы визуализации.

Викторины и игры — интеллектуальные состязания и активные познавательные компьютерные игры. Они обеспечивают ознакомление с историческими реалиями в увлекательной, захватывающей форме. Образовательная ценность викторины заключается в ее познавательной содержательности, подкрепленной сильной увлекательной мотивацией. Компьютерные игры обладают особенной привлекательностью и мощным азартным стимулом, так как основаны на драматических принципах, а их иммерсионность, поддерживаемая средствами виртуальной реальности, готова целиком погрузить пользователя в мир прошлого. При правильной организации игры стимулируют быстрое освоение исторического материала и рост творческого потенциала пользователя.

Виртуальный тур — иммерсионное приложение, создающее реалистичные объемные отображения визуализируемых объектов или экспозиционных помещений и обеспечивающее легкую навигацию. Как правило, в виртуальный тур включают трехмерные реконструкции или обыкновенные сферические фотографии. Серия таких сферических панорам соединяется между собой интерактивными ссылками-переходами (хотспотами). На изображении панорам располагаются метки, графически оформленные клавиши управления, поясняющие надписи, всплывающие информационные окна и пр. Виртуальный тур создает захватывающие и запоминающиеся образы для получения наиболее полной информации об экспонируемых объектах.

Ввиду мультидисциплинарного характера только благодаря совместным действиям профессионалов из различных областей может быть достигнута действительно качественная визуализация. Нам видится, что можно выделить четыре базовых ее элемента: экспозиционная деятельность, наука, дизайн, разработка визуальных средств. У каждого элемента — свои функции, элементы гармонично дополняют друг друга. Музейные сотрудники определяют общую концепцию, тематику и состав, целевую аудиторию визуальных средств; научные консультанты предоставляют факты и достоверные описания, проводят верификацию визуализации; дизайнеры вписывают ее в пространство экспозиции, опре-

деляют оптимальные формы и цветовые решения визуализации; разработчики производят выбор необходимых для информационного обеспечения технологий и оборудования. Только слаженное взаимодействие внутри такой команды обеспечивает успех визуализации.

Ключевым звеном здесь является сотрудничество музея с учеными-историками. Важно, чтобы визуализация не содержала неточностей и ошибок и в итоге не оказалась профанацией. В погоне за привлекательностью экспозиционных средств не следует опираться на псевдонаучные сведения (непроверенные гипотезы, тенденциозные и ангажированные представления, исторические анекдоты, слухи и домыслы, художественные и публицистические произведения).

Особенно активную роль в современных медиа стала играть такая относительно новая сфера деятельности, как публичная история (public history), цель которой — адаптировать исторические сведения под нужды массовой культуры. Однако массовая культура сегодня является рассадником ложных представлений и мифов об исторической действительности. Кино и сериалы, театральные постановки и реконструкции, исторические романы и публикации в развлекательных СМИ, содержание компьютерных и видеоигр предлагают своим потребителям вымышленную реальность. Создатели и проводники этих «шедевров», не задумываясь, безответственно несут ложь и досужие домыслы в сознание миллионов. Чтобы избежать «блогеризации» музейного и образовательного пространства и его заполнения псевдознаниями, при проектировании визуальных решений на всех уровнях следует широко привлекать академическое сообщество.

Подводя итог, отметим, что использование рассмотренных нами современных цифровых средств визуализации не ставит целью подменять экспонаты, напротив, их задача — гармонично вписаться в экспозицию для наиболее адекватного выполнения музеем образовательной функции и усиления общей привлекательности экспозиции для посетителей.

Библиография

Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания / Акад. пед. наук РСФСР. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960.

Белюсова Н.А., Кимеева Т.И. Формирование инновационных моделей музейной коммуникации в музеях высшей школы Западной Сибири // Известия Алтайского гос. ун-та. Барнаул, 2007. № 4–5. С. 19–23.

Воронцова Е.А., Гарскова И.М. Информационное обеспечение российской исторической науки в информационном обществе: современное состояние и перспективы // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 5 (17). С. 487–505. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9811. 493.

Грау О. Эмоции и иммерсия: ключевые элементы визуальных исследований. СПб.: Эйдос, 2013.

Грегори Р.Л. Глаз и мозг: психология зрительного восприятия. М.: Прогресс, 1970.

Зубов В.П. Леонардо да Винчи (1452–1519). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Ткаченко О.Н., Красноярова Д.К. Креативная основа визуальной коммуникации // Омский научный вестник. 2013. № 5 (122). С. 265–267.

Bautista S.S. Museums in the Digital Age: Changing Meanings of Place, Community and Culture. Lanham, MD: AltaMira Press, 2013.

Csikszentmihalyi M. Intrinsic Motivation in Museums: Why Does One Want to Learn? // Public Institutions for Personal Learning: Establishing a Research Agenda. Ed. by J. Falk, L. Dierking. Washington, DC: American Association of Museums, 1995. P. 67–77.

Hooper-Greenhill E. Museums and Education: Purpose, Pedagogy, Performance. London: Routledge, 2007.

Staley D.J. Computers, Visualization, and History: How New Technology Will Transform Our Understanding of the Past. London: Routledge, 2013.

УДК 069; 930

Ю.Э. Комлев, У. Е. Комлев

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ МУЗЕЯ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА: КОММУНИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Museum Informational Resources in Historical and Cultural Fields of a Region: Communication Aspects

Аннотация: обращение автора к проблеме музейной коммуникации в историко-культурном пространстве региона продиктовано ее актуальностью. В статье она рассмотрена как процесс представления и «потребления» информации, а выявление ее целевых субъектов — как способ эффективного развития информационных ресурсов музея, которые создаются планомерно в течение многих лет и преобразуются в систему на основе сложившихся музейных традиций и практик. В качестве примера целенаправленного формирования музеем информационных ресурсов в историко-культурном пространстве региона приведен опыт по организации Оренбургским губернаторским историко-краеведческим музеем коммуникационного взаимодействия для реализации такого проекта, как музейно-выставочный комплекс «Салют, Победа!» (в рамках общероссийской и областной программ по подготовке к празднованию 60-летия Победы в Великой Отечественной войне).

Abstract: The author's appeal to the problem of communication in museum historical and cultural field of a region is determined by its relevance. In the article it is considered as a process of providing and «consumption» of information and identification of its target subjects, as a way of effective development of informational resources of the museum, that have been created systematically for many years, and that are converted into a system based on museum existing traditions and com-

mon practices. As an example of purposeful development of informational resources by museum in historical and cultural fields of a region is provided experience of organization by Orenburg governor a local history Museum communication interaction for the implementation of such a project as a museum and exhibition complex «Salute, Victory!» (within a framework of national and regional programs of preparation for celebration of 60th anniversary of Victory in the Great Patriotic War).

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, культура, историко-культурное пространство, музей, музейная коммуникация, музейные практики, информационный ресурс, Оренбургская область, музейно-выставочный комплекс «Салют, Победа!».

Keywords: historical science, museology, culture, historical and cultural fields, museum, museum communication, museum common practices, information resources, Orenburg region, museum and exhibition complex «Salut, Victory!».

Возникновение и развитие культуры необходимо рассматривать на основе трансляции человеческого опыта от одного поколения к другому, которая обусловлена потребностью в сохранении единства человеческого рода как основного условия его выживания. М.А. Ариарский отмечает, что специфика культуры проявляется в том, что в ней параллельно происходят два взаимосвязанных процесса: создание духовных и материальных ценностей и передача накопленного национально-культурного богатства от одного поколения к другому [Ариарский, 1999. С. 530]. По мнению С.Н. Иконниковой, каждое поколение начинает свой жизненный путь с освоения культуры прошлого, включая коллективный и индивидуальный исторический опыт, ценности и достижения, составляющие духовное и материальное богатство общества [Иконникова, 2001. С. 41]. В работах и выступлениях М.А. Ариарского, Г.М. Бирженюка, С.Н. Иконниковой, Т.Г. Киселевой, М.П. Переверзева достаточно полно рассмотрены вопросы о сущности и структуре социально-культурной сферы [Ариарский, 1999; Бирженюк, 1992; Иконникова, 2001; Киселева, 1995; Переверзев, 2007]. Эти ученые предлагают рассматривать культуру в двух смыслах: в широком — как способ бытия человека в качестве социального существа (в этом смысле культура образует материальную и духовную среду, способствующую формированию и возвышению человека); в узком («отраслевом») — как конкретную сферу жизни общества (сферу культуры), включающую сохранение и использование культурно-исторического наследия (музейное, библиотечное, архивное дело и т. д.), художественное образование и детское творчество, искусство, организацию досуга и развлечений, этнографические искусства и ремесла, а также деятельность, их обеспечивающую (экономику культуры, право, финансирование, управление, информацию, развитие материально-технической базы и т. п.) [Комлев, 2005].

Обращение к проблематике музейной коммуникации в историко-культурном пространстве региона продиктовано актуальностью исследования историко-культурного пространства в различных аспектах, прежде всего — в понятийно- категориальном [Комлев, 2015]. В последнее время термин «культурное пространство» используется в самых разных вариантах. Можно выделить следующие характеристики этого термина: пространство как способ протяженности (О. Шпенглер), пространство как распорядительная структура (Ж. Бодрийяр) [Бодрийяр, 1999], пространство как самоорганизующаяся система. Д.С. Лихачев в статье «Культура как целостная среда» дал следующее определение: «Под пространством я понимаю в данном случае не просто определенную географическую территорию, а прежде всего пространство среды, имеющее не только протяженность, но и глубину». Ученый считает, что «пространство культуры» представляет собой «нерасторжимое целое» и при утрате любой ее части непременно наступит общее падение культуры [Лихачев, 2000. С. 9–21].

Специфика историко-культурного пространства в отличие от находящихся в нем материальных объектов состоит в том, что его образ соединен и обусловлен определенными метафорами. Среди них, например, знания и возможности человека, которые дают представления о пространстве, являющиеся различными способами рационализации зрительных объектов, моторных ощущений и выражающие особенности миропонимания. Поэтому историко-культурное пространство, как и время, является важнейшей категорией. При исследовании историко-культурного пространства региона возможно основываться на подходах А. Моля, Ю.М. Лотмана, М.С. Кагана, С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова [Лотман, 1996; Иконникова, 2005. С. 35–55; Каган, 1993; Большаков, 2005. С. 6–8].

Анализ имеющегося историко-культурного опыта ученых по осмыслению категории «историко-культурное пространство» подвел автора данной статьи к следующему выводу: эта категория может быть представлена в разных теориях и концепциях, исторических и временных срезах (от архаических представлений пространства и времени до современных), она заключает в себе такие характеристики, как изменчивость, динамичность, многофункциональность, относительность и подвижность. Формируя историко-культурное пространство, человек осуществляет свой собственный способ видения мира. В свою очередь, пространство оказывает воздействие на человека — не только через создание внешних знаков / форм (архитектура, костюм, интерьер и т. д.), но и через изменение образа жизни, конструирование его нового облика. «Будучи живым существом, человек растет, функционирует, видит, как перед ним раскрывается пространство, неподвижные координаты которого пересекаются в нем самом» [Фуко, 1994].

Таким образом, именно в историко-культурном пространстве возможно сосуществование пластов истории и культуры современных и прошедшего времени. Оно рассматривается как действенный элемент культуры, которое выступает как органическое целое, составные части которого объединены общими историко-культурными ценностями.

Но современная свобода и слабая поддержка творческих процессов государством, децентрализация управления, демократизация культурных процессов, многообразие организационно-экономических и правовых форм культурной деятельности, самостоятельность организаций культуры, с одной стороны, а с другой — резкое снижение интереса граждан страны к традиционным образцам отечественной истории и культуры, а также их тяга к импортной продукции массовой культуры, упадок отечественного производства культурных благ и услуг способствуют развалу историко-культурного наследия и всех форм его организации, от сельского клуба до престижных киностудий, театров, телевизионных каналов, музеев, библиотек.

Все вышеперечисленные изменения в историко-культурном пространстве, сочетающие в себе культурологические, философские, искусствоведческие, педагогические, исторические, политические, экономические стороны и аспекты, невозможны без коммуникации.

Коммуникация (от лат. *communicatio*) — сложное, неоднозначное понятие. Одни авторы определяют ее как путь сообщения, связь одного места с другим; другие вкладывают в это понятие общение, передачу информации от человека к человеку [Курбатов, 1995]. Коммуникация представляет собой процесс взаимодействия между людьми, который включает в себя: развитие общества и общественных отношений; формирование и развитие личности; ее социализацию; социально-психологическую адаптацию людей; создание и развитие общественных способов их взаимодействия; обучение, передачу умений и навыков; обмен эмоциями; обмен деятельностью; обмен информацией; формирование отношения к себе, к другим людям и к обществу в целом. Коммуникации в историко-культурном пространстве обязательно протекают посредством какого-либо носителя; в его качестве могут выступать как конкретный исследователь, так и материальные объекты, логические конструкции, знаковые системы, речь, ментальные формы и др. Когда субъекты коммуникации не вступают в прямой контакт, коммуникация осуществляется посредством текста или другого носителя информации. Главная черта коммуникации — это обмен информацией между отправителем и получателем информации, а также наличие возможности для субъекта понять ту информацию, которую он получает.

На конференции Международного совета музеев в Барселоне в 2001 г. М. Кастельс в своем докладе выдвинул тезис о роли в современном обществе музея как «коммуникационного протокола» [Кастельс, 2001.

С. 2–10.]. Ученый увидел в музее надежду на преодоление прогнозируемого в XXI в. коммуникационного кризиса: в ситуации утраты общих культурных кодов и прогрессирующего в этой связи непонимания между индивидуумами, социальными группами, народами, конфессиями должны сохраниться островки стабильности, общепонятных и проверенных временем культурных кодов [Каулен, 2010. С. 16].

Интересно сравнить тезис М. Кастельса с идеями Н.Ф. Федорова, характеризовавшего музей как островок нравственности, который не может существовать вне вопроса памяти об отцах. Федоров подчеркивал: «Мы не преувеличим, конечно, если скажем, что музей как выражение всей души возвратит нам мир душевный, лад внутренний, даст нам радость, которую чувствует отец при возвращении блудного сына. Болезнь века и заключается именно в отрешении от прошлого, от общего дела всех поколений...» [Федоров, 1995. С. 21]. Таким образом, мысль М. Кастельса о высоком предназначении музея, способного стать «спасителем» человечества, оказывается созвучна взгляду на музей русского философа конца XIX — начала XX в.

Современные российские ученые, рассматривая коммуникативные традиции в истории, философии и культуре, называют коммуникацию системообразующим фактором развития общества и культуры [Филиппенко, 1996. С. 12]. Одним из феноменов сегодняшней истории и культуры можно назвать постепенную замену традиционных средств взаимодействия в историко-культурном пространстве новыми средствами коммуникации. На смену традиционным приходят современные способы взаимодействия зрителя и предметов истории, произведение искусства рассматривается как некое информационное послание или виртуальная репрезентация искусства. В современном обществе в качестве искусственных каналов широко используются радио, телевидение, Интернет.

Без преувеличения коммуникацию в культуре можно считать необходимым и всеобщим условием жизнедеятельности человека и одной из фундаментальных основ существования общества. Общество — не столько совокупность индивидов, сколько те связи и отношения, в которых данные индивиды находятся друг с другом. Во многом именно этим объясняется пристальный интерес к современному коммуникационному процессу в сфере культуры со стороны представителей разных научных направлений, и в первую очередь историков, культурологов, менеджеров [Большаков, 2005; Зайцева, 2000; Кнышова, 2005].

Р.О. Якобсон выделил в коммуникации шесть основных факторов: контекст, сообщение, адресат, адресат, контакт, код [Якобсон, 1975. С. 198]. У каждого из них — особые функции (контактная; инструментальная; интегративная; самовыражения, или понимания; трансляционная; оказания влияния; информативная; эмотивная; статусопределяющая), ни одна из которых не является приоритетной по отношению к другой. Рассмотрим их применительно к музею (*см. табл. 1*).

Таблица 1

Наименования функций	Описания функций
Контактная	Заключается в установлении контакта между посетителем (в т. ч. историком) и музейным сотрудником, обоюдной готовности к приему и передаче сообщений и поддержанию взаимосвязи в процессе общения
Инструментальная	Характеризует музейную коммуникацию как социальный механизм управления и передачи информации (отправитель-получатель)
Интегративная	Раскрывает музейную коммуникацию как средство объединения людей в пространстве музея
Самовыражения, или понимания	Определяет коммуникацию как форму взаимопонимания психологического контекста отправителем и получателем информации
Трансляционная	Служит для передачи конкретных способов коммуникационной деятельности музея (экскурсия, игра и т. д.)
Оказания влияния	Заключается в изменении состояния, поведения, личностно-смыслового образования потребителя музейных услуг
Информативная	Предполагает обмен сообщениями между представителем музея и посетителем в процессе восприятия экспозиции и принятия творческих решений
Эмотивная	Обеспечивает пробуждение интереса и эмоциональных переживаний у потребителя музейных услуг, а также изменение форм музейного взаимодействия на основе его пожеланий
Статусоопределяющая	Предполагает выполнение ожидаемой коммуникации сотрудником музея, демонстрацию им знания (музееведческого, искусствоведческого, краеведческого и т. п.)

Проанализировав представленные в *табл. 1* функции коммуникации в их приложении к музею, можно сделать вывод о том, что музейная коммуникация в историко-культурном пространстве — это все действующие связи и отношения между людьми, представляющими элементы системы в коммуникационной среде.

Коммуникация в современных условиях является основой жизнеобеспечения каждого учреждения культуры, в том числе и музея. С каждым годом музей все более естественно воспринимается как часть историко-культурного пространства, в которое включены его уникальные экспонаты, а также субъекты историко-культурного процесса — исследователи (в т. ч. историки), музейные работники, посетители музеев.

Музей как социальный институт, как система устойчивых форм организации совместной деятельности людей, выполняющих социально значимые функции, предстает и как совокупность социально-культурных ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенных социально-культурных потребностей общества, способствует воспитанию ценностей и вкусов, образованию и творческой деятельности. Музей — одно из немногих мест, где можно осознать свою индивидуальность по отношению к внешнему миру и откуда можно выйти с открывшимся или новым «я» [Дукельский, 2007. С. 8]. Это — идентифицирующее и социализирующее культурное пространство, в котором каждый человек может воспользоваться «услугой» в виде особым образом организованной информации (выставки, экспозиции и т. д.), чтобы получить или уточнить представление о своей принадлежности к той или иной системе ценностей, культуре, социальной группе. Музей — пространство воздействия друг на друга носителей разных систем знаний, идеалов, ценностей, устремлений и, как следствие, обретения чувства общности с себе подобными и осознания своей индивидуальности и непохожести на других.

Соответственно, музейная коммуникация — это представление информации, знаний, интеллектуальной собственности, обмен ими, а также процесс общения посетителя с памятниками истории и культуры, сохраняемыми музеем. Залог успешности этого процесса — как способность посетителя понимать «язык» музейных предметов, информацию, получаемую в музее или с его помощью, так и способность музейных сотрудников создать необходимые для этого условия. Она может быть определена и как специфическое отношение, при котором участники коммуникации посредством знаков или их систем взаимно влияют друг на друга как внутри, так и вне музея. Виды и уровни музейной коммуникации представлены на *рис. 1*.

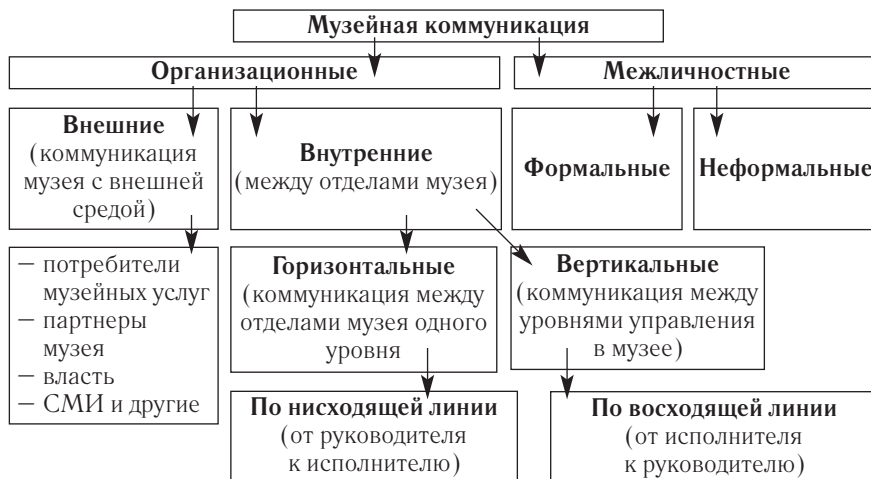

Рис. 1. Виды и уровни музейной коммуникации

Таблица 2

**Типология субъектов музейной коммуникации
и условия их взаимодействия**

Группы субъектов музейной коммуникации	Цели и задачи взаимодействия субъектов музейной коммуникации
Органы власти разных уровней (местное самоуправление, министерства и т. д.)	Привлечение внимания к музею и культуре в целом. Являются учредителями музеев. Осуществляют контроль за их деятельностью
Реальные посетители и потребители музейных услуг	Повышение посещаемости, расширение возможностей для общения с музеем и включенности в музейную жизнь
Туристы (организованные, одиночные)	Увеличение потока туристов, повышение привлекательности региона
Средства массовой информации (СМИ)	Взаимодействие при продвижении музейного продукта, услуг. Освещение жизнедеятельности музея, в т. ч. путем предоставления музеями представителям СМИ необходимой информации
Творческие организации, объединения	Организация совместных проектов, программ, конкурсов
Благотворительные, общественные организации	Совместная работа по повышению уровня социально-культурной жизни города, региона
Спонсоры (юридические и физические лица)	Поддержка с целью развития музейной деятельности
Посредники (юридические и физические лица)	Предложения по организации выставок, мероприятий
Партнеры (галереи, музеи, выставки)	Предложения по сотрудничеству, обмену информацией, взаимодействие
Образовательные учреждения	Взаимодействие в образовательно-воспитательном процессе, в т. ч. в процессе подготовки кадров для работы в музейной сфере; обмен информацией

Выявление целевых субъектов музейной коммуникации позволяет более эффективно развивать информационные ресурсы музея, которые представляют собой сложную систему внутренних информационных продуктов и носителей музейной информации, поступивших или созданных музеем в результате информационного обмена с внешней средой и общения результатом музейной работы. Такими ресурсами являются все вещественные и документальные материалы, которые собираются, описываются и сохраняются, а также выставки, экспозиции, демонстрацион-

ные и иные «продукты», создаваемые для разных категорий потребителей музейных услуг. По типам и видам они могут быть разделены на предметы материальной культуры (вещественные источники), документы (письменные источники) и произведения искусства (изобразительные источники).

Многие музеи обладают обширными архивными фондами, которые имеют большое значение для практических целей коммуникации музея с субъектами этого процесса. В них можно найти любопытные подробности тех или иных исторических событий, эпох, биографий конкретных персоналий. Однако поиски в музейных архивах — дело трудоемкое, требующее специальных знаний, методик архивирования. В последние годы от музея требуют всю информацию переводить в электронный вид при помощи специализированных музейных операторов. Оптимальное архивирование информации путем создания электронных информационных ресурсов — актуальная, но технологически сложная задача, стоящая перед современным музеем.

Информационные ресурсы в музее, как ни в каком другом учреждении, создаются планомерно в течение многих лет и преобразуются в систему на основе сложившихся музейных традиций и практик. К основным принципам их формирования и развития можно отнести: наличие утвержденной программы управления системой комплектования музейных фондов; применение единой методологии и общего коммуникационного алгоритма работы с информационными потоками и ресурсами во всех подразделениях музея; разработку и принятие пакета необходимых практических правил, регламентов и музейных норм; согласование музейной идеологии действующей системы развития информационных ресурсов музея с принципами его информационной среды (государственными, отраслевыми, профессиональными, общественными и информационными системами) для обеспечения возможности межмузейного информационного обмена и интеграции. Созданная на основе этих принципов коммуникационная музейная система станет более эффективной по отношению к окружающей информационной среде историко-культурного пространства, способной адекватно отвечать на ее запросы, вступать в диалог.

Как отмечал Н.Ф. Федоров за много десятилетий до возникновения коммуникационного подхода в музееведении, сущность музея составляет процесс человеческого общения, «собор лиц» [Федоров, 1995. С. 17]. Современное музееведение, восприняв эту идею, рассматривает музей как институт для передачи исторического и социального опыта поколений, образующих в совокупности живую нить истории, движения человечества в пространстве и времени, для репрезентации посредством коммуникации культурного опыта в ситуации погружения в предметный мир, через который становится зримым и универсал культуры. Наполненное подобным содержанием пространство музея представляет собой поле для научных экспериментов, творческого поиска лучшего способа

достижения взаимопонимания и преодоления межкультурных барьеров [Кавецкая, 2010. С. 21].

Сегодня очень важно понимать, кто приходит в музей, для кого он работает и кого хочет получить в качестве потенциальных потребителей своей специфической и высокоценной услуги [Васильев, 2005. С. 13; Тельчаров, 2005]. Музей предоставляет разным их категориям комплекс услуг не примитивного потребительского характера, а высокого духовного уровня (культурно-образовательного, воспитательного, обучающего и т. д.). Здесь можно не просто получить информацию, но и пообщаться с людьми, приблизить себя к истории, прежде всего своего отечества. Так, историю и процессы, в ней происходившие, музеи документируют, сохраняют и транслируют (передают), используя современные методики и технические возможности при подготовке музейных экспозиций и выставок, проводя интервью по различным вопросам и выявляя спектр оценок событий и явлений прошлого. Подобные документальные материалы хранятся в музеях как исторические источники, включаются в контекст музейных текстов (экспозиций, выставок), используются как средства музейной коммуникации.

В качестве примера целенаправленного формирования музеем информационных ресурсов в историко-культурном пространстве региона приведем опыт по организации Оренбургским губернаторским историко-краеведческим музеем коммуникационного взаимодействия для реализации уникального проекта — музейно-выставочного комплекса «Салют, Победа!» (в рамках общероссийской и областной программ по подготовке к празднованию 60-летия Победы в Великой Отечественной войне). Автор статьи в составе рабочей группы историков, музейных работников, ветеранов под руководством директора вышеназванного музея Н.А. Ереминой участвовал в течение полутора лет в опытно-экспериментальной работе по созданию этого комплекса, первоначально объединившего более 70 образцов военной и мирной техники.

Его сооружение стало «народной стройкой»: в ней приняли участие промышленные и сельскохозяйственные предприятия, трудовые коллективы отчисляли в фонд стройки однодневный заработок, были подключены архитекторы и коммунальные службы, изыскана спонсорская поддержка. Правительство области через Минобороны России проработало все возможные варианты доставки техники для будущей экспозиции, максимально использовались местные резервы. Открытие комплекса стало значительным событием в жизни города и области и важным этапом в развитии музея, способствовало восстановлению исторической правды и сохранению памяти о величии нашей Победы, активизировало музейно-образовательную деятельность в этом направлении.

До недавнего времени в Оренбурге не было стационарной экспозиции по истории XX в. и, соответственно, Великой Отечественной войны

1941—1945 гг.: она ежегодно представлялась музеями в различных выставочных вариантах. Нехватка экспозиционных площадей сказывалась на работе музеев по патриотическому воспитанию. Учитывая всемирно-историческое значение победы над фашизмом, губернаторский музей предложил проект по созданию в историческом центре Оренбурга выставочного комплекса с исторической экспозицией под открытым небом, который изначально задумывался как центр военно-патриотического воспитания и популяризации научных знаний в области военной истории края. Его концепция разрабатывалась губернаторским музеем (авторы Н.А. Еремина, Н.М. Пляшешник) под научным руководством Центрального музея Вооруженных Сил (Москва). Комплекс, созданный на базе городского сада им. Фрунзе (общая площадь 4,5 га), включил подлинные памятники военной истории, главным образом образцы боевой техники периода войны, размещенные по тематическому принципу (по важнейшим событиям и сражениям: Московской, Сталинградской, Курской битвам, форсированию Днепра и Победе советского народа в священной войне над фашизмом). Секторы и экспозиционные площадки располагаются в соответствии с принятым планировочным (строго геометрическим) решением и с учетом ландшафта парка. В составе экспозиции есть композиции, моделирующие то время и воссоздающие военную обстановку: условные развалины Сталинграда, уголок мирного довоенного сада, оборонительные инженерно-фортификационные сооружения (окопы, фрагмент переправы, блиндаж, траншея и противотанковые ежи). Прослежены также боевые пути 15 дивизий, сформированных на Оренбургской земле из жителей городов и сел области. Экспозиция оказалась эмоционально насыщенной, эстетически и информационно выдержанной.

Парковую экспозицию ориентировали прежде всего на разные категории детей и молодежи, однако взрослые (гости города, коллективы предприятий и организаций, отмечающие свои юбилеи, ветераны, слушатели курсов повышения квалификации и многие другие) также проявили к ней большой интерес. Разнообразие объектов осмотра позволяет проводить в парке достаточно много времени и посещать его неоднократно. Любой посетитель может самостоятельно знакомиться с экспозицией, опираясь на собственные знания, опыт и воспоминания, и при этом получить новую информацию и новые впечатления. При построении экспозиции учитывалось, что одиночные посетители — основная категория посетителей парка, поэтому в начале каждого сектора установлены гранитные глыбы с информацией о его теме (с названием и датами битв), отдельно размещены тексты о дивизиях, участвовавших в той или иной битве, везде даны сопроводительные тексты. Все образцы боевой техники имеют этикетки с подробными тактико-техническими характеристиками. Применение разнообразных способов донесения до посетителя исторической информации, ее ненавязчивый характер облегчают ее восприятие.

После открытия экспозиции сотрудники музея приступили к изучению (методом анкетирования) и формированию своего посетителя. Необычная для Оренбурга экспозиция потребовала разъяснить отличие парка от парка-музея, ввести новые режим его работы и правила поведения в нем. В массово-просветительской работе по патриотическому воспитанию на базе музейно-выставочного комплекса «Салют, Победа!» используются и традиционные для музея формы: экскурсии, мероприятия.

Главным итогом опытно-экспериментальной работы явилась новая для Оренбурга модель функционирования «музея под открытым небом». Парк стал местом организации крупномасштабных праздников (Дня Победы, Дней города и районов области, Дня знаний), при проведении которых используются копии боевых знамен упомянутых выше 15 дивизий (изготовлены по заказу губернского музея на комбинате Министерства обороны по фотографиям и точным описаниям подлинных знамен, хранящихся в Центральном музее Вооруженных Сил). Формируется новая традиция — проведение на базе выставочного комплекса «Салют, Победа!» Дней воинской славы: Дня танкиста (9 сентября), Дня ракетных войск и артиллерии (19 ноября), начала контрнаступления под Москвой (5 декабря) и др. У мемориала с Вечным огнем проходит посвящение в кадеты учащихся кадетского корпуса и кадетских классов общеобразовательных школ Оренбурга. Активный участник работы — Совет ветеранов «Патриот», в состав которого вошли военные специалисты из различных родов войск. Праздники сопровождаются концертами патриотической песни, выступлениями духового оркестра. Традиция вручения золотых медалей выпускникам школ, возложения цветов к Вечному огню молодежниками дополнены фотографированием экспозиции.

Выставочный комплекс «Салют, Победа!» уже стал достопримечательностью Оренбурга, а заложенный в нем историко-культурный потенциал позволит ему долгие годы быть центром военно-патриотического воспитания молодежи всего региона.

Подводя итог, констатируем: являясь местом воздействия друг на друга носителей разных систем знаний, идеалов, ценностей, устремлений, музей формирует единое историко-культурное пространство, помогает посетителям обрести чувства общности и своей сопричастности истории.

Библиография

Ариарский М.А. Прикладная культурология как область научного знания и социальной практики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусства, 1999. 530 с.

Бирженюк Г.М., Марков А.И. Основы региональной культурной политики и формирование культурно-досуговых программ. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусства, 1992. 128 с.

Бодрийяр, Ж. Система вещей / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Рудомино, 1999. 478 с.

Большаков В.П. Провинциальность культурных пространств нынешней России // Культура российской провинции: прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2005. С. 6–8.

Васильев С.И. Роль музеев в формировании культурного пространства и имиджа региона // Роль музеев в формировании культурного пространства и имиджа региона. М., 2005. С. 13.

Дукельский В.Ю. Пространство публичного одиночества // Музей и личность. Лаборатория музейного проектирования. М., 2007. С. 6–14.

Зайцева О.А., Радугин А.А. Основы менеджмента: учеб. пособие. М.: Центр, 2000. 432 с.

Иконникова С.Н. История культурологии: идеи и судьбы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусства, 1996. 264 с.

Иконникова С.Н. История культурологических теорий: В 3 ч. Ч. 1: Теоретические проблемы культурологии. Изд. 2-е, доп. и перераб. СПб.: Питер, 2005. 474 с.

Иконникова С.Н. История культурологических учений. Теоретические проблемы культурологии. СПб.: Ун-т культуры и искусств, 2001. 104 с.

Кавецкая В.В. Пространство совмещенных миров // Музей. 2010. № 9. С. 20–25.

Каган М.С. Пространство и время как культурологические категории // Вестник С.-Петербург. гос. ун-та. Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право. 1993. Вып. 4. С. 30–40.

Кастельс М. Музеи в эру информации: проводники культуры во времени и пространстве // Информ. бюллетень ИКОМ России. 2001. № 4. С. 2–10.

Каулен М.Е. Идеи Николая Федорова в современном мире // Музей. М., 2010. № 6. С. 16.

Киселева Т.Г., Красильников Ю.Д. Основы социально-культурной деятельности. М., 1995. 136 с.

Кнышова Е.Н. Менеджмент: учеб. пособие. М.: Форум; Инфра-М., 2005. 304 с.

Комлев Ю.Э. Коммуникации в музее: теория и практика. Оренбург: Изд-во ОГАУ, 2015. 316 с.

Комлев Ю.Э. Организация маркетинговой деятельности в музее. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства, 2005. 212 с.

Курбатов В.И. Стратегия делового успеха: учеб. пособие для студентов вузов. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 416 с.

Лихачев Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Переверзев М.П., Косцов Т.В. Менеджмент в сфере культуры и искусства: учеб. пособие. М.: ИНФРА, 2007. 192 с.

Тельчаров А.Д. Основы музейного дела. Введение в специальность: курс лекций. М.: Омега-Л, 2005. 184 с.

Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Музейное дело. 1995. № 23. С. 16–124.

Филиппенко В.М. Коммуникативные традиции в философии и культуре // Коммуникации в культуре: Материалы Научно-теорет. семинара (14–16 марта 1996 г., Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1996. С. 12.

Фуко М. Слово и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.

УДК 069; 930

Л.И. Скрипкина, L.I. Skripkina

ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАЦИИ НАУЧНОГО И МУЗЕЙНОГО СООБЩЕСТВ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНОГО СОВЕТА ИСТОРИЧЕСКИХ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМООТТОРЖЕНИЯ

Evolution of Communication of Scientific and Museum Communities as Exemplified by Activities of the Scientific Council for Historical and Local Lore Museums of the Russian Federation: Contacts and Mutual Rejection

Аннотация: в статье рассматривается деятельность Научного совета исторических и краеведческих музеев Российской Федерации, созданного в советский период по инициативе Министерства культуры в качестве координационного и экспертного органа для разработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию деятельности музеев. С этой целью были привлечены ресурсы академической, вузовской и музейной науки. Анализируется эволюция деятельности совета в 1980–2015 гг., в ходе которой имели место как взаимосвязи, так и взаимоотторжения музейного и научного сообществ.

Abstract: The article deals with activities of the Scientific Council for historical and local lore museums of the Russian Federation, created during the Soviet period at the initiative of the Ministry of Culture as a coordination and expert body to develop scientific-based recommendations to improve museums activities. For this purpose there were raised funds of academic, university and museum science. The author analyzes evolution of activities of the Council in 1980–2015, in the course of which took place mutual contacts, as well as mutual rejection between museum and scientific communities.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, интерпретация истории в музеях, коммуникация, новое гуманитарное знание, Научный совет исторических и краеведческих музеев Российской Федерации, научно-методический отдел Государственного исторического музея, реформирование бюджетной сферы, сетевое партнерство.

Keywords: historical science, museology, interpretation of history in museums, communication, the new humanities knowledge, Scientific Council of the historical and local lore history museums of the Russian Federation, expert body scientific and methodical department of Historical State museum, reforming the public sector, partnership network.

В 1977 г. в связи с развитием музейной сети и идеологическими задачами, поставленными государством перед музеями, по инициативе Министерства культуры РСФСР был создан Научно-методический совет по работе музеев. Перед ним была поставлена задача улучшения координации руководства музеями и установления с этой целью тесного сотрудничества с научными учреждениями, привлечение их к участию в музейном строительстве [О Научно-методическом совете по работе музеев при Министерстве культуры РСФСР, 1977]. Председателем Совета был избран В.Л. Янин, в то время член-корреспондент Академии наук СССР, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета. Это стало шагом вперед на пути развития российского музейного дела, поскольку до того музеи рассматривались органами управления исключительно в качестве культурно-просветительских учреждений. В 1978 г. общее собрание Отделения истории Академии наук СССР приняло решение «О сотрудничестве с музеями исторического профиля» [Решение общего собрания..., 1978], в котором отмечалось значение музеев как хранителей исторических источников и признавалось, что рост требований к научному уровню исследований поставил задачу укрепления сотрудничества музеев исторического профиля и научных учреждений. С докладами выступили ведущие ученые страны: академик Б.А. Рыбаков, член-корреспондент АН СССР Ю.А. Поляков, доктор исторических наук С.О. Шмидт.

Принятые решения должны были включить музеи в академическую историческую науку путем: обсуждения в Отделении истории АН СССР планов научно-исследовательских работ ведущих музеев исторического профиля, включения разрабатываемой ими тематики в сводные планы исторических исследований, совместного участия в экспедициях, разработки научно обоснованных критериев отбора памятников, отображающих процессы и явления современной жизни. К сожалению, данные решения не были воплощены в жизнь, но признание государством развития музеев на научной основе и привлечение ученых-историков к исследованию музейных фондов и презентации истории в экспозициях, обсуждение этих проблем с научной общественностью имели большое значение. Заседания Научно-методического совета стали проводиться два-три раза в год на базе крупнейших историко-краеведческих музеев РСФСР. В них всегда принимали участие представители местных властей, Министерства культуры, региональных вузов, музеев, культурных институтов.

В 1980 г. Научно-методический совет был превращен в постоянно действующий координационный и экспертный орган при Министерстве культуры РСФСР, целью которого стала разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию деятельности музеев. Совет имел несколько секций: теории и истории музейного дела, исторических, естественно-научных, литературных, художественных музеев [Об утверждении состава научно-методического совета..., 1980]. Председателем был избран профессор кафедры истории СССР периода социализма Московского государственного университета, доктор исторических наук В.З. Дробижев. В работе Совета принимали участие ученые — историки АН СССР и далее Российской академии наук (РАН), преподаватели московских и региональных вузов, директора и ведущие сотрудники музеев, представители НИИ культуры и других институтов. Планирование и организация деятельности в форме всероссийских и региональных научно-практических семинаров и конференций осуществлялась сотрудниками научно-методического отдела Государственного исторического музея (ГИМ).

Наиболее активно работали секции исторических и литературных музеев. Несмотря на определенный прогресс в сотрудничестве с научными учреждениями, планирование и тематика заседаний определялись директивными органами, заинтересованными в пропаганде советского периода истории. Например, в 1984 г. в Новосибирске прошел Совет по теме «Освоение естественно-производительных сил Сибири и Дальнего Востока и музейное строительство». Наиболее интересными и значительными для музейных работников были те заседания, на которых обсуждались проблемы определения источников комплектования и критериев отбора памятников, отображающих процессы развития советского общества.

В период «перестройки» стратегия работы Совета изменилась. Проблемы деятельности музеев стали формулировать, исходя из музейведческих, а не из идеологических задач. Так, в 1986 г. в Тобольске тематика заседания была сформулирована именно в соответствии с задачами музейного дела: «Использование музейных фондов в изучении исторического опыта освоения Сибири».

Продуктивный опыт работы Научно-методического совета по координации деятельности музеев и развитию их контактов с представителями исторической науки способствовал тому, что в 1985 г. был создан Сибирский филиал — для оперативного рассмотрения вопросов развития и совершенствования музейного дела Сибири и Дальнего Востока [О создании Сибирского филиала..., 1985]. Председателем был избран заместитель директора Института истории, филологии и философии Сибирского отделения (СО) АН СССР В.В. Алексеев, музеем-координатором определен Новосибирский областной краеведческий музей.

В 1985—1994 гг. Сибирский филиал продемонстрировал большую активность. Заседания прошли в Ангарске, Хабаровске, Новосибирске, Благовещенске, Южно-Сахалинске, Омске, Тобольске и других городах.

На примере Научно-методического совета интересно проследить, как менялась политика Министерства культуры Российской Федерации по отношению к музеям и их научным функциям в период «перестройки». Важная роль отводилась совершенствованию деятельности музеев и выделению значения исторического знания, идеологического потенциала историко-краеведческих музеев, в связи с чем в 1988 г. Совет был переименован в Научный совет исторических и краеведческих музеев при Министерстве культуры РСФСР [О Научном совете музеев РСФСР, 1988]. Ему вменялось сосредоточить внимание музейных работников на исследовании музейных источников и выработке рекомендаций по отображению музейными средствами актуальных вопросов истории СССР. Впервые была поставлена задача совместного с научными учреждениями изучения специфики музейного отображения истории и проблем музейного источниковедения. Председателем Научного совета стал заместитель директора Института российской истории РАН, доктор исторических наук В.П. Дмитренко.

Таким образом, музей стал осмысляться в качестве самостоятельной системы трансляции исторических знаний. Изменилась тематика заседаний — стали рассматриваться все периоды российской истории и их отображение в музейных экспозициях. Особо выделялись региональные аспекты российской истории. Изменившиеся позиции органов власти выразила заместитель министра культуры РФ Н.Б. Жукова в обращении к администрации Ставрополя о поддержке проведения Научного совета по теме «Традиции и новаторство в музейной экспозиции» в 1989 г. Целью заседания она обозначила ориентацию музейных работников на раскрытие тех явлений советской истории, которые замалчивались или толковались предвзято, на отход от укоренившихся в исторической науке догм и научный поиск новых документов и фактов, воскрешение забытых имен [Жукова, 1989].

Музеи должны были быстро реагировать на изменившуюся концепцию исторического познания, в то время как историческая наука находилась в поиске новых парадигм. В результате музейным работникам приходилось самостоятельно решать проблемы репрезентации истории в экспозициях и выставках. Это отразилось и на деятельности Научного совета, тематика заседаний которого была ориентирована на раскрытие новых подходов к экспозиционной деятельности: «Проблемы изучения края в научно-исследовательской и экспозиционной работе музеев Сибири и Дальнего Востока» (Южно-Сахалинск, 1988 г.; в заседании приняли участие работники музеев Японии); «Актуальные вопросы истории СССР и проблемы совершенствования экспозиционно-выставочной дея-

тельности музеев» (Ленинград, 1988); «Проблемы послеоктябрьской истории Сибири в экспозиционно-выставочной деятельности музеев Сибири и Дальнего Востока» (Омск, 1989); «Новое осмысление экспозиционного решения отделов истории советского общества в краеведческих музеях» (Свердловск, 1990). Хотя в заседаниях участвовали ученые-историки, новых концепций они не предлагали.

Выход из ситуации научного плюрализма музейные работники видели в исследовании и презентации источниковой базы, в развитии музейного источниковедения. Этому подходу было посвящено заседание Сибирского филиала Научного совета на тему «Роль этнографических исследований в развитии региональных музеев» (Тюмень, 1991).

1990-е гг. — сложный период для Научного совета. В соответствии с новым законодательством управление музейным делом и финансирование музеев были разделены по формам собственности (федеральная, региональная, муниципальная), вследствие чего разрушилась налаженная в 1980-е гг. координация деятельности музеев всех уровней. В управлении Минкульты остались только федеральные музеи. С середины 1990-х гг. Министерство культуры перестало выделять средства на проведение Научного совета. Благодаря авторитету, который он успел завоевать, и усилиям ответственного секретаря Л.И. Скрипкиной, заседания стали проводиться за счет средств регионов на базе музеев, которые хотели себя позиционировать в качестве научных центров. В соответствии с пожеланиями самих музеев была разработана тематика заседаний. Так, в 1994 г. при поддержке администрации г. Кемерово прошло заседание по теме «Новые аспекты изучения истории Сибири и возможности их отражения в музеях». На нем были выделены направления дальнейшего развития музейного дела: взаимодействие исторической науки и музеев в контексте новых аспектов изучения истории; проектирование новых моделей экспозиций; развитие музейного источниковедения в плане комплектования, исследования и интерпретации памятников истории и культуры при создании различных экспозиций и выставок.

Особенно активно в этот период работал Сибирский филиал, в чем немалая заслуга его ответственного секретаря, сотрудника Новосибирского областного краеведческого музея И.С. Казавчинской. Изменения, произошедшие в составе и направлениях деятельности этого филиала, зафиксированы в приказе Министерства культуры в 1995 г. Председателем был избран заведующий отделом Института истории СО РАН, доктор исторических наук, профессор В.И. Шишкин. При его непосредственном участии и финансовой поддержке администрации Новосибирской области в том же году в Новосибирске было подготовлено заседание по одной из самых актуальных для российской истории проблем — «Власть и общество в России: проблемы изучения, комплектования и возможности отражения в музейной экспозиции». С докладами высту-

пили ведущие ученые-историки СО РАН: академик Н.Н. Покровский, член-корреспондент РАН Л.И. Горюшкин, профессора Д.Я. Резин, В.Л. Соскин и др.

В 1996 г. по инициативе дирекции Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве и при финансовой поддержке администрации Ставропольского края был проведен Научный совет по теме «Проблемы этнокультурной истории региона и их музейная интерпретация». В его организации и проведении приняли участие доктор исторических наук Е.Е. Кузьмина (археолог, культуролог) и В.А. Шнирельман (археолог и специалист по социокультурной антропологии, современной этнополитике, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН), представители комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества, преподаватели вузов Ставрополья и Северного Кавказа, директора и сотрудники музеев. При обсуждении специфики исторического развития Северо-Кавказского региона, проблем, связанных с этнокультурными процессами и их отображением в музейных экспозициях, было признано особое место этого региона в современной этнокультурной политике и предложено создать Южный филиал Научного совета исторических и краеведческих музеев, председателем которого был избран доктор исторических наук, директор Института археологии Г.Е. Афанасьев. Музеем-координатором стал Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, ученый секретарь которого Н.А. Осипенко занял пост ответственного секретаря [О Южном филиале..., 2001].

Таким образом, в период распада единой музейной сети деятельность Научного совета способствовала сохранению единого музейного и информационного пространства и координации работы музеев.

Основная сложность была связана с изменением парадигмы гуманитарного знания и необходимостью выработки новой концепции функционирования Совета. С конца 1980-х гг. научное историческое познание и, соответственно, экспозиционная деятельность в качестве площадки презентации научного знания обществу переживали кризис. Перед музейными работниками встали проблемы самостоятельного моделирования истории на основе существующего вещественного информационного ресурса и ее представления в визуально-пространственной среде экспозиции. Возник вопрос о методах познания и презентации исторического знания в невербальном поле культуры, т. е. о модели коммуникации.

В предыдущие периоды коммуникация строилась на позитивистском подходе: музейные работники представляли предметы как целостную данность и маркировали ими факты, события, явления. В результате посредством экспонатов иллюстрировалась история, организовывались причинно-следственные ряды. Связанная с данной моделью коммуника-

ции теория отражения предполагала соприкосновение посетителей с памятниками истории и культуры и получение ими представлений об исторических событиях. В центре внимания была событийная история, а основной проблемой таких экспозиций являлось отсутствие человека как такового в различных его проявлениях.

Изменения в музейном представлении истории стало возможным в связи с распространением в 1990-е гг. нового гуманитарного знания, связанного с переходом от объясняющих к понимающим герменевтическим процедурам научного знания, от законов истории — к познанию человеческих мотиваций исторической деятельности [Ионов И.Н., 2001. С. 6]. Школа «Анналов» противопоставила позитивистскому подходу историю-проблему, предполагающую творческую активность историка, который в свете выбранной проблемы отбирает необходимый круг памятников [Ястребицкая, 2001. С. 41]. На первый план выдвинулась задача интерпретации источников в зависимости от той или иной концепции. Источниковедение стало рассматриваться как метод познания реального мира, а источники — не как остатки исторической действительности, а как носители сложной по структуре информации.

Для объяснения поведения и взаимодействия людей стали привлекаться понятия и методы социальной истории и культурной антропологии. Сближение истории с общественными науками и заимствование их теорий, методов и приемов исследования способствовали формированию принципов «новой исторической науки» как социальной истории. Это имело большое значение для музейной концепции истории, поскольку новая социальная история ориентировалась на показ проблем истории и культуры как способа понимания повседневной жизни и поведения в ней людей. Методология культурной истории изменила логику изучения истории общества и его развития. На первый план выдвинулись изучение культурных механизмов социального взаимодействия в разных областях общественного бытия и их преломления в индивидуальных практиках, в политической и событийной истории [Орлова, 2004. С. 40]. На теории и методах культурной антропологии стала строиться историческая антропология, история ментальностей, повседневности, новая политическая история [Савельева, Полетаев, 2007. С. 309]. Новая идеология позволила преодолеть подход к показу реальной истории как истории событий и создавать ее многоплановую версию, в которой можно раскрывать различные стороны жизни человека и общества. Особое внимание культурной антропологии к вещной составляющей позволило включить ее в исторический контекст, сделать основой показа истории. Это дало возможность по-новому представить историко-культурное наследие, хранимое музеями, и включить его в научные исследования.

Так начался следующий этап в связях исторической науки и музеев. Это позволило определить новую концепцию деятельности Научного со-

вета. Она была сориентирована на адаптацию нового гуманитарного знания к музейному делу и зафиксирована в 1998 г. в приказе Министерства культуры РФ и новом Положении. Научному совету было рекомендовано обращать внимание работников музеев на необходимость повышения уровня научно-исследовательской деятельности, опирающейся на фундаментальную науку, на совершенствование музейного источниковедения, направленного на поиски новых способов осмысления предметного мира научными методами, изучения семантики источников и отображаемой ими специфики исторического развития страны. Председателем Совета был избран В.Л. Янин, в то время академик [О Научном совете исторических и краеведческих музеев..., 1998].

В целях реализации поставленных задач, налаживания диалога с учеными-историками и формирования единого информационного пространства в 1997–2004 гг. на базе ГИМ сотрудниками научно-методического отдела был осуществлен проект «Современные концепции истории России. Проблемы интерпретации источников в музейных экспозициях». Проект имел целью, с одной стороны, ознакомление музейных работников с инновационными исследованиями истории России того или иного периода с применением комплексного подхода к передаче информационного потенциала историко-культурного наследия, хранимого музеями, с другой — выявление принципов и методов представления истории в экспозиционно-выставочной деятельности различных музеев, степени влияния на нее научных исследований. В рамках проекта было проведено шесть заседаний Научного совета, посвященных определенному периоду истории России с древности до XX в. по темам: «Современные концепции первобытной истории. Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев»; «Современные концепции средневековой истории России. Проблемы интерпретации источников в музейных экспозициях»; «Позднее средневековье в истории России (конец XVI — XVII в.). Проблемы интерпретации источников в музейных экспозициях»; «XVIII век в истории России. Проблемы интерпретации источников в музейных экспозициях»; «История России XIX века и проблемы ее интерпретации в музейной экспозиции»; «Исследуем XX век: историческая антропология в музейных экспозициях и выставках». В заседаниях участвовали ученые из ведущих научных центров страны (Института российской истории РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, МГПУ, региональных университетов и вузов), работники исторических и краеведческих музеев из всех российских регионов. Для представления новейших исследований в европейской исторической науке и ее презентации в музеях были приглашены коллеги из музеев Германии. Материалы заседаний опубликованы в сборниках.

Проект позволил выявить такую тенденцию, как недостаточное распространение результатов современных научных исследований в среде

сотрудников региональных музеев. В решениях Научного совета, посвященного проблемам интерпретации памятников археологии, отмечено, что при проектировании экспозиций недостаточно используются новые достижения археологической науки, мало внимания уделяется совершенствованию методики музейного показа памятников археологии [Скрипкина, 1999. С. 46–60]. Кроме того, большинство музейных работников посчитали, что отказ от схематизма, основанного на марксизме-ленинизме, и возврат к памятниковой основе иллюстрации истории достаточны для ее объяснения.

На основе проведенного анализа задачи, стоящие перед Научным советом, были определены так: ориентация музейных работников в современном гуманитарном знании; рассмотрение проблем эффективного использования в научных, образовательных и просветительных целях музейного фонда России; укрепление связей с научными учреждениями и использование в практике музейной деятельности современных научных исследований; расширение доступа к информации о культурном наследии регионов.

В связи с изменившейся концепцией деятельности Научного совета в 2001 г. был обновлен состав и направления деятельности Сибирского филиала. Председателем был избран директор Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН и Сибирского филиала Российского института культурологии, действительный член Академии гуманитарных наук и Академии социальных наук России, член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор, доктор исторических наук Н.А. Томилов. В тот период тематика заседаний выбиралась в соответствии с поставленными задачами и актуальными проблемами, возникавшими перед российским музейным делом. Немаловажное значение имел региональный компонент, в соответствии с которым на обсуждение ставились те или иные проблемы музейного дела. Одной из ведущих во всех заседаниях была тема места музейных собраний в изучении и презентации историко-культурного наследия Сибири, их использования в научно-образовательных процессах, роли научных исследований в модернизации фондовой и экспозиционной деятельности. Этому были посвящены Научные советы, прошедшие на базе Омского историко-краеведческого музея (2001, 2003), Томского областного краеведческого музея (2002), Алтайского государственного краеведческого музея (Барнаул, 2003).

Комплексный подход к ресурсам исторических и краеведческих музеев и проблемы их эффективного использования рассматривались на Научном совете, прошедшем в 2005 г. на базе Красноярского краевого краеведческого музея. Были выявлены интеллектуальные, информационные, коммуникационные, имиджевые ресурсы исторических и краеведческих музеев и поставлен вопрос об их значении и использовании при форми-

ровании интеллектуально-идеологического пространства социума, имиджа территории и культурно-исторической среды.

В связи с проводимыми в 2000-е гг. экономическими реформами вопрос об эффективном использовании ресурсов музеев встал особенно остро. С 2004 г., когда музеи вступили в новый этап своего развития, связанный с переходом от финансирования содержания учреждений культуры к финансированию оказываемых ими услуг, приоритетным направлением деятельности Научного совета стал анализ нормативной базы проводимых реформ, представление наиболее удачного менеджмента в условиях российской действительности, определение социальной сущности музейной деятельности и социокультурной роли музеев в общественной жизни региона (Научный совет на базе Иркутского краеведческого музея, 2002), грамотного управления ресурсами (Научные советы: «Современный менеджмент музеев» на базе Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», 2006; «Современное реформирование бюджетной сферы и социокультурное проектирование» на базе Читинского областного краеведческого музея, 2007).

Социокультурная роль исторических и краеведческих музеев в таком многонациональном регионе, как Сибирь, тесно связана с актуализацией историко-культурного наследия различных национальностей и с осуществлением межкультурной коммуникации. Важнейшей задачей музеев является сохранение культурного единства страны, воспитание толерантности, культуры коммуникации в полиэтничной среде. Эта тема стала одной из ведущих при выборе тематики заседаний. Роли музеев в процессах трансляции ценностей различных культурных традиций и социализации личности был посвящен Научный совет на базе Минусинского регионального краеведческого музея (2008). «Историческое познание как социальная идентичность и межкультурная коммуникация» рассматривалось на заседании в Государственном музее Природы и Человека в Ханты-Мансийске (2009). «Проблемы разработки инновационных подходов в области межкультурной коммуникации, комплектования фондов музеев предметами современной этнографии» стали предметом дискуссий на заседании Научного совета на базе Национального музея им. Алдан Маадыр Республики Тыва (2014).

Как уже отмечалось, одной из ведущих задач Научного совета, которая осуществлялась в музейном деле только им, была ориентация музейных работников в современном гуманитарном знании и построение на его основе инновационных экспозиций и выставок. Новые подходы к научному художественному проектированию экспозиций и выставок были рассмотрены на заседании в музейном комплексе Тюменской области (2004). Концепции, методы и способы презентации исторического прошлого стали предметом рассмотрения на примере инновационной экспозиции, созданной в Государственном музее Природы и Человека (Ханты-Ман-

сийск, 2009). Самые сложные для экспозиционного воплощения периоды российской истории — советский и постсоветский — стали предметом дискуссий в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова (2010), сотрудники которого создали новую экспозицию по советскому времени. Обсуждался вопрос социокультурной миссии музея в контексте дискурса исторической экспозиции.

Научный совет стал одним из центральных мероприятий международного форума «Историко-культурное наследие как ресурс социокультурного развития региона» в Хакасии (2013). Правительством этой республики была поставлена задача строительства нового здания для краеведческого музея в целях развития региона и повышения его привлекательности для туристов, и взятая для проведения Научного совета тема «Проектирование и создание новых музеев и экспозиций» оказалась одной из ведущих на форуме. В ходе заседания рассматривались инновационные стратегии мирового и российского музейного дела, анализировались современные тенденции в создании новых музеев и развитии музейной архитектуры. Внимание акцентировалось на комплексном подходе к созданию научной, архитектурной и дизайнерской концепций, на соблюдении технологий управления проектированием и строительством музеев и их экспозиций.

Тема проектирования музейной концепции истории в экспозиционно-выставочной деятельности музеев исторического и краеведческого профиля была продолжена в 2015 г. на базе Национального музея им. А.В. Анохина Республики Алтай. В 2008—2012 гг. была проведена реконструкция его здания и создана новая экспозиция. Ученые-историки, музейные сотрудники, искусствоведы, приехавшие на Научный совет, обсудили животрепещущие проблемы: на что должны ориентироваться музейные сотрудники при проектировании экспозиций — на знание или впечатление; существует ли в музейной среде ориентация на восприятие целевых аудиторий; какой должна быть музейная концепция истории в контексте современных исторических исследований; особенность создания экспозиций, основанных на археологических и этнографических источниках; значение архитектурно-дизайнерских решений для визуализации исторической тематики; место и роль мультимедийных аудиовизуальных средств в современной экспозиции.

Большое значение имеет деятельность Южного филиала Научного совета, поскольку она касается музейной интерпретации сложной истории Северного Кавказа. В его концепции сделан упор на объединение научного, музейного и архивного потенциала в целях адекватного представления истории в музейных экспозициях и выставках, на введение нового круга источников и на исследование проблем, не получивших должного освещения в современной историографии. В работе Совета принимают участие ученые-историки Кубанского, Адыгейского, Южного федераль-

ного и Северо-Кавказского федерального университетов, других научных учреждений. Плодотворное сотрудничество сложилось с преподавателями кафедры истории и музееведения Краснодарского университета культуры и искусства. В своих исследованиях они рассматривают историю Северного Кавказа и Кубани в контексте культурной и исторической антропологии.

Приоритетным для Южного филиала является направление сохранения и актуализации историко-культурного наследия народов Северного Кавказа, формирование толерантной личности музейными средствами, исследование межконфессиональных и межэтнических отношений в прошлом и настоящем. Изучению данных вопросов посвящались Научные советы, проведенные в 2007 г. на базе Национального музея Республики Адыгея, в 2008 г. — на базе Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицина, в 2014 г. — вновь на базе Краснодарского музея-заповедника, а также Анапского археологического музея. Анализировались результаты музейных исследований этнокультурных процессов и специфика исторического развития Северного Кавказа, деятельность органов по охране историко-культурного наследия и природных заповедных зон, проблемы сохранения, реставрации и эксплуатации недвижимых памятников истории и культуры. Специфика исторического развития Северного Кавказа и ее музейное воплощение рассмотрены Научными советами в контексте разных тем: «Великая Отечественная война: история, документы и факты» (на базе Краснодарского музея-заповедника им. Е.Д. Фелицина и Тимашевского музея семьи Степановых, 2005); «История советского периода в контексте современного социогуманитарного знания» (Краснодарский музей-заповедник им. Е.Д. Фелицина, 2012); «Провинциальный город в социокультурном пространстве XVIII—XXI вв.» (Краснодарский музей-заповедник им. Е.Д. Фелицина, 2013). Не меньшее, чем Сибирским филиалом, внимание уделено проблемам проектирования и стратегии развития современной экспозиционно-выставочной деятельности. Эта тема обсуждалась дважды: на базе Краснодарского музея-заповедника им. Е.Д. Фелицина (2006) и Музея истории города-курорта Сочи (2011). Тема «Музеи и туризм» проходит красной строкой во всей деятельности Южного филиала. Социально-политические аспекты в развитии этого туристическо-рекреационного региона Юга России рассматривались на базе Пятигорского краеведческого музея (2008).

Реформирование бюджетной сферы, проблемы управления и проектирования деятельности музеев в контексте реформ, вопросы выбора организационно-правовой формы, стратегии развития были предметом обсуждений и дискуссий на Научных советах, проходивших в 2006 г. в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицина, в 2010 г. — в Ростовском музее краеведения

(«Инновационные технологии в музейном деле»), в 2011 г. — в Музее истории города-курорта Сочи («Музеи на пути перехода к рыночным формам хозяйствования. Первый опыт»).

Подводя итог, можно сказать, что Научный совет исторических и краеведческих музеев выполняет функцию координатора сетевого партнерства, способствует внедрению инноваций в музейном деле (на основе тесного сотрудничества с научными и образовательными учреждениями) и улучшению информационного обеспечения исторической науки. За годы «перестройки» и последующие годы возникли различные формы музейной корпоративности, но ниша Научного совета, который зарекомендовал себя как в советский, так и в постсоветский период с точки зрения передачи опыта, повышения профессионализма музейных работников, формирования музейной политики на основе научного анализа и сохранения лучших традиций российского музееведения с целью передачи исторического знания и адекватной интерпретации истории в музеях, осталась за ним.

Библиография

Жукова Н.Б. О проведении заседания Научного совета музеев РСФСР. Письмо в Ставропольский крайисполком тов. Таранову Н.Т. от 05.05.1989. СИФ научно-методического отдела ГИМ.

О Научном совете исторических и краеведческих музеев при Минкультуры России. Приказ Минкультуры России № 177 от 07.04.1998 // Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. 1996—2000 гг. М.: Гос. исторический музей, 2001. С. 216—219.

О Научном совете музеев РСФСР. Приказ Министерства культуры РСФСР № 225 от 15.06.1988. СИФ научно-методического отдела ГИМ.

О Научно-методическом совете по работе музеев при Министерстве культуры РСФСР. Приказ Министерства культуры РСФСР № 275 от 04.07.1977. СИФ научно-методического отдела ГИМ.

О создании Сибирского филиала Научно-методического совета по работе музеев Министерства культуры РСФСР. Приказ Министерства культуры № 14 от 08.01. 1985. СИФ научно-методического отдела ГИМ.

О Южном филиале Научного совета исторических и краеведческих музеев при Минкультуры России. Приказ Минкультуры России № 65 от 31.10.1997 // Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. 1996—2000 гг. М.: Гос. исторический музей, 2001. С. 213—216.

Об утверждении состава Научно-методического совета по работе музеев Министерства культуры РСФСР. Приказ Министерства культуры РСФСР № 257 от 12.05.1980. СИФ научно-методического отдела ГИМ.

Решение общего собрания Отделения истории Академии наук СССР «О сотрудничестве с музеями исторического профиля» от 29 ноября 1978 года // Сборник документов по музейному делу. 1964—1984. М.: Гос. исторический музей. 1987. С. 54—57.

Ионов И.Н. Рождение теорий локальных цивилизаций и смена научных парадигм // *Образы историографии: Сборник статей.* М.: РГГУ, 2001. С. 6–10.

Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие. М.: Академический проект, 2004. 480 с.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания: Учебное пособие. СПб.: Алетейя, Историческая книга, 2007. 523 с.

Скрипкина Л.И. Научный совет исторических и краеведческих музеев РФ: координация научных исследований и внедрение новаций в музейную практику // *Музей в современном мире: Традиции и новаторство. Труды ГИМ. Вып. 104.* М.: Гос. исторический музей, 1999. С. 46–60.

Ястребицкая А.Л. О культур-диалогической природе историографического // *Выбор метода. Изучение культуры в России 1990-х годов.* М.: РГГУ, 2001. С. 41–48.

УДК 069.01; 671.1/5

Н.А. Томилов, N.A. Tomilov

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ И РОЛЬ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ РАБОТ МУЗЕЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОМСКОГО РЕГИОНА)

Social Functions and Role of Local History Works of Museums (Based on Materials of Omsk Region)

Аннотация: исходя из авторского определения социальных функций музея, в статье анализируются научная и просветительная сферы деятельности музеев Омской области. Особое внимание уделено успешному соединению в деятельности Омского государственного историко-краеведческого музея коммерческого, культуротворческого и созидательного направлений работы, проведению научных и краеведческих исследований. На конкретном материале показана важность изучения и ввода коллекций музеев в научный и в целом в информационный оборот, исследования истории музеев и их опыта музейной и музееведческой работы. Автор обращает внимание на опасность сокращения объема научных исследований или даже их прекращения, прежде всего в региональных и муниципальных музеях. Он считает, что опыт плодотворной работы ряда таких музеев необходимо изучать и пропагандировать.

Abstract: : On the basis of the author's definition of social functions of a museum, in the article are analyzed scientific and educational fields of activities of Omsk region museums. Specific attention is paid to successful combination in the activities of Omsk State History Museum, commercial, creative cultural and constructive work directions, realization of scientific and area research studies. With specific reference to particular data is shown importance of studying and introducing museum collections into scientific and in general information use, researches of museums history and their experience in museums and museological work. The author draws attention to the danger of reducing the extent of scientific research works, or even their termination, first of all in regional and municipal museums. He believes that experience of productive work of a number of such museums shall be studied and promoted.

The article emphasizes that today the most important tasks of the Russian museology are studying and entering the most valuable collections to the scientific and generally in the information revolution with the publication of directories and modern information systems, study of the history of museums and experience of different types of museums and museological work. The author draws attention to the danger of reducing the amount of scientific research, or even their termination, which manifests itself primarily in the regional and municipal museums. Therefore, the experience of a harmonious and productive work of a number of museums such levels today must be explored and promoted in museum practice.

Ключевые слова: музееведение, историческая наука, краеведение, социальные функции, историко-культурное наследие, научно-исследовательский статус музеев, музейные процессы, научные издания, конференции, Омский государственный историко-краеведческий музей.

Keywords: museology, historical science, local history, social function, historical and cultural heritage, research status of the museum, the museum processes, scientific publications, conferences.

Культурное наследие человечества, сосредоточенное в музеях исторического и историко-краеведческого профилей, в современном мире — это не собрание ненужных сегодня предметов, которое лишь дает информацию о прошлом, в том числе о культуре, социуме и исторических процессах. Оно играет значительную роль и в современной жизни человечества. Фактически это часть настоящего и будущего бытия. Назовем некоторые социальные функции этого наследия, которое состоит из музейных предметов (об этих функциях нам приходилось писать и ранее: [Томилов, 2006(а). С. 78–81; 2006(б). С. 46–52; 2006(в). С. 43–45; 2007(б), С. 90–93; 2007(а). С. 28–31; 2008. С. 42–44; 2011. С. 13–15]).

Функция документирования: через музейные предметы доказываются явления и процессы в социуме и его культуре.

Функция охраны и хранения музейных собраний: обеспечивает возможность использования их для нужд общества на протяжении многих эпох.

Функция интеграции: обеспечивает связи между современной социокультурной действительностью и социокультурными явлениями прошлых эпох. Историко-культурное наследие через эту восполняющую функцию тесно связано с культурой современного общества и входит в нее как часть системы, часть целого.

Функция идентификации: вызывает осознание людьми сходства и различия современных социокультурных систем с прошлым. Это поиск знаков (социокультурных знаков), соответствующих современному социокультурному образу.

Познавательная (научно-исследовательская) функция: на основе извлечения информации из музейных предметов/ исторических ис-

точников и ее анализа дает возможность моделирования исторических и историко-культурных процессов, воспроизведения прошлой действительности в мышлении людей (итог: новое знание)

Образовательная функция: передача людям знаний об историко-культурном прошлом через информативную значимость музейных предметов; помогает более полноценно через предметность и наглядность культурного наследия усваивать систематизированные знания.

Мировоззренческая функция: формирует установки людей на общность человечества и его многообразие в социокультурной среде, формирует систему обобщенных взглядов на историю и мир культуры

Коммуникационная функция: способствует пониманию и общению людей в рамках хронологической глубины истории человечества и его культуры, способствует восстановлению (или установлению) взаимопонимания между поколениями, между социумами разных культур, между конфессиями и т. д.

Дифференцирующая функция: разделяет человечество на социокультурные страны, сохраняет возможность существовать человечеству и его общностям как системам с разными историко-культурными ценностями и установками.

Экономическая функция: увеличивает ценности, в том числе в финансовом исчислении, позволяет (и даже вызывает необходимость) использовать историко-культурные музейные ресурсы на благо людей, в том числе и с целью дальнейшего наращивания ценностей.

Политическая функция: позволяет использовать историческое социокультурное наследие для доказательства объективных политических процессов и явлений в этнической истории, в сфере отношений между разными социумами (общностями, группами) и в сфере государственной деятельности, определения ее форм, направлений, задач и содержания.

Воспитательная функция: вызывает уважение к прошлому человечества и его народов, развивает патриотические установки и чувства, направляет духовное развитие личности, действует против дестабилизации исторической памяти молодых поколений.

Эстетическая функция: формирует вкусы в сфере красоты и ценностные оценки художественной деятельности людей.

Созидательная функция: увеличивает объем участия историко-культурных ресурсов музеев в развитии общества, в том числе через проведение научных исследований прикладного характера и увеличение объема самих историко-культурных ресурсов.

На современном этапе жизни человечества основная задача ученых и работников культуры состоит в усилении действия комплекса социальных функций историко-культурного наследия каждой страны.

Теперь о социальных функциях и, соответственно, о социальной значимости той части культурного наследия, которая сосредоточена в музеях в

предметном виде. Музейный предмет — изъятый из среды бытования и включенный в музейное собрание объект (памятник) истории, культуры или природы, являющийся первоисточником знаний и разнообразного (эмоционального, мировоззренческого, воспитательного и др.) воздействия. В это определение включены основные социальные функции музейных предметов (познавательная, воспитательная). Но роль культурного наследия в жизни общества не ограничивается только названными функциями; она гораздо шире и объемнее. И сегодня чрезвычайно важно резко усилить созидательную функцию российских музеев, используя ту часть культурного наследия, которая сосредоточена как в самих этих музейных храмах, так и в пределах их пространственной досягаемости (ценности, хранящиеся в частных коллекциях и в организациях).

Музеи России, созданные в разные исторические периоды (в Сибири начиная с последней четверти XVIII в.), на протяжении всей их истории стремились не только выполнять свои внутренние работы с коллекциями, экспозициями, заниматься просветительской и воспитательной работой с населением, но и проводить научные исследования. Поэтому изучение и ввод их ценнейших коллекций в научный и в целом в информационный оборот через публикации каталогов и современные информационные системы, исследование истории музеев и накопленного опыта разных видов музейной и музееведческой работы являются сегодня наиболее важными задачами российского музееведения.

На современном этапе развития музейного дела в России, в условиях рыночной экономики, усиливается деятельность музеев по зарабатыванию средств. Но это правомерное действие приводит порой к сокращению научных исследований в музеях или даже к их прекращению. В связи с этим перед музееведами встала задача противодействия таким негативным процессам и утверждения статуса музея как научно-исследовательского учреждения (наряду с его статусом культурно-просветительского учреждения), осуществляющего деятельность в соответствии со всеми своими социальными функциями. Опасность сокращения объема научных исследований или даже их прекращения проявляется прежде всего в работе региональных и муниципальных музеев. Поэтому опыт гармоничной и плодотворной работы ряда музеев таких уровней в наше время необходимо изучать и пропагандировать в музейной практике.

В статье на основе отчетов музеев 2008–2014 гг. будут проанализированы направления работы музеев Омской области, сопряженные прежде всего с социальными функциями познания истории и культуры и распространения полученных знаний среди населения.

В настоящее время в области насчитывается более 40 музеев, по их числу она занимает третье место в Сибири (после Красноярского края и Иркутской области); фактически в каждом муниципальном районе имеется как минимум по одному музею, а в самом Омске действуют

7 областных, 2 городских и десятки ведомственных и общественных музеев. Первый музей образован здесь в 1878 г.: музей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, преобразованный в советский период в краеведческий и ныне называющийся Омский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ) [Вибе, 2008. С. 4–10; Омский государственный историко-краеведческий музей, 2009; Томилов, Макаров, 1986. С. 5–39]. В советский период были созданы и другие музеи в Омске и в районах области. Пик их возникновения приходится на конец 1980-х – 1990-е гг., когда при одобрении губернатора Л.К. Полежаева по поручению председателя Комитета по культуре и искусству Н.И. Геновой ученые и работники культуры разработали программу музеефикации Омской области. Процесс образования новых музеев продолжается и сегодня. Так, в 2013 г. принято решение о создании «Дома-музея М.А. Ульянова» в г. Таре как филиала ОГИКМ, в 2014 г. открыта его экспозиция. В 2013 г. Национальный археологический и природный парк «Батаково», Большереченский историко-этнографический музей и Историко-культурный комплекс «Старина Сибирская» приступили к созданию на их основе Омского государственного историко-культурного музея-заповедника «Старина Сибирская».

Изменения в сторону качественного повышения опыта работы музейных сотрудников также налицо: почти половина из них, а также экскурсоводы – с высшим образованием; 18 сотрудников имеют ученые степени [Культура и искусство Омской области в 2013 году, 2014. С. 62].

В 2009 г. количество предметов в основных фондах муниципальных районных музеев перевалило за 200 тысяч, в 2014 г. – за 230 тысяч; среднегодовой прирост составляет 5 тысяч предметов. В основных фондах 9 музеев областного подчинения (7 – в Омске, 2 – в районах) в 2009 г. числилось около 280 тысяч предметов, в 2014 г. – свыше 300 тысяч. Наиболее объемны фонды Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ), Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, Литературного музея им. Ф.М. Достоевского, Государственного областного художественного музея «Либеров-центр», Омского музея просвещения, Большереченского историко-этнографического музея. В ведении Администрации г. Омска находятся Музей «Искусство Омска» и Театральный музей (свыше 20 тысяч единиц хранения в основных фондах на 2009 г.). Более 3 тысяч предметов хранятся в трех муниципальных районных картинных галереях (Таврическая, Тарская и Щербакульская). Таким образом, в 2009 г. количество предметов в основных фондах всех названных видов музеев Омской области перешагнуло рубеж 500 тысяч; в настоящее время – это более 560 тысяч предметов, а с учетом 140 тысяч единиц хранения в научно-вспомогательных фондах – более 700 тысяч. Это – достаточная база для успешной деятельности музеев Омской области в соответствии с их социальными функциями.

Очень важно, чтобы коллекционные материалы музеев были использованы в пропаганде научных исторических знаний и в образовательной сфере. Этой цели служат постоянные экспозиции и временные стационарные и передвижные выставки.

Ниже приведем лишь те данные о работе музеев, которые связаны с обслуживанием населения. Речь идет здесь об экспозиционной работе. Всего в муниципальных районных музеях в 2010 г. действовало более 930 выставок, в областных музеях — 394, в муниципальных картинных галереях — 46, в городских музеях — 69 выставок; всего по области во всех видах музеев действовали 1529 выставок, из которых в 2010 г. открыто 1307 выставок. Для сравнения: в 2008 г. в музеях Омского региона действовали 1308 выставок. Налицо возрастание выставочной деятельности музеев и обслуживания населения (прежде всего в области образования и просвещения).

Ситуация с музейными процессами в Омской области в настоящее время достаточно благоприятна. Региональные власти на деле способствуют активизации действия всех социальных функций (в том числе научно-исследовательской, образовательной, просветительной) музейных учреждений. Ведущие музеи сохраняют статус научно-исследовательских и культурно-просветительных учреждений. Это видно особенно зримо на примере деятельности старейшего музея Омской области и Сибири в целом — Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ).

ОГИКМ обладает значительными ресурсами историко-культурного и природного наследия: в 2014 г. основные фонды составили более 208 тысяч предметов, научно-вспомогательный — более 29 тысяч, т. е. всего — почти 238 тысяч. Объемная выставочная деятельность ОГИКМ: в 2011 г. действовали 62 выставки, в 2012—2013 гг. — по 63, в 2014 г. — 60. Значительна просветительная работа ОГИКМ: по данным отчетов ОГИКМ за 2011—2014 гг., ежегодно музей посещали по 190 тысяч человек, также ежегодно проводилось почти по 3100 экскурсий и по 181 массовому мероприятию, лекций прочитано в 2011 г. — 335, в 2012 г. — 335, в 2013 г. — 325, в 2014 г. — 326. В 2013 г. выполнялись 14 образовательных программ.

В больших объемах научно-пропагандистскую и культурно-массовую работу проводят и другие музеи Омской области. Но это — обязательные виды деятельности всех музеев. А вот что касается научно-исследовательской работы, то в России наблюдается сокращение, а то и прекращение в музеях научных исследований; имеются случаи противодействия научной работе музейных специалистов. Тем не менее во многих регионах Сибири (включая и отечественный Дальний Восток) научно-исследовательская деятельность музеев входит в приоритетные направления.

В ОГИКМ многие сотрудники являются состоявшимися учеными. С 1993 г. возглавляет коллектив музея его директор, доктор исторических

наук П.П. Вибе [Пугачева, 1994. С. 46; Синникова, 2006. С. 19–22]. С его приходом в музей ежегодными стали экспедиционные работы в Омской области: археологические, историко-культурные, этнографические, естественно-научные. В 2011 г. в 7 районах работали экспедиции для пополнения палеонтологических и энтомологических коллекций музея и для изучения музейно-туристических ресурсов и оказания методологической помощи районным музеям, а также комплексная историко-этнографическая экспедиция. В 2012 г. состоялись 2 комплексные историко-этнографические экспедиции музея, охватившие 3 района. В 2013 г. сотрудники музея вместе с учеными Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ) приступили к археологическим раскопкам в Омске (на территории Первой Омской крепости). Еще 2 историко-бытовые экспедиции работали в том же году в районах области с целью комплектования коллекций филиала ОГИКМ — Дома-музея М.А. Ульянова.

Еще одним свидетельством успешной работы ОГИКМ в научной сфере является издательская деятельность и публикации сотрудников. С 1993 г. ежегодно издаются «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея» (главный редактор П.П. Вибе). Публикуются монографии, научные статьи, каталоги, проспекты музейных выставок и др. Так, в 2011 г. выпущены в свет сборник материалов конференции, посвященной 125-летию со дня рождения А.Ф. Палашенкова [Краеведение как феномен провинциальной культуры, 2011], монография П.П. Вибе [Вибе, 2011], каталог к 70-летию Великой Отечественной войны [Реликвии Великой Отечественной войны..., 2011] и др. Всего сотрудниками музея опубликованы 45 научных работ. Обновлен интерфейс сайта музея (sibmuzeum.ru). В 2015 г. фондовая и издательская деятельность ОГИКМ отмечена престижной премией им. И.Е. Забелина в области научных исследований (за «Каталог: этнографические коллекции районных музеев Омской области», изданный в 2009 г.). В 2012 г. изданы 5-й выпуск «Омского краеведа» (издается с 2003 г.), книга «Омский авангард», материалы Первых Ядринцевских чтений [Первые Ядринцевские чтения, 2012] и др., в 2013–2014 гг. — несколько альбомов и книг [Седьмые Всероссийские краеведческие чтения, 2013; Антология омского краеведения, 2013; Сибирский авангард..., 2013; Фотоальбом деда..., 2014; Вторые Ядринцевские чтения, 2014].

Результаты научных исследований сотрудники ОГИКМ репрезентируют на конгрессах, конференциях, семинарах, «круглых столах» в Омске, в других городах России, а порой и за рубежом. Сам музей организует научные форумы от регионального до международного уровня. На современном этапе точкой отсчета стала Сибирская региональная научная конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири», посвященная 110-летию музея (28–30 ноября 1988 г., Омск; организа-

торы — ОГИКМ и ОмГУ; соорганизатор — областное отделение Советского фонда культуры).

В 1992—2010 гг. ОГИКМ провел ряд важных научных мероприятий, как правило, в партнерстве: с ОмГУ, Омским государственным педагогическим университетом, Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭ СО РАН; до 2006 г. — Объединенный институт истории, филологии и философии СО РАН), Сибирским филиалом Российского института культурологии (РИК) (Омск), Омским филиалом Российского фонда культуры (до 1992 г.: Омским областным отделением Советского фонда культуры), Комитетом по культуре и искусству Омской области и далее Минкультуры Омской области, Омским областным музеем изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, Администрацией Любинского муниципального района Омской области, Государственным историческим музеем (Москва), Комитетом по музеологии Международного совета музеев (ИКОМ; Москва), Немецким культурным центром им. Гете (Москва), Новосибирским государственным педагогическим университетом, Институтом Петра Великого (Санкт-Петербург), Казахским научно-исследовательским институтом по проблемам культурного наследия номадов (Алматы), Центральным государственным музеем Республики Казахстан (Алматы).

В октябре 1992 г. состоялась Региональная научная конференция памяти Н.М. Ядринцева, в мае 1993 г. — Областная научно-практическая конференция «Памятники истории и культуры Омской области: проблемы изучения и использования», в октябре 1995 г. — Третья Всероссийская научно-практическая конференция «Памятники истории и культуры Сибири», в мае 1998 г. — Всероссийская научная конференция «Музей и общество на пороге XXI века», в июне 2003 г. — Международная научная конференция «Электронный век и музеи» и заседание Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев России при Минкультуры России (сопредседатели филиала — П.П. Вибе, Н.А. Томилов; о Совете см. статью Л.И. Скрипкиной в этом сборнике), в июне 2006 г. — Международный научно-практический семинар по проблеме создания историко-этнографического музейного комплекса под открытым небом «Любино-Малороссы», в мае 2008 г. — Международная научная конференция «Музейные ценности в современном обществе», посвященная 130-летию ОГИКМ, в октябре 2010 г. — Всероссийская научная конференция «Влияние Петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура)».

В 2011—2014 гг. деятельность ОГИКМ по репрезентации исторического научного знания оставалась интенсивной. Во Всероссийской научно-практической конференции «Краеведение как феномен провинциальной культуры», посвященной 125-летию со дня рождения известного сибирского краеведа А.Ф. Палашенкова (1886—1971) (27—29 октября

2011 г., Омск), участвовали более 100 ученых из 16 городов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. Ее организаторами наряду с ОГИКМ были Союз краеведов России (СКР; Москва), Международный благотворительный фонд им. Д.С. Лихачева (Санкт-Петербург), Сибирский филиал РИК. В январе того же года ОГИКМ провел IX музейно-краеведческие чтения, в ноябре – XVI областную молодежную научную конференцию «Омское Прииртышье: природа, история, культура». В ряде конференций принимали участие музейные сотрудники, жители ряда районов Омской области, школьники и студенты Омска.

Центральными событиями в научной жизни ОГИКМ в 2012 г. стали мероприятия, посвященные 170-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева (1842–1894): Всероссийская научно-практическая конференция «Первые Ядринцевские чтения» (30–31 октября, Омск), организованная совместно с Минкультуры области, Омским отделением СКР и Сибирским филиалом РИК, и XVII областная молодежная научная краеведческая конференция «Омское Прииртышье: природа, история, культура» (8 ноября, Омск). Были проведены два научно-методических семинара: в июле – «Актуальные вопросы учета, хранения и научного изучения музейных коллекций Омской области», в декабре – «История российских немцев: теория и практика музейной интерпретации» (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию).

В 2013 г. юбилейная эстафета была продолжена. 13–14 мая в Москве и 16–18 мая 2013 г. в Омске прошли «VII Всероссийские краеведческие чтения», организованные ОГИКМ, Минкультуры Омской области, Историко-архивным институтом Российского государственного гуманитарного университета (Москва), СКР (Москва) и его Омским отделением. В московском и омском этапах чтений приняли участие более 180 докладчиков из 50 городов России, а также других стран. В отчете ОГИКМ за 2013 г. отмечено, что их проведение на базе самого восточного отделения Союза краеведов России – первое и наиболее успешное за всю историю существования организации. Знаменательным событием стала прозвучавшая в видеозаписи приветственная (фактически программная) речь почетного председателя, создателя СКР академика С.О. Шмидта. Чтения проходили в контексте мероприятий в честь 135-летнего юбилея ОГИКМ и музейного дела в Омском Прииртышье.

95-летию начала исследования Омской стоянки посвящалась Международная научная конференция «Творчество в археологическом и этнографическом измерении» (16–20 октября, Омск; проведена при финансовой поддержке Омского производственного объединения «Радиоавтомобиль им. А.С. Попова /РЕЛЕРО/»), организованная Омским филиалом ИАЭ СО РАН вместе с ОГИКМ, ОмГУ, Омским областным музеем изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, ИАЭ СО РАН (Новосибирск), Сибирским филиалом РИК, а также Автономным университетом

штата Мехико (Мексика, Толука), Евразийским национальным университетом им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, Астана), Университетом Николая Коперника (Польша, Торунь). В рамках конференции ОГИКМ осуществил выставочный проект «Потаенная Сибирь: сокровища Великой Земли». Материалы для выставки предоставили ГИМ (Москва), Музей археологии и этнографии ОмГУ, Музей археологии и этнографии Омского государственного педагогического университета, Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока (Новосибирск).

В 2014 г. ОГИКМ организовал работу двух конференций регионального статуса (для школьников и студентов Омской области). Совместно с Минкультуры области и Омским региональным отделением СКР 29–30 октября музей провел «II Ядринцевские чтения» в память о 100-летию начала Первой мировой войны, в которых приняли участие 105 человек; на пленарном заседании в режиме видеоконференции были подписаны соглашения о его сотрудничестве с музеями Симферополя (Крым). «III Ядринцевские чтения», посвященные 300-летию Омска, состоятся в декабре 2015 г. В состав их организаторов помимо вышеназванных организаций входят Союз краеведов России, ОмГУ, Омский филиал ИАЭ СО РАН и Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

Существенна для научной и научно-пропагандистской сфер региональных музеев краеведческая деятельность, репрезентация локальной истории. Краеведение (изучение природы, истории населения, хозяйства и культуры регионов) привлекает значительные слои местных исследователей (как профессионалов, так и дилетантов). Благодаря ему расширяются источниковая база и научно-интерпретационные возможности исследовательских работ. В связи с вышесказанным изучение самого краеведения и его истории представляется актуальным. А поскольку в его функционировании в XX – начале XXI в. в России существенную роль играли краеведческие музеи, то характеристика их вклада в организацию и проведение краеведческих исследований, а также в распространение краеведческих знаний среди населения является важной составной частью изучения истории научных знаний.

В Сибири в годы советской власти именно краеведческие музеи как комплексные (многопрофильные в научном плане) учреждения проводили большую работу по организации и проведению соответствующих исследований. Такую функцию осуществлял и краеведческий музей в Омске, что нашло отражение во многих научных публикациях [Омский государственный историко-краеведческий музей, 2009]. В статье нами предлагается общая схема периодизации истории краеведческой работы этого учреждения и приводятся сведения общего характера о ней, почерпнутые в основном из научной литературы и периодики [Там же. С. 9–14; Вибе, 1998. С. 11–50; Назарцева, 2012. С. 266–307; 2014. С. 248–268;

Ремизов, 1998; Томилов, 2010. С. 4–12; 2011. С. 379–382; Томилов, Макаров, 1986. С. 3–39].

Первый период – с момента образования в 1878 г. музея Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО) и вплоть до вывода его из состава ЗСО ИРГО в 1921 г., завершившегося окончательно лишь в начале 1923 г. Краеведческие работы проводились в эти годы главным образом учеными – членами ЗСО ИРГО, передававшими в музей собранные ими коллекции и некоторые другие материалы. Собственной краеведческой работы музей не осуществлял. Накопившиеся за 40 лет ценные коллекции использовались в области как научных (в т. ч. краеведческих) исследований, так и распространения знаний о природе, истории, хозяйстве и культуре населения Степного края путем создания постоянной музейной экспозиции и выставок, проведения экскурсий по музею, чтения публичных лекций, участия в краевых, всероссийских и международных выставках в других городах [Захарова, Томилов, 2007. С. 115–130].

Исходя из этого, второй период краеведческой деятельности музея предлагаем датировать 1921–1930 гг. В эти годы был преодолен кризис в развитии музея, успешно развивались основные направления музейно-коллекционной, научно-пропагандистской, экспедиционной и научно-исследовательской деятельности. Был заложен фундамент для превращения Западно-Сибирского краевого музея в один из самых значительных музеев региона и центр краеведческих работ в Сибири, что связано с постановкой задач по развитию ее производительных сил, а также с относительно широкими демократическими проявлениями в краеведении. Одной из важнейших для него задач стало привлечение к его делам в массовом порядке местного населения. Помимо постоянной экспозиции в помещении музея и на территории его зооботанического сада действовали тематические выставки. В 1924–1928 гг. их было организовано восемь («Промышленно-экономическая выставка Омского округа», «Выставка казахского быта», выставка «Быт и работа Красной Армии», на которой демонстрировались вооружение и военное снаряжение, и др.). Они носили массовый характер по числу организаций и лиц, принявших участие в их подготовке (десятки предприятий и учреждений, аулы казахов, все части Омского гарнизона).

В 1923 г. музей выступил с инициативой создания Омского общества краеведения (создано в 1925 г.), в 1926 г. провел окружную краеведческую конференцию, на протяжении 1920-х гг. совместно с обществом краеведения организовывал чтение лекций для населения. В 1924 г. функционировала краеведческая школа и 3-месячные краеведческие курсы. С 1927 г. при отделах музея работали кружки юных краеведов, в том числе культурно-исторический кружок. На базе материалов экспедиций 1926–1929 гг. подготовлено несколько публикаций, в связи с чем воз-

ника идея создания периодического издания «Краевед Западной Сибири». В 1928 г. увидел свет первый выпуск «Известий Государственного Западно-Сибирского музея», в который вошли главным образом статьи его сотрудников, в том числе и по краеведческой тематике.

Третий период, охватывающий 1931–1991 гг. и разделяющийся на четыре этапа, характеризуется ведущей организационной ролью музея в области краеведения. Многие выработанные в 1920-е гг. методы музейной работы стали добрыми традициями и продолжали развиваться в 1930–1940-х и последующих годах. Однако при этом наблюдалась и тенденция превалирования просветительного направления, уменьшения, а затем сведения до минимума научно-исследовательских занятий сотрудников. Музей постепенно терял значение учреждения, призванного заниматься наряду с прочим научными исследованиями. Это отрицательно сказывалось на научно-пропагандистской работе: ее проводили сотрудники, уже не занятые творческим научным трудом. Тем не менее научно-исследовательская работа велась на протяжении почти всего последующего времени силами единичных научных сотрудников самого музея и привлекаемых работников вузов и научных учреждений Омска.

Первый этап начался в 1931 г., когда прошли преобразования в структуре учреждений с направлениями краеведческой работы (вместо Омского общества краеведов было создано бюро краеведения, реорганизованное в 1935 г. в Омское областное бюро краеведения), и закончился в 1942 г. В связи с образованием Омской области (1934) музей приобрел соответствующий статус и стал Омским областным краеведческим музеем. Научными изысканиями в середине 1930-х — начале 1940-х гг. были охвачены северные регионы Западной Сибири (Омская область раскинулась тогда до берегов северных морей): известны экспедиции музея в Ямало-Ненецкий и Остяко-Вогульский автономные округа, где проводились исследования их истории, населения, хозяйства, культуры, а также природы.

Второй этап связан со славным именем его директора А.Ф. Палашенкова, занимавшего этот пост с 1943 г. и вплоть до ухода на пенсию в марте 1957 г. За 34 года пребывания в Омске он провел многочисленные экспедиции, написал 104 работы, самой крупной из которых является рукопись «Памятники древней истории Среднего Прииртышья» (подготовлена к 1969 г., в 1980–1990-х гг. издана отдельными фрагментами в научных сборниках ОмГУ). Заботясь о всех направлениях работы музея, Палашенков особое внимание уделял деятельности ученого совета музея, которая возобновилась и развивалась наиболее активно именно в его директорство. В его состав помимо сотрудников входили также ученые Омска. Так, в 1951 г. в совете работали профессор Е.С. Сорокин и И.Н. Шухов, доценты и старшие преподаватели вузов И.И. Гантимуров, А.М. Жаркова, С.М. Каргаполов, Д.И. Логачев, Н.А. Плотников,

М.М. Садырин, заведующий почвенной лабораторией областного управления сельским хозяйством И.С. Сметанин, преподаватель партшколы В.И. Корнилов. Этот этап можно охарактеризовать как подъем краеведческого направления. Помимо многих экспедиционных сборов материалов назовем подготовку в 1947 г. к печати «Путеводителя для туристских путешествий, походов и экскурсий», издание методических рекомендаций для организаторов краеведческих экскурсий (1948) и вопросника по регистрации мест находок костей ископаемых животных (1949).

Заложенные А.Ф. Палашенковым традиции были продолжены на третьем (1958—1979) и четвертом (1980—1991) этапах 3-го периода музейно-краеведческой работы музея.

В 1950—1970-е гг. (третий этап) он курировал общественные краеведческие и народные музеи Омской области, оказывал им помощь в экспозиционной и научно-пропагандистской работе. Им проводились областные совещания музейных работников. Так, в 1960 г. в Омск съехались представители народных музеев Большереченского, Исилькульского, Калачинского, Любинского, Называевского, Тюкалинского, Черлакского и некоторых других районов. В 1958 г. в музее состоялся семинар по краеведению учителей омских школ, а с 1980 г. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (ОГОИЛМ) организовывал областные семинары, в которых участвовали представители его сельских филиалов (в Калачинске, Таре и Большеречье), общественных краеведческих музеев (Тевриза, Артына, Любино, Тюкалинска, Оконешниково и др.), музеев предприятий и учебных заведений областного центра. Такая форма учебы и обмена опытом оказалась очень эффективной.

Четвертый этап мы предлагаем датировать 1980—1991 гг., хотя окончательно музейные преобразования в Омской области завершились в конце 1992 г. Начался он с образованием музейного объединения исторического и головного музея и завершился с его расформированием и созданием сети самостоятельных музеев, в том числе головного музея Омской области — ОГИКМ. Новым явлением в работе музея на этом этапе стали организация и проведение научных и научно-практических конференций, в том числе по краеведческой тематике. В 1988 г. музеем вместе с ОмГУ организована Омская областная научная конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири», посвященная 110-летию музея; издано 7 сборников ее тезисов. В 1990 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Мир, культура, экология», в 1991 г. — научная конференция, посвященная 275-летию Омска. Музей продолжал быть центром краеведения: в 1988 г. в его здании прошло первое заседание Совета краеведения Омского областного отделения Советского фонда культуры, а в 1989 г. — первые краеведческие чтения, возрожденные по инициативе этого Совета. С 1986 г. музей

совместно с ОмГУ издавал каталоги своих этнографических коллекций (серия «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев»; первые тома вышли в свет в 1986 и 1990 гг. и включили в себя научные описания предметов хозяйства и культуры народов Севера Сибири и народов Южной Сибири).

Таким образом, в последние годы советской эпохи музеем достигнуты существенные результаты в развитии в регионе краеведения и созданы стартовые площадки для еще более эффективного развертывания этой деятельности в дальнейшем.

Четвертый период, начавшийся в 1992 г., продолжается по настоящее время. Он делится на два этапа. Первый из них (1992–2010) связан с расширением и углублением краеведческих действий Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ) в сотрудничестве с другими музеями, вузами, научными учреждениями и общественными организациями (в том числе с Советом краеведения Омского филиала Российского фонда культуры; руководителями Совета стали П.П. Вибе и Т.М. Назарцева). Музей организовал ряд регулярно проводимых краеведческих акций: публикации в разделе «История и краеведение» «Известий Омского государственного историко-краеведческого музея», издание научно-популярного альманаха «Омский краевед»; краеведческие научные конференции (см. выше), в том числе областная молодежная научная краеведческая конференция «Омское Прииртышье: природа, история, культура»; областные музейно-краеведческие чтения; детская интеллектуальная игра «Знатоки краеведения» и др. В 1994 г. издан «Омский историко-краеведческий словарь» (научный редактор и один из составителей П.П. Вибе).

Началом второго этапа четвертого периода нам видится 2011 г. В октябре того года ОГИКМ в сотрудничестве с Союзом краеведов России провел Всероссийскую научную конференцию «Краеведение как феномен провинциальной культуры», существенно укрепившую ведущие позиции музея в организации и проведении краеведческих работ в регионе и усилившую интеграционные позиции омского краеведения в целом в России [Назарцева, 2012. С. 112–116.]. В январе 2012 г. проведено учредительное собрание по созданию Омского регионального отделения СКР. Его возглавил директор ОГИКМ П.П. Вибе, тем самым сделав музей базой для деятельности отделения в последующие годы.

Деятельность ОГИКМ в современных условиях — пример успешного соединения коммерческого, культуротворческого и созидательного направлений работы. Музей результативно выполняет все социальные функции такого типа учреждения. И главное: он работает на nive получения новых знаний как на благо российской науки, так и на благо музейной сферы российского общества, сохраняя тем самым статус научно-исследовательского и научно-просветительного учреждения. Этот

опыт особенно значим сегодня для противодействия установке на свертывание научных исследований в музеях. Важным направлением их работы является и информационное обеспечение исследований в области регионалистики и локальной истории.

Библиография

Антология омского краеведения / Мин-во культуры Омской обл., Омский гос. историко-краеведческий музей, Омское отделение СКР. Т. 1: Избранные труды А.Ф. Палашенкова. Омск: Омскбланкиздат, 2013. 742 с.

Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX — первой трети XX в. Омск: Наука, 2011. 319 с.

Вибе П.П. Омский государственный историко-краеведческий музей: итоги и перспективы развития // Музейные ценности в современном обществе. Материалы Международной научной конференции, посвященной 130-летию Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2008. С. 4—10.

Вибе П.П. Омский государственный историко-краеведческий музей: Основные этапы истории // Омский государственный историко-краеведческий музей. 1878—2008. Библиографический указатель. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. С. 9—14.

Вибе П.П. 120 лет Омского государственного историко-краеведческого музея: хроника основных событий // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. 1998. № 6. С. 11—50.

Вторые Ядринцевские чтения: Материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны (Омск, 29—30 октября 2014 г.) / Под ред. П.П. Вибе, Т.М. Назарцевой. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2014. 276 с.

Захарова И.В., Томилев Н.А. Этнографические центры Западной Сибири середины XIX — начала XXI века. Омский этнографический центр. Омск: Наука, 2007. С. 115—130.

Краеведение как феномен провинциальной культуры: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения А.Ф. Палашенкова (1886—1971). Омск: Изд-во ОГИК музея, 2011. 696 с.

Культура и искусство Омской области в 2013 году. Сборник информационно-аналитических материалов / Мин-во культуры Омской обл. Омск, 2014. Вып. 17. С. 62.

Назарцева Т.М. Краеведение как феномен провинциальной культуры // Культурологические исследования в Сибири. 2012. № 4. С. 112—116.

Назарцева Т.М. Хроника музейной жизни 2008—2010 гг. // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. 2012. № 17. С. 266—307.

Назарцева Т.М. Хроника музейной жизни 2011—2012 гг. // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. 2014. № 19. С. 248—268.

Омский государственный историко-краеведческий музей. 1878—2008: Библиографический указатель / Сост. А.А. Кильдюшева; науч. ред. П.П. Вибе. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. 406 с.

Первые Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева (1842–1894) (Омск, 30–31 октября 2012). Омск: Изд-во ОГИК музея, 2012. 300 с.

Пугачева Н.М. Вибе Петр Петрович // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М.: Отечество, 1994. С. 46.

Реликвии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в музеях Омской области: Каталог. Омск: ИД ЛЕО, 2011. 160 с.

Ремизов А.В. Омское краеведение 1930–1960-х годов. Очерк истории. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1998. Ч. I. 180 с.; Ч. II. 175 с.

Седьмые Всероссийские краеведческие чтения (Москва–Омск, 13–17 мая 2013 г.). М.: ИЦ Краеведение, 2013. 728 с.

Сибирский авангард: живопись и графика 1910–1920-х гг. в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея: Альбом-каталог. Омск: Омскбланкиздат, 2013. 80 с.

Синникова Л.И. Петру Петровичу Вибе – 50 лет // Культурологические исследования в Сибири. 2006. № 1. С. 19–22.

Томилов Н.А. Историко-культурное наследие и его роль в российском обществе // Омская крепость: Историко-культурное наследие: Сборник материалов Омской городской научно-практической конференции (Омск, 25 ноября 2010 г.) / Сибирский филиал Рос. ин-та культурологии. Омск: Наука, 2011(а). С. 13–15.

Томилов Н.А. История музеев России: вопросы периодизации // Грибушинские чтения – 2011: на стыке традиций, эпох, континентов. Кунгур, 2011(б). С. 379–382.

Томилов Н.А. Музеи Сибири: периодизация и изучение их истории // Научно-исторический и культурно-образовательный потенциал сибирских музеев. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2010. С. 4–12.

Томилов Н.А. Роль историко-культурных ресурсов музеев в процессах стабильного развития российского общества // Культурологические исследования в Сибири. 2006(а). № 1. С. 78–81.

Томилов Н.А. Роль историко-культурных ресурсов музеев в процессах стабильного развития российского общества // Ресурсы исторических и краеведческих музеев и проблемы их эффективного использования в современном российском обществе. Красноярск: Краевой краеведческий музей, 2006(б). С. 46–52.

Томилов Н.А. Роль историко-культурных ресурсов музеев в процессах стабильного развития российского общества // Человек, культура, общество в контексте глобализации. М.: Академический проект, 2007(а). С. 28–31.

Томилов Н.А. Социальная значимость музейного историко-культурного наследия // Сборник музея Археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Вып. 2: Культуры и народы северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2008. С. 42–44.

Томилов Н.А. Социальная значимость музейного историко-культурного наследия // Словцовские чтения – 2006. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2006(в). С. 43–45.

Томилов Н.А. Социальная значимость музейных историко-культурных ресурсов и музеев Сибири // Культурологические исследования в Сибири. 2007(б). № 1. С. 90–93.

Томилов Н.А., Макаров Ю.А. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (Краткий исторический очерк) // Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1986. С. 5–39.

Фотоальбом деда: каталог выставки Г.П. Кичигина / Мин-во культуры Омской обл., ОГИК музей, ОРО ВТОО «Союз художников России». Омск: Омскбланкиздат, 2014. 24 с.

УДК. 069, 930

О.Н. Шелегина, O.N. Shelegina

ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИБИРСКИХ МУЗЕЕВ ПО ФОРМИРОВАНИЮ И ПРЕЗЕНТАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Traditions and Perspectives of Siberian Museums on the Formation and Presentation of the Information Resource of Historical Science

Аннотация: в статье в исторической динамике (с XVIII в. по настоящее время) рассматриваются направления деятельности музеев Сибири по формированию и презентации информационного ресурса исторической науки. Проанализирован процесс создания музеев Сибирского региона, формирование и состав их фондовых собраний, коммуникационная экспозиционно-выставочная деятельность, представительство на российском и международном уровне. Дана оценка репрезентативности фондов сибирских музеев как информационного ресурса для проведения исторических исследований. Представлены новационные и перспективные векторы по формированию и презентации информационного ресурса российской исторической науки: экспозиция «Путями познания», проекты «Музей Сибири», «Гуманитарный технопарк».

Abstract: The article in historical dynamics (from 18th century to the present day) deals with areas of activities of museums in Siberia on formation and presentation of information resource of historical science. There is analyzed the process of museums establishment in Siberian region, formation and composition of their holdings, communicative exposition and display activities, representation at Russian and international level. The estimation of representativeness of Siberian museums funds as an information resource for historical research is assessed. There are presented innovative and promising vectors for formation and presentation of information resources of Russian historical science: exposition «Ways of knowing», projects «Museum of Siberia», «Humanitarian Technopark».

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, гуманитарный суверенитет, историческое сознание, региональная идентичность, информационное обеспечение, информационный ресурс, историографическая экспозиция, «Музей Сибири», «Гуманитарный технопарк», традиции и новации.

Keywords: historical science, museology, Humanities sovereignty, historical consciousness, regional identity, information provision, information resource of historical science, historiography exhibition «Ways of knowing», «Museum of Siberia», «Humanitarian Technopark». traditions and innovations.

Глобальные социокультурные и научные задачи, связанные с обеспечением гуманитарного суверенитета России и общественно-значимого перехода от использования наследия к его освоению, могут эффективно решаться только на основе адекватного современным условиям информационного обеспечения исторической науки, активного участия в этом процессе музеев, как базовых элементов ее информационной инфраструктуры.

Информационное обеспечение исторической науки в настоящее время позиционируется как актуальная фундаментальная научная проблема [Воронцова, Гарскова, 2013. С. 487–505]. Предложено следующее определение понятия «информационное обеспечение исторической науки»: это деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения исследовательских задач в области изучения истории, а также сама такая информация, определенным образом структурированная (организованная) и представленная в удобном для исследователя виде [Воронцова, 2014. С. 363–372]. На основе анализа взаимосвязей и оппозиций музеев и исторической науки констатируется общность их деятельности по формированию исторического сознания, сохранению исторической памяти и возможность «репрезентировать накопленное знание различным сообществам людей и отдельным личностям для их адекватной идентификации и ориентации в мире»; ключевой задачей при этом называется целенаправленное структурирование и систематизация «исторического научного знания под нужды музея и музейных фондов и экспозиции — под нужды науки» с учетом современных информационных технологий [Воронцова, 2014(а). С. 57–61].

В связи с этим значительный интерес представляет анализ традиций музеев Сибири в формировании информационного ресурса исторической науки и в его репрезентации, позволяющий выявить заложенные ранее основы для успешного решения обозначенной выше задачи.

Сибирский регион занимает значительное место в музейной истории, освоении историко-культурного наследия национального и мирового уровня. Уже в XVIII в. на основе программы Г.Ф. Миллера было начато изучение и описание памятников на территории Сибири: «Главнейшая цель при исследовании древностей этого края должна, конечно, заключаться в том, чтобы они послужили к разьяснению древней истории обитателей его, чего и можно смело ожидать от различных древностей, встречающихся в Сибири. Сюда относятся и расписанные изображе-

ниями людей и животных естественные скалы по берегам некоторых рек, как, например, на Томи, между Томском и Кузнецком» [Миллер, 2010. С. 70, 72]. В настоящее время Томская писаница — священная скала с древними рисунками (судьбу которой предсказал Г. Ф. Миллер), и «Томская писаница» — историко-культурный и природный музей-заповедник (созданный в месте ее расположения на р. Томи, вблизи г. Кемерово), явления особого значения в истории и культуре, нашли освещение более чем в 300 работах. Они систематизированы по хронологическому принципу с выделением периодов: XVIII—XIX вв., первая половина XX в.; 1951—1996 гг. и далее по каждому году в фундаментальном библиографическом указателе с предисловием А.И. Мартынова [Музей-заповедник «Томская писаница», 2012]. Данный информационный ресурс позволяет исследовать в исторической динамике процессы изучения и музеефикации уникального памятника, его роль в социокультурном пространстве индустриального Кузбасса.

Первые общедоступные музеи Сибири были созданы в Иркутске (1782) — крупном административном и торговом центре Восточной Сибири, Нерчинске (1820-е гг.) и Барнауле (1823) — центрах горных округов, городах, имевших учебные заведения: «навигационные школы», горные училища. Примечательно, что именно через эти города проходили маршруты академических экспедиций, изучавших сибирскую территорию.

«Иркутский музей» считается первым провинциальным музеем России. В декабре 1782 г. в Иркутске были открыты публичная библиотека (книгохранительница) и общедоступный музей. В их основу положен один из первых в истории российского музейного дела проект Ф.Н. Клички. В нем были предусмотрены: интеграция работы музея и библиотеки как значимых для развития культуры в губернии учреждений; комплектование многопрофильного фондового собрания — «сверх книг снабдить сию книгохранительницу математическими, физическими и земледельческими орудиями», а также иметь «все находящиеся в сей Губернии ископаемые, произрастения и животные»; доступность культурных ценностей (книг) для широких кругов населения «дабы каждой и всякой мог пользоваться оных чтением для исправления сердца, для просвещения ума, и для питания духа и души своей...» [Кличка, 2010. С. 142]. Устройством музея занимались почетный член Академии наук, известный исследователь Сибири Э.К. Лаксман и А.М. Карамышев. Для музея собирались естественно-исторические и этнографические коллекции, а также физические приборы, сельскохозяйственные орудия, модели судов. В 1850 г. музей перешел в ведение Главного управления Восточной Сибири как «постоянный музей с выставкою при нем произведений природы, искусства и разного рода промышленности». С 1854 г. он превращается в научно-просветительное учреждение, центр по изучению Сибири и сопредельных территорий. Этому способствовали экспедиционные работы Р.К. Маака,

Д.А. Клеменца, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, П.А. Кропоткина. Уже в 1890-е гг. Иркутский музей, по оценке современников, был одним из наиболее хорошо оборудованных и значимых провинциальных музеев. Его коллекции представляли интерес для ученых из Германии и Австро-Венгрии. Библиотека обменивалась изданиями с научными учреждениями европейских стран и США [Гаврилова, 2010. С. 661].

О востребованности фондового ресурса музея исторической наукой и о введении его в научный оборот с использованием информационных технологий свидетельствует, в частности, то, что в анкете к проекту «Цифровые решения для музеев» (2003) в числе раритетных коллекций для дигитализации Иркутским областным краеведческим музеем были названы:

- книжное собрание, формировавшееся с 1851 г. и поступившее в музей от Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСО РГО). В начале XXI в. оно насчитывало более 80 тыс. ед. хр., из них редких книг — 35 тыс. ед. (представлены экземпляры начиная с XVIII в.). В формировании коллекции принимали участие ученые с мировым именем: Обручев В.А., Окладников А.П., Герасимов М.М. После продажи Юдинской библиотеки в США оно является единственным сформированным книжным собранием России по теме «Сибирика»;
- коллекция графических материалов по истории Иркутска и Иркутской губернии П.И. Пежемского и И.Е. Кожевина (первая половина XIX в.) с изображением видов Иркутска, несохранившихся зданий исторического центра, деревянных и каменных церквей, гербов городов Иркутской губернии [Анкета, 2003].

Алтайский государственный краеведческий музей по праву гордится историко-технической (горнозаводское производство Алтая XVIII—XIX вв.) и нумизматической (сибирские монеты XVIII в.) коллекциями, а также коллекцией книг Кольвано-Воскресенских библиотек XVIII—XIX вв. [Анкета, 2003], доставшимися ему в наследство от одного из старейших музеев Сибири — Барнаульского горного музеума. Он создавался в 1823 г. как ведомственный в ознаменование 100-летия горнозаводского дела на Алтае. Инициатором его создания был горный инженер, начальник округа Кольвано-Воскресенских (Алтайских) заводов П.К. Фролов. Активное участие в организации музея принял врач, натуралист, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук Ф.В. Геблер. В экспозиции демонстрировались модели горных машин и механизмов, археологические, этнографические, зоологические коллекции, имелся минералогический кабинет. Первая этнографическая коллекция включала материалы по народам Сибири, Северной Америки, Алеутских островов, Северо-Восточного Китая—Маньчжурии. Музей привлекал внимание многих известных ученых и путешественников:

А.А. Гумбольдта (1829), П.П. Семенова-Тян-Шанского (1856), А.Э. Брема (1876) [Попова, 2010. С. 82–83].

К. Ледебур, профессор Дерптского университета, посетивший Барнаулский музей в 1826 г. во время экспедиции на Алтай, так описывает его первую экспозицию: «...в двух залах музея представлены модели шахт, заводов и машин, модель паровой машины, сконструированной в 1764 году шихтмейстером Ползуновым... В пятом — предметы обихода различных сибирских народностей, как то: оружие, утварь, костюмы и снаряжения шаманов, предметы из чуждских могил» [Ледебур, 1959, С. 294]. П.П. Свиньин, высказывая признательность основателям музея в Барнауле, отмечает, что за четыре года он был доведен «до той степени совершенства, порядка и разнообразия, каковыми не многие подобные сему собрания могут похвалиться в самой Европе» [Свиньин, 2010. С. 219]. Устроители музея использовали опыт Кунсткамеры по демонстрации костюмов представителей сибирских народов [Равикович, 1957. С. 162]. На Антропологической выставке в Москве (1879) «Коллекция древностей из Сибири», представленная Барнаульским музеем, была удостоена серебряной медали.

Таким образом, можно заметить, что даже на ранних этапах становления музейного дела в Сибири на достаточно высоком уровне осуществлялись функции музеев, связанные с систематизацией и репрезентацией в экспозиционно-выставочной форме формирующегося фондового ресурса.

Сохранившиеся коллекции XIX в. стали золотым фондом современного собрания Алтайского государственного краеведческого музея. Яркий образ многонационального Алтая создает этнографическая коллекция, создававшаяся на протяжении всей истории музея и содержащая предметы материальной и духовной культуры коренных жителей Алтая (алтай-кижи, телеутов, кумандинцев) и переселенцев XVIII–XX вв. (русских, украинцев, мордвы, немцев, татар и других народов). Фотоснимки конца XIX — начала XX в., выполненные профессором Томского университета В.В. Сапожниковым, землемерами Н. Я. Овчинниковым, Т.И. Ивановым, профессиональным фотографом С.И. Борисовым, содержат бесценную информацию для географического и этнографического изучения Алтая, культуры жизнедеятельности его населения. В 2012–2014 гг. совместно с муниципальными музеями был реализован проект «Каталогизация этнографических коллекций музеев Алтайского края».

В современный период Алтайский государственный краеведческий музей — один из главных хранителей историко-культурного наследия региона (более 190 тыс. ед. хр.). Он располагает научной библиотекой с фондом около 24 тыс. томов по истории, археологии, этнографии, естествознанию, краеведению и музееведению. Его своеобразной визитной карточкой, свидетельствующей о сохранении и приумножении традиций,

стали «Геблеровские чтения». С 2001 г. по настоящее время этот проект интегрирует научно-исследовательскую, методическую и международную деятельность музея. В его рамках осуществляются работа с музейным собранием как источником информации для изучения этнокультурных процессов и специфики развития региона, сотрудничество с музеями Германии, внедрение информационных технологий, новых форм презентации музейных предметов [Падалкина, 2006].

В Сибири, за исключением представленных выше первых музеев, активная организация местных музеев в силу специфики геополитического, социально-экономического положения региона началась в последней трети XIX в. Музеи стали своеобразным средством содействия изучению и освоению новых территорий: «Как только возникает потребность улучшения и развития каких-либо условий жизни, тотчас возникает потребность в создании музея» [Клеменц, 1892. С. 2–3]. В сибирском обществе музей позиционировался как «учреждение, носящее двойственный характер: с одной стороны, он должен исследовать и изучать, а с другой — популяризировать знания и учить, следовательно, это учреждение и ученое, и учебное. В этой двойственности музея его сила и значение» [Ежегодник Тобольского музея, 1915. С. 57].

Минусинский музей, организованный демократически настроенным просветителем Н.М. Мартьяновым, считается классическим образцом российского музея местного края второй половины XIX в. В 1878 г. он стал общедоступным публичным городским музеем с библиотекой. На начальном этапе его формирования были собраны уникальные естественно-исторические и этнографические коллекции, что в дальнейшем способствовало его региональной, российской и международной известности. Лучшим в Сибири было признано издание «Каталог и краткое описание Минусинского музея» (1881). В нем формулировались принципы комплектования коллекций (естественно-исторической, производственно-промышленной, историко-этнографической, сельскохозяйственной) и их состав, содержались устав, путеводитель, отчет о результатах работы, список жертвователей. В 1886 г. опубликована книга «Древности Минусинского музея» (с атласом), подготовленная Д.А. Клеменцем и получившая высокую оценку научной общественности. В 1892 г. на Московском международном конгрессе музей демонстрировал и атрибутировал археологические материалы. В год своего открытия он имел три отдела: естественно-исторический, этнологический и технический. В 1878 г. создан отдел учебных пособий и предметов из других регионов, в 1884 г. образовался археологический, в 1887-м — нумизматический отдел. В 1898 г. этнологический отдел разделен на этнографический и антропологический. К 1902 г. Минусинский музей, вместе с отделом города Минусинска, имел 11 отделов. Такая специализация способствовала развитию музейной коммуникации, более полному учету интересов посетителей.

Со временем музей в Минусинске превратился в культурный и научный центр с превосходно подобранной библиотекой, был экспонентом ряда престижных выставок. Так, для участия во Всемирной выставке в Париже (1900) его руководителю Н.М. Мартьянову от российского комитета выставки был направлен список экспонатов, требующихся для характеристики южной части Енисейской губернии: «1. Предметы, характеризующие быт Минусинских и Ачинских татар, преимущественно одежду, домашнюю утварь и жилище; 2. Предметы, характеризующие шаманизм инородцев; 3. Предметы археологические, которые особенно интересуют иностранцев; 4. Соответствующие фотографии и рисунки; 5. Типичные представители флоры южной части губернии, на щитах и в виде отдельных экземпляров, пригодных также для декоративных целей» [Кон, 1902. С. 135]. Минусинскому музею отводилась площадь в 10–20 м². Коллекции давали представление о Минусинском округе, роли в нем музея, достигнутых им результатах во взаимосвязи с другими регионами России. Экспозиция была отмечена дипломом и серебряной медалью. Ученые всех академических и зарубежных научных экспедиций, работавших в этом регионе, обязательно знакомились с Минусинским музеем и нередко пополняли его коллекции [Музейное дело России, 2010. С. 199, 205]. В Сибири его называли «старший брат», «родоначальник сибирских музеев», в Центральной России, за границей говорили и писали о «минусинском чуде» [Шелегина, 1999. С. 25].

В настоящее время процесс репрезентации коллекций музея, их использование исследователями истории Сибири как информационного ресурса находит отражение в сборнике докладов и сообщений Мартьяновских краеведческих чтений. Так, в его 7-й выпуск, приуроченный к 135-летию со времени основания Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова, включены разделы: «Музееведение», «История Сибири», «Археология», «Краеведение», «Образование». «Люди и судьбы». В 2012 г. музей был удостоен Премии Всероссийского историко-литературного конкурса «Александр Невский» за проект «Дни памяти основателя музея Николая Михайловича Мартьянова» [Мартьяновские краеведческие чтения, 2012].

Нерчинский музей, первый публичный музей в Забайкалье, был основан в 1886 г. ссыльным А.К. Кузнецовым. Он предназначался для демонстрации природных богатств края, этнографических коллекций и археологических памятников, а также распространения среди населения естественно-исторических, технических и сельскохозяйственных знаний. В антропологическом, этнографическом и археологическом отделах экспонировалось «все, что относится к жизни настоящих обитателей Забайкальской области и ее древних обитателей»: манекен баргузинской ороченки в полном костюме, бурятские культовые материалы, переданные доктором Н.В. Кириловым и ширетуями забайкальских дацанов,

фотографии, атрибуты шаманизма [Закаблукская, Громова, 2010. С. 273–274]. А.К. Кузнецов, руководивший этим музеем, писал: «Я не только осязательно вижу пользу, приносимую местными музеями, но и в своих мыслях захожу далеко: мне кажется, что местные музеи, может быть, в недалеком будущем будут главными проводниками в народную массу как теоретических, так и практических вопросов... Местный музей должен представлять наглядную картину всех сторон настоящей и прошлой жизни известной местности. В таком музее как строгий ученый мог бы найти ответы на интересующие его вопросы, так и всякий практический человек мог бы найти все данные для решения того или иного вопроса, и каждый посетитель мог бы удовлетворить свою любознательность» [цит. по: Литвинцев, 2006. С. 101].

Важно, что руководители первых сибирских музеев понимали научно-практическую значимость музеев и содействовали их развитию. Музеи в Сибири, как и общероссийские, взяли на себя важную функцию «хранителя и стража научных ценностей». В условиях активного освоения сибирских территорий и адаптации населения к условиям региона важное значение приобретал систематический, планомерный, всесторонний сбор фактического материала о его природе, экономике, истории. Сотрудники музеев своей задачей считали составление «по возможности полных коллекций по истории, этнографии, археологии, дабы этим путем обеспечить работу будущим исследователям края» [Газенвинкель, 1890. С. 1]. В Музее ВСО РГО изучением этнографии бурят занимался А. П. Щапов, положивший начало комплектованию этих материалов. Сбор предметов, характеризующих жизнь бурятского народа, осуществляли также Д.А. Клеменц и Г.Н. Потанин. Кроме таких экспонатов, в музей ВСО РГО поступили предметы, характеризующие культуру жизнеобеспечения (одежда, средства передвижения, орудия охоты, модели жилищ, изделия из кожи, кости, дерева, металла, предметы искусства, религиозного культа) якутов, алеутов, коряков, юкагиров, тунгусов, ламутов, качинских татар, сойотов, чукчей. В Тобольский музей сотрудники привозили предметы материальной культуры, полученные от северных народов — хантов и манси.

Комплектование фондов осуществлялось двумя видами полевых исследований: экскурсии работников музея или краеведов-любителей в пределах округа, в котором находился музей; экспедиции, осуществлявшиеся местными и центральными научными обществами на сопредельных с округом территориях, в нескольких округах. Полевые работы предусматривали сбор различных предметов, беседы с местными жителями, зарисовки, замеры отдельных объектов, ведение записей в дневнике. В Минусинском музее экскурсиями по краю занимался Н.М. Мартыанов, Тюменском — И.Я. Словцов, Красноярском — А.Я. Тугаринов, Енисейском — А.И. Кытманов и Н.В. Скорняков. В силу специ-

фики полевых сборов больше всего материала комплектовалось для естественно-исторического и археологического отделов [Кон, 1902. С. 122].

Следует подчеркнуть, что сибирские музеи занимались и комплектованием, хранением, представлением материалов, имеющих общероссийское историко-культурное значение. Так, Нерчинский музей собирал свидетельства, отображающие историю декабристского движения: личные вещи, снимки зданий, в которых жили декабристы, воспоминания старожилов. В Читинском музее оформили альбом с материалами о пребывании декабристов в Забайкалье [Равикович, 1960. С. 195].

В рассматриваемый период единой системы классификации материалов в музеях, как российских, так и сибирских, не существовало. Работа по определению и научному описанию музейных собраний даже в крупных музеях местного края велась не систематически, в большей мере зависела от специализации их сотрудников, возможности привлечения к работе специалистов в разных областях знаний. В большинстве музеев поступавшие предметы подвергались первичной обработке, в которую входили систематизация, научное определение и описание этих предметов. Характеризуя местные музеи, Н.М. Могилянский дает оценку этому достижению: «Уже попытка наглядно изобразить в системе современное состояние научных воззрений в какой-либо отрасли знания — в виде систематически расположенных объектов музея — имела не только значение популяризации науки, ее приобретений, но имела свое значение вообще, ибо на объективном материале приходилось лишний раз проверить данные науки, причем рельефно выступали все пробелы, недочеты знаний и создавался необходимый импульс для накопления нового материала, новой проверки, новых исканий» [Могилянский, 2010. С. 12].

В большей степени систематизация исторического научного знания под нужды музея и музейных фондов и экспозиции под нужды науки осуществлялась в музеях, работавших под эгидой Русского географического общества (РГО).

В Омске по «Положению о Западно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества» при отделе утверждался в 1878 г. местный музей минералогических, естественно-исторических, этнографических и археологических предметов. Большой вклад в его создание внесли ученые М.В. Певцов, И.Я. Словцов, Г.Е. Катанаев, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев. С 1882 г. музей стал называться Западно-Сибирским. Фонды пополнялись за счет экспедиционной работы и добровольных подношений от частных лиц. В музей доставлялись ботанические и зоологические материалы, предметы, имеющие художественную ценность, этнографические находки. Уже на стадии становления музей был своеобразной лабораторией изучения Сибири, объединял интеллектуальные силы местной интеллигенции. В конце XIX в. в нем оформили несколько экспозиционных отделов для посетителей: археоло-

гический, минералогический и этнографический; демонстрировалась коллекция нумизматики. Во время революции 1917 г. и Гражданской войны самоотверженные усилия сотрудников музея позволили сохранить коллекции от вывоза их из Омска на восток с отходящими войсками белой армии [Назарцева, 2003. С. 17–18].

В Читинском музее, основанном в 1894 г. при Забайкальском отделении РГО, к началу 1897 г. в фондах насчитывалось 20 418 ед. хр.: предметы материальной и духовной культуры бурят, эвенков, русского населения, археологические находки, документы, фотографии и др. Пополнение собрания шло за счет поступлений от местного населения, полевых экскурсий, научных экспедиций. Этнографические коллекции демонстрировались на выставках в Нижнем Новгороде (1896), Москве (1987), Париже (1900) [Закаблуковская, 2010. С. 496–497].

Музеи, функционировавшие при отделах Русского географического общества, существенно повышали статус отделов: «...без музея отделение почти теряет свой смысл существования и сильно падает в своем значении — ученые статьи местных обывателей найдут место и в других изданиях, помимо протоколов отделения. В систематически подобранных коллекциях — вся сила отделения» [Клеменц, 1892. С. 3].

Важное геополитическое значение имело то, что сибирские отделы РГО изучали территории сопредельных стран, собирали соответствующие материалы и передавали их в музеи. Наличие в фондах Читинского, Иркутского, Кяхтинского музеев материалов по этим странам отражало географическое положение края, его экономические связи, не нарушая их краеведческого профиля. Д.А. Клеменц так обосновывал необходимость сбора материалов о Китае: «Кяхта — оплот русско-китайской торговли. При своем громадном практическом знании Китая, при связях с ним Кяхта может создать единственный в своем роде Кяхтинско-монгольский музей. Нигде в стране нет таких условий для создания этого музея, как в Кяхте. Оказав громадную услугу русской торговле в прошлом, Кяхта, основав музей, окажет ее и далекому будущему, ее практическое знание Китая не пропадет, а послужит на пользу русской жизни и русской науке» [Клеменц, 1892. С. 34–35].

Показательно, что в начале XX в. в семь наиболее значимых российских фондовых собраний того периода вошли четыре сибирских: Минусинского, Иркутского, Читинского, Кяхтинского музеев [Равикович, 1960. С. 216]. Самым значительным успехом, определившим уровень развития музейного мира Сибири в рассматриваемый период, явилось участие во Всемирной выставке в Париже в 1900 г. На ней успехом пользовались экспозиции Тобольского, Минусинского музеев, музея ВСО РГО [Шелегина, 2002. С. 116–117].

В Сибири появились специализированные музеи, собрания которых представляют интерес для современной исторической науки. Обдорское

миссионерское братство св. Гурия открыло в 1906 г. в Салехарде этнографический музей под названием «Хранилище коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера». Его основателем стал игумен Иринарх (Иван Семенович Шимановский), настоятель Обдорской духовной миссии. Первый на Обском Севере музей сочетал научные и гуманистические цели. Для эффективного ведения миссионерской деятельности осуществлялось изучение жизни аборигенного населения на основе коллекций, насчитывающих около тысячи предметов. У посетителей музея формировалось уважение к культуре коренных народов, желание оказывать им помощь [Исламова, 2011. С. 21]. В настоящее время кредо созданного на основе Обдорского этнографического музея Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шимановского — «мудрость предков для будущих поколений».

В 1916 г. на базе Томского церковного историко-археологического общества по инициативе преосвященнейшего Мефодия, епископа Томского и Алтайского, был создан епархиальный археологический музей церковных древностей. Его экспонатами стали памятники церковной старины, древности, первобытной истории, а также предметы археологического и исторического значения, собранные в результате исследования архивов церквей, монастырей, духовно-учебных заведений. В декабре 1917 г. заведующий древлехранилищем обратился к духовенству и мирянам с просьбой о помощи в охране памятников церковной старины в связи с участвовавшими случаями посягательства на памятники исторического и художественного значения. Он рекомендовал пересылать вышедшие из церковного употребления старинные вещи, книги, грамоты, иконы-складни, составлять подробное описание и фотографировать интерьеры и фасады церковных зданий [Полякова, 2011. С. 230—231]. Собранные по инициативе музея материалы в настоящее время актуализируются на новой технологической основе. Ю.А. Крейдун анализирует междисциплинарные способы виртуального воссоздания архитектурных объектов и программные компьютерные средства трехмерного моделирования, позволяющие визуализировать целостный облик культурного ландшафта как формы описания культурно-природных объектов наследия, разрабатывается и апробируется авторская комплексная методика виртуального воссоздания полностью или частично утраченных памятников церковной истории и архитектуры юга Западной Сибири [Крейдун, 2014. С. 71—76].

В последней трети XIX — втором десятилетии XX в. более 30 музеев являлись активными элементами формирования музейного мира Сибири. Уже на начальном этапе их функционирования они стали важными звеньями в развитии всего региона, способствовавшими его научному изучению и освоению, комплектованию и хранению материалов, относящихся к историко-культурному наследию, социокультурной адаптации населения.

В тот период были заложены основы для реализации миссии музеев по формированию и трансляции сибирской региональной идентичности, традиции по формированию и презентации информационного ресурса исторической науки.

Рассматривая теоретико-методологические аспекты функционирования музея как элемента системы информационного обеспечения исторической науки, Е.А. Воронцова выделила базовые позиции для партнерских взаимовыгодных отношений со стороны науки (информационные ресурсы, экспозиции для репрезентации научного знания обществу) и музея (научное обоснование принципов комплектования и каталогизации фондов, создания репрезентативных выставок и экспозиций). К числу перспективных можно отнести идею об исторической экспозиции как особом типе историографического исследования [Воронцова, 2014(б), С. 82, 84; Румянцева, 2011]. Результаты реализации такого взаимодействия и перспективы его развития можно проанализировать на примере музеев Сибирского региона.

В рамках выделяемой нами куммулятивной тенденции в музейной историографии Сибири появились энциклопедические издания, каталоги музейных собраний, диссертационные исследования, связанные с анализом информационного потенциала коллекций (второй половины XIX — нач. XX в.) для исторической науки [Шелегина, 2014. С. 52–53]. В формировании нового вектора исследований концептуальное значение имел комплексный подход к описанию и введению в научный оборот музейных предметов, разработанный коллективом кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета. Как подчеркивает Г.М. Патрушева, активно участвующая в выполнении этого долгосрочного проекта, «приоритет введения таких научных описаний принадлежит омским этнографам и музееведам, аналогов ни в России, ни в странах бывшего СССР не появилось» [Патрушева, 2010. С. 2012–2013]. Научная серия «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» (главный редактор Н.А. Томилов) уже включает около 20 каталогов [Патрушева, 2010. С. 2012–2013; Томилова, Томилов, Корусенко, 2007. С. 34–39; Шелегина, 2011. С. 114–116], способствующих расширению информационного взаимодействия музеев и исторической науки.

В Омском филиале Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН идея взаимодействия и информационного взаимодополнения музеев, науки, образования получила актуальное экспозиционное воплощение. К 35-летию со дня образования Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ) в Музее народов Сибири была открыта выставка «Путями познания: история и культура народов Сибири в исследованиях ученых Омского филиала ИАЭТ СО РАН и ОмГУ им. Ф.М. Достоевского». Она отображала этапы становления фундамен-

ных исследований в области археологии и этнографии в Омском Прииртышье, подчеркивая при этом давнюю традицию этнографических исследований, связанную с деятельностью Западно-Сибирского отдела РГО и его музея. Тематико-хронологическое с элементами проблемного построение выставки позволило репрезентативно и attractивно представить приоритетные направления исследований омских археологов и этнографов. Дифференцированные и персонализированные комплексы содержали вещественные материалы (археологические находки и этнографические предметы); их дополняли фотографии, запечатлевшие полевые работы; завершением служили результаты исследований (научные серии, монографии, сборники статей, журнал «Культурологические исследования в Сибири»). На всех этапах осмотра экспозиции музейная аудитория получала дополнительную информацию с помощью мультимедийных технологий: на настенном экране транслировались изображения карт районов работ (с указанием исследованных объектов археологического и этнографического наследия), фотопортреты, другая необходимая информация. Сочетание традиционных и нетрадиционных экспонатов и способов их презентации позволило дать глубокое и объемное представление о таком сложном и трудновыразимом музейными средствами феномене, как история научных исследований [Корусенко, Герасимов, 2011. С. 170–174]. Материалы выставки были введены в научно-информационный оборот и путем публикации ее цветного каталога с представлением научной деятельности членов авторского коллектива проекта: А.Н. Блиновой, Ю.В. Герасимова, М.Ю. Здра, М.А. Корусенко, М.Н. Тихомировой. «Каждый музейный проект должен иметь продолжение, оставлять след, давать возможность воспользоваться опытом по его созданию и презентации. Каталог даст возможность “продления жизни” экспозиции и будет востребован музейным и, шире, научным сообществом региона» [Путиами познания, 2013. С. 34].

К числу перспективных, позволяющих усилить роль музеев в информационном обеспечении исторической науки и создании экспозиций нового типа — историографических, можно отнести и проект «Музей Сибири», инициированный Научным советом по музеям СО РАН и поддержанный российскими музеологами. Его цель — формирование и трансляция позитивного имиджа Сибирского региона, интеграция в российское и мировое научное сообщество. Концепция музея базируется на тезисе «от создания музеев Сибири к созданию Музея Сибири», предполагающем эффективное включение в современную социокультурную ситуации коллективных информационных ресурсов региональных музеев, представляющих интерес для науки и практики. Музеи на протяжении всей их истории выполняли коммуникативную функцию формирования образа Сибири. Культурные границы региона, представление его имиджа существенно расширились посредством успешного участия си-

бирских музеев в ряде тематических и универсальных всероссийских и международных выставок» [Шелегина, 2011. С. 39–44].

Новационный характер Музею Сибири придаст принцип его организации: интеграционно-сетевой с базовым научным контентом. Концепция музея, несомненно, должна явиться коллективным трудом сибирских музеев. Нами, в частности, формулируются положения, которые могут быть учтены при ее разработке. В основу экспозиции музея целесообразно положить идею научного освоения Сибири в исторической динамике: от первых академических экспедиций XVIII в. до современных направлений интеграции сибирской науки и культуры в российское и мировое научное сообщество. Формирование интегрированного экспозиционного пространства следует осуществлять на основе модульных мобильных презентационных экспозиций музеев СО РАН и ведущих краеведческих музеев Сибири, с поэтапным включением музеев муниципальных и ведомственных. Экспозиция может иметь сегментную конфигурацию, с блоками, разграниченными информационными векторами (система информационных киосков и персональных компьютеров) и отображающими историко-культурное и научное наследие Сибирского региона (природный потенциал: геология, биология, водные ресурсы, экологические проблемы; этнокультурный потенциал: археология, этнография, историческая демография; технико-технологический потенциал — от паровозной машины И. Ползунова до современных нанотехнологий, с использованием виртуальных экспозиций). Нужно также выделить креативный (проектный, проблемно-перспективный) сегмент для представления и апробации новых разработок в области наследиеведения, музейного дизайна, исторических реконструкций, интерактивных и партисипативных технологий. Интеграция визуальной (предметной экспозиции) с виртуальными интернет-ориентированными экспозициями представленных музеев, включение в деятельность музея посетителей (в т. ч. цифровой музейной аудитории) может осуществляться на основе специализированного портала. Необходимо достигнуть органического сочетания основных принципов функционирования современных экспозиций: *аттрактивности* (зрелищности) с использованием мультимедийных конструкций и 3D-эффектов; *информативности* (базы данных, информационные системы, электронные варианты энциклопедических изданий «живые /электронные/ этикетки»); *интерактивности* (формирование на основе компьютерных программ траектории осмотра экспозиции, получение нужной информации и аудиовидеоэффектов, возможность дополнения функционирующих в музее баз данных и информационных систем имеющимися у посетителей сведениями, общение с персоналом музея в онлайн-режиме, непосредственное включение в эксперименты и игровые программы, создание авторских инсталляций, пополнение актуальных коллекций). В современной социально-экономи-

ческой, этнокультурной и геополитической ситуации создание Музея Сибири будет способствовать формированию исторического сознания, общероссийской гражданской солидарности при сохранении региональной идентичности, укреплению и продвижению позитивного имиджа Сибири как активного актуального региона.

Учитывая сложность реализации мегапроекта «Музей Сибири», сотрудники Института истории СО РАН, Института информатики им. А.П. Ершова, Национального исследовательского Новосибирского государственного университета на основе успешного опыта в создании электронных архивов, аккумулирующих научное наследие Сибирского отделения и базирующихся на методологии исторической фактографии, а также на основе опыта функционирования портала «Музей СО РАН» и персональных виртуальных музеев выдвинули идею создания «Гуманитарного технопарка» (авторы и разработчики фор-проекта И.А. Крайнева, О.Н. Шелегина, Н.А. Куперштох, Н.Н. Покровский, Г.М. Запороженко).

В основе данной перспективной разработки лежат следующие положения. Историко-культурное и научное наследие Сибири как самого крупного региона России обладает огромным потенциалом в исследовательском, познавательном, воспитательном контексте. Эффективной реализации этого потенциала препятствуют несколько факторов: ограниченное использование средств формализации и систематизации результатов исследований, ресурсов источников и способов их трансляции в социокультурную практику; слабая интеграция результатов региональной исторической науки в общероссийский и мировой научный и культурный контекст; отсутствие адекватных развитию современного общества форм активизации ее потенциала в формировании гуманистического и патриотического мировоззрения.

Проект направлен на решение такой научной проблемы, как разработка и реализация новационной формы актуализации регионального историко-культурного наследия, обеспечение доступности для широкой аудитории результатов исследований содружества сибирских гуманитариев и специалистов в области цифровых технологий в проблемной сфере – история науки и образования Сибири. Научная значимость проекта базируется на перспективе создания социально-ориентированной системы трансляции исторического знания на новой методологической и технологической основе. Проект позволит реализовать возможности междисциплинарности в научных исследованиях, решить гносеологическую задачу повышения уровня доступности контента (источников), упрочить основание для получения достоверного знания в гуманитарных науках, обеспечить интеграцию науки, культуры и образования в сфере популяризации знаний, открытий, обучения и воспитания молодежи, используя социокультурный потенциал музея как общепризнанную форму коммуникации. Интеграция историков, специалистов в области создания

информационных систем гуманитарного содержания с музейными специалистами — платформа, на которой базируются ожидания на утверждение и трансляцию общечеловеческих ценностей, удовлетворение тяги к знаниям молодого поколения.

Предлагается проблемно-хронологический и технологический принцип организации «Гуманитарного технопарка» как музейно-исторического информационного центра: 1) экспозиции музея Института истории СО РАН «Наука и образование в Сибирском регионе в исторической динамике»; 2) интернет-ориентированные информационно-технологические ресурсы (профессиональные, партисипативные и представительские); 3) научные исследования по основным отраслям знания в исторической динамике и по сквозным проблемам (персоналии, открытия, научные школы, прорывные технологии); 4) техническая поддержка (оцифровка коллекций и архивов; администрирование электронных ресурсов, инженерное обслуживание; экскурсионная и поисковая работа; организация семинаров, вебинаров, конференций; подготовка изданий; производство материальных копий музейных объектов).

Анализ истории и современного развития музеев Сибири свидетельствует о глубоких традициях по формированию и презентации информационного ресурса исторической науки и новационных перспективах в его развитии. Сибирским музеям в адекватном взаимодействии с исторической наукой, в контексте музейного мира России и научного сообщества присущи достойное прошлое, многообразное настоящее и стремление к впечатляющему будущему!

Библиография

Анкеты Межрегионального общественного фонда «Открытая Сибирь». Агентство регионального развития» к проекту «Цифровые решения для музеев». Новосибирск, 2003. Личный архив автора — эксперта проекта.

Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов междунар. науч. конференции, посвященной 150-летию открытия для публики Чертовской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ России, 2014. С. 363–372.

Воронцова Е.А. Музей и историческая наука в информационном поле: взаимосвязи и оппозиции // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 29 сентября — 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014(а). С. 56–62.

Воронцова Е.А. Музей как элемент системы информационного обеспечения исторической науки: теоретико-методологические аспекты // Гуманитарные исследования в Сибири. 2014(б). № 3. С. 82–85.

Воронцова Е.А., Гарскова И.М. Информационное обеспечение российской исторической науки в информационном обществе: современное состояние и перспективы // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 5. С. 487–505. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9811

Гаврилова Н.И. Иркутский областной краеведческий музей // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2010. С. 659–660.

Газенвинкель К. Тобольский губернский музей // Волжский вестник. 1890. № 249. С. С. 1.

Ежегодник Тобольского музея. Вып. 25. Тобольск, 1915. 268 с.

Закаблукловская Н.Н. Читинский областной краеведческий музей им. А.К. Кузнецова // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2010. С. 496–497.

Исламова Д. Государственное краеведение и музейное дело в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2011. 26 с.

Клеменц Д. А. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник. Вып. 2. Иркутск, 1892. С. 2–35.

Кличка Ф.Н. Об устройстве музея в Иркутске // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 134–142.

Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902). Казань: Типолитография Императорского университета, 1902. 239 с.

Корусенко М.А., Герасимов Ю.В. Музей народов Сибири: перспективы и направления развития // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, Н.М. Щербин. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2011. С. 170–174.

Крейдун Ю.А. Концепция создания галереи виртуальных 3D-образов утраченных памятников истории и архитектуры // Вестник Алтайской гос. пед. академии. 2014. № 18. С. 71–76.

Ледебур К. Ф. Путешествие по Горному Алтаю и предгорьям Алтая // Краеведческие записки. Вып. 2. Барнаул, 1959. С. 286–309.

Литвинцев А.Ю. Хранитель времени и судеб // Культурологические исследования в Сибири. 2006. № 3. С. 101–106.

Мартыновские краеведческие чтения (2009–2011 гг.): Сборник докладов и сообщений. Вып. 7. Акбакаан: ООО «Коператив «Журналист», 2012. 400 с.

Миллер Г.Ф. Инструкция, составленная для адъютанта Фишера // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 70–77.

Могиланский Н.М. Областной или местный музей как тип культурного учреждения // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 440–450.

Музей-заповедник «Томская писаница» (1730–2012): библиогр. указ. / Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница»; С.В. Иванова; ред. А.И. Мартынов, А.Ф. Покровская, Н.В. Чухонцева, Н.А. Клабукова. Кемерово: Примула, 2012. 64 с.

Музейное дело России. 3-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. М.Е. Каулен; ред. И.М. Коссова, А.А. Сундиева. М.: ВК, 2010. 676 с.

Назарцева Т.М. Омский государственный историко-краеведческий музей в историческом развитии // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. Барнаул, 2003. Т. 1. С. 17–23.

Падалкина О.В. «Гёблеровские чтения» – долгосрочный проект Алтайского государственного краеведческого музея // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. Барнаул, 2006. Т. 2. С. 5–11.

Патрушева Г.М. Фондовая работа и работа с фондами музеев России – путь к сохранению культурного наследия // Третий Российский культурологический конгресс с междунар. участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: тезисы докладов и сообщений. СПб.: ЭЙДОС, 2010. С. 212–213.

Полякова Е.А. Образовательно-воспитательный потенциал патриархальных музеев Западной Сибири // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, Н.М. Щербин. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2011. С. 229–237.

Попова И.В. Алтайский государственный краеведческий музей // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2010. С. 82–83.

Пути познания: выставка о науке и ученых: каталог выставки Музея народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН / Авт.-сост.: А.Н. Блинова, М.Ю. Герасимов, М.Ю. Здор, М.А. Корусенко, М.Н. Тихомирова; отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: Издат. дом «Наука», 2013. 44 с.: илл.

Равикович Д.А. Из истории организации сибирских музеев в XIX веке // История музейного дела в СССР. Вып. 1. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1957. С. 159–190.

Равикович Д.А. Музей местного края во второй половине XIX – начале XX в. (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Вып. 2. М.: Советская Россия, 1960. С. 145–223.

Румянцева М.Ф. Музейная экспозиция как форма репрезентации / позиционирования актуального исторического знания: от постмодерна к постпостмодерну // Роль музеев в формировании исторического сознания: Международная науч.-практическая конференция. Рязань, 25–28 апр. 2011 г.: материалы и доклады / Отв. ред. И.В. Чувилова. М.: ООО «НБ-Медиа», 2011. С. 16–26.

Свиньин П.П. [Музей в Барнауле]. Любопытное письмо из Сибири // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сборник документов и материалов / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 217–220.

Томилова В.С., Томилов Н.А., Корусенко М.А. Научные серийные издания Омского научного центра России по археологии, этнографии, этноархеологии и культурологии // Интеграция археологических и этнографических исследований (материалы XV междунар. науч. симп.). Одесса; Омск: Омск. гос. ун-т, 2007. С. 34–39.

Шелегина О.Н. Развитие музейного дела в Сибири во второй половине XIX в. (по материалам периодической печати) // Проблемы музееведения и народная культура. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. (Культура народов России. Т. 4). С. 24–35.

Шелегина О.Н. Сибирские музеи как социокультурные точки пересечения прошлого, настоящего и будущего: учеб. пособие. Вып. 2: Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в. М.: Логос, 2002. С. 96–133.

Шелегина О.Н. Рец. на кн.: Жигунова М.А., Захарова И.В. Культура восточных славян в коллекциях музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского / Отв. ред. Н.А. Томилов, Г.М. Патрушева. Омск: Изд. дом «Наука», 2009. 266 с. с илл. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 114–116. Серия: Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев.

Шелегина О.Н. От создания музеев Сибири к созданию Музея Сибири // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, Н.М. Щербин. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2011. С. 39–44.

Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития / Отв. ред. В.А. Ламин, М.В. Шиловский; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 395 с.

УДК 069(030)

И.А. Сизова, I.A. Sizova

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «МУЗЕИ И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ»: ПРИМЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУЗЕЕВ И НАУКИ

Encyclopedia “The Museums and Museum Affairs of Tomsk Region”: an Example of Interaction of Museums and Science

Аннотация: в статье показан ход работы над масштабным проектом кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета – энциклопедией «Музеи и музейное дело Томской области». Перечислены основные методы и подходы к реализации проекта, требования к авторскому коллективу. Представлены результаты историко-библиографического исследования музейного дела Томского региона с конца XIX в. до современности, проведенного в 2008–2010 гг. Описана роль энциклопедических статей в актуализации исторических исследований в сфере культуры в целом и музейного дела в частности. Это – пример успешного взаимодействия музеев и представителей науки в создании серьезного информационного ресурса.

Abstract: The paper presents course of work at large-scale publishing project of Museology Department of cultural and natural heritage – Encyclopedia “Museums and Museum Affairs of Tomsk Region”. Main methods and approaches to the implementation of this project, the requirements for a group of authors are outlined. There are presented results of historical and bibliographical research of museum studies of Tomsk region, beginning with the end of the XIX century to the present moment,

carried out in 2008–2010. There is described a role of encyclopedic articles in actualization of historical research in the field of culture in general and museum work in particular. This is an example of successful cooperation of museums and science representatives in creation of a serious information resource.

Ключевые слова: музееведение, историческая наука, взаимодействие музеев и науки, музейное дело, Томский регион, публикации, энциклопедия «Музеи и музейное дело Томской области», историко-библиографическое исследование.

Keywords: cooperation between museums and historians, museums, museum affairs, Tomsk region, Encyclopedia, historical and bibliographical research.

Каждый регион Российской Федерации обладает определенным историко-культурным капиталом, который может быть использован для его экономического роста и инновационного развития. Однако для эффективного использования подобного капитала необходимо осознание местным сообществом своего места в истории и на современном этапе, а также понимание роли культуры в этом процессе, одной из главных составляющих которой являются музеи. Вероятно, такое понимание имеется, что косвенно подтверждается «музейным бумом» конца XX — начала XXI в. Это утверждение справедливо как для России в целом, так и для Томской области в частности: продолжают развиваться уже существующие музеи, активно использующие новые музейные технологии, включая информационные; возрождаются церковные и частные музеи; появляются корпоративные музеи — относительно новое явление в российском музейном деле.

Рост количества музеев сопровождается ростом интереса к изучению музейного дела, его истории, теории и практики, а также отдельных музейных учреждений. Появление научных статей, диссертационных исследований и монографий свидетельствует о том, что работа по изучению истории музейного дела в России приняла планомерный и систематический характер. Томская область не стала исключением: с открытием в 2002 г. кафедры музеологии (ныне — кафедра музеологии, культурного и природного наследия) в Томском государственном университете (ТГУ) началось планомерное изучение истории музеев и музейного дела города и области в контексте общесибирского, общероссийского и международного музейного дела.

По итогам первых пяти лет работы сотрудники кафедры под руководством Э.И. Черняка приступили к реализации масштабного проекта — подготовке к изданию энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». Одной из поставленных перед ее инициаторами задач стала активизация исследовательской деятельности сотрудников томских музеев и вузов, результатом которой должна стать подготовка обобщающих трудов по истории развития и современной деятельности музеев и организаций музейного типа.

Не последнюю роль в этом сыграла «Российская музейная энциклопедия» [Российская музейная энциклопедия, 2001]. Данное издание стало

первым в своем роде и представило музейный мир России с точки зрения исторического прошлого и современных характеристик. Энциклопедия включает около 1500 статей о музеях, музейных деятелях, теории и практике музейного дела. Двухтомник адресован музейным работникам, преподавателям и студентам гуманитарных вузов, краоведам и всем, кто интересуется отечественной историей и культурой. В нем представлено около 1700 иллюстраций: портреты, здания, фрагменты экспозиций, изображения наиболее ценных экспонатов. Идея создания этой энциклопедии оформилась в начале 1980-х гг., когда «музейный бум» уже шел на спад. Ядром авторского коллектива и его организующим центром стал специально созданный в 1986 г. сектор музейной энциклопедии Российского института культурологии. В подготовке издания приняли участие более 800 музейных работников и широкий круг специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов Российской Федерации (музеологи, историки, искусствоведы, археологи, ученые-естественники и др.). Председателем редакционной коллегии стал академик В.Л. Янин [Сундиева, 2002].

При работе над этим изданием были обнаружены и некоторые пробелы в системе музееведческих знаний, что особенно касается сибирского музейного дела. Совокупность этих аспектов (выход «Российской музейной энциклопедии» и обнаружение пробелов) вдохновила томских исследователей на издание первой региональной музейной энциклопедии. К тому же у коллектива уже был значительный опыт создания и публикации энциклопедий, посвященных Томску и области [Томск от А до Я, 2004; Энциклопедия Томской области, 2008–2009].

Стоит добавить, что прообразом региональных музейных энциклопедий стали справочные издания, планировавшиеся к выпуску в рамках проекта «Музейный компас Сибири» [Труевцева, 2008]. Нам известно только об одном таком издании [Музейный компас, 2005], посвященном истории и деятельности музеев Ямало-Ненецкого автономного округа. На сегодня кроме томских исследователей всерьез занялись работой над изданием региональной музейной энциклопедии сотрудники кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. Коллектив под руководством А.А. Тишкина в 2014 г. выиграл грант Российского гуманитарного научного фонда «Энциклопедия музеев Алтайского края». Коллективом разработана структура будущей энциклопедии [Гребенникова, Тишкин, Тишкина, 2014]. Коллегам предстоит долгий, полный трудностей путь. Надеемся, что они все смогут преодолеть и в скором времени их энциклопедия увидит свет.

Вернемся к томскому опыту. Подготовку энциклопедии было решено осуществлять в несколько этапов. Первым этапом стало создание библиографической и источниковой баз, в результате чего появился библиографический указатель [Развитие музейного дела, 2011]. Проведение

данного историко-библиографического исследования позволило выявить более 3400 письменных источников по истории создания, развития и деятельности более чем 300 музеев и учреждений музейного типа на территории Томской области с конца XIX в. до 2010 г. включительно.

Основная масса выявленных источников (свыше 70%) — статьи в периодической печати (газетах и журналах) общегосударственного, областного, городского, районного масштабов, а также газет предприятий, образовательных учреждений и т. п. В основном благодаря газетным публикациям исследователи могут изучить историю создания, функционирования и деятельность музеев, располагающихся в районах области, особенно общественных и школьных. Не менее значимы публикации в периодической печати и для изучения основных видов деятельности областных, городских и муниципальных музеев: именно в газетах и журналах публикуются актуальные для жизни местного сообщества в конкретный период статьи. Частота появления таких публикаций свидетельствует об уровне развития музейного дела на определенном временном отрезке, что помогает установить кризисные явления в музейной отрасли или, наоборот, отметить ее активизацию.

Следующая группа источников — издания самих музеев: «Труды» музеев, альбомы, буклеты, коллективные и индивидуальные монографии, научно-исследовательские сборники, материалы конференций и проч. Наличие у музея собственных изданий подтверждает ведение ими активной научно-фондовой, научно-исследовательской, экспозиционно-выставочной, просветительской и образовательной деятельности, и следовательно — серьезное социокультурное значение музея для местного сообщества. Материалы конференций свидетельствуют о научной оценке фондов и деятельности музеев на всероссийском и региональном уровнях.

Анализ выявленных источников по музейному делу Томской области показал, что музейная сеть региона включает в себя учреждения различных форм собственности, ведомственной принадлежности, юридического статуса, а также разных профилей. По профильной классификации музеи Томской области включают музеи исторические и военно-исторические, краеведческие, мемориальные, художественные, литературные, этнографические, эколого-краеведческие, научные и др. Преобладают музеи исторического, военно-исторического и краеведческого профилей, в основном за счет школьных музеев. Патриотическое воспитание учащихся, знания по истории страны и родного края закладываются именно в школе, что и обеспечивает популярность этих трех профильных групп. В результате перемены 1990-х гг. в школах появились музеи новых профилей: литературные, этнографические, эколого-краеведческие; они на данный момент очень популярны, получили довольно широкое распространение. Анализ опубликованных исследований позволил определить и ведомственную принадлежность томских музеев (среди них есть областные,

муниципальные, школьные, университетские, частные музеи, музеи предприятий и др.).

Выявленные источники можно условно разделить на несколько тематических групп: 1) история музея; 2) научно-фондовая работа; 3) научно-исследовательская деятельность; 4) экспозиционно-выставочная деятельность; 5) просветительская и образовательная деятельность; 6) музей и общественные организации; 7) современные технологии в деятельности музея; 8) реставрационная деятельность; 9) издательская деятельность; 10) персоналии. В отдельные блоки были выделены работы по истории музея, его основным видам деятельности, о взаимодействии музея с другими социокультурными учреждениями и общественностью, о внедрении и применении современных технологий (информационные и маркетинговые технологии, менеджмент), а также о людях, оставивших значительный след в жизни музея. Наибольшее количество публикаций посвящено экспозиционно-выставочной деятельности музеев Томского региона как основному средству коммуникации музея и посетителя.

Вторым этапом в реализации издательского проекта (энциклопедия «Музеи и музейное дело Томской области») стало издание 8 сборников [Томские музеи, 2010; Томские музеи, 2012] по истории и деятельности различных музеев области, в которых авторским коллективом были представлены систематизированные материалы по истории становления музейного дела в регионе, выявлены многообразие видов современных музеев и их особенности. В них приведены сведения об областных, городских, районных, школьных музеях, музеях предприятий, организаций, университетов, академических институтов, а также о людях, внесших значительный вклад в развитие музеев на территории области.

Всего в написании 437 статей и сборе документов и библиографии приняло участие 254 человека. Из них более 200 человек — действующие музейные сотрудники и/или руководители музейных учреждений различного уровня, имеющие в подавляющем большинстве высшее историческое образование. Кроме них, в работе по написанию статей приняли участие профессиональные историки (28 человек), в том числе 24 кандидата и доктора наук, а также представители дисциплин (геологи, зоологи, ботаники, минерологи, физики и т. д.), соответствующих профилю возглавляемых ими музеев.

Профессиональное разнообразие авторского коллектива обеспечило тематическое многообразие материалов к энциклопедии, позволило комплексно охарактеризовать музейную жизнь региона на протяжении более чем 130 лет. Не остались в стороне и люди, чей вклад в развитие музейного дела в Томском регионе был значительным: ряд статей посвящен создателям, коллекционерам, заведующим и директорам музеев на различных этапах развития музейного дела в Томске и области.

Подчеркнем, что опубликованные сборники (а в будущем — и энциклопедия) играют значительную роль в актуализации исторических исследований в сфере культуры в целом и музейного дела в частности. Многие статьи дают уникальную информацию, освещая взаимодействие музеев и научной исторической школы Томска, имеющей богатое прошлое. Так, приводится опыт взаимодействия сотрудников Томского университета и Томского областного краеведческого музея по формированию археологического и этнографического собраний музея: найденное в проводимых томскими учеными археологических и этнографических экспедициях частично откладывалось в фондах Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского (МАЭС) ТГУ, а частично — в фондах областного музея [Галанова, 2012. С. 27–42; Локтионова, 2012. С. 42–46].

Не менее важную информацию смогут почерпнуть исследователи политической и экономической ситуаций в стране и регионе в 1920–1940-х гг. В эти годы музей действовал в русле общеполитических и экономических изменений, происходивших в Советском Союзе: его сотрудники также попали под репрессии, выживали во время Великой Отечественной войны, вносили свой вклад в победу [Исаева, 2012. С. 128–136]. Музей следует изучать, открывая исторически сложившиеся связи всех сторон его жизнедеятельности, а также учитывая влияние политических и экономических факторов на музейные процессы и взаимосвязи с другими социокультурными организациями (библиотеками, архивами, университетами). Историки редко обращают внимание на музеи и их сотрудников. Но данный социальный институт является полноценной составляющей общественной жизни, а также ее репрезентатором, поэтому ученым не следует пренебрегать той информацией, которая хранится и изучается в музеях (о многих из них поможет узнать именно региональная музейная энциклопедия).

Особо стоит отметить открывшуюся благодаря подготовке энциклопедии возможность изучения истории науки и техники на территории Томской области. Инициаторы создания музеев предприятий и их действующие сотрудники являются носителями уникальной информации, связанной не только с применением научных методов для развития техники, но и с влиянием предприятий региона на модернизацию социально-бытовой сферы, особенно в 1950–1970-е гг. [Кулешова, 2012. С. 39–41; Мушинская, 2012. С. 50–53; Воронова, 2012. С. 36–39, и др.]. Довольно часто информация, которой обладают авторы статей — действующие сотрудники музеев предприятий, является закрытой («для служебного пользования»), а иногда и секретной; доступ к ней сторонних исследователей ограничен. Такие статьи могут стать одним из немногочисленных подтверждающих факторов разработки и внедрения технологических новшеств, информацию о которых можно почерпнуть в архивах научно-исследовательских институтов.

Не последнюю роль играют музеи в изучении культурной жизни Томска и области. В музеях имеется информация о развитии художественной жизни Томска в начале XX в. [Тюрина, 2012. С. 208–209; Овчинникова, 2012. С. 283–284], театрального искусства в регионе [Варга, 2012. С. 84–87].

Отметим, что информация, выявленная в музеях, легла в основу значительного количества диссертационных исследований, появившихся в 2000-е гг. [Вакалова, 2006; Полякова, 2006; Артюхова, 2008; Белюсова, 2009; Гиль, 2009; Григорьева, 2011; Малахатко, 2011, и др.]. В них представлены история, деятельность и современное состояние некоторых томских музеев в контексте общей истории России и Западной Сибири, в том числе в условиях формирования информационного общества.

На втором этапе (2011–2013) участники авторского коллектива занимались продвижением данного проекта (в статьях, на научных конференциях), пытаясь донести важность и необходимость региональной музейной энциклопедии, объединить в этом вопросе историков и музейщиков, в том числе из других регионов. В итоге многие коллективы как профессиональных историков, так и действующих музейных сотрудников проявили заинтересованность к данной теме, о чем свидетельствует и проект создания «Энциклопедии музеев Алтайского края» [Гребенникова, Тишкин, Тишкина, 2014].

На данный момент происходит реализация третьего этапа: написание статей теоретического характера, редакционная и предпечатная подготовка.

Музей представляет собой сложное образование, является социокультурным институтом, предназначенным для собирания, сохранения и изучения предметов, рассматриваемых как свидетельства о различных составляющих общественного развития, что подчеркивает значимость его изучения. Он требует комплексного исследования на основе сочетания разнообразных методов разных научных дисциплин (т. е. междисциплинарности), главной из которых, по мнению автора, является история. Наряду с историческими при написании статей для будущей энциклопедии использовались методы историко-географический, статистического анализа и др. Локальный подход (музейные процессы в отдельно взятом регионе — Томской области) к изучению объекта позволил укрупнить масштаб исследования, выявить и проанализировать те факторы, процессы и явления, которые остаются вне поля зрения при изучении обширных территорий (именно поэтому «Российская музейная энциклопедия» не дала исчерпывающей информации об особенностях, основных этапах развития и современном состоянии музейного дела в регионах).

Наряду с привлекаемыми в исторических исследованиях опубликованными и архивными источниками, в том числе делопроизводственного ха-

рактера, периодикой, мемуарами в работе над сборниками использовались законодательные акты, научные публикации широкого образовательного спектра, изобразительные и вещественные источники.

Все, вместе взятое, позволяет утверждать, что энциклопедия «Музеи и музейное дело Томской области», в которой найдут отражение история, современное состояние и особенности музейного дела региона на протяжении почти полутора веков, будет первым комплексным изданием по данному вопросу. Согласимся с коллегами из Алтайского края, что подобная энциклопедия «призвана стать звеном в развитии исторического знания, в том числе исторического краеведения и регионоведения. ...Для деятелей науки региона ключевое значение имеют знания об экспозициях этих музеев, их фондовых, библиотечных, архивных и иных собраниях, что способствует постановке и решению проблем сохранения историко-культурного наследия...» [Гребенникова, Тишкин, Тишкина, 2014. С. 34]. Кроме того, работа по созданию данного информационного ресурса позволит точнее формировать направления научной-исследовательской работы в сфере музеологии.

Завершая статью, хочется еще раз акцентировать внимание на том, что культурное пространство Томского региона немислимо без музеев, являющихся хранителями богатой истории, трансляторами культурно-исторических ценностей и историко-культурного наследия, центрами формирования думающего, духовно богатого и интеллектуально развитого населения. Уже опубликованные материалы и будущая энциклопедия станут серьезными помощниками в процессе подготовки будущих специалистов-музеологов, наладить эффективную работу по сбору информации о музеях разных профилей и разной ведомственной принадлежности. Полученные материалы будут служить базой для формирования «Реестра музеев, учреждений и образований музейного типа Томской области» и «Каталога музейных предметов, музейных коллекций, культурных ценностей Томской области», создание и ведение которых предполагается Законом Томской области от 10.08.2009 № 157-ОЗ «О музеях и музейном деле в Томской области». Более того, данное издание может лечь в основу ребрендинга региона, являющегося на сегодня научно-университетским.

Библиография

Артюхова И.В. Традиционная материальная культура русских Томского края в коллекциях Томского областного краеведческого музея: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск: Б. и., 2008. 27 с.

Белоусова Н.А. Музеи в системе высшего образования Западной Сибири: дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2009. 239 с.

Вакалова Н.В. История формирования и развития музеев Томской губернии XIX – нач. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

Варга Ю.К. Театральный музей им. народной артистки РСФСР Т.П. Лебедевой // Томские музеи: Общественные, ведомственные и музеи предприятий, организаций: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняка, И.А. Сизовой. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. С. 84–87.

Воронова Л.М. Музей томской энергетики // Томские музеи: Общественные, ведомственные и музеи предприятий, организаций: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняка, И.А. Сизовой. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. С. 36–39.

Гиль А.Ю. Музей в культуре информационного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / науч. рук. Л. А. Коробейникова; ГОУ ВПО ТГУ. Томск: [Позитив], 2009. 22 с.

Галанова О.П. Археологическое собрание ТОКМ // Томские музеи: Краеведческий музей им. М.Б. Шатилова. Муниципальные музеи: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. С. 27–42.

Гребенникова Т.Г., Тишкин А.А., Тишкина Т.В. «Энциклопедия музеев Алтайского края»: разработка концепции и необходимость реализации проекта // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Культурология и искусствоведение. 2014. № 2 (14). С. 30–36.

Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920–2000-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск: Б. и., 2011. 24 с.;

Исаева Л.Ю. Плакаты периода Великой Отечественной войны «Окна ТАСС» Михаила Щеглова // Томские музеи: Краеведческий музей им. М.Б. Шатилова. Муниципальные музеи: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. С. 128–136.

Кудешова И.И. В Томске действует Музей Приборного завода // Томские музеи: Общественные, ведомственные и музеи предприятий, организаций: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняка, И.А. Сизовой. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. С. 39–41.

Локтионова А.А. Этнографическая коллекция ТОКМ // Томские музеи: Краеведческий музей им. М.Б. Шатилова. Муниципальные музеи: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. С. 42–46.

Малахатко У.В. Религиоведческая тематика в деятельности Томского областного краеведческого музея им М.Б.Шатилова: автореф. дис... канд. ист. наук. Томск: Б. и., 2011. 23 с.

Музейный компас Сибири: Ямало-Ненецкий автономный округ: справ. / О.Н. Труевцева, Г.С. Зайцев. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2005. 104 с.

Мушинская Н.Г. Музей истории Сибирского химического комбината (СХК) (ЗАТО Северск). В Томске действует Музей Приборного завода // Томские музеи: Общественные, ведомственные и музеи предприятий, организаций: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняка, И.А. Сизовой. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. С. 50–53.

Овчинникова Л.И. Народная картинная галерея при Сибирской народной художественной академии. 1918 // Томские музеи. Художественный музей: мате-

риалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. С. 283–284.

Полякова Е.А. Педагогические музеи Западной Сибири как учреждения культуры конца XIX – первой трети XX в. : дис. ... канд. культурологии. Барнаул: Б. и., 2006. 197 с.

Развитие музейного дела в Томской области (губернии): Библиографический указатель / Сост. Т.И. Шикро, А.В. Яковенко; отв. ред. Э.И. Черняк, И.А. Сизова. Томск: Изд-во Томского гос. гос. ун-та, 2011. 600 с.

Российская музейная энциклопедия / А.А. Сундиева, Е.А. Воронцова, Т.Н. Кадаурова и др.: В 2 т. М.: Прогресс, РИПОЛ классик, 2001.

Сундиева А.А. Российская музейная энциклопедия: год с читателем // Cultivate-Russia Web Magazine. Вып. 1, июль 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cultivate.ru/mag/issue1/RME.asp> (дата обращения: 12.03.2015).

Томск от А до Я: краткая энциклопедия города / Под ред. Н. М. Дмитриенко; Томский гос. ун-т, Государственный архив Томской обл. Томск: НТЛ, 2004. 439, [1] с.: ил.

Томские музеи: Краеведческий музей им. М.Б. Шатилова. Муниципальные музеи: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. 412 с.

Томские музеи: Музеи г. Стрежевого: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. 156 с.

Томские музеи: Музеи Северска: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. 224 с.

Томские музеи: Общественные, ведомственные и музеи предприятий, организаций: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняка, И.А. Сизовой. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. 105 с.

Томские музеи. Художественный музей: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. 290 с.

Томские музеи: Музеи университетов: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняка. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. 386 с.

Томские музеи: музеи школ, учреждений начального профессионального и среднего специального образования: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. 258 с.

Томские музеи: Сборник документов и статей / Под ред. С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняка. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2010. 232 с.

Труевцева О. «Музейный компас Сибири» // Музей. 2008. № 11. С. 44–45.

Торина И.П. Художественная жизнь Сибири начала XX в.: К 90-летию Томского общества любителей художеств: материалы региональной научно-практической конференции // Томские музеи. Художественный музей: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. С. 208–209.

Энциклопедия Томской области: В 2 т. / Адм. Том. обл., Том. гос. ун-т; [редкол.: Г.В. Майер (председатель); Н.М. Дмитриенко (науч. ред.) и др.]. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008–2009. 999 с.

УДК 930.2; 069

И.Н. Юркин, I.N. Yurkin

ИСТОРИЯ КАНАЛОСТРОЕНИЯ В РОССИИ – ПРОБЛЕМЫ НЕРАЗРЕШИМЫЕ ИЛИ НЕРАЗРЕШЕННЫЕ? ИЗ ОПЫТА СОТРУДНИЧЕСТВА АКАДЕМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

A History of Construction of Channels in Russia – Unresolvable or Unresolved Problems? From Experience of Collaboration between an Academic Institute and Museum-Reserve

Аннотация: в статье рассмотрено сотрудничество Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН и Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» в исследовании истории и природных остатков Ивановского канала Петровской эпохи. Показано, какие интересы преследует каждое учреждение и в чем эти интересы совпадают. Особое внимание уделено источниковедческим аспектам, поскольку эти исследования являются примером комплексного источниковедения. Кратко описано содержание работ и их предварительные результаты. Рассмотрена возможность их музейного приложения.

Abstract: In the article is considered cooperation of Institute of history of natural science and technology of Russian Academy of Sciences named after S.I. Vavilov, and Museum-reserve «Kulikovo field» in relation to the study of history and nature of residues of Ivanov's channel of Peter the Great Age. It is shown what interests pursues each agency, and where these interests coincide. Special attention is given to sources historiographic aspects, since these studies are an example of a complex source historiography. There is briefly described contents of works and their preliminary results. There is considered a possibility of their results application at Museums.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, комплексное источниковедение, вещественные источники, информационное обеспечение, музей-заповедник, история каналостроения, Ивановский канал, Куликово поле, экспедиции, Петр I Великий.

Keywords: historical science, museology, integrated studies, material sources, provision of information, the Museum-reserve, history channel, Ivanovsky channel, Kulikovo field, expedition, Peter the Great.

Музей и научные учреждения – два важнейших элемента институциональной структуры культуры. В «чистом» виде они независимы, без по-

тери существенно важных черт друг к другу не сводимы. Однако в реальной культурной практике они, во-первых, более или менее тесно взаимодействуют, во-вторых, частично заимствуют друг у друга черты и функции. Эти процессы не альтернативны, развиваются параллельно и имеют позитивную направленность. Скорейшее достижение цели обеспечивает, по нашему мнению, первый. Второй, предполагающий перекрестное калькирование культурных форм и создание не всегда удачных их подобию (научное учреждение создает у себя музей и наоборот), также работоспособен, но менее надежен, следовательно, менее эффективен.

Следующий далее рассказ о многолетнем сотрудничестве двух учреждений — академического института и музея — демонстрирует удачный пример взаимодействия, позволяющего максимально полно использовать возможности каждого его участника. Основа этого взаимодействия — выявление и совместное исследование исторических источников, важных как для реализации научной программы, так и для уточнения пути развития музея. Физическим объектом, по отношению к которому в описываемом случае совпали интересы двух учреждений, явились остатки сооружений одного из старейших воднотранспортных путей России.

Ивановская водная система (Ивановский канал) — совокупность естественных и искусственных водных путей общей длиной около 210 верст, проходящих по территории Тульской области (преимущественно), а за ее пределами — по границе Липецкой и Рязанской областей. Это — одна из первых попыток соединить водные бассейны Волги и Дона, для чего была использована естественная их связка через Иван-озеро, из которого вытекают реки Шат (Окского бассейна) и Дон [Миловидов, 1895. С. 3—7, 10—12]. Строительство началось в 1701 г. [Кирилов, 1977. С. 153], но через 10 лет было прервано. Попытки его возобновить предпринимались до конца 1830-х гг. [Миловидов, 1895. С. 33—37].

История проекта тесно связана с личностью и деятельностью Петра I Великого. Он лично посещал строительство, привозил сюда иностранных гостей [Де Бруин, 1989. С. 112, 113]. На берегу Иван-озера находился построенный для него «дворец» — небольшой деревянный домик, ныне не существующий [Юркин, 2001а; Юркин, 2012. С. 125—132]. Сохранилось предание, что во время одного из своих приездов царь посетил расположенное поблизости Куликово поле [Юркин, 2001б; Юркин, 2012. С. 151—166].

На протяжении нескольких лет две организации — входящий в систему учреждений Российской академии наук Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова и Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» — ведут совместные исследования, связанные с выявлением и изучением остатков этой водной системы. В их ходе решается двойная задача — изучается история искусственных водных путей России и история Куликова поля.

Самые ранние опыты петровского каналостроения изучены плохо. Это обусловлено, в частности, недостаточно полной сохранностью документов и почти полным разрушением самих объектов. За исключением выемок (искусственных русел) и насыпей (многокилометровых валов вдоль них), их гидротехнические сооружения, в том числе шлюзы, ныне существуют преимущественно как археологические объекты — являются частью их культурного слоя. Но и сохранившиеся объекты в ряде случаев существенно изменены (в частности, при последующем строительстве мельниц). Как следствие, на многие связанные с ними вопросы, которыми задаются исследователи, ответы отсутствуют, более того, некоторые из них кажутся неразрешимыми.

Сказанное в полной мере касается и Ивановского канала. Большая часть построенного на нем утрачена, места шлюзов (только в Петровскую эпоху их было построено более трех десятков) отчетливо в ландшафте не читаются, культурный слой нарушен, документов мало, более или менее старых (современных строительству и близким по времени) планов и карт — еще меньше. Иван-озеро вообще исчезло: его поглотили воды Шатского водохранилища. Но понять, что представляли собой первые петровские каналы, найти и интерпретировать их материальные остатки, обеспечить их (для исторической науки — важного источника) сохранение при щадящих формах использования — задачи, как представляется сегодня, решение все же имеющие.

Второй объект исследовательского интереса — краеведческий. Речь идет о расширении знаний по истории района, по которому проходил канал. В них напрямую заинтересован музей-заповедник «Куликово поле», граница территории которого пролегает вдоль русла Дона точно по трассе канала.

Краеведческим аспектом интерес музея не исчерпывается. Данный музей-заповедник — военно-исторический и природный. Нетрудно заметить, что связанные с петровским каналом исследования не чужды ему в обеих связанных между собой его ипостасях.

Для заповедника *природного* одно из направлений его научной работы — изучение воздействия человека на природную среду. Исследуя то, что осталось от Ивановской водной системы, мы в значительной степени именно этим и занимаемся: выясняем, как менялась природная среда под влиянием человека. Конкретный объект на трассе канала — это ландшафт в исходном его состоянии, плюс изменения, внесенные в него строителями канала, плюс — кем-то другим (например, мельником), плюс — постоянно вмещающейся в труды человека Naturой. Да, развитие здесь природных форм и экосистем шло сложно, результат его для расслоения влияний труден, но следы этих влияний сохранились и доступны для анализа.

Имеются точки соприкосновения истории водной системы с профилем музея-заповедника и по координате «*военно-исторический*». Строи-

тельство Ивановского канала — прямое следствие взятия Азова (первой победы Петра-воина) и завоевания Россией Приазовья. Роковая для судьбы проекта остановка строительства в 1711 г. — прямой результат военной неудачи (Прутского похода) и последовавшего за этим временного отступления России в ее хозяйственном и политическом продвижении на юг.

Исследования, каких требует специфика объекта, привлекательны также и в методическом плане. Будучи междисциплинарными, они представляют собой пример комплексного источниковедения (соединения множества исследовательских методов), целью которого является максимально полное раскрытие источника. Они (исследования) — еще и методологический полигон, на котором может производиться отработка приемов решения задач такого рода.

Здесь может быть использована вся совокупность методов работы с документальными и графическими источниками. Отметим исключительную важность применения к последним приемов исторической критики, позволяющим оценить качество извлекаемой информации. Так, на межведомственных планах, нередко весьма подробных, степень ее достоверности на межведомственной линии и внутри пространства, ограниченного ею, может оказаться существенно различной. Вдоль полученной инструментальной съемки линия она высока, внутри — заметно ниже, причем это касается изображения не только населенных пунктов, но и рельефа, в частности овражно-балочной сети.

Богатую информацию может дать исследование конкретных объектов методами археологии. Учитывая, что документальных и картографических источников для точной их (объектов) локализации оказывается, как правило, недостаточно, на промежуточном, предшествующем собственно археологическому изучению, этапе исследования представляется полезным применение геофизических методов.

Интересных результатов можно ожидать также от использования материалов аэрокосмической съемки. На первый взгляд, обращение к ним бессмысленно (они характеризуют состояние местности на настоящий или сравнительно недавний момент времени), но они позволяют выявить следы сильно измененных или разрушенных древних структур, не замечаемые при осмотре на местности.

Наряду с исследованием территории перечисленными методами представляется необходимым выявление связанных с темой артефактов в музейных коллекциях. Так, в собрании музея на Бобринской горе (г. Донской Тульской области) имеется дубовый брус, который, согласно музейной документации, был извлечен со дна шлюзовой камеры. Ожидаемое обнаружение и последующие раскопки шлюзов откроют возможность сравнить археологическое дерево с объектом из музейной коллекции. Это поможет интерпретировать археологический материал или, если между

характеристиками музейного и археологического дерева выявится существенное несовпадение, позволит поставить вопрос об аутентичности музейного предмета.

Как видим, в ходе разработки темы могут быть использованы разнообразные взаимодополняющие методы исследования, в том числе непосредственно связанные с источниками, хранящимися в музейных коллекциях. Предметы же, обнаруженные в ходе исследования, могут эти коллекции пополнить.

Итак, значимость исследований вполне очевидна и для науки, и для музея. Для академической науки она состоит в получении нового знания в недостаточно разработанной области и совершенствовании методологии получения такого знания. Для музея значимость определяется обогащением собрания и приращением знания, используя которое можно создать новый, собственно музейный, продукт (этого коснусь далее). Следствием совпадения направленности исследовательских интересов и наличия у организаций взаимодополняющих возможностей является тесная коммуникация музея и института, продемонстрированная и закрепленная в ходе многолетних совместных работ.

В чем же конкретно состоит это содружество и какие оно дало результаты? Проведенные и продолжающиеся в настоящее время работы включают архивные и полевые изыскания.

Архивные исследования на данный момент охватили 4 архива в 3 городах: Москве, Петербурге и Туле. Непосредственно в архивах работают преимущественно сотрудники института, музей же по мере возможности оплачивает расходы по копированию. Отметим, что, несмотря на скудость документального материала, его анализ позволяет получить массу сведений, важных для содержательной интерпретации результатов полевых наблюдений [Юркин, 2015(а). С. 167–178].

Экспедиционные исследования территории, на которой находились гидротехнические сооружения Ивановской водной системы, ведутся с 2003 г.; с 2009 г. они приняли ежегодный характер. Организация экспедиций осуществляется в тесном контакте института и музея-заповедника. Институт принимает участие в разработке маршрута, определении характера работ, отправляет на объект специалистов. Так, водная группа, совершившая ряд выездов на объекты системы, состояла преимущественно из сотрудников института. Оборудование, в том числе приборы, предоставляют как институт, так и музей.

Наиболее важные задачи решает сухопутная группа численностью от 2 до 4 человек; она включает сотрудников института и музея. Материально-техническое обеспечение ее функционирования ложится преимущественно на музей. Он доставляет участников из Тулы на экспедиционную базу и обратно. Поскольку изучаемый Донской участок системы имеет значительную протяженность (порядка 100 км), к группе

прикрепляется музейный транспорт. Музею принадлежат плавсредства, с помощью которых ведутся работы в акватории реки. Члены экспедиционного отряда проживают в принадлежащем музею коттедже в деревне Ивановка. Непосредственное участие в проводимых исследованиях принимает заместитель директора музея по научной работе А.Н. Наумов. Не приходится сомневаться: если бы институт и музей действовали независимо друг от друга, за прошедшие годы была бы обследована неизмеримо меньшая площадь, качество обследования было бы существенно ниже, а результаты анализа наблюдений — менее значимыми как в собственно научном, так и в прикладном плане.

Коротко о результатах работ.

Донской участок канала точно изучался на всем его протяжении — от Шатского водохранилища до деревни Гаи, где располагался последний шлюз петровского времени. Из мест, где могли находиться шлюзы, были осмотрены почти все. На двух участках осуществлена тахеометрическая съемка местности. Установлено, что наиболее заметный элемент ландшафта, указывающий на трассу канала, — обваловки участков искусственного русла. На Донском участке они тянутся от Иван-озера до Епифани. На сегодняшний день обваловано, по грубой оценке, не менее 30% линии русла. Русло, в которое строителями Ивановской водной системы был отведен Дон на верхнем его участке, являлось полностью искусственным. На участках, где предполагалось использование естественного русла, выявлены следы работ, направленных или на локальное дополнение старых русел дублирующими искусственными участками (на них мог строиться шлюз), или на спрямление русел. Участков спрямлений русла по трассе немало, однако не исключено, что некоторые перехваты имеют естественное происхождение.

Физические остатки шлюзовых камер пока найдены не были — все они оказались разобраны, что совпадает с данными литературы. Но в ряде случаев удалось локализовать места, где находились шлюзы: обнаружить на линии сухого канала углубления, по размеру и профилю дна им соответствующие, и блоки в них тесаного белого камня. Выявлены постройки XIX—XX вв., сооруженные, возможно, с использованием камня от шлюзов. Были обнаружены другие объекты, в которых с определенным вероятием можно увидеть остатки гидротехнических сооружений. Таковы деревянные конструкции в русле Дона, обнажившиеся вследствие размывания возвышавшихся над ними береговых насыпей. Таково искусственное расширение акватории при входе в канал, использовавшееся, возможно, в качестве пространства для стоянки судов, ожидавших провозки через шлюз.

Помимо данных, полученных при обследовании территории, новую информацию удалось извлечь из старых археологических материалов, ранее интерпретировавшихся без учета существования в этом районе канала.

Так, у села Монастырщина, на пойме, ранее было выявлено поселение, которое по характеру слоя может являться лагерем рабочих людей — «шалашами рабочничьими», как они названы на одном из планов этого времени.

На основе обобщения полевых наблюдений удалось сформулировать некоторые выводы, позволяющие более осмысленно подходить к поиску остатков гидросооружений. Получен предварительный ответ на вопрос: на что следует ориентироваться, ища место шлюза, и где в конкретном случае целесообразно его искать — в русле или на берегу. Это учитывается в ходе продолжающегося поиска места шлюза у села Монастырщина, для музея-заповедника особенно интересного, поскольку в этом селе находится ряд мемориальных объектов и экспозиция, связанная с основной для музея исторической темой. Локализация этого шлюза затруднена еще и тем, что вследствие сезонных затоплений пойма покрыта многолетними слоями отложений, рельеф ее сглажен, старичные русла скрыты. Закономерности эволюции подобных объектов ориентируют, однако, в данном случае не на пойму, а скорее на русло реки. Есть вместе с тем фактор, часто дополнительно усложняющий и без того непростую интерпретацию полевых наблюдений, — это вторичное использование построек: мельницы нередко ставились поверх заброшенных шлюзов, а шлюзы — по мельницам. Уверенно локализовать шлюзы позволят запланированные геоморфологические и археологические исследования наиболее перспективных объектов.

Материал для музейного приложения этих исследований еще аккумулируется. Но общее их направление и возможности прорисовываются все отчетливее.

Представляется возможным воссоздать:

- один из шлюзов в границах музея (допустим, под селом Монастырщина) с точным воспроизведением форм и размеров таких объектов в Петровскую эпоху. При этом созданный новодел может передавать лишь внешний облик объекта (т. е. являться фактически крупногабаритным муляжом), но может быть и действующим, что представляется предпочтительным;
- петровский домик-дворец. Обнаружено его описание, содержащее размеры и сведения о назначении помещений такого «домика», стоявшего у Иван-озера (опубликовано нами в [Юркин, 2015(б). С. 481]). Работу облегчает наличие сохранившихся аналогов. Здание может быть размещено на новой, более удобной для музея, площадке (аналогично тому, как поступили при выборе места для воссоздания дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском).

Два этих предложения высказывались автором неоднократно (в наиболее развернутом на сегодняшний день виде они изложены в [Юркин, 2015а. С. 178—183]. Добавим к ним еще одно, прозвучавшее в том числе

на ученом совете ГМЗ 20 апреля 2015 г.: привязав к другим воссоздаваемым объектам, фрагментарно воссоздать один из элементов инфраструктуры Петровской эпохи — участок описанной К. Де Бруином «царской» дороги Москва—Воронеж 1701 г., одной из первых созданных в России дорог европейского образца (с верстовыми столбами, обсадкой деревьями и т. д.) [Де Бруин, 1989. С. 110; Юркин, 2012. С. 110—118].

Перечисленным список того, что может быть воссоздано, не исчерпывается. (Так, документы упоминают существовавшие при некоторых шлюзах постройки, в которых обитали сторожившие имущество сторожа.) Но три названных элемента — шлюз, петровский домик и участок исторической дороги — являются ключевыми для визуальной презентации темы и потому приоритетными для воссоздания.

Как результат, опираясь на результаты научных исследований, музей может получить новый экспозиционный комплекс, связанный с историей инновационного проекта переломного для России времени и персонально с Петром Великим — выдающимся деятелем национальной культуры (который, напомним, бывал в этих местах). Такой комплекс гармонично вписывается в общую концепцию музея-заповедника (которая в настоящее время претерпевает обновление) и вместе с тем, будучи для России совершенно уникальным, усиливает своеобразие данного музея. Отдельные элементы комплекса (шлюз) могут использоваться для насыщения историческим материалом маршрутов водного культурного и спортивного туризма, другие (воссозданный домик-дворец) — в экспозиционных целях. К юбилею русского флота по петровскому маршруту (по воссозданным участкам петровских дорог) можно провести водный и/или пеший поход (пробег, эстафету и т. д.) и параллельно осуществить проводку малых судов по участку трассы канала. Впереди несколько юбилейных дат: на 2017 г. приходится 310-летие первой такой проводки (не подтвержденной пока документально, но упоминаемой в литературе с начала XIX в. [Щекалов, 1804. Стлб. 241, 242, 690]), на 2021 г. — юбилей российского флота (если отсчитывать от спуска на воду первых судов Воронежской флотилии), на 2022 г. — 350-летие со дня рождения Петра Великого, волей которого началось строительство Ивановской водной системы.

Описанная картина взаимодействия академического института и музея-заповедника со стороны выглядит подозрительно благополучной. Можно ли выделить в нем иные по их знаку, «болевые» точки, можно ли указать на направления, на которых происходит не тяготение, а, напротив, взаимоотторжение сотрудничающих структур? Как участник работы с самого ее начала с удивлением (не без огорчения) вынужден признать, что ничего, что мешало бы сотрудничеству, за годы работ у участников проекта не выявилось. Основными причинами этого, как представляется, явилось: наличие у них знаний и практического опыта наряду с основной для них сферой их деятельности, также и в той, в которой специализи-

руются их партнеры (автор статьи — сотрудник ИИЕТ, с опытом музейной работы; сотрудник ГМЗ А.Н. Наумов — кандидат исторических наук, активно работающий ученый-археолог); рано выявленная возможность музейного использования научных результатов; устойчивое финансовое и хорошее материально-техническое положение музея, дающее ему возможность «замахиваться» на их (научных результатов) прикладное использование.

Заявив об отсутствии во взаимоотношениях сторон внутреннего конфликта, автор расписывается в том, что его статья в некотором смысле не соответствует проблематике сборника «Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки». Речь в данном случае идет не о том (точнее, не только о том), что музей информационно обеспечивает науку, а еще и о том, что наука обеспечивает информационные нужды музея. Но не в этом ли проявляется важнейшее, сущностное для науки ее предназначение в обществе — создавать новое знание и способствовать его передаче новым поколениям?

Библиография

Де Бруин К. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 17–188.

Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 444 с.

Миловидов А.И. Достопримечательные села Тульской губернии. Вып. 1: Село Иван-озеро и Ивановский канал, начатый Петром Великим. Тула: Тип. Н.И. Соколова, 1892. 64 с.

Щекатов А.М. Словарь географический Российского государства, описывающий Азбучным порядком Географически, Топографически, Идрографически, Физически, Исторически, Политически, Хронологически, Генеалогически и Гералдически все Губернии, города и их уезды... собранный А. Щ. Часть вторая: Г.—К. — М.: Университет. тип., 1804. 874 стлб.

Юркин И.Н. «В селе дворец — одна светлица...» (Петр Великий на строительстве Ивановского канала) // Ораниенбаумские чтения: сборник науч. статей и публикаций. Вып. 1: Эпоха Петра Великого. СПб.: ТЕССА, 2001. С. 53–63.

Юркин И.Н. Петр Великий на Куликовом поле // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Труды юбил. науч. конференции «Дмитрий Донской — государственный деятель, полководец, святой» (Тула — Куликово поле, 12–14 октября 2000 г.). Тула: Тул. полиграфист, 2001. С. 99–110.

Юркин И.Н. Петр Железный (Петр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы) / Институт Петра Великого. СПб.: Европейский дом, 2012. 352 с.

Юркин И.Н. Анализ и интерпретация комплекса делопроизводственной документации начала XVIII в., связанной с созданием объекта воднотранспортной сети (источниковедческие проблемы в их музееведческом приложении) // Архив истории науки и техники. Вып. 5 (14). М.: Янус-К, 2015. С. 150–192.

Юркин И.Н. Документы по истории строительства Ивановского канала (август 1701 – октябрь 1702 г.) // Архив истории науки и техники. Вып. 5 (14). М.: Янус-К, 2015. С. 478–492.

УДК 069.68

Е.Ф. Синельникова, E.F. Sinelnikova

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУЗЕЯ И НАУКИ: МУЗЕЙ «НАРВСКАЯ ЗАСТАВА» И РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Forms of Interaction between Museum and Science: Museum «Narva Barrier» and Russian Academy of Sciences

Аннотация: статья посвящена проблеме взаимоотношений музейного и научного сообществ, рассматриваемой на примере сотрудничества малого Музея «Нарвская застава», расположенного в Кировском районе Санкт-Петербурга, и учреждений Российской академии наук. Особое внимание в статье уделено формам этого взаимодействия, роли музея в информационном обеспечении исторической науки. Музей «Нарвская застава» — это площадка для репрезентации актуальной научной информации как в своей экспозиции, так и в рамках конференций, хранилище уникальных исторических источников по востребованной историками тематике.

Abstract: The article is dedicated to a problem of relations between museum and scientific communities, as seen by the example of collaboration between small museum “Narva Barrier”, which is located in Kirov district of Saint-Petersburg, and institutions of Russian Academy of Sciences. The author paid special attention to forms of this interaction and the role of the Museum in information support of historical science. Museum “Narva Barrier” — is a site to present update scientific information both in its own exposition, and at conferences, it is a kind of repository of unique historical sources in topics on demand by historians.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, актуальная научная информация, репрезентация, Российская академия наук (РАН), музей «Нарвская застава», Е.Р. Дашкова, Библиотека РАН, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Институт истории материальной культуры РАН.

Keywords: historical science, museology, museum, relevant scientific information, representation, Russian Academy of Sciences, museum «Narvskaya Zastava», E.R. Dashkova, Library of the Academy of Sciences, St. Petersburg branch of the Institute of history of science and technology of Russian Academy of Science, Institute of history of material culture of Russian Academy of Science, St. Petersburg Institute of history of Russian Academy of Science.

Музеи в последние годы становятся все более популярными, о чем свидетельствует и непреходящий успех «Ночи музеев». Но эта акция про-

ходит один раз в году. В остальное время малым музеям, в отличие от крупных, приходится прилагать огромные усилия для привлечения посетителей. Невзирая на размер и подведомственность, от музея требуют эффективности, главнейшими показателями которой являются увеличение числа посещений и зарабатываемых денег, в связи с чем малые музеи вынуждены осваивать новые формы работы со своей аудиторией. Бурное развитие в последнее десятилетие музейной педагогики способствовало тому, что основной категорией посетителей таких музеев стали детские группы, преимущественно ученики младших классов. Появилось множество специализированных детских программ образовательной и развлекательной направленности (праздничные программы «День рождения в музее», «Новый год», «Масленица» и др.), на первый план выходит рекреационная функция. Но все хорошо в меру, и это должно происходить не в ущерб другим функциям научно-исследовательской деятельности. Если в крупных музеях не представляет сложности разграничивать эти функции и уделять каждой из них равное количество внимания, то малым музеям этого достичь непросто, т. к. они ограничены в своих ресурсах, в первую очередь кадровых.

Без научно-исследовательской работы невозможно ни успешное комплектование фондов, ни создание экспозиции, ни полноценная культурно-образовательная деятельность. Но поскольку малые музеи чаще всего находятся в подчинении районных отделов культуры, то сотрудникам приходится объяснять чиновникам, не имеющим представления о специфике музейной деятельности, почему в штатном расписании присутствуют научные сотрудники. Для них, как и для простых посетителей, музей в первую очередь — это экспозиция и те сотрудники, которые на ней работают, т. е. экскурсоводы. Но на самом деле вся деятельность музея основывается, так или иначе, на научно-исследовательской работе.

Конечно, крупные музеи имеют больше возможностей как материальных, так кадровых для осуществления научных исследований по различным направлениям, а малым музеям приходится предпринимать нестандартные шаги для развития своего научного потенциала. Одним из наиболее доступных для малых музеев способов в этом отношении является взаимодействие с научным сообществом города. В Санкт-Петербурге возможно взаимодействие с академическими институтами гуманитарного профиля, а также с Библиотекой Академии наук. По этому пути пошел Музей «Нарвская застава», расположенный в Кировском районе Санкт-Петербурга.

Музей «Нарвская застава» является историко-краеведческим. Он был образован в 1972 г. как общественный, в 1984 г. ему было присвоено звание «народного», а с 1990 г. он стал государственным. Музей расположен сразу в двух мемориальных зданиях. Одно из них построено в 1899 г. для конторы по продаже швейных машин и принадлежало купцу

Л.Э. Гехту; впоследствии в доме помещался склад тряпья, в 1917 г. проходило IX заседание VI съезда РСДРП(б), а с конца 1920-х гг. и вплоть до создания музея здесь были коммунальные квартиры. В 2007 г. для посетителей открылись новые помещения музея в другом мемориальном доме — в бывшей усадьбе просветителя, государственного деятеля Е.Р. Дашковой.

Это поистине уникальное место: дом спроектирован и построен при участии княгини в 1783—1784 гг. Кирьяново — один из двух усадебных домов XVIII в., сохранившихся на ближайшем к городу участке Петергофской дороги — 40-километровой системы приморских императорских резиденций и частных усадеб, дворцов, садов и парков. Дачи славились великолепием архитектуры и роскошью садов. В числе их владельцев и арендаторов были представители высшего столичного общества: государственные деятели, дипломаты, крупные чиновники, полководцы, банкиры и аристократы [Горбатенко, 2013. С. 10]. В усадьбе Кирьяново Е.Р. Дашкова принимала академиков Российской академии, созданной ею для приведения в порядок русского языка и создания первого толкового словаря русского языка; над составлением словаря в Кирьянове работала и сама княгиня. Следует отметить, что Екатерина Романовна Дашкова, владелица усадьбы Кирьяново, является единственной в истории женщиной — главой Академии наук, поэтому одной из задач музея стала научная разработка вопросов ее деятельности на этом высоком посту, а также изучение уникального архитектурного памятника — усадебного дома, а также истории Петергофской дороги в целом.

Сам дух места, личность Е.Р. Дашковой привели музей к сотрудничеству с академическими учреждениями. На современном этапе он в различных формах взаимодействует с рядом научно-исследовательских институтов и Библиотекой Российской академии наук (БАН). Неординарная личность Дашковой и ее деятельность на посту директора Академии наук — тематика, востребованная в среде профессиональных историков, представителей академической науки, поэтому развитие их связей с музеем, популяризирующим имя Дашковой, взаимовыгодно для обеих сторон.

Музей «Нарвская застава» не раз проводил в доме усадьбы Кирьяново конференции. Так, в начале октября 2010 г. здесь прошла научно-практическая конференция «300 лет Петергофской дороге. Страницы истории», на которой с докладом «Первая и единственная княгиня Екатерина Романовна Дашкова — директор Петербургской Академии наук» выступила исследовательница академического наследия Дашковой, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова (СПбФ ИИЕТ РАН), д.и.н. Г.И. Смагина. Книги Галины Ивановны являются украшением библиотеки музея [Смагина, 2006, 2011].

В октябре 2012 г. музей организовал юбилейную научно-практическую конференцию «250 лет Кирьяново», на которой доклад «Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 года» представил старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (СПбИИ РАН), к.и.н. М.М. Сафонов [Сафонов, 2015]. Таким образом, музей, проводя подобные научные мероприятия, выступает как площадка репрезентации актуальной научной информации.

Плодотворно сотрудничество музея с Библиотекой Российской академии наук. В 2013 г. между музеем и БАН был заключен договор о сотрудничестве. В сентябре 2013 г. в БАН с большим успехом прошла выставка, приуроченная к 270-летию Е.Р. Дашковой и 230-летию созданной по ее инициативе Академии Российской. На выставке были представлены книги и журналы из фондов БАН (около 150; среди них — редкие издания конца XVIII в. с пометами Е.Р. Дашковой, публикации о ее жизни и деятельности, материалы по истории Петербургской Академии наук и Российской академии; «Словарь Академии Российской», прижизненные публикации произведений Дашковой, ее мемуары, изданные в XIX в. на английском, французском, немецком и русском языках, и др.), издания и другие материалы Московского Гуманитарного института им. княгини Е.Р. Дашковой и музея «Нарвская застава». Из последних особого упоминания заслуживает медаль «За служение Свободе и Просвещению», учрежденная Московским гуманитарным институтом им. Е.Р. Дашковой в 1999 г.; на аверсе изображена Е.Р. Дашкова, на реверсе — Петербургская Академия наук. В конце ноября 2014 г. в БАН состоялась конференция «Библиотека Академии наук: 300 лет служения науке», на которой директор музея «Нарвская застава» Н.А. Дементьева и научный сотрудник музея А.А. Жиркова выступили с докладом «Сотрудничество БАН и музея “Нарвская застава” в деле отражения академической деятельности княгини Е.Р. Дашковой и ученых ее времени» [Жиркова, Дементьева, 2014].

Музей активно осуществляет книгообмен. Научные сотрудники «Нарвской заставы» ведут научно-исследовательскую работу по тематике музея, результаты которой отражены в статьях [Жиркова, 2013, 2014] и книгах [Сугоняев, 2007; Горбатенко, 2012, 2013, 2014], которые востребованы профессиональным сообществом за пределами самого музея. Книги исследователя Петергофской дороги С.Б. Горбатенко, отличающиеся высоким научным уровнем, приняты библиотекой СПбИИ РАН, а он предоставил в дар музею свои издания [История России: исследования и размышления..., 2006; Яров, 2012; «Доживем ли мы до тишины?»..., 2009; «Я не сдамся до последнего»..., 2010; Россия. Век двадцатый..., 2011; Записки оставшейся в живых..., 2014, и др.].

Взаимодействие с Институтом истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), начавшееся в 2014 г., уже привело к значимым для музея

результатам — передаче археологических коллекций на постоянное экспозиционное и фондовое хранение.

Первая коллекция, насчитывающая более 200 предметов, происходит с раскопок несохранившегося Бонова дома на 2-й линии Васильевского острова (назван по имени его первого владельца — генерала Г.И. фон Бона).

Пустующий на данный момент участок между домами № 43 и № 41 (школой и жилым домом) — важное для российской истории и культуры памятное место, связанное с именем М.В. Ломоносова. Здесь на территории первого Ботанического сада Академии наук находилась основанная им в 1747 г. Химическая лаборатория, где он работал и занимался со студентами [Семенов, Коренцвиг, 2009. С. 130]. В 1732 г. участок вместе с домом был взят в аренду, а в 1739 г. выкуплен Академией наук у следующего владельца — К. фон Бревена, секретаря русского посольства в Швеции, президента Академии наук в 1741—1742 гг. Ломоносов прожил в Боновом доме с 1741 г. вплоть до переезда в 1757 г. в собственный дом на набережной Мойки. По инициативе Е.Р. Дашковой с 1785 г. в Боновом доме читались публичные лекции по химии на русском языке. В 1789 г. Ботанический сад Академии наук был перенесен на берег Фонтанки у Обуховского моста, а участок на Васильевском острове перешел во владение академика, ученого-минеролога Н.Я. Озерецковского. Впоследствии дом принадлежал директору Царскосельского лицея Е.А. Энгельгардту, купцу Ф.Ф. Дедирихсу, Е.А. Шоберт — тете П.И. Чайковского, жившего у нее в период учебы в Училище правоведения (1854—1858) [Семенов, Коренцвит, 2009. С. 139]. В советское время дом оставался жилым; в 1936 г. его северную часть снесли в связи с постройкой здания школы, оставшаяся часть простояла до конца Великой Отечественной войны, а в 1946 г. ее разобрали.

В 1988 г. на оставшемся свободным от школы месте под руководством архитектора В. Коренцвита были произведены раскопки, обнаружившие хорошо сохранившийся фундамент химической лаборатории. В преддверии 275-летия со дня рождения М.В. Ломоносова был разработан проект ее воссоздания, а в 2000 г. ее остатки взяты под охрану государства как памятник археологии. В сентябре — октябре 2006 г. отряд Санкт-Петербургской экспедиции ИИМК РАН произвел раскопки на месте Бонова дома. Полученные в результате двух этих исследований находки, основная масса которых датируется временем существования дома (XVIII — первая половина XX в.), переданы музею «Нарвская застава». Особую ценность имеют находки из ровика около фундамента и строительный мусор, связанный с постройкой Бонова дома: пять бутылок для вина, 13 фрагментов курительных трубок из белой глины, ружейные кремни (все они датируются 1720—1730 гг.), кирпич с 37 разными клеймами, множество печных («голландских») изразцов (с росписью кобальтовой темно-синей

краской по белому полю, белоглазурованные гладкие и рельефные, терракотовые рельефные, зеленоглазурованные), фрагменты посуды (в том числе из фарфора и фаянса), изделия из стекла (чернильница, толстые бруски неизвестного назначения, пузырьки, флакончики, донца, горлышки и фрагменты стенок бутылок и посуды), несколько монет, медная оконная ручка, ложка, массивные кованые 4-гранные железные костыли и гвозди и др. Наиболее ценные находки в 2016 г. займут место в экспозиции музея «Нарвская застава» — в зале, посвященном академической деятельности Е.Р. Дашковой, в доме усадьбы Кирьяново. Дашкова инициировала изучение его творческого наследия и вклада в российскую науку и культуру, положила начало сохранению памяти о нем. Музей «Нарвская застава», создавая новую экспозицию, продолжает эту традицию.

Кроме того, эта археологическая коллекция, бесспорно, представляет ценность для исторической науки, ведь благодаря этим уникальным материалам появляется возможность исследовать жизнь и деятельность М.В. Ломоносова с нетрадиционной, бытовой, повседневной стороны и, таким образом, «прочитать» малоизвестную страницу истории Академии наук. Размещение коллекции в музее делает ее более доступной для историков.

Вторая археологическая коллекция насчитывает 65 предметов и происходит из раскопок Нижней дачи Николая II в парке Александрия в Петергофе. На даче, построенной архитектором А.И. Томишко в 1880—1890-х гг., каждое лето отдыхала императорская семья; здесь родился цесаревич Алексей, принимались важные государственные решения. Ее история в советский период — это история гибели памятника. В 1918—1920 гг. дача находилась в ведении Народного комиссариата государственных имуществ, в 1920—1932 гг. — Наркомпроса, в 1932—1940 гг. — Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. До 1936 г. она была «дворцом-музеем», позже в части помещений расположился дом отдыха. Во время Великой Отечественной войны Петергоф был занят фашистскими войсками; к концу войны зданию были нанесены тяжелейшие повреждения. В 1961 г. руины Нижней дачи и две полуразрушенные служебные постройки взорвали под предлогом обеспечения безопасности посетителей парка. После этого от дворца сохранились лишь фундаменты, часть цокольного этажа и арка перехода, соединявшего старый и новый корпус. Гребной канал был засыпан песком, шлюпочная гавань превратилась в болото. Кухня, служебный корпус и ледник были уничтожены [Семенов, 2014. С. 16—20].

В ходе археологических исследований на территории Нижней дачи, проведенных Отделом охранной археологии ИИМК РАН в декабре 2012 — феврале 2013 г., уточнены и определены местоположения кухни и служебного корпуса, ледника, зафиксирована мощность культурного

слоя, особенности каменных фундаментных конструкций самой дачи, Швейцарского домика и других построек [Семенов, 2014. С. 2]. В наш музей были переданы следующие находки: глазурованные плитки облицовки из белой глины, 3 литые накладки в виде львиных голов, кирпичи с клеймами, чашка фарфоровая с китайским полихромным рисунком (фигуры мужчины и женщины), бусина голубого стекла, несколько монет, чернильница 1920-х гг., 9 шаров для игры в крокет, фаянсовая тарелка с вензелем Александра II, фаянсовая кружка с геометрическим шахматным орнаментом, ложка с выпуклым растительным орнаментом с двумя сфинксами, гильзы времен Великой Отечественной войны и др. Основная масса археологического материала датируется последней четвертью XIX — первой четвертью XX в. [Семенов, 2014. С.47]. Эта коллекция важна для иллюстрации одного из важных разделов экспозиции музея, являющегося историко-краеведческим, — история Петергофской дороги. Помимо того, эти материалы дают возможность изучения и репрезентации бытовой, повседневной составляющей жизни царской семьи в начале XX в., а также первых советских десятилетий существования Собственной дачи, являясь уникальными вещественными историческими источниками.

Благодаря сотрудничеству с ИИМК РАН фонды музея «Нарвская застава» пополнились двумя уникальными археологическими коллекциями, которые существенно обогатили соответствующие тематические разделы экспозиции.

Успешное взаимодействие музея «Нарвская застава» с учреждениями Российской академии наук способствует укреплению связей музея и науки. Получение книг, в которых зафиксированы результаты исследований историков, позволяет проводить своевременную корректировку разделов экспозиции в содержательном отношении, а поступления археологических находок — дополнять экспозиционное пространство подлинными свидетельствами прошлого. Для исторической науки музей «Нарвская застава» — это площадка для репрезентации актуальной научной информации (как в экспозиции, так и в рамках конференций), хранилище уникальных исторических источников по востребованной в профессиональном сообществе тематике.

Библиография

«Доживем ли мы до тишины?»: Записки из блокадного Ленинграда / Сост. В.М. Ковальчук (отв. ред.), А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. СПб.: Нестор-История, 2009. 243 с.

Горбатенко С. Дача княгини Е.Р. Дашковой Кирьяново / СПбГБУ «Музей “Нарвская застава”». СПб.: Историческая иллюстрация, 2012. 96 с.

Горбатенко С.Б. Архитектура Ораниенбаума. Западная дистанция Петергофской дороги / СПбГБУ «Музей “Нарвская застава”». СПб.: Историческая иллюстрация, 2014. 432 с.

Горбатенко С.Б. Петергофская дорога / СПбГБУ «Музей “Нарвская застава”». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Историческая иллюстрация, 2013. 528 с.

Жиркова А.А. История усадьбы Кирьяново и образ княгини Е.Р. Дашковой в историко-краеведческом музее «Нарвская застава» // Е.Р. Дашкова в кругу современников. Исторические личности и эпоха. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2013. С. 304–318.

Жиркова А.А. Российская Академия в доме председателя // Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая: Культурное наследие и современность. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2014. С. 75–87.

Жиркова А.А., Дементьева Н.А. Сотрудничество БАН и музея «Нарвская застава» в деле музейного отражения академической деятельности Е.Р. Дашковой и ученых ее времени // Библиотека Академии наук: 300 лет служения науке. Юбилейная научная конференция, посвященная 300-летию Библиотеки Российской Академии наук. 27–28 ноября 2014 г. Тезисы докладов. СПб.: Изд-во БАН, 2014. С. 34.

Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. 512 с.

История России: исследования и размышления: Сборник статей к 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Валентина Михайловича Ковальчука. СПб.: Европейский Дом, 2006. 454 с.

Россия. Век двадцатый: Сборник статей к 95-летию доктора исторических наук В.М. Ковальчука. СПб.: Нестор-История, 2011. 410 с.

Сафонов М.М. К истории убийства Петра III (Е.Р. Дашкова и Ф.В. Ростопчин). Электронный ресурс: http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-176-3/978-5-88431-176-3_02.pdf (дата обращения: 10.04.2015).

Семенов С.А. Отчет об исследовании дворцового комплекса «Нижняя дача» на территории парка Александрия ГМЗ «Петергоф» в Петродворцовом районе (г. Петродворец). Т. 1. СПб., 2014. 76 с.

Семенов С.А., Коренцвит В.А. Архитектурно-археологические исследования Бонового дома на Васильевском острове // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 3. СПб.: Северо-западный ин-т наследия, 2009. С. 130–161.

Смагина Г.И. Княгиня и ученый: Е.Р. Дашкова и М.В. Ломоносов (к 300-летию рождения М.В. Ломоносовых). СПб.: Росток, 2011. 416 с.

Смагина Г.И. Сподвижница Великой Екатерины: Очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой. СПб.: Росток, 2006. 360 с.

Сугоняев Ю.М. Нарвская застава от истоков до наших дней: краткий очерк истории Кировского района Санкт-Петербурга. Изд. 2-е, доп. СПб.: Лениздат, 2007. 192 с.

«Я не сдамся до последнего ...»: Записки из блокадного Ленинграда / Сост. В.М. Ковальчук (отв. ред.), А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. СПб.: Нестор-История, 2010. 212 с.

Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.: Центрполиграф, 2012.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МУЗЕЕВ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО КУЛЬТУРЕ

Application of Information Potential of Museums in Training of Specialists in Culture

Аннотация: статья посвящена проблеме подготовки специалистов по культуре — культурологов (бакалавров и магистров), которая тесно связана с изучением и преподаванием различных разделов исторической науки. В этом процессе важное значение приобретает взаимодействие между вузом и музеями, по-прежнему остающееся неотъемлемой частью гуманитарного образования.

Abstract: The article is dedicated to the issue of training of specialists in culture — cultural studies (Bachelors and Masters), that is closely related to study and teaching of various sections of historical science. In this process becomes important interaction between higher education establishments and museums, that as before makes an integral part of liberal education.

Ключевые слова: культурология, историческая наука, музееведение, образовательный стандарт, артефакты культуры, культурное наследие, музей, музейная практика, новые информационные технологии.

Keywords: cultural heritage, historical science, museology, education standard, artifacts of culture, cultural, museum, museum practice, new information technologies.

Опора на историческую науку при подготовке специалистов по культуре, а именно культурологов-бакалавров и культурологов-магистров, стимулирует пристальное внимание преподавательского сообщества к деятельности музеев, которые играют серьезную роль в сохранении информации, заключенной в музейных предметах, а также в формировании и репрезентации исторического знания разным категориям его «потребителей», в том числе «потребителям» из системы гуманитарного образования. «Сохранение и оптимальное использование в целях стабилизации развития общества и духовного развития человека историко-культурного наследия становится объектом пристального внимания всего мирового сообщества» [Каулен, 2012. С. 9]. Именно этим объясняется наше стремление включить духовный, интеллектуальный, эстетический потенциал музеев и музейное дело в образовательные стандарты и программы подготовки указанных направлений, что было сделано в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (МГУ) в 2010–2011 гг.

Кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ совместно с

кафедрой теории и истории культуры философского факультета того же университета был разработан новый образовательный стандарт по культурологии, включивший в себя не только специальные музейные программы «Прикладная культурология (музейное и архивное дело)» (бакалавриат) и «Музейные практики» (магистратура), но и музейную практику для бакалавров 3-го года обучения [Ващенко, Карташева, 2011]. В настоящее время можно уже сделать первоначальные выводы и осветить требующие разрешения проблемы.

В программах и лекционных курсах по музееведению заложены такие основы изучения музейного дела, как коллекционирование, изучение, сохранение и использование артефактов культуры разных видов. Студенты имеют возможность изучать источники по формированию музейных коллекций в нашей стране и за рубежом, знакомиться с наиболее известными музеями и их собраниями, а также получать представление о новых подходах к функционированию музеев в условиях развития новых информационных технологий. Большое внимание уделяется роли личности в музейном деле, ее созидательной и творческой деятельности, получившей реализацию в музейной практике.

Роль музеев резко возрастает при нынешней активизации научной и общественной дискуссии по вопросам отечественной и мировой истории и культуры. «Стремление российского общества к выявлению духовно-нравственных доминант, на базе которых можно сформировать духовные ценности подрастающего поколения, продуцирует изучение накопленного в культуре багажа в этом плане, привлекая ранее замалчиваемые или сознательно искаженные пласты культуры» [Моклецова, 2011. С. 222—223]. Откровенное «переписывание» истории в современных условиях потребовало от музеев большей открытости. Становятся доступными самому широкому пользователю материалы, находившиеся ранее в ведении строго ограниченного круга лиц, что прибавляет силы движению к познанию истины и не может не использоваться в педагогической практике.

Главное внимание, на наш взгляд, требуется обратить на то обстоятельство, что современность дает возможность увидеть артефакт на мониторе компьютера, экране телевизора. Начиная со школы учащиеся привыкают к презентациям. С одной стороны, это расширяет возможности визуализации произведения искусства, с другой — это специфическое изображение зачастую дает искаженное представление об артефакте. У человека не формируется полноценного восприятия археологической находки, портрета или традиционного костюма. Аляповатые цвета, искаженные размеры и объемы, которые он видит на экране, не дают ему возможности установить контакт с художественным произведением, сопереживать создавшим их художникам, мастерам прошлого, почувствовать аромат давно ушедших эпох. Для всех видов и форм культуры такое обезличивание оборачивается катастрофой, потому что препятствует вос-

питанию у человека художественного вкуса, сужает его творческий потенциал, создает ложное представление о настоящем искусстве, вызывает разочарование при встрече с подлинниками.

Наши студенты ездят в фольклорные экспедиции, проходят учебную музейную практику, что позволяет им не только расширить свой запас знаний, но и соприкоснуться с живой культурной традицией. Нами были выбраны музеи различной подчиненности — муниципальный, региональный, федеральный, что дает возможность показать различие функционирования этих структур в отечественной и мировой культурах. «Целями проведения производственной музейной практики являются: получение студентами знаний о принципах и функциях, структуре, организации научно-исследовательской, экспозиционной, экскурсионно-просветительской и иной деятельности музейных учреждений; приобретение практических навыков профессиональной деятельности по избранной специальности; расширение знаний артефактов, принципов их учета и документирования описания, составления, хранения коллекций» [Ващенко, Карташева, 2011. С. 2].

На таком обширном музейном материале студенты прорабатывают задачи собственной профориентации, знакомясь с условиями работы музейных работников, их профессиональными навыками и мотивацией деятельности. В рамках музейной практики они развивают способность профессионального общения с людьми, сами приобретают определенные творческие навыки и учатся передавать их другим, расширяют представление о том, как отличать аутентичные свидетельства прошлого, в том числе из области культуры, от стилизаций или подделок.

При поездке в российскую провинцию (г. Каргополь, г. Елец) в составе фольклорной экспедиции под руководством опытных преподавателей и местных музейных работников студенты получают уникальную возможность ближе познакомиться с целостным миром национальной культуры. Культурно-природные ландшафты, культурно-исторические комплексы, непосредственное «погружение» в реальную жизнь народных мастеров, встреча с краеведами — преданными своему делу людьми открывают культуру в ее подлинной реальности и вызывают к ней неподдельный интерес [Культурный ландшафт как объект наследия, 2004]. Перед ними приоткрывается редкая возможность познакомиться со всеми этапами создания предметов народных промыслов, увидеть организацию различных культурных мероприятий, расширить свои профессиональные компетенции и навыки.

В процессе обучения на кафедре сравнительного изучения национальных литератур и культур большое внимание уделено развитию представлений о традиционной культуре, в первую очередь — русской. Это особенно важно на факультете иностранных языков, студенты которого начинают изучать иностранные языки с самого раннего возраста. Фор-

мирование культурной идентичности учащихся в целях более продуктивного овладения навыками и компетенциями порой нуждается в существенной коррекции, поэтому в сетке часов курсам по отечественной истории и культуре уделяется первоочередное внимание. Концептуальный курс «Русский мир в контексте мировых цивилизаций», разработанный на кафедре профессором В.И. Фатющенко и активно дополняемый его учениками с учетом требований времени, предполагает немалую практическую работу, в том числе и в стенах музеев [Фатющенко, 2000; Карташева, 2012].

В планах подготовки культурологов большое внимание также уделено традиционной культуре, лежащей в основе всей культуры, чему в большой степени способствует музейная практика, ознакомительные поездки по музеям России и других стран (например, студенты побывали на Кипре, где традиционная культура явлена открыто в ее живом виде). Предоставление возможности самостоятельно научиться отличать подлинную традицию от эстрадной стилизации и гламура означает повышение качества подготовки будущих специалистов по культуре. Стажировки студентов в университетах Западной Европы непременно включают их самостоятельное ознакомление с музеями страны пребывания, отчеты о которых значительно расширяют кругозор их самих и коллег. Живое человеческое слово, убежденность в правильном понимании увиденного производят на слушателей самое благоприятное впечатление.

Таким образом, подготовка культурологов не может полноценно состояться без привлечения музейных собраний, к которым студенты обращаются нами на протяжении практически всего периода обучения, но особенно активно на 2–3-м курсах, в форме музейной практики, экскурсий, волонтерства.

При подписании договоров о сотрудничестве с музеями мы столкнулись с недопониманием важности взаимодействия музеев с образовательными учреждениями, готовящими специалистов по культуре, со стороны Министерства образования и науки РФ и Министерства культуры РФ. Вероятно, это связано с тем, что в перечень образовательных направлений «Культурология» попала сравнительно недавно, вследствие чего со студентами-культурологами многие музеи практически работать не могут в силу бюрократических проволочек. Такая значимая, большая, полезная во всех смыслах работа, в первую очередь с точки зрения получения качественного образования в стране и решения задач профориентации молодежи, практически никак не поощряется и даже не учитывается, остается по-прежнему делом отдельных энтузиастов.

Мы надеемся, что Государственный исторический музей и другие музеи исторического профиля не останутся в стороне и сотрудничество в данной сфере будет плодотворно развиваться.

Библиография

Ващенко А.В., Карташева Н.В. Рабочая программа дисциплины (модуля) «Музейная практика» (3 курс, 6 семестр). Направление подготовки 033000 «Культурология» (профиль подготовки: «Сравнительно-историческая культурология»). М.: МГУ, 2011. 8 с.

Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.

Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Ин-т наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.

Карташева Н.В. Русский мир в контексте мировых цивилизаций. Учебно-методический комплекс дисциплины. М.: МГУ, 2012. 64 с.

Моклецова И.В. К вопросу о возрождении духовной педагогической традиции: Н.В. Гоголь и А.Н. Муравьев // Моклецова И.В. Духовные традиции русской культуры и литературы: сборник статей и докладов разных лет. М.: МГУ, 2011. С. 222–237.

Фатющенко В.И. Программа курса «Русский мир в контексте мировых цивилизаций» // Вестник Московского гос. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 3. С. 104–120.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Адилбекова Тогжан Тимиргалиевна**, научный сотрудник Национального музея Республики Казахстан
Астана (Казахстан), Т уелсіздік, 54; adilbekova_63@mail.ru
- Бак Дмитрий Петрович**, кандидат филологических наук, директор Государственного литературного музея, заведующий кафедрой истории русской литературы новейшего времени историко-филологического факультета Института филологии и истории РГГУ. Член Союза писателей. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
Москва, Трубниковский пер., 17; litmuz@bk.ru
- Бережная Мария Александровна**, заведующая сектором интернет-обеспечения Государственного исторического музея
Москва, Красная площадь, 1/2; mrs.johnbender@gmail.com
- Бородкин Леонид Иосифович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики, заместитель декана исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4; borodkin@hist.msu.ru
- Быстрицкий Николай Игоревич**, научный сотрудник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4; nb@rusistin.ru
- Вернер Виктор** (Wiktor Werner), экстраординарный профессор исторического факультета Университета им. А. Мицкевича
Познань (Польша), Umultowska street, 89d. 61-614; werner@amu.edu.pl
- Воронцова Евгения Александровна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (уч. звание), заведующая сектором издательских проектов редакционно-издательского отдела Государственного литературного музея
Москва, Трубниковский пер., 17; eworonzowa@mail.ru
- Гайдуков Петр Григорьевич**, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии РАН
Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; ia.ras@mail.ru
- Гук Дарья Юрьевна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, член Президиума АДТИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»)
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; hookk@hermitage.ru
- Демидов Максим Юрьевич**, магистрант кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4; demidov-maxsim@mail.ru
- Дрыга Данила Олегович**, младший научный сотрудник Московского государственного университета геодезии и картографии
Москва, Гороховский пер., 4; hopkuh@mail.ru
- Дудкин Станислав Михайлович**, ведущий сотрудник отдела PR (хранитель Технического музея) НИИ измерительных систем им. Ю.Е. Седакова
Нижний Новгород, ГСП-486; niis@niis.nnov.ru

- Ермацанс Ирина Анатольевна**, кандидат философских наук, младший научный сотрудник Палеонтологического музея Амурского научного центра Дальневосточного отделения РАН
Благовещенск, пер. Речочный, 1; irina@amugnc.ru
- Ершов Иван Николаевич**, научный сотрудник Института археологии РАН
Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; ia.gas@mail.ru
- Ершова Галина Гавриловна**, доктор исторических наук, профессор, директор Учебно-научного мезоамериканского центра им. Ю. В. Кнорозова РГГУ. Директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика), член правления Центра американистских исследований («Circolo Amerindiano», г. Перуджа, Италия)
Москва, Миусская площадь, д. 6; rsuh@rsuh.ru
- Жеребятъев Денис Игоревич**, кандидат исторических наук, ассистент кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4; dzher@inbox.ru
- Ижевский Павел Владимирович**, кандидат медицинских наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории разработки новых методов лучевой терапии Государственного научного центра Российской Федерации – Федерального медицинского биофизического центра им. А.И. Бурназяна
Москва, ул. Живописная, 46; izhevsky09@gmail.com
- Именнова Любовь Сергеевна**, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Российской международной академии туризма
Московская обл., Химки, мкр-н Сходня, ул. Октябрьская, 10; imennova@yandex.ru
- Каленов Николай Евгеньевич**, доктор технических наук, профессор, директор Библиотеки по естественным наукам РАН, ведущий научный сотрудник Межведомственного суперкомпьютерного центра РАН
Москва, ул. Знаменка, 11/11; nek@benran.ru
- Кардапольцева Валентина Николаевна**, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой художественного проектирования и теории творчества Уральского государственного горного университета
Екатеринбург, ул. Толмачева, 41; kardapol@mail.ru
- Каюмова Мадина Расуловна**, аспирант кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета
Петрозаводск, проспект Ленина, 33; madina.kayumova@gmail.com
- Комлев Юрий Эдуардович**, доктор культурологии, доцент, директор Оренбургского областного музея изобразительных искусств
Оренбург, пер. Каширина, 29; kult56@yandex.ru
- Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских и кандидат филологических наук, академик РАЕН, профессор кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания. Вице-президент Научно-образовательного культурологического общества России, председатель Научной коллегии НОКО. Заместитель председателя Научного совета РАН «История мировой культуры». Почетный работник общего образования Российской Федерации
Москва, Миусская площадь, 6; spbrco@mail.ru

- Королёва Светлана Владимировна**, ведущий инженер НИИ физико-химической биологии имени А.Н. Белозерского МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Ленинские горы, 1, стр. 40; s.koroleva@gmail.com
- Кряжевских Марина Юрьевна**, кандидат культурологии, доцент, старший научный сотрудник Объединенного музея писателей Урала
Екатеринбург, ул. Куйбышева, 30; omru@yandex.ru
- Кузыбаева Мария Павловна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории музееведения НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко
Москва, Воронцово Поле, 12, стр. 1; kuzibaeva@inbox.ru
- Кулакова Ирина Павловна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX в., куратор магистерской программы «Историко-культурное наследие: информационное обеспечение и менеджмент» исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4; feodal.msu @ gmail.com
- Куприянов Павел Сергеевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела русского народа Института этнологии и антропологии РАН
Москва, Ленинский проспект, 32а; kuprianov-ps@yandex.ru
- Лермонтова Елена Николаевна**, специалист по экскурсионно-выставочной работе Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, аспирант кафедры музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры
Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3; lermontova@prlib.ru
- Маркова Светлана Васильевна**, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки, заведующая музеем истории Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко
Воронеж, ул. Студенческая, 10; markova_88@inbox.ru
- Мастеница Елена Николаевна**, кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2; muzeologka1@spbguki.ru
- Минаков Андрей Сергеевич**, доктор исторических наук, директор Орловского областного краеведческого музея
Орел, ул. Гостиная, 2; okmuseum@orel.ru
- Мироненко Максим Сергеевич**, аспирант кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4; dzher@inbox.ru
- Моклецова Ирина Васильевна**, доктор филологических наук, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4; imokletsovamsu@yandex.ru
- Моор Вячеслав Витальевич**, архитектор, реставратор
Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4; moor_v@mail.ru
- Морозова Виктория Игоревна**, магистрант Московского государственного университета геодезии и картографии
Москва, Гороховский пер., 4; hopkuh@mail.ru

- Назаров Леонид Семенович**, старший научный сотрудник Политехнического музея
Москва, Новая площадь, 3/4; nazarovle@yandex.ru
- Немчинов Виктор Михайлович**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, директор Музея исторического сознания
Москва, ул. Рождественка, 12; viators@mail.ru
- Ненашева Светлана Николаевна**, кандидат геолого-минералогических наук, заместитель директора Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН
Москва, Ленинский проспект, 18, корп. 2; nenashevasn@mail.ru
- Никонова Антонина Александровна**, кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой музейного дела и охраны памятников Института философии Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9; spbu@spbu.ru
- Ноль Лев Яковлевич**, кандидат технических наук, заместитель заведующего отделом информационно-технического обеспечения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, профессор кафедры музеологии Факультета истории искусства РГГУ. Почетный член Президиума АДИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»)
Москва, ул. Волхонка, 12; lev01@artsmuseum.ru
- Определёнов Владимир Викторович**, заместитель директора по информационным технологиям Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, член Президиума АДИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»)
Москва, Малый Знаменский пер., 8, стр. 1; opredelenov.vladimir@gmail.com
- Остапенко Максим Юрьевич**, выпускник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4; dzher@inbox.ru
- Панова Татьяна Дмитриевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль»
Москва, Кремль; panova@kremlin.museum.ru
- Пашковский Даниил Вячеславович**, магистрант Московского государственного университета геодезии и картографии
Москва, Гороховский пер., 4; hopkuh@mail.ru
- Петров Федор Александрович**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела письменных источников Государственного исторического музея
Москва, Красная площадь, 1; shm@shm.ru
- Попова Светлана Михайловна**, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН
Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1; sv-2002-1@yandex.ru
- Рашковский Евгений Борисович**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино и Института мировой экономики и международных отношений РАН. Почетный член правления Российского Библейского общества
Москва, ул. Николаямская, 1; eugenio@libfl.ru

- Решетников Николай Иванович**, кандидат исторических наук, профессор кафедры музееведения Московского государственного института культуры
Московская обл., Химки, ул. Библиотечная, 7; nir-ta39@mail.ru
- Рубинина Зоя Максимовна**, научный сотрудник фондово-экспозиционного отдела Государственного исторического музея «Музей В.И. Ленина»
Москва, Красная площадь, 1/2; zoya-rubinina@yandex.ru
- Румянцева Марина Федоровна**, кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики»
Москва, ул. Мясницкая, 20; m_roumiantseva@hse.ru
- Рыбак Кирилл Евгеньевич**, доктор культурологии, профессор Академии переподготовки и повышения квалификации работников искусства, культуры и туризма
Москва, ул. Магистральная, 5; st1482@mail.ru
- Сальникова Ирина Владимировна**, кандидат исторических наук, заведующая отделом музееведения Института археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, проспект Акад. Лаврентьева, 17; salnikovair@rambler.ru
- Сапанжа Ольга Сергеевна**, доктор культурологии, профессор кафедры художественного образования и декоративного искусства Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; директор частного музея «XX лет после Войны. Музей повседневной культуры Ленинграда 1945–1965 гг.»
Санкт-Петербург, 4-я линия Васильевского острова, 19-11; sapanzha@mail.ru
- Сизова Ирина Алексеевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии, культурного и природного наследия Института искусств и культуры Научно-исследовательского Томского государственного университета
Томск, проспект Ленина, 36; rector@tsu.ru
- Синельникова Елена Федоровна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея «Нарвская застава», научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
Санкт-Петербург, ул. Ив. Черных, 23; sinelnikova-elena@yandex.ru
- Сиротина Ольга Александровна**, кандидат исторических наук, заведующая отделом письменных источников Государственного исторического музея
Москва, Красная площадь, 1; ori@shm.ru
- Скрипкина Любовь Ивановна**, заведующая научно-методическим отделом Государственного исторического музея, ответственный секретарь Научного совета исторических и краеведческих музеев Российской Федерации
Москва, Красная площадь, 1; metod-shm@yandex.ru
- Смирнова Людмила Ивановна**, научный сотрудник 1-й категории отдела письменных источников Государственного исторического музея
Москва, Красная площадь, 1; ori@shm.ru
- Соболевская Ирина Николаевна**, кандидат физико-математических наук, научный сотрудник Межведомственного суперкомпьютерного центра РАН
Москва, Ленинский проспект, 32а; nikfirst@jscc.ru
- Сотников Александр Николаевич**, доктор физико-математических наук, профессор, заместитель директора Межведомственного суперкомпьютерного центра РАН
Москва, Ленинский проспект, 32а; asotnikov@jscc.ru

- Сукина Людмила Борисовна**, доктор исторических наук, заведующая кафедрой гуманитарных наук Института программных систем «УГП им. А.К. Айламазяна», Ярославская обл., г. Переславль-Залесский, ул. Советская, 2; lbsukina@gmail.com
- Сундиева Аннэта Альфредовна**, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой музеологии Факультета истории искусства РГГУ Москва, Миусская площадь, 6; asundieva@yandex.ru
- Тарумова Наталья Тимофеевна**, ведущий специалист Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М.В. Ломоносова Москва, Ленинские горы, 1, стр. 4; nivc@srcc.msu.ru
- Тихонова Анастасия Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент, заведующая музеем истории Смоленского государственного университета Смоленск, ул. Пржевальского, 4; a.v.tikhonova@gmail.com
- Томилов Николай Аркадьевич**, доктор исторических наук, профессор, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, председатель Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев России Омск, проспект Маркса, 15/1; n.a.tomilov@gmail.com
- Уханова Елена Владимировна**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела рукописей Государственного исторического музея Москва, Красная площадь, 1; evou@nm.ru
- Федотов Юрий Андреевич**, инженер лаборатории разработки новых методов лучевой терапии Государственного научного центра Российской Федерации — Федерального медицинского биофизического центра им. А.И. Бурназяна Москва, ул. Живописная, 46; ufedotov456@gmail.com
- Черкаева Ольга Евгеньевна**, кандидат культурологии, доцент кафедры музеологии Факультета истории искусства РГГУ Москва, Миусская площадь, 6; rsuh@rsuh.ru
- Чувилова Ирина Валентиновна**, кандидат исторических наук, член исследовательской группы «Российская музейная энциклопедия» (Москва), начальник отдела организационно-методической деятельности в сфере культуры Информационно-аналитического центра культуры и туризма (Рязанская область), член Научного совета по музеям СО РАН Москва, ул. Васильевская, 13, стр. 1; ivl12@yandex.ru
- Шалыгина Наталия Валентиновна**, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник сектора этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН Москва, Ленинский проспект, 32а; info@iea.ras.ru, etgender@mail.ru
- Шейно Игорь Николаевич**, кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией разработки новых методов лучевой терапии Государственного научного центра Российской Федерации — Федерального медицинского биофизического центра им. А.И. Бурназяна Москва, ул. Живописная, 46; igor.sheino@rambler.ru
- Шелегина Ольга Николаевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, заместитель председателя Научного со-

вета по музеям СО РАН, секретарь Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ ЮНЕСКО

Новосибирск, ул. Николаева, 8; lamin@history.nsc.ru

Юмашева Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела

Москва, ул. Профсоюзная, 82; Yumasheva@vniidad.ru

Юркин Игорь Николаевич, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Москва, Старопанский пер., 1/5; ig-yurkin@yandex.ru

Якимович Александр Клавдианович, академик Российской академии художеств (РАХ), доктор искусствоведения, главный научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ

Москва, ул. Пречистенка, 21; nii-arts@yandex.ru

Яловицына Светлана Эркиевна, кандидат исторических наук, директор музея истории Петрозаводского государственного университета

Петрозаводск, проспект Ленина, 33; jalov@yandex.ru

Яник Андрей Александрович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1; cpi_2002_1@yahoo.co.uk

Научное издание

**РОЛЬ МУЗЕЕВ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
СБОРНИК СТАТЕЙ**

**ROLE OF MUSEUMS
IN INFORMATION SUPPORT
OF HISTORICAL SCIENCE
A COLLECTION OF ARTICLES**

Автор-составитель *Е. А. Воронцова*
Редактор английского текста *М. М. Гурвиц*
Корректор *О. В. Круподер*

Подписано в печать 30.11.2015 г.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Печ. л. 47,0.

ООО «Издательство «Этерна»
115477, Москва, Кантемировская ул., 59а
Тел./факс (485) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30